

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

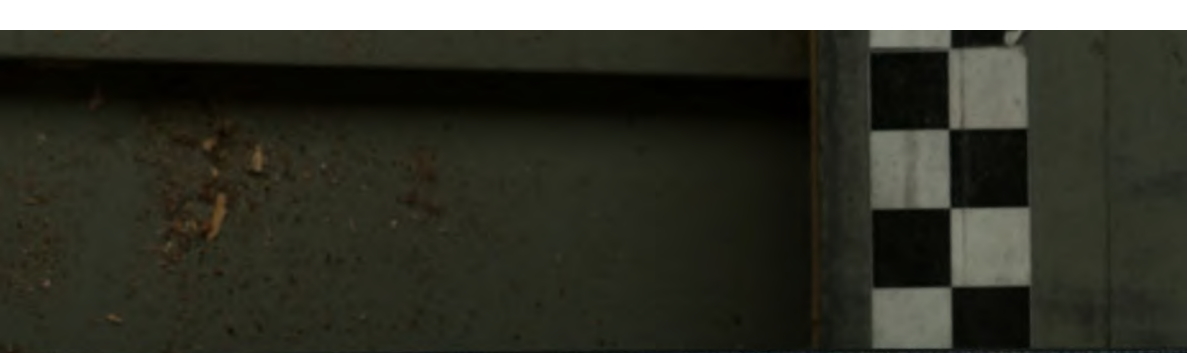
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЪ.

1883.

229
1883

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія,

О седьмомъ присужденіи премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Современное направленіе языковеденія . . . . . О. Ватюшкова.

О современномъ состояніи письменныхъ памятниковъ въ Черногоріи: . . . . . П. Ровинскаго.

Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго . . . . . Д. Цветаева.

Критика и библиографія:

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій русскаго языка. *И. Бодуэна де-Куртене*. . . . . А. Соболевскаго.

Alfred Biese, Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen. Kiel. 1882. . . . . Ал. Веселовскаго.

Добіашъ (Антонъ). Синтаксисъ Аполлонія Дискола. Кіевъ. 1882 . . . . . К. Любвицкаго.

По поводу рецензіи на изданіе Писцовой книги Гродненской экономіи.

Очерки западно-европейской историографіи . . . . . П. Виноградова.

Преподаваніе классической филологіи въ германскихъ университетахъ . . . . . И. Помяловскаго.

Православное Палестинское Общество въ 1882 и 1883 годахъ.

Современное состояніе народнаго образованія у Волгарь. . . . . П. Сырку.

Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.

О дѣятельности постоянной коммисіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ 1-го января 1880 г. по 1-е іюля 1883 года.

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ (некрологъ). П. Совеко.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

PSlav 318.10

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (28-го мая 1883 г.) О положеніи и штатѣ Ташкентской женской гимназій.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ положенія о Ташкентской женской гимназій и штата оной, мнѣніемъ положилъ:

1. Проекты: а) положенія о Ташкентской женской гимназій и б) штата оной поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе.

2. Права, указанныя въ статьяхъ 10—12 положенія о Ташкентской женской гимназій, за исключеніемъ права на полученіе прогонновъ и путевыхъ пособій при опредѣленіи въ должность, распространять на лицъ, нынѣ состоящихъ на службѣ въ сей гимназій.

3. Означенное въ статьѣ 4 положенія условіе, которому долженъ удовлетворять директоръ Ташкентской женской гимназій, не распространять на лицо, занимающее эту должность въ настоящее время.

4. Предоставить министру народнаго просвѣщенія распространять дѣйствіе положенія о Ташкентской женской гимназій на другія женскія гимназій и прогимназій Туркестанскаго края, а равно на женскую гимназій, существующую въ городѣ Вѣрпомъ, Семирѣченской области.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 28-й день мая 1883 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Того же числа удостоены Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія положеніе о Ташкентской женской гимназій и штатъ оной.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Въ Москвѣ. 28-го мая 1883 года.

ПОЛОЖЕНІЕ О ТАШКЕНТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

1. На Ташкентскую женскую гимназію распространяется Высочайше утвержденное 24-го мая 1870 г. положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія (полн. собр. зак. т. XI.V, № 48406), съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ особыхъ правилъ:

2. Гимназія содержится на счетъ: а) суммъ, назначаемыхъ для сего въ распоряженіе Туркестанскаго генералъ-губернатора; б) суммъ, собираемыхъ за ученіе, и в) пожертвованій, дѣлаемыхъ въ пользу ея обществами и частными лицами.

3. Суммы, собираемыя за ученіе въ гимназій, составляютъ спеціальныя ея средства и могутъ быть расходуемы на нужды оной съ разрѣшенія генералъ-губернатора Туркестанскаго края.

4. Управление гимназіею вѣряется директору, назначаемому изъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе должности директора въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

5. Ближайшею помощницею директора состоитъ главная надзирательница. На обязанности ея лежитъ попеченіе, при содѣйствіи классныхъ надзирательницъ, объ охраненіи здоровья дѣвицъ и о соблюденіи ими правилъ нравственности и благоприличія. Главная и классныя надзирательницы избираются изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней наставницы, а за недостаткомъ таковыхъ—изъ имѣющихъ званіе домашней учительницы.

6. Къ преподаванію во всѣхъ классахъ гимназій допускаются лица, имѣющія право преподавать въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, домашніе наставники и наставницы, а также домашніе учительницы, но послѣднія въ томъ только случаѣ, если окажутся достаточно подготовленными къ преподаванію изби-

раемаго ими предмета. Преподаваніе въ ниспихъ четырехъ классахъ гимназій поручается преимущественно домашнимъ наставницамъ и учительницамъ, при недостаткѣ же тѣхъ и другихъ можетъ быть возлагаемо: иностранныхъ языковъ—на домашнихъ учителей, а прочихъ предметовъ—на лицъ, имѣющихъ званіе учителей городскихъ училищъ.

7. Директоръ и главная надзирательница гимназій избираются главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края, а всѣ прочія служація въ гимназій лица—директоромъ.

8. Исчисленныя въ статьѣ 7 лица опредѣляются въ должности: директоръ и главная надзирательница—министромъ народнаго просвѣщенія; законоучитель, преподаватели, преподавательницы, классныя надзирательницы и врачъ—Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, по представленію главнаго инспектора училищъ края, при чемъ, относительно законоучителя, генералъ-губернаторъ входитъ предварительно въ сношеніе съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Письмоводитель опредѣляется въ должность директоромъ гимназій.

9. Важнѣйшія дѣла по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ гимназій обсуждаются въ педагогическомъ совѣтѣ оной, состоящемъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ главной надзирательницы и всѣхъ преподавателей и преподавательницъ училища. По дѣламъ, касающимся частей воспитательной и гигиенической, въ засѣданія совѣта приглашаются, съ правомъ голоса, классныя надзирательницы и врачъ гимназій.

10. Директору гимназій присваиваются служебныя права и преимущества, принадлежація директорамъ мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Туркестанскомъ краѣ. Преподаватели всѣхъ классовъ гимназій, не исключая приготовительнаго, педагогическаго и параллельныхъ, сравниваются: имѣющіе право на преподаваніе въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ означеннаго вѣдомства (если не состоятъ въ нихъ на дѣйствительной службѣ), а равно домашніе наставники—съ учителями мужскихъ гимназій и прогимназій въ упомянутомъ краѣ, а имѣющіе званіе учителей городскихъ училищъ (если не служатъ въ сихъ послѣднихъ) и домашніе учителя—съ учителями мѣстныхъ городскихъ училищъ.

11. На домашнихъ наставницъ и учительницъ, занимающихъ преподавательскія во всѣхъ классахъ (не исключая приготовительнаго, педагогическаго и параллельныхъ) и воспитательскія должности, распространяются всѣ преимущества и особныя льготы, исчисленныя

въ статьѣ 107 приложения къ статьѣ 225 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III кн. I, по прод. 1879 г.) и въ дополненіи къ статьѣ 18 приложения при статьѣ 261 устава о пенсіяхъ (свод. зак. т. III кн. II, по прод. 1879 г.), съ тѣмъ, однако, что слѣдующіе наставникамъ и воспитательницамъ прогоны выдаются на двѣ лошади. Письмоводитель гимназій, а равно учителя пѣнія, музыки, танцевъ и гимнастики, пользуются льготами, указанными въ пунктахъ 1 и 2 статьи 107 приложения къ статьѣ 225 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства и въ дополненіи къ статьѣ 18 приложения при статьѣ 261 устава о пенсіяхъ.

12. Пенсіи состоящимъ на службѣ въ гимназій лицамъ, за исключеніемъ домашнихъ наставницъ и учительницъ, производятся изъ государственнаго казначейства. Домашнія наставницы и учительницы пользуются пенсіями, на общемъ основаніи, изъ капитала для домашнихъ учителей и учительницъ, состоящаго въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія.

13. Отъ платы за ученіе въ гимназій освобождаются: а) дочери чиновниковъ, служащихъ по учебному вѣдомству въ Туркестанскомъ краѣ или прослужившихъ вообще по сему вѣдомству не менѣе десяти лѣтъ, и б) дѣти недостаточныхъ родителей, если по своему поведенію и прилежанію будутъ признаны педагогическимъ совѣтомъ гимназій достойными этой льготы.

Примѣчаніе. Общее число освобождаемыхъ отъ платы за ученіе не должно превышать двадцати процентовъ всего числа учащихся.

14. Воспитанницы гимназій, окончившія въ ней общій семилѣтній курсъ ученія, получаютъ, не подвергаясь особому испытанію, свидѣтельства на званіе домашнихъ учительницъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ, согласно выданному при выпускѣ аттестату, оказали хорошіе успѣхи. Воспитанницамъ, награжденнымъ медалями, а равно прошедшимъ съ успѣхомъ спеціальную педагогическій курсъ гимназій, присвоивается, также безъ особаго испытанія, званіе домашней наставницы.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Въ Москвѣ. 28-го мая 1883 года.

Ш Т А Т Ъ
ТАШКЕНТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ.

	Число чиновъ.	Содержаніе въ годъ:					Классы и разряды:		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	Всего:	По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсіи.
		Р у б л и.							
Директо, ...	1	1400	600	Квартира въ натуръ	2000	2000	V	V	По учебной службѣ.
Главная надзирательница	1	900	—		900	900			
Законоучитель.	1	900	—	—	900	900			
Учители или учительницы:									
Русскаго языка	2	—	—	—	—	5430			
Математики, естественной исторіи и физики.	2	—	—	—	—				
Исторіи и географіи	1	—	—	—	—				
Французскаго языка	2	—	—	—	—	1740			
Нѣмецкаго языка	2	—	—	—	—	1740			
Чистописанія, рисованія и черченія	1	1000	—	—	1000	1000			
Музыки и пѣнія	2	—	—	—	—	900			
Танцевъ и гимнастики	1	300	—	—	300	300			
Учительница рукодѣлія	1	450	—	—	450	450			
Классныя надзирательницы	7	450	—	—	450	3150			
Врачъ.	1	450	—	—	450	450	VIII	VIII	По медицинской службѣ.
Письмоводитель (онъ же бухгалтеръ)	1	300	300	Квартира въ натуръ.	600	600	X	X	
На канцелярскіе расходы	—	—	—	—	—	150			
На учебныя пособія	—	—	—	—	—	400			
Добавочное жалованье:									
Секретарю совѣта и бібліотекарю	—	—	—	—	—	210			
Лицу, исправляющему письменныя упражненія ученицъ на русскомъ языкѣ.	—	—	—	—	—	100			
На наемъ и содержаніе дома и на прислугу	—	—	—	—	—	1500			
Итого.	—	—	—	—	—	21950			

Примѣчанія: 1-е. Расчетъ жалованья учителямъ и учительницамъ производится по числу преподаваемыхъ ими годовыхъ уроковъ, при слѣдующемъ размѣрѣ платы за оныя: а) за одинъ урокъ чистописанія, рисованія и рукодѣлія—пятьдесятъ рублей; б) за уроки въ низшихъ трехъ классахъ: преподаваемые учительницами—пятьдесятъ рублей, а преподаваемые учителями—шестьдесятъ рублей; в) за уроки въ остальныхъ классахъ—семьдесятъ пять рублей; г) за каждый дополнительный урокъ—шестьдесятъ рублей.

2-е. Въ случаѣ открытія при гимназій приготовительнаго класса, на содержаніе его полагается особо одна тысяча четыреста рублей въ годъ, считая въ томъ числѣ: классной надзирательницѣ—четыреста пятьдесятъ рублей, а также на преподаваніе: Закона Божія—сто пятьдесятъ рублей, русскаго языка и ариметики—по двѣсти пятидесяти рублей, чистописанія—триста рублей.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (20-го іюня 1883 г.) О сохраненіи за женскою гимназіею Св. Нины въ гор. Тифлисѣ названія Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія Св. Нины.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 20-й день іюня 1883 года, Высочайше разрѣшить соизволилъ: сохранить за женскою гимназіею Св. Нины въ гор. Тифлисѣ, преобразованной въ 1882 г. изъ Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, прежнее ея имя „Тифлисское женское учебное заведеніе Св. Нины“, но съ добавленіемъ: съ правами семиклассной женской гимназій по положенію 24-го мая 1870 года.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

14 Іюля 1883 г. (№ 13). Назначается: Директоръ демидовскаго юридическаго лиція, тайный совѣтникъ Капустинъ—попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа.

Утверждаются на три года:

Отставный ротмистръ Шарязо, отставный гвардіи поручикъ Устиновичъ, губернской секретарь Поклевскій-Козелло и Томскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ, Томскій 1-й гильдіи купецъ Михайловъ — почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Николаевского Александровскаго, второй—Кременчугскаго, третій—Красноуфимскаго и послѣдній—Томскаго Алексѣевского.

Командируются за границу съ ученою цѣлію:

Ординарные профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Клименко и коллежскій совѣтникъ Умовъ и лаборантъ сего университета Геричъ — по 1-е октября 1883 г., первый съ 12, а послѣдніе двое съ 10-го сентября 1883 г.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Левицкій—на двадцать одинъ день, съ 4 сентября 1883 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ—на два мѣсяца.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вагнеръ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Данилевскій на одинъ годъ, послѣдній съ 1-го августа 1883 года.

Кандидатъ Императорскаго Новороссійскаго университета Кириевъ—на два года.

Увольняется въ отпускъ внутри Россіи:

Попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Сергѣевскій—на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ:

Попечитель Дрнитскаго учебнаго округа, сенаторъ, тайный совѣтникъ Баронъ Штакельбергъ — отъ должности попечителя, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Почетный попечитель Красноуфимскаго реального училища, надворный совѣтникъ Одинцовъ, отъ сей должности.

10-го августа 1883 г. (№ 14). Утверждаются на три года: коллежскій совѣтникъ Гамперъ—вновь почетнымъ попечителемъ Мариупольской гимназіи.

Надворный совѣтникъ Николай Хвостовъ—почетнымъ попечителемъ Елецкой гимназіи.

Потомственный дворянинъ Русановъ — почетнымъ попечителемъ С.-Петербургской седьмой гимназіи.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Вубнову—на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1883 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: бібліотекаръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Готвальдъ, на мѣсяць и 11 дней.

Привчисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Шрейеръ — на два мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему трехнедѣльнаго заграничнаго отпуска.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (25 мая 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени дворянина Балтазара Николаевича Валицкаго при Одесскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго дворяниномъ Балтазаромъ Николаевичемъ Валицкимъ капитала въ 1000 р., составившаго, по обращеніи въ облигаціи восточнаго займа, сумму одну тысячу пятьдесятъ руб., учреждается при Одесскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность Одесскаго реального училища и хранится, въ числѣ спеціальныхъ средствъ, въ Одесскомъ казначействѣ.

§ 3. Облигаціи, по выходѣ въ тиражъ погашенія, обмѣниваются, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта названнаго училища, на такія же или другія процентныя бумаги, гарантированныя правительствомъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Одесскаго реального училища и утверждается попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

§ 5. Согласно волѣ завѣщателя, въ стипендіаты избирается „круглый сирота“ изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію недостаточныхъ воспитанниковъ христіанскаго исповѣданія.

§ 6. Право на пользованіе стипендіею прекращается: а) по выbitи стипендіата изъ училища и б) по неудовлетворительности его

успѣховъ или поведенія. Если же малоуспѣшность произошла отъ болѣзни или стипендіатъ по той же причинѣ остался въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, то отъ педагогическаго совѣта училища будетъ зависѣть продолжать или прекратить производство стипендіи. Протоколъ совѣта въ обоихъ случаяхъ представляется на утвержденіе попечителя округа.

§ 7. Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ училища до окончанія курса, или потери права на пользованіе стипендіею, избирается въ стипендіаты другой воспитанникъ, удовлетворяющій требованіямъ § 5.

§ 8. Если бы стипендія по какимъ либо причинамъ осталась незанятою, то сбереженія причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 9. Стипендія употребляется на плату за право ученія стипендіата, а остатки, буде таковыя окажутся, выдаются на руки родственникамъ или опекунамъ стипендіата.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (8 іюня 1883 г.). Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Ивановича Яроша при Курской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованнаго дворяниномъ Н. И. Ярошемъ, учреждается при курской мужской гимназій одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Курской гимназій изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію недостаточныхъ учениковъ, изъ дворянъ Льговскаго уѣзда, а при неизмѣннѣи таковыхъ— изъ дворянъ другихъ уѣздовъ Курской губерніи.

§ 4. Получившій стипендію пользуется ею до улучшенія матеріальныхъ средствъ его родителей или же до утраты права на полученіе оной вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ.

§ 5. Удостоверенная надлежащимъ образомъ продолжительная болѣзнь стипендіата или вполнѣ уважительныя неблагопріятныя се-

мейныя обстоятельства не лишаютъ его права на пользованіе стипендією въ случаѣ оставленія его въ томъ же классѣ на другой годъ, но такую льготою стипендіатъ можетъ пользоваться лишь одинъ разъ въ теченіе гимназическаго курса.

§ 6. По лишеніи стипендіата права на стипендію, равно какъ и по выбитіи его изъ заведенія, избирается другой кандидатъ на невъясненныхъ выше условіяхъ.

§ 7. Стипендія выдается родителямъ или опекунамъ стипендіата въ сроки, какіе признаны будутъ удобными, или же употребляется по непосредственному распоряженію начальства гимназіи на плату за право ученія стипендіата и на снабженіе его всѣмъ необходимымъ для ученія въ гимназіи.

§ 8. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендій или по какимъ либо другимъ причинамъ, употребляются на выдачу стипендіатамъ по окончаніи ими курса въ гимназіи и при вступленіи, для дальнѣйшаго образованія, въ высшее учебное заведеніе, единовременныхъ пособій, но не свыше 250 руб.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (9 іюня 1883 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Императора Александра II при Александровскомъ Вятскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 24 день февраля 1880 г., учреждаются при Вятскомъ Александровскомъ училищѣ, на счетъ % съ пожертвованнаго Вятскимъ губернскимъ земствомъ капитала въ тридцать три тысячи руб., одиннадцать стипендій имени въ Возѣ почившаго Императора Александра II.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ реального училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи опредѣляется въ сто пятьдесятъ рублей.

§ 4. Стипендіаты избираются по одному отъ cadaго изъ 11 уѣздовъ Вятской губерніи изъ дѣтей бѣдныхъ родителей и преимущественно изъ сиротъ воиновъ, падшихъ на войнѣ.

§ 5. Стипендіаты назначаются по соглашенію каждаго уѣзднаго земства съ попечительствомъ реальнаго училища.

§ 6. Остающіяся, отъ незамѣченія стипендіи, суммы, поступаютъ въ распоряженіе попечительства училища для употребленія на выдачу вспоможенія бѣднымъ ученикамъ.

§ 7. Если стипендіатъ остается въ одномъ и томъ же классѣ училища на второй годъ, то лишается стипендіи, и только по ходатайству педагогическаго совѣта училища можетъ вновь получить стипендію по особому постановленію попечительства.

§ 8. Стипендіаты, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, лишаются стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (20 іюля 1883 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Молодечненской учительской семинаріи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 14-й день іюля 1883 г., при Молодечненской учительской семинаріи учреждаются три стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи сто пятьдесятъ руб., пожертвованнаго крестьянами восемнадцати волостей Виленскаго уѣзда (Рѣшанской, Ширвинтской, Гельванской, Подберезской, Малайтской, Гедройцкой, Мусиньской, Мейшагольской, Рудоминой, Рукойнской, Неменчинской, Янишской, Мыцкунской, Быстрицкой, Ворнянской, Ильинской, Солечникской и Шумской), съ присвоеніемъ онымъ наименованія: „стипендіи въ память въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II“.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ государственнаго банка и облигаціяхъ восточнаго займа, составляя неотъемлемую собственность Молодечненской учительской семинаріи и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ Виленскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной семинаріи.

§ 3. Въ случаѣ выхода обезпечивающихъ стипендіи облигацій и билета въ тиражъ погашенія, на вырученныя деньги приобрѣтаются такія же, или подобныя государственныя процентныя бумаги.

§ 4. Проценты съ стипендіальнаго капитала выдаются тремъ ученикамъ приготовительнаго класса Молодечненской учительской семинаріи, каждому поровну, для употребленія оныхъ на одежду, пищу и учебныя пособія для стипендіатовъ.

§ 5. Стипендіаты назначаются педагогическимъ совѣтомъ молодечненской учительской семинаріи изъ крестьянскихъ мальчиковъ Виленскаго уѣзда; въ случаѣ же таковыхъ не окажется, то педагогическому совѣту семинаріи предоставляется право, по своему усмотрѣнію, назначать стипендіатами крестьянскихъ мальчиковъ и другихъ уѣздовъ Виленской губерніи, удовлетворительно выдержавшихъ установленный для поступленія въ приготовительный классъ семинаріи экзаменъ.

§ 6. Поступившіе въ приготовительный классъ стипендіаты пользуются означенною стипендіею въ теченіе одного года, во время обученія своего въ приготовительномъ классѣ семинаріи.

§ 7. Если изъ числа выдержавшихъ пріемный экзаменъ въ приготовительный классъ Молодечненской учительской семинаріи не окажется крестьянскихъ мальчиковъ не только Виленскаго уѣзда, но и вообще Виленской губерніи, то подлежащіе къ выдачѣ въ стипендію проценты, а также могущіе оказаться по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки отъ оныхъ, присоединяются къ основному капиталу на предметъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Молодечненской учительской семинаріи означенный выше капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобнаго рода учебное заведеніе, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

б. (21-го іюля 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о продолжительности пребыванія учениковъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Министерство народнаго просвѣщенія, при разсмотрѣніи донесенія попечителя одного изъ учебныхъ округовъ о неодобрительномъ поведеніи нѣкоторыхъ учениковъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній, обратило вниманіе на то, что поименованные въ томъ донесеніи ученики пробыли сряду въ нѣсколькихъ классахъ заведенія по два года, почему признало нужнымъ поручить ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія обсудить вопросъ: какого рода правила могли

бы быть установлены для огражденія учебныхъ заведеній отъ продолжительнаго засиживанія въ нихъ учениковъ малоуспѣвающихъ.

Проектироваанныи ученымъ комитетомъ вслѣдствіе сего мѣры были подвергнуты обсужденію въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ министра, признавая означенный проектъ вполне цѣлесообразнымъ, постановилъ предложить на будущее время, для руководства, по среднимъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ слѣдующія правила:

1. Ученики среднихъ учебныхъ заведеній съ семи или восьми—лѣтнимъ курсомъ ученія, не считая приготовительнаго класса, не могутъ быть оставляемы въ однихъ и тѣхъ же классахъ по два года болѣе трехъ разъ въ теченіе всего курса означенныхъ заведеній, а ученики среднихъ учебныхъ заведеній съ четырехъ или шестилѣтнимъ курсомъ болѣе двухъ разъ, также не считая приготовительнаго класса.

2. Ученики, воспользовавшіеся означенными въ ст. 1 льготами, въ случаѣ неперевода въ слѣдующій высшій классъ, должны быть увольняемы изъ заведенія за безуспѣшность, безъ права перехода въ другое учебное заведеніе, съ тѣмъ же учебнымъ курсомъ, но съ правомъ поступленія въ учебное заведеніе другаго рода и съ другимъ, преимущественно болѣе легкимъ и менѣе продолжительнымъ, учебнымъ курсомъ, для каковой цѣли въ увольнительныхъ изъ учебнаго заведенія свидѣтельствахъ должно быть обозначаемо, въ какихъ классахъ и вслѣдствіе безуспѣшности въ какихъ именно предметахъ означенные ученики были оставляемы по два года.

3. Начиная съ V класса среднихъ учебныхъ заведеній, не дозволяется оставаться по два года въ однихъ и тѣхъ же классахъ два раза сряду (напр. по два года въ V и VI классахъ, въ VI и VII, въ VII и VIII).

4. Оставленіе ученика въ классѣ по два года вслѣдствіе продолжительной и тяжелой болѣзни, или тяжкихъ несчастій въ его семьѣ препятствовавшихъ правильному ходу учебныхъ занятій, не входитъ въ счетъ случаевъ, могущихъ повлечь за собою увольненіе ученика изъ учебнаго заведенія за безуспѣшность, даже въ томъ случаѣ, если означенный ученикъ уже воспользовался льготами, предоставленными этими правилами.

Утвердивъ такое постановленіе совѣта министра народнаго просвѣщенія, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, предложить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ

учебнаго округа принять вышензложенное къ руководству и исполненію въ подлежащихъ случаяхъ.

6. (28-го іюля 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно казенныхъ пансіонеровъ въ гимназіяхъ.

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 22 апрѣля 1882 г. за № 4,807 министерствомъ народнаго просвѣщенія были сообщены на обсужденіе попечителей учебныхъ округовъ предположенія касательно доставленія воспитанія на казенный счетъ въ пансіонахъ при гимназіяхъ достойнѣйшимъ по успѣхамъ и поведенію ученикамъ недостаточнаго состоянія.

Полученные вслѣдствіе сего отзывы попечителей учебныхъ округовъ были переданы на разсмотрѣніе ученаго комитета, заключеніе котораго признано нужнымъ обсудить въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ министра, находя вполне цѣлесообразнымъ, чтобы воспитаніемъ въ пансіонахъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія пользовались ученики достойнѣйшіе по успѣхамъ и поведенію, призналъ полезнымъ установить, чтобы всѣ пансіонеры, независимо отъ источника, изъ котораго производится плата за ихъ содержаніе, могли оставаться въ пансіонѣ во все время курса гимназіи или реальнаго училища, не считая приготовительнаго класса, безъ особо уважительныхъ причинъ, не болѣе двухъ лишнихъ лѣтъ.

На семъ основаніи совѣтъ министра постановилъ принять слѣдующія правила:

1. Воспитанники пансіоновъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ во все время курса, не считая приготовительнаго класса, могутъ пробить, безъ особо уважительныхъ причинъ, не болѣе двухъ лишнихъ лѣтъ.

2. Воспитанники пансіоновъ, не поддающіеся исправленію, не смотря на всѣ принятыя мѣры къ ихъ вразумленію, должны быть увольняемы изъ пансіоновъ, согласно п. 7 § 12 правилъ о взыскаціяхъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г., не только по истеченіи учебнаго года, но и въ теченіе всего учебнаго времени.

Утвердивъ такое постановленіе совѣта министра народнаго просвѣщенія, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго

вамъ учебнаго округа принять вышеназложенное къ руководству и исполненію въ подлежащихъ случаяхъ.

7. (5-го августа 1883 г.). Положеніе о стипендіи имени генераль-маіора Евгенія Васильевича Богдановича при Екатеринбургской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1,300 р., собраннаго по подпискѣ купечествомъ г. Тюмени и заключающагося въ пятипроцентныхъ билетахъ государственнаго банка V-го выпуска, учреждается при Екатеринбургской мужской гимназій одна стипендія имени генераль-маіора Евгенія Васильевича Богдановича.

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ стипендіальнаго капитала, на полученную сумму приобрѣтаются другіе государственные 5%-ные билеты.

§ 3. Стипендіей пользуются дѣти недостаточныхъ гражданъ гг. Тюмени и Екатеринбурга, учащіеся въ Екатеринбургской мужской гимназій и заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Стипендіатъ, не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ по лѣности или другимъ какимъ либо неуважительнымъ причинамъ, лишается стипендіи по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 6. Пользуваніе стипендію не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата.

§ 7. Случайные остатки отъ процентовъ на стипендіальный капиталъ причисляются къ основному капиталу.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

20-го іюля 1883 года (№ 5). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цингеръ—вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 8-го іюня 1883 г. по 25-е іюня 1884 года.

часть ссххix, отд. 1.

2

Ординарный профессор Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій—вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ международнаго права Даневскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ международнаго права, съ 31-го марта 1883 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ баронъ Розенъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ арабской словесности, съ 3-го мая 1883 года.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, надворный совѣтникъ Крушевскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, съ 15-го мая 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ—ординарнымъ профессоромъ сего института по всеобщей исторіи, съ 1-го іюля 1883 года.

Преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Никитинъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего института по греческой словесности, съ 1-го іюля 1883 года.

Адъюнктъ-профессоръ горнаго института Мушкетовъ—преподавателемъ физической географіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, съ 1-го іюня 1883 г., съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, магистръ Латышевъ—преподавателемъ исторіи греческой литературы Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, съ 1-го іюля 1883 года, съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Преподаватель греческаго языка историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ и состоящей при ономъ гимназіи, коллежскій ассесоръ Кирилловъ—наставникомъ сего института, съ 9-го марта 1883 года.

Учитель Кронштадтской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Румовъ—директоромъ Иркутской гимназіи, съ 31-го мая 1883 года.

Испекторъ Тверской гимназіи, статскій совѣтникъ Пречанъ—директоромъ Костромской гимназіи, съ 18-го іюня 1883 года.

Учитель С.-Петербургской седьмой гимназіи, статскій совѣтникъ Сербуловъ—директоромъ Выборгскаго реальнаго училища, съ 9-го мая 1883 года.

Испекторъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, коллежскій совѣтникъ Ѳедосѣевъ—директоромъ народныхъ училищъ этой губерніи, съ 8-го іюня 1883 года.

Директоръ Дерптской второй учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Ждановичъ—директоромъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, съ 26-го іюня 1883 года.

Исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Таскинъ—въ сей должности, съ 26-го мая 1883 года.

Исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Тропинъ—въ сей должности, съ 13-го іюня 1883 года.

Острогжскій городской голова, 2-й гильдіи купецъ Жалинъ—почетнымъ попечителемъ Острогжской мужской прогимназіи, на три года.

Управляющій Новгородскою желѣзною дорогою, отставной инженеръ-капитанъ Кобылянскій—членомъ попечительства Новгородскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го мая 1883 года.

Пинскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій совѣтникъ Ильяшenko—членомъ попечительства Пинскаго реальнаго училища на три года.

Есаулъ Мионовъ, сотникъ Билевъ, казакъ торговаго общества Авдѣевскій и купецъ Москалевъ—членами попечительства Урюпинскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: преподаватель Виленскаго городского учительскаго института, надворный совѣтникъ Модестовъ—исправляющимъ должность директора Гродненской дирекціи народныхъ училищъ, съ 5-го іюля 1883 года.

Окончившіе въ 1883 г. курсъ наукъ студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Николай Новосадскій, Борисъ Островъ, Иванъ Курочкинъ, Василій Крымскій, Александръ Піоульскій, Павелъ Якушевичъ и Михаилъ Петропавловскій—учителями гимназій: Новосадскій—Таганрогской, Островъ—Оренбургской, Курочкинъ—Томской, всѣ трое по древнимъ

языкамъ; Крымскій—Ташкентской, по латинскому языку; Пиоульскій—Дерптской, по русскому языку, Якушевичъ—Витебской и Петропавловскій—Воронежской, оба по древнимъ языкамъ; первые пятеро съ 10-го іюня, а послѣдніе двое съ 1-го іюля 1883 года; Михаилъ Поташевъ, Александръ Стефановъ, Александръ Смирновъ, Сергій Воскресенскій, Михаилъ Окиншевичъ и Алексій Поляковъ—учителями прогимназій: Поташевъ—Рыльской, по древнимъ языкамъ; Стефановъ—Стародубской, по греческому языку, оба съ 10-го іюня; Смирновъ—Мозырской, по латинскому языку; Воскресенскій—Златопольской, по русскому и древнимъ языкамъ; Окиншевичъ—Гомельской и Поляковъ—Якутской, оба по древнимъ языкамъ; изъ нихъ Смирновъ, Воскресенскій и Окиншевичъ съ 1-го іюля, а Поляковъ съ 14-го іюня 1883 г. и всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Перемѣщается: директоръ Новочеркасской гимназіи, статскій совѣтникъ Хорошевскій—директоромъ Харьковской третьей гимназіи, съ 1-го іюля 1883 г.

Переводится на службу въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія: инспекторъ Владимірской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Ѳеодоръ Павлинскій—съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, съ 23-го іюня 1883 года.

Причисляются, согласно прошеніямъ, къ министерству народнаго просвѣщенія: директоръ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Олиферъ—съ 5-го іюля 1883 г., съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ Дмитрій Лебедевъ, съ 20-го мая 1883 г. и надворный совѣтникъ Сергій Петровскій, магистръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Константинъ Гротъ и кандидатъ сего университета Иванъ Созановичъ; Петровскій и Гротъ съ 9-го іюня, а Созановичъ съ 26-го іюня 1883 года.

Оставляются на службѣ на два года: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевского учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Коленко, съ 5-го марта 1883 года.

На пять лѣтъ: Рижскій губернскій директоръ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крангальсъ, съ 1-го мая 1883 г.

Ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Догель и Харьков-

скаго—статскіе совѣтники Лебедевъ и Якобій, со дня выслуги 25-лѣтнаго срока по учебной части.

Командируются въ Россіи: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій и помощникъ директора главной физической обсерваторіи, капитанъ-лейтенантъ Рыкачевъ—на два мѣсяца, съ ученою цѣлю; первый въ Калмыцкія степи Астраханской губерніи.

Хранитель геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Соколовъ — на три съ половиною мѣсяца, въ Эстляндскую, Курляндскую, Лифляндскую, Херсонскую, Полтавскую и Таврическую губерніи, для изслѣдованія рѣчныхъ дюнь.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Докучаевъ—на три мѣсяца и двадцать девять дней, въ Нижегородскую губернію, для геологическихъ изслѣдованій.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на четырнадцать дней: директоръ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Фелицынъ, въ С.-Петербургъ, по болѣзни.

На двадцать семь дней: директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Поповъ, въ Могилевскую губернію.

На двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Патлаевскій, на Кавказъ; завѣдывающій Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паплонскій, въ С.-Петербургъ, Вильну и Орловскую губернію; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Шрейеръ, въ гг. Москву, Варшаву и Ригу; дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: VII класса—въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ Комовскій, въ Старую Руссу, VIII класса—титularный совѣтникъ Бѣликъ, въ разныя губерніи и исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса сего департамента Лабинскій, въ Екатеринославскую губернію; изъ нихъ Комовскій и Лабинскій по болѣзни.

На двадцать девять дней: начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Гавловскій, въ С.-Петербургскую губернію.

На мѣсяць: директоръ Саратовской гимназіи, статскій совѣтникъ Лакоте, въ разныя губерніи, и директоръ Могилевской ди-

рекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Ставровицъ, въ г. Киевъ, Варшаву, С.-Петербургъ и Москву.

На мѣсяцъ и десять дней: предсѣдатель Виленской коммисіи для разбора древнихъ актовыхъ книгъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій, въ Могилевскую губернію и директоръ Корочанской гимназій, состоящей въ V классѣ Миротворцевъ, въ разныя губерніи; послѣдній по болѣзни.

На полтора мѣсяца: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Благовѣщенскій, директоръ Тульской гимназій, статскій совѣтникъ Куликовъ и начальница Сызранской женской гимназій Салькова, въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и восемнадцать дней: директоръ Виленскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ, Крачковскій, въ Виленскую и Гродненскую губерніи.

На мѣсяцъ и двадцать дней: директоръ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Муромцевъ, въ разныя губерніи, по болѣзни.

На мѣсяцъ и двадцать три дня: помощникъ начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Раздольевъ, въ разныя губерніи.

На два мѣсяца: ректоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цѣхановецкій на Кавказъ и въ Крымъ; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Кіевскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко, въ Полтавскую и южныя губерніи и Оренбургскаго — статскій совѣтникъ Владимірскій, въ разныя губерніи; начальникъ Цюцкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Худанскій, въ Херсонскую губернію, директоръ Елабужскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Ивановъ, въ разныя губерніи; членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, статскій совѣтникъ Гришинъ, въ города Старую Русу, Одессу и Казанскую губернію; бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Сафоновъ, въ разныя губерніи, журналистъ сего департамента, коллежскій ассессоръ Купинскій, въ г. Гапсаль; дѣлопроизводитель VIII класса сего же департамента, титулярный совѣтникъ Дебольскій, во внутреннія губерніи, и помощникъ дѣлопроизводителя того же департамента, губернский секретарь Пяткинъ, въ южныя губерніи. Изъ нихъ Цѣхановецкій, Шульженко, Ивановъ, Гришинъ, Сафоновъ, Купинскій и Пяткинъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 года: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновъ, въ Курскую и Кіевскую губерніи и на южный берегъ Крыма; Дерптскій директоръ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Геекъ, въ Эстляндскую и Орловскую губерніи; директора гимназій: С.-Петербургской восьмой — статскій совѣтникъ Моръ, въ Прибалтійскія губерніи; Немировской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Должиковъ, въ разныя губерніи; Варшавской III мужской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Соллцевъ, въ Волинскую, Подольскую и Таврическую губерніи; Радомской мужской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Марвіановичъ, въ С.-Петербургъ и Москву; Кѣлецкой мужской—статскій совѣтникъ Воронковъ, въ Гродненскую губернію; Калишской мужской—статскій совѣтникъ Семеновичъ, Кишиневской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, Херсонской — статскій совѣтникъ Кустовскій, Кіевской второй—статскій совѣтникъ Пясецкій; всѣ четверо въ разныя губерніи; Лубенской—статскій совѣтникъ Лазаренко, въ г. Кіевъ и Черниговскую губернію; Прилуцкой—статскій совѣтникъ Вороной, Троицкой—статскій совѣтникъ Лопатинскій, Мариупольской Александровской—статскій совѣтникъ Нейкирхъ, исправляющій должность директора Оренбургской гимназій, статскій совѣтникъ Якубовскій; всѣ четверо въ разныя губерніи, начальникъ Динабургской женской гимназій, статскій совѣтникъ Носовичъ, въ Лифляндскую губернію; директора прогимназій: Гомельской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Теохтистовъ, Ростовской на Дону—Филипповъ и Злотопольской—Ильинъ, директора реальныхъ училищъ: Кременчугскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Самусъ, Саратовскаго Александро-Маріинскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ, Воронежскаго — статскій совѣтникъ Вяхиревъ, всѣ шестеро въ разныя губерніи; Вольскаго—статскій совѣтникъ Можайскій, въ Москву и С.-Петербургъ; Сумскаго — статскій совѣтникъ Папковъ, въ Крымъ; Влоцлавскаго — статскій совѣтникъ Лебедевъ, въ Варшаву, С.-Петербургъ и Великое Княжество Финляндское; Ровенскаго—статскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко, Роменскаго—статскій совѣтникъ Дьяченко, Херсонскаго—статскій совѣтникъ Месняевъ, Николаевскаго-Александровскаго — статскій совѣтникъ Таралыгинъ, Севастопольскаго Петровскаго — статскій совѣтникъ Балдинъ, всѣ пятеро въ разныя губерніи; Курскаго—статскій совѣтникъ Радкевичъ, въ Крымъ и во внутреннія губерніи,

и частнаго въ Москвѣ—надворный совѣтникъ Мазингъ, директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, коллежскій совѣтникъ Дьяконовъ, директоръ Казанскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ и директоры учительскихъ семинарій: Вольской—статскій совѣтникъ Зимницкій и Байрамчской—коллежскій секретарь Сиѣсаревъ; всѣ пятеро въ разныя губерніи. Изъ нихъ по болѣзни: Стоиновъ, Моръ, Солнцева, Воронковъ, Носовичъ, Папковъ, Радкевичъ и Мазингъ.

На лѣтнее вакаціонное время и по 15-е августа 1883 года: директоръ С.-Петербургскихъ частныхъ гимназій и реального училища, статскій совѣтникъ Гуревичъ, въ Тульскую и Кіевскую губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 года и десять дней: директоръ Мелитопольскаго реального училища, надворный совѣтникъ Милашевичъ и бывшій директоръ второй Дерптской учительской семинаріи, нынѣ директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Ждановичъ, въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1883 г.: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Склифасовскій, въ разныя губерніи.

На два съ половиною мѣсяца: ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ, въ Московскую губернію, по болѣзни, начальникъ Сувалкской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ Абрамовичъ, въ г. Псковъ, и экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Чуловскій, въ Тобольскую губернію и Ахмолинскую область.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать восемь дней: директоръ Бѣльской мужской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левитскій, въ Херсонскую губернію, директоръ Виленскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голубиновъ, во-внутреннія губерніи, и директоръ Псковской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Кестнеръ, въ разныя губерніи; всѣ трое по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время и по 15-е сентября 1883 г.: директоръ Великолуцкаго реального училища, статскій совѣтникъ Корчагъ-Гречина, въ южныя губерніи, по болѣзни.

На три мѣсяца: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь графъ Мусинъ-Пуш-

книжъ, во внутреннія губерніи, и начальница Одесской Маріинской женской гимназіи Патлаевская, въ разныя губерніи; послѣдняя по болѣзни.

На четыре мѣсяца: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Толмачевъ, въ разныя губерніи, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Хабаровъ, въ г. Витебскъ.

б) въ Россіи и за границу: на два мѣсяца: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Икорниковъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и десять дней: директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, тайный совѣтникъ Капустинъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и четырнадцать дней: директоръ Кронштадтской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янишъ.

и в) за границу: на четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Драгендорфъ.

На пятнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго.

На двадцать одинъ день: учитель однокласснаго начальнаго общаго училища въ деревнѣ Чапле Вельке, Цесляковскій, по болѣзни.

На двадцать восемь дней: инспекторъ Рижской губернской гимназіи, надворный совѣтникъ Шварцъ и врачъ Московскаго реальнаго училища Рабусъ.

На двадцать девять дней: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго университета Розмысловскій, по болѣзни.

На мѣсяць: регистраторъ Императорской публичной бібліотеки, коллежскій совѣтникъ Миллеръ.

На мѣсяць и три дня: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго университета Радзинскій, по болѣзни.

На шесть недѣль: главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ Раевскій, по болѣзни.

На полтора мѣсяца: Учитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института Воль, врачъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Вольбергъ и письмоводитель Ловичскаго реальнаго училища Шмидтъ изъ нихъ Вольбергъ и Шмидтъ по болѣзни.

До конца лѣтнаго вакаціоннаго времени 1883 года: лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета, лекарь Крамштыкъ, на два мѣсяца:

Библіотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вальтеръ, доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Ковалевскій, почетный попечитель Астраханскаго реальнаго училища, коллежскій ассессоръ Хлѣбниковъ, юридическій дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Кинель и учительница Лебединской прогимназіи Соссе; изъ нихъ Хлѣбниковъ и Кинель по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 года: обыкновенные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—тайный совѣтникъ Грубе и статскій совѣтникъ Лебедевъ, Новороссійскаго—Шведовъ, Дерптскаго—статскій совѣтникъ Вейраухъ и Варшавскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники Струве и Косинскій, коллежскій ассессоръ Вржесневскій, и сверхштатный, статскій совѣтникъ Навроцкій, экстраординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета, статскіе совѣтники Дыдинскій, Лучкевичъ и Барановскій и коллежскій совѣтникъ Скворцовъ, лекторы сего университета: Плонскій и коллежскій совѣтникъ Пржиборовскій, ординаторъ клиники Императорскаго университета св. Владиміра Краякъ, сверхштатные ординаторы клиникъ: нервныхъ болѣзней Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь Корниловъ и терапевтической Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь Гопфенблюмъ, лаборантъ сего же университета Знатовичъ, наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Варонъ, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, надворный совѣтникъ Вылежинскій, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ надворный совѣтникъ Муркосъ, директоръ Комиссаровскаго техническаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Зенгбушъ, профессоры Рижскаго политехническаго училища Ливенталь и Пфуль, директора гимназій: Императора Александра II въ м. Бирженруэ—Кохъ, Ковѣнской—статскій совѣтникъ Шокальскій и Аренбургской—коллежскій совѣтникъ Видеманъ, преподаватель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, статскій совѣтникъ Фортунатовъ, старшіе учи-

тели гимназій: Императора Александра II въ м. Биркенруэ—Гемпель, Гиргенсонъ, Штифъ и Гарнакъ и Рижской губернской-коллежскій совѣтникъ Кольбергъ и фонъ-Клотъ, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей—коллежскій совѣтникъ Вульдъ и Введенской—коллежскій совѣтникъ Ремникъ, Московской второй—Рожанковскій, Киевской первой—Бергманъ и Григоровичъ, Полтавской—Канъ, Немировской—надворный совѣтникъ Жуковъ, Каменецъ-Подольской—Жукъ и Чехакъ, Троицкой—Вукъ, Екатеринбургской—Лѣшникъ, Уральской войсковою—Мулей, Уфамской—Паскало, Ришельевской—коллежскій совѣтникъ Радошевичъ, Симферопольской—Шпигель, Харьковской второй—Гóуштѣцкій, Воронежской—Пляписъ, Оренбургской—Рихтеръ, Кишиневской—Шимановскій, Варшавскихъ мужскихъ: III—Покривницкій, V—Кречмаръ и VI—Гольдбергъ, Ломжинской мужской—Давидъ, Пржаборовскій, Карчевскій и Тувененъ, Петроковской мужской—Домбровскій, Канскій и Свѣцкимскій, Радомской мужской—Кучальскій, Сѣдлецкой мужской—Сѣроцинскій, Калишской мужской—статскій совѣтникъ Фукъ, титулярный совѣтникъ Бальчевскій, Реуттъ, Василевскій, Вагнеръ, Смогоржевскій, Ивановскій, Галчинскій, Гиллеръ и Пякъ, Либавской Николаевской—коллежскій ассессоръ Гессъ, Минской—коллежскій совѣтникъ Ермаковъ и надворный совѣтникъ Далакъ, законоучители мужскихъ гимназій: римско-католическаго исповѣданія: Варшавской V—священникъ Бржескій, Калишской—священникъ Хиѣлевскій, Кѣлецкой—священникъ Червинскій и евангелическо-лютеранскаго исповѣданія: Варшавской IV—Фровейнъ и Медингъ, помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Сѣдлецкой—Романскій и Калишской—Издиговскій, учителя женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской—Маршалъ и Варшавской III—Гляссъ и Шикеръ, исправляющая должность учительницы Ревельской женской гимназіи Ильина, преподавательница Виземской женской гимназіи Безобразова, начальницы женскихъ прогимназій: Богучарской—Зборовская и Измальнойской—Зиро, учителя прогимназій: Московской—Васильевъ, Варшавскихъ мужскихъ: I—Горбалъ и II—Ловинскій, Скаловскій и Грубецкій, Сандомирской мужской—Цѣлиховскій и Пинчовской мужской—Хрупчаловскій и Раубаль, учителя реальныхъ училищъ: Варшавскаго—статскій совѣтникъ Налепинскій, коллежскій секретарь Сулимерскій; Вялекъ,

Савицкій, Жолютовскій, Глембоцкій и Врублевскій, Влоцлавскаго—Матушевскій, Лишке, Асписъ, Кліоновскій и Каль, Мелитопольскаго — Павровскій и частнаго Мазинга въ Москвѣ—Гунстъ, законоучитель римско-католическаго исповѣданія Варшавскаго реального училища, священникъ Стояковскій, помощникъ классныхъ наставниковъ Влоцлавскаго реального училища Кинель, инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Карповъ, учителя сего училища, коллежскій совѣтникъ Шмидтъ и Мальць, учителя учительскихъ семинарій: Варшавской—Клемке и Андреевской—Давецкій, учитель-инспекторъ Томашовскаго городского училища Модеровъ, преподаватель Варшавскаго рисовальнаго класса, коллежскій ассессоръ Герсонъ, учитель Ревельскаго уѣзнаго училища, коллежскій секретарь Меллеръ, завѣдывающій Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Папловскій, старшая надзирательница сего института Полубинская, учителя того же института Шиманскій, Михальскій, Барановскій, Новицкій, Витковскій, Радзишевскій и Перковскій, завѣдывающій Симферопольскимъ однокласснымъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ Шлифштейнъ, учителя Варшавскаго трехкласснаго городского училища Хмѣлевскій и Бильтиновичъ, учителя Варшавскихъ училищъ: VIII и X начальныхъ трехклассныхъ воскресно-ремесленныхъ—Комаръ и II двухкласснаго казеннаго еврейскаго мужскаго—Цви, учитель Калишскаго городского двухкласснаго еврейскаго мужскаго училища Пазіо, учитель Комратскаго двухкласснаго мужскаго училища, Вендерскаго уѣзда, Кованжи, учитель Лейненскаго начальнаго училища Барабашъ, учителя одноклассныхъ начальныхъ общихъ училищъ: Андреевскаго уѣзда, въ деревнѣ Лысаковѣ, Пржипковскій, Олькушскаго уѣзда, въ деревнѣ Янжотѣ, Мандатъ и Пинчовскаго уѣзда въ деревнѣ Страдовѣ Маковскій, учительницы женскихъ училищъ: Комратскаго Каранфинъ и Варшавскаго однокласснаго городского начальнаго Хржановская. Изъ нихъ по болѣзни: Вейраухъ, Вржесневскій, Лучкевичъ, Барановскій, Плонскій, Пржиборовскій, Знатовичъ, Кракъ, Корниловъ, Кольберъ, Кречмаръ, Гольдбергъ, Давидъ, Пржиборовскій, Карчевскій, Тувененъ, Домбровскій, Канскій, Свѣцимскій, Кучальскій, Фулъ, Бальчевскій, Реутъ, Василевскій, Вагнеръ, Смогоржевскій, Ивановскій, Галчинскій, Гиллеръ, Пикъ, Гессъ, Вржескій, Хмѣлевскій, Червинскій, Фровейнъ, Медингъ, Романскій, Издиковскій, Гляссъ, Шикеръ, Горбаль, Лозинскій, Скаловскій, Грубецкій, Цѣли-

ховскій, Хрупчаловскій, Раубаль, Сулимерскій, Матушевскій, Лишке, Кліоновскій, Каль, Стояковскій, Кинель, Шмидтъ, Мальць, Клемке, Данацкій, Модеровъ, Гарсонъ, Паплонскій, Полубинская, Шиманскій, Михальскій, Барановскій, Новицкій, Витковскій, Радзишевскій, Перковскій, Хмѣлевскій, Кильтыновичъ, Комаръ, Цви, Пазіо, Барабашъ, Припиковскій, Мандатъ, Маковскій и Хржановская.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и десять дней: учитель Ломжинской мужской гимназіи Керпъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двѣнадцать дней: инспекторъ Пултуской мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ Савинъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и четырнадцать дней: учитель Влоцлавскаго реальнаго училища Рыбаловъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать дней: учитель Кіевской первой гимназіи Иващенко.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать одинъ день: профессоръ Рижскаго политехническаго училища Ловисъ и законоучитель православнаго исповѣданія Ковенской гимназіи, священникъ Бреннъ; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать одинъ день: профессоръ Рижскаго политехническаго училища Ловисъ и законоучитель православнаго исповѣданія Ковенской гимназіи, священникъ Бреннъ; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Якобій, исправляющій должность доцента Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ Окрочаделовъ-Серебряковъ, инспекторъ Кишиневской гимназіи Стовикъ, учитель Сувалкской мужской гимназіи Пожерскій и классная дама Варшавской III женской гимназіи Веркентинъ. Изъ нихъ Окрочаделовъ-Серебряковъ, Стовикъ, Пожерскій и Веркентинъ по болѣзни.

На два мѣсяца и двадцать восемь дней: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Нейгебауэръ.

На три мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Данилевскій, учитель Екатеринбургской гимназіи Клеръ и учитель Саратовскаго Александро-Маринскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Горенбургъ.

На три съ половиною мѣсяца: врачъ Кіевскаго реального училища, коллежскій ассессоръ Севетъ.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ сему министерству, членъ ученаго комитета того же министерства, надворный совѣтникъ Хвольсонъ, съ 1 мая 1883 г., по случаю опредѣленія его лаборантомъ физическаго кабинета Императорской академіи наукъ, съ оставленіемъ членомъ ученаго комитета.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, тайный совѣтникъ Наукъ—отъ сей должности, съ 1 іюля 1883 г.

Отъ службы: директоръ Воронежской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Захаровъ, съ 26 мая 1883 г., съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Директоръ Керченской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брамсонъ, съ 17 іюня 1883 г.

Директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Порскаловъ, съ 26 іюня 1883 г., по болѣзни, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернский секретарь Угрюмовъ, съ 18 іюня 1883 года.

Директоръ Харьковской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ Левандовскій, съ 1 іюля 1883 г.

Дозволяется: бывшему директору Пензенской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Вауеру носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: законоучителю Смоленской гимназіи, священнику Соколову—за полезную дѣятельность и благотворное вліяніе на воспитанниковъ этой гимназіи.

Учителю Мозырской прогимназіи, губернскому секретарю Делипскому, и учителю Поневѣжскаго реального училища Грущинскому—за вполне усердную и полезную ихъ службу.

Начальницѣ Смоленской Маріинской женской гимназіи, вдовѣ маіора Полторацкой и преподавательницамъ сей гимназіи Можайской и княжѣ Друцкой-Соколинской—за отлично-усердную ихъ службу.

Управленію Лодзинскаго городского кредитнаго общества—за

постоянную заботливость общества о нуждах бѣдныхъ учениковъ Лодзинскаго ремесленнаго училища.

Предсѣдателю правленія общества вспомошествованія бѣднымъ ученикамъ Нижегородскаго реальнаго училища, Нижегородскому 1-й гильдіи купцу Маркову—за особенное участіе въ устройствѣ ученической квартиры для иногородныхъ учениковъ упомянутаго училища.

Суперъ-интенденту евангелическо-реформатскихъ церквей въ Царствѣ Польскомъ, пастору Дялю, уѣзднымъ исправникамъ Смоленской губерніи: Гжатскому—коллежскому совѣтнику Сулима-Самуйло и Бѣльскому—надворному совѣтнику Тилинскому, мировому посреднику Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи Личкову и почетному блюстителю Петровскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, статскому совѣтнику Джунковскому—за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія.

Содержателю типо-литографіи въ Москвѣ Нейбюргеру—за 11-тилѣтнюю добросовѣстную работу по напечатанію Аппаль обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета.

Почетному смотрителю Козьмодемьянскаго городскаго училища Бычкову, попечителю Мариповскаго начальнаго училища, Донской области, князю Трубецкому, почетному блюстителю гимназіи Императорскаго человеколюбиваго общества, надворному совѣтнику Данилову, почетнымъ блюстителямъ начальныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Волочковскаго двухкласснаго, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи—поручику лейбъ-гвардіи казачьяго полка Нахимову и Алпатьевскаго однокласснаго, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи—купцу Цѣпулину и бывшему почетному блюстителю Митьковскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Южновскаго уѣзда, Смоленской губерніи—коллежскому ассессору Ульянову—за пожертвованія ихъ въ пользу вышепоименованныхъ учебныхъ заведеній.

Гвардіи капитану войска Донскаго Конькову—за пожертвованіе въ пользу церкви Усть-Медвѣдицкой мужской гимназіи.

Дворянину Вантышу—за пожертвованіе въ пользу двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Землевладѣльцу Симферопольскаго уѣзда, Таврической губерніи, Давыдову—за пожертвованіе въ пользу Саблинскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, тѣхъ же уѣзда и губерніи.

Путивльскому городскому головѣ, купцу Лисунову—за пожертво-
ваніе въ пользу Путивльской женской прогимназіи.

Новоторжскому 1-й гильдіи купцу Козьминныхъ—за пожертвованіе
въ пользу Новоторжской учительской семинаріи.

Первой гильдіи купцу Файну—за пожертвованіе въ пользу началь-
наго народнаго училища на Власовскомъ рудникѣ, области войска
Донскаго.

Женѣ Нижегородскаго купца Киселевой—за пожертвованіе въ
пользу Александровскаго, Владимірской губерніи, двухкласснаго го-
родскаго училища.

Исключаются изъ списковъ умершіе: Заслуженный орди-
нарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣй-
ствительный статскій совѣтникъ Незабитовскій и ординарный про-
фессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный
статскій совѣтникъ Флоръ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго про-
свѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

Изданіе: „Изографъ“. Журналъ иконографіи и другихъ худо-
жествъ, издаваемый И. Красницкимъ. С.-Петербургъ, 1883 г. —
рекомендовать для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства
министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ хороваго пѣнія и теоріи музыки, приспособ-
ленный къ потребностямъ народныхъ училищъ, городскихъ школъ
и среднихъ учебныхъ заведеній“. С.-Петербургъ, 1883 г. Составилъ
К. Галле'ръ, преподаватель С.-Петербургскаго учительскаго инсти-
тута — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи пѣнія въ
учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣ-
щенія.

— Книгу: „Памяти Ивана Сусанина, за Царя, Спасителя вѣры
и царства животь свой положившаго“. Историческое изслѣдованіе
преимущественно по неизданнымъ источникамъ, составленное и из-
данное В. А. Самаряновымъ. Съ 2 литографическими картами —
части Костромской губерніи и окрестностей села Домнина. Кострома,

1882 г. Ц. 60 коп. съ пересылкою — рекомендовать для фундаментальных и ученических библиотек средних и низших учебных заведеній министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг.“. Изъ дневниковъ члена посольства доктора И. Л. Яворскаго. Въ двухъ томахъ. С.-Петербургъ, 1883 г. Цѣна за оба тома 5 руб.—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Грамматика французскаго языка для русскаго юношества. Составилъ Альфонсъ Гоппе. Лексикологія и синтаксисъ. (Grammaire concise de la langue française à l'usage de la jeunesse russe par Alphonse Hoppé. Lexicologie et syntaxe). С.-Петербургъ, 1883 г. Ц. 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ классовъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, прогимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство практической ариметики въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено Александромъ Вороповымъ. С.-Петербургъ, 1883 г. Ц. 75 коп. — одобрить въ качествѣ руководства по ариметикѣ для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Элементарный курсъ закона Божія для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ (первый, второй и третій годы. Рыбинскъ, 1883 г.), согласно состоявшемуся постановленію святѣйшаго синода—признать одобренною въ качествѣ учебнаго пособия по закону Божію для городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

— Книгу: „Начальныя основанія начертательной геометріи. А. Мангейма, профессора Парижской политехнической школы. Перевелъ съ французскаго В. Лигинъ, профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса, 1883 г. — одобрить въ качествѣ полезнаго приобрѣтенія для основныхъ библиотекъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Связныя статьи Гааке для перевода на латинскій языкъ съ указаніями на грамматику Элендта-Зейфферта, съ стилистическими примѣчаніями и словаремъ, составленнымъ В. Зубковымъ. Для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій. Москва, 1881 г. Ц. 80 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособия.

— Изданіе: „Стѣнная классная таблица, популярно излагающая, часть осххх, отд. 1.

какъ слѣдуетъ правильно сдѣлать, стоять, ходить, не обременяя излишне своего организма. К. А. Шмидта—допустить къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрить какъ пособіе для заведеній, въ которыхъ преподается педагогика.

— Книгу: „Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ С. Рождественскій, примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ VI класса гимназій. Изданіе 3-е исправленное на основаніи указаній и замѣчаній ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 75 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ВЫ П И С К А

ИЗЪ ЖУРНАЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 28-го іюня 1883 г. (№ 805), УТВЕРЖДЕНАГО Г. МИНИСТРОМЪ 15-го іюля 1883 года.

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 28-го іюня 1883 г. слушали (ст. 1): нижеслѣдующее мнѣніе:

А. Ученый комитетъ установилъ три вида одобренія книгамъ, поступающимъ на его разсмотрѣніе: рекомендацію, одобреніе (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и допущеніе. Каждый изъ этихъ видовъ соотвѣтствуетъ одной изъ трехъ степеней внутренняго достоинства сочиненія.

а) Рекомендуются книги, представляющія, по своему научному или учебному значенію, нѣчто выдающееся сравнительно съ другими однородными книгами, а потому и заслуживающія какъ особеннаго вниманія педагоговъ, такъ и предпочтительнаго употребленія въ школахъ.

б) Одобряются книги, своимъ содержаніемъ и изложеніемъ удовлетворяющія потребностямъ и цѣлямъ обученія, но стоящія на одномъ уровнѣ со многими другими книгами того же разряда.

в) Допускаются книги, хотя и имѣющія нѣкоторые недостатки въ содержаніи и изложеніи, но тѣмъ не менѣе могущія приносить

извѣстную долю пользы, особенно въ томъ случаѣ, когда или вовсе нѣтъ, или очень мало пригодныхъ сочиненій по тому же предмету.

В. По своему назначенію, книги, одобряемыя ученымъ комитетомъ, дѣлятся на три разряда: учебныя руководства (учебники), учебныя пособія и книги, поступающія въ библіотеки — фундаментальную и ученическую.

а) Понятіе, соединяемое съ терминами: учебное руководство учебникъ, такъ ясно, что не требуетъ особыхъ толкованій. Это — книга, по которымъ учитель преподаетъ порученный ему учебный предметъ, и которыя, слѣдовательно, должны находиться въ рукахъ каждаго учащагося, такъ какъ онъ готовится по нимъ уроки, повторяетъ пройденное и на экзаменѣ обязанъ доказать свое знаніе науки въ той мѣрѣ, въ какой она изложена учебникомъ.

б) Другое дѣло — учебное пособіе: оно бываетъ разныхъ видовъ, смотря по различію пособій, въ коихъ можетъ нуждаться учащійся. Впервыхъ, есть учебныя пособія, почти столь же необходимыя каждому ученику, какъ и учебники, на примѣръ хрестоматіи, или книги для чтенія, диктованія, перевода и другихъ классныхъ и внѣклассныхъ, занятій по языку и словесности; словари иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ; задачки по грамматикѣ и частямъ элементарной математики (арифметики, алгебры, геометріи). Ко второму разряду учебныхъ пособій относятся книги, которыя ни по объему, ни по серьезности содержанія не могутъ служить учебниками, но къ которымъ однакожь преподаватель вынужденъ прибѣгать въ томъ случаѣ, если какіе-либо отдѣлы или статьи выбраннаго учебника оказываются частію скудными, частію неясными: чтобы пополнить и уяснить свои знанія, учащійся, по указанію преподавателя, пользуется учебнымъ пособіемъ. Но при этомъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ виѣнять учащимся въ обязанность пріобрѣтать то или другое учебное пособіе этой категоріи и возводить его въ званіе учебника, то-есть требовать, чтобы учащіеся по нему готовили свои уроки или готовились къ экзамену. Такое требованіе затрудняетъ и раздражаетъ учениковъ, навязывая имъ новую, неожиданную, и можетъ стать, непосильную работу, и въ то же время возбуждаетъ неудовольствіе родителей, особенно бѣдныхъ, которые жалуются не безъ причины на значительныя издержки по обученію дѣтей своихъ. Наконецъ, третій видъ учебныхъ пособій составляютъ книги, замѣщающія собою учебныя руководства, если послѣднихъ рѣшительно не имѣется на лицо. Понятно, что такое замѣщеніе должно существовать только

временно и прекращаться немедленно съ появленіемъ пригоднаго учебника.

в) Книгами фундаментальной библіотеки учащіеся могутъ пользоваться не иначе, какъ съ дозволенія преподавателей, которые должны рѣшать каждый по своему предмету, пригодность или непригодность требуемаго сочиненія. Преподаватель можетъ и самъ рекомендовать ученикамъ, если найдетъ то полезнымъ, ознакомленіе съ какими либо книгами фундаментальной библіотеки. Что же касается до библіотеки ученической, то она, какъ самое названіе показываетъ, назначена для пользованія учащимся, которые поѣтому и имѣютъ право выбирать изъ нея книги, по своему желанію и вкусу.

Опредѣлено: согласиться съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ.

— По опредѣленію ученаго комитета сего министерства, утвержденному его сятельствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, книга, подъ заглавіемъ: „Первоначальныя основанія еврейской вѣры. Составилъ С. И. Финнъ. Вильно, 1881 г.“—одобрена какъ руководство для еврейскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено: книгу подъ заглавіемъ: „Весѣды о русскомъ гѣсѣ. Красногѣсье. Соч. Дмитрія Кайгородова“. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Сиб. 1883 г. Цѣна 1 руб.,—включить въ каталогъ на томъ же основаніи, какъ было одобрено первое изданіе.

— Составленный И. Маляренко рисунокъ на тему: „Царствуй на славу намъ, царствуй на страхъ врагамъ Царь православный, Боже Царя храни“, допустить къ постановкѣ въ классныхъ комнатахъ народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ С.-Петербургской 6-й гимназій, съ начала 1883—1884 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 32 руб. до сорока руб. и въ остальныхъ классахъ съ 52 руб. до шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Г. министр народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Калужской гимназій размѣръ платы за ученіе въ названной гимназій, съ начала 1883—1884 учебнаго года, по 25 руб. въ приготовительномъ классѣ и по 35 руб. въ остальныхъ классахъ въ годъ съ каждаго ученика.

О СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
УЧРЕЖДЕННЫХЪ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

На основаніи § 2 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ и особымъ отдѣломъ его, съ утвержденія управлявшаго министерствомъ г. товарища министра, назначена была на соисканіе означенныхъ премій къ 1-му ноября 1882 года, по разряду начальныхъ народныхъ училищъ, тема: „книги для народнаго чтенія—беллетристическаго, или историческаго, или этнографическаго, или духовно-нравственнаго, или общеобразовательнаго (энциклопедическаго) характера и въ объемѣ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ“.

Къ назначенному сроку на соисканіе премій Императора Петра Великаго представлено въ особый отдѣлъ ученаго комитета семь сочиненій: два рукописныя, четыре печатныя и одно частью печатное и частью рукописное. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, составлена была особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена особаго отдѣла ученаго комитета А. Н. Майкова, изъ членовъ: священника М. И.

Соколова, члена ученаго комитета Н. Н. Страхова и членовъ особаго отдѣла: И. П. Хрущова, В. Г. Авсѣенко и Н. С. Лѣскова.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, въ засѣданіяхъ 9 апрѣля и 22 іюня сего года, обсудивъ представленныя въ оный доклады комиссіи и подробныя разборы сонскательныхъ сочиненій, опредѣлилъ:

1) Автору сочиненія (въ печатномъ и рукописномъ видѣ) подъ заглавіемъ: „Пастырскій голосъ“, священнику Петру Затворницкому, присудить, согласно съ заключеніемъ комиссіи, малую премію въ 500 р., поставивъ ему въ обязанность, при напечатаніи этого труда согласно § 7 положенія о преміяхъ Петра Великаго, устранить изъ него стихотворенія, какъ неудовлетворительныя въ отношеніи поэтическомъ и со стороны версификаціи, дать проповѣдямъ какой нибудь систематической распорядокъ, исключить проповѣдь по поводу тайнаго и несправедливаго доноса на проповѣдника (рукоп. стр. 27), какъ несвойственную церковной кафедрѣ, исправить проповѣдь въ недѣлю крестопоклонную (рукоп. стр. 81) и подвергнуть все сочиненіе тщательному пересмотру со стороны стилистической и синтаксической.

2. Прочія сочиненія, представленныя на конкурсъ, отъ присужденія премій устранить, за исключеніемъ рукописи подъ заглавіемъ: „Нравственные уроки священника въ письмахъ къ бывшимъ прихожанамъ“, вопросъ о которой признано необходимымъ отложить въ виду требующихся къ рукописи исправленій, о чемъ положено войти въ сношеніе съ авторомъ, вызвавъ его чрезъ публикацію въ газетахъ. Сочиненіе же подъ заглавіемъ „Изъ жизни крестьянскихъ дѣтей“, какъ не заключающее въ себѣ требуемыхъ условіями конкурса 10 печатныхъ листовъ, признать неподлежащимъ разсмотрѣнію.

3. Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя особой комиссіи А. Н. Майкова и членовъ: священника М. И. Соколова, И. П. Хрущова, Н. Н. Страхова, В. Г. Авсѣенко и Н. С. Лѣскова, занимавшихся разсмотрѣніемъ присланныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

На основаніи § 12 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета было представлено г. министру народнаго просвѣщенія и его высокопревосходительствомъ утверждено.

II.

На конкурсѣ премій Императора Петра Великаго по разряду начальныхъ народныхъ училищъ къ 1-му ноября 1884 года назначены: „Сочиненія, касающіеся зѣроловства, птицеводства, рыболовства, скотоводства, пчеловодства, шелководства, земледѣлія, лѣсоводства, огородничества, садоводства и винодѣлія“.

СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

Ново-грамматическая школа въ Германіи.

Въ прошломъ столѣтіи очень много занимались вопросомъ о происхожденіи языка и очень мало—изслѣдованіемъ самаго языка; его строй, его законы, его сущность считались извѣстными и болѣе или менѣе твердо установленными. Со времени Вильгельма Гумбольдта началось иное направленіе: все вниманіе сосредоточилось на изученіи самой сущности языка, которая оказалась далеко не столь извѣстною, какъ предполагалось. Началось серьезное собраніе матеріала и разработка его; масса данныхъ, накопленныхъ съ величайшею тщательностью и прилежаніемъ, подверглась строгому анализу; возникли разныя теоріи классификаціи этихъ данныхъ; словомъ, языковѣдѣе стало на научную почву. Теперь, почти вѣкъ спустя послѣ такой работы, выяснилось, что „сущность языка и его происхожденіе должны быть разсматриваемы какъ одно и то же“ ¹⁾. Но конечно, и въ настоящее время далеко еще не вполне разъяснены всѣ сложныя явленія образованія языка и законы, которымъ подчиняется дѣятельность рѣчи; можно сказать, что правильная постановка вопроса и точное опредѣленіе самого объекта науки объ языкѣ сказались всего шесть-семь лѣтъ тому назадъ, и лишь теперь приходятъ къ болѣе или менѣе положительнымъ результатамъ въ толкованіи законовъ словесной дѣятельности человѣка. Главная заслуга установленія и разработки вопросовъ лингвистики въ этомъ направленіи принадлежитъ германскимъ ученымъ ²⁾. Вслѣдствіе разности методовъ изученія

---

¹⁾ Штейнталь, О происхожденіи языка и т. д. 1877, стр. 371.

²⁾ Намеки на новую точку зрѣнія можно встрѣтить раньше и у другихъ ученыхъ, какъ напримѣръ, у Француза Бреалля, Англичанина Уитнея, Датчанина Вернера и др.; въ Германіи же это движеніе получило систематическую формулировку и образовало школу; поэтому за Германіей остается и честь научной постановки вопроса.

предмета, новости нѣкоторыхъ выводовъ и перемѣны общаго направленія, ихъ выдѣлили въ особую школу, получившую наименованіе „ново-грамматической“ (Die jung-grammatische Schule): ея-то дѣятельность мы и попытаемся охарактеризировать въ предлагаемомъ очеркѣ. Оставляя въ сторонѣ болѣе спеціальныя области языковѣдѣнія, значеніе которыхъ опредѣляется ихъ внутреннею связью съ ея общими задачами, мы остановимся главнымъ образомъ лишь на послѣднихъ, отмѣчая, какое направленіе принимаетъ изученіе того или другаго отдѣла лингвистики, подъ общей окраской основной задачи. Интересъ знакомства съ трудами по научной разработкѣ данныхъ языка, хотя бы только въ бѣгломъ обзорѣ, опредѣляется самою сущностью предмета—языка, какъ выразителя нашихъ мыслей, чувствъ, настроеній, какъ главнаго орудія общенія и сношенія людей между собою, способности рѣчи, въ ея теперешнемъ развитіи, какъ одного изъ существенныхъ преимуществъ человѣка надъ животнымъ. Мы учимся говорить еще дѣтьми, едва научившись пользоваться самостоятельно своими членами; мы продолжаемъ учиться языку въ школѣ; далѣе вырабатываемъ его и пользуемся имъ всю свою жизнь. Желаніе сознательно отнестись къ этой функціи нашего существа, составляющей какъ бы его вторую природу, понять ея законы и осмысленно пользоваться переданными по наслѣдству, отъ поколѣнія къ поколѣнію, формами рѣчи есть первый стимулъ возбужденія интереса къ наукѣ о языкѣ. Къ нему присоединяется другой, болѣе теоретическаго характера, именно — что ни одна изъ отраслей культуры не поддается такой точности въ опредѣленіи условій ея развитія, какъ языкъ, и поэтому ни въ одной отрасли науки чело-вѣческой культурѣ (Culturwissenschaft) методъ изученія не можетъ быть доведенъ до такой степени совершенства, какъ въ языковѣдѣніи ¹⁾.

I.

При самомъ поверхностномъ наблюденіи надъ языкомъ въ его ежедневномъ употребленіи, насъ прежде всего поражаютъ въ немъ два явленія, по видимому, вполне противорѣчивыя: съ одной стороны, мы усматриваемъ такую тѣсную связь дѣятельности рѣчи съ мышленіемъ, что является вопросъ: можно ли раздѣлять смыслъ отъ слова,

¹⁾ Цауль, Принципы исторіи языка 1880 г., стр. 6.

и не суть ли правила рѣчи то же, что законы логики? Съ другой стороны, мы наталкиваемся на явныя несообразности съ логической точки зрѣнія въ такъ-называемыхъ идиотизмахъ языка, въ безчисленныхъ исключеніяхъ, перекрещивающихъ почти всякое грамматическое правило; наконецъ, нѣкоторые слова—синонимы—отвѣчаютъ самымъ разнообразнымъ понятіямъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго. Это наводитъ на мысль, что между словомъ и понятіемъ нѣтъ никакой органической связи, или иначе, что всякій звукъ можетъ соответствовать всякому значенію, лишь условно ему приданному. Последнее мнѣніе было высказано нѣсколько лѣтъ тому назадъ Гейгеромъ въ его книгѣ: „О происхожденіи и развитіи языка и разума человѣка“ (1867). Имѣя за собою лишь нѣкоторую долю наглядной доказательности, теорія эта въ то же время предполагаетъ цѣлый рядъ предшествовавшихъ работъ по языковеденію, которыми дѣйствительно была бы доказана независимость фонетическихъ явленій въ рѣчи, такъ-называемыхъ звуковыхъ законовъ, формъ, сложившихся историческимъ путемъ, отъ придаваемого имъ смысла или содержанія. Въ началѣ этого вѣка, когда упомянутая разработка матеріала съ фактической стороны не достигла еще такой полноты, какъ теперь, держалось другое мнѣніе, усматривающее самую тѣсную связь между логикой и правилами рѣчи. Последнія выводились отвлеченнымъ путемъ изъ законовъ логики и подводились подъ категоріи мышленія; особенности языка, не поддающіяся этимъ отвлеченнымъ рамкамъ, признавались апомаліями, позднѣйшими искаженіями и т. п. Въ такомъ смыслѣ понимали грамматику, напримѣръ, Ф. Веккеръ („Организмъ языка“) и Г. Германнъ. Несостоятельность подобнаго критерія была много разъ доказываема и теперь болѣе или менѣе очевидна: языкъ не является логичнымъ а ргіогі и даже въ полномъ развитіи своемъ не вполне сливается съ постулатами разума, такъ что нельзя выводить обратнымъ путемъ правила рѣчи изъ законовъ логики. Притомъ, если смотрѣть на языкъ только съ его логической стороны, то придется крайне ограничить его область и массу матеріала, не соответствующаго требованіямъ логики, просто оставить въ сторонѣ, какъ не подлежащую ей изслѣдованію. Германнъ такъ и дѣлалъ ¹⁾. Объясняя происхожденіе всякихъ идиотизмовъ языка произволомъ и обычаемъ, онъ считалъ наукой только грамматику (логическую), а не ученіе объ идиотизмахъ, въ которыхъ гос-

¹⁾ См. предисловіе Германна къ изданію Витера «Idiomata linguae Græcæ».

подствуетъ не разумъ, а прихоть и обычай (*non ratio, sed usus et licentia*). Штейнталь, въ статьѣ „объ ассимиляціи и диссимиляціи, психологически разъясненныхъ“, ¹⁾ указываетъ, что въ воззрѣніяхъ Германна отразилось еще ученіе александрійскихъ грамматиковъ, рѣзко отличавшихъ *ratio* и *usus*—первое, какъ осмысленное, законное въ языкѣ, и второе, какъ случайное, не поддающееся толкованію. Но очевидно, наука не имѣетъ права отбрасывать то или другое въ извѣстной области, какъ ей не нравящееся, и если выбирать собѣ по усмотрѣнію матеріалъ, то нельзя говорить о научной постановкѣ вопроса. Кроме того, „мы хотимъ“, замѣчаетъ Штейнталь,—нѣсколько больше или иного, чѣмъ простая классификація данныхъ; мы хотимъ объяснить ихъ“. Определить же, что одни явленія въ языкѣ разумны, другія—нѣтъ, не есть объясненіе этихъ явленій. „Научность же разисканій Германна, кажется, заключается лишь въ томъ, что самые простые факты онъ выражаетъ наивозможно абстрактнѣйшимъ образомъ“ (стр. 97).

Но и мнѣніе Гейгера, которое мы сопоставили съ Германновымъ какъ двѣ крайности, не является вполне научнымъ, хотя и основано на нѣкоторыхъ выводахъ науки. Независимость звуковыхъ законовъ, формальныхъ перемѣнъ, отъ содержанія слова, его смысла, служить Гейгеру лишь поводомъ ограничить задачу лингвистики, которая занимается только этими, по его мнѣнію, болѣе или менѣе механическими явленіями; вопросъ же о происхожденіи языка онъ переноситъ въ философію, отождествляя исторію языка, со стороны содержанія, съ эмпирическою критикою разума. Входитъ въ разборъ послѣдней здѣсь не мѣсто ²⁾. Замѣтимъ только, что основное положеніе Гейгера весьма мало разъясняетъ дѣйствительный ходъ вещей: звуки, слова развивались сами по себѣ, подчиняясь особымъ законамъ. Изъ первоначальныхъ криковъ, на подобіе звѣринныхъ, развилась членораздѣльная рѣчь, сложилась многообразная система формъ, при чемъ каждое новое слово развивалось изъ предыдущаго, каждый звукъ изъ другаго звука, и это само собой, безъ видимой причины. Гейгеръ сравниваетъ происхожденіе словъ съ планетами. Отдѣльно отъ своей словесной формулировки

¹⁾ *Журналъ Народной Психологіи*, томъ I, 1860.

²⁾ Подробный разборъ, какъ теоріи Гейгера о происхожденіи языка, такъ и вообще его философіи, можно найти въ выше указанномъ сочиненіи *Штейнтале*: О происхожденіи языка, стр. 146—299.

развивались понятія (подъ которыми Гейгеръ разумѣетъ вообще значеніе словъ), но тоже узенькою цѣпью переходовъ одного изъ другаго. Связь между словомъ и его смысломъ есть дѣло простаго случая, поэтому для опредѣленія этимологіи словъ надо начинать не съ изученія ихъ внѣшней формы, а искать ихъ внутренняго смысла (то-есть, замѣчаетъ Штейнталь, сперва научиться плавать, а затѣмъ входить въ воду). Первый путь, которому слѣдуютъ филологи, не можетъ, по Гейгеру, дать надлежащихъ объясненій, такъ какъ съ формальной стороны почти всякій звукъ можетъ измѣняться во всякій иной. Очевидно, подобная постановка вопроса не есть объясненіе явленій языка, потому что изъ нея мы не видимъ ни почему происходятъ измѣненія въ словахъ и формахъ, ни какъ они происходятъ. Хотя Гейгеръ ставитъ себя отдѣльно отъ всякихъ школъ и представителей науки, но мы усматриваемъ въ его теоріи откликъ цѣлому ряду работъ по лингвистикѣ, накопившихся съ начала этого вѣка. Правда, его положенія разнятся отъ нихъ; тѣмъ не менѣе, по своей основѣ, они коренятся въ нѣкоторыхъ временныхъ выводахъ историко-сравнительнаго языковеденія, и главнымъ образомъ въ двухъ изъ нихъ: 1) въ независимости измѣненій формъ словъ отъ ихъ содержанія, и 2) въ своеобразности фонетическихъ законовъ языка, какъ обособленнаго организма. Мы назвали эти выводы временными, потому что если первое пополненіе (частью) подтверждается повѣйшими изслѣдованіями, то второе теперь оспаривается, и съ полною справедливостью. Если попытки отвлеченно-логическихъ грамматикъ, опережая фактическую разработку матеріала, оказались въ извѣстномъ противорѣчій съ этимъ послѣднимъ пополненіемъ, то съ другой стороны, теорія, на подобіе Гейгеровой, свидѣтельствуютъ о неустойчивости извѣстныхъ принципіальныхъ положеній данной науки. Такъ оно дѣйствительно и было въ языковеденіи, которое, развившись съ начала этого вѣка въ самостоятельную науку съ крайнею быстротой, установило вслѣдствіе извѣстной односторонности направленія, нѣкоторыя положенія, съ которыхъ теперь возвращаются назадъ. Въ нашу задачу не входитъ изложеніе исторіи языковеденія, какъ науки, и различныхъ теорій, господствовавшихъ въ ней; поэтому мы остановимся лишь на главнѣйшихъ вопросахъ, въ которыхъ за послѣднее время усматривается новое направленіе. Мы укажемъ, въ какомъ отношеніи находится это движеніе къ прежнимъ трудамъ по лингвистикѣ, а такъ какъ оно обособилось въ болѣе или менѣе самостоятельную школу, сложившуюся

изъ одновременныхъ работъ нѣсколькихъ ученыхъ по разнымъ частнымъ вопросамъ, въ результатъ же повлекло за собою довольно существенную перемену опредѣленія задачъ языковѣдѣнія и его методовъ,—то сперва мы остановимся на отрицательномъ отношеніи этой школы къ выводамъ прежнихъ лингвистовъ, а затѣмъ выяснимъ ея положительную сторону. Какъ общую характеристику современныхъ лингвистическихъ работъ ново-грамматической школы въ сопоставленіи съ прежними, можно отмѣтить то, что, съ одной стороны, значительно ослабъ интересъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, особенно занимавшимъ филологовъ прежней школы, и что въ замѣнъ того другія явленія, казавшіяся прежде имѣющими только второстепенную важность, привлекаютъ теперь общее вниманіе. Такъ, отодвинулся на второй планъ вопросъ о сродствѣ языковъ индо-европейской семьи и объ опредѣленіи формъ праязыка, а особенно тщательно изучаются новые языки, въ ихъ живомъ употребленіи, нарѣчія, говоры и т. п. Зависитъ это отъ принципиальной перемены въ постановкѣ вопроса, которая выяснится намъ при разборѣ выводовъ, полученныхъ прежними изслѣдователями.

II.

Первымъ толчкомъ къ развитію историко-сравнительнаго языковѣдѣнія послужило, какъ извѣстно, знакомство съ санскритомъ. Правда, отдѣльныя попытки установить нѣкоторое сродство между тѣми или другими языками были дѣлаемы и раньше. Такъ, еще въ XVI вѣкѣ говорилось о сродствѣ французскаго языка съ латинскимъ, испанскаго съ баскскимъ и т. п., но сближенія были болѣе или менѣе гадательны, часто ошибочны и не имѣли научнаго характера. Таковой приняло языковѣдѣніе лишь тогда, когда къ вопросамъ грамматики были примѣнены методы исторической и историко-сравнительной, когда трудами Боппа, Шлегеля, Як. Гримма, Потта и др. извѣстная группа азіатскихъ и европейскихъ языковъ была выдѣлена въ одну общую семью индо-европейскихъ языковъ, отдѣльно отъ которой были установлены иныя группы—семитическихъ, финнскихъ, тюркскихъ и другихъ языковъ. Въ замѣнъ изученія единичныхъ языковъ, имѣвшаго преимущественно практическое значеніе, явилась возможность научной разработки языковѣдѣнія. Но на первыхъ же порахъ установленія сродства языковъ, группирующихся вокругъ

санскрита, возникли спорные пункты, которые послѣ длиннаго ряда добросовѣстныхъ и тщательныхъ изслѣдованій, не достигли и по настоящее время удовлетворительнаго разрѣшенія. О нихъ теперь рѣчь.

В. Джонсъ, которому принадлежитъ честь первенства въ указаніи важности изученія санскритскаго языка, высказывался (1786 г.) только въ томъ смыслѣ, что, по его мнѣнію, языки индійскій, греческій и латинскій должны быть возведены къ одному общему источнику. Каковъ этотъ источникъ, у какого народа искать древнѣйшихъ слѣдовъ его, можно ли опредѣлить хотя мѣстожителство этого пранарода, — эти и имъ подобные вопросы были оставлены въ сторонѣ. Точно также Вонпъ говоритъ лишь въ общихъ чертахъ о времени „общности“ (Identität) нынѣ раздѣлившихся языковъ, о пра-родинѣ, отъ которой обособились современные народы, и т. п. Между тѣмъ Фр. Шлегель прямо называетъ индійскій языкъ древнѣйшимъ, и признаетъ, что изъ него возникли позднѣйшіе языки, какъ напримѣръ, греческій, латинскій, германскій и т. д. Однако, это положеніе Шлегеля не приобрѣло себѣ много приверженцевъ, такъ что общимъ мнѣніемъ можно считать только то, что нѣкогда существовалъ праязыкъ, безъ болѣе точнаго опредѣленія его; нынѣ вполне утраченный, онъ послужилъ лишь основой языковъ индо-европейской семьи. Затѣмъ является вопросъ: въ какомъ отношеніи устанавливаются къ нему тѣ или другія группы сродныхъ языковъ? какія изъ нихъ считать древнѣе, какія новѣйшаго происхожденія? Полная формальная система группировки индо-европейскихъ языковъ, въ ихъ общемъ сродствѣ съ праязыкомъ, была предложена Шлейхеромъ въ его *Compendium der Vergl. Sprachkunde* (1861). Основываясь на разныхъ особенностяхъ языковъ и звуковыхъ законовъ, установленныхъ частью имъ самимъ, частью трудами его предшественниковъ и современниковъ, онъ пришелъ къ своей извѣстной фигурѣ о деревѣ и вѣтвяхъ (Stammbaumentheorie), по которой сравнивалъ праязыкъ со стволомъ дерева, а позднѣйшіе языки — съ вѣтвями. Последніе онъ группировалъ слѣдующимъ образомъ: двѣ главныя вѣтви праязыка суть: 1) группа азіатскихъ языковъ и 2) группа языковъ европейскихъ. Затѣмъ вторая вѣтвь распадается еще на двѣ вѣтви: 1) южно-европейскую (или греко-италико-кельтскую) и 2) сѣверно-европейскую (или славяно-литовско-германскую). Такъ какъ вторая группа представляетъ меньше отклоненій отъ предполагаемыхъ примитивныхъ формъ праязыка, то Шлейхеръ изъ этого заключаетъ, что она позднѣе обо-

собилась отъ него, чѣмъ первая. Что же касается до сходствъ, замѣчаемыхъ въ звуковомъ строѣ между, напримѣръ, азіатскою группою и славяно-литовскою, то Шлейхеръ объясняетъ ихъ не общностью первоначальной основы, а тѣмъ, что сложились эти формы, по его мнѣнію, у каждаго изъ помянутыхъ народовъ самостоятельно и обособленно, лишь случайно совпадая. Поэтому онѣ не могутъ служить основаніемъ для заключенія о болѣе близкомъ сродствѣ между азіатскою и славяно-литовскою группами. Но рядомъ съ группировкой Шлейхера существуетъ нѣсколько другихъ, по которымъ отдѣльныя группы индо-европейскихъ языковъ разбиваются въ иномъ порядкѣ. Фр. фонъ-деръ-Шфорденъ ¹⁾ приводитъ слѣдующія, другъ другу противорѣчащія раздѣленія на группы: Общепризнаннымъ, по его мнѣнію, является лишь тѣсное сродство арійскихъ и славяно-литовскихъ языковъ съ индо-европейскимъ праязыкомъ. Затѣмъ Вонпъ ставитъ ту и другую вѣтви въ болѣе тѣсную между собою связь (отрицаемую, какъ мы видѣли, Шлейхеромъ). Як. Гриммъ связываетъ литовско-славянскую съ германскою; Лоттнеръ и Эбель—германскую съ кельтскою; Зонне—кельтскую съ италійскою (то же и Шлейхеръ); Л. Мейеръ, Корсенъ, Курціусъ—италійскую съ греческою; наконецъ, Грасманнъ—греческую съ арійскою. Такое разногласіе выводовъ уже само по себѣ говоритъ противъ вѣрности критерія, по которому производилась оцѣнка древности извѣстнаго языка и его болѣе или менѣе тѣснаго сродства съ другою группою. Несомнѣнно, что одни языки имѣютъ между собою больше чертъ общности, чѣмъ другіе, а также и то, что нѣкоторые языки представляютъ больше отклоненій отъ первоначальнаго строя, другіе меньше, но вопросъ въ томъ, какое значеніе можно придавать этимъ даннымъ и въ какой степени довѣряться имъ?

И. Шмидтъ ²⁾ выставилъ новую теорію, значительно подорвавшую кредитъ такъ-называемой *Stammbaumtheorie*. Возставая противъ даннаго Шлейхеромъ объясненія — сходныхъ чертъ между двумя группами языковъ, какъ арійскою и славяно-литовскою, случайнымъ совпаденіемъ, онъ въ то же время отрицаетъ возможность придавать этимъ общимъ чертамъ значеніе исторической реальности. Напримѣръ, нѣкоторыя общія черты въ греко-италійскою группѣ, по его мнѣнію, вовсе не доказываютъ существованія раньше

¹⁾ См. *Ausland* 1883 г., № 3.

²⁾ *J. Schmidt*, *Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen*, 1872.

греко-италійскаго основнаго языка, изъ котораго развились бы эти двѣ вѣтви. Греческій языкъ находится въ такомъ же отношеніи къ италійскимъ, съ одной стороны, какъ къ арійскимъ, съ другой, и занимаетъ между ними лишь срединное мѣсто. Точно также славяно-литовскій не есть вѣтвь ни арійскаго, ни германскаго, а органическій посредникъ между тѣми и другимъ, и т. д. Нигдѣ между языками нельзя установить точныхъ границъ, всюду усматриваются лишь постепенные, непрерывные переходы. Такъ какъ существованіе общаго европейскаго языка ничѣмъ не доказывается, то слѣдуетъ предположить, что движеніе изъ Азіи въ Европу, шло волнами при чемъ, когда извѣстный народъ вслѣдствіе политическихъ, религіозныхъ, социальныхъ и тому подобныхъ условій получалъ преобладающее значеніе надъ сосѣдями, то вслѣдъ за симъ выдѣлялись у него и извѣстныя особенности языка. Этимъ объясняется, какъ сложились отдѣльныя группы языковъ. Если принять Шмидтову теорію волнообразнаго, постепеннаго и непрерывнаго поступательнаго движенія въ развитіи языковъ, то очевидно, нужно разстаться съ Шлейхеровымъ изображеніемъ разныхъ группъ языковъ, какъ самостоятельныхъ вѣтвей лишь одного общаго ствола. При этомъ нельзя задать задачей составить рядъ сравнительныхъ грамматикъ отдѣльныхъ группъ, рядомъ съ общею грамматикой основнаго языка, — что составляло *desiderata* Шлейхера, если отдѣльныя группы представляются намъ лишь какъ видоизмѣненія, въ тѣсной зависимости однѣ отъ другихъ, одной и той же основы.

Противъ буквальнаго пониманія языковъ, какъ нарастающихъ вѣтвей дерева, высказался и Лескинъ въ предисловіи къ своему труду о склоненіяхъ въ славяно-литовскихъ и германскихъ нарѣчіяхъ ¹⁾. „И Indo-europäische Sprachen“, говоритъ онъ, — „не являются новыми индивидуумами, какъ обособившіяся вѣтви дерева; но если нужно прибѣгнуть къ сравненіямъ, это одинъ и тотъ же индивидуумъ, лишь въ различныхъ возрастахъ“. Тѣмъ не менѣе, если принять теорію о стволѣ и вѣтвяхъ не по отношенію къ самимъ языкамъ, а какъ символъ ряда историко-этнографическихъ событій, раздѣленія народовъ черезъ переселенія и т. п., то она заслуживаетъ полнаго вниманія, „такъ какъ языки не ведутъ обособленной жизни,

¹⁾ *A. Leskien, Die Declination in Slavisch-Litauischen u. Germanischen Sprachen, (gekürzte Preisschrift) 1876 г.* Къ этому труду намъ придется еще нѣсколько разъ возвращаться, такъ какъ въ немъ впервые были высказаны нѣкоторыя положенія, составляющія теперь краеугольный камень ново-грамматиковъ.

а тѣсно связаны съ народами". Въ этомъ смыслѣ теоріи Шмидта „противорѣчатъ исторической вѣроятности, такъ какъ есть полное основаніе предполагать, что произошли дѣйствительныя, географическія раздѣленія народовъ. Рядомъ съ этимъ возможно, что вновь воздѣйствовало каждое изъ происшедшихъ затѣмъ географическихъ соприкасаній, послѣ долгаго періода раздѣленія, черезъ сближеніе съ разныхъ сторонъ". Лескинъ дѣлаетъ ограниченіе теоріи Шмидта, и въ то же время придаетъ своеобразное значеніе символу Шлейхера, онъ старается согласовать обѣ теоріи. „Не слѣдовало бы", говоритъ онъ, — „выражаться такъ, что взаимное отношеніе индо-германскихъ языковъ понятно лишь при предположеніи о непрерывныхъ переходныхъ ступеняхъ, но слѣдующимъ образомъ: нѣкоторыя явленія, отдѣльныя совпаденія въ индо-германскихъ языкахъ, быть можетъ, не поддаются иному объясненію, какъ если принять, что въ прародинѣ соприкасались извѣстныя части языка, которыя потомъ угадываются одна изъ другой; позднѣйшее же взаимное отношеніе языковъ не зависитъ отъ ихъ первоначальнаго, то-есть, отъ того отношенія, которое устанавливалось въ прародинѣ, между нарѣчіями праязыка". Въ то же время Лескинъ указываетъ вполне справедливо и на несостоятельность принятаго критерія для рѣшенія этихъ вопросовъ о взаимоотношеніи индо-европейскихъ языковъ. „Отдаленіе отъ праязыка", говоритъ онъ (въ смыслѣ утраты прежняго словеснаго капитала), — „отнюдь не есть масштабъ для опредѣленія болѣе ранняго или позднѣйшаго отдѣленія извѣстнаго языка отъ него, такъ какъ различная быстрота развитія усматривается въ языкахъ вполне независимо отъ времени обособленія ихъ". Поэтому и относительная древность различныхъ индо-германскихъ языковъ не есть критерій для опредѣленія степени ихъ сродства между собою. Кромѣ того, Шлейхеръ въ своемъ распредѣленіи выразилъ нѣкоторую слабость къ цифрѣ два, къ которой старается подвести всѣ свои группы; не столько опирается онъ на факты, какъ на болшую или меньшую вѣроятность заключеній по аналогіи и нѣкоторой мистической приверженности этому дѣленію на два.

Но смежныя формы различныхъ языковъ, объясняемая Шлейхеромъ то чрезъ случайныя совпаденія, то какъ признаки сродства, а Шмидтомъ — какъ слѣды посредствующихъ переходовъ, получили еще иное толкованіе. Именно Фиккъ ¹⁾ объясняетъ ихъ не какъ новыя яв-

¹⁾ Fick, Ueber die Spracheinheit der Indogermanen Europa's, 1873.

ленія въ отдѣльныхъ языкахъ, и потому не какъ присущій имъ признакъ, по которому можно было бы дѣлать тѣ или другія заключенія, а какъ слѣды разнообразія въ самомъ основномъ языкѣ. Послѣдній не представляется одноформеннымъ, но съ самаго начала имѣлъ разныя колебанія, особенности, которыя послужили зерномъ для нѣкоторыхъ разновидностей въ позднѣйшихъ индо-европейскихъ языкахъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ шатки всѣ заключенія объ болѣе тѣсномъ сродствѣ тѣхъ или другихъ группъ этихъ языковъ, и какъ одинъ за другимъ подрываются критеріи для опредѣленія ихъ относительной древности, и положенія къ праязыку. „Приходится признать только“, говоритъ Дельбрюкъ ¹⁾, — „основную праобщность индо-германскихъ языковъ и отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ распредѣленія ихъ въ отдѣльныя группы (за исключеніемъ индійско-иранской)“. Но это основное сродство, какъ мы видѣли, было признано съ самаго начала, почти вѣкъ тому назадъ, и результатомъ цѣлаго ряда работъ въ этомъ направленіи является лишь отрицательный выводъ о невозможности съ полною достовѣрностью установить болѣе точныя грани. Это сознаніе и было причиной того, что интересъ къ вопросу объ опредѣленіи болѣе точнаго сродства индо-европейскихъ языковъ сходитъ въ настоящее время со сцены. Подобную же судьбу претерпѣлъ и вопросъ объ установленіи формъ праязыка, особенно занимавшій Шлейхера, который даже попробовалъ пересказать нѣкоторую басню на этомъ гадательномъ нарѣчій, возстановленномъ болѣе или менѣе удачными грамматическими операціями. Мы не будемъ вдаваться въ разборъ колебаній и измѣненій въ вопросѣ объ опредѣленіи первичныхъ формъ праязыка, такъ какъ предметъ этотъ слишкомъ спеціаленъ. Въ короткихъ словахъ — здѣсь царствуетъ такая же произвольность и субъективность, какъ и въ вопросѣ о сродствѣ индо-германскихъ языковъ. Доказательствомъ тому служитъ то, что почти каждый ученый опредѣляетъ первичныя формы по своему, и съ новыми открытіями, съ установленіемъ новыхъ данныхъ ²⁾ измѣняется и написаніе праформъ. Для современныхъ лингвистовъ „басня“ Шлейхера уже не есть образчикъ праязыка. Кромѣ того, въ вопросѣ о корняхъ, именныхъ и глагольныхъ основахъ слѣдуетъ отмѣтить условность ихъ опредѣленій: основы существовали въ пра-

¹⁾ *Delbrück*, Einleitung in das Sprachstudium (Indogerm. Gramm. B. I. IV) 1880.

²⁾ Напримѣръ, открытіе звука *e* въ индо-германскомъ праязыкѣ (Курциусъ), звучнаго *p* (*g*) (Остговъ), раньше отрицаемыхъ, и т. п.

языкъ въ періодъ до развитія надежныхъ формъ; если же мы говоримъ о греческихъ, латинскихъ, и т. п. именныхъ или глагольныхъ основахъ, то не болѣе, какъ ради практическаго удобства; таковыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Въ индо-германскомъ же языкѣ раздѣляются два періода: до-флективный (когда корни имѣли самостоятельное значеніе) и флективный (когда развились основы словъ, и затѣмъ надежныя и глагольныя формы). „Опредѣлить хронологически эти періоды — пока не въ нашей власти“¹⁾. Слѣдуетъ еще отмѣтить относительно положенія санскрита къ праязыку, что за послѣднее время рядомъ изслѣдованій Бругманна, Остогова, Сосюра, Клуго и др. выяснилось, что не столько въ цѣль, сколько въ разнообразіи европейскихъ языковъ, усматриваются слѣды болѣе примитивныхъ формъ (особенно въ греческомъ). Теорія Шлегеля такимъ образомъ является болѣе чѣмъ когда-либо несостоятельною.

Какъ ни бѣгло прослѣдили мы колебанія, замѣчаемыя въ установленіи самыхъ основныхъ вопросовъ сравнительнаго языковѣдѣнія, изъ предыдущаго все-таки можно видѣть, что дискредитъ, въ который впали теперь выводы по указаннымъ вопросамъ, установленныя прежними учеными, имѣетъ существенное значеніе. Онъ приводитъ насъ къ вопросу о методѣ, по которому производились до сихъ поръ лингвистическія работы, а затѣмъ и къ общему представленію о такъ-называемомъ организмѣ языка. Сперва коснемся метода.

III.

Когда было замѣчено, что разныя грамматическія формы не являются въ языкѣ какъ нѣчто готовое, а объясняются рядомъ историческихъ переходовъ, въ послѣднихъ же усматривается извѣстнаго рода законность, то явился вопросъ объ опредѣленіи этихъ законовъ языка и выясненіи историческимъ путемъ формъ словъ. Въ этомъ направленіи совершались изслѣдованія филологовъ, и должно признать, что результаты наблюденій и богатство собраннаго матеріала представляются чрезвычайно важными. Законъ перебора согласныхъ (Lautverschiebung), открытый Раскомъ и Гриммомъ, и разныя отношенія къ нему германскихъ нарѣчій; звуковыя характеристики романскихъ

¹⁾ Дельбрюкъ, Einleitung.

нарѣчій по отношенію къ ихъ общему источнику—народной латини, установленныя главнымъ образомъ Дицомъ; разработка славянскихъ нарѣчій Миклошичемъ; наконецъ, рядъ трудовъ, начиная съ Боппа до Шлейхера и другихъ современниковъ и послѣдователей его,—все это составляетъ главное основаніе языковеденія, какъ науки, и хотя при критической переработкѣ матеріала, многія изъ положеній, установленныхъ прежними учеными, получили теперь новую формулировку, были модифицированы или измѣнены,—заслуга этихъ трудовъ остается несомнѣнною. Мы дѣлаемъ теперь эту оговорку потому, что если, какъ увидимъ ниже, современное направленіе языковеденія становится въ извѣстный антагонизмъ къ прошлому, то не надо забывать, что возможность установленія новой точки зрѣнія значительно обусловливается предшествовавшими работами въ этой области. Тѣмъ не менѣе нельзя, по нашему мнѣнію, видѣть въ новой школѣ лишь дальнѣйшую ступень въ наукѣ, какъ пытается это дѣлать Мистелли ¹⁾, такъ какъ въ теперешнемъ броженіи усматривается не простое развитіе впередъ, а весьма радикальная перемѣна основнаго метода, при чемъ прежніе принципы науки о языкѣ признаны вполне невѣрными и замѣнены новыми. Мы увидимъ сейчасъ, при разборѣ вопроса о такъ-называемомъ звуковомъ законѣ, что нѣкоторые упреки „профановъ“ въ буквѣдствѣ лингвистовъ, а также глумленія по поводу того, что каждая буква переходитъ въ каждую, частью оправдывались отношеніемъ къ дѣлу самихъ филологовъ; теперь же они не мыслимы.

Прежде всего замѣтимъ, что какъ для Боппа, такъ и для ближайшихъ его послѣдователей, всякія измѣненія въ языкахъ суть признаки не развитія его, а „болѣзненности“, „искаженія“, „упадка“. Склонность къ благозвучію и удобству, въ ущербъ полнотѣ формъ, сказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отдаляются языки отъ своего прототипа. Законы же, по которымъ совершаются измѣненія въ формахъ словъ, суть, по мнѣнію Боппа, двоякаго рода: 1) механическіе и 2) физическіе. Въ зависимости отъ первыхъ находятся, напримѣръ, измѣненія въ основѣ словъ, вызываемыя тѣмъ или другимъ окончаніемъ ²⁾. Что же касается до физическихъ законовъ, то Боппъ отнюдь

¹⁾ См. *Журналъ Народной Психологіи*, т. XI.

²⁾ Какъ теперь доказано, на послабленіе или повышеніе основной гласной вліяетъ не количественная долгота или краткость примыкающаго къ ней окончанія, а вліяніе ударенія, падающаго на слѣдующій слогъ (является ли онъ со-всѣмъ безъ ударенія, или носитъ такъ-называемое побочное удареніе, См. *Дельбрюкка* Einleitung).

не придаетъ имъ общаго значенія; изъ ряда наблюдений опъ устанавливаетъ правило, которое не есть законъ въ строгомъ смыслѣ слова, а лишь обобщеніе болѣе или менѣе часто повторяющихся явленій, допускающее рядомъ массу исключеній. Подобно Вонпу, Шлейхеръ также приписываетъ, что языки сложились въ до-историческую эпоху, въ исторической же мы усматриваемъ лишь ихъ вырожденіе. Помимо нѣкоторыхъ частныхъ отступленій ¹⁾, Шлейхеръ сходится съ Вонпомъ и въ методѣ установленія звуковыхъ правилъ, стараясь лишь ввести въ нихъ большую систематизацію. Въ отвѣтъ же на вопросъ: чѣмъ объясняются тѣ или другія измѣненія въ языкахъ, какой бы характеръ мы имъ не придавали—упадка или развитія, указывалось въ общихъ чертахъ на вліяніе климата, страны, быта народнаго, сосѣдей и т. п. Этимъ, однако, не отстранялась произвольность большинства усматриваемыхъ переходовъ и полнѣйшая необъяснимость отступленій отъ нихъ въ такъ-называемыхъ исключеніяхъ. Далѣе, не имѣя опредѣленнаго критерія, какъ нормы возможныхъ видоизмѣненій, ученые прежней школы не стѣснялись даже устанавливать, какъ правило, переходы, замѣчаемые лишь въ единичныхъ случаяхъ. Мало того, они, какъ справедливо указываетъ Мистелли не задумывались признавать возможность видоизмѣненія одной и той же буквы въ самыхъ разнообразныхъ, и смотря по обстоятельствамъ, устанавливали переходы напимѣръ *o* и въ *m*, и въ *s* (лат.), и въ *r*, и въ *l* (Вонпъ). Отсюда до полнаго смѣшенія фонетическихъ законовъ одинъ шагъ.

Причина, почему была возможна такая произвольность въ установленіи звуковыхъ переходовъ, заключается въ томъ, что прежніе филологи имѣли дѣло преимущественно лишь съ буквами, забывая, что послѣднія суть весьма приблизительные выразители звуковъ, въ ихъ живомъ произношеніи. Между тѣмъ всякій переходъ одного звука въ другой находится въ зависимости отъ физиологическихъ условий, и при установленіи этихъ переходовъ первою заботой должно быть—не противорѣчить физиологическимъ законамъ произношенія; эти же послѣдніе въ прежнее время совершенно оставались въ сторонѣ. При

---

¹⁾ Напимѣръ, въ вопросѣ объ объясненіи формъ склоненій и спряженій, которыя Вонпъ считаетъ просто спаянными (агглютинированными), Шлейхеръ различаетъ языки чисто агглютинированные (какъ семитическіе) отъ «элективныхъ» (индо-германскихъ) тѣмъ, что въ послѣднихъ, кромѣ формъ, образованныхъ черезъ сплоченіе, основная гласная имѣетъ еще способность измѣняться для выраженія разныхъ отношеній между понятіями или представленіями.

болѣе тщательномъ анализѣ звуковыхъ явленій, съ соблюденіемъ указанныхъ условій, было замѣчено, что въ нихъ совсѣмъ нѣтъ такой произвольности, и выставленъ принципъ, прямо противоположный прежнему ¹⁾ и именно, что звуковой законъ дѣйствуетъ безъ исключеній. Кажущіяся же отступленія отъ него объясняются или перекрещиваніемъ нѣсколькихъ законовъ, или образованіемъ по аналогіи. Мысль эта, впервые высказанная Лескинымъ была принята и развита другими учеными, и между прочимъ Остговъ посвятилъ разборъ этого вопроса отдѣльную статью ²⁾. Въ виду его важности мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Напередъ замѣтимъ, что законъ по отношенію къ извѣстнымъ явленіямъ дѣятельности рѣчи не можетъ имѣть того обстоятельнаго значенія, какъ, напримѣръ, въ физикѣ, или въ химіи, такъ какъ языки не остаются въ окаменѣлой формѣ, а постоянно видоизмѣняются и переформируются. Химическое тѣло, въ своемъ не смѣшанномъ видѣ, остается неизмѣннымъ изъ вѣка въ вѣкъ; поэтому законы сочетаній подобныхъ элементовъ имѣютъ постоянное значеніе, и мы, безъ ограниченія пространства и времени, можемъ говорить, что всякій разъ, напримѣръ, когда будетъ произведена смѣсь въ опредѣленной пропорціи кислорода и водорода, при соблюденіи тѣхъ или другихъ условій, способствующихъ ихъ соединенію, то получится вода. Иной смыслъ имѣютъ законы сочетаній и переходовъ звуковъ, такъ какъ они могутъ быть установлены лишь съ ограниченіемъ въ пространствѣ и времени: у извѣстнаго народа, въ извѣстную эпоху, замѣчаются такіа-то и такіа-то явленія; затѣмъ въ другую эпоху они могутъ принять совсѣмъ иной характеръ. Но вопросъ въ томъ, какую силу можно придавать обобщеніямъ, отвлеченнымъ изъ наблюденій, при сохраненіи указанныхъ ограниченій? Боппъ, какъ мы видѣли, устанавливая правило, допускалъ на ряду съ нимъ массу исключеній, и самое правило при этомъ не имѣло общаго характера, а обозначало лишь, что извѣстное явленіе болѣе или менѣе часто повторяется. Иначе ставитъ вопросъ Лескинъ: когда, при сравненіи двухъ языковъ, въ исторической преемственности слѣдующихъ одинъ за другимъ, мы замѣчаемъ, что извѣстныя сочетанія звуковъ получили иное произношеніе, чѣмъ было раньше, то мы должны предпола-

¹⁾ Онтъ, какъ извѣстно, вошелъ даже въ поговорку, что нѣтъ правилъ безъ исключеній.

²⁾ См. *Osthoff, Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formbildung, 1879.*

гать, что во всякомъ словѣ, въ которомъ это сочетаніе встрѣчается при одинаковыхъ условіяхъ, оно подвергнется однимъ и тѣмъ же фонетическимъ измѣненіямъ. Напримѣръ, когда латинское *c* передъ извѣстными гласными въ началѣ словъ, перешло въ старо-французскомъ (сѣверн.) въ произношеніи въ *сѣ* (*ш*)—(удержавшемся и въ новofранцузскомъ *caballus—cheval, carut—chef*), то нѣтъ никакого основанія предполагать, что этотъ переходъ не сталъ общимъ явленіемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносилось *k*, въ другихъ *ш*. Но конечно, переходъ не сразу установился. До образованія языка, какъ болѣе или менѣе обособившагося цѣлаго, усматривается періодъ колебаній, когда слово произносилось то такъ, то иначе. Этотъ періодъ, по мнѣнію Остгова, не могъ долго продолжаться; въ силу общности условій, вызвавшихъ перемѣну произношенія, въ силу стремленія къ взаимной провѣркѣ, подражательности и т. п., перевѣсъ въ пользу того или другого выговора долженъ былъ искорѣниться. Онъ получалъ силу общаго правила, и когда, напримѣръ, мы говоримъ о французскомъ языкѣ, таковымъ является указанный переходъ лат. *c* въ *сѣ*. Подобныя явленія звуковыхъ переходовъ именуется физиологическимъ моментомъ въ словообразованіи; совершаясь для говорящаго безсознательно, они, вслѣдствіе тождественности природныхъ условій и человѣческихъ организмовъ въ извѣстной группѣ индивидуумовъ, дѣйствуютъ въ равной степени и безъ исключеній. Объясняются эти переходы главнымъ образомъ удобствомъ произношенія, которое, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ различія органовъ рѣчи у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи. Измѣненіе органа рѣчи есть, по Остгову, въ общемъ настоящая причина историческихъ перебоевъ въ языкахъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности изслѣдовать этотъ факторъ въ прошедшемъ; точно также не возможно доказать безусловность въ этомъ смыслѣ звуковыхъ законовъ индуктивнымъ методомъ; но, по скольку мы можемъ заключать, что въ прежнія времена человѣческая природа, по своей сущности, была аналогична современной, по стольку эта теорія имѣетъ вѣроятіе. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію кажущихся отступленій отъ этихъ законовъ.

¹⁾ Дѣйствительная зависимость измѣненія органа рѣчи отъ климатическихъ и т. п. условій не установлена точно и теперь. Мы заключаемъ о ней лишь по большей или меньшей степени вѣроятія. Ниже, при обзорѣ книги Пауля, мы приведемъ точнѣе физиологическія объясненія совершающихся въ языкѣ фонетическихъ переходовъ.

Если допустить возможность одному и тому же звуку претерпевать разные измѣненія, даже при одинаковыхъ условіяхъ и въ области одного и того же языка, въ пространствѣ и времени ограниченнаго, то это доказываетъ, что переходы эти имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ; или что они не вѣрно толкуются; или наконецъ, что они затемняются другими причинами. Боппъ принималъ первое, но какъ мы видѣли, безъ достаточнаго основанія. Затѣмъ, такъ какъ не было обращено должнаго вниманія на относительность выраженія даннаго звука при посредствѣ буквъ и на дѣйствительный характеръ произношенія, то многіе переходы были не вѣрно установлены. Наконецъ, при разборѣ отдѣльныхъ случаевъ, когда мы видимъ, что въ данномъ словѣ ожидаемый перебой звуковъ не совершился, то часто, при болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи условій происхожденія этой формы, представляющей исключеніемъ, выясняется, что въ ней произошло переименованіе нѣсколькихъ законовъ, часть которыхъ, при взаимодѣйствіи, парализировалась. Приведемъ примѣръ: По Гриммову закону перебои согласныхъ въ индогерманскихъ языкахъ слѣдовало бы ожидать одинаковаго зубнаго звука *d* въ нѣмецкихъ словахъ: *vater*, *mutter*, *bruder*. Но мы видимъ, что это *d* является лишь въ одномъ изъ нихъ (*bruder*); *t* же въ остальныхъ словахъ приходится призвать просто исключеніемъ, что раньше и дѣлалось. Между тѣмъ, мы находимъ объясненіе этому явленію по другому закону, установленному Вернеромъ²⁾. Онъ установилъ зависимость фонетическихъ переходовъ согласныхъ отъ удареній, падающихъ на данный слогъ. Это такъ-называемый законъ грамматическихъ перебоевъ (*grammatische Wechsel*), по которому значително, что четыре твердые, фрикативные звука—*h*, *th*, *f*, *s*, внутри словъ (кромя сочетаній *ht*, *hs*, *ft*, *st*, *sk*, *sp*, *ss*) переходятъ въ соответствующіе мягкіе звуки *g*, *d*, *r*, *z*, когда слѣдующая за ними гласная не сохранила своего первоначальнаго ударенія (главнаго). За симъ эти звуки во вторичномъ перебоѣ согласныхъ, совершившемся въ верхне-нѣмецкомъ (*hoch-deutsch*), подверглись дальнѣйшимъ измѣненіямъ: *th* въ *d*, далѣе *d* въ *t*; чередуются *h* съ *g*, *f* съ *r*, и т. д. Санскритская форма упомянутыхъ словъ есть—*pitár*, *mátár*, *bhrátar*; мы видимъ, что главное удареніе въ первыхъ двухъ словахъ переимѣнилось въ нѣмецк. *väter*, *mütter* (не *vatér*, *muttér*), и сохранялось лишь въ *brüder*; въ связи съ

²⁾ См. *Verner*, Eine Ausnahme aus d. erste Lautverschiebung: *Zeitschr. f. Vergleichende Sprachforschung*, Bd. XXIII.

этимъ зубной звукъ въ послѣднемъ подвергся правильному перебою *t* въ *d*, по общему закону; а затѣмъ, съ перемѣщеніемъ ударенія въ *vater* и *mutter*, *d* подверглось новому перебою въ *t*, согласно Вернерову закону.

Отступленія, подобнымъ образомъ разъясненныя, очевидно, не противорѣчатъ общности установленія звуковаго закона, потому что если мы считаемъ общимъ правиломъ, на примѣръ, что вода прозрачнаго цвѣта, то морская вода, имѣющая разныя смѣси, можетъ быть и зеленою, и фосфористою, и лазуревою и т. п. Мы имѣемъ дѣло тогда съ явленіями смѣшанными. Но помимо тѣхъ случаевъ, которые выясняются перекрещиваніемъ нѣсколькихъ законовъ, есть слова, стоящія вполне особнякомъ отъ извѣстнаго звуковаго правила и представляющіяся дѣйствительными исключеніями изъ него. Физиологическаго объясненія мы имъ не находимъ, но тогда усматривается въ образованіи этихъ формъ другой факторъ—вліяніе аналогій, что принято называть психологическимъ моментомъ въ словообразованіи. На примѣръ: если, по звуковому закону, латинское *amo* перешло во франц. *aime*, то *amatus* должно было бы дать *amons*, а не *aimons*, такъ какъ въ первомъ случаѣ *a* въ началѣ слова стоитъ подъ удареніемъ, во второмъ—ниѣ ударенія. Между тѣмъ мы видимъ, что теперь множ. число сравнялось по основной гласной съ единственнымъ; говорятъ: *aimons*, *aimez*, *aiment*, а не *amons*, *amez*, *ament*. Въ этомъ усматривается нѣкоторое сглаживаніе подъ вліяніемъ аналогій. Дѣйствительно, коль скоро окончанія служатъ достаточнымъ средствомъ для различенія числа и лица, разница основы слова въ томъ же времени, наклоненіи и смыслѣ становится непріятною уху. По ассоціаціи идей происходятъ ассоціація и формъ и множественное число образуется изъ той же основы, изъ которой произошло и единственное. Но затѣмъ сглаживаніе идетъ еще далѣе, и всѣ глагольныя формы образуются изъ одной основы, такъ-что въ спряженіи современнаго французскаго *aimer* мы имѣемъ дѣло лишь съ основой *aim*. Форма прежняго причастія удержалась лишь въ существительномъ *amant* (*amântem*), различаемаго нынѣ по смыслу отъ *aimant*. Примѣровъ подобнаго нарушенія фонетическихъ законовъ, вслѣдствіе психологическихъ мотивовъ, въ каждомъ языкѣ представляется очень много. На первый взглядъ образованія по аналогіи важутся крайне случайными и субъективными, такъ что внести научный распорядокъ въ нихъ удастся далеко не сразу. Остговъ указываетъ, что прежде всего должно обратить вниманіе на рядъ взаимоотношеній между формой повліявшею и формой, подвергшеюся

вліянію. При этомъ оказывается, что иногда на цѣлую группу словъ повліяла форма весьма непогихъ, но по частому употребленію, играющихъ большую роль словъ. Напримѣръ, окончаніе перв. лица ед. числ. на *ми*, во всѣхъ сербскихъ глаголахъ объясняется Бругманномъ какъ образованіе по аналогіи съ четырьмя славянскими формами — *есми*, *вѣми*, *дами* и *ями*. Но въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, вліяніе аналогіи въ данномъ случаѣ не имѣло того же значенія; на оборотъ, *дами* подверглось приравниванію съ глагольнымъ окончаніемъ на *ю*; мы сохранили: я *есмь*, но говоримъ: я *даю*. Изъ этого видно, до какой степени трудно установить границы случайности образованій по аналогіи; требуется крайне тщательный анализъ психологическихъ процессовъ, съ которыми мы сталкиваемся при возникновеніи подобныхъ формъ; на изученіе ихъ, какъ увидимъ ниже, обращено теперь особенное вниманіе.—Что же касается до самаго приравниванія, то Остговъ, Бругманнъ и др. различаютъ его въ двухъ отношеніяхъ: 1) приравниваніе матеріальное (то-есть, основъ словъ, какъ выше приведенный примѣръ глагольныхъ основъ *am—и aīn—*), и 2) формальное (то-есть, окончаній; образчикъ послѣдняго мы видѣли въ образованіи окончанія перв. лица сербскаго спряженія на *ми*). Затѣмъ приравниваніе можетъ быть полное или частичное. Напримѣръ, когда въ греческ. языкѣ средній родъ множ. числ. отъ *χρῶος*, вмѣсто ожидаемаго *χρῶῶ*, образуется *χρῶᾶ*, то въ этомъ сказывается вліяніе общаго окончанія на *α* для им. пад. ср. р. мн. ч. (*χαλᾶ*, *αγαδᾶ* и т. д.); но приравниваніе здѣсь все-таки только частичное, потому что въ *χρῶᾶ—α* долгое, а не короткое, какъ въ *χαλᾶ*, *αγαδᾶ* и т. д.). Иногда образованіе по аналогіи вызывается потребностью различенія (*differentiae causae*). Напримѣръ, если сказать по латини *filiis filiisque*—сыповьямъ и дочерямъ, *dis disque*—богамъ и богинямъ, то въ формахъ усматривается смѣшеніе, отстраняемое при заимствованіи окончанія для женскаго рода изъ склоненія: *duae, duarum, duabus, duas*. Образованія по аналогіи формы будутъ: *filiabus, deabus*, отличныя отъ *filiis, dis*.

Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ образованій по аналогіи, мы видимъ, что если принципъ ихъ довольно простъ, то вслѣдствіе разнообразія примѣненій, изученіе отдѣльныхъ случаевъ представляетъ достаточно трудностей. Введеніе его въ опредѣленіе грамматическихъ формъ не является новостью въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ и раньше; но важно то значеніе, которое придаетъ ему теперь по отношенію къ безусловности дѣйствія звуковыхъ законовъ. Всѣ случаи, представляющіе кажущіяся отступленія

отъ послѣднихъ, тамъ, гдѣ они не являются результатами перекрещиванія нѣсколькихъ законовъ, въ опредѣленную эпоху и у даннаго народа, объясняются образованіемъ по аналогіи: такъ формируютъ свое положеніе представители ново-грамматической школы. Но такъ какъ при этомъ, для опредѣленія точныхъ переходовъ звуковъ пужна крайняя осмотрительность, то прежде чѣмъ распространять безусловность звуковыхъ законовъ на правила, усмотрѣнныя прежними филологами относительно исторіи того или другаго звука, должна быть произведена строгая провѣрка этихъ обобщеній. Явная же связь фонетическихъ явленій рѣчи съ физиологическимъ устройствомъ горла и зависимость звуковыхъ переходовъ отъ послѣдняго послужили поводомъ возникновенія отдѣльной отрасли лингвистики— „звуковой физиологіи“ (*Lautphysiologie*)¹⁾. Задачей ея является, какъ тщательное изученіе самаго органа рѣчи, такъ и опредѣленіе точнаго произношенія существующихъ сочетаній звуковъ у разныхъ народовъ, и классификація ихъ по органамъ произношенія. Если сосчитать всѣ отгѣнки, усматриваемыя „звуковыми физиологами“ въ произношеніи того или другаго звука, отгѣнки ускользящія обыкновенно отъ вниманія, затѣмъ разныя „безразличныя“ и „неопредѣленныя“ звуки, передаваемые на письмѣ обыкновенными гласными буквами, то кажется, что принятыя 25 или 28 буквъ нашей азбуки далеко не соответствуютъ дѣйствительному разнообразію употребляемыхъ въ рѣчи звуковъ²⁾.

¹⁾ См. труды *Сверса, Белли, Раскэ, Тэхмера* и др.

²⁾ Методъ изслѣдованія при этомъ (установленный главнымъ образомъ Тэхмеромъ) весьма простъ; въ то же время онъ имѣетъ за собою преимущества большой точности: движеніе губъ усматривается легко при искуственномъ наблюденіи; для того же, чтобъ услѣдить за положеніемъ языка при произношеніи, онъ вымазывается особымъ составомъ (клейстеръ съ китайскою тушью), такъ что всякое движеніе его оставляетъ отпечатокъ на нѣбѣ, зубахъ и т. д. Полученный такимъ образомъ рисунокъ безошибочно опредѣляетъ, какое движеніе языка предполагалось при произношеніи даннаго звука. Понятно, при этомъ нельзя разомъ выговаривать сложныя сочетанія, которыя дали бы лишь смѣшанный образъ, и каждый звукъ долженъ быть анализируемъ отдѣльно. Чтобы по возможности отстранить индивидуальныя особенности говорящаго, при изслѣдованіяхъ стараются произвести наблюденія надъ невозможно большею группою лицъ, уроженцевъ одной и той же мѣстности. Такъ какъ наука эта является еще вполне новою, то выводы ея относительно разныхъ звуковъ еще не установлены твердо; разбору спорныхъ вопросовъ посвящается журналъ *Тэхмера: Internationale Zeitschrift f. Sprachwissenschaft*, имѣющій появиться въ нынѣшнемъ году.

Мы видѣли, какъ постепенно одни за другими распатывались большинство выводовъ, а также прежніе методы научной разработки языковѣдѣнія. Резюмируемъ положенія новой школы, развившіяся на отрицательномъ отношеніи къ нимъ: 1) Вопросъ объ опредѣленіи ближайшаго средства отдѣльныхъ группъ индо-европейскихъ языковъ, равно и о формахъ языка, долженъ отойти на второй планъ, въ виду недостаточности критеріевъ для рѣшенія его. 2) Дѣйствіе звуковыхъ законовъ въ области, ограниченной въ пространствѣ и времени, признано безъ исключеній, и особенное вниманіе обращено на точное установленіе этихъ законовъ; въ связи съ этимъ тщательно разрабатывается такъ-называемый физиологическій моментъ въ словообразованіи. 3) Кажущіяся отступленія отъ этихъ законовъ, тамъ, гдѣ они не являются результатомъ перекрещиванія нѣсколькихъ законовъ, объясняются образованіемъ по аналогіи, что вызываетъ изученіе психическихъ факторовъ въ дѣятельности рѣчи. Тѣ и другія (то-есть, психологическіе и физиологическіе факторы) могутъ быть усмотрѣны только въ живой рѣчи, а потому на изслѣдованіе новыхъ языковъ обращено больше вниманія.

Теперь, чтобы покончить съ отрицательнымъ отношеніемъ новограмматической школы къ прежнимъ трудамъ, намъ остается перейти къ разсмотрѣнію общаго вопроса—опредѣленія того, что такое языкъ, и какъ понимать задачи языковѣдѣнія? Хотя этотъ вопросъ, по своей важности, долженъ былъ бы предшествовать другимъ, но мы видѣли, что новое движеніе въ наукѣ началось съ пересмотра частичныхъ положеній. Новое опредѣленіе задачъ языковѣдѣнія является выводомъ ряда спеціальныхъ работъ, и по скольку въ послѣднихъ замѣчается противоположность съ прежними, по столько разнится и общее положеніе отъ раньше господствовавшего.

IV..

Еще Вильгельмъ Гумбольдтъ назвалъ языкъ вѣчно измѣняющеюся, живою формой, находящеюся въ зависимости отъ различія духовной силы челоука, при чемъ проявленіе послѣдней, въ ея разнообразныхъ продуктахъ, не связывается исключительно съ теченіемъ времени (статья „О различіи строя языковъ у людей“). Но мысль эта долго не встрѣчала общаго признанія. Мы видѣли, что Лескинъ, возражая на Шлейхерово распредѣленіе относительной древности индо-герман-

скихъ языковъ, вновь долженъ былъ выставить положеніе, что большія или меньшія отклоненія отъ первоначальныхъ основъ не суть мѣрила для опредѣленія древности извѣстнаго языка, что одни языки могутъ развиваться быстрѣе, другіе медленнѣе и т. д. Но мало того, сложилось совершенно особенное понятіе объ языкѣ, какъ о какомъ-то организмѣ *in se*, имѣющемъ свои особые законы, особые принципы, могущемъ зарождаться, вымирать и т. п. Преимущественно имѣя дѣло лишь съ отвлеченными формами языка, съ уцѣлѣвшими остатками промежуточныхъ звеньевъ, прежніе филологи стали придавать имъ самостоятельное значеніе, забывая именно ту условность и постоянныя колебанія, на которыя, какъ характерныя черты дѣятельности рѣчи, напиралъ еще В. Гумбольдтъ. Фигуральныя выраженія „роста“, „развитія“, „упадка“, „перехода“ одного звука въ другой и т. д. внесли нѣкоторую путаницу въ самыя понятія; ибо очевидно, слово, само по себѣ, не можетъ перейти въ другое, звукъ не можетъ принять другое произношеніе иначе, какъ черезъ посредство говорящаго. Лишь въ послѣднемъ могутъ быть усмотрѣны реальныя причины фонетическихъ и другихъ измѣненій въ рѣчи, и изучая слова и звуки обособленно отъ ихъ живаго употребленія, мы торяемъ почву подъ ногами. Безспорно, вридь ли Вонпъ самъ придавалъ буквальное значеніе большинству тѣхъ техническихъ выраженій, которыя онъ заимствовалъ изъ естественныхъ наукъ, но представленіе о языкѣ, какъ о самостоятельномъ организмѣ, мы встрѣчаемъ у него довольно опредѣленно высказаннымъ: „Языки“, говоритъ онъ ¹⁾, — „должны быть разсматриваемы, какъ органическія естественныя тѣла (*Naturkörper*), которыя образуются по опредѣленнымъ законамъ, развиваются, имѣя въ себѣ внутренній жизненный принципъ, и постепенно вымираютъ, при чемъ они, переставая понимать сами себя, отбрасываютъ члены и формы, раньше имѣвшіе значеніе, но съ теченіемъ времени превратившіеся въ болѣе вѣдшнюю массу (безъ внутренняго смысла), или искажаютъ ихъ, или наконецъ, злоупотребляютъ ими, то-есть, принаравливаютъ къ дѣлямъ, къ которымъ эти члены и формы первоначально не были предназначены“. Мы уже упоминали, что время сложенія и развитія языковъ Вонпъ отодвигаетъ въ до-историческую эпоху, въ исторической же онъ усматриваетъ лишь „утраты“, „искаженія“, злоупотребленія. Языкъ, такимъ образомъ, долженъ имѣть свой собственный жизненный принципъ.

¹⁾ *Fr. Bopp, Vocalismus*, стр. 1.

а отношеніе къ нему говорящихъ, то-есть, пользующихся имъ, какъ орудіемъ мысли и общенія, сказывается лишь въ затѣмнѣніи или перепутываніи этого своеобразнаго естественнаго тѣла. Еще рѣзче, чѣмъ Боппъ, высказывается Шлейхеръ. Находясь подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ, въ ту пору привлекавшихъ общее вниманіе, и самъ занимаясь ботаникой, онъ перенесъ цѣликомъ въ область языковеденія не только термины, но и принципы естественныхъ наукъ, отождествивъ обоихъ. „Языкъ“, говоритъ онъ, — „есть естественный организмъ; онъ живетъ такимъ же образомъ, какъ и другіе организмы, хотя и не дѣйствуетъ, какъ человѣкъ. Наука объ этомъ организмѣ принадлежитъ къ области естественныхъ наукъ, и методъ, которому она должна слѣдовать, есть методъ естествознанія“. Это абстрактное представленіе Шлейхера о языкѣ, олицетворенномъ въ самостоятельный организмъ, есть основное положеніе цѣлой школы лингвистовъ. Его извѣстный *Compendium* является, по замѣчанію Дельбрюка, конечнымъ выводомъ цѣлаго періода развитія языковеденія, какъ науки, и если мы видѣли, что въ частныхъ вопросахъ сказалась несостоятельность раньше обычныхъ методъ и критеріевъ, то объясняются они, освѣщенныя общою окраской указаннаго взгляда на языкъ. Дѣйствительно, коль скоро мы признаемъ языкъ за самостоятельный, объективный организмъ, нашею заботой является не столько объяснить усматриваемую въ немъ законность явленій, сколько установить эти законы. Почему существуетъ, напримеръ, сила тяготѣнія? Почему при извѣстной химической смѣси получается хоть синяя окраска, а не красная, не зеленая? Эти и имъ подобныя вопросы кажутся натуралисту довольно праздными и не имѣющими существеннаго значенія; онъ радъ, когда можетъ удостовѣрять тѣ или другія естественныя явленія и при помощи добытыхъ положеній комбинировать новые возможные случаи. Точно также для лингвиста, усвоившаго себѣ упомянутыя воззрѣнія, главною заботой было установить рядъ процессовъ, замѣчаемыхъ въ исторіи языка: разложить слово на его первоначальные элементы, затѣмъ слѣдить за разными комбинаціями этихъ элементовъ и т. п. „Методъ языковеденія“, сказалъ Шлейхеръ, — „есть методъ естественныхъ наукъ“. Но даже предполагая возможность, что не реальныя тѣла (каковы слова, которыя суть ничто иное, какъ ряды созвучій, лишь въ нашемъ представленіи сгруппированныя въ самобытныя цѣлыя) подчинялись бы законамъ, аналогичнымъ съ тѣми, которые усматриваются во внѣшнемъ мірѣ, мы отнюдь не усматриваемъ этой

аналогіи въ явленіяхъ рѣчи. Естественные законы дѣйствуютъ въ силу неизбежной необходимости и безусловно; между тѣмъ Вольфъ, Шлейхеръ и др. на ряду съ каждымъ правиломъ должны были допускать массу исключеній. Положимъ, теперь послѣдніа вынасяются, но не въ силу правилъ, присущихъ собственно языкознанію, а въ силу условій человеческой природы, въ силу физиологическихъ и психологическихъ мотивовъ, которые такимъ образомъ переносятъ центръ изслѣдованій изъ отвлеченной сферы „образовъ“, представленій въ область дѣятельности, въ изученіе процессовъ внутренней жизни человѣка, для коего слова суть лишь болѣе или менѣе условныя выраженія личныхъ настроеній, понятій, представленій и пр. Къ тому же ошибочность многихъ допускаемыхъ раньше якобы звуковыхъ явленій уже одна въ значительной степени свидѣтельствуетъ о невѣрности метода, обособляющаго изученіе языка, какъ отвлеченія, отъ его дѣятельнаго значенія въ живой рѣчи.

Заслуга выясненія ложности направленія, въ которомъ развивалось прежнее языкознаніе, принадлежитъ прежде всего Штейнталу. Рядомъ статей въ Журналѣ для народной психологіи, основанномъ имъ вмѣстѣ съ Лазарусомъ (1860), а также отдѣльными трудами ¹⁾, онъ указалъ, что съ языкомъ нельзя обходиться какъ съ объективнымъ организмомъ, что онъ прежде всего есть выразитель внутренняго міра человѣка, что поэтому изученіе лингвистическихъ явленій находится въ тѣсной зависимости отъ уясненія психологическихъ процессовъ и т. п. Затѣмъ, когда появились одни за другими вышеуказанные труды въ разныхъ спеціальныхъ областяхъ и рядъ лингвистическихъ открытій, возраженія Штейнтала противъ Шлейхерова опредѣленія языка получили новое значеніе и привели къ общей перемѣнѣ пониманія задачъ языкознанія. Выразилось это въ книгѣ Пауля „Принципы исторіи языка“ (1880), на которой мы теперь остановимся для того, чтобы ближе познакомиться съ положительною стороною ново-грамматической школы. Пауль, опираясь съ одной стороны на нѣкоторыя положенія, выставленныя Штейнталемъ, а съ другой— суммируя отдѣльные приемы и методы своихъ сотрудниковъ по наукѣ, частью поправляя и дополняя ихъ, представилъ въ своей книгѣ систематическое изложеніе какъ сущности задачъ языкознанія, такъ и его

¹⁾ Капитальный трудъ его—«Введеніе въ психологію и языкознаніе» (1872), составляющій первый томъ *Abriss der Sprachwissenschaft*; затѣмъ упомянутое сочиненіе: «О происхожденіи языка, главнѣйшіи теоріи, изложеніе и критика ихъ» (1877 г.) и друг.

методовъ. Въ то же время, въ разработкѣ болѣе или менѣе спеціальныхъ вопросовъ, онъ является однимъ изъ видныхъ дѣятелей школы, принципіи которой онъ являлся защищать, и большинство молодыхъ ученыхъ новаго направленія (въ области германистики) группируются вокругъ издаваемого имъ вмѣстѣ съ Браунъ журнала ¹⁾). Но „Принципы исторіи языка“ составляютъ, по нашему мнѣнію, центръ движенія ново-грамматической школы и потому заслуживаютъ особенное вниманіе. Противъ общей части книги—классификаціи наукъ, критики народной психологіи и т. п., были сдѣланы и еще могутъ быть сдѣланы возраженія. Но существеннаго значенія эта часть сочиненія не имѣетъ по отношенію къ самимъ вопросамъ образованія и развитія языка; поэтому мы оставляемъ ее пока въ сторонѣ. Что же касается самихъ принциповъ, то возраженія противъ нихъ слышались лишь со стороны Беценбергера, Курціуса и другихъ поборниковъ Шлейхеровскаго направленія, намъ уже извѣстнаго. Разногласіе въ основномъ вопросѣ опредѣленія языка и вызвало книгу Пауля. Не безъ ѣдкости замѣчаетъ онъ (стр. 13), что многіе изъ ученыхъ, свысока теперь смотрящихъ на попытки научныхъ трудовъ по языку въ прежнія столѣтія, не такъ далеко разнятся отъ среднѣепокоевыхъ ломпалистовъ и реалистовъ, ибо для послѣднихъ слова также составляли отвлеченныя единицы, имѣющія свою особую жизнь, на подобіе Боппова жизненнаго принципа въ языкѣ. А что языковѣдѣ не можетъ составлять отрасли естественныхъ наукъ, это по мнѣнію Пауля, явствуетъ изъ того, что мы усматриваемъ воздѣйствіе психическихъ факторовъ (не отрицаемыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и представителями прежней школы) на образованіе и развитіе языка. Вслѣдствіе того законы языка не являются естественными законами, въ смыслѣ силъ, управляющихъ видимымъ міромъ. Установленіе и объясненіе ихъ кроется въ изученіи внутренняго міра чловѣка. Поэтому психологія, а на ряду съ нею фізіологія и акустика (какъ физическая наука), должны служить базисомъ науки о языкѣ. Задача же послѣдней есть изученіе отношеній между представленіями и ихъ звуковыми образами (словами). Какъ возникаютъ эти образы, какъ связываются съ тою или другою группою представленій, какими измѣненіямъ они подвергаются и проч., это мы сейчасъ увидимъ при изложеніи основъ исторіи языка.

---

¹⁾ *Beiträge zur Geschichte der German. Philologie.*

V.

Изъ предыдущаго изложенія намъ выяснилась точка зрѣнія, съ которой устанавливается современное изученіе языка; теперь намъ слѣдуетъ точнѣе опредѣлить его характеръ. Слова, рѣчь—сказали мы—имѣютъ для насъ важность въ ихъ ежедневномъ употребленіи лишь по столько, по сколько они служатъ выраженіемъ извѣстныхъ понятій, представленій и т. п., по ихъ внутреннему смыслу. Но такъ какъ ни проявить извѣстное душевное настроеніе, ни передать его другимъ мы не можемъ иначе, какъ черезъ посредство своей физической природы, то является необходимость регулировать установившіеся способы общенія, и между ними словесная дѣятельность, безспорно, занимаетъ первое мѣсто. Для насъ, владѣющихъ даромъ слова, жесты, мимика, выраженіе лица и т. п. служатъ обыкновенно побочными средствами тамъ, гдѣ простой словесный разказъ недостаточно рельефно опредѣляетъ чувство, настроеніе (напримѣръ, игра актеровъ на сценѣ). Но чѣмъ полнѣе и точнѣе слова передаютъ извѣстное содержаніе, тѣмъ менѣе нужды является въ жестикуляціи. Съ другой стороны, это зависитъ также отъ того, на сколько мы понимаемъ сказанное; и то, и другое, такимъ образомъ, то-есть, выраженіе и усвоеніе выраженного, являются процессами субъективными. Отсюда не трудно перейти къ опредѣленію, что дѣятельность рѣчи носить прежде всего индивидуальный характеръ, или иначе, что слово есть первоначально продуктъ индивидуальнаго творчества, лишь съ теченіемъ времени ставшій орудіемъ общенія и условною формой. Объяснимся.

Мы различаемъ слова, понятныя для насъ, отъ непонятныхъ тѣмъ, что первыя въ состояніи вызвать въ насъ извѣстныя представленія, мысли, чувства, тогда какъ вторыя производятъ на насъ только звуковыя ощущенія. Такое впечатлѣніе оставляетъ на насъ, напримѣръ, всякій иностранный языкъ, намъ незнакомый, если только по интонаціямъ, выраженію и т. п. мы не стараемся догадываться о смыслѣ услышаннаго. Но эта связь звуковаго образа съ извѣстнымъ представленіемъ можетъ быть сознава только тогда, когда личность или напередъ самостоятельно дошла до тождественнаго съ другими выраженія внутреннихъ представленій, или когда посредствомъ косвенныхъ описательныхъ способовъ насъ наводятъ на эту связь. Когда

дѣтей обучаютъ говорить, то происходитъ именно второе: въ русской семьѣ ребенокъ приучается связывать представленіе о предметѣ, напримѣръ, о столѣ со словомъ столъ, въ нѣмецкой семьѣ онъ ассоцируетъ это представленіе съ созвучіемъ Tisch, во французской— съ table и пр. Такъ относительно видимыхъ предметовъ. Если же вы захотите ребенку объяснить такія слова, какъ напримѣръ, дедукція или синтезъ, то для того, чтобъ онъ не воспринялъ ихъ просто механически, вы принуждены будете по крайней мѣрѣ прочесть ему маленький курсъ логики; а такъ какъ и послѣднее слово чуждо ему, и еще много при этомъ можетъ встрѣтиться непонятныхъ выраженій, то онъ успеетъ значительно возмужать и изъ ребенка стать молодымъ человѣкомъ прежде, чѣмъ пойметъ настоящее значеніе синтеза, дедукціи и т. п. „Нельзя“, замѣчаетъ Пауль (стр. 16),—„вложить въ душу нѣчто готовое, но все должно быть въ ней снова созданнымъ, начиная сначала: первичныя представленія—черезъ физиологическія возбужденія, сложныя представленія—черезъ отношенія, въ которыя первичныя представленія вступаютъ внутри самой души“. Подтвержденіе этого принципа усматривается, напримѣръ, въ тѣхъ явленіяхъ своеобразнаго толкованія непонятныхъ, но своему дѣйствительному значенію, словъ, которыя изслѣдуются особою отраслью языковеденія— такъ-называемою „народной этимологіей“. Навести на усвоеніе новаго понятія въ связи съ соотвѣтствующимъ ему звуковымъ образомъ не такъ трудно, когда имѣется уже достаточный запасъ матеріала, могущаго служить посредствующимъ звеномъ. Но это процессъ искусственный, который предполагаетъ за собою длинный рядъ культурныхъ условій, историческаго развитія и т. п. Предшествовать ему долженъ былъ иной процессъ—естественный, который мы теперь, при осложненіи общественной жизни, можемъ услѣдить лишь частью. А что языкъ не есть врожденный даръ, свидѣтельствуетъ и то, что нашихъ дѣтей мы болѣе или менѣе сознательно должны обучать ему, и то, что человѣкъ, долго пробывшій внѣ людскаго общества, разучается говорить. Мы можемъ отмѣтить, какъ отличительное свойство человѣка, лишь способность пользоваться дѣятельностію рѣчи; но сложилась эта способность не сразу.

Новѣйшими изслѣдованіями въ опредѣленіи этимологій словъ былъ отмѣченъ крайне любопытный фактъ, что не всѣ слова, по своимъ основамъ, возводятся къ временамъ глубокой древности, какъ это предполагалось раньше. Даже при сравненіи двухъ языковъ, находящихся между собою въ столь тѣсномъ сродствѣ, какъ ново-нѣмецкій

(съ начала XVI в.) а средне-верхне-нѣмецкій (приблизительно съ начала XII по XVI в.), усматривается цѣлый рядъ словъ ¹⁾, которыя не находятся въ связи съ раньше употреблявшимися, не объясняются заимствованіемъ изъ другихъ языковъ, и потому должны быть признаны повѣйшаго происхожденія. Но конечно, число ихъ относительно все-таки не велико. Оно важно лишь, какъ доказательство, что способность первоначальнаго созиданія (то, что Нѣмцы называютъ Urschöpfung) отнюдь не принадлежала исключительно прачеловѣку, ибо примѣры его на нашихъ глазахъ. Если намъ лично, привыкшимъ пользоваться готовымъ матеріаломъ, сама мысль—выдумать слово кажется странною (ибо впервыхъ, въ этомъ не представляется надобности, во вторыхъ, мы такъ бы и остались со своимъ словомъ, такъ какъ врядъ ли кто-либо пожелалъ перенять его), то это не исключаетъ возможности того, что, безсознательно для насъ, такія слова создаются ²⁾. Примѣры имъ мы находимъ въ народныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Если своеобразный характеръ многихъ „провинціализмовъ“ объясняется искаженіемъ извѣстныхъ словъ, то рядомъ съ этимъ усматриваются въ нихъ слова совершенно неизвѣстныхъ намъ корней и основъ, слова новаго происхожденія. Затѣмъ, черезъ досредство извѣстнаго писателя или инымъ путемъ они переносятся въ общій языкъ, обогащая его словарь. Но эти новыя слова не являются въ собственномъ смыслѣ выдуманпими; они возникаютъ непреднамеренно, часто безсознательно и удерживаются потому, что для данной группы индивидуумовъ представляются вполне нормальными, удачными, потому, что, можетъ быть, всякій изъ нихъ въ данномъ случаѣ выразился бы такимъ образомъ. Эти примѣры служатъ мѣриломъ для характеристики первоначальнаго возникновенія слова.

Какъ извѣстно, часть существующихъ словъ объясняется теоріей звукоподражательности; но послѣдняя можетъ имѣть лишь весьма ограниченное примѣненіе, такъ какъ, какія бы мы ни предполагали возможныя видоизмѣненія первоначальной основы, все-таки объясненію происхожденія прачеловѣка чрезъ звукоподражаніе поддается лишь весьма небольшая группа словъ. Но не могъ языкъ выработаться и по взаимному соглашенію, какъ условный способъ выразиться, ибо,

¹⁾ Примѣры см. у Лауля, Принципы, стр. 187, 188 и слѣд.

²⁾ Изъ получившихъ общее распространеніе словъ новаго происхожденія обыкновенно указываются на слово *казъ*.

как мы видѣли, взаимное пониманіе обуславливается существованіемъ равнѣе извѣстныхъ, установленныхъ способовъ общенія. Скорѣе всего языкъ сталъ орудіемъ общенія на основаніи общности человѣческой природы, и чѣмъ болѣе извѣстная группа индивидуумовъ была обособлена совмѣстной жизнью при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, тѣмъ скорѣе доходили ея члены до взаимнаго пониманія. Во всякомъ случаѣ дѣятельность слова, вызванная потребностями общественной жизни, въ которой ея развитіе было бы немислимо какъ по своимъ процессамъ образованія, такъ и по характеру употребленія, остается актомъ индивидуальной жизни. Когда человѣкъ, находясь въ извѣстномъ настроеніи или подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго впечатлѣнія, проявлялъ свое субъективное чувство или крикомъ, или болѣе сложнымъ сочетаніемъ звуковъ, то другое лицо, по природѣ съ нимъ сходное, находясь въ тѣхъ же условіяхъ, весьма вѣроятно, подобнымъ же образомъ выразило бы свое настроеніе. Это первый шагъ къ пониманію другъ друга. То, что сначала могло являться простою случайностью, при повтореніи получало болѣе или менѣе условное значеніе, такъ что обратно—произношеніе даннаго созвучія могло вызывать соответствующее представленіе. „Сначала“, говоритъ Штейнталь (стр. 217),—крикъ дѣйствуетъ по симпатіи, затѣмъ вызывая воспоминаніе (erinnern)“. Потомъ могла установиться извѣстная комбинація первоначальныхъ данныхъ, и постепенно отъ простѣйшихъ образовъ переходили къ болѣе сложнымъ. Конечно, это удавалось не сразу. Пауль указываетъ еще на двѣ трудности, которыя нужно было преодолѣть, прежде чѣмъ явилась возможность дѣятельности рѣчи: это—намѣренное повтореніе безсознательно произнесеннаго, что предполагаетъ запоминаніе послѣдняго; затѣмъ—трудность научиться по произволу пользоваться органомъ рѣчи, то-есть, издавать именно такіе-то, а не такіе-то звуки, что предполагаетъ за собою извѣстный навыкъ. (Прежде чѣмъ мы научаемся бѣгло играть, наприимѣръ, на фортепіано, мы должны упражнять и развивать мускулы пальцевъ, и только постепенно достигаемъ того, чтобы распорядиться ими по усмотрѣнію). Этотъ характеръ процесса первоначальнаго творчества наблюдается и при первыхъ попыткахъ пользоваться словомъ у ребенка. Его главными отличительными чертами, какъ мы видимъ, являются безпреднамѣренность и субъективность. Лишь то, что, отвѣчая личному представленію, въ то же время разомъ проявлялось у нѣсколькихъ, вслѣдствіе общности основной природы, могло стать условнымъ орудіемъ общенія, образовать слово. Затѣмъ, уже уста-

новленный знакъ могъ передаваться отъ поколѣнія въ поколѣнію, какъ извѣстный зачатокъ культуры, избавляющій новое поколѣніе отъ колебаній прежняго, и пролагая путь дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ. Но при этой передачѣ,—замѣчаетъ Пауль,—мы не видимъ совмѣстной дѣятельности въ выработкѣ языка, какъ напримѣръ, въ сложеніи и раздѣленіи труда для экономическихъ цѣлей, а дѣятельность одного послѣ другаго (*Nacheinanderwirkung*), ибо процессъ ассоціаціи образовъ и представленій совершается внутри каждаго отдѣльно и затѣмъ лишь проявляется во внѣшнихъ символахъ. Въ этомъ смыслѣ назвали мы языкъ продуктомъ индивидуальнаго творчества. Впикая въ разнообразіе личныхъ особенностей, которыя съ развитіемъ жизни все рѣзче и рѣзче сказываются съ тѣхъ поръ, какъ индивидуумъ занялъ самостоятельное мѣсто въ обществѣ, мы пришли бы къ выводу, что, собственно говоря, существуетъ столько же языковъ, сколько и индивидуумовъ. Такъ, строго понимая языкъ лишь въ его реальномъ значеніи, ставитъ вопросъ и Пауль. Разные, часто едва уловимые оттѣнки въ произношеніи, особенности въ структурѣ фразъ, въ выборѣ выраженій и т. п., во всемъ этомъ сказывается отпечатокъ личности. Давно уже было сказано: *le style c'est l'homme*. Но крайнему развитію субъективнаго характера языка является препятствіе съ другой стороны—припаравливаніе къ другимъ. Чтобы быть понятнымъ другимъ, чтобы поддерживать сношеніе съ ближними, необходима взаимная провѣрка, сглаживаніе слишкомъ индивидуальнаго, исключительнаго. Между этими двумя гранями—субъективизмомъ и общностью—вырабатывается языкъ, какъ орудіе мысли и общенія. При этомъ каждое новое изобрѣтеніе въ области условныхъ отобразовъ предметовъ и представленій совершается указаннымъ путемъ косвеннаго наведенія, переходовъ по ассоціаціи отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Если мы сопоставимъ идеаль всякаго языка рядомъ съ его исходнымъ пунктомъ—комбинаціей болѣе простыхъ, извѣстныхъ соотношеній въ болѣе сложныя черезъ описательные способы, то онъ будетъ заключаться именно въ отстраненіи послѣднихъ, въ стремленіи обращать посредствующія ассоціаціи въ прямыя—чтобы каждое слово соотвѣтствовало извѣстному значенію, чтобы излишекъ формальныхъ различій тамъ, гдѣ есть единство смысла, не затемнялъ пониманіе, а съ другой стороны, чтобы различіе смысла могло выражаться и внѣшнимъ образомъ, отстраняя двусмыслицы. Какъ далека какой бы то ни было изъ современныхъ языковъ отъ этого идеала, какъ много въ нашемъ способѣ выражаться неточнаго, подразумевае-

маго, можно тому найти много примѣровъ въ статьяхъ Бреала ¹⁾. Онъ называетъ эти пробѣлы *les idées latentes du langage* (то-есть, скрытыя, подразумеваемые мысли въ языкѣ). А наталкиваемся мы на нихъ постоянно и тогда, когда хотимъ, что называется, опредѣлить точный смыслъ слова, который постоянно ускользаетъ отъ насъ. (Въ области чистой философіи эти опредѣленія, какъ говорятъ, вступаютъ даже въ борьбу съ принятымъ значеніемъ словъ). Объясненіе, какъ несовершенство языка, такъ и происхожденія формъ, нинѣ утратившихъ для насъ свое живое значеніе, мы находимъ въ историческомъ прослѣживаніи образованія словъ, въ сравненіи языковъ одной семьи, въ какъ можно полнѣе изученіи отдѣльныхъ процессовъ развитія языка, установившихся при передачѣ. Но не всѣ посредствующіе члены между исходнымъ пунктомъ и послѣднимъ звеномъ ряда ассоціаций сохранились до насъ: многіе изъ нихъ позабыты или затеряны, и до нихъ приходится доискиваться. Какъ ни трудны и ни кропотливы подобныя изысканія, они составляютъ еще только часть работы. Въ общемъ же предметъ изслѣдователя языка составляютъ совокупныя выраженія словесной дѣятельности всѣхъ индивидуумовъ, въ ихъ взаимодѣйствіи одного на другое и въ обусловленности позднѣе сущаго отъ раньше бывшаго. Для того, чтобы объять этотъ крайне объемистый и сложный матеріалъ, мы должны, удобства ради, принять извѣстную классификацію видоизмѣненій словъ. Она сводится къ обычному въ грамматикахъ дѣленію на фонетику, ученіе о флексіяхъ, словообразованіе и синтаксисъ; къ этому Пауль присоединяетъ еще отдѣлъ—ученіе о развитіи значенія словъ (*Bedeutungsentwicklung*). Мы отиѣтимъ сперва общіе процессы развитія языка, а затѣмъ бѣгло рассмотримъ каждый изъ упомянутыхъ отдѣловъ.

VI.

Въ образованіи языка усматриваются два главные процесса—положительный и отрицательный или созидающій и уничтожающій. Послѣдній происходитъ при преемственной передачѣ, когда дѣйствіе ея падаетъ до такой низкой степени интенсивности, что въ молодомъ поколѣніи она не въ состояніи вызвать пользованіе извѣстною формой, раньше обычною. Передача идетъ отъ индивидуума къ индиви-

¹⁾ *Bréal, Melanges de mythologie et de linguistique, 1867.*

дууму, при чемъ преемство стало возможнымъ лишь потому, что смѣна поколѣній происходитъ не сразу, а черезъ относительно короткіе промежутки времени. Этимъ обуславливается развитіе языка. Но между болѣе раннимъ поколѣніемъ, для котораго извѣстныя формы вполне бѣгли и понятны, и позднѣйшимъ, которое ихъ игнорируетъ, есть среднее поколѣніе, относящееся къ данному матеріалу лишь пассивно, не активно. Извѣстныя слова, формы могутъ быть ему понятны, но онѣ не являются обычными, ими не пользуются. Для слѣдующаго поколѣнія онѣ, утративъ свое живое значеніе, становятся вполне архаическими, непопаятными, омертвѣлыми. Когда подобное индифферентное отношеніе сказывается въ цѣломъ рядѣ словъ, то происходитъ явленіе вымирания языка. Смежныя формы, развившіяся параллельно раньше обычнымъ, постепенно берутъ перевѣсъ и вытѣсняють послѣднія изъ живой рѣчи. Такъ романскія нарѣчія вытѣснили народно-латинскій языкъ; ново-французскій—старо-французскій; ново-нѣмецкій—средне- и старо-верхне-нѣмецкій, и т. д. Разница лишь въ степени отношеній новыхъ и старыхъ формъ: въ однихъ языкахъ смѣна сказалась полнѣе, въ другихъ лишь частично.

Что касается до положительныхъ процессовъ, то они суть троякаго рода: 1) Первоначальное образование. Оно какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что извѣстное представленіе поставляется въ прямую связь со словомъ, которое становится его условнымъ символомъ. Но вѣдѣмъ, можетъ произойти связываніе ряда словъ въ извѣстномъ отношеніи, и въ зависимости отъ той или другой перестановки ихъ, получается соотвѣтствующая перемѣна значенія. Это—образование предложеній и синтаксическихъ соотношеній. 2) Переформированіе созданнаго. Такъ какъ слова, а равно и соотношенія разныхъ группъ представленій, не остаются въ инертности, а постоянно измѣняются, комбинируются, переформируются, то и въ языкѣ мы усматриваемъ подобныя же перемѣненія. При этомъ, либо извѣстной звуковой группѣ придается новое значеніе, чрезъ посредство другихъ значеній, болѣе или менѣе косвенно съ ней связанныхъ,—либо извѣстному значенію придается новая звуковая формулировка, но такъ же чрезъ посредство промежуточныхъ связей. Если мы рассмотримъ оба эти явленія, каждое особо, то-есть, измѣненіе смысла, при сохраненіи формы, и обратно измѣненіе послѣдней, при сохраненіи смысла, то второе составятъ такъ-называемые звуковые законы (или фізіологическій моментъ въ словообразованіи), а первое—законы перемѣны значенія (моментъ психологическій). На самомъ

дѣлѣ точнаго разграниченія имъ дѣлать нельзя, ибо обыкновенно оба явленія между собою сплетаются. На перебои звуковъ часто вліяетъ совпаденіе значеній, и обратно случайное раздѣленіе вышнихъ формъ можетъ вызвать дифференцированіе значеній. 3) Вслѣдствіе того, что извѣстныя сочетанія устанавливаются въ ряды параллелей, можетъ быть усмотрѣнъ новый процессъ, который, приравливаясь, правда, къ даннымъ, пользуется ими лишь какъ мѣриломъ и приводитъ къ образованію новыхъ формъ. Это процессъ—образованія по аналогіи, который, какъ мы видѣли, служитъ объясненіемъ и возникновенію кажущихся неправильными словъ, исключеній.

Отитѣивъ эти общіе факторы въ образованіи языка, обратимся теперь къ разсмотрѣнію частныхъ отдѣловъ грамматики.

Суцность фонетики заключается въ опредѣленіи звуковыхъ законовъ, о которыхъ была уже рѣчь. Въ объясненіе ихъ намъ остается прибавить лишь относительно такъ-называемаго удобства произношенія, которое, безспорно, есть одна изъ главныхъ причинъ фонетическихъ переходовъ, но не исключительно, и требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. „Одна изъ обычныхъ ошибокъ“, говоритъ Пауль (стр. 50),—„на которую постоянно наталкиваешься, состоитъ въ томъ, что измѣненія, происшедшія долгимъ путемъ постепенныхъ, незначительныхъ перебоевъ (въ произношеніи), относятся исключительно на долю стремленія къ удобству. Это находится въ связи со способомъ изложенія звуковыхъ правилъ въ практическихъ грамматикахъ. Напримѣръ, говорятъ, что (въ средне-верхне-пѣмецкомъ) когда звучная согласная (*tönende Consonante*) выступаетъ въ концѣ слова, то она переходитъ въ соотвѣтствующую беззвучную (*tonlose*) *mide—meit, rīde—geir* и т. п. Какъ будто имѣютъ дѣло съ измѣненіемъ, которое совершается всякій разъ сызнова! Постепенное приведеніе голосоваго произношенія (*Stiminton*) къ полному уничтоженію и въ связи съ этимъ усиленіе въ произношеніи конечнаго звука (то-есть, то, что обусловило переходы *d* въ *t*, *b* въ *p* и т. д.) принадлежатъ, можетъ быть, давно прошедшему времени. Точно также вполнѣ несправедливо приписывать измѣненіе звука на долю извѣстной невнимательности, небрежности, а сохраненіе его—особенной заботливости, вниманію... Нигдѣ не замѣчается какаго бы то ни было усилія въ задерживаніи перебоа звуковъ, ибо лица (дающія толчекъ тому или иному измѣненію произношенія въ рѣчи) сами живутъ въ увѣренности, что говорятъ также, какъ и раньше говорили, какъ до конца жизни будутъ говорить, нисколько не думая о томъ, что извѣстныя соче-

часть ССХІХ, отд. 2.

танія надо оберегать, другія нѣтъ". Если бы кто-нибудь былъ въ состояніи сравнить, какія движенія органа рѣчи онъ производилъ много лѣтъ тому назадъ, чтобы произнести извѣстное слово, съ теперешними, то, можетъ быть, онъ замѣтилъ бы разницу. Но это невозможно. Единственнымъ мѣриломъ можетъ ему служить чувство движенія (*Bewegungsgefühl*); но и оно значительно модифицировалось и теперь является не тѣмъ же, какимъ было раньше (стр. 51). Остановимся нѣсколько на этомъ „чувствѣ движенія“, терминѣ, введенномъ въ науку Штейнталемъ.

„Чувство движенія есть рядъ ощущеній, которыя необходимо сопровождаютъ извѣстныя движенія“ (въ данномъ случаѣ—органа рѣчи). Чтобы объяснить его, мы видимъ себя въ необходимости войти въ нѣкоторыя физиологическія подробности, которыя заимствуемъ у Штейнтала ¹⁾. Всякое движеніе какой бы то ни было части нашего тѣла производится, какъ извѣстно, при посредствѣ мускуловъ, расположенныхъ въ мясѣ, облагающемъ наши кости. Мускулы, въ свою очередь, могутъ сокращаться или растягиваться только при посредствѣ нервовъ. Послѣдніе же, по своимъ физиологическимъ примѣненіямъ, различаются на два рода: 1) чувственные или сенситивные нервы, которые передаютъ впечатлѣніе отъ поверхности тѣла къ центру (спинному или головному мозгу), и 2) двигательные или моторные нервы, передающіе возбужденіе изъ центра къ мускуламъ и вызывающіе дѣятельность послѣднихъ. „Такимъ образомъ, безъ нервовъ немислимо никакое воспріятіе, никакое ощущеніе, безъ нихъ же немислимо и никакое движеніе“ (стр. 267). „Но двигательный нервъ не дѣйствуетъ непосредственно (*primär*), а лишь подъ вторичнымъ импульсомъ (*secundär*); онъ возбуждается чрезъ ощущеніе, то-есть, чрезъ сенситивный нервъ, или чувствительную часть мозга, головного или спинного. Если эти возбужденія, а затѣмъ и движенія, происходятъ безъ того, чтобы они были заранее желаемы или созданы, то они называются рефлексивными движеніями (какъ кашель, чиханіе и т. п.)“ (стр. 270). Сознательныя движенія физиологически не отличаются отъ рефлексивныхъ. „Сознаніе само по себѣ, представленія не могутъ, напримѣръ, поднять руку: этотъ актъ, какъ и всякій другой, совершается лишь при посредствѣ нервовъ и мускуловъ“. „Каждое движеніе“, замѣчаетъ Штейнталь,—„есть рефлексъ, или чувственного возбужденія = произвольное движеніе, или напередъ

¹⁾ *Steinthal*, Einleit. in Psych. und Sprachv., Berlin 1877, стр. 263—290.

мыслимаго намѣренія = произвольное движеніе" (стр. 274). „Но если движенія являются, съ одной стороны, результатами ощущеній, то съ другой — они въ свою очередь вызываютъ ощущенія, и прежде всего ощущенія движенія, которыя черезъ посредство сенситивныхъ нервовъ были возбуждены въ подвижномъ органѣ. Каждое движеніе необходимо вызываетъ давленіе (Druck) или напряженіе извѣстной части тѣла, а такъ какъ въ послѣдней находятся тоже сенситивные нервы, то давленіе или напряженіе, а вмѣстѣ съ ними и движеніе, должны быть восприняты или ощущены“. Это и есть то, что Штейнталь, а за нимъ и Пауль, называютъ „чувствомъ движенія“. Очевидно, отъ него находится въ тѣсной зависимости всякое произношеніе нами тѣхъ или иныхъ звуковъ; если первоначально чувство движенія возбуждается вслѣдъ за движеніемъ органа рѣчи, то затѣмъ за-поминаніе его служитъ контролемъ для провѣрки того — тѣ ли же движенія, какъ и раньше, производятся нами при повтореніи звука, или иные. Конечно, мы разумѣемъ запоминаніе не одного движенія, но также и звука, воспринятаго нами черезъ органъ слуха. Физиологическій процессъ дѣятельности рѣчи идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва приходитъ въ движеніе органъ рѣчи; въ то же время возбуждается чувство движенія; далѣе, произнесенные звуки воспринимаются нами черезъ органъ слуха; наконецъ, вызываются извѣстныя воспомина-нія, устанавливающія причинную связь между прежде извѣстными и позднѣйшими продуктами звуковыхъ сочетаній¹⁾. Воспоминанія играютъ главную роль при воспроизведеніи тождественныхъ движеній. Но точно также, какъ при воспріятіи звуковъ, мы не всегда сознательно разбираемъ каждый изъ нихъ (если только не говоримъ на мало знакомомъ языкѣ), — сознаніе не всегда бываетъ вызвано и при чувствѣ движенія. Быстрая рѣчь только потому и возможна,

¹⁾ Приводимъ дословную, физиологическую формулировку этого процесса Паулемъ: «Каждое движеніе (органа рѣчи) возбуждаетъ до нѣкоторой степени извѣстный сенситивный нервъ и вызываетъ ощущеніе, которое черезъ посредство моторнаго нерва ассоціируется по направленію движенія съ психомоторнымъ центромъ. Если ассоціація достаточно твердо установлена, и воспоминаніе (Erinnerungsbild), запечатлѣнное ощущеніемъ, достаточно сильно (что достигается упражненіемъ, повтореніемъ), то это воспоминаніе ощущенія въ свою очередь можетъ рефлективно произвести движенія, съ нимъ ассоціировавшіяся, и когда ощущеніе, при этомъ вызванное, тождественно съ образомъ, удержаннымъ памятью, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что произведены тѣ же самыя движенія, что и раньше» (стр. 44).

что вслѣдствіе навыка мы сразу воспринимаемъ мысль въ ея цѣломъ, не останавливаясь на отдѣльныхъ словахъ и не анализируя въ послѣднихъ каждаго изъ звуковъ, его составляющихъ. Контроль вызывается только въ томъ случаѣ, когда проявляется рѣзкое отклоненіе, когда что-нибудь въ слушаемой рѣчи, какъ говорится, рѣжетъ намъ ухо. Мы можемъ по произволу вызвать сознание, но вообще оно не идетъ дальше нашей способности различенія; послѣдняя же гораздо болѣе ограничена, чѣмъ число возможныхъ колебаній въ произношеніи всякаго звука. Изъ этого факта, то-есть, изъ отсутствія постоянного контроля въ обыкновенной рѣчи, можетъ быть объяснено, что измѣнчивость выговора и слѣдующія за нею измѣненія въ языкѣ, со звуковой стороны, обычнаго *usage*, происходятъ безъ того, чтобъ они были сознаны самими говорящими. Понятно, колебанія идутъ медленнымъ путемъ, такъ какъ всякое рѣзкое отступленіе вызываетъ тотчасъ контролированіе и поправленіе его. Но постепенно начавшіяся отклоненія въ произношеніи вызываютъ измѣненіе и въ чувствѣ движенія: позднѣйшія впечатлѣнія дѣйствуютъ на него сильнѣе раннихъ, и такимъ образомъ постепенно сглаживается воспоминаніе о томъ чувствѣ движенія, которое было сначала. Когда такимъ образомъ у нѣсколькихъ индивидуумовъ известной группы одновременно сказался перевѣсъ въ пользу частью измѣненнаго произношенія данныхъ звуковъ въ данныхъ сочетаніяхъ, а въ связи съ этимъ послѣдовалъ перебой и въ чувствѣ движенія, то при сознательномъ регулированіи слова получаетъ силу правила уже новое, нѣсколько измѣненное произношеніе, и такъ дѣло идетъ постепенно, пока отклоненіе не становится вполне опредѣлившимся.

Такъ объясняется физиологически процессъ звуковыхъ законовъ въ рѣчи. Вліяніе на нихъ психологическихъ факторовъ, то-есть, образованіе по аналогіи, было уже нами отмѣчено, равно какъ и тотъ характеръ ихъ при новой формулировкѣ, что дѣйствіе этихъ законовъ въ данное время и въ известной группѣ индивидуумовъ, проявляется безъ исключеній.

VII.

Переходимъ къ слѣдующему отдѣлу грамматки, къ ученію о флексіяхъ и о словообразованіи. Процессъ первоначальнаго образованія словъ, о которомъ было выше говорено, приводитъ насъ лишь къ отдѣльнымъ ассоціаціямъ различныхъ представленій съ известными сочета-

ніями звуковъ; но отсюда еще далеко до сложной системы склоненій, спряженій, употребленія образовательныхъ и флективныхъ суффиксовъ и проч. Большинство теперешнихъ суффиксовъ, по общепринятому въ настоящее время положенію, составляло первоначально самостоятельныя слова, которыя мало по малу утратили свое первичное значеніе, ставъ въ служебное отношеніе къ другимъ словамъ. Это — такъ-называемая теорія агглютинированія, впервые высказанная еще Вонпомъ. Мы сказали: большинство, а не всѣ, ибо, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые суффиксы суть не самостоятельныя первоначально слова, а лишь части словъ, отдѣлившіяся отъ своей основы. Чтобы выяснитъ процессъ образованія системъ флексій, намъ приходится пемпого забѣжать впередъ, въ синтаксисъ, и коснуться образованія вообще частей рѣчи, какъ обособленныхъ группъ по своему логическому значенію, а также по внѣшнимъ функціямъ. „Для обозначенія предмета“, говоритъ Пауль, — „свойства, дѣйствія, отношенія, слово развивается лишь постепенно, путемъ долгаго преемственнаго (traditionellen) употребленія“. Это развитіе словъ и есть настоящій процессъ; именно внутри предложенія (Satzgefüges) развиваются классы словъ, или части рѣчи, какъ онѣ совершенно вѣрно были названы (стр. 200). Первоначальныя же ассоціаціи представленій съ извѣстными звуковыми сочетаніями всего ближе подходятъ по характеру своему къ нашимъ междометіямъ, стоящимъ особнякомъ отъ другихъ частей рѣчи. Онѣ передавали цѣльное впечатлѣніе, настроеніе, точно также, какъ, напримѣръ, мы при видѣ пожара, восклицаемъ: „Огоны!“ Это уже не существительное, такъ какъ въ этомъ словѣ тогда выражается цѣлая совокупность представленій, оцущеній и даже дѣйствія: призывъ къ помощи, предостереженіе другимъ, чувство страха, сообщеніе объ опасности и т. п. Но затѣмъ, когда въ сводѣ нѣсколькихъ представленій, изъ которыхъ каждому уже была придана словесная формулировка, установилось извѣстное постоянство отношеній, то одни слова опредѣлились, какъ субъекты (подлежащее), другія какъ предикаты (сказуемое), третьи какъ дополненія и т. д. Затѣмъ: „Образованіе звуковыхъ средствъ для внѣшняго выраженія отличій идетъ рука объ руку съ логическимъ дифференцированіемъ (значенія)“ (стр. 200). Опредѣленныя функціи группируются вокругъ словъ, получившихъ чрезъ свое положеніе въ предложеніи опредѣленное логическое значеніе. Такъ, внѣшнимъ признакомъ отличія существительнаго являются склоненія въ числѣ и падежахъ и невозможность измѣненій въ родѣ и временахъ, въ связи съ логическимъ опредѣ-

леніемъ его, какъ предмета или отвлеченнаго понятія; прилагательнымъ, выражающимъ качество и свойство предмета, кромѣ общихъ съ существительнымъ склоненій, присуща способность измѣняться для обозначенія родовъ (мужск., женск., ср.) и степеней сравненія; глаголу свойственны—измѣненія въ лицахъ, наклоненіяхъ, временахъ и т. д. Строгихъ границъ при этомъ установить нельзя, и легко видѣть, что, напримѣръ, противоположеніе, усматриваемое между существительнымъ и прилагательнымъ, можетъ быть проведено и въ мѣстоименіяхъ, и въ числительныхъ. Оно не было принято, по мнѣнію Пауля, частью потому, что тѣмъ и другимъ отведены особыя отдѣлы въ грамматикахъ, и было бы неудобно еще дѣлать подраздѣленія: 1) числительныя существительныя, 2) числительныя прилагательныя и т. п., частью также вслѣдствіе того, что большинство мѣстоименій можетъ быть разсматриваемо или какъ существительное, или какъ прилагательное безъ внѣшняго измѣненія. Конечно, не всегда мы различаемъ по употребленію—нѣкоторый и нѣкто, никакой и никто, и т. д.; но всякій, каждый и т. д. могутъ быть употребляемы и какъ существительныя, и какъ прилагательныя). Далѣе, прилагательныя часто употребляются, какъ существительныя (что въ нѣмецкомъ языкѣ достигается простою прибавкой члена); нѣкоторыя формы глагола совпадаютъ съ другими частями рѣчи: неопредѣленное наклоненіе (въ нѣмецкомъ языкѣ) съ существительнымъ, причастіе съ прилагательнымъ и т. д. Пауль подробно разбираетъ одну за другою всѣ части рѣчи въ ихъ взаимоотношеніи (гл. XI), и историческимъ путемъ объясняя усматриваемыя въ нихъ логическія и формальныя несоотвѣтствія, приходитъ къ заключенію, что слова и предложенія все-таки никогда не служатъ полными выразителями представленій (воззрѣній), что между тѣми и другими всегда есть пробѣлъ; настоящій смыслъ угадывается нами благодаря извѣстнымъ оборотамъ, установленнымъ обычаемъ, но никогда онъ не находитъ себѣ полнаго выраженія. Это — то, что Бреаль, какъ выше было приведено, называетъ „подразумѣваемыми мыслями въ языкѣ“. Тѣмъ не менѣе, извѣстная группировка словъ и соответствующихъ имъ функций существуетъ, какъ бы далеко она ни была отъ совершенства, и по ней раздѣляются теперь части рѣчи. Грамматики подчиняютъ ее извѣстнымъ логическимъ категоріямъ, изъ которыхъ правила устанавливаются обратнымъ порядкомъ; естественнымъ же путемъ возникновенія этихъ группъ было образованіе ассоціаций изъ ряда одинаковыхъ отношеній, въ которыя слова устанавливались

въ предложеніи“. „Можно теперь“,—замѣчаетъ Пауль,—„считать почти общепринятымъ тотъ фактъ, что вообще всѣ словообразованія и всѣ флексіи возникли изъ синтаксическихъ соотношеній“ (стр. 35). Изъ различнаго положенія словъ въ предложеніи опредѣлялись, какъ мы указали, и части рѣчи. Произошло это при помощи рядовъ ассоціацій слѣдующимъ образомъ: „Представленія входятъ въ сознание группами и таковыми пребываютъ въ безсознаніи. Они ассоціируются въ ряды по слѣдующимъ другъ за другомъ созвучіямъ, по различнымъ движеніямъ органа рѣчи. Ряды созвучій, въ свою очередь, ассоціируются съ рядами движеній нашего органа, а съ ними обоими—представленія, для которыхъ они служатъ символами“... „Группы, даннымъ первоначально видимымъ міромъ, организируются въ души каждого индивидуума въ крайне сложныя и запутанныя соединенія, что совершается сознательно только отчасти, но продолжаетъ развиваться и бессознательно... Такъ ассоціируются между собою разные способы употребленія слова или выраженія, въ которыхъ мы встрѣчаемъ ихъ. Такъ ассоціируются различныя времена, наклоненія, лица одного глагола; разныя производныя изъ одного корня, при посредствѣ сродства звуковъ или значенія; дажѣ всѣ слова одинаковыхъ функций, напримѣръ, всѣ существительныя, прилагательныя, глаголы, дажѣ производныя, образованныя при посредствѣ одинаковыхъ суффиксовъ изъ различныхъ корней и проч.“ Такимъ образомъ, складается множество родовъ ассоціацій болѣе или менѣе посредственно возникшихъ и имѣющихъ различное значеніе въ жизни языка. Всѣ эти ассоціаціи могутъ возникнуть безъ прямого участія и проявиться активно; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ категоріями, отвлеченными при помощи грамматической рефлексіи, хотя они обыкновенно ими и покрываются“ (стр. 30—31) ¹⁾. Собственно говоря,

¹⁾ Мистелли, въ своей рецензіи на книгу Пауля (*Журн. Народн. Псих.*, т. XIII, стр. 402—405), замѣчаетъ относительно этихъ рядовъ ассоціацій, что Пауль смѣшиваетъ два рода ихъ: 1) ассоціаціи «формальныя (durch Formanschauung)» и 2) ассоціаціи по близости и преемству предметовъ въ пространствѣ и времени; иначе—что онъ послѣднія вполне игнорируетъ. «По Паулю», говоритъ Мистелли,—«все органируется и ассоціируется само собою, и эти же группы, образовавшіяся не вслѣдствіе положенія объекта въ пространствѣ и времени во внѣшнемъ мірѣ, а чрезъ взаимныя аттракціи представленій въ самой душѣ, обуславливаютъ продуктивную дѣятельность». Самъ Мистелли, видитъ въ ассоціаціи группъ представленій по положенію объекта во внѣшнемъ мірѣ извѣстный продуктъ дѣятельности нашего духа, тогда какъ по Паулю ассоціаціи имѣютъ

каждая форма имѣла первоначально самостоятельное значеніе въ предложениі; но затѣмъ происходило извѣстнаго рода приравниваніе и сглаживаніе однихъ способовъ выражаться по другимъ; вслѣдствіе того отдѣльные случаи приобрѣли силу правила, приводя къ выдѣленію извѣстныхъ группъ словъ и флексій. Для примѣра остановимся на образованныхъ суффиксахъ въ нарѣчіяхъ. Нарѣчія въ въ индо-германскихъ языкахъ суть окаменѣлые падежи (erstarrte casus), если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя нарѣчія, которыя большею частью могутъ быть обращаемы и въ союзы (стр. 151). Они теперь обособились въ самостоятельную группу, при чемъ падежное окончаніе, которое сначала имѣло лишь ограниченное примѣненіе, стало общимъ образовательнымъ суффиксомъ. Произошло это черезъ изолированіе извѣстной формы въ опредѣленномъ значеніи, а потомъ она стала нормой для аналогичныхъ образованій. Таковъ, въ греческомъ языкѣ суффиксъ ω , помощьюъ котораго можно образовати нарѣчіе изъ всякаго прилагательнаго; въ латинскомъ языкѣ—суф-

болѣе механическій характеръ. «Категоріи», продолжаетъ Мистелли, — «первоначально образовавшіяся безъ посредства грамматика, составляютъ тѣмъ не менѣе съ самаго начала связь извѣстной группы (das Band der Gruppe); только то, что ребенокъ извлекаетъ изъ практики и потому бессознательно, грамматикъ анализируетъ теоретически и при посредствѣ рефлексіи. Грамматикъ, однако, не можетъ и не долженъ отвлекать ными объединенія (то-есть, группировки словеснаго матеріала по тождественности предметовъ), какъ тѣ, которыя онъ находитъ въ языкѣ готовыми; его сознательная дѣятельность отличается отъ обычнаго сознанія въ языкѣ не по содержанію своему, а лишь по формѣ выраженія». Мы находимъ, что замѣчаніе Мистелли справедливо, по скольку оно касается группировки понятій, то-есть, если мы говоримъ: птица, рыба, насекомое, — то эти группы суть результатъ нашихъ наблюденій во вѣншемъ мірѣ, при чемъ, отвлекая общія черты въ рядѣ предметовъ, мы приходимъ къ общему понятію, выдѣляемъ группу. Но такъ какъ это выдѣленіе происходитъ, какъ это признаетъ и Мистелли, не аналитическимъ путемъ разложенія понятія на составныя части, а есть сводъ впечатлѣній, болѣе или менѣе бессознательно накопившихся, то въ психологическомъ актѣ ассоціаціи этихъ чертъ, по которой слагается группа, мы не видимъ большой разницы отъ ассоціацій представленій, о которыхъ говоритъ Пауль. Мистелли называетъ ее «продуктомъ нашей духовной дѣятельности», но тутъ же присоединяетъ «бессознательной», а какъ таковая, она тоже имѣетъ механическій характеръ. Намъ кажется, что Пауль съ большимъ вниманіемъ останавливается лишь на формальной ассоціаціи потому, что таковая главнымъ образомъ сказывается въ группировкѣ самихъ словъ и формъ. Между тѣмъ Мистелли затрогиваетъ вопросъ о возникновеніи общихъ понятій и группъ представленій, болѣе независимо отъ ихъ словесной формулировки, что уже выходитъ изъ области лингвистики.

фиксъ *s* и т. д. Съ теченіемъ времени чувствено значенія известнаго надежа можетъ сгладиться за чувствомъ обыкновенно встрѣчающихся соединеній, что вліяетъ и на значеніе слова. Такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ суффиксъ *s*, родительнаго пад., какъ въ *tag(e)s*, *abend(e)s*, *morgens* и т. д., былъ перенесенъ и на другія слова, образуя нарѣчія: *nirgends*, *bestens*, *nächstens* и т. д. Въ нихъ онъ уже не имѣетъ значенія суффикса родительнаго надежа, что явствуетъ изъ того, что формы *nigend*, *besten* и т. д., сами по себѣ суть древнія формы родительнаго; въ то же время—*tags*, *abends* и др., слова управляющія, тоже измѣнили свое значеніе, будучи разсматриваемы уже болѣе не какъ родительные надежи существительныхъ, а какъ самостоятельныя формы, какъ нарѣчія. Нарѣчія служатъ намъ въ данномъ случаѣ лишь болѣе нагляднымъ примѣромъ, но подобнымъ же образомъ объясняются и другіе образовательные суффиксы, въ дальнѣйшій разборъ которыхъ мы вдаваться впрочемъ не будемъ. Первоначальное же происхожденіе суффикса есть сплоченіе словъ. Частое совмѣстное употребленіе двухъ первоначально раздѣльныхъ словъ въ опредѣленномъ значеніи приводило къ сплавиванію ихъ, и въ этой спавенной формѣ вторая часть теряла свой самостоятельный смыслъ, обращаясь въ образовательный суффиксъ или флективное окончаніе, которое могло быть перенесено и на другія основы. Иногда конечный слогъ известной основы подвергался такому же перенесенію, будучи разсматриваемъ какъ отдѣльная приставка. Такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ въ такъ-называемомъ слабомъ склоненіи суффиксъ *en* есть собственно часть основы известнаго класса существительныхъ. Такъ какъ число этихъ словъ, съ согласными на концѣ, сравнительно съ тѣми, которыя оканчивались на гласную, было весьма незначительно, то со временемъ утратилось чувство цѣльности ихъ, и конечный слогъ основы былъ сочтенъ за окончаніе, приставляемое и къ другимъ основамъ. Подобнымъ образомъ объясняется происхожденіе суффиксовъ *heit*, *keit* и т. д. Главнѣйшими факторами при всѣхъ подобныхъ процессахъ являются: во первыхъ, изолированіе, то-есть, обособленіе данной формы въ опредѣленномъ значеніи, при чемъ утрачивалось чувство ея первоначальнаго происхожденія; затѣмъ, въ вторыхъ, сглаживаніе, при приравниваніи формъ и словъ одинаковыхъ функцій; такъ сглаживаются разныя основы одного склоненія, спряженія; сглаживаются одни по другимъ суффиксы, выражающіе одинаковое отношеніе; образовались, напри- мѣръ, общія окончанія для надежей родительнаго, дательнаго и т. п.;

съ другой стороны, совпадали формы, имѣвшія первоначально различное употребленіе, когда въ произношеніи виѣшнее различіе ихъ не достаточно отгѣнялось, и для отличенія ихъ прибѣгали къ новымъ оборотамъ—приставкѣ предлоговъ для склоненій, въ глаголахъ къ употребленію личныхъ мѣстоименій передъ основой (хотя часто окончаніе само по себѣ представляло первоначально личное мѣстоименіе) и т. д.; наконецъ, втретьихъ, дифференцированіе формъ въ различномъ значеніи: случайно возникшая разница въ формальномъ написаніи или выговорѣ слова изъ одной и той же основы приводила къ раздвоенію его функций; потому каждая форма служила отдѣльною нормой для новыхъ образованій въ дифференцированномъ значеніи; на примѣръ, въ голландскомъ языкѣ окончанія множества числа *en* и *s* въ нѣкоторыхъ словахъ употребляются еще безразлично [птицы — *vogelen* и *vogels*], но въ другихъ эта раздвоенность послужила виѣшнимъ отличіемъ для дифференцированія значенія: *letteren* — письма, литературныя произведенія, *letters* — буквы; *vaderen* — предки, *vaders* — отцы и т. д. (см. Пауль стр. 138). Различныя формы не были нарочно выдуманы для выраженія различнаго значенія (что бываетъ только при искусственномъ введеніи формъ изъ другаго языка; на примѣръ, французскіе *chose* и *cause* возводятся къ одной формѣ латинскаго — *causa*, по *cause* въ значеніи „причина“ было искусственно введено (такъ-называемыя ученые слова), когда уже установилось общепринятое значеніе *chose*, „вещь“). Присвоеніе особаго значенія раздвоившейся формѣ является позднѣйшимъ процессомъ и какъ слѣдствіе первоначально случайнаго формальнаго различенія, притомъ не всѣ двойныя формы подверглись дифференцированію значенія. Но языкъ не терпитъ излишка, и параллельныя формы, не получившія спеціальнаго назначенія, постепенно отстраняются, становятся менѣе обычными, переходить въ разрядъ архаизмовъ.

VIII.

Мы коснулись того процесса въ исторіи языка, которому Пауль видѣляетъ особое мѣсто, какъ ученію о развитіи значенія. Не должно понимать его въ томъ смыслѣ, что это есть вообще исторіи нашихъ понятій, представленій и проч., которыя подвергались измѣненіямъ съ каждымъ историческомъ періодомъ развитія человѣчества. Каждое слово, разсматриваемое какъ понятіе, или какъ совокупность преи-

ставлений, могло бы послужить въ такомъ случаѣ предметомъ особаго изслѣдованія. Иначе, напримѣръ, понималъ эпикуреецъ слово „счастье“, чѣмъ стоикъ, хотя оба они пользовались однимъ и тѣмъ же словомъ; иначе опредѣлялись понятія: долгъ, человѣкъ, женщина, любовь и т. д. у разныхъ народовъ, въ разныя эпохи и проч. Но понятія являются результатомъ сложнаго ряда условій жизни, степени развитія, характера, кругозора знаній и проч.; изученіе словъ въ этомъ смыслѣ было бы изученіемъ продуктовъ словесной дѣятельности человѣка съ матеріальной стороны, отъ котораго, какъ было указано, языкознаніе отстраняется. Въ немъ ученіе о развитіи значенія является лишь изученіемъ тѣхъ процессовъ посредствующихъ ассоціацій, черезъ которыя произошло присвоеніе новаго значенія формѣ, этимологически связанной съ извѣстною группой словъ, имѣвшихъ первоначально иное значеніе. Иногда колебаніе смысла можетъ произойти и безъ дифференцированія формы. Напримѣръ, слово *schlecht* въ нѣмецкомъ языкѣ до Лютера означало „гладкій, прямой“; теперь оно получило значеніе „дурной“, можетъ быть, потому, что Лютеръ, который первый далъ толчокъ образованію ново-нѣмецкаго общаго языка, употреблялъ часто это слово въ выраженіи: гладкая, торная дорога—легкая, беззаботная жизнь, ведущая въ адъ, губящая душу и т. д., и потому дурная ¹⁾). Можетъ быть, этотъ перебой значенія произошелъ вслѣдствіе общераспространеннаго мнѣнія, что прямой путь не всегда лучшій, и т. п. Во всякомъ случаѣ, розысканіе подобныхъ посредствующихъ ассоціацій, черезъ которыя слово, не измѣнившись формально, получаетъ новое значеніе, если таковое принимаетъ случайно отдѣлившаяся, но родственная по основнѣ форма, входитъ въ задачу лингвиста. Отвѣчаютъ ей, съ одной стороны, такъ-называемые этимологическіе словари, съ другой—изученіе дублетовъ въ языкѣ ²⁾).

Что касается до синтаксиса, то Пауль, установивъ тѣсную зависимость образованія каждой формы отъ первоначальнаго положенія, занимаемаго словомъ въ предложеніи, ограничивается лишь нѣсколь-

¹⁾ *Geiser*, Urspr. d. Spr. т. I.

²⁾ Въ такомъ родѣ по германскимъ нарѣчіямъ трудъ *Behagel*, Die neuhochdeutschen Zwillingswörter; по романскимъ — труды *Браша*, *Бреалла*, *Литтра*, *Ск. Михалюса* и т. д.; наименѣ разработана этимологія словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, поэтому труднѣе услѣдить въ нихъ и колебаніе значенія, идущее большею частью рука объ руку съ формальнымъ дифференцированіемъ.

кими общими замѣчаніями о синтаксическихъ правилахъ. Характеръ развитія ихъ тотъ же, что и въ образованіи отдѣльныхъ словъ; логическія категоріи, которымъ онѣ лишь подчиняются, суть позднѣйшія отвлеченія при помощи искусственнаго анализа. „Первоначальныя предложенія“, говоритъ онъ (стр. 198), „не суть логическія сужденія. Онѣ основываются не на разложеніи, а на сводѣ. Возникаютъ онѣ такимъ образомъ, что одновременно или непосредственно одно за другимъ усматриваются два воззрѣнія (Ausschauungen), для выраженія которыхъ въ языкѣ уже существуютъ отдѣльныя слова“. Такъ, Штейнталь приводитъ въ примѣръ замѣченный имъ способъ выражаться у дѣтей: „папа шляпа“—на нашемъ, выработанномъ языкѣ это значить — „у папы надѣта шляпа“. Что подобныя сводныя предложенія существовали и въ первоначальный періодъ развитія человѣческаго рода мы можемъ заключать лишь по аналогіи, но фактъ этотъ необходимо признать, „если мы предположимъ, что до образованія предложеній были лишь такія слова, которыя представляли цѣльныя воззрѣнія, и значеніе которыхъ не подчинилось ни одной изъ трехъ категорій: предметъ, дѣйствіе, свойство“. Между тѣмъ именно такой характеръ имѣетъ первоначальное творчество, о которомъ было выше говорено; при этомъ дифференцированіе словъ по категоріямъ развивается одновременно съ ихъ положеніемъ въ предложеніи. Начинается процессъ съ различенія подлежащаго и сказуемаго, перваго — какъ предмета или отвлеченнаго понятія, втораго, — какъ дѣйствія или состоянія; затѣмъ долгимъ путемъ традиціонной передачи вырабатывается, съ одной стороны, предложеніе какъ нѣчто цѣльное, съ другой стороны—части рѣчи какъ обособленныя логическія единицы. „Точно также, какъ слова, могутъ и предложенія стать въ извѣстную зависимость одно отъ другаго вслѣдствіе простаго совмѣстнаго употребленія ихъ. Подобныя своды предложеній являются основой, изъ которой развиваются періоды при посредствѣ дальнѣйшаго развитія значенія, или ограниченія его, или вліянія аналогіи; въ этихъ періодахъ уже выражается отношеніе между предложеніями“ (стр. 199). Способъ обученія грамматикѣ черезъ представленіе наибольшаго количества примѣровъ при наложеніи извѣстнаго правила, чтобы оно сильнѣе врѣзалось въ памяти, показываетъ намъ и настоящій путь образованія этихъ правилъ. „Мы слышимъ одно за другимъ извѣстное число предложеній, составленныхъ на одинъ ладъ и потому какъ бы замыкающихся въ одну группу. Мало по малу сглаживается

воспоминание о специальномъ содержаніи отдѣльныхъ предложеній, между тѣмъ какъ общій элементъ чрезъ повтореніе пріобрѣтаетъ для насъ всякій разъ болѣе большую силу, и такимъ образомъ безсознательно извлекается изъ образцовъ правило“ (стр. 70). Также безсознательно оно и сложилось, и лишь болѣе точная формулировка его и опредѣленіе дальнѣйшихъ границъ его примѣненія являются дѣломъ грамматиковъ, анализирующихъ и классифицирующихъ отдѣльные случаи явленій языка ¹⁾).

IX.

Такимъ образомъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ естественномъ ходѣ развитія языка, должно раздѣлять процессъ образованія словъ, частей рѣчи, группъ флексій и т. п., какъ результатъ психологическихъ факторовъ (аттракцій, ассоціацій представленій и формъ) отъ позднѣйшаго аналитическаго классифицированія матеріала, при которомъ, разлагая слова и выраженія на составныя части, мы подводимъ ихъ подъ тѣ или другія логическія категоріи. Послѣднія въ то же время не исчерпываютъ вполне дѣйствительнаго разнообразія сочетаній, смѣшеній и раздѣленій какъ группъ представленій, такъ и ихъ звуковыхъ образовъ. Первая точка зрѣнія опредѣляетъ дѣйствительный ходъ вещей, вторая есть школьно-грамматическая разработка матеріала. Послѣдняя, удовлетворяя практическимъ требованіямъ, не можетъ дать надлежащее объясненіе извѣстныхъ явленій, а потому при научныхъ работахъ должна быть оставлена въ сторонѣ. Обратимся къ дальнѣйшимъ выводамъ.

Образованіе группъ представленій, по существу своему—сказали мы—субъективно, потому что оно есть актъ нашей внутренней жизни. Эти группы являются продуктомъ всего, что чрезъ посредство языка вошло въ сознаніе изъ того, что было услышано отъ другихъ, самимъ высказано или продумано. При отсутствіи возобновленія впечатлѣнія, извѣстныя представленія не сглаживаются без-

---

¹⁾ Циммеръ дѣлаетъ упрекъ Паулю, что онъ недостаточно останавливается на дальнѣйшемъ развитіи синтаксиса, ограничившись указаніемъ на тѣсную зависимость образованія частей рѣчи и т. д. съ положеніемъ словъ въ предложеніи и на общій характеръ развитія тѣхъ и другихъ. Болѣе спеціальную разработку синтаксическихъ правилъ и особенностей представляетъ его книга: *Junggrammatische Streifzüge im Gebiete der Syntax*. 1882.

слѣдно. онѣ лишь значительно послабляются и пребываютъ въ насъ часто безсознательно. Онѣ могутъ быть опять вызваны, но для этого требуется иногда повтореніе какихъ-нибудь, быть можетъ, крайне исключительныхъ условий; при этомъ оказывается, что въ нашемъ безсознаніи онѣ сохранились такими же группами, какими вошли въ сознание. Съ другой стороны, къ существующимъ группамъ прибавляются постоянно новыя черезъ дѣятельность слова, слушаніемъ или думаніемъ, и разныя отношенія ассоціацій представленій подвергаются колебаніямъ и перемѣнамъ. Совокупность этихъ группъ представленій, находящихся въ постоянномъ измѣненіи, Пауль называетъ психическимъ организмомъ. „Эти-то психическіе организмы“, говоритъ онъ,—„суть дѣйствительные носители историческаго развитія, такъ какъ сказанное не можетъ имѣть развитія на самомъ дѣлѣ, какъ какой-нибудь физическій продуктъ“ (стр. 32). Сама связь звуковъ, образующая то, что мы называемъ словомъ, существуетъ лишь въ психическомъ мірѣ, а не въ физическомъ. Поэтому только „въ психическихъ организмахъ остаются слѣды всего случившагося, чѣмъ опредѣляется дальнѣйшее движеніе; только въ нихъ заключаются условія историческаго развитія“. „Исторія языка“, заключаетъ онъ,—„не раньше выполнить свои задачи, какъ когда она превратится въ исторію развитія психическихъ организмовъ“ (стр. 33). Остановимся нѣсколько на этомъ опредѣленіи, напередъ разсмотримъ возраженія противъ него со стороны Мистелли.

Послѣдній, въ упомянутой выше статьѣ ¹⁾, указываетъ на тотъ безспорный фактъ, что если дѣйствительный ходъ явленій словесной дѣятельности идетъ „изнутри наружу“, отъ внутреннихъ импульсовъ во внѣшнюю формулировку ихъ, то тѣмъ не менѣе путь изслѣдователя идетъ обратнымъ порядкомъ—отъ проявленій къ ихъ внутреннимъ причинамъ. Иного способа для познанія не существуетъ, такъ какъ содержаніе этихъ „психическихъ организмовъ“ узнается только чрезъ внѣшнія формулы ихъ. Поэтому — заключаетъ Мистелли, — если только послѣднія доступны изученію, опредѣленіе Пауля является простой игрой словъ“. Развѣ—говоритъ онъ далѣе—не были даны крайне цѣнныя разъясненія въ области исторіи германскихъ, латинскихъ, греческихъ, романскихъ языковъ безъ „психологіи“? И развѣ упомянутая задача не могла бы быть выполнена простымъ введеніемъ термина „внутренне“ въ трудахъ Гримма, Дица и т. д.? Намъ ка-

¹⁾ Журн. Нар. Псих., т. XIII.

жется, что такая замѣна терминовъ была бы вовсе не столь простымъ дѣломъ, какъ это представляется Мистелли: она повлекла бы за собою много и другихъ „замѣнъ“, разъясненій, модифицированій и т. д., такъ какъ точки зрѣнія слишкомъ различны не въ одной виѣшней формулировкѣ паучныхъ выводовъ; и въ результатѣ упомянутые труды Гримма, Дица и т. д. оказались бы заново переработанными, больше чего и не требуется. Но Мистелли идетъ еще далѣе и противопоставляетъ опредѣленію Пауля теорію Гюгау; мы позволимъ себѣ привести здѣсь цитируемое мѣсто изъ труда послѣдняго „О формѣ и законахъ движенія духа“ (1890): „Спеціалистъ“ говоритъ Гюгау, — „совершенно правъ, если, замыкая уши поучительнымъ наставленіямъ трансцендентныхъ спекуляцій, онъ полагается исключительно на теченіе, въ которое онъ былъ введенъ силой историческихъ обстоятельствъ и если старается удовлетворить стремленію чувства, которое надѣжно будетъ руководить имъ въ его работѣ въ общемъ, даже безъ опредѣленнаго сознанія въ частности. Сила обстоятельствъ, безъ прямого участія философіи, основала организмъ знанія при помощи традицій, которыя въ теченіе столѣтій находились въ живой передачѣ; въ немъ „существенная“ точка зрѣнія получила надлежащее примѣненіе, хотя бы частью скрытно, какъ силы, дѣйствующія въ душѣ изслѣдователя, которыя могутъ быть переданы въ живомъ воздѣйствіи ихъ (безсознательно) только вмѣстѣ съ матеріаломъ и только въ немъ (стр. 6—7). Мы видимъ въ этой довольно туманной и витіеватой фразѣ выраженіе весьма извѣстной истины, что должно придерживаться фактовъ, не навязывая имъ извѣстную теорію, и тогда въ преемственномъ изложеніи ихъ выяснится сама собою внутренняя связь событій. Мистелли называетъ пришедшую фразу столь „глубокомысленною“, что для того, чтобы исчерпать ея сущность, нужно было бы далеко выйти за предѣлы ея настоящей статьи; остережемся и мы слишкомъ углубляться въ ея значеніе; но желательно было бы знать: въ чемъ Мистелли противопоставляетъ мнѣніе Гюгау опредѣленію Пауля? Объ отвлеченныхъ, но аргюи предвзятыхъ положеніяхъ не можетъ быть и рѣчи у Пауля, который постоянно напираетъ на реальные факторы дѣятельности рѣчи, на ея реальное значеніе и т. п. Не останавливаясь на виѣшнемъ отношеніи къ фактамъ, онъ однако указываетъ на ихъ реальность; сообразно значенію ихъ онъ даетъ иную формулировку и задачь изслѣдователя. Вообще правильно замѣчаніе Мистелли, что каково бы ни было происхожденіе данныхъ явленій словесной

дѣятельности, мы можемъ изслѣдовать лишь внѣшнее проявленіе ихъ; но врядь ли отрицается оно и Паулемъ, и не должно мѣшать желанію точно опредѣлить эти явленія. Мы оцѣниваемъ постановку вопроса Паулемъ именно въ этомъ отношеніи. Если, ограничиваясь одними фактами, подлежащими нашему изученію, и не задумываясь объ относительности нашего чисто-внѣшняго представленія о нихъ, мы пожелаемъ попытъ связь ихъ преемственнаго развитія, то даже не составляя заранѣе отвлеченнаго мѣрила, похъ которое они подводились бы съ большею или меньшею натяжкой (какъ логическія грамматики), мы все-таки можемъ вступить на ложный путь. Доказательствомъ этого служить ученіе о языкѣ, какъ „объ естественномъ организмѣ“, невѣрность котораго вполне признаетъ и Мистелли. Оно какъ будто основывается на фактахъ, на самомъ же дѣлѣ факты являются въ немъ въ ложномъ освѣщеніи—отсюда и ошибка выводовъ. Такъ, даже Я. Гриммъ, по замѣчанію Штейнталя ¹⁾, „этотъ истый историкъ, безъ мудрствованій наввно и благодушно погружавшійся въ факты, оставался цѣликомъ въ противорѣчіяхъ, которыя усматривалъ болѣе проникательный умъ В. Гумбольдта“. Недостаточно видѣть факты, нужно умѣть понимать ихъ; то „внутреннее чувство“, о которомъ говоритъ Глогау, не всегда само собою выводитъ на путь истины.

Въ данномъ Паулемъ опредѣленіи исторіи языка, какъ исторіи психическихъ организмовъ, мы видимъ не простую замѣну словъ, а разъясненіе дѣйствительнаго объекта изслѣдователя: слова, сами по себѣ, не могутъ быть разсматриваемы ипаче, какъ функціи психическихъ организмовъ; какъ таковыя, онѣ и должны быть изучаемы. Пауль дѣлаетъ поправку и отдѣльнымъ выраженіямъ. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ (стр. 79), что „строго говоря, не слѣдовало бы выражаться такъ, что раньше соединенное (ассоціаціи представленій), позднѣе обособилось, а говорить такъ: то, что въ душахъ прежняго поколѣнія ассоціировалось въ силовое представленіе, въ душахъ позднѣйшаго поколѣнія не замыкалось уже въ одно цѣлое“. „Прибавило ли подобное опредѣленіе что-нибудь новое въ наукѣ существенно?“—спрашиваетъ Мистелли. „Это не болѣе, какъ переименованіе выраженія, которое фактически ничего новаго не даетъ“. Быть можетъ; но если я скажу: „громъ ударилъ“, или „произошло разряженіе электричества“, то оба выраженія тоже будутъ лишь раз-

¹⁾ О происх. яз., стр. 369.

личными формулировками одного явления. Разница в том, что, употребляя первое выражение, я делаю уступку установившемуся способу условно выражаться, а во втором я разъясняю само явление. В живой речи, когда мы понимаем, что под известным выражением разумется, можно употреблять какие угодно описательные сравнения; но точно также, как при научных занятиях физикой термины на подобие „удара грома“ не допускаются, следовало бы и в языковедии отстранить по возможности преобладание фигуральных выражений „перехода словъ одного въ другое“, „развитія звуковъ“ и т. п. Это отнюдь не простая перефразировка, ибо, как мы видѣли, подобныя описательныя выражения принимаютъ совершенно своеобразный характеръ, при гипотезѣ объ „организмѣ“ языка. Притомъ Пауль вовсе не настаиваетъ подантично на непрѣмной замѣнѣ выражений, коль скоро мы договорились до настоящаго смысла ихъ. „Мы должны принаравливаться“, говоритъ онъ, — „къ обычнымъ выраженіямъ (напримѣръ, что языкъ подвергся известнымъ измѣненіямъ и т. п.), но не упуская изъ виду, что всѣ словесныя измѣненія суть не что иное, какъ лишь указанія (indicium) того, что соответствующія измѣненія аналогичнымъ образомъ совершились во всѣхъ или въ большей части психическихъ организмовъ, принадлежащихъ данной области“. Дѣло, такимъ образомъ не въ способѣ выражаться, а въ томъ, чтобы правильно понимать сами явления жизни языка.

Но не представляется ли возраженій Паулю съ другой стороны? Не слишкомъ ли близко граничитъ выражение „психическій организмъ“ съ тѣмъ, что мы просто называемъ душой? Намъ кажется, это отчасти такъ. Положимъ, есть разница оттѣнковъ: „психическій организмъ“ есть лишь совокупность группъ представленій въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ, и выраженіе это не означаетъ собственно разныхъ стремленій, чувствъ и т. п., которыя мы тоже называемъ душевными явлениями. Но стремленіе, чувство не сплетается ли тѣсно съ понятіями, представленіями? Обособлять ихъ довольно трудно, и въ такомъ случаѣ мы замѣтили бы, что Пауль слишкомъ широко раздвигаетъ задачу исторіи языка и отчасти даже противорѣчитъ равнѣе данному имъ опредѣленію района языковѣдѣнія. Не въ однихъ словахъ проявляется намъ внутренній міръ, и тотъ же Пауль отмѣчаетъ, что имѣющійся въ нашихъ рукахъ словесный матеріалъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ нашихъ понятій, мыслей, представленій. Можно думать и безъ словъ—это бесспорно, но тогда мы проявляемъ свои мысли образно—въ музыкѣ, въ живописи, вообще въ произведе-

часть ссххх, отд. 2.

ніяхъ искусства. Плоды фантазіи, сложныя представленія, проясненіе внутреннихъ чувствъ и мыслей, все это выражается полнѣе и въ другой области, пользующейся, правда, словомъ, какъ орудіемъ, но далеко выходящей изъ круга прѣ того словеснаго творчества, это—въ литературныхъ произведеніяхъ. Если же говорить объ исторіи психическихъ организмовъ, то мы не видимъ, какъ она можетъ быть выяснена при посредствѣ изученія одной только дѣятельности рѣчи. Къ тому же, какъ было указано, языкознание ставитъ себѣ задачей не изученіе матеріальнаго содержанія словеснаго капитала человѣка, а лишь отношеній между представленіями и ихъ звуковыми образами; въ такомъ случаѣ исторія языка всегда представитъ лишь часть исторіи психическихъ организмовъ, и позволимъ себѣ замѣтить, можетъ быть даже не самую главную. Лишь въ совокупномъ изученіи продуктовъ личнаго творчества человѣка, не только словъ, но литературы и искусствъ, можно достигнуть разумѣнія его внутренняго существа, его души или „психическаго организма“, и установить общіе законы творчества. Поэтому мы считаемъ опредѣленіе Пауля вполне правильнымъ лишь съ методологической стороны, въ чемъ признаемъ существенное значеніе за нимъ, но ограниченіе задачи, по нашему мнѣнію является необходимымъ слѣдствіемъ изъ самой сущности предмета.

X.

Мы остановились лишь на той сторонѣ книги Пауля, которая касается собственно процессовъ образованія языка; общіе вопросы, затрогиваемые имъ, какъ было указано, выходятъ изъ круга нашей задачи—не разбирать, вообще, книгу Пауля, а лишь выяснить его отношеніе къ научной постановкѣ языкознанія. Излагая его принципы въ этомъ отношеніи, мы ознакомились съ воззрѣніями цѣлой школы. Пауль и не претендуетъ на полную оригинальность (тамъ, гдѣ согласіе выводовъ не является случайнымъ совпаденіемъ); тѣмъ большее значеніе имѣетъ для насъ его книга. Выдѣлить же общую часть было тѣмъ легче, что, по замѣчанію Тоблера ¹⁾, „всѣ вступительныя опредѣленія Пауля... не имѣютъ никакого вліянія на дальнѣйшее изложеніе“. Мистелли прибавляетъ: „по счастью“, но это

¹⁾ Tobler въ *Litteraturblatt f. roman. u. germ. Phil.*, 1881, 4).

уже дело личного вкуса. Тем не менее, одно увлечение Пауля мы не можем обойти молчанием: ратуя против прежнего метода, враждующая исключител-чо въ сферѣ отвлеченій, онъ, увлекшись полемикой, говоритъ: „ чѣ. отвлеченія“ должно стать нашимъ лозунгомъ, если мы хотимъ опредѣлить факторы дѣйствительно сущаго“ (стр. 13). Это, безспорно, крайность, и Мистелли вполне справедливо замѣчаетъ, что какими бы терминами мы ни замѣняли классификацію тѣхъ или другихъ группъ звуковъ, какое бы мы ни давали объясненіе происхожденія и значенія слова, мы неизбежно приходимъ къ отвлеченіямъ. Безъ нихъ не возможно представить себѣ самый предметъ изслѣдованія. Слѣдуетъ не отстранять совсѣмъ отвлеченія, а лишь выдѣлять ихъ отъ реальныхъ факторовъ, служащихъ имъ основой, когда мы хотимъ опредѣлить послѣдніе. По скольку важно изученіе этихъ реальныхъ факторовъ въ дѣятельности рѣчи, по стольку же односторонне ограничиваться однимъ наблюденіемъ надъ процессами генезиса, какъ бы отодвигая на второй планъ самые результаты преемственной передачи. Правда, они получаютъ для насъ живое значеніе лишь тогда, когда черезъ посредство физическихъ и психическихъ процессовъ связываются съ нашими внутренними представленіями; но тамъ, гдѣ этой связи нѣтъ, она можетъ быть вызвана искусственнымъ путемъ; затѣмъ можно искусственно разрабатывать и самый языкъ, но тогда мы относимся къ нему, какъ къ объекту, то-есть, какъ къ отвлеченію. Пауль не отрицаетъ важности подобной разработки, но сравнивая ея продукты съ орапжерейными цѣнтами, онъ замѣчаетъ, что ботаникъ начинаетъ свои изслѣдованія не съ нихъ, а съ естественныхъ, простѣйшихъ видовъ растеній. Въ изученіи естественныхъ процессовъ образованія словъ Пауль правъ отстранять отвлеченія, и предыдущее изложеніе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ важна эта точка зрѣнія для правильного уразумѣнія хода вещей; но пусть онъ и ограничивается этою методологическою правдой — общая свой принципъ въ лозунгъ цѣлой школы.

Другое возраженіе представляется по отношенію къ тому положенію, которое можетъ занять психологія къ языковеденію. Мистелли отрицаетъ возможность психологіи когда-либо выработаться въ такую же точную науку, какъ, на примѣръ, химія, какъ базисъ геологіи. По его мнѣнію, это вытекаетъ изъ самой сущности предмета, не поддающагося механической формулировкѣ; вслѣдствіе того психологія можетъ стать лишь въ такое отношеніе къ наукѣ о языкѣ, какъ, на-

примѣръ, философія къ исторіи. Мы отмѣтили это возраженіе Мистелли лишь для того, чтобы указать, что хотя связь психологическихъ явленій съ процессами образованія словъ остается сомнѣнною, точная формулировка взаимоотношеній обѣихъ наукъ да еще не выработана. Пауль придерживается болѣе Гербартовой психологіи; Мистелли критикуетъ ее и выставляетъ свои положенія; но тѣмъ могутъ быть и еще иныя мнѣнія (которыя здѣсь не мѣсто разсуждать), ибо психологія—наука далеко еще не установившаяся. Тѣмъ не менѣе, эти колебанія отнюдь не опровергаютъ взаимной связи указанныхъ наукъ, и пока не столь важно опредѣлить степень ихъ формальныхъ отношеній (наукъ основныхъ, законоположительныхъ и т. п.), какъ убѣдиться въ невозможности изученія одной безъ помощи другой. Дальнѣйшая разработка въ обѣихъ областяхъ приведетъ къ тѣмъ или другимъ формальнымъ опредѣленіямъ; въ нашу же задачу входило лишь указать на существованіе этой связи.

Резюмируя изложенные нами принципы исторіи языка, мы отмѣчаемъ существенное значеніе направленія ново-грамматической школы въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Дано болѣе точное и правильное опредѣленіе самаго объекта науки, то-есть, языка. 2) Проложенъ путь къ разъясненію причинной связи между тѣми или иными измѣненіями формъ и словъ¹⁾. 3) Изученіе фактовъ подъ вліяніемъ освѣщеніемъ внутреннихъ мотивовъ, опредѣляющихъ ихъ генезисъ, привело къ установленію ряда новыхъ законовъ, новыхъ толкованій для такихъ явленій въ исторіи языка, которыя прежде оставались непонятными. Наконецъ, 4) опредѣленіе задачъ исторіи языка какъ исторіи психическихъ организмовъ (хотя бы и приплатое съ ограниченіями), значительно возвышаетъ интересъ къ изученію языка. Для прежнихъ филологовъ установленіе своеобразныхъ переходовъ формъ одной въ другую, различная судьба корней, суффиксовъ и проч. было занятіемъ, хотя и любопытнымъ, но представляющимъ болѣе внѣшній интересъ. Теперь внутренніе психическіе мотивы, какъ существенная сторона словесной дѣятельности, привлекаютъ главное вниманіе.

Бругманъ надѣется черезъ занятіе языками „достигнуть болѣе

¹⁾ Отсутствие подобныхъ объясненій въ прежнихъ грамматикахъ (присвоить явленію названіе, перенесенное изъ другой области, какъ напримѣръ, изъ естественныхъ наукъ въ языковншіе, не есть еще объяснять его) послужило поводомъ наименованію ихъ «описательными» (descriptiven), въ противоположность новому направленію, которое мы обозначили бы, какъ «генетическое».

глубокаго пониманія дѣятельности души человѣческой вообще, и въ частности, отдѣльных индо-германскихъ народныхъ единиц" ¹⁾). Правда, еще Боппъ говорилъ, что на пути языковѣдѣнія онъ разчитываетъ „углубиться въ тайны человѣческаго духа и угадать до извѣстной степени его природу и законы" ²⁾; но мы видѣли, что по мѣрѣ того, какъ создавалось представленіе о языкѣ, какъ о „природномъ организмѣ", не только человѣческій духъ, но и вообще человѣкъ былъ оставленъ въ сторонѣ. Иначе поставленъ вопросъ теперь, и потому стремленіе постигнуть дѣятельность души черезъ посредство изученія одного изъ главнѣйшихъ факторовъ ея проявленія, то-есть, слова, не звучитъ уже простой фразой.

Въ заключеніе позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе. Тотъ языкъ, на которомъ мы говоримъ теперь, на которомъ пишутся литературныя произведенія и т. п.,—общій языкъ, какъ его называютъ, есть продуктъ искусственный и до вѣкоторой степенѣ влеченіе. Онъ выработался изъ нарѣчій, изъ говоровъ, распространился на сложную группу индивидуумовъ, составляющихъ одинъ народъ, какъ цѣлое, изъ первоначально ограниченной области—небольшой группы индивидуумовъ. Для того, чтобы стать таковымъ, чтобы войти въ общее употребленіе, онъ долженъ былъ очиститься отъ слишкомъ частныхъ мѣстныхъ окрасокъ, приять въ себя элементы другихъ, родственныхъ нарѣчій, представить нѣчто среднее и потому общепонятное. Такого положенія достигаетъ языкъ, во-первыхъ, когда группа индивидуумовъ, для которыхъ онъ первоначально составлялъ естественный продуктъ, въ силу политическихъ, религіозныхъ и прочихъ условій получала преобладающее значеніе надъ другими (какъ напримѣръ, языкъ Иль-де-Франса во Франціи, какъ часть саксонское нарѣчіе въ Германіи; во-вторыхъ, когда онъ подвергся искусственной разработкѣ. При послѣдней вырабатываются извѣстные способы выражаться, обороты рѣчи, орфографія и т. п., какъ норма, возведенная въ правило. Этими правиламъ обучаются въ школахъ; имъ стараются дать устойчивую, разъ на всегда закрѣпленную формулировку. Таково стремленіе академій—во Франціи, въ Испаніи и другихъ странахъ. Онѣ противодействуютъ крайнему колебанію языка и стремятся отстранить въ немъ все аномальное. Не смотря на это, даже общій языкъ

¹⁾ *Brugmann und Osthoff, Morpholog. Untersuch. aus dem Gebiete der Indogerm. Sprachen, 1878.*

²⁾ *Вопп., Vergleich. Grammat.*

не остается окаменѣлымъ, но тоже подвергается измѣненіямъ. Французская академія (основанная въ 1635 г.)—первая, обратившая вниманіе на это закрѣпленіе литературной рѣчи, и та лишь частью достигла его.

Языкъ Мольера, благодаря ея дѣятельности, до сихъ поръ общепонятенъ; но языкъ современныхъ романистовъ уже значительно отстаетъ отъ него, какъ въ структурѣ фразъ, такъ и въ выборѣ словъ. Эстетическая критика подчеркиваетъ эти отступленія у беллетристовъ, какъ неправильности языка; тѣмъ не менѣе онѣ постепенно входятъ въ общее употребленіе. Пауль отмѣчаетъ эти колебанія съ полнымъ безпристрастіемъ, какъ совершающійся фактъ, не дѣлая имъ оцѣнки. Другой, не менѣе видный представитель науки, Уитней¹⁾, указывая на колебанія въ способѣ выразаться, называетъ замѣчаемыя отступленія „regrettable errors“, ошибки, о которыхъ надо сожалѣть; онѣ вредятъ цѣльности языка, правильности рѣчи. Уитней хотѣлъ бы отстранить ихъ, установить болѣе постоянную норму. Его точка зрѣнія уже отзывается педагогичностью. При ней ученый не останавливается на простомъ констатированіи фактовъ: онъ хочетъ дать практическое примѣненіе понятымъ имъ законамъ, регулировать общественное движеніе. Мы далеки отъ того, чтобъ осуждать подобное стремленіе, но вопросъ въ томъ: какъ далеко оно можетъ простираться? Языкъ, слишкомъ строго закрѣпленный, очень скоро обезцвѣчивается, становится крайне условнымъ, чуждымъ выраженію болѣе личныхъ, непосредственныхъ настроеній. Онъ принимаетъ оттѣнокъ декламаторства, фразистости, такъ какъ съ измѣненіемъ жизни новыя мысли, чувства, стремленія не поддаются прежней формулировкѣ. Грамматики не могутъ представить отъ себя новое содержаніе: они только подводятъ итогъ явленіямъ, жизни независимо отъ нихъ совершающимся. Идя по стопамъ за развитіемъ, а не опережая его, они могутъ только до извѣстной степени регулировать новыя проявленія, будучи сами богаты опытомъ прошлаго. Поэтому ихъ право на осужденіе тѣхъ или другихъ замѣчаемыхъ отступленій или нововведеній лишь ограничено. Какъ ни важно значеніе лингвистовъ, даже въ практическомъ отношеніи, какъ вносящихъ распорядокъ, стройность и осмысленность въ матеріалъ языка, этого выразителя и до нѣкоторой степени

¹⁾ *Whitney, The language and the study of language, 1878; Steinthal and the psychologische theorie of the language и друг. соч.*

воспитателя нашего духовнаго я,—Пауль правъ въ свой воздержанности. Не лингвисты создаютъ языкъ, не они и переформируютъ его, а Гёте, Шекспиры, Пушкины. По нимъ принаравливается въ способъ выражаться слѣдующее поколѣніе, и справедливо во многихъ отношеніяхъ то положеніе о звуковыхъ законахъ, которое мы привели выше: что является исключеніемъ въ одну эпоху, въ слѣдующую можетъ стать общеупотребительнымъ и пересилить само правило.

Ф. Батюшковъ.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ПИСЬМЕННЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ ЧЕРНОГОРИИ.

Въ исторіи юго-славянской письменности всякій не безъ удивленія останавливается на томъ фактѣ, что Черногорія и Сербія, первая свободная всегда, вторая тоже давно, всего меньше доставили матеріала для этой науки. Сербія, сколько мнѣ помнится, дала только „Троношскій лѣтописецъ“, и сколько мнѣ привелось посѣтить тамошніе монастыри, какъ Студеницкая лавра, Жича, Манасія, Любостивъ и др., я ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ ни клочка писанной бумаги отъ стараго времени. Какъ будто тамъ никогда и не было ничего. Черногорія дала нѣсколько больше; но и ея монастыри, какъ Брчельскій, Морачскій, Пивскій, Вѣльскій, Косьераво, въ настоящее время стоятъ пусты. Только и можно кое-что найти въ Цетинскомъ монастырѣ: какъ будто объ эти страны цѣною своей старой литературы откупили свою политическую свободу и независимость. Это тѣмъ страннѣе, что земли, до сихъ поръ находящіяся подъ турецкимъ владѣтельствомъ, какъ Старая Сербія и Македонія, успѣли уже весьма много памятниковъ передать въ распоряженіе науки, а многое хранять у себя и теперь, какъ драгоценность.

Въ Сербіи нѣтъ и поминна о бывшихъ когда-либо хранилищахъ такихъ сокровищъ. Это можно объяснить тѣмъ, что очень рано монастыри на Фрушкой-горѣ сдѣлались центромъ духовной жизни тамошнихъ Сербовъ, и имъ-то и вручены были всѣ письменныя сокровища, спасаемыя отъ Турокъ. Что же касается Черногоріи, то ова, какъ наследница Зетскаго государства, стоявшаго по тогдашнему времени на высокой ступени образованности, безъ сомнѣнія, унаслѣдо-

вала отъ нея и богатство письменности. Не даромъ на Рѣкѣ Черно-
евича появляется одна изъ первыхъ славянскихъ типографій (1494 г.),
откуда книги распространялись по всѣмъ сербскимъ землямъ. На
эти богатства теперь намекаютъ только ничтожные остатки, которые
можно видѣть въ Цетинскомъ монастырѣ, и то въ весьма жалкомъ
состояніи.

По свидѣтельству очевидцевъ, въ другихъ монастыряхъ Черно-
горіи были цѣлыя кучи письменнаго матеріала, и въ томъ числѣ мно-
жество документовъ, писанныхъ на заячьей кожѣ, какъ здѣсь на-
зываютъ пергаментъ. Много письменныхъ документовъ было не только
въ монастыряхъ, но и въ приходскихъ церквахъ, и даже въ частныхъ
домахъ.

Куда же все это дѣвалось?

Турки вовсе не заботились о нихъ. По разказамъ изъ недав-
наго времени, перебирая монастыри, они отыскивали только ору-
жіе и драгоценности, а на книги не обращали никакого вниманія.
Все это пропало, значить, отъ небрежности. И въ самомъ дѣлѣ,
черногорскіе игумены больше цѣнили леденицы и джевердары¹⁾,
чѣмъ книги, которыя потому бросали безъ всякаго призравнія, и тогда
тащилъ ихъ всякъ, кто хотѣлъ; или весь этотъ драгоценный мате-
ріалъ, валяясь въ сырости и грязи, исчезалъ, претворяясь постепенно
въ навозъ.

Если люди теперь еще разказываютъ о существованіи множества
книгъ, то когда же онѣ могли исчезнуть? Значить, весьма недавно.

Дѣйствительно, мы положительно знаемъ, что владыки Сава и Ва-
силій любили книги, собирали, переписывали старые документы и
берегли ихъ. Владыка Петръ I также берегъ все это, и въ докумен-
тахъ, оставшихся отъ него, есть ссылки на памятники, отъ которыхъ
теперь нѣтъ и слѣда. А Петръ II только и отдыхалъ отъ государствен-
ныхъ заботъ, что съ книгами. Всѣ они были большіе любители про-
свѣщенія и держали при себѣ просвѣщенныхъ людей, какъ аббата
Дольчи и Симо Милутиновичъ при Петрѣ I, Милаковичъ и Меда-
ковичъ при Петрѣ II, которые специально занимались литературой.
При Петрѣ II на Цетинѣ работала и типографія не для официальной
работы, а для изданія книгъ церковныхъ, учебныхъ и другихъ.

---

¹⁾ Пистолеты въ серебряной оправѣ и длинныя, съ тонкими стволами ста-
ранными ружья: и тѣ, и другія кремневые.

Тутъ печатались Пословицы Вука Караджича, сборникъ „Грлица“ и стихотворенія владыки.

Что касается монастырей, то заботливостью о сохраненіи рукописей отличался Брчельскій (въ Цермницѣ). Изъ него, однако, не такъ давно всѣ письменные памятники унесены были на Цетинье, въ томъ числѣ нѣсколько грамотъ на пергаментѣ, которыя намъ и удалось видѣть. Оттуда же имѣется въ Цетиньѣ цѣлая тетрадь, въ которой находятся копія съ 17 грамотъ, частію сохранившихся и теперь пергаментныхъ, частію утраченныхъ. Но и эта тетрадь не сохранилась въ цѣлости: въ началѣ не достаётъ нѣсколько листовъ, а сколько—неизвѣстно, такъ какъ листы безъ нумераціи. Переpletчикъ этой тетради былъ расофорный монахъ того же Брчельскаго монастыря, Гавріилъ, во время владыки Даниила. Грамоты переписаны на длинныхъ, узкихъ листкахъ, столбцами—довольно толстой, лощеной бумаги, характеръ буквъ—переходъ къ скорописи. Сравнивъ съ сохранившимися оригиналами, я вижу, что переписчикъ не соблюдалъ вполне ихъ орфографіи и знаковъ, ставилъ много знаковъ своихъ, а также и языкъ подгонялъ къ своему современному. Но какъ тщательно онѣ переписаны и съ какимъ стараніемъ выведены киноварью и другими красками подписи и надписи вязью и начальныя буквы, представляющія различныя фигуры! Все это показываетъ то благоговѣйное отношеніе къ родной старинѣ и ея заветамъ, которое впоследствии утратилось не только въ простыхъ Черногорцахъ, но и въ ихъ духовныхъ представителяхъ. Сборникъ заканчивается слѣдующею припиской, изъ которой можно видѣть, когда, кѣмъ и по чьей инициативѣ онъ составленъ:

„Повеленіемъ и благословеніемъ отца и господина игумна кир Гавриила Гурашковикъ ¹⁾ отъ места Цеклина и повеленіемъ брата его Исана іеромонаха отъ села Браикъ ²⁾ преписаше се сіи хрисоволя мною грѣшнимъ расофоромъ Гавриломъ въ храмѣ святаго Николаи у новои куки ³⁾ и келіахъ; въ тожде лето и саградіше. Святителствуующу тогда и въ то врѣме архіереу кир Данилу отчаство Нѣгуши. И аще что найдете въ сихъ хрисоволахъ неисправно, простите: несс(т) моя вина; но русовули отъ многихъ временъ престарали и предрти и замрляти; но елико могохъ, преписахъ и исправихъ. Лето 7229 (1721); у Брчели, іуліа 9, на святаго панкратія Тавроменъ“.

¹⁾ Дьюрашковичи и теперь известная фамилія на Цеклинѣ (Рачной нахи).

²⁾ Браичи—въ Приморьѣ.

³⁾ Дъиъ.

Останавливаясь на этихъ скудныхъ остаткахъ древней письменности, когда-то съ великою заботливостью охраняемыхъ отъ истребленія и забвенія, невольно съ грустью задаешься вопросомъ: куда же все это дѣвалось?

Значительная часть, можетъ быть, еще въ старое время утратилась въ мѣстахъ своего первоначальнаго храненія; но изъ Врчелей все было перенесено на Цетинье, а также сносилось сюда и изъ другихъ мѣстъ; кромѣ того, на Цетиньѣ было и свое собраніе памятниковъ. Слѣдовательно, послѣдній ударъ безжалостно истребляющей руки постигъ ихъ здѣсь.

Судьба нѣкоторыхъ мѣъ извѣстна.

Такъ, изъ Дупила (въ Цермницѣ) доставлены были нѣкоторые пергаментные документы, касающіеся Черной горы сношеній съ Венеціей. Ихъ передали для разбора одному лицу, совершенно не понимающему въ томъ ничего; оно продержало ихъ у себя, ничего не сдѣлавъ, а потомъ они были такъ и забыты у него. Въ одномъ частномъ домѣ также, я знаю, лежатъ кучи разнаго матеріала, унесеннаго изъ монастыря. Кое-что унесено и иностранцами. Можетъ быть, это хранящееся въ частномъ домѣ или унесенное за границу и не исчезнетъ безслѣдно. Но сколько тащили люди безъ всякой надобности и уничтожали безъ всякой необходимости!

Говорятъ, что шрифты изъ типографіи Черноевича на Рѣкѣ были перелиты въ пули, а много бумагъ и пергаментовъ употреблено на приготовленіе патроновъ. Правда, была великая нужда; но во всякомъ случаѣ можно было обойтись и безъ того, если бы было какое-нибудь уваженіе къ тому, что давно уже въ цѣломъ свѣтѣ возводится въ предметъ обожанія. Это однако еще можно понять и извинить. Но что случилось съ богатой библіотекой владыки Петра II? Куда дѣвалась на глазахъ всѣхъ, теперь еще живущихъ, библіотека такъ-называемой цетинской „Богословин“, гдѣ было до 3000 книгъ и особенно богато были представлены русская и сербская литературы, въ томъ числѣ всѣ русскіе авторы въ изящныхъ переплетахъ? Остатки этой послѣдней библіотеки недавно только вытаснены изъ какого-то сыраго подвала и переданы въ распоряженіе гимназій; но между ними нѣтъ ни одной сербской книги, а изъ русскихъ растащено все, что было цѣннѣе. Не удивляемся мы въ этомъ случаѣ тѣмъ людямъ, которые тащутъ; но не можемъ не удивляться тѣмъ, обязанность которыхъ беречь это народное благо и охранять, какъ отъ расхищенія, такъ и отъ истребленія гнилью, молью и мышами.

Благодари такому отношенію, истреблено множество историческихъ документовъ, которые связывали бы Черногорію съ отдаленнымъ временемъ первыхъ Нѣманичей, не говоря уже о Черноевичахъ, исторія которыхъ всякому Черногорцу должна быть священна. Благодаря этому, Черногорія едва знаетъ именно всѣхъ своихъ владыкъ до Данила, за какихъ-нибудь 350 лѣтъ назадъ. Какъ же совмѣстить съ этимъ любовь вообще сербскаго народа къ своему прошлому и богатство историческихъ пѣсень?

Народъ не измѣнилъ своему характеру. Каждый Черногорецъ крѣпко хранитъ свои фамильныя преданія, восходящія до дѣда и прадѣда; знаетъ откуда, пришли его предки, и приблизительно въ какое время, разумѣя подъ этимъ не годъ, а цѣлую эпоху, какъ Косовская битва, херцога Степана; иные ссылаются и на время Нѣманичей; но это уже домыслы и догадки. Есть преданія отдѣльныхъ племенъ, названія которыхъ приурочиваютъ къ именамъ личнымъ Оара, Пипа, Васа, Краса, Хотя и т. д., и около нихъ складываются разказы, въ которыхъ былъ смѣшивается съ вымысломъ. Сохранились преданія о кралицѣ Еленѣ и святой Ангелии.

Иногда народъ жетъ неумышленно, смѣшивая одинаковыя имена: такъ преданіе о Саввѣ, второмъ сербскомъ архіепископѣ, приурочиваютъ къ св. Саввѣ. Вудучи выселенцами изъ Герцеговины или изъ Старой Сербіи, новые обитатели Черныхъ Горъ встали здѣсь власть старожиловъ, но о нихъ не имѣютъ никакого попятія и крестятъ ихъ именами: чифуты, мацуры, матаруги, бокумиры и т. д., не подозревая, что это были, также какъ и они, Сербы. Въ Банянахъ изъ выселившагося туда князи Корбанскаго (изъ Хорватской Краины) сдѣлали Грбава (горбатаго) и одно мѣсто назвали „Грдова-градина“ (отъ грдо—уродъ; слѣдовательно, градъ того же горбатаго). Отъ простаго народа нельзя и требовать больше.

Народная память коротка и то, что сохранила, представляетъ неточно. Она часто можетъ присвоить себѣ чужое имя и отречься отъ своего. Народныя преданія однако имѣютъ великую цѣнность, потому что указываютъ историку иногда на такіе предметы, на которые онъ безъ того не обратилъ бы вниманія. Народною памятью опредѣляется значеніе того или другаго факта. Она можетъ быть несправедлива въ оцѣнкѣ исторической личности съ точки зрѣнія высшей, но не ошибается въ опредѣленіи ея нравственнаго значенія для того момента, когда она жила и дѣйствовала, какъ напримѣръ, преданія о злой царицѣ Еринѣ. Въ черногорской исторіи извѣстно

ния одного черногорскаго владыки Мардарія Корнетякина (изъ Карнета въ Лѣшанской вахи), о которомъ, однако больше ничего не извѣстно; но народъ сохранилъ о немъ воспоминаніе, не говорящее впрочемъ въ его пользу.

Народъ разкажетъ вамъ свою исторію въ видѣ преданія или пропоетъ вамъ ее уз-гуслу, какъ попъ Митя въ „Горскомъ Вѣнци“, служилъ литургію на память, безъ книги. Время такихъ поповъ уже прошло, и исторія черногорская до сихъ поръ должна разказываться наизусть по той причинѣ, что всѣ историческіе матеріалы безжалостно истреблены, и то въ недавнее время.

Грѣхъ такого уничтоженія множества письменныхъ памятниковъ можетъ и долженъ быть поправленъ учрежденіемъ въ Цетиньѣ хранилища всѣхъ памятниковъ старины, на подобіе музеевъ въ Прагѣ, Вѣлградѣ, Загребѣ, Дубропникѣ и другихъ мѣстахъ. Нужно сохранить отъ окончательнаго истребленія или расхищенія то немногое, что имѣется, а въ то же время позаботиться о розысканіи и собраніи всего, что находится внутри Черногоріи. Немного, во все-таки нашлось бы и у частныхъ лицъ, которыя охотно передали бы имѣющееся у нихъ публичному учрежденію, еслибы были увѣрены, что переданное сохранится. Такое учрежденіе пробудило бы духъ изысканія и въ сосѣднихъ странахъ. Черногорія такимъ образомъ стала бы хранилищемъ памятниковъ исторической жизни на такомъ пространствѣ, до котораго далеко еще не достигаютъ ея политическія границы. Сколько монетъ и другихъ вещей до сихъ поръ вынесено изъ одной Діоклен; а сколько еще тамъ осталось! Покуда же нѣтъ такого учрежденія, все это должно уходить вонъ изъ границъ Черногоріи, и то потому только, что нѣтъ мѣста для храненія. Развѣ это не стыдно?

Въ настоящее время на всякаго просвѣщеннаго иностранца, посѣщающаго Цетинье, самое отрадное впечатлѣніе производитъ читальня, принадлежащая особенному обществу и содержащаяся взносами его членовъ изъ мѣстныхъ гражданъ, учителей и чиновниковъ отъ низшихъ и до министровъ (включительно). Кромѣ выписки газетъ и другихъ повременныхъ изданій, она собираетъ и маленькую бібліотеку, ассигновавъ ежегодную сумму на приобрѣтеніе книгъ, составляющихъ существенную потребность всякой сербской бібліотеки и главнымъ образомъ касающихся исторіи сербскаго народа. Но большая часть книгъ получена и получается въ даръ отъ своихъ братьевъ Славянъ, въ особенности изъ Россіи и отъ Хорватъ. И такимъ образомъ читальня имѣетъ уже до 1,000 книгъ.

Этотъ маленькій центръ умственной жизни Цетинья могъ бы въ то же время служить хранилищемъ и историческихъ сокровищъ Черногоріи; но, во первыхъ, общество читальни не имѣетъ потребныхъ для того средствъ, а вторыхъ, оно, какъ учрежденіе частное, не прочно и въ своемъ существованіи. Оно такъ мало и держится при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, что стоитъ только выбыть двумъ-тремъ болѣе энергическимъ членамъ, и паденіе его неизбежно. А въ такомъ случаѣ и собранныя имъ книги хоть на улицу выброси.

Тамъ, гдѣ интеллигенція стоитъ еще слабо, такое дѣло обыкновенно принимаетъ на себя правительство; поэтому и въ Черногоріи такое учрежденіе должно быть правительственное. Въ такомъ учрежденіи настоятельная потребность для Черногоріи. Это былъ бы умственный центръ ея, который оказывалъ бы вообще вліяніе на умственное развитіе народа и особенно на воспитаніе его въ національномъ духѣ; а въ то же время это придадо бы значеніе Черногоріи въ глазахъ цѣлаго народа.

Послѣ этой характеристики положенія, въ какомъ вообще находятся письменные памятники въ Черногоріи, намъ остается указать, что мы въ ней нашли.

Можетъ быть, эти памятники извѣстны многимъ; но они до сихъ поръ вполнѣ никѣмъ не опубликованы, кромѣ г. Ястребова, который только часть ихъ и напечаталъ въ своемъ сочиненіи на сербскомъ языкѣ „Матеріалы для исторіи Сербской церкви“ (Бѣлградъ, 1879). Поэтому считаемъ полезнымъ сообщить, по крайней мѣрѣ, въ перечнѣ обо всѣхъ ихъ.

Всѣ эти памятники—одного характера: это все дарственные грамоты и записи сначала монастырю св. Николая на островѣ Вранинѣ, куда съ теченіемъ времени перенесена была и митрополія изъ Краины, а потомъ цетинскому монастырю Рождества Богородицы. Тутъ есть и грамота, которою сопровождалось основаніе названнаго монастыря Иваномъ Черноевичемъ, и еще грамота, относящаяся къ монастырю архистратига Михаила на Превлакѣ (въ Бокѣ); кромѣ того, 4 диплома на пергаменѣ венеціанскаго дожа; грамота Михаила Милорадовича 1712 г. и тетрадь писемъ и другихъ документовъ 1798 и 1799 гг. Есть тутъ также судныя записи по поводу спора изъ-за границъ между разными общинами.

Скажемъ обо всѣхъ этихъ документахъ по отдѣльности. Начнемъ съ пергаменовъ.

Всѣ эти грамоты писаны полууставомъ, со всѣми признаками серб-

скаго языка южнаго нарѣчія. Подписи большею частью вязью, а въ текстѣ съ титлами и безъ титлъ, со множествомъ надстрочныхъ знаковъ, но въ орѳографіи большаго постоянства нѣтъ. У каждой внизу была печать на шелковомъ шнурѣ, но печать не уцѣлѣла ни одна, а у большей части нѣтъ даже и шнура, и только дырочки, гдѣ онъ былъ продѣтъ. Иныя грамоты совершенно полиняли отъ сырости, а также сильно попорчены на сгибахъ; а изъ одной просто вырѣзанъ цѣлый квадратъ для какой-то потребности. Самыя старыя изъ нихъ относятся ко времени Стефана Уроша III Дечанскаго (1321 — 1336): 1) Вранинскому монастырю на село Арахаво въ Цермницѣ и 100 перперъ отъ торга у монастыря св. Сергія на Боянѣ (въ двухъ экземплярахъ съ нѣкоторыми разностями).

2) Тому же монастырю на село Брчеле (тоже въ двухъ вариантахъ);

3) Котору въ монастырь архистратига Михаила. Эта грамота чрезвычайно оригинальна по характеру буквъ, между которыми есть взятыя изъ глаголицы, и по языку совершенно ѣкавскаго нарѣчія, притомъ съ весьма смѣшанными грамматическими формами, что указываетъ въ письмѣ ихъ не сербское происхожденіе.

Одна грамота Стефана Душана (1336—1356) Вранинскому монастырю на село Трново въ Цермницѣ. Подпись слѣдующая: Стефанъ по милости божией король млади Душанъ с богомъ самодержаць всѣхъ сербскихъ и поморскихъ земель“. Не относится ли грамота къ тому времени, когда Душанъ былъ какъ бы совѣстителемъ своего отца и находился въ своей резиденціи въ Скадрѣ?

Грамота Балши или Баоши III (1405—1421), въ двухъ экземплярахъ, дарующая приходъ отъ соли въ Брадахъ и изъ другихъ солеварень: по одному экземпляру — Николѣ Вранинскому; по другому — Пречистой Краинской.

Грамота Ивана Черноевича, въ которой объясняется, какъ построена церковь Рождества Богородицы съ монастыремъ на Цетинѣ, и затѣмъ опредѣляются границы земель, дарованныхъ монастырю. Эта грамота сохранилась лучше всѣхъ; печати также нѣтъ, но отлично сохранился шелковый малиноваго цвѣта шнуръ, перевитый внутри золотомъ нитью.

Наконецъ, на пергаментѣ же весьма тонкимъ и плохимъ подражаніемъ полууставу запись игумена Рафаила Станевича Лѣшкопольца изъ села Фармакъ, по которой онъ даруетъ Цетинскому монастырю церковныя книги, сосуды, кресты и другія вещи на сумму около 8300 грошей (годъ не означенъ).

Затѣмъ слѣдуютъ на италіанскомъ языкѣ: два небольшіе листка, заключающіе въ себѣ частныя сдѣлки, изъ Будвы, 1682 и 1684 гг.; подтвержденіе прежняго опредѣленія относительно какого то Николо Стефани отъ Венеціанскаго дожа Силвестра Валеріа, 1696 г., и наконецъ, три диплома дожа Іоанна Корнеліа, опредѣляющіе отношенія Венеціанской республики къ Черногоріи 1717 и 1718 годовъ.

Первый изъ этихъ дипломовъ украшенъ рамкою, посрединѣ которой венеціанскій левъ, а по бокамъ гербы и потомъ различныя цвѣты — красками и золотомъ; внизу на шнурѣ печать изъ серебряныхъ пластинокъ съ деревомъ внутри и съ двумя кистями. На одной сторонѣ печати выбиты фигуры св. Марка и дожа, стоящихъ другъ противъ друга и держащихся одною рукою за стоящій между ними жезлъ съ крестомъ на верху, а кругомъ надписи: направо Іоан. Cornet. а передъ лицомъ дожа Dux; вокругъ головы Марка 12 звѣздъ и на той половинѣ кругомъ надпись — S. M. VENET. На другой Іоаннес Cornelio dei gra. dux Venetiar. et. c. Надъ текстомъ грамоты титулъ дожа золотыми буквами. Остальныя двѣ грамоты безъ всякихъ украшеній, а печати утрачены.

Въ копіяхъ монаха Гавріила, сверхъ указанныхъ выше пергаменныхъ грамотъ, находятся еще слѣдующія:

- 1) Краля Милутина или Уроша II Вранинскому монастырю на Аимгяни.
  - 2) Архіепископа Саввы II тому же монастырю на Плавницу.
  - 3) Елены кралицы Сербской на село Крнице.
  - 4) Стефана Владислава на Године.
  - 5) Стефана Уроша III на Брчеле.
  - 6) Вариантъ той же грамоты.
  - 7) Ивана Черноевича подтвержденіе грамоты на Орахово.
  - 8) Его же подтвержденіе грамоты на Плавницу.
  - 9) Подтвержденіе границъ Вранинскаго, монастыря при султанѣ Сулейманѣ.
  - 10) Георгія Старшимировича на село Раке.
  - 11) Валша III на село Каруче.
  - 12) Подтвержденіе правъ Вранинскаго монастыря султаномъ Мухамедомъ.
  - 13) Община Матогужи даруетъ монастырю земли въ Зетѣ.
- Грамота на основаніе Цетинскаго монастыря здѣсь не находится, такъ какъ она хранилась не въ Брчелахъ, и на Цетиньѣ.
- Есть еще цѣлая книга въ полулистъ большаго формата толстой

бумаги, содержащая въ себѣ главнымъ образомъ записи земель Цетинскаго монастыря дарованныхъ, проданныхъ и заложенныхъ ему, а также и нѣкоторые другіе документы и другіи грамоты. Вотъ содержаніе ея по порядку;

Хрисовули:

I. Иванбега о границахъ Вранницкаго монастыря въ Зетѣ. 1482 г.

II. Его же копія съ пергаменной грамоты объ основаніи Цетинскаго монастыря (1485 г.)

III. Георгія и Степана Черноеличей о надѣлѣ землею того же монастыря (1495 г.).

IV. Иванбега рѣшенію спора о земляхъ между Вѣлошами и Баццами (1489 г.).

V, VI, VII, VIII и IX. Распрія о границахъ и записи земель Цетинскому монастырю съ 1446 по 1582 г.

X. Границы Цетинскаго монастыря 1571 г.

XI. Запись земель Цетинскаго монастыря, всего 24 нумера, съ 1586 по 1629 г.

XII. Хрисовуль Стефана Первовѣчаннаго (сомнительнаго происхожденія).

XIII. Записи земель Цетинскаго монастыря, 38 нумеровъ, съ 1698 по 1773 г.

XIV. Саввы митрополита „како составихъ книге отъ свѣихъ бащинахъ. Що самъ купію и що е кто приложію церкви Цетинской—у метохъ Побарскій и Махинскій, що е у Вишковиче и другій весь метохъ побарскій 1752 г. Всѣхъ записей 63, съ 1606 г. по 1736 г.

Какъ ни ограничено содержаніе этого матеріала, въ немъ изслѣдователь можетъ найти нѣкоторыя данныя для хронологіи и хотя косвенныя указанія на состояніе Черной Горы, на правовыя отношенія къ землѣ, на способы рѣшенія распрій, на отношенія народа къ монастырю; ими опредѣляется, какъ далеко простирались границы Черногорія; есть данныя для географіи Черногорія, а для нѣкоторыхъ областей—это даже богатый географическій матеріалъ. Тетрадь же съ письмами и другими документами владыки Петра I, а также грамота М. Милорадовича, представляютъ интересныя матеріалы для исторіи отношеній между Черногоріей и Россіей; для этой цѣли мы и намерены ими воспользоваться впоследствии.

III. Ровинскій.

ПОЛОЖЕНІЕ ПРОТЕСТАНТОВЪ ВЪ РОССІИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Die Lutheraner und Calvinisten sind bisher nicht allein im Lande hin und wieder, sondern auch in Muskau zu Hoffe, wegen Hande und Wandel, den sie starck mit ihnen treiben, und ihrer Dienste, so Ihr Zaar. Majest. sich zu Hauss und Felde gebraucht, gar angenehm gewesen... Aber die Papisten und Juden mögen sie nicht gerne sehen noch hören.

Adam. Olearius.

О Люторѣхъ сказано (русскимъ правительствомъ Посевину на его просьбу изгнать изъ Россіи лютеранскихъ магистровъ), что въ Россійскомъ государствѣ всѣхъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обихованіемъ, а къ Русскимъ людямъ не пристають; а хотя бѣ кто и похотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускають.

(Историческое извѣстіе о Антоніѣ Посевинѣ).

I.

Избраніе Петра царемъ (1682 г.) застало иноземцевъ во всѣхъ значительныхъ торговопромышленныхъ пунктахъ Московскаго государства. Явившись въ качествѣ торговыхъ людей, плѣнныхъ и различнаго рода „знатцевъ“, они жили теперь въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Тулѣ, Вѣлгородѣ и т. п., и особенно скученно въ сѣверо-восточномъ подмосковномъ предмѣстьѣ, на правомъ берегу Яузы, куда отцомъ Петра были переведены всѣ тѣ изъ нихъ, кто послѣ междуцарствія поселился было въ чертѣ русской столицы. Всѣмъ переведеннымъ даны были (1652 г.) участки земли, смотря

по званію и состоянію. Изъ „служилыхъ Нѣмцевъ“ одни—генералы и штабъ-офицеры—получили по 40 сажень вдоль и 20 поперекъ, другіе — оберъ-офицеры — вдоль по 30 и поперекъ по 15 сажень, третьи—офицеры—вдоль по 15 сажень, поперекъ по 10; дѣла приравнены съ первыми, аптекари, золотого, серебрянаго, канцелярнаго или кружевнаго дѣла мастера сравнены со вторыми; мелкіе чинамъ—капраламъ, сержантамъ, полковымъ обозначимъ и т. п.—отведено по 10 сажень вдоль и по 8 поперекъ; торговымъ людямъ и вдовамъ даны такіе же участки, какіе занимали ихъ прежніе дворы въ Москвѣ, а прочіе, у кого своихъ домовъ не было, получили вдоль по 8, поперекъ по 6 сажень ¹⁾. Пасторамъ отмежеваны участки не одинаковые: лютеранскіе пасторы—Валтасаръ Фадемрехтъ получилъ 40 сажень вдоль и 19 поперекъ, близъ нѣмецкаго кладбища, Іоакимъ Якоби—около 30 сажень вдоль и 22 поперекъ; реформатскій пасторъ Іоаннъ Кравинкель пріобрѣлъ 40 сажень вдоль и поперекъ 20, наравнѣ съ генералами ²⁾. Вновь отстроенное селеніе получило официальное имя „Новонвоземской слободы“, но на обыкновенномъ языкѣ оно называлось „Новонѣмецкою слободой“, или же по старинному, Кокуемъ. Скоро эта новая слобода разрослась въ цѣлый городъ.

Съ виду она рѣзко выдѣлялась изъ ряда русскихъ селеній. Улицы въ ней были прямыя, широкія, дома хотя большею частію были деревянные, но западно-европейской архитектуры, и обрамлены садами и палисадниками. За исключеніемъ принявшихъ православіе и нѣсколькихъ придворныхъ докторовъ и почетныхъ гостей, которымъ дозволено было остаться въ городѣ, здѣсь жили всѣ московскіе иноземцы, и едва ли въ Европѣ существовала какая-нибудь національность, у которой не было бы въ слободѣ своего представителя ³⁾, преимущество же взяла національность нѣмецкая. „Наибольшую часть“, писалъ о ея жителяхъ голландскій резидентъ (1676 — 1693 г.) Кел-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. I, № 85.

²⁾ Главн. Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла иностранныхъ исповѣданій 1652 г.; Собран. госуд. грам. и догов. IV. № 207; *A. W. Fechner, Chronik der Ewangelischen Gemeinden in Moskau*. Moskau, 1876, I, 281—283.

³⁾ Странствованіе патр. Макарія изъ Алеппо въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Съ арабскаго. *Библ. для чтен.* 1836, XV, отд. II, стр. 101 *Kilburger, Kurzer Unterricht von dem Russischen Handel* (1674 г.); *Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie*; III, 338; *Wickhart, Moscovitische Reiss-Beschreibung*, Wienn, 1675, IV, 184.

леръ ¹⁾, здѣсь составляютъ Нѣмцы, люди хорошіе и честные, и всѣмъ другимъ необходимо, особенно для торговли, знать ихъ языкъ, и потому-то даже Англичане и Голландцы вынуждены изучать его (hoosk-duijts)*. Это былъ тотъ главный узелъ, который связывалъ Россію съ Европой, пунктъ, черезъ который западная Европа знакомилась съ Россіей, а Москва узнавала о Западѣ.

Составъ жителей Нѣмецкой слободы обусловливался, кромѣ соотнѣженія Россіи съ Ливоніей и Швеціей, политико-экономическими и религіозными интересами. Гигантскія реформы, совершавшіяся на Западѣ въ сферахъ научной, церковно-религіозной и общественной, почти волшебнымъ образомъ будили полуспявшія народныя силы и направляли ихъ къ оживленной дѣятельности, но уже не въ направленіи къ древнему идолу—Риму, а отъ него. Передовыми борцами и провозвѣстниками новыхъ идей были по преимуществу народы Германскіе, которыми главнымъ образомъ и совершена реформація, и съ которыми слилось протестанство, подобно тому, какъ за народами романскими осталось католичество. Она сдѣлалась подвижнѣе и предпримчивнѣе католиковъ. Послѣдовавшія между тѣмъ кровавыя войны, внутреннія междоусобія, экономическое разстройство, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, очень часто побуждали ихъ искать счастья внѣ родины; по Германіи бродили многочисленныя толпы военныхъ людей, искавшихъ занятій и за выгодную плату готовыхъ служить гдѣ и кому угодно. Когда разнесшійся по Западу слухъ о Московіи и ея богатствахъ обратилъ тамъ вниманіе на эту страну, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ нарочныхъ агентѣвъ стали получаться приглашенія къ военнымъ, художникамъ, мастерамъ, врачамъ и т. п. поступать на русскую службу, то естественно, протестанты двинулись сюда въ большемъ количествѣ, чѣмъ католики. Это движеніе имѣло характеръ сначала случайный, отрывочный, потомъ оно становится болѣе непрерывнымъ, какъ бы систематическимъ, и было бы еще дружнѣе, если бы не являлась здѣсь помѣхой недостаточная извѣстность чужой страны, небезопасность дальняго пути, слухи о постигавшихъ тамъ иноземцевъ бѣдствіяхъ и трудность возвращенія, такъ какъ было извѣстно, что русское правительство обыкновенно употребляло всѣ усилія, чтобы не выпустить назадъ тѣхъ, кто служилъ у него.

¹⁾ Dr. M. Posselt, Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Frankt. am Main. 1866, I, 216—217.

Новые пришельцы первоначально принимались безъ отличія отъ прежнихъ. Въ сознаніи замкнутыхъ Москвитянъ всѣ вообще христіане дѣлились на „крестьянъ“ (православныхъ) и „латинянъ“, весь Западъ представлялся латинскою землею, всѣхъ, прибывшихъ оттуда, Москвичи безразлично называли „латинами“ и „иноземцами“¹⁾. Скоро однако было подмѣчено вѣроисповѣдное и національное отличіе между пришельцами: уже современники Грознаго протестантовъ начали называть „люторами“, „нѣмцами“, католиковъ—„папешниками“, „римлянами“, „латинянами“²⁾. Это различіе послужило въ пользу Нѣмцевъ-протестантовъ. Въ нихъ усмотрѣна большая близость къ тому идеалу, который намѣтило себѣ русское правительство относительно иностранца: иноземецъ долженъ удовлетворять практическимъ нуждамъ страны, не нанося ущерба ея существеннымъ основамъ и традиціямъ. Освободившемуся отъ татарскаго ига и быстро росшему государству настояла нужда улучшить ратное дѣло, открыть руду, расширить торговлю, построить зданія, болѣе массивныя и изящныя, и т. д. Домашними средствами обойтись было не возможно, и потому требовалась посторонняя помощь. Но правительство наблюдало, чтобы посторонніе люди не вредили русской вѣрѣ, русскимъ нравамъ и крѣпшему самодержавію. Принимая выходцевъ или нарочно посылая за ними, оно, на сколько было въ силахъ, постоянно слѣдило за этимъ. Католичество было ближе къ православію, но зато догматическая даль протестантовъ значительно укорачивалась общностью вражды къ католикамъ, ихъ болѣею предпримчивостію, практичностью и уживчивостію; съ католичествомъ же у Москвы всегда соединялись тяжелыя мысли и горькія историческія воспоминанія. Холодность и недовѣріе къ католикамъ переданы Руся еще изъ Греціи, заимствованны Ольгой и Владиміромъ, и затѣмъ постоянно поддерживались эгонистическими дѣйствіями папства, его страстью къ пропагандѣ и религіозно-политическому господству. Московскому

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., VI, 293; Царственная книга, 9.

²⁾ Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI вѣка: *Библия для чтен.* 1842, XXXV, отд. II, стр. 135; *Русинскій*, Религіозный бытъ Русскихъ по свидѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871. Впрочемъ, и послѣ того многіе смѣшивали католичество съ лютеранствомъ. Католичку Марину, наприѣръ, называли «люторкою», про Лже-Димитрія I говорили, что онъ обѣщался папѣ и Польскому королю «непобѣдиму бытъ въ люторской и въ папешской ихъ вѣрѣ». *Временникъ*, 1853, XVI, II, стр. 32; *Чтен. въ Общ. ист.* и др. Росс. 1847, IX, 12, 18, 21.

правительству было непріятно католичество за его постоянное стремленіе мѣшаться во внутреннія дѣла государства, за стремленіе захватить въ свои руки даже верховную свѣтскую власть; іерархія не терпѣла католиковъ, какъ лицъ, если не прямо несшихъ съ собою иго папства, то ближайшихъ его предвѣстниковъ. Неоднократными попытками къ религіозному „объединенію“, на самомъ же дѣлѣ къ подчиненію себѣ Москвы, и тѣми притѣсненіями, которыя терпѣли отъ католичества православные Литовцы, католики какъ пельзы болѣе утверждали въ томъ Москвитянь, а жестокости, совершенныя Поляками въ смутное время, сдѣлали католическое имя просто ненавистнымъ. Оттого правительство очень скоро дало предпочтеніе протестантамъ, а со времени Михаила Ѳеодоровича оно призывало и принимало по возможности однихъ протестантовъ и усиленно заирало входъ католикамъ. Отправляя (1631 г.) за границу полковника Лесли для найма ратныхъ людей, Михаилъ Ѳеодоровичъ наказалъ ему „нанимать солдатъ Шведскаго и иныхъ государствъ, кромѣ Французскихъ людей, а Французовъ и иныхъ, которые папешскія вѣры, не нанимать“. Голштинская компанія, получившая (1634 г.) отъ царя Михаила дозволеніе имѣть свои торговые дома по различнымъ городамъ, подъ страхомъ смертной казни обязывалась не привозить и не держать у себя домахъ „римскія вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинскія вѣры людей“¹⁾. Во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, жило до 1000 человекъ лютеранъ и кальвинистовъ²⁾; Лесли привелъ въ Россію до 5000

¹⁾ Собр. госуд. гр. и договор., III, № 85, стр. 317, 32; Акты Истор., III, № 181.

²⁾ *Adami Olearii Colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibungen in der, nach Musckau und Persien, Hamburg. 1696, 166.* Замѣтимъ кстати, что это свидѣтельство Олеарія до сихъ поръ у насъ понимается различно: одни (*Соловьевъ*, IX, 424; *Соколовъ*, Отнош. прот. къ Рос. въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1880, 16), на основаніи его, утверждаютъ, что протестантовъ было въ Москвѣ до 1000 семействъ; другіе (*Барсовъ*, Подробн. опис. путешествія *Олеарія*, перев. на рус. яз. М. 1870, 369; *Руцимскій*, Религіозный бытъ Русскихъ, 215) указываютъ, что ихъ было только 1000 человекъ. Справедливы послѣдніе. Въ подлинникѣ, по Шлезвигскому изданію 1647 г.: „Die Lutheraner und Calvinisten seynd bei ihnen wol gelitten... Es seynd derer so in Muscow wohnen zusammen bey tausend Häupter“; по болѣе употребительному Гамбургскому изданію 1696 г.: „Die Lutheraner und Calvinisten... in Moscau wohnen bey 1000 Häupter—до тысячи головъ, то-есть, конечно, человекъ, а не семействъ, или главъ семействъ; во французскомъ переводѣ 1719 г., стр. 381 — 382: ...«et dans la seule ville de Moscou il

иноземнаго войска, поступаая въ наборъ согласно данной ему инструкціи, такъ что подъ Смоленскомъ, въ осадѣ (1632 г.) котораго русскими войсками участвовало болѣе 6000 нѣмцевъ, среди сотенъ иноземныхъ офицеровъ католики считались единицами и послѣ войны тотчасъ же были выпровождены за границу ¹⁾. Рейтенфельсъ ²⁾, посѣтившій Россію въ годъ рожденія (1672 г.) Петра, всѣхъ иноземцевъ полагалъ въ ней 18 тысячъ, а официальные памятники ³⁾ передаютъ, что тогда „лица вѣры римской въ Московское государство не пріѣзжали по приглашенію, которые же и были не многіе, тѣ пріѣзжали сами и жили здѣсь добровольно“.

Побѣдивъ количественно, протестанты получили преимущество предъ католиками также и въ свободѣ вѣроисповѣданія и общественнаго богослуженія. Построить костелъ вмѣсто того, который изстари былъ у ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ и къ концу XIV вѣка, съ упадкомъ торговли, прекратилъ свое существованіе ⁴⁾, московское правительство, не смотря на всѣ старанія католиковъ, не дозволяло нигдѣ. Какъ ни необходимъ былъ въ сношеніяхъ съ Ватеріемъ папскій посолъ Антоній Поссевинъ, по на всѣ его просьбы, чтобы венеціанскимъ купцамъ, папскимъ посламъ и другимъ пріѣзжающимъ съ Запада лицамъ вольно было имѣть съ собою „римскихъ поповъ“ и строить въ Россійскомъ государствѣ свои церкви, а также, чтобы русское правительство „изгнало магистровъ люторскихъ нѣмцевъ“, и въ замѣнъ ихъ, „держало правдивыхъ священниковъ вѣры римскія“, отвѣтъ получилъ далеко не выгодный: „Венетамъ и посламъ, — читаемъ въ современномъ извѣстіи ⁵⁾, — пріѣзжать въ Россію и отъѣзжать съ римскими попами указалъ великій государь свободно, но церквамъ римскимъ въ Россійскомъ государствѣ быть, и

---

s'en trouve plus de mille». Въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія московскими пасторами совершалось всего до 5 — 10 бракосочетаній въ годъ и около того же числа крещеній (Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Портфель Миллера, № 199); если бы жило здѣсь около 1000 протестантскихъ семействъ, то число браковъ и крещеній, нѣтъ сомнѣнія, было бы больше.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп., II, стр. 19; *Olearius*. 168 *Устряловъ*, Истор. П. В. II, 104; *Соловьевъ*, IX, 388.

²⁾ *Reutenfels*, De rebus Moschoviticis. Patavii, 1680.

³⁾ Собр. гос. гр. и дог., IV, № 203.

⁴⁾ *Riesenkampff*, Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiliewitsch III im Jahre 1694. Dorpat, 1854; *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, 1863, II, стр. 177—215.

⁵⁾ Ист. извѣстія объ Акт. Поссевинѣ—*Др. Росс. Виліодоника*, 2-о изд., VI.

того учинено не будетъ, а что до люторскихъ магистровъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ, и къ Русскимъ людямъ не пристають, а хотя бъ кто и похотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускаютъ". Отвѣтъ и политика Грознаго послужили прототиномъ политики всѣхъ послѣдующихъ государей. За исключеніемъ эпохи самозванцевъ, когда католики, хозяйничая въ Русскомъ государствѣ, на мгновеніе оттерли было протестантовъ, русское правительство не стѣсняя ихъ въ вѣрѣ, никогда не дозволяло имѣть имъ ни костела, ни іезуитовъ, послѣ же междоусобицъ лишило ихъ и священниковъ, такъ что за удовлетвореніемъ церковныхъ потребностей они обращались къ лютеранскимъ пасторамъ. Вновь проникнуть въ Москву ксендзамъ и іезуитамъ удалось уже въ послѣдней четверти, а костель возникъ только въ концѣ XVII вѣка ¹⁾, тогда какъ кирки, хотя и испытывали на себѣ превратность обстоятельствъ, за все разсматриваемое нами время существовали почти непрерывно.

Первая кирка ²⁾ была построена въ Москвѣ еще до прибытія Посевина. Въ третьей четверти XVI вѣка здѣсь образовывается церковная лютеранская община, изъ плѣнныхъ Ливонцевъ и служившихъ при царѣ ливонскихъ дворянъ. У нея возникаютъ молитвенный домъ (Bethaus), потомъ (въ концѣ 1575 или началѣ 1576

¹⁾ Моск. Гл. Арх. М. Ии. Дѣлъ. Дѣла католическія по 1695 годъ. Гр. Д. А. Толстой, Римскій католицизмъ въ Россіи. С.-Пб., 1876, I, 1—131.

²⁾ Вопросомъ объ этой и объ остальныхъ древнихъ московскихъ киркахъ, ихъ началѣ, судьбѣ, мѣстѣ, числѣ, устроителяхъ и т. п., занимались всего болѣе и очень многіе. *Büsching*, Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. Altona. 1766—1767, 1—11; *Grot*, Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche. St.-Petersburg u. Leipzig, 1797, I; *Murali*, Chronik der vereinigten französischen und teutschen reformirten Gemeinde in St.-Petersburg. Dorpat, 1842; *Jungblut*, Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Russland. St.-Petersburg, 1855; *Lettemich*, Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St.-Petersburg. S.-Petersb., 1862, 1; *Dalton*, Geschichte der Reformirten Kirche in Russland. Gotha, 1865; *Posselt*, 1866, 1—11; *Feschner*, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau 1—11; проф. *Сивиревъ*, О началѣ и распространеніи лютеранскихъ и реформатскихъ церквей въ Москвѣ — *Московитинъ*, 1843, VI; *Правосл. Обзорн.* 1862, IX; *Соклоевъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М., 1880, и другіе. Изъ всѣхъ ихъ отдаемъ предпочтеніе трудъ пастора Фешнера, какъ самому документальному и осторожному; въ остальныхъ слишкомъ много не правдивыхъ критикой фактовъ, противорѣчій и сбивчивости, отчего вопросъ дѣлается по мѣстамъ крайне запутаннымъ.

года) и первая церковь. „Случилось, писалъ 1-го мая 1576 года Паумъ ¹⁾, повѣренный герцога Мануила и еще нѣчто (прежде рѣчь шла о вызовѣ рудокоповъ) полезное, которое для меня и монахъ можетъ служить къ доброму благосостоянію, о чемъ охотно хотѣлъ бы написать вамъ пояснѣе, но обстоятельства времени не позволяютъ на этотъ разъ; объ одномъ однако не могу отъ радости умолчать предъ вами, что великій князь разрѣшилъ Нѣмцамъ здѣсь въ Москвѣ собственную церковь и допустилъ имъ держаться своего чистѣйшаго ученія Евангелія по аугсбургскому исповѣданію и устроиваться сообразно съ этимъ ученіемъ“. По какому случаю и кто выпросилъ у царя это разрѣшеніе, сказать что-нибудь опредѣленное трудно ²⁾; здѣсь прежде всего, конечно, значило личное мнѣніе Гроз-

¹⁾ *Fechner*, I, 90.

²⁾ *Grot*, 1,233, и *Смирновъ*, *Пр. Об.* 1862, IX, 30, все приписываютъ ходайству Магнуса; но это случилось послѣ того, какъ Магнусъ впалъ въ царскую немилость (объ отношеніяхъ Грознаго къ Магнусу см. въ нашей статьѣ: Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій, *Ж. М. Н. Пр.* 1878, III), и потому нѣтъ мнѣніе принять не возможно. Въ качествѣ устроителя ея называется самъ себя извѣстный Горсей. «Между тѣмъ какъ Шведы», писалъ онъ, — «брали Нарву и Иванъ-городъ (взяты въ 1581 г.), царскія войска вошли далеко въ Шведскую землю и произвели тамъ много грабежа и разоренія, увели множество плѣнныхъ Ливонцевъ, Французовъ, Шотландцевъ, Датчанъ и нѣсколько Англичанъ... Царь развѣстлялъ и поселялъ большую часть ихъ въ Москвѣ за городомъ; я нѣмѣлъ тогда доступъ при дворѣ и былъ хорошо знакомъ и уважаемъ лучшими временщиками и должностными лицами того времени и своимъ ходайствомъ и посредничествомъ испросилъ имъ позволеніе построить себѣ церковь и много способствовалъ ея украшенію; доставилъ имъ ученаго проповѣдника; каждое воскресенье отправлялось у нихъ богослуженіе по лютеранскому вѣроисповѣданію, и собирались китинги. Въ короткое время они освоились съ Русскими народомъ, заслужили его расположеніе и жили мирно, но печалились, сожалея о потерѣ состоянія, друзей и отечества» (Записки о Москвитинѣ сэра Джерома Горсея. *Библиотека для Читанія* 1865 г. мартъ). Данное извѣстіе, важное для характеристики тогдашняго религіозно-общественнаго положенія плѣнныхъ, не заслуживаетъ вѣры относительно личнаго участія Горсея: если въ немъ передается не о другой какой-нибудь киркѣ, то оно слишкомъ расходится съ несомнѣнно правдивымъ извѣстіемъ Паума о времени появленія кирки и о лицахъ, для которыхъ она была устроена, да и роль Горсея совсѣмъ не была такою значительною, какою, по своему тщеславію, старается онъ обрисовать ее. Еще неправдоподобнѣе разказываетъ Посевинъ, будто бы лютеране и кальвинисты вымалили себѣ позволеніе построить кирки (по его словамъ, двѣ) обманомъ, выдавъ себя за католиковъ (*De rebus Moscoviticis*. Antverpen, 1587, 100), такъ какъ Грозный-то именно и положилъ прочное основаніе различенія протестантовъ отъ католиковъ и предпочтенія первыхъ послѣднимъ.

наго. Хотя въ религиозномъ отношеніи онъ и считалъ протестантство ниже католичества, называя Лютера „лютымъ“ и его послѣдователей болѣе злыми еретиками, чѣмъ католики; хотя послѣ измѣни Магнуса, Крузе, Таубе, Фаренсбала и другихъ онъ и выражался, что Нѣмцы ему извѣрились, и лишилъ ихъ прежнихъ милостей и расположенія,—однако онъ постоянно держался ближе къ протестантамъ, изъ коихъ нѣкоторые иногда достигали у него полного довѣрія, былъ не прочь похвалиться своимъ мнимымъ нѣмецкимъ происхожденіемъ, выдать свою дочь за нѣмецкаго князя, сына женить на нѣмецкой княжнѣ, а самъ обвѣчаться съ Англичанкой Маріей Гастингсъ. Далѣе, какъ извѣстно, Грозный полагалъ, что протестанты умѣютъ слушаться царскаго запрещенія—не распространять свое вѣроисповѣданіе между православными, охотно вступалъ въ политическіе споры съ ихъ пасторами, у одного изъ нихъ, Бокхорна, слушалъ проповѣдь, другого, Веттермана, допустилъ къ осмотру царской бібліотеки и т. п. Въ виду всего этого, его иногда обзывали „Нѣмцемъ“, и наввно-благочестивый хѣтописецъ укорялъ Русскаго царя чуть не въ прямой измѣнѣ и отступничествѣ. При такомъ отношеніи къ протестантамъ, Грозному легко было дозволить имъ сооруженіе кирки, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ они жили въ большомъ количествѣ. Ливонскихъ плѣнныхъ иногда сразу переводили въ Россію по нѣскольку тысячъ, и ни откуда не видно, чтобы царь хотѣлъ стѣснять ихъ въ религіи къ тому же въ войну съ Ливоніей онъ достаточно насмотрѣлся тамъ на кирки.

Церковь, есть основаніе полагать, была построена въ Нѣмецкой слободѣ, на правомъ берегу Яузы, близъ устья ¹⁾, небольшая, деревянная, безъ колоколни и колоколовъ, и простояла не долго, гдѣтъ около пяти. Горсей пишетъ: „Въ это время (то-есть, во время его отсутствія изъ Россіи около 1580—1581 г.) царь разгнѣвался на Нѣмцевъ или Ливонцевъ, которыхъ онъ поселилъ съ женами, дѣтьми и семействами за Москвою; это были все купцы, переселенные изъ Нарвы и Дерпта, и дворяне хорошихъ родовъ: до сихъ поръ они пользовались свободою религіи и имѣли церковь Іоаннъ отрядилъ ночью 1,000 своихъ тѣлохранителей ограбить и обобрать этихъ иностранцевъ;

¹⁾ *Busching*, I, 3; *Grot*, I, 233. *Jungblut*, 3; *Смирновъ*, 30—81, указываютъ ея мѣсто на Поганомъ, нмѣзъ Чистомъ прудѣ; сличеніе, сдѣланное *Фехтнеромъ* (*Chronik*, II, 360—365), ведетъ къ болѣе вѣроятному заключенію, что она находилась въ этомъ мѣстѣ за чертой города.

ихъ раздѣляли до-нага, надъ женщинами производили насиліе, молоденькихъ и красивѣйшихъ дѣвушекъ уцепи съ собою, нѣкоторые убѣжали въ англійскій домъ, гдѣ ихъ скрыли, одѣли и спасли, съ опасностью навлечь на себя царскую немилость¹⁾. Въ этомъ общемъ разгромѣ церковь и молитвенный домъ были разрушены. Къ концу своей жизни Грозный, почти безъ разбора не щадившій ни своихъ, ни чужихъ, какъ поводомъ, воспользовался теперь по отношенію Ливонцевъ ихъ высококрѣмъ, тщеславіемъ и дерзкими поступками, которые они стали позволять себѣ²⁾. Впрочемъ, оставшаяся за Нѣмцами привилегія на продажу вина, меду и другихъ напитковъ, доставлявшая имъ сто на сто, скоро вознаградила убытки потерпѣвшихъ, изъ которыхъ, къ тому же, многіе въ началѣ царствованія Федора Ивановича, согласно завѣщанію Грознаго, были отпущены на свою родину. Слушать проповѣдь и къ богослуженію оставшіеся ходили въ одинъ довольно помѣстительный деревянный домъ³⁾,

¹⁾ Записки Горсея—*Библ. для Чт.* 1865, № 5, стр. 59.

²⁾ Такъ объясняетъ это Маржеретъ (Состояніе Россійской державы, въ Сказ. сопреем. о Дмитрія Самозванца, *Устрилюва.* С.-Пб., 1837, III, 28—29), прибывшій въ Москву около 1601 года. Извѣстіе Поссевина (Do reb. Moscov. 1587, 100), что поводомъ къ тому послужило обнаруженіе указаннаго выше обмана, изобличаетъ лишь тенденціозность іезуита Антоніу. Очевидно, съ его словъ Маржеретъ говоритъ также о разрушеніи двухъ кирокъ, что потомъ принято было нѣкоторыми историками какъ дѣйствительный фактъ. Если и придавать этому извѣстію значеніе, то развѣ въ смыслѣ догадки Леммериха (*Geschichte*, I, 19), что слѣдуетъ разумѣть здѣсь старый лютеранскій молитвенный домъ и лютеранскую кирку.

³⁾ А не церковь, какъ думаетъ нѣмецкій переводчикъ Одерборна (*H. Rätel, Wunderbare Erschreckliche Unerhörte Geschichte...des... Ioan Basilidis Leben. Görlitz, 1596, 106*) и за нимъ историки московскихъ кирокъ. Въ латинскомъ подлинникѣ (*P. Oderbornia, Iohannis Basilidis Magni Moschoviae Ducis vita. Witerbergae. 1585*): «in magna quadam domo lignea... Только, понимая здѣсь подъ domus—домъ, а не кирку, и можно будетъ объяснить развѣлъ современныхъ Годунову иностранныхъ писателей о построеніи имъ лютеранской церкви; иначе пришлось бы допустить, что новая кирка была опять разрушена при Федорѣ Ивановичѣ, на что нѣтъ нигдѣ указаній, и о чемъ иностранные писатели не преминули бы, конечно, упомянуть. Къ тому же, протестантамъ, наученнымъ горькими опытомъ, едва ли не было желательнѣе, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, удовольствоваться простымъ домомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ обыкновенныхъ жилищъ, чтобы не возбуждать противъ себя новаго неудовольствія. Какъ только была построена при Годуновѣ церковь, современники тотчасъ даютъ описаніе ея особенностей; между тѣмъ она ничего не

нужно думать, ничѣмъ обыкновеннымъ не отличавшіеся отъ остальныхъ домовъ. Построеніе новой церкви относится къ царствованію Годунова, когда опять прибыло въ Москву много иностранцевъ и Годуновъ старался оказывать имъ покровительство. Изъ всѣхъ ласкаемыхъ имъ иноземцевъ особенною честью пользовались у него доктора, которые, по словамъ современника ¹⁾, имѣли все, кромѣ церкви; наконецъ Борисъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ выстроить храмъ лютеранскій въ Нѣмецкой слободѣ, разстояніемъ отъ Москвы на четверть мили. Они собрали значительную сумму (самый бѣдный Нѣмецъ не скупился жертвовать частью своего имущества), и выстроили такую церковь, что Борисъ счелъ приличнымъ похоронить въ ней брата короля Датскаго, герцога Іоанна; при этомъ случаѣ онъ велѣлъ построить надъ храмомъ колокольню, гдѣ звонили въ воспоминаніе о покойномъ принцѣ и его единомыслителяхъ, умершихъ въ Россіи ²⁾. Складочная сумма была до того значительна, что нѣмецкіе прихожане могли на ея остатки содержать, кромѣ прежнихъ пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, еще двухъ проповѣдниковъ—Германа Губемана изъ Вестфалии и студента Мартина Вера изъ Нейштата: оба они, прибывъ въ Россію въ 1600 году, не жалѣли трудовъ на ученіе и дѣла благоудныя; въ скоромъ времени составилъ хоръ пѣвчихъ.

Другой современникъ ³⁾ оставилъ намъ еще болѣе точное указаніе на мѣсто церкви и годъ ея построенія и присоединилъ слѣдующее описаніе ея внутренняго вида: „Въ четверть мили (ohngefähr ein Viertelweges) отъ города Москвы, на юго-востокъ, лежитъ городокъ Слобода, въ которой живутъ только Нѣмцы. Его царское величество въ 1601 году дозволилъ построить тамъ церковь

говорять объ этомъ строеніи—опять какъ бы намекъ на то, что оно не отличалось отъ другихъ домовъ. Ссылаясь на Фехнера, Соколовъ, 7, правда, описываетъ внутренній видъ строенія, словами Массе; но приводимыя имъ слова принадлежатъ не Массе, а неизвестному по имени автору *Warhaftige Relation*, вѣроятно, сопутнику принца Іоанна Датскаго, и относится къ церкви, построенной въ 1601 году, то-есть, послѣ Грознаго и Федора Ивановича.

¹⁾ Вербъ (Вуссовъ), Летопись Московская въ Сказ. о Дм. Самозв.; I, 16—17.

²⁾ Колокола были повѣшаны только на время похоронъ Іоанна и затѣмъ опять сняты. *Syldensternes Dagbog, Historisk Calendar udgiven of Engenstoft of J. Möller. Kjöbenhavn. 1814, стр. 169.*

³⁾ *Warhaftige Relation der Reussischen und Muscowitischen Reyse und Einzug des Herren Hertzog Johanson des jüngern, Büschings Magazin, VII, 275—276.* Русск. перев. въ *Чтен. общ. ист. и др. рос. 1867, IV.*

и жить имъ по ихъ нѣмецкой вѣрѣ. Тотчасъ выбрали они мѣсто и построили на немъ церковь изъ сосноваго дерева. Въ ней, по нѣмецкому обряду, алтарь, надъ которымъ золотыми буквами написаны десять святыхъ заповѣдей Божіихъ и нѣкоторыя изрѣченія изъ Священнаго Писанія ¹⁾, а возлѣ небольшое распятіе съ изображеніемъ на немъ Христа; и такъ, слава Богу, проповѣдуются слово Божіе, преподаются Св. Таины, и поется по ученію и постановленію Лютера ²⁾. Въ смутное время, когда Нѣмецкая слобода запусѣла и выгорѣла, церковь была сожжена (1610 г.) войсками Лже-Дмитрія II. По минованіи опасности, протестанты снова начали возвращаться въ русскую столицу и собираться въ ней, разселяясь въ различныхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ казалось имъ удобнѣе. Въ описи Москвы 1620—1621 годовъ на Покровской и Флоровской (Мясницкой) улицахъ показано „нѣсколько дворовъ Нѣмчинъ и нѣмецкихъ поповъ и дячковъ“. Обойтись имъ безъ своей церкви было не возможно. Несомнѣнно, что она существовала ранѣе 1620 года и въ 1622 году была поновлена пасторомъ Оксомъ и прихожанами. Такъ какъ она скоро (1626 года) сгорѣла, то прихожане построили новую церковь, дере-

¹⁾ По Дневнику Гильденштерна, онѣ были написаны на отдѣльной доскѣ, соединенной съ алтаремъ кускомъ чернаго сукна. *Historisk Calender*.

²⁾ *Büsching*, I, 5; *Grot*, I, 234—235; *Müller*, *Sammlung Rus. Gesch.* 1760. V; *Jungblut*, 4, *Снеуревъ*, 33, и др., слѣдую Петрею, утверждаютъ, что эта кирка была построена по просьбѣ Густава, и именно у Покровскихъ воротъ, близъ церкви св. Николая на Столпахъ. Приведенными нами свидѣтельствами достаточно ясно опредѣляется ея мѣсто; Густаву же не для чего было хлопотать о ней, потому что онъ, какъ показываютъ изслѣдованія Фехнера (*Chronik*, I, 130), былъ католикъ. *Grot*, I, 234—236, *Muralt*, I, 6, *Снеуревъ*, 33—34 и др. разказываютъ о построеніи Густавомъ еще другой кирки, въ Кремлѣ; *Jungblut*, 7, относитъ это къ царствованію Лже-Дмитрія I; *Rossell*, I, 217, 431, говорить о кремлевской киркѣ, безъ точнаго обозначенія времени ея возникновенія. Главнымъ основаніемъ имъ служить извѣстіе Буссова (*Regum Rossicarum scriptores exteri*, I, 43, въ переводѣ *Устрялова*, I, 77); между тѣмъ въ немъ упоминается только о томъ, что съ соизволенія Лже-Дмитрія I была сказана (по *Reg. Ros.* 10-го, по списку *Устрялова*, 11-го мая 1606 г.) въ Кремлѣ («aufm Schlosse Moskau», «во Дворцѣ») пасторомъ Беромъ первая лютеранская проповѣдь для докторовъ, капитановъ и другихъ, состоящихъ при особѣ царя, Нѣмцевъ, которымъ было слишкомъ далеко ходить въ церковь въ Слободѣ, и нѣтъ ни слова объ отдѣльной кремлевской киркѣ. Историки продолжали ея существованіе до временъ Михаила Феодоровича. Еслибъ она стояла здѣсь, неужели бы допустили это послѣ низверженія Самозванца? Поэтому необходимо согласиться съ Фехнеромъ (*Chron.* I, 164—165), который первый раскрылъ истинный смыслъ словъ Буссова и доказалъ, что кирки въ Кремлѣ не было и быть не могло.

ванную, въ Большомъ городѣ (Скородомѣ), предъ Флоровскими (нынѣ Масницкими) воротами, на мѣстѣ, купленномъ общиной у вдовы Іоахима Лмиэна и втораго ея мужа Іоста Кинста ¹⁾. Не всѣ однако члены общины остались ея прихожанами. Часть ихъ отдѣлилась (1626 г.), составивъ изъ себя отдѣльную общину и выстроивъ себѣ новую церковь въ Бѣломѣ (Царь) городѣ, гдѣ вскорѣ основала (1629 г.), свою церковь и реформатская община ²⁾. Но вторая лютеранская церковь простояла всего до 1632 года. Интересенъ поводъ, по которому она была разрушена, какъ передаетъ о томъ Олеарій. Нѣкоторымъ изъ служанокъ въ купеческихъ домахъ посчастливилось выйти замужъ за нѣмецкихъ офицеровъ. Новыя лейтенантши, капитанши и т. п. не захотѣли за богослуженіемъ въ церкви занимать мѣсто ниже бывшихъ своихъ госпожъ, купчихамъ же показалось крайне обиднымъ видѣть впереди себя своихъ прежнихъ служанокъ. Уступить не хотѣла ни та, ни другая сторона, и возгорѣвшійся споръ перешелъ однажды въ драку. Мимо кирки проѣзжалъ патриархъ, и узнавъ о причинѣ этой свалки, сказалъ: „Я думалъ, въ церковь Нѣмцы ходятъ съ благочестивыми мыслями, чтобъ отправлять свое богослуженіе, а не сводить свои тщеславныя счеты“. Въ тотъ же день кирка была срыта, и построить ее дозволено уже „за бѣлоу стѣной, въ чертѣ Большаго города“ (Скородома ³⁾).

Подмѣченныя патриархомъ безобразія послужили, конечно, однимъ вышнимъ къ тому поводомъ; причина снесенія лежала глубже. Послѣ

¹⁾ *Feschner*, I, 179, 192, 196—198, 203. Повѣствованіе другихъ историковъ о снесеніи въ 1614 г. лютеранской кремлевской кирки на Моховую, гдѣ теперь университетъ, и о сломкѣ лютеранской и реформатской кирокъ въ 1616 году, ничѣмъ не подтверждается, реформатской же кирки тогда еще не существовало, она явилась значительно позднѣе. *Feschner*, I, 184—185, 187—188.

²⁾ *Olearius*, 1696, 166. Главн. М. Арх. М. И. Д. Дала протестантскія 1629 Изображеніе печати реформатской церкви въ Москвѣ—*Feschner*, I, 203—205. Смыслъ на русскій переводъ Олеарія, пресвящ. Макарій, Истор. Русск. Церкви. С.-Пб., 1882, XI, 233, помѣщаетъ объ кирки — лютеранскую и кальвинскую и еще реформатскую деревянную часовню въ самомъ Кремлѣ. Въ подлинникѣ (166) стонтъ: «in der Stadt Musseau im Grauss Zaargorod», и въ картѣ Москвы, приложенной у Олеарія (между 72—78 стр.), различаются слѣдующія части города: «A. Das Schlos Kremlena. B. Kitaygorod. C. Zaargorod vel Bielgorod. D. Starodom. E. Streletaka Slowoda». Слѣдовательно, Царь-городъ у Олеарія не отождествляется съ Кремлемъ, и отводить мѣсто киркамъ въ Кремлѣ не возможно.

³⁾ *Olearius*, 166. Въ русскокомъ переводѣ *Барсова* (стр. 369—370) купеческія служанки (der Kaufleute Mägde) названы купеческими дочерьми; ошибка повторена потомъ *Руцинскимъ*, Религиозн. бытъ Русскихъ, 216.

смутнаго времени, принесшаго такъ много бѣдствій отъ иноземцевъ, у русскаго правительства была преимущественная забота—отдалить иностранцевъ отъ непосредственнаго общенія съ православными, изолировать ихъ. А это повело къ тому, что должны были перемѣнить свои мѣста всѣ выстроенные въ городѣ кирки и молитвенные дома. Въ мартѣ 1643 года причты десяти московскихъ церквей жаловались царю, что „въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ близко церквей поставили ропаты, и Русскихъ людей Нѣмцы у себя во дворахъ держать, и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Нѣмецъ бываетъ, а тѣ Нѣмцы, не дождавша государева указа, покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ вновь, и вдовья Нѣмки, и держать у себя въ домахъ всякія корчмы; и многіе прихожане, которые у нихъ въ приходахъ живутъ, хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что тѣ Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣною, передъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ тѣхъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ“. Царскимъ указомъ велѣно „на Москвѣ въ Китаѣ, и въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ, дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ у Русскихъ людей не покупать..., а ропаты, которые у Нѣмцевъ поставлены на дворахъ близко русскихъ церквей, сломать, подъ избу съ комнатою, для богомолья, принскать мѣсто за Землянымъ городомъ“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (4-го мая 1643 года) придворный докторъ Белау съ товарищами подалъ челобитную, чтобы государь дозволилъ имъ сходиться для богомолья за Фроловскими воротами, близъ Землянаго города: далѣе того мѣста ѣздить изъ города имъ неудобно, для того, что на всякъ часъ имъ нужно быть готовымъ для обереганія царскаго здоровья; на этомъ мѣстѣ прежніе доктора изстари сходились съ служилыми иноземцами, съ переводчиками и съ торговыми людьми, здѣсь всѣ они молили и молятъ за государево здоровье и счастливое воздержаніе скипетра великаго Россійскаго государства, русскихъ храмовъ близъ того мѣста нѣтъ, пришли кругомъ все огороды. Съ подобною же челобитной обратились ротмистръ Анарей фонъ-Менгденъ („Өаменданъ“) и Андрей Келлерманнъ („Кельдерманнъ“), которые, ссылаясь на царскій указъ о принсканіи новаго подъ богомолье мѣста, просили отвести его за землянымъ городомъ на нахатномъ полѣ изъ боярской или изъ слободской земли. Указанное ими мѣсто было осмотрѣно. То былъ огородъ Никиты Зюзина, между Фроловскими и Покровскими воротами, въ 20 саженьяхъ отъ городскаго рва. Въ приказѣ нашли его удобнымъ, и „данною грамотой“ 1643 года іюля 13-го Михаилъ Ѳеодоровичъ раз-

рѣшилъ „старымъ служилымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ, посольскаго приказа переводчикамъ, и золотого и серебрянаго дѣлъ мастерамъ, и старымъ московскимъ торговымъ Нѣмцамъ на томъ мѣстѣ для ихъ богомоля поставить избу съ компатою, и дворъ для своего приѣзда огородить“. Подъ зданіе отведено по 30 сажень вдоль и поперекъ ¹⁾. Несмотря на это разрѣшеніе, напрасны были надежды укрѣпиться здѣсь. Алексѣемъ Михайловичемъ настоячиво подтверждено (1649 г.) ²⁾ постановленіе Михаила Феодоровича сломать кирпичи въ Китаѣ, Вѣломѣ и Землянномъ городѣ и быть имъ за городомъ за Земляннымъ, отъ церкви Вожихъ въ дальнемъ мѣстѣ,—и постановленіе вошло въ полную силу.

. Съ выселеніемъ Нѣмцевъ въ свою слободу одна за другою постепенно переносились туда ихъ кирпичи или создавались тамъ новыя. Ревностію въ ихъ построеніи отличался особенно генералъ Бауманъ ³⁾, состоявшій на русской службѣ съ 1654 по 1670 годъ и пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ и среди своихъ единовѣрцевъ. За свое время (въ пятидесятыхъ годахъ, Олеарій ⁴⁾ насчиталъ въ новоиноземской слободѣ 4 кирпичи—двѣ нѣмецко-лютеранскихъ и двѣ кальвинскихъ—голландскую и англійскую, по Рейтенфелсу (1671—1672 г.) ⁵⁾ тамъ стояло 3 лютеранскихъ и 2 кальвинскихъ церкви; вслѣдъ за нимъ Рингуберъ ⁶⁾, хорошо знакомый съ жизнью своихъ московскихъ единовѣрцевъ, засвидѣтельствовалъ (1673 г.), что въ ней находятся 3 лютеранскихъ и одна реформатская церкви, это же под-

¹⁾ Акт. Истор. III № 92. 225; Собр. гос. гр. и дог. III. № 116, IV. № 207. *Grot.* I, 239—340, передаетъ, что эту кирку выстроили на подобіе православной церкви, съ колокольней и крестами, и назвали Михайловскою; но чрезъ три года послѣ ея постройки случилось мимо нея проѣзжать новому царю, Алексію Михайловичу, который принялъ ее за православный храмъ, и по благочестивому обычаю, перекрестился. Духовникъ открылъ ему ошибку, и молодой царь велѣлъ перенести ее за городъ и запретилъ ставить при киркахъ колокольни и кресты. Въ виду того, что Олеарій ничего не говоритъ объ этомъ происшествіи, *Festner* I, 268, сомнѣвается въ его достовѣрности; во всякомъ случаѣ разказъ этотъ характеренъ и совершенно въ духъ эпохи.

²⁾ П. С. З., I, уложеніе, гл. XIX, п. 40.

³⁾ Дѣло его, около 100 л., чрезвычайно важное для характеристики тогдашняго церковно-общественнаго быта, хранится въ М. Гл. архивѣ М. Им. Д., въ дѣлахъ иностр. исповѣданій 1670 г.

⁴⁾ *Olearius*, 167.

⁵⁾ *Reutenfels*, *De rebus Moschovilicis*, стр. 113.

⁶⁾ *Beck*, *Der Herzog Ernst*, I, 600.

тверждаетъ бывшій (1674 г.) въ шведскомъ посольствѣ Филиппъ Кильбургеръ. Въ его запискахъ значится: „Хотя нѣкоторые нѣмецкіе купцы живутъ въ самомъ городѣ, однако можно пасчитать ихъ здѣсь не болѣе 9—10 фамилій. Всѣ другіе, вмѣстѣ съ офицерами и ремесленниками, живутъ въ особенномъ мѣстѣ, называемомъ Нѣмецкою слободой. Тамъ у нихъ 3 лютеранскихъ церкви, которыхъ почетнымъ патрономъ состоятъ теперь царствующій герцогъ фонъ-Гота; онъ не только установилъ для ихъ содержанія ежегодную денежную субсидію, но также постоянно переписывается съ церковными общинами. Пасторами въ нихъ Валтасаръ Фадемрехтъ, изъ Данцига, магистръ Іоаннъ-Готфридъ Грегори, изъ Эйслебена ¹⁾, Іоаннъ-Дитрихъ Фоккеродтъ, Тюрингецъ, Александръ Юнге, изъ Кенигсберга. Реформаты имѣютъ одну кирку. Ихъ проповѣдникъ, по имени Іоаннъ Граувинкель (Кравинкель), проповѣдуетъ на голландскомъ языкѣ. Эти 4 кирки деревянные, безъ колоколовъ и органовъ, но въ каждой стоитъ по большой изразчатой печи. Лютеранами и реформатами совершается богослуженіе свободно и безпрепятственно, какъ и въ иномъ какомъ-нибудь мѣстѣ на свѣтѣ; но католикамъ общественное отправленіе его не дозволяется. Въ нѣмецкой слободѣ есть и нѣмецкая школа; имѣются также 6 главныхъ членовъ Лютера съ ихъ поспеніями, на русскомъ языкѣ, по отпечатаннымъ въ Лифляндіи по похвальному распоряженію шведской короны“ ²⁾. Геннингъ (1673—1674 г.) добавляетъ ³⁾, что проповѣдники лютеранскихъ церквей (ихъ, по его счету, двѣ) получали отъ царя ежегодно по 400 таллеровъ, реформатскій—по 500 талеровъ; о полученіи ими жалованья говоритъ и Таннеръ (1678) ⁴⁾, и при всемъ томъ извѣстіе слышеомъ неправдоподобно, чтобы положиться на него.

Удаленіе отъ русскихъ жилищъ принесло протестантамъ большую безопасность и спокойствіе; не даромъ они шутили, что имъ отъ того стало также плохо, какъ раку, когда его пускаютъ въ воду, хотя,

¹⁾ Ошибка. Онъ былъ изъ Мерзбургга: *Fechner*, I, 364.

²⁾ *Kilburgers Unterrieht von dem Russischen Handel Büschings Magazin*, III, 338. Подъ 6-ю членами Лютера нужно подразумѣвать лютеранскій катихизисъ въ 1626 году переведенный въ Стокгольмъ.

³⁾ *J. A. von Brand. Raizen durch die Mark Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plescovien, Gross-Naugardien, Twerien und Moscovien, gegeben durch H. Chr. von Penin. Besel. 1702. 257.* Слобода, по его словамъ, лежитъ верстахъ въ пяти отъ Кремля.

⁴⁾ *Tanner* (1678 г.), *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Norimbergae, 1680.*

если вѣрить Олеарію ¹⁾, они и здѣсь еще не вполне освободились отъ нападеній и погромовъ. Жена полковника Лесли позволила себѣ крайне жестокое и безразсудное обращеніе съ крестьянами въ помѣстьи своего мужа: она до того отагощала ихъ непомятою работою, что у нихъ не было времени молиться по утру и въ праздничные дни ходить въ церковь, постами заставляла ихъ ѣсть мисо, побросала въ огонь образа русскихъ святыхъ и т. п. Крестьяне пожаловались царю. Пока шли судъ да дѣло, оскорбленная въ своихъ національно-религіозныхъ чувствахъ толпа Москвичей бросилась въ Слободу, напала на кирки, сорвала съ нихъ крыши, выбросила изъ нихъ алтари и проповѣдническія каеэдръ. Построить новыя крыши было потомъ разрѣшено, но „не дозволялось воздвигать каеэдръ и алтарей“ (?).

При киркахъ были свои приходы и конвенты. Одной изъ нихъ, „офицерской“, по смерти ея пастора Фоккеродта и отъѣздѣ изъ Россіи Баумана отдѣльно содержаться было трудно, и она присоединилась къ Саксонской общинѣ, такъ что при трехъ лютеранскихъ церквахъ образовалось въ Москвѣ два прихода—„старый“ и „новый“, да по прежнему продолжалъ существовать реформатскій приходъ съ своею церковью. Что касается организаціи конвентовъ, то болѣе точныя свѣдѣнія сохранились ²⁾ только о конвентѣ офицерской церкви. Онъ былъ учрежденъ въ 1665 году и состоялъ изъ председателя (Vorsitzer) генерала Баумана, членовъ (die Beisitzer): пастора Григори, двоихъ старшинъ (Aelteste): полковниковъ Іоанна фонъ-Гоффе и Василия Шварца, двухъ старостъ (Versteher) оберъ-лейтенантовъ Валентина Циммермана и Марка Трауенихта. Конвенту подлежали дѣла о благосостояніи кирки, наказаніи недостойныхъ членовъ общины, брачныя условія и т. п. Къ рѣшеніямъ прикладывалась печать, съ надписью: *Sigillum ecclesiae militantis in Moscovia*.

Между отдѣльными конвентами общей связи не было, и авторитетъ ихъ носилъ характеръ условный. Среди духовенства и общинъ возникали жгучіе ссоры и безпорядки, за умиротвореніемъ которыхъ приходилось обращаться или къ германскимъ государямъ, или къ русскому правительству. Первые старались оказать свое вліяніе на смягченіе обострившихся отношеній; особенно энергично дѣйствовалъ герцогъ

¹⁾ *Olearius*, 167. О разказываемомъ имъ случаѣ разгрома другого указанія мы не нашли нигдѣ.

²⁾ *Grot*, I, 258—254; *Ecel. mil.*, 3—4.

Лаксовскій Эрнстъ Благочестивый; что же касается русскаго правительства, то оно, какъ духовное, такъ и свѣтское, слѣди за отношеніями между протестантами и православными, обыкновенно совѣмъ упускало изъ виду внутреннюю церковно-религіозную жизнь протестантскихъ общинъ. Когда лютеране представили на рѣшеніе патриарха дѣло о двоеженствѣ одного Датчанина, патриархъ отвѣтилъ, что оно не подлежитъ его суду. Въ административномъ и юридическомъ отношеніи слобода находилась въ завѣдываніи приказовъ иноземскаго, посольскаго и разряда ¹⁾; присмотръ за религіозно-церковными дѣлами лежалъ болѣе на обязанности посольскаго приказа, который упростилъ свои отношенія до чрезвычайности. Выбереть община себѣ новаго пастора,—приказъ даетъ ему впускную въ Россію грамоту и тѣмъ какъ бы санкціонируетъ избраніе, на которое онъ не имѣлъ никакого вліянія. Выйдетъ отъ государя дозволеніе построить новую кирку,—изъ приказа отсылалась на то особая „дьяна“ ²⁾. Все прочее было въ волѣ и власти самихъ протестантовъ.

Предоставленные самимъ себѣ, они не могли похвалиться нравственными и умственными качествами, которыя современники обрисовали очень мрачными красками. Шведскій повѣренный при русскомъ дворѣ Ферберъ, по поводу запрещенія Алексѣемъ Михайловичемъ служить Русскимъ людямъ у знатныхъ иноземцевъ, замѣчаетъ (1647 г.) ³⁾, что иностранцы поставлены тѣмъ въ большое затрудненіе не имѣя возможности обойтись безъ русскихъ слугъ: „ибо находящіеся тамъ Лифляндцы и другіе тамошніе уроженцы, употребляемые для прислуги, такъ лѣнны и глупы, что ни къ чему не годятся“; нехороши и „нѣмецкіе офицеры“, состоящіе въ русской службѣ: „большая часть изъ нихъ пегодине люди, которые не надѣялись достигнуть значительныхъ мѣстъ въ другихъ государствахъ“. „Въ послѣдніе два года“, (1661—1662),—писалъ Гордонъ ⁴⁾ въ 1663 году, —„прибыло въ Россію очень много иноземныхъ офицеровъ, нѣкоторые съ женами и дѣтьми, другіе безъ того и другаго. Большая часть ихъ—низкіе и дрянные люди (niederträchtige und schlechte Leute).

¹⁾ Др. Росс. Вѣст. XX, 363; П. С. З., I, № 384; Ж. М. Н. Пр. 1814 г., XLI, II, 83 (ст. *Неволина*).

²⁾ Гл. М. Арх. М. И. Д. Выѣзды въ Россію. 1673 г. № 17; 1682 г. № 6. Собран. г. гр. и дог., IV, № 207.

³⁾ Письма одного Шведа изъ Москвы въ 1647 году. *Сверри. Арх.* 1822, I, 154.

⁴⁾ P. Gordon Tageluch, I, 319.

Многіе изъ нихъ никогда не служили въ офицерскихъ чинахъ, но и въ родинѣ выдавали себя въ этомъ достоинствѣ". Секретарь русскаго посольства (1673 г.) къ европейскимъ дворамъ, ревностный лютеранинъ Рингуберъ передавалъ ¹⁾ въ Вѣнѣ, что его московскіе единовѣрцы постоянно судятся въ русскихъ судахъ за всякаго рода своевольства, безчестныя дѣла, разбой и тѣмъ отвращаютъ отъ себя милость бояръ. Эти отзывы относились, конечно, не къ однимъ московскимъ иноземцамъ, которымъ не было причинъ быть лучше или хуже остальныхъ ихъ собратьевъ. Жители Коломпы жаловались ²⁾, что имъ отъ безчинства и обидъ отъ маіора Цей съ товарищами нельзя даже приходиться въ церковь. Ясно, что это былъ хотя народъ и предпринчившій, но не высокопробный, буйный, запосчивый, корыстолюбивый, безъ уваженія и любви къ своему новому отечеству; за немногими исключеніями, это была палетѣвшая съ Запада изгарь. Отзывъ Келлера, что слобода населена была Нѣмцами, „все бравыми и честными людьми“, стоитъ одиноко и будетъ поватенъ, если примемъ во вниманіе его роль въ протезированіи протестантамъ.

Что было въ Москвѣ и близъ ея, то въ меньшихъ размѣрахъ происходило и въ другихъ городахъ, гдѣ жили иноземцы. Въ Нижнемъ-Новгородѣ кирка явилась еще при Федорѣ Ивановичѣ. Первымъ проповѣдникомъ ея былъ Матвѣй Грабау съ острова Эзеля. При Олеаріѣ нижегородская протестантская община была самою дальнею. „Здѣсь“, пишетъ онъ,—„нашли мы (1633 г.) послѣднихъ лютеранъ, живущихъ на Востокѣ, которые отправляютъ богослуженіе въ общественной киркѣ: община ихъ около ста человекъ. Большинство ихъ нѣхъ военные офицеры Шотландцы, содержавшіеся частью отъ службы великому князю, частью торговлей пивомъ и виномъ, которая имъ была дозволена изъ особенной милости“. Стрѣйсъ утверждаетъ, что незадолго до его пріѣзда (1669 г.) туда, въ Нижнемъ-Новгородѣ у лютеранъ и кальвинистовъ было по киркѣ и достаточной общинѣ, и добавляетъ, что послѣднихъ единовѣрцевъ онъ видѣлъ даже на берегахъ Каспія. То были нѣмецкіе офицеры, которые жили въ Астраханн; они посѣтили судно Стрѣйса и позвали путешественниковъ къ себѣ въ дома, гдѣ провели нѣкоторое время въ самой радушной бе-

¹⁾ Beck I, 595; Fechner, I, 357.

²⁾ Акты Ист., IV, 200—201.

сѣдѣ¹⁾. Другая провинціальная церковь возникла на противоположномъ концѣ государства, у Вѣлаго моря. Послѣ того, какъ иностранцевъ отгѣснили изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, на прибрежномъ мѣстѣ, Боркахъ, они заселили отдѣльную слободу, Нѣмецкую, и по полученіи (ок. 1666 г.) царскаго разрѣшенія на построение лютеранской церкви, построили ее здѣсь среди густой рощи краснаго лѣса; неподалеку отъ нея потомъ воздвигнута была православная церковь, земли которой вскорѣ застроились домами Нѣмецкой слободы²⁾. Вообще, гдѣ было достаточное количество протестантовъ, чтобы составить отдѣльную общину, и гдѣ жили они постоянно, русское правительство не стѣсняло ихъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, дозволяя имъ имѣть свои церкви и духовенство. Отошедшимъ, напримѣръ, по Веліесарскому перемирію (1658 г.) къ Россіи жителямъ Ливонскихъ областей было обѣщано ихъ богомолья не отнимать и оставить у нихъ поповъ и церковную службу, по ихъ вѣрѣ и безъ помѣши³⁾. Извѣстіе архимандрита Павла⁴⁾, спутника въ Россію Антіохійскаго патріарха Макарія, что будто бы при Алексѣѣ Михайловичѣ разрушены были всѣ кирки, и запрещено было строить ихъ даже внѣ городовъ, подтвердить ничѣмъ нельзя, и оно можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ, что восточный архимандритъ слишкомъ поревновалъ о благочествіи Россіянъ, своихъ братьевъ по вѣрѣ. Трудно было добиться разрѣшенія построить себѣ кирку только тѣмъ протестантамъ, которые проживали въ Россіи временно. Вслѣдствіе того же Веліесарскаго перемирія и по новому Карискому вѣчному миру (1661 г.) шведскіе торговые люди получили позволеніе имѣть свои торговые дома въ Москвѣ, Великомъ-Новгородѣ, Псковѣ и Переяславѣ, и въ тѣхъ дворахъ, въ избахъ и каморкахъ чинить ихъ Божію службу по своей вѣрѣ, но новыхъ церквей не строить. Подобный отвѣтъ былъ данъ датскимъ купцамъ (1641 г.) Михаиломъ Теодоровичемъ и ганзейскимъ (1603 г.)—Бори-

¹⁾ *Olearius*, 176; *I. Straussens* Sehr schwere, wiederwertige und denckwürdige Reyse durch Italien, Griechenland, Lifland, Moscau, Tartarey... Amsterdam. 1678. 92. 103; Die evangelisch-lutherischen Pfarre in Nischni-Nowgorod: *Ullman's Mittheil.* III, 374.

²⁾ Извлеченіе изъ книги: Сѣверный Дневникъ *Валеріана Никонова*—*Сво. Архивъ* 1825, XVІІІ, 327; ср. *Сво. Арх.* 1826, XXII, 17—19.

³⁾ *Büsching*, I—II; *Grot*, 1; *Dalton*; *Капустинъ*, Диплом. сношенія Россіи съ Зап. Европой во 2-й полов. XVII в. М. 1852, стр. 114; П. С. З., I, № 240, и. 4, стр. 451.

⁴⁾ Страуст. Макарія—*Библия для чтенія* 1836, V.

сомъ Годуновымъ ¹⁾. Они довольствовались безпрепятственнымъ домашнимъ богослуженіемъ. Поэтому даже въ отдаленномъ Устюгѣ еще въ 1618 году у Англичанъ и Голландцевъ были свои пасторы, жившіе около Ивановскаго монастыря, въ Лугу, вслѣдствіе чего то мѣсто названо потомъ Нѣмчиновымъ ручьемъ ²⁾. Не всѣмъ протестантамъ повсюду можно было имѣть духовенство. Время отъ времени навѣщали ихъ пасторы и проповѣдники изъ населенныхъ центровъ, но эти посѣщенія не были организованы и носили характеръ совершенно случайный. Каждое отдѣльное лицо или семейство по своему заботились о религиозныхъ дѣлахъ, и нерѣдко были переходы въ православіе.

Обращеніе обыкновенно совершалось подѣ условіемъ прекрещиванія и предварительнаго искуса въ монастырѣ, гдѣ обращающійся знакомился съ ученіемъ и обрядами православной церкви. „При этомъ“, писалъ (1591 г.) Флетчеръ ³⁾, — „соблюдаются слѣдующія обыкновенія. Прежде всего на иновѣрца надѣваютъ новое чистое платье русскаго покроя и возлагаютъ ему на голову вѣнецъ или (лѣтомъ) гирлянду изъ цвѣтовъ; потомъ помазуютъ ему голову елеемъ, въ руки даютъ восковую свѣчу и читаютъ надъ нимъ молитвы по 4 раза въ день въ продолженіе цѣлой недѣли. Во все это время онъ долженъ воздерживаться отъ мясной и молочной пищи. По прошествіи 7 дней онъ обмывается въ банѣ и въ 8-й день приводится въ церковь, гдѣ монахи наставляютъ его, какъ должно оказывать почтеніе образамъ, поклоняться предъ ними, ударять головою въ землю, креститься и другимъ подобнымъ обрядамъ“. Еще характернѣе сообщеніе Петрея. Описавъ обрядъ крещенія младенца, онъ продолжаетъ: „Такимъ же образомъ крестятъ и всякаго отщепенца, отступившаго отъ христіанской вѣры и изъ жадности къ деньгамъ принимающаго идолопоклонническую русскую; по сначала монахи учатъ его 6 недѣль въ монастырѣ, какъ надо молиться, креститься и кланяться предъ иконами за дневнымъ и ночнымъ богослуженіемъ. Когда ему надобно будетъ говѣть и принимать св. тайны, онъ долженъ проклинать и поносить прежнюю свою вѣру и положить на себя заклятіе не принимать ея во всѣхъ ея статьяхъ, да и жестоко гнать.

¹⁾ П. С. Зак. 1. № 240, п. 7, № 301. п. 11; Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. XCIX; Карамзинъ, XI, 47—48; Соловьевъ, XI, 101, IX, 316.

²⁾ Изъ лѣтописи гор. Устюга Великаго. Ств. Арх. 1822, II, 408—409.

³⁾ Флетчеръ, 95—96.

ее исповѣдающихъ. Послѣ такого поученія ведутъ его на воду и погружаютъ его трижды всѣмъ тѣломъ, будетъ ли это зимой или лѣтомъ. Русскіе говорятъ, что какъ Іоаннъ крестилъ въ рѣкѣ Іорданѣ, такъ должны креститься и эти язычники или еретики, омытъ свои грѣхи и сдѣлаться христіанами. Потомъ надѣваютъ на новокрещеннаго чистую и тонкую одежду, даютъ ему другое имя и называютъ его вмѣсто Георгіа Иваномъ или Василиемъ. Если это будетъ зимою, прорубаютъ на льду четверугольное отверстіе, раздѣваютъ новообращеннаго до нага и опускаютъ его три раза въ воду такъ, чтобъ онъ ушелъ въ нее съ головой и ушами. Но сначала монахи кадятъ и крестятъ это отверстіе, со всѣми обрядами, употребляемыми при крещеніи младенцевъ. Изъ воды вынимаютъ новокрещеннаго монахи, священники и кумовья и отъ имени великаго князя даютъ ему дорогія и новыя платья, ведутъ его съ собою въ монастырь, угощаютъ тамъ и радуются, что окрестили его и спасли душу отъ ада. Послѣ того дозволяется ходить въ церкви и монастыри, если желаютъ, ѣсть и пить вмѣстѣ съ Русскими и взять у нихъ жену себѣ, а прежде онъ не могъ дѣлать этого. Сверхъ того, великій князь даетъ ему 30, 50 или 100 талеровъ, смотря по лицу и качеству его покровителей¹⁾. За отсутствіемъ примаго церковнаго постановленія и нарочитаго обряда на перекрещиваніе собственно протестантовъ, нѣкоторыми духовными особами, по видимому, иногда припимались они и безъ перекрещиванія, почему въ годину страшной ненависти къ инопосемцамъ и возникъ вопросъ, нужно ли перекрещивать „Нѣмцевъ“. Если бы обычай былъ общимъ, то естественно было бы ожидать, что въ такое жаркое время только прямо утвердятъ его, безъ всякихъ недоразумѣній о его годности.

Вопросъ поднялъ одинъ вологодскій священникъ, который спрашивалъ (1613 г.) своего архіерискона Сильвестра, какъ принять просившихъ православія Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ. Распо-

¹⁾ *Петрей*, Истор. вел. князя. Московск.—*Чтен. Общ. ист. и др. Росс.* 1867, II, 428. Ср. повѣстіе Одерборна (Joan. Basilidis Vita. 1681 г.) о крещеніи Каспара при Іоаннѣ Грозномъ. Въ виду этихъ категорическихъ свидѣтельствъ конца XVI и начала XVII в. нельзя согласиться съ довольно распространеннымъ мнѣніемъ нашихъ церковныхъ историковъ (напримѣръ, преосв. Филарета, Истор. Русск. Церкви, 2-е изд., IV пер., стр. 191. 194) и канонистовъ (Обзоръ церковныхъ постановленій о крещеніи и миропомазаніи. *Праг. Собесѣдн.* 1859. 21), по которому начало перекрещиванія относится къ болѣе позднему времени, къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія.

рженіе послѣдовало въ духѣ народнаго религіознаго возбужденія: „иноземцамъ сначала говѣть, а потомъ крестить ихъ по правиламъ святыхъ апостолъ и отецъ, а на отречаніи бы свою вѣру проклинали, отрицалися отъ бесерменства, и по крещеніи и причащеніи снова постыться имъ, сколько можно, и поучать ихъ въ истинахъ вѣры“¹⁾. Отвѣтомъ духовнаго владыки намѣчалось, къ чему клонится дѣло. Новый патріархъ, Филаретъ Никитичъ, ускорилъ его рѣшеніе. Убѣдившись еще до возвращенія въ Москву, что у всѣхъ иновѣрцевъ нѣтъ истиннаго крещенія, онъ, когда узналъ о дозволеніи Іоны, митрополита Сарскаго и Подонскаго, принимать въ православіе католиковъ безъ втораго крещенія, послѣшилъ собрать (1620 г.) помѣстный Московскій соборъ²⁾, на которомъ общимъ мнѣніемъ присутствовавшихъ на немъ русскихъ іерарховъ положено было: получившихъ обливательное крещеніе, при переходѣ ихъ въ православіе, непременно перекрещивать, и это опредѣленіе, хотя направлялось противъ католиковъ, какъ главныхъ виновниковъ народныхъ бѣдствій и религіознаго возбужденія, и какъ такихъ, которыхъ соборъ счелъ злѣйшими изъ всѣхъ другихъ еретиковъ, было примѣнено ко всѣмъ остальнымъ иновѣрцамъ. Извѣстно, какъ въ виду этого соборнаго опредѣленія наши полемисты и правительство настойчиво доказывали Волдемару и его пастору несостоятельность поливательнаго крещенія и необходимость для Волдемара принять крещеніе чрезъ три погруженія³⁾, въ чемъ были поддержаны и авторитетнымъ мнѣніемъ Константинопольскихъ патріарховъ⁴⁾. Въ „чинѣ крещенія обращающихся отъ ересей“ Іосифовскаго Потребника всѣхъ—будь то католики или протестанты—надъ кони совершенно обливательное крещеніе, повелѣвается подвергать „полному крещенію“ и заставлятъ ихъ проклинать „прежнее скверное крещеніе обливае-

¹⁾ Грамота Волог. архіеп. Сильвестра о крещеніи въ правосл. вѣру Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, 1613 г.—*Литов. Археогр. Комм.*, II, 63—64.

²⁾ О немъ въ *Праг. Собесѣдн.* 1864, 1; *Чтен. съ Общ. любит. дух. просвѣщ.* 1874. II; преосв. Макарія, *Ист. Р. ц.*, XI; соборн. дѣланіе отпечатано въ Иноческомъ Потребникѣ, изданномъ при п. Іосифѣ въ 1639 г., и вполнѣ сохранилось въ рукописи библіотеки Троице-Сергіевой Лавры, № 741.

³⁾ Гл. М. Арх. М. И. Д. Дѣла Датскія 1644—1645 г. Рукоп. библіот. Архива № 145—211. Рукоп. Моск. Синод. библ. №№ 279—281.

⁴⁾ Свящ. П. Ѡ. *Николаевскаго*, Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII столѣтія. *Хр. Чтен.* 1882, I—II, 245—249.

мое" ¹⁾. Отъ подобной мѣры значительно сократилось число обращающихся въ православіе, не смотря на всѣ льготы.

Щедрость наградъ всегда находилась въ связи съ прежнимъ званіемъ такихъ лицъ или же съ достоинствомъ ихъ воспріемниковъ, большею частію людей почетныхъ—князей, бояръ, именитыхъ купцовъ и т. п. По уложенію, крѣпостной, заявившій желаніе креститься, выкупался за 15 рублей и отпускался на волю. Лицамъ простымъ выдавалось изъ казны рублей 10—30, одежда и матерія, знатнымъ—до нѣсколькихъ тысячъ рублей и помѣстья. Послѣ того обращенный оставался въ Россіи навсегда — крещеніе равнялось присягѣ на вѣрноподданство, и на него распространялись всѣ права и покровительство законовъ ²⁾, даже иногда и въ тѣхъ случаяхъ ³⁾, еслибъ обнаружались далеко нечистыя побужденія къ принятію православія. Одинъ иска- тель приключеній пришелъ въ 1640 году въ Голштинію и Да- нію, и выдавъ себя потомкомъ знатнаго рода графовъ Шликовъ, жа- ловался королю Христіану IV на гоненія отъ католиковъ за свое лютеранское вѣроисповѣданіе. Христіанъ принялъ въ немъ участіе, опредѣлилъ на свою службу, и по его просьбѣ, отправилъ его съ своимъ представителемъ въ Москву. Когда онъ, во уваженіе къ ко- ролевскому порученію, былъ принятъ здѣсь почетно, онъ объявилъ себя свободнымъ и выставилъ, будто бы прибылъ въ Москву только затѣмъ, чтобы принять русскую вѣру и подданство. Это очень поправилось нашимъ, сколько потому, что они уважали въ немъ знат- ное происхожденіе, столько же и за то, что онъ зналъ латинскій и польскій языки. Его охотно крестили, назвали княземъ Львомъ Алек- сандровичемъ Шликомъ, ежемѣсячно выдавали жалованья по 200 тале-

¹⁾ А современникъ Алексѣя Михайловича Коллинсъ добавляетъ, что въ церковной практикѣ отъ обращающагося требовалось не только отречься отъ перваго крещенія, «но и проклясть своего отца и свою мать и плевать на нихъ три раза черезъ плечо». Это сообщеніе, конечно, на столько же вѣрно, какъ и то, что «изъ двухъ сотъ Англичанъ, Шотландцевъ и Голландцевъ, отрекшихся отъ своей вѣры, почти ни одинъ не умеръ естественною смертію». Коллинсъ, Состояніе Россіи. *Русскій Вѣстн.* 1841, III, 164.

²⁾ Гл. М. Арх. М. И. Д. Выдады въ Россію. Просьбы новокрещенныхъ въ посольскій приказъ о выдачѣ изъ государева жалованья. II. С. Зак. I. Уло- женіе, XX, 72; Акт. Экспеди. III. № 184; *Лшиковъ*, Русскій народъ и государ- ство. 275.

³⁾ Самые рельефные приведены у *Олеарія*, Reise-Beschreibung, 145—147, и *Коллинса*, 32.

ровъ и женили на дочери одного знатнаго боярина. Между тѣмъ Христіанъ узналъ, что это былъ малоизвѣстный польскій выходецъ, о чемъ сообщено было и царю. Михаилу Ѳеодоровичу было очень непріятно, что этотъ выходецъ выдалъ себя за такого знатнаго человѣка; однако царь ограничился однимъ выговоромъ ему, оставивъ за нимъ титулъ, жалованье и почетъ; послѣ того онъ слылъ между придворными съ именемъ князя Льва Александровича Шлякуцевскаго. Не менѣе своеобразна исторія извѣстнаго полковника Лесли. Получивъ за Смоленскій походъ отъ Михаила Ѳеодоровича большую сумму денегъ, онъ отправился на родину, но потомъ возвратился назадъ, чтобы вступить на службу къ Алексѣю Михайловичу. Такъ какъ войны тогда не было, а деньги безъ нужды у насъ выдавались неохотно, то онъ заявилъ, что удовольствуется помѣстьемъ, и получилъ его близъ Волги. Когда за притѣсненія крестьянамъ его женой онъ и семья были вызваны въ Москву на слѣдствіе, патриархъ ходатайствовалъ предъ царемъ, чтобы онъ отнялъ у всѣхъ иностранцевъ помѣстья и тѣмъ освободилъ крестьянъ отъ обидъ, а православную вѣру отъ посрамленія; патриарха поддерживали бояре. Имѣніе у Лесли было отнято на томъ основаніи, что онъ неправославный. Желая выпутаться изъ бѣды, Лесли выразилъ готовность принять православіе. При дворѣ были необыкновенно обрадованы этимъ. Со всею семьей отправили его въ монастырь и по истеченіи шести недѣль крестили. Воспріемниками у него и его жены были тестъ и тещи царя, бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій съ супругой. Новообращенные супруги были затѣмъ снова обвиняемы, и свадьба сыграна въ домѣ того же Милославскаго. Царь наградилъ ихъ тремя тысячами рублей. Между тѣмъ, когда еще Лесли жилъ въ монастырѣ, до крестьянъ дошло извѣстіе о цѣли его обращенія въ православіе, и они слышать не хотѣли, чтобы остаться подъ его властью. Узнавъ о томъ перекрестившійся Французъ Антоній де-Гронъ. Онъ присталъ къ царю съ просьбой передать имѣніе ему, и добился своего. Лесли было положено ежемѣсячное жалованье по 90 рейхсталеровъ.

Вновь пріобрѣтенные члены православной церкви обыкновенно отдѣлялись отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Если часть ихъ по полученіи награды и продолжала держаться своего языка, обычаевъ и жить въ Нѣмецкой слободѣ, то большинство поселялось между, природными Русскими или же въ отдѣльныя свободы. Подъ Москвою изъ нихъ составилось нѣсколько слободъ: одна, Басманная,—рядомъ

съ Нѣмецкою слободой, другая, Польская, — на противоположной сторонѣ Москвы.

Соборъ 1667 года значительно эманципировалъ протестантовъ: на немъ было отмѣнено постановленіе собора, бывшаго при Филаретѣ. „Согласно судихомъ вси, яко неподобно латинѣ покрещевати, по точию по проклинаніи своихъ имъ ересей и по исповѣданіи согрѣшеній и подааніи рукописанія, помазати ихъ святымъ и великимъ мѣромъ и сподобляти святыхъ и пречистыхъ таинъ, и тако приобщати святѣй соборней апостольской восточнѣй церквѣ“, читася въ соборномъ опредѣленіи. Въ немъ говорится объ однихъ латинянахъ потому, что и предыдущій соборъ разсуждалъ собственно только объ нихъ, такъ что прямаго постановленія о переkreщиваніи протестантовъ (съ упоминаніемъ ихъ имени) у насъ не было; но какъ тогда, во времена Филарета, протестанты, какъ получающіе обливательное крещеніе, были подведены подъ опредѣленіе собора, такъ точно и теперь, по той же самой причинѣ, отстранялось юридическое основаніе къ принятію ихъ съ переkreщиваніемъ.

Обычай до того укрѣпился, что законность его признавали далеко не одни старообрядцы. Духовникъ Алексѣя Михайловича Андрей Савиновичъ, въ своемъ сочиненіи: „О икопоборцахъ, кальвинахъ и лютеряхъ“ (1671 г.), со свойственною ему ревностію доказывалъ необходимость переkreщиванія всѣхъ, хотящихъ принять православіе, лютеранъ, кальвинистовъ и латинянъ, безъ исключенія ¹⁾. Изъ иностранныхъ писателей второй половины XVII и начала XVIII вѣка одинъ Гербицій подмѣтилъ эту перемену въ церковной практикѣ; остальные прямо говорятъ о переkreщиваніи ²⁾, пока не прекратило его энергичное внимательство Петра I и Феофана Прокоповича. До тѣхъ поръ обращеніе обыкновенно совершалось на прежнихъ основаніяхъ. Такъ, „за крещеніе во православную христіанскую вѣру дано госу-

¹⁾ Сочиненіе хранится въ рук. библ. Спб. Дух. Академіи, отрывокъ помѣщенъ въ *Хр. Чит.* 1857, II. Около того времени Юрій Крижаничъ въ своемъ заключеніи въ Тобольскѣ составилъ цѣлый трактатъ «О святомъ крещеніи», доказывая нендобность переkreщиванія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ католикамъ, но это ему поставлено въ вину. *Рукоп. Моск. Снп. библ.*, по новому каталогу № 284: «Объ святомъ Крещеніи». *Филаретъ*, Обзоръ русск. дух. литерат. I, № 227.

²⁾ *Herbinius, Religioſae Kijovensae*, Ienae. 1675, 150; *Struys*, 1678, 88; *Anatomia Russiae deformatae*. Von G. A. S. Zittau. 1688, 82; *Корбъ*, Дневникъ повѣдкіи въ Московское государство Гваріента, 266—267.

дарева жалованья изъ государственнаго посольскаго приказа⁴ женѣ подполковника Авраама Лесли (1678 г.) сто рублей, 20 рублей деньгами и на 80 венами; дочери подполковника Ревера, дѣвицѣ Софьѣ, во крещеніи Матрелѣ (1684 г.), тридцать-одинъ рубль, камка, киндякъ, сафьянъ, да изъ Малороссійскаго приказа „портице благо“, воспріемницей у ней была княгиня Голицына; вдовѣ камчатнаго дѣла мастера Ягана Рихтера Стефанидѣ (1688 г.) тридцать рублей, камка, киндякъ, сафьянъ, отъ купели принимала боярыня Шереметева, ея дочери дѣвицѣ Еленѣ (1689 г.) двадцать рублей, камка, киндякъ, сафьянъ, крестной у ней была боярыня вдова Кондырева, лютерской вѣры шляхтичу Ильѣ Астапьеву (1684 г.) десять рублей, сукно аглицкое, таота и пара соболей въ пять рублей¹⁾ и т. д.

Переkreщиваніемъ указывалось протестантамъ, какъ низко они стоятъ въ религіозномъ отношеніи въ сравненіи съ православными, кто не имѣетъ истиннаго крещенія, тотъ еще не христіанинъ, не освященный. И ими постоянно чувствовалось требованіе духовнаго и свѣтскаго правительства, чтобъ они держались въ сторопѣ отъ Русскихъ, не „поганили“ ихъ своимъ общеніемъ. Пользуясь автономіей въ своей внутренней жизни, не стѣсняемы въ отиравленіи своихъ религіозныхъ обязанностей и въ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами и къ православнымъ они должны были ограничиваться одними чисто мірскими отношеніями, и то лишь по крайней надобности. Говоря вообще, это былъ особый, крѣпко огороженный и огораживаемый міръ. Сопутникъ патріарха Макарія записалъ: „Иноземецъ остается между Мускобами всегда иноземцемъ, будь онъ даже Александръ Великій... Иностранцевъ держатъ подъ надзоромъ, и до свѣдѣнія царя доводятъ каждое малѣйшее обстоятельство, которое къ нимъ относится... Даже кто хочетъ что-нибудь купить у франкскаго купца, тотъ долженъ покупать у него въ лавкѣ, и ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ идти къ нему на домъ, иначе его тотчасъ берутъ въ полицію, говоря: „Такъ ты хочешь сдѣлаться басурманомъ!“ Что касается до священниковъ и монаховъ, то никто изъ нихъ не осмѣливается сказать одного слова Франку или другому иноземцу: они на этотъ счетъ находятся подъ строгимъ надзоромъ“²⁾. Лютеранскій пасторъ въ Нижнемъ-Новгородѣ какимъ-то образомъ познакомился

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Столб. Моск. Стола. № 606; М. Г. Арх. М. И. Д. Вызды въ Россію. 1690 г. Ж№ 11, 16, 17 и др.

²⁾ Библиот. для чтен. 1836, XV.

(въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія) съ однимъ тамошнимъ монахомъ и часто сходился съ нимъ для разсужденій о религіозныхъ предметахъ. Когда о томъ донесли патріарху, онъ тотчасъ приказалъ звать монаха въ Москву. Если бы не удачно придуманный послѣднимъ отвѣтъ, не миновать бы ему бѣды. На допросъ онъ пояснилъ, что лютеранскій пасторъ желаетъ обратиться въ православіе и уже близокъ къ цѣли, и онъ былъ отпущенъ ¹⁾. Исключая подобныя обстоятельства, то-есть, когда иновѣрецъ изъявлялъ желаніе или принималъ православіе, — завести съ Русскими бесѣды о вѣрѣ, присутствовать при совершеніи богослуженія, посѣтить храмъ, вступить въ родственныя связи, нанимать русскую прислугу—все это и подобное лежало внѣ его власти; пресѣкалась даже всякая его попытка замѣшаться между Русскими.

Въ числѣ занимавшихся торговлей и песнихъ службу въ Россіи Нѣмцевъ, Голланцевъ, Французовъ и другихъ, нашлись такіе, которые, чтобы ближе походить на Русскихъ и тѣмъ при встрѣчахъ и обращеніи съ ними избавиться отъ различныхъ неприяностей и обидныхъ прозвищъ, перемѣнили свое платье на русское и отростили бороды. Духовной власти это не понравилось, и не безъ причины. Во время одного большого крестнаго хода по улицамъ Москвы участвовавшій въ немъ патріархъ, преподавая благословеніе народу, замѣтилъ, что нѣкоторые не кланяются и не молятся, и спросилъ: что это за люди? „Нѣмцы“, былъ отвѣтъ. „Грѣшно, что такимъ способомъ нечестивые иноземцы, неузнанные, могутъ воскищать святое благословеніе“, замѣтилъ онъ. Первый указъ къ иностранцамъ послѣ того былъ тотъ, чтобы они скинули русское платье и носили одежду своей страны. За недостаткомъ готоваго поваго платья и умѣлыхъ портныхъ, многимъ пришлось одѣться въ старое, доставшееся отъ отцевъ и дѣдовъ и валявшееся въ сундукахъ, часто не въ пору. Это вызвало еще большія насмѣшки, однако ослушаться боялись.

Если было опасно носеніе платья, то нечего и говорить о прикосновеніи къ священнымъ предметамъ. Новгородскимъ воеводамъ крѣпко наказывалось (1624 г.) отъ Московскаго правительства слѣдить, чтобы „некрещеные Нѣмцы“ не смѣли ходить въ православныя церкви и въ Новгородскій кремль. Въ началѣ перваго путешествія Олеарія по Россіи (1633 г.), его солутники изъ любопытства заходили въ попадавшіеся на пути храмы; ихъ тотчасъ выводили на-

¹⁾ *Olearius*, 142.

задъ и выметали за ними полъ. Въ Никольскомъ, за Новгородомъ, монастырѣ нашелся монахъ, который Олеарію и его свитѣ отворилъ церковный притворъ, облачился, по ихъ желанію, въ священническія одежды, показалъ славянскую Виблію и хотѣлъ-было изъ притвора ввести ихъ въ церковь, какъ подоспѣвшіе стрѣльцы потребовали у него выпроводить вонъ своихъ гостей. Черезъ нѣсколько лѣтъ Олеарій опять былъ въ Россіи, и ему хотѣлось осмотрѣть монастырь св. Антонія, близъ Новгорода. Здѣсь покоились мощи св. угодника и хранился камень, на которомъ онъ, по древнему преданію, прибылъ изъ Рима. Олеарій убѣдился, что никому изъ иностранцевъ не дозволяется доступъ къ нимъ, и только нѣкоторымъ указывали на дежавшій на стѣнѣ камень. Увидѣть мощи Антонія удалось одному Перри, сославшемуся на небывалый царскій указъ, но это случилось значительно позднѣе, и обнаруженіе обмана могло бы окончиться для него плохо. Пастора Гербинія, когда онъ за толпой богомольцевъ пробрался-было въ Московскій Успенскій соборъ, замѣтившіе его церковные сторожа грубо вытолкали вонъ. Въ этомъ отношеніи протестантамъ было хуже, чѣмъ католикамъ, такъ какъ послѣдніе были ближе по вѣрѣ, признавали св. мощи и проч. Отпуская Поссевина въ соборъ, Грозный наказывалъ ему, чтобы съ нимъ не проникъ никто изъ лютеранъ. Фавиній къ Грозному посоль Датскаго короля, протестантъ Ульфелъдъ, получилъ прямой отказъ на просьбу, чтобы его пустили во Псковъ въ одну монастырскую церковь. Однако, для членовъ иностранныхъ посольствъ, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ, дѣлалось нѣкоторое исключеніе: цари иногда удостоивали ихъ приглашенія присутствовать при богослуженіи въ придворныхъ храмахъ. Иностранные писатели предостерегаютъ своихъ соотечественниковъ отъ покушеній проникать въ церкви — въ опасеніи вѣнута, ссылки въ Сибирь и даже смертной казни, если не желаютъ принять православія; впрочемъ, примѣровъ подобной строгой расправы у нихъ не приводится.

Послѣ храмовъ предметомъ благоговѣннаго почитанія были иконы. Ихъ оберегали отъ всякой возможности осмѣянія со стороны иновѣрныхъ. Нѣмецкій купецъ Карлъ Моллинъ купилъ у одного Русскаго каменный домъ. Прежній хозяинъ вынесъ всѣ иконы и тщательно соскоблилъ съ внутреннихъ стѣнъ священныя изображенія, захвативъ съ собою соскобленные остатки. Для своей прислуги, нанятой изъ мѣстныхъ, нѣкоторыми зажиточными иноземцами стали-было пріобрѣтаться иконы. Филаретъ Никитичъ счелъ ихъ дома недостойными

такой высокой чести, иконы велѣлъ оттуда забрать и Русскимъ у иноземцевъ не жать ¹⁾).

Потребуется воспретить жизнь и службу русскихъ у иновѣрцевъ, сопали рапѣ Филарета. Выполненію желанія мѣшала необыкновенная постоянность и изворотливость иностранцевъ, находившихъ, что ограничиваться прислугой изъ своихъ одноземцевъ имъ нельзя, частію по ея малочисленности, частію по неспособности и незнакомству съ мѣстными обычаями, и то, что къ однимъ изъ нихъ, мастерамъ, опредѣляли подмастерій „на выучку“, другія же, лица важныя, владѣли помѣстьями и вотчинами, которыми правительство, экономное на денежное жалованье, награждало ихъ иногда съ правомъ наслѣдства. Льготой они подчасъ пользовались крайне недобросовѣстно: оскорбляли религиозныя чувства подчиненныхъ и посягали на цѣлость ихъ вѣрованія. Гермогенъ предложилъ Ѳедору Ивановичу строго воспретить Русскимъ жить и служить у Нѣмцевъ, добровольно и за деньги, живущихъ за малый долгъ—выкупить, за большой—отдать новокрещеннымъ, Нѣмцевъ же вознаградить Литовцами п Латышами, служившими у новокрещенныхъ. Хотя набожнымъ царемъ и дано было соответствующее повелѣніе, однако Михаилу Ѳеодоровичу и Филарету Пикитичу снова вѣдомо учинилось (1628 г.), что на Москвѣ и въ городахъ у „невѣрныхъ не крещенныхъ иноземцевъ“ служатъ православные христіане, и тѣмъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе, и многіе безъ покаянія и отцовъ духовныхъ помирають, и по постамъ мясо и всякій скоромъ ѣдятъ не волею. Царь и патріархъ указали православныхъ съ иноземскихъ дворовъ взять и впредь имъ тамъ не жить, „чтобы христіанскимъ душамъ оскверненія не было, и безъ покаянія не помирали бы“. Повторя указъ, Уложеніе (1649 г.) не только запрещаетъ Русскимъ жать у иноземцевъ, но тѣхъ, кои учнутъ жать, по крѣпостямъ или добровольно, сыскивать и чинить имъ жестокое наказаніе, а иноземцамъ предписываетъ держать у себя однихъ иноземцевъ же. Но такъ какъ причина злоупотребленій не была устранена, то они, какъ ни строги и ни настойчивы были постановленія, не прекращались. Тогда

¹⁾ *Olearius*, 92—93, 158, 13, 63, 150—151; *Jacobi Ulfeldi Legatio Moscovitica*, въ *Histor. Ruthenic. Scriptor. Starzewski.* I, 6; *Herbin.* 145; *Reutenfels*, 222; *Wendel*, *Czuarischer Majestät aus Moscau.* Dresden. 1698, 116; *Коллинсъ*, 12, 30; *Пеппи*, Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ (Петрѣ I), 150; *Акт. Экспеди.* III, № 181; *Соловьевъ*, IX, 108; *Пуштинскій*, Религиозный бытъ Русскихъ.

сочли нужнымъ постановить (1653 г.), чтобы иностранцы свои отчины продавали по крайней мѣрѣ православнымъ Русскимъ, но отнюдь не „некрещенымъ иноземцамъ“, и опять напрасно ¹⁾. Въ свою очередь жаловались и иноземцы. Джонъ Мерикъ, пользовавшійся у насъ такимъ значеніемъ, что былъ въ состояніи выхлопотать английскимъ купцамъ чудовищныя привилегіи, когда указалъ правительству на английскихъ прикащиковъ, оставившихъ своихъ хозяевъ, принявшихъ русское подданство и женившихся на русскихъ уроженкахъ (конечно, подъ условіемъ предварительнаго крещенія), и просилъ, чтобы подобные переходы, убыточные для торговцевъ, были воспрещены, получилъ отвѣтъ слѣдующій: „У насъ иноземцевъ въ царскую службу неволею не берутъ, силою никого не женятъ и въ Московскомъ государствѣ неволею не оставляютъ никого, а кто царскому величеству бьетъ челомъ въ службу, такихъ великій государь не оскорбляетъ, но всякимъ иноземцамъ милость свою показываетъ и отъ своего царскаго жалованья не отгоняетъ“. Такъ ничего и не добился проситель ²⁾.

Иное въ заключеніи браковъ. Вплоть до XVIII столѣтія извѣстенъ всего одинъ случай, когда лютеранинъ женился на православной, да и то вслѣдствіе крайне стѣсненнаго положенія жениха, надѣявшагося тѣмъ поправить свои запутанныя дѣла, и расчетовъ Грознаго пріобрѣсти чрезъ Магнуса и свою двоюродную племянницу политическое вліаніе на Ливонію. Бракосочетаніе состоялось 12-го апрѣля 1573 года, въ Новгородѣ на Пробойной улицѣ, что на Славновѣ, въ Дмитріевской церкви. Невѣстъ Маріи Владиміровнѣ было около 13 лѣтъ, жениху 23 года. Оригинальная форма этого, по нѣкоторымъ частностямъ, единственнаго въ нашей исторіи вѣнчальнаго обряда. Въ то время, какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ княжну въ церкви по православному чиноположенію, на паперти, гдѣ стоялъ принцъ съ своею свитой — въ церковь ихъ не пустили, — его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ. Отъ церкви свадебный поѣздъ направился въ царскій дворецъ. Здѣсь открылся пиръ, гдѣ Москвичи въ первый разъ сошлись такъ близко съ иноземцами. Пировали всѣ вмѣстѣ, и мужчины и женщины, и

¹⁾ Акт. Эксп. 1. № 358; П. С. Зак. 1. Уложеніе. XX. 70, № 113; Путешествіе въ Московію *Мейснера*, — *Чтен. съ Общ. ист. и др. Росс.* 1874; Письма Шведа изъ Москвы въ 1647 г. — *Смв. Арх.* 1822, I, 154; *Wickhart*, 260.

²⁾ *Соловьевъ*, IX, 187, 189.

Русскіе и иностранцы, но наши за столомъ сидѣли выше. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда, мѣшались съ иноземными. Гости разбушевались сильно. Въ представленіяхъ, пляскахъ и пр. дошли до такихъ безобразій, какихъ, по словамъ одного изъ ливонскихъ лѣтописцевъ, не испорченными глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть, ни слышать. На общей радости развеселился и Иванъ Васильевичъ, проявившій себя совершенно по своему. Не гораздый въ танцахъ, но большой любитель пѣнія, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ ближайшаго монастыря и запѣлъ съ ними символъ Аванасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, навзрусь, и маленькіе товарищи не могли поспѣть за нимъ по книгѣ. Это его сердило, и когда они сбивались и отставали, онъ до крови билъ ихъ по головѣ тяжелымъ посохомъ, которымъ регентовалъ. Случившіеся тутъ нѣмецкіе ученые, видно, мало принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и однимъ русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетчикомъ, завязался религиозный споръ, при чемъ игуменъ высказалъ желѣзную неуступчивость, чѣмъ очень не понравился иноземцамъ: отголосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣнкахъ надъ нимъ ливонскаго лѣтописца.¹⁾ Словомъ, вышло нѣчто, очень благодарное для кисти живописца, какъ бы прототипъ будущихъ Петровскихъ оргій съ иноземцами, но крайне тяжелое на взглядъ современниковъ. Не даромъ всѣ послѣдующіе переговоры о бракахъ между лицами Московскаго царскаго дома и протестантскими принцами и принцессами велись на условіи принятія иновѣрнымъ лицомъ православія. Когда Фильгоберъ опирался на этотъ бракъ въ доказательство, что Вальдемару не для чего принимать крещеніе, русскіе бояре и полемисты отвѣтили ему: „То Грозный царь учинилъ не любя своей племянницы“.

Такъ какъ тайнство брака иновѣрцевъ отвергалось, и заключенныя между ними бракосочетанія не считались законными, то при переходѣ одного члена четы въ православіе, онъ становился свободнымъ: могъ взять себѣ супругу изъ среды Русскихъ, или же, чаще всего, за нимъ переходилъ въ православіе и другой членъ, и тогда ихъ снова подвергали обряду вѣнчанія. Никого и никогда не принуждая къ принятію православія, на этотъ разъ правительство считало себя какъ бы въ правѣ покушаться на религиозную свободу оставшагося при прежнихъ своихъ вѣрованіяхъ другаго члена брачной четы. Жену барона Пьеръ-

¹⁾ См. нашу статью: Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій: *Ж. М. Н. Пр.* 1878, мартъ.

де-Ремона, ревностную кальвинистку, которая не хотѣла послѣдовать примѣру мужа, крестили насильно. Лишенные возможности жениться на православныхъ, протестанты по необходимости заключали браки только между лицами своего вѣроисповѣданія и католическаго. Религіозная рознь, столь сильная на Западѣ, здѣсь, на чуждой почвѣ, значительно сглаживалась. Но мужчинъ было больше, и въ приличныхъ невѣстахъ постоянно чувствовался недостатокъ. Тогда были въ чести и служанки или обращенныя въ протестантство Татарки, которыхъ не обѣгали даже офицеры. Съ ними улаживалось дѣло очень скоро. Въ непродолжительную остановку Стрюйса въ Москвѣ успѣли жениться двое изъ его спутниковъ. Одинъ, Корнелій Зааршенбраекъ, взялъ за себя служанку завѣдывавшаго наймомъ въ русскую службу голландскихъ корабельщиковъ Іоанна фонъ-Шведена, Марью Ляфцъ, крещенную въ голландской церкви Татарку. Закону Божию обучилась она у мѣстнаго проповѣдника, у котораго долго жила, и говорила по ниже-германски, какъ на природномъ языкѣ. Такъ какъ она была сирота, то на свадьбѣ Стрюйсъ былъ у нея вмѣсто отца. Вѣчаніе происходило (23-го февраля 1669 г.) въ Слободѣ, въ „Нѣмецкой церкви“; пировали цѣлыхъ три дня. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ жителей слободы, тутъ участвовали всѣ спутники Стрюйса. Плясали и танцевали подъ скрипку, по русски и по польски. Чрезъ недѣлю женился другой спутникъ Яковъ Траппенъ, изъ Вѣны, на Елизаветѣ Петерсъ, родомъ изъ Любека, служанкѣ одного проживавшаго въ Москвѣ доктора медицины. Скоро обѣ новобрачныя четы направились вмѣстѣ съ Стрюйсомъ дальше къ Астрахани. Свадьбы лицъ знатныхъ и богатыхъ устраивались съ особенною торжественностью. Такова была свадьба (11-го и 21-го апрѣля 1676 г.) дочери богатаго купца Гассениуса. Въ посаженные отцы невѣсты пригласили голландскаго посла Конрада фонъ-Кленка и „гостя“ Келлермана, къ жениху—голландскаго резидента фонъ-Келлера. Сборнымъ пунктомъ для жениха и большей части приглашенныхъ на свадьбу мужчинъ былъ домъ Канненгиссера, для невѣсты и къ ней близкихъ — помещеніе пастора. Выпивъ по стакану вина и закусивъ конфетами, собравшіеся у Канненгиссера направились въ Слободу. Женихъ помѣстился въ одной каретѣ съ голландскимъ резидентомъ, впереди ихъ ѣхали верхомъ офицеры; Кленкъ и Келлерманъ также сѣли въ одну карету, за которою слѣдовала верхомъ свита посла, за нею тянулось еще пять-шесть каретъ; всѣхъ, ѣхавшихъ верхомъ, было до 30 человекъ. Достигли кирки. Въ ней жениху предоставили мѣсто

между резидентомъ и посланникомъ. Келлерманъ отправился къ пастору за невѣстой. Впереди ея въ церковь шли парь пять-шесть молодыхъ мужчинъ и столько же дѣвиць; невѣсту вели подъ руки ея посаженные отцы. На ея головѣ, съ которой спускались расчесанные волосы, красовался вѣнецъ изъ жемчуга. Съ проповѣднической кафедрой пасторъ произнесъ небольшую рѣчь. По вѣнчаніи молодую жену посадили въ одну карету съ ея подругами, за нею ѣхалъ молодой супругъ. Къ столу сѣли около 4 часовъ пополудни.

Женитьба играла тогда большую роль. Съ нею иноземецъ какъ бы прикрѣплялся къ мѣсту жительства: назадъ, за границу, женатые возвращались рѣже холостыхъ. Поэтому правительство, не любившее, чтобы изъ Россіи уѣзжали назадъ, отпосилось къ женатымъ благосклоннѣе. Предубѣжденно посматривали на холостыхъ и ихъ поженившіеся земляки, особенно въ виду недостаточнаго количества женщинъ. Холостому было очень трудно найти подходящую квартиру и хорошій столъ. Гостинницъ не было. Отсюда постоянное побужденіе къ женитьбѣ. Пріѣзжіе на службу иноземцы считали ее однимъ изъ лучшихъ средствъ, чтобы завязать и упрочить свои отношенія къ виднымъ землякамъ и при ихъ помощи составить себѣ карьеру ¹⁾). Послѣ того они обыкновенно становились полными членами своеобразнаго иноземнаго міра, со всѣми его радостями и невзгодами, со всѣми его интересами, шедшими подчасъ даже къ прямой невыгодѣ Русскихъ и посягавшими на ихъ вѣковые основы и традиціи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Цвѣтасовъ.

¹⁾ *Olearius*, 147; *Struys*, 73—74; *Histor. Verhael of Beschrijving van de Voyagie gedaan onder de Suite van den Heere Konraad van Klinc*. Amsterdam. 1677; *Gordon*, *Tugebuch*, I, 319; *Posselt*, I, 214—215.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, читанныхъ въ 1880—1881 академическомъ году въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. *И. Бодуэна-де-Куртена* (J. Baudouin de Courtenay). Выпускъ 1-й. Воронежъ. 1882.

Г. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ своихъ лекціяхъ излагаетъ ученіе о звукахъ современнаго русскаго языка, разумѣмъ подъ этимъ названіемъ живой „литературный“ обще-русскій языкъ, народный источникъ котораго суть московскій и ему подобныя акающіе говоры, съ примѣсью церковно-славянскаго элемента. Въ настоящемъ выпускѣ лекцій авторъ сначала дѣлаетъ краткое обзорѣніе согласныхъ и гласныхъ звуковъ и указываетъ на ихъ дѣленіе, а затѣмъ говоритъ о „чередованіяхъ гомогенныхъ согласныхъ и гласныхъ въ зависимости отъ условій, имѣющихся на лицѣ“. Способъ изложенія и терминологія г. Бодуэна занимающимся наукой о русскомъ языкѣ уже достаточно извѣстны изъ его прежнихъ трудовъ, а потому мы не будемъ о нихъ говорить.

Авторъ очень хорошо знаетъ, что нашъ литературный языкъ (точнѣе говоря: языкъ нашего образованнаго общества) „не однообразенъ и въ устахъ разныхъ лицъ и въ разныхъ мѣстностяхъ представляетъ различныя оттѣнки“; тѣмъ не менѣе онъ находитъ возможнымъ говорить о немъ, не указывая, въ какой именно мѣстности производилъ онъ надъ нимъ свои наблюденія. Между тѣмъ такого рода указаніе необходимо. Языкъ тѣхъ членовъ нашего образованнаго общества, которые родились и выросли на югѣ и западѣ Россіи, имѣетъ нѣкоторыя, довольно значительныя отличія отъ языка тѣхъ членовъ, мѣсто рожденія которыхъ Москва. Въ Кіевѣ, напримѣръ, многіе произно-

сятъ : по малорусски, то-есть, какъ латинское *h*; многіе употребляютъ малорусскіе дифтонги, то-есть, говорятъ *пиу*, *спау* = *пилъ*, *спалъ*. На западѣ Россіи въ словахъ *бура*, говорятъ и т. п. нерѣдко произносятъ *р* болѣе твердо, чѣмъ въ Москвѣ, такъ что тамъ слышится почти что *бура*, говорятъ. Удареніе на *югѣ* и особенно на западѣ часто ставится попольски, на второмъ слогѣ отъ конца, и напримѣръ, вмѣсто московскаго *ведѣнъ*, *несѣнъ*, нерѣдко слышится *вѣденъ*, *нѣсенъ*. Подобнаго рода особенности, безъ сомнѣнія, существуютъ въ произношеніи и тѣхъ членовъ образованнаго общества, которые живутъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Г. Водуэнъ указываетъ въ литературномъ языкѣ такія звуковыя формы, какъ *надомпо*, *рамно* (= *надобно*, *равно*, стр. 36), *хозяйки*, *тройки* (стр. 39), *кватера* (ib.), *х нимъ*, *х нему* (стр. 41), *гля* (= *для*), *куфия*, *куфарка* (ib.), *строкъ* (= *срокъ*, стр. 44), *тисть* (= *кисть*), *дира* (= *гиря*), *анделъ* (= *ангелъ*, стр. 50), — формы, совершенно неизвѣстныя въ языкѣ московскаго образованнаго общества, и безъ сомнѣнія, заимствованныя авторомъ изъ языка образованнаго общества какого-нибудь провинціального русскаго города. Но какого именно? Для насъ было бы не съинтересно получить отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Г. Водуэнъ находитъ въ нашемъ литературномъ языкѣ четыре согласныхъ дифтонга: *ts* (*ц*), *tš* (*ч*), *dz*, *dž* (стр. 16). Мы ничего не можемъ сказать противъ наименованія звуковъ *ц* и *ч* дифтонгами, хотя думаемъ, что *ч* отнюдь не то же, что *tš*, — по сомнѣваемся въ существованіи въ русскомъ литературномъ языкѣ дифтонговъ *dz* и *dž*. Первый изъ нихъ существуетъ, сколько намъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ нарѣчій и нѣкоторыхъ (очень немногихъ) сѣверно-великорусскихъ говорахъ, но совершенно неизвѣстенъ ни въ одномъ изъ южно-великорусскихъ (акающихъ) говоровъ, источниковъ литературнаго языка. Второй дифтонгъ, *dž*, г. Водуэнъ находитъ въ словахъ *приѣзжать*, *визжать* и т. п., которыя въ литературномъ языкѣ звучатъ, по его мнѣнію, *priježdžat'*, *viždžat'* (стр. 37, 38, 44). Но это, кажется, не вѣрно. Въ приведенныхъ словахъ мы слышимъ не *ѣѣ*, а *ѣ'*, то-есть, двойное или (по терминологіи автора) долгое мягкое *ж*, точно также, какъ въ словахъ *ищу*, *пицать* мы слышимъ двойное мягкое *ш* ¹⁾.

¹⁾ Авторъ думаетъ, что *ищч* (стр. 37). Можетъ быть, въ той мѣстности, гдѣ онъ производилъ свои наблюденія, какія-нибудь лица образованнаго общества действительно произносятъ *ш* какъ *ищч*, но что касается до Москвы и ближайшихъ къ ней мѣстъ, то въ нихъ *ш* звучитъ постоянно какъ двойное мягкое *ш*.

Звукъ *h*, который слышится въ словахъ Бога, благодать, Господь, отнесенъ авторомъ на счетъ южно-русскаго вліянія. „Центромъ духовнаго просвѣщенія Россіи“, говоритъ онъ, — „былъ нѣкогда Кіевъ, и его малорусское (южно-русское) произношеніе считалось образцовымъ и распространилось по всей Россіи на всѣ слова при чтеніи церковныхъ книгъ и даже вообще въ произношеніи многихъ лицъ духовнаго званія, а въ обще-русскомъ языкѣ крѣпилось въ нѣкоторыхъ словахъ церковнаго происхожденія“ (стр. 22). Не будемъ останавливаться на приведенныхъ словахъ, во всякомъ случаѣ не имѣющихъ за себя никакихъ доказательствъ; замѣтимъ только, что относительно происхожденія звука *h* въ Бога, благодать, Господь есть основаніе думать иначе. Безъ сомнѣнія, въ пра-славянскомъ языкѣ этотъ звукъ не существовалъ, и въ тѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ онъ слышится теперь, появленіе его относится уже къ историческому времени. Мы не можемъ сказать, когда именно *h* впервые возникло въ южно-русскомъ нарѣчій¹⁾, но имѣемъ факты, изъ которыхъ видно, что въ XIV вѣкѣ оно еще не совсѣмъ вытѣснило *g* и существовало съ нимъ совмѣстно. Въ латинскихъ грамотахъ, писанныхъ въ Галиціи и напечатанныхъ въ *Acta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej, рядомъ съ Podowicza = Годовица* грам. 1371 года; т. II, стр. 5), *Haliciensis* (гр. 1375 г. и друг.; *ib.*, стр. 6, 8, 12), *Torghowycze = Торговицѣ* (гр. 1378 г., *ib.*, стр. 12) и т. п., мы читаемъ *mogilla = могила* (гр. 1378 г., *ib.*, *bis*). Въ виду этого можно предположить, что въ ту пору, когда было особенно сильно вліяніе южно-русской образованности на сѣверно-русскую, именно въ X—XII вв., *h* въ южно-русскомъ нарѣчій могло совсѣмъ не существовать, и такимъ образомъ оно не могло перейти съ словами Богъ, благодать, Господь въ сѣверно-русское нарѣчіе. Сверхъ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что звукъ *h* въ великорусскомъ нарѣчій существуетъ (передъ гласными) не только въ указанныхъ трехъ словахъ, но и въ другихъ. Въ курскомъ говорѣ, напримѣръ, говорятъ лух, вакрух, друх (Русск. Филологич. Вѣстн. 1880 г., № 3, стр. 104), родит. пад. лу*h*а, кру*h*а, дру*h*а. Въ самомъ литературномъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляется въ Москвѣ, върѣдка, рядомъ съ *g*, можно слышать и *h* въ словахъ говорить, огородъ, награждать и др.

¹⁾ Относительно времени появленія *h* въ чешскомъ языкѣ см. статью I. Нечка въ *Archiv für Slav. Philologie*, т. II (1876 г.).

Всѣ тѣ явленія, въ которыхъ г. Бодуэнъ видитъ „дивергенцію согласныхъ, обусловленныхъ аккомодацией слѣдующаго къ предшествующему черезъ уподобленіе (ассимиляцію)“, можно объяснить иначе. Твердость *c* въ боялса могла произойти не вслѣдствіе вліянія на *c* предшествующаго твердаго *л* (стр. 38), а инымъ путемъ (см. наши Исслѣдованія въ области русской грамматики, стр. 62—63); мягкость *к* въ хояйкя, линейкя, кухаркя, сахаркю, быть можетъ, обязана своимъ происхожденіемъ не вліянію предшествующаго *ј* или мягкаго согласнаго (ни того, ни другого въ вухаркя, сахаркю, никогда не было), а тѣмъ же причинамъ, которыя произвели неорганическое смягченіе гортанныхъ въ полабскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ говорахъ польскаго, гдѣ слышится *kiagczma*, *skiacse*=*kaagczma*, *skacze*, а также въ латышско-литовскомъ языкѣ (литовск. *kiaupe*, латышск. *zaupa* при слав. *куна*)¹⁾; слова *кфатера*, гдѣ *ф* будто бы явилось подъ вліяніемъ *к* (стр. 39), сколько намъ извѣстно, въ великорусскомъ нарѣчій не существуетъ, и простонародное *фатера* произошло изъ *хватера*: сравн. простонар. *фостъ* изъ *хвостъ*. Точно также можно объяснять иначе, чѣмъ объясняетъ авторъ, и *т* въ словѣ *паутина* (стр. 50). Можно думать, что это слово и слово *пауць* образованы посредствомъ разныхъ суффиксовъ, первое посредствомъ суффикса *т*, второе—посредствомъ суффикса *к*, и что слово *пауць*, употребляющееся теперь только въ значеніи оводъ, нѣкогда могло значить также и *пауць* (сравн. Потебня, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, II, стр. 14, примѣч.

Въ словахъ *лебедь* (стр. 65) и *дитя* (стр. 72) *e* и *и* едва ли можно относить къ числу ореографическихъ погрѣшностей, какъ это дѣлаетъ авторъ. Въ первомъ изъ нихъ *e* существовало уже въ то время, когда гласные звуки не подвергались еще ослабленію, и его мы находимъ въ Русской Правдѣ по списку Новгородской Кормчей XIII вѣка: за *лебедь*. *Ѣ*. *кунъ* (Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, стр. 399); сравн. великорусское *лебѣдка*, *лебѣдушка*, малор. *лебідка*, *лебюдка*. За древность *и* въ *дитя* говоритъ малор. *дитина* (не *дітина*).

Г. Бодуэнъ двѣ страницы своей книжки (22—23) удѣляетъ вопросу о вліяніи церковно-славянскаго письменности на русскій литературный языкъ. Слѣды этого вліянія онъ видитъ въ *ш* и *жд* вмѣсто

¹⁾ Есть основаніе думать, что въ извѣстныхъ случаяхъ неорганическое смягченіе гортанныхъ имѣло мѣсто и въ общо-славянскомъ языкѣ.

русск. ч и ж, въ е вмѣсто русск. о, въ а вмѣсто русск. о въ сочетаніяхъ ра, ла. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ въ общемъ, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ частности. Мы говоримъ небо, а не нѣбо, небесъ, а не небѣсъ, конечно, подъ вліяніемъ того произношенія этихъ формъ, какое мы привыкли слышать въ церкви; но что до словъ смертнѣй, перстѣ, учебнѣй (нѣкоторые говорятъ: смѣртнѣй, пѣрстѣ, учѣбнѣй), то въ нихъ е сохранилось и не перешло въ о потому, что за е слѣдовалъ нѣкогда мягкій согласный, иначе говоря—потому, что приведенныя слова звучали нѣкогда съмѣртьнѣй, пѣрстѣ, учѣбнѣй; изъ нихъ съ первыми двумя сравн. др.-русск. съмѣрть, дѣрзну, пѣрвѣй (Житіе Θεодосія Печерскаго по сп. XII в., лл. 33 об., 34, 35), современн. великорусск. вѣрба, вѣрхъ, стѣрба, пѣрвѣй, польск. wierzba, wierzch, wierzgać и др. Слова учебнѣй въ церковно-славянскихъ памятникахъ не встрѣчается. Изъ словъ врата, градъ, гласъ, сладкѣй первыя три надо, конечно, отнести на счетъ церковно-славянскаго вліянія, но слово сладкѣй едва ли не должно признать за чисто-русское. Дѣло въ томъ, что въ русскомъ языкѣ рядомъ съ обычными полногласными словами мы имѣемъ, въ видѣ исключеній, слова съ церковно-славянскою и польскою вокализацией. Такъ въ великорусскомъ народномъ языкѣ мы часто слышимъ младъ, молодой, младенецъ (въ пѣсняхъ), младенецъ; въ малорусскомъ языкѣ мы слышимъ срібло (изъ срѣбро: такъ это слово постоянно пишется въ Галицкомъ Евангеліи XIII в.); здѣсь вокализція несомнѣнно та же, что и въ церковно-славянскомъ языкѣ¹⁾. Въ обще-русскомъ строгъ (изъ *срогъ; сравн. церковно-славянскомъ срагъ, польск. zrogі), плохъ, расплохъ (при русск. перенолохъ, чертополохъ, полошить, церк.-слав. плахъ, чешск. plachý), можетъ быть, время (при др.-русск. верема: но вѣремьнемъ, Смоленская грамота 1229 г.; некоторымъ веремнемъ, грамота короля Владислава 1387 г., Извѣстія Академіи Наукъ по 2-му отд., т. X, стр. 686)²⁾ слѣдуетъ видѣть ту же вокализцію.

¹⁾ Въ русск. корачки, кукоричъ (при окорогъ) вокализція смѣшанная: частью чисто русская, частью церковно-славянская.

²⁾ Къ этимъ словамъ можно присоединить, между прочимъ, слова ослопъ и шлѣпать: сравн. стар. русск. шелепъ, соврем. шлопай, церковно-славянск. слапъ, слѣпати. Корень въ нихъ едва ли не тотъ же, что въ церковно-славянскомъ селыга (Miklosich, Lex., h. v.), селыга (Ивановъ, Библиографическіе матеріалы, I, стр. 23), соврем. сѣв. в. р. шелыга.

которую мы находимъ обыкновенно въ польскомъ языкѣ. Слово сладкій (при солодъ, солодкій) и родственныя съ нимъ слова сласть, слащавый, подсластить, сластѣна принадлежать къ числу такихъ же исключеній, какъ младъ и срѣбло, и должны быть объясняемы одинаково этими послѣдними.

А. Соболевскій.

Alfred Wiese, Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen. Kiel. 1882.

Подъ „Naturgefühl“, „sentiment de la nature“ разумѣется то особое лично-эстетическое ощущеніе природы, которое является въ жизни культурныхъ народовъ въ извѣстную, сравнительно позднюю пору ихъ развитія, и находитъ себѣ опредѣленное выраженіе въ ихъ поэзій и искусствѣ. Отъ мнѣческаго отношенія къ природѣ оно отличается не по существу, а по степени; всюду оно сопровождается исключительнымъ, иногда болѣзненнымъ развитіемъ личнаго сознанія и упадкомъ религіозно-общественнаго строя; формы его выраженія— характерны: является вкусъ къ пейзажу, безъ необходимаго отношенія къ наполняющей его человѣческой жизни; человѣкъ любитъ уединяться въ природу, въ области, куда до той поры рѣдко заглядывалъ: въ укромыне, глухіе уголки природной жизни, либо на выси горъ; виды à vol d'oiseau, упослцие фантазію далеко за предѣлы видимаго, либо микроскопическіе пейзажи, заключающіе всю поэзію въ предѣлы роднаго островка, въ очертанія деревенскаго горизонта,— таковы излюбленные сюжеты, дающіе окраску цѣлымъ литературнымъ и культурнымъ періодамъ. Такъ было въ XVIII вѣкѣ (Руссо и его направленіе) и среди французскихъ реалистовъ XVII столѣтія, у средневѣковыхъ мистиковъ и у Петрарки. Всюду это новое откровеніе природы являлось отзвукомъ и выраженіемъ чего-то совершившагося въ общественномъ сознаніи; литературное вліяніе могло играть лишь второстепенную роль, на первомъ мѣстѣ становится вопросъ естественнаго развитія, эволюціи. Непризнаемъ этого факта грѣшитъ оцѣнка Петрарки у Визе, стр. 67: „Культура времени императоровъ является порой переходною, связывающею эпоху эллинизма съ возрожденіемъ; Петрарка находился всецѣло подъ вліяніемъ позднѣйшихъ римскихъ поэтовъ, стало быть, посредственно, Александрійцевъ. Вотъ почему онъ явился родоначальникомъ современной сентиментальности, міроной скорби и расторженности“. Рядомъ съ

Александрійцамъ и ихъ римскими подражателями слѣдовало бы по крайней мѣрѣ упомянуть блаженнаго Августина; но я предпочелъ бы историко-психологическое объясненіе факта, тѣмъ болѣе, что у автора были подъ руками матеріалы для такого именно объясненія. Кромѣ Петрарки, онъ приводитъ и Руссо; общечеловѣческій характеръ изучаемаго имъ явленія представился ему ясно; онъ открываетъ его и у Грековъ, трактуя о томъ такъ настойчиво, какъ будто дѣло идетъ о личномъ откровеніи или открытіи. Такъ можно было бы заключить изъ его постоянной полемики съ своими предшественниками, отвергавшими у древнихъ проявленіе того чувства природы, которое мы назвали лично-эстетическимъ, хотя его можно назвать еще и романтическимъ, сентиментальнымъ и т. п. Въ сущности, это— полемика на словахъ. Дѣло идетъ о томъ, какъ понять границы древне-классическаго развитія и отношеніе къ нему такъ-называемаго эллинизма. Естественный ли это продуктъ, продолженіе древней жизни, или ея паденіе и вырожденіе? Тѣ, кто становились на послѣднюю точку зрѣнія, которой я не защищаю, имѣли нѣкоторое право отрицать у Грековъ существованіе специфическаго *Naturgefühl*. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы лишены были возможности наблюдать его яркія проявленія у Александрійцевъ, наша оцѣнка нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ, напримѣръ, у Еврипида была бы совсѣмъ другая, чѣмъ теперь, когда мы въ состояніи привести ихъ въ связь съ послѣдующимъ — развитіемъ или вырожденіемъ. Самъ г. Визе, нападая на своихъ противниковъ, колеблется между тою и другою оцѣнкой, хотя самая сущность его полемики должна была бы привести его къ точному выбору между ними. На стр. 65 онъ находитъ въ эллинизмѣ развитіе того, что въ предшествовавшую ему пору существовало лишь въ зародышѣ; это — заря новаго времени, занавѣшая уже у Еврипида и Аристофана (стр. 67); а въ другомъ мѣстѣ (стр. 127, 121) эпиграмма, эпосъ и романъ эллинистической поры характеризуются со стороны „*haut-goût* разлагающейся культуры“. Ярче всего сказалась эта невыясненность мысли въ отзывѣ объ Еврипидѣ (стр. 47): „Съ чисто-греческой точки зрѣнія онъ обозначаетъ наденіе народнаго искусства и духа; но съ болѣе общей, культурной-исторической, въ немъ обнаруживается и громадныя прогрессъ по направленію къ современному міровоззрѣнію“ (*ein Fortschritt zum Modernen hin*). Если различать такимъ образомъ, то упадокъ начался, пожалуй, и съ Софокла, въ отношеніи, напримѣръ, Эсхила, что и было высказываемо—безъ большой пользы для дѣла.

Материалы для истории греческого *Naturgefühl* взяты авторомъ изъ всѣхъ областей и периодовъ литературы, отъ Гомера до эллинистовъ включительно, при чемъ разбору послѣднихъ посвящена половина всего изслѣдованія. Центръ тяжести лежитъ очевидно здѣсь, все предыдущее его приготовляетъ или возвѣщаетъ. На сколько полно исчерпалъ Визе свой материалъ—я судить не могу; мнѣ лично подборъ фактовъ представляется нерѣдко внѣшнимъ и банальнымъ: авторъ имѣетъ въ виду выраженія, не обращая вниманія на положенія. Первые могутъ встрѣтиться у Гомера и у Еврипида, хотя съ различнымъ освѣщеніемъ; вторые обличаютъ сознательный выборъ, вѣянія новаго вкуса и литературной моды. Въ этомъ смыслѣ, напримеръ, знаменительны для истории *Naturgefühl* вступительная сцена Еврипидова *Юна* (утро) и изолированіе Электры въ деревенскую обстановку, въ трагедіи того же автора. Эти и подобные тому примѣры обойдены авторомъ.

Гомерическому эпосу удѣлена лишь небольшая глава. Ея мѣсто въ изслѣдованіи, посвященномъ развитію эстетическаго чувства природы, опредѣлялось двумя возможными точками зрѣнія. Если проявленіе этого чувства вызвано извѣстною зрѣлостью личнаго и общественнаго развитія, то можно было поставить вопросъ о томъ, какъ сложились условія этого развитія въ пору мѣа и эпоса, и какимъ путемъ совершилась эволюція отъ миѣческаго міросозерцанія къ лично-эстетическому. Тѣсно съ этимъ соединенъ другой вопросъ—о материалахъ и формахъ миѣческаго и поэтическаго слова, объ отношеніяхъ лирико-патетической рѣчи къ ея источникамъ въ словарь эпоса. Въ общемъ выводъ подтвердилось зѣби положеніе, высказанное нами выше, что въ вопросѣ о *Naturgefühl* отъ Гомера къ эллинизму движется одна и та же струя, и что мы имѣемъ право устанавливать отличія не по существу, а лишь по степени зрѣлости и развитія.

Иное пониманіе дѣла обнаруживаетъ Визе въ отдѣлѣ, посвященномъ „наивному чувству природы въ миѣологіи и у Гомера“ (стр. 7 и слѣдующ.). Общее впечатлѣніе такое, что миѣологія заслоняла Грекамъ природу, иѣшая имъ стать къ ней лицомъ къ лицу, и что *Naturgefühl* сталъ возможенъ лишь когда миѣологія удалась изъ сферы сознанія: „Природа обрѣла свою самостоятельность и самодѣятельность въ фантазіи Грековъ съ переходомъ натуралистическихъ божествъ въ нравственныя силы, съ разложеніемъ вѣры рефлексіей. Необходимо было рушиться идеальному міру боговъ, надстроившемуся надъ міромъ реальнымъ, чтобы эстетическое чувство

могло снова всецѣло (wieder voll!) овладѣть міромъ дѣйствительности" (стр. 11). Полагаю, что выраженіе „wieder voll“ просто неумѣлое выраженіе: не предполагаетъ же авторъ существованіе историческаго Naturgefühl до его заслоненія образами мѣна?—Я предложу еще нѣсколько выдержекъ: стр. 15: „Симпатическое пониманіе природы, заставляющее ее радоваться и сѣтовать съ человѣкомъ, отражая въ себѣ всѣ движенія человѣческаго сердца, предполагаетъ символизированіе душевныхъ движеній актами внѣшней природы и одухотвореніе природныхъ явленій. То и другое находится у Гомера лишь въ зародышѣ“. Но что же такое мѣнологія, какъ не символизированіе и не олицетвореніе? „Вся природа у Гомера“, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 17),—„образно демоническая: „солнце—прекрасный юноша, заря—розоперстая дѣва и т. п. Мѣнологическое олицетвореніе инстинктивно заставляло жизненныя начала природныхъ явленій въ личныя божественныя существа, въ которыя вѣрують набожныя умы, не отдѣляя ихъ отъ самихъ явленій. Поэтическое одухотвореніе отличается отъ мѣнологическаго тѣмъ, что оно—сознательно эстетическое, что фантазія поэта отождествляетъ свою личность, перенесенную на предметъ, съ нимъ самимъ, свою возбужденность съ причиной возбужденія. Онъ вживается въ трескъ пламени, и оно принимается хихикать; онъ скользитъ, падаетъ, крутится съ пѣнистыми волнами потока, и ему кажется, что онъ весело мчится въ долину; что вѣтеръ плачетъ, солнце улыбается, дождливое небо плачетъ и т. д.“. Перенесемъ всѣ эти объекты поэтической фантазіи въ сферу, напримѣръ, Гомеровскаго міросозерцанія: смѣхъ и слезы и сочувствіе останутся, но смѣяться, сѣтовать, сочувствовать будетъ солнце-Гелиосъ, божество потока, нимфа, дерева—дриада и т. п., и это будетъ общимъ вѣрованіемъ, не личною поэтическою грезой. Въ этомъ главное отличіе мѣнологическаго и поэтическаго Naturgefühl, отличіе вмѣстѣ съ тѣмъ указывающее и на ихъ внутреннюю связь. „Идеальный міръ боговъ“ не рушился, а мѣнологія превратилась въ поэзію.

Богатый матеріалъ для исторіи „чувства природы“ дала автору греческая лирика. Но вопросъ въ томъ: какъ и чѣмъ руководиться при выборѣ этого матеріала? Не всякое сравненіе, картинка съ натуры, встрѣчающаяся у лириковъ, служитъ выраженіемъ нарастающаго вѣдущаго Naturgefühl. Многие принадлежатъ болѣе древнему, мѣнологическому складу мысли, и самъ Визе налагаетъ на себя руки, постоянно указывая на аналогіи современной народнои пѣсни, кото-

рую, какъ моментъ въ развитіи Naturgefühl, онъ не можетъ же отождествлять съ личною лирикой Грековъ. Ясно, что образы этой лирики были въ ходу до нея и въ ней лишь приладились къ новому содержанию чувства. Таково сочетаніе весны и любви, общее мѣсто трубадуровъ и миннезингеровъ, встрѣчающееся у Теогниста ('Ωραϊός καὶ Ἔρως ἐπιτέλλεται) и въ идилліи къ веснѣ Мелсагра (стр. 24, 104—105); таково желаніе поэта—стать птичкою, чтобы перенестись, куда зоветъ желаніе: образъ, знакомый нѣмецкимъ, шотландскимъ, италіанскимъ, литовскимъ и славянскимъ пѣснямъ (сл. стр. 25, 41, 51 и прим. 59). Сл. съ пожеланіемъ κυανόπτερος ὄρνις εἶθ' εἶην (Androm. 847, 861) начало народной греческой пѣсни: Νὰ ἤμουσ ποῦλι νὰ πέταγα, νὰ πῆγαινα τοῦ ψήλου. Какъ въ народной лирикѣ природа отзывается на человѣческое горе, такъ и въ Віоновомъ плачѣ надъ Діонисомъ (стр. 77—78):

τὰν Κύπριν αἰαῖ
 ὄρεα πάντα λέγοντι καὶ αἱ ὄρες αἰαῖ Ἄδωνι
 καὶ ποταμοὶ κλαίουσιν τὰ πένθη τὰς Ἀφροδίτας
 καὶ παγαῖ... ὀακρόντι
 πάντας ἀνὰ κλαμῶς, ἀνὰ πᾶν νάπος οἰκτρά ἀηδῶν
 αἰάζει νέον οἶτον ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.

Гекуба хочетъ обнять Поликсену, какъ плющъ обвиняетъ дубъ (Eurip. Nek. v. 398; сл. стр. 48). Малорусская пѣсня любитъ представленіе калины на могилѣ: въ вѣтвяхъ кукуетъ зозуля, покойнику оттого будто легче лежать. Древне-римская гробница изъ временъ Домиціана, открытая въ окрестностяхъ Рима въ Vigna Sassi, украшена ландшафтомъ al fresco и слѣдующею эпитафіей:

οὐ βᾶτοι, οὐ τρίβολοι τὸν ἐμὸν τάφον ἀμφὶς ἔχουσιν,
 οὐδ' ὀλολογαῖα νυκτερὶς ἀμπέταται·
 ἀλλὰ με πᾶν δένδρος χαρίεν περὶ ῥίσκον ἀνέρπει
 κυκλόθεν εὐκάρπεις κλωσὶν ἀγαλλόμενον·
 πωτᾶται δὲ περίε λιγυρὴ μινυρίστρ' ἀηδῶν,
 καὶ τέττιξ γλυκεροῖς χεῖλεσι λείτρα χέων·
 καὶ σοφὰ τραυλίζουσα χλειδονίς ἦτε λιγύπνους
 ἀκρις ἀπὸ στήθους ἠδὲ χέουσα μέλος и т. д.

Ласточка и соловей, быть можетъ, какъ вѣстники весны? Въ ново-греческой пѣснѣ Димъ проситъ похоронить его, а въ могилѣ оставить оконце съ правой стороны, чтобы ласточки оповѣщали его о веснѣ, соловья ему пѣли въ прекрасномъ маѣ:

Κὶ ἀπὸ τὸ μέρος τὸ δεξι ἀφῆστε παραθύρι,
 Τὰ χελιδόνα νὰ ῥυθωνται: τὴν ἀνοιξιν νὰ φέρουν,
 καὶ τ' ἀηδόνιζ τὸν καλὸν Μάην νὰ μὲ μαθαίνουν.

Народный стиль проваусальской альбы, опозитизированный въ Wachterlieder Вольфрама фонъ-Эшенбаха и въ прелестномъ эпизодѣ Ромео и Юлии, встрѣчается уже въ эпиграммахъ Мелеагра: для влюбленныхъ ночь прошла слишкомъ быстро, и они сѣтуютъ на пѣтуха, вѣщающаго утро, на Гелиоса, который злостно бросилъ на нихъ свои лучи, ὡς βάλλων ἐπ' ἐμοὶ φῶς ἐπιχαίρεχαον (стр. 102). Тѣмъ же характеромъ отличается и поэтическое накопление пожеланій: влюбленный желалъ бы быть тѣмъ-то и тѣмъ-то, лишь бы ближе къ милой. Сл. ἐγὼ δ' ἔσοπτρον εἶην,—ὅπως αἰεὶ βλέπτῃς με,—ἐγὼ χιτῶν γενοίμην,—ὅπως αἰεὶ φορῆς με (Anakreon. 22); ἐγὼ δ' ἔσοπτρον εὐρεθείην, Ζεὺ ἀναξ,—ὅπως αἰεὶ βλέπτῃς με σὺ, Καλλιγόνῃ—χιτῶν γενοίμην χρυσοπάστος ποιχίλος,—ὅπως ἔχω σοῦ θιγγάνειν τοῦ σαρχίου (Niketas Eugen., ed. Hercher, Erot. Script. II, 458);

Wollt' Gott, wär ich ein lauter Spiegelglas,
 Daas sich die allerschönste Frau
 All Morgen vor mir pflanzieret,
 Wollt Gott, wär ich ein seiden Hemdlein weis,
 Das mich die allerschönste Frau
 An ihrem Leibe trüge. (Des Knaben Wunderhorn, III, p. 109).

См. Biese, p. 144, прим. 116.

Сравненія съ народною пѣсней, которыя я могъ бы легко умножить, должны были бы указать автору на необходимость распределить запасъ своихъ выписокъ по нѣсколькимъ инымъ категориямъ и значительно измѣнить свой взглядъ на послѣдовательное развитіе эстетическаго чувства природы.

Скромное мѣсто отведено въ его книгѣ греческому роману. Съ оцѣнкой Лонга (стр. 122 и сл.) вообще нельзя не согласиться, но слѣдовало болѣе отнѣнить поэтическое значеніе этой „потенцированной эллинистической идилліи“, которая, со стороны техники Naturgefühl, заслуживала болѣе тщательнаго разбора. Уже самый замыселъ романа, разказывающаго о любви пастуха и пастушки въ глухомъ уголку Лесбоса, стоитъ въ непосредственной связи съ тѣмъ стремленіемъ къ природѣ, къ простотѣ деревенской жизни, къ „опрощенію“, которое всегда сопровождаетъ развитіе Naturgefühl. Людямъ пріѣхавшей городской жизни: „Деревня многимъ лучше“, говорятъ они: ἀγρὸς τέρφην ἄγει (Julian. Aegyptios III, p. 204, 43, у Biese, p. 115); нѣтъ

ничего лучше и приятнѣе богамъ, какъ жить земледѣліемъ: ἀμαίβεται γάρ ἢ γῆ κάλλιστα καὶ δικαιοτάτα τοὺς ἐπιμελουμένους αὐτῆς . . . . οὕτως ἄρα χαλὸν καὶ εὐδαίμονικόν καὶ θεοφιλές τὸ ζῆν ἀπὸ γεωργίας ἐστὶ (Stob. Floril. II, 336. Meib., у Вiese, р. 121). По первое откровеніе деревни, природнаго быта, воспринимаемое горожаниномъ, никогда не обходится безъ извѣстнаго, частью безсознательнаго, частью риторическаго паржа. Какъ современная намъ литература, прежде чѣмъ открыть настоящихъ крестьянъ, увлекалась пейзажами, такъ было, напримѣръ, и съ Лонгомъ. Его Дафнисъ и Хлоя павны и невинны до глупости, ихъ простота немислима именно въ пастушескомъ быту. Хлоя полюбила Дафниса, не зная того, не понимая, что съ нею дѣлается: она не ѣсть, не спитъ, забросила стадо; то блѣднѣетъ, то краснѣетъ—и это состояніе сравнивается съ состояніемъ коровы, укушенной оводомъ (οὐδὲ βοὸς οἰστρῶ πληγείσης τοιαῦτα ἔργα). Дафнисъ не знаетъ, что такое любовь; досужая Ликэна наставляетъ его въ ея тайнахъ, и онъ тотчасъ же сѣштитъ къ Хлоѣ—чтобы, промѣшкаявъ, не позабыть урока (καθάπερ δεδοικὼς μὴ βραδύνας ἐπιλάθοιτο). Судно несется вдоль берега острова, моряки поютъ, и эхо вторитъ ихъ нѣси въ лѣсу. Хлоя смотритъ то на море, то на лѣсъ и спрашиваетъ Дафниса: нѣтъ ли моря и пловцовъ и по ту сторону лѣса: она не знаетъ, что такое эхо, и Дафнисъ рассказываетъ миѣ о ней. Дафнисъ—наидеишъ, воспитанный въ пастушьей средѣ, оказывается впоследствии сыномъ богатаго человѣка. Признаніе совершилось, отецъ обрадованъ и говорить, что оставить Дафнису и другому своему сыну, Астилу, много золота, серебра и угодій, а Дафнису особливо и то мѣстечко, гдѣ онъ выросъ и пасъ своихъ возъ. Дафнисъ вскакиваетъ: „Хорошо, что ты миѣ напомнилъ о нихъ, отецъ! Чай, онѣ пять хотятъ и ждутъ, чтобы я далъ имъ знакъ моею свирѣлью“. Опъ хочетъ идти; всѣ разсмѣялись, что, ставъ бариномъ, онъ захотѣлъ быть пастухомъ.

Интересно для связи повднѣйнаго греческаго романа съ древнею лирикой слѣдующее наблюдение Визе (стр. 28, 124—5): У Сапфо юноша обращается къ дѣвушкѣ: Ты миѣ мила—и недоступна,

οἶον τὸ γλοκύμαλον ἐρεύθεται ἄκρον ἐπ' ὕσθφ
 ἄκρον ἐπ' ἀκροτάτφ λελάθοντο δὲ μαλοδρόπηγας;
 οὐ μὲν ἐχλελάθοντ', ἀλλ' οὐκ ἐδύναντ' ἐπίκεσθαι.

Неприступная дѣвушка—яблочко, млѣющее на высокой вѣткѣ дерева, которой не досталъ никто. Этотъ простой, символическій образъ разработанъ Лонгомъ въ цѣлую картинку, но такъ, что забыта именно

существенная часть: символъ дѣвушки—яблочка. „Отъ одной яблони сняли всѣ плоды, не было на ней ни яблока, ни листа, вѣтки стояли обнаженныя; одно лишь яблоко осталось на самой высокой вѣтви, большое и красивое, всѣхъ душистѣе. Садовникъ побоялся полѣзть за нимъ, либо не позаботился его снять, а быть можетъ, и сберечь его для влюбленнаго пастуха. Увидѣвъ его, Дафнисъ полѣзъ на дерево, не обращая вниманія на запретъ Хлои, которая, раздосадованная этимъ, ушла къ стаду. Взобравшись на дерево и сорвавъ яблоко, Дафнисъ принесъ его въ даръ Хлоѣ и такъ сказалъ ей, еще разгнѣванной: „Яблоко это произвели прекрасныя Горы, воспитало красивое дерево, вырѣло оно на лучахъ солнца, сохранила его судьба. Посмотрѣлъ я на него и не захотѣлъ его оставить, не то оно упало бы, и его раздавило бы пасущееся стадо, либо шипящая змѣя осквернила бы своимъ ядомъ, либо оно сгнило бы отъ времени. Ты полюбилась имъ, и оно достойно похвалы (βλεπόμενον ἐκαίνοόμενον?). Яблоко досталось Афродитѣ, какъ признаніе ея красоты; такое же приношу тебѣ и я. Свидѣтели равносильны: тотъ былъ пастухъ овецъ, я пасу козъ“. Такъ говоря онъ опустилъ яблоко ей на грудь, а она поцѣловала нагнувшася къ ней, такъ что Дафнису нечего было расканиваться въ отвагѣ, съ которою онъ полѣзъ на такую высоту: поцѣлуй былъ лучше и золотистаго яблока“.

Бизе не захотѣлъ прослѣдить развитіе Naturgefühl въ средѣ греческой же, но христіанской литературы; можетъ быть, онъ восполнить этотъ пробѣлъ во второй части своего труда, которую обѣщаетъ посвятить Римлянамъ. Это вопросъ, мало тронутый и чрезвычайно важный для всѣхъ интересующихся развитіемъ эстетическаго чувства природы на почвѣ средневѣковой и новой Европы.

Византійцевъ авторъ вовсе не затронулъ, то-есть, византійскій романъ, по скольку онъ явился продолженіемъ греческаго. Какъ подражаніе, онъ крайне слабъ, орудуетъ избитыми общими мѣстами, переполненъ риторикой; но въ немъ есть, на мой взглядъ, и новое теченіе Naturgefühl: струя народной пѣсни пробилась въ него своими образами, какъ народная сказочная схема въ содержаніе Каллимаха и Хризоррои.—Но объ этомъ при другомъ случаѣ.

Александръ Веселомейнъ.

Добіашъ (Антошъ). Синтаксисъ Аполлонія Дискола. Кіевъ. 1882.

Сочиненія Аполлонія Дискола и особенно его синтаксисъ оказали немалое вліяніе на разработку грамматики не только въ древности и въ средніе вѣка, но и до конца прошлаго столѣтія. Однако, они получили такое значеніе только вслѣдствіе популяризаціи ученій этого грамматика другими писателями; особенно же обязаны онѣ этимъ много читавшимся въ средніе вѣка сочиненіемъ: *Institutiones grammaticae* Присціана, автора, слѣдовавшаго своему греческому оригиналу, гдѣ онъ только могъ, то-есть, вездѣ, гдѣ только греческій грамматикъ разбираетъ конструкціи, свойственныя не исключительно греческому, но также и латинскому языку. А непосредственно, то-есть, въ подлинникъ, сочиненія Аполлонія мало читались, и потому оставались болѣе или менѣе неизвѣстными. Болѣе тщательно стали изучать ихъ только въ нынѣшнемъ столѣтіи, да и то только небольшое число филологовъ, сперва подъ вліяніемъ появленія важныхъ критическихъ изданій Аполлоніевыхъ сочиненій (съ 1806 по 1821 г.), публикуемыхъ знаменитымъ Иммануиломъ Беккеромъ, а затѣмъ, подъ вліяніемъ Кёнигсбергской филологической школы, обращающей (приблизительно съ начала тридцатыхъ годовъ) главное свое вниманіе на изученіе исторіи развитія грамматики въ древности. Если однако, не смотря на эти обстоятельства и на громкую славу, которою пользуется Аполлоній Дисколъ, и нынѣ рѣдкій филологъ изучаетъ его сочиненія, то причина тому—своеобразность и тяжелая форма изложенія ихъ, которая, судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ изъ древности, можетъ быть, и доставила Аполлонію прозвище Дискола (то-есть, тяжелого) ¹⁾.

Трудную задачу разобрать главное содержаніе синтаксиса этого неудобопонятнаго грамматика принялъ на себя г. Добіашъ въ сочиненіи, заглавіе котораго выписано выше, и при исполненіи своей задачи выказалъ какъ замѣчательную тщательность и добросовѣстность, такъ и отличное знакомство не только съ сочиненіями самого Аполлонія, но, какъ миѣ кажется, и съ главными явленіями относящейся къ нему литературы; къ сожалѣнію однако г. Добіашъ обнаружилъ вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточное знакомство съ приемами, свойственными грамматикѣ въ наше время.

¹⁾ *Δύσκολος*, однако, можетъ быть, онъ назывался и не по этому, а по причинѣ своего угрюмаго или неуживчиваго характера.

1. Сочиненіе г. Добіаша состоитъ, кромѣ предисловія, изъ пяти отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ, въ „Предварительныхъ замѣчаніяхъ“, онъ разбираетъ вкратцѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Аполлонія, и затѣмъ планъ и систему этихъ сочиненій, при чемъ подвергаетъ, разумѣется, критикѣ и относящіяся къ этимъ вопросамъ мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ; послѣ того авторъ переходитъ къ специально изучаемому имъ предмету, къ Аполлоніеву синтаксису. При этомъ г. Добіашъ, на стр. 8, какъ бы не хотя, однако все-таки признается, что „интересъ его (то-есть, Аполлоніева синтаксиса) болѣе историческій“, признаніе истины, которую онъ затѣмъ, кажется, совершенно забываетъ въ продолженіи своего сочиненія. Кромѣ того, здѣсь нашъ авторъ исчисляетъ разные труды новѣйшихъ ученыхъ, какъ по критикѣ текста, такъ и по толкованію содержанія Аполлоніевыхъ сочиненій. Онъ останавливается притомъ особенно на сочиненіи Э. Эгжера (котораго постоянно называетъ Эггеромъ): „*Apollopius Dyscole. Essai sur l'histoire des théories grammaticales dans l'antiquité. Paris 1864*“; разоблачаетъ несостоятельность этого сочиненія и наконецъ обѣщаетъ сдѣлать то, что не сдѣлано или сдѣлано неудовлетворительно Эггеромъ и другими предшественниками, а именно указать на научность Аполлоніева синтаксиса, изложить начала его системы, представить вкратцѣ эту систему, и наконецъ, въ видѣ приложения, изложить и планъ Аполлоніеваго сочиненія о синтаксисѣ.

По поводу указанія литературы, относящейся къ сочиненіямъ Аполлонія Дискола, г. Добіашъ, кажется, одобряетъ вполне высказанное Эгенольфомъ (въ *Jahrb. f. d. Philologie* 1878, стр. 587) полное осужденіе сдѣланнаго Алекс. Бутманномъ перевода Аполлоніева синтаксиса на нѣмецкій языкъ. Но осужденіе это, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо; думаю я такъ не потому, чтобы самъ не считалъ перевода и замѣчаній Алекс. Бутманна во многихъ случаяхъ крайне неудовлетворительными, или чтобы не считалъ вполне справедливыми многіе упреки, сдѣланные Бутманну Эгенольфомъ, а вслѣдствіе того убѣжденія, что въ переводѣ цѣлаго, весьма неудобопонятнаго сочиненія не трудно надѣлать много ошибокъ, весьма замѣтныхъ для cadaго, даже не близко знакомаго съ подлинникомъ, и которыхъ гораздо легче избѣгнуть ученому, рассматривающему только отдѣльныя стороны этого самаго сочиненія.

Хотя г. Добіашъ и полемизируетъ съ Бутманномъ въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія, и если полемизируетъ, то обыкновенно,

ниѣ кажется, не безъ основація, однако все-таки ему слѣдовало бы признать, что именно это сочиненіе не въ малой мѣрѣ было ему полезно хотя бы только указаніемъ на трудности, представляемыя самимъ текстомъ автора, а особенно при составленіи приложеннаго къ сочиненію плана Аполлоніева синтаксиса, гдѣ нашъ авторъ, нерѣдко отступая отъ мнѣній Бутманна, во множествѣ случаевъ однако не можетъ не идти по стопамъ его при разложеніи отдѣльныхъ книгъ синтаксиса на мелкіе отдѣлы. Далѣе справедливость требовала бы указать на пользу, доставляемую приложеннымъ Бутманномъ къ его переводу Аполлоніева синтаксиса указателемъ какъ техническихъ терминовъ, употребляемыхъ этимъ авторомъ, такъ и вообще свойственныхъ ему, или употребляемыхъ имъ въ особенномъ, болѣе или менѣе опредѣленномъ значеніи выражений. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объясненія указателя оказываются несостоятельными, этотъ указатель облегчаетъ намъ трудъ провѣрки объясненій и исправленій сдѣланныхъ ошибокъ.

2. Вторая часть разбираемаго нами изслѣдованія доказываетъ научность Аполлоніева синтаксиса по поводу толкованія самого начала этого сочиненія. А именно изъ различныхъ примѣровъ видно, что Аполлоній не довольствовался съ тою цѣлью, чтобы показать правильность или законность какой-либо конструкции приведеніемъ аналогическихъ примѣровъ, а требовалъ для этой цѣли выясненія тоῦ δέοντος, то-есть, настоящей необходимости, или по крайней мѣрѣ, возможности сочетанія двухъ словъ или двухъ частей рѣчи. Такое мнѣніе г. Добіаша, правда, не новость; на томъ же основаніи восхвалялъ научное направленіе Аполлонія, на примѣръ, и Эгжеръ. Но во всякомъ случаѣ, съ такимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться: вѣдь, если, какъ замѣчаетъ французскій ученый и нашъ авторъ на стр. 3 и въ другихъ мѣстахъ книги, Аполлонію нерѣдко не удалось указать на основаніе (ratio, λόγος или τὸ δέον) различныхъ разбираемыхъ имъ конструкций, то это не причина не признавать его научнаго направленія.

Въ этомъ отдѣлѣ г. Добіашъ выяснилъ два пункта, невѣрно понятые прежними толкователями Аполлонія. Подъ встрѣчаемомъ въ самомъ началѣ сочиненія выраженіемъ καταλληλότης они понимаютъ грамматическій терминъ, соотвѣствующій нашему выраженію согласованіе. Но нашъ авторъ доказываетъ, что такое понятіе этого термина слишкомъ узкое; онъ приводитъ различныя мѣста, гдѣ нельзя переводить его такимъ выраженіемъ, и гдѣ онъ совершенно соотвѣтствуетъ тому, что въ другихъ мѣстахъ передается выраженіемъ: τὸ δέον или ὁ λόγος τῶν περὶ συντάξεως. По несо-

мнѣнному, мнѣ кажется, выводу, сдѣланному изъ этихъ мѣстъ г. Добіашемъ, Аполлоній понималъ подъ *καταλληλότης* законы всякой сочетаемости словъ (а не одно согласованіе).

При этомъ же случаѣ г. Добіашъ опровергаетъ и мнѣніе Штейнталя, упрекающаго Аполлонія въ томъ, что онъ „гонялся за исправленіемъ языка“ на основаніи своей грамматической теоріи.

И тутъ, кажется, авторъ пашъ въ сущности правъ. Но съ другой стороны, нельзя не коснуться и нѣкоторыхъ пунктовъ въ этомъ отдѣлѣ разбираемой книги, относительно которыхъ обнаруживаются нѣкоторыя недоразумѣнія и со стороны г. Добіаша. Доказывалъ научное направленіе Аполлонія въ синтаксисѣ тѣмъ, что греческій грамматикъ не довольствуется оправданіемъ той или другой конструкціи, того или другаго оборота рѣчи на томъ только основаніи, что можно привести и другіе примѣры подобныхъ оборотовъ рѣчи и подобной конструкціи, нашъ толкователь Аполлонія, кажется, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотритъ на „простую аналогистику“ (напримѣръ, стр. 22: „конечно, можно было установить путемъ простой аналогистики“...). Но онъ не замѣчаетъ, или можетъ быть, вовсе не знаетъ, что теперь такая аналогичность уже сама по себѣ признается высшимъ закономъ языка, да еще не только въ этимологіи или морфологіи, гдѣ, кажется, г. Добіашъ не прочь признать ее, но и въ синтаксисѣ. Вѣдь при воспроизведеніи рѣчи всякій разъ, когда мы говоримъ, при составленіи новыхъ, но подобныхъ прежнимъ формъ и конструкцій намъ нельзя не руководствоваться примѣрами какъ формъ отдѣльныхъ словъ, такъ и типовъ различныхъ конструкцій, слышанныхъ нами и даже употребленныхъ, можетъ быть, и нами самими прежде. И если такая аналогичность какъ бы признается не только говорящимъ, но и слушателемъ, то рѣчь и понимается послѣднимъ, и такая общая говорящему и слушателю рѣчь не можетъ не считаться вполне правильною и вѣрною. И такъ, приведеніе аналогичныхъ примѣровъ не составляетъ, какъ, по видимому, думаетъ г. Добіашъ, ничтожную вышность, а напротивъ того, имѣетъ существенное значеніе при изученіи свойствъ языка. Слѣдовательно приведенное по тому поводу авторомъ мѣсто пужно понимать *cum grano salis*; ср. Дельбрюкъ *Die Grundlagen der Griech. Syntax*, стр. 1 сл.

Далѣе, для опроверженія предположенія Штейнталя, будто Аполлоній, на основаніи своей грамматической теоріи, желаетъ исправлять употребительные формы и обороты рѣчи, г. Добіашъ приводит то обстоятельство, что Аполлоній за поэтами признаетъ *ἀδεια ποιητικῆν*

(*licentia poetica*), а слѣдовательно, „рѣшительно вездѣ воздерживается отъ искаженія ихъ оригинальности“. Такъ г. Добіашъ переводитъ ἄδεια или *licentia poetica*. По моему же мнѣнію, скорѣе слѣдуетъ переводить это слово выраженіемъ: свойственный поэтамъ произволь. Вѣдь ἄδεια первоначально было политическимъ терминомъ и означало освобожденіе какого-нибудь лица отъ угрожающаго ему по закону наказанія, если оно, на примѣръ, сдѣлаетъ на вѣчѣ запрещенное закономъ предложеніе или выдастъ соучастниковъ заговора. И такъ, ἄδεια была нятянтіемъ изъ закона какого-нибудь дѣйствія или поступка при извѣстныхъ условіяхъ, она была освобожденіемъ отъ угрожающей повинному въ случаѣ нарушенія закона кары, не въ примѣръ другимъ, слѣдовательно, ἄδεια означало дозволеніе или прощеніе, при извѣстныхъ условіяхъ, запрещеннаго обыкновенно закономъ образа дѣйствія. Съ перенесеніемъ этого термина въ область грамматики онъ удержалъ однако приблизительно то же значеніе. Въ одномъ, правда, мѣстѣ стр. 206, 25 сл. у Аполлонія можно, кажется, понимать ἀδελγς не въ смыслѣ произвольный, а въ смыслѣ допустимый. И здѣсь, правда, съ этимъ словомъ соединяется представленіе о незаконномъ, не дозволенномъ, слѣдовательно, и прозвольномъ выраженіи; но все-таки представленіе о произволѣ тутъ болѣе скрытное. Δύεται, говоритъ тутъ Аполлоній,—ἡχαινο τὸ ἄπορον, ὡς τὸ ἑαυτοῦς καὶ ἐπὶ πρῶτου (sc. προσώπου) συνέβαινεν. ὅπερ ἦν αἶν (такъ, а не: αἶν ἦν читаетъ Векк.) ἐν χαίται, εἰ διηλέγχετο ὑπὸ τοῦ ἑαυτοῦς, ὡς παρὰ πρόσωπον ἡμαρτημένον. ἀνεξέλεγχτον οὖν καθεστὸς ἀδελγς ἐραν τὴν σύνταξιν κατὰ τῶν προσώπων κατεστήσατο. Въ русскомъ переводѣ это мѣсто означаетъ приблизительно слѣдующее: „Такимъ образомъ выясняется и тотъ вопросъ, какъ можетъ согласоваться ἑαυτοῦς съ подлежащимъ перваго лица (напримѣръ, въ конструкціяхъ въ видѣ слѣдующей: τόπτομεν ἑαυτοῦς). Этотъ оборотъ нужно бы было считать ошибочнымъ, если бы существовало выраженіе ἑαυτοῦς, несомнѣнно относящееся къ первому лицу, которое такимъ образомъ и служило бы явною уликою ошибки. Но такъ какъ такой улики не существуетъ ¹⁾, то можно скорѣе допустить такую конструкцію, при которой лица между собою не

¹⁾ Не можетъ не показаться намъ страннымъ, почему Аполлоній не считалъ такою уликою дѣйствительно употребительное выраженіе ἡμᾶς αὐτοῦς. Впрочемъ Георгій Хировскъ, *dictata in Theodosii canones* p. 210 Gaisf., по своему разрешаетъ этотъ вопросъ такъ, что Аполлоній такую уликою считалъ только одно *ложное слово*, а не сочетаніе двухъ словъ (!?).

согласуются". Но изъ другихъ примѣровъ, какъ напримѣръ, изъ примѣра стр. 37, приведеннаго самимъ г. Добіашемъ на стр. 28, становится совершенно несомнѣннымъ, что Аполлоній подъ этимъ выраженіемъ понималъ произволъ, дозволенный поэтамъ, какъ лицамъ, про которыхъ законы не писаны. На только что указанной страницѣ синтаксиса онъ вѣдь требуетъ, чтобы грамматикъ умѣлъ указать причину, по которой подлежатъ въ данномъ мѣстѣ поэта признавать или эллипсу, или плеоназмъ; слѣдовательно, причину, почему такіе обороты, находись они только не въ стихотворной рѣчи, должны бы были считаться неправильными. И такъ, то обстоятельство, что Аполлоній за поэтами признаетъ *ἄδεια*, нисколько не можетъ служить доказательствомъ, что онъ считалъ правильными всѣ употребительныя и всѣмъ понятныя во время употребленія ихъ обороты рѣчи, а скорѣе напротивъ.

Такое понятіе о поэтахъ, будто про нихъ законы языка не писаны, могло появиться только въ Александрійскую эпоху греческой литературы, совпадающую со временемъ процвѣтанія и грамматики въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали древніе Греки. Вѣдь въ то время и такъ-называемые поэты были большею частью ученые, писавшіе для небольшого круга такихъ же ученыхъ, каковы были они сами. Они мало заботились о томъ, чтобъ ихъ понимала и могла понимать многочисленная неученая публика, и потому нисколько не соображались ни съ понятіями, ни съ языкомъ этой, не существовавшей для нихъ публики, а подражали въ формѣ и строѣ рѣчи старинному языку поэтовъ прежнихъ вѣковъ, то-есть, языку мертвому, болѣе или менѣе понятному только для тѣхъ, кто спеціально изучалъ прежнихъ поэтовъ. А по примѣру современныхъ имъ поэтовъ александрійскіе ученые составляли себѣ понятіе и о всѣхъ прежнихъ поэтахъ, напримѣръ, и объ Омирѣ, и потому всякое отличіе ихъ языка отъ аттическаго говора или даже отъ позднѣйшаго литературнаго языка, общаго всему образованному обществу по всей приблизительно Элладѣ (*κοινὴ διάλεκτος*), принимали за произвольное отступленіе отъ него.

При такомъ взглядѣ на поэтовъ, разумѣется, было бы нелѣпо требовать отъ нихъ, чтобъ они придерживались формъ и типовъ, выработанныхъ въ современной имъ разговорной и литературной рѣчи; нельзя было требовать отъ нихъ и правильности; напротивъ того, нельзя было не признавать за ними *ἄδεια ποιητικῆς*. Такимъ образомъ признаніе за поэтами *ἄδεια* оказывается чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ признація оригинальности поэтовъ.

А такой взгляд на дѣло со стороны Аполлонія показываетъ, какъ у него, такъ и у всѣхъ грамматиковъ до нынѣшняго столѣтія, полное отсутствіе историческаго паправленія при изученіи грамматическихъ явленій. Разумѣется, нельзя и требовать отъ Аполлонія такого паправленія. Но обязанность толкователя его, который вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ и оцѣнить его ученіе, состоитъ, по моему, не только въ указаніи всего паправленія сочиненія, важнѣйшихъ хорошихъ и слабыхъ сторонъ его, да и многихъ невѣрныхъ выводовъ изъ его теоріи, но и въ указаніи причинъ и поводовъ его главнѣйшихъ недоразумѣній, а въ томъ числѣ и въ указаніи, какъ на такую причину, на не историческое пониманіе дѣла.

Но, къ сожалѣнію, этого-то именно г. Добіашъ и не дѣлаетъ не только здѣсь, но и при другихъ случаяхъ, потому что ему самому явно чуждъ историческій приѣмъ при изученіи грамматическихъ явленій, что и придется мнѣ доказывать и въ послѣдствіи. Къ сожалѣнію нельзя отрицать и того, что какъ г. Добіашу, такъ и большей части Кѣнигсбергской школы филологовъ, не исключая и ея славнаго главы, К. Лерса, новое, то-есть, историческое изученіе грамматики осталось болѣе или менѣе чуждымъ.

3. Въ третьей главѣ своего изслѣдованія нашъ авторъ доказываетъ совершенно убѣдительно, что начало Аполлоніена синтаксиса значительно отличается отъ начала Беккеровской (К. F. Bekker) теоріи предложенія. Но мало того: онъ доказываетъ и несостоятельность этой послѣдней теоріи. При этомъ все ученіе Беккера и его послѣдователей онъ рассматриваетъ какъ нѣчто нераздѣльно-цѣлое, все въ немъ признаетъ одинаково существеннымъ и не считаетъ возможнымъ выдѣлить изъ него что-либо какъ невѣрное, или по крайней мѣрѣ, несущественное. И такъ, указавъ несостоятельность различныхъ частныхъ этой теоріи, г. Добіашъ полагаетъ, что опровергъ всю новѣйшую теорію предложенія.

Что многое дѣйствительно невѣрно въ этой теоріи, между прочимъ въ томъ видѣ ея, въ какомъ многіе учителя, особенно преподаватели русскаго языка, излагаютъ, кажется, синтаксисъ въ нашихъ гимназіяхъ, въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ г. Добіашемъ,—хотя и не имъ первымъ указана эта несостоятельность многихъ частныхъ въ Беккеровской теоріи предложенія.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ разбираемаго сочиненія (ср. между прочимъ въ предисловіи и на стр. 29) усматривается мысль, что наша господствующая теоріи о предложеніи — нечто иное, какъ логическая

теорія о сужденіи и что уже этимъ самымъ фактомъ доказывается смѣшеніе у Веккера и его послѣдователей грамматики съ логикой. Это также далеко не новость. Несостоятельность такого смѣшенія этихъ двухъ областей науки давно опровергнута Штейнталемъ въ его сочиненіи: *Logik, Grammatik und Psychologie*. 1855. Но, разумѣется, Штейнталь, отвергая такое смѣшеніе, не идетъ такъ далеко, какъ нашъ авторъ; онъ, все-таки и не думаетъ отвергать понятіе о предложеніи и его составныхъ частяхъ, подлежащемъ и сказуемомъ; и также, какъ и приверженцы историческо-сравнительнаго языковѣдѣнія, по большей части отзывавшіеся о Беккеровской системѣ съ полнымъ презрѣніемъ, и онъ на самомъ дѣлѣ не отказывается отъ различныхъ добытыхъ Беккеромъ результатовъ, между прочимъ и отъ его теоріи предложенія. Напротивъ того, нашъ авторъ, отвернувшись совершенно отъ господствующей нынѣ теоріи, переходитъ окончательно въ лагерь греческаго синтаксиса, не знаяшаго предложенія, или по крайней мѣрѣ, не имѣвшаго о немъ яснаго представленія. Но посмотримъ теперь, какія ученія изъ Беккеровской синтаксической системы нашъ авторъ находитъ несостоятельными.

Мы уже упомянули, что г. Добіашъ грамматическое ученіе о предложеніи считаетъ тождественнымъ съ логическимъ ученіемъ о сужденіи. Тутъ есть вѣкоторая доля правды, но именно только доля. Какъ бы ни было трудно опредѣлить предложеніе такимъ образомъ, чтобы это опредѣленіе не совпадало, хотя бы отчасти, съ опредѣленіемъ логическаго сужденія, однако всякій, кто только понимаетъ, что по своему содержанію предложеніе можетъ соотвѣтствовать цѣлому ряду сужденій, не можетъ не согласиться съ нами, что предложеніе съ сужденіемъ не тождественно. И такъ, остается несомнѣннымъ не то, что сужденіе и предложеніе одно и то же, а только то, что форма логическаго сужденія прототипъ формы грамматическаго предложенія. Вотъ почему признавать предложеніе за основное начало всей теоріи синтаксиса—вовсе еще не будетъ, какъ думаетъ г. Добіашъ, смѣшеніемъ логики съ грамматикой.

Далѣе нашъ авторъ переходитъ къ разбору затрудненій, возникающихъ изъ предполагаемаго остова предложенія, состоящаго изъ подлежащаго и сказуемаго ¹⁾, и отъ предположенія различныхъ формъ подлежащаго и сказуемаго.

¹⁾ Этимъ и не отрицаю собственно возможности существованія — въ древнѣйшую пору—предложеній, въ которыхъ подлежащее и сказуемое составляли

Говоря о различных формах предложѣнія, нашъ авторъ имѣеть въ виду то, что подлежащее и сказуемое могутъ быть, какъ говорятъ, то распространенное, то не распространенное. Тутъ, однако, кроется недоразумѣніе. Грамматика дѣйствительно отличаетъ отдѣльное слово отъ состава словъ, изъ конхъ смыслъ одного опредѣляется или дополняется смысломъ другаго, или другихъ словъ; но будетъ ли подлежащее или сказуемое состоять изъ одного такого отдѣльнаго слова или изъ этого слова вмѣстѣ съ опредѣленіемъ или дополненіемъ, отъ этого количество составныхъ частей (членовъ) предложѣнія не измѣнится. Такъ между предложѣніями: „Братъ поѣдетъ“ и „Мой старшій братъ завтра поѣдетъ въ Москву“ вовсе не такое отношеніе, чтобы первое предложѣніе состояло только изъ главныхъ частей (членовъ) предложѣнія, а второе представляло то же самое первое предложѣніе+распространеніе подлежащаго и сказуемаго. Вѣдь въ послѣднемъ изъ двухъ приведенныхъ предложѣній подлежащимъ будетъ не одно слово: „братъ“ и сказуемымъ не одно слово: „поѣдетъ“, а слѣдовательно, и отдѣльныя слова: „братъ“ и „поѣдетъ“ не будутъ главными членами предложѣнія, между тѣмъ какъ остальные слова въ качествѣ опредѣленія или дополненія или такъ-называемыхъ распространеній ихъ не будутъ побочными членами предложѣнія. Нѣтъ, подлежащимъ въ этомъ предложѣніи будетъ: мой старшій братъ, все вмѣстѣ, а сказуемымъ—поѣдетъ завтра въ Москву, опять-таки взятое все вмѣстѣ. Точно также и цѣлыя придаточныя предложѣнія, составляющія опредѣленіе или дополненіе смысла одного или взятыхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ словъ, входящихъ въ составъ или под-

---

какое-то неразрывное цѣлое. И, разумѣется, говорю теперь не о томъ, что предложѣніе можетъ состоять изъ одного глагола, въ которомъ соединяется и подлежащее и сказуемое, но каждое изъ нихъ выражается особенною частью глагола: подлежащее—окончѣніемъ (личными и численными суффиксами), а сказуемое—глагольной основой или основой глагольнаго вида. Нѣтъ, я имѣю въ виду первоначальную рѣчь, похожую на рѣчь дѣтей, говорящихъ сначала отдѣльными словами, напримеръ, *papa, mama, прекрасный, шляпа*, ни въ одно изъ которыхъ не отличишь подлежащаго отъ сказуемаго. Это замѣчаніе сдѣлано Штейнталемъ въ его *Grundriss der Sprachwissenschaft*, I. Но такая дѣтская рѣчь, можетъ быть, еще не можетъ считаться настоящею человѣческою рѣчью; это, можетъ быть, только зачатокъ рѣчи. И такія предложѣнія дѣтской рѣчи, еще не разлагающіяся на подлежащее и сказуемое, относятся къ полнымъ предложѣніямъ съ особеннымъ подлежащимъ и особеннымъ сказуемымъ, какъ междоиметіе, выражающее одно ощущеніе, относится къ цѣлому предложѣнію, выражающему какое-нибудь представленіе или какую-нибудь мысль нашу.

лежащаго или сказуемаго, и цѣлыя такія придаточныя предложенія, говорю я, и сами какъ части входятъ въ составъ или подлежащаго или сказуемаго. Вѣдь и нашъ авторъ, приведшій господствующее мнѣніе объ остовахъ (а слѣдовательно, и о побочныхъ частяхъ) предложенія, не совсѣмъ чуждѣ изложеннаго мною только что взгляда на дѣло, когда, на стр. 32, онъ замѣчаетъ, что въ извѣстномъ случаѣ можно бы въ оборотѣ: *δύνατο ἄν ποιεῖν* принять слово „*ποιεῖν*“ скорѣе за дополненіе, чѣмъ за часть сказуемаго. И такъ, г. Добіаншъ не отрицаетъ совершенно и возможности принимать „*ποιεῖν*“ за часть сказуемаго. А въ такомъ случаѣ нельзя считать сказуемымъ одно *δύνατο* или одно *δύνατο ἄν*, взятое вмѣстѣ. Да притомъ я нахожу, что опредѣленія и дополненія подлежащаго и сказуемаго принималъ за побочныя составныя части распространеннаго предложенія не самъ Беккеръ, а только нѣкоторые изъ послѣдователей его. Беккеръ въ своей *Ausführliche deutsche Grammatik* (1843), Bd. II, § 206, стр. 6, замѣчаетъ: „*Auch besteht der ganze Satz, zu welchem Umfang er sich immer entwickeln mag, nur aus dem Subjekt und dem Praedikat*“. И такъ, предложеніе болѣе краткое не стоитъ въ такомъ отношеніи къ предложенію менѣе краткому изъ вышеприведенныхъ, чтобъ одно изъ нихъ было то же, чтó и другое—распространеніе подлежащаго и сказуемаго; нѣтъ, они совершенно никакого отношенія другъ къ другу не имѣютъ, соотвѣтствуя каждое особой мысли, въ одномъ случаѣ болѣе общей и менѣе опредѣленной, въ другомъ—мысли менѣе общей, но за то болѣе опредѣленной.

На разборѣ затрудненій, сопряженнаго съ предположеніемъ мнимаго остова и побочныхъ частей предложенія, затрудненія, котораго авторъ скорѣе только коснулся, чѣмъ высказался о немъ, я впрочемъ остановился долѣе, потому что разъясненіе этого вопроса считаю не маловажнымъ въ практическомъ интересѣ школьнаго, то-есть, элементарнаго преподаванія. А въ научномъ отношеніи упомянутое выше предположеніе ни на чемъ не основано, и я полагаю, что отъ указаннаго мною заблужденія можно совершенно отказаться, признавая притомъ все-таки истину сущности Беккеровой теоріи о предложеніи.

Другія затрудненія, соединенныя съ предположеніемъ предложенія и частей его, подлежащаго и сказуемаго,—нигдѣ кажется, отчасти только мнимыя, а отчасти въ самомъ дѣлѣ не могутъ быть ни отрицаемы, ни разрѣшаемы беккеристами, пока послѣдніе не на-

учатся разбирать предложеніе съ точки зрѣнія исторической (генетической). Но объ этихъ затрудненіяхъ придется еще говорить впоследствии по поводу такъ-называемыхъ и парктическихъ глаголовъ.

И такъ, общій выводъ изъ предшествующихъ замѣчаній состоитъ въ томъ, что надлежитъ отказаться отъ различныхъ ненужныхъ категорій, приводимыхъ зачастую въ нашихъ учебникахъ синтаксиса, но не слѣдуетъ отказываться отъ сущности Беккеровой теоріи предложенія.

Совершенно такое же заключеніе придется намъ сдѣлать и по поводу слѣдующаго замѣчанія г. Добіаша. Теоретики синтаксиса, замѣчаетъ онъ,—не проводятъ строгой границы ни между опредѣленіемъ и дополненіемъ, ни между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Что касается до послѣдняго пункта, то самъ же г. Добіашъ, на стр. 34, указываетъ на рѣшеніе этого послѣдняго вопроса. Это-то затрудненіе, говоритъ онъ,—подало поводъ (?) къ тому, что нѣкоторые, какъ Беккеръ, „обстоятельство“ и „дополненіе“ соединяютъ въ одну синтактическую категорію, называл ее просто „дополненіемъ“ (Object).

Тутъ же нашъ авторъ замѣчаетъ вѣрно—за исключеніемъ того, что употребляетъ (какъ и вездѣ) терминъ „распространеніе“, выраженіе, указывающее разумѣется, на недоразумѣніе съ его стороны,—тутъ онъ замѣчаетъ вѣрно, говоря я, что приурочиваніе „опредѣленія“ къ подлежащему и Беккероваго „дополненія“ къ сказуемому есть ни больше, ни меньше, какъ увлеченіе Беккера и его послѣдователей. „Сами они въ концѣ концовъ“, говоритъ г. Добіашъ,—„должны признаться, что „опредѣленіе“ и „дополненіе“ суть распространенія (!?) не какихъ-нибудь частей (=составныхъ членовъ) предложенія, а скорѣе распространенія частей рѣчи“. Отъ того однако, какъ понимать это дѣло—такъ ли, какъ понимаетъ его г. Добіашъ, или какъ его понимаютъ обыкновенно, отъ того вся новѣйшая теорія предложенія не разрушится. Не разрушится она и въ томъ случаѣ, если наперекоръ господствующему ученію мы не станемъ признавать никакой существенной разницы между строго отличающимися обыкновенно другъ отъ друга категоріями „опредѣленія“ и „дополненія“. Вѣдь слово, безъ прибавленія котораго въ извѣстномъ мѣстѣ предложенія мысль не была бы передана вполне, и которое, слѣдовательно, какъ бы дополняетъ передачу нашей мысли, не можетъ не быть съ тѣмъ выстѣ и точнѣйшимъ опредѣленіемъ того, что безъ этого слова было бы передано менѣе опредѣленною, слѣдовательно, и совсѣмъ другою

мысли. Отрицая такимъ образомъ существованность разницы между опредѣленіемъ и дополненіемъ, я все-таки не считаю позволительнымъ смѣшивать ихъ, такъ какъ опредѣляющее слово въ большей части случаевъ болѣе или менѣе согласуется съ опредѣляемымъ, между тѣмъ какъ такъ-называемое дополненіе ни въ какомъ случаѣ нисколько не согласуется въ формальномъ отношеніи съ дополняемымъ словомъ.

Доказавъ такимъ образомъ, или по нашему мнѣнію, не будучи въ состояніи доказать ложность и несостоятельность всей Беккеровской теоріи предложенія на основаніи недоразумѣнія относительно частностей ея, авторъ нашъ возвращается къ затронутому имъ уже въ началѣ этой главы вопросу о значеніи выраженія: αὐτοτελής λόγος, понимаемаго обыкновенно въ смыслѣ: предложеніе.

Хотя, разумѣется, есть различныя мѣста у Аполлонія, гдѣ αὐτοτελής λόγος = αὐτοτέλεια (подразумѣвай τοῦ λόγου), кажется, можно бы переводить нашимъ терминомъ: предложеніе, напримѣръ, de adv. 8°: αἱ ἀνωμοταί μετὰ ῥήματος αὐτοτέλειαν ποιῶσι: ἐγὼ γράφω. Но съ другой стороны, дѣло становится болѣе сомнительнымъ, если въ приблизительно такой же связи употребляется одно выраженіе λόγος и говорится, напримѣръ, de adv. 536, 11, что при извѣстныхъ условіяхъ καθίσταται λόγος. Значить ли это: образуется предложеніе, или: составляется смыслъ или рѣчь? Кажется, послѣдній способъ пониманія этого слова оказывается болѣе вѣроятнымъ, потому что та же самая, кажется, мысль въ другомъ мѣстѣ (de adv. 530) выражается и словомъ ἡ διάνοια.

И такъ, надлежитъ, кажется, считать совершенно основательнымъ мнѣніе г. Добіаша, что αὐτοτελής λόγος мы никакъ не въ правѣ переводить словомъ: предложеніе, какъ то дѣлается обыкновенно.

Что Аполлоній не знаетъ и категорій—подлежащаго и сказуемаго, этого г. Добіашъ не считалъ нужнымъ доказывать. Дѣйствительно, это выясняется изъ многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Аполлонія, мѣстъ, зачастую неудобополитныхъ именно по той причинѣ, что онъ не имѣлъ возможности пользоваться названіями этихъ категорій. По поводу замѣчанія Вуттмана, что Аполлоній не отличаетъ номинальнаго сказуемаго отъ номинальнаго подлежащаго, нашъ авторъ пускается въ вовсе ненужную полемику съ иѣмецкимъ ученымъ, и хотя въ ней онъ въ сущности правъ, но изъ-за нея онъ теряетъ совершенно пять своихъ мыслей. Существенный результатъ этой полемики слѣдующій: Аполлоній иначе, чѣмъ мы, разбираетъ конструкцію

глаголовъ, названныхъ имъ ὑπαρκτικά, какъ γενέσθαι, καλεῖσθαι, εἶναι, ὀνομάζεσθαι, λέγεσθαι и ихъ синонимовъ, или говоря точнѣе, понимаетъ иначе, чѣмъ мы, предложенія, въ коихъ составъ входитъ одинъ изъ такихъ ипартическихъ глаголовъ. Если, какъ замѣчаетъ г. Добіашъ, въ предложеніи: τοῦ ἃ ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστί, по нашему пониманію, подлежащимъ будетъ τοῦ ἃ ἡ ἐκφώνησις, а сказуемымъ (или сказуемымъ со связью) μεγίστη или μεγίστη ἐστί, то Аполлоній напротивъ не отдѣляетъ μεγίστη отъ ἐκφώνησις; то-есть, такое пониманіе со стороны Аполлонія мы должны бы выразить слѣдующимъ образомъ: μεγίστη составляетъ тутъ опредѣленіе имени ἡ ἐκφώνησις или скорѣе цѣлаго, состоящаго изъ словъ τοῦ ἃ ἡ ἐκφώνησις, а сказуемое, по его мнѣнію, одно ἐστί, принимаемое имъ въ смыслѣ существованія (ὑπαρκτις, оттого и названіе ипартическихъ глаголовъ).

И такъ, Аполлоній не отличаетъ такъ-называемаго существительнаго глагола ἐστί отъ прилагательныхъ (аттрибутивныхъ) и вообще, кажется, приравниваетъ ипартическіе глаголы въ сущности всѣмъ остальнымъ глаголамъ ¹⁾).

Правъ ли или не правъ Аполлоній, если онъ въ данномъ примѣрѣ считаетъ μεγίστη—чтобы выразиться ради ясности *по нашему—за часть подлежащаго, а не какъ обыкновенно нынѣ понимаютъ, за сказуемое или часть сказуемаго, объ этомъ нашъ авторъ не высказывается, по крайней мѣрѣ, прямо. Однако, по всему направленію г. Добіаша слѣдуетъ предположить, что онъ соглашается и съ этимъ мнѣніемъ Аполлонія. Но дѣло вотъ въ чемъ: наше обыкновенное пониманіе дѣла и пониманіе Аполлонія одинаково вѣрно и одинаково невѣрно, смотря по первоначальному и по позднѣйшему смыслу словъ и по первоначальному или позднѣйшему значенію составныхъ

¹⁾ Аполлоній дѣйствительно приводитъ то различіе между ипартическими и остальными глаголами на стр. 64 и др. (ср. Добіашъ, стр. 38), что ἐπὶ τῆς τοῦ, составляющее какъ бы опредѣленіе того, что мы называемъ подлежащимъ можетъ присоединяться къ опредѣляемому слову съ помощью члена въ обыкновенныхъ случаяхъ; но если въ предложеніи сказуемое образуется однимъ изъ ипартическихъ глаголовъ, то въ данномъ мѣстѣ предложенія членъ будто бы не можетъ стоять. Ср. примѣры: Διονύσιος ὁ γυναικίμος μου θέλει φιλολογεῖν и: Διονύσιος θέλει μοι γυναικίμος γενέσθαι. Я говорю: будто бы, потому что при ипартическихъ глаголахъ въ такомъ мѣстѣ предложенія иногда, хотя и гораздо рѣже, употребляется и членъ; ср. Кюнеръ, Gr. Gram. II, § 461. прим. 3 и 4. А поэтому я и считаю несущественною разницу, приводимую Аполлоніемъ какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

частей такого предложенія. Предложеніе первоначальнаго періода разбирается вѣрно Аполлоніемъ; а такое же или весьма подобное ему предложеніе временъ Аполлонія, да и еще гораздо болѣе ранней поры, вѣрно толкуется обыкновенно нами. Но ни одинъ изъ этихъ двухъ родовъ анализа не можетъ считаться вѣрнымъ для того и другаго періода времени вмѣстѣ. Вѣдь сначала *ἔστι*, будучи первоначально по ударенію еще во всѣхъ случаяхъ *ἔστι*, и ни въ какомъ случаѣ не будучи въ то время энклитическимъ словомъ, означало существованіе ¹⁾, какъ и съ другими формами, такъ-называемой связи, отчасти только первоначально, отчасти еще и впоследствии ассоціировалось и другое, какъ бы болѣе полного содержанія представленіе, какъ напримѣръ, съ корнемъ словъ *βίη*, *καφικένας*, *φῶνας*, *βίη* ассоціировалось значеніе роста, происхожденія (ср. *φωτόν*=быліе). Такъ и въ итал. *viene fatto*—*viene* первоначально имѣло то же самое значеніе, что въ выраженіи: *egli viene alla corte*, и т. д. И такъ, въ то время, когда *ἔστι* и *est* означало еще существованіе, въ предложеніи въ родѣ приведеннаго уже: *Διονύσιος ὑψίριμος μοί ἐστι* или *Cicero illo anno consul factus est*, подлежащимъ по необходимости былъ составъ словъ: *Διονύσιος ὑψίριμος μοί*, resp. *Cicero consul factus illo anno*, потому что сказуемымъ было тутъ одно *ἔστι*, а въ другомъ предложеніи *est*; вѣдь означая существованіе, *ἔστι* или *est* нисколько не отличалось отъ глаголовъ остальныхъ, отъ глаголовъ атрибутивныхъ (прилагательныхъ), какъ напримѣръ, стоять, бѣжать, кричать и т. д.; слѣдовательно, когда-то только что приведенныя предложенія не могли не означать слѣдующаго: мой знакомый Діонисій или Діонисій мой знакомый — существуетъ; Цицеронъ сдѣланный консуломъ въ томъ году — существуетъ. Вотъ какую конструкцію Аполлоній считалъ исключительно вѣрною въ оборотахъ рѣчи не только первоначальнаго періода, но и въ подобныхъ оборотахъ всѣхъ послѣдующихъ временъ, или вѣрнѣе сказать: свой анализъ такихъ предложеній онъ считалъ абсолютно вѣрнымъ, не входя въ разсмотрѣніе различнаго характера ихъ смотря по времени. По нашему же, въ позднѣйшее время, когда *ἔστι* и *est* въ соединеніи съ именемъ но означаетъ уже существованія предмета, коего представленіе когда-то ассоци-

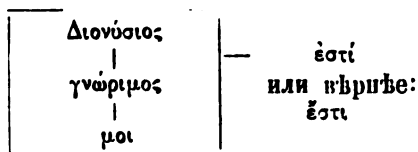
¹⁾ Не говори уже о томъ, что съ глаголомъ *ἔστι* соединялось еще раньше, по мнѣнію однихъ ученыхъ, представленіе: *дышать*, а по мнѣнію другихъ, представленіе: *пробыть* или *стоять* или *сидѣть*. Ср. *Kurrius*, Grundz. der. gr. Etymologie 5, № 564; *Fick*, Vergl. Wörterb. I, стр. 36 подъ *az*.

рвалось съ нимъ, а означаетъ только одну связь сказуемаго съ подлежащимъ или даже ничего не означаетъ, исключая развѣ лице или время, къ какому относится соединеніе сказуемаго съ подлежащимъ; если такой глаголъ (=связка) поставленъ, наиримѣръ, въ прошломъ времени; по нашему мнѣнію, въ эту позднѣйшую пору обыкновенный нынѣ анализъ такихъ предложеній исключительно вѣрнѣе.

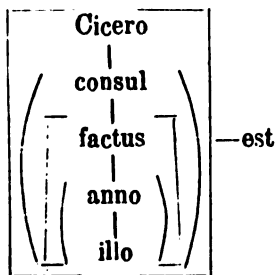
Для полной ясности изображаю графически конструкцію первоначальную и рядомъ съ нею позднѣйшую, при чемъ соединяю съ помощью скобокъ составъ нѣсколькихъ словъ, служащихъ или опредѣленіемъ или дополненіемъ другаго слова или состава словъ, или опредѣляемый составъ словъ; кромѣ того, такъ-называемое распространяющее слово (то-есть, опредѣляющее или дополняющее) ставлю подъ распространяемымъ (то-есть, опредѣляемымъ или дополняемымъ) и соединяю оба члена вертикальною черточкою, между тѣмъ, какъ между подлежащимъ и сказуемымъ провожу горизонтальную черточку:

Прежній періодъ.
Подлежащее. Сказуемое.

Позднѣйшій періодъ.
Подлежащее. Сказуемое.

Διονύσιος (γνῶριμος) ἔστι μοι

Cicero — [(consul | factus)] est. [(anno | illo)]¹⁾

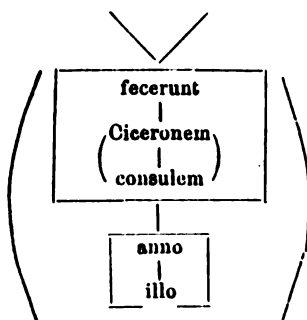
¹⁾ Что первая, то-есть, первоначальная конструкція не есть только праздный плодъ невѣрнаго теоретическаго вывода, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, нѣтъ возможности такъ выразаться; что эта конструкція совершенно возможна, говорю я, — видно изъ конструкціи при дѣйствительномъ залогѣ тѣхъ же ипартическихъ глаголовъ. Приведенный выше латинскій примѣръ употребленіи дѣйствительнаго залога приметъ слѣдующій видъ:

Въ позднѣйшемъ типѣ предложенія я не ставлю никакого знака между номинальнымъ сказуемымъ (однимъ или съ своимъ опредѣленіемъ) и *est* (*est*), потому что тутъ этотъ глаголь уже самъ по себѣ ничего не означаетъ (кромѣ развѣ: подлежащаго 3-го лица) ¹⁾.

Одинаковое отношеніе какъ между прежнею и позднѣйшею конструкціей такъ-называемыхъ ипартическихъ глаголовъ будетъ и между русскими оборотами: Онъ называется (именуется) Иванъ, что по крайней мѣрѣ первоначально значило (онъ Иванъ)—именуется (или: именуется такъ) и: Онъ именуется Ивановъ, гдѣ „Ивановъ“ не можетъ не быть ни чѣмъ инымъ, какъ дополненіемъ глагола именуется, и „(именуется Ивановъ)“ вмѣстѣ сказуемымъ къ подлежащему: онъ. Такая же разница будетъ и между (по крайней мѣрѣ первоначальнымъ) смысломъ и значеніемъ

Подлежащее. Сказуемое.

то-есть, при дѣйствительномъ залогѣ отношеніе *consulem* etc. къ *Ciceronem* одинаковое съ тѣмъ, которое мы предполагали для прежнихъ временъ между именительными подлежащими *consul factus* etc. и *Cicero*.

¹⁾ По этому поводу обращию вниманіе гг. преподавателей на то, какъ важно—для нагляднаго объясненія—прибѣгать къ графическому изображенію какъ отношеній различныхъ составныхъ частей предложенія другъ къ другу, такъ и отношеній подчиненія ихъ другъ другу или сочетанія различныхъ предложеній, входящихъ въ составъ періодовъ античной рѣчи. Примеры такихъ изображеній періодовъ, по примѣру Лемана (*Lehmann, Allgemeiner Mechanismus der Periodenbau, Danzig, 1833*), представляетъ Негелсбахъ во второй части своей Латинской стилистики. Безъ такихъ наглядныхъ изображеній фигуръ періодовъ трудно доставить возможность ученикамъ составить себѣ вѣрное понятіе во первыхъ о всемъ разнообразіи строю античныхъ періодовъ, и повторыть, обь особенной постановкѣ отдельныхъ предложеній, отчасти подчасъ и вовсе невозможной въ повѣншихъ языкахъ, напр. на родномъ языкѣ. Примеры тому можно найти также въ только что указанномъ сочиненіи.

греч., лат., франц. и русскаго предложеній: ὁ δαῖτα πρῶτος εἰς τὴν πατρίδα ἀπανήλθε; ille primus in patriam revertit; N. N. est entré le premier dans la maison; N N первый вошелъ въ домъ съ одной стороны и вѣмецкой съ другой: N. N. ist zuerst ins Haus getreten. Вѣдь πρῶτος, primus, le premier, первый суть опредѣленія имени, съ которыми они и согласуются, и вѣсть съ которыми они составляютъ подлежащее ¹⁾, между тѣмъ какъ соотвѣтствующее слово нѣмецкое zuerst явно въ качествѣ нарѣчія составляетъ дополненіе глагола ist getreten или вѣрнѣе состава словъ: ist ins Haus getreten и вѣсть съ нимъ составляетъ сказуемое. Во второй періодъ развитія πρῶτος, primus, le premier, первый не составляютъ болѣе, какъ полагалъ Аполлоній, и какъ полагаетъ понинъ г. Добіашъ (замѣтимъ встать, что и Аполлоній, и г. Добіашъ часто до того не ясны, что никакъ не разберешь, что именно мѣнія тотъ или другой), составной части подлежащаго,

¹⁾ Изъ всего приведеннаго выше можно сдѣлать слѣдующее заключеніе объ употребленіи именит. падежа. Въ индо-европейскихъ языкахъ форму имен. падежа принимаютъ подлежащія предложенія, а также, разумѣется, и согласуемыя съ ними опредѣленія ихъ, входящія вѣсть съ опредѣленнымъ словомъ въ составъ подлежащихъ (то-есть атрибуты и приложенія, apposita); да, кромѣ того, новоторыхъ, сказуемое, если сказуемое образовано однимъ именемъ (то-есть, безъ ипартического глагола), напримѣръ, οὗκ ἀγαθὸν κολοχοραχίῃ или *vititit jus vitita iajuria*—ты правъ. О такого рода предложеніяхъ рѣчь еще впереди, и втретьихъ, названія представленій, къ которымъ обращена рѣчь, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если правъ Т. Беноей (ср. его сочиненіе о зват. падежѣ въ *Abh. der Göttinger Ges. d. Wissensch.* t. 17, 31), доказывающій, что всѣ особыя формы звательнаго падежа нечто инос, какъ чисто фонетическое измѣненіе формъ именит. падежа. (Согласно съ этимъ явленіемъ и употребленіе въ имен. падежѣ опредѣленія зват. падежа, какъ напримѣръ, Ζεῦ πάτερ Ἰδῆθεν μεδίων, а также и сочетаніе, то-есть, параллельное употребленіе звательн. съ именит., о чемъ ср. *Дельбрюкъ* въ *Grundzüge d. Gr. Synt.*, стр. 28).

Въ позднѣйшій же періодъ тѣхъ же языковъ употребленіе имен. пад. нѣсколько шире. Въ это время его форму вѣють, кромѣ частей предложеній, вычисленныхъ выше подъ №№ 1 и 2 въ 3, и названіе представленія, къ которому обращена рѣчь во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, если не существуетъ особой формы зват. пад., отличнаго отъ именительнаго того же самаго слова; да не рѣдко и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ употребляется и особая форма звательн. падежа; ср. *Кюннеръ*, *Ausf. Gr. Gr.* II s. 43, 2; *Grotendorf-Krüger*, *Gr. d. lat. Sprache* (1842) § 299, 2. Но кромѣ того, а это и составляетъ отличительную черту позднѣйшаго періода—четвертыхъ, въ именительномъ падежѣ ставится и такъ-называемое *номинативное сказуемое*, то-есть, какъ мы указали и выше, какъ бы нечто въ дополненіе страдательнаго залога ипартическихъ глаголовъ.

такъ что они въ это время дѣлаются какъ бы дополненіями глагола. Это видно изъ многочисленныхъ мѣстъ такихъ, каковы, напримѣръ, у Эскила S. ad v. Th. 535: ἡ τᾶν πανώλεις καυχάως τ' ὀλοίατο, или изъ подобныхъ примѣровъ сродныхъ языковъ, напримѣръ, русскаго: „Онъ первый да совершенно неожиданно вошелъ въ мою комнату“. Въ этихъ примѣрахъ: κρῶτος и первый удерживаютъ форму именительнаго падежа, требовавшуюся первоначальной конструкціей слова въ предложеніи, но по смыслу составляютъ уже дополненіе глагола (и съ нимъ вмѣстѣ составляютъ сказуемое), а потому-то только и могутъ ставиться параллельно съ нарѣчіями καυχάως и неожиданно. А послѣдняя форма предложеній, въ которыхъ сказуемое состоитъ изъ связи или изъ любого инвариантнаго глагола и такъ-называемаго номинальнаго сказуемаго,—явленіе только позднѣйшее, которое и не могло еще существовать, напримѣръ, въ то время, когда корень слова бы-тъ, πεφωκέναι имѣлъ значеніе роста; вотъ почему и нельзя предполагать, какъ то дѣлается обыкновенно, будто въ предложеніяхъ, приведенныхъ выше: οὐκ ἀγαθὸν πολυχοιρανίη или *sunt sum jus summa injuria*, или: ты правъ,—будто въ нихъ пропущена связь: ἐστί, est, есть (еси). Въ нихъ никакого пропуска нѣтъ, хотя въ позднѣйшее время предложеніе: *ργαεσлага sunt гага* будетъ имѣть совершенно такое значеніе, какъ и болѣе древняя форма того же предложенія: *ργαεσлага гага*. Вотъ почему эту древнюю форму (то-есть, безъ связи) удерживаютъ особенно пословицы и поговорки, сохраняющія какъ отчасти воззрѣнія давнишнихъ уже временъ, такъ перѣдко и древнія формы рѣчи. Согласно съ только что сказаннымъ отдѣлу грамматикъ, гдѣ толкуется о пропускѣ (эллипси) связи ἐστί или est и sunt, требуютъ измѣненія и исправленія.

Такъ какъ приходится почти постоянно упрекать г. Добіаша въ томъ, что онъ разбираетъ рѣчь не исторически, то справедливость требуетъ замѣтить, что то, что мы только что развивали подробно, указано одинаковымъ приблизительно образомъ и въ его примѣч. на стр. 125 сл. Здѣсь и опъ отличаетъ первый типъ рѣчи: *βλαβερὰ πολυχοιρανία* отъ втораго типа: *βλαβερὰ ἐστί πολυχοιρανία*; отрицаетъ въ первомъ типѣ предполагаемый обыкновенно пропускъ (эллипсу) ἐστί и констатируетъ ослабленіе значенія существованія этого самаго слова въ послѣднемъ предложеніи. Однако, это чѣтъ ли не единственное мѣсто, гдѣ авторъ становится на историческую точку зрѣнія, чѣмъ, разумѣется, онъ въ этомъ случаѣ и отстываетъ отъ Аполлонія.

Сожалѣть мо: . . . . .го онъ эту замѣтку помѣщаетъ не тамъ, гдѣ разбираетъ конструкцію ипаретическихъ глаголовъ, а лишь гораздо позже— въ примѣчаніи къ страницѣ, излагающей мысли, можетъ быть, вполне вѣрныя, но недоступныя мнѣ по ихъ неясности.

И такъ, всѣ эти замѣчанія, сдѣланныя г. Добіашомъ на стр. 35 и сл. ради полемики съ Буттманомъ, не имѣютъ, мнѣ кажется, никакой точно опредѣленной цѣли и не выясняютъ ничего болѣе, кромѣ того, что у Аполлонія не было яснаго понятія о предложеніи, о подлежащемъ и сказуемомъ, что впрочемъ, по моему мнѣнію—несогласному съ мнѣніемъ г. Добіаша—составляетъ не только важный, но и самый главный, самый существенный пробѣлъ въ синтаксисѣ Аполлонія.

Намъ не можетъ не казаться крайне неловкимъ, крайне сбивчивымъ употребить тамъ, гдѣ по нашему дѣло идетъ о предложеніи, выраженіе λόγος или λόγος αὐτοτελής, что можетъ вѣдь выразить, какъ отдѣльную мысль, такъ и цѣлую рѣчь, сказанную, на примѣръ, въ судѣ или на вѣчѣ, и можетъ быть, длившуюся часовъ семь или восемь. Можно было бы привести изъ текста Аполлонія множество примѣровъ такой сбивчивости выраженія; но они уже имѣются у Эгжера и Буттмана.

4. Перейдемъ теперь къ разбору четвертой части книги г. Добіаша, къ отдѣлу озаглавленному: Система Аполлоніева синтаксиса.

Не говоря ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ, ни объ отношеніи другихъ словъ къ тому или другому, Аполлоній имѣетъ дѣло исключительно со словами (φωναί), составляющими λόγος или λόγος αὐτοτελής, и съ отношеніемъ ихъ другъ къ другу, въ томъ смыслѣ, что смыслъ одного можетъ опредѣляться или дополняться смысломъ другаго или можетъ и не требовать такого опредѣленія или дополненія; а такъ какъ подобное отношеніе зависитъ и отъ категорій, къ которымъ они принадлежатъ, то и вопросъ о раздѣленіи словъ на категоріи, на части рѣчи вполнѣ вносится Аполлоніемъ въ синтаксисъ. И это вполне оправдываетъ г. Добіаша, порицая притомъ Эгжера за непониманіе того, что Аполлоній Дисколъ съ своей точки зрѣнія и не могъ поступать иначе.

Здѣсь авторъ нашъ указываетъ, что какъ дѣленіе словъ на части рѣчи, такъ и отношенія ихъ другъ къ другу, основываются, по мнѣнію Аполлонія, на ихъ значеніи (τὸ δηλούμενον). Г. Добіашъ разбираетъ и въ сущности одобряетъ всю Аполлоніеву симасіологическую классификацію словъ. Притомъ онъ не обращаетъ вниманія на совершенную невозможность провести такую классификацію исключительно

на основаніи синмасіологіи и забываетъ, что древніе, при развитіи грамматики изъ философіи, или точнѣе говоря, изъ логики, не могли не обращать свое вниманіе преимущественно на значеніе словъ, а потому и не могли еще раздѣлять ихъ на категоріи, за нѣкоторыми исключеніями, на основаніи ихъ формъ, между тѣмъ какъ теперь, вслѣдствіе значительныхъ успѣховъ въ фонологіи и морфологіи языковъ сравнительно съ малымъ развитіемъ синтаксической части грамматики, мы не можемъ отказываться отъ принятія въ основаніе дѣленія словъ на категоріи и особенностей ихъ формъ. И такъ, если Аполловіи свое дѣленіе словъ на части рѣчи основывалъ преимущественно на ихъ значеніи, а не на ихъ формѣ, то онъ поступалъ такъ не потому, что считалъ принятое имъ основаніе дѣленія исключительно вѣрнымъ, а по причинѣ невозможности для него и для его времени брать въ основаніе морфологическія примѣты, за немногими исключеніями. На все это г. Добіашъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, не смотря на то, что при дѣленіи словъ на самыя крупныя группы, на *κτωτικά*, *ρήματα* и *ἄκλιτα*, какъ признается онъ самъ, основаніе Аполлоніева дѣленія не есть синмасіологическое, а морфологическое, то-есть, такое основаніе, которое преимущественно, хотя и не исключительно, принимается и въ новѣйшее время.

Для надлежащей оцѣнки Аполлоніева дѣленія словъ на категоріи г. Добіашу слѣдовало бы сличить классификацію Аполлонія съ классификаціей новѣйшею, на примѣръ, въ отличномъ сочиненіи Леопольда Шрёдера: *Die formelle Unterscheidung der Redetheile im Griech. u. Lateinischen*, Doupat 1874; ср. и сочиненіе Жоли (Jolly, Julius) о неокончательномъ въ индо-европейскихъ языкахъ. Но ничего подобнаго нашъ авторъ не дѣлаетъ.

По поводу склоняемыхъ и спрягаемыхъ словъ (тѣ *κτωτικά* и *ρήματα*, то-есть, именъ и глаголовъ) г. Добіашъ разбираетъ подробно, на примѣръ, какъ основаніе названій отдѣльныхъ падежей, залоговъ, временъ и т. д., такъ и главное, основное значеніе ихъ, обуславливающее всѣ различныя употребленія ихъ. И въ этомъ отдѣлѣ, содержащемъ въ частностяхъ не мало дѣльныхъ, и какъ мнѣ кажется, вполне вѣрныхъ замѣчаній, авторъ не стоитъ на высотѣ нынѣшней науки, но на той точкѣ зрѣнія, съ которой нѣкогда разбиралъ употребленіе падежей, временъ, наклоеній, на примѣръ, Мадвигъ въ своемъ Греческомъ синтаксисѣ, въ своей Латинской грамматикѣ и въ своихъ *Bemerkungen übereinige Punkte der griechischen Wortfügungslehre*,

Göttingen, 1848. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Мадвигъ старался дать общее опредѣленіе значенія, наприимѣръ, отдѣльныхъ падежей, съ которымъ согласовались бы всѣ частные случаи употребленія его; а такія опредѣленія не могли не быть крайне туманными по меньшей мѣрѣ, а на самомъ дѣлѣ и совершенно произвольными. Теперь стало понятнымъ, что мы не въ правѣ признавать какое-нибудь понятіе отдѣльнаго падежа за основное, то-есть, за могущее объяснить всѣ частные случаи употребленія его, а можно и надлежитъ признавать первоначальное значеніе или первоначальныя значенія падежа, времени и т. д., которыхъ однако положительно знать намъ не дано, но которыми могли бы объясниться первоначальные типы употребленія даннаго падежа, времени и т. д., на основаніи коихъ и по аналогіи съ коими образовались затѣмъ новыя типы, послужившіе въ свою очередь такими же примѣрами при составленіи все новыхъ да новыхъ типовъ употребленія даннаго падежа. Притомъ не трудно понять въ наше время и то, что позднѣйшіе типы могутъ все болѣе отдаляться отъ сходства съ первоначальными типами, такъ что между значеніемъ падежа, выводимымъ изъ позднѣйшихъ типовъ употребленія его, и первоначальнымъ значеніемъ его можетъ не быть ничего общаго; такимъ образомъ во многихъ случаяхъ не возможно будетъ опредѣлить основное значеніе падежа; да во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права предполагать его, покуда это не выяснилось изъ значительнаго ряда типовъ различныхъ временъ—и такъ какъ въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ сравненія сродныхъ языковъ—и въ различныхъ изъ этихъ языковъ. Ср. объ этомъ вопросѣ Дельбрюка, Gr. Synt. 1 сл. Но разумѣется, этого не могъ понимать Аполлоній, да къ сожалѣнію, этого не понимаетъ и нашъ новѣйшій толкователь-послѣдователь его. Какъ на одну изъ характерныхъ особенностей этого отдѣла книги г. Добіаша, укажу на приведенныя имъ на стр. 180 результаты, выведенныя изъ Аполлоціева ученія о частяхъ рѣчи: 1) πρότερος (предлогъ) не признается за особую часть рѣчи; а также 2) и нарѣчіе ἐπίρρημα; 3) вопреки ученію греческихъ грамматиковъ, а въ томъ числѣ и Аполлонія Дискода, таковою считается признаваемое въ качествѣ особой части рѣчи уже римскими грамматиками междометіе, interjectio; 4) признается особая часть рѣчи, подъ названіемъ ἄκλιτος; далѣе въ 5) ἄκλιτα раздѣляются: а) на именныя не склоняемыя слова, выражающія мѣсто или способъ или степень, и б) на наклонительныя (?!) частицы, наприимѣръ, ἔν.

Эти выводы сдѣланы не самимъ Аполлоніемъ, а толкователемъ его на основаніи ученія греческаго грамматика о частяхъ рѣчи. Они по большей части, какъ кажется г. Добіашу—по крайней мѣрѣ такъ я его понял—не противорѣчатъ въ сущности ученію Аполлоніа. Но вообще въ этомъ отдѣлѣ г. Добіашъ не довольствуется простою передачей ученія Аполлоніа, но и дополняетъ его въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по мнѣнію нашего автора, Аполлоній не сдѣлалъ послѣднихъ выводовъ изъ своей теоріи, или исправляетъ его тамъ, гдѣ такіе выводы греческаго грамматика кажутся г. Добіашу невѣрными.

Такъ, даже при исчисленіи устатовленныхъ уже до Аполлоніа частей рѣчи, на стр. 78, нашъ авторъ не можетъ удержаться отъ постановки вопросительнаго знака послѣ различныхъ вычисляемыхъ имъ категорій—то потому, что по своимъ соображеніямъ, наперекоръ Аполлонію, онъ ту или другую категорію не считаетъ возможнымъ признавать, какъ на примѣръ, членъ, то потому, что не признаетъ термина, то-есть, самаго названія другой категоріи, какъ ἐπίρρημα, нарѣчіе, то наконецъ потому, что другія категоріи онъ самъ впервые вноситъ въ этотъ списокъ.

Далѣе, какъ разъясняетъ г. Добіашъ, синтаксической строй рѣчи по Аполлонію состоитъ въ слѣдующемъ: отъ одного пункта, отъ личнаго глагола (ῥήμα) исходитъ вся цѣльная рѣчь такимъ образомъ, что или смыслъ личнаго глагола требуетъ еще дополненія или опредѣленія смысломъ имени въ именительномъ или въ такъ-называемыхъ косвенныхъ надежахъ, то-есть, нашего подлежащаго и нашего дополненія, а смыслъ именъ требуетъ опять дополненія смысломъ опредѣляющаго слова, прилагательнаго, смыслъ же этого послѣдняго слова—опять дополненія въ видѣ нарѣчія и т. д.

И такъ, если при разборѣ строя предложенія въ наше время мы выходимъ отъ двухъ пунктовъ, отъ подлежащаго и сказуемаго, согласуемыхъ болѣе или менѣе другъ съ другомъ, то-есть, какъ бы равноправныхъ, то по синтаксической системѣ Аполлоніа одинъ личный глаголъ играетъ главную роль въ его цѣльной рѣчи, и даже то, что мы называемъ подлежащимъ, подчиняется ему, служа ему опредѣленіемъ или дополненіемъ, чтобы употребить термины нашего времени. А эту главную роль Аполлоній даетъ именно глаголу, и глаголу одному, а такихъ предложеній, каковы приведенныя выше οὐκ ἀγαθὸν κολοχορανίη или summi jus summa injuria, онъ въ своихъ сочиненіяхъ вовсе не беретъ въ расчетъ.

И такъ, Аполлоніева цѣльная рѣчь слагается изъ глагола и его дополненій (или опредѣленій) въ первой или изъ первой и второй и т. д. степени.

Оставивъ въ сторонѣ менѣе важные пункты, замѣтимъ, что, какъ доказываетъ г. Добіашъ на стр. 180 и сл., Аполлоній отличалъ отъ простой рѣчи (по нашему—простого предложенія) и сложную рѣчь (по нашему—сложное предложеніе).

Въ концѣ рассмотрѣнной главы нашъ авторъ признается, что „синтаксисъ Аполлонія не есть методическое изложеніе всей синтактической системы, а есть только разрѣшеніе отдѣльных синтактическихъ вопросовъ на основаніи симасіологической системы синтаксиса“. И такъ, изложенная г. Добіашемъ система собственно не разборъ системы, данной самимъ Аполлоніемъ, а только выводъ, сдѣланный нашимъ авторомъ изъ разбросанныхъ, какъ въ синтаксисѣ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, ученій Аполлонія.

Тому, кто убѣжденъ, что точка зрѣнія Аполлонія, чуждая историко-сравнительнаго направленія при разборѣ явленій языка, не можетъ приводить къ вѣрнымъ результатамъ, тому большая часть этого отдѣла покажется лишнею; вотъ почему и мы, признаемся, не только не поняли различныхъ частныхъ подробностей этой главы, но даже въ различныхъ случаяхъ и не интересовались ими, а потому нерѣдко и не старались понять ихъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ мы замѣтили уже выше, и въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается не мало несомнѣнно вѣрныхъ замѣтокъ; но къ сожалѣнію, рядомъ съ ними есть и такія, которыя представляютъ не что иное, какъ только результаты недоразумѣнія со стороны нашего автора. Странно, что отчасти именно такими замѣтками нашъ авторъ, кажется, особенно дорожитъ.

Къ такимъ совершенно неудачнымъ частямъ принадлежитъ, напри- мѣръ, изложеніе теоріи временъ греческаго глагола, дѣлаемое г. Добіашемъ на стр. 128 и сл. О всей этой теоріи я не стану распространяться: она въ сущности ничѣмъ не отличается отъ изложе- нія употребленія временъ въ любомъ изъ даже вполне отсталыхъ элементарныхъ учебниковъ; да кромѣ того, считаю и лишнимъ возвращаться къ разбору вопросовъ, о которыхъ уже говорилъ въ своемъ переподѣ «Началъ греческой этимологіи Курціуса» (стр. 248, примѣ- чаніе 7, а также слѣд. страницы и приложенія къ нимъ), гдѣ я из- ложилъ въ общихъ чертахъ свой взглядъ на теорію видовъ, а вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, и время греческаго глагола. Считаю, однако, не лишнимъ обратить вниманіе читателей на примѣч. 2-е на стр. 130 книги г. Добіаша, гдѣ онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Наше дѣленіе временныхъ оттѣнковъ дѣйствія и логически и фактически полное (?!). Противъ полноты этого дѣленія можно возразить слѣдующее: вопервыхъ, скажутъ намъ, не внесено въ него начинаніе дѣйствія (начинаніе, длительность, окончаніе—вотъ собственно логически полный рядъ нашей классификаціи), а вовторыхъ, и т. д.... Что же касается начинанія дѣйствія, то его въ нашу классификацію вносить не слѣдуетъ, такъ какъ въ дѣйствительности личные глаголы не имѣютъ средствъ выразить какимъ-нибудь простымъ видоизмѣненіемъ формы это начинаніе (оно должно быть выражаемо всегда особыми словами въ родѣ ἀρχομαι и т. д.); хотя наши грамматики устанавливають такъ-называемый aoristus ingressivus, однако этотъ aoristus ingressivus, собственно говоря, не обозначаетъ начинаніе, а скорѣе окончаніе дѣйствія (когда ἐβασιλευσε переводятъ: онъ сталъ царемъ, то мы должны видѣть здѣсь выраженнымъ не начало царствованія, а окончаніе воцаренія)“.

Вопервыхъ, почему г. Добіашъ полагаетъ, что его дѣленіе полно и въ логическомъ, и въ фактическомъ (?!) отношеніи? Вѣдь далѣе онъ указываетъ же, что собственно полный рядъ классификаціи долженъ былъ бы содержать въ себѣ и не указавшую имъ въ предыдущемъ категорію начинанія дѣйствія; а затѣмъ во второй половинѣ своего примѣчанія онъ излагаетъ, что логически требуемая категорія начинанія дѣйствія въ греческомъ языкѣ будто бы не выражается простою глагольною формою, а слѣдовательно, логическая полнота при вычисленіи оттѣнковъ времени дѣйствія оказывается и совершенно излишнею. Вовторыхъ, нельзя отрицать того факта, что мгновенный видъ (такъ-называемый аористъ) означаетъ и вступленіе дѣйствія, на томъ основаніи, что въ греческомъ языкѣ будто бы нѣтъ особой простой (неописательной) формы, свойственной спеціально этому значенію. Но вѣдь далеко не всѣ категоріи или оттѣнки понятій въ человѣческой рѣчи ассоціированы съ особыми словами или формами словъ, какъ обыкновенно полагаютъ дилеттанты въ дѣлѣ грамматики. Втретьихъ, и отрицаніе значенія начинанія въ такъ-называемомъ aoristus ingressivus на томъ основаніи, что ἐβασιλευσε будто бы означаетъ не начинаніе, а окончаніе дѣйствія, опять-таки ни болѣе, ни менѣе какъ простое недоразумѣніе со стороны нашего автора. Онъ былъ бы въ правѣ утверж-

дать это только въ томъ случаѣ, если бы βασιλεύειν во всѣхъ глагольныхъ формахъ означало воцаряться, еслибъ, напримѣръ, и βασιλεύω можно было бы переводить: я воцаряюсь = становлюсь царемъ, и ἐβασιλεύουν = я воцарялся = становился царемъ и т. д. Въ такомъ случаѣ и ἐβασιλεύσα, въ значеніи я воцарился = сталъ царемъ означало бы дѣйствительно не начинаніе, а пожалуй окончаніе дѣйствія (воцаренія). Но вѣдь пѣ томъ-то и дѣло, что βασιλεύειν во всѣхъ другихъ видахъ (слѣдательно, и во временахъ) означаетъ не воцаряться, а царствовать, а значеніе: воцариться = стать царемъ, вступить на царскій престолъ свойственно именно только одному виду, такъ-называемому *aristus ingressivus* ¹⁾.

5. Въ заключеніе своего сочиненія г. Добіашъ излагаетъ весь планъ разбираемаго имъ Аполлоніева сочиненія о синтаксисѣ. При неясности, сбивчивости и отрывочности изложенія Аполлонія, при его привычкѣ вставлять тамъ и сямъ экскурсы на экскурсы въ область, не относящуюся къ разбираемымъ вопросамъ, безъ указанія на то, гдѣ начинается такая вставка, и гдѣ она кончается, указаніе плана его сочиненія и нити мыслей въ немъ особенно полезно для будущихъ читателей греческаго грамматика.

При составленіи такого плана пужно было разбивать книги Аполлонія на мелкіе отдѣлы, коихъ предѣлы нисколько не согласны съ удержанными въ изданіи И. Беккера прежними раздѣленіями текста на главы. Такое новое раздѣленіе текста синтаксиса считалъ нужнымъ сдѣлать, какъ Буттманъ въ нѣмецкомъ переводѣ Аполлоніева синтаксиса, такъ и Рихардъ Шнейдеръ въ изданіи остальныхъ сочиненій того же автора. Нашъ ученый и въ этомъ отношеніи поступалъ, сколько я замѣчалъ, съ надлежащею тщательностью и во многихъ случаяхъ вполне независимо, такъ что приходилъ отчасти къ результатамъ, отличнымъ отъ результатовъ Буттмана, отъ раздѣленія котораго онъ и отступаетъ нерѣдко; но разумѣется, во многихъ случаяхъ онъ не могъ не слѣдовать по стопамъ своего предшественника. Въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія, гдѣ нашъ авторъ указываетъ на всѣ отдѣльныя мысли Аполлоніева синтаксиса въ томъ

¹⁾ Если, можетъ быть, иногда и совершенному виду свойственно значеніе вступленія дѣйствія, то-есть, совершеніе (окончаніе) вступленія дѣйствія въ отличіе отъ значенія дѣйствія и предстоящаго вида—на что по сію пору, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не указывалъ, но о чемъ было бы неумѣстно здѣсь распространяться,—то и въ такомъ случаѣ г. Добіашъ не правъ, когда не признаетъ этого значенія за формами игновеннаго вида.

порадѣ, въ которомъ онѣ изложены самимъ авторомъ, онъ не могъ не указывать зачастую на невѣрность, несостоятельность мнѣній и доводовъ его, на основаніи которыхъ они выставлены, вообще на то, относительно чего самъ не соглашается съ греческимъ авторомъ. Тутъ читаешь даже замѣтки въ родѣ: „какая софистика!“ или „странное объясненіе, не вяжущееся съ такимъ-то мѣстомъ“.

6. Форма изложенія въ разбираемомъ ученомъ трудѣ весьма тяжелая, въ чемъ можетъ каждый убѣдиться прочитавъ не болѣе трехъ-четырехъ страницъ его. Происходитъ эта непонятность изложенія, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе педантическаго старанія автора во всякомъ случаѣ передать свою мысль во всѣхъ ея оттѣнкахъ совершенно точно. Такая точность вещи, разумѣется, немаловажная въ научномъ отношеніи, но и тутъ

*est modus in rebus, sunt certi denique fines,
quos ultra citraque nequit consistere rectum.*

Чтобы выразиться вполне точно, нашъ авторъ иногда прибѣгаетъ, какъ мнѣ кажется, безъ нужды то къ употребленію словъ, крайне рѣдко употребляемыхъ въ русской литературной рѣчи, какъ напримѣръ, двоица, то къ употребленію совершенно новыхъ, имъ самимъ придуманныхъ терминовъ, какъ напримѣръ, дѣ ли л о, слова, образованнаго по примѣру слова мѣ р и л о.

Непріятно поражаетъ при чтеніи разбираемой книги то, что авторъ ея считаетъ нужнымъ удерживать въ русскомъ текстѣ греческіе грамматическіе термины, какъ напримѣръ, выраженіе *καὶ ὅτι* въ смыслѣ нашихъ грамматическихъ „правилъ“, или выраженіе *τεχνικῶς* въ смыслѣ греческаго *τεχνικῶς*, то-есть, грамматикъ.

Если по своей серьезности и тщательности трудъ г. Добіаша не бесполезенъ въ научномъ отношеніи, если въ немъ различные пункты грамматической теоріи Аполлонія выяснены лучше, нежели они были выясняемы понинѣ, то по тяжелому изложенію онъ едва ли пойдетъ много читателей. Да и то обстоятельство, что точка зрѣнія нашего толкователя къ сущности не выше точки зрѣнія разбираемаго имъ оригинала, дѣлаетъ отнюдь не лишнимъ новый анализъ грамматическихъ сочиненій Аполлонія, анализъ ихъ съ точки зрѣнія новѣйшей грамматической науки, и притомъ болѣе ясно изложенный и болѣе доступный всякому образованному человѣку, а не одному только грамматикъ-специалисту.

И. Любешинъ.

По поводу рецензии на издание Писцовой книги Гродненской экономии.

(Замѣчанія Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ).

Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ помѣщена рецензія г. Пташицкаго на сдѣланное Виленскою комиссіей для разбора и изданія древнихъ актовъ изданіе Писцовой книги Гродненской экономии, при чемъ рецензентъ заявляетъ, что издательскій трудъ комиссіи кажется ему неудовлетворительнымъ. Комиссія находитъ необходимымъ представить по этому поводу нижеслѣдующія разъясненія.

Прежде всего должно замѣтить, что составитель рецензіи направилъ всѣ свои обвиненія противъ составителя предисловія, котораго и считаетъ отвѣтственнымъ редакторомъ за все изданіе. Въ дѣйствительности же составитель предисловія есть только членъ комиссіи, а редакція изданія всецѣло принадлежитъ всей комиссіи въ полномъ ея составѣ. Въ разныхъ мѣстахъ своей рецензіи г. Пташицкій высказываетъ свои неудовольствія противъ составителя предисловія, отчего, напримѣръ, онъ, располагая архивнымъ матеріаломъ, не предпослалъ писцовой книгѣ „точного систематическаго описанія Гродненской экономии“; отчего онъ не представилъ филологическаго изслѣдованія о языкѣ древняго польскаго памятника, а ограничился только краткими, „ни съ чѣмъ несообразными указаніями“ на разнообразную орфографію однихъ и тѣхъ же словъ этаго памятника? Подробныя научныя изслѣдованія издаваемыхъ Виленскою комиссіей актовъ, на основаніи такихъ или другихъ томовъ ея изданій, касающихся различныхъ сторонъ знаній (исторіи, географіи, этнографіи, права, филологіи, экономической жизни) вовсе не входятъ въ кругъ ея официальныхъ занятій; они даже по существу своему были бы или преждевременны, или поверхностны: они ждутъ ученыхъ трудовъ, ученыхъ спеціалистовъ. Задача комиссіи исчерпывается главнымъ образомъ разысканіемъ и изданіемъ въ свѣтъ замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи актовъ. Вотъ почему и составители предисловія къ изданіямъ комиссіи не представляютъ въ нихъ „точныхъ систематическихъ изслѣдованій“ по тѣмъ или другимъ отрас-

лямъ знаній, а указываютъ только въ общихъ чертахъ, иногда кратко и отрывочно, на различное значеніе выходящихъ въ свѣтъ актовъ. А такъ какъ составители предисловій не лишены права выражать и свои личныя воззрѣнія по поводу разныхъ документовъ, то и работы ихъ по части составленія предисловій не имѣютъ юридическаго значенія актовъ, а отличаются характеромъ частныхъ литературныхъ изслѣдованій. Вотъ почему такія или другія погрѣшности предисловій, проявляющіяся ли въ формѣ корректурныхъ недосмотровъ, или же ошибочныхъ мнѣній и воззрѣній, не могутъ имѣть вліянія на достоинство и историко-юридическую состоятельность самого изданія (то-есть, текста).

Г. Пташицкій указываетъ главнымъ образомъ на слѣдующіе недостатки изданія Писцовой книги: 1) небрежное отношеніе къ хронологическимъ датамъ нѣкоторыхъ документовъ; 2) отсутствіе между нѣкоторыми документами „видимой виѣшней и внутренней связи“; 3) корректурныя погрѣшности и неточное толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ подлинника въ предисловіи; 4) несообразныя замѣчанія составителя предисловія по части языка изданныхъ памятниковъ, и 5) пропуски и неудовлетворительное составленіе алфавитнаго указателя. Объясненія со стороны комиссіи будутъ касаться всѣхъ этихъ пунктовъ.

А) Касательно хронологіи.

Виленская комиссія издаетъ акты, то-есть, документы, имѣющіе историко-юридическое значеніе. Требованія юридической состоятельности этихъ документовъ обязываютъ комиссію выставлять на нихъ тѣ даты, которыя имѣются въ ихъ содержаніи и указываютъ не на годы составленія рукописи, а на годы юридическихъ фактовъ, составляющихъ содержаніе рукописи. Такой способъ опредѣленія хронологическихъ датъ актовъ былъ выработанъ и указанъ комиссіи дѣтъ 15 тому назадъ учеными специалистами, членами Академіи Наукъ, въ виду слѣдующихъ соображеній: По юридическимъ обычаямъ бывшаго великаго княжества Литовскаго и Рѣчи Посполитой всякій документъ (привилегія ли, жалоба ли, угодливый ли листъ) нужно было являть въ актовую книгу для сообщенія ему юридической крѣпости; также точно нужно было являть его и при производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Съ подлинника снималась копія и вносилась въ актовую книгу, или же съ актовой книги снималась копія и передавалась лицу; въ случаѣ потери подлинника съ актовой копіи снималась новая и передавалась по принадлежности.

Снимая копии съ подлинныхъ документовъ, переписчики не обращали вниманія ни на языкъ подлинника, ни на орфографію и передавали содержаніе документа на современномъ языкѣ, сначала на русскомъ, а потомъ на польскомъ, объясняя иногда, что такая-то привилегія или другой документъ переведены съ русскаго языка на польскій (przezwily był przetlumaczony z ruskiego na polski), что въ большинствѣ случаевъ означало переписку русскаго оригинала польскими буквами. Отсюда возникали недоумѣнія, какую именно дату нужно выставить на привилегіи, напримѣръ, хотъ бы Сигизмунда Стараго, явленную въ актовыя книги XVIII в. и переписанную польскими буквами? По содержанію и юридическому значенію она отпосилась къ началу XVI в., а по правописанію къ XVIII в. Недоумѣніе это разрѣшено было въ пользу первой даты.

Вотъ ключъ ко всѣмъ хронологическимъ сомнѣніямъ, которыя возникли у составителя рецензій относительно разныхъ документовъ Гродненской Писцовой книги. Между этими документами есть древніе и по происхожденію, и по языку; есть древніе по происхожденію и новые по языку. Это ясно видно изъ подробнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ документовъ, напечатанныхъ съ соблюденіемъ полной юридической формальности, обусловливающей ихъ историко-юридическую состоятельность. Между тѣмъ г. Пташицкій дѣлаетъ на основаніи изданныхъ такимъ образомъ документовъ выводы, которые нельзя не считать произвольными. Такъ напримѣръ, онъ отвергаетъ дату Увольочнаго измѣренія города Гродна 1561 года, хотъ эта дата обозначена самимъ производителемъ измѣренія Дыбовскимъ. Г. Пташицкій полагаетъ, что опись эта въ настоящемъ ея составѣ не принадлежитъ 1561 году, что вся она составляетъ копию, сдѣланную въ 1745 году, что первая часть внесена въ эту копию не съ оригинала, а со списка, составленнаго въ періодъ 1656—1776 гг., и что языкъ описи подвергся подновленію по крайней мѣрѣ дважды (стр. 158).

Дѣло это объясняется очень просто. Увольочное измѣреніе города Гродна и его волостей дѣйствительно производилось Дыбовскимъ въ 1561 г., но не было окончено и потому продолжалось и въ слѣдующихъ годахъ (начало недоумѣній рецензента); объ этомъ свидѣтельствуеетъ самъ Дыбовскій въ началѣ документа (II, 26)—на что впрочемъ рецензентъ не обратилъ вниманія. По окончаніи измѣренія подлинная рукопись Дыбовскаго, по всей вѣроятности, была передана городу, ибо она хранилась въ немъ, по свидѣтельству королевскаго секретаря Кицинскаго, еще въ 1745 г. Такъ какъ во время ревизій

коммиссары списывали копии или съ оригинала, или со списковъ предшествовавшихъ ревизій, то очевидно, при снятіи такихъ копій текстъ рукописи, или точнѣе, языкъ подвергался не двумъ подновленіямъ, какъ думаетъ рецензентъ, а многимъ, по крайней мѣрѣ столькимъ, сколько разъ снималась копія. Подписи Томаша Уейскаго, „Степана“ Вержбовскаго, Адама Сайновскаго указываютъ вовсе не на первую часть измѣренія Гродны и ея волостей, какъ думаетъ рецензентъ, а на конецъ его. То же, что онъ считаетъ за вторую часть, есть дѣйствительно измѣреніе Дыбовскаго, но только войтовствъ, относившихся къ Городицкому и Вертилипскому дворамъ, и сель стрѣлецкихъ, находившихся въ вѣдѣніи Гродненскаго замка. Почему эта часть документа приурочена къ городской присудкѣ—рѣшить трудно. Можно только догадываться, что она находилась въ той подлинной описи Дыбовскаго, которая хранилась въ городѣ. Для Уейскаго и Вержбовскаго она была не нужна, а для другихъ коммиссаровъ понадобилась и была вновь составлена при Кичинскомъ.

Далѣе рецензентъ высказываетъ подобныя же недоумѣнія о 3-мъ прибавленіи къ Писцовой книгѣ. „Составитель предисловія“, говорить г. Пшибицкій,—„одинъ разъ относитъ ревизію къ 1675 г. (I, III), въ другой—къ 1778 (I,—VIII) и въ третій къ 1748“ (стр. 154). Это не вѣрно. На первой страницѣ предисловія составитель относитъ коммиссарскую ревизію г. Гродны къ 1675 г., ибо этотъ годъ встрѣчается въ трехъ мѣстахъ документа (на стр. 183, 184 и 198), хотя въ началѣ его дата и не обозначена, такъ какъ ея не имѣется въ подлинникѣ; на стр. же VIII предисловія говорится о количествѣ городской земли, что не имѣетъ никакой связи съ датой ревизіи. Вотъ подлинныя слова предисловія: „Изъ сопоставленія актовыхъ статистическихъ данныхъ за разное время, начиная съ 1561 по 1778, видно, что количество городской поземельной собственности и доходовъ постоянно уменьшалось. Такъ въ 1561 г. въ распоряженіи города находилось 418 уволокъ земли, а въ 1778 г. 242 то-есть, на 176 ув. или на 3520 десятинъ меньше“. (При этомъ сдѣлана цитата: „ч. 11, 197—199; № 11, 233; Вил. Центр. Архива въ 1578 году Лавринъ Война отнялъ у города 63 ув. 10 м.“)... Далѣе тамъ же говорится: „Такъ мы видимъ, что ревизорская коммиссія 1675 г. запретила мѣщанамъ продавать свои земли, дома и плацы безъ вѣдома и разрѣшенія магистрата“... И еще далѣе: „позднѣйшая коммиссія 1748 г. оставила это постановленіе въ полной силѣ“... Очевидно,

что годы 1748 и 1778 вовсе не отнесены предисловіемъ къ датѣ комиссарской ревизіи 1675 г., а указываютъ на существованіе другихъ позднѣйшихъ ревизій (1748 и 1778 гг.), документы которыхъ находились въ рукахъ у составителя предисловія, и изъ которыхъ онъ почерпалъ свѣдѣнія—впрочемъ не для опредѣленія даты 3-го прибавленія, а для опредѣленія количества городской земли указаннаго періода времени съ 1561 по 1778 гг., на что и сдѣлана ссылка: № 11, 233—Виленскаго центральнаго архива и II ч. Писц. книги. Очевидно, г. Пташицкій не обратилъ вниманія на ссылки, указывавшія на рукописные источники, изъ которыхъ извлечены данныя для опредѣленія количества городской земли за разное время, приурочилъ всѣ хронологическія цифры къ одному документу и потому пришолъ къ слѣдующему странному выводу: „Но откуда составитель предисловія взялъ 1675, 1748 и 1778 годы—это остается не извѣстнымъ“ (стр. 154). Говоря объ инвентарной описи Гродненскаго королевскаго замка и датѣ ея г. Пташицкій прежде всего указываетъ на неточность заглавія и утверждаетъ, что въ Гроднѣ былъ не одинъ королевскій замокъ, а два. Далѣе рецензентъ разсуждаетъ о возможной датѣ описи и приходитъ къ заключенію, что опись состоитъ изъ двухъ частей; что первая часть составлена послѣ смерти Стефана Ваторія, а вторая, касающаяся замка Городницкаго,—и между 1650 и 1653 г.; наконецъ, въ примѣчаніи рецензентъ доказываетъ, что такія даты видны изъ того, что въ Гродненскомъ замкѣ находилась скамеечка блаженной памяти короля Стефана, и что Городницкому замку приписывались земли согласно размежеванію 1650 г., и описывается послѣвъ 1653 г. Всѣ эти разсужденія имѣютъ значеніе не болѣе какъ предположеній и догадокъ. Заглавіе описи взято комиссіей изъ подлиннаго документа, составленнаго въ 1653 году Гинивиломъ Пестропскимъ, который оба замка — кампанный и деревянный за рѣчкой Городницкою—называетъ однимъ, „zamkiem Grodzieńskim“. Опись эта составлена однимъ лицомъ и отличается единствомъ рѣчи, слѣдовательно, и должна быть принята за одинъ цѣльный документъ. Даты она не имѣетъ, вслѣдствіе чего и напечатана безъ оной. Для опредѣленія же ея вовсе не слѣдуетъ обращаться къ такимъ шаткимъ фактамъ, какъ нахожденіе въ замкѣ скамеечки блаженной памяти короля Стефана, какъ дѣлаетъ рецензентъ, а достаточно вникнуть въ смыслъ той страницы, на которой встрѣчается искомаи дата въ подлинникѣ, и не мудрствуя лукаво, признать ее за истинную. Изъ этой страницы (II, 22) ясно

видно, что въ 1650 г. производились нѣкоторыя перемѣны въ измѣреніи замковой земли, и уволоки ея были отданы городу; что въ 1653 г. на пашнѣ городническаго двора былъ произведенъ посѣвъ хлѣба. Такъ какъ другой даты составитель инвентаря не указываетъ, то отсюда и слѣдуетъ, что опись составлена въ 1653 г., какъ это подтверждается и въ концѣ подлинной рукописи инвентарной описи.

Тотъ же характеръ предположеній имѣютъ и замѣчанія г. Штащискаго относительно датъ 4-го и 5-го прибавленій. Въ прибавленіи пятомъ дѣйствительно не обозначены годъ явки этихъ документовъ комиссарамъ; но въ дашпомъ случаѣ эта дата не имѣетъ никакого значенія, во первыхъ, потому, что документы могли предъявляться раньше, могли предъявляться и позже; а во вторыхъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ въ содержаніи своемъ имѣютъ даты своего происхожденія, которыя и опредѣляютъ ихъ историческое и юридическое значеніе; есть однако и такіе документы, которые опой не имѣютъ и не заключаютъ въ себѣ положительныхъ данныхъ для ея точнаго опредѣленія.

Наконецъ, дата Уволичаго измѣренія Брянска и Саража, обозначенная 1560 — 1563 гг., взята изъ подлиннаго заглавія рукописи и удостовѣряется словами одного изъ составителей измѣренія Дыбовскаго и подскарбіемъ великаго княжества Литовскаго Войною ¹⁾.

Нужно замѣтить, что рукопись этого документа и по языку относится къ XVI столѣтію. Но рецензентъ не обратилъ вниманія ни на это удостовѣреніе Дыбовскаго, ни на другое, помѣщенное на стр. 522 II ч., гдѣ подскарбій Лавринъ Война и скарбовый писарь Томашъ Маковецкій удостовѣряютъ, что дѣйствительно это измѣреніе производилось Девялтовскимъ-Скочкомъ и Дыбовскимъ, и рукопись его была отдана изъ скарба Яну Дульскому, Брянскому и Саражскому старостѣ, въ 1579 г. за скрѣпой и печатью Войны (L. S.). Сомнѣнія свои рецензентъ основываетъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ текста, гдѣ,

¹⁾ На стр. 317, 319 и 413 II ч. Дыбовскій говоритъ: измѣреніе уволокъ, дворовъ, городовъ Брянска и Саража было начато Девялтовскимъ-Скочкомъ въ 1560 году, производилось въ 1561 и наконецъ было передано ему, Дыбовскому. Свое измѣреніе въ Саражѣ онъ началъ въ 1562 году и окончилъ въ томъ же году 31-го декабря (стр. 413), а въ Брянскѣ началъ 18-го мая 1563 года и окончилъ 11-го іюня того же года.

замѣтивъ годы 1564 и 1565, какъ не согласныя съ датой измѣренія, и не вникнувъ въ смыслъ и значеніе этихъ мѣстъ, спѣшить сдѣлать выводъ, что измѣреніе производилось не только въ 1560—1563, но и въ 1564 и 1565 гг. „Хронологія уволочнаго измѣренія Бринска“, говоритъ рецензентъ, — „тоже не точно отнесена издателемъ къ 1560—1563 гг. Между тѣмъ въ текстѣ встрѣчаемъ, что Зубржицкій принялъ застѣнокъ въ 1564 г. (II, 374), что въ 1564 г. отошло отъ этого застѣнка то-то и то-то (II, 379), а раздача земель послѣдовала „10-го ноября 1565 г.“ (II, 394) (стр. 155).

Такъ какъ дѣло это касается документа весьма важнаго, то и заслуживаетъ тщательнаго разъяспненія.

Первое изъ указанныхъ г. Пташицкимъ мѣсто означаетъ въ буквальной формѣ переводѣ слѣдующее: „Морги эти по распоряженію управленія были засѣяны на короля, по когда пожнутъ хлѣбъ, то управленіе должно сдать ихъ на чиншъ съ платой гр. $\frac{3}{4}$, что составитъ коп. $\frac{6}{24}$. А потомъ этотъ застѣнокъ марта 10-го дня 1564 г., лежащій впустѣ (не обмѣненный) принявши (przyjął), Францъ Зубржицкій первый чиншъ заплатитъ въ томъ же 1564 г.“ (II, стр. 374). Отсюда ясно, что Зубржицкій снялъ застѣнокъ на будущее время, а потому и чиншъ для него назначенъ со времени будущаго пользования землей (s którego czynsz pierwszy s a płac z ic z w tim ze roku 1564). Другія приведенныя г. Пташицкимъ мѣста указываютъ на аналогическое явленіе, именно—что раздача земель не всегда совпадала со временемъ ихъ измѣренія, и по весьма понятной причинѣ: измѣреніе не только передвигало народонаселеніе съ одного мѣста на другое, но измѣняло и характеръ самого землевладѣнія; значитъ, оно затрогивало весьма сложный экономическій вопросъ относительно правъ владѣнія и народнаго продовольствія. Вотъ почему въ третьемъ мѣстѣ на стр. 394, II ч. указывается, что раздача земель въ третьемъ полѣ села Олексинскаго могла послѣдовать только въ 1565 г., не смотря на то, что два поля крайнія были розданы во время самаго измѣренія, производившагося мѣрничимъ Мартиномъ Нивинскимъ 4-го октября 1562 г. (стр. 392, II ч.) Значитъ, до 1565 г. крестьяне села Олексинскаго или не могли вести правильнаго хозяйства, или же третье поле имѣли въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, отсюда слѣдуетъ еще, что канцелярская работа производилась и послѣ измѣренія для документальной отиѣтки „кто, чѣмъ и когда сталъ владѣть“. Но можно ли изъ этихъ данныхъ выводять, что самое измѣреніе производилось и послѣ 1563 г.?

В) Касательно отсутствія „видимой связи внутренней и внешней“ между нѣкоторыми документами.

Такое замѣчаніе рецензентъ высказываетъ по поводу 5-го прибавленія. Причины, заставившія комиссію напечатать это прибавленіе въ подлинныхъ извлеченіяхъ, съ ссылкой на М. Вил. центр. архива и съ сохраненіемъ правописанія документовъ, суть слѣдующія: въ Писцовой книгѣ Гродненской экономіи встрѣчается цѣлый рядъ мѣстечекъ (Кринки, Скидель, Новый-Дворъ и др.), земли которыхъ взмѣрялись въ 1550-хъ годахъ. Историческихъ свѣдѣній объ этихъ мѣстечкахъ въ книгѣ не представлено. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ пользовались правами и вольностями магдебургіи. При разсмотрѣніи актовыхъ книгъ и инвентарей, относившихся къ Гродненской экономіи, въ одной изъ комиссарско-ревизорскихъ книгъ сдѣланы были указанія на эти права и вольности въ видѣ краткихъ извлеченій. Признавая за ними важный историческій интересъ, комиссія и сочла полезнымъ напечатать ихъ. Но какую же для нихъ можно было изобрѣсти видимую внешнюю и внутреннюю связь, кромѣ общей связи признака съ предметомъ, то-есть, историческаго извѣстія, относящагося къ вышепомянутымъ мѣстечкамъ, входившимъ въ составъ Гродненской экономіи? Къ тому же, выразить такую связь въ литературной формѣ при печатаніи подлинныхъ документовъ было бы и не умѣстно.

В) Касательно корректурныхъ погрѣшностей и неточнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ подлинника въ предисловіи.

Такихъ погрѣшностей указано составителемъ рецензіи 16, изъ нихъ 4 корректурныхъ и 12 неточнаго толкованія подлинника.

Первыя погрѣшности суть слѣдующія: 1) среда вмѣсто суббота, въ новодворскихъ базарахъ; 2) одна голова (волчья) вмѣсто оленья голова; 3) 30 (железныхъ рефъ) вмѣсто 32; 5'0 (столовъ) вм. 57; 4) 20 морговъ вмѣсто 20 прutowъ. Три изъ указанныхъ опечатокъ должны быть признаны безспорно; четвертая же, касающаяся разныхъ годныхъ и негодныхъ столовъ, можетъ еще подлежать спору, ибо въ подлинникѣ счетъ столамъ представленъ очень сбивчиво, и самъ рецензентъ сосчиталъ ихъ не вѣрно: нужно считать 54, а не 57. Отчего произошли эти погрѣшности, отъ недостатка ли зрѣнія составителя предисловія, или отъ недосмотровъ мѣстной типографіи, представляющей иногда печатные листы съ ошибками, не бывшими въ четырехъ корректурахъ, — рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ

ошибки эти не существенны: не касаются текста актов, не изменяют сущности дѣла и возможны даже въ стереотипной печати, а потому, вѣроятно, и не обратили на себя такого серьезнаго вниманія, какое обратилъ на нихъ составитель рецензій.

Къ случаямъ неточнаго толкованія подлинника относятся слѣдующіе: 1) По мнѣнію г. Пташицкаго предисловіе неправильно допускаетъ дѣленіе города Гродны въ XVI в. на двѣ части: старый городъ, въ которомъ находилось 24 улицы, и новый за Нѣманомъ, устроенный только въ 1560 г. изъ плацовъ напскихъ, земянскихъ и разныхъ ремесленниковъ, зависѣвшихъ исключительно отъ замка.

Составитель предисловія полагалъ, что коль скоро къ городу прирѣзывается обширная часть земли съ особымъ рынкомъ и улицами, и заселяется людьми, не входившими прежде въ составъ городской юрисдикціи, то такую часть можно назвать, по отношенію къ старой, новымъ городомъ, а старую—старымъ городомъ. Составитель предисловія даже въ актовомъ книгѣ видѣлъ названіе стараго города на 55 стр. II части, гдѣ говорится: „итогъ всего города Гродны въ старомъ городѣ, на одной сторонѣ Нѣмана“ и т. д. Но онъ нигдѣ въ предисловіи не выражалъ, что таково было административное его дѣленіе, и нигдѣ не утверждалъ, что было двѣ Гродны—старая и новая; онъ только указалъ, что еще въ XVI в. Гродна представляла собою двѣ части—старый и новый городъ, отмѣчая этимъ фактъ ея историческаго развитія.

2) Въ предисловіи сказано, что въ 1561 году Гродна имѣла въ своемъ распоряженіи 418 уволокъ земли, а въ 1778 г. — 242. По этому поводу рецензентъ утверждаетъ, что „итогъ, который могъ бы получиться по подведеніи всѣхъ цифръ, находящихся въ распоряженіи читателя, далеко не согласуется съ итогомъ автора“ (стр. 156).

На это слѣдуетъ замѣтить, что итогъ 418 уволокъ заимствованъ изъ книги Уволичнаго измѣренія города Гродны 1561 г. Въ немъ подъ городскими селами и землями значится 395 уволокъ цѣльныхъ, безъ добавочныхъ земель и застѣнковъ. Сосчитавъ все вмѣстѣ, получится до 418 уволокъ. Другой же итогъ взятъ изъ XVII в. изъ 3 го прибавленія, а для XVIII в.—изъ рукописной книги Виленскаго центральнаго архива подъ № 11,233, на что въ своемъ мѣстѣ и сдѣлана ссылка.

3) Рецензентъ указываетъ, что слова *placonuch szynszow* неправильно переданы въ предисловіи словами плацовыхъ чиншей, а слѣдовало передать ихъ словами: „уплачиваемыхъ чиншей“.

Составитель предисловія, передавая это мѣсто подлинника въ своемъ изслѣдованіи, полагалъ, что тутъ заключается ошибка подлинника, то-есть, ревизорскихъ извлеченій. Въ привилегіи Сигизмунда Августа, по экстракту ревизоровъ, горожане освобождаются „отъ толокъ, плацонныхъ чиншей и подводъ“. Такого юридическаго термина, какъ „уплачиваемый чиншъ“, составитель предисловія нигдѣ не встрѣчалъ въ актахъ; оно и понятно: такихъ чиншей, которые только бы назначались, но не уплачивались, никогда не было. А такъ какъ въ привилегіи дѣло шло о поземельныхъ повинностяхъ, толокахъ и подводахъ, то для составителя предисловія было совершенно ясно, что тутъ нужно подразумѣвать чинши съ городскихъ поземельныхъ плацонъ или участковъ (прутовыхъ и уволочныхъ). На сколько составитель предисловія былъ правъ въ своемъ мнѣніи, рецензентъ можетъ убѣдиться изъ полной привилегіи Сигизмунда Августа, напечатанной въ т. VII актовъ Виленской комиссіи, стр. 82, въ которой и указывается увольненіе горожанъ отъ „чиншовъ прутowychъ и уволочныхъ“, то-есть, съ земельныхъ участковъ, плацонъ. Если же допустить, что подъ этими словами („уплачиваемыхъ чиншей“) нужно разумѣть все то, что во времена комиссаровъ носило названіе чинша, то получится дѣйствительно произвольное толкованіе привилегіи, по которой горожане освобождались и отъ чиншей поземельныхъ, водочныхъ (ч. II стр. 199) и др., какіе только назывались этимъ словомъ въ ихъ время.

4) Рецензентъ говоритъ: „1564 г. гродненскимъ мѣщанамъ предоставлено покупать dobra ziemskie wieczyste (поземельную собственность на всегда); авторъ утверждаетъ, что разрѣшено покупать у землянъ всѣ чистовыя земли“ (стр. 156).

Въ предисловіи на стр. IX это мѣсто излагается такъ: „и четвертая (привилегіи была дана) тѣмъ же королемъ въ 1564 г., по которой мѣщанамъ предоставлено было право покупать у землянъ „вѣчистыя“ земли (мѣстный юридическій терминъ) и владѣть ими на правахъ собственниковъ“. То-есть, въ предисловіи напечатано: вѣчистыя земли, а не все чистовыя. Почему рецензентъ допустилъ такое чтеніе—рѣшить очень трудно.

5) Рецензентъ утверждаетъ, что составитель предисловія совершенно произвольно приписываетъ Гроднѣ значеніе главнаго солянаго склада для всѣхъ торговыхъ мѣстъ, ведшихъ сношенія по Нѣману съ Королевцомъ, и такимъ образомъ извращаетъ смыслъ привилегіи Стефана Баторія 1575 г.

Въ буквальной переводѣ съ польскаго на русскій соотвѣтствующее мѣсто памятника читается такъ: „Еще (представлена была) привилегія короля его милости святой памяти Стефана подъ датой въ Торунѣ 25-го августа 1576 г., которою онъ назначаетъ въ Гроднѣ соляной складъ для Королевчанъ, Ковианъ и купцовъ другихъ городовъ, и запрещаетъ, чтобы дальше Гродны соли не провозили, и позволяетъ только гродненскимъ купцамъ христіанамъ продавать ее, и никому больше“ (II, 180).

Изъ этой привилегіи нельзя сдѣлать никакого заключенія, кромѣ того, что Гродна сдѣлана была главнымъ складочнымъ солянымъ мѣстомъ. Впрочемъ, фактъ этотъ можетъ быть подтвержденъ и цѣлымъ рядомъ другихъ привилегій, изданныхъ Виленскою комиссіей въ прежнее время.

6) Въ предисловіи говорится, что городъ располагалъ еще и комиссарско-ревизорскими декретами разныхъ временъ, которыми ясно и точно опредѣлялись права и преимущества городской юрисдикціи. Рецензентъ полагаетъ, что такого заключенія нельзя сдѣлать на основаніи описи (стр. 157).

Очевидно, рецензентъ смѣшиваетъ здѣсь совершенно различныя вещи: напечатанную опись, въ которой въ извлеченіи представлены королевскія привилегіи, и комиссарско-ревизорскіе декреты, которые хранятся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ. Составитель предисловія считалъ себя въ полномъ правѣ ссылаться на эти декреты, хотя они и не напечатаны.

7) Рецензентъ упрескаетъ составителя предисловія за опредѣленіе митрополичьей юрисдикціи, утверждалъ, что люстрація говоритъ одно, а предисловіе другое.

Вотъ подлинныя слова предисловія: „Земля (митрополичьей юрисдикціи) начиналась отъ рва, называвшагося Пересовской, и оканчивалась возлѣ плаца портного Еліаша, сидѣвшаго на замковой землѣ. Въ 1712 г. этою землею завладѣли базилиане узурпативнымъ образомъ“. Конечно, заключеніе о завладѣніи землей базилианами было бы выражено въ приведенной фразѣ яснѣе, если бы слово замковой было поставлено вмѣсто этой, такъ какъ мѣстоименіе этой можетъ быть отнесено и къ замковой землѣ, и къ митрополичьей; но такъ какъ базилианамъ не зачѣмъ было завладѣвать тою землею, которою они владѣли, а люстраціи было дѣло только до земли замковой, то ясно, что узурпативное завладѣніе относится къ замковой, а не къ митрополичьей землѣ; въ противномъ случаѣ слѣдо-

вало бы сказать не этой землей, а этою юрисконной или митрополичьею землею завладѣли базилиане узурпативнымъ образомъ.

8) Рецензентъ говоритъ: „опредѣля. обязанности съ занятой землѣ“ [при этомъ умалчивается, что дѣло идетъ о Гродненской экономіи 1558 г.], „авторъ слѣдующимъ образомъ устанавливаетъ норму ихъ: за хорошую землю 86 гр. съ уволокѣ, за среднюю 77 гр. и за худую 73 гр. По принятому обыкновенію авторъ не указываетъ ни времени, ни мѣста, гдѣ подобный чипшъ взимался“ [дѣло идетъ все о той же самой экономіи 1558 г.]. „Это опять ставитъ читателя въ недоумѣніе; такъ какъ въ томъ же изданіи, напримѣръ, во II т. онъ находитъ указаніе“ [которое относится не къ Гродненской экономіи, а къ городской землѣ] „что въ 1563 г. съ средней земли взималось 45 гр., съ худой 31 гр., а съ хорошей 106 гр. Очевидно, авторъ предисловія долженъ былъ помочь читателю распредѣливъ земли по категоріямъ времени, мѣста и взаимныхъ отношеній, а безъ этого кому будутъ полезны его указанія?“ (стр. 158).

На это слѣдуетъ замѣтить, что въ предисловіи нельзя было распредѣлять земель „по категоріямъ времени, мѣста и взаимныхъ отношеній“ потому, что Гродненская экономія представляла собою данныя для одного только времени и мѣста; не болѣе же представляла данныхъ и городская юрисконна, и староство Брииское и Саражское. Для установленія категорій, пужно имѣть историческія свидѣнія за разное время по однимъ и тѣмъ же предметамъ. Представляя, напримѣръ, сельско-хозяйственные расчеты по обмѣненію полей и сбору хлѣбовъ, извлеченные изъ Уволочнаго измѣренія Гродны и рукописныхъ архивныхъ источниковъ, составитель предисловія ясно выразилъ свое сожалѣніе о невозможности сдѣлать по этому вопросу какія бы то ни было обобщенія по отсутствію данныхъ. „Къ сожалѣнію“, говоритъ онъ на стр. XV, — „намъ не удалось найти такого хозяйственнаго расчета всѣхъ вообще дворовъ Гродненской экономіи (значитъ, были поиски по всѣмъ имѣвшимся подъ руками ревизорскимъ книгамъ); при помощи его можно было бы составить приблизительный выводъ, во чтѣ обходилось хозяйство въ королевскихъ дворахъ, на уходъ за которыми предназначалось 15 волостей“. Рецензентъ, вѣроятно, не замѣтилъ этого мѣста: ибо оно несомнѣнно могло бы навести его на мысль, что если производились археографическіе поиски за обмѣненіемъ полей и сборомъ хлѣбовъ, то непременно производились и за крестьянскими повинностями, какъ фактомъ болѣе важнымъ. Дѣлать же такіе обобщенія, какія допускаетъ

рецензентъ, смѣшивающей повинности Гродненской экономіи 1558-хъ годовъ, съ повинностями городскихъ селъ 1561-хъ годовъ (безъ прибавленія впрочемъ Брянскаго и Саражскаго старостъ), — бесполезно. Вотъ почему и составитель предисловія, указывая на различныя стороны экономическаго устройства Гродненской экономіи 1558-хъ годовъ, указалъ на повинности только того времени, какъ древнѣйшія, и только тѣхъ мѣстъ, а не городской юрисдикци 1560-хъ годовъ: ибо между ними, кромѣ названія, нѣтъ ничего общаго. Но если бы нашлись документальныя указанія на крестьянскія повинности Гродненской экономіи или другой мѣстности за равное время, то изъ нихъ непремѣнно сдѣланы были бы и общіе выводы.

9) Слова предисловія: „мѣстечекъ, пользовавшихся магдебургскими правами, если не исполнѣ, то по крайней мѣрѣ правами торговли“ (стр. XV), даютъ рецензенту случай сказать: „магдебургское право, по мнѣнію автора, было полное и не полное“.

Предисловіе вовсе не выражаетъ дѣленія магдебургскаго права, какъ историко-юридическаго термина, на полное и не полное, а устанавливаетъ только тотъ фактъ, что нѣкоторыя мѣстечки пользовались этими правами въ цѣломъ ихъ составѣ, а другія — только правами торговли. Между тѣмъ рецензентъ, павязывая автору предисловія свое собственное дѣленіе магдебургскаго права на полное и не полное, указываетъ даже, какія именно мѣстечки, будто бы — по мнѣнію составителя предисловія — должны считаться обладавшими полнымъ магдебургскимъ правомъ, и какія не полнымъ, и сожалѣетъ, отчего не приведено въ подлинникѣ ни одной привилегіи неполнаго права. Впрочемъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, рецензентъ навелъ этимъ утвержденіемъ комиссію на тотъ фактъ, что во времена Рѣчи Посполитой допускались въ Литвѣ такія привилегіи, которыя съ научной точки зрѣнія никакъ не могутъ быть объяснены. Пусть рецензентъ вникнетъ въ смыслъ привилегіи Одельска (II, 236). Онъ увидитъ, что мѣщане одельскіе находились въ зависимости отъ дворной юрисдикціи, но въ чемъ состояла эта зависимость — опредѣлить очень трудно, ибо на основаніи привилегій разныхъ королей мѣщане пользовались „dobrymъ rządemъ у sprawowaniem się (городскимъ самоуправленіемъ?), и между прочими свободами и вольностями — увольненіемъ отъ всякихъ службъ (sluzby zadney nie odprawowac); единственная зависимость ихъ отъ двора выражалась въ подводной повинности; но такую повинность несли и гродненскіе мѣщане.

Далѣе рецензентъ говоритъ: „Между тѣмъ авторъ предисловія по-

лагаеть, что крынскіе мѣщане (судя по ссылкѣ на XVIII стр., нужно читать Липскіе) уволены были отъ всякихъ юрисдикцій и судовъ (I, XVIII), что совсѣмъ не вѣрно⁴ (стр. 158).

Въ подлинныхъ мѣстахъ текста, касающагося опредѣленія магдебургскихъ правъ этихъ мѣстечекъ, говорится: „отъ всякихъ юрисдикцій—земской, гродской и дворной“. Быть можетъ, рецензентъ хотѣлъ сказать, что въ подлинникѣ нѣтъ слова „судовъ“, которое прибавилъ составитель предисловія въ этомъ мѣстѣ, и что это прибавленіе не вѣрно. Но въ такомъ случаѣ рецензентъ долженъ былъ бы выразить это опредѣленно; въ противномъ же случаѣ слѣдуетъ признать, что рецензентъ не знаетъ обычной терминологіи подлинныхъ королевскихъ привилегій на магдебургію, въ которыхъ обыкновенно говорится: увольняются такіе-то мѣщане отъ всякихъ юрисдикцій (замковой, земской, гродской, или же замковой, панской, землянской), судовъ и властей всякихъ поеводъ, каштеляновъ и т. д., или же: „увольняемъ отъ всякихъ судовъ, юрисдикцій и властей“. Коммиссары, передавая привилегіи въ сокращеніи, очевидно, сократили и этотъ терминъ, а составитель предисловія дополнилъ, чтобы точнѣе возстановить смыслъ его и значеніе¹⁾.

10) Остается указать еще на три неточныя, по мнѣнію рецензента, мѣста въ переудѣ королевской инструкціи Бѣлзору и Пивницкому. Нужно замѣтить, что переводъ этотъ сдѣланъ не буквально, а въ видѣ изложенія содержанія. Вотъ эти мѣста: а) въ предисловіи говорится: водочный акцизъ въ Гроднѣ постановить по примѣру другихъ городовъ и позаботиться объ его увеличеніи, равно какъ и аренды съ мельницъ, перевозовъ и капцизии (курсивъ рецензентомъ пропущенъ); въ подлинникѣ буквально сказано: „водочный акцизъ въ Гроднѣ постановить по примѣру другихъ городовъ и сдать тому, кто дастъ больше, также точно привести въ порядокъ мельницы, перевозки, капцизну, какъ по деревнямъ, такъ и по мѣстечкамъ съ прибылью для скарба“ (II, стр. 170). Составитель рецензін утверждаетъ, что вслѣдствіе разницы въ передачѣ смысла этой фразы протестъ горожанъ противъ сдачи акциза на новыхъ началахъ становится для читателя совершенно непонятнымъ; но это недоразу-

⁴⁾ Напримѣръ, въ древнѣйшей привилегіи великаго князя Литовскаго Александра, дарованной г. Гроднѣ въ 1496 г., читаемъ: «увольняемъ всѣхъ обывателей вышеупомянутаго города отъ судовъ, юрисдикцій и власти» (Акты Вил. Ком. т. VII, стр. 61).

мѣнѣ, по мѣнѣю г. Пташицкаго, было бы вполне устранено, если бы въ переводѣ вставлена была фраза: сдать акцизъ тому, кто дастъ больше; напротивъ того фраза: позаботиться объ его увеличеніи (конечно, посредствомъ сдачи тому, кто дастъ больше: иначе она немислима), совершенно запутываетъ дѣло.

Далѣе, въ предисловіи сказано: „провѣрить и гуманные приходы 1638 г., сосчитать приплодъ скота, отданнаго эконому и озаботиться объ удовлетворительномъ состояніи скотныхъ дворовъ“.

Рецензентъ утверждаетъ, что послѣдняя фраза истолкована не вѣрно, потому что въ подлинникѣ она выражена словами: o boge oszacować, а oszacować значить оцѣнить. Но слово oszacować (см. словарь Линде), имѣетъ двоякое значеніе: а) оцѣнить что-нибудь матеріально посредствомъ перевода на деньги, и б) оцѣнить что-нибудь отвлеченно посредствомъ признанія достоинствъ и недостатковъ. Пернаго значенія составитель предисловія не придавалъ этой фразѣ потому, что такое толкованіе противорѣчило бы духу инструкціи; а поэтому придавалъ второе значеніе, то-есть, оцѣнки скотныхъ дворовъ посредствомъ ревизіи тогдашняго ихъ состоянія и неизбежнаго указанія на ихъ недостатки и исправленія. Въ этомъ смыслѣ и истолкована имъ фраза: позаботиться объ удовлетворительномъ состояніи скотныхъ дворовъ, какъ ближе и точнѣе опредѣляющемъ цѣль дѣйствій ревизоровъ.

Наконецъ, въ томъ же переводѣ сказано: „обезпечить сплавъ плотовъ для замка, а равно доставку воды и сторожа во время королевскаго пребыванія“.

Рецензентъ находитъ, что составитель предисловія, перевода слово stróža словомъ сторожъ, совершенно извратилъ значеніе факта. При этомъ рецензентъ объясняетъ, что stróža значить „охрана, состоявшая изъ шляхты“, а вовсе не сторожъ. Съ такимъ толкованіемъ рецензента нельзя соглашаться по слѣдующимъ даннымъ: 1) у Линде слово stróža имѣетъ общее значеніе стражи изъ хлопковъ (стр. 477 изд. 2-е); 2) во время пребыванія короля въ замкѣ нужна была различная стража, почетная для королевской личности, черная для разныхъ службъ и хозяйства; 3) по смыслу переделаннаго пункта инструкціи трудно предполагать стражу шляхетскую, ибо она подведена подъ общее дѣйствіе доставки наравнѣ съ дровами и водой; 4) въ Писцовой книгѣ Кобринской экономіи (стр. 75) говорится: „сторожовъ и кликуновъ со всей во-

лости замковой и фольварковъ, ку замку Кобринскому належачихъ, на каждый тыдѣнь чергою послано бити маеть по шестнадцать⁴.

Г) Касательно несообразныхъ замѣчаній составителя предисловія по части филологін.

Въ Лисцовой книгѣ помѣщены два памятника XVI в. на польскомъ языкѣ. Составитель предисловія, констатируя этотъ фактъ, счелъ долгомъ обратить на него вниманіе. Не считая себя ни ученымъ филологомъ, ни знатокомъ польскихъ нарѣчій, онъ указалъ на особенности чисто орфографическія, такъ какъ въ старинныхъ памятникахъ онѣ и представляютъ собою главнѣйшій источникъ для филологическихъ изслѣдованій. Вотъ подлинныя слова предисловія, указывающія на эти особенности совершенно объективно, безъ всякихъ разсужденій и заключеній: „Не мало интереса представляютъ нѣкоторые мѣста этой книги и въ филологическомъ отношеніи. Укажемъ здѣсь на болѣе выдающіяся; таковы, напримѣръ, смѣшанное употребленіе у и i (thich, um); sz вм. s (szię); kx вм. x (kxięsthwie); v вм. z u z (swlaszcza, przez); c вм. cz и обратно; scz ¹) вм. stc (mieszczo); cz вм. t (cziwon); sz вм. ź (lieszy); a вм. ia (sanozoncziani); ia послѣдніиашнихъ; sz вм. ź (wzillusz); чрезвычайно свособразное употребленіе юсонъ: e, e, uam, em, om, am и др.“ (I, XXIII). Слова, приведенныя въ примѣрахъ, были выписаны изъ документовъ на удачу, какъ фактическое доказательство употребленія тогдашней орфографіи.

Выписавъ это замѣчаніе изъ предисловія, рецензентъ разсуждаетъ: „Не понятно, кому могутъ быть нужны подобныя замѣчанія. Они только свидѣтельствуютъ, что авторъ не признаетъ различія между графикой и фонетикой и не хочетъ отличить звуковъ отъ буквъ. Кромѣ того, рѣшительно не понятно, что хотѣлъ сказать авторъ, утверждая, напримѣръ, что въ памятникѣ с (ц) ²) употребляется вм. t въ словѣ cziwon. Развѣ авторъ полагаетъ, что въ польскомъ должна существовать форма tiwon. Замѣчаніе о носовыхъ звукахъ сведенныхъ на буквы, тоже ни съ чѣмъ не сообразны“ (стр. 159).

Изъ этихъ словъ рецензента нельзя понять, чего собственно желалъ онъ отъ составителя предисловія? Только сопоставляя эти замѣчанія со вступительными словами рецензіи, въ которыхъ выражается взглядъ г. Пташицкаго на филологическое значеніе Лис-

¹) У рецензента неправильно *szcz*.

²) Въ памятникѣ и предисловіи *sz*.

цовой книги, можно догадываться, что вина составителя предисловія заключается въ томъ, что онъ не представилъ подробнаго филологическаго изслѣдованія польскаго памятника XVI в. соотвѣтственно идеямъ рецензента.

„Новое Виленское изданіе“, говоритъ рецензентъ,—„содержитъ въ себѣ между прочимъ одну опись (невѣрно: двѣ), относящуюся къ XVI вѣку. Это послѣднее обстоятельство придаетъ ей еще значеніе филологическое. Какъ памятникъ польскаго языка XVI вѣка, писанный въ извѣстной мѣстности и носящій на себѣ слѣды провинціализмовъ, писцовая книга важна для исторіи мѣстныхъ говоровъ, для чего имѣется весьма мало матеріала“ (стр. 152).

Смыслъ этихъ словъ такой, что въ Гродненской экономіи были въ XVI в. мѣстные говоры польскаго языка, и что изданный въ писцовой книгѣ документъ XVI в., какъ написанный въ этой мѣстности, отражаетъ на себѣ слѣды этихъ говоровъ. Въ писцовой книгѣ находится два памятника польскаго письма XVI в.: Уволочное измѣреніе Гродненской экономіи и Уволочное измѣреніе Брянскаго и Саражскаго староствъ. Первый изъ этихъ памятниковъ дѣйствительно носитъ на себѣ слѣды провинціализмовъ языка польскаго, но не тѣхъ мѣсть, для которыхъ и среди которыхъ онъ написанъ, а тѣхъ мѣсть, откуда родомъ были польскіе чиповники, писавшіе этотъ памятникъ. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій при самомъ бѣгломъ разсмотрѣніи этого памятника, ибо названія сель, урочищъ и крестьянъ ясно указываютъ на поселенія русскія. Значитъ, описываемая въ памятникѣ мѣстность могла представлять разнообразіе только говоровъ русскаго языка, но никакъ не польскаго. Что же касается другаго памятника польскаго письма, то-есть, Уволочнаго измѣренія Брянска и Саража, то онъ, какъ описывающій мѣстность подляскую, заселенную отчасти Мазурами, можетъ оправдывать взглядъ автора, но и то лишь въ незначительной мѣрѣ,—ибо при разсмотрѣніи и этого памятника видно, что народонаселеніе этой мѣстности было смѣшанное, частію мазурское, частію русское, частію ятвяжское и даже литовское. Во всякомъ случаѣ и эта мѣстность не могла представлять собою разнообразія мѣстныхъ говоровъ языка польскаго, а представляла только разноплеменную и разноязычную смѣсь. Эти заключенія комиссіи могутъ быть подтверждены и другими аналогическими фактами. Писцовая книга Пинскаго староства составлена тѣмъ же Лаврипомъ Войною, который составлялъ и опись Гродненской экономіи. Языкъ этой книги совершенно похожъ на языкъ Гродненской описи;

но неужели изъ этого можно заключить, что въ Пинскомъ староствѣ было многообразіе говоровъ польскаго языка? Напротивъ того, Кобринская экономія, сосѣдняя съ Гродненскою, описанная Сапѣгомъ, написана на языкѣ русскомъ; есть и современная копія этой описи, написанная польскими буквами.

Возвращаемся къ прерванному разбору шѣвній рецензента о знаніи польскаго языка составителемъ предисловія; по поводу слова тивонъ онъ спрашиваетъ: „развѣ авторъ полагаетъ, что въ польскомъ должна существовать форма *tiwon* (тивонъ)?“ На это замѣтимъ, что въ словарѣ Линде (2-е изд.), на страницахъ 315, 400 и 458, ясно значится, что въ польскомъ языкѣ существуютъ слѣдующія формы этого слова; чрезъ *s—siwon*; чрезъ *sz—sziwon* и чрезъ *t—tywon*.

Д) Касательно алфавитныхъ указателей къ писцовой книгѣ.

Признавая за указателемъ ко всякому изданію историческихъ документовъ весьма важное значеніе, рецензентъ полагаетъ, что для достиженія этой цѣли такой указатель „долженъ отвѣчать, по крайней мѣрѣ, требованіямъ точности и полноты“. Но подъ именемъ „точности“ въ данномъ случаѣ рецензентъ разумѣетъ не буквальное возстановленіе подлинника, а толкованіе такихъ или другихъ фамилій и названій по собственному соображенію; а подъ именемъ полноты обязательное требованіе вносить въ указатель всѣ вообще фамиліи и названія предметовъ, какіе только встрѣчаются въ текстѣ изданія.

Коммиссія смотритъ на это дѣло нѣсколько иначе и по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) „Точность“ именъ и фамилій должна обуславливаться и оправдываться документами, а не личными соображеніями составителя указателей. Какое право имѣетъ онъ измѣнять правописаніе фамилій, хотя бы и измѣнившееся нынѣ, но дѣйствительно существовавшее въ прежнія времена? Вѣдь въ древнихъ памятникахъ писались *S(o)п(e)ги*, или *Соп(и)ги*, а не *Сапѣги*; *Тишк(о)вичи* или *Тишк(е)вичи*, а не *Тышкевичи*; *Лопат(т)инскіе*, а не *Лопат(ц)инскіе* (хотя и теперь еще существуютъ *Лопатинскіе*), *Кривцы*, а не *Кр(ж)ивцы*, *Березовскіе*, а не *Бржозовскіе* и т. д.

2) Полнота въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ рецензентъ, совершенно не мыслима при изданіи такихъ памятниковъ, какъ писцовая книга Гродненской экономіи. Какую пользу можетъ извлечь для себя ученый, перелистывая цѣлый рядъ страницъ съ крестьянскими фамиліями, или мѣщанскими, сопровождаемыми тысячами

цифрѣ, указывающихъ на страницы въ то время, когда эти же самыя фамиліи въ текстѣ (то-есть, въ своемъ селѣ или мѣстности) могутъ разрѣшить для него весьма важный этнографическій вопросъ о народонаселеніи? Какую пользу можетъ онъ извлечь для себя изъ длиннаго перечня названій предметовъ, въ большинствѣ случаевъ не только ему, но и всѣмъ извѣстныхъ? Вотъ почему комиссія и не внесла въ алфавитный указатель всѣхъ вообще крестьянскихъ или мѣщанскихъ фамилій, а помѣстила только фамиліи должностныхъ лицъ или ремесленниковъ; равнымъ образомъ и въ указатель предметовъ она не внесла такихъ названій, какъ бочка, моргъ, чиншъ и др., а только болѣе выдающіяся. На такое сокращеніе она имѣетъ еще и другія основанія: ею изданъ былъ (въ 1869 г.) „Археографическій календарь“, трудъ бывшаго члена ея Горбачевскаго, въ которомъ указаны мѣры и вѣсы, употреблявшіеся въ предѣлахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго, а Виленскимъ учебнымъ округомъ изданъ въ 1874 г. „Словарь древняго актовъ языка“; съ другой же стороны, комиссія сберегаетъ и значительное количество матеріальныхъ средствъ и своего труда, которые были бы напрасно истрачены для выполненія такой мало полезной или вовсе безполезной работы, какъ полный алфавитный указатель всѣхъ именъ, встрѣчающихся въ писцовой книгѣ.

Чтобы объясненія эти не показались недостаточными, необходимо еще разобрать нѣкоторыя частныя замѣчанія рецензіи касательно указателя.

Въ алфавитномъ указателѣ Анчупа названъ крайчимъ; рецензентъ считаетъ это неправильнымъ. Должно однако сказать, что на основаніи подлинника рѣшить этотъ вопросъ очень трудно: въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ: „возлѣ земли боирна его милости пана крайчаго Анчупа“. Спрашивается: кто былъ Анчупа—крайчій ли самъ, или же боирнишъ, подданный крайчаго? Такъ какъ названія Анчупы (по другому чтенію: Анцупы) раньше не встрѣчалось, то составитель указателя, придерживаясь буквальнаго смысла этой фразы, и назвалъ Анчупу крайчимъ. Между тѣмъ рецензентъ по этому поводу разсуждаетъ такъ: „фактъ весьма важный (?): сановникъ королевскій съ мужицкимъ именемъ“. Но въ польской исторіи подобныя мужицкія имена встрѣчаются и у болѣе важныхъ сановниковъ, пежели крайчіе. Рецензенту, вѣроятно, не безызвѣстно, что въ Польшѣ были епископы: Холева (голеннице), Ціолекъ (теленокъ), Трелка, Свинка и др., были сановники Сопиги, Пацы, Лапы, Кяшки и др., что даже короли назывались одинъ Кривоустымъ, дру-

гой Лѣсконогимъ, третій Локоткомъ, четвертый Лѣшкомъ, пятый Мѣшкомъ и др., Напротивъ того, между мужиками находились и высокородныя фамиліи, напримѣръ: Iwaniec Kroljewic (I ч. стр. 168); Wasil Kniezik, Olexiey a Owchiem Kniezico-wiczy (I ч. стр. 51); Janko y Michalko Chotkiewicz (стр. 297); Staszko Radziwilowicz (I, 60); Piotr, Janko Radziwilowiczi (II, 468); почему же спрашивается, Анчуна не могъ быть крайчимъ? Но справивъ, впрочемъ оказывается (см. Zbior nazwisk szlachty przez P. N. Malachowskiego. Lublin. 1805), что Анцуны (или Анчупы) считались шляхтой (а не мужиками) Брѣсть-Литовскаго воеводства и въ началѣ XIX вѣка.

Въ алфавитномъ указателѣ Бортко и Борткевичъ указаны въ двухъ мѣстахъ; рецензентъ утверждаетъ, что послѣ сдѣланнаго имъ сличенія оказалось, что это одно и то же лицо. Сличеніе въ данномъ случаѣ заключалось въ томъ, что то и другое имя встрѣчается въ м. Мостахъ. Но почему Бортко и Борткевичъ не могли быть и разными лицами, живущими въ одномъ и томъ же поселкѣ,—изъ этого мѣста Писцовой книги не видно; видно только, что первый получилъ уволоку земли за городомъ, а другой 4 плаца въ самомъ городѣ. Впрочемъ изъ другихъ мѣстъ Писцовой книги видно, что одну и ту же фамилію носило по три, четыре и болѣе человекъ; на стр. 71-й I ч. въ селѣ Глядоничахъ было 8 человекъ однихъ только Смолячичей.

Также разсуждаетъ рецензентъ о боярахъ Брандичахъ и Бранчицахъ, считая ихъ за одно и то же лицо; Борейсовъ называетъ Борейшами, потому что въ такомъ видѣ фамилія эта употребляется нынѣ; Вильзовъ считаетъ Нѣмцами въ то время, когда и между крестьянами встрѣчаются Вильдичи и Вильдзичи и Вильдзюки, не имѣющіе ничего общаго съ Нѣмцами. Рецензента, вѣроятно, поразила фамилія съ русскимъ окончаніемъ на овъ; но въ древнее время въ здѣшнемъ краѣ не мало было и Москвитиновъ.

Въ другихъ же случаяхъ, когда въ указателѣ обозначалась одна фамилія, но съ двойнымъ именемъ (и особою ссылкой на страницу), рецензентъ непременно видитъ двѣ фамиліи (Бонимъ Андрей, Янъ, Андрей). Такія же qui pro quo встрѣчаются и въ другихъ замѣчаніяхъ рецензента относительно нѣкоторыхъ географическихъ названій и предметовъ, съ тою только разницей, что здѣсь онъ и самъ дѣлаетъ ошибки; такъ напримѣръ, желая дополнить будто бы про-

пущенную ссылку на страницу къ слову монастырь, онъ указываетъ на такую, на которой этого слова вовсе не встрѣчается (II, 183); или же правильное толкованіе предметовъ по словарямъ считаетъ неправильными (напримѣръ, *lasmus* въ указателѣ объясненъ въ значеніи каменнаго амбара, а рецензентъ утверждаетъ, что это значить скарбець; между тѣмъ, у Линде (2-е изд.) это слово толкуется такъ: *lasmus* z niem. *Lehmhaus*, *murowany domek* na *chowanie od ognia*“, а въ словарь польско-россійскомъ виленскаго изданія *lasmus* объяснено—амбаръ каменный).

Накопецъ, рецензентъ высказываетъ иронически недоумѣніе, почему названія крестьянъ не вошли въ указатель фамилій, а названія бояръ вошли, хотя эти послѣдніе, по мнѣнію рецензента, были такими же крестьянами, какъ и первыя.

И съ этимъ мнѣніемъ согласиться не возможно. Бояре на Литвѣ носили на себѣ слѣды глубокой русской старины и въ XVI в. вовсе не были крестьянами, какъ это случилось со многими изъ нихъ въ позднѣйшія времена Рѣчи Посполитой. Вотъ что говорится о боярахъ, напримѣръ, у Валинскаго ¹⁾: „Бояре составляли нѣчто среднее между шляхтой и хлопами. Одни изъ нихъ были путные или думные, владѣющіе землей; другіе служковые, состоявшіе при замкахъ для исполненія обязанностей курьеровъ или сборщиковъ податей. Бояре причислялись къ привилегированному классу, имѣвшему голосъ въ законодательствѣ; второе соединеніе Литвы съ Польшей совершилось по соизволенію „*baronum, nobilium, bojarogum*“ (Vol. Leg. I, 30). Боярами могли дѣлаться шляхта, мѣщане и вольные крестьяне. Если какое-либо боярское населеніе успѣвало отличиться въ какомъ-либо важномъ дѣлѣ (въ мужественной битвѣ съ непріятелями), то цѣликомъ возводилось въ шляхетское достоинство; отсюда-то и появилось множество мелкой шляхты на Литвѣ и Руси (Литовской)“.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что рецензія г. Пташицкаго не достигаетъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ была составлена: указанія ея ошибочны, а нападки не имѣютъ достаточныхъ основаній.

¹⁾ *Starożytnosci Polskie*. Poznań, 1842, t. I, стр. 97.

Очерки западно-европейской исторіографіи.

II.

Настоящая статья будетъ посвящена сочиненіямъ по новой исторіи Англій, по дѣя началу я укажу на книгу, которая можетъ служить какъ бы переходомъ отъ средневѣковой исторіи къ новой, потому что захватываетъ въ своемъ изложеніи и ту, и другую эпоху. Это—„Исторія Лондона“ Лофти ¹⁾. Авторъ перебираетъ различныя кварталы и посады, вошедшіе въ составъ чудовищнаго города, и слѣдитъ за каждымъ изъ нихъ, по возможности, начиная съ римской эпохи и до нашего времени. При этомъ онъ особенно останавливается на судьбѣ замѣчательныхъ зданій и на всемъ, что касается искусства въ Лондонѣ. Эрудиція большая, и научиться можно многому, но къ сожалѣнію, изложеніе довольно отрицательное и капризное. Лофти не любитъ говорить о томъ, на чемъ настаивали другіе, не любитъ соглашаться съ избитыми мнѣніями и ходячими оцѣнками, не любитъ стѣснять себя строгимъ и равномернымъ порядкомъ. Главное, собственно муниципальная исторія города, его политическая, торговая и юридическая исторія недостаточно обратили на себя вниманіе автора. Въ результатѣ получилась масса интересныхъ замѣчаній и свѣдѣній относительно различныхъ лондонскихъ мѣстностей и зданій, но совсѣмъ не исторія города, какъ цѣлаго. Кстати замѣчу, что недавно вышедшее собраніе очерковъ Фримана подъ заглавіемъ „Англійскіе города и мѣстности“ ²⁾ также весьма мало удовлетворяетъ читателя. Это рѣчи, произнесенныя при открытіи археологическихъ съѣздовъ, и статьи, напечатанныя первоначально въ Saturday Review. И тѣ, и другія болѣе задѣваютъ предметъ, чѣмъ разбираютъ его.

Перехожу къ сочиненіямъ по новой исторіи. Большая часть интересныхъ книгъ въ этой области за послѣднее время посвящена XIX вѣку. По XVII в. заслуживаетъ нѣкотораго вниманія только біографія Уильяма Пенна, написанная Стоутономъ ³⁾, да и то болѣе по инте-

¹⁾ *Loftie*, History of London, 2 volumes.

²⁾ *Freeman*, English towns and districts.

³⁾ *Stoughton*, William Penn, the founder of Pennsylvania. 1882.

ресу самаго предмета нежели по новизнѣ свѣдѣній или талантности обработки. Старая біографія Кларксона остается все-таки самою основательною работою относительно Пенна, а книга Диксона—наиболѣе популярною и живою. Заслуга Стоутона состоитъ въ томъ, что онъ тщательнѣе воспользовался различными публикаціями документовъ, сдѣланными въ послѣднія десятилѣтія. Объ отношеніяхъ квакера къ Іакову II онъ не въ состояніи сказать ничего особенно новаго: въ общемъ онъ протестуетъ противъ враждебной характеристики Маколея, и напротивъ, совершенно согласенъ съ апологіей Форстера. По поводу безсмысленныхъ слуховъ, одно время весьма распространенныхъ между современниками, что Пеннъ—переодѣтый іезуитъ, онъ приводитъ характерное письмо его къ Тиллотсону: „Въ религіозномъ отношеніи и ненавижу два принципа и сожалѣю тѣхъ, кто исповѣдуетъ ихъ: первый—подчищеніе авторитету безъ убѣжденія, второй—уничтоженіе ради Господа людей, разногласящихъ со мною. Такая религія не имѣетъ сужденія, хотя имѣетъ зубы“. Что касается дѣятельности Пенна въ Новомъ Свѣтѣ, то заслуживаютъ вниманія подробности о странныхъ и непріятныхъ отношеніяхъ, которыя по необходимости развились между Пенномъ, какъ собственникомъ Пенсильваніи, и демократически организованнымъ населеніемъ колоніи. Интересны также данныя, обнаруживающія гуманность квакера въ его индѣйской политикѣ: онъ даже дѣйствовалъ противъ продажи туземцамъ крѣпкихъ напитковъ.

Сочиненіе Аштона объ „Общественной жизни въ царствованіе королевы Анны“¹⁾ представляетъ массу интересныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ обыденное теченіе англійской жизни въ началѣ XVIII вѣка. Матеріаломъ для автора послужили сатирическіе журналы, возникшіе именно въ это время, памфлеты и поэмы, драмы и пѣсни, путешествія, газеты и объявленія. Изъ всего этого, при вниманіи и терпѣніи, не трудно было составить разнообразную и занимательную историческую мозаику, и авторъ достигъ этого вполне. Конечно, въ этой картинѣ много подробностей и мелочей лишннихъ, затрудняющихъ общій обзоръ, *Ueberblick*, какъ сказали бы Нѣицы. Для того, чтобы судить о религіозномъ движеніи или юридической области, недостаточно тѣхъ свѣдѣній, которыя даетъ Аштонъ объ образѣ жизни и внѣшнемъ поведеніи священниковъ и юристовъ. Но и это имѣетъ свое значеніе. Въ двухъ томахъ указанного сочиненія мы найдемъ

¹⁾ *Ashton*, *Social life in the reign of Queen Anne*. 2 volumes. часть ССХХІХ. отд. 2.

данныя относительно дѣтства, воспитанія, браковъ, погребенія Англичанъ начала XVIII вѣка, узнаемъ, какъ они одѣвались, какъ проводили день, что ѣли, что читали и чѣмъ развлекались, получимъ свѣдѣнія относительно различныхъ занятій и профессій лондонскихъ жителей, включая въ томъ числѣ и профессию преступниковъ. То, что Маколей вратцѣ набросалъ въ третьей главѣ своего перваго тома для конца XVII вѣка, составляетъ у Антона предметъ подробнаго описанія по отношенію къ началу XVIII, и это описаніе гораздо обстоятельнѣе и содержательнѣе, нежели соотвѣтствующая глава въ исторіи Лекки. Обращаю особенное вниманіе читателей на главы о трактирахъ и клубихъ въ I-мъ томѣ и о „могокахъ“, преступникахъ и тюрьмахъ во II-мъ. Первая изъ этихъ главъ имѣетъ непосредственный политическій интересъ, такъ какъ Октябрьскій клубъ былъ средоточіемъ крайнихъ тори и якобитовъ, а клубъ „Телячей головы“ былъ, по преданію, основанъ самими рьяными радикалами въ память вазни Карла I. Изъ описанія трактирной и клубной жизни очень ясно выходитъ, что знаменитая домашняя жизнь Англичанъ развилась весьма поздно. Въ началѣ прошлаго вѣка мужская половина общества, въ Лондонѣ по крайней мѣрѣ, всячески старалась убѣжать изъ дому и проводила цѣлые дни въ *cafés* и тому подобныхъ заведеніяхъ. Глава о „могокахъ“ любопытна въ томъ отношеніи, что изображаетъ наслѣдіе кавалерскихъ нравовъ XVII вѣка въ послѣдующемъ столѣтіи. „Могоками“ называлась буйная молодежь аристократическаго и иного происхожденія, которая безчинствовала по ночамъ на лондонскихъ улицахъ, „разносила“ полицію, ломала все, что попадало подъ руку, и колотила мирныхъ гражданъ. Эти подвиги производились въ такихъ размѣрахъ, что напуганные Лондонцы стали слагать цѣлые мифы по ихъ поводу, а правительство королевы принуждено было пустить въ ходъ вооруженную силу. Глава о преступленіяхъ рисуетъ общественную нравственность того времени въ очень мрачныхъ краскахъ. Одинъ наблюдательный французскій путешественникъ писалъ: „Я недавно былъ въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Лондономъ и Парижемъ, и у насъ поднятъ былъ вопросъ: который изъ этихъ двухъ городовъ развращеннѣе? Было указано, что чрезвычайная мягкость англійскихъ законовъ открываетъ путь множеству дурныхъ дѣяній, которыхъ при иныхъ условіяхъ совершено не было бы. Въ ихъ наказаніяхъ нѣтъ ничего страшнаго, кромѣ смерти. Пытка имъ неизвѣстна, и слѣдствіе производится не строго. Судьи сильно мирнолятъ обвиняемымъ, лжесвидѣтели за свои

ложныя показанія подвергаются весьма незначительнымъ взысканіямъ, и вообще замѣтны послабленія, которыя можно назвать неисполненіемъ законовъ. Что касается банкротствъ и подобныхъ имъ мошенничествъ, то лондонская Сити полна привилегированныхъ мѣстъ, гдѣ могутъ найти убѣжище эти воры“. И описаніе, и критика одинаково характерны.

Какъ сказано, интереснѣйшія работы за послѣднее время посвящены XIX вѣку. Въ томъ же самомъ томѣ Этюдъ, въ которомъ Фраудъ перепечаталъ статьи о Томасѣ Векегѣ, помѣщенъ небольшой очеркъ „Оксфордской контръ-реформаціи“. Онъ занимаетъ всего страницъ сто, по эти немногія страницы возбуждаютъ много мыслей. Онѣ трактуютъ о чрезвычайно важномъ и интересномъ фактѣ въ духовной исторіи современной Англійи, о спиритуалистической реакціи, которая началась въ 30-хъ годахъ въ Оксфордскомъ университетѣ, сильно подорвала протестантскій раціонализмъ высшихъ и среднихъ классовъ англійскаго общества и привела однихъ къ католицизму, другихъ къ ритуализму, а третьихъ къ певѣрію. О главномъ представителѣ движенія, знаменитомъ Джонѣ-Генри Ньюманѣ, Гладстонъ выразился такъ: „На мой взглядъ его выходъ изъ Англійской церкви далеко не былъ оцѣненъ во всей своей пагубной важности. Есть поговорка, что міръ не знаетъ самыхъ великихъ людей своихъ; я прибавлю, что міръ не подозреваетъ, какую силу и значеніе имѣютъ слова и дѣла тѣхъ великихъ людей, которыхъ онъ признаетъ... Я имѣю въ виду не влияніе этого выхода на относительную силу партій и школъ въ церкви—это вопросъ второстепенной важности,—имѣю въ виду его влияніе на вѣру вообще, на направленіе и свойства религіознаго чувства въ Англійи“¹⁾. Фраудъ совершенно также смотритъ на дѣло: „Два писателя особенно могущественно повлияли на современное поколѣніе Англичанъ.—Ньюманъ и Карлейль. Ньюманъ былъ голосомъ духовной реакціи въ Европѣ, испуганной эрою революціи и ищущей спасенія въ заброшенныхъ убѣжденіяхъ эпохи, которую прежде презирали“²⁾. Воспоминанія и сужденія Фрауда по поводу движенія тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онъ самъ принадлежалъ къ Oriel College въ Оксфордѣ, изъ котораго вышла контръ-реформація, а старшій братъ его, Hurrell Froude, былъ однимъ изъ первыхъ и вліятельнѣйшихъ ея апостоловъ.

¹⁾ *Jennings, Life of Cardinal Newman*, 52, 53.

²⁾ *Short studies*, IV, 272.

Нашъ авторъ произноситъ надъ всѣмъ движеніемъ полный и рѣзкій приговоръ, мотивы котораго выясняются тотчасъ, какъ только мы познакоимся съ его описаніемъ Англиканской церкви до этого времени. „Прежде, чѣмъ мой братъ и его друзья принялись перестраивать церковь, она пахотилась въ періодъ самаго цвѣтущаго здоровья. Общество было проникнуто пранославіемъ, но не богословіемъ. Духовенство состояло изъ провинціальныхъ джентльменовъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, жившихъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ народомъ, но державшихся въ полной равноправности съ дворянствомъ и аристократіей. Подвергать вопросу вѣрованія, утвердившіяся въ силу общаго признанія, есть прямое нарушеніе общаго благосостоянія. Вѣрованіе или обрядность совсѣмъ не совокупность извѣстныхъ предложеній и не рядъ внѣшнихъ правилъ, истину или необходимость которыхъ можно доказать или опровергнуть: они вырастаютъ вмѣстѣ съ жизнью расы или націи, образуются подобно тому, какъ живой зародышъ развивается въ органическое тѣло. Мы не спрашиваемъ у дерева—истица ли оно; вопросъ—живо ли оно. Такъ и съ церковью или вѣроученіемъ: надо смотрѣть, какое дѣло они дѣлаютъ. Если церковь учитъ людей быть мужественными, правдивыми, честными, справедливыми, дѣлаетъ ихъ благородными, равнодушными къ своимъ эгоистическимъ интересамъ, стремящимися къ добру, истица ея вѣроученія доказана лучше, чѣмъ могли бы доказать ее аргументы“. Эта здоровая растительная вѣра по мнѣнію автора, погибла въ Англии, потому что оксфордскіе богословы выступили противъ послѣдователей Бентама, либераловъ, революціонеровъ и раціоналистовъ, и принялись въ отпоръ имъ воздвигать вновь зданіе мистической церкви, разрушенное реформаціей. „Молодой Оксфордъ открылъ, что для борьбы съ радикалами мало стараго оружія, что необходимо вѣчто болѣе глубокое и истинное, чѣмъ ученіе, удовлетворявшее потребностямъ прошлаго вѣка.... Въ основѣ зла (раціонализма) лежала современная идея свободы, предполагаемое право людей думать и дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Они должны, напротивъ, подчиняться авторитету, а средоточіе авторитета въ церкви“. Чтобы создать эту опекающую руководящую церковь, приходилось возрождать католическое ученіе о таинствахъ, сообщающихъ благодать Божию черезъ посредство іерархін, столь же католическое ученіе о таинственности преемствъ ¹⁾ благодати въ самой іерархіи. Вся церковная

¹⁾ См. напримѣръ, *Newman*, *Apologia pro vita sua*, 49, 50.

исторія прибрѣтала совершенно новую окраску: Григорій VII являлся уже не поплочивіемъ зла, а величайшимъ дѣятелемъ въ церкви, Карлъ I не тираномъ, посягнувшимъ даже на духовную свободу своихъ подданныхъ, а святымъ Карломъ; за то Крапмеръ и Мильтонъ заслужили названія лицемеръ и фанатика. Мало того, новые богословы отрекались отъ самой реформаціи, изъ которой вышла Англиканская церковь. „Реформація плохо вправила сломанную кость“, говаривалъ Фраудъ старшій. Къ чему же привело все это рвеніе? Они порвали тѣ волокна обычая, посредствомъ которыхъ установленная церковь поддерживала свое спокойное вліяніе, они подняли разсужденія о ея доктринахъ и низвели общепринятія истины на степень спорныхъ мнѣній. Что хуже всего, своими усиліями отождествить христіанство съ католическою системою, они возбуждали сомнѣнія относительно самаго христіанства въ людяхъ, которыхъ не могли убѣдить. Не будь Оксфордскаго движенія, скептицизмъ остался бы безвреднымъ построеніемъ немногихъ философовъ. Они поставили нагубную дилемму: или церковь, или ничто, и принудили этимъ честныхъ людей сказать: лучше ничто, чѣмъ лъвая ложь“.

Таковъ приговоръ, и онъ не лишенъ значенія, потому что произнесенъ человѣкомъ, лично пережившимъ тотъ духовной процессъ, который изгналъ многихъ изъ церкви. Не трудно, однако, найти слабые пункты всего этого разсужденія; не трудно показать, что если брать во вниманіе крупныя историческія періоды, благотворное вліяніе религіи на нравственность и практическую жизнь прямо пропорціонально силѣ теоретическихъ убѣжденій; что самое отдѣленіе морали отъ вѣроученія свидѣтельствуетъ о распаденіи или ослабленіи религіи; что въ борьбу съ принципомъ свободы дѣйствительно можетъ вступить только принципъ авторитета; что противъ рраціонализма XIX вѣка мало выставить полураціоналистическую религію XVII. Не трудно показать даже, какъ иногда самъ Фраудъ развиваетъ мысли, противорѣчащія изложенному выше построенію; онъ, на примѣръ, признаетъ ограничивающее вліяніе науки и разума относительно религіи и призываетъ свободное изслѣдованіе къ разсмотрѣнію самыхъ основныхъ религіозныхъ воззрѣній, представляетъ крайній поворотъ Оксфордскаго движенія къ католицизму не случайностью, не результатомъ частнаго заблужденія, а элементомъ обширнаго историческаго процесса, охватившаго столько же Францію и Германію, сколько Англію. Но важнѣе посмотрѣть, какъ относились люди,rip>писшіе „не миръ, а мечъ“ въ Англію, къ основнымъ вопросамъ,

затронутымъ Фраудомъ, какъ они судили о состояніи Англиканской церкви до реформы, и считали ли они возможнымъ довольствоваться спокойною нравственною практикой. Одинъ изъ участвовавшихъ въ Оксфордскомъ движеніи, Мосли, издалъ недавно „Воспоминаніа“ ¹⁾, которыя довольно подробно рисуютъ враждебное отношеніе тогдашняго Оксфордскаго поколѣнія къ сдѣлавшемуся чисто формальнымъ евангелическому направленію. По лучши всѣхъ охарактеризованы „евангелики“ въ повѣсти Ньюмана, посвященной изображенію англійской религіозной жизни въ 30-хъ годахъ ²⁾. Вотъ знаменитый проповѣдникъ того времени: „Откровеніе для него не было бездной промысла Божія, съ неясными очертапіями и широкими тѣнями: оно представлялось ему равниной, освѣщенной солнцемъ и пересѣченной прямыми, шоссированными дорогами“. А вотъ моралистъ въ стилѣ Фрауда: „Фриборнъ считалъ само богословіе ошибкой, потому что оно подставляетъ бесполезныя разсудочныя понятія на мѣсто жизненныхъ истинъ религіи. Писаніе много говоритъ о вѣрѣ и святости и почти ничего о церкви и формахъ“. Противъ послѣдняго взгляда особенно вооружалась новая школа. Ньюманъ говоритъ въ своей Апологіи: „Съ пятнадцатилѣтняго возраста догматъ былъ для меня основнымъ принципомъ религіи: я не знаю иной религіи; религія, какъ чувство, для меня просто сонъ и насмѣшка“ ³⁾.

Но церковныя воззрѣнія Оксфордской школы ставили ее въ роковое противорѣчіе съ реформацией, давшою начало англиканизму, съ знаменитыми 39-ю статьями, которыя хоти и представляютъ довольно неясный компромиссъ между различными протестантскими мнѣніями, но все-таки, по своей сущности, остаются именно протестантскими. Въ повѣсти Ньюмана скептикъ Шеффилдъ разказываетъ ритуалисту анекдотъ про Негра, который въ отсутствіе своего господина воспользовался его гардеробомъ и разгуливаетъ по улицамъ голый, по обыкновенію, но въ трехуголкѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. А герой повѣсти размышляетъ такъ: „Послѣдовательная система, по крайней мѣрѣ, не произноситъ сама надъ собою приговора. Послѣдовательность не истина, но истина послѣдовательна“. Изъ умственного броженія и безпорядка, возбужденнаго Оксфордскимъ движ-

¹⁾ *Mozley, Reminiscences, chiefly of Oriel College and the Oxford movement.* 1882.

²⁾ *Loss and gain.*

³⁾ *Apologia pro vita sua, 49.*

ніемъ, не всѣ нашли одинаковый выходъ. Не говоря о тѣхъ, которые впали въ анатію или скептицизмъ, самые рьяные поборники религіознаго возрожденія раздѣлились. Одни побоялись сдѣлать послѣдніе выводы, удовольствовались внѣшнею перекраской, остались въ Англиканской церкви, ввели въ нее ритуализмъ; другіе, болѣе цѣльные, искренніе, горячіе, или напротивъ, болѣе слабые и сентиментальные, ушли въ католицизмъ. Фраудъ въ своей статьѣ не касается послѣдователей Пьюзи и сосредоточиваетъ свое вниманіе на вожака втораго направленія—Джонъ-Георіи Ньюманъ.

Мы видѣли, какъ враждебно относится Фраудъ ко всему этому движению, и мы знаемъ, что онъ не привыкъ быть безпристрастнымъ и справедливымъ относительно своихъ враговъ. А между тѣмъ о Ньюманѣ Фраудъ говоритъ съ восторженнымъ удивленіемъ, признаетъ его полную, жгучую искренность, поклоняется ему, какъ истинному „ловцу чловѣковъ“. Онъ не говоритъ болѣе: „Credo in Newshappish“, какъ говорилъ выѣстѣ съ другими въ университетское время, но ставитъ его на ряду съ грознымъ богомъ своего зрѣлаго возраста—Карлейлемъ, а для характеристики его вліянія на людей и соединенія силы, ясности, простоты и увлекательной симпатичности въ его характерѣ прибѣгаетъ къ странному сравненію съ Юліемъ Цезаремъ. Говоря о проповѣдяхъ Ньюмана въ Оксфордѣ, Фраудъ замѣчаетъ, что онѣ носили печать лично передуманнаго, пережитаго. Въ этомъ заключалась ихъ несравненная прелесть, подчинившая слушателей; въ этомъ же заключалась и опасность ихъ, по скольку онѣ вносили въ умы сомнѣнія и идеи, которыя университетская молодежь не въ состояніи была переварить. Страницы, посвященныя Ньюману, не мало содѣйствуютъ выясненію этой могучей личности и отношеній къ ней окружающихъ. Но конечно, для того, чтобы понять ее, лучше всего обратиться къ замѣчательной „Апологіи“ самого Ньюмана. Тамъ, какъ живой, является намъ этотъ чловѣкъ, упорно пробивавшійся къ твердому убѣжденію, обвинявшій въ умственной трусости всякаго, кто не ищетъ разумнаго основанія своей вѣрѣ, въ нравственной трусости всякаго, кто не защищаетъ этого основанія. Не мудрено, что въ своемъ упорномъ исканіи одной основной истины, въ своей жаждѣ отстоять и распространить найденную истину, онъ проникся особаго рода фатализмомъ и въ самой болѣзни не переставалъ повторять: „На мнѣ лежитъ дѣло въ Англии“. Въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ и полемикѣ онъ отличался послѣдовательностью и діалектической тонкостью мысли. Но въ осно-

ваніи его міросозерцанія лежала мистическая идея, родившаяся и развившаяся вмѣстѣ съ нимъ, совершенно независимая отъ логики и аргументаціи. Еще ребенкомъ ему приходило иногда въ голову, что жизнь—сонъ, самъ онъ—ангелъ, а весь міръ—обманъ. Впослѣдствіи его особенно привлекали Александрійская школа—Климентъ и Оригенъ: „Часть ихъ ученія явилась какъ бы музыкой для моей души, какъ бы отвѣтомъ мыслямъ, которыя я давно лелеялъ почти безъ всякаго содѣйствія извнѣ. Онѣ были основаны на мистическомъ или сакраментальномъ принципѣ и говорили объ экономіяхъ Вѣчнаго Существа. Я понималъ относящіяся сюда мѣста въ томъ смыслѣ, что вѣшній міръ въ природѣ и исторіи не болѣе какъ проявленіе нашимъ чувствамъ дѣйствительности высшей, нежели онъ самъ. Природа—притча, Писаніе—аллегорія“.

Фраудъ приводитъ цѣликомъ замѣчательныя страницы Апологіи, въ которыхъ Ньюманъ оправдываетъ свое христіанство и католицизмъ, но по видимому, эти страницы болѣе поразили его своею художественностью и паеосомъ, нежели раскрыли ему сущность дѣла. Фраудъ протестуетъ противъ поворота къ католицизму съ той точки зрѣнія, что это вѣроученіе вызываетъ еще больше возраженій, чѣмъ реформаціонное ¹⁾. Однимъ словомъ, онъ не понимаетъ, что рачіоналистическому протестантизму не легче справиться съ немногими возраженіями однороднаго ему научнаго рачіонализма, чѣмъ католической церкви съ многими возраженіями, исходящими изъ сферы, компетентность которой она совершенно не признаетъ. Какъ бы то ни было, этюдъ Фрауда представляетъ чрезвычайно интересное сообщеніе по исторіи религіознаго процесса въ XIX вѣкѣ.

Другой великій вопросъ, составляющій по настоящее время злону днѣ въ Англіи, это—ирландскій вопросъ, открытая рана въ могучемъ тѣлѣ Великобританіи. Роковая историческая необходимость заставила Англичанъ подавить самостоятельность сосѣднаго острова, но у нихъ не хватило силъ уничтожить его національную и религіозную отдѣльность. Народъ ирландскій ненавидитъ чужеземныхъ поработителей и за нихъ захватъ, и за нихъ гордую, жесткую исключительность, и за плачевное экономическое состояніе страны, и за собственную свою слабость, легкомысліе и лѣность. И какъ трудно выйти изъ этого тяжелаго положенія! Можно ли предоставить Ирландіи политическую автономію, которая тотчасъ

¹⁾ Short studies, 313.

будетъ обращена противъ интересовъ Англіи? Какъ преобразовать соціальный строй, смягчить историческое право, выросшее изъ завоеванія, не производя революціи, не подрывая собственности?

Книга Морфи ¹⁾ показываетъ, какъ сѣялись драконовы зубы въ Ирландіи. Подробно разказана исторія страшнаго 1649 года, когда „святыя“ драгуны Кромвеля рѣзали и бунтовщиковъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, и сдавшихся на честное слово, и беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Научнаго и литературнаго значенія сочиненіе Морфи не имѣетъ. Оно написано очень неуважливой рукой и не даетъ новыхъ результатовъ. Очень много новаго, напротивъ, можно найти въ книгѣ сэра Чарльза Гавана Дѣффи ²⁾, которая переноситъ насъ въ самое недавнее прошедшее, описываетъ политическую агитацію въ Ирландіи, завершившуюся неудачною испанскою мятежа въ 1849. г. Гаванъ Дѣффи былъ однимъ изъ руководителей „Молодой Ирландіи“, редакторомъ ея главнаго органа—газеты *Нація*, и онъ разказалъ, въ недавно вышедшемъ сочиненіи ³⁾, какъ образовалась партія вокругъ Томаса Девиса, какъ она приняла направленіе, не совпадавшее съ агитаціей О'Коннеля, хотя не выдѣлилась вполне изъ общей оппозиціонной ассоціаціи. Теперь онъ излагаетъ исторію партіи послѣ смерти Девиса, стараясь выставить въ истинномъ свѣтѣ разрывъ съ старою Ирландіей, которую О'Коннель отказался вести прямымъ путемъ къ разрыву Уніи (Repeal), безъ соглашеній и уступокъ Англичанъ. Въмѣсто этого, О'Коннель направилъ ее на окольную, обманчивую дорогу союза съ вигами, заискиванья ирландской свободы отъ либерализма и гуманности англійской партіи, либеральной для себя и готовой не хуже тори эксплуатировать другихъ. Когда онъ прямо вступилъ въ союзъ съ новымъ министерствомъ лорда Джона Росселя, потребовалъ отъ своей ассоціаціи признанія, что Ирландцы имѣютъ право только на нравственное, но никакъ не на матеріальное сопротивленіе и отлучилъ *Націю* отъ своей политической церкви, радикальная фракція почти по неволѣ отдѣлилась отъ общаго союза и вступила въ борьбу съ освободителемъ, который до тѣхъ поръ диктаторски управлялъ движеніемъ. Среди самихъ радикаловъ тотчасъ же обозначились два направленія: одно, предполагавшее дѣйствовать средствами О'Коннеля — агитаціей въ

¹⁾ *Murphy, Cromwell in Ireland.*

²⁾ *Sir Charles Gavan Duffy, Four years of Irish history (1845—1849).*

³⁾ *Young Ireland. 1880.*

прессѣ, митингами, союзами, другое—выставлявшее прямо революціонную программу, увлекавшее партію къ открытому бунту. Характернымъ вождемъ этихъ ультра-радикаловъ явился горбитый, тщедушный Лелоръ, ненавидѣвшій Англичанъ всею сосредоточенною, ядовитою злобой отшельника, выдѣленнаго изъ общества людей своею болѣзнью и уродствомъ. Въ своемъ заходустѣи онъ выработалъ программу мужицкаго возстанія противъ лендлордовъ, которое должно было начаться отказомъ платить оброкъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ менѣе самостоятельный и оригинальный, но болѣе способный къ агитаціи Митчель, городской ораторъ, проникнутый вѣрою въ несокрушимую таинственную силу революціи, отвергавшій всякую предварительную организацію, всякую дисциплину и руководство, уповавшій, что по первому знаку вся Ирландія вспыхнетъ какъ порохъ. Первоначально большинство партій было далеко не на сторонѣ этихъ фанатиковъ, но два обстоятельства сбили съ толку умѣренныхъ и вызвали бунтъ. Страшный голодъ обрушился на населеніе вслѣдствіе порчи картофеля въ 1847 г. Множество людей буквально умерли съ голоду, большинство едва держалось благодаря даровымъ раздачамъ, общественнымъ работамъ и. т. п. Это бѣдствіе вызывало ужасъ и негодованіе въ Англичанахъ, путешествовавшихъ по Ирландіи; тѣмъ болѣе раздражало оно ирландскихъ патріотовъ. Въ началѣ 1848 года разнеслось извѣстіе, что монархія Людовика-Филиппа пала во Франціи почти безъ сопротивленія; вслѣдъ за тѣмъ стали приходить вѣсти о возстаніяхъ въ Италіи, въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Пруссіи. Тутъ уже хладнокровные и осторожные поддали мысль, что пришло время всеобщаго освобожденія. Начались дѣйствія, то-есть, нѣсколько городскихъ агитаторовъ бросились въ провинцію, собрали вокругъ себя нѣсколько сотъ мужиковъ и попробовали держаться противъ полицейскихъ отрядовъ, высланныхъ правительствомъ. Это „возстаніе“ разрѣшилось самою полною неудачей: оказалось, что крестьянская масса совершенно не подготовлена къ вооруженной борьбѣ, а клубные и газетные дѣятели не годятся руководить ею. Не по своимъ результатамъ, но какъ симптомъ настроенія въ среднихъ классахъ ирландскаго общества по отношенію ихъ къ низшимъ классамъ, попытка „Молодой Ирландіи“ очень замѣчательна. Пораженіе партіи заканчиваетъ періодъ ирландской исторіи, открывшійся агитаціей О’Коннелла: бурная волна, которая, казалось, должна была поглотить Англичанъ, разсыпалась въ безсильную пѣну. Конечно, не такъ понимаетъ и характеризуетъ общій ходъ этого движенія авторъ, искренній, само-

отверженный патріотъ, приложившій всѣ усилія къ тому, чтобы внести единство и порядокъ въ жизнь „молодой ирландской“ партіи. И теперь, имѣя передъ глазами все совершившееся въ тѣ года и послѣ нихъ, онъ все-таки защищаетъ дѣло своей фракціи, рѣзко осуждаетъ О'Коннеля, остановившагося на полдорогѣ, съ увлеченіемъ разказываетъ, какъ двадцатилѣтніе товарищи его сплотились въ редакціи *Націи*, чтобы пересоздать Ирландію. Какъ характеристика внутренней жизни подобныхъ политическихъ партій, книга эта чрезвычайно интересна.

Совершенно инымъ духомъ вѣетъ отъ отрывочныхъ замѣчаній, набросанныхъ знаменитымъ Карлейлемъ послѣ возстанія, въ 1849 г., во время лѣтняго путешествія по Ирландіи ¹⁾. А между тѣмъ, онъ ѣздилъ подъ руководствомъ того самаго Дѣффи, о которомъ мы только что говорили. Дѣффи выразилъ сожалѣніе по поводу изданія дневника Карлейля, и это сожалѣніе до известной степени оправдывается его содержаниемъ. Читая это произведеніе желчи, невольно припоминаешь пословицу homo homini lupus. Великій англійскій идеалистъ постоянно страдаетъ, глубоко страдаетъ отъ массы надобливыхъ мелочей, которыя обсыпаютъ путешественника; его разбитые червы не выносятъ раздражающаго тренія тысячи человѣческихъ существованій, среди которыхъ ему приходится двигаться. Большая часть попадающихся ему на глаза людей внушаетъ ему ненависть, отвращеніе, презрѣніе, и тѣ, которые встрѣчали его съ почтительнымъ удивленіемъ, съ искреннимъ радушіемъ, съ полною готовностью служить, не составляютъ исключенія: онъ клеймитъ ихъ двумя тремя-безпощадными словами. „Dr. Cook Taylor—сожалѣніе, не симпатію, чувствовалъ я къ нему съ его лѣнливою, воркующею, полурожванпою, полуфальшивою манерой говорить, думать и дѣйствовать... Dr. Murray—колоссальная, неповоротливая масса католическаго ирландства“, и т. п. и т. п. Рѣдко проглядываютъ среди всей этой желчной браши спокойныя страницы, и внушены онѣ большею частью пребываніемъ среди комфорта и богатства въ замкѣ какого-нибудь англійскаго лорда. Не смотри однако на безотрадный тонъ дневника, зависящій еще болѣе отъ субъективныхъ свойствъ наблюдателя, нежели отъ ужасной картины, которую онъ имѣлъ передъ глазами, эти судорожные наброски заключаютъ въ себѣ, какъ всегда у Карлейля, массу оригинальныхъ и характерныхъ за-

¹⁾ *Carlyle, Reminiscences of a journey in Ireland; ed. by Froude.*

мѣчаній. Уже на пароходѣ, отвозившемъ его въ Ирландію, Карлейль имѣлъ предчувствіе того, что его ожидаетъ. Взглядыми въ ирландскихъ пассажировъ передней палубы, онъ различалъ нѣсколько типовъ: злобный и сбитый съ толку—длинное, разваливающееся подобіе человѣческаго существа, съ низкоспущенными бровями и носомъ, опущенными углами рта, узкимъ-узкимъ подбородкомъ и глазами, полными горя и бѣшенства... Ирландскій матросъ у руля — большой, съ орлинымъ лицомъ и сжатыми губами, съ маленькими глазами, дикими и хитрыми. „Вообще говоря, я былъ пораженъ во всѣхъ этихъ лицахъ слѣдами способности, неправильно развившейся и погибшей, слѣдами „прекрасной утраченной возможности“. Въ Ирландіи Карлейлю представилось страшное зрѣлище поголовной нищеты и упадка: „Вся страпа — громадное рубище нищаго“. Такъ закончилъ Карлейль свой дневникъ. Вотъ какъ онъ описываетъ владѣнія лорда Кенмара: „Голое, синеватое, безконечное болото, небольшія кучки оборванцевъ работаютъ кое-какъ въ своихъ ямахъ; видъ у нихъ голодный, безнадежный, видъ людей, паншихъ ниже надежды. „Какъ живемъ, сударь? Господь знаетъ, то выпросимъ, то соскрежемъ какъ-нибудь“. Въ Чеспортѣ человѣческое скотоподобіе достигло своего высшаго выраженія: 30,000 нищихъ при населеніи въ 60,000. Главный рабочій домъ не выѣзжаетъ болѣе 3 или 4 тысячъ; для остальныхъ вспомогательныхъ учрежденія и помощь въѣ домовъ. Мерзость запустѣнія. Что дѣлать съ нею! Такъ-называемая работа: 300 или 400 громадныхъ парней мотаются съ лопатами, носилками и кирками; въ первую минуту вы подумаете, что они все работаютъ, посмотрите внимательнѣе—въ каждой тачкѣ унція или двѣ глины, и все это одинъ обманъ глазъ. Милосердно ли поддерживать существованіе людей на такихъ условіяхъ? Что бы тамъ ни болтали, лучше пристрѣлить человѣка, чѣмъ воспитыпать изъ него за дорогія деньги его сосѣдей—живую свинью въ человѣческомъ образѣ. Отъ постоянного повторенія этихъ сценъ человѣческое состраданіе мало по малу замираетъ и превращается въ какую-то окаменѣлую боль и отвращеніе“. Протестанскія поселенія также выживаютъ въ Карлейль горестное чувство, хотя и по другимъ причинамъ: „Все прилично, приличная маленькая, бѣдная церковь вокругъ могилы и два-три дерева. Я чувствовалъ, какъ приличные англійскіе протестанты, или дѣти ихъ, должны съ ревностною любовью собираться здѣсь разъ въ недѣлю, чтобы вспомнить англійскую чистоту, и приличіе, и уставъ Священнаго Писанія среди чернаго Вавилона суевѣрныхъ воющихъ дикарей,

какъ Евреи, сидѣвшіе на рѣкахъ вавилонскихъ. Но я чувствую сильнѣе чѣмъ когда-либо, что никакой другой сынъ Адама, впервые схваченный ужаснымъ убѣжденіемъ, что у него есть душа, которая спасется или погибнетъ, что онъ долженъ раскрыть загадку вселенной или идти въ вѣчную муку, никакой другой сынъ Адама ни одну минуту не сочтетъ это почтенное церковное „дѣйствіе“ за разрѣшеніе тайны! Плачьте на рѣкахъ вавилонскихъ, приличные и чистые ирландскіе Англичане, плачьте, потому что у васъ есть поводъ плакать, плачьте до тѣхъ поръ, пока не найдете чего-нибудь лучшаго, чѣмъ слезы! Но не ждите, чтобы Вавилоняне или какіе другіе смертные приняли участіе въ вашемъ дѣлѣ!“ Что же обѣщаетъ страшное состояніе Ирландіи и какой выходъ изъ него? Обращаясь къ представителямъ господствующаго протестантскаго населенія, Карлейль предвѣщалъ имъ грозное будущее. „Средство для Ирландіи? Не идти вслѣдъ за діаволомъ—я не знаю другаго средства. Въ теченіе двухъ столѣтій главнымъ элементомъ жизни былъ обманъ, который теперь обанкротился. Что такое, въ настоящее время, землевладѣлецъ, еслибы Радамантъ взглянулъ на него? Что такое архіепископъ, что такое королева, что такое Англичанинъ, какъ представитель человѣческаго рода въ наше время? Связка общихъ мѣстъ, приобрѣтенныхъ слышкой, и весьма реальныхъ аппетитовъ ¹⁾); каналья, которую боги собираются наказать и уничтожить, если онъ не исправится“ и т. д. Но для несчастныхъ, голодныхъ, лѣнивыхъ, легкомысленныхъ, лживыхъ Ирландцевъ Карлейль нашелъ предсказаніе не лучше, нежели для Англичацъ. „Эти люди никогда не будутъ путными хозяевами, истинное положеніе ихъ въ мірѣ быть слугами, хоть рабами, и не будетъ у нихъ порядочнаго дня, пока они не достигнутъ этого“.

Полный смыслъ и связь этихъ осужденій, проклятій, страшныхъ совѣтовъ и воззваній выяснятся только тогда, когда мы обратимся отъ отрывковъ ирландскаго дневника Карлейля къ сочиненіямъ и статьямъ, въ которыхъ онъ неуставно и эксцентрично развивалъ свои взгляды. Для нашей ближайшей цѣли достаточно двухъ-трехъ ссылокъ на статьи, которыя онъ напечаталъ объ Ирландіи въ *Examiner* ²⁾, въ 1848 году. Заимѣтки 1849 года являются какъ бы искрами того огня,

¹⁾ A bundle of *hearsays* and authentic appetites.

²⁾ Перепечатаны въ приложеніи къ *Sesherd, Memoirs on the life and writings of Th. Carlyle*, II volume.

который сосредоточенно горитъ въ посланіяхъ, обращенныхъ ко всему ирландскому и англійскому народу.

„Ирландцы требуютъ разрыва Уніи и воображаютъ, что какъ только оны совершится, такъ все пойдетъ прекрасно: не будетъ между ними ни лѣности, ни лжи, ни легкомыслія, ни хвастливой пустоты; мѣсто скорби и голода обратится въ житницу земли. Такія надежды сами по себѣ бессмысленны, но къ тому же, еслибъ и дѣйствительно разрывъ могъ принести всѣ эти блага Ирландіи, Англія не могла бы никогда согласиться на него. Англія не можетъ разбить свой домъ на двѣ части и предоставить заднія комнаты иностранному государству. Конечно, англійское правительство много виновато передъ Ирландіей, но не больше, чѣмъ оно виновато передъ Англіей. Въда и тамъ и здѣсь въ томъ, что управляющіе классы не управляютъ, а рабочіе классы не могутъ обойтись безъ управленія... Еслибъ Ирландцы внимательнѣе и безпристрастнѣе взглянули въ положеніе своей страны, они увидали бы, что сами они виноваты не меньше, а несравненно больше Англичанъ. Коннемарскіе Кельты и прочее прекрасное крестьянство, требующее „разрыва“, — бѣлые люди, а не черные; по вѣдъ дикость человѣка опредѣляется не цвѣтомъ его кожи. Тотъ дикарь, кто въ своей упрямой глупости, въ своей хронической ярости и несчастіи не въ состояніи различать факты, которые видитъ, кого страданіе не научаетъ, а только вводитъ въ бѣшенство, кто всѣхъ и все осуждаетъ, кромѣ главнаго виновника — себя, кто вѣритъ — на Тарскомъ холмѣ ¹⁾ или въ иномъ мѣстѣ — въ явную ложь, потому что самъ несчастный лгуны не имѣетъ въ себѣ даже частицы правды или чувства правды; кто прокликаетъ вмѣсто того, чтобы думать и разсуждать; кто потрясаетъ свой томогаукъ противъ законовъ природы и настаиваетъ на своемъ — и имѣетъ глаза, чтобы видѣть! Если благодѣтельная рука не закуетъ его въ спасительное рабство, не попробуетъ кнутомъ или иначе укротить его и добиться отъ него труда, сама природа, постановившая, что мѣръ будетъ воздѣлываться, принуждена будетъ истребить его, какъ она истребила волковъ и много другихъ упрямыхъ свободныхъ существъ“. Единственное спасеніе въ трудѣ, въ трудѣ организованномъ и певольномъ. „Развѣ организація для войны единственная, какой могутъ достигнуть Ирландцы при хорошихъ унтеръ-офицерахъ?... Полкъ, десять полковъ землекоповъ на Алленскомъ болотѣ имѣли

¹⁾ Мѣсто колоссальнаго митинга, созданнаго О'Коннелемъ.

бы не худшій видъ, чѣмъ десять полковъ стрѣлковъ на Ватерлоскомъ полѣ!... Никогда безумный крикъ о „разрывѣ“ или другой, столь же безумный, крикъ не прекратится въ Ирландіи, никогда міръ не перестанеть извиваться и стопать въ тупой агоніи, въ мрачномъ, подавленномъ бѣшенствѣ до той поры, пока не включенный въ организмъ, погибающій землекопъ не получитъ свою работу... Постановка земледѣлія на военную ногу можетъ и должна быть достигнута честными, продолжительными усиліями правительства въ борьбѣ за жизнь. Всѣ націи, и наша прежде всѣхъ, должны положить начало въ этомъ смыслѣ или умереть въ анархіи, не имѣющей имени“.

Общее впечатлѣніе, которое должны произвести „Ирландскія воспоминанія“ на человѣка, незнакомаго съ литературною дѣятельностью Карлейля, будетъ весьма неблагоприятно. Постоянныя крикливыя жалобы по поводу мелкихъ личныхъ несправедливостей, несправедливое отношеніе къ окружающимъ вызываютъ естественное раздраженіе въ читателѣ, хотя бы онъ и признавалъ всю талантивость автора. Человѣкъ, знакомый съ другими сочиненіями Карлейля, вѣроятно, призадумается пасть противорѣчіемъ между энтузіастическимъ стремленіемъ его обратить, пересоздать міръ и мелочностью личнаго эгоизма, которая высказывается такъ часто въ письмахъ, замѣткахъ Карлейля, въ его ежедневной біографіи. Людей онъ, по видимому, несправедливъ; для своихъ близкихъ былъ большею частью истиннымъ бичемъ ¹⁾). Много виноваты въ этомъ чисто-физическія причины—болѣзнь нервовъ и печени. „Болѣзнь—преступленіе“, писалъ онъ полшутя, полусерьезно ²⁾). На этой почвѣ развилась его болѣзненная чувствительность: „Страшно подумать, до какой степени я не въ состояніи выносить многихъ изъ своихъ ближнихъ. Ихъ рѣчи причиняютъ мнѣ боль какъ членораздѣльный крикъ существъ, которыя должны бы говорить членораздѣльно“. Все, что задѣваетъ этого несчастнаго великаго человѣка безъ кожи, наноситъ ему раны. Литературный трудъ для него агонія, кошмаръ, съ которымъ онъ борется, чтобы не погибнуть. Онъ смотритъ въ жизнь расширенными зрачками больнаго, и передъ его лихорадочнымъ взоромъ самые простые факты, самые обыкновенные предметы раздуваются во что-то чудовищное. „Я обладаю роковымъ талантомъ обращать природу въ сверхъестественное: она для меня бакая-то по истинѣ ужасная фантастическая

¹⁾ *Froude, T. Carlyle. A history of the first forty years of his life, I, 183.*

²⁾ *Correspondence with Emerson, I, 109.*

реальность". По отношенію къ подобному субъекту надо особенно осторожно взвѣсить прежде, чѣмъ вмѣнить ему его прегрѣшенія. Легко можетъ случиться то, о чемъ писалъ самому Карлейлю старикъ Гёте: „Современники слишкомъ склонны ошибочно судить о замѣчательныхъ людяхъ—особенности личности мѣшаютъ имъ понять ее“¹⁾. Именно къ Карлейлю вполне приложима парадоксальная истина, что злоба людей часто вытекаетъ изъ ихъ симпатій. Миссъ Мартино, умная наблюдательница, хорошо знавшая Карлейля, писала о немъ: „Я особенно люблю въ его лицѣ выраженіе состраданія. Чрезмѣрность его любви къ людямъ была, какъ мнѣ кажется, главнымъ страданіемъ въ его жизни. Онъ не знаетъ, какъ быть съ нею и съ происходящею изъ нея горечью... Въ моихъ глазахъ дикость, которая характеризуетъ этого своеобразнаго человека, просто выраженіе его безмѣрной симпатіи къ страдающимъ“²⁾. И намъ нѣтъ надобности просто довѣриться въ данномъ случаѣ безпристрастію и вѣрности взгляда того или другого наблюдателя. Для того, чтобъ уравнивать впечатлѣніе, полученное отъ „Ирландскихъ воспоминаній“, пусть оскорбленный читатель возьметъ „Переписку Карлейля съ Эмерсопомъ“, на которую я уже ссылался раза два. Она издана въ нынѣшнемъ году Нортонъ и во всѣхъ отношеніяхъ интересна³⁾.

Отношенія между корреспондентами представляютъ примѣръ рѣдкой, дѣйствительно идеальной дружбы, на какую способны только великіе и благородные люди. Весь тонъ переписки высоко благородный; желчный Карлейль обнаруживаетъ по отношенію къ своему другу удивительную тонкость чувства и выраженія. Его вулканическая, гениальная натура дала ему естественный перевѣсъ надъ вдумчивымъ, нѣсколько мечтательнымъ Эмерсономъ, но онъ нигдѣ не злоупотребляетъ этимъ перевѣсомъ, да и корреспондентъ его, не смотря на все свое преклоненіе передъ гениемъ, ясно видитъ, чего онъ не можетъ признать, и спокойно, твердо, деликатно высказываетъ свой протестъ. Эмерсонъ, напримѣръ, никогда не могъ примириться съ дикою, то апокалиптической, то балаганною формою, въ которую Карлейль выливалъ свои мысли. Тотъ съ удивительною

¹⁾ *l'roude*, T. Carlyle, I, 400.

²⁾ *Fischer*, Biographie Carlyles in seiner Ausgabe des Sartor Resartus, 67.

³⁾ *The Correspondence of Thomas Carlyle and Ralph Waldo Emerson (1834—1872)*. 2 volumes.

кротостью выслушивалъ замѣчанія и оправдывался по своему. „Во всей этой горѣ бѣдствій, на которую жалуешься въ жизни, центральное и начальное—невозможность высказаться. Несчастливая душа сидитъ въ нетерпѣннѣи, бьется, тянется во всѣ страны свѣта и не въ состояніи освободиться отъ своей ноши хотя бы голосомъ. Закована, заколдована, какъ принцъ арабской сказки, на половину обращенный въ мраморъ: по истинѣ страшное дѣло! Потомъ является физическая болѣзнь, дѣйствуетъ и реагируетъ и увеличиваетъ путаницу: пока, накопецъ, не вскочишь подобно Элифазу Теманиту ¹⁾, не заявишь, что внутренній человекъ готовъ лопнуть отъ наполненія углекислотой и новымъ виномъ, что по милости Неба—надо сказать два-три слова“. Форма у Карлейля такъ неразрывно связана съ содержаніемъ, что критика его языка распространялась въ значительной степени на самую его личность. Въ бытность въ Англии въ 1847 году Эмерсонъ отиѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Карлейль обладаетъ какою-то волосатой мощью, которая дѣлаетъ его литературную дѣятельность простою случайностью, вызывающею его презрѣніе. Какъ Байронъ, онъ болѣе поражаетъ своею риторикой, нежели содержаніемъ. У него больше мужественнаго превосходства, чѣмъ духовности... Въ каждой фразѣ больше высказывается характеръ, нежели умъ, какъ у Самуила Джонсона“. Самому Карлейлю опъ писалъ еще въ 1837 году: „Когда я читалъ эту статью, мнѣ пришло въ голову, что вашъ странный геній—продуктъ вашего Лондона. Какова великая столица, таковъ стиль: широкій, громадный, родственныи всему міру и безконечный въ подробностяхъ. Мнѣ кажется, вы видите какъ на картинѣ каждую улицу, церковь, парламентъ, лачугу, булочную; харчевню, кузницу, верфь, корабль и все, что стоитъ, ползаетъ, катится и плаваетъ около нихъ, и все вы присвоиваете себѣ. Отсюда энциклопедическіе намеки на все, что подлежитъ знанію, достоинства и недостатки вашего изложенія, напоминающаго панораму“.

Карлейль высказывалъ свои несогласія не менѣе откровенно, нежели Эмерсонъ, и относящіяся сюда мѣста перениски одинаково характерны для обоихъ. Вотъ что писалъ англійскій пророкъ по поводу группы идеалистовъ, собиравшейся вокругъ Эмерсона на почвѣ практической Америки: „Мнѣ кажется, что вы рискуете отдѣлиться отъ факта настоящаго міра, который, какъ онъ ни безобразенъ,

¹⁾ Одинъ изъ собесѣдниковъ Іова.
часть ссххix, отд. 2.

одинъ можетъ служить намъ якоремъ, рискуете улетѣть за идеями, вѣрованіями, откровеніями въ опасныя высоты, навѣрно, выше линіи вѣчнаго снѣга. Право, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы возвратились въ нашъ бѣдный девятнадцатый вѣкъ, съ его безуміемъ и болѣзнями, съ его слѣпыми или полуслѣпыми, но гигантскими стремленіями, съ его смѣхомъ и слезами. Вѣдь такъ легко взвинтиться въ высоты трансцендентальной философіи; въ виду останутся подъ вами только вѣчные снѣга Гималаевъ, земля сожмется въ планету, и голубая твердь заблестаетъ звѣздами среди бѣлаго дня; легко это для васъ, для меня: но къ чему приведетъ это? Боюсь я, что къ пустотѣ и болѣзни легких⁴.

И между тѣмъ, не смотря на всѣ частныя несогласія, не смотря на различіе „концевъ“, на противоположность темпераментовъ между „западнымъ гимнософистомъ“ и англійскимъ „Іоанномъ Крестителемъ“¹⁾, оба остались не только друзьями, но союзниками. Карлейль пишетъ: „Остается правдой и останется то, что я говорилъ вамъ: для меня вѣтъ во всемъ мірѣ голоса вполне человѣческаго, вполне понимающаго мои слова и отвѣчающаго на нихъ съ ясною симпатіей и разумностью, кромѣ вашего голоса“. Оба потомка пуританъ были горячими поборниками идеализма въ его тяжелой борьбѣ противъ матеріализма возрѣній и нравовъ. Оба страдали отъ умственной пустоты и лживости поколѣнія, которое всѣ силы свои сосредоточивало въ неустанномъ и ненасытномъ добываніи денегъ. Но одинъ отворачивался отъ преступной толпы, другой съ бѣшенствомъ берсеркера бросался на нее, чтобы насильно повернуть ее на другую дорогу. „Управленіе становится торговлей и ведется исключительно на коммерческихъ основаніяхъ. Люди идутъ въ политику, чтобы сдѣлать себѣ состояніе, и заботятся только объ одномъ—чтобы свѣта хватило на ихъ вѣкъ. Я начинаю думать, что каждый обязанъ на сколько возможно освободиться отъ своей зависимости отъ общества, какъ если бы ему пришлось учиться ходить безъ костылей, которые у него скоро отнять“ (Эмерсонъ Карлейлю). „Если бы можно было заставить жить хоть одно поколѣніе людей безъ риторики болтовни, наслышекъ, хорошенько вырѣзать бы имъ языкъ, счастливые преемники нашли бы значительно улучшенный міръ! Лицемеріе навалено на насъ до высоты зенита, Авгіево стойло, заваленное до верху ядовитымъ сумбуромъ: и все это, еслибы на время ничего

¹⁾ Froude, Short Studies, IV, 272.

нельзя было говорить, растаетъ какъ лѣтній снѣгъ, и мы могли бы опять открыть глаза“.

Религіозный вопросъ составляетъ и для Эмерсона, и для Карлейля центръ, отъ котораго исходятъ всѣ остальные убѣжденія. И тотъ, и другой строятъ все свое міросозерцаніе на фактъ человѣческаго, личнаго сознанія, которое устанавливаетъ духъ, какъ нѣчто самостоятельное, и приводитъ посредственно къ идеѣ міра и идеѣ Бога. Для идеалистовъ XIX вѣка характерно однако что они въ сущности различаютъ эти идеи только логически, по положенію ихъ въ развитіи ученія; едва различивъ ихъ, они отказываются проводить строгія границы между духомъ и матеріей, Богомъ и міромъ, сливаютъ ихъ какъ сущность и внѣшность одного и того же бытія. „Подъ всѣмъ этимъ текущимъ моремъ явленій, воды котораго приливаютъ и отливаютъ въ уравновѣшенныхъ колебаніяхъ, лежатъ первоначальная бездна истиннаго существа. Сущность или Богъ не есть отношеніе или часть, но цѣлое“¹⁾. „Каждый фактъ въ природѣ есть истечение. Не причина, а слѣдствіе — природа постоянно исходитъ свыше“²⁾ (Эмерсонъ). „Матерія, какъ бы она ни была презрѣнна, есть духъ, проявленіе духа; какъ бы она ни была достойна чести, можетъ ли она быть выше этого?“ „Что такое природа? Отчего не назвать тебя Богомъ? Развѣ ты не живая одежда Бога?“ (Карлейль) Не мудрено, что и Эмерсона, и Карлейля называли пантеистами³⁾. Они были скорѣе мистиками, потому что не только утверждали единство Бога и природы, но признавали Бога и посредственно природу существомъ сознательнымъ. Надо сказать однако, что въ данномъ случаѣ, Эмерсонъ гораздо послѣдовательнѣе Карлейля, который до мозга костей проникнутъ идеей самостоятельности, ответственности личности и чисто пуританскою жаждой конечнаго суда. Эта сила личнаго сознанія выпутала его изъ страшнаго блужданія безъ вѣры, которое онъ описалъ такими огненными словами въ *Sartor Resartus* (I, 159 и сл.)⁴⁾. Но та же сила заставляла его часто понимать отношенія къ Богу гораздо болѣе раздѣльнымъ образомъ, нежели прилично пантеисту или мистыку. Различіе это характерно и вполнѣ

¹⁾ *Emerson, Essays*, I, 108.

²⁾ *Emerson, Miscellanies*, 191.

³⁾ См. напримѣръ, *Coake, Emerson, his life, writings, and philosophy*, 290, 291; *Bayne, Lessons from my masters*, 22, 23; *Taine, L'idéalisme Anglais*, 116.

⁴⁾ См. напримѣръ, отрывокъ, напечатанный у *Fraysa: T. Carlyle*, II, 17.

объясняется психологическими особенностями двухъ мыслителей: одинъ „созерцалъ“ природу и душу человѣка, изучалъ религіозныя и философскія убѣжденія, стараясь уловить въ нихъ вѣчно возвращающіеся мотивы, искалъ поэтическаго выраженія своимъ чаяніемъ и настроеніемъ; другой уходилъ на минуту въ религіозную сферу, чтобы, такъ-сказать, разжечь въ ней уголь пророчества и броситься съ нимъ въ сумятицу людей, исправлять, помогать, судить, проклинать. Отвергая теорію, созерцаніе, поэзію, требуя дѣла, дѣятельности, Карлейль иногда доходилъ до того, что самую религію представлялъ простой оболочкой морали: „Единственная цѣль, сущность и польза всѣхъ религій бывшихъ, настоящихъ и будущихъ — поддерживать живою и блистающею нашу совѣсть или внутренній свѣтъ. Всякая религія существуетъ на землѣ только для того, чтобы напоминать намъ болѣе или менѣе истину, которая уже извѣстна намъ болѣе или менѣе—что между добрымъ и злымъ человѣкомъ разница безконечная. Она должна побудить насъ безконечно любить одного и ненавидѣть и убѣгать другого, безконечно стремиться быть однимъ и не быть другимъ. Всякая религія въ концѣ концовъ есть практическое поклоненіе герою“¹⁾.

Въ перепискѣ основной религіозный вопросъ затрогивается только мимоходомъ: Эмерсонъ говоритъ о паденіи старыхъ вѣрованій, о собирающейся мало по малу новой вѣрѣ, о томъ, что мистическое ученіе Сведенборга, по видимому, войдетъ отчасти въ эту новую вѣру; Карлейль выражаетъ свое сочувствіе по поводу рѣзкости, съ которою его другъ выразился въ одной своей рѣчи относительно идеи безсмертія: люди залѣпляють этими словами свои гадости точно пластыремъ. За то переписка полна характерныхъ выраженій социальнаго и политическаго взглядовъ Карлейля, съ которыми мы уже отчасти встрѣчались въ „Ирландскихъ воспоминаніяхъ“. Здѣсь не мѣсто распространяться объ извѣстной ненависти Карлейля къ консерватизму и либерализму новаго времени, о его собственной политической системѣ, въ которой поклоненіе героямъ, требованіе сильнаго правительства и проповѣдь организованнаго труда складывались въ какой-то мистическій государственный социализмъ. Переписка не можетъ дать намъ болѣе искренняго выраженія мнѣній человѣка, всегда искренняго до фанатизма. Но Карлейль повторять и варьируетъ свои извѣстныя мнѣнія съ новою оригинальностью и силою выраженія. Ограничусь одною ссылкой: „Увы, міръ всегда былъ и

¹⁾ Past and Present, 305.

есть республика посредственностей — вы можете судить объ этомъ, что такое была и есть его всеобщая подача голосовъ по безобразному океану грязи настоящаго времени съ торчащими изъ него вышками. Я вижу пользу, неизбежность всего этого, по вижу также, что въ теперешнемъ развитіи своемъ (демократія) пагубна, ужасна и даже заслуживаетъ проклятія... Небесное благородство выброшено на грязную улицу, чтобы толкаться тамъ бокъ о бокъ со всѣми толстокожими исчадіями хаоса и попадать на каждомъ шагу въ лужу и быть раздавленнымъ; обратное всему этому будетъ всегда цѣлью эпергическихъ усилій и самого глубокаго сердечнаго стремленія всѣхъ добрыхъ гражданъ во всѣхъ странахъ свѣта. И это обратное возродится, — прежде всего въ новой и старой Англіи, я думаю — какъ только мы отдѣлаемся отъ вонючей, скорбной маніи „леди Тома“.

Одна изъ величайшихъ прелестей этой переписки заключается въ мѣткости и живости замѣчаній Карлейля относительно лицъ, съ которыми онъ встрѣчался, на которыхъ взглянулъ своими „жадными, всепожирающими“ глазами. Его характеристики освѣщаютъ личность чисто рембрандтовскимъ свѣтомъ, съ ослѣпительными бликами и глубокими, причудливыми тѣнями. Въ этомъ странномъ освѣщеніи знакомые и обыкновенные люди кажутся какими-то новыми существами: иногда оно проникаетъ черезъ черты лица въ самую глубь человѣка. Какъ примѣръ его характеристикъ, укажу на изображеніе знаменитаго американскаго оратора Даниеля Уебстера. „Это великолѣпный образецъ; вы имѣете право сказать всему свѣту: вотъ вамъ англійскій янки, вотъ какія тѣла мы выдѣлываемъ въ землѣ янки! Какъ діалектика фехтовальщика, адвоката или парламентарскаго Геркулеса я готовъ по первому взгляду поставить противъ кого угодно изъ теперешнихъ. Лицо цвѣта дубленой кожи, безформенное, скалообразное, затухшіе черные глаза подъ обрывомъ бровей, точно затухшія печи, уголь которыхъ легко разжечь; ротъ дога, правильно закрытый: а ни въ комъ еще же видалъ столько молчаливой берсеркерской ярости“. Эмерсонъ былъ восхищенъ этимъ описаніемъ и съ своей стороны прибавилъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній: „У него много пороковъ, конечно—онъ не святой, а расточитель. Притомъ, онъ такъ долго упивался ромомъ партіи, что его могучая голова пропиталась, пропиталась какъ мягкая губка, но тѣмъ не менѣе „этотъ человѣкъ—человѣкъ“. Лучше — онъ большой мальчишъ — такой же своенравный и добродушный. Но вамъ надо бы послушать, какъ онъ говоритъ не показныя рѣчи, которыя у него всегда выходятъ нехорошо, но за дѣло онъ бьетъ какъ кузнецъ“.

Прежде чѣмъ оставить переняску, укажу на одинъ предметъ, о которомъ друзья всегда судили различно: я разумѣю личность Гёте. Поэтический Эмерсонъ не могъ примириться съ его эпикурейскимъ себялюбіемъ, съ мелочностью многихъ заботъ его послѣднихъ лѣтъ. Волканическій Карлейль всегда стихалъ и преклонялся передъ творцемъ Фауста. Онъ объяснялъ свое отношеніе достойнымъ образомъ. „Я въ двухъ словахъ скажу вамъ, почему я люблю Гёте: его умъ единственный здоровый умъ, который я открылъ въ Европѣ за многія поколѣнія; онъ первый убѣдительно провозгласилъ для меня: смотри, даже въ этомъ позорномъ скептически эпикурейскомъ поколѣніи, когда все погибло, кромѣ голода и лжи, человѣкъ все-таки можетъ быть человѣкомъ. Развѣ чудное ясное лѣто не болѣе велико, чѣмъ самый дикій ураганъ, солнечный свѣтъ не сильнѣе въ тысячу разъ молніи?“

Мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ изъ изданій, появившихся послѣ смерти Карлейля. Вышедшее въ нынѣшнемъ году собраніе писемъ его жены ¹⁾ съ его собственными примѣчаніями чрезвычайно интересно, но интересъ этотъ преимущественно биографическій. Шагъ за шагомъ можно слѣдить за его жизнью отъ 1834 до 1866 года. Мистриссъ Карлейль сама была чрезвычайно талантливая женщина: ея письма обнаруживаютъ великую наблюдательность, чуткость и тонкость чувства, граціозный юморъ. Но она всецѣло пожертвовала собою своему мужу, человѣку, невыносимому въ частной жизни, всегда несчастному и умѣвшему другихъ дѣлать несчастными. Характерно для нея, что она никогда не была влюблена въ Карлейля и прямо говорила ему это. Ее увлекла его геніальность и она вышла за него изъ того же чувства, которое заставило ее украдкой поцѣловать въ плечо герцога Уеллингтона на какомъ-то вечерѣ. Она говорила про себя на закатѣ дней своихъ: „Я вышла замужъ изъ честолюбія: Карлейль превзошелъ самыя безумныя мои надежды, и я несчастна“. Дѣло только въ томъ, что она погубила свое личное счастье не изъ обыкновеннаго честолюбія, а изъ страстнаго преклоненія передъ гениемъ и доблестью, и крестъ свой она несла не какъ честолюбецъ.

Нашель Вишеградовъ.

Лондонъ, ^{27-го Іюля}
8-го августа.

¹⁾ *Jane Welsh Carlyle, Memoirs and correspondence, ed. by J. A. Froude*

ПРЕПОДАВАНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Trois universités allemandes considérées au point de vue de l'enseignement de la philologie classique (Strasbourg, Bonn et Leipzig) par F. Collard, professeur à l'université de Louvain. Louvain. 1879—1882.

Подъ этимъ заглавіемъ профессоръ древней филологіи въ Лувенскомъ университетѣ, въ Бельгіи, Колларъ собралъ въ одно нѣсколько статей своихъ, помѣщенныхъ въ различныхъ бельгійскихъ журналахъ и посвященныхъ изложенію наблюдений автора надъ преподаваніемъ классической филологіи въ трехъ германскихъ университетахъ: Страсбургскомъ, Боннскомъ и Лейпцигскомъ. Наблюдения эти суть результатъ занятій автора въ названныхъ университетахъ, которые онъ посѣщалъ для пополненія своего образованія по достиженіи степени доктора на родинѣ; по его собственному заявленію, это скорѣе замѣтки студента, который разказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, чѣмъ строго систематическій и обстоятельный отчетъ профессора, на котораго было возложено порученіе изучить и оцѣнить ходъ преподаванія въ чужестранныхъ университетахъ (стр. 7). Тамъ не менѣе въ замѣткахъ своихъ авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на методу и приемы преподаванія германскихъ профессоровъ и имѣетъ цѣлью указать своимъ соотечественникамъ тѣ пути, которыми пришли германскіе профессора-филологи къ блестящей постановкѣ университетскаго преподаванія древней филологіи. Наблюдения г. Коллара не лишены интереса, и хотя мѣстами представляются частію поверхностными, частію односторонними, однако

по массѣ сообщаемого матеріала заслуживаютъ того, чтобы съ ними ознакомилась и русская читающая публика. Постараемся въ предлагаемомъ сообщеніи извлечь болѣе достойное вниманіе изъ разсматриваемого сочиненія.

I.

Страсбургскій университетъ, поставленный Колларомъ первымъ въ ряду другихъ нѣмецкихъ университетовъ, съ которыми онъ ознакомился лично, основанъ въ 1872 году, послѣ присоединенія Эльзаса къ Германіи. Молодость этого университета объясняетъ нѣкоторыя особенности, введенныя въ его уставъ, окончательно утвержденный правительствомъ въ 1875 году. Онъ интересенъ тѣмъ, что представляютъ такія мѣропріятія, которыя правительство признаетъ самыми цѣлесообразными при настоящемъ положеніи высшаго образованія, но которыя оно еще не рѣшается проводить въ другихъ университетахъ, уважая ихъ многолѣтнія преданія; кое-что въ этихъ особенностяхъ вызвано и своеобразнымъ положеніемъ Страсбургскаго университета, находящагося въ только что присоединенной къ Германіи области. Не касаясь послѣднихъ, имѣющихъ чисто-мѣстный характеръ, отмѣтимъ изъ первыхъ ограниченіе дѣятельности академическаго *plenum* и перенесеніе большинства изъ его функций—за нимъ осталась только роль избирательнаго собранія—на академическій сенатъ, менѣе многочисленный по своему составу и состоящій изъ лицъ, избираемыхъ большинствомъ ординарныхъ профессоровъ. Другую особенность (введенную въ 1878 г. и въ другіе прусскіе университеты) составляетъ отсутствіе университетскаго суда; наконецъ, третья относится къ распредѣленію предметовъ преподаванія по факультетамъ: такъ-называемый факультетъ правъ (*ordo iuris consultorum*) замѣненъ факультетомъ юридическихъ и политическихъ наукъ, а философскій факультетъ (*ordo philosophorum*) раздѣленъ на два совершенно самостоятельныхъ отдѣла: факультетъ философскій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и факультетъ наукъ математическихъ и естественныхъ.

Во время посѣщенія Колларомъ Страсбургскаго университета (1878), въ немъ было пять профессоровъ древней филологіи: Михаэлисъ, Штудемундъ, Шелль, Гейтцъ и Ниссенъ, всѣ, составившіе себѣ имя своими трудами въ различныхъ областяхъ науки о древности. Авторъ имѣлъ возможность слѣдить лишь за нѣкоторыми изъ курсовъ,

ими читанных, и представляет характеристику лишь лекцій Штудемунда (исторія римской литературы), Шелля (объясненіе „Ахарнянъ“ Аристофана) и Михаэлиса (классическая археологія). Исторія римской литературы читается Штудемундомъ въ теченіе двухъ семестровъ, при чемъ въ одинъ излагается періодъ до Августа, въ другой—послѣ Августа. Въ основаніе своихъ чтеній Штудемундъ кладетъ извѣстное сочиненіе Тейффеля, разъясняя и развивая его. Приводимъ подлинныя слова Коллара: „Достоинство такого курса не можетъ заключаться въ новыхъ взглядахъ, которые развивались бы тамъ и сямъ, но въ искусствѣ, съ какимъ представляется картина римской литературы, представляется съ жизнью и воодушевленіемъ, съ ясностью и точностью. Съ этою цѣлью Штудемундъ дѣлитъ содержаніе на возможно дробныя періоды, и предварительно ихъ детальнаго изученія, характеризуетъ каждый изъ нихъ съ особенною тщательностью, рассматривая его самъ въ себѣ и въ его ближайшемъ отношеніи къ предыдущему. Профессоръ не прочь иногда немного усилить краски, своеобразно освѣтить или оттѣнить извѣстное явленіе; главное его вниманіе обращено на то, чтобы схватить и анализировать, въ живыхъ и рѣзкихъ чертахъ, главные пункты тонкихъ разностей, которыя онъ отмѣчаетъ. Если, изъ желанія быть какъ можно яснѣе, онъ иногда и отступаетъ немного отъ точности, то при разборѣ подробностей онъ предупреждаетъ объ этомъ слушателей. Въ началѣ каждой лекціи Штудемундъ сообщаетъ въ ясной и изящной латинской рѣчи краткое содержаніе предыдущаго чтенія; это очень счастливая мысль, потому что, возобновляя въ памяти слушателей предыдущее, лекторъ подготавливаетъ ихъ къ употребленію латинской рѣчи, которое имъ понадобится въ семинаріи. Содержаніе новой лекціи излагается по нѣмецки. Все раздѣлено и подраздѣлено съ изумительною точностью, всякая мысль, которая подлежитъ развитію, резюмируется предварительно въ нѣсколькихъ словахъ, имѣющія преимущественную важность мѣста произносятся съ особенною интонаціей... Съ большою тщательностью указываетъ Штудемундъ тѣ изъ новѣйшихъ изслѣдованій, которыя съ пользою могутъ быть изучаемы студентами; наконецъ, онъ отмѣчаетъ и такіе вопросы, которые еще требуютъ изслѣдованія и могутъ составить хорошую тему для ученой работы. Можно изумляться тому, какъ на каждой лекціи профессоръ указываетъ въ неистощимомъ изобиліи массу работъ, которыхъ новизна и разнообразіе одинаково возбуждаютъ вниманіе слушателей. Штудемундъ знаетъ, что выборъ темы для ученой работы часто затрудняетъ молодыхъ

людей, и что ихъ верѣшительность и малоопытность препятствуютъ имъ во время посвятить себя самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Изложивъ біографію писателя, разсмотрѣвъ его сочиненія, оцѣнивъ его талантъ и указавъ особенности рѣчи, профессоръ обозрѣваетъ его рукописное преданіе и перечисляетъ изданія, характеризуя вкратцѣ каждое изъ нихъ“.

Приведенная характеристика свидѣтельствуетъ прежде всего объ уваженіи и симпатіи, которыя питаетъ авторъ къ Страсбургскому ученому, и которыя заставляютъ его если не относиться съ нѣкоторымъ пристрастіемъ къ лекціямъ послѣдняго, то все же ставить ему въ достоинство то, что собственно его не составляетъ. Мы далеки отъ мысли умалить ученые заслуги извѣстнаго знатока Плана и издателя Ган, но считаемъ нужнымъ замѣтить, что кое-что въ постановкѣ его чтеній представляется намъ не заслуживающимъ подражанія: прежде всего—объемъ ихъ. Дѣла изложеніе исторіи римской литературы на два семестра, при четырехъ недѣльныхъ лекціяхъ, Штудемундъ врядъ ли можетъ сообщить слушателямъ что-нибудь иное, кромѣ компендіознаго изложенія литературныхъ явленій, врядъ ли въ состояніи представить въ должной обстоятельности и съ надлежащею критикою тѣ характеристическія черты, которыя дѣлаютъ изъ этихъ явленій, при зависимости ихъ отъ образцовъ греческихъ, явленія самостоятельныя; врядъ ли при сказанной постановкѣ профессоръ можетъ показать слушателямъ, какъ надобно относиться къ разработкѣ и оцѣнкѣ историко-литературныхъ данныхъ. Было бы несравненно лучше, если бы, предваривъ слушателей объ обязательномъ знакомствѣ съ какимъ-либо компендіумомъ, напримѣръ, Мунка или даже Бендера, онъ остановился на разсмотрѣніи какого-нибудь періода, напримѣръ, архаическаго, Цицероновскаго, Августова, періода возрожденія при Адрианѣ, и тому под. и подвергъ бы его обстоятельному и по возможности всестороннему разбору. Самый приемъ чтеній по книгѣ Тейффеля также врядъ ли заслуживаетъ подражанія: при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, книга эта врядъ ли можетъ служить базисомъ для университетскихъ лекцій, по своей отрывочности, дробности и отсутствію общихъ взглядовъ; какъ справочная книга, трудъ Тейффеля не имѣетъ соперниковъ и долженъ служить пособіемъ для лекцій, по никакъ не ихъ фундаментомъ. Страннымъ и врядъ ли одобрительнымъ представляется, наконецъ, и тотъ приемъ Штудемунда, по которому начало лекціи излагается по латыни, а продолженіе идетъ по нѣмецки; тамъ, гдѣ лекція представляетъ изъ себя связное цѣлое, что

и должно быть, подобные переходы могут казаться комичными, дѣль же ихъ—пріученіе студентовъ къ латинскому изложенію—слишкомъ незначительна для того, чтобы ей въ жертву приписать впечатлѣніе, производимое лекціей. Только тамъ, гдѣ эта послѣдняя представляетъ конгломератъ отрывочныхъ данныхъ, раздѣленныхъ на вѣдшія рубрики, можетъ имѣть свой *raison d'être* подобный пріемъ.

У Шелля нашъ авторъ слушалъ объясненіе Аристофана („Ахарняне“); чтенію пьесы профессоръ предпослалъ краткую характеристику греческой комедіи въ различныхъ періодахъ ея развитія, указалъ роль, которую занимаютъ въ ней пьесы Аристофана, и изложилъ исторію ихъ текста. Послѣ этого введенія, которому было посвящено немного лекцій, Шелль приступилъ къ интерпретаціи текста, имѣя цѣлью при этомъ ознакомить слушателей съ поэтомъ и его публикой, съ сущностью и внутреннимъ строемъ аттической комедіи, съ искусствомъ, языкомъ и метрикой поэта; эвзегеза шла руку объ руку съ критикой. Какъ особенность, отмѣтимъ, что Шелль въ теченіе семестра успѣлъ прочесть всю комедію.

Съ особенною подробностью останавливается Колларъ на курсахъ археологіи, которые были читаны Михаэлисомъ. Въ одномъ курсѣ—*privatim*—начатомъ въ предшествовавшій семестръ, профессоръ обозрѣвалъ греческое искусство времени Александра Великаго и довелъ обозрѣніе до эпохи греко-римской. Въ другомъ—*publice*—онъ объяснялъ избранные древніе памятники, относящіеся къ циклу троянскихъ сказаній. При этомъ профессоръ имѣлъ въ виду указать методъ, которому должно слѣдовать при интерпретаціи античныхъ художественныхъ произведеній, имѣлъ въ виду ознакомить слушателей съ главными отдѣлами древнихъ памятниковъ и указать на ихъ значеніе для знакомства съ древними мѣрами и поэтическими произведеніями.

„Чтенія Михаэлиса“, говоритъ Колларъ,—имѣютъ особую привлекательность; онъ обладаетъ способностью постоянно заинтересовать своихъ слушателей, останавливать ихъ вниманіе, возбуждать ихъ любопытство и внушить имъ любовь къ своей наукѣ. Отличительными достоинствами его являются: обширная эрудиція, необычайно твердая память, строгая послѣдовательность и большая ясность въ изложеніи, тонко анализирующій умъ, строгая точность и прочувствованная рѣчь, которая васъ привлекаетъ и вами овладѣваетъ“.

Обязательное для каждаго студента время пребыванія въ университетѣ есть шесть семестровъ—*triennium*. Вслѣдствіе того профессора такъ располагаютъ читаемые ими курсы, что въ теченіе этого

промежутка времени студентъ можетъ ознакомиться съ главнѣйшими дисциплинами избраннаго имъ отдѣла. Послѣ одного трехлѣтія курсы обыкновенно повторяются. Колларъ составилъ списокъ предметовъ, читавшихся въ Страсбургѣ въ теченіе послѣдняго трехлѣтія, который не излишне будетъ привести здѣсь вполнѣ:

Профессоръ Гейцъ: Исторія и энциклопедія классической филологіи. — Исторія греческой литературы. — Объясненіе сатиръ Персія. — Жизнь и сочиненія Платона. Объясненіе двухъ первыхъ книгъ о Государствѣ. — Объясненіе Симпосіона Платона. — Жизнь и сочиненія Аристотеля. — Объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ Иѳонки или Политики Аристотеля. — Объясненіе избранныхъ сатиръ Персія и Ювенала.

Профессоръ Штудемундъ: Исторія римской литературы до Августа. — Исторія римской литературы послѣ Августа. — Историческая грамматика латинскаго языка. — Историческій синтаксисъ латинскаго языка. — Просодія и метрика греческихъ и римскихъ поэтовъ; упражненія въ метрикахъ. — Введеніе въ изученіе архаической латыни и объясненіе *Rudens* Плавта. — Упражненія въ греческой палеографіи. — Объясненіе *Casina* Плавта. — Исторія греческаго языка.

Профессоръ Шелль: Введеніе въ изученіе аттическихъ ораторовъ и объясненіе рѣчи Андокида *de mysteriis*. — Греческія древности. — Филологическая критика. — Фукидидъ и развитіе греческой историографіи; объясненіе второй книги Фукидида. — Ахарнины Аристофана. — Римскія государственныя древности.

Профессоръ Писсенъ: Исторія Греціи. — Исторія эллинизма. — Исторія римской республики. — Исторія Римской имперіи. — Древняя географія и этнографія. — Римскія древности. — Латинская эпиграфика.

Профессоръ Лухсъ: Латинскій синтаксисъ. — Объясненіе Тита Ливія. — Греческій синтаксисъ. — Латинская стилистика. — Объясненіе идиллій Теоокрита. — Исторія греческой трагедіи.

Профессоръ Михаэлисъ: Географія Греціи. — Объясненіе Горация. — Мифологія въ искусствѣ, то-есть, систематическое объясненіе художественныхъ произведеній, относящихся къ мифологіи. — Объясненіе Павсаніева описанія Акрополя. — Электра Софокла съ объясненіемъ относящихся къ ней художественныхъ произведеній. — Сценическія древности. — Введеніе въ археологію и музеографія. — Археологическая интерпретація саги объ Аргопавтахъ. — Исторія греческаго искусства (два семестра). — Археологическое объясненіе художественныхъ произведеній, относящихся къ троянскому циклу.

Рядомъ съ чтеніемъ лекцій, идутъ практическія занятія студентовъ въ семинаріяхъ и другихъ имъ подобныхъ институтахъ; на эти занятія Колларъ обращаетъ особенное вниманіе и придаетъ имъ главное значеніе въ той успѣшности, съ которою ведутся филологическія занятія въ Германіи. „Не умаляя нисколько значенія лекцій“, говоритъ онъ, — и вполне признавалъ значительное вліяніе, которое оказываетъ ими на своихъ слушателей ученый и просвѣщенный профессоръ, я тѣмъ не менѣе безъ малѣйшаго колебанія заявляю, что сократическій методъ преподаванія имѣетъ, особенно въ филологическихъ наукахъ, неизмѣримыя преимущества передъ методомъ акроматическимъ“. Этотъ сократическій методъ прилагается въ семинаріяхъ, которыя существуютъ при всѣхъ философскихъ факультетахъ нѣмецкихъ университетовъ и получили въ послѣднее время весьма широкое развитіе. Въ Страсбургѣ, рядомъ съ семинаріей, въ которой студенты принимаютъ участіе со 2-го года своего пребыванія въ университетѣ, существуетъ просеминарія, предназначенная для начинающихъ филологовъ. Она дѣлится на два отдѣленія: греческое, которымъ завѣдуетъ Лухъ, и латинское, состоящее подъ руководствомъ Штудемунда. Участіе въ томъ и другомъ обязательно для каждаго члена просеминаріи, куда студенты допускаются послѣ небольшого устного испытанія. Вотъ какъ описываетъ Колларъ занятія Штудемунда въ просеминаріи; предметомъ ихъ служила X-я книга Institutiones Квинтилиана: „Послѣ прекраснаго введенія, въ которомъ была изложена біографія писателя, разсмотрѣны его сочиненія, оцѣнены ихъ достоинства, упомянуты лучшія рукописи и изданія, профессоръ приступилъ къ тексту книги: первыя ея главы были прочтены бѣгло, и только дойдя до обзорннхъ греческой литературы, чтеніе сдѣлалось статариннымъ: послѣ того, какъ одинъ изъ студентовъ, которому за недѣлю передъ этимъ было задано нѣсколько параграфовъ, перевелъ одинъ изъ нихъ, профессоръ спрашивалъ его объ авторѣ, про котораго говоритъ Квинтиліанъ; вопросы касались года рожденія и смерти, родины автора, заглавій и содержанія его сочиненій и лучшихъ новѣйшихъ пособій при его изученіи. Особенное вниманіе обращалъ Штудемундъ на даты, и бѣда, если студентъ ошибался или говорилъ съ неувѣренностью: грозный взглядъ, ироническая улыбка, нервное движеніе или сухое замѣчаніе профессора давали ему понять, что лучше было бы хранить благоразумное молчаніе. Такимъ образомъ эта часть занятій была прекраснымъ практическимъ повтореніемъ главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи греческой литературы.

Иной характеръ приняло чтеніе, когда было приступлено къ обзору римской литературы, сообщаемому Квинтилианомъ. Профессоръ велъ занятія медленно, останавливаясь почти исключительно на критикѣ текста: его слушатели разсматривали всё, безъ исключенія, варианты и приучались выдѣлять изъ нихъ тѣ, которые заслуживаютъ вниманія, отъ не имѣющихъ никакого значенія, объяснять ихъ происхожденіе, методически оцѣнивать, умѣло выбирать, и въ случаѣ нужды, предлагать свою конъектуру. Въ короткое время студенты дѣлались опытными въ дипломатической критикѣ и съ извѣстною увѣренностью начинали упражняться въ критикѣ конъектуральной“.

И въ этомъ очеркѣ нельзя не замѣтить извѣстной густоты красокъ. Не слѣдуетъ забывать, что упражненія въ просеминаріи назначаются для студентовъ первыхъ двухъ семестровъ; говорить про начинающихъ, что они приобрѣтаютъ опытность въ критикѣ дипломатической такого нелегкаго писателя, какъ Квинтиліанъ, не значить ли утрировать дѣло? Опытность въ критикѣ дипломатической приобрѣтается длиннымъ рядомъ лѣтъ, посвященныхъ упорной работѣ надъ рукописями, а не посѣщеніемъ—по одному часу въ недѣлю въ теченіе семестра—просеминаріи. Что студенты предлагали свои конъектуры, въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ нѣтъ ничего легче такъ-называемой *Conjecturalkritik*. Вопросъ въ томъ, каковы эти конъектуры, и на сколько онѣ нужны?

Собственно семинарія дѣлится также на два отдѣленія: занятіями въ греческомъ руководитъ Штудемундъ, въ латинскомъ—Шелль. Колларъ присутствовалъ при объясненіи первымъ греческихъ мелическихъ поэтовъ и, въ томъ числѣ, Анакреонта. И тутъ дѣло началось съ введенія, предложеннаго профессоромъ. Затѣмъ семинаристы (числомъ 30) по очереди интерпретировали *Anacreontea* по изданію Розе; подъ конецъ семестра самъ Штудемундъ объяснилъ нѣсколько подлинныхъ фрагментовъ Анакреонта, по тексту Бергка. Избирая для занятій *Anacreontea*, профессоръ хотѣлъ приучить студентовъ къ опредѣленію различныхъ эпохъ, къ которымъ относятся различныя стихотворенія, вошедшія въ этотъ сборникъ. Средствами для сего служили наблюденія надъ языкомъ, идеями, талантомъ поэта, главнымъ же образомъ надъ его метрикой. Подъ конецъ семестра одинъ изъ семинаристовъ собралъ и сравнилъ всѣ оды, писанныя однимъ и тѣмъ же размѣромъ, и представилъ сжатый выводъ изъ всѣхъ предшествовавшихъ дебатовъ.

Въ латинскомъ отдѣленіи семинаристы интерпретировали, подъ

руководством Шелля, избранныя оды Горация. Объясненія относились ко всему, что представлялось необходимымъ для пониманія оды: къ вопросамъ метрики и языка, къ цѣли и пам'ятности поэта, къ критикѣ цѣлаго и деталей. Выборъ и порядокъ одъ былъ сдѣланъ профессоромъ. Въ началѣ семестра онъ распредѣлялъ между семинаристами нѣсколько небольшихъ одъ, поручивъ рассмотреть ихъ въ письменной работѣ, которая въ опредѣленный день прочитывалась въ семинаріи; заранѣе приготовившійся къ оппозиціи членъ семинаріи представлялъ свои возраженія, вслѣдствіе чего возбуждались дебаты, которыми руководилъ профессоръ. Рядомъ съ этимъ, въ слѣдующій за сими часъ (занятія въ семинаріи были двухчасовыя) происходило объясненіе оды Горация *voce viva*.

Сверхъ обязательнаго непосредственнаго участія въ занятіяхъ семинаріи, члены ея пишутъ болѣе или менѣе объемистыя работы (*Seminararbeiten*) на тему, или избранную ими самими, или рекомендованную профессоромъ, и подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Въ томъ случаѣ, если профессоръ одобритъ работу, онъ предоставляетъ автору небольшое вознагражденіе въ 50—80 марокъ, изъ особаго назначеннаго для сей цѣли фонда.

Тѣ изъ студентовъ, которые имѣютъ болѣе склонности къ занятіямъ реальною стороною древности, принимаютъ участіе въ особомъ обществѣ или институтѣ для изученія древности, которымъ руководятъ Шелль и Ниссенъ. Лѣтомъ 1878 г. въ греческомъ отдѣленіи института, подъ руководствомъ Шелля, разбирался вопросъ о законодательной и судебной власти въ Аѳинахъ. Въ упражненіяхъ (при 21 участникѣ) имѣлось въ виду установить для IV в. до Р. Хр. процедуру, которая имѣла мѣсто при проведеніи закона, опредѣлить компетенцію органовъ, которые при этомъ участвовали, составъ гелиен, способъ отмѣненія законовъ и т. д., и затѣмъ, на основаніи добытыхъ результатовъ, сдѣлать заключеніе относительно V вѣка и законодательства Солона. Сообразно съ такою задачей, упражненія состояли въ объясненіи источниковъ, и главнымъ образомъ, дѣлалъ, заключающихся въ рѣчахъ Демосоена противъ Лептина и Тимократа. Профессоръ за двѣ недѣли указывалъ одному изъ семинаристовъ мѣста или надписи, которыя должны быть изучены, и дополнялъ его работу необходимыми замѣчаніями, указывалъ переходъ отъ одного вопроса къ другому, дѣлалъ сводъ изъ добытыхъ результатовъ. Съ особенною обстоятельностью разсматривался вопросъ о подлинности документовъ, падающихъ въ рѣчахъ Демосоена. По на-

блюденію Коллара, въ сказанныхъ упражненіяхъ принимала участіе только отборная молодежь, такъ какъ они требовали значительнаго запаса знаній и извѣстныхъ методическихъ приѣмовъ, которые составляютъ собственность не каждаго студента. Въ латинскомъ отдѣленіи, подъ руководствомъ Ниссена, упражненія касались источниковъ Ганнибаловской войны (Ливія, Поливія, Аппіана).

Наконецъ, есть еще семинарія археологическая, подъ руководствомъ Михаэлиса. Она дѣлится на два отдѣла: одинъ, предназначенный для начинающихъ, другой—для болѣе опытныхъ и развитыхъ. Въ первомъ, члены котораго уже пробывъ въ университетѣ нѣсколько семестровъ, и посѣдая лекціи, приобрѣли извѣстныя свѣдѣнія въ археологій, упражненія состоятъ въ объясненіи предметовъ древняго искусства, при чемъ семинаристы руководятся единственно своими собственными наблюденіями и соображеніями, оставляя въ сторонѣ новую литературу произведенія. При этомъ имѣется въ виду приучить семинаристовъ къ независимому изученію антиковъ, къ ихъ самостоятельному описанію и анализу. Во второмъ отдѣленіи семинаристы занимаются, кромѣ того, и разборомъ новыхъ сочиненій, относящихся къ ихъ темѣ, и приучаются къ оцѣнкѣ ихъ достоинствъ и недостатковъ. Превосходнымъ и существенно необходимымъ пособіемъ какъ для лекцій, такъ и для занятій въ семинаріи, служитъ музей слѣпковъ, въ которомъ собраны копіи съ важнѣйшихъ произведеній древняго искусства. Помѣщается онъ въ огромномъ, превосходно освѣщенномъ залѣ, къ которому примыкаютъ аудиторія и библіотека.

Въ остальныхъ главахъ своего реферата о Страсбургскомъ университетѣ Колларъ говоритъ о конкурсныхъ темахъ, о библіотекѣ, о бюджетѣ и посвящаетъ нѣсколько строкъ студентамъ. Число ихъ, бывшее въ 1872 году 212, въ 1877 возросло до 707. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ нашъ авторъ: „Студенты вѣжливы, почтительны, любезны по отношенію къ чужестранцамъ, любятъ и уважаютъ своихъ профессоровъ, занимаются весьма усердно и дѣлятъ время между серьезной работой и благородными развлеченіями. Вообще, въ Страсбургѣ студенты работаютъ гораздо больше, чѣмъ гдѣ-либо... Корпорации образуются между ними съ трудомъ, онѣ немногочисленны и не обладаютъ особенною жизненностью...»

Филологи—среднимъ числомъ 70—80—въ большинствѣ остаются долго въ Страсбургѣ и оканчиваютъ здѣсь курсъ. Обыкновенно они пріѣзжаютъ сюда, прослушавъ нѣсколько семестровъ въ другихъ университетсахъ.

Въ заключеніе, отмѣтимъ одно обстоятельство, оказывающее весьма благотворное дѣйствіе на занятія студентовъ—это ихъ отношенія къ профессорамъ. Эти отношенія здѣсь очень тѣсны и носятъ отпечатокъ дружественности; студентъ и профессоры не образуютъ здѣсь двухъ міровъ, которые боятся соприкосновенія. Вотъ примѣръ этому: профессоръ Штудемундъ еженедѣльно или разъ въ двѣ недѣли созываетъ къ себѣ студентовъ, преимущественно младшихъ курсовъ. Собравшись къ 8 часамъ вечера, они читаютъ какую-нибудь греческую или латинскую драматическую пьесу, распредѣливъ предварительно между собою роли дѣйствующихъ лицъ. Въ 9 часовъ предлагается ужинъ съ стаканомъ хорошаго вина; въ 10 чтеніе возобновляется, и пьеса дочитывается до конца, продолжаясь иногда до часу или двухъ ночи. Помимо этихъ собравій, Штудемундъ принимаетъ ежедневно отъ 1 1/2 до 3-хъ; въ это время его буквально осаждаетъ толпа посѣтителей, которые нерѣдко переступаютъ положенное время, а иногда еще и въ 8 часовъ бываетъ у профессора нѣсколько запоздавшихъ. Такая близость Штудемунда къ студентамъ не есть фактъ одиночный; и другіе профессора, въ особенности Ниссенъ и Шелль, не думаютъ, что ихъ обязанности окапчиваются за порогомъ аудиторіи. И они охотно принимаютъ у себя студентовъ, которымъ помогаютъ совѣтами, указаніями, и имѣютъ единственную цѣль и завѣтную мечтою принести имъ пользу своими знаніями и опытностью. И студенты, и профессора имѣютъ много выгодъ вслѣдствіе такого сближенія: первые вмѣстѣ съ одобреніемъ получаютъ совѣты и указанія, которыя даютъ болѣшую послѣдовательность и цѣльность ихъ занятіямъ; послѣдніе знакомятся съ трудами своихъ слушателей и замѣчаютъ на нихъ недостатки своего преподаванія, которые и стараются устранить⁴.

II.

Наблюденія Коллара надъ преподаваніемъ древней филологіи въ Боннскомъ университетѣ относятся къ 1873 — 1874 годамъ. Въ то время ея различныя дисциплины читались Геймзетомъ (†), Узенеромъ, Бюхелеромъ, Берпаисомъ (†), Клейномъ, Лео, Шеферомъ, Кескуле. И здѣсь, въ курсахъ, читаемыхъ профессорами, соблюдается съ большей или меньшей послѣдовательностью академической *triennium*. Вотъ перечень курсовъ, читавшихся въ промежутокъ 3—5 лѣтъ вышеисчисленными профессорами:

Геймзетъ: Греческая и латинская метрика.—Греческій синтаксисъ. Эсхиль (семь противъ Оида, Промисей, Евмениды).—Софокль (Эдипъ Царь, Електра).—Еврипидъ (Медеа).—Аристофанъ (Миръ).—Пиндартъ.—Платонъ (Федонъ).

Вюхелеръ: Исторія римской литературы.—Древнія италійскія надписи.—Объясненіе Варроновыхъ Мениппей.—Плавтъ (Truculentus).—Феокрытъ и греческіе буволики.—Объясненіе римскихъ надписей Боннскаго музея.—Грамматика латинская (фонетика и лексикографія).—Римская трагедія.—Оды Горация.—Объясненіе умбрскихъ и оскскихъ надписей.—Эдипъ въ Колоцѣ.—Латинскія надписи.

Узенеръ: Privatum: Исторія греческой литературы.—Греческая и италійская мвѳологія.—Иліада и критическая исторія произведеній Гомера.—Демосевъ (о вѣнѣ).—Энциклопедія и методологія филологіи.—Пиндартъ.—Хронологія классической древности.—Сатиры Горация.—Фукидидъ.—Исторія древней образованности.—Плавтъ (Pseudolus). Катуллъ.—Латинская грамматика.—Законы филологической критики.—Publice: Избранныя стихотворенія Катуллы.—Исторія образованія религиозныхъ воззрѣній.—Законы греческаго и латинскаго ударенія.

Вернаисъ: Privatum: Введеніе въ діалоги Платона и объясненіе Политія и Горгія.—Объясненіе Политики Аристотеля, съ предпосланіемъ изложенія взглядовъ Грековъ на поэзію и введеніемъ въ труды Аристотеля.—Взгляды Грековъ на государство и объясненіе Политики Аристотеля.—Исторія филологіи и введеніе въ изученіе главнѣйшихъ филологическихъ сочиненій.—Объясненіе Лукреція съ изложеніемъ литературной дѣятельности стоиковъ и эпикурейцевъ.—Исторія образованности въ періодъ Римской имперіи и объясненіе Светоніевой біографіи Октавіана.—Объясненіе писемъ Цицерона и исторія паденія Римской республики. Publice: Ученіе Аристотеля и другихъ греческихъ философовъ о государствѣ.—Исторія развитія аонскаго государственнаго устройства и объясненіе пері 'Αδυνατωνъ πολιτείας, приписываемаго Ксенофонту.—Объясненіе писемъ Целія къ Цицерону и современная имъ исторія Рима.—Исторія развитія риторики у Грековъ и объясненіе рѣчей въ исторіи Фукидида.—Объясненіе писемъ Цицерона къ Аттику, относящихся ко времени убіенія Цезаря.—Теоріи философовъ, предшествовавшихъ Платону, и объясненіе ихъ отрывковъ.—Объясненіе рѣчей изъ сочиненій Саллюстія.—Исторія литературной критики въ Греціи и въ Германіи.

Клейнъ: Privatum: Римскія древности.—Греческій синтаксисъ.—„Лягушка“ Аристофана и критическая исторія греческой комедіи.—

Греческая палеография.—Латинская стилистика.—Латинская палеография. Publice: Избранныя сатиры Ювенала.—Исторія греческаго краснорѣчія.—Избранныя посланія Горация.—Основы филологической критики.—Избранныя стихотворенія Катутла.—Объясненіе рѣчи Цицерона за Сестія.

Шеферъ: Римская исторія до времени Гракховъ.—Римская исторія послѣ Гракховъ.—Греческая исторія.—Источники греческой и римской исторіи.—Древняя исторія до паденія Западной Римской имперіи.—Исторія Македоніи, преимущественно въ эпоху Филиппа и Александра.—Греческія государственныя древности.

Лео: Объясненіе Метаморфозъ Овидія.—Метрика.—Объясненіе Тибулла.—Аттической синтаксисъ.—Объясненіе Медем Еврипида.

Кекуле: Основы археологіи.—Исторія древняго искусства.—Художественная міеологія (иконографія боговъ).—Объясненіе художественныхъ произведеній, относящихся къ героическому циклу.—Топографія и памятники Лоннъ и Аттики.—Древности Помпей.

Изъ пяти семинарій, состоящихъ при философскомъ факультетѣ, Кодларъ останавливается на двухъ: классической и исторической. Первая дѣлится на два отдѣленія: младшее или просеминарія и старшее—собственно семинарія. Руководителями въ первомъ были Геймзетъ, Бюхслеръ и Узеноръ, чередовавшіеся по семестрамъ; лѣтомъ 1874, послѣ смерти Геймзета, просеминарія перешла въ завѣдываніе Лео.

Въ занятіяхъ просеминарій, происходившихъ два раза въ недѣлю, принимали участіе 42 студента и упражнялись главнымъ образомъ въ переводахъ и объясненіи древнихъ авторовъ; очередь въ этихъ упражненіяхъ устанавливалась при началѣ семестра, при чемъ передъ приготовленіемъ къ нимъ руководитель отмѣчалъ тѣ мѣста въ древнихъ текстахъ, которые требуютъ особеннаго вниманія; кромѣ того, онъ указывалъ и такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ можетъ принести пользу студенту. Время отъ времени онъ назначалъ и письменныя работы, состоявшія преимущественно въ переводахъ латинскаго автора на греческій или въ метрическихъ упражненіяхъ.

Самыя семинарія находятся подъ руководствомъ Бюхслера и Узенера, которые чередуются каждый семестръ. Въ противоположность просеминарії, число ея членовъ ограничено десятью и освободившаяся вакансія замѣняется по конкурсу. Занятія происходятъ два раза въ недѣлю и состоятъ изъ объясненія древнихъ текстовъ и письменныхъ упражненій, служащихъ темою для устныхъ дебатовъ.

Объясненіе древняго автора открывается введеніемъ, которое из-

лагается однимъ изъ семинаристовъ и заключаетъ въ себѣ исторію произведеній этого автора и устанавливаетъ критическія основы текста. Затѣмъ слѣдуетъ самое объясненіе, въ которомъ семинаристы участвуютъ поочередно. Для интерпретаціи студентъ обязанъ собрать все, что необходимо для критики и экзегезы извѣстнаго текста, и составить опредѣленный взглядъ на каждый спорный вопросъ. Въ обсужденіи этого взгляда принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, которые для этого должны также основательно подготовиться къ защитѣ своего мнѣнія; вслѣдствіе того дебаты пріобрѣтаютъ извѣстную солидность и затягиваются на довольно продолжительное время. При такихъ условіяхъ, число мѣстъ древняго писателя, объясненныхъ въ теченіе семестра, бываетъ очень невелико. Что касается письменныхъ работъ, то обыкновенно въ началѣ семестра профессоръ-руководитель указываетъ область, изъ которой должны быть заимствованы темы для нихъ, напримѣръ, римскіе сатирики, греческіе эники. Отмѣтивъ то, что служитъ подходящимъ сюжетомъ для работы, и упомянувъ о томъ, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи, онъ перечисляетъ тѣ частныя вопросы, которые требуютъ болѣе тщательной разработки и могутъ составить хорошую тему для семинарской работы. Выборъ между ними предоставляется самимъ семинаристамъ, которые иногда, съ разрѣшенія профессора, берутъ темы, и не относящіяся къ опредѣленному заранее кругу. Порядокъ задачъ и обсужденія письменныхъ работъ опредѣляется заранее профессоромъ, который, рассмотрѣвъ представленную ему работу, передаетъ ее оппоненту, также изъ семинаристовъ. „Отъ автора работы“, говоритъ Колларъ, — „требуется не только основательное знакомство съ учеными трудами, относящимися къ его темѣ, но и сознательное приложеніе пріемовъ, установленныхъ въ критикѣ; студенту строго запрещается дѣлать предположеніе или конъектуру безъ всякой мотивировки, и если, не смотря на сдѣланное ему предостереженіе, онъ дозволитъ себѣ поступить легкомысленно, то профессоръ не стѣсняется въ принципіи, которое всегда бываетъ строгимъ, а подчасъ и рѣзкимъ. Поэтому семинаристы убѣждены въ томъ, что для нихъ тщательное исполненіе ихъ задачи есть дѣло чести; они счастливы и гордятся, если ихъ одобряютъ, и печальны и стыдятся, если заслуживаютъ порицаніе; они имѣютъ неограниченное довѣріе въ превосходство знаній и безпристрастіе сужденія своихъ профессоровъ, которые имъ дозволяютъ защищаться и любятъ, когда ихъ опровергаютъ фактами“. Въ такихъ же привлекательныхъ краскахъ рисуетъ Колларъ и вліяніе

Бюхелера и Узенера на семинаристовъ,»: Они вышли^а, говоритъ онъ, — „изъ школы Ричля и самостоятельно пошли по пути, указанному знаменитымъ учителемъ. Опираясь на строгую методу и благодаря своимъ дарованіямъ и рѣдкому трудолюбію, они разъяснили много ученыхъ вопросовъ. Бюхелеръ съ величайшимъ успѣхомъ занимается изученіемъ латинскихъ надписей, архаической латыни и италійскихъ діалектовъ, Узенеръ издалъ цѣлые труды по исторіи литературы и мнѳологіи; и тотъ, и другой сдѣлали много важныхъ вкладовъ въ область изученія древнихъ классиковъ. Ихъ профессорскія качества стоятъ въ уровень съ ихъ ученостью. Вліяніе, которое оказываютъ они на своихъ слушателей, весьма велико и прочно. Это и понятно: они сообщаютъ имъ, свой энтузіазмъ къ наукѣ; курсы, ими читаемые, упражненія, которыми они руководятъ, входятъ всегда въ кругъ ихъ спеціальныхъ изслѣдованій, вслѣдствіе чего они постоянно стоятъ въ уровень съ развитіемъ науки, сообщаютъ своимъ слушателямъ ея новинки и не ограничиваются перечитываніемъ на лекціяхъ старыхъ записокъ. Въ особенности въ семинаріи и частныхъ упражненіяхъ можно наблюдать, съ какою тщательностью и добросовѣстностью они работаютъ, и какъ они требовательны къ самимъ себѣ. Студентъ, видя, что ему постоянно указываютъ на недостаточность объема и глубины нашихъ знаній, на настоятельную необходимость быть скромнымъ и строгимъ къ самому себѣ, будетъ остерегаться относиться съ гордымъ презрѣніемъ къ трудамъ другихъ; скромность и осторожность будутъ ему постоянно присущи“.

Соглашаясь вполне съ послылками Коллара, не можемъ, однако безъ оговорокъ допустить вѣрность послѣдняго вывода изъ нихъ: какъ разъ именно на недостатокъ скромности и осторожности въ трудахъ молодыхъ филологовъ и раздается въ настоящее время болѣе всего жалобъ. Стоитъ просмотрѣть хоть нѣсколько нумеровъ любаго критическаго журнала, въ родѣ *Philologische Rundschau* или *Ph—r Anzeiger*, чтобы въ этомъ убѣдиться и увидѣть, что небрежное и высокомерное отношеніе къ трудамъ предшествующихъ ученыхъ служить отличительнымъ качествомъ не малаго числа молодыхъ филологовъ и обыкновенно прикрываетъ собою полужнаніе и незрѣлую парадоксальность.

Ежегодный бюджетъ семинаріи состоитъ изъ 1420 марокъ, изъ коихъ 1050 ассигнуются на вознагражденіе членовъ (трое получаютъ по 150 и пятеро по 120), 150 на пополненіе бібліотеки и 220 на приобрѣтеніе палеографическихъ пособій.

Историческая семинарія дѣлится на четыре отдѣленія, изъ коихъ

Колларъ даетъ отчетъ лишь объ одномъ, относящемся къ древней исторіи и состоящемъ въ записываніи проф. А. Шефера. Семинаристы, число коихъ ограничено 12, собираются разъ въ недѣлю на два часа и упражняются или въ письменныхъ работахъ или въ устномъ объясненіи источниковъ. Первые или избираются самими семинаристами, или назначаются профессоромъ и обязательны для всякаго студента, желающаго получить денежное пособіе; кромѣ того, онѣ освобождаютъ студента отъ экзамена на полученіе стипендіи и имѣютъ силу *testimonium diligentiae*. Очень нерѣдко изъ этихъ работъ впоследствии выходятъ докторскія диссертации. Работы эти, просмотрѣнными профессоромъ, передаются имъ оппонентамъ и служатъ темой для диспутовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе изъ членовъ отдѣленія. Кромѣ письменныхъ упражненій, еженедѣльно происходятъ и упражненія устныя; тема для нихъ указывается профессоромъ въ началѣ семестра. Такъ, въ томъ 1874 года Шеферъ взялъ темою исторію Фукидида: проанализировавъ двадцать начальныхъ главъ, онъ перешелъ къ разказу о Килонѣ и о паденіи Пизистратидовъ, сравнивая повѣствованіе Фукидида съ разказомъ Геродота. Обыкновенно одинъ изъ семинаристовъ читалъ и переводилъ главу, останавливаясь только на тѣхъ мѣстахъ, смыслъ которыхъ можетъ быть сомнительнымъ; затѣмъ онъ разбиралъ содержаніе прочитаннаго, и въ заключеніе, профессоръ повторялъ переводъ тѣхъ мѣстъ, которыя служили поводомъ для разъясненій. Каждый разъ такимъ образомъ прочитывались и объяснялись три главы.

Кромѣ вышеупомянутыхъ семинарій, у профессора Кекуле есть еще семинарія археологическая, имѣющая характеръ частнаго учрежденія; вступленіе въ нее не обставлено никакими условіями, и члены ея не получаютъ вознагражденія. Занятія состоятъ изъ объясненія художественныхъ произведеній, по выбору семинаристовъ или по назначенію профессора. Большую помощь оказываетъ при этомъ превосходный музей слѣпковъ, число которыхъ восходитъ почти до 700.

Вслѣдъ за вышеизложенными данными, Колларъ переходитъ къ общимъ замѣчаніямъ, относящимся къ теоритической и практической постановкѣ университетскаго преподаванія въ Германіи. Въ виду ихъ важности и интереса, считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Обстановка, среди которой читаются лекціи, весьма проста, чтобы не сказать скудна: простыя, большею частію истертыя и исцарапанныя парты, простая кафедра и черная доска составляютъ обычную об-

становку университетскихъ аудиторій. Лекціи продолжаются часъ, но отъ него отнимается извѣстная *akademische Viertelstunde*, которая рѣдко понимается въ буквальномъ смыслѣ и растягивается иногда до 25 минутъ. Разъ профессоръ вошелъ въ аудиторію, входитъ послѣ него студенту считается неприличнымъ, и опоздавшіе обыкновенно предпочитаютъ пропустить лекцію.

Читаемые курсы дѣлятся на публичныя, которые не оплачиваются, и частныя, за которые слушатель вноситъ гонораръ. Первые далеко немногочисленны, читаются не всѣми профессорами и разсматриваются, въ большинствѣ случаевъ, какъ дѣло второстепенное, вслѣдствіе чего и посѣщаются они не такъ усердно и разрабатываются не съ тѣмъ вниманіемъ и стараніемъ, какъ курсы частныя. Число лекцій профессоръ-филологовъ колеблется между 4 и 5, къ которымъ присоединяются 4 часа занятій въ семинаріи, такъ что средняя норма занятій профессора въ университетѣ бываетъ отъ 8—9 часовъ. Что касается языка лекцій, то въ настоящее время имъ служитъ исключительно языкъ нѣмецкій, вытѣсненный окончательно латинскій, употребляемый только въ семинаріяхъ.

Что касается приема университетскихъ чтеній, то онъ разнообразится, смотря по личности профессора и свойству предмета, который излагается: лекціи то диктуются такъ, что ихъ безъ труда можно записать дословно, то диктуются главныя положенія, которыя затѣмъ развиваются профессоромъ *voce viva*, то читаются по замѣткамъ болѣе или менѣе подробнымъ, при чемъ мѣста особенно важныя или повторяются, для удобства записи, или произносятся медленно, то, наконецъ, лекціи импровизируются. Колларъ входитъ въ довольно подробную оцѣнку всѣхъ этихъ способовъ и, не колеблясь, отдаетъ предпочтеніе изложенію лекцій на основаніи лежащихъ передъ профессоромъ подробныхъ замѣтокъ, въ которыхъ, сверхъ детальнаго плана лекцій, записаны цифры и цитаты. Само собою разумѣется, что Колларъ имѣетъ въ виду исключительно лекціи профессоръ-филологовъ. Довольно рѣзко возстаетъ онъ противъ импровизированныхъ чтеній, полагая, что они представляютъ много опасностей, какъ вслѣдствіе того, что лекціи теряютъ свой строгій и научный характеръ, такъ и потому, что воспринимаемая студентомъ въ этомъ видѣ, онѣ задаютъ ему утомительную, малосамостоятельную, а, подчасъ, и непосильную работу. Вотъ его аргументація: Импровизація лекцій предполагаетъ въ профессорѣ человѣка, обладающаго даромъ слова, способностью выражаться легко и съ увѣренностью; при отсутствіи этихъ качествъ,

импровизація дѣлается очень скоро монотонной, вялой, обремененной фразами и ненужными словами. Но даже и при ораторскомъ талантѣ профессора, импровизація, выигрывая въ оживленности и чувствѣ, всегда проигрываетъ въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ: при ближайшемъ ея разсмотрѣніи, она оказывается тонкою, поверхностною, неопредѣленною, неточною; подъ блестящею внѣшностью она тщательно скрываетъ свою научную слабость; однимъ словомъ—это бѣглый очеркъ, способный заинтересовать толпу, а не результатъ глубокаго изученія, предназначенный для жаждущей знанія молодежи. Это и понятно: лекція, въ родѣ тѣхъ, которыя читаютъ нѣмецкіе филологи, свободная отъ фразъ и лишнихъ словъ, полная фактовъ, анализированныхъ съ мелочною подробностью, сопровождаемая многочисленными цитатами текстовъ, исчисленіями и обсужденіями разнообразныхъ мнѣній, такая лекція не можетъ быть импровизирована или прочтена безъ помощи обширныхъ замѣтокъ; иначе она потребовала бы продолжительнаго, упорнаго и утомительнаго приготовленія, которое можно назвать прямо бесполезнымъ, потому что оно требуетъ единственно усилій памяти, непронизводительныхъ ни для профессора, ни для его слушателей. Мало того, профессоръ, читающій свободно, очень часто увлекается излагаемымъ и начинаетъ говорить слишкомъ скоро, вслѣдствіе чего студентъ можетъ записать за нимъ лишь нѣсколько замѣтокъ, которыя потомъ ему придется дополнять и редактировать. А на это у него рѣшительно не хватаетъ времени: предположивъ, что онъ можетъ составить одну лекцію, гдѣ найдетъ онъ время для составленія нѣсколькихъ, и притомъ относящихся къ различнымъ предметамъ? Его самостоятельность имѣетъ достаточно практики въ семинаріяхъ, и эта послѣдняя оказывается гораздо полезнѣе, чѣмъ возобновленіе въ памяти прослушаннаго; и возобновленіе это, въ большинствѣ филологическихъ наукъ, излагаемыхъ по нѣмецкой методѣ, представляетъ часто непреодолимую трудность^а. Наконецъ, Колларъ ссылается и на свой личный опытъ; онъ заявляетъ, что слышанныя имъ импровизаціи были пріятны, но мало поучительны; что подобныя чтенія профессоровъ, людей талантливыхъ, по своей сущности сводились къ тому, что другіе изложили бы менѣе, чѣмъ въ десять минутъ.

Мы съ намѣреніемъ привели эту длинную и неполнѣе связную аргументацію Коллара для того, чтобы показать, что въ его книгѣ, рядомъ съ интересными данными о нѣмецкихъ университетахъ, встрѣчаются сужденія неосновательныя и взгляды односторонніе. Опровер-

гать приведенныя мысли представляется излишнимъ: считаемъ достаточнымъ, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, заявить, что лучшія лекціи, которыя намъ удалось слышать въ Германіи (Гаупта и Ричля), были имѣнно тѣмъ, что Колларъ называетъ *une leçon académique improvisée*.

Слѣдую далѣе за нашимъ авторомъ, сообщимъ его наблюденія надъ общимъ характеромъ лекцій. Выдающимися ихъ сторонами являются, по его мнѣнію, эрудиція и метода. Профессоры въ началѣ изложенія предмета и его отдѣльныхъ частей указываютъ источники и перечисляютъ главнѣйшія пособія, характеризуя каждое изъ нихъ. Вездѣ они даютъ своимъ слушателямъ примѣры обширныхъ и подробныхъ розысканій, буквальной точности въ цитатахъ, строгой критики свидѣтельствъ, стремленія утверждать какъ истинное лишь то, что доказано. Вездѣ они указываютъ развитіе излагаемой науки, очерчиваютъ ея различные фазисы, и въ заключеніе, излагаютъ ея современное состояніе, снова дѣлая выводъ изъ источниковъ, разбирая высказанныя мнѣнія, всюду подкрѣпляя доказательствами свои положенія, опровергая возраженія и никогда не скрывая того, что возбуждаетъ сомнѣніе или подлежитъ спору. Въ своихъ лекціяхъ нѣмецкій профессоръ имѣетъ въ виду сообщить слушателямъ не только свою доктрину, но и свой методъ; кромѣ того, онъ старается ознакомить ихъ и съ общими положеніями и основными идеями излагаемой науки. Видя такимъ образомъ въ лекціяхъ нѣмецкихъ профессоровъ совершеннѣйшіе образцы университетскихъ чтеній, Колларъ опровергаетъ и тѣ замѣчанія, которыя высказывались нѣкоторыми наблюдателями относительно ихъ слабыхъ сторонъ. Прежде всего, имъ ставилось въ вину отсутствіе плана: говорили, что нѣмецкіе профессора не заботятся о цѣлостности отдѣльныхъ лекцій, и очень часто, прерывая вмѣстѣ съ звонкомъ свою аргументацію, продолжаютъ ее на слѣдующей лекціи. Замѣчаніе это шло отъ французскихъ наблюдателей, которые привыкли къ тому, что лекціи, читаемыя французскими профессорами, представляются, каждая, нѣчто законченное. Такой приѣмъ, однако, имѣетъ много неудобствъ, и Колларъ, какъ кажется, справедливо отстаиваетъ законность нѣмецкихъ чтеній: „Каждая лекція“, говоритъ онъ, — „не должна быть чѣмъ-нибудь изолированнымъ, но должна составлять часть гармоническаго цѣлага, примыкая непосредственно къ предыдущему и служа необходимымъ переходомъ къ послѣдующему. Было бы странно и противно началамъ здоровой педагогической требовать, чтобы изъ шестидесяти лекцій по греческой лексикологіи или по римскимъ

древностямъ каждая составляла нѣчто цѣльное, не стоящее во внутренней, ближайшей связи съ другимъ*.

Болѣе основателемъ другой упрекъ, который дѣлають чтеніямъ нѣмецкихъ профессоровъ; это—недостаточное вниманіе къ формѣ изложенія. Упрекъ этотъ слышится изъ устъ не однихъ иностранцевъ, но и самихъ Нѣмцевъ. Колларъ опровергаетъ его своимъ собственнымъ наблюденіемъ, заявивъ, что всѣ лекціи, слышанныя имъ въ Страсбургѣ, Воннѣ и Лейпцигѣ, были отдѣланы съ большою тщательностью, содержаніе было раздѣлено и подраздѣлено съ большою опредѣленностью, изложеніе было ясно, не изысканно, выраженія были просты, точны и далеки отъ темноты. Не имѣемъ причинъ не вѣрить этому заявленію, но считаемъ нужнымъ замѣтить, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, что вышеупомянутыми достоинствами отличались далеко не всѣ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ, которыя намъ приводилось слышать, и что упрекъ въ пренебреженіи формою изложенія приложимъ если не къ большинству, то ко многимъ изъ нихъ. Впрочемъ, считаемъ долгомъ оговориться: наблюденія наши относятся къ самому началу 70-хъ годовъ; многіе изъ слышанныхъ нами профессоровъ сошли въ могилу; можетъ быть, замѣнившіе ихъ ученые обладаютъ тѣми достоинствами изложенія, которыхъ не было у ихъ предшественниковъ.

Что касается практическаго преподаванія филологическихъ дисциплинъ въ германскихъ университетахъ, то оно сосредоточивается, какъ уже было замѣчено выше, въ семинаріяхъ и имъ подобныхъ учрежденіяхъ, носящихъ различныя названія: институтовъ, обществъ, собраній и т. д. Семинарія бываютъ обыкновенно учрежденіями правительственными и имѣютъ свой опредѣленный бюджетъ, тогда какъ общества суть учрежденія совершенно частныя. Въ послѣднее время на развитіе семинарій обращается особенное вниманіе и въ нихъ совершенно справедливо видятъ одно изъ могущественныхъ орудій для образованія университетской молодежи: въ нихъ она приучается къ учебной работѣ, знакомится съ такими ея приемами, которые не могутъ быть переданы на словахъ, но сообщаются на практикѣ; руководству опытнаго профессора студентъ-семинаристъ обязанъ тѣмъ, что сразу усваиваетъ надлежащій методъ и неуклопно слѣдуетъ ему во все пребываніе въ семинаріи. Это-же руководство сближаетъ профессора со студентомъ и совпадаетъ между ними близкія отношенія, продолжающіяся обыкновенно и за предѣлами школы. Наконецъ, семинарія имѣютъ ту выгоду, что способствуютъ выдѣленію изъ массы студентовъ лучшихъ

и способнѣйшихъ, такъ какъ въ нихъ принимаютъ участіе далеко не всѣ студентъ, но лишь тѣ, которые доказали свои знанія и способность или на особомъ устномъ испытаніи, или же письменною работою. Поэтому не безъ основанія всѣ лучшіе современные педагоги зовутъ семинаріи душою университетовъ и настаиваютъ на возможномъ ихъ расширеніи.

Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что, при всей пользѣ семинарій, онѣ однѣ не могутъ дать то, что долженъ дать молодому человѣку университетъ, и одностороннее увлеченіе ими, можетъ, вмѣсто пользы, привести вредъ и учащемуся знанію, и самой наукѣ. Первая и самая главная опасность такого увлеченія состоитъ въ томъ, что студентъ, занявшись исключительно работами въ семинаріи, пренебрегаетъ посѣщеніемъ лекцій и этимъ существенно вредитъ своему образованію: при необыкновенномъ въ настоящее время развитіи филологическихъ наукъ вообще дѣлается весьма за оудительнымъ непосредственное знакомство со всѣми, хотя оно существенно необходимо для каждаго филолога; что же будетъ, если студентъ-филологъ, всецѣло отдавшись своей семинарской работѣ, будетъ пренебрегать университетскими лекціями, которыя сообщаютъ ему общее знакомство съ большинствомъ филологическихъ дисциплинъ? Разработка самостоятельная специальныхъ вопросовъ придетъ потомъ, когда онъ, окончивъ университетъ, будетъ заниматься избраннымъ предметомъ или даже его отдѣломъ; но онъ не долженъ забывать, что разработка специального вопроса, какъ бы узокъ и ограниченъ онъ ни былъ, никогда не можетъ быть надлежащимъ образомъ плодотворна безъ общаго знакомства съ извѣстной дисциплиной и, даже болѣе, съ филологіей вообще, съ ея задачами, методомъ и цѣлью. Слѣдя за современнымъ движеніемъ филологической литературы въ Германіи, можно замѣтить, что высказанное опасеніе имѣетъ свои основанія: въ настоящее время не рѣдкость встрѣтить монографію по какому-нибудь частному вопросу, разбирающую его очень внимательно, но крайне односторонне, и потому невѣрно. Не происходитъ ли это отъ вышеуказанной причины? Другія неудобства, вытекающія отъ односторонняго увлеченія семинаріями, не такъ общи и легче устранимы. Къ нимъ относится, напримѣръ, односторонняя постановка занятій, допускаемая нѣкоторыми профессорами-руководителями, чрезмѣрная детальность въ интерпретаціи авторовъ, заставляющая изъ-за мелочныхъ подробностей забывать о главномъ — точномъ пониманіи текста и т. д. Всѣ эти недостатки, повторяемъ, легко устранимы и происходятъ не отъ се-

минарій въ нихъ сущности, а отъ нихъ руководителей. Нѣсколько болѣе общъ третій укоръ, который ставится семинаріямъ—это то, что опѣ не имѣютъ нисколько въ виду будущаго назначенія студентовъ, не заботятся нисколько о приготовленіи изъ нихъ хорошихъ преподавателей для гимназій. Объ этомъ укорѣ мы будемъ говорить по-дробнѣе нѣсколько ниже, такъ какъ вопросу о приготовленіи гимназическихъ преподавателей г. Колларъ посвящаетъ особую главу.

Въ заключеніе, остановимся на одномъ частномъ вопросѣ, имѣющемъ близкое отношеніе къ работамъ студентовъ въ семинаріяхъ—это изданіе въ свѣтъ семинарскихъ работъ, начавшееся съ легкой руки Ричля и введенное теперь въ Лейпцигѣ, Галлѣ, Іенѣ, Эрлангенѣ, Страсбургѣ. Взгляды компетентныхъ лицъ на такія изданія разнообразны: одни видятъ въ нихъ прекрасное поощреніе для начинающихъ ученыхъ, которые могутъ гордиться тѣмъ, что ихъ первые труды сдѣлались извѣстными ученому міру, съ удовольствіемъ выслушиваютъ голосъ критики и поощряются на дальнѣйшіе, болѣе совершенные труды. Другіе—и въ числѣ ихъ такіе авторитеты, какъ Зибель,—считаютъ подобныя изданія безусловно вредными, такъ какъ они внушаютъ молодымъ ученымъ преждевременное самоиѣніе, даютъ имъ преувеличенное понятіе объ ихъ знаніи и способностяхъ и отвращаютъ ихъ научный духъ отъ его прямой цѣли, которая состоитъ единственно въ изысканіи истины. Разсматривая издаваемые сборники, легко приходишь къ тому убѣжденію, что многія изъ помѣщенныхъ въ нихъ работъ безъ малѣйшаго ущерба для науки могли бы лежать въ портфеляхъ ихъ авторовъ. Труды же, дѣйствительно выдающіеся, легко могутъ найти доступъ въ печать и другими путями, которыхъ такъ много въ Германіи ¹⁾.

III.

Хвалебный тонъ Коллара, котораго читатель не могъ не замѣтить въ предыдущихъ отдѣлахъ, переходитъ въ панегирикъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о преподаваніи классической филологіи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Это и не удивительно потому, что въ послѣднее десятилѣтіе Лейпцигскій университетъ сталъ однимъ изъ виднѣйшихъ

¹⁾ См. любопытныя и поучительныя замѣчанія *Д. Миллера* въ его книгѣ: *Fr. Ritschl. II, Aufl. 1878. p. 58.*

филологических центровъ Германіи. Уже одна численность профессоровъ, преподающихъ тамъ различныя дисциплины классической филологіи, можетъ свидѣтельствовать объ этомъ: тогда какъ въ Страсбургѣ число ихъ простиралось до 6, въ Вонпѣ—до 8, въ Лейпцигѣ въ 1874—1875 гг. ихъ насчитывалось 15. Настоящимъ своимъ процвѣтаніемъ университетъ обязанъ, главнымъ образомъ, Ричлю, котораго Коллару удалось слушать въ теченіе двухъ семестровъ. Мѣсто Ричля, какъ извѣстно, заступилъ Риббекъ.

По поводу численности профессоровъ нашъ авторъ касается любопытнаго вопроса о способѣ замѣщенія университетскихъ кафедръ. Составъ профессоровъ, говоритъ онъ,—обыкновенно пополняется изъ приватъ-доцентовъ, молодыхъ людей, которые года два или три спустя по окончаніи курса, получили докторскую степень; случаи перехода учителей гимназій на профессорскую кафедру весьма рѣдки, и притѣръ Зауппе, въ Гёттигенѣ,—почти единичный. Въ Германіи эти двѣ карьеры—гимназическая и университетская—разсматриваются какъ нѣчто другъ отъ друга независимое, и мало того, дѣятельность гимназическаго педагога считается весьма плохой подготовкой къ университетской кафедрѣ, такъ какъ, говорятъ многіе,—учитель теряетъ до нѣкоторой степени любовь и способность къ строго-научнымъ занятіямъ, и метода преподаванія, умѣстная въ гимназій, неприменима въ университетѣ. Колларъ не высказываетъ своего личнаго мнѣнія по поводу этихъ приводимыхъ имъ соображеній; намъ представляются они неосновательными и даже не подтверждаемыми практикой. Невѣрно, будто одинъ только Зауппе передъ профессурой былъ учителемъ гимназій; припомнимъ, Боница, Негельбаха, Кирххоффа, Пассова, Курціуса и многихъ другихъ профессоровъ, начавшихъ свою карьеру въ скромной должности гимназическихъ учителей; неосновательно, будто преподаваніе въ гимназій служитъ плохой подготовкой къ кафедрѣ: напротивъ, университетъ строитъ въ органической связи съ гимназіей, изъ которой получаетъ слушателей, и профессору совершенно необходимо знать ихъ потребности и степень развитія, преимущественно, въ тотъ періодъ, когда они впервые садятся на университетскую скамью; съ другой стороны, приготавливая изъ студентовъ учителей гимназій, профессоръ долженъ быть близко знакомъ съ ея потребностями и большинство профессоровъ грѣшить именно ихъ незнаніемъ. Невѣрно, наконецъ, и то, что дѣятельность гимназическаго преподавателя ослабляетъ любовь и способность къ строго-научнымъ занятіямъ; припомнимъ, что Корс-

сенъ написалъ свой гигантскій трудъ „Ueber die Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache“, будучи учителемъ въ Шулльфортѣ. Именно въ Германіи, чаще чѣмъ гдѣ-либо, учителя гимназій своими учеными трудами содѣйствуютъ развитію науки, въ ея приложенія къ школьной практикѣ.

Поступившій въ университетъ привать-доцентъ остается обыкновенно въ этомъ званіи отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, и затѣмъ, по предложенію факультета, промовируется въ экстраординарные профессора. Конечно, бываютъ и отступленія отъ этого правила: иные привать-доценты очень скоро получаютъ повышение, чаще всего черезъ приглашеніе въ другой университетъ, другіе остаются привать-доцентами до гробовой доски. Изъ экстраординарныхъ движеніе въ ординарные бываетъ также черезъ три-четыре года. Получивъ ординатуру, профессоръ не считаетъ себя достигшимъ крайняго предѣла своихъ желаній: постоянной разработкой своихъ лекцій и учеными работами онъ старается выдвинуться изъ среды своихъ товарищей и получить приглашеніе въ другой университетъ на болѣе высшій окладъ содержанія; иногда это приглашеніе и не сопровождается дѣйствительнымъ переходомъ, но всегда имѣетъ слѣдствіемъ повышение оклада, если университетъ пожелаетъ оставить профессора у себя. Эта система, по которой оклады связаны не съ мѣстомъ, а съ лицомъ его занимающимъ, имѣетъ много преимуществъ: съ одной стороны, она возбуждаетъ и поддерживаетъ рвеніе профессоровъ, съ другой—даетъ возможность университетамъ привлекать къ себѣ, дѣйствительно, лучшія ученые силы. Но и помимо этого, профессоръ, достигнувъ ординатуры, не можетъ опочить на лаврахъ: при существованіи привать-доцентуры и системы гонорара, онъ постоянно долженъ заботиться о томъ, чтобы выдерживать конкуренцію и имѣть достаточную матеріальную поддержку.

„Нѣмецкіе профессора“, говоритъ Колларъ, — „всецѣло заботятся объ исполненіи двухъ своихъ обязанностей—педагогической, состоящей въ обученіи юпошества, и ученой, въ силу которой они должны своими трудами содѣйствовать развитію науки. Они обнаруживаютъ чрезвычайную дѣятельность: съ одной стороны, они разработываютъ свои лекціи съ замѣчательною тщательностью и усердіемъ, поддерживая ихъ постоянно на уровнѣ новыхъ изслѣдованій и обогащая самостоятельными взглядами; съ другой—они издають изумительную массу книгъ, мемуаровъ, статей, которыя ежедневно появляются на всемъ пространствѣ Германіи“.

Въ Лейпцигскомъ университетѣ Колларъ слушалъ почти всѣхъ профессоровъ-филологовъ и сообщаетъ характеристики читанныхъ ими курсовъ. Онѣ, не смотря на нѣкоторую односторонность, не лишены интереса, вслѣдствіе чего мы считаемъ не лишнимъ ознакомить съ ними читателей.

У Ричля нашъ авторъ слушалъ курсъ энциклопедіи и методологіи классической филологіи. Курсъ этотъ дѣлился на три части: въ первой излагалась исторія и систематика филологіи, во второй—методологія, въ третьей—критика и герменевтика.

Остановившись нѣсколько подробнѣе на исторіи филологіи въ періоды Александрійскій и Византійскій, Ричль очертилъ вкратцѣ ея развитіе въ новое время, которое онъ раздѣлилъ на четыре періода, представителями коихъ служатъ: Петрарка, Иосифъ Скалигеръ, Бенгли, Вольфъ, принадлежащіе къ четыремъ различнымъ національностямъ, наложившимъ каждая своеобразную печать на разработку филологической науки. Указавъ въ историческомъ очеркѣ то, чѣмъ была филологія, Ричль перешелъ къ опредѣленію того, что она есть, чѣмъ должна быть. Вопросъ этотъ рѣшается различно: одни понимаютъ подъ филологіей изученіе греческаго и латинскаго языковъ, другіе отождествляютъ ее съ лингвистикой, третьи—съ критикой и герменевтикой. Ричль раздѣляетъ взглядъ на филологію Бека и видитъ въ ней возсозданіе умственной жизни древности черезъ знакомство съ ея внѣшними проявленіями и черезъ ихъ изученіе. Вслѣдъ за этимъ онъ старается показать, что различныя филологическія дисциплины образуютъ одну опредѣленную и независимую науку; разсмотрѣвъ попытки систематизаціи этихъ дисциплинъ, предложенныя Вольфомъ, Фулленборномъ, Крейцеромъ, Астомъ, Тирнемъ, Бекомъ, Маттее, Гергардомъ и Бернгарди, Ричль предлагаетъ свое дѣленіе: въ филологіи есть одна основная дисциплина—энциклопедія вмѣстѣ съ исторіей филологіи. Вслѣдъ за нею идутъ 8 частныхъ дисциплинъ, группирующихся на четыре отдѣла: а) дисциплины пропедевтическія или формальныя—герменевтика и критика; б) дисциплина органическая—грамматика; в) метрика; г) дисциплины реальныя—исторія литературы, древности или политическая исторія (отличающіяся другъ отъ друга лишь методомъ и имѣющія вспомогательными науками географію, топографію и хронологію), мнѳологія и археологія. Двѣ, не вошедшія въ этотъ переченьъ дисциплины: эпиграфика и нумизматика, примыкаютъ—первая къ исторіи литературы или къ грамматикѣ, вторая—къ древностямъ или къ археологіи.

Вторая часть Ричлева курса—методологія—относится къ энциклопедии и исторіи филологій какъ практика къ теоріи; это есть необходимое введеніе въ изученіе филологій, которая разсматривается здѣсь съ педагогической точки зрѣнія; это есть путеводная нить, которая дается въ руки студента. Сообразно съ такою задачей, въ этой части курса Ричль предлагалъ рядъ практическихъ совѣтовъ и указаній, которые заключали въ себѣ прекрасную годегетику для учащейся молодежи.

Въ основѣ всѣхъ филологическихъ занятій должно лежать изученіе языка, которое лучше всего приобрѣтается курсорнымъ чтеніемъ писателей. Чѣмъ больше авторовъ, будетъ прочтено тѣмъ лучше: *Lesen, viel lesen, sehr viel lesen, möglichst viel lesen*, неоднократно повторялъ Ричль своимъ слушателямъ. Но рядомъ съ этимъ курсорнымъ чтеніемъ должно идти и чтеніе старинное, подъ которымъ разумѣется критическое и экзегетическое изученіе автора. Выбирать для этого лучше всего дѣйствительно выдающихся классиковъ и чередоваться между прозаикомъ и поэтомъ. При этомъ чтеніи, сверхъ общихъ пособій — грамматики и лексикона — необходимо имѣть и пособия спеціальныя, то-есть, возможно большее количество критическихъ изданій и комментариевъ; съ ними нужно справляться какъ можно чаще, провѣрять всякую въ нихъ ссылку, зрѣло обдумывать различныя мнѣнія и останавливаться лишь на томъ, въ пользу котораго можно привести вѣскія доказательства. Для большей пользы, слѣдуетъ записывать результаты своей работы.

Что касается круга писателей, которыми слѣдуетъ заниматься студенту, то Ричль совѣтуетъ прочесть изъ греческихъ авторовъ: *Иліаду* и *Одиссею*, одну трагедію Софокла, одну комедію Аристофана, пол-книги Геродота, книгу Фукидида, одинъ разговоръ Платона и двѣ рѣчи Демосфена; изъ латинскихъ—всего Горация, одного изъ эротиковъ, Плавта и Теренція, рѣчь или философскій трактатъ Цицерона и одну книгу Тацита. Гомера удобнѣе читать курсорно, и приступать къ его критическому и экзегетическому изученію не ранѣе, какъ прослушавъ курсъ интерпретаціи Гомеровыхъ поэмъ. Точно также удобнѣе читать курсорно и Горация, останавливаясь лишь на нѣкоторыхъ его произведеніяхъ.

Знакомство съ филологическими дисциплинами приобрѣтается черезъ посѣщеніе лекцій и изученіе хорошихъ руководствъ. Порядокъ слушанія отдѣльныхъ курсовъ безразличенъ: можно начинать съ какаго угодно отдѣла филологій. Что касается выбора руководствъ, то

онъ долженъ дѣлаться съ осторожностью, и само ихъ изученіе не должно быть поверхностнымъ.

Первые четыре или пять семестровъ студентъ, по совѣту Ричля, долженъ заниматься чтеніемъ и посѣщеніемъ лекцій; по истеченіи же указаннаго времени дѣятельность студента воспринимающая должна уступить мѣсто дѣятельности производящей. Оставляя въ сторонѣ общее, онъ долженъ углубиться въ детальную разработку какого-нибудь частнаго вопроса, относящагося къ критикѣ или экзегезѣ, къ грамматикѣ, или къ какой-либо изъ реальныхъ дисциплинъ. При выборѣ вопроса не должно останавливаться на темахъ черезъ мѣру общихъ, какъ на примѣръ, *de praestantia Ciceronis*, не слѣдуетъ заниматься и такими вопросами, которые рѣшены окончательно, или наоборотъ, не поддаются такому рѣшенію, какъ на примѣръ, Гомеровскій вопросъ, вопросъ о порядкѣ діалоговъ Платона и т. п. Должно выбирать по преимуществу вопросы мало изслѣдованные или совсѣмъ не тронутые, принимая при этомъ точкою исхода того писателя, который ранѣе былъ изученъ основательно; такъ, студентъ, штудировавшій Гомера, можетъ остановиться на вопросѣ, имѣющемъ отношеніе къ Аполлонію Родосскому, изучавшій Геродота или Фукидида, можетъ выбрать пѣчто, относящееся къ Діонисію Галикарнасскому, Полибію, Плутарху и т. д.

Студенту необходимо умѣть писать по латыни. Онъ можетъ учиться искусству стила, взявъ себѣ въ образецъ какого-нибудь новаго латиниста, на примѣръ, Мурета. Слѣдуетъ переводить его гладкою пѣмецкою рѣчью и затѣмъ, черезъ недѣлю, упражняться въ обратномъ переводѣ. Не должно пренебрегать и упражненіями въ латинской версификаціи: для этого разбирается стихъ и восстанавливается въ прозію форму; затѣмъ вводится различныя измѣненія въ словахъ, на примѣръ, замѣняются синонимы, измѣняются эпитеты и т. п., и наконецъ, дѣлаются попытки самостоятельнаго стихосложенія; ихъ естественнѣе всего ограничивать гекзаметромъ и пентаметромъ.

Въ третьей и послѣдней части курса своего Ричль излагалъ основанія критики и герменевтики. Обѣ эти формальныя дисциплины тѣсно связаны одна съ другою и нуждаются другъ въ другѣ безпрестанно: съ одной стороны, ни одно древнее произведеніе не можетъ быть понято прежде, чѣмъ критика установитъ его первоначальный видъ, съ другой — критическое установленіе текста зависитъ отъ точнаго пониманія содержанія. Герменевтика, подобно критикѣ, дѣлится на общую и частную; послѣдняя, въ свою очередь, подраздѣляется на

словесную и реальную. Ричль не успѣлъ окончить свой курсъ, разсматрѣвъ только словесную герменевтику. Не безъ основанія придавалъ онъ ему большое значеніе, видя въ своихъ чтеніяхъ необходимую для молодыхъ филологовъ исагогику.

Сверхъ вышеназложеннаго курса Колларъ слушалъ у Ричля объясненіе „Лягушекъ“ Аристофана. Объясненію было предпослано обширное введеніе, занявшее почти половину семестра и излагавшее, какъ исторію греческой комедіи, такъ и спеціальные вопросы, относившіеся къ избранной пьесѣ. При чтеніи, преимущественное вниманіе обращено было на критику текста; объ экзегезѣ Ричля можно составить себѣ понятіе по изданію „Лягушекъ“, сдѣланному Кохомъ.

У профессора К. Германна Колларъ слушалъ курсъ общей грамматики и философіи языка. Въ первой его части профессоръ сообщалъ краткій очеркъ исторіи науки о языкѣ. Въ ней онъ видѣлъ два періода: древній, когда разсматривались отношенія между словомъ и его значеніемъ, и новый, когда поставленъ на очередь вопросъ о происхожденіи языка. Стоя преимущественно на почвѣ философской, Германнъ съ особенною подробностью останавливался на теоріяхъ Гердера, Гумбольдта и Гримма, которые были учениками Канта, Шеллинга и Гегеля. Во второй части курса Германнъ разсматривалъ общія положенія новой лингвистики: вопросъ о родствѣ языковъ, объ ихъ классификаціи, объ особенностяхъ языковъ односложныхъ, склеивающихся и флективныхъ, различныхъ системы письма, правописанія, произношенія, употребленія словъ. Въ философской грамматикѣ Германнъ излагалъ законы и начала, общіе всѣмъ языкамъ. Курсъ этого профессора принадлежалъ къ разряду publica, и будучи читанъ профессоромъ философіи, имѣлъ въ виду не исключительно филологовъ; вслѣдствіе того лекторъ не вдавался въ подробности, довольствуясь только простымъ и яснымъ изложеніемъ общихъ началъ лингвистики.

Элементарный курсъ санскрита читалъ Кунъ. Положивъ въ основаніе руководство Штөндлера, онъ прочитывалъ и объяснял каждое правило, дѣлая по временамъ сближенія съ греческимъ и латинскимъ языками. Курсъ закончился переводомъ и объясненіемъ трехъ главъ „Чаля“ и нѣсколькихъ стиховъ „Иттопадеси“; тексты были переводимы поочередно студентами и разъясняемы профессоромъ, который то излагалъ свои комментаріи самъ, то спрашивалъ студентовъ. Вся постановка преподаванія, назначавшагося для начинающихъ, была элементарная и имѣла въ виду цѣли, главнымъ образомъ, практическія. Для студентовъ болѣе знающихъ, профессоръ

Врокгаузъ объяснял главы изъ „Панчатантри“, помѣщенныя въ хрестоматіи Венфеа. Переводъ дѣлали сами студенты и на него обращалось преимущественное вниманіе.

У профессора Георга Курціуса Колларъ слушалъ три курса. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ основамъ сравнительнаго языковѣданія, которымъ было предпослано введеніе, относившееся къ опредѣленію классической филологіи. Въ немъ Курціусъ, послѣ краткаго очерка исторіи филологіи, исчислилъ и распредѣлилъ филологическія дисциплины, указалъ на задачу филологіи и опредѣлилъ ея отношенія къ другимъ наукамъ, преимущественно къ исторіи и сравнительному языковѣданію. Лекціи, относившіяся непосредственно къ лингвистикѣ, открылись ея исторіей и общимъ опредѣленіемъ этой науки, послѣ чего слѣдовало изученіе языка въ отношеніи звуковомъ, матеріальномъ и формальномъ. Вторая часть курса была посвящена обзорѣ индо-европейской семьи и языковъ, въ нее входящихъ. Указавъ литературу вопроса, профессоръ нѣсколько остановился на Арійцахъ, ихъ названіи, образѣ жизни, происхожденіи и переселеніяхъ, перечислилъ и охарактеризовалъ вѣтви этой семьи, и перешелъ къ третьей части, гдѣ разсматривалась метода индо-европейской лингвистики. Здѣсь Курціусъ разбиралъ звуковыя законы, корни, именное образованіе, основы сравненія словъ, видоизмѣненія и развѣтвленія въ ихъ значеніи. Въ заключеніе, были сообщены общія понятія о сравнительномъ синтаксисѣ и, въ частности, объ употребленіи надежей и неопредѣленнаго наклоненія.

Другой курсъ профессора Курціуса касался греческой грамматики. Вслѣдъ за введеніемъ, въ которомъ излагались требованія, предъявляемыя въ настоящее время къ греческой грамматикѣ, и очерчивалась ея исторія, равно какъ и исторія греческаго языка, Курціусъ приступилъ къ изложенію фонетики, въ которой подробно разсмотрѣлъ алфавитъ, произношеніе, вокализмъ, консонантизмъ, и удареніе. Вторая часть курса была посвящена флексіямъ, какъ именнымъ, такъ и глагольнымъ, а третья—словообразованію. За недостаткомъ времени, профессоръ не успѣлъ разсмотрѣть словопроизводство, коснувшись только словосложенія.

Третій родъ чтеній Курціуса составлялъ курсъ сравнительной грамматики италійскихъ нарѣчій (латинскаго, оскскаго, умбрскаго). Общее его построеніе не отличалось ничѣмъ спеціальнымъ отъ построенія предыдущаго курса.

Чтенія Курціуса произвели на Коллара сильное впечатлѣніе, п

онъ не скупится на похвалы лейпцигскому профессору, извѣстность котораго на столько велика, что избавляетъ насъ отъ необходимости ихъ повторять.

У профессора Фрише (Fritsche, нынѣ умершаго) нашъ авторъ слушалъ метрику и объясненіе Теоокрита. Относительно первой онъ замѣчаетъ, что курсъ былъ слишкомъ элементаренъ, а относительно втораго — что понятіе о немъ можно составить по изученію Теоокрита, сдѣланному этимъ ученымъ.

Профессоръ Ланге читалъ, во первыхъ, греческія государственныя древности. Опредѣливъ задачу древностей и разграничивъ ихъ рѣзко отъ исторіи, профессоръ приступилъ къ весьма подробному обзорѣнню источниковъ, которые были имъ раздѣлены на два отдѣла: писатели и памятники эпиграфическіе и нумизматическіе; вслѣдъ за источниками шло обзорѣніе пособій, начиная съ XV в. до нашего времени; изъ новѣйшихъ сочиненій Ланге въ особенности рекомендовалъ труды Шеманна и К. Ф. Германна. Приступая затѣмъ къ изложенію самого предмета, Ланге предпослалъ ему нѣсколько общихъ замѣчаній о происхожденіи греческаго народа, о вліяніи Востока на Грецію, о переселеніи Дорянъ, о существованіи трехъ періодовъ — поласгійскаго, ахейскаго и эллинскаго, и перешелъ къ происхожденію государства изъ семьи, рода и колѣна, разъяснилъ причины возникновенія въ Греціи множества мелкихъ государствъ и приступилъ къ обзорѣнню ихъ устройства. Оно въ эпоху Гомеровскихъ пѣсень было довольно однообразно, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, обнаруживается все большее разнообразіе. Свойство нашихъ источниковъ позволяетъ намъ составить болѣе или менѣе полное понятіе объ устройствѣ лишь двухъ государствъ — Аѳинскаго и Спартанскаго; что же касается другихъ, то относительно ихъ мы должны довольствоваться лишь общими представленіями. Посему главная часть курса Ланге была посвящена изложенію государственнаго устройства Спарты и Аѳинъ (до Солона включительно). Изложеніе это было ведено исторически, такъ что извѣстный институтъ разъяснялся по мѣрѣ его возникновенія.

По замѣчанію Коллара, чтенія Ланге отличались прежде всего полемическимъ характеромъ: профессоръ тщательно отмѣчалъ различныя мнѣнія, высказывавшіяся по какому-либо вопросу, взвѣшивалъ ихъ и выбиралъ самое вѣроятное, или же предлагалъ свое собственное. Онъ имѣлъ въ виду не только сообщить тѣ результаты, къ которымъ пришла наука, но и указать методу, которой должно

слѣдовать при ея разработкѣ. Приступая къ какому-нибудь вопросу, онъ опредѣлялъ точку исхода, указывалъ источники, отмѣчая ихъ ошибки, неясности и противорѣчія, интерпретировалъ ихъ съ логической послѣдовательностью и приходилъ къ самому вѣроятному выводу, который можетъ быть изъ нихъ сдѣланъ, критикуя тѣ, которые были сдѣланы невѣрно. Часто ему удавалось примирять разногласіе между источниками и остроумно исправлять испорченные тексты. Онъ не затруднялся оставлять нѣкоторые вопросы открытыми и заявлять, что то или другое ихъ рѣшеніе есть не что иное, какъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе.

Вовторыхъ профессоръ Ланге объяснялъ рѣчь Цицерона *de domo sua*, предпославъ объясненію обширное введеніе о Цицеронѣ и его времени. Въ этомъ введеніи Ланге съ большою подробностью слѣдилъ за развитіемъ личности Цицерона, съ точки зрѣнія политической и литературной. Во взглядѣ на оратора, Ланге придерживается середины между безусловнымъ его восхваленіемъ и столь же одностороннимъ порицаніемъ, и мѣстами, даже склоняется болѣе на сторону перваго. Къ тексту рѣчи *de domo* Ланге приступилъ лишь въ февралѣ мѣсяцѣ. Вопросъ объ ея подлинности былъ рѣшенъ профессоромъ въ смыслѣ утвердительномъ; тѣ особенности, которыя Вольфъ видѣлъ въ ея формѣ, зависать, по мнѣнію Ланге, отъ того, что она не принадлежитъ ни къ *genus deliberativum*, ни къ *genus indiciale*, а занимается разъясненіемъ вопроса изъ области капоническаго права, и не передъ судьями, а передъ понтификами. Многорѣчивость оратора объясняется совершенно его исключительнымъ положеніемъ. Присутствіе въ рѣчи многихъ несообразностей, служившее Вольфу также аргументомъ противъ ея подлинности, указываетъ, по мнѣнію Ланге, лишь на дурное состояніе рукописнаго преданія. При чтеніи текста Ланге съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на мѣстахъ, по его мнѣнію, испорченныхъ и предлагалъ, послѣ тщательнаго ихъ разбора, свои исправленія; они отличались большою убѣдительностью и никогда не были насильственны. Не меньшими достоинствами отличалась и экзегеза Ланге: она касалась не только отдѣльныхъ словъ и выраженій, но и общаго плана и хода мыслей, и во многихъ мѣстахъ помогала находить истинный смыслъ тамъ, гдѣ предыдущіе критики видѣли бессмыслицу и предполагали порчу. Всего было прочтено Ланге 38 параграфовъ.

Профессоръ Гардтгаузенъ читалъ *publice* о Геродотѣ. Опираясь на разборъ и оцѣнку источниковъ, Гардтгаузенъ пытался очертить

образъ великаго историка: съ большою обстоятельностью была изложена его біографія, рассмотрѣны вопросы объ его путешествіяхъ, речитацияхъ, связяхъ съ Софокломъ, о времени написанія исторіи, объ ея источникахъ, ея пристрастіи или безпристрастіи, ея критикѣ, о значеніи Геродота, какъ географа, о недостаточномъ знаніи имъ хронологіи, объ его любви къ эпизодамъ. Послѣ краткаго обзорѣнія содержанія, Гардтгаузенъ рассмотрѣлъ Геродотовскій діалектъ и рукописное преданіе.

У профессора Липсіуса Колларъ слушалъ объясненіе второй книги Фукидида и объясненіе рѣчи Андокида о мистеріяхъ. Отличительною чертою лекцій Липсіуса о Фукидидѣ была рѣдкая полнота ссылокъ и указаній на новѣйшія пособія, съ краткою характеристикой важнѣйшихъ изъ нихъ. Какъ особенность, Колларъ отмѣчаетъ приемъ перевода, который не предшествуетъ критическому и экзегетическому объясненію текста, но слѣдуетъ за нимъ: разъяснивъ частности отдѣльнаго эпизода, профессоръ предлагаетъ одному изъ слушателей представить его переводъ. Всего, въ теченіе семестра, было объяснено 42 главы.

Точно также и объясняя рѣчь Андокида о мистеріяхъ, Липсіусъ съ обычною тщательностью указывалъ какъ чтенія рукописей, такъ и исправленія критиковъ, и въ экзегезѣ съ особенною внимательностью разбиралъ тѣ мѣста рѣчи, въ которыхъ ораторъ касается судебныхъ Аѣнскихъ учрежденій, съ которыми профессоръ знакомъ въ совершенствѣ. Вопреки мнѣнію Набера, Липсіусъ убѣжденъ въ подлинности рѣчи и доказывалъ ее вполне солидными и убѣдительными аргументами; затѣмъ онъ разсматривалъ и вопросъ о подлинности официальныхъ документовъ, находящихся въ рѣчи, при чемъ разбиралъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности; въ общемъ же онъ пришелъ къ тому выводу, что нѣтъ основаній сомнѣваться въ подлинности каталоговъ и псифисмъ, тогда какъ тексты приводимыхъ законовъ представляются интерполированными. Къ концу семестра изъ рѣчи было прочтено 82 параграфа.

Профессоръ Гирцель читалъ publice введеніе въ философскія сочиненія Цицерона и объяснялъ его трактатъ *de natura deorum*. Разъяснивъ время его написанія, обстановку діалога, дѣйствующихъ въ немъ лицъ и его посвященіе Марку Бруту, Гирцель приступилъ къ объясненію, которое имѣло въ виду исключительно философскую сторону сочиненія.

Профессоръ Гершельманъ объяснялъ избранныя стихотворенія Каталла, Тибулла и Проперція въ курсѣ, предиазначенномъ преимуще-

ственно для членовъ русской филологической семинаріи. Послѣ краткаго, но весьма содержательнаго введенія, Гершельманнъ остановился на тѣхъ стихотвореніяхъ Катулла, которыя рисуютъ различныя фазисы его любви къ Лесбіи, и присоединивъ къ нимъ посвященіе Корпелію Непоту и два стихотворенія, относящіяся къ поѣздкѣ Катулла въ Вионвію, перешелъ къ объясненію Тибулла. О лекціяхъ Гершельманна Колларъ отзывается съ большою похвалою; въ особенную заслугу ставитъ онъ ему отсутствіе въ лекціяхъ отступленій: лекторъ всегда шелъ прямо къ цѣли, излагалъ вкратцѣ состояніе вопроса, сообщалъ его рѣшеніе и оцѣнивалъ его; всегда онъ былъ основателенъ, ясенъ, точенъ и кратокъ.

Не лишено интереса и общее обзорѣніе курсовъ лейпцигскихъ филологовъ, сдѣланное Колларомъ за промежутокъ времени 1874—1881, при чемъ, естественно, въ обзорѣніи это вошли и курсы, какъ умершихъ за этотъ періодъ времени профессоровъ, такъ и ихъ преемниковъ.

Профессоръ Ричль: Энциклопедія, исторія и методологія классической филологіи, вмѣстѣ съ основаніями критики и герменевтики.—Историческая грамматика латинскаго языка.—Греческая и латинская метрика.—Исторія греческой трагедіи и объясненіе „Семь противъ Эявъ“ Эсхила. Исторія греческой комедіи и объясненіе „Лягушекъ“. Аристофана.—Исторія римской комедіи и объясненіе Плавтова *Trinummus*.

Профессоръ Георгъ Курціусъ: Основы сравнительнаго языковѣдѣнія.—Греческая грамматика.—Латинская грамматика.—Объясненіе *Илиады* съ введеніемъ въ исторію гомеровскихъ поэмъ и обзорѣніемъ особенностей гомеровскаго діалекта.—Исторія греческой поэзіи.

Профессоръ Германнъ: Общая грамматика и философія языка.

Профессоръ Якоби: Избранныя главы изъ этимологіи.—Подробное введеніе въ изученіе этимологіи.

Профессоръ Тохмеръ: Сравнительная физиологія голоса и языка (для филологовъ и медиковъ).—Введеніе въ языковѣдѣніе съ практическими упражненіями.

Профессоръ Виндинъ: Санскритская грамматика съ упражненіями, Ригведа.—Обзорѣніе санскритской литературы.

Профессоръ Бругманнъ: Санскритская грамматика.—Объясненіе санскритскихъ текстовъ.—Методологія сравнительнаго языковѣдѣнія.—Сравнительная грамматика индо-германскихъ языковъ (фонетика и морфологія).—Греческая грамматика.—Латинская грамматика.

Профессоръ Линсіусъ—Греческія государственныя древности.—

Исторія греческой прозы.—Исторія греческаго краснорѣчія.—Демосоевъ, „рѣчь о вѣнцѣ“, съ введеніемъ въ Демосоева и современныхъ ему ораторовъ.—Андокидъ de mysteriis съ введеніемъ въ аэинское судопроизводство.—Фукидидъ (введеніе и рѣчи или II-я книга).—„Персы“ Эсхила съ введеніемъ о греческомъ театрѣ.

Профессоръ Риббекъ: Введеніе въ изученіе филологіи (исторіи, методъ, исторія и предметъ филологіи).—Исторія и энциклопедія филологіи.—Греческая и латинская метрика.—Исторія римской поэзіи.—Исторія греческой трагедіи и объясненіе „Эдипа Царя“.—Исторія аттической комедіи и объясненіе „Ось“ Аристофана.—Miles Gloriosus Плавта и введеніе въ исторію архаическаго латиннаго и въ біографію Плавта.—Феокрытъ и исторія Александрійской поэзіи.—Избранныя сатиры Ювенала.

Профессоръ Фритче: Греческій синтаксисъ.—Латинскій синтаксисъ и стилистика.—Греческая и латинская грамматика.—Феокрытъ.—Пиндаръ.—Эсхилъ: „Промісей“.—Оды Гораціа.—Рѣчи Цицерона противъ Катиллины.

Профессоръ Екштейнъ: Сатиры Гораціа.—Цицеронъ de oratore.

Профессоръ Гершельманъ: Исторія римской литературы.—Латинская грамматика.—Метрика.—Исторія греческой трагедіи.—Исторія лирической поэзіи у Грековъ.—Лукрецій, Теренцій, Катюллъ, Тибуллъ и Проперцій.—Цицеронъ de finibus.—Тацитъ dialogus de oratoribus.—Феокрытъ.—Аристотеля Риторика.

Профессоръ Гирдель: Privatim: Исторія греческой литературы до Александра Великаго.—Исторія греческой философіи.—Біографія, сочиненія и философія Аристотеля.—Аристотель Пинтика.—Введеніе въ сочиненія Платона и объясненіе Федра.—Платонъ, Симиосіонъ, Платонъ, Политія—Аристофанъ, Облака.—Аристофанъ, Ахарняне. Publice: Исторія философіи у Римлянъ.—Исторія греко-римской философіи времени имперіи.—Введеніе въ философскія сочиненія Цицерона и объясненіе de natura deorum.—Введеніе въ сочиненія Платона.—Платонъ, Федонъ.—Біографія, сочиненія и философія Аристотеля.—Аристотель, Пинтика.

Профессоръ Гардтгаузенъ: Privatim: Источники греческой исторіи.—Исторія Греціи.—Греческая палеографія.—Источники римской исторіи.—Исторія Римской имперіи съ Августа до Діоклетіана.—Латинская эниграфика. Publice: Основы римской топографіи.—Тацитъ, введеніе и объясненіе избранныхъ мѣстъ.—Аммианъ Мар-

целливъ.—Письма Цицерона.—Геродотъ, введение и объясненіе избранныхъ мѣстъ.

Профессоръ Фойхтъ: Исторія Греціи до Александра Великаго.—Исторія Александра Великаго и эллинизма до 146 до Р. Хр.—Исторія Римской республики.—Латинская палеографія и дипломатика.

Пр. Еберсъ: Объясненіе второй книги Геродота.

Пр. Брандесъ—*privatim*: Исторія древняго Востока до Александра Великаго.—Древняя исторія до Александра Великаго. Publice: Германія Тацита съ исторической точки зрѣнія.—Геродотъ, кн. I и II съ исторической точки зрѣнія.—Хронологія древняго Востока и древности.—Греческая хронологія.

Пр. Арндтъ: Латинская палеографія, съ упражненіями.—Римская и средневѣковая хронологія.

Пр.-доц. Мейеръ: Источники греческой и римской исторіи. Исторія Рима до паденія республики.—Греческая эпиграфика.—Объясненіе Геродота съ исторической точки зрѣнія.

Пр.-доц. Гольцапфель: Источники греческой и римской исторіи.—Исторія Греціи до Александра Великаго. Римская исторія до паденія республики.—Историческое объясненіе избранныхъ мѣстъ Фукидида.—Политика Аристотеля.

Пр. Куптце: Римское государственное право.

Пр. Овербекъ: Греческая мифологія.—Мифологія греческаго искусства.—Исторія греческой пластики.—Исторія греческой живописи.—Техника и эстетика греческаго искусства.—Объясненіе избранныхъ древнихъ художественныхъ произведеній.

Пр.-доц. Шрейберъ: Исторія греческой религіи.—Изученіе древнихъ художественныхъ произведеній университетскаго музея.—Объясненіе Павсанія и введеніе въ греческія религіозныя древности.—Памятники троянскаго цикла.—Введеніе въ археологію (эпциклопедія и методологія).—Исторія древней архитектуры.

Пр. Пауль: Нѣкоторые отдѣлы греческой музыки.

Мы можемъ быть кратки, передавая наблюденія Коллара надъ практическимъ преподаваніемъ въ Лейпцигскомъ университетѣ частію потому, что существенныя данныя объ устройствѣ филологическихъ семинарій при нѣмецкихъ университетахъ сообщены были выше, частію же потому, что съ нѣкоторыми параграфами книги Коллара читатели Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія знакомы, и гораздо обстоятельнѣе, по другимъ статьямъ, въ немъ помѣщеннымъ: таковы параграфы о семинаріи Ричля (см. Ж.

М. Н. Пр. 1871. ч. СLII статья А. И. Георгіевскаго о русской филологической семинаріи (ibid. 1877 г.. іюль) и т. д. Здѣсь сообщимъ лишь нѣсколько фактическихъ данныхъ о практическомъ преподаваніи: и въ Лейпцигѣ существуетъ просеминарія, состоящая подъ руководствомъ проф. Липсіуса; семинаріей же завѣдуютъ проф. Риббекъ, Курціусъ и Ланге, чередующіеся по семестрамъ. Кромѣ семинаріи, Ричль въ 1865 г. основалъ филологическое общество (societas philologa) для избранныхъ студентовъ, которые не довольствовались упражненіями въ семинаріи; члены общества собирались у Ричля по воскресеньямъ и занимались, главнымъ образомъ, критикой и экзегезой. Понятіе объ этихъ занятіяхъ можно составить по Acta societatis philologiae Lipsiensis, которые стали выходить, подъ редакціей и при непосредственномъ участіи Ричля, съ 1870 года, и подъ видоизмѣненнымъ заглавіемъ Leipziger Studien, продолжаютъ до настоящаго времени; руководство занятіями общества, послѣ смерти Ричля, перешло къ Риббеку.

Подъ руководствомъ проф. Курціуса работаютъ члены грамматическаго общества (Grammatische Gesellschaft), которое издаетъ лучшіе труды своихъ членовъ въ періодически выходящихъ Sprachwissenschaftliche Abhandlungen.

Проф. Ланге руководитъ римскимъ антикварнымъ обществомъ, а проф. Липсіусъ—греческимъ. И то, и другое предназначены для студентовъ болѣе зрѣлыхъ, преимущественно послѣднихъ семестровъ; изъ работъ, обсуждающихся въ собраніяхъ этихъ обществъ, оченно рѣдко вырабатываются внослѣдствіи докторскія диссертациі.

Историческая семинарія и, въ частности, ея отдѣленіе, посвященное древней исторіи, состоитъ въ завѣдываніи проф. Гардтгаузена и Мейера, а археологическая—проф. Овербека.

Особую главу посвящаетъ Колларъ вопросу о приготовленіи преподавателей для гимназій, который, какъ извѣстно, имѣетъ огромную литературу, изученную авторомъ добросовѣстно, и рѣшается различными педагогами различно.

Ни одна изъ семинарій философскаго факультета не имѣетъ непосредственно въ виду приготовленія гимназическихъ преподавателей; семинаріи имѣютъ цѣлью приучить молодыхъ людей къ самостоятельной научной работѣ, содѣйствовать ихъ ученой зрѣлости и этимъ способствовать тому, что будущіе преподаватели внесутъ въ свою дѣятельность духъ науки и будутъ дѣйствовать въ ея интересахъ. Вслѣдствіе того филологическія семинаріи оставались и остаются чисто-научными,

и на неоднократныя заглашенія многихъ педагоговъ о томъ, что было бы желательно видѣть въ нихъ и примѣненіе къ будущей педагогической дѣятельности студентовъ, отвѣчали постояннымъ отказомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и нашъ авторъ.

Въ виду вышесказаннаго понятно учрежденіе особыхъ институтонъ для практическаго приготовленія гимназическихъ педагоговъ, институтовъ, посвящихъ названіе педагогическихъ семинарій и имѣющихъ двойное устройство: одни изъ нихъ состоятъ при гимназіяхъ, другіе—при университетахъ. Послѣдніе, въ свою очередь, дѣлятся на теоретическіе и практическіе. При Лейпцигскомъ университетѣ существуютъ и тѣ, и другіе. Педагогика въ немъ преподается проф. Мавіусомъ, Гофманномъ, Циллеромъ, Штрюмпеллемъ и Екштейномъ. Ихъ теоретическія чтенія находятъ себѣ существенное дополненіе въ четырехъ педагогическихъ семинаріяхъ.

Во главѣ ихъ стоитъ королевская педагогическая семинарія, занятіями въ которой руководятъ проф. Мавіусъ и Екштейнъ, занимающій, сверхъ профессуры въ университетѣ, директорское мѣсто въ гимназіи св. Томы (Thomas schule). Семинарія предназначается преимущественно для филологовъ и богослововъ, и число ея членовъ ограничено 12; изъ нихъ число филологовъ не должно превышать пяти. Для поступленія въ члены семинаріи требуется или посѣщеніе ея, въ качествѣ госпитанта, въ теченіе семестра, или пребываніе въ университетѣ одинъ или два года; удовлетворяющій этимъ условіямъ студентъ представляетъ письменную работу или по педагогикѣ вообще, или по какому-нибудь предмету изъ области гимназическаго курса, и отъ достоинства этой работы зависитъ его поступленіе въ семинарію. Упражненія въ семинаріи дѣлятся на теоретическія и практическія: первыя состоятъ или въ обсужденіи какого-нибудь вопроса изъ области обученія, или въ отчетѣ о новыхъ трудахъ по педагогикѣ, или, наконецъ, въ отчетѣ о своихъ собственныхъ занятіяхъ; упражненія практическія состоятъ изъ уроковъ, которые семинаристы даютъ въ гимназіи, и которые затѣмъ составляютъ предметъ разбора и обсужденія въ семинаріи.

Собираются семинаристы дважды въ недѣлю. Они обязаны посѣщать аккуратно эти собранія, и по меньшей мѣрѣ, разъ въ семестръ представить письменную работу изъ области педагогики или дидактики; сверхъ сего, поочередно, они даютъ уроки. Каждый семинаристъ получаетъ 60 марокъ въ теченіе семестра, и половину, если онъ имѣетъ какую-либо другую стипендію или вспомошествованіе.

Стипендія выдается въ теченіе двухъ семестровъ, и въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть продолжена еще на одинъ семестръ.

По окончаніи каждаго полугодія профессоры руководители представляютъ въ министерство краткій отчетъ о занятіяхъ и успѣхахъ семинаристовъ.

По окончаніи занятій, оставляющіе семинарію получаютъ свидѣтельство объ оказанныхъ ими успѣхахъ. Оно можетъ освобождать отъ „пробнаго года“ (Probejahr) или сокращать его срокъ.

Въ теченіе цѣлаго года посѣщаль Колларъ упражненія, которыми руководилъ проф. Екштейнъ въ одной изъ залъ Thomasschule. Ежедневно одинъ изъ семинаристовъ давалъ урокъ небольшому числу гимназистовъ, одного класса, назначавшихся директоромъ ad hoc. По окончаніи урока, дѣтей отпускали, и начиналось его обсужденіе со стороны другихъ семинаристовъ; оно возбуждало дебаты, въ которыхъ директоръ принималъ участіе лишь тогда, когда считалъ это необходимымъ; подъ конецъ, онъ присоединялъ свои замѣчанія или по поводу урока, или по поводу его обсужденія. Колларъ замѣчаетъ, что въ большинствѣ случаевъ замѣчанія на пробный урокъ касались его содержанія, но не приемовъ дидактическихъ, и видитъ въ этомъ нежелательную односторонность; сверхъ того, по его же наблюденію, уроки состояли неизмѣнно въ переводѣ и объясненіи древнихъ авторовъ: въ теченіе цѣлаго года былъ данъ лишь одинъ урокъ по латинской грамматикѣ и одинъ по исторіи. На это однообразіе жаловался и самъ Екштейнъ, но безъ успѣха.

Сверхъ вышеописанныхъ занятій, профессоръ разбиралъ передъ семинаристами организацію среднихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ странахъ, напримѣръ, въ Австріи, Баваріи, Франціи.

Педагогическая семинарія проф. Циллера есть учрежденіе совершенно частное съ неограниченнымъ числомъ лицъ, въ ней участвующихъ и поступающихъ туда безъ всякаго испытанія. Они посѣщаютъ ежедневно ея собранія, даютъ по меньшей мѣрѣ два недѣльные урока въ состоящей при ней школѣ, и присутствуютъ на урокахъ, въ ней даваемыхъ. Собранія семинаріи носятъ различное названіе, смотря по своему содержанію: Theoreticum, Practicum и Conferenz. Первые посвящаются исключительно изученію теоріи, вторыя состоятъ изъ пробныхъ уроковъ въ присутствіи всѣхъ семинаристовъ, въ третьихъ разбираются различные вопросы, относящіеся къ школѣ, и обсуждается practicum. При семинаріи находится школа, состоящая изъ трехъ классовъ: двухъ первоначальнаго обученія и третьяго въ

объемъ первыхъ четырехъ классовъ гимназій. Въ этой школѣ семинаристы даютъ еженедѣльно по два урока, подъ ближайшимъ надзоромъ директора и трехъ наставниковъ школы, состоящихъ на государственной службѣ.

Профессоръ богословскаго факультета Гофманъ руководитъ семинаріей, въ которой принимаютъ участіе лишь студенты послѣднихъ семестровъ. Цѣль семинаріи Гофманна двоякая—ознакомить студентовъ съ практической организаціей школъ и дать возможность практически упражняться въ преподаваніи. Вслѣдствіе того и занятія семинаристовъ двухъ родовъ—посѣщеніе школъ и дидактическія упражненія. Еженедѣльно всѣ члены семинаріи вмѣстѣ съ директоромъ посѣщаютъ какое-нибудь учебное заведеніе и присутствуютъ на урокѣ какого-нибудь опытнаго и извѣстнаго преподавателя; кромѣ того, они знакомятся съ общимъ ходомъ обученія и съ устройствомъ школы. Посѣщенія эти устроены такъ, что въ теченіе года семинаристы могутъ побывать на урокахъ различныхъ предметовъ въ разныхъ классахъ и могутъ ознакомиться съ разнообразными учебными заведеніями Лейпцига, начиная съ дѣтскихъ садовъ и пріютовъ и кончая гимназіями и реальными училищами. Наблюденія, сдѣланныя семинаристами во время этихъ посѣщеній, составляютъ предметъ обсужденій, которыми руководитъ и въ которыхъ принимаетъ участіе директоръ.

Практическія упражненія семинаристовъ происходятъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по предварительномъ соглашеніи съ ихъ начальниками. Въ началѣ cadaго семестра профессоръ составляетъ распisanіе, въ которомъ отмѣчены день, часть, классъ и училище, гдѣ будутъ происходить упражненія; каждый семинаристъ затѣмъ выбираетъ какую-либо соответствующую извѣстному классу тему для урока и за нѣсколько дней сообщаетъ профессору его содержаніе и планъ; выслушавъ замѣчанія, онъ дѣлаетъ необходимыя измѣненія и затѣмъ даетъ урокъ въ училищѣ въ присутствіи профессора и одного изъ своихъ товарищей. Тотчасъ по окончаніи, урокъ подвергается обсужденію со стороны профессора и присутствовавшего семинариста. Черезъ нѣсколько дней урокъ повторяется или въ параллели, или въ соответствующемъ классѣ другаго училища, при чемъ студентъ старается устранить всѣ замѣченные прежде недостатки. Такимъ образомъ, по выраженію профессора Гофманна, этотъ второй урокъ есть какъ бы исправленное и просмотрѣнное изданіе перваго и стоитъ неизмѣримо выше его. Профессоръ требуетъ, чтобы въ урокахъ этихъ

соблюдалась надлежащая градація, то-есть, чтобы семинаристы начинали съ преподаванія въ низшихъ классахъ и постепенно переходили къ высшимъ; чтобы они сперва занимались преподаваніемъ такихъ отдѣловъ, которые представляютъ меньше трудностей; чтобы они приучались и къ объясненію уроковъ, и къ ихъ спрашиванію, къ поддержанію дисциплины, однимъ словомъ, ко всему, что входитъ въ кругъ дѣятельности и обязанностей преподавателя.

Наконецъ, есть еще педагогическая семинарія подъ руководствомъ профессора Штрюмпелля. Она предназначена для того, чтобы предоставить студентамъ возможность разрабатывать какой-нибудь педагогическій вопросъ, который обыкновенно предварительно обсуждается студентомъ вмѣстѣ съ профессоромъ; затѣмъ эта работа прочитывается въ семинаріи и подвергается со стороны профессора строгой критикѣ; дебаты по поводу ея не допускаются, потому что пользы за ними Штрюмпелль не признаетъ и считаетъ ихъ потерей времени. Нерѣдко по поводу такой работы онъ указываетъ на связь разобраннаго вопроса съ другими, сродными, и въ видѣ лекціи, излагаетъ тотъ или другой отдѣлъ педагогическія. Послѣ засѣданія профессоръ приглашаетъ автора работы къ себѣ на домъ и тутъ обсуждаетъ ее во всѣхъ деталяхъ; если она обладаетъ выдающимися достоинствами, то онъ совѣтуетъ, воспользовавшись сдѣланными указаніями, переработать ее и затѣмъ издать въ свѣтъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно богатство содержанія книги Коллара; но видно также и то, что авторъ смотритъ на свой предметъ, если не узко, то не въ мѣру односторонне. Въ нашемъ рефератѣ мы старались, на сколько было возможно и на сколько мы считали себя въ правѣ, сгладить эту односторонность.

И. Шошловскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1882 И 1883 ГОДАХЪ.

Православное Палестинское Общество существуетъ только съ прошлаго года: 2-го мая 1882 года Высочайше утвержденъ уставъ Общества, а 21-го числа того же мѣсяца оно открыло свои дѣйствія. Званіе предсѣдателя Общества изволилъ принять на себя Его Императорское Высочество великій князь Сергій Александровичъ.

Главныя цѣли Общества—1) поддержаніе православія въ Святой землѣ, и 2) пособіе русскимъ паломникамъ. Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей Общество предполагаетъ поддерживать въ Святой землѣ православныя церкви и духовенство, устраивать тамъ школы и подавать мѣстному населенію врачебную помощь; для достиженія второй цѣли предполагается, съ одной стороны, облегчить русскимъ паломникамъ возможность посѣщенія Святой земли, и вѣвторыхъ, заботиться объ удовлетвореніи ихъ духовныхъ потребностей. Къ этой послѣдней цѣли примыкаетъ также изученіе Святой земли русскими учеными силами и ознакомленіе русскихъ людей со Святою землей.

Въ теченіе перваго года своего существованія Православное Палестинское Общество успѣло уже совершить нѣчто по каждой изъ тѣхъ задачъ, которыя оно себѣ поставило. При открытіи своемъ Общество не имѣло никакихъ матеріальныхъ средствъ. Но встрѣченное общими сочувствіемъ, оно быстро разрослось въ своемъ составѣ, ко-

часть ссххix, отд. 4.

торый украшаетъ нинѣ имена Высочайшихъ Особъ Императорскаго Дома и многихъ русскихъ іерарховъ, и получило значительныя пожертвованія. Ко дню годоваго собранія, происходившаго 26-го апрѣля текущаго года, общая сумма поступленій въ кассу Общества простиралась до 68,000 рублей.

Главнѣйшая изъ цѣлей Общества есть, безъ сомнѣнія, поддержаніе православія въ Святой землѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленіе ея всего труднѣе, ибо на этомъ поприщѣ дѣятельность Общества естественно соприкасается съ пропагандой другихъ христіанскихъ исповѣданій на почвѣ Палестины и не можетъ рассчитывать на содѣйствіе мѣстнаго турецкаго правительства, какъ мусульманскаго. Кромѣ того, для успѣшной дѣятельности нашего Палестинскаго Общества въ указанномъ отношеніи необходимо искреннее расположеніе къ нему со стороны Иерусалимской патріархіи. Къ глубокому прискорбію всей церкви, неустройства, обнаружившіяся въ этой патріархіи за послѣдній годъ, лишили Общество, съ самаго его основанія, возможности войти въ желаемое соглашеніе съ нею. Тѣмъ не менѣе, въ первый же годъ дѣятельности Общества оно успѣло открыть три школы на сѣверныхъ окраинахъ Палестины — къ Муджедилѣ, ер-Рамэ и Кефрѣ-Ясифѣ, въ которыхъ обучаются нинѣ свыше 100 православныхъ дѣтей, и въ скоромъ времени предполагается открытіе четвертаго училища — въ Шаджирѣ, на 27 дѣтей. Еще труднѣе представляется употребленіе пособій на возстановленіе разоренныхъ мѣстныхъ церквей, труднѣе потому, что каждая возстановленная церковь требуетъ священника, а поставить священника безъ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго начальства не возможно. При такихъ условіяхъ, Общество до сихъ поръ могло ассигновать деньги только на возстановленіе двухъ церквей — въ Муджедилѣ и въ Яфѣ близъ Назарета.

Гораздо легче можетъ быть выполнена вторая задача Православнаго Палестинскаго Общества — оказаніе пособія русскимъ паломникамъ. Отвергая выдачу денежныхъ пособій отдѣльнымъ лицамъ, что потребовало бы разныхъ справокъ и разслѣдованій, — Общество предпочло доставлять всѣмъ нуждающимся паломникамъ равную помощь чрезъ удешевленіе для нихъ проѣзда къ Святымъ мѣстамъ Востока. Вслѣдствіе ходатайства Палестинскаго Общества, Русское общество пароходства и торговли значительно сбавило для паломниковъ цѣну на проѣздъ отъ Одессы, Севастополя, Таганрога и Багума до Яффы. То же самое сдѣлали общества желѣзныхъ дорогъ:

юго-западныхъ, Московско-Курской и Курско-Кіевской. Переговоры, начатые Палестинскимъ Обществомъ съ правленіями Козловско-Ростовской и Курско-Азовской желѣзныхъ дорогъ, надѣются, приведутъ къ подобному же результату. Понеченія о паломникахъ и главнымъ образомъ продажа паломническихъ книжекъ возложены на нѣсколькихъ уполномоченныхъ; но настоящее время такіе уполномоченные Общества имѣются въ Москвѣ, Кіевѣ и Перми.

Озабочиваясь, чтобы наши паломники не были лишены духовной пищи въ Иерусалимѣ, Общество устроило въ тамошнихъ русскихъ постройкахъ складъ издацій св. синода и нѣкоторыхъ другихъ духовно-нравственныхъ книгъ. Такимъ образомъ, русскій поклонникъ въ Иерусалимѣ, когда захочетъ пріобрѣсти священныя книги, не долженъ уже обращаться въ тамошній складъ Лондонскаго библейскаго общества, какъ то было донинѣ.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ мѣръ, Православное Палестинское общество предполагаетъ еще, какъ упомянуто выше, заняться изученіемъ и описаніемъ святынь и древностей палестинскихъ, съ одной стороны, для большаго ознакомленія съ ними русскаго общества, а съ другой—для лучшаго выясненія судьбы и значенія этихъ великихъ памятниковъ. Съ этою стороною намѣреній и дѣятельности Православнаго Палестинскаго общества, имѣющею наибольшее отношеніе къ интересамъ и характеру Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, считаемъ умѣстнымъ познакомить болѣе подробно и въ этихъ видахъ изложимъ здѣсь сперва тѣ соображенія о научныхъ задачахъ изслѣдованія Святой земли, которыя были развиты почтеннымъ вице-предсѣдателемъ Общества В. Н. Хитрово въ рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи Общества 14-го марта, а затѣмъ скажемъ и о томъ, что предпринято и уже исполнено Обществомъ въ интересахъ науки.

Не смотря на то, что святыни палестинскія уже въ теченіе многихъ вѣковъ составляютъ предметъ безчисленныхъ описаній, какъ простыхъ благочестивыхъ паломниковъ, такъ и людей глубокой учености, земля, обогрѣнная кровью Спасителя міра, до сихъ поръ остается все-таки малоизвѣстною. Причины такого явленія слѣдуетъ—по мнѣнію г. Хитрово—искать въ томъ литературномъ матеріалѣ, которымъ могли пользоваться до настоящаго времени изслѣдователи Святой земли. Для описанія Палестины премешъ ветхо-завѣтныхъ до сихъ поръ руководствовались только двумя источниками—библейскими книгами Ветхаго Завета и сочиненіями Іосифа Флавія (II в. по Р. Х.).

Но и тѣ, и другія, какъ источники географическіе и археологическіе, требуютъ критическаго къ нимъ отношенія, и прежде чѣмъ служить въ настоящемъ смыслѣ источникомъ, сами еще должны быть изучены въ своемъ составѣ и происхожденіи. Книги Новаго Завѣта даютъ меньше географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о Палестинѣ, чѣмъ ветхо-завѣтныя; г. Хитрово основательно объясняетъ это тѣмъ, что „для святыхъ составителей этихъ книгъ важно было Слово, а не точное обозначеніе той или другой мѣстности“.

Затѣмъ, по мѣрѣ распространенія ученія Христова, является среди вѣрующаго потребностъ личнаго посѣщенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и пострадалъ Господь. Въ мѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и разнообразится въ теченіе девятнадцати столѣтій цѣлая такъ-называемая паломническая литература. Размѣры ея опредѣлены г. Хитрово въ слѣдующихъ словахъ: „Извѣстный палестинологъ Тоблеръ въ своей библиографіи географическихъ трудовъ о Палестинѣ съ 333 по 1838 г., отъ Бордосскаго путника до Робинзона насчитываетъ 572 паломника, оставившихъ описаніе своихъ странствованій... Какъ ни добросовѣстно составленъ трудъ Тоблера, но конечно нельзя сказать, чтобы перечень, имъ составленный, былъ совершенно полный. Ежегодно открываются новые паломники-писатели прошедшихъ столѣтій. А сколько ихъ еще лежитъ неизвѣстными въ пыли библиотекъ. Поэтому едва ли мы много ошибаемся, если скажемъ, что за пятнадцать столѣтій до тысячи паломниковъ оставили намъ описанія своихъ странствованій. Сомнѣваемся“—прибавляетъ г. Хитрово—„чтобы кака-либо иная страна на всемъ земномъ шарѣ могла представить о себѣ подобную литературу. Не смотря однако на ея богатство, приходится сознаться, что она далеко не удовлетворяетъ нашей любознательности относительно Святой земли, многострадальная исторія которой объяснить намъ причину недостатковъ паломнической литературы“. Дѣйствительно, только до VII в. путь въ Палестину и пребываніе въ ней были сравнительно безопасны для паломниковъ. Но изъ тѣхъ временъ одно только сочиненіе Евсевія Памфила, съ переводомъ и примѣчаніями на него блаженнаго Иеронима (IV—V вв.), представляетъ важную попытку представить географическій комментарий къ указаніямъ Священнаго Писанія. Затѣмъ, собственно въ средніе вѣка, паломники-писатели были хотя и многочисленны и нѣкоторые изъ нихъ писали подробно, но не обладали образованіемъ, а по обстоятельствамъ времени лишены были возможности многое видѣть. Писатели изъ періода Крестовыхъ походовъ не составляютъ въ этомъ отношеніи исключе-

нія. Въ нихъ, современникахъ великаго порыва къ освобожденію Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, въ особенности обнаруживается, по замѣчанію г. Хитрово, съ одной стороны, желаніе каждому малѣйшему событію священной исторіи отыскать ближайшую и наиболѣе доступную мѣстность, а съ другой—полнѣйшее отсутствіе знанія и исторической критики, что повело къ цѣлому ряду невѣрныхъ отождествленій или приуроченій, которыя затѣмъ, повторяемыя въ теченіе семи столѣтій, упрочились въ силу своей давности. Такимъ образомъ, древніе и старинные памятники палестинской литературы представляютъ матеріалъ сравнительно скудный и притомъ такой, къ которому нужно относиться съ большою осторожностью.

Не ранѣе какъ въ XVII в. европейскіе путешественники начинаютъ посѣщать Святую землю не съ одною благочестивою, но и съ научною цѣлью. Но только въ началѣ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія это изслѣдованіе становится на истинно научную точку зрѣнія. По замѣчанію г. Хитрово, „для точнаго изслѣдованія Святой земли требовалось соединеніе трехъ условій: относительная безопасность, знаніе Священнаго Писанія въ подлинникѣ и ко всему этому возможность пользоваться арабскимъ языкомъ“. Безопасность дало Палестинѣ занятіе ея Египтянами (съ 1830-хъ гг.), вслѣдъ затѣмъ Англичанинъ Робинсонъ, отлично знакомый съ Библіей, при помощи миссіонера Снита, хорошо знавшаго по арабски, предпринялъ изслѣдованіе географіи и древностей Палестины въ строго научномъ духѣ, при чемъ въ основу своихъ изысканій положилъ тотъ принципъ, что по сродству арабскаго и еврейскаго языковъ и по малой измѣняемости обычаевъ на востокѣ, слѣды исчезнувшаго былого должно искать въ созвучіи именъ, въ обычаяхъ и нравахъ нынѣшнихъ жителей Святой земли. И дѣйствительно, со времени толчка, даннаго Робинсопомъ, изученіе Святой земли сдѣлало огромные успѣхи, чему не мало способствовалъ разившійся въ то же время и питаемый важными открытіями интересъ къ восточнымъ древностямъ вообще. Въ ряду ученыхъ, усильно трудившихся на поприщѣ изученія Святой земли, уже есть нѣсколько достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, подобно тому и между старинными паломниками-писателями весьма видное мѣсто занимаютъ тоже Русскіе—игуменъ Даниилъ (XII в.) и пѣшеходъ Василій Григоровичъ Барскій (XVIII в.).

Но при всемъ томъ, работы остается еще много, и прежде всего должно подвести итогъ тому, что уже сдѣлано. Вотъ какъ опредѣляетъ г. Хитрово эти ближайшія задачи будущаго: „Святую землю,

относительно научныхъ въ ней изслѣдованій, мы въ настоящее время можемъ разсматривать, какъ огромный музей, каталогъ которому уже сдѣланъ, но далеко не приведенъ въ порядокъ, и пользоваться имъ поэтому крайне затруднительно. Собраннаго матеріала такое множество, что для движенія впередъ требуется уже извѣстная спеціализация труда, а подобная спеціальная работа, безъ приведеннаго въ порядокъ каталога, или вовсе немислима, или потребуетъ значительной и напрасной затраты времени и труда. Такого каталога великій священный музей Святой земли еще ждетъ. Сознаю, что и затѣмъ придется многіе предметы его отнести къ невѣдомымъ; но существуетъ ли какой нибудь музей или библіотека, въ которыхъ не было бы подобнаго отдѣла. Разсортированіе сего послѣдняго и составитъ уже дальнѣйшую работу. По моему мнѣнію, принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ составитъ безспорно большую заслугу нашего Общества. И тѣмъ умѣстнѣе—полагаетъ далѣе г. Хитрово—„взять на себя этотъ трудъ Православному Палестинскому Обществу, что православные являются хранителями древнѣйшихъ преданій относительно Святыя мѣсты, преданій, которыя свободны отъ позднѣйшихъ натянутыхъ приуроченій и отождествленій, появившихся у Латинянъ со временъ Крестовыхъ походовъ, и для которыхъ потому не опасна новѣйшая, преимущественно протестантская критика. „Среди увлекающихся латинянъ и отрицающихъ протестантовъ“—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Хитрово—„преданія, сохраненныя православными источниками и въ описаніи странствованій православныхъ паломниковъ, и въ житіяхъ святыхъ, приобрѣтаютъ для насъ первенствующее значеніе“. И въ этомъ обстоятельствѣ г. Хитрово находитъ указаніе для ближайшей научной дѣятельности Православнаго Палестинскаго Общества. „Еслибы западные изслѣдователи“—досказываетъ онъ далѣе свою мысль—„и желали воспользоваться православными источниками, то одни изъ нихъ, какъ византійскіе, въ большинствѣ составляютъ библіографическую рѣдкость; другіе, какъ русскіе, грузинскіе, недоступны имъ по языку. Этихъ затрудненій, въ особенности что касается послѣдняго, для насъ не существуетъ, и на насъ, Русскихъ, лежитъ обязанность изданіемъ и изученіемъ православныхъ источниковъ, пополнить пробѣлъ въ изслѣдованіяхъ Святой земли латинскими и протестантскими учеными; въ противномъ случаѣ на насъ будетъ лежать совершенно справедливый упрекъ, если православныя преданія исчезнутъ, уступая свое мѣсто Бедекерамъ, Изаберамъ и Мурреямъ. Такимъ образомъ, изъ

числа кабинетных трудовъ предстоитъ намъ составить, какъ выше мною было сказано, каталогъ Святой земли, воспользовавшись доступными намъ для чтенія православными матеріалами, а для того, чтобы эти послѣдніе могли принести ожидаемую отъ нихъ пользу, приступить къ научному изданію странствованій православныхъ паломниковъ и житій святыхъ отцовъ, подвизавшихся въ Святой землѣ.

Кромѣ этихъ трудовъ археографическаго характера, г. Хитрово обращаетъ вниманіе Палестинскаго Общества еще на одинъ родъ научныхъ изысканій. Замѣчательно, говоритъ онъ,—отсутствіе, почти полное, еврейскихъ надписей на древнихъ памятникахъ Святой земли, въ то время, какъ найденныя тамъ греческія и латинскія надписи могутъ составить цѣлый томъ. Точно также мало имѣемъ мы и остатковъ древне-еврейской архитектуры, а если и открыты нѣкоторыя ея памятники, то недостаточно обследованы; такъ напримѣръ, по сохранившимся стѣнамъ харамовъ Иерусалимскаго и Хевронскаго нельзя опредѣлить—строены ли они при царѣ Соломонѣ, или при Иродѣ, а между тѣмъ тутъ разстояніе во времени почти на цѣлое тысячелѣтіе. Въ виду такого положенія вопроса о вещественныхъ древностяхъ Палестины г. Хитрово настаиваетъ на необходимости археологическихъ раскопокъ и полагаетъ, что онѣ одни могутъ дать послѣдовательное разъясненіе многого, что остается еще для насъ не разгаданнымъ и невѣдомымъ въ Святой землѣ. По мнѣнію г. Хитрово такія раскопки, подобно археографическимъ изданіямъ, должны войти въ кругъ тѣхъ научныхъ задачъ, исполненіе коихъ можетъ и обязано принять на себя Православное Палестинское Общество.

Изложенныя соображенія имѣютъ особенную цѣну тѣмъ, что они высказаны однимъ изъ лучшихъ нашихъ палестинологовъ, неоднократно посѣщавшимъ Святую Землю и отлично знакомымъ съ палестинскою литературой. Православное Палестинское Общество вполне раздѣляетъ мысли своего вице-предсѣдателя и уже приступило къ постепенному ихъ осуществленію. Оно отправило уже одного изъ своихъ членовъ А. А. Цагарели для изслѣдованія православныхъ грузинскихъ рукописей и древностей на Синайскомъ полуостровѣ и въ Иерусалимѣ. Изъ полученныхъ отъ г. Цагарели извѣстій видно, что въ Синайскомъ монастырѣ имъ найдены 71 грузинская рукопись исключительно духовнаго святоотеческаго содержанія; въ томъ числѣ оказались 4 рукописи на папирусь, которыя слѣдуетъ считать древнѣйшими памятниками грузинской письменности: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было извѣстно грузинскихъ рукописей на папирусь. Кромѣ

того, въ большинствѣ, отысканныхъ г. Цигарели рукописей встрѣчаются предисловія, весьма важныя для исторіи грузинской литературы.

Общество предполагаетъ печатать свои ученые труды въ особомъ изданіи, подъ названіемъ Православнаго Палестинскаго Сборника. Предполагается выпускать по шести книжекъ его въ годъ: двѣ изъ нихъ должны заключать въ себѣ современныя извѣстія о Святой землѣ, двѣ предназначаются для научнаго изданія русскихъ паломниковъ и двѣ—для такого же изданія иныхъ православныхъ паломниковъ. Въ первыхъ выпускахъ Сборника должны появиться новое изданіе хожденія игумена Давиила, отца русскихъ странниковъ въ Святую землю, приготовленное къ печати М. А. Веневитиновымъ, и изданіе нѣкоторыхъ памятниковъ византийской политической литературы, въ томъ числѣ описаніе Святой земли Епифанія Агіополита (XII в.).

Наконецъ, что касается археологическихъ раскопокъ, то въ этомъ отношеніи Палестинское Общество получило указанія и помощь отъ своего Августѣйшаго Предсѣдателя. Въ бытность свою въ Иерусалимѣ Его Императорское Высочество великій князь Сергій Александровичъ обратилъ между прочимъ свое вниманіе на то, что до настоящаго времени не были произведены раскопки на принадлежащемъ Россіи мѣстѣ, сосѣдномъ съ храмомъ Гроба Господня. Между тѣмъ, кромѣ своего религіознаго значенія, какъ ближайшаго къ мѣсту нашего искупленія, оно имѣетъ еще важное археологическое значеніе: раскопки въ этомъ мѣстѣ могутъ опредѣлить неизвѣстное до сихъ поръ направленіе—второй стѣны іерусалимской, а отъ того, проходила ли эта стѣна на востокъ или на западъ отъ храма Господня, зависитъ и опредѣленіе, была ли вышняя Голгоуская скала внутри или внѣ городскихъ стѣнъ. Если Голгоуская скала, согласно евангельскому разказу, была внѣ второй стѣны, то понижаясь къ востоку, она должна была въ болѣе близкомъ или дальнемъ разстояніи упереться въ городскую стѣну. Именно, часть этого то склона и составляетъ русское владѣніе. Нѣкоторыя предварительныя раскопки, произведенныя въ этомъ мѣстѣ Англичанами еще въ 1865 г., уже указали, что на восточной окраинѣ нашего мѣста тянется древняя городская стѣна съ контрфорсами, обращенными на востокъ, то-есть, внутрь города. При этихъ бѣглыхъ раскопкахъ было найдено много пращевыхъ камней, приводящихъ на память осаду Іерусалима Титомъ. На протяженіи этой стѣны, на 7 сажень къ югу, на томъ же русскомъ мѣстѣ отысканы остатки большихъ воротъ, судя по капи-

тремя пилястръ, римской или византійской постройки. Зная, что въ древности городскіе ворота ставились всегда на мѣстѣ прежде существовавшихъ, можно предполагать, что ворота эти, ведшіе изъ города на Голгоу, суть именно тѣ судныя ворота, чрезъ которые Иисусъ Христосъ былъ выведенъ на пропятіе. Кромѣ этого важнаго открытія, раскопки въ указанномъ мѣстѣ могутъ обнаружить остатки первой базилики Воскресенія Господня, строенной Константиномъ Великимъ, а также разъяснить положеніе храма, воздвигнутаго крестоносцами и извѣстнаго подъ именемъ *santa Maria Latina*.

Производство раскопокъ въ этомъ мѣстѣ возложено Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества на начальника нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ, архимандрита Антонина. Начало имъ сдѣлано 7-го марта текущаго года, а передъ тѣмъ снятъ былъ весьма подробный планъ ближайшей мѣстности къ востоку отъ храма Воскресенія. Можно надѣяться, что при извѣстной энергіи и обширныхъ познаніяхъ о Антонина начатія работы пойдутъ вполне удовлетворительно. Кто не пожелаетъ успѣха этому важному предпріятію Православнаго Палестинскаго Общества, какъ и всѣмъ его прекраснымъ начинаніямъ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ У БОЛГАРЪ ¹⁾).

II.

Распоряженія по учебному дѣлу, исходявшіи отъ управленія народнаго просвѣщенія въ Софіи, простирались въ періодъ русской оккупации и на Восточную Румелию, хотя она уже тогда составляла отдѣльное генераль-губернаторство. По выходѣ русскихъ войскъ изъ Румелии, все стало въ ней устриваться, или вѣрнѣе, гнущся подъ выработанный европейскою комиссіей „органической уставъ“. Отъ него зависѣло и устройство учебнаго дѣла. Учреждена была особая дирекція народнаго просвѣщенія, которая вѣдаетъ училища всѣхъ народностей и вѣроисповѣданій въ Восточной Румелии; она обязана ежегодно представлять областному народному собранію отчетъ о состояніи и развитіи народнаго образованія.

Первый отчетъ дирекціи, за 1880 — 1881 учебный годъ, начинается заявленіемъ о томъ, что мѣстное населеніе, особенно болгарское, не смотря на всѣ тяжелыя испытанія военнаго времени, отзывается съ готовностію на предложеніе правительства и прилагаетъ постоянныя заботы къ дѣлу народнаго образованія, какъ единственному средству для поднятія общаго благосостоянія; значительныя жертвы приносятся общинами для возобновленія сожженныхъ и разрушенныхъ училищъ и для постройки новыхъ тамъ, гдѣ ихъ не было. Эти усилія народа тѣмъ болѣе достойны вниманія, что населеніе дѣлаетъ ихъ въ то же время, когда ему приходится заботиться о первыхъ потребностяхъ своей домашней жизни. Это явленіе, по за-

---

¹⁾ *Продолженіе. См. августовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.*

мѣчанію составителя отчета, доказываетъ, что потребность въ народномъ просвѣщеніи глубоко проникла въ общественное сознаніе.

По свидѣніямъ окружающихъ училищныхъ инспекторовъ, въ Восточной Румелии за 1880—1881 учебный годъ число начальныхъ училищъ и учениковъ по вѣроисповѣданіямъ было слѣдующее:

Училищъ.	Учащихся.		Итого.	
	м. п.	ж. п.		
Болгарск. прав.	846	37,401	10,693	48,094
Турецкихъ	471	15,189	11,211	26,390
Греческихъ	58	2,715	1,210	3,925
Болгарск. кат.	11	573	526	1,099
Болгарск. протест.	9	33	42	75
Армянскихъ	4	112	78	190
Еврейскихъ	13	779	39	818
Всего	1,412	56,802	23,789	80,591.

Число учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ въ отчетномъ году было вдвое больше, чѣмъ въ началѣ 1879—1880 учебнаго года (34,000 учащихся). Между тѣмъ число дѣтей въ возрастѣ обязательнаго обученія, по сообщеніямъ инспекторовъ, восходитъ до 113,243 душъ; слѣдовательно, болѣе 1/4 всего количества дѣтей учебнаго возраста еще не ходили въ школу. Причина тому — не только нерадѣніе многихъ родителей, но и недостатокъ въ училищныхъ помѣщеніяхъ и въ учителяхъ. Но притомъ не всѣ учащіяся регулярно посѣщаютъ школу въ теченіе года. Это происходитъ отъ того, что многіе родители, особенно въ селахъ, не понимаютъ, что посылать дѣтей въ школу слѣдуетъ съ начала учебнаго года и не отрывать ихъ отъ ученія для полевныхъ работъ. Дирекціи жалуется, что не смотря на всѣ свои старанія, ей не удастся завести порядокъ въ этомъ отношеніи. Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, число учащихся дѣвочекъ гораздо ниже числа мальчиковъ. Причиной этому главнымъ образомъ нерадѣніе родителей къ образованію женскаго пола.

Расходы на содержаніе начальныхъ училищъ въ 1880 — 1881 учебномъ году восходили до 3.924,869 грошей (или около 784,975 франковъ), при чемъ расходовалось на училища:

болгарскія православныя	3.090,819	гр.
турецкія	330,000	„
греческія	354,000	„
болгарско - католическія	18,100	„

болгарско-протестантскія	10,100 гр.
армянскія	9,850 „
еврейскія	112,000 „

Всѣ эти расходы покрывались частію общинами—около 900,000 грошей, частію пожертвованіями или добавочнымъ налогомъ на жителей, частію же правительственными пособіями.

Изъ пачальныхъ училищъ только 40 имѣли полный курсъ, то-есть, четыре отдѣленія и два класса, остальные же были только съ двумя или тремя отдѣленіями. Это объясняется тѣмъ, что большая часть училищъ открыта еще очень недавно, что и видно изъ отношеній числа учениковъ по отдѣленіямъ:

	Классы:			
	I.	II.	III.	IV.
Болгаръ православныхъ	26,582	11,638	6,308	2,534
Грековъ	2,382	932	498	122
Болгаръ - протестантовъ	24	38	9	4
Армянъ	92	42	25	31
Евреевъ	157	214	168	93 ¹⁾ .

Во внутреннемъ устройствѣ первоначальныхъ училищъ христіанскихъ уже замѣтно нѣкоторое улучшение; въ нихъ постепенно вводятся однообразные порядки и болѣе совершенные методы преподаванія, хотя должно сознаться, что предложенія дирекціей программы далеко еще не во всѣхъ школахъ утвердились прочнымъ образомъ.

Составъ учащихся въ первоначальныхъ училищахъ въ отчетномъ году простирался до 1,228 лицъ; въ томъ числѣ 1039 учителей и 189 учительницъ. Въ турецкихъ училищахъ, гдѣ все обученіе заключается только въ знаніи молитвъ, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ особыхъ учителей, а учительскую должность исполняютъ имамы и муезины при джаміяхъ; число ихъ въ 1880—1881 учебномъ году было 685.

Въ 1881—1882 учебномъ году народныхъ училищъ Болгаръ православныхъ было уже 931, и изъ нихъ 841 были совершенно открыты, а 90 еще достраивались и потому открыты не были. По числу классовъ и отдѣленій училища въ 1881—1882 г. распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: полныхъ училищъ, то-есть, съ 4 отдѣле-

¹⁾ О Болгарахъ-католикахъ свѣдѣній этого рода въ отчетѣ за 1880—1881 учебный годъ нѣтъ.

ціями и 2-мя классами—24, съ 4 отдѣленіями и 1 классомъ — 59, съ 4 отдѣленіями—186, съ 3 отдѣленіями—308, съ 2 отдѣленіями—188, съ 1 отдѣленіемъ — 76. Изъ 841 училищъ 44 были исключительно для дѣвочекъ; остальные были смѣшанныя или только для мальчиковъ. Всѣхъ записанныхъ въ школы въ 1881—1882 учебномъ году числилось 39,940 муж. пола и 11,857 женск. пола, а всего 52,000 или около 4,000 душъ больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Число учениковъ по отдѣленіямъ и классамъ было таково: въ I отдѣленіи (1-й годъ)—25,170, во II (2-й годъ)—13,844, въ III (3-й годъ)—7,828, въ IV (4-й годъ)—3,823, въ I классѣ (5-й годъ)—1,171, во II (6-й годъ)—377. Если принять все число болгарскихъ православныхъ дѣтей въ возрастѣ обязательнаго обученія, согласно донесеніямъ инспекторовъ, простирающимся до 68,000 душъ то окажется, что въ обученіи находилось около 75% болгарскихъ дѣтей, учебнаго возраста. По донесеніямъ инспекторовъ, $\frac{1}{3}$ ихъ пропустила среднимъ числомъ по 44 часа въ годъ. На годовой экзаменъ явилось и выдержало испытаніе 29,164 мальчика и 8,256 дѣвочекъ; слѣдовательно, до конца учебнаго года вышло изъ училищъ 15,000 душъ изъ записанныхъ учащимися. Изъ экзаменовавшихся 106 окончили полный курсъ ученія. Всѣхъ учащихся въ болгарскихъ первоначальныхъ училищахъ въ 1881—1882 учебномъ году было 1,026 мужчинъ и 173 женщины, больше чѣмъ въ прошломъ году на 84 учителя и 31 учительницу. На годовое ихъ вознагражденіе израсходовано до 3.867,003 грошей (или 773,400 фр.), больше чѣмъ въ прошломъ году на 778,000 грошей. Часть этого расхода, а именно около 703,000 гр., взята изъ общинныхъ доходовъ; остальная же составила изъ добровольныхъ пожертвованій, добавочныхъ налоговъ и областныхъ и департаментскихъ пособій.

Болгарско-католическихъ училищъ въ 1881—1882 учебномъ году было 9, изъ коихъ одно для дѣвочекъ въ Пловдивѣ (Филипповолѣ). Учащихся было 471 м. п., и 461 ж. п., а всего 932.

Болгарско-протестантскихъ училищъ въ строгомъ смыслѣ слова только два—въ Имболѣ и Мериглерѣ, съ 2 учителями и 1 учительницею. Въ этихъ двухъ школахъ, а также и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ находятся члены протестантскаго общества, наберется всего 75 учащихся, изъ коихъ 41 м. п. и 43 ж. п.

Греческихъ училищъ 59; изъ нихъ 10 для дѣвочекъ, а 49 смѣшанныхъ или только для мальчиковъ. Въ этихъ училищахъ въ отчетномъ году учащихся было 2961 м. п. и 1127 ж. п., а всего

4,088, въ томъ числѣ: въ I отдѣленіи 2091, во II—1053, въ III—584, въ IV—225, въ I классѣ 71 и во II—62. Сравненіе числа записанныхъ учениковъ съ числомъ дѣтей въ возрастѣ для обязательнаго обученія (5735) даетъ 70% учащихся. Выдержало экзаменъ 2195 мальчиковъ и 708 дѣвочекъ, слѣдовательно, всего 1185, что составляетъ болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ учениковъ. Изъ экзаменовавшихся 17 окончили полный курсъ первоначальнаго училища. Учащихъ въ греческихъ первоначальныхъ училищахъ въ концѣ учебнаго года было 93, въ томъ числѣ 63 учителя и 30 учительницъ. Годовое ихъ вознагражденіе доходитъ до 437,000 гр. (или 87,520 фр.), при чемъ 24,000 гр. были покрыты изъ обыкновенныхъ училищныхъ доходовъ, а остальные — изъ добровольныхъ пожертвованій и пособій.

Армянскихъ первоначальныхъ училищъ было 5, въ томъ числѣ 1 для дѣвочекъ въ Пловдивѣ; учащихся въ нихъ было 126 мальчиковъ и 97 дѣвочекъ, а всего 233; изъ нихъ экзаменовалось только 7. Всѣхъ учителей было 9: 7 мужчинъ и 2 женщины. Годовое ихъ вознагражденіе доходило до 34,760 гр. (или 6952 фр.), при чемъ 20,000 гр. составляютъ годовой училищный доходъ.

Турецкія первоначальныя училища числомъ доходили до 770, если считать въ ихъ числѣ и всѣ дома при джаміяхъ, гдѣ учатъ читать мальчиковъ и дѣвочекъ. Число всѣхъ записанныхъ учениковъ доходило до 29,000 душъ об. и. (17,000 м. п. и 12,000 ж. п.), болѣе чѣмъ въ прошломъ году на 3,000 душъ. Всѣхъ учителей въ первоначальныхъ турецкихъ училищахъ было 776 человекъ, почти все мамы, исполняющіе въ то же время религіозные обряды въ джаміяхъ; но были также и 42 учительницы. Годовое ихъ вознагражденіе доходило до 99,000 гр. (или 198,000 фр.), и на покрытіе ихъ общины дали 55,000 гр., а остальное покрыто изъ частныхъ вспомоствованій и областныхъ пособій.

Еврейскихъ школъ было всего 13, но изъ нихъ только 3 (въ Пловдивѣ, Параджикѣ и Ямболѣ), управляемыя подготовленными къ тому людьми, заслуживаютъ названіе училищъ; всѣхъ учащихся въ нихъ было 780 душъ.

Внутреннее состояніе училищъ всѣхъ вѣроисповѣданій если до нѣкоторой степени и улучшилось сравнительно съ 1880—1881 годомъ, но все еще не можетъ считаться удовлетворительнымъ, особенно въ сельскихъ школахъ; въ тѣхъ училищахъ, гдѣ есть способные и трудолюбивые учителя, виденъ успѣхъ: тамъ болѣе или менѣе введены болѣе правильныи внутренній порядокъ и установленная программа, ученики

правильно сообразно съ возрастомъ и познаніями, распредѣлены по отдѣленіямъ и классамъ, и проходятся, за рѣдкими исключеніями, почти всѣ предметы, указаннныя въ программѣ.

Изъ турецкихъ училищъ только пять (два въ Шловдивѣ и по одному въ Чирпанѣ, Старой Загорѣ и Татарь-Пазарджикѣ) до нѣкоторой степени слѣдуютъ общей программѣ, въ остальныхъ же (мектебы при джаміяхъ) продолжаютъ обучать дѣтей, какъ и въ былыя времена, чтенію по молитвеннымъ книгамъ. То же можно сказать и о еврейскихъ училищахъ, изъ которыхъ только три, указаннныя выше, слѣдуютъ правильно программѣ.

Кромѣ значительнаго числа дѣтей, которыя по недостатку средствъ или другимъ законнымъ причинамъ освобождены отъ обязательнаго обученія, довольно много дѣтей не посѣщаютъ училища по нерадивію родителей. Инспекторы, при всѣхъ стараніяхъ ограничивать число пропускаемыхъ уроковъ и препятствовать роспуску учащихся до конца учебнаго года, не вездѣ могутъ достигнуть желаемыхъ результатовъ: ихъ усилія разбиваются, о противодѣйствіе общинныхъ властей и училищныхъ настоятельствъ, которыя въ сельскихъ общинахъ составляются изъ людей безграмотныхъ, мало понимающихъ свои обязанности. Съ другой стороны, пошутки пражумлять нерадивыхъ родителей или власти наказаніями, предусмотрѣнными закономъ, не всегда могли оказывать спасительное дѣйствіе: благодаря затрудненіямъ, встрѣчаемымъ ислѣдствіе формальностей при примѣненіи закона нѣкоторыми судьями, многіе изъ нерадивыхъ родителей остались безъ наказанія, или приведеніе карательныхъ мѣръ въ исполненіе затягивалось на долгое время, такъ что наказанія не могли производиться на нихъ никакого дѣйствія.

Не мало вредить преусилію школъ и недостатокъ хорошо подготовленныхъ учителей. До нѣкоторой степени этотъ недостатокъ устранялся въ Восточной Румелии, какъ и въ Болгарскомъ княжествѣ, временными педагогическими курсами. Въ 1879 году такіе курсы были устроены въ двухъ мѣстахъ; на нихъ собралось 204 слушателя; въ 1880 г. курсы устраивались въ четырехъ мѣстахъ, съ 328 слушателями, а въ 1881 г.—въ одиннадцати, при чемъ слушали ихъ 705 Болгарь и 156 Турокъ, а свидѣтельства получили 851 учитель.

Не менѣе способствовали улучшенію учительскаго персонала и учительскіе съѣзды, устраивающіеся отъ времени до времени для общаго обсуждения всего того, что относится къ благоустрой-

ству и развитію училищнаго дѣла. Такихъ сѣздозъ въ 1880—1881 учебномъ году было 26 у Волгарь, 2 у Грековъ и 1 у Турокъ.

Чтобы дать возможность сельскимъ учителямъ пользоваться необходимыми для нихъ книгами, которыя не всякій можетъ себѣ приобрести, дирекція народнаго просвѣщенія заботится объ устройствѣ учительскихъ библиотекъ. Съ помощію инспекторовъ положены уже начала такимъ библиотекамъ въ 16 городахъ и селеніяхъ.

Накопецъ, весьма важное значеніе для улучшенія учительскаго состава должно имѣть и достаточное матеріальное обезпеченіе учителей и учительницъ. Заботы о томъ давно занимаютъ дирекцію народнаго просвѣщенія, но до сихъ поръ только въ трехъ департаментахъ—Старо-Загорскимъ, Сливненскомъ и Хаскѣйскомъ, общины, благодаря стараніямъ мѣстныхъ префектовъ, внесли въ свои бюджеты расходъ на учебную часть. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ околіяхъ селіе засѣлали нивы, доходъ съ которыхъ также опредѣленъ на нужды училища.

Самый институтъ училищныхъ инспекторовъ не можетъ быть въ настоящее время устроенъ надлежащимъ образомъ. Управление лишено возможности назначать на эти должности лицъ, дѣйствительно способныхъ исполнять ихъ, въ особенности при ничтожномъ вознагражденіи, достаточномъ лишь на путевые расходы. Въ 1881—1882 учебномъ году всѣхъ окружныхъ училищныхъ инспекторовъ было 50 человекъ, и изъ нихъ 27 имѣли наблюденіе надъ болгарскими училищами, 16—надъ турецкими, 3—надъ греческими и по одному—надъ болгарско-католическими, болгарско-протестантскими, армянскими и еврейскими. Вслѣдствіе недостатка образованныхъ людей, которые могли бы приять на себя обязанности инспекторовъ, эти послѣдніе въ 10 околіяхъ были возложены частью на окружныхъ начальниковъ, частью на окружныхъ врачей.

Среднихъ учебныхъ заведеній въ Восточной Румелии было 1881—1882 учебномъ году 31, болѣе чѣмъ въ предшествующемъ на 10; изъ нихъ 25 болгарскихъ (19 мужскихъ и 7 женскихъ), 4 греческихъ (2 мужск. и 2 женск.) и 1 турецкое мужское. Въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 4 класса, а въ женскихъ 3; программы преподаванія почти тѣ же, что въ низшихъ классахъ областныхъ реальныхъ и женскихъ гимназій.

Въ 1881—1882 учебномъ году въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было 3004 ученика, въ томъ числѣ Болгарь 2618, Грековъ 303 и Турокъ.—83. Учащихъ было 87 м. п. и 22 ж. п., въ томъ числѣ

71 учитель и 16 учительницъ въ болгарскихъ училищахъ съ годовымъ вознагражденіемъ въ 764,800 грошей, 11 учителей и 5 учительницъ въ жепскихъ училищахъ съ годовымъ вознагражденіемъ въ 113200 гр. и 5 учителей въ турецкомъ училищѣ съ вознагражденіемъ въ 3600 гр. Приведенныя цифры сравнительно съ цифрами предшествующаго года даютъ приращеніе на 1034 учащихся и на 32 учащихся. Конечно, это успѣхъ довольно крупный, но притомъ не было возможности строго отнестись къ выбору учителей, ни улучшить ихъ матеріальное положеніе, да и вообще положеніе среднихъ учебныхъ заведеній не представляется вполне прочнымъ.

Всѣ указанныя выше среднія учебныя заведенія содержатся или на счетъ общинъ, или отдѣльныхъ корпорацій, или, наконецъ, на частныя средства съ правительственными пособіями. Собственно на счетъ областного казначейства содержатся двѣ реальныя гимназій въ Пловдивѣ и Сливнѣ, и двѣ женскія—въ Пловдивѣ и Старой-Загорѣ; три изъ этихъ гимназій (то-есть, кромѣ Пловдивской женской) преобразованы изъ училищъ, существовавшихъ во время турецкаго господства. Правила о мужскихъ реальныхъ гимназіяхъ изданы генераль-губернаторомъ области въ силу п. 55 органическаго устава Восточной Румелии въ 1881 г., и тогда же послѣдовало офиціальное открытіе этихъ гимназій, которыя впрочемъ, существовали и при оккупационномъ правительствѣ, но съ нѣскольکو иною программой.

Курсъ гимназій семилѣтній; въ реальныхъ гимназіяхъ онъ заключается въ себѣ слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій и ученіе о нравственности; 2) болгарскій языкъ современный и древній (то-есть, старо-славянскій) съ славянскою литературой; 3) Французскій языкъ. 4) латинскій языкъ; 5) математика (арифметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, аналитическая геометрія); 6) исторія и географія и обзоръ мѣстныхъ учрежденій; 7) естественныя науки (зоологія, ботаника, минералогія, физика и химія, основы технологій); 8) счетоводство и товаровѣдѣніе; 9) политическая экономія; 10) черченіе и рисованіе; 11) пѣніе и гимнастика.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, обязательныхъ для всѣхъ учениковъ, въ гимназіи преподается желающимъ древне-греческій языкъ съ его литературой, а также и языкъ той части мѣстнаго не-болгарскаго населенія, къ которой принадлежитъ четвертая часть учениковъ; такъ, если это меньшинство состоитъ изъ Турокъ, то—турецкій языкъ, а если изъ Грековъ, то—новогреческій и т. д. Нынѣ преподается еще и русскій языкъ обязательно для всѣхъ. Въ каждомъ классѣ

должно быть не болѣе 50 учениковъ, въ противномъ случаѣ должны быть устраняемы параллельныя отдѣленія.

Учебный годъ начинается съ перваго понедѣльника октября мѣсяца и продолжается до конца іюня.

Учительскій персоналъ состоитъ изъ директора и штатныхъ преподавателей (не менѣе 8) и наемныхъ учителей, состоящихъ въ качествѣ помощниковъ, а также преподающихъ черченіе, рисованіе, гѣніе и гимнастику, и кромѣ того, еще надзирателей. По истеченіи трехъ лѣтъ со времени обнародованія правилъ о реальныхъ гимназіяхъ, никто не можетъ быть назначенъ преподавателемъ областной гимназіи, если не получалъ высшаго образованія, ни быть учителемъ безъ свидѣтельства объ окончаніи гимназическаго курса или о томъ, что онъ былъ учителемъ въ теченіе пяти лѣтъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Директоръ гимназіи въ то же время преподаетъ одинъ изъ предметовъ и имѣетъ въ недѣлю по крайней мѣрѣ 17 уроковъ; всѣ же другіе преподаватели и учителя—не менѣе 22. Каждый преподаватель и учитель несутъ кромѣ того обязанности классныхъ наставниковъ. Преподаватели гимназій получаютъ въ годъ 18000 грошей, вольнонаемные учителя 15000 гр., а учителя гѣнія и гимнастики по 12000. гр. Директоръ, кромѣ преподавательскаго жалованья, получаетъ 8000 гр. прибавочныхъ. Надзиратели получаютъ не менѣе 6000 гр. Каждый преподаватель и учитель гимназіи послѣ пятилѣтней непрерывной и безпорочной службы получаютъ право на годовую прибавку $\frac{1}{10}$ своего жалованья, а по истеченіи 30 лѣтъ службы имѣетъ право на полную пенсію.

Въ 1-й классъ гимназіи принимаются мальчики всѣхъ народностей и вѣроисповѣданій не моложе 10 и не старше 15 лѣтъ или по экзамену, или на основаніи свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальномъ училищѣ первой степени; имѣющіе свидѣтельство объ окончаніи курса четырехкласснаго средняго училища принимаются въ 5-й классъ гимназіи, если они не провели болѣе года въ училища.

При гимназіи должны быть: 1) бібліотека для учителей и учениковъ, 2) физическій и химическій кабинеты и коллекціи по естественной исторіи, 3) достаточное количество географическихъ картъ, глобусовъ, чертежей, рисунковъ и моделей машинъ и для рисованія, 4) гимнастическіе снаряды, и 5) музыкальныя ноты.

При гимназіяхъ есть извѣстное число казенныхъ стипендіатовъ.

Въ 1881—1882 учебномъ году Пловдивская реальная гимназія состояла изъ семи классовъ, раздѣленныхъ на 17 параллельныхъ отдѣ-

леній, въ которыхъ было 800 учениковъ, а Сливненская—изъ шести классовъ, раздѣленныхъ на 10 такихъ же отдѣленій съ 416 учениками. Женскія гимназіи въ Пловдивѣ и Старой-Загорѣ состоятъ каждая изъ 5 классовъ, и изъ нихъ въ первой было 134 ученицы, а во второй 156.

Учащихъ во всѣхъ четырехъ гимназіяхъ было 62, въ томъ числѣ 29 преподавателей и преподавательницъ, 13 учителей перваго разряда, 5—втораго, 10—третьяго и 5 надзирателей.

Бюджетъ гимназій въ отчетномъ финансовомъ году простирался до 1.000,000 гр. (или 200,000 фр.). Библіотеки и кабинеты физической, химической и естественныхъ наукъ обогащены большимъ количествомъ книгъ, аппаратовъ и коллекціями, на что израсходовано до 1,500 тур. лиръ. Большое неудобство для гимназій заключалось въ недостаткѣ хорошихъ годныхъ помѣщеній. Только недавно окончено постройкой хорошее зданіе женской гимназіи въ Старой-Загорѣ. Въ скоромъ времени будетъ окончено зданіе болѣе широкихъ размѣровъ и для Пловдивской реальной гимназіи. Сливненская реальная и Пловдивская женская гимназіи помѣщены въ наемныхъ домахъ довольно удобныхъ.

Одною изъ самыхъ большихъ поддержекъ народныхъ начальныхъ училищъ въ Восточной Румелии были пособия, отпускаемая правительствомъ бѣднымъ общинамъ, какъ на постройки зданій, такъ и на училищныя потребности. Въ 1879—1880 финансовомъ году такихъ пособій отпущено на сумму до 710,866 гр. (142,173 фр.), въ 1880—1881 г. 1.602,456 гр. (320,401 фр.), а въ 1881—1882 г. опредѣлено по бюджету 1.460,000 г. (292,000 фр.).

Чтобы дать бѣднымъ молодымъ людямъ возможность окончить свое образованіе, румелийское правительство имѣетъ до 180 стипендій въ гимназіяхъ области, и сверхъ того, содержитъ до 50 стипендіатовъ въ заграничныхъ (русскихъ, французскихъ, итамецкихъ и италянскихъ) университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пользующіеся этими стипендіями обязываются прослужить въ государственной службѣ известное число лѣтъ.

Съ 1881 г. установлены пенсіи для престарѣлыхъ и больныхъ преподавателей, при чемъ преподавателю, прослужившему 20 лѣтъ, дается пенсія въ размѣрѣ ²/₃ его жалованья, а прослужившему 30 лѣтъ оставляется полное жалованье. Кроме того, установлены правила о выдачѣ временныхъ пособій учащимъ.

Въ томъ же году изданы правила о наградахъ за составленіе

учебныхъ книгъ по разнымъ предметамъ преподаванія, и въ томъ же году уже было выдано 12 такихъ наградъ, всего на сумму 27,000 гр. (5,400 фр.).

Въ каждомъ изъ департаментовъ, на которые раздѣлена Восточная Румелія, имѣется мѣстный училищный совѣтъ, и сверхъ того, въ Пловдивѣ существуетъ областной училищный совѣтъ. Въ послѣднемъ сосредоточивается значительная часть тѣхъ мѣропріятій, на которыя указываютъ потребности народнаго просвѣщенія въ области. Въ 1881—1882 учебномъ году областной совѣтъ имѣлъ двѣ сессіи, въ теченіе коихъ онъ рассмотрѣлъ слѣдующіе изготовленные въ дирекціи народнаго просвѣщенія проекты: 1) правилъ для пансіоновъ, 2) правилъ о внутреннемъ устройствѣ областныхъ гимназій, 3) положенія объ устройствѣ женскихъ гимназій, 4) общаго плана предметовъ начальнаго обученія, 5) правилъ нормальнаго устройства училищныхъ помѣщеній, 6) программъ реальныхъ гимназій, 7) программъ женскихъ гимназій, 8) положенія о среднихъ училищахъ и 9) положенія о нормальныхъ училищахъ. Изъ этихъ проектовъ уже вступили въ дѣйствіе: правила для пансіоновъ, правила о внутреннемъ устройствѣ гимназій, учебный планъ начальнаго обученія и правила о помѣщеніяхъ. Сверхъ того, областной училищный совѣтъ заявилъ о необходимости: а) образовать при дирекціи комиссію изъ извѣстныхъ ученыхъ, которая заботилась бы о составленіи учебниковъ, приуроченныхъ къ установленнымъ планамъ начальнаго обученія и программамъ мужскихъ и женскихъ гимназій, и б) чтобы дирекція предприняла изданіе педагогическаго журнала. Приведеніе этихъ желаній въ исполненіе будетъ зависѣть отъ развитія бюджета дирекціи народнаго просвѣщенія.

Закончивъ обзоръ современнаго положенія народнаго просвѣщенія въ Восточной Румеліи, считаемъ нужнымъ сказать здѣсь же нѣсколько словъ и о состояніи училищъ и вообще народнаго образованія въ Ахыръ-Челебіи, горно-родопской области, которая хотя и не входитъ въ составъ Восточной Румеліи и осталась подъ властью Турокъ, не смотря на свое болгарское населеніе, но которая въ учебномъ дѣлѣ находится подъ вліяніемъ училищныхъ реформъ, произведенныхъ въ послѣднее время въ Болгаріи и Восточной Румеліи.

Ахыръ-Челебійскій округъ, составлявшій до послѣдней русско-турецкой войны часть Пловдивскаго санджака, а нынѣ—новообразованнаго Гюмюрджинскаго, расположенъ въ юго-западной части Родопскихъ горъ; онъ прилегаегь къ Эгейскому морю, а воды его чрезъ

главную рѣку Арду, берущую начало въ самомъ округѣ, у с. Смиляна, изливаются въ Марицу. Все здѣшнее населеніе состоитъ изъ чистыхъ Болгарь, изъ коихъ одни исповѣдуютъ православіе, а другіе—магометане; послѣдніе называются ахрянами. По турецкимъ статистическимъ даннымъ 1874 г., ахрянъ 6,000 душъ м. п., а христіанъ 5,000 душъ. Послѣдніе до 1870 г. были подчинены Ксанескому греческому митрополиту, а затѣмъ—Болгарской епархіи, нинѣ же зависятъ отъ Адрианопольскаго болгарскаго митрополита Сивесія, пользующагося здѣсь большимъ уваженіемъ и почетомъ. Впрочемъ, благодаря нѣкоторымъ чорбаджіямъ-грекоманамъ и бывшему здѣсь окружному муфтію Абдуль-Рахману-эфенди, часть православныхъ Болгарь осталась подчиненною греческому митрополиту и до настоящаго времени. Эти же господа были всегда самыми жестокими врагами болгарскихъ училищъ въ округѣ: они доносили на болгарскихъ учителей, преслѣдовали ихъ, старались снова вводить греческій языкъ въ церковь и школу, словомъ были противъ всего, что носило характеръ болгарскаго народнаго возрожденія. Во все время съ 1870 по 1876 г. мѣстное населеніе было въ постоянной борьбѣ съ ними и ихъ преслѣдователями, что заставляло его быть всегда на сторожѣ и еще болѣе возбуждало его національныя стремленія. Не смотря на всѣ эти препятствія, въ 21 изъ здѣшнихъ болгарскихъ общинъ были 21 первоначальное училище, 3 трехклассныхъ и одно женское. Въ селѣ же Долно-Райковѣ, гдѣ прежде былъ центръ грекоманства, было одно грекоманское училище, въ которомъ преподавались оба языка, болгарскій и греческій. Однако, со смертію двухъ болѣе энергичныхъ болгарскихъ учителей и послѣ ухода третьяго, болгарскія училища стали быстро падать; турецкое правительство питало недовѣріе къ болгарскимъ учителямъ, а виѣствъ съ тѣмъ и болгарскій языкъ считало въ училищахъ опаснымъ. Въ 1876 г. Ксанскій митрополитъ Калиникъ посѣтилъ Ахыр-Челеби; опъ, въ сопровожденіи одного ахрянина, пользовавшаго дурною репутаціей, обошелъ всѣ христіанскія села, съ цѣлью посѣять раздоръ въ населеніи и возвратить его опять патриархіи: рукополагалъ священниковъ, вводилъ греческій языкъ и запрещалъ священнодѣйствовать священникамъ, рукоположеннымъ въ Цловдивѣ болгарскимъ митрополитомъ. И дѣйствительно, угрозами и насиліемъ овъ почти вполнѣ достигъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ наружно, тѣмъ болѣе что здѣшнее мусульманское населеніе было возбуждено противъ христіанскаго. Къ тому же то была пора страшныхъ событій у Болгарь, сдѣлавшихъ нѣсколько попытокъ къ воз-

станію. Но смутныя времена миновали, звѣрства въ Болгаріи прекратились, и султанская прокламація „къ Туркамъ и Болгарамъ“ дала легче вздохнуть здѣшнему христіанскому населенію, которое, мѣсяць спустя послѣ посѣщенія греческаго митрополита, стало возвращаться къ національной церкви. Пять Гречанокъ-учительницъ, которыхъ патріархія хотѣла послать сюда, но которыя дошли только до Пловдива, должны были вернуться назадъ, кромѣ одной, которую взяли въ Долно-Райковѣ. Училищное дѣло шло однако слабо; Болгары-христіане, однако, не желали даровыхъ учителей, подаренныхъ книгъ и другихъ пособій. Такъ было до 1878 г. Во время бѣгства Сулеймана-паши чрезъ Родопъ всѣ училища были закрыты. Главный путь бѣжавшихъ шелъ чрезъ самое большое, чисто христіанское село Устово, которое было совершенно разграблено. Въ это время христіане и мусульмане согласились охранять другъ отъ друга, то-есть, ахряне—христіанъ отъ турецкихъ бѣжанцевъ и солдатъ, а христіане—ахрянь отъ Русскихъ. Простодушные ахряне думали, что Русскіе такіе же варвары, какъ Турки. Какъ бы то ни было, но ахряне не бѣжали. 18-го января 1878 г. Русскіе уже владѣли Ахыр-Челеби, а въ 1878—1879 учебномъ году всѣ училища здѣсь были открыты, хотя и съ очень плохими учителями, потому что болѣе способные переселились въ освобожденную часть Родопскихъ горъ и тамъ получили учительскія и чиповничьи должности.

Но съ 1880 г. и здѣсь, въ училищномъ дѣлѣ произошелъ поворотъ къ лучшему: училища стали поправляться, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже увеличилось ихъ число: въ с. Пятковѣ открыто училище для дѣвочекъ, а въ с. Корлуковѣ—воскресные классы для взрослыхъ мужчинъ; многіе изъ бѣжавшихъ учителей вернулись въ этомъ же году; въ первоначальныя училища стали вводиться тѣ же программы, что и въ Румелии, а учителя ходили ежегодно въ Румелию слушать лѣтніе педагогическіе курсы; кромѣ того, христіанское населеніе стало заботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей. Такъ, въ 1881 г. въ с. Устовѣ учителю назначили 11,500 гр. (или 2,300 фр.) за 2 года, въ селѣ Карлуковѣ—3000 гр. (или 600 фр.) за годъ, а въ с. Пятковѣ—2,500 (или 500 фр.), чего прежде никогда не бывало:

Эти улучшенія начались со смертію враговъ христіанъ и съ переходомъ одного изъ нихъ на сторону послѣднихъ, именно пѣвлаго Вълчо Кехая. Этотъ Вълчо—довольно оригинальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно замѣчательный для своего общества чело-

вѣкъ. Родился онъ въ с. Патковѣ; не имѣя совершенно никакого образованія, онъ основательно владѣеть разговорнымъ турецкимъ языкомъ. При всѣхъ препятствіяхъ, какія онъ дѣлалъ просвѣщенію Болгаръ, благодаря своему вліянію на мѣстныхъ турецкія власти, онъ сдѣлалъ много добра, какъ христіанамъ, такъ и ахрянамъ, которые почитали его, не менѣе, чѣмъ каймакама. Въ 1880 г. онъ одинъ изъ первыхъ встрѣтилъ съ большимъ сочувствіемъ пріѣздъ въ Ахырѣ-Челеби Адрианопольскаго болгарскаго митрополита Синесія и вышелъ даже на встрѣчу ему, когда тотъ пріѣхалъ въ Патково. Видно, событія послѣднихъ лѣтъ вразумили Вълчо. Мы нарочно остановились на нѣкоторыхъ личностяхъ, которыя и въ настоящее время играютъ роль въ учебномъ дѣлѣ горнородонской страны. Таковъ главнымъ образомъ митрополитъ Синесій. Дѣло въ томъ, что еще въ 1878 г. въ Ахырѣ-Челеби возбужденъ былъ вопросъ объ открытіи центрального трехкласснаго училища для приготовленія учителей, но по разнымъ обстоятельствамъ осуществленіе этого дѣла на время замедлилось. Только въ 1880 г. митрополитъ Синесій снова поднялъ этотъ вопросъ въ мѣстныхъ административныхъ сферахъ, и теперь уже приступлено къ его осуществленію. Въ 1881 г. въ Болгаріи и Восточной Румелии были собраны пожертвованія на это училище, и первый классъ его уже долженъ былъ открыться. Мѣстомъ училища избрано село Долно-Райково, какъ болѣе удобное въ гигиеническомъ и экономическомъ отношеніи ¹⁾).

Одну изъ главныхъ заботъ христіанъ въ Ахырѣ-Челеби составляетъ — повліять путемъ образованія на своихъ братьевъ-ахрянъ. Успѣютъ ли они въ этомъ, или нѣтъ — трудно сказать. Но христіане Чепины (котловина между горами Риломъ, Среднею горою и Роподопами, входящая въ составъ Восточной Румелии) успѣли сдѣлать въ этомъ направленіи нѣкоторые успѣхи. По полученнымъ недавно свѣдѣніямъ, въ смѣшанномъ по религіи селѣ Ракитовѣ здѣшніе Болгары-мусульмане (помаки), стали посѣщать христіанское училище. Изучивъ чепинскихъ помаковъ въ бытность нашу у нихъ въ 1879 г., можемъ съ увѣренностію сказать, что здѣсь христіанство можетъ сдѣлать быстрыя завоеванія. Въ единственномъ чисто-христіанскомъ здѣшнемъ селѣ Каменицѣ уже приступлено къ постройкѣ второразряднаго училища для приготовленія учителей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ш. Сырму.

¹⁾ *Марица* 1881 г., № 310 стр. 5—6.

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ. Количество учащихся въ 1882—1883 учебномъ году. Занятія студентовъ по разнымъ предметамъ курса. Занятія бывшихъ питомцевъ института.

Въ 1882 году принято въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института безъ повѣрочныхъ испытаній 15, выдержавшихъ повѣрочныя испытанія 12. Къ концу мая 1883 года въ I курсѣ института состояло 28 студентовъ, во II—17; въ III—23, изъ которыхъ 6 на разрядѣ древнихъ языковъ, 5 на разрядѣ русской словесности и 12 на разрядѣ исторіи и географіи; въ IV—26, изъ нихъ 14 на разрядѣ древнихъ языковъ и 12 на разрядѣ русской словесности. Итого, въ концѣ мая 1883 года въ институтѣ числилось 94 студента, въ томъ числѣ 75 на штатныхъ вакансіяхъ и 19 стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ. Изъ 94 студентовъ было 46 воспитанниковъ гимназій и 48 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Изъ 26 студентовъ IV курса окончили полный курсъ наукъ въ институтѣ и выдержали выпускные экзамены 25, а одинъ уволенъ по болѣзни въ отпускъ и будетъ сдавать экзамены послѣ каникулъ.

Главною новостью въ преподаваніи за истекшія 1882—1883 учебный годъ было возстановленіе разряда исторіи, съ введеніемъ спеціальнаго преподаванія географіи. Въ остальномъ преподаваніе происходило по прежнему учебному плану, безъ существенныхъ перемѣнъ.

Законъ Божій былъ преподаваемъ въ трехъ первыхъ курсахъ. По греческому языку и словесности изъ авторовъ были чи-

таны въ I курсѣ Одиссея и Евондемъ Платона; во II курсѣ Илиада, первая рѣчь противъ Филиппа и рѣчь о мирѣ Демосеена, Гекуба Еврипида, Геродотъ и Фукидидъ; въ III курсѣ со студентами всѣхъ трехъ разрядовъ былъ читаеъ Филоктетъ Софокла съ переводомъ на латинскій языкъ; со студентами разрядовъ древнихъ языковъ и русской словесности Лисистрата и Екклісіяусы Аристофана, со студентами разряда древнихъ языковъ, кромѣ того исторія императоровъ Геродіана; въ IV курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ Семь противъ Эвнъ Эсхила и басни Бабріа съ переводомъ на латинскій языкъ. Безъ руководства преподавателей студенты прочитали нѣсколько рапсодій Илиады и Одиссеи и рѣчь о вѣнцѣ Демосеена. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго и (въ старшихъ курсахъ) съ латинскаго языка на греческій, соотвѣтственно степени познаній каждаго курса. По исторіи греческой литературы во II курсѣ были прочитаны обзоръ источниковъ и пособій исторіи греческой литературы и исторія эпоса, элегіи, ямбической поэзіи, мелоса и трагедіи до Эсхила; въ III курсѣ на разрядахъ древнихъ языковъ и русской словесности исторія трагедіи (съ Эсхила), комедіи, исторической, риторической и философской прозы до Платона включительно. Греческія государственныя древности были прочитаны въ III курсѣ для разрядовъ древнихъ языковъ и исторіи; курсы греческихъ религіозныхъ древностей и греческой метрики были прочитаны въ IV курсѣ на разрядѣ древнихъ языковъ. Во всѣхъ четырехъ курсахъ студенты слушали грамматическіе курсы, соотвѣтственно степени своихъ познаній.

По латинскому языку и римской словесности были читаны слѣдующіе авторы: въ I курсѣ Цицерона рѣчь pro Milone и эклоги Вергилія; во II курсѣ Цицерона de officiis первая книга и шестая книга Энеиды съ объясненіями на латинскомъ языкѣ; въ III курсѣ Анналы Тацита, оды Горація и на разрядѣ древнихъ языковъ сверхъ того эподы Горація; въ IV курсѣ сатиры и эпистолы Горація, Катуллы и Miles Gloriosus Плавта, послѣ введенія къ изученію Плавта. Безъ руководства преподавателей студенты читали Цезаря, Цицерона de officiis вторую и третью книги и рѣчь de imperio Cn. Pompeji, Георгіки Вергилія, Тита Ливія. Студентамъ IV курса было предоставлено выбрать для домашнихъ чтеній Fasti Овидія, Буколики и Георгіки Вергилія, Brutus Цицерона, десятую книгу Institutionis Ora-

тогіе Квинтиліана и другихъ авторовъ. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Студенты III курса разрядовъ древнихъ языковъ и исторіи слушали курсъ римскихъ государственныхъ древностей. Студенты разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ вмѣстѣ слушали курсъ исторіи римской литературы. Въ I курсѣ былъ читанъ краткій очеркъ исторіи латинскаго языка; въ связи съ этимъ прочитаны, переведены и объяснены съ точки зрѣнія языка древнѣйшія латинскія надписи по изданію Ричля „Priscæ latinitatis monumenta epigraphica“. Во II курсѣ пройдены важнѣйшіе отдѣлы латинскаго синтаксиса.

Желающіе изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. Такихъ сочиненій было представлено студентами 12. На тему, предложенную преподавателемъ Нейлисовымъ „Германскіе походы Юліана по собственнымъ его сочиненіямъ, по Амміану и Зосиму“, написалъ сочиненіе студентъ III курса Гармонинъ. Онъ основательно ознакомился съ этими писателями, постоянно дѣлаеть точныя на нихъ ссылки, иногда приводитъ въ примѣчаніяхъ подлинныя ихъ слова и указываетъ на тѣ мѣста, въ которыхъ Зосимъ отступаетъ отъ Амміана. Изложеніе Гармонина живое, а языкъ правильный и точный.

Студентъ IV курса Новосадскій представилъ профессору Соколову прекрасную, воишь дѣльную работу на тему „Елевсинскія мистеріи по древнимъ авторамъ и надписямъ“. Студентъ Новосадскій принялъ во вниманіе множество мѣстъ древнихъ авторовъ и христіанскихъ писателей, разсмотрѣлъ и существующія надписи, при чемъ онъ могъ отчасти пользоваться и неизданными еще надписями, найденными въ послѣднихъ елевсинскихъ раскопкахъ, по копіямъ, присланнымъ изъ Греціи г. Корольковымъ, студентомъ института выпуска 1881 года. Новосадскій изучилъ сочиненія Сэнтъ-Круа, Лобека, К. О. Миллера, Крейцера, Преллера, Уварова, Ленормана, Мори, Велькера, Авг. Момизена; не оставилъ безъ вниманія и старинныхъ трудовъ, на примѣръ, Меурзіа, Баха. Сочиненіе Новосадскаго хорошо обдуманно и изложено, такъ что читается съ интересомъ. Сначала молодой авторъ разбираетъ вопросъ о времени происхожденія елевсинскихъ мистерій; во второй главѣ мѣоническія ска-

занія елевсинскаго круга; въ третьей говоритъ объ управленіи праздниками, объ участіи государства, о священномъ совѣтѣ, о составѣ елевсинскихъ жрецовъ и жрицъ и второстепенныхъ служителей, о священныхъ родахъ Евмолпидовъ и Кириковъ. Въ четвертой о времени совершенія великихъ и малыхъ мистерій, о распредѣленіи обрядовъ по днямъ праздниковъ, объ агонѣ. Въ пятой главѣ говорится о посвященіи и степеняхъ посвященія, о содержаніи тайныхъ обрядовъ. Въ шестой о тайномъ ученіи. Въ заключеніе авторъ самъ перечисляетъ тѣ пункты, въ которыхъ онъ пришелъ къ разногласію съ предшествующими учеными и къ ловымъ соображеніямъ, и притомъ завѣряетъ, что въ этомъ отношеніи имъ руководило не желаніе сказать что нибудь новое, а стремленіе *pergrisege quid in quaere re ve- gniū sincogumque sit*. Изъ выставленныхъ имъ 12 пунктовъ или тезисовъ не всѣ одинаково удачны. 1 и 4 пункты основываются на томъ недоразумѣніи, что молодой авторъ смѣшалъ священный совѣтъ елевсинскій, *Ἐερά γερουσία*, съ засѣданіями государственнаго совѣта афинскаго по дѣламъ священнымъ, *βουλή Ἐερά*. За то шестой тезисъ Новосадскаго очень удаченъ. По мнѣнію Новосадскаго, малыя мистеріи преимущественно были посвящены богочтвенію Коры. Сравнивая мантинейскій культъ Корагій, являющійся въ надписи № 352, h. II тома сборника *Le Bas-Foucart*, авторъ предполагаетъ, что и въ Афинахъ въ малыхъ мистеріяхъ, какъ въ Корагіяхъ мантинейскихъ статуя Коры была переносима въ домъ жрицы, что было символическимъ представленіемъ возвращенія Коры къ матери Димитрѣ. Шестъ послѣднихъ тезисовъ относятся къ внутренней сторонѣ елевсинскаго культа и содержатъ въ себѣ рядъ интересныхъ догадокъ о направленіи и содержаніи елевсинскаго тайнаго ученія. Автору удастся въ этомъ трудномъ вопросѣ представить свои положенія правдоподобными. Если Новосадскій еще разъ переработаетъ избранную имъ тему, глубже и точнѣе изслѣдуетъ елевсинскія надписи, особенно тѣ, которыя найдены при послѣднихъ раскопкахъ, то онъ напишетъ очень интересную и полезную книгу. На темы, предложенныя профессоромъ Наукомъ, представили сочиненія на латинскомъ языкѣ студенты IV курса Якушевичъ и Рустъ. Якушевичъ написалъ сочиненіе на тему *de Philoctetæ fabula a tribus principibus poetis tragicis tractata*. Сначала Якушевичъ излагаетъ мюзъ, потомъ тщательно разбираетъ отрывки трагедій Эскила и Еврипида, основываясь главнымъ образомъ на дошедшей трагедіи Софокла и на двухъ рѣчахъ Діона Златоуста (LII и LIX). Матеріаломъ, собраннымъ прежними учеными и

профессоромъ Наукомъ въ собраніи отрывковъ греческихъ трагиковъ, Якушевичъ воспользовался самостоятельно, стараясь обращаться всюду къ источникамъ. Онъ упустилъ нѣкоторыя исправленія повѣйшихъ ученыхъ къ отрывкамъ Эсхила и Еврипида и не вполне выяснилъ особенности характера cadaго изъ трехъ поэтовъ. Недостатки труда выкупаются однако всюду проявляющеюся старательностью и по большей части правильнымъ взглядомъ на предметъ. Сочиненіе Якушевича написано очень хорошимъ латинскимъ языкомъ. На темы, предложенныя профессоромъ Миллеромъ, подали сочиненія студенты IV курса Гинтовтъ и III курса Сѣверовъ. Студентъ Гинтовтъ написалъ сочиненіе на тему „Q. Horatii Flacci deminutiva collecta et usu scriptorum, qui ante Horatium floruerunt, illustrata exhibeantur“. Гинтовтъ изложилъ тему вообще старательно и разумно, такъ что сочиненіе его заслуживаетъ большой похвалы. Въ началѣ онъ трактуетъ о происхожденіи уменьшительныхъ именъ и ихъ различномъ употребленіи; потомъ представляетъ обзоръ употребленія уменьшительныхъ именъ у поэтовъ раньше Горація и обращается къ самому Горацію. При этомъ онъ сначала разсматриваетъ существительныя, потомъ прилагательныя уменьшительныя имена, тѣ и другія въ алфавитномъ порядкѣ. Въ этомъ разборѣ приходилось имѣть дѣло съ нѣкоторыми трудными вопросами, такъ какъ съ одной стороны и происхожденіе нѣкоторыхъ словъ, имѣющихъ форму уменьшительныхъ, не извѣстно съ точностію, съ другой стороны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варианты чтеній рукописей дѣлаютъ сомнительнымъ словоупотребленіе Горація. Гинтовтъ разсуждаетъ большею частью осторожно и правильно. Всего болѣе въ работѣ Гинтовта слѣдуетъ похвалить то, что ею ясно и просто показано, какъ рѣдко пользуется Горацій уменьшительными именами въ одахъ и съ какими именно цѣлями употребляетъ онъ имена этого класса. Сочиненіе Гинтовта написано правильнымъ латинскимъ языкомъ. Студентъ Сѣверовъ взялъ на себя написать два сочиненія, одно на тему профессора Миллера, другое на тему преподавателя Нейлисова, но такой трудъ оказался для него непосильнымъ и отозвался недостатками обонхъ поданныхъ имъ сочиненій. Студентъ IV курса Островъ представилъ сочиненіе на предложенную профессоромъ Шеборомъ тему „Культъ Януса по фастамъ Овидія въ связи съ извѣстіями другихъ авторовъ“. Вся обширная работа Острова распадается на три части: 1) сущность божества Януса; 2) чествованіе Януса у Римлянъ и 3) храмы и изображенія Януса. Въ этихъ трехъ частяхъ разобрано и изложено почти все, что намъ извѣстно

объ Япусѣ. Хотя въ работѣ Острова мало новаго, и хотя въ ней встрѣчается нѣсколько промаховъ, но она заслуживаетъ все-таки похвалы, такъ какъ свидѣтельствуетъ объ основательномъ изученіи Овидіевыхъ фастовъ и о пріобрѣтенномъ авторомъ знакомствѣ съ множествомъ другихъ латинскихъ и греческихъ источниковъ, которыми онъ пользовался отчасти по указаніямъ профессора, отчасти на основаніи указаній Беккера и Преллера. Кромѣ послѣднихъ двухъ пособій, Островъ ознакомился еще съ другими трудами по міеологіи напимѣръ, съ *Deutsche Mythologie* Гримма, съ книгой Аванасьева „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“, съ относящимися къ славянской міеологіи трудами И. И. Срезневскаго.

По философіи въ I курсѣ были прочитаны логика и психологія, во II исторія философіи древняго времени, въ III для всѣхъ разрядовъ исторія философіи среднихъ вѣковъ и новаго времени и читана въ подлинникѣ первая книга Никомаховской Этики Аристотеля.

По русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ въ I курсѣ преподавалось сравнительное ученіе о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Практическія упражненія студентовъ состояли въ письменныхъ разборахъ отрывковъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности кирилловской и глаголической. Во II курсѣ преподавалась сравнительная морфологія русскаго языка, или ученіе о словообразованіи. Практическія упражненія студентовъ состояли въ письменныхъ разборахъ отрывковъ изъ памятниковъ древней русской письменности. Въ III и IV курсахъ на разрядѣ русской словесности было изложено сравнительное ученіе о звукахъ и формахъ западныхъ славянскихъ нарѣчій. Практическія упражненія студентовъ состояли въ чтеніи и разборѣ на лекціяхъ отрывковъ или цѣлыхъ небольшихъ статей изъ произведеній западно-славянской словесности.

По русской словесности на спеціальному разрядѣ въ III курсѣ былъ прочитанъ очеркъ древней русской литературы отъ начала письменности на Руси до XVI вѣка включительно; въ IV курсѣ— обзорѣніе русской литературы XVIII вѣка до времени Екатерины II. Одинъ часъ въ недѣлю въ IV курсѣ былъ занятъ чтеніями студентовъ. Читались очерки литературной дѣятельности нѣкоторыхъ новѣйшихъ русскихъ писателей. Новый преподаватель профессоръ Ждановъ могъ начать чтенія только съ начала второго полугодія.— Студенты III и IV курсовъ разряда русской словесности писали годичныя сочиненія на слѣдующія темы: „Былины о Святогорѣ и Сам-

совѣ", „Русская сатира въ XVIII столѣтіи"; „Русская семья и пословицы"; „Историческое развитіе русской повѣсти"; „Швецъ Боянъ, упоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ"; „Екатерина II, какъ писательница"; „Іосифъ Волоцкій, какъ основатель монастыря и главный дѣатель въ борьбѣ съ ересью жидовствующихъ"; „Посошковъ, какъ экономистъ"; „Выраженіе современныхъ событій въ поэтическихъ произведеніяхъ Ломоносова и вліаніе на него Вольфа"; „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго въ произведеніяхъ народнаго творчества"; „Древне-русскія путешествія". Лучшимъ изъ всѣхъ этихъ сочиненій слѣдуетъ признать трудъ студента IV курса Крымскаго. Трудъ этотъ представляетъ обстоятельное и хорошо наложенное обзорнѣе литературной дѣтельности Екатерины II. Видно, что г. Крымскій внимательно изучилъ сочиненія избранной имъ писательницы и хорошо ознакомился съ трудами, посвященными разсмотрѣнію литературной дѣтельности Екатерины II.

По всеобщей исторіи въ I курсѣ была прочитана древняя исторія, во II курсѣ средняя и въ III для разрядовъ исторіи и русской словесности новая исторія. На разрядѣ исторіи и географіи въ III курсѣ были спеціальныя занятія источниками древней исторіи: былъ читанъ обзоръ дошедшихъ до насъ древнихъ авторовъ греческихъ и латинскихъ до II столѣтія послѣ Р. X.; студенты по очереди представляли на лекціяхъ отчеты о прочтанныхъ ими частяхъ изъ древнихъ авторовъ, преимущественно историковъ. Желающіе изъ студентовъ посѣщали бесѣды на дому у профессора Соколова; предметомъ этихъ вечернихъ занятій было чтеніе греческихъ надписей по изданіямъ Берлинской академіи и другимъ сборникамъ. Студенты были ознакомлены также съ эпиграфическими трудами г. Латышева и, по копіи профессора Прахова, съ большою Пальмирскою надписью, найденною княземъ Абамеликомъ.

По русской исторіи общій курсъ русской исторіи былъ прочитанъ въ первыхъ двухъ курсахъ. Въ III курсѣ на разрядѣ исторіи были спеціальныя занятія. Было прочитано: 1) критико-библиографическое обзорнѣе ученыхъ трудовъ о русскихъ лѣтописяхъ, съ XVIII вѣка по настоящее время, отрывки изъ важнѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, для опредѣленія ихъ значенія и состава; 2) обзоръ слѣдующихъ записокъ и дописаній, относившихся ко времени царствованія Петра Великаго: Андрея Артамоновича Матвѣева; Сильвестра Медвѣева; неизвѣстнаго спутника Артамона Сергѣевича Матвѣева, во время его ссылки въ Пустозерскъ; датскаго резидента Бутенахта

фонъ-Розенбуша (1682); Саввы Ромацова; неизвѣстнаго польскаго писателя (1683); сочиненія подъ заглавіемъ: „Narratio regum quae post obitum Alexii Mikalowicz Russorum imperatoris... gestae sunt Moscuae“; записокъ Шлейзинга, Круля, Гордона, Невилля, Желябужскаго, Крекшина, Корба, Джона Перри и Де-Бруина.

Студенты разряда исторіи и географіи писали годичныя сочиненія. На темы, назначенныя профессоромъ Соколовымъ, были представлены два сочиненія. Студентъ Ейнгорнъ написалъ прекрасное сочиненіе на тему „Мавсолъ“. Въ первой главѣ вкратцѣ излагается исторія Карій и правленіе Екатома, отца Мавсола; во второй—внѣшняя политическая дѣятельность Мавсола; въ третьей—внутреннее состояніе владѣній Мавсола; въ четвертой изображена личность Мавсола и сказано о преемникахъ его, Всѣ надписи, относящіяся къ Мавсолу, изучены старательно, и Ейнгорнъ удачно пользуется фактами ихъ, чтобы, напримѣръ, указать различіе состоянія городовъ Іаса и Милась подъ властью Мавсола. На темы, назначенныя профессоромъ Замысловскимъ, представлено 10 сочиненій. Изъ нихъ наилучшія студентовъ Ерхуина на тему „Жалованныя грамоты монастырямъ XIV и XV вѣковъ“, Платонова на тему „Александро-Невская лѣтопись“ и Шафранова на тему „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великою Россією, 1653 и 1654 годовъ“. Студентъ Ерхуинъ основательно изучилъ жалованныя грамоты монастырямъ XIV и XV вѣковъ, напечатанныя въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, въ Актахъ историческихъ, въ Актахъ Археографической Экспедиціи, въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ, въ Актахъ Юридическихъ и въ Русской Исторической Библіотекѣ. Сравнивъ положеніе нашихъ монастырей съ положеніемъ монастырей въ Византіи, авторъ весьма обстоятельно, въ строго-научной системѣ изложилъ содержаніе жалованныхъ грамотъ монастырямъ XIV и XV вѣковъ, при чемъ представилъ объясненія нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ этихъ памятникахъ словъ и выраженій. Онъ обратилъ также должное вниманіе и на обстоятельства и условія, содѣйствовавшія развитію поземельныхъ правъ нашего духовенства, сравнилъ эти права съ правами духовенства византійскаго и указалъ на тѣ важныя въ общемъ ходѣ развитія русской жизни послѣдствія, какія произошли отъ обычая жаловать монастырямъ различнаго рода льготы. До настоящаго времени еще никѣмъ изъ нашихъ ученыхъ не разобранная Александро-Невская лѣтопись, недавно изданная въ Русской Исторической Библіотекѣ, послужила сту-

денту Платонову предметомъ прекраснаго, самостоятельнаго изслѣдованія. Данныя этой замѣчательной для исторіи царствованія Ивана IV лѣтописи авторъ тщательно, съ большимъ вниманіемъ и добросовѣстностью провѣрилъ, сличилъ ее съ источниками, ей современными, опредѣлилъ ея значеніе въ ряду другихъ источниковъ и указалъ на ея отличительныя особенности. Особня главы посвящаетъ Платоновъ рѣшенію любопытныхъ вопросовъ о томъ, кто былъ авторъ этой лѣтописи, гдѣ онъ жилъ, былъ ли онъ лицомъ свѣтскимъ или духовнымъ, каковы были его взгляды на важныя событія времени Грознаго, какъ относился составитель лѣтописи къ воззрѣніямъ Курбскаго, какъ защитника старыхъ боярскихъ притязаній. По видимому немного остается сдѣлать автору, чтобы исправивъ и нѣсколько дополнивъ свой почтенный трудъ, приготовить его къ печати и тѣмъ восполнить одинъ изъ замѣтныхъ пробѣловъ нашей исторіографіи.— Сочиненіе студента Шафранова написано по новымъ, въ недавнее время напечатаннымъ матеріаламъ, относящимся ко времени переговоровъ Богдана Хмельницкаго съ послами царя Алексѣя Михайловича о воссоединеніи Малой Россіи съ Великою Россією. Познакомившись съ довольно значительною по объему литературою, относящеюся къ этимъ переговорамъ, авторъ подвергъ основательной критикѣ различныя мнѣнія о статьяхъ договора, заключеннаго съ Хмельницкимъ, и пришелъ къ выводамъ новымъ и, какъ кажется, болѣе основательнымъ, чѣмъ тѣ, которые были дѣлаемы до настоящаго времени, что, конечно, составляетъ одно изъ видныхъ и цѣнныхъ достоинствъ сочиненія. Существенными достоинствами отличаются также сочиненія студентовъ Бѣлавина на тему „Донесенія графа Сольмса (1763—1766 гг.)“, Крылова на тему „Россія при Петрѣ Великомъ по извѣстіямъ Фоккеродта“ и Якубова на тему „Отношенія Новгорода къ Чудскимъ племенамъ и движеніе Новгородской колонизаціи въ земли этихъ племенъ до пачала XIII вѣка“.

По географіи въ I курсѣ былъ прочитанъ повторительный курсъ географіи, при чемъ обращено было главное вниманіе на знаніе карты. Въ III курсѣ на разрядѣ исторіи и географіи были прочитаны новые курсы политической и математической географіи. Курсъ политической географіи состоялъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ отдѣловъ: 1) курса исторіи географіи и 2) курса, предназначеннаго для ознакомленія слушателей съ главными основаніями антропологій и этнографіи и системами человѣческаго рода, предложенными различными учеными, начиная съ Блюменбаха. Особенное вниманіе было

обращено на систему Пешеля съ дополненіями и измѣненіями по Ф. Мюллеру. Кромѣ того въ началѣ курса три лекціи употреблены были на уясненіе положенія науки географіи среди другихъ отраслей знанія и того значенія, которое имѣли для успѣховъ географіи идеи К. Риттера и Новориттерговской школы. Затѣмъ были сдѣланы указанія на литературу всеобщей географіи, важнѣйшіе географическіе журналы и пространныя руководства. Содержаніе курса математической географіи было слѣдующее: видимое движеніе неба; объясненіе этого движенія вращеніемъ земли; астрономическія координаты; параллаксъ и рефракція; широта и долгота; шарообразный видъ земли; видимое движеніе солнца; измѣреніе времени; движеніе планетъ; законы Кеплера; движеніе луны; солнечныя и лунныя затмѣнія; движеніе спутниковъ; законъ всемірнаго тяготѣнія; опредѣленіе массъ и плотностей небесныхъ свѣтилъ; пертурбаціи; прецессія, нутація, абберрація, годовой параллаксъ; приливы и отливы; географическія карты.

Лекціи по новымъ языкамъ были раздѣлены на два отдѣленія, низшее и высшее, по познаніямъ студентовъ, желающихъ заниматься французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ.

Студенты I курса слушали 24 обязательныхъ лекціи въ недѣлю; II курса 26 лекцій; студенты III курса имѣли 12 лекцій общихъ для всѣхъ трехъ разрядовъ, 4 лекціи были кромѣ того обязательны для разрядовъ древнихъ языковъ и русской словесности, 4 для разрядовъ древнихъ языковъ и исторіи, 3 для разрядовъ русской словесности и исторіи, 4 спеціальныхъ лекціи для одного разряда древнихъ языковъ, 5 для одного разряда русской словесности, 7 спеціальныхъ лекцій для одного разряда исторіи и географіи; такимъ образомъ студенты разряда древнихъ языковъ III курса имѣли 24 лекціи, разряда русской словесности 24, исторіи и географіи 26; студенты IV курса имѣли 10 общихъ лекцій, и каждый изъ двухъ разрядовъ по 6 спеціальныхъ лекцій, итого 16 лекцій и по 9 часовъ занятій въ гимназіи при Институтѣ.

Занятія студентовъ IV курса въ гимназіи при институтѣ состояли, по заведенному порядку, въ томъ, что студенты посѣщали даваемые наставниками-руководителями уроки, преподавали сами подъ руководствомъ наставниковъ и въ вечернихъ бесѣдахъ съ ними разбирали свои уроки и знакомились съ учебниками, принятыми въ гимназіяхъ, или вновь вышедшими.

Въ гимназіи при институтѣ въ 1882 году былъ шестой выпускъ часть ссххх, отд. 4.

воспитанниковъ. Окончили курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 12 чело-
вѣкъ. Всѣхъ воспитанниковъ гимназій въ концѣ апрѣля текущаго
года было 223.

Въ засѣданіи 15-го іюня 1882 года конференція избрала препода-
вателемъ математической географіи въ институтѣ преподавателя гим-
назій при институтѣ магистранта Вилибина и преподавателемъ
политической географіи преподавателя Императорской Царскосель-
ской гимназій Сокколова. Означенное избраніе утверждено его вы-
сокопревосходительствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ томъ же засѣданіи конференція предназначила на мѣста пре-
подавателей въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ студен-
товъ выпуска 1882 года, оставшихся безъ назначенія; такъ что всѣ
студенты выпуска 1882 года были опредѣлены на мѣста преподава-
телей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ немедленно по окончаніи
курса.

Съ 1-го октября 1882 года почтенный профессоръ А. Д. Гала-
ховъ оставилъ службу въ институтѣ. Въ засѣданіи 7-го октября конфе-
ренція избрала экстраординарнаго профессора Некрасова на ва-
кансію ординарнаго профессора, а принять доцента университета св.
Владимира Ивана Жданова исправляющимъ должность экстраорди-
нарнаго профессора института по предмету русской словесности. Оба
избранія утверждены высшимъ начальствомъ.

23-го апрѣля 1883 года почтенный профессоръ А. К. Наукъ
подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы въ институтѣ. Въ
засѣданіи 31-го мая конференція избрала экстраординарнаго профессора
Сокколова на вакансію ординарнаго профессора и доктора грече-
ской словесности, доцента С.-Петербургскаго университета и препо-
дателя института Никитина экстраординарнымъ профессоромъ
института по предмету греческой словесности.

Въ томъ же засѣданіи конференція избрала адъюнктъ-профессора
Горнаго института, горнаго инженера Мушкетова преподавате-
лемъ физической географіи въ институтѣ. Г. Мушкетовъ предста-
вилъ программу предполагаемыхъ чтеній, разсмотрѣвшую конферен-
ціею въ одномъ изъ предстоящихъ засѣданій. Преподаваніе физиче-
ской географіи откроется въ IV курсѣ на разрядѣ исторіи и гео-
графіи съ начала 188³/₄ учебнаго года.

Въ засѣданіи 2-го іюня конференціею было произведено пред-
варительное распредѣленіе окончившихъ курсъ въ семъ году студен-
товъ тринадцатаго выпуска на учительскія мѣста. Изъ 25-ти

студентовъ, окончившихъ курсъ, на имѣющіяся въ виду вакансіи предназначены слѣдующіе: Степанъ Гинтовтъ въ Ковенскую гимназію на древніе языки; Николай Новосадскій въ Таганрогскую гимназію, на древніе языки; Ворисъ Островъ въ Оренбургскую гимназію на древніе языки; Михаилъ Поташевъ въ Рыльскую прогимназію на древніе языки; Яковъ Принцъ въ Кавказскій учебный округъ; Александръ Смирновъ въ Мозырскую прогимназію на латинскій языкъ; Александръ Стефановъ въ Стародубскую прогимназію на греческій языкъ; Павелъ Якушевичъ въ Витебскую гимназію на древніе языки; Сергѣй Воскресенскій въ Златопольскую прогимназію на русскій и древніе языки; Хрисановъ Кирпотинъ въ Оренбургскую женскую гимназію на русскій языкъ и словесность; Ѳеодоръ Колоколовъ въ Иркутскую гимназію, по латинскому языку; Василій Крымскій въ Ташкентскую гимназію на латинскій языкъ; Иванъ Курочкинъ въ Томскую гимназію на древніе языки; Михаилъ Окипшевичъ въ Гомельскую прогимназію на древніе языки; Александръ Піоульскій въ Деритскую гимназію на русскій языкъ; Петръ Пользипскій въ Екатеринбургскую женскую гимназію на русскій языкъ; Казиміръ Шишановичъ и Григорій Боголюбскій, какъ Кавказскіе степендіаты, получаютъ назначеніе отъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа.—Егоръ Вознесенскій, Петръ Голубевъ, Михаилъ Петронавловскій, Алексѣй Поляковъ, Викторъ Рустъ, Александръ Желобовскій, Александръ Юрашкевичъ остаются пока безъ назначенія.

Изъ бывшихъ воспитанниковъ института П. В. Никитинъ 10-го апрѣля сего года защищалъ диссертацию, представленную имъ на степень доктора греческой словесности, подъ названіемъ „Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній“. Эта книга въ стройномъ, изящномъ порядкѣ, путемъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій эпиграфическихъ обломковъ, рядомъ блестящихъ соображеній развиваетъ предъ читателями полную исторію аѳинскаго театра со стороны хореги, устройства состязаній, отношеній поэта къ актерамъ, числа пьесъ и порядка представленій. Самые лучшіе знатоки греческой литературы и древностей найдутъ въ книгѣ нашего молодого ученаго много поразительно-поваго для себя.

В. В. Латышевъ продолжалъ въ истекшемъ учебномъ году свою неутомимую, плодотворную ученую дѣятельность, представилъ на степени магистра греческой словесности и защитилъ 20-го февраля превосходную диссертацию „О нѣкоторыхъ золическихъ и дорическаыхъ

календаряхъ", написалъ массу статей на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и принялся, по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, за огромную работу — изданіе греческихъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Можно смѣло сказать,—хотя незнакомому съ изумительною энергіею Латышева покажется это невѣроятнымъ,—что уже половина и этой работы имъ сдѣлана. Онъ списалъ всѣ надписи, хранящіяся въ Петербургѣ, и въ настоящее время путешествуетъ по южной Россіи, списывая находящіяся тамъ камни. Почти во всякой уже изданной надписи оказываются теперь предъ внимательнымъ и опытнымъ взоромъ истиннаго знатока эпиграфики—новыя чтенія и поправки, такъ что будущій *Corpus inscriptionum Graecarum in finibus imperii Russici reperiatarum* займетъ достойное мѣсто въ ряду подобныхъ знаменитыхъ изданій.

Находящійся съ начала 1882 года въ Аѳинахъ бывшій воспитаникъ института Д. Н. Корольковъ долгое время по болѣзни не могъ заниматься со всѣмъ свойственнымъ ему прилежаніемъ. Въ настоящемъ году Корольковъ прислалъ свачала копій 16 надписей, найденныхъ при недавнихъ раскопкахъ въ Елевсинѣ. Онъ приобрѣлъ уже такой навыкъ въ чтеніи и копированіи надписей, что, по просьбѣ знаменитаго эпиграфика Келера и греческаго ученаго руководителя елевсинскихъ раскопокъ Филія, списалъ для cadaго изъ нихъ по экземпляру копій тѣхъ же 16-ти надписей. На дняхъ Корольковъ прислалъ статью, заключающую въ себѣ изданіе и объясненіе пяти найденныхъ имъ мегарскихъ надписей; къ статьѣ также приложены превосходныя копіи. Кромѣ этихъ надписей найдено Корольковымъ нѣсколько другихъ въ Мегаридѣ и Аттікѣ. Во второмъ отдѣленіи второго тома согр. *Inscr. Atticarum*, ожидаемомъ въ текущемъ году, имя Королькова будетъ упомянуто не разъ. Въ настоящее время Корольковъ предпринимаетъ изъ Керкиры археологическую поѣздку въ ту часть Эпира, которая остается до сихъ поръ подъ турецкою властью.

Для того, чтобы не прекратились занятія русскихъ ученыхъ въ Греціи, начатыя столь удачно, послужившія на пользу и русскому просвѣщенію и наукѣ, конференціи института исходатайствовала объ отправленіи въ Грецію съ ученою цѣлью на два года, съ 1-го іюля 1883 года, преподавателя Одесской духовной семинаріи Александра Никитскаго, окончившаго курсъ въ институтѣ въ прошломъ 1882 г. Высочайшее соизволеніе на командировку Никитскаго послѣдовало въ 23-й день апрѣля сего года.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННОЙ КОММИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1880 ГОДА ПО 1-Е ЮЛЯ 1883 ГОДА.

Обзоръ дѣятельности учрежденной по Высочайшему повелѣнію 6-го апрѣля 1872 года постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Петербургѣ и его окрестностяхъ за 1872—1880 гг. былъ уже помѣщенъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1880 годъ. Нынѣ предлагаемъ вниманію читателей очеркъ трудовъ этой комиссіи съ 1-го января 1880 года по 1-е іюля 1883 года.

Въ этотъ промежутокъ времени составъ комиссіи значительно измѣнился. вмѣсто отказавшагося отъ предсѣдательства В. И. Лапина, г. министръ народнаго просвѣщенія, 18-го іюля 1881 года, назначилъ предсѣдателемъ заступавшаго его мѣсто, члена комиссіи И. П. Хрущова. Сверхъ того, въ члены комиссіи поступили въ 1881 году: Я. П. Полонскій, Н. П. Столпянскій, Ю. М. Богусевичъ, Н. С. Лѣсковъ, А. І. Кочетовъ, И. С. Ремезовъ; въ 1882 году: Н. О. Фену, К. К. Сентъ-Илеръ, В. А. Милютинъ, А. А. Радонежскій, А. К. Ержемскій; въ 1883 году: А. И. Теодоровичъ и И. Е. Рѣпинъ.

12-го іюня 1881 года Государь Императоръ Высочайше созвалъ на учрежденіе званія почетныхъ членовъ комиссіи на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Въ почетные члены могутъ быть избираемы лица, оказавшія ей значительныя услуги, особенно денежными пожертвованіями. 2) Выборъ въ почетные члены производится по предложенію предсѣдательствующаго или кого-либо изъ членовъ комиссіи закрытою баллотировкою. 3) Избранное въ почетные члены

лицо представляется, чрезъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, на утверженіе министру народнаго просвѣщенія. По полученіи такого извѣщенія, комиссіей были избраны въ почетные члены слѣдующія лица: **Ө. Ө. Треповъ**, который первый возбудилъ вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній въ Петербургѣ и его окрестностяхъ и былъ первымъ предсѣдателемъ постоянной комиссіи; **В. Д. Нарышкинъ**, значительное пожертвованіе котораго дало комиссіи на первыхъ же порахъ возможность приступить къ издательской дѣятельности; затѣмъ **М. Е. Врадке**, **В. П. Варгунинъ**, **И. Н. Турчаниновъ** и **В. И. Ланинъ**, оказавшіе значительныя услуги комиссіи и дѣлу народныхъ чтеній. Всѣ эти лица утверждены въ этомъ званіи г. министромъ.

Дѣятельность комиссіи въ отчетный періодъ была, какъ и прежде двоякаго рода: 1) изданіе книгъ для народныхъ чтеній и 2) устройство самыхъ чтеній. Сообразно этому и настоящій обзоръ распадается на два отдѣла.

Издательская дѣятельность комиссіи продолжалась въ прежнемъ направленіи. Въ теченіе отчетнаго періода приобрѣтено и издано 16 рукописей; напечатано вторымъ изданіемъ 10 сочиненій, третьимъ — 1. Въ видахъ привлеченія лучшихъ научно-литературныхъ силъ къ составленію народныхъ чтеній комиссіей постановлено платить авторамъ чтеній по 70-ти рублей за листъ небольшого формата изданій комиссіи, въ 25,000 буквъ, и при каждомъ новомъ изданіи брошюры уплачивать автору тотъ же полистный гонораръ. Изданія комиссіи печатаются въ 12,000 экземпляровъ. Къ сожалѣнію, не смотря на столь выгодныя условія, комиссія не можетъ похвалиться обиліемъ годнаго для изданія матеріала. Присылается, правда, значительное число рукописей, но онѣ составлены большею частью или лицами начинающими, пробующими свои силы, или людьми, хотя и опытными, но незнакомыми съ условіями народныхъ чтеній. Поэтому очень многія изъ предлагаемыхъ къ изданію рукописей, по просмотрѣ, возвращаются авторамъ, какъ непригодныя.

Для болѣе основательнаго рѣшенія вопросовъ по издательской дѣятельности комиссіи, въ декабрь 1881 года избранъ ею, въ помощь предсѣдателю, особый редакціонный комитетъ, на обязанность котораго возложено: 1) рассмотрѣніе представляемыхъ въ комиссію рукописей, 2) рѣшеніе вопроса о новомъ изданіи распроданныхъ брошюръ, 3) выборъ темъ для новыхъ чтеній и 4) составленіе списка

статей, пригодныхъ для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ кромѣ изданій комиссіи.

Въ видахъ болѣе обстоятельнаго и всесторонняго обсужденія до-
стоинства представляемыхъ рукописей и предполагаемыхъ къ пе-
реизданію брошюръ, редакціонный комитетъ постановилъ, чтобы каж-
дая рукопись и брошюра разсматривалась предварительно не менѣе
какъ тремя его членами и затѣмъ обсуждалась бы въ общемъ со-
браніи комитета. Для выбора же статей годныхъ для народныхъ
чтеній изъ числа изданныхъ не комиссіей, редакціонный комитетъ
рѣшилъ пріобрѣтать покупкою такія брошюры и книги, которыя или
прямо изданы для народнаго чтенія, или могли бы служить для этой
цѣли, хотя бы не въ цѣломъ видѣ, но частями. До сихъ поръ изъ
числа такихъ брошюръ признаны комитетомъ неудобными для произ-
несенія въ аудиторіяхъ 39, а пригодными 23. Послѣднія внесены въ
составляемый комитетомъ списокъ, который въ непродолжительномъ
времени будетъ отпечатанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что весьма желательно знако-
мить народъ съ произведеніями лучшихъ нашихъ поэтовъ, комитетъ
постановилъ издать, подъ своєю редакціей, сборникъ стиховъ, понят-
ныхъ для народа, которые могли бы читаться въ аудиторіяхъ. Въ
настоящее время изданы два выпуска этого сборника. Къ нѣкото-
рымъ изъ стихотвореній имѣются въ продажѣ туманныя картины,
что можетъ способствовать интересу чтенія ихъ въ аудиторіяхъ.

Имѣя въ виду, что успешное распространеніе изданій находится
въ непосредственной зависимости отъ ихъ достоинства, комиссіа
приняла въ настоящее время всѣ мѣры къ тому, чтобы издаваемые
ею чтенія по содержанію отвѣчали потребностямъ народа и въ то
же время были бы изложены точно и удобопонятно. Избранный ею
редакціонный комитетъ, при разсмотрѣніи передаваемыхъ ему руко-
писей и брошюръ, обращаетъ особенное вниманіе на соблюденіе этихъ
условій и не допускаетъ къ печатанію или къ перепечаткѣ въ по-
номъ изданіи тѣхъ чтеній, которыя не представляются ему вполне
удовлетворительными въ этомъ отношеніи. Изъ числа разсмотрѣн-
ныхъ имъ въ 1½ года 29 рукописей, одобрено къ изданію только 5
(нѣкоторыя съ значительными поправками), а 24 не одобрены. Въ
то же время было распродано 8 брошюръ, изданныхъ комиссіей;
редакціонный комитетъ нашелъ возможнымъ выпустить новымъ изда-
ніемъ только 3 изъ нихъ, остальные же 5 постановилъ не печатать
новымъ изданіемъ, какъ неудовлетворительныя.

Къ 1-му іюля 1883 года въ складѣ комиссіи находилось изданныхъ ею книгъ разнаго наименованія 128,302 экземпляра на сумми 11,299 руб. 60 коп., а именпо:

	Цена.	Число экз.
1. О богослуженіи православной церкви. Свящ. Соколова	8 коп.	3828
2. Уничженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Свящ. Опатовича.	8	8967
3. Жизнь Вожіей Матери и праздники въ честь Ея. Свящ. Соколова.	15	700
4. Первые вѣка христіанства. Свящ. Опатовича.	10	2210
5. Жизнь св. Николая Чудотворца. Свящ. Соколова	8	5173
6. Великій постъ. Свящ. Соколова.	10	1453
7. Богомольцы у святинь Кіева. Вѣры и Ивана Хрущовыхъ. Ч. I.	15	1101
8. Богомольцы у святинь Кіева. Ивана Хрущова. Ч. II.	10	2977
9. Владиміръ Мономахъ. И Хрущова	15	8953
10. Невская битва и Ледовое побоище. В. И. Ланина	5	3497
11. Куликовская битва. С. Е. Рождественскаго	8	6053
12. Покореніе царства Казанскаго. В. И. Ланина	5	887
13. О Петрѣ Великомъ. С. Е. Рождественскаго	12	703
14. Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. С. М. Макаровой	12	4981
15. Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. А. Г. Филонова	5	8416
16. Александръ I Благословенный. С. М. Макаровой	8	8712
17. 19-е февраля 1855—1880 г.	5	3564
18. Русская правда или судъ въ стародавнія времена. В. И. Ланина	7	3034
19. Историческая повесть изъ временъ татарскаго погрома. В. И. Ланина	10	6158
20. Изъ временъ покоренія Сибири. В. И. Ланина	10	1796
21. Купецъ Иголкинъ и его подвигъ	8	7893
22. Суворовъ. С. Е. Рождественскаго	15	2996
23. Разказы о Сенатоюльцахъ. А. Супонова	15	2627
24. Священное коронованіе и помазаніе царей на царство. И. И. Петрова	10	3864
25. М. В. Домошосовъ. А. Г. Филонова	5	1813
26. Дѣдушка Крыловъ и его басни. А. Г. Филонова	10	2436
27. Кольцовъ и его пѣсни. М. Порунова	10	2920
28. Полтава, по Пушкину	15	8737
29. Тарасъ Бульба, по Гоголю	5	5904
30. Дѣнадцать мудрыхъ басенъ	5	2259
31. Сборникъ стиховъ. Вып. I.	8	1929
32. Сборникъ стиховъ. Вып. II.	8	2897
33. Кулибинъ, механикъ-самоучка. Е. Ф. Николаевой	8	792

34. Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. И. А. Горева . . . . . 15 — 1348
 35. Чай, откуда оиъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е.
 Рейнбота . . . . . 8 — 6724

Изъ этого перечня видно, что комиссіа заботится объ изданіи чтеній преимущественно религіознаго и историческаго содержанія, считая ихъ особенно полезными и интересными для народа. Она желала бы ознакомить своихъ слушателей и читателей, въ отдѣльныхъ чтеніяхъ, съ земною жизнью Спасителя и съ сущностью его божественнаго ученія, съ исторіей христіанства и распространеніемъ его въ Россіи, съ главнѣйшими святыми мѣстами, русскими и иноземными, съ значеніемъ и смысломъ церковныхъ богослуженій, а также представить въ своихъ чтеніяхъ возможно полный обзоръ русской исторіи, знакомя съ главнѣйшими историческими событіями и знаменитѣйшими дѣятелями. Программа эта, конечно, далеко не выполнена издаваемыми до сихъ поръ чтеніями, но комиссіа не перестаетъ стремиться къ ея осуществленію; многія изъ недостающихъ чтеній уже заказаны, и въ случаѣ удовлетворительнаго выполненія, будутъ напечатаны въ непродолжительномъ времени.

Въ теченіе отчетнаго періода постоянная комиссіа была четыре раза осчастливлена знаками Августѣйшаго вниманія. Въ апрѣлѣ 1880 года Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ выразить свое сочувствіе цѣлямъ и дѣятельности комиссіи. Въ ноябрѣ 1881 года выражена была комиссіи Высочайшая благодарность Государя Императора за поднесеніе Его Величеству полнаго экземпляра изданій комиссіи. Въ декабрѣ того же года, по докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Всемилоствѣйше назначены въ пособіе комиссіи 600 руб. на изданіе двухъ брошюръ: „Владиміръ Святой“ и „Владиміръ Мономахъ“. Въ январѣ 1882 года предсѣдатель имѣлъ счастье лично поднести Государю Императору экземпляры вновь вышедшихъ изданій комиссіи, при чемъ Его Императорское Величество изволилъ распранивать его о положеніи комиссіи. Въ январѣ 1883 года Ея Императорское Величество Государыня Императрица, благосклонно принявъ поднесенныя Ей изданія комиссіи, изволила выразить Высочайшую благодарность комиссіи и надежду на ея успѣхъ и процвѣтаніе. Въ томъ же мѣсяцѣ Ея Императорское Высочество великая княгиня Ольга Феодоровна изволила выразить, черезъ посредство секретаря своего, письменную благодарность комиссіи за доставленныя по желанію Ея Высочества экземпляры изданій комиссіи.

Въ отчетный періодъ времени, то-есть, въ 3¹/₂ года, получено отъ продажи издаваемыхъ комиссіей книгъ 14,077 руб. 38 коп., а именно:

Въ 1880 г.—3.650 р. 63 коп. Въ томъ числѣ внесли за проданныя книги:	
земства	1124 р. — к.
книгопродавцы	1706 — 83 —
дирекціи народныхъ училищъ	589 — 20 —
учебныя заведенія	68 — 26 —
частныя лица	150 — 12 —
продано на чтеніяхъ на	12 — 22 —
Въ 1881 году—3.129 р. 83 коп. Изъ нихъ:	
земства	149 — 25 —
книгопродавцы	714 — 19 —
дирекціи народныхъ училищъ	2128 — 99 —
учебныя заведенія	2 — 15 —
частныя лица	123 — 45 —
продано на чтеніяхъ	14 — 80 —
Въ 1882 г.—4.206 р. 80 коп. Изъ нихъ:	
земства	99 — 46 —
книгопродавцы	1362 — 21 —
дирекціи народныхъ училищъ	2478 — 36 —
братство св. Александра Невскаго	33 — — —
частныя лица	144 — 72 —
продано на чтеніяхъ	89 — 5 —
Въ 1883 г. (6 мѣсяцевъ)—3.037 р. 12 коп. Изъ нихъ:	
земства	85 — 73 —
книгопродавцы	745 — 6 —
дирекціи народныхъ училищъ	1852 — 62 —
учебныя заведенія	5 — 38 —
братство св. Александра Невскаго	184 — 70 —
С.-Петербургская городская дума	60 — — —
частныя лица	95 — 75 —
продано на чтеніяхъ	106 — 89 —

Покойный графъ С. Гр. Строгановъ, сочувствуя цѣлямъ комиссіи и въ виду недостаточности собственныхъ ея средствъ для расширенія ея издательской дѣятельности, возымѣлъ мысль придти ей на помощь. Съ этою цѣлью онъ пожелалъ образовать фондъ для печатанія тѣхъ чтеній, на изданіе которыхъ комиссія не будетъ имѣть средствъ. Но такъ какъ при этомъ онъ предполагалъ издавать на счетъ этого фонда не только тѣ сочиненія, безусловно отиѣчающія требованіямъ публичныхъ народныхъ чтеній, но и вообще статьи, полезныя для народа, хотя бы онѣ по содержанію или по объему и не могли быть съ удобствомъ читаемы въ аудиторіяхъ, — то онъ пришелъ къ убѣжденію, что фондъ этотъ долженъ существо-

вать отдѣльно отъ средствъ комиссіи, издающей только народныя чтенія, и завѣдывать самостоятельнымъ обществомъ, состоящимъ при комиссіи. Смерть помѣшала графу Сергѣю Григорьевичу привести это въ исполненіе; но задуманное имъ дѣло не погибло. Сыновья его, графы Павелъ и Николай Сергѣевичи Строгановы и дочь, княгиня Елисавета Сергѣевна Мещерская, горячо приняли къ сердцу мысль и желаніе покойнаго отца и внесли въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство объ учрежденіи общества. Благопріятное разрѣшеніе этого вопроса комитетомъ министровъ было Высочайше утверждено 30-го іюля 1882 года. Вслѣдъ за симъ вышепоименованныя лица, совмѣстно съ предсѣдателемъ комиссіи И. П. Хрущовымъ, составили проектъ устава издательскаго общества, который 14-го августа того же года былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. Въ первомъ же засѣданіи общества графъ П. С. Строгановъ внесъ въ основной фондъ общества 10,000 рублей, что дало возможность немедленно приступить къ издательской дѣятельности. Затѣмъ въ январѣ 1883 года А. С. Губкинъ прислалъ обществу 1000 рублей.

На средства издательскаго общества изданы комиссіей до настоящаго времени слѣдующія книги:

- 1) Архангельскіе китоловы Сѣтковой (Катенкамъ) . . . 20 к.
- 2) Роковой владъ. Сѣтковой (Катенкамъ) . . . . . 15 —
- 3) Бесѣды о здоровьи и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева . 35 —
- 4) Снято-Троицкая Сергіева ланра. И. И. Петрова . . . . . 15 —
- 5) О святыхъ митрополитахъ Петръ и Алексѣй и о Мамаевомъ побойцѣ. А. Н. Майкова . . . . . 6 —
- 6) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Кн. 1. Взятіе Турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константинополя. Москва—третій Римъ. Его же . . . . . 7 —
- 7) То же. Кн. 2. Покореніе, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, мусульманскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Его же. 5 —
- 8) То же. Кн. 3. Запоеваніе Сибири. Его же . . . . . 7 —

Хотя комиссія не имѣетъ непосредственной матеріальной выгоды отъ существованія при ней издательскаго общества, такъ какъ доходы отъ изданій общества поступаютъ въ кассу этого послѣдняго, а не въ ресурсы комиссіи, тѣмъ не менѣе учрежденіе общества въ значительной степени обезпечиваетъ комиссіи успѣшное выполненіе ея задачи, давая возможность затрачивать болѣе средствъ на развитіе народныхъ чтеній въ городѣ и окрестностяхъ и не оставлять не напечатанными одобренныя ею чтенія, въ случаѣ неимѣнія на то свободныхъ суммъ.

Обращаемся собственно къ дѣлу устройства народныхъ чтеній.

Къ началу 1880 года комиссія имѣла двѣ аудиторіи: первая помѣщалась на Пескахъ, по Мытнинской улицѣ, въ д. Полѣнова; вторая—во 2-й ротѣ Измайловскаго полка, въ залѣ общества дешевыхъ квартиръ.

Купецъ Полѣновъ, сочувствуя добрымъ дѣламъ комиссіи и сознавая, что Рождественская часть, населенная рабочимъ и вообще небогатымъ людемъ, особенно нуждается въ такомъ полезномъ развлеченіи, какъ народныя чтенія, предложилъ комиссіи въ августѣ 1879 года бесплатно зало въ своемъ домѣ, на Пескахъ, по Мытнинской улицѣ. Комиссія съ благодарностью приняла это предложеніе и 30-го сентября того же года открыла въ этой аудиторіи чтенія. Къ сожалѣнію, менѣе чѣмъ черезъ годъ, домъ Полѣнова былъ проданъ съ аукціоннаго торга, и новый владѣлецъ его не нашелъ для себя возможнымъ предоставить комиссіи пользоваться бесплатно квартирою для чтеній. Вслѣдствіе того комиссія наняла эту квартиру за 30 руб. въ мѣсяць, но послѣ двухъ мѣсяцевъ, должна была отказаться отъ такого увеличенія постояннаго расхода на чтенія. 5-го октября 1880 года было послѣднее чтеніе на Пескахъ. За все время существованія этой аудиторіи въ ней было произнесено 33 чтенія; слушателей на нихъ было 3,445, что составляетъ среднимъ счетомъ по 104 человека на чтеніе.

Вторая аудиторія находилась во 2-й ротѣ Измайловскаго полка, въ театральномъ залѣ общества дешевыхъ квартиръ, предложившаго комиссіи это помѣщеніе бесплатно. Чтенія въ ней открылись 2-го декабря 1879 года и продолжались по 1-е февраля 1881 года. Всѣхъ чтеній было 43; на нихъ присутствовало 6,818 слушателей, то-есть, среднимъ числомъ на каждое чтеніе приходилось 158 слушателей.

21-го сентября 1880 года учитель земской Ушаковской школы (за Нарвскою заставой) В. И. Воскресенскій обратился въ комиссію съ просьбой о разрѣшеніи ему производить въ означенной школѣ въ праздничные дни публичныя народныя чтенія съ туманными картинами, при чемъ сообщая, что отъ школы предлагается помѣщеніе, приблизительно на 300 человекъ. По сношеніи съ инспекторомъ народныхъ училищъ и земскою управою, комиссія открыла чтенія, которыя начались 22-го октября 1880 года и продолжались по 13-е декабря 1881 года. Въ этотъ періодъ времени было произнесено

32 чтенія, при 2,794 слушателяхъ, среднимъ счетомъ по 87 человекъ на чтеніе. Затѣмъ, въ этомъ же помѣщеніи было устроено 5 чтеній на Пасхѣ 1882 года, на которыхъ было всего 216 слушателей, то-есть, по 43 человека на каждомъ.

Въ концѣ 1880 года завѣдующій Дерябинскими казармами на Васильевскомъ острову предложилъ комиссіи бесплатное помѣщеніе въ этихъ казармахъ для народныхъ чтеній, которыя и были открыты комиссіей 14-го декабря. Аудиторія эта существовала по 18-го октября 1881 г. За это время въ ней было 21 чтеніе, на которыхъ присутствовало 2,891 человекъ, среднимъ числомъ по 138 слушателей на чтеніи. Кромѣ того, въ 1881 году, во время праздниковъ Пасхи, комиссія устраивала въ этомъ помѣщеніи по два чтенія въ день, съ бесплатнымъ допущеніемъ публики.

Въ теченіе Святой недѣли 1881 года, кромѣ Дерябинскихъ казармъ, были открыты ежедневныя бесплатныя чтенія еще въ слѣдующихъ помѣщеніяхъ: 1) во Владимірскомъ городскомъ училищѣ, 2) у Измайловскаго моста, въ домѣ Тарасова и 3) въ зданіи стараго адмиралтейства. Въ расходахъ по всѣмъ чтеніямъ, устроеннымъ комиссіей на Пасхѣ, приняла участіе городская дума.

14-го ноября 1881 г. открыты комиссіей чтенія въ залѣ общества торговцевъ Александровскаго рынка и продолжались до 18-го апрѣля 1882 года. Всего состоялось въ этомъ помѣщеніи 18 воскресныхъ чтеній, на которыхъ присутствовало 2,622 слушателя, то-есть, среднимъ счетомъ по 146 человекъ на чтеніи. Сверхъ того, было одно чтеніе на Святой недѣлѣ при 18-ти слушателяхъ. Въ 1883 году, по просьбѣ общества торговцевъ, 10-го мая было устроено комиссіей въ этомъ помѣщеніи чтеніе „О священномъ коронованіи и помазаніи царей на царство“.

Въ концѣ 1881 г. предсѣдатель приходскаго попечительства при Фарфоровской Спасо-Преображенской церкви В. П. Варгунинъ обратился въ комиссію съ просьбой о разрѣшеніи устроить народныя чтенія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ Фарфоровскомъ селеніи, по Шлиссельбургскому тракту, въ домѣ приходскаго попечительства. По полученіи разрѣшенія комиссіи, г. Варгунинъ озаботился приспособленіемъ помѣщенія и пріобрѣтеніемъ для аудиторіи волшебнаго фонаря и коллекцій картинъ. Попечительство ассигновало изъ своихъ средствъ по 300 рублей въ годъ на расходы по чтеніямъ, всѣ же расходы сверхъ этой суммы г. Варгунинъ принялъ на свой счетъ. Чтенія начались 24-го января 1882 г. и продолжаются до

сихъ иоръ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, каждый разъ по два чтенія: одно—отъ 1 ч. до 2 ч. свѣтскаго содержанія, другое—отъ 3 ч. до 4 ч. религіознаго содержанія. Всѣхъ чтеній съ 24-го января 1882 года по 1-е іюля 1883 года было 144, а посѣтителей на нихъ 14,977, то-есть, среднимъ числомъ на каждомъ чтеніи по 104 человекъ. Чтенія бесплатныя. Въ виду возможнаго переполненія вмѣщающагося помѣщенія, всякій разъ заблаговременно рассылаются окрестнымъ фабрикантамъ лишь ограниченное количество билетовъ, для раздачи ихъ рабочимъ, которые и составляютъ главный контингентъ слушателей; при этомъ оставляются еще отдѣльныя мѣста для учащихся въ школъ попечительства. Одно изъ чтеній въ аудиторіи Фарфоровскаго попечительства, 8-го августа 1882 года, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ г. министръ народнаго просвѣщенія. Изъ отчета попечительства, по 1-е сентября 1882 года, видно, что въ теченіе первыхъ 7-ми мѣсяцевъ израсходовано на чтенія 1,280 руб. 35 коп., что, за исключеніемъ 300 руб., ассигнованныхъ попечительствомъ, составитъ расходъ въ 980 руб. 35 коп., который былъ покрытъ В. П. Варгунинымъ изъ своихъ средствъ. Распоряженіе чтеніями въ фарфоровской аудиторіи возложено на избранный попечительствомъ изъ своихъ членовъ комитетъ. Предсѣдательствуетъ въ немъ В. П. Варгуинъ, благодаря энергіи и щедрости котораго фарфоровскія чтенія поставлены съ самаго начала на прочную ногу. Наблюденіе за чтеніями лежитъ на постоянной комиссіи, предсѣдатель которой присутствуетъ и на засѣданіяхъ комитета попечительства. Образованіе подобныхъ кружковъ изъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу, при аудиторіяхъ представляется весьма желательнымъ для обезпеченія чтеніямъ долгаго и прочнаго успѣха. Не говоря уже о матеріальной поддержкѣ, которую заинтересованныя лица всегда найдутъ возможность оказать чтеніямъ, находящимся на ихъ непосредственномъ попеченіи, самыя чтенія, при такой организаціи, могутъ быть ведены болѣе удовлетворительно и съ болѣею пользою для слушателей. Выборъ статей, приглашеніе и оцѣнка чтенцевъ, впечатлѣніе, производимое на слушателей тою или другою статьею, наконецъ, желанія, высказываемыя слушателями, — все это обсуждается въ такомъ случаѣ нѣсколькими заинтересованными лицами, и подобное обсужденіе представляетъ всегда болѣе ручательства въ вѣрности вывода, чѣмъ взглядъ одного лица. Во всякомъ дѣлѣ работа идетъ дружитѣ, если въ ней принимаютъ живое участіе нѣсколько лицъ.

Съ Пасхи 1882 года были открыты комиссіей, въ видѣ опыта,

чтенія въ городскихъ училищахъ Владимірскомъ, и Сампсоньевскомъ, а со 2-го мая и въ Андреевскомъ. Устройство чтеній въ городскихъ училищахъ, къ сожалѣнію, не увѣнчалось успѣхомъ. Нѣсколько неудачныхъ чтеній охладили интересъ къ нимъ публики, и она стала посѣщать ихъ все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ. Такъ, въ Сампсоньевской аудиторіи при открытіи ея, 31-го марта, было 160 слушателей, въ теченіе же 6-ти осеннихъ чтеній, въ октябрѣ 1882 г., число слушателей ни разу не доходило до 50-ти; Андреевская аудиторія, открывшись весною почти при 200 слушателяхъ, собирала во время 7-ми осеннихъ чтеній только 2 раза болѣе 70-ти челоѣкъ, а на одно изъ чтеній явилось только 12 слушателей. Во Владимірской аудиторіи, было также мало слушателей. На расходы по чтеніямъ въ этихъ трехъ аудиторіяхъ приходилось приплачивать изъ средствъ комиссіи до 100 руб. въ мѣсяцъ. Считаая невозможнымъ продолжать дѣло при такихъ условіяхъ, комиссіа постановила закрыть аудиторіи при городскихъ училищахъ 31-го октября 1882 года.

Въ концѣ мая 1882 г. сельскій староста села Смоленскаго, по Шлиссельбургскому тракту, обратился въ комиссію за разрѣшеніемъ открыть по праздничнымъ днямъ въ помѣщеніи мѣстной земской школы народныя чтенія съ туманными картинами. Чтенія эти открыты 5-го іюня того же года и продолжаются до сихъ поръ. Помѣщеніе въ школѣ оказалось недостаточно просторнымъ для чтеній, а потому съ осени аудиторія переведена въ другое помѣщеніе, въ домъ Е. Н. Варгунина. Съ 5-го іюня 1882 года по 1-е іюля 1883 года въ селѣ Смоленскомъ было 34 чтенія, а посѣтило ихъ 3,453 челоѣкъ, слѣдовательно, на каждое чтеніе приходилось среднимъ числомъ около 102 слушателей. Съ открытіемъ въ селѣ Смоленскомъ церковно-приходскаго попечительства, аудиторія поступила въ его завѣдываніе.

27-го іюня 1882 г., вслѣдствіе ходатайства тайнаго совѣтника Б. А. Милютина, комиссіей открыты чтенія съ туманными картинами въ 1-мъ Парголовѣ, въ помѣщеніи женской школы, и въ 3-мъ Парголовѣ, въ наемномъ помѣщеніи. Чтенія эти прекратились 16-го января 1883 г. Всѣхъ чтеній было за это время 17.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, товарищъ предсѣдателя Православнаго Палестинскаго Общества, Н. В. Хитрово, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, произнесъ въ аудиторіи Владимірскаго городского училища 7 изустныхъ бесѣдъ о Святой землѣ, съ туманными картинами. Устройство чтеній приняла на себя ком-

миссія. На этихъ бесѣдахъ было 387 слушателей, что составляетъ среднимъ числомъ по 55 человѣкъ на каждое.

28-го ноября 1882 г. начались чтенія въ большомъ залѣ С.-Петербургской городской думы, предоставленномъ безвозмездно въ распоряженіе комиссія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отъ 4 до 7 часовъ вечера. Чтенія эти привлекали массу слушателей, такъ что уже въ мартѣ число ихъ возросло до 800 человѣкъ. Такимъ образомъ, значительныя затраты, сдѣланныя комиссіей по приспособленію помѣщенія (болѣе 200 руб.), возвращены ей входною платою въ первые же мѣсяцы, а затѣмъ чтенія окунали сами себя и не требовали со стороны комиссія никакой приплаты. Съ 28-го ноября по 22-го мая (затѣмъ чтенія закрыты на лѣтніе мѣсяцы) въ залѣ городской думы было всего 19 чтеній, а посѣтителей 8,198, то-есть, по 436 человѣкъ на чтеніе.

29-го ноября 1882 г. получена въ комиссія просьба крестьянъ Краснаго села о разрѣшеніи открытъ народныя чтенія въ помѣщеніи Маринскаго Красносельскаго двухкласснаго училища. Чтенія открыты тамъ комиссіей 26-го декабря; до 1-го іюля 1883 г. было 25 чтеній, при 3,703 слушателяхъ, среднимъ числомъ по 148 человѣкъ на чтеніе.

3-го марта 1883 г. комиссія дала разрѣшеніе представителю товарищества шерстяныхъ издѣлій Э. И. Торитову на открытіе народныхъ чтеній на фабрикѣ товарищества, находящейся по Шлиссельбургскому тракту. Чтенія происходятъ въ помѣщеніи для рабочихъ. Первое чтеніе состоялось 6-го марта; съ тѣхъ поръ по 1-е іюля было 10 чтеній, которыя посѣтили 2,447 слушателей, что составляетъ по 244 человѣка на чтеніе. Кроме того, въ воскресенье, 8-го мая, утромъ, было устроено чтеніе о св. коронованіи, по брошюрѣ комиссія, специально для дѣтей, которыхъ собралось на это чтеніе до 200. По окончаніи чтенія, всѣмъ присутствовавшимъ дѣтямъ были подарены альбомы съ портретами Русскихъ государей и брошюры.

Наконецъ, 22-го мая 1883 г. открыты комиссіей чтенія въ селѣ Рыбацкомъ, по Шлиссельбургскому же тракту, вслѣдствіе прошенія мѣстныхъ обывателей, представленнаго за подписью волостнаго старшины, сельскаго старосты и 50-ти крестьянъ. Помѣщеніе для чтеній—просторное зало волостнаго правленія. По 1-е іюля состоялось въ Рыбацкой аудиторіи 4 чтенія, при 429 слушателяхъ, такъ что на каждое чтеніе приходится по 107 слушателей.

Такимъ образомъ, къ 1-му іюля 1883 года постоянная комиссія имѣеть въ своемъ вѣдѣніи 6 аудиторій: одну въ Петербургѣ, одну въ Красномъ Селѣ и 4 по Шлиссельбургскому тракту. Изъ нихъ первая состоитъ въ непосредственномъ распоряженіи комиссіи, остальные—подъ ея наблюденіемъ, при чемъ она снабжаетъ ихъ, по мѣрѣ надобности, фонаремъ, экраномъ, картинами и брошюрами для чтеній.

Результаты отчетнаго періода, очевидно, весьма благопріятны: къ 1-му января 1880 г. комиссія имѣла только 2 аудиторіи, а въ настоящее время имѣеть ихъ 6. Правда, въ самомъ Петербургѣ число ихъ уменьшилось на половину противъ прежняго, но открытіе 5-ти постоянныхъ аудиторій для народныхъ чтеній въ окрестностяхъ Петербурга составляетъ такой отрадный фактъ, что вполнѣ вознаграждаетъ убыль одной городской аудиторіи. Народныя чтенія полезны, конечно, и въ городѣ, но несравненно большее значеніе имѣють они для окрестныхъ жителей, лишенныхъ городскихъ удобствъ и развлеченій и не имѣющихъ, большею частью, даже возможности купить книги для назидательнаго чтенія. Въ этихъ мѣстностяхъ народныя аудиторіи являются весьма важнымъ, иногда единственнымъ образовательнымъ средствомъ. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать народныхъ чтеній въ окрестностяхъ Петербурга и не пожелать, чтобы число ихъ постоянно возрастало.

Печальную сторону отчетнаго періода составляетъ закрытіе нѣсколькихъ аудиторій, иногда вскорѣ послѣ ихъ открытія. На этомъ прискорбномъ фактѣ необходимо остановиться и постараться выяснить его причины. Каждая неудача имѣеть ту хорошую сторону, что служитъ урокомъ для будущаго.

Открытіе аудиторій происходило обыкновенно такимъ образомъ: Въ комиссію поступало заявленіе, что въ такомъ-то мѣстѣ имѣется помѣщеніе, удобное для устройства аудиторіи и уступаемое безвозмездно. Комиссія приглашала одного или нѣсколько лекторовъ и лицо для управленія фонаремъ, предлагала одному изъ своихъ членовъ принять на себя наблюденіе за чтеніями, снабжала аудиторію фонаремъ и картинами и большею частью принимала на свою заботу и приспособленіе помѣщенія. Затѣмъ начинались чтенія. При такихъ условіяхъ открытія, чтенія носили характеръ полнѣйшей случайности, а потому не могли считаться прочно обезпеченными. Уступалось помѣщеніе—открывалась въ немъ аудиторія; отбиралось помѣщеніе—и чтенія прекращались. Членъ комиссіи, завѣдывавшій аудиторіей, не

имѣлъ большею частью возможности прискивать новое помѣщеніе по незнакомству съ мѣстностью, да иногда и не было къ тому времени, такъ какъ бывали случаи отказа въ помѣщеніи безъ заблаговременнаго предупрежденія комиссіи. Затѣмъ, всѣ хлопоты по устройству и веденію чтеній лежали на членѣ комиссіи и лекторѣ. Помимо того, что это было для нихъ весьма обременительно, лица эти были совершенно посторонними тому населенію, для котораго устраивались чтенія; мѣстное же населеніе не принимало никакого участія въ заботахъ объ устройствѣ чтеній и ограничивалось слушаніемъ ихъ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и кроется, какъ кажется, причина непрочности прежнихъ аудиторій, появившихся то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ города, безъ всякаго запроса и участія мѣстнаго населенія, которое о самомъ открытіи и закрытіи аудиторій узнавало, какъ о совершившемся фактѣ. Совершенно при другихъ условіяхъ открылись существующія нынѣ аудиторіи (кромѣ думской, которая открыта по инициативѣ самой комиссіи, и о которой будетъ сказано ниже). Фарфоровская аудиторія возникла по ходатайству мѣстнаго приходскаго попечительства и завѣдуется его членами; въ завѣдываніе мѣстнаго попечительства поступила и Смоленская аудиторія, открытая по желанію крестьянъ; Торптовская, устроенная для рабочихъ, завѣдуется напщиками фабрики; Красносельская открыта по просьбѣ крестьянъ Красносельской волости; Рыбацкая—по ходатайству мѣстнаго волостнаго схода. То-есть, всѣ эти 5 аудиторій возникли по желанію мѣстнаго общества, устроены и содержатся на мѣстныхъ средствахъ и завѣдуются мѣстными представителями. Опытъ отчетнаго періода показалъ, что только такія условія могутъ служить залогомъ прочноты народныхъ аудиторій, и потому комиссія предлагаетъ на будущее время разрѣшать устройство народныхъ чтеній только при наличности этихъ условій. Комиссія же оставляетъ за собою наблюденіе за чтеніями и всегда готова оказать содѣйствіе имъ, какъ со вѣтомъ, такъ и имѣющимъ въ ея распоряженіи матеріаломъ.

Ограничиваясь по отношенію къ такимъ чтеніямъ наблюдательною и руководительною ролью, комиссія не можетъ въ то же время не признать обязательнымъ для себя имѣть въ непосредственномъ своемъ распоряженіи хотя одну городскую аудиторію, для практическихъ рабочихъ цѣлей комиссіи. Въ настоящее время такое значеніе имѣетъ аудиторія въ городской думѣ. Въ ней читаютъ члены комиссіи, принимающіе ближайшее участіе въ редактированіи издаваемыхъ комиссіей чтеній. Здѣсь на дѣлѣ провѣряются изданныя ком-

миссіей брошюры и намѣчаются тѣ измѣненія, сокращенія и дополненія, которыя по указанію опыта полезно сдѣлать при слѣдующемъ ихъ изданіи. Въ этой же аудиторіи провѣряется достоинство имѣющихся въ складѣ комиссіи картинъ, и испытываются вновь приобретаемые фонари и картины. Комиссіа приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ чтеніе, такъ и управленіе фонаремъ, были въ этой аудиторіи безукоризненны. Лица, ведущія народныя чтенія, могутъ получить здѣсь всѣ практическія указанія.

Бюджетъ постоянной комиссіи представляетъ слѣдующія цифры:

	Приходъ.	Расходъ.
1881 г.	11.632 р. 65 к.	8.860 р. 46 к.
1882 „	10.988 „ 20 „	8.556 „ 20 „
1883 „ (6 мѣс., 7 497 „ 8 „		3.195 „ 93 „

На 1-е іюля 1883 года касса комиссіи имѣла наличныхъ денегъ (процентными бумагами и на текущемъ счетѣ въ государственномъ банкѣ) 4.301 р. 15 коп.

Изъ общаго числа расхода комиссіа затрачиваетъ ежегодно на помѣщеніе для склада и канцеляріи, на канцелярію, страхованіе имущества, разъѣзды и пр. до 1.800 руб., которые отчасти покрываются выдаваемою министерствомъ народнаго просвѣщенія субсидіей въ 1.500 руб., такъ что остальную часть прихода, получаемаго отъ продажи книгъ, комиссіа имѣетъ возможность затрачивать на устройство чтеній и новыя изданія.

Для болѣе обстоятельнаго обсужденія вопросовъ хозяйственнаго свойства, комиссіа избрала изъ среды себя въ октябрѣ 1881 г. особый хозяйственный комитетъ изъ 3-хъ членовъ, которому поручила провѣрку прихода-расходныхъ книгъ и книжнаго склада, а также обсужденіе всѣхъ вопросовъ по отчетности и изданію книгъ. Отчеты какъ хозяйственнаго, такъ и редакціоннаго комитетовъ, докладываются въ каждомъ засѣданіи комиссіи.

АЛЕКСѢЙ ЕГОРОВИЧЪ ВИКТОРОВЪ.

(некрологъ).

Въ лицѣ недавно умершаго А. Е. Викторова русская наука и общество понесли очень чувствительную потерю. Это былъ настоящій знатокъ нашей древней письменности и изслѣдователь нашего древняго языка, прямой наслѣдникъ покойныхъ Горскаго и Невоструева. У него была истинная любовь къ древнимъ памятникамъ, и онъ просто отечески заботился о вѣренномъ ему отдѣленіи рукописей и стпечатныхъ книгъ въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Имѣя обширный кругъ знакомства между разными любителями старины и часто путешествуя по Россіи, онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы не описать всѣхъ попадавшихся ему у кого или гдѣ-либо памятниковъ, и чтобы не приобрести хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ для музея. При описаніи книгъ и рукописей онъ не ограничивался простою передачею заглавія, вѣшнихъ примѣтъ и содержанія ихъ, но отмѣчалъ также особенности текста и языка. Обладая вообще обширными свѣдѣніями, онъ охотно дѣлился ими со всякимъ, постоянно былъ готовъ помочь каждому въ работахъ, но самъ никогда не пользовался чужими трудами. Онъ работалъ просто неутомимо и въ продолженіе своей 30-ти-лѣтней дѣятельности написалъ до 50 сочиненій. Первая статья его появилась въ Москвитянинѣ 1853 г. (№ 16, отд. VII, стр. 169—184) безъ подписи: это былъ переводъ съ нѣмецкаго языка сдѣланнаго Густавомъ Клеммомъ описанія его этнографическаго музея въ Дрезденѣ. Не смотря на всю сухость такого предмета, какъ описаніе рукописей и книгъ, Викторовъ всегда оставался живымъ человѣкомъ, и его постоянно зани-

мали разные современные вопросы. Примѣромъ могутъ служить его горячія статьи въ пользу высшаго женскаго образованія, напечатанныя въ газетѣ М. П. Погодина Русскій 1868 г. (№№ 5, 25 и 26) и помѣченныя буквой В.

Обстоятельства жизни Викторова очень не многосложны, но нѣкоторыя подробности ся довольно любопытны. Мы узнаемъ о нихъ изъ статьи академика Срезневскаго: „Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова“ (С.-Пб. 1881), гдѣ приведены въ концѣ отрывки изъ писемъ и записокъ самаго Викторова. Но для нашего очерка мы воспользовались также и выписками изъ его послужнаго списка, которыя обязательно сообщил намъ его сослуживецъ, А. П. Бушера. Происходя изъ духовнаго званія, Алексѣй Егоровичъ учился сперва въ Орловской духовной семинаріи, а потомъ въ Московской духовной академіи (въ 1846—50 г. г.). Какъ та, такъ и другая—по собственному свидѣтельству Викторова—дали ему мало. Всѣ предметы, даже богословіе, читались въ академіи или очень кратко, или очень сухо. Отчета въ лекціяхъ со студентовъ никто не спрашивалъ, и они занимались большею частію то чтеніемъ статей Вѣлипскаго, то прискиваніемъ по латинскимъ фоліантамъ матеріаловъ для рѣшенія заданныхъ имъ темъ. Лучшіе изъ нихъ, оставляя академію, ясно сознавали, что не только ничего не приобрѣли вновь по части знаній, но даже позабыли многое изъ того, что знали въ семинаріи, а между тѣмъ выучились обо всемъ толковать свысока. Изъ всѣхъ профессоровъ на Викторова оказали хорошее вліяніе А. В. Горскій, преподававшій всеобщую исторію церкви, и Ф. А. Голубинскій, читавшій христіанскую философію въ духѣ Шеллинга и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Хотя перваго ему мало приходилось слушать, благодаря почти непрерывнымъ болѣзнямъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ годовъ академическаго курса, тѣмъ не менѣе лекціи Горскаго успѣли возбудить въ Викторовѣ любовь къ церковной исторіи, и онъ старательно изучалъ Неандера. Напротивъ того, Голубинскій читалъ сухо и скучно, но за то былъ интересенъ въ частныхъ бесѣдахъ. Викторовъ особенно сблизился съ Голубинскимъ, благодаря тому, что около года работалъ надъ заданнымъ имъ сочиненіемъ: „Правда ли, что первый человѣкъ находился на степеніи животности и потомъ мало по малу достигалъ образованія?“ По совѣту Голубинскаго Викторовъ перечиталъ въ то время всѣхъ главныхъ философовъ, начиная съ Вико и кончая Гегелемъ. Но такъ какъ у послѣдняго онъ многого не могъ понять, то Голубинскій самъ перечитывалъ съ нимъ нѣкоторыя мѣста,

часто прерывая чтеніе историко-философскими толкованіями и разказывая исторію каждаго даннаго тезиса, начиная съ Платона и Аристотеля, вслѣдствіе чего чтеніе нѣсколькихъ страницъ брало иногда часа четыре времени. Тутъ-то Викторовъ и имѣлъ случай убѣдиться въ обширныхъ философскихъ свѣдѣніяхъ этого ученаго профессора. Воспоминанію о Голубинскомъ посвящена отчасти рецензія Викторова на книгу: „Протоіерей Ѡ. А. Голубинскій. Біографическій очеркъ“, напечатанная безъ его подписи въ Москвитянинѣ 1856 г. (№ 7, стр. 145—149).

Но если Викторовъ не приобрѣлъ вообще въ академіи никакихъ практическихъ знаній для своихъ послѣдующихъ занятій, то по крайней мѣрѣ онъ вынесъ оттуда логическую выработку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области. Первою самостоятельной работой его можно считать сличеніе Боннскаго изданія греческой хроники, Іоанна Малалы по экземпляру Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ со славянскимъ переводомъ той же хроники, заключающимся въ русскомъ историческомъ сборникѣ XV в., въ томъ же архивѣ, и въ одномъ хронографѣ Московской синодальной бібліотеки подъ № 280. Отъ этой работы сохранились карандашныя замѣтки на поляхъ названныхъ книгъ, сдѣланныя Викторовымъ (въ 1852—55 гг.), въ бытность его младшимъ архивариусомъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и подробно указывающія на первоначальные источники сочиненія Малалы. Одновременно съ этимъ (въ 1852—1858 гг.) Викторовъ работалъ у синодальнаго ризничаго, архимандрита Саввы, надъ славянскими рукописями Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и бібліотеки, для алфавитнаго и систематическаго описанія ихъ, вошедшаго впоследствии во 2-е изданіе составленнаго Саввою указателя для обозрѣнія названной ризницы и бібліотеки (М. 1858). Принявшись за рукописи безъ всякой подготовки и занимаясь ими сперва оцупью, Викторовъ сталъ все болѣе и болѣе понимать въ этомъ дѣлѣ (съ 1855 г.), такъ что изъ него выработался впоследствии замѣчательнѣйшій знатокъ славянской палеографіи, исключительно благодаря наставленіямъ и указаніямъ Ѡ. И. Вуслаева, который, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими университетскими профессорами, каковы Бодянский и Шевыревъ, тоже работалъ въ то время у о. Саввы (съ 1854 г.) надъ синодальными рукописями, для изданія, вышедшаго потомъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ. Изготовлены къ

столѣтнему юбилею Императорскаго Московскаго университета трудами профессоровъ и преподавателей Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева. М. 1855 (подъ редакціей Шевырева). Отношенія Викторова къ Буслаеву съ самаго жеѣ начала стали самыя дружественныя, и послѣдній вскорѣ (въ 1856 г.) пригласилъ Викторова занять мѣсто учителя русскаго языка и словесности въ Маріинско-Ермолаевскомъ женскомъ заведеніи, гдѣ самъ былъ инспекторомъ (съ 1855 г.).

Здѣсь Алексѣй Егоровичъ по программѣ Буслаева долженъ былъ преподавать: 1) грамматику русскаго языка сравнительно съ церковно-славянскимъ, 2) исторію древней и новой русскаго словесности по памятникамъ, 3) знакомство съ главнѣйшими представителями греческой, римской и италіанской литературы — также по памятникамъ (разумеется — въ переводахъ). Съ этою цѣлью въ меньшихъ классахъ Викторовъ читалъ съ воспитанницами Гомера, русскія быliny и многое изъ Жуковскаго и Пушкина, въ среднихъ — Пиндара, Горація, Данта, Шекспира, въ высшихъ — греческихъ трагиковъ, греческихъ и римскихъ историковъ, древне-русскихъ писателей, а затѣмъ уже преподавалъ имъ теоретическія познанія, какъ выводъ изъ прочитаннаго. Опытъ такого преподавателя удался какъ нельзя лучше; экзамены производились у Викторова по такой широкой программѣ, какая до тѣхъ поръ не практиковалась ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, не только женскихъ, но и мужскихъ. При этомъ Буслаевъ постоянно руководилъ Викторова своими совѣтами, снабжалъ необходимыми книгами и всячески ободрялъ въ его занятіяхъ, такъ что подъ его руководствомъ тотъ — какъ самъ говорилъ впоследствии — какъ будто прошелъ въ это время университетскій курсъ. Подъ такимъ же вліаніемъ Буслаева находился тогда и Н. С. Тихонравовъ, который своимъ обходительнымъ отношеніемъ также благотворно подѣйствовалъ на Викторова, и съ которымъ послѣдній съ самаго перваго знакомства (въ 1855 г.) дѣлился всегда вновь пріобрѣтенными свѣдѣніями.

Третьею крупною работою изъ перваго періода дѣятельности Викторова, не считая книги: „Великая княгиня Евгенія, основательница Вознесенскаго женскаго монастыря, чтѣ въ Московскомъ Кремлѣ“ (М. 1857), вышедшей безъ имени автора, было описаніе Макарьевскихъ Четь-Миней по спискамъ: двумъ синодальнымъ и одному Новгородскаго Софійскаго собора (чтѣ нынѣ въ С.-Петербургской духовной академіи), въ сравненіи съ другими Четь-Минейми разныхъ редакцій и изъ разныхъ библіотекъ (въ 1855 — 1860 гг.). Къ этой работѣ слѣдовалъ:

Алфавитный указатель греческихъ житій и похвальныхъ словъ, входящихъ въ составъ греческихъ Четь-Миней Московской синодальной библиотеки, разныхъ редакцій, который потомъ рѣшено было обратить въ сводный алфавитъ славянскихъ житій, вошедшихъ въ составъ славянскихъ Четь-Миней всѣхъ редакцій, съ указаніемъ при житіяхъ Восточной церкви—греческихъ подлинниковъ, извѣстныхъ по каталогамъ греческихъ рукописей разныхъ европейскихъ библиотекъ и имѣющихся въ Московской синодальной библиотекѣ, а также вошедшихъ въ составъ Acta Sanctorum и другихъ изданій. Но работа эта, къ сожалѣнію, осталась не конченною за другими занятіями ¹⁾. Въ то время (около 1858 г.) Викторова занимали другія важныя издѣдованія, какъ на примѣръ: 1) Историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи (по поводу статьи П. А. Безсонова: „Типографская библиотека въ Москвѣ“), 2) Последнее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolismus, въ сравненіи съ мнѣніями другихъ ученыхъ), 3) Кирилль и Меѳодій. Новые источники и ученые труды (40-хъ и 50-хъ годовъ) для исторіи славянскихъ апостоловъ; изъ этихъ работъ первая была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. (№№ 285, 288 и 291) и въ Нашемъ Времени 1860 г. (№№ 5, 8, 10 и 12); вторая—въ Лѣтописяхъ русской литературы и древностей, Н. Тихонравова (М. 1859—61, т. II—III); третья—въ Кирилло-Меѳодьевскомъ Сборникѣ, Погодина (М. 1865, стр. 343—440), но были сдѣланы и отдѣльные оттиски.

Въ 1861 г., при содѣйствіи Ѳ. И. Буслаева, Викторовъ поступилъ помощникомъ бібліотекаря въ бібліотеку Московскаго университета, а въ 1862 г., также по рекомендаціи Буслаева, —хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Московскій публичный и Румянцевскій музей, гдѣ и оставался до конца жизни. Тутъ начинается совершенно особая жизнь и дѣятельность для Викторова. Онъ приводитъ въ образцовый порядокъ ввѣренное ему отдѣленіе, составляетъ описи рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, всячески старается о пополненіи своего отдѣла новыми приобрѣтеніями посредствомъ покупки, мѣны или дара отъ разныхъ частныхъ лицъ и цѣлыхъ учреждений,

¹⁾ Лишь въ последнее время Н. П. Барсуковъ издалъ подобный трудъ подъ заглавіемъ: „Источники русской типографіи“ (С.-Пб. 1882), гдѣ впрочемъ указаны только славянскія житія святыхъ по рукописямъ разныхъ общественныхъ и частныхъ библиотекъ.

входитъ по этому случаю въ переписку со многими учеными и собирателями, самъ путешествуетъ по разнымъ мѣстностямъ Россіи для отысканія себѣ добычи, особенно по монастырямъ, не ожидая, когда представится счастливый случай, чтобы какая-либо рукопись или книга сама попала къ нему въ руки. Благодаря такой заботливости Викторова, сокровища рукописнаго и старопечатнаго отдѣленія Румянцевскаго музея почти что удесятились въ продолженіе 20 лѣтъ его завѣдыванія. Не считая мелкихъ приобрѣтеній, за время управленія Викторова въ отдѣлъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ поступили слѣдующія коллекціи: въ 1861—63 гг.—собраніе славянскихъ рукописей архим. Амфилохія, три собранія славяно-русскихъ рукописей Т. Ѳ. Большакова (третье въ 1864 г.), два собранія масонскихъ рукописей и книгъ гр. С. С. Ланскаго отъ проф. Ешевскаго (второе въ 1865 г.), два собранія рукописей и старопечатныхъ книгъ А. С. Норова (второе въ 1867—69 гг.), собраніе фотографическихъ снимковъ съ аеонскихъ рукописей П. И. Севастьянова и его же собраніе греческихъ и славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ (послѣднее окончательно въ 1873—72 гг.), въ 1864 г.—собраніе историческихъ рукописей 1-й Московской гимназіи и старопечатныхъ книгъ изъ дублетовъ Императорской Публичной Библіотеки; въ 1865 г.—собраніе древне-русскихъ грамотъ и актовъ П. А. Муханова; въ 1866 г.—собраніе славяно-русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ В. М. Ундольскаго, при помощи А. И. Кошелева и К. А. Попова; въ 1867—69 гг.—два собранія автографовъ и другихъ бумагъ отъ И. Е. Бецакаго, собраніе собственно ручныхъ бумагъ И. П. Сахарова и разныхъ масонскихъ бумагъ—отъ А. Н. Неустроева, собраніе кружковыхъ рукописей и книгъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, собраніе славяно-русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Д. В. Пискарева, собраніе первыхъ русскихъ вѣдомостей (1703—1726 гг.) С. Д. Полторацкаго, собраніе южно-славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ А. Н. Хитрова; въ 1870—72 гг.—собраніе славянскихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, малороссійскихъ грамотъ И. Я. Лукашевича, собраніе славяно-русскихъ (раскольничьихъ) рукописей Н. И. Попова, бумаги Н. В. Сушкова (въ томъ числѣ записки и замѣтки Екатерины II и братьевъ Храповицкихъ), старопечатныя книги изъ дублетовъ библіотекъ Московскаго синодальнаго архива и Новгородскаго Софійскаго собора; въ 1873—75 гг.—собраніе историческихъ рукописей и актовъ проф. И. Д. Бѣльева, собраніе китайскихъ и манчжурскихъ рукописей К. А. Скачкова—отъ

А. А. Родіонова, старопечатныя книги изъ Московской епархіальной бібліотеки (см. о ней статью Викторова: „Епархіальная публичная бібліотека для московскаго духовенства“, въ Моск. Вѣд. 1862 г., №№ 172, 173 и 184) и изъ дублетовъ С.-Петербургской духовной академіи и Императорской Публичной Библіотеки; въ 1876—78 гг.—собраніе славяно-русскихъ, греческихъ и румынскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ В. И. Григоровича¹⁾). Замѣчательнѣйшія изъ этихъ собраній описаны Викторовымъ не только въ отчетахъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за тѣ годы, но и въ отдѣльныхъ книгахъ и статьяхъ, какъ напримѣръ, собранія: Лукашевича (въ газетѣ Москва 1868 г., № 50, съ подписью „Л. П.“, то-есть, „Любитель палеографіи“), Ундольскаго (М. 1870), Пискарева (1871), Сушкова (въ Моск. Вѣд. 1872 г., № 107, и отдѣльно), Григоровича (М. 1879), Севастьянова и Вѣльева (1881). Къ числу работъ Викторова по музею можно отнести и двѣ статьи его: „Объ наданіяхъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ по отдѣленію рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ“ (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867 г., іюль, стр. 243—256, безъ подписи) и „Историческая объяснительная записка къ проекту новаго устава и штата Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ“ (напечатана въ видѣ рукописи, безъ означенія мѣста и года печати, въ Москвѣ въ 1872 г.). Кромѣ того, Викторовъ, нерѣдко жаловавшійся на охлажденіе русскаго общества къ памятникамъ своей прошлой жизни, занимался также изданіемъ разныхъ древнихъ и новыхъ памятниковъ письменности. Такъ въ 1862—1865 гг., одновременно съ „Палеографическими снимками съ рукописей Московской синодальной бібліотеки“ преосв. Саввы (замѣтки о которыхъ были помѣщены имъ въ Русск. Архивѣ 1863 г., №№ 5—6, и въ С.-Пб. Вѣд. 1863 г., № 191), имъ предпринято было наданіе: „Фотографическіе снимки съ миниатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ“, съ описаніемъ этихъ рукописей (вышло всего 3 выпуска, посвященныхъ 4 рукописямъ синодальной бібліотеки X—XIV вв.). Затѣмъ имъ напечатаны были: „Апологъ отъ правоученія Кирилла Александрійскаго, по рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря“ и „Опись бібліотеки іером. Евоніи“ (въ Лѣтоп. русск. литер. 1862—63 г., IV и V); „Похвала Кириллу и Меодію по рукописи Севастьянова XIV в.“,

¹⁾ Викторовъ возбуждалъ даже вопросъ о передачѣ въ Московскій публичный музей рукописей Московской синодальной бібліотеки.

„Слово на перенесеніе мощамъ преславнаго Климента, по Макарьевскимъ Четь-Минеемъ“, и „Итальянская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи въ новомъ переводѣ, по рукописи Румянцева № 151“ (въ Кирилло-Меѳодьевскомъ сборникѣ 1865 г., стр. 309—342); „Извлеченіе изъ статьи В. Ундольскаго: объ открытіи и изданіи твореній Климента, епископа Словенска“ (въ Вѣстѣдахъ общ. любит. росс. слов. 1867 г., вып. I, отд. I). Сверхъ того, онъ принималъ участіе въ изданіи: „Кіево-Печерскій Патерикъ по румянцевской рукописи XV в., въ переводѣ на русскій языкъ Маріи Викторовой“ (супруги Ал. Ег., урожденной княжны Макуловой, — К. 1870)⁴⁾; издалъ: „Собственноручныя письма Екатерины II къ А. В. Храповицкому“ и „Два памятника русскаго монастырскаго быта XVII в.“ — письмо архіепископа Сибирскаго Нектарія и челобитная Колязипскихъ монаховъ (въ Русск. Архивѣ 1872 г., № 11, и 1873 г., № 9); напечаталъ: „Обозрѣніе старинныхъ описей патриаршей ризницы“ и „Опись той же ризницы 1831 г.“ (въ Вѣстникѣ общества древне-русскаго искусства за 1874—76 г. и отдѣльно), „Опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Московскаго Кремля, Китая города и Бѣлаго города 1667 г., по рукописи Московскаго публичнаго музея“ (въ Читаніяхъ общ. ист. и древн. Росс. 1877 г., кн. II, смѣсь), „Стефанитъ и Ихнилать по тремъ древнѣйшимъ спискамъ — Севастьяновскому и синодальному XV в. и Григоровичевскому XIII—XIV в. (М. 1881).

Одновременно съ этимъ, Викторовъ, завѣдывавшій сперва архивомъ Оружейной палаты (въ 1868—1880 гг.) и откомандированный потомъ для запатій въ центральный архивъ Императорскаго двора, работалъ надъ описаніемъ древнихъ памятниковъ, сохранившихся въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ Москвы. Такъ имъ были составлены: въ 1873 г. Описаніе рукописей и актовъ, хранящихся въ государственномъ древнехранилищѣ, въ теремахъ большого Кремлевскаго дворца (подлинникъ котораго находится въ дѣлахъ Московской дворцовой конторы, а копія въ Московскомъ главномъ архивѣ мини-

⁴⁾ Любопытныя подробности о жизни и дѣятельности молодой переводчицы этого важнаго памятника древней русской письменности, а равно и о системѣ преподаванія въ Маріинско-Ермолаевскомъ учебномъ заведеніи, гдѣ она воспитывалась, и гдѣ А. Е. Викторовъ былъ одно время учителемъ, изложены имъ въ предисловіи къ названной книгѣ, а также И. Ю. Некрасовымъ въ статьѣ: Замѣчанія по поводу книги «Кіево-Печерскій Патерикъ» (въ *Филолог. Зап.* 1870 г., вып. VI).

стерства иностранныхъ дѣлъ, и извлеченіе изъ котораго было напечатано Викторовымъ въ „Памятникахъ древней письменности“, С.-Пб. 1882 г., подъ видомъ доклада), и въ послѣдніе годы—Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1726 гг., хранящихся въ архивѣ Оружейной палаты (2 выпуска, изъ которыхъ 1-й, изданный въ 1877 г., посвященъ казенному приказу, государевой и царицыной мастерскимъ палатамъ, а 2-й, напечатанный, но не выпущенный еще въ свѣтъ въ ожиданіи указателя,—оружейной палаты, государеву кабинету Петра I, приказу тайныхъ дѣлъ, дворцовымъ соборамъ и церквамъ), а также предпринято въ 1876—1877 гг. Описаніе замѣчательнѣйшихъ рукописей разныхъ сѣверныхъ библиотекъ, какъ напримѣръ, Архангельской духовной семинаріи, Анзерскаго и Голговецкаго скитовъ Соловецкаго монастыря, Антоніево-Сійскаго монастыря, Петрозаводскаго архіерейскаго дома, собора и музея, Александро-Свирскаго монастыря (всего свыше 800 рукописей).

Другія важныя работы Викторова относятся къ старопечатнымъ книгамъ. Тутъ имъ сдѣланы нѣкоторыя открытія о первыхъ книгахъ, напечатанныхъ въ русскихъ владѣніяхъ (Вильнѣ и Москвѣ). Объ этомъ имъ напечатаны были двѣ статьи: 1) „Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ“ (въ Вѣсткахъ общества любит. росс. слов. 1867 г., вып. I, отд. I), гдѣ описана первая книга, напечатанная докторомъ Францискомъ Скориню въ Прагѣ въ 1517 г., — псалтирь, совсѣмъ неизвѣстная прежде, и 2) „Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 г.“ (въ Трудахъ 3-го Кіевскаго археологическаго съѣзда 1878 г., т. II, стр. 211—220), гдѣ вполне доказана принадлежность нѣкоторыхъ Евангелій и Тріодей, напечатанныхъ безъ выходныхъ листовъ въ XVI в., не къ южно-славянскимъ или угро-влахійскимъ изданіямъ, какъ думали прежде, а къ московскимъ, предшествовавшимъ Апостолу 1564 г. Послѣдняя статья была лишь извлеченіемъ изъ обширнаго изслѣдованія подъ заглавіемъ: „Книгопечатаніе въ Россіи въ XVI в., прежде и около времени изданія Иваномъ Федоровымъ Апостола 1564 г. Книги, напечатанныя безъ означенія мѣста и года печати въ Москвѣ, Вильнѣ и др. мѣстахъ, съ приложеніемъ снимковъ“. Кроме того, Викторовымъ былъ напечатанъ, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и своими собственными, „Очеркъ славяно-русской библиографіи В. М. Ундольскаго“ (М. 1871), гдѣ всѣ извѣстныя церковно-славянскія книги (съ 1481 по 1864 г.) расположены въ хронологическомъ порядкѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ же работахъ. Но Викторовъ готовилъ и другой трудъ по этой

части, уже вполне самостоятельный, а именно—Систематическій каталогъ церковно-славянскихъ печатныхъ книгъ по экземплярамъ, видѣннымъ имъ лично въ разныхъ библіотекахъ Россіи, по документамъ Московскаго типографскаго архива и по другимъ источникамъ, съ показаніемъ различій въ текстѣ и языкѣ разныхъ изданій одного и того же памятника и съ обозначеніемъ мѣстъ нынѣшняго храненія наиболее рѣдкихъ книгъ, а также съ обзорѣніемъ наиболее замѣчательныхъ старопечатныхъ собраній и важнѣйшихъ биографическихъ работъ по этой части—въ обширномъ введеніи къ каталогу. Такое же введеніе, вмѣстѣ съ алфавитнымъ указателемъ, онъ предполагалъ сперва приложить ко 2-му выпуску „Хронологическаго указателя славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 г.“, первый выпускъ котораго представляетъ „Очеркъ“ Ундольскаго. Для этой цѣли у него была заведена особая большая тетрадь, гдѣ онъ отмѣчалъ всѣ видѣнныя имъ старопечатныя книги, и съ которою онъ никогда не разлучался, пока она ни была похищена у него по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ годъ тому назадъ. Потеря такого важнаго труда, какъ работа почти цѣлой жизни, очень сильно повліяла на покойнаго Викторова, и можно думать, способствовала даже усиленію давно коренившейся въ немъ болѣзни—катарра, для излѣченія которой онъ и прежде ѣздилъ пользоваться Кавказскими минеральными водами, какъ и нынѣшній разъ, когда смерть похитила его у русской науки. Онъ умеръ отъ тифа, около 20-го іюля сего года¹⁾, имѣя всего 55 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на кладбищѣ г. Пятигорска.

Нельзя не пожелать, чтобы труды Викторова, оставшіеся еще не изданными, увидали свѣтъ Божій. Но вмѣстѣ съ другими трудами Викторова не мѣшало бы собрать и его столь интересныя письма, которыя онъ такъ любилъ писать разнымъ лицамъ. Въ этомъ дѣлѣ могли бы оказать содѣйствіе и многія ученныя учрежденія, членомъ которыхъ состоялъ покойный, какъ напримѣръ: археографическая коммиссія (съ 1870 г.), Высочайше учрежденная коммиссія по изданію писемъ и бумагъ Петра Великаго (съ 1872 г.), общество древне-русскаго искусства при Московской публичномъ и Румянцевомъ музеяхъ (съ 1873 г.), Императорская Академія Наукъ (съ 1879 г.), и Императорская Публичная Библіотека (съ 1882 г.) и др.

Ш. Собно.

¹⁾ Въ точности день кончины Викторова не извѣстенъ.

НѢСКОЛЬКО НЕИЗДАННЫХЪ МЕГАРСКИХЪ НАДПИСЕЙ.

I.

Въ саду одного мегарскаго крестьянина, приблизительно въ 1¹/₂ часахъ разстоянія къ сѣверо-западу отъ города Мегаръ, найдена небольшая бронзовая доска съ надписью, изображенною на снимкѣ № 1. Края доски сверху и снизу, а равно въ нижней половинѣ лѣвой стороны и у выступа направо, остались не поврежденными. Доска по угламъ была прибита гвоздями; отъ послѣднихъ сохранилась щель въ нижнемъ углу налѣво и выемка въ а), которая также принадлежала щели гвоздя. Въ третьей строкѣ послѣ знака $\odot$, кажется, идетъ по сохранившемуся краю наклонная линія, которая могла принадлежать знакамъ $\triangle$ или $\wedge$. Надпись читается такъ:

1. ο)δεαπολ(α
2. σ)τανδεατ(α
3. α)νεδεαναθ(α
4. να.

Въ первой строкѣ въ началѣ нужно дополнить τ, чтобы получить дорическую форму указательнаго мѣстоименія τοῦτα; ταν, стоящее во второй строкѣ, можетъ быть принято или за окончаніе слова, зависащаго отъ предлога ἀπό, или за членъ, относящійся къ δεατάν; по причинѣ, на которую я укажу ниже, я предпочитаю послѣднее. Въ такомъ случаѣ между сохранившимися знаками первой и второй строки ([α]-[σ]) придется вставить α, чтобы получить единственно

возможное, по моему мнѣнiю, чтенiе ἀπό λαίας¹⁾; изъ строки третьей, гдѣ (α), стоящее у неповрежденнаго края, приходится подѣ (σ) второй строки, нужно заключать, что дополняемые знаки скорѣе находятся въ концѣ первой строки. Въ концѣ второй строки само собою дополняется ν, въ началѣ и въ концѣ третьей—α. Такимъ образомъ надпись восстанавливается въ слѣдующемъ видѣ:

(τ)οῖδα ἀπό λαίας
(ς) τὰν δεκάτ(αν)
(ἀ)νείθησαν Ἄθ(α)
νφ.

При данномъ дополненiи въ первой строкѣ получится 12 буквъ, въ двухъ слѣдующихъ по 11; знакъ для ι, который долженъ былъ находиться на предпоследнемъ мѣстѣ первой строки, занималъ немного мѣста; слѣдовательно, длина строкъ была приблизительно одинакова²⁾.

Число арханческихъ надписей, происходящихъ изъ Мегариды, ограничивалось до сихъ поръ двумя небольшими памятниками (Röhl. Inscr. Gr. Ant. 11, 13)³⁾. Въ виду этого наша надпись получаетъ известное значенiе для алфавита Мегариды. Характернымъ знакомъ для нашего памятника служитъ Β, употребляющійся для ε и η. Для ε встрѣчается также ⊳ въ Rohl. 11. Такъ какъ знаки ⊳ Β употреблялись такимъ образомъ⁴⁾ только въ алфавитѣ коринтскомъ и въ производныхъ отъ него алфавитахъ (Kirchh. Stud. s. 90: Charakte-

¹⁾ Ср. Steph. Thes. s. v. (λαία, ἦ) λαίαν Hesych. esse dicit ἐκκλησίαν... ἰτέμ κτῆσι: addens Dores λαίαν dicere ἐκί τῆς λαίας, de praeda (λαίαν illud inveniit Musurus. Scribendum λαίαν. Quae forma nunc restituta Pindaro Ol. II. 4 (45 ?). Böckh. Pind. Op. II 52. λαίαν)...αἰχμαλωσίαν Gl. γ. Mill. Mélang. de lit^g grecq. λαία, ἦ λαφύραγωγία. Ср. Ahr. dial. Dor. § 142. λαίς, λαίον.

²⁾ Въ известной надписи, открытой Моллигомъ въ Старомъ Коринѣ, находится въ первыхъ двухъ строкахъ вѣроятно по 12 буквъ, въ третьей 11. Mitth. d. Deutsch. Inst. I. 1. S. 41.

³⁾ Надписи, помѣщенные въ томъ же Сборникѣ подѣ нум. 12, 14, не могутъ быть принимаемы во вниманiе, такъ какъ первая принадлежитъ скорѣе италiйскому алевиту, а относительно второй издатель замѣчаетъ: Cave in unius Lenopantii fide innitens titulum genuinum esse putes.

⁴⁾ Эти знаки употреблялись въ коринтскомъ алевитѣ и для ε, если это послѣднее произошло чрезъ подъемъ основнаго звука ι, а не составляетъ удлинненiе звука ε; въ послѣднемъ случаѣ для ε употребляется знакъ Ε. Lohf. I. s. v. 42.

ristisch und nur ihm und seinen abzweigungen eigenthümlich ist die Form des Ei, ⋈ , B), то наша надпись даетъ право выставить предположеніе, что алфавитъ Мегариды былъ коринескій. Такъ какъ въ коринескомъ алфавитѣ знаки ⋈ B, употреблявшіеся въ другихъ алфавитахъ для β , съ теченіемъ времени получили другое значеніе, то для послѣдней буквы явился особый знакъ ⋈ , который также былъ особенностію коринескаго алфавита (Kirchh. I. c.). Но точно также въ алфавитахъ мегарскихъ колоній Селинунта и Византіи для β являются особые знаки (Kirchh. 100), что заставляетъ предполагать, что въ древнѣйшую пору въ указанныхъ алфавитахъ—и слѣдовательно, въ алфавитѣ Мегаръ—знаки ⋈ B имѣли особое назначеніе, и именно, какъ видно изъ нашей надписи, употреблялись для ϵ . Происхожденіе мегарскаго алфавита изъ Коринѳа представляется совершенно естественнымъ, если обратить вниманіе на то отношеніе, въ которомъ находились Коринѳъ и Мегары въ доисторическую эпоху: изъ Коринѳа шло доризированіе, Мегариды и Мегары извѣстное время играли роль подчиненнаго Коринѳу города (Paus. I 39. 4, 5, Schol. Plat. Euthyd. Herm. vol. VI. p. 295. Schol. Aristoph. Ran. 439 и др.). Если производить мегарскій алфавитъ изъ коринескаго, то представляется возможнымъ довольно точно опредѣлить время происхожденія нашего памятника, такъ какъ въ такомъ случаѣ оба алфавита проходили тѣ же главныя ступени развитія. Памятники коринескаго алфавита, въ которыхъ для ϵ служитъ одна линія, а для σ знакъ Σ , не могутъ восходить ранѣе первой половины V вѣка ¹⁾. Изъ другихъ характерныхъ знаковъ нашей надписи ⋈ сохранился отъ періода болѣе древняго: Röhl. 341, 343 (О времени происхожденія послѣдняго памятника см. Kirchh. S. 97); ср. 514. Δ представляетъ во всякомъ случаѣ одну изъ позднѣйшихъ формъ арханческаго алфавита для α ; то же нужно сказать относительно ⊙ . Имѣя въ виду указанныя соображенія, я думаю относить нашу надпись къ срединѣ V вѣка.

Надпись составлена метромъ ($\tau\omicron\iota\delta'$ ἀπό|λαίας|τὰν δεκά|τῶν ἀνέ|θηκῶν 'Α|θῶν), но при данномъ чтеніи ея ритмъ дурной, и притомъ въ ней нѣтъ цезуры. Въ надгробныхъ и посвященныхъ надписяхъ встрѣчается не мало примѣровъ подобныхъ неудавшихся стиховъ. (см. Herm. XIII. S. 395; ср. Welcker Syll. e. gr. 47 и др.).

¹⁾ Къ первой половинѣ V в. относится надпись, гдѣ еще для ϵ служитъ Σ , а для σ M. Röhl. 22. Ср. Kirchh. S. 91. Ibid. 93.

По содержанию нашъ памятникъ принадлежитъ къ числу посвященій, которыя дѣлались къ анаэниматамъ (предметамъ, приносимымъ въ даръ богу). Особый разрядъ этихъ памятниковъ составляютъ надписи, дѣлавшіяся къ приношеніямъ изъ военной добычи. Обыкновенно въ этого рода документахъ въ род. съ предлогомъ ἀπό называется непріятель, у котораго отнята была добыча; для примѣра достаточно указать Röhlf. 5: ἀπὸ Πελοποννησίων. 70 ἀπὸ Μήδων. 345. ἀπὸ τῶν πολέμιων и др. Иногда вмѣсто имени лица съ предлогомъ ἀπὸ ставится нарѣчіе мѣста, отвѣчающее на вопросъ: откуда? съ членомъ въ род. пад. мн. ч. Röhlf. 32. Τάρχ[εῖ]οι ἀνέθεν τῷ Δίῳ τῶν Ἰορινθίων. Въ надписяхъ къ анаэниматамъ изъ добычи я не могу указать примѣра, гдѣ находилось бы выраженіе, аналогичное съ ἀπὸ λαίας ἀνέθηκον, которое я принимаю для данной надписи. Тѣмъ не менѣе это выраженіе не представляетъ ничего необычнаго, и въ другихъ надписяхъ, равно какъ и у авторовъ, можно встрѣтить много аналогичныхъ оборотовъ. Röhlf. 191.: Δι' Ὀμολοίῳ Ἀγήμενδῶς ἀπὸ δεκά[τας]. 401. τότε τοῦ ἄλμα... ἀπὸ κοινῶν... στῆσαν. Herodot. IX, 81. δεκάτην ἀπ' ἧς ὁ τρίπος ὁ χρύσεος ἀνετέθη. Δεκάτη, когда дѣло идетъ о приносимой богу десятинѣ, въ надписяхъ встрѣчается безъ члена и съ членомъ, хотя первое употребленіе бываетъ чаще. Röhlf. 100. δεκάταν, 191. ἀπὸ δεκά[τας]. 408. [δε]κά[τη] и др. 26 а. [τὰν δεκάταν]. Ср. Paus. V, 19, 4. Ross. Inscr. ined. III, 298. τὴν δεκάτην ¹⁾. Кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ было посвящена Аеинѣ десятина изъ добычи, конечно, должно остаться нерѣшеннымъ. Представляется вѣроятнымъ, что военное дѣло, обогатившее жертвователей добычею, было набѣгомъ куда-нибудь на сосѣднюю область, предпринятомъ гражданами какой-либо мегарской комы (Триподиска?) по ихъ собственному почину; по крайней мѣрѣ въ пользу этого говорить то обстоятельство, что десятина была пожертвована маленькому сельскому святилищу

¹⁾ Если ταν считать за окончаніе, принадлежащее слову, зависящему отъ предлога ἀπὸ, то для λ (α)—(σ)ταν 2—3 строкъ будетъ единственное возстановленіе—λαίσταν, дорическая форма ληστῶν. Въ пользу этого чтенія говоритъ слѣдующія обстоятельства: а) принимая его, мы имѣемъ обычную формулу посвятельныхъ надписей (см. выше); б) при δεκάταν не будетъ члена, каковое употребленіе является наиболее часто; в) въ спискѣ будетъ законная цезура, и мы получимъ благозвучный versus heroicus. Не смотря на то, я предпочитаю чтеніе ἀπὸ λαίας, такъ какъ, независимо отъ другихъ соображеній, допустить на посвятельной надписи появленіе слова, столь дурно звучаваго для греческаго слуха, какъ ληστής, представляется едва ли возможнымъ. Ср. Aristot. Rhet. III, 2, 10: Καὶ οἱ μὲν λησταὶ αὐτοὺς πορτεῖας καλεῖσσι γυν.

богини Аены. При постоянныхъ войнахъ жителей Мегариды съ Коринтеями подобные случаи едва ли были рѣдкими. Имена жертвователей могли быть вырѣзаны на базѣ сдѣланнаго богинѣ приношенія, а надъ ними вверху была прикрѣплена бронзовая дощечка, содержавшая общее посвященіе приносившихъ лицъ. Культъ Аены былъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Мегаридѣ. Павсаній I, XLII, 4, упоминаетъ три храма этой богини, находившіеся на западномъ акрополѣ Мегаръ, на холмѣ Алкаеоя: *φθορόμηται δὲ ἐπὶ τῆχοροφῆ τῆς ἀκροπόλεως ναὸς Ἀθηνᾶς;... καὶ ἕτερον ἐνταῦθα ἱερὸν Ἀθηνᾶς πεποιήται χαλουμένης Νίκης καὶ ἄλλο Διαντίδος.* Изъ Мегаръ культъ Аены перешелъ и въ ихъ колоніи. Müll. Hist. Gr. IV, 149, 16. Paus. VI, 9, 7. Röhl. 515, 516 ¹); ср. Bennd. Met. v. Selin. pp. 34 — 37.

II.

На сѣверо-западной сторонѣ Каріи, восточнаго изъ двухъ холмовъ, служившихъ акрополями древнихъ Мегаръ, сохранились остатки античной стѣны, принадлежавшей священному округу Зевса Олимпійскаго. На большей части своего протяженія стѣна вошла въ постройки мѣстныхъ крестьянъ, и потому новѣйшимъ путешественникомъ удавалось изслѣдовать ее только случайно и по частямъ; между тѣмъ давно уже было открыто, что извѣстная часть стѣны занята надписями, именпо декретами проксеніи. Во время пребыванія въ Мегарахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года я воспользовался перестройками, предпринятыми однимъ крестьяниномъ въ своей ἀποθήκη τοῦ ἀλαίου, и мнѣ удалось ознакомиться съ не изслѣдованною еще частью стѣны. На высотѣ приблизительноо полутора метра отъ ея основанія мое вниманіе обратили на себя два правильно обдѣланныя камня; ихъ поверхность была покрыта густымъ слоемъ извести по фронтоны, украшавшіе ихъ сверху, не оставляли сомнѣнія въ прежнемъ назначеніи камней. Когда камни были извлечены изъ стѣны и очищены, то дѣйствительно оказалось, что оба они съ передней стороны заняты надписями; но поверхность бѣльшаго камня до такой степени попорчена, что мнѣ не удалось прочесть вырѣзаннаго на немъ документа. Прочтенная мною надпись вырѣзана на камнѣ темнаго

¹) Въ этихъ надписяхъ, принадлежащихъ Селинунту, имя богини читается Ἀθ[α][ά]την, [Ἀθ]ηναίς. На основанія этого я тонирую въ нашей надписи Ἀθανῆ, а не Αθάνη.

известняка мѣстной породы; надпись занимала верхнюю половину камня подъ фронтономъ; высота ея 0,31, ширина 0,42; высота фронтона 0,15. Толщина камня не можетъ быть опредѣлена съ точностію, такъ какъ при отдѣленіи отъ стѣны его пришлось разбить, приблизительно его можно взять въ 0,8; наибольшая высота буквъ 0,007 (см. на снимкѣ № 2).

Надпись читается такъ:

1. Ἐπ'βασιλεὸς Ἀπολλοδώρου τοῦ Εὐφρονίου, γραμματεὺς βουλαῖς καὶ δάμου Δαμίας Δαμοτέλους, ἐστρατάρχου Δαμοτέλης Δαμεία, Φωκίνος Εὐδάλου, Ἀριστότιμος Μανεράτας, Θέδωρος Παγχάρως, Πρόθυμος Ζεύσιος, Τίμων Ἀγάθωνος·
5. ἐπειδὴ τοὶ Αἰγιοστένται ἀνάγγελον Ζωίλογ Κελαινοῦ Βοιωτίων τὸν ἐπὶ τοῖς στρατιώταις τοῖς ἐν Αἰγιοστένοις τεταγμένον ὑπὸ τοῦ βασιλεὸς Δαματρίου αὐτὸν τε εὐτακτον εἶμεν καὶ τοὺς στρατιώτας παρέχειν εὐτάκτους καὶ τᾶλλα ἐπιμελεῖσθαι καλῶς καὶ εὐνόως καὶ ἀξιῶν αὐτὸν διὰ ταῦτα τιμαθῆμεν ὑπὸ τᾶς πόλιος,
10. ἀγαθᾶ τύχα· δεδόχθαι τᾶ βουλαῖ καὶ τῷ δάμῳ στεφανῶσαι Ζωίλογ Κελαινοῦ Βοιωτίου χρυσέῳ στεφάνῳ καὶ εἶμεν αὐτὸν πολίταν τᾶς πόλιος τᾶς Μεγαρέωγ καὶ ἐκγόνους αὐτοῦ, εἶμεν δὲ αὐτῷ καὶ προεδρίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγῶσι οἷς ἡ πόλις τίθητι, ἀγγράψαι δὲ τὸδε τὸ δόγμα τὸν γραμματέα τοῦ δάμου εἰς στάλαν λιθίναν
15. καὶ ἀνθέμεν εἰς τὸ Ὀλυμπιεῖον ὅπως εἰδῶντι πάντες ὅτι ὁ δάμος (ὁ) Μεγαρέων τιμῆ τοὺς ἀγαθὸν τι πράσσοντας ἢ λόγῳ ἢ ἔργῳ ὑπὲρ τᾶς πόλιος ἢ ὑπὲρ τᾶγ χωμᾶν.

Содержаніе надписи очень просто: по предложенію Эгосенитовъ Мегарцы опредѣляютъ почести Зоилу, сыну Келена, Вiotiйду, начальствовавшему надъ гарнизономъ царя Димитрія въ Эгосенахъ.

Наша надпись принадлежитъ, какъ я надѣюсь показать ниже, концу IV вѣка до Р. X.; ея главный интересъ заключается въ той связи, въ которой стоитъ она съ историческими фактами указанной эпохи; но прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно магистратовъ, которыми датированъ документъ.

Государственное устройство, существовавшее въ Мегарахъ въ разные времена, извѣстно почти исключительно изъ надписей ¹⁾. Въ

¹⁾ C. I. G. 1052. Cp. ibd. 1057. Rang. Ant. Hell. II, p.p. 286—295 и особ. Fouc. Explication des inscriptions Grecques et Latines. II part. Sect. I. n° 23 et suiv.

данную эпоху эпонимомъ Мегаръ является царь ¹⁾. Кроме Мегаръ, цари-эпонимы извѣстны еще въ государственномъ устройствѣ Эгосеенъ ²⁾, мегарской колоніи Халкидона ³⁾, Херсониса ⁴⁾ и острова Самоэраки ⁵⁾. Для опредѣленія той роли, которую играли въ историческое время цари въ государственномъ устройствѣ греческихъ городовъ, рѣшающее значеніе имѣетъ свидѣтельство Аристотеля. Въ своей Политикѣ (III, IX; 7—8), опредѣляя βασιλείαν героическаго времени, онъ говоритъ: Κύριοι δ' ἦσαν (βασιλεῖς) τῆς τε κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας καὶ τῶν θυσῶν, ὅσαι μὴ ἱερατικαί, πρὸς τοῦτοις τὰς δίκας ἔκρινον... Οἱ μὲν οὖν ἐπὶ τῶν ἀρχαίων χρόνων καὶ τὰ κατὰ πόλιν καὶ τὰ ἐνδημα καὶ τὰ ὑπερόρια συνεχῶς ἤρχον· ὕστερον δὲ... ἐν μὲν ταῖς ἄλλαις πόλεσι θυσίαι καταλείφθησαν τοῖς βασιλεῦσι μόνον, ὅπου δ' ἄξιον εἰπεῖν εἶναι βασιλείαν, ἐν τοῖς ὑπερορίοις τῶν πολεμικῶν τὴν ἡγεμονίαν μόνον εἶχον. Изъ словъ Аристотеля видно, что царь, гдѣ онъ удержался въ его времени, былъ магистратомъ, который главнымъ образомъ былъ связанъ съ религиозною жизнью государства ⁶⁾. Въ качествѣ гражданского магистрата царь выступалъ только въ исключительныхъ случаяхъ, и то только въ нѣкоторыхъ государствахъ, неразвившихъ особаго института страгивовъ ⁷⁾. Относительно царя Мегаръ мы имѣемъ свидѣтельство Мегарца Диехида, сохраненное въ схоліяхъ къ Аполлонію Родійскому

¹⁾ Въ мегарскихъ надписяхъ при имени царя не называется имя его отца эпонимъ нашего документа составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе (Rang. I. с. 695—696. Fouc. I. с. n° 34). Очевидно, прибавляя имя отца даннаго эпонима, желали отличить отъ соименнаго ему предшественника. Ср. С. I. A. II, 1, 316. [Επ:] Νικίου ἄρχοντος [Ῥοτρυνέ]ως. 317. Ἀπολλόδωροςъ былъ одно изъ самыхъ употребительныхъ именъ въ Мегарахъ, такъ какъ культъ Аполлона былъ весьма силенъ въ государственной религіи этого города. См. Bœnd. Met. v. Selin. p. 37. Имя отца Аполлодора Rang. читаетъ Εὐφρονίου (Ср. Pitt. 'Εφ. 'Αρχ. 3499). Foucart, не рѣшаясь возстановить имя, замѣчаетъ: Le nom du père est peu distinct sur l'estampage; ce qu' on en distingue ne s' accorde pas avec la lecture de Rangabé. На нашемъ камнѣ Εὐφρονίου стоитъ довольно ясно; вѣстампажъ не оставляетъ въ чтеніи никакого сомнѣнія.

²⁾ Fouc. 12.

³⁾ С. I. G. 3794

⁴⁾ Bull. d. Corr. Hell. 1881, II, p. 86.

⁵⁾ С. I. G. 2157, 2158; ср. 2159. Tit. Liv. XLV, 5. Ср. С. I. G. 2189.

⁶⁾ Ср. Polit. VI, 5, 11. χαλοῦσι δ' οἱ μὲν ἄρχοντας τοῦτους, οἱ δὲ βασιλεῖς, οἱ δὲ πρῶταίσι. Дѣло идетъ о лицахъ, совершавшихъ государственныя жертвоприношенія, не переданныя закономъ въ руки жрецовъ.

⁷⁾ Аристотель имѣлъ здѣсь въ виду государственное устройство Спарты. Ср. выше III, 9, 2.

(Müll. Hist. Gr. IV, 390, 8). Въ своихъ τὰ Μεγαρικῆ авторъ приводитъ мнѣ объ Алкаоѣ, сынѣ Пелопа, для объясненія современнаго ему явленія: διότι καὶ θύσας τοῖς θεοῖς ὁ βασιλεὺς τὸ τελευταῖον τὴν γλῶσσαν ἐπέθηκε τοῖς βωμοῖς· καὶ ἀπὸ τότε ἔθος τοῦτο διαμένειν Μεγαρεῶσι. Эти слова автора, который, конечно, хорошо былъ знакомъ съ преданіями и учрежденіями своего роднаго города, представляютъ намъ царя Мегаръ, какъ служителя религіи ¹⁾; глубокая древность этого магистрата видна изъ того, что въ сознаніи Мегарца царь историческаго времени является непосредственнымъ преемникомъ царя времени героическаго. Кромѣ права приносить отъ имени государства жертвы, едва ли мегарскій царь имѣлъ другое значеніе въ государственномъ устройствѣ. По крайней мѣрѣ навѣрно у него не было право начальствовать надъ войскомъ, такъ какъ въ Мегарахъ существовали стратеги; мало также вѣроятно, чтобы въ этомъ государствѣ, неоднократно по двергавшемся необузданному господству демократіи ²⁾, въ рукахъ царя могло удержаться вліяніе на судебныя дѣла, не имѣвшія непосредственнаго отношенія къ религіи. Такимъ образомъ можно принять, что характеръ власти мегарскаго эпонима былъ чисто-религіозный; отсюда становится весьма вѣроятнымъ, что онъ былъ Κληρωτὴ ἀρχὴ ³⁾. Со вступленіемъ Мегаръ въ Вiotійскій союзъ ⁴⁾ ихъ государственное устройство было измѣнено ⁵⁾; вмѣсто царя въ надписяхъ этого времени эпонимомъ является архонтъ. Двукратное пребываніе въ Ахейскомъ союзѣ также должно было повлечь за собою существенныя измѣненія въ мегарскомъ государственномъ устройствѣ ⁶⁾.

Въ позднѣйшее время эпонимомъ Мегаръ былъ стратегъ ⁷⁾, тѣмъ не менѣе царь продолжалъ еще существовать ⁸⁾, что снова подтверждаетъ ту мысль, что политическій элементъ въ отправленіяхъ этого магистрата былъ несущественнымъ.

Вторымъ магистратомъ въ государственномъ устройствѣ даннаго времени является γραμματεὺς βουλᾶς καὶ δάμου. За отсутствіемъ данныхъ

¹⁾ О жрецахъ-эпонимахъ см. Herm. G. A. § 44; п. 10.

²⁾ Plut. Quaest. Gr. XVIII. Aristot. Polit. IV, 12, 10, и др.

³⁾ Fouc., p. 14... pour le roi..., revêtu d'un caractère sacerdotal, le sort paraissait plus propre à faire connaître la volonté des dieux.

⁴⁾ Polyb. XX, 6, 8.

⁵⁾ Fouc. 34 a. 34 b. Ср. ibd. 2.

⁶⁾ Polyb. II, 43; XX, 6, 8. Fouc. 35a. Ср. 12, 17.

⁷⁾ Fouc. 37, 49. Ср. 43, p. 31.

⁸⁾ C. I. G. 1057.

представляется невозможнымъ опредѣлить сущность его власти; во всякомъ случаѣ ¹⁾, его нужно отличать отъ γραμματεὺς τοῦ δάμου, на обязанности котораго лежало заботиться о вырѣзываніи постановленій на камни; срокъ службы секретаря совѣта и народа долженъ былъ быть одинаковый съ царемъ, то-есть, они смѣнялись ежегодно. Видную роль въ мегарскомъ государственномъ устройствѣ ²⁾ играли стратиги. Въ нашемъ документѣ стратигами записаны тѣ же шесть лицъ, что и въ Rang. 696 и Fouc. 31, 32, 33, 33a, 34, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ первыхъ четырехъ нумерахъ, помѣщенныхъ у Фукара, эпонимъ и секретарь совѣта и народа названы другіе ³⁾, чѣмъ въ нашей надписи. Кромѣ того, въ надписяхъ, датированныхъ нашими стратигами, этихъ магистратовъ является шесть, тогда какъ въ другихъ декретахъ проксенія ихъ называется пять ⁴⁾. Фактъ поясненія различныхъ эпонимовъ во всякомъ случаѣ ⁵⁾ показываетъ, что срокъ службы первыхъ и вторыхъ магистратовъ не совпадалъ; мы имѣемъ право предположить, что (при обыкновенномъ ходѣ государственной жизни или въ исключительныхъ случаяхъ) одни и тѣ же стратиги могли оставаться въ своей должности или быть послѣдовательно избираемы при трехъ эпонимамъ, то-есть, въ теченіи трехъ лѣтъ сряду. Что касается числа стратиговъ, то еще Беккъ, которому во время изгнанія Согрус'а былъ извѣстенъ только одинъ мегарскій декретъ проксенія, указавъ, что пять стратиговъ соотвѣтствуютъ пяти κώμαι, на которыя распалось въ древнѣйшія времена населеніе Мегариды ⁶⁾. Рангани, отмѣчая, что въ однихъ документахъ встрѣчается пять стратиговъ,

¹⁾ Ср. Fouc. 26—34, p. 18.

²⁾ Секретаремъ совѣта и народа въ нашей надписи является Δαμίας Δαμοτέλεος; между тѣмъ одинъ изъ стратиговъ называется Δαμοτέλης Δαμεία; можно предположить съ большою вѣроятностію, что въ настоящемъ случаѣ стратигъ былъ сыномъ секретаря совѣта и народа.

³⁾ Въ 31; Βασιλεὺς Εὐκλίας.... [γρ]αμμα[τεὺς] βουλᾶς καὶ δάμου Εὐπαλίνος [ἽΟμό]φρο[νος]. Тѣ же эпонимъ и секретарь въ 32 и 33. Въ 33a. Βασιλεὺς Θεόμαντος.... γραμματεὺς βουλᾶς καὶ δάμου Πασίων Δωροθέου.

⁴⁾ C. I. G. 1052. Fouc. 26, 27, 28, 29, 30, 30a, 30b.

⁵⁾ Fouc. 26—34, p. 14.... il n'est point possible de supposer que deux fois dans la même année le roi mourut, et, exactement à la même époque, le secrétaire correspondant.

⁶⁾ Plut. Quæst. Gr. 17.... τὸ παλαιὸν ἡ Μεγαρίς φεῖτο κατὰ κώμας, εἰς πέντε μέρη νεμεμημένων τῶν πολιτῶν. Ἐκαλοῦντο δὲ Ἡραεῖς, καὶ Πιραεῖς, καὶ Μεγαρεῖς, καὶ Κυνοσουρεῖς, καὶ Τριποδισκαῖοι.

а въ другихъ шесть, полагають, что это можетъ быть объяснено только какими-либо измѣненіемъ въ мегарскомъ государственномъ устройствѣ ¹⁾. Предположеніе, высказанное Фукаромъ ²⁾ относительно причины измѣненія въ мегарскомъ государственномъ устройствѣ, весьма вѣроятно. Фукаръ обращаетъ вниманіе на то, что въ числѣ надписей, въ которыхъ читается по шести стратиговъ, есть два почетные декрета вѣкоему Клеону Эрнорейцу, одному изъ приближенныхъ царя Димитрія [Поліоркита]. Услуги, оказанныя этимъ Эрнорейцемъ Мегарамъ, могли удобно имѣть мѣсто при взятіи Димитріемъ Мегаръ. Известно, что Аѳиняне установили въ честь Димитрія двѣ новыхъ філы; подобнымъ же образомъ могли почтить его и Мегарцы, именно къ пяти, существовавшимъ до сихъ поръ государственнымъ подраздѣленіямъ, могло быть прибавлено шестое (носившее имя Димитрія) и соотвѣтственно этому стратиговъ увеличилось однимъ новымъ членомъ ³⁾. Подобнымъ образомъ при Адрианѣ Мегарцы установили въ честь императора новую філу, члены которой назывались 'Αδριανίδαи (n° 49) ⁴⁾. Впрочемъ, нужно замѣтить, что существованіе въ Мегарахъ шести стратиговъ было, вѣроятно, непродолжительно; въ эпоху, когда Мегары принадлежали къ Віотійскому союзу, полемарховъ тамъ было пять; а эти послѣдніе магистраты заступили мѣсто стратиговъ (Fouc. 34a). Ср. ниже, въ № 4, пять диміурговъ.

Время происхожденія даннаго документа не можетъ быть указано съ точностію; при нашихъ ничтожныхъ свѣдѣніяхъ относительно исторіи Мегаръ, имена магистратовъ, стояція въ началѣ документа, не могутъ имѣть непосредственнаго значенія въ этомъ случаѣ, и потому приходится обратиться къ содержанію документа, чтобы датировать его приблизительно и съ вѣроятностію.

Упомянутый въ строкѣ 7-й царь Димитрій могъ быть только Дими-

¹⁾ Ant. Hell. II p. 294.

²⁾ 26—34, p. 14.

³⁾ На эту чрезвычайную почесть, оказанную Димитрію Мегарцами, могъ написать Діод. Снц. καὶ τῶν ἀξιολόγων ἔτους ὑπὸ τῶν εὐκαθόντων. XX. 46, 3.

⁴⁾ Что касается до именъ стратиговъ, то нужно замѣтить, что Δαρμότης Δαρμία стоитъ на первомъ мѣстѣ только въ тѣхъ двухъ надписяхъ, гдѣ секретаремъ названъ Δαρμίας Δαρμότιλος (Kang. 696; Fouc. 34); въ Fouc. 31, 32, 33, 33 а, онъ записанъ на третьемъ мѣстѣ, а первымъ поставленъ Φωκῖνος Εὐάλκου. Порядокъ остальныхъ именъ не измѣняется. Относительно имени Φωκῖνος ср. С. I. A. II. 1. 198.

трій, сынъ Антигона Одноглазаго (Поліоркитъ)¹⁾. Извѣстно, что лѣтомъ 307 года Антигонъ отправилъ своего сына въ Грецію освобождать греческія государства изъ-подъ власти Кассандра. Димитрій овладѣлъ Пиреемъ; затѣмъ, оставивъ часть своего войска для осады Мунихіи, самъ двинулся на Мегары, гдѣ также находился гарнизонъ Кассандра. Мегары были взяты и объявлены свободными²⁾. Послѣ паденія главнаго города, конечно, и вся остальная Мегарида должна была подчиниться Димитрію, и съ тѣхъ поръ она остается за нимъ до конца его жизни³⁾. Мнѣ кажется, что декретъ въ честь Зонла сына Келена, Віотійца, принадлежитъ къ первому времени владычества Димитрія въ Мегаридѣ и именно къ первому году по установленіи шести стратиговъ.

Для подтвержденія этого предположенія я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на историческихъ обстоятельствахъ даннаго времени и коснуться того положенія, которое занимали въ Мегаридѣ Эгосоены. Димитрій овладѣлъ Мегарами только послѣ упорной борьбы, въ которой сами Мегарцы должны были дѣлательно поддерживать гарнизонъ Кассандра; по крайней мѣрѣ иначе трудно понять, почему Димитрій такъ сурово обошелся съ освобожденнымъ городомъ. Мегары были страшно разграблены, и только заступничество Аѳинянъ спасло городъ отъ худшей участи⁴⁾. При этомъ отношеніи Димитрія къ Мегарамъ представляется весьма вѣроятнымъ, что онъ поставилъ гдѣ-нибудь въ Мегаридѣ гарнизонъ⁵⁾. Вѣроятность этого предполо-

¹⁾ Тождество упоминаемой личности съ Димитріемъ, сыномъ Антигона Одноглазаго, очевидно. Ср. Fouc. 31, 32, документы, датированные тѣми же стратигами какъ и данная надпись. Отношенія, существовавшія къ Мегарамъ у Димитрія, сына Антигона Гонаты, совершенно неизвѣстны. Если Reingan. (Alt. Megaris. S. 155) утверждаетъ: «Ol. 128, 2, belagert sie Antigonus Gonatas, Usurpator des Makedonischen Throns, und nimmt sie. Sein Sohn und Thronfolger Demetrius nimmt sie später gleichfalls ein, und lässt sie plündern», то это основано на недоразумѣніи (см. Diog. Laert. II, 115). По видимому, все время правленія преемника Антигона Гонаты, Мегары оставались въ Ахейскомъ союзѣ. (Polyb. II. 43, 5, XX. 6, 7), и государственное устройство Мегаръ было тогда ясное (Ср. Fouc. 12).

²⁾ Τοῦ γάρ Ἀναξικράτους ἀρχοντας εὐθὺ μὲν ἢ τῶν Μεγαρίων πόλις ἴαλω. Philoch. fr. 144. (Müll. Hist. Gr. I. 408).

³⁾ Ср. Droys. Hell. II. 2, 234, 348.

⁴⁾ Plut. Demetr. IX. Diod. Sic. XX. 46.1. и др. Въ словахъ Plut. Lib. Educ. VIII: «Δημήτριος ἐξανδρποδισάμενος τὴν πόλιν, εἰς ἔδραφος κατέβαλε» во всякомъ случаѣ преувеличеніе. Droys. Hell. II. 2, 117, а. 3.

⁵⁾ Мѣсто Plut. Demetr. XXXI: ἐξέτιπτον γάρ ἕκασταχόθεν αἱ φρουраὶ доказываетъ, что Димитрій, освобождая греческіе города, не упустилъ изъ виду своихъ

женія усиливается тѣмъ, что въ кампанію 307—306 гг. Димитрію удалось освободить только Аены и Мегары. Изъ сосѣднихъ областей въ Коринѣ было войско Птолемея, а въ Віотіи замѣчалось, быть можетъ, благопріятствовавшее Димитрію движеніе ¹⁾, но Фивы были заняты войскомъ Кассандра, и съ этой стороны всего скорѣе можно было ожидать попытки Кассандра въ отсутствіе противника возвратить потерянную Мегариду ²⁾. На границѣ съ Віотіей поэтому Димитрію весьма естественно было занять какой-либо укрѣпленный пунктъ, который могъ бы въ случаѣ опасности задержать нападеніе или служилъ бы по крайней мѣрѣ удобнымъ наблюдательнымъ постомъ. Для этой цѣли всего лучше подходили Эгосеены ³⁾. Этотъ городъ лежалъ на самомъ сѣверѣ Мегариды; долина, въ которой была расположена его область, находится между двумя отрогами Киоерона и обращена къ Алкіонидѣ. Область ⁴⁾ Эгосеенъ служила естественнымъ путемъ изъ Віотіи въ Мегариду и Пелопоннись; изъ походовъ Лакедемонянъ въ среднюю Грецію извѣстно, какъ затруднительны были военныя дѣйствія по дорогамъ, пролежавшимъ черезъ Киоеронъ ⁵⁾; небольшой отрядъ могъ здѣсь легко загородить дорогу значительному войску ⁶⁾, и потому предпочитали переправлять войска моремъ черезъ Алкіониду. Особенно затруднительною описывается дорога, ведшая изъ Кревсиды черезъ отрогъ Киоерона, замыкавшій эгосеенскую долину съ сѣвера; она шла круто надъ самымъ моремъ и при сѣверномъ вѣтрѣ была небезопасна ⁷⁾.

интересовъ; за вѣрностію освобожденныхъ городовъ своему освободителю наблюдали, оказывается, нередко гарнизоны. Въ самихъ Мегарахъ навѣрно не было гарнизона; см. Plut. Demetr. IX и др.

¹⁾ Ср. Droys. Hell. II. 2, 31, 34, 36, 104, 180.

²⁾ Какъ небезопасными въ свое отсутствіе считалъ Димитрій освобожденные изъ города, видно изъ того, что предъ отъѣздомъ на Киръ онъ пытался склонить начальника гарнизоновъ въ Сикионѣ и Коринѣ сдать ему эти города. Plut. Demetr. IX.

³⁾ Αἰγοςθαῖνα, πόλις: Μεγαρίδος, οὐδιστέρως, ὡς Παιουσίας, τὸ ἐθνικὸν ὄφρα ἐν Αἰγοςθαῖνός, ὡς Μεγαρεός. Πολύβιος δ' Αἰγοςθαῖνίτην φησίν, ὡς Τάβαλα Ταβαλίτην Steph. Byz.

⁴⁾ Она совпадала, можетъ быть, съ округомъ древнихъ Киносурейцевъ. Burg. Georg. v. Gr. I. 372.

⁵⁾ Xen. Hell. V. 4, 14, 30. 47. и др.

⁶⁾ Ibid. V. 4. 46, 60. VI. 1, 10.

⁷⁾ Ibid. V. 4, 17.... ἄνεμος... πολλὰ μὲν γὰρ καὶ ἄλλα γενναῖα ἐποίησεν, ἀτὰρ καὶ ὑπερβάλλοντος αὐτοῦ (то-есть, Клеомброту) μετὰ τῆς στρατίας ἐκ τῆς Κρευσίδος.

Въ виду этого становится понятнымъ, какое важное стратегическое значеніе для перешейка должны были имѣть Эгосеены, и что они дѣйствительно его имѣли, это достаточно доказывается превосходными укрѣпленіями этого города, сохранившимися до нашего времени ¹⁾. На основаніи указанныхъ соображеній мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что Эгосеены были заняты гарнизономъ Димитрія немедленно послѣ освобожденія Мегаръ изъ-подъ власти Кассандра ²⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ становится возможнымъ время происхожденія нашей нашей надписи опредѣлять начиная съ лѣта 307 г. до Р. Эту дату можно установить болѣе точно. Если мы обратимъ вниманіе на характеръ нашего документа, то увидимъ, что среди другихъ мегарскихъ почетныхъ декретовъ онъ стоитъ особнякомъ. Содержаніе послѣднихъ довольно однообразное: ихъ типомъ можетъ служить Fouc. 30 b, гдѣ, чтимымъ лицамъ, за благорасположенность къ народу мегарскому и за услуги, оказываемыя при всякомъ случаѣ мегарскимъ гражданамъ, опредѣляется проксенія для нихъ самихъ и ихъ потомковъ и „все остальное, что дается по закону всѣмъ другимъ проксенамъ“. Изъ другихъ декретовъ видно, что чествуемымъ лицамъ присуждалось ἀσουλία καὶ κατὰ γᾶν καὶ κατὰ θάλασσαν καὶ ἐμ πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ, προεδρία ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγῶσιν οἷς ἂ πόλις τίθηται ἀτέλεια, γὰς καὶ οἰκίας ἔμπασιν ³⁾. Только въ одномъ документѣ II н. до Р. упоминается лавровый вѣнокъ (δάφνης στέφανος). Fouc. 35a. p. 26. Между тѣмъ въ нашемъ почетномъ декретѣ Зонль не только увѣнчивается золотымъ вѣнкомъ, но ему еще дается право гражданства съ потомствомъ. Мегарцы, какъ вообще всѣ города дориче-

---

τὸ καθῆκον ἐπὶ θάλατταν ὄρος πολλοὺς μὲν ὄρους κατεχρήμισεν αὐτοῖς σκαύσει, πάνπολλα δὲ ἔπλα ἀφάρπασθέντα ἐξέπνευσεν εἰς τὴν θάλατταν κτλ.

¹⁾ Ross. Arch. Aufs. I. 236—237.

²⁾ Во вторую кампанію въ Греціи, когда Вiotia была открыта на сторонѣ Димитрія, а Коринѣе былъ занятъ его войсками, небольшая крѣпость на границѣ Мегариды и Вiotia не могла имѣть серьезнаго значенія; поэтому менѣе вѣроятно, чтобы тамъ могъ быть имѣ поставленъ гарнизонъ въ этотъ періодъ его владычества въ Греціи. Впрочемъ, нужно думать, что, отправляясь противъ Кассандра (лѣтомъ 302 г.), Димитрій обезопасилъ за собою обладаніе Мегаридою. Деніанс, получивъ извѣстіе о битвѣ при Ипсѣ, отправляютъ жену Димитрія Дидамію въ Мегары, очевидно предполагая, что этотъ городъ останется за Димитріемъ. Plut. Demetr. XXX.

³⁾ «On voit que Mégare était beaucoup moins prodigue d'honneurs que les autres cités et notamment qu' Athènes». Fouc. p. 15. Золотой вѣнокъ встрѣчается въ афинскомъ почетномъ декретѣ уже 92. З. С. I. А. I. 59.

ческаго племени, давали иностранцамъ право гражданства крайне рѣдко ¹⁾; изъ этого уже очевидно, что Мегарцы присудили Зонлу чрезвычайныя почести ²⁾. Тѣмъ болѣе интересъ представляетъ возможное побужденіе, руководившее мегарцами при составленіи даннаго декрета. Формальный поводъ ³⁾ къ тому выраженъ въ строкахъ 5—9: ἀπειθῆ τοῖ Αἰγостανίται ἀνάγγελον... καὶ ἀξίουν αὐτὸν διὰ ταῦτα τιμαθῆμεν ὑπὸ τὰς πόλιος. Эгосеены, бывшія сначала только одною изъ комъ, на которыя распадалось населеніе Мегариды, благодаря обособленности своего положенія и частымъ потрясеніямъ, которымъ подвергался главный городъ Мегариды, приобретаютъ потомъ полную независимость. Когда совершилось это выдѣленіе Эгосеенитовъ изъ государства Мегаръ, должно остаться не рѣшеннымъ; но что это совершилось уже въ сравнительно позднее время, это доказываетъ фактъ, что официально, какъ на примѣръ, въ нашемъ документѣ, Эгосеены продолжаютъ считаться комою Мегаръ ⁴⁾. При такихъ отношеніяхъ Эгосеены къ Мегарамъ становятся совершенно понятнымъ, если Эгосеениты заимствовали свое государственное устройство изъ главнаго города Мегариды. Документы у Фукара 1—14 доказываютъ отдѣльное политическое существованіе Эгосеены, на сколько оно было возможно для небольшого города. Димитрій, заивъ городъ своимъ отрядомъ, оставилъ за нимъ право вступать въ официальные сношенія съ другими республиками, какъ это доказываетъ нашъ документъ ⁵⁾. Предлагаая Мегарцамъ почтить Зонла, Эгосеениты должны были сами подать примѣръ, и нѣтъ сомнѣнія, что до отправленія посольства въ Мегары, послужившаго поводомъ къ составленію нашего документа, Зонлу были уже оказаны почести въ Эгосеенахъ. Если принять во вниманіе ту полную зависимость, въ ко-

¹⁾ Заслуживаетъ вниманія анекдотъ Плутарха объ Александрѣ: Ἀλεξάνδρῳ πολιτείαν Μεγαρεῖς ψηφίσασθαι· τοῦ δ' εἰς γέλωτα θεμένου τὴν σπουδὴν αὐτῶν, εἰπεῖν ἑκείνους, ὅτι μόνῃ πρότερον τὴν πολιτείαν Ἠρακλεῖ καὶ μετ' ἑκείνου αὐτῷ ψηφίσαιτο. De ap. in republ. domin. II.

²⁾ Это же бросается въ глаза при сравненіи настоящаго декрета съ декретомъ въ честь Клеона Эрнорейца. За услуги, которыя оказывалъ послѣдній народу мегарскому, проживавъ при дворѣ Димитрія, ему дается то же, что и другимъ проксенамъ. Fouc. 31. 5—10.

³⁾ Въ мегарскихъ декретахъ, дошедшихъ до насъ, не называется лице, которое внесло и поддерживало предложеніе.

⁴⁾ Въ противоположность Эгосеенамъ Мегары являются, какъ πόλις, стр. 9.

⁵⁾ ἀνάγγελον и ἀξίουν обычныя выраженія о послахъ. C. I. G. 549I: ἀπειθῆ ἀνάγγελον οἱ πρεσβείας... 304B: καθὼς καὶ οἱ πρεσβεῦται ἤξιον.

торой находился городъ отъ квартировавшаго въ немъ отряда солдатъ, то будетъ совершенно понятно, почему Эгосеениты старались снискать благорасположеніе Зоила; но что могло побудить Мегарцевъ вотировать послѣдному чрезвычайныя почести? Извѣстная степень зависимости, въ которой находились они отъ него, объясняетъ дѣло только отчасти; притомъ въ такомъ случаѣ декретъ былъ бы скорѣе вотированъ ими по своей инициативѣ. Не возможно также предположить, чтобы Мегарцами руководило въ данномъ случаѣ одно желаніе сдѣлать угодное своимъ сосѣдямъ; скорѣе Эгосеениты могли дѣйствовать по уговору съ Мегарцами, чтобы дать послѣднимъ поводъ заявить Зоилу свою благодарность; дѣятельность послѣдняго должна была имѣть непосредственное и важное значеніе для Мегаръ; чрезвычайность почета, оказаннаго Зоилу, естественно приводитъ на мысль катастрофу, постигшую Мегары лѣтомъ 307 года: тогда всего скорѣе могъ оказать онъ Мегарамъ какую-либо чрезвычайную услугу. Мнѣ представляется далѣе весьма вѣроятнымъ, что квартировавшій въ Эгосеенахъ отрядъ принадлежалъ къ войску Димитрія, съ которымъ онъ бралъ Мегары. Въ такомъ случаѣ весьма естественно принять, что Зоилъ, сынъ Келена Віотіецъ ¹⁾, былъ однимъ изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ осадѣ Мегаръ въ 307 г.; быть можетъ, благодаря его усиліямъ отчасти были спасены тогда Мегары отъ совершеннаго разрушенія. Если допустить это предположеніе, то время происхожденія нашего документа нельзя будетъ особенно удалить отъ указаннаго событія. Но съ другой стороны, въ надписи есть указанія, что она не могла быть составлена въ 307 г. Въ стр. 7-й Димитрій называется царемъ; извѣстія о томъ, когда бывшіе полководцы Александра официально приняли титулъ царей, довольно неопредѣленны; но кажется, можно допустить, что это совершилось вообще не ранѣе конца Кипрской войны; только Аѳиняне называли Антигона и Димитрія царями еще во время пребыванія послѣдняго въ Аѳинахъ въ 307—306 гг. ²⁾. Согласно этому мы полу-

¹⁾ Съ какою цѣлью начальникомъ крѣпости, расположенной на границахъ съ Віотіей, былъ назначенъ именно Віотіецъ, должно остаться нерѣшеннымъ; быть можетъ, Димитрій при его посредствѣ тѣмъ легче надѣялся поддерживать въ свое отсутствіе изъ Греціи дружественныя отношенія съ Віотійскимъ союзомъ.

²⁾ Это утвержденіе основывается главнымъ образомъ на словахъ Плутарха Demetr. IX: πρῶτοι μὲν γὰρ ἀνθρώπων ἀπάντων τὸν Δημήτριον καὶ Ἀντίγονον βασιλεῖς ἀνυπόρουσαν. Изъ его разсказа выходитъ, что это была будто бы одна изъ

чаемъ для нашего декрета первую половину 306 г. Съ другой стороны, нужно обратить вниманіе на то, что въ документѣ является уже шесть стратиговъ. Въ афинскомъ государственномъ устройствѣ 12 филъ являются только съ лѣта 306 г. ¹⁾; но соответствующее измѣненіе въ Мегарахъ должно было быть произведено нѣсколько ранѣе, такъ какъ мегарскій первый мѣсяцъ падалъ на мартъ и апрѣль ²⁾. Такимъ образомъ, для нашего документа съ вѣроятностію получается дата отъ второй половины марта до лѣта 306 г. до Р. X. Шесть стратиговъ, которыми датированъ нашъ документъ, были первыми послѣ измѣненія въ Мегарахъ государственнаго устройства, а изъ трехъ царей, упоминаемыхъ вмѣстѣ съ ними (Аполлодора с. Эвфронія, Эвклія, Θεομάτα), Аполлодоръ былъ первымъ эпонимомъ.

Мнѣ остается сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній, касающихся нашей надписи. Въ стр. 13-й встрѣчается указаніе на агоны, происходившіе въ Мегарахъ. Изъ схолий къ Пиндару извѣстны четыре мегарскихъ агона: Діокліи, Писіи, Немеи ³⁾ и Алкаѳи ⁴⁾. Кромѣ того, изъ Фоус. 85 извѣстны τὰ Διονύσια. Относительно стр. 15-й: καὶ ἀνθέμεν εἰς τὸ Ὀλυμπιαῖον нужно замѣтить, что округъ Зевса Олимпійскаго служилъ въ Мегарахъ въ данную эпоху обыкновеннымъ мѣстомъ, гдѣ выставлялись почетные декреты ⁵⁾. Относительно Олимпіея мы имѣемъ свидѣтельство Павсанія I, 40, 3: μετὰ ταῦτα εἰς τὸ τοῦ Διὸς τέμενος ἐσέλθοισι χαλοόμενον Ὀλυμπιαῖον ναὸς ἐστὶ θεῶας ἄξιος κτλ. Возлѣ этого священнаго округа находилась гимнасія, гдѣ выставляли списки эфировъ (Фоус. 34 e).

Документъ нашъ по языку принадлежитъ дорическому нарѣчію;

первыхъ почестей, возданныхъ Аениями Антигону и Димитрію. Впр. ср. Grauert Gesch. Ath. p. 328. Слѣдующее замѣтъ у Плутарха извѣстіе о жрецахъ-эпонимахъ ослабляетъ авторитетъ мѣста; но извѣстіе Плутарха подтверждается надписями. С. I. A. II, 1, 238 по имени отца секретаря должна быть отнесена къ архонству Анаксикрата (пята пританія, посидомъ). Ср. 241. Между тѣмъ въ 18-й строкѣ стоитъ: βασιλ]ία Ἀντίγον[ων].

¹⁾ С. I. A. II, 1, 238.

²⁾ См. В. Латышевъ. О измѣн. эоліч. и доріч. кал. таблица I.

³⁾ Böckh. Pind. Op. II, p. 182. Schol. Ol. Z'. 157. ἐν Μεγάροις] τὰ Διόκλεια καὶ Πίσια καὶ Νεμία. Ср. Фоус. 42, 6. Πυθία πηγμήν.

⁴⁾ P. 465, Schol. Nem. Ep. 84 Νίσου τ' ἐν εὐαγγελί λόφῳ] ἐν Μεγάροις τῷ εὐθέτῳ χωρίῳ ὁμοίως ἐνίχθη τὰ Ἀλκαθία.

⁵⁾ Во времена Павсанія мегарскимъ государственнымъ архивомъ служило другое святилище: Ἀλκαθίου ἱερῶν ἢ Μεγαροῖς ἐς γραμμάτων φυλακὴν ἐχρῶντο ἐπ' ἐμοῦ. I, 43, 4.

относительно правописанія Αἰγόντανα, Αἰγόνενταῖι вмѣсто обычныхъ формъ черезъ θ ср. Πόπος. Herin. IV, 273. Въ формѣ τμῆ (стр. 16) замѣчательнъ пропускъ конечной ι.

III.

Познакомлю еще съ двумя мегарскими надписями (№№ 3 и 4). Обѣ онѣ, судя по имени авлита, должны быть отпесены приблизительно къ одному времени. Если признать тожество упоминаемаго въ № 3 Эримна, сына Θεομνάστα, съ стратигомъ, встрѣчающимся Fouc. 27, то оба документа придется датировать къ концу IV в. до Р. X. Во всякомъ случаѣ по эпиграфическимъ и діалектическимъ признакамъ они не могутъ быть позже III в.

Камень съ надписью № 3 служитъ порогомъ у юго-восточныхъ дверей въ церкви св. Дмитрія; надпись находится у входящаго на лѣво; камень сверху и справа обломанъ; высота сохранившейся части 0,22, ширина 0,72

1. Ἀπόλλωνι Προστατηρίῳ	θεαροὶ ἀνέθηκ(αν).
Μελίδωρος Ἡροδώρου,	Αἰσχύλος Εὐκλείδ(α),
Ἡρέας Ἀλείου,	Ἐριμνος Θεομνάστο(υ),
Πάνης Θεοκλείδα,	Διοκλείδας Κλειμηλίου.
5. Ἀὐλ(ητ)ᾶς	Ἀγλό(?)νικος Ὀνομα(χλέος?).

О формѣ θεαρός см. Ahr. dial. Dor. § 22, p. 181.

Относительно этимологii имени Θεοκλείδα, Θεομνάστου и встрѣчающагося въ №4 Θεολῆς ср. Fouc. 3 и 70. О храмѣ Аполлона Простатирія въ Мегарахъ Paus. I, 44, 2. Velsen (Arch. Anz. 1854, № 61, S. 421) описываетъ остатки античнаго зданія, которые должны, по его мнѣнiю, принадлежать названному святилищу.

Камень съ надписью № 4 вдѣланъ въ стѣну погребца, принадлежащаго нѣкоему Κώστας Σκληρούνας; надѣво отбитъ; высота сохранившейся части 0,14, ширина 0,96. Этотъ памятникъ изданъ Бѣккомъ (C. I. G. 1070), но списки Пококка и Виллуазона, которыми пользовался составитель Согрус'а, были не вполне удовлетворительны. На камнѣ было три надписи, о чемъ впрочемъ догадывался уже и Беккъ (plures sunt eiusdem, ut videtur, lapidis tituli). Сначала на камнѣ было вырѣзано посвященiе къ авленимату, сдѣланному есорами Аполлону Простатирiю:

№ 9.

2

1. ('Απόλλωνι) Προστατηρί(φ) ος Ματροκλέος, ν)ούργου, 'Α)λχία,	θεαροὶ ἀνέθηκαν 'Αγλέας Πασέα, Θοκλής Δέξωνος, 'Αμφία; Σμάχου.
5. ΚΑΛΛΕΪΤΑ ¹⁾ Λύλητά; 'Αγλό(?)νικος 'Ονο
(μακλέος?).

Относительно имени Σμάχου см. Fouc. 29.

В императорскую эпоху на камне поверх старого документа громадными буквами в 0,026 вырезаны были две новых надписи. От бывшей на лѣво сохранилось одно слово (δ)ῆμος; предъ нимъ должно было стоять: ἡ βουλή καὶ ὁ, а ввизу ими чтимаго лица; надпись направо сохранилась вся: ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος -- 'Ιουλίαν. Относительно послѣдняго имени Бёккъ замѣчаетъ: Videtur autem Iulia Augusti uxor intelligenda esse, quae olim Livia. Впрочемъ, относительно послѣднихъ двухъ надписей я долженъ оговориться; мнѣ рѣшительно непонятно, зачѣмъ для посвященія подъ статуями императрицы (и быть можетъ, самого императора) нужно было употребить старый камень. Небрежность и очевидная незаконченность буквъ двухъ позднѣйшихъ надписей наводитъ меня на мысль, что это скорѣе была проба рѣзца на первомъ попавшемся камнѣ со стороны лица, которому было поручено сдѣлать надписи къ анаониматамъ совѣта и народа, нежели настоящія надписи. Для послѣднихъ, конечно, можно было бы найти болѣе подходящій матеріалъ и форму.

IV.

Камень съ надписью № 5 найденъ мною въ развалинахъ одной новѣйшей постройки; его высота 0,39, ширина 0,21; боковыя плоскости шлифованы; стороны — верхняя, нижняя и задняя оставлены необдѣланными; наверху находится углубленіе, въ которомъ былъ укрѣпленъ анаониматъ; величина буквъ 0,02.

1. Δημοργοὶ 'Αφροδίτα
Εὐάνδρος Νικόλα,
Δεχάνων Διοκλείδα,
Πολύβιος Μυρτίλου,

¹⁾ Очевидно, родительный падежъ собственнаго имени Καλλιότα. У Бёкка по старымъ спискамъ ἡτραλλιότα, и Бёккъ догадывался, что здѣсь два собственныхъ имени. Θ. С.

1.
 ΔΙΑΒΑΤΟΛΑ
 ΤΑΝΑΒΚΑΤΑ
 ΚΑΝΒΟΒΚΑΝΑΟ
 ΝΑΙ

δ.
 ΛΑΜΙ ΟΡΓΟΙ ΑΦΡΟΔΙΤΑΙ
 ΕΥΑΝΔΡΟΣ ΜΙΧΑΛ
 ΔΕΚΑΙΩΝΑ ΚΑΙ ΚΛΕΙΔΑ
 ΠΟΛΥΒΡΑΥΡΤΙΑΟΥ
 ΔΙΩΝΕΛΛΑΝΙΩΣ Υ
 ΝΙΚΟΝ ΕΥΚΤΗΜΟΝΟΣ
 ΓΡΑΜ ΑΤΕΥΣ
 ΧΕΡΙΑ ΣΓΥΟΟ ΔΟΡΦ

2.

ΠΑΝΙΣ ΘΟΚΛ ΕΙΔΑ
 ΑΥΛΙ ΑΣ ΑΓΛΟΙΚΟΣ ΘΟΥΜΑ

ΕΠΙΤΥΝΟΥΣΕΘΩΝ ΑΣΤΟΝ
 ΔΙΟΚΛΕΙΔΑ ΖΚΑΙ ΜΗΛΟΥ

4.

ΗΡΜΟΖΑΣ Η ΡΙΘΗ ΖΘΟΥΚΑ Η ΚΑΜΗ ΝΟΔΗΜΟΣ
 ΟΣΜΑΤΡΟΚΚΕΟΣ ΑΓΕΑΣ ΠΑΣΕΑ
 ΝΟΥΡΓΟΥ ΘΟΚΛΗ ΣΔΕ ΖΑΝΗ ΣΟ ΥΛΙΑΝ
 ΑΚΙΑ ΑΜΦΙΑΣ ΣΜΑΧΟΥ
 ΚΑΜΕΥΤΑ ΑΥΛΗΤΑ ΣΑΓΛΟ ΝΙΚΟ ΖΜΗ

ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ ΕΡΜΗΝΕΥΤΙΚΟΝ ΚΑΙ ΕΠΙΓΡΑΦΙΚΟΝ ΜΟΥΣΕΙΟΝ

5. Δίων Ἑλληνί[χ]ου,
 Νίχ(ω)ν Εὐκτήμονος.
 Γραμ(μ)ατὰς
 Χερρί(α)ς Ποθοδώρο(υ).

Надпись принадлежит ко времени, когда Мегары были соединены съ Ахэйскимъ союзомъ: Fouc. 12. Павсаній упоминаетъ въ Мегарахъ два храма Афродиты: Афродиты Эпистрофία, находившейся на Каріи I, XL. 6, и Афродиты Πρακσία XLIII, 6.

Д. Корольковъ.

ОБЪ ЭЛИЗИИ И Ν ΕΦΕΛΚΥΣΤΙΚΟΝ У ГИПЕРИДА.

Извѣстно, что въ греческомъ языкѣ вообще старались обыкновенно избѣгать зіянія (hiatus, *χασμῶδία*). Особенно сильно замѣтно это стремленіе въ драматической поэзіи, которая преимущественно должна была быть привлекательною для слушателей и по формѣ, и потому отнюдь не должна была никоимъ образомъ рѣзать ихъ ухо. Послѣ драматическихъ поэтовъ на первомъ планѣ стоятъ ораторы, и между ними первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Исократу и Демосѣену. Средствъ для избѣжанія зіянія было очень много: самое удобное и наиболѣе примѣняемое, благодаря свободѣ греческаго языка въ этомъ отношеніи, было расположеніе словъ; тамъ же, гдѣ къ нему прибѣгнуть было нельзя, именно гдѣ членъ, предлоги и многіе союзы требовали опредѣленнаго мѣста, или гдѣ при всякой разстановкѣ все-таки оставалось зіяніе, или же гдѣ въ интересахъ смысла слово, на которомъ лежитъ логическое удареніе, должно было непременно занимать то или другое мѣсто, зіяніе устраняли или посредствомъ элизии, или посредствомъ кразиса, или посредствомъ *ἠφελκυστικόν*, или же посредствомъ прибавлявшейся въ концѣ *ς* (*ὄτω*, *ὄτως*) или *χ* (*ὄβ*, *ὄβχ*).

Въ настоящей статьѣ мы займемся только вопросомъ объ элизии и объ *ἠφελκυστικόν*, на сколько онъ касается дошедшихъ до насъ четырехъ рѣчей Гиперида. Эти же рѣчи выбраны нами, между прочимъ, потому, что рукописи, въ которыхъ онѣ дошли до насъ, безспорно принадлежатъ къ числу самихъ древнихъ рукописныхъ памятниковъ греческой древности. Рѣчи эти, какъ извѣстно, написаны на двухъ папирусахъ, изъ коихъ первый, заключающій въ себѣ рѣчи противъ Демосѣена, за Ликофрона и за Евксениппа, Зауппе относимъ ко времени не позже половины втораго столѣтія до Р. Х., а

Блассъ, не дѣлая столь точнаго опредѣленія, оставляетъ выборъ въ промежуткѣ времени отъ III вѣка до Р. Х. и до IV по Р. Х.; второй же папирусъ, въ которомъ дошла до насъ надгробная рѣчь, Компаретти предполагаетъ написаннымъ также, какъ и первый, во II в. до Р. Х., Бебингтопъ и Зауше—во II в. по Р. Х.: Блассъ же, которому въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ всѣми остальными, основываясь на астрономическихъ вычисленіяхъ, сдѣланныхъ на другой сторонѣ папируса, принимаетъ, какъ *terminus post quem* или 95 г. по Р. Х., или 155 тоже по Р. Х., склоняясь, впрочемъ, лично къ первому опредѣленію времени ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, принявъ даже первый папирусъ написаннымъ въ IV в. по Р. Х., дальше каковаго срока никто не идетъ, а второй—во II в. по Р. Х., мы все-таки будемъ имѣть дѣло, какъ выше и сказано, съ одною изъ найдревнѣйшихъ рукописей.

И такъ, хотя въ общемъ, какъ мы сказали въ началѣ, въ греческомъ языкѣ замѣтно стремленіе избѣгать зіянія, однако и у аттическихъ авторовъ мы встрѣчаемъ случаи, когда оно не устранено, по крайней мѣрѣ въ письмѣ. Что это не всегда можетъ быть объяснено просто ошибкой переписчика, тому служатъ свидѣтельствомъ надписи, въ которыхъ о погрѣшностяхъ такого рода едва ли можетъ быть и рѣчь.

Что касается специально до Гиперида, то въ предлогахъ вездѣ, гдѣ только было можно, конечная гласная элидирована, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго перечня ²⁾: I, I, 12 καθ' αὐτοῦ. 1, 14 καθ' ἄ. VII, 1 κατ' αὐτοῦ. XXII, 25 κατ' αὐτῶν. XXIII, 10 καθ' ὁμῶν. XXXIII, 6 καθ' αὐτῶν. II, *fragm.* III, XLV, (8) κατ' ἐμοῦ. XV, 2 κατ' ἐμοῦ. III, XX, 7 τὰ καθ' ἕκαστα. XX, 16 καθ' ἕκαστον. XXIII, 20 κατ' αὐτῶν XXVII, 20 καθ' ἐν. XXXIV, 23 κατ' Εὐξενίππου. XII, 1 κατ' αὐτοῦ. XLVIII, 8 καθ' ἕνα. IV, I, 26 κατ' [ἐχεινο. II, 21 καθ' ἕκαστον. IV, 5 κατ' ἄνδρα. IX, 33 καθ' ἡμέραν.

I, V, 24 ἐφ' αὐτοῖς. XXIII, 23 ἐπ' αὐτῶν. II, *fragm.* II, XLII, (10) ἐπ' αὐτήν. III, XXXIII, 8 ἐπ' ἐργαστηρίου. XLII, 19 ἐπ' αὐτοῦ.

I, VI, 27 παρ' ὁμῶν. XXII, 24 παρ' ὁμῶν. XXIII, 20 παρ' Ἀλεξάνδρου. XXXVII, 1 παρ' ἕκαστου. XXXVIII, 6 παρ' ὁμῶν.

¹⁾ См. стр. XVIII и слѣд. его введенія ко 2-му изданію Гиперида.

²⁾ Въ цитатахъ первая римская цифра означаетъ рѣчь, вторая столбецъ рѣчи и третья арабская—строку столбца. Счетъ ведется по 2-му изданію Бласса (Teubner).

II, frgm. I, XL I, (11) καρ' ὑμῶν. III, XV III, 10 καρ' ὑμῖν. XXIII, 21 καρ' οἷς, XXXII, 10 καρ' αὐτῶν. XXXIV, 6 καρ' ἐκείνων. XXXIV, 15 καρ' ἐνί. XXXV, 20 καρ' αὐτῆς. XXXVI, 18 καρ' Ὀλυμπιάδος. XXXVIII, 10 καρ' Εὐξενίππου. XLVIII, 2 καρ' ὦν. XLVIII, 12 καρ' ὦν.

IV, V III, 12 ἐκαρ' ἐκάστοις. XII, 7 καρ' ὑμῖν.

I, X, 18 ἀν]θ' ἐπ[τ]αχοσίων.

I, XIX, 24 ὑφ' ὑμῶν. III, XXVI, 3 ὑπ' Ἀλεξάνδρου. LXVII, 15 ὑπ' αὐτοῦ. IV, I, 28 ὑπ' ἐμοῦ.

I, XXIII, 9 δι' ὑμᾶς. XXIV, 2 δι' ἀγνοίαν. II, XI, 21 δι' ἐκίχειαν. III, XXIX, 2 δι' ὄπερ. IV, V, 23 δι' ὦν.

I, XXIII, 13 ἀπ' αὐτῶν. IX, 16 ἀφ' ὄρων. XVIII, 24 ἀπ' Εὐρίπου. II, III, 7 ἀφ' ὦν. XII, 22 ἀπ' αὐτοῦ. III, XIX, 4 ἀπ' εἰσαγγελίας.

II, XIII, 5 μεθ' ὑμῶν. III, XLIII, 17 μετ' ἐκείνην. IV, I, 6 μετ' ἐκείνου. VII, 35 μετ' ἐλαττόνων. XII, 38 μετ' ἐκείνου.

Лишь въ двухъ мѣстахъ, и притомъ въ IV-н рѣчи, которая написана хуже остальныхъ, мы встрѣчаемъ предлогъ διὰ не элидированнымъ, именно II, 14 διὰ ἀμφοτέρω, и X, 28 διὰ ἀνδραγαθίαν. Относительно этихъ мѣстъ, намъ кажется, не можетъ быть сомнѣнiя въ томъ, что зiянiе допущено исключительно по ошибкѣ переписчика.

Равнымъ образомъ и въ словахъ δέ, μηδέ и οὐδέ, на сколько можно судить изъ палируса, сравнивая число мѣстъ, гдѣ ε элидировано, и гдѣ оно оставлено, мы склоняемси, вопреки мнѣнiю Лисснера ¹⁾, къ тому убѣжденiю, что тамъ, гдѣ допущено зiянiе, оно допущено по влiгѣ переписчика. Именно 61 разъ зiянiе устранено посредствомъ элизи. и 28 разъ оно осталось. Устранено оно въ слѣдующихъ мѣстахъ: I, III, 3 τελευταῖων δ' ἴσως. V, 28 Δημοσθένης δ' οὐ. VII, 11 τοῖς δ' ἄλλοις. IX, 27 ὁ δ' ἀπεκρίνατο. XII, 1 οὐ δ' ὁ τῆ ψηφίσματι. XII, 20 Τροοῦτον δ' ὦ ἄνδρες. XIII, 17 ἐπειδή δ' ὑμῶν. XVI, 4 τὰδ' ἐν Πελοποννήσῳ. XVIII, 12 παρὰ δ' Ὀλυμπιάδι. XXXIII, 3 οἱ δ' ἀντί. XXXIII, 10 ἀδείας δ' αὐτοῖς. XXXVII, 11 τὸ δ' ἀποφῆναι. XXXIX, 18 οὗτος δ' ἄν. VII, 15 οὐδ' ὑπέρ. XXVII, 15 οὐδ' ὅτι Φίλιππος. XX, 13 μηδ' ἐπὶ γήρωις ὀδῶ. II, II, 14 τῶν δ' ὄσοι. II, 18 ὅποσοι δ' ἂν ἐθέλωσιν. II, 20 τὸ δ' ἀργύριον. III, 3 Ἄξιον δ' ἐστίν. X, 10 αὐτὸς δ' ὑπερπηδήσας. XI, 26 ὑμᾶς δ' οἶμαι. XIII, 21 ἐσπεφάνωμαι δ' ὑπό. XIII, 15 οὐδ' ἔτερον. XV, 6 οὐδ' ὑμεῖς. III, XIX, 20 Ἀγασικλῆς δ' ὁ ἐκ Πειραιέως. XIX, 24 Εὐξενίππος δ' ὑπέρ. XXVII, 9 Εὐξενίππου δ' ὅτι. XXXII, 16 οὐ δ' ἐκεῖ. XXXIV, 18 οὐ δ' ἐκείνων.

¹⁾ Zeitschrift f. d. oesterr. Gymn. 1864, стр. 72—76.

XXXVII, 5 εἰς δ' ἐπί. XL, 17 οὐ δ' ἄ μὲν εἰπεῖν. XL, 22 ἰδιώτης δ' ὄντα. XLIV, 7 τοῦτο δ' εἰ βούλει. XLIV, 20 μετεῖχον δ' αὐτοῦ. XLVIII, 20 Βραχὺ δ' ἔτι. XLIX, 17 λοιπὸν δ' ἔστι. XXII, 26 οὐδ' ὑπωμοσίαν. XXXIV, 20 οὐδ' εἰς ἀγῶνα. XXXVIII, 18 οὐδ' αὐτὸς ἰδιώτην. XXXIX, 27 οὐδ' οὕτως. XLVI, 2 οὐδ' ὄστις. XXXI, 7 μηδ' ἐν τῇ Ἀττικῇ. XXXVII, 26 μηδ' εἰς τούτους. IV, V, 21 ἐντεῦθεν δ' ἐλθῶν. V, 38 συνέβη δ' αὐτῶ. VI, 1 τῆς δ' εἰμαρμένης (γλῆ Βλασσὲ νεβῆρνο читаετῆ τῆς δὲ εἰμαρμένης). VI, 2 δίκαιον δ' ἔστιν. VII, 3 μέγα δ' αὐτοῖς. VII, 9 τὴν δ' ἀκρόπολιν. VII, 41 τὴν δ' εὐδοξίαν. VIII, 8 συναλόντα δ' εἰπεῖν. VIII, 16 φανερόν δ' ἐξ ὧν. IX, 3 χειμῶνων δ' ὑπερβολάς. X, 20 νῦν δ' ἄνδρες. X, 25 νῦν δ' ἀπό. IX, 25 οὐδ' αἰτίαν φοβράν. IX, 27 οὐδ' ἐπὶ τοῖς κολακεύουσιν. XIII, 11 ὁ δὲ μηδ' ἐπελθεῖν. XIII, 26 οὐδ' ἔστιν.

Осталось зияніе въ слѣдующихъ мѣстахъ: I, I, 17 ἔγραψεν δὲ αὐτά. I, 21 ἐψηφίσαστο ὅς ὁ δῆμος. XII, 23 μᾶλλον δὲ εἰ δεῖ. XXXVIII, 1 εἰς δὲ ἡ ψῆφος. II, frgm. II, XLII, (16) ὑμᾶς δὲ ὧ ἄνδρες. II, 1 Ἀρίστωνος δὲ ἀνδράποδα. III, 28 ἐγὼ δὲ ἄ καὶ πρὸς. VI, 15 πάλιν δὲ ἀκούων. IX, 11 οὐ δὲ οὐ μόνον. X, 1 προειδῶτα δὲ ἄ ἔχω ἐγὼ. XVI, 8 προσκατέμεινα δὲ αὐτόθι. XV, 16 ἐπειδὴ δὲ ὁ κατήγορος. XIV, 18 μηδὲ ἐν τῇ πατρίδι. III, XXI, 2 ἐγὼ δὲ οὕτε πρότερον. XXVIII, 10 εἰ δὲ ὥσπερ νυνὶ λέγεις. XXXVIII, 26 ψήφισμα δ' αὐτοτελές. XXXI, 23 δεῖ δὲ ὧ βέλτεστε. XXXVIII, 15 αὐτὸς δὲ ἄλλον. XLVI, 26 ὑμεῖς δὲ ὧ ἄνδρες. XLVIII, 11 νῦν δὲ Ἀθηναίους. IV, II 31 ἐπὶ κεφαλαίων δὲ οὐκ ὀκνήσω. III, 15 τὸ δὲ ἴσον. III, 17 τοῖς δὲ ἰδίους. IV, 7 περὶ δὲ Ἀθηναίων. V, VIII, 21 τοῖς δὲ ἀνθρώποις. XI, 41 εἰ δὲ ὠφελείας. XIII, 16 οὗτος δὲ ἐν τῇ τῶν ἐχθρῶν. XIII, 40 ὑπερβυλλούσης δὲ ἀρετῆς.

Но и изъ этихъ 28 мѣстъ, въ которыхъ осталось зияніе, есть нѣсколько, въ коихъ оно можетъ быть допущено, во первыхъ, потому, что за словомъ окочнвающимся на гласную, слѣдуетъ обращение: II, frgm. II, XLVII, (16) ὑμᾶς δὲ, ὧ ἄνδρες. III, XXI, 23 δεῖ δὲ, ὧ βέλτεστε. XLVI, 26 ὑμεῖς δὲ, ὧ ἄνδρες, хотя мы читаемъ, съ другой стороны: I, XII, 20 Τοσοῦτον δ' ὧ ἄνδρες, и новторыхъ, потому, что за частицей δὲ слѣдуетъ придаточное предложение: I, XII, 23 μᾶλλον δὲ, εἰ δεῖ. II, III, 28 ἐγὼ δὲ ἄ καὶ ἔλεγον. X, 1 προειδῶτα δὲ ἄ ἔχω. III, XXVIII, 10 εἰ δὲ, ὥσπερ νυνὶ λέγεις, хотя и тутъ замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность, такъ какъ въ шести мѣстахъ е эллинировано: I, VII, 23 ἐγὼ δ' ὅτι μὲν ἔλαβας. II, II, 14 τῶν δ' ὅ σοι μὲν ἂν μὴ διδῶσιν αὐτῶ. III, XXVII, 9 Εὐξενίππῳ δ' ὅτι ἰδιώτης ἔστι. XL, 17 οὐ δ' ἄ μὲν εἰπεῖν Εὐξενίππον φῆς. XLIV, 8 τοῦτο δ' εἰ βούλει. IV, VIII, 16 φανερόν δ' ἐξ ὧν ἀναγκαζόμενα καὶ νῦν ἔτι.

И такъ, если изъ этихъ 28 мѣстъ мы вычтемъ приведенныя семь, то получится 21 мѣсто безъ элизиі противъ 61 съ элизіей, и при такой пропорціи, намъ кажется, ихъ смѣло можно отнести къ небрежности переписчика.

Относительно союза *ἵνα*, гласная котораго дважды сохранена передъ слѣдующею гласною: I, X, 16 ἀλλ' ἵνα εἰδῆ. IV, IV, 22 ἵνα ἄνδρας, и разъ элидирована: III, XII, 7 ἵν' εἰν,—трудно сказать что-нибудь опредѣленное

Что касается до οὔτε и μήτε, то въ 8 мѣстахъ (а не въ 5, какъ говорить Лиснеръ, стр. 75), конечная гласная опущена, въ 6 же (а не въ 5, какъ онъ утверждаетъ на той же страницѣ) элизиі нѣтъ. Мѣста эти слѣдующія: I, XI, 11 οὔτ' ἂν ἐπρί[ατο. XI, 13 οὔτ' ἂν ἡ πόλις. XII, 5 οὔτ' ἐκλεικόμενῃ. XXIII, 22 μήτ' ἐκεῖνα. II, XIII, 10 οὔτ' ἐγκλημα. III, XVIII, 28 οὔτ' ἄλλοι. XXXV, 4 οὔτ' ἂν. XXXV, 5 οὔτ' ἂν ἄλλοι.

Наоборотъ II, XII, 9 οὔτε ἐκτακῆ. XIII, 8 οὔτε αἰτίαν. XIV, 20 οὔτε ἰδίᾳ. III, XLIII, 2 οὔτε ἔθνος. IV, II, 23 οὔτε ὁ χρόνος. II, 24 οὔτε ὁ καιρός.

При столь незначительномъ числѣ примѣровъ и при такой небольшой разницѣ числа элидированныхъ мѣстъ и не элидированныхъ тутъ, также, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, ничего опредѣленнаго высказать нельзя.

Для полноты упомянемъ еще два мѣста, гдѣ элидирована конечная гласная имени числительнаго и причастія, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ элизиі нѣтъ: II, XIV, 5 δὲ ἔτη. IV, VIII, 30 τὰ προδοκώμεν' ἂν γενέσθαι. Мы склонны думать, что въ послѣднемъ случаѣ переписчикъ пропустилъ α потому, что слѣдующее слово ἂν начинается тоже на α.

Относительно ν ἐφελευστικόν у Гиперида ¹⁾ переписчики были обыкновенно послѣдовательны въ постановкѣ его передъ гласною и въ концѣ предложенья, такъ что въ четырехъ рѣчахъ пропущено оно всего только семь разъ, именно 4 раза въ третьей рѣчи: XXII, 2 συνεδρίον ἐστι. — ἀπαγωγῆς. XXII, 5 καθέστυχε. — τόν XXX, 16 προσκοτίσσαι ἀργύριον, и три раза въ четвертой: IX, 39 γεγόνασι ἀδελφαί. XI, 17 καταλαλοῖ]πασι; οὐκ]οῦν. XII, 22 διήνεγκε, ὥστε, тогда какъ стоитъ оно тамъ, гдѣ должно стоять, 96 разъ.

Но съ другой стороны, замѣчательнъ фактъ, что мы встрѣчаемъ

¹⁾ См. статью Лиснера ο ν ἐφέλκ. у Гиперида въ Zeitschrift f. d. oesterr. Gymn. 1860, стр. 836—839, гдѣ, впрочемъ, рассмотрѣны только первыя три рѣчи.

это ν весьма часто и передъ согласными, такъ что въ общемъ 38 раза есть ν ἐφέλκωστ. передъ согласными и 38 разъ его нѣтъ. Хотя въ своемъ изданіи надгробной рѣчи мы, ради послѣдовательности и слѣдуя общепринятому обычаю ¹⁾, оставляли это ν только передъ гласными, но здѣсь намѣрены сравнить всѣ тѣ мѣста, гдѣ оно стоитъ передъ согласными, и гдѣ его нѣтъ, и по скольку разъ оно встрѣчается передъ каждою согласною, въ виду того, что и въ надписяхъ неоднократно замѣчается то же явленіе, и такъ какъ ν это, называемое ἐφέλκωστικόν, то-есть, притягиваемое, яко бы для устраненія зіянія, по мнѣнію многихъ ученыхъ, первоначально составляло часть тѣхъ формъ, въ которыхъ мы его теперь видимъ обыкновенно лишь передъ гласными, тогда какъ передъ согласными оно выпало. Такъ ли это, или нѣтъ—мы не беремся пока разрѣшать, тѣмъ болѣе, что тѣ же надписи свидѣтельствуютъ иногда какъ разъ объ обратномъ явленіи, именно объ опущеніи ν и передъ гласными (напр. Corp. inscr. 1, p. 124, 126, 132.), а дадимъ только перечень этихъ мѣстъ, который можетъ послужить матеріаломъ при разработкѣ вопроса объ ν ἐφέλκ.

И такъ, передъ τ—ν стоитъ 11 разъ: I, XXVII, 9 πράγμασιν τὰς. II, frgm. III, XLV, (11) ἔπαθεν τὸ παιδίον. IV, 6 ἔστιν ταῦτα. IV 23 ἦγεν τήν. VII, 24 ἐξιστάσιν τῆς. VIII, 10 ἔστιν [τὰ εἰρ]ημένα. IX 4, ἔστιν τι. XVI, 14 ἔστιν τοῖς. IV, IX, 28 διαβάλλουσιν τοὺς. IX, 27 κολακεύουσιν τοὺς. XI, 35 μνημονεύουσιν τὰς.

Передъ μ—6 разъ: I, XIV, 18 μήτε πείσαι ἔστιν μήτε. XXIII, 21 μήτε ταῦτα ἱκανά ἔστιν μήτε ἐκεῖνα. IV, VI, 2 ἔστιν μὴ μόνον. VIII, 36 ἐνεφάνισεν μᾶλλον. XII, 2 ὠφελήσειεν μᾶλλον. XII, 35 ἐκώλυσεν μετὰ.

Передъ κ—5 разъ: I, XXII, 25 καθεστᾶσιν κατ' αὐτῶν. XXVII, 23 πόλε]σιν καί. III, XXIII, 21 ἔστιν καί. XXX, 15 ἀποδώσουσιν καί. IV, VII, 40 πᾶσιν κατέθεσεν.

Передъ δ—3 раза: I, I, 17 ἔγραψεν δέ. XII, 22 καταπεφρόνησεν Δημοσθένης. XII, 17 δω[ροδοχοῦσι]ν δακαπλά.

Передъ π—3 раза: I, XIV, 17 ἔστιν πρίσσιαι. III, XXXI, 9 ἐποίησεν περί. IV, IV, 18 εἰώθασιν [παῖδες ἀσχεῖν.

Передъ φ—3 раза: I, XVI, 10 ἦγεν φέρων. XXII, 10 ἔδωκεν φυλάττειν. IV, III, 16 ἄπασιν φ[υλάττουσα.

Передъ χ—1 разъ: I, VI, 24 εἴληφεν χρυσίον.

Передъ θ—1 разъ: IV, VI, 12 τεθείσιν θεμελίους.

Съ другой стороны нѣтъ этого ν: передъ τ 14 разъ: I, V, 13

¹⁾ Ср. Sobet, издание надгробной рѣчи Гиперида, стр. 21 и 30.

οὐκ ἔστι ταῦτα. X, 20 εἶκοσι τάλαντα. XIII, 9 ἀναγκάσουσι τόν. II, II, 9 ἐστὶ τό. II, 26 δίδωσι τούτω. VIII, 21 τίσι τῶν. VIII, 27 ἐστὶ τάς. III, XXVIII, 9 προζέταττε ταῦτα. XXXIV, 21 ἴσαι ταῦτα. XLVI, 17 φασὶ τούτους. XLVIII, 7 οὐκ ἔστι τιμωρήσασθαι. IV, I, 29 μάρτυσι τῶν. III, 5 ἐπεικέσι τῶν. VII, 16 παρῆχε τόλμαν.

Передъ μ—3 раза: III, XXXII, 5 ἐπιστέλλωσι μή. XXXIX, 27 ἀπέχρησέ μοι. XL, 12 ἔστι μοι.

Передъ κ—12 разъ: I, VIII, 22 λέγουσι καλῶς. IX, 21 εἶωθε κα[θ]ῆσθ[αι] II, VII, 8 λέγουσι καὶ III. XXVI, 27 ἔξαστι καὶ. XXVII, 9 ἐστὶ καὶ. XXVII 16 ἐστὶ καὶ. XXXIV, 3 ἴσαι καὶ. XXXVIII, 7 ἐστὶ καὶ. XXXVIII, 21 τίσι καθ' ὅσον. XLVI, 25 ἐστὶ κωλύσαι. IV, IX, 41 τετυχήασι καὶ. X, 27 πᾶσι καὶ.

Передъ δ—2 раза: I, XVIII, 16 ἔγραψε Δημοσθένης. III, XLIX, 18 ἐστὶ δεῖσθαι.

Передъ π—3 раза: II, VIII, 13 φεύγουσι προδιαβάλλουσι. III, XXI, 24 ἔστι πρός. XXXVI, 16 ἦλθε παρά.

Передъ γ—3 раза: III, XLV, 26 ἔστι γάρ. XLVII, 18 εἰσήγγελε γάρ. IV, IV, 3 οἰκοῦσι γένος.

Передъ ρ—1 разъ: I, XII, 12 ἐλάττωσι ῥήτορσιν.

Сюда не включены тѣ мѣста, гдѣ ν стоитъ или опущено передъ запятою, такъ какъ тутъ постановка его или пропускъ зависить отъ того, болѣшую или меньшую паузу мы предположимъ послѣ интерпункціи.

Сравнивая всѣ эти мѣста, мы замѣчаемъ, что передъ τ — ν чаще выпускается (14—11), точно такъ же и передъ κ (12—5); передъ π число мѣстъ, гдѣ оно есть и гдѣ его нѣтъ, одинаково (3), а передъ μ на оборотъ чаще стоитъ ν (6—3), такъ же и передъ δ (3—2).

Мы далеки отъ того, чтобы по этимъ частнымъ даннымъ переходить къ общимъ выводамъ, но не думаемъ также, вслѣдъ за Кобетомъ, что постановка ν была лишь дѣломъ произвола переписчика, и на оборотъ, вполне согласны съ мнѣніемъ Лисснера, который на стр. 839 выше-названной статьи говоритъ: „dass wir wol nicht annehmen können, es habe der Schreiber des Codex ohne jeden Grund 24 oder 25 mal (это въ трехъ рѣчахъ, которыми онъ занимался, а въ четырехъ, какъ было сказано,—въ 33 мѣстахъ) das ν eingeschoben“.

Левъ Георгиевскій.

КРИТИЧЕСКИ-ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Ad Ovid. Trist. III, 12, 24.

Въ Trist. III, 12, Овидій описываетъ ощущенія, вызванныя въ немъ наступленіемъ весны въ Томахъ. Первая весна, встрѣчаемая имъ на берегу Чернаго моря ¹⁾, естественно наталкиваетъ его на сравненіе роскошной весны благословенной Италіи съ убогою весною въ суровой странѣ варваровъ-Гетовъ. Въ первой половинѣ элегій, в. 5—25, поэтъ рисуеъ картину италіанской весны. Сначала онъ отмѣчаетъ тѣ явленія, какими наступленіе весны ознаменовывается во внѣшней природѣ всей страны: начинаютъ распускаться цвѣты; пѣвчія птицы возобновляютъ свой многоязычный концертъ и принимаютъ вить гнѣзды; поля покрываются сочными всходами зеленей; на виноградныхъ лозахъ и фруктовыхъ деревьяхъ притокъ свѣжихъ соковъ заставляеъ пробиваться почки. Затѣмъ авторъ указываетъ на тѣ факты въ общественной жизни столичнаго населенія, которые связаны съ началомъ весны: почти непрерывный рядъ праздниковъ, дающій народу возможность вволю насладиться разнаго рода удовольствіями, прерывающими на время серьезныя занятія государственными и общественными дѣлами; площади стоятъ пустыя, такъ какъ народъ наполняетъ Марсово поле и театры. Эту мысль Овидій в. 17 sq. выразилъ словами:

Otia nunc istis iunctisque ex ordine ludis
Cedunt verbosi garrula bella fori.

---

¹⁾ Останя Рымъ въ концѣ 9-го г. по Р. Хр. (ср. Kruse, De Ovidii moribus et operibus, 1856; G. Schoemann, Ueber den wahren Grund von Ovid's Relegation: Philologus 1881, XLI, I, p. 172), Овидій достигъ мѣста своей ссылки въ половинѣ 10-го года.

Къ той же мысли поэтъ возвращается въ послѣднихъ стихахъ этой части элегій, vv. 24 sq.:

*Scaena viget stadiisque favor distantibus ardet,
Cumque tribus resonant terna theatra foris.*

Въ послѣднемъ стихѣ я представлялъ чтеніе лучшихъ рукописей (cod. Palatinus I и Gothanus), съ которыми совпадаетъ и чтеніе многихъ другихъ рукописей. Это чтеніе приняли А. Riese, P. Ovidii Nasonis Carmina, 1874, и В. Merkel въ изданіи 1877 года. Постарались доказать, что въ данномъ случаѣ названные ученые авторитету лучшихъ рукописей напрасно жертвовали требованіи смысла.

Чтеніе *cumque tribus etc.* не возможно, ибо лишено въ данномъ мѣстѣ смысла. Слова *terna theatra cum tribus foris*, взятая внѣ всякой связи, могли бы имѣть двоякій смыслъ: или „три театра вмѣстѣ съ (прилегающими къ нимъ) тремя площадями“, или же „три театра одновременно съ тремя площадями“. Въ первомъ случаѣ *cum* означало бы смежность двухъ предметовъ, подвергающихся одному и тому же дѣйствию; во второмъ—совпаденіе по времени двухъ дѣйствій, проявляющихся на двухъ разныхъ предметахъ. Ни то, ни другое толкованіе въ нашемъ мѣстѣ не возможно.

Слова: *terna theatra*, безъ сомнѣній, относятся къ тремъ постояннымъ театрамъ древняго Рима: *theatrum Pompei*, открытый Помпеемъ во время втораго консульства, въ 55 г. до Р. Хр. (ср. Tac. Ann. III, 23. XIII, 54. XIV, 20, о его судьбахъ *id. ibid.* III, 72. VI, 45.); *theatrum Balbi*, открытый Корнелиемъ Бальбомъ въ 13 г. до Р. Хр. (ср. Tac. Ann. III, 72. Suet. Oct. c. 29.), и *theatrum Marcelli*, открытый почти одновременно съ предыдущимъ въ 13 г. до Р. Хр. самимъ Августомъ ¹⁾, въ память преждевременно умершаго племянника Марцелла (ср. Suet. Oct. c. 29, Plin. VIII, 17, 25. Monum. Ancyg.). См. W. A. Becker I, p. 675 sqq. Это были единственные постоянные театры, когда-либо существовавшіе въ Римѣ. Всѣ они находились въ предѣлахъ Марсоваго поля, и именно въ южномъ его углу, который носилъ названіе *Circus Flaminius* въ тѣсномъ смыслѣ и замыкался, съ одной стороны, Капитолійскимъ холмомъ, съ другой стороны—Тибромъ, близко подступающимъ въ этомъ мѣстѣ къ

¹⁾ Постройка его была начата Цезаремъ, ср. Suet. Caes. c. 44: *theatrumque summae magnitudinis Tarpeio monti accubans (scil. exstruere destinabat).*

подошвѣ холма. Какія же—спрашивается—площади (*foга*) граничили съ театрами? Весьма опредѣленное выраженіе *tria foга*, притомъ рядомъ съ общезвѣстными *terna theatra*, исключаетъ мысль о какихъ-либо мелкихъ, не пользовавшихся извѣстностью площадяхъ; Овидій, очевидно, говоритъ о трехъ существовавшихъ при немъ главныхъ *foга* Рима. То были *Forum Romanum* или просто *forum*, древняя площадь республиканскаго Рима; *Forum Iulii* или *Iulii Caesaris*, начатая сооруженіемъ еще Цезаремъ (*Suet. Caes. 26, Plin. XXXVI, 15, 24*) и открытая имъ въ 46 г. до Р. Х., но оконченная только Августомъ; наконецъ, *Forum Augusti*, сооруженная самимъ Августомъ (*Suet. Oct. 29. 31.*). См. *Becker I, p. 363 sqq., 370 sqq.* Но всѣ эти площади находились на противоположной Марсовому полю сторонѣ Капитолійскаго холма и потому не могли быть смежными съ тремя театрами. Слѣдовательно, удерживая рукописное чтеніе: *simque tribus etc.*, мы не имѣемъ ни права думать объ этихъ трехъ площадяхъ, ни возможности подыскать другія площади, къ которымъ относились бы слова Овидія. На Марсовомъ полѣ находился только *forum olitorium*, то-есть, зеленый рынокъ; правда, онъ находился рядомъ съ театромъ Марцелла, но, во первыхъ, это была только одна площадь, а не *tria*; а во вторыхъ, сопоставленіе *vv. 23 sq.* съ *vv. 17 sq.* доказываетъ, что *forum* должно понимать какъ площадь, куда собирался народъ для обсуждения своихъ дѣлъ, а не какъ базарную площадь. Можно бы сдѣлать еще одну, правда, слабую попытку отстоять чтеніе *simque tribus*. Этимологическое родство слова *forum* съ *foris, foга* (ср. *Döderlein VI, p. 136. ср. p. 134*) могло бы склонить къ пониманію слова *forum* въ значеніи „открытое мѣсто, всякая площадь или площадка“, такъ что нашъ стихъ тогда имѣлъ бы смыслъ: „оглашаются три театра съ прилегающими къ нимъ площадями“. Но, во первыхъ, въ такомъ случаѣ Овидій, во избѣжаніе недоразумѣній, вѣроятно сказалъ бы: *simque suis resonant etc.*; во вторыхъ, положеніе Помпеева театра противорѣчитъ такому объясненію, ибо *scenae frons*, то-есть, предназначенная для зрителей часть прилежала къ *via tecta*, а не къ площади какой-либо, между тѣмъ какъ самая сцена замыкалась знаменитою *Porticus Pompeia*; втретьихъ, что важнѣе всего, ни *Paul. Diacop. p. 84*, ни практика латинскихъ писателей не признаютъ за словомъ *forum* того значенія, какое мы предположили.

Также мало можетъ быть допущено и второе толкованіе „три театра одновременно съ тремя площадями“. Во первыхъ, упоминаніе о сценическихъ представленіяхъ, происходившихъ только по поводу

извѣстныхъ праздниковъ, равносильно указанію на временное прекращеніе сходокъ, собраній народныхъ, занятій въ присутственныхъ мѣстахъ, то-есть, всего именно того, что привлекало гражданъ на площади. Вотворныхъ, такое толкованіе ставятъ v. 24 въ необъяснимое противорѣчіе къ vv. 17 sq; если пренія, происходившія на *forum*, уступили мѣсто представленіямъ, то очевидно, *forum* затихъ, а вмѣсто него оглашаются изъясненіями одобреніи тѣ мѣста, гдѣ происходили представленія, то-есть, въ v. 24 *theatra*. Слѣдовательно, логическая связь вмѣсто *cumque-foris* требуетъ чтеніе *proque foris*. Это вѣрное чтеніе охранено въ большей части рукописей; его принялъ V. Loers, *P. Ovidii Nasonis Tristium libri V*, 1839, а также R. Merkel въ изданіи 1837 года, неудачно замѣнившій его въ слѣдующихъ изданіяхъ (1871 и 1877 г.) чтеніемъ *cumque foris*.

Ad Ovid. Trist. I, 3, 8 sq.

Большинство рукописей читаетъ эти стихи такъ:

Nec spatium nec mens fuerat satis apta parandi:
Torquerant longa pectora nostra mora.

Одна изъ менѣе хорошихъ рукописей, *cod. Leidensis*, читаетъ: *nec spatium fuerat nec mens etc. Nic. Heinsius*, на основаніи нѣсколькихъ рукописей, измѣнилъ порядокъ словъ такимъ образомъ: *nec mens nec spatium etc.*, R. Merkel въ изданіи 1837 г. послѣдовалъ его при мѣру. Какая именно изъ этихъ редакцій заслуживаетъ предпочтеніе—это покажетъ экзегетическій разборъ нашего мѣста.

Исходною точкою для разбора послужитъ рѣшеніе вопроса: какой падежъ представляетъ собою слово *apta*—имен. ли это падежъ жен. рода или вин. пад. мн. числа сред. рода?

R. Merkel склоняется въ пользу втораго объясненія, p. 30 ad v. 7 not. extr. „et rectissime monuerat Is. Verburgius, *apta esse casum quartum*“; отъ себя для подтвержденія этого мнѣнія онъ прибавляетъ: „nisi durum in modum *parare verbum neutrum quis esse iusserit*“. V. Loers, *P. Ovidii Tristium libri V*, 1839, также одобряетъ объясненіе Verburgii, хотя допускаетъ и другое толкованіе (*sive satis apta pro nominativo sive pro accusativo accipitur*). Замѣчаніе Меркеля относительно залога глагола *parare* выражено не совсѣмъ удачно: онъ, очевидно, полагаетъ, что глаголь *parare* вездѣ, гдѣ не имѣетъ при себѣ винят. падежа, есть глаголь средний. Такихъ примѣровъ на упо-

требленіе не только простаго глагола *parare*, но и сложнаго глагола *comparare* безъ особаго при нихъ прямаго дополненія, можно найти довольно много, ср. *Sall. Cat.* 6,5; *Iug.* 11, 8. 66,1. 76,4; *Liv.* 42,53, 1. 42,52,8 и пр. Но и въ такихъ случаяхъ едва ли не правильнѣе будетъ принимать *parare* за переходящій глаголь съ опущеніемъ при немъ дополненія, которое, состоя изъ общаго понятія, съ достаточною ясностью вытекаетъ изъ связи рѣчи, а въ случаѣ надобности могло бы быть выражено, наиримѣръ, словами: *quae in rem et usum sunt*. Ср. *Kritz ad Sall. Iug.* 60,1. Въ латинскомъ языкѣ существовало и употреблялось выраженіе: *se parare, comparare*, вполне соотвѣтствующее нашему среднему залогу „приготовиться“, какъ по значенію, такъ и по своему употребленію, ср. *Liv.* 21, 31, 1: *ad proelium se parare*; *Liv.* 28, 33,1: *ad iter se comparare*; *Caes. B. G. VII*, 41, 4: *se in posterum diem apparatus*; *Cic. Or.* 35, 122: *se ad dicendum parare*. Такъ какъ это выраженіе, очевидно, было по всеобщему употребленію, то едва ли ощущалась надобность въ особомъ употребленіи одного только *parare* для выраженія того же понятія. Впрочемъ, для нашего мѣста совершенно безразлично, будемъ ли мы *parare* считать за средній залогъ, или за дѣйствительный переходящій, при которомъ опущено дополненіе: *quae in rem erant futura*; это дополненіе и по смыслу было бы вполне уместно.

Допущенное нами маленькое отступленіе должно было только доказать, что замѣчаніе, прибавленное Меркелемъ отъ себя, не имѣетъ значенія. Рѣшеніе занимающаго насъ вопроса зависить не отъ того или другаго залога глагола *parare*, но отъ слѣдующихъ соображеній:

Вопервыхъ, Овидій хочетъ выразить такую мысль: „приказаніе отправиться въ ссылку до того поразило меня, что ни о какихъ приготовленіяхъ я и думать не былъ въ состояніи“. Неожиданное горе лишило его способности думать и размышлять, онъ пересталъ сознавать себя и свои поступки. Слова же: *mens satis apta* не могутъ указывать на прекращеніе разсудочной дѣятельности: разсудокъ или дѣйствуетъ—тогда „*est mens*“, или онъ не дѣйствуетъ—тогда „*non est mens*“. Второе именно случилось съ Овидіемъ, и онъ это выражаетъ вполне правильно словами: *non fuerat mens*; для опредѣленія *apta* нѣтъ мѣста въ этой мысли.

Вовторыхъ, при соединеніи *mens apta* и при размѣщеніи словъ: *mens satis apta*, глаголь *parare* зависить уже не отъ *mens*, но главнымъ образомъ и ближе всего отъ *apta*; слѣдовательно, вмѣсто *parandi* необходимо было бы или *ad parandum* или *parando*.

Втретьихъ, содержаніе vv. 9—10 нисколько не пояснѣло бы понятія „*non arta mens*“, между тѣмъ какъ оно вполне уместно въ качествѣ поясненія къ зависящему отъ *parandi* дополненію *satis arta*; отправляясь въ дальній путь на неизвѣстное время, путешественникъ дѣлаетъ соответственныя приготовленія: выбираетъ прислугу, въ случаѣ возможности подыскиваетъ спутниковъ, запасается необходимою одеждою и необходимыми средствами и т. п. Но Овидій до того былъ пораженъ, что не сознавалъ необходимости всего этого.

Стало бытъ, *arta* есть вин. надежъ сред. рода и служить дополненіемъ къ *parandi*. Отсутствіе особаго слова въ качествѣ дополненія къ *arta* не составляетъ затрудненія, такъ какъ изъ предыдущихъ vv. 5 sq. дополненіе *itinéris* само собою напрашивается.

V. 8 представляетъ примѣръ на *asyndeton explicativum*; слова *torquerant longa mora* поясняютъ предыдущее *nec mens fuerat*, и если бы необходимо было выразить это отношеніе къ предыдущему особымъ союзомъ, то это можно было бы сдѣлать только какимъ-нибудь поясняющимъ союзомъ, напримѣръ, *enim*. Такъ какъ v. 8 служитъ поясненіемъ къ одному *nec mens fuerat*, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ v. 7 надобно читать: *nec spatium—nec mens* (см. Loers ad h. l.), ибо принятое Гейнзіемъ чтеніе *nec spatium* разъединяетъ поясняемое понятіе съ поясняющимъ. Но мало того; по моему мнѣнію, указанное отношеніе v. 8 къ предыдущему становится совершенно яснымъ, если перенести *fuerat* на то мѣсто, которое оно занимаетъ въ *cod. Leidensis*, и читать:

Nec spatium fuerat, nec mens satis arta parandi:

Это чтеніе, какъ наиболѣе соответствующее требованіямъ смысла, приняли въ текстъ R. Merkel въ изданіяхъ 1871 и 1877 годовъ и A. Riese въ изданіи 1874 года.

А. Фогель.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устноѣ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Ваязета“, „Картина взятія Шлевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣвкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка, статьями для разбора, диктанта и заучиванія наизусть, письменными упражненіями, славянскимъ текстомъ, рисунками. Сост. *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Цѣна 50 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

Съ требованіями просятъ обращаться: Въ Москвѣ—въ книжный магазинъ *наслѣдниковъ Салаевыхъ*. Въ С.-Петербургѣ—въ книжный магазинъ *Фену и К°*.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

Поступило въ продажу въ Петербургѣ и Москвѣ новое изданіе *Ф. Павленкова*:

КРАТКАЯ ФИЗИКА

М. Герасимова.

Руководство для городскихъ и другихъ элементарн. училищъ съ 385 рис. и 214 практич. задачами въ формѣ вопросовъ Спб. 1883 г. 292 стр. Цѣна 1 руб. Главный складъ въ книж. магазинѣ *В. Цылева* (Спб., Фонтанка, 41)

1-го СЕНТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ IX-я,
СЕНТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

РУССКАЯ СТАРИНА

Содержаніе: I. О подписит на „Русскую Старину“ изд. 1884 г. пятнадцатый годъ изданія.—II. Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г.—III. Петербургъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ въ 1796—1801 гг. Гейнриха Реймера (рукопись 1801 г.)—IV. Бѣглые очерки. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. Гл. VI—XII: Министръ внутр. дѣлъ гр. Перовскій.—Преслѣдованіе шулеровъ и вачетовъ.—Скопцы.—Жиды.—Дѣла въ Россіи по обвиненію евреевъ въ пролитіи христ. крови.—Зоненбергъ.—Іаковъ Франкъ.—Ив. Ив. Изяерь.—Холера.—Тайный совѣтникъ Александръ Гавр. Политковскій и его дѣло 1868 г.—Крмыскій и проч.—V. Василій Андреевичъ Жуковскій въ 1816—1817 гг.—VI. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ въ 1863 г. Очеркъ.—VII. Арсеній Мещеничъ, митрополитъ Ростовскій.—VIII. Ириней Нестеровичъ, архіепископъ Иркутскій.—IX. Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ.—X. Василій и Иванъ Киртеевскіе.—XI. Алексій Степановичъ Хомяковъ.—XII. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ письмахъ къ О. М. Бодянскому.—XIII. Федоръ Михайловичъ Достоевскій.—XIV. Горыгорская катастрофа 1868 г., рассказъ очевидца—XV. Историческіе матеріалы: разказы, очерки, замѣтки, стихотворенія. Смерть князя Безбородко.—Самозванецъ Петръ III въ Далмаціи.—Графъ Буксгевденъ и Дмитрій Доктуровъ 1806 г.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1827—1828 гг.—Польскій вопросъ въ 1830 г.—Императоръ Николай въ Московскомъ университетѣ въ 1837 г.—Императоръ Николай Павловичъ въ его рѣчи къ депутатамъ С.-Петербургскаго дворянства, 21-го марта 1848 г.—П. И. Полетика и В. А. Жуковскій.—Ириней Нестеровичъ въ Вологдѣ.—Мих. Ник. Муравьевъ 1-го мая 1864 г.—Дворецъ импер. Павла I.—XV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе. Рисунокъ Михайловскій замокъ, дворець императора Павла I въ С.-Петербургѣ, въ 1800—1801 гг. Рисунокъ съ акварели того времени изъ собранія П. А. Ефремова.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1883 г. Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

Изгородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1882 г. (Осталось немного экз.). Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съпересылкою.

Продаются книги: I. „ДАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, цѣна два руб. съ пересылкою.

II. „Записки Сельскаго Священника“, изданіе исправленное. Цѣна одинъ руб.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.) и 1881 г. Цѣна за годъ по восьми руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ съ портретами, изд. 1884 г., пятнадцатый годъ изданія. Цѣна девять руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семеновіиъ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

- Нѣсколько незадаанныхъ мегарскихъ надписей. . . . . Д. Королькова.**
Объ элизии и ѵ φελευστικόν у Гиперида . . . Л. Георгиевскаго.
Критически экзегетическія замѣтки . . . . А. Фогеля.

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го сентября),

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Тронцкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЪ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Влашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІИ.

ПРАВНТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра

Великаго (Окончаніе) . . . . . Д. ЦВѢТАЕВА.

О первой Псковской лѣтописи . . . . . Нв. ТИХОМИРОВА.

Критика и библиографія:

Кралединская рукопись и Иоакимовская лѣтопись . . . П. ЛИПНИЧЕНКА.

Путешествіе по Афганистану, д-ра *Леорскаго* . . . . . Н.

Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества . . . . . Г. ДЕСТУВИСА.

Основаія фонетики, проф. *Сиверса* . . . . . Л. ГРОТА.

Антропологическія изслѣдованія въ Россіи . . . . . К. МЕРЕЖКОВСКАГО

Родъ Шереметевыхъ. *А. Барсукова* . . . . . С. ПЛАТОНОВА.

Очерки западно-европейской историографіи . . . . . П. ВИНОВАДОВА.

Учено-литературныя новости по классической филологіи

О обученіи церковно-славянскому чтенію

въ начальныхъ школахъ . . . . . Н. ПЛЬМИНСКАГО.

Псковское археологическое общество. . . . .

Современное состояніе народнаго образованія у Волгарь (Окончаніе) . . . . . П. СЫРКУ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Средная Подгосема, д. № 1.
3506.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

3. (10-го августа 1883 г.) О принятіи академію наукъ капитала, пожертвованнаго президентомъ академіи графомъ Толстымъ и супругою его.

Президентъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что состоящій нынѣ въ распоряженіи академіи капиталъ учрежденныхъ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія въ январѣ минувшаго года премій имени графа Д. А. Толстаго (свыше 10400 руб.) дастъ академіи возможность присуждать, изъ процентовъ съ онаго, преміи лишь черезъ каждые три года, въ размѣрѣ до 1500 рублей.

Желая расширить дѣйствіе этихъ премій и, какъ президентъ нашего высшаго ученаго учрежденія, прилагая старанія къ тому, чтобы оно имѣло на вѣчныя времена въ своемъ распоряженіи еще бѣльшія средства поощрять ученые труды въ Россіи, графъ Толстой положилъ довести вышеозначенный капиталъ до суммы 30000 руб., проценты съ которой (1500) поставили бы академію въ возможность присуждать сказанныя преміи ежегодно.

Въ этихъ видахъ графъ Толстой и супруга его, графиня Софія Дмитриевна, отнесли въ главное выкупное учрежденіе о томъ, чтобы причитающіяся имъ на основаніи Высочайшаго указа 15-го мая 1883 г. дополнительныя выкупныя суммы по имѣнію графа сельцу

Шельбову, Владимірской губерніи, Юрьевского уѣзда, 1669 руб. 26 коп. и по нѣвнѣмъ графини: деревнѣ Завидовкѣ и селѣду Ерину, Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда, 4398 руб. 72 коп., были переданы въ распоряженіе академіи; вмѣстѣ съ сими графъ Толстой внесъ въ академію пятипроцентныя банковыя билеты на сумму 13500 рублей.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 10-й день августа 1883 года, Высочайше соизволилъ на принятіе академіею наукъ пожертвованнаго президентомъ академіи графомъ Толстымъ и супругою его капитала въ 19567 р. 98 коп., для присоединенія этихъ денегъ къ капиталу премій имени графа Толстаго, а равно и на измѣненіе Высочайше утвержденныхъ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія барона Николая, 29 января 1882 г., главныхъ основаній о сихъ преміяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы присужденіе премій производилось ежегодно, по очередно каждый разъ однимъ изъ трехъ отдѣленій академіи наукъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (19-го іюля 1883 г.) Положеніе о стипендіи, учреждаемой въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ при мужскомъ отдѣленіи Летичевскаго городского двухкласснаго училища.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при мужскомъ отдѣленіи Летичевскаго городского двухкласснаго училища, въ память совершившагося 15-го мая 1883 г. Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждается стипендія на проценты съ капитала въ 200 р., собраннаго по добровольной подпискѣ членами всѣхъ вѣдомствъ и гражданами г. Летичева.

2.

Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ восточнаго займа за № 182.324 и 182.325, хранится, вмѣстѣ съ прочими

спеціальными средствами названнаго училища, въ мѣстномъ казначействѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ.

3.

Проценты съ означеннаго капитала, составляющіе десять руб. въ годъ, обращаются на приобрѣтеніе учебныхъ пособій бѣднѣйшему изъ учениковъ училища, отличающемуся благонравіемъ и прилежаніемъ; могущіе остаться за тѣмъ деньгами употребляются на приобрѣтеніе тому же ученику платья или обуви.

4.

Выборъ стипендіата принадлежитъ исключительно педагогическому совѣту означеннаго училища.

5.

Стипендіатъ, оставшійся на второй годъ въ томъ же классѣ, или въ той же группѣ приготовительнаго класса, не лишается стипендіи только въ томъ случаѣ, если причиной неприхода были серьезная болѣзнь или другое какое либо уважительное обстоятельство.

6.

Выданныя стипендіату книги и учебныя пособия ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

7.

Наблюденіе за выходомъ въ тиражъ погашенія обезпечивающихъ стипендію облигацій, равно какъ и перемѣна ихъ на другія таковыя же облигаціи, или же вообще 5% государственные билеты, а также полученіе процентовъ лежитъ на обязанности педагогическаго совѣта училища.

8.

Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (11-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова при Самарской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе полезной и благотворной дѣятельности бывшаго Самарскаго губернскаго губернатора, тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова, съ Высочайшаго соизволенія, учреждены при

Самарской гимназій десять стипендій его имени, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Самарскою городскою Думою въ 3.572 руб.

§ 2. Капиталъ этотъ долженъ оставаться на вѣчныя времена неизрѣкосновеннымъ, и храниться въ Самарскомъ общественномъ банкѣ.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала вносится плата за ученіе десяти бѣднѣйшихъ учениковъ, преимущественно дѣтей гражданъ г. Самары.

§ 4. Стипендіями пользуются только воспитанники, отличающіеся хорошими успѣхами и пригѣрнымъ поведеніемъ, безъ различія сословія и вѣровсповѣданій.

§ 5. Избраніе стипендіатовъ, изъ числа учениковъ Самарской гимназій, удовлетворяющихъ условіямъ § 4, принадлежитъ Самарской городской думѣ, по соглашенію съ директоромъ гимназій.

§ 6. Воспитанники, пользующіеся стипендіей съ означеннаго капитала, именуется стипендіатами тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова.

§ 7. Стипендіатъ, получившій впоследствии обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи, теряетъ право на стипендію.

§ 8. Стипендіатъ лишается стипендіи также въ случаѣ оставленія его по лѣности или неодобрительному поведенію на второй годъ въ классѣ, за исключеніемъ того случая, если причиною оставленія въ классѣ была продолжительная болѣзнь.

§ 9. Пользованіе стипендіей не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ для стипендіата, по окончаніи имъ своего образованія.

10. (12-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника А. А. Назарова, учрежденной при Маріинской Воронежской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ % съ пожертвованнаго вдовой статскаго совѣтника Екатериною Викентьевною Назаровою капитала въ пять тысячъ руб., заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, учреждается одна стипендія при Маріинской Воронежской женской гимназій имени покойнаго мужа жертвовательницы, статскаго совѣтника Александра Акимовича Назарова.

2.

Право пользованія стипендією предоставляется одной изъ сиротъ-дочерей чиновниковъ гражданскаго вѣдомства Воронежской губерніи, православнаго исповѣданія.

3.

Проценты съ капитала употребляются на всѣ нужды по воспитанію и образованію сироты, не исключая содержанія и одежды.

4.

Стипендіатка пользуется стипендією во все продолженіе гимназическаго курса, при условіи хорошихъ успѣховъ и безукоризненнаго поведенія, и если, по окончаніи гимназическаго образованія, поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то $\frac{0}{100}$ съ капитала выдаются ей попечительнымъ совѣтомъ, до окончанія ею образованія въ этомъ заведеніи.

5.

Выборъ и назначеніе стипендіатки, преимущественно изъ круглыхъ сиротъ, и ближайшее попеченіе о ней во время обученія въ гимназій предоставляется попечительному совѣту гимназій, при непремѣнномъ участіи директора Воронежской классической гимназій, который указываетъ ученицъ, заслуживающихъ быть избранными въ стипендіатки, наблюдаетъ за успѣхами стипендіатки, за помѣщеніемъ и содержаніемъ ея на квартирѣ, руководитъ ею при выборѣ специальности въ высшемъ учебномъ заведеніи, сносится съ начальствомъ высшаго учебнаго заведенія о ея успѣхахъ и т. п.

6.

Если въ продолженіе образованія стипендіатки, въ гимназій будутъ остатки отъ стипендіи и стипендіатка не пожелаетъ или не будетъ въ состояніи по чему либо продолжать образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, то весь этотъ остатокъ выдается стипендіаткѣ, по окончаніи гимназическаго курса. Въ случаѣ-же поступленія ея въ высшее учебное заведеніе, остаточная сумма выдается ей на руки, по окончаніи курса въ семъ заведеніи.

7.

Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

11. (13 августа 1883 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Императора Александра II, при Ярославской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23 день апрѣля 1879 г., учреждаются при Ярославской мужской гимназій четыре стипендіи, имени въ Возѣ почившаго Императора Александра II-го, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ руб., пожертвованнаго Ярославскимъ городскимъ обществомъ и заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка.

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Ярославской гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіею пользуются ученики гимназій преимущественно изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей города Ярославля, оказывающіе при хорошемъ поведеніи успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Стипендіи назначаются стипендіатамъ со времени поступления ихъ въ гимназію.

§ 5. Выборъ и утвержденіе стипендіатовъ предоставляется Ярославской городской управѣ.

§ 6. Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на плату за ученіе стипендіатовъ, а могущіе образоваться отъ процентной суммы остатки выдаются стипендіатамъ на учебныя пособія, по соглашенію педагогическаго совѣта гимназій съ городской управою.

§ 7. Стипендіаты пользуются стипендіею до окончанія курса ученія или выхода ихъ по какимъ либо причинамъ изъ гимназій, но и во время пребыванія въ заведеніи могутъ быть лишены стипендіи по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта заведенія, по соглашенію съ мѣстной городской управою.

§ 8. По окончаніи гимназическаго курса стипендіаты не несутъ никакихъ обязательствъ.

12. (18-го августа 1883 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Скарятина при Казанскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи четыреста во-

семьдесятъ четыре руб. двадцать четыре коп., собраннаго по подпискѣ нѣкоторыми Казанскими землевладѣльцами и купцами, учреждаются при Казанскомъ реальномъ училищѣ четыре стипендіи имени тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Скарятина.

§ 2. Обеспечивающій стипендіи капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года на 3400 руб. и наличныхъ денегъ 84 руб. 24 коп., хранится въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на уплату за право ученія четырехъ бѣдныхъ мальчиковъ, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію; могущіе же быть остатки отъ этихъ процентовъ расходуются на вспоможеніе тѣмъ же ученикамъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ попечительному совѣту училища.

§ 5. При имѣющихся вакантныхъ стипендіяхъ педагогической совѣтъ составляетъ списокъ всѣхъ бѣдныхъ учениковъ, какъ уроженцевъ г. Казани, такъ и другихъ, какъ находящихся уже въ учебномъ заведеніи, такъ и вновь поступившихъ, и вноситъ его чрезъ посредство директора въ попечительный совѣтъ, который дѣлаетъ свой выборъ изъ этого списка, по своему усмотрѣнію, о чемъ и сообщаетъ педагогическому совѣту.

§ 6. Назначенные такимъ образомъ стипендіаты пользуются стипендіями до тѣхъ поръ, пока будутъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ; въ случаѣ если кто либо изъ стипендіатовъ останется въ томъ же классѣ на второй годъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то это не лишаетъ его права на стипендію.

§ 7. Если по какому либо случаю одна или нѣсколько стипендій не будутъ замѣщены въ теченіе одного или нѣсколькихъ лѣтъ, то неизрасходованные проценты съ капитала могутъ быть, по усмотрѣнію попечительства, употреблены или одновременно на уплату за право ученія бѣдныхъ учениковъ, сверхъ 4-хъ стипендіатовъ, или на вспоможеніе стипендіатамъ.

§ 8. Въ случаѣ увеличенія платы за право ученія и недостаточности процентовъ съ стипендіальнаго капитала для оплаты 4-хъ стипендій при новомъ размѣрѣ этой платы, попечительный совѣтъ изыскиваетъ средства для дополненія основнаго капитала до потребнаго

размѣра; до пополненія же этого капитала попечительство имѣетъ право употребить проценты съ него на уплату за право учениа такого количества учениковъ, на которое этихъ процентовъ будетъ достаточно.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (26-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіи Лидіи Дмитріевны Шевичъ при женскомъ графа Д. Н. Влудова училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при женскомъ графа Д. Н. Влудова училищѣ учреждается стипендія на счетъ процентовъ съ капитала въ 2000 руб., пожертвованнаго вдовою полковника Л. Д. Шевичъ.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ билетахъ государственнаго банка, вносится казначеемъ главнаго управленія Св. Кирило-Меодіевскаго братства въ государственный банкъ.

3. Стипендія назначается попечительнымъ совѣтомъ женскаго графа Д. Н. Влудова училища, каждый разъ съ утвержденія попечительницы училища.

4. Стипендія назначается ученицѣ православнаго исповѣданія изъ бѣднаго семейства, безъ различія сословія.

5. Ученица, получившая эту стипендію, вносится въ списокъ платныхъ пансіонерокъ, и вышеозначенная стипендія, какъ плата за ея содержаніе, выдается начальству училища.

6. Ученица, получившая такую стипендію, пользуется ею до выбитія изъ училища.

7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

14. (26-го августа 1883 года). Уставъ ссудосберегательной кассы при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

І. Цѣль учрежденія кассы.

§ 1. Ссудосберегательная касса учреждается съ цѣлью доставить участникамъ ея возможность получать ссуды и помѣщать свои сбереженія.

II. Оборотный и запасный капиталъ кассы.

§ 2. Оборотный капиталъ кассы составляется: а) изъ ежемѣсячныхъ обязательныхъ взносовъ, согласно § 3, б) вкладовъ и в) прибылей, получаемыхъ по операциямъ кассы. Запасной капиталъ составляется изъ ежегодно отчисляемой $\frac{1}{20}$ части прибылей.

§ 3. Обязательные взносы производятся посредствомъ вычета отъ 2⁰/₁₀₀ до 5⁰/₁₀₀ изъ получаемого ежемѣсячнаго содержанія, по постановленію общаго собранія.

Примѣчаніе. Процентный сборъ исчисляется не съ тѣхъ суммъ, которыя получаютъ участниками въ дѣйствительности за вычетами въ инвалидный капиталъ и на пенсіи, а съ полнаго ежемѣсячнаго содержанія, опредѣленнаго штатами и особыми назначеніями, при чемъ для упрощенія счетовъ копѣйки при рубляхъ отбрасываются.

III. Вступленіе въ кассу и выбитіе изъ оной.

§ 4. Участниками кассы могутъ быть всѣ, состоящіе на государственной службѣ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и получающіе штатное содержаніе. Вступленіе въ кассу, а равно и оставленіе ея совершаются по письменному о томъ заявленію правленію кассы.

§ 5. Каждому вступающему въ участники кассы лицу выдается расчетная книжка, въ которую записываются: а) количество поступившихъ отъ него въ оборотный капиталъ обязательныхъ взносовъ; б) вклады, в) долги его кассѣ по ссудамъ и г) причитающіеся на его долю прибыли и убытки.

§ 6. Вступить въ участники кассы можно во всякое время, выбитъ же только при нижеизложенныхъ условіяхъ, а именно: а) вслѣдствіе оставленія службы при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, б) по случаю смерти, в) вслѣдствіе заявленія, что участникъ по своему желанію прекращаетъ обязательный ежемѣсячный взносъ, и г) вслѣдствіе исключенія общимъ собраніемъ.

§ 7) Возвратъ выбывающему участнику капитала, образовавшагося изъ обязательныхъ его взносовъ, производится по заключеніи годовой отчетности по кассѣ и утвержденія ея общимъ собраніемъ. Но возвратъ означеннаго капитала, смотря по средствамъ кассы, можетъ быть произведенъ немедленно, если выбывающій представитъ двухъ поручителей изъ участниковъ кассы въ томъ, что могущіе упасть

на долю выбывающаго убытки будутъ имъ своевременно возмѣщены. Прибыль на возвращенный капиталъ и убытки, могущіе упасть на долю выбывающаго, исчисляются по день заявленія о выходѣ изъ кассы.

§ 8. Изъ суммы, возвращаемой выбывающему изъ кассы участнику, удерживаются всѣ долги имъ въ кассу деньги.

§ 9. Въ случаѣ смерти участника кассы, остающійся на его счетъ капиталъ употребляется по письменному назначенію покойнаго, если же такового не окажется, то выдается законнымъ наследникамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и выбывающимъ участникамъ (§§ 7 и 8).

§ 10. Если выбывающій по собственному желанію участникъ впоследствии вновь пожелаетъ вступить въ число участниковъ кассы, то для сего онъ обязанъ внести сполна всю сумму, какая была получена имъ при выходѣ изъ участниковъ кассы, а также всѣ обязательные ежемѣсячные взносы, которые онъ долженъ былъ бы сдѣлать за все время выбытія изъ кассы.

IV. Операціи кассы.

А. Вклады.

§ 11. Вклады для обращенія изъ процентовъ принимаются только отъ участниковъ кассы на сроки, опредѣляемые по соглашенію правленія съ вкладчикомъ.

Примѣчаніе. Вклады принимаются только круглыми рублями безъ копѣекъ. Общая сумма вкладовъ отъ одного лица не должна превышать трехъ сотъ рублей.

§ 12. Проценты по вкладамъ уплачиваются по истеченіи года и при выдачѣ вклада, при чемъ время меньше мѣсяца въ счетъ не принимается. Величина процентовъ по вкладамъ опредѣляется общимъ собраніемъ, но не можетъ быть свыше 5% въ годъ.

§ 13. Если по истеченіи срока, на который вкладъ припять, онъ не будетъ возвращенъ обратно и объ оставленіи его въ кассѣ на другой срокъ не послѣдуетъ соглашенія съ вкладчикомъ, то на такой вкладъ проценты не начисляются. Не истребованные въ срокъ вклады возвращаются вкладчику, когда при предъявленіи требованія о возвращеніи ихъ въ кассѣ не будетъ достаточно наличныхъ денегъ, въ теченіе одного мѣсяца, если вкладъ не превышаетъ 50 руб. и двухъ мѣсяцевъ, если онъ превышаетъ сію сумму.

В. Ссуды.

§ 14. Ссудой могутъ пользоваться только участники кассы. Желавшій получить ссуду долженъ записать свое требованіе въ особую книгу. Требования удовлетворяются казначеемъ, если требуемая сумма не превышаетъ половины ежемѣсячнаго содержанія и если заемщикъ не состоитъ уже доляникомъ кассы. Требования, превышающія означенную сумму, удовлетворяются съ разрѣшенія правленія.

Примѣчаніе. Ссуды выдаются круглыми суммами въ 5, 10, 15, 20 и т. д. рублей.

§ 15. При полученіи ссуды заемщикъ выдаетъ росписку въ полученіи денегъ съ обозначеніемъ суммы, срока и способа уплаты.

§ 16. Высшій размѣръ ссуды не можетъ превышать трехмѣсячнаго содержанія.

§ 17. Выдача ссудъ производится по старшинству времени заявленныхъ требованій, записываемыхъ собственноручно участниками въ имѣющейся въ правленіи для сего книгѣ и сообразно со средствами кассы. При одновременномъ требованіи выдачи ссудъ нѣсколькими и при невозможности удовлетворить каждаго изъ нихъ ссудой въ просимомъ размѣрѣ, размѣръ сей уменьшается пропорціонально количеству свободныхъ въ кассѣ суммъ.

§ 18. Ссуды выдаются на срокъ не свыше одного года, и если заемщикъ не пожелаетъ уплатить равнѣе, погашается ежемѣсячными вычѣтами изъ получаемаго по службѣ содержанія по равнымъ частямъ, при чемъ мѣсяцы, предшествующіе Пасхѣ и Рождеству, вычѣтамъ не подлежатъ.

§ 19. Размѣръ процентовъ по ссудамъ опредѣляется очереднымъ общимъ собраніемъ участниковъ на одинъ годъ, въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{2}\%$ до 1% въ мѣсяцъ. При разчетѣ процентовъ неполный мѣсяцъ принимается за цѣлый.

§ 20. При условіи уплаты ссуды разомъ, слѣдующіе за оную проценты удерживаются полностью при выдачѣ ссуды. Если ссуда взята съ условіемъ ежемѣсячной уплаты, то взысканіе процентовъ производится впередъ за весь срокъ, на который сдѣлана ссуда, но съ такимъ разчетомъ, что за первый мѣсяцъ взимается со всей суммы, а за послѣдующіе до совершенной уплаты, съ той суммы, которая остается въ долгу.

Примѣчаніе. Въ случаѣ уплаты ссуды ранѣе срока, проценты возвращаются по разчету за полные оставшіеся мѣсяцы.

§ 21. Если участникъ, получившій въ меньшемъ противъ высшаго размѣра количествъ (§ 16), пожелаетъ получить еще ссуду, то такая можетъ быть выдана съ разрѣшенія правленія въ размѣрѣ, не превышающемъ разности между полнымъ кредитомъ заемщика и выданной ему прежде ссудой, при чемъ погашеніе послѣдней въ разчетъ не принимается.

§ 22. Уплата по ссудамъ, равно какъ и обязательные ежемѣсячные взносы производятся посредствомъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ жалованья участниковъ, согласно вѣдомости, доставляемой казначею университета правленіемъ кассы. Въ этой вѣдомости должно быть обозначено, на какой предметъ и въ какомъ количествѣ производится вычетъ съ каждаго участника кассы. Удержанія, согласно вѣдомости, суммы казначей университета передаетъ казначею кассы, которымъ онѣ и записываются въ книгу личныхъ счетовъ каждаго участника.

§ 23. Въ случаѣ оставленія заемщикомъ участія въ кассѣ, перехода на службу въ другое мѣсто или увольненія въ отставку, онъ обязывается внести въ кассу всю ссуду сполна. При неисполненіи сего у него удерживается для пополненія долга кассѣ все причитающееся ему по службѣ содержаніе и принадлежащія ему въ кассѣ сбереженія (взносы и вклады съ процентами); при недостаточности того и другаго, недоимка обращается на содержаніе и сбереженія поручителей, если онъ найдетъ таковыхъ; если же поручителей не будетъ, то о вычетѣ изъ содержанія заемщика сообщается тому мѣсту, куда должникъ перейдетъ на службу; если же и за снмъ долгъ пополненъ не будетъ, то недостающая сумма взыскивается съ должника судебнымъ порядкомъ, а при его несостоятельности пополняется изъ запаснаго капитала или разлагается на всѣхъ участниковъ кассы тѣмъ же порядкомъ, какъ распредѣляются между ними прибыли кассы.

Примѣчаніе. Такимъ же порядкомъ возмѣщается ссуда въ случаѣ смерти участника.

§ 24. Членъ правленія кассы можетъ получать ссуды на томъ же основаніи, какъ и прочіе участники, но въ постановленіи о выдачѣ ему ссуды не участвуетъ.

V. Управление кассы.

§ 25. Управление кассы составляютъ: а) правленіе кассы; б) общее собраніе участниковъ и в) ревизіонная комиссія.

§ 26. Правленіе кассы состоитъ изъ трехъ членовъ и казначея, избираемыхъ участниками изъ своей среды закрытою баллотировкою на одинъ годъ. Кромѣ членовъ правленія и казначея, на случай ихъ болѣзни или отсутствія по другимъ причинамъ, къ каждому изъ нихъ избирается на тотъ же срокъ по кандидату. Избранныя лица не имѣютъ права отказываться отъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, но прослуживши годовою срокъ освобождаются по желанію на слѣдующіе три года отъ исправленія какой-либо должности по кассѣ, хотя бы и были избраны вновь.

Примѣчаніе. Члены правленія и казначей могутъ быть удалены отъ своихъ должностей и до истеченія годового срока, по постановленію общаго собранія.

§ 27. Членъ правленія, получившій при избраніи самое большее число глосовъ, есть предсѣдатель правленія.

§ 28. Правленіе представляетъ кассу во всѣхъ сношеніяхъ съ посторонними лицами, мѣстами и судебными учрежденіями, въ качествѣ истца и отвѣтчика и дѣйствуетъ въ силу и на основаніи сего устава безъ особой на то довѣренности. Вслѣдствіе сего правленіе пользуется правомъ избирать отъ себя повѣренныхъ, снабжая ихъ полною довѣренностію, на общемъ основаніи.

Мѣсто пребыванія правленія въ Казани. Правленіе имѣетъ печать съ надписью: „Правленіе ссудосберегательной кассы при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ“.

§ 29. Предметы вѣдомства правленія суть слѣдующіе: а) приемъ новыхъ участниковъ кассы; б) помѣщеніе капиталовъ, согласно опредѣленію общаго собранія; в) утвержденіе расчетовъ кассы съ участниками; г) составленіе ежемѣсячныхъ балансовъ; д) составленіе годовыхъ докладовъ и отчетовъ по веденію дѣлъ кассы и по приходу и расходу суммъ, равно какъ и составленіе приходорасходной смѣты на слѣдующій годъ; е) составленіе годового баланса и распределеніе чистой прибыли, согласно § 47 сего устава; ж) предварительное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общаго собранія; з) составленіе программы занятій каждаго общаго собранія участниковъ, а также созваніе общихъ собраній ихъ, и) переписка по дѣламъ кассы и вообще завѣдываніе всѣми дѣлами кассы.

§ 30. Приемъ и выдача ссудъ, а также веденіе приходорасходныхъ книгъ возлагается на обязанность казначея. Казначей не имѣетъ права голоса въ постановленіяхъ правленія.

§ 31. Казначеемъ кассы, по постановленію общаго собранія, можетъ

быть назначено определенное содержаніе за его запятія по кассѣ. Члены правленія исполняютъ свои обязанности безвозмездно.

§ 32. Всѣ постановленія свои правленіе вноситъ въ особую журнальную книгу въ формѣ протоколовъ, за подписью всѣхъ его членовъ. Всѣ вопросы, касающіеся кассы, разрѣшаются большинствомъ двухъ голосовъ.

§ 33. Члены правленія и казначей за неправильныя дѣйствія по управленію кассою, причинившія убытки кассѣ, могутъ быть привлечены, по постановленію общаго собранія, къ имущественной отвѣтственности, на основаніи § 23.

VI. Общія собранія и ревизіонная коммиссія.

§ 34. Общія собранія состояются изъ наличныхъ участниковъ кассы, не менѣе $\frac{1}{3}$ всего числа ихъ, подъ предсѣдательствомъ избраннаго на время собранія предсѣдателя.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если въ общемъ собраніи не будетъ присутствовать указаннаго числа участниковъ, то правленіе черезъ недѣлю созываетъ вновь общее собраніе, которое считается дѣйствительнымъ при наличномъ числѣ присутствующихъ; но на обсужденіе его могутъ предлагаться только вопросы и дѣла, для рѣшенія которыхъ созвано несостоявшееся въ первый разъ общее собраніе.

§ 35. Общія собранія бываютъ: а) очередныя, по окончаніи каждаго года, не позже 1-го февраля, для рѣшенія текущихъ дѣлъ, означенныхъ въ § 42, и б) экстренныя для рѣшенія особыхъ вопросовъ, не терпящихъ отлагательства.

§ 36. Экстренныя собранія созываются во всякое время, по опредѣленію правленія, по постановленію ревизоровъ, если ими найдены будутъ какія-либо важныя упущенія, или по требованію $\frac{1}{3}$ участниковъ кассы.

§ 37. О днѣ и предметахъ занятій общихъ собраній участники кассы извѣщаются правленіемъ по крайней мѣрѣ за недѣлю до собранія, и тѣ изъ нихъ, которые пожелали бы внести какія-либо заявленія, обязаны сообщить оныя письменно правленію не позже, какъ за три дня до общаго собранія.

§ 38. Предсѣдатель и секретарь общаго собранія избираются собраніемъ, по большинству голосовъ, посредствомъ закрытыхъ записокъ.

§ 39. Каждый участникъ кассы имѣетъ въ общемъ собраніи право

одного голоса. Отсутствующіе члены могутъ участвовать въ рѣшеніяхъ общаго собранія письменною подачею голосовъ или уполномочивать на это вмѣсто себя другаго члена кассы; по довѣренности можно имѣть только одинъ голосъ.

§ 40. Опредѣленія общаго собранія постановляются по простому большинству голосовъ присутствующихъ участниковъ кассы, за исключеніемъ вопросовъ объ исключеніи члена кассы, о дополненіи и измѣненіи правилъ устава, для которыхъ требуется большинство двухъ третей голосовъ наличныхъ участниковъ. На измѣненіе и дополненіе устава испрашивается разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія.

§ 41. Постановленія общаго собранія подписываются всѣми присутствующими участниками кассы прямо по окончаніи засѣданія. Постановленія записываются въ особый журналъ, который и служитъ вмѣстѣ съ уставомъ руководствомъ для дѣйствій правленія кассы.

§ 42. Предметы занятій общихъ собраній состоятъ: а) въ разсмотрѣніи отчета правленія, замѣчаній ревизіонной комиссіи и заявленій участниковъ по дѣламъ кассы; б) въ выборѣ членовъ правленія, казначея, кандидатовъ къ нимъ и ревизоровъ; в) въ опредѣленіи процентовъ по ссудамъ и вкладамъ въ предѣлахъ, указанныхъ §§ 12 и 19; г) въ назначеніи кредитныхъ учрежденій и цѣнныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщаются свободныя суммы; д) въ опредѣленіи размѣра наличной суммы, находящейся на рукахъ у казначея; е) въ утвержденіи смѣты на слѣдующій годъ; ж) въ утвержденіи отчисленій суммъ въ запасный капиталъ; з) въ обсужденіи и разрѣшеніи предположеній объ употребленіи запаснаго капитала; и) въ утвержденіи предположеній о распредѣленіи прибылей и пополненіи недочетовъ и убытковъ; к) въ назначеніи вознагражденія занимающимся дѣлами кассы по найму; л) въ опредѣленіи объ исключеніи неисправнаго въ расчетахъ съ кассою участника изъ кассы; м) наконецъ, въ разрѣшеніи всѣхъ вообще дѣлъ, превышающихъ власть правленія, равно какъ всѣхъ дѣлъ, предложенныхъ правленіемъ на разсмотрѣніе общаго собранія.

Примѣчаніе. Выборъ членовъ правленія, кандидатовъ къ нимъ, казначея и членовъ ревизіонной комиссіи производится посредствомъ закрытой баллотировки изъ числа кандидатовъ, указанныхъ посредствомъ записокъ. Баллотировка начинается съ лицъ, получившихъ по порядку большее число голосовъ въ запискахъ, и продолжается до выбора требуемаго числа.

часть ссххх, отд. 1.

2

§ 43. Ревизионная коммиссія составляется изъ трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ, но дѣйствія ея въ составѣ двухъ членовъ считаются вполне законными. На обязанности ревизионной коммисіи лежатъ: ежемѣсячная и внезапная ревизія кассы, книгъ и вообще всего счетоводства, о чемъ составляются особые протоколы; разсмотрѣніе годоваго отчета, доклада, баланса, книгъ и документовъ правленія со всѣми къ нимъ приложениями, а равно и вообще состоянія всѣхъ дѣлъ кассы. Ревизионная коммиссія передаетъ свои заключенія по ревизіи правленію съ такимъ расчетомъ времени, чтобы правленіе могло, обсудивъ и разъяснивъ заключенія коммисіи, представить ихъ съ своими объясненіями общему собранію. По разсмотрѣніи въ общемъ собраніи заключеній ревизионной коммисіи и по постановленію собраніемъ по нимъ рѣшенію, ревизионная коммиссія дѣлаетъ на обрѣзисованномъ отчетѣ и книгахъ правленія надпись, соотвѣтствующую постановленію общаго собранія.

VII. Счетоводство.

§ 44. Счетоводство, отчетность и дѣлопроизводство кассы ведутся по правиламъ, утвержденнымъ общимъ собраніемъ. Книги кассы должны быть постоянно открыты для всѣхъ участниковъ кассы.

§ 45. Для счетоводства кассы имѣются двѣ шнуровыя книги: одна для записыванія прихода и расхода всѣхъ суммъ кассы, а другая для личныхъ счетовъ участниковъ. Въ случаѣ надобности могутъ быть установлены и другія книги, по рѣшенію общаго собранія.

§ 46. Правленіе кассы ежегодно, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до созыва очереднаго общаго собранія, составляетъ отчетъ о дѣйствіяхъ кассы въ истекшемъ году. Въ отчетѣ семъ долженъ быть изложенъ весь ходъ дѣйствій кассы. Кромѣ отчета правленіе по истеченіи каждаго года составляетъ балансъ суммъ по категоріямъ.

VIII. Распредѣленіе прибылей и убытковъ кассы.

§ 47. Къ концу года правленіе выводитъ итогъ всѣхъ прибылей кассы, состоящихъ изъ процентовъ, полученныхъ по ссудамъ и принадлежащихъ кассѣ процентнымъ бумагамъ. Изъ сего итога вычитаются проценты по вкладамъ, всѣ расходы и убытки по кассѣ, остальные же затѣмъ распредѣляются между всѣми участниками, соразмѣрно ихъ капиталамъ и времени обращенія оныхъ въ кассѣ, при чемъ въ разчетъ принимаются лишь полные мѣсяцы. Прибыль

сія, по исключеніи изъ нея $\frac{1}{100}$ части въ запасный капиталъ, выдается по желанію участниковъ, имъ на руки или же оставляется въ кассѣ и присоединяется къ ихъ капиталу.

§ 48. Такимъ же образомъ, то-есть, пропорціонально капиталу и времени обращенія его въ кассѣ, разверстываются и убытки кассы, послѣ пополненія оныхъ изъ запаснаго капитала.

IX. Храненіе суммъ.

§ 49. Наличная сумма кассы и денежныя документы, по опредѣленію общаго собранія, хранятся или у казначея кассы, подъ его отвѣтственностью, или у казначея университета въ особомъ сундукѣ за печатями казначея кассы и одного изъ членовъ правленія. Сверхъ того наличныя суммы могутъ быть внесены на текущій счетъ въ мѣстное отдѣленіе государственнаго банка.

X. Ликвидация дѣлъ кассы.

§ 50. Если, по какимъ-либо обстоятельствамъ, признано будетъ необходимымъ приступить къ закрытію кассы, то, по приговору о томъ общаго собранія, въ составѣ не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ участниковъ и по большинству $\frac{2}{3}$ всѣхъ наличныхъ участниковъ, дѣйствія кассы прекращаются, при чемъ предварительно составляется постановленіе о прекращеніи приѣма вкладовъ и выдачи ссудъ, а затѣмъ всѣ дѣйствія кассы ограничиваются приѣмомъ отъ участниковъ платежей въ пополненіе сдѣланныхъ ими изъ кассы займовъ до тѣхъ поръ, пока всѣ долги не будутъ уплачены. По вторичному постановленію общаго собранія о закрытіи дѣйствій кассы поступившіе отъ участниковъ обязательныя выходы и добровольныя вклады возвращаются по принадлежности съ причитающеюся прибылью, могущій же быть остатокъ употребляется, согласно постановленію общаго собранія.

О закрытіи кассы печатается въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

15. (10 Сентября 1883 г.). Правила для студентовъ Демидовскаго Юридическаго лица.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I.

О приѣмѣ въ студенты и объ увольненіи изъ лица.

§ 1. Въ студенты лица принимаются молодые люди, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста и при томъ получившіе аттестатъ или свидѣтельство о зрѣлости.

§ 2. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній принимаются въ лицей на основаніи аттестатовъ или свидѣтельствъ, указанныхъ въ § 1.

§ 3. Никакихъ повѣрочныхъ испытаній въ лицей поступающимъ въ студенты онаго не производится.

§ 4. Приемъ студентовъ бываетъ разъ въ году, передъ начатіемъ академическаго года. Прошенія о приемѣ подаются директору лицея съ 1-го по 20-е августа.

§ 5. Означенный въ § 4 срокъ назначается какъ для лицъ, получившихъ среднее образованіе, такъ и для бывшихъ студентовъ лицея и университетовъ. Но студенты юридическихъ факультетовъ могутъ переходить непосредственно изъ университета въ лицей не позже какъ за три мѣсяца до начала экзаменовъ, если со стороны университетскаго начальства не встрѣтится къ тому препятствій; студенты прочихъ факультетовъ могутъ переходить въ лицей при томъ же условіи до 15 октября.

§ 6. Къ прошенію о приемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы, вмѣстѣ съ копіями на простой бумагѣ:

а) аттестатъ или свидѣтельство о зрѣлости, а бывшими студентами лицея и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—свидѣтельства, выданныя отъ нихъ послѣднихъ;

б) актъ о состояніи, а именно: копія съ протокола дворянскаго депутатскаго собранія, указъ герольдіи, аттестатъ или послужной списокъ родителя, свидѣтельство объ увольненіи отъ общества;

в) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное изъ консисторіи;

г) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по исполненію воинской повинности, если поступающій имѣетъ 20 лѣтъ отъ роду;

д) воспитанники учебныхъ заведеній, если по выходѣ ихъ изъ нихъ заведеній прошло болѣе полугода, обязаны представить сверхъ того свидѣтельство о поведеніи за указанное время.

§ 7. Къ прошенію и документамъ должны быть приложены 20 руб. за право слушанія лекцій въ первое полугодіе и 3 рубля въ пользу студенческаго отдѣла библиотеки. Въ случаѣ освобожденія студента отъ взноса платы за слушаніе лекцій въ первое полугодіе, ему возвращаются внесенные 20 рублей.

§ 8. Если, по разсмотрѣніи прошенія и документовъ, а равно и по другимъ основаніямъ, директоръ лицея не встрѣтитъ никакого сомнѣнія, то онъ зачисляетъ просителя въ число студентовъ, или

отказываетъ въ приемѣ, доводя о томъ до свѣдѣнія совѣта. Прошеніе и документы передаются на храненіе въ канцелярію лица.

§ 9. Если встрѣтится сомнѣніе или окажется, что просителемъ не представленъ какой-либо изъ означенныхъ въ § 6 документъ, то директоръ передаетъ рѣшеніе вопроса о приемѣ правленію лица, которое можетъ назначить просителю для пополненія документовъ срокъ не болѣе года. Аттестатъ или свидѣтельство о зрѣлости должны быть представлены непременно, и непредставившему ихъ отказывается въ приемѣ безусловно. Не пополнившій документовъ въ назначенный срокъ считается выбывшимъ изъ лица.

§ 10. При переходѣ студентовъ университета въ лицей, директоръ обращается къ ректору, отъ котораго получаетъ какъ документы просителя, такъ и всѣ касающіяся его свѣдѣнія.

§ 11. По полученіи свѣдѣній о студентѣ отъ университета, или начальства другаго учебнаго заведенія, директоръ или зачисляетъ просителя въ лицей, или отказываетъ въ приемѣ, или передаетъ вопросъ на обсужденіе правленія. То же соблюдается и при поступленіи въ лицей бывшихъ студентовъ онаго по собраніи о нихъ свѣдѣній.

§ 12. Студентъ, исключенный изъ лица или изъ другаго учебнаго заведенія за злопамѣренное участіе въ политической противоправительственной агитаціи или оказавшійся причастнымъ къ ней по легкомыслію, и равно изблеченный въ принадлежности къ тайному обществу, можетъ быть принятъ въ лицей не иначе, какъ по сношеніи министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія и во всякомъ случаѣ при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1, если исключенный изъ заведенія, въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взыскапія, и при томъ непременно послѣ отбытія воинской повинности, докажетъ, что онъ раскаялся и прервалъ всякія связи съ сообщниками, и 2, если кто либо изъ преподавателей лица приметъ виновнаго на свое особое попеченіе и подъ свой ближайшій надзоръ, съ обязательствомъ сообщать ежемѣсячно свѣдѣнія о его занятіяхъ и образѣ жизни попечителю Московскаго учебнаго округа. При этомъ каждому студенту при дозволеніи вновь поступить въ лицей, объявляется, что въ случаѣ малѣйшаго нарушенія имъ установленныхъ правилъ, онъ немедленно будетъ исключенъ съ лишеніемъ навсегда права продолжать высшее образованіе.

§ 13. Экзамены бывшихъ студентовъ лица или университетовъ,

а равно переходящихъ въ лицей непосредственно на основаніи § 5, зачисляются лишь въ томъ случаѣ, если студентъ подвергался такому экзамену въ лицей или въ одномъ изъ юридическихъ факультетовъ, если по окончаніи онаго прошло не болѣе года и если экзаменъ имѣлъ значеніе для полученія ученой степени или званія.

§ 14. Увольненіе студентовъ по собственному ихъ желанію производится директоромъ, которому подаются о томъ прошенія и который доводитъ до свѣдѣнія совѣта о выбывшихъ изъ лицея.

Примѣчаніе. Увольненіе за невзносъ платы за слушаніе лекцій опредѣляется правленіемъ, а на основаніи проступковъ зависитъ отъ совѣта лицея.

§ 15. Студентъ, выходящій изъ лицея до окончанія курса, получаетъ свидѣтельство о поведеніи и успѣхахъ за все время пребыванія въ лицей съ обозначеніемъ поводовъ выхода. Такое свидѣтельство выдается директоромъ и скрѣпляется секретаремъ. Въстѣ съ свидѣтельствомъ возвращаются выбывшему всѣ представленныя имъ документы, кромѣ свидѣтельствъ объ ученіи.

§ 16. Дипломы окончившимъ курсъ на званіе дѣйствительнаго студента или на степень кандидата выдаются на основаніи опредѣленія совѣта. Они подписываются директоромъ и ординарными профессорами, скрѣпляются секретаремъ, и къ нимъ прикладывается большая лицейская печать. Въстѣ съ дипломомъ выдаются окончившему курсъ и его документы, кромѣ свидѣтельства объ ученіи.

§ 17. Увольнительное свидѣтельство, дипломы объ окончаніи курса, равно какъ всѣ прочіе документы выдаются по представленіи удостовѣренія въ томъ, что студентъ возвратилъ всѣ взятые имъ изъ лицейской библіотеки книги и уплатилъ всѣ числящіеся на немъ долги лицей и попечительству о недостаточныхъ студентахъ. Въ противномъ случаѣ документы выдаются съ отиѣткою на нихъ о размѣрѣ долга, числящагося за выходящимъ. Таковая выдача можетъ быть произведена по опредѣленію правленія лицей, которое взыскиваетъ затѣмъ долги по общимъ правиламъ о казенныхъ взысканіяхъ. Документы выбывающихъ изъ лицея, если не взяты ими лично, высылаются при извѣстности мѣста жительства чрезъ полицію для выдачи по принадлежности съ требованіемъ взысканія долговъ, денегъ за потерянные книги и проч. Если жительство выбывшаго неизвѣстно, то документы его препровождаются въ мѣстную полицію съ таковымъ же требованіемъ.

II.

О допущеніи постороннихъ лицъ въ слушанію лекцій.

§ 18. Посторонними слушателями могутъ быть всѣ лица мужскаго пола, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ отъ роду. Но переходъ изъ студентовъ лицемъ въ посторонніе слушатели воспрещается.

§ 19. Прошенія отъ желающихъ слушать лекціи принимаются во всякое время директоромъ. Въ прошеніи обозначается: какія именно лекціи проситель желаетъ слушать, и дается обязательство исполнять въ лицей всѣ правила наравнѣ со студентами.

§ 20. Директоръ собираетъ свѣдѣнія о поведеніи желающихъ поступить въ посторонніе слушатели и, сообразно съ добытыми свѣдѣніями, даетъ разрѣшеніе на слушаніе или отказываетъ въ ономъ.

§ 21. Посторонній слушатель обязанъ внести плату за слушаніе лекцій въ размѣрѣ 40 рублей въ годъ или по 10 рублей за каждый предметъ. Только по взносу денегъ за полгода впередъ посторонній слушатель получаетъ отъ директора билетъ для входа въ лицей. За таковой билетъ онъ вноситъ, сверхъ указанной выше платы, единовременно 3 рубля въ пользу студенческаго отдѣла библиотеки.

§ 22. Всѣхъ билета постороннее лицо можетъ являться на лекціи не иначе, какъ съ разрѣшенія директора и съ согласія преподавателя лекціи котораго онъ желаетъ слушать, при томъ не болѣе трехъ разъ.

§ 23. Билетъ, выданный постороннему слушателю, не можетъ быть передаваемъ другому лицу. За таковую передачу, равно какъ за всякое нарушеніе правилъ и порядка въ лицей, директоръ лишаетъ посторонняго слушателя права посѣщать лицей. Новое разрѣшеніе на право посѣщать лекціи можетъ быть дано постороннему слушателю только совѣтомъ. Деньги, внесенныя постороннимъ слушателемъ, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

§ 24. Если нарушеніе постороннимъ слушателемъ правилъ или порядка въ лицей сопровождалось преступленіемъ, то дѣло передается на общемъ основаніи законной власти.

§ 25. Посторонніе слушатели не получаютъ отъ лицей никакого документа для жительства въ городѣ или для выѣзда изъ него. Они не пользуются ни стипендіями, ни денежными пособіями, равно какъ не могутъ быть освобождаемы отъ платы за слушаніе лекцій. Книгами въ здачіи лицей посторонніе слушатели пользуются наравнѣ со студентами; на домъ же они получаютъ книги не иначе, какъ по представленіи денежнаго залога.

§ 26. Постороннему слушателю не можетъ быть выдаваемо никакое свидѣтельство о слушаніи лекцій и объ оказанныхъ успѣхахъ. Они допускаются, но не иначе, какъ по представленіи аттестата зрѣлости, въ одновременному испытанію изъ всѣхъ предметовъ лицейскаго курса на ученую степень кандидата.

§ 27. Посторонніе слушатели могутъ поступать въ студенты на общемъ основаніи, въ опредѣленный § 4 срокъ.

III.

О занятіяхъ студентовъ.

§ 28. Для студентовъ обязательно посѣщеніе лекцій, участіе въ семинаріяхъ, ренетціяхъ и другихъ работахъ, которыя могутъ быть устанавлены каждымъ преподавателемъ.

§ 29. Въ началѣ академическаго года каждымъ преподавателемъ предлагаются темы для письменныхъ работъ или указываются сочиненія, которыя студентъ обязанъ изучить и дать въ томъ словесный или письменный отчетъ, по усмотрѣнію преподавателя. Студенту предоставляется избирать ту или другую работу, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она относилась къ группѣ наукъ, входящихъ въ составъ предстоящаго студенту экзамена. Письменная работа можетъ быть взята по одной наукѣ и должна быть представлена не позже 1-го февраля; студентъ, избравшій изученіе рекомендованныхъ сочиненій, обязанъ изучить таковыя по двумъ наукамъ и представить отчетъ о томъ при экзаменѣ изъ этихъ наукъ. Студентъ, не представившій письменной работы въ установленный срокъ, а также не исполнившій хотя бы по одному предмету обязанностей, указанныхъ въ §§ 28 и 29, не допускается до экзамена изъ данной группы наукъ.

§ 30. Степень успѣшности исполненія всѣхъ вышеозначенныхъ работъ студентовъ обозначается обычными отмѣтками и принимается въ соображеніе при постановкѣ окончательной отмѣтки по соответствующей наукѣ на экзаменѣ.

§ 31. Для поощренія самостоятельныхъ занятій студентовъ нижеслѣдующими правилами устанавляются денежные преміи и медали за студенческія сочиненія.

§ 32. Къ 1-му октября преподаватели лицей представляютъ въ совѣтъ, по каждой каедрѣ, не менѣе четырехъ темъ. Послѣ одобренія представленныхъ преподавателями темъ, совѣтъ объявляетъ оныя немедленно студентамъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ время, въ которое каждый изъ преподавателей будетъ имѣть объяснительную

лекцію по предложеннымъ имъ темамъ. Студенту предоставляется выборъ изъ предложенныхъ темъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы студентъ не представлялъ два раза сочиненій по одной и той же наукѣ. Срокъ подачи сочиненій назначается 1-го октября слѣдующаго за симъ академическаго года.

§ 33. Совѣтъ распредѣляетъ представленныя студентами сочиненія между преподавателями по ихъ специальностямъ. Къ 1-му ноября каждый преподаватель сообщаетъ совѣту свой отзывъ о сочиненіяхъ, которыя онъ признаетъ достойными премій.

§ 34. Преміи назначаются совѣтомъ и распредѣляются по каедрамъ такимъ образомъ, чтобы на каедру приходилось не болѣе двухъ премій: одна большая, другая малая. Переводъ съ одной каедры на другую не допускается.

§ 35. Независимо отъ сочиненій на преміи, ежегодно назначается совѣтомъ по одной темѣ для сочиненій на медали. Темы предлагаются ежегодно въ порядкѣ наукъ, какъ онѣ перечислены въ уставѣ лица, а сочиненія должны быть представлены не позже 1-го апрѣля слѣдующаго за объявленіемъ учебнаго года. Если къ этому сроку не подано ни одного сочиненія, то заданная тема можетъ быть оставлена и на слѣдующій срокъ вмѣстѣ съ вновь заданною.

§ 36. Относительно способа и срока объявленія темъ наблюдаются правила, изложенныя въ § 32. Написавшій сочиненіе представляетъ оное въ совѣтъ лица, выставляя на сочиненіи девизъ, а въ особомъ запечатанномъ конвертѣ обозначаетъ свое имя. Таковой конвертъ вскрывается въ совѣтъ по обсужденіи достоинства поданнаго сочиненія; конвертъ, принадлежащій къ сочиненію, неудостоенному награды, сжигается въ совѣтѣ.

§ 37. Передъ началомъ каждаго учебнаго года совѣтъ постановляетъ рѣшеніе о представленныхъ на медаль сочиненіяхъ по прочтеніи оныхъ не менѣе какъ тремя преподавателями. За лучшія изъ поданныхъ сочиненій совѣтъ можетъ удостоивать золотой и серебряной медали, равно какъ похвального отзыва. Медали выдаются на торжественномъ актѣ лица 30-го августа.

IV.

Объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата.

§ 38. Испытаніе на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата производится въ теченіе всего лицейскаго курса, на нижеизложенныхъ основаціяхъ.

§ 39. Всѣ предметы лицейскаго курса по отношенію къ испытаніямъ раздѣляются на четыре группы. Къ первой относятся: (первый курсъ) а) богословіе; б) энциклопедія права и институцій римскаго права; в) всеобщая исторія права и исторія римскаго права; г) исторія русскаго права (первая половинна). Ко второй группѣ принадлежатъ: (второй курсъ) а) римское право (первая половинна); б) исторія русскаго права (вторая половинна); в) политическая экономія и наука о финансахъ; г) государственное право со включеніемъ административнаго права. Третью группу составляютъ: (третій курсъ) а) римское право (вторая половинна); б) гражданское право (1-я половинна); в) уголовное право и г) церковное право. Наконецъ, въ составъ четвертой группы входятъ (четвертый курсъ): а) гражданское право (2-я половинна); б) торговое право; в) гражданское судопроизводство; г) уголовное судопроизводство, и д) международное право публичное и частное.

§ 40. Экзамены производятся ежегодно, такъ чтобы промежутки между ними были не менѣе одного и не болѣе двухъ лѣтъ. Студентъ, выдержавшій экзаменъ изъ наукъ одной группы и не окончившій испытанія черезъ два года изъ наукъ слѣдующей группы, считается выбывшимъ изъ лицей, равнымъ образомъ какъ и студентъ, невыдержавшій экзамена изъ наукъ первой группы черезъ два года по вступленіи въ лицей. Исключеніе изъ этого правила и дозволеніе студенту приступить къ экзамену черезъ три года можетъ быть допускаемо только по особому о немъ ходатайству совѣта и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія.

§ 41. Студентъ не можетъ пробыть въ лицей болѣе шести лѣтъ, а потому можетъ откладывать экзаменъ на два года не болѣе двухъ разъ въ теченіе всего лицейскаго курса. Ходатайство о дозволеніи отсрочить экзаменъ на три года можетъ имѣть мѣсто только при соблюденіи условія о томъ, что студентъ можетъ окончить полный курсъ, находясь въ лицей не болѣе шести лѣтъ.

§ 42. Студенту, невыдержавшему экзамена въ нормальный годичный срокъ, предоставляется соединить двѣ группы въ одну, по съ соблюденіемъ послѣдовательности группъ и сроковъ, указанныхъ въ § 40.

§ 43. Испытанія производятся ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ, не ранѣе 15 числа этого мѣсяца.

§ 44. Студентъ, желающій держать экзаменъ, подаетъ въ совѣтъ къ 15-му апрѣля прошеніе, въ которомъ должно быть означено: а) время зачисленія просителя въ число студентовъ; б) по какой именно

группѣ онъ желаетъ держать экзаменъ (§ 40—42); в) какія письменныя работы представлены просителемъ или по какимъ наукамъ онъ изучалъ рекомендованныя преподавателямъ сочиненія.

§ 45. Послѣ разсмотрѣнія совѣтомъ указанныхъ въ предшествовавшемъ § прошеній, составляются къ 1-му мая списки студентовъ, имѣющихъ право держать экзаменъ, по каждой группѣ наукъ отдѣльно.

§ 46. За десять дней до начала экзаменовъ вывѣшивается о томъ объявленіе, съ указаніемъ, какіе студенты допускаются къ испытанію и съ приглашеніемъ ихъ заявить, кто изъ нихъ приступаетъ къ испытанію въ первый назначенный совѣтомъ день. Въ случаѣ чрезвычайнаго количества такихъ заявленій или въ случаѣ если подобныхъ заявленій окажется слишкомъ мало, совѣтъ назначаетъ по жребію тѣхъ студентовъ, которые прежде другихъ обязаны явиться на испытаніе.

§ 47. Студентъ обязанъ окончить все испытаніе въ теченіе числа дней, соотвѣтствующихъ количеству наукъ, входящихъ въ составъ экзаменаціонной группы. Последовательность наукъ, изъ которыхъ студентъ подвергается испытанію, предоставляется опредѣлить ему самому.

§ 48. Никакія причины неявки на экзаменъ не могутъ быть принимаемы во вниманіе; неявившійся считается на равнѣ съ невыдержавшимъ испытаніе. Ему предоставляется воспользоваться въ слѣдующемъ году правомъ, указаннымъ въ § 42.

§ 49. Испытаніе производится въ комиссіи, состоящей изъ преподавателей наукъ данной группы; каждый преподаватель экзаменуетъ по своему предмету, а въ случаѣ его отсутствія, совѣтъ назначаетъ экзаменатора.

§ 50. Познанія студентовъ обозначаются баллами: три (достаточно), четыре (хорошо) и пять (отлично). Баллы менѣе трехъ означаютъ успѣхи неудовлетворительныя.

§ 51. Программа, по которой предлагаются вопросы студентамъ утверждается совѣтомъ и дѣлается извѣстной экзаменуемымъ. При постановкѣ балловъ комиссіею принимаются во вниманіе какъ отвѣты студента на экзаменѣ, такъ и занятія его въ теченіе года. Баллъ, выставленный комиссіею, не подлежитъ измѣненію и переэкзаменовки не допускаются ни по какому поводу.

§ 52. Для полученія званія дѣйствительнаго студента нужно имѣть въ среднемъ выводѣ не менѣе $3\frac{1}{2}$ по каждой группѣ, а для удостоенія степени кандидата необходимо имѣть по римскому и гра-

ждапскому праву баллъ не менѣе 4 и $4\frac{1}{2}$ по всѣмъ группамъ въ совокупности. Если для указаннаго средняго вывода въ суммѣ балловъ недостаетъ единицы, то дробь средняго вывода принимается за половину.

§ 53. Для получения степени кандидата, сверхъ того, обязательно представить по одной изъ юридическихъ наукъ диссертацию, которая должна быть одобрена совѣтомъ. Для представленія диссертации назначается шестимѣсячный срокъ, считая со дня послѣдняго испытанія; этотъ срокъ можетъ быть продолженъ еще на шесть мѣсяцевъ по постановленію совѣта, въ виду какихъ либо уважительныхъ причинъ.

Примѣчаніе: Студентъ, удостоенный дважды большой преміи, равно какъ получившій медаль, или почетный отзывъ, утверждается въ степени кандидата безъ представленія диссертации.

§ 54. Студентъ, получившій по одному изъ предметовъ неудовлетворительную отмѣтку, или вовсе не получившій отмѣтки, хотя бы по одному предмету, считается невыдержавшимъ экзаменъ изъ той группы, къ которой принадлежитъ предметъ. Равнымъ образомъ считается невыдержавшимъ тотъ студентъ, который не окончилъ экзамена въ теченіе указаннаго въ § 47 срока.

У.

О порядкѣ взиманія и употребленія суммы, собираемой за слушаніе лекцій и о назначеніи стипендій.

§ 55. Каждый студентъ вноситъ, на основаніи устава, за слушаніе лекцій по 20 рублей впередъ за каждое полугодіе. Студенты, перешедшіе въ лицей изъ университетовъ, освобождаются отъ взноса платы за то полугодіе, за которое они уплатили уже въ университетѣ. Наоборотъ, въ случаѣ выхода студента изъ лицея, хотя бы до истеченія полугодія, внесенная имъ плата не возвращается.

§ 56. Плата за слушаніе лекцій должна быть вносима не позже 15-го октября и 1-го марта ежегодно. За три недѣли до наступленія сихъ сроковъ, правленіе лицея объявляетъ имена лицъ, за которыми остается недонма.

§ 57. Студенты, не внесшіе платы въ срокъ, считаются выбывшими изъ лицея, при чемъ выдаются имъ документы, съ обозначеніемъ въ увольнительномъ свидѣтельствѣ причины увольненія. Уволенный за невнесеніе платы можетъ быть снова принятъ въ лицей

лишь по уплатѣ недоимки. При этомъ ему зачисляется полугодіе лишь въ томъ случаѣ, если онъ внесетъ плату въ первомъ полугодіи до 1-го декабря, а во второмъ до 1-го апрѣля.

§ 58. Отъ платы за ученіе освобождаются пансіонеры Государя Императора и Особъ Высочайшей фамиліи, а также всѣ Демидовскіе стипендіаты (§ 56 устава) и студенты, получившіе стипендіи, въ положеніи о которыхъ прямо установлено освобожденіе отъ платы. Получающіе благотворительныя стипендіи безъ упомянутаго условія освобождаются отъ платы лишь въ томъ случаѣ, если размѣръ получаемой ими стипендіи не превышаетъ 200 рублей и если они удовлетворяютъ означеннымъ ниже условіямъ.

§ 59. Всѣ вообще студенты могутъ, въ случаѣ бѣдности и удовлетворительныхъ успѣховъ, пользоваться льготами по взносу платы за слушаніе лекцій: правленіе можетъ таковыхъ студентовъ освобождать отъ взноса всей платы, уменьшить имъ плату на половину или отсрочивать взносъ, не далѣе однако какъ на полгода. Прошенія объ освобожденіи, уменьшеніи и отсрочкѣ принимаются до 15-го сентября въ первомъ полугодіи и до 1-го февраля — во второмъ.

§ 60. Студенты, просящіе объ освобожденіи отъ платы или уменьшеніи оной, представляютъ правленію въ срокъ, опредѣленный въ § 59, свидѣтельство о бѣдности.

§ 61. Студенты, вновь поступившіе въ лицей, могутъ быть освобождены отъ платы на основаніи аттестата зрѣлости, отгѣтки по которому должны составлять въ среднемъ выводѣ не менѣе $3\frac{1}{2}$. Для освобожденія отъ платы во вторую половину учебнаго года всѣмъ вновь поступившимъ студентамъ предоставляется въ декабрѣ мѣсяцѣ держать экзаменъ изъ прочитаннаго по тремъ наукамъ первой группы съ назначенія совѣта; льготами пользуются получившіе на таковомъ экзаменѣ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 балловъ, если при томъ представятъ свидѣтельство о бѣдности.

§ 62. Недостаточные студенты, державшіе испытаніе изъ наукъ первыхъ трехъ группъ, пользуются льготами по освобожденію, уменьшенію или отсрочкѣ платы на основаніи означенныхъ иснтавій. Льготы по освобожденію отъ платы даются лишь тѣмъ изъ студентовъ, которые получили на означенныхъ испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 балловъ.

§ 63. Суммы, собираемыя со студентовъ за слушаніе лекцій, могутъ быть употреблены на пособія студентамъ, какъ обыкновенныя, такъ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на уплату за лекарства для сту-

дентовъ, на преміи и награды за лучшія сочиненія, на вознагражденіе стороннихъ преподавателей, на посылку за границу съ ученою цѣлью и на усиленіе библиотеки для студентовъ.

§ 64. Въ стипендіаты избираются студенты недостаточнаго состоянія, если окажутся того достойными по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 65. Директоръ лицея, на основаніи рекомендацій директоровъ или педагогическихъ совѣтовъ гимназій, принимаетъ на казенное содержаніе ежегодно по 4 воспитанника, окончившихъ курсъ въ тѣхъ гимназіяхъ; остающіяся за тѣмъ стипендіи назначаются совѣтомъ лицея при ручательствѣ директора за поведеніе просителя. Назначеніе дворянскихъ и благотворительныхъ стипендій производится по правиламъ, установленнымъ при ихъ учрежденіи. Принятіе студентовъ въ общежитіе на казенное содержаніе опредѣляется правилами объ общежитіи.

§ 66. Стипендіи и пособія назначаются лишь бѣднымъ, отличнымъ по поведенію студентамъ на основаніи успѣховъ, которые они оказали на экзаменахъ и въ лицей. Для вновь вступающихъ принимается въ основаніе аттестатъ зрѣлости.

§ 67. Студенты, желающіе получить стипендію или пособие, обязаны сдавать экзамены ежегодно по наукамъ соотвѣтствующей группы. Для оцѣнки успѣховъ студентовъ, ищущихъ стипендій, принимаются въ разчетъ отмѣтки, полученныя на экзаменахъ, и достоинство работъ, выполненныхъ въ теченіе года. Правомъ на стипендію и пособие могутъ пользоваться лишь тѣ студенты, которые получили на испытаніяхъ баллъ въ среднемъ выводѣ не менѣе $4\frac{1}{2}$, или имѣющіе въ аттестатѣ зрѣлости въ общемъ выводѣ не менѣе 4.

§ 68. Каждый студентъ, пользующійся стипендіею отъ лицея, сохраняетъ ее и на слѣдующіе годы, если ежегодно подвергается испытанію и получаетъ на ономъ въ среднемъ выводѣ баллъ не менѣе 4. Студентъ, которому какія-либо важныя препятствія помѣшали выполнить эти условія, можетъ сохранить стипендію только по опредѣленію совѣта. Но такая льгота оказывается стипендіату не болѣе одного раза въ теченіе всего лицейскаго курса.

Примѣчаніе. Демидовскіе стипендіаты, помѣщенные въ общежитіе студентовъ непосредственно по избранію директора или изъ числа тѣхъ, которымъ стипендіи назначены совѣтомъ, продолжаютъ пользоваться помѣщеніемъ, если они при отличномъ поведеніи ежегодно оказываютъ удовлетворительные успѣхи

на экзаменѣ, или если директоръ засвидѣтельствуетъ, что студентъ не явился на экзаменъ или не окончилъ онаго по болѣзни или другой уважительной причинѣ.

§ 69. Лишеніе стипендій за проступки производится правленіемъ лица. Студенты, исключенные по тѣмъ же причинамъ изъ обществитія, лишаются стипендій на одинъ годъ.

VI.

Обязанности студентовъ.

§ 70. Принятый въ число студентовъ обязанъ явиться къ директору. Отъ него или отъ его помощника онъ получаетъ билетъ на жительство. На билетѣ подписывается имя и фамилія получателя тѣмъ самымъ лицомъ, которому билетъ выдается.

§ 71. Вмѣстѣ съ билетомъ выдается студенту экземпляръ обязательныхъ для него лицейскихъ правилъ, незнаніемъ которыхъ онъ отговариваться не можетъ; принятый въ студенты даетъ подписку въ соблюденіи этихъ правилъ.

§ 72. Всѣ студенты обязаны обмѣнивать выданные имъ билеты ежегодно не позже 15-го сентября. Новые билеты выдаются не иначе какъ въ обмѣнъ на прежніе.

§ 73. Билетъ замѣняетъ студенту всѣ его документы, остающіеся въ лицей по все время пребыванія въ немъ студента, и служитъ доказательствомъ его личности. Поэтому билеты не могутъ быть передаваемы отъ одного лица другому.

§ 74. Студентъ обязанъ предъявлять свой билетъ директору или его помощнику, а равно во всѣхъ случаяхъ, когда окажется нужнымъ удостовѣриться въ личности студента. При увольненіи студента въ отпускъ, онъ представляетъ билетъ на жительство въ лицей и получаетъ его обратно при возвращеніи изъ отпуска. При потерѣ билета наблюдаются тѣ же правила, какъ при потерѣ документовъ, и новый билетъ не можетъ быть выданъ иначе, какъ послѣ установленной закономъ публикаціи о пропажѣ перваго.

§ 75. При увольненіи студента изъ лицей и выдачѣ документовъ, отъ него отбирается выданный ему билетъ на жительство.

§ 76. Получивши билетъ, студентъ обязанъ лично внести въ особую книгу, находящуюся у помощника директора, мѣсто своего жительства, и при всякой переимѣнѣ квартиры немедленно записывать свой новый адресъ въ ту же книгу.

§ 77. Билеты предъявляются для заниски въ полицію на основаніи общихъ правилъ.

§ 78. Студентъ обязанъ безпрекословно подчиняться въ лицѣ установленному порядку и правиламъ, а равно и всякому требованію директора и его помощника, предъявленному для охраненія и соблюденія порядка.

§ 79. Въ лицѣ студенты подлежатъ судебнымъ и полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи. Но такое подчиненіе не исключаетъ обязанности исполнять также требованія лицейскаго начальства, по скольку таковыя требованія связаны съ поведеніемъ студента.

§ 80. На этомъ основаніи за проступки студента въ лицѣ, хотя бы не преслѣдуемые и оправданные общими установленіями, возможно дисциплинарное взыскаііе, если эти проступки имѣютъ предосудительный характеръ.

§ 81. Для студентовъ безусловно обязательно соблюденіе настоящихъ правилъ, равно какъ дѣлаемыхъ на основаніи оныхъ распоряженій, объявляемыхъ къ общему свѣдѣнію студентовъ.

§ 82. Студенты обязаны являться въ лицѣ по каждому вызову директора и его помощника, которые могутъ также посѣщать квартиры студентовъ.

§ 83. Студенты считаются отдѣльными посѣтителами лица, а потому не допускается никакое дѣйствіе или заявленіе ихъ, носящее на себѣ характеръ корпоративный.

§ 84. Каждый студентъ обращается съ заявленіемъ о своихъ личныхъ нуждахъ: по научнымъ вопросамъ—къ профессорамъ; съ просьбою о назначеніи стипендіи—въ совѣтъ; съ просьбою объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій—въ правленіе; съ просьбами о пособіи—въ попечительство о недостаточныхъ студентахъ; во всѣхъ прочихъ случаяхъ—къ директору лица и его помощникамъ.

§ 85. Не составляя корпораціи, студенты не могутъ избирать депутатовъ, распорядителей и проч., равно какъ ни одинъ студентъ не вправе дѣлать словесныя заявленія, или подавать жалобы и прошенія отъ имени какой-либо группы товарищей или отъ всѣхъ студентовъ.

Примѣчаніе. Не запрещается однако студенту указать на нужды своего товарища, который по болѣзни или по другимъ причинамъ не можетъ лично заявить о своемъ положеніи.

§ 86. Въ зданіи лица студентамъ запрещаются всякія сборища и сходки для обсужденія какихъ-либо вопросовъ и постановленія рѣ-

шеній, равно какъ произношеніе публичныхъ рѣчей, предложеніе какихъ-либо подписокъ и проч. Сборища внѣ зданія лица подлежатъ запрещенію на основаніи общихъ законовъ. Въ тѣ часы, когда въ лицей вѣтъ лекцій или занятій, входъ въ аудиторію и бібліотеку можетъ быть разрѣшенъ только директоромъ.

§ 87. Въ лицей не могутъ имѣть мѣста никакія учрежденія, кромѣ состоящихъ въ исключительномъ завѣдываніи лицейскаго начальства. Поэтому въ лицей запрещаются особыя студенческія всесомагательныя или ссудныя кассы, читальни, собранія и общества.

§ 88. Относительно устройства бібліотекъ, кухмистерскихъ, концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ собраній внѣ лица студенты подлежатъ общимъ законамъ и полицейскимъ правиламъ.

§ 89. Всѣ публичныя собранія, лекціи и проч. въ пользу студентовъ могутъ быть устроены не иначе, какъ на основаніи существующихъ на этотъ предметъ узаконеній, съ вѣдома директора лица и подъ условіемъ, чтобы вырученныя деньги передавались въ попечительство о недостаточныхъ студентахъ.

§ 90. Безъ вѣдома и разрѣшенія директора студентъ не можетъ принимать участія въ концертахъ, спектакляхъ и быть членомъ какого-либо общества. Участіе въ какомъ бы то ни было тайномъ обществѣ, хотя бы и неимѣющемъ преступной цѣли, равно какъ участіе въ политической противуправительственной агитаціи, влечетъ за собою немедленное исключеніе студента.

§ 91. Студенты обязаны соблюдать въ стѣнахъ лица порядокъ и тишину. Всякое требованіе въ видахъ сохраненія необходимаго для научныхъ занятій спокойствія они должны исполнять безпрекословно. Отъ нихъ требуется уваженіе къ аудиторіи и преподаванію; а потому запрещается выражать одобреніе или порицаніе преподавателю и прерывать какимъ бы то ни было образомъ лекціи и научныя занятія.

§ 92. Уваженіе къ лицу требуетъ также, чтобы студенты соблюдали правила благовоспитанности и приличія въ наружномъ своемъ видѣ, въ формѣ одежды и проч.

§ 93. Студенты не въ правѣ дѣлать какихъ-либо распоряженія или дѣлать приказанія лицейскимъ служителямъ. Никакое объявленіе не можетъ быть выставлено въ лицей безъ разрѣшенія директора.

§ 94. Запрещается куреніе табаку въ зданіи лица, за исключеніемъ указаннаго для того помѣщенія.

§ 95. Студенты могутъ обращаться къ директору или его помощ-
часть ссхххх, отд. 1.

нику для засвидѣтельствованія подписи ихъ руки. Довѣренность студента, имѣющая силу въ дѣлахъ лицей (напримѣръ, на полученіе стипендіи) обязательно свидѣтельствуется помощникомъ директора.

§ 96. Студенты могутъ быть увольняемы въ отпускъ на вакаціонное время. Отпускъ въ учебное время разрѣшается директоромъ на срокъ не свыше 28 дней. Но такой продолжительный отпускъ можетъ быть даваемъ не болѣе одного раза въ теченіе учебнаго года.

§ 97. Для полученія билета на выѣздъ студентъ долженъ представить удостовѣреніе мѣстной полиціи о неимѣніи препятствій къ выѣзду изъ города и кромѣ того отъ завѣдующаго бібліотекою о сдачѣ взятыхъ имъ книгъ. Отпускной билетъ выдается директоромъ и всѣ отпуска вписываются въ особую книгу. По прибытіи на мѣсто отпуска студентъ обязанъ представить отпускной билетъ въ мѣстную полицію и тамъ же заявить о своемъ выѣздѣ.

§ 98. Получившій отпускъ въ учебное время обязанъ возвращаться въ лицей къ назначенному сроку и явиться къ директору или его помощнику; до явки онъ считается въ отлучкѣ.

§ 99. Студентъ, просрочившій отпускъ безъ уважительныхъ причинъ болѣе мѣсяца, считается выбывшимъ изъ лицей и можетъ быть вновь принятъ въ лицей только въ слѣдующемъ учебномъ году.

§ 100. Гражданскія взысканія со студентовъ и всякія денежныя претензіи на нихъ не подлежатъ разбирательству лицей. Студенты заботятся сами о томъ, чтобы не вызывать жалобъ и взысканій со стороны своихъ кредиторовъ.

§ 101. Студенты могутъ получать письма и корреспонденціи въ самомъ лицей, не иначе, какъ по выдачѣ для того, на основаніи почтовыхъ правилъ, довѣренности одному изъ лицейскихъ служителей, отъ котораго непосредственно получаютъ присланное на ихъ имя. Желające получать письма на дому сообщаютъ почтовой конторѣ свои адреса.

§ 102. Согласно существенной цѣли пребыванія студентовъ въ лицей, для нихъ обязательно посѣщеніе лекцій и участіе въ научныхъ работахъ.

§ 103. Студенты пользуются указаніемъ преподавателей для своихъ научныхъ занятій, но только профессора могутъ литографировать свои лекціи, студентамъ же таковое литографированіе безусловно запрещается.

§ 104. Студенты могутъ пользоваться книгами изъ лицейской библіотеки на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ.

§ 105. Пользованіе книгами въ самомъ лицѣ не ограничивается для студентовъ никакими условіями; имъ не выдаются только книги, запрещенныя цензурою. Получать книги на домъ студенты могутъ изъ студенческаго отдѣла библіотеки безъ залога, а изъ основной библіотеки по представленіи залога, соответственнаго цѣнѣ книги. Для стипендіатовъ лица залогомъ могутъ служить получаемыя ими стипендіи.

§ 106. Книги выдаются студентамъ для чтенія на домъ въ количествахъ не болѣе двухъ томовъ и на срокъ не болѣе двухъ недѣль. Этотъ срокъ можетъ быть продолженъ, если въ библіотекѣ находится достаточное количество экземпляровъ книги для пользованія всѣхъ желающихъ. Наоборотъ, срокъ можетъ быть сокращенъ, если на одну и ту же книгу заявлено много требованій.

§ 107. Не выдаются для чтенія на домъ книги, не находящіяся въ продажѣ, справочныя книги, многотомныя сочиненія, дорогія изданія, а равно поврежденныя спеціальныя изданія.

§ 108. При выѣздѣ изъ города, при увольненіи или выходѣ изъ лица студентъ обязанъ возвратить всѣ взятыя имъ изъ библіотеки книги и журналы. Равнымъ образомъ онъ обязанъ представить книгу и до истеченія общаго срока пользованія, если въ оной встрѣтится надобность.

§ 109. За потерю или порчу книги студентъ обязанъ уплатить цѣну оной, а за недоставленіе книги въ срокъ можетъ быть назначенъ денежный штрафъ. До уплаты цѣны книги или штрафа студентъ не можетъ получать книгъ для чтенія на домъ. На вознагражденіе за книги, взятыя съ залогомъ, обращается этотъ залогъ (§ 105).

§ 110. Для полученія книгъ изъ студенческаго отдѣла библіотеки студенты обращаются къ помощнику директора; книги изъ основной библіотеки выдаются библіотекаремъ. Студентъ для полученія книги предъявляетъ особый билетъ, на которомъ отмѣчается выдача и возвращеніе книгъ, и даетъ росписку во взятой книгѣ. Заявленіе о требуемой книгѣ должно быть сдѣлано наканунѣ выдачи на установленномъ для сего благовѣ.

§ 111. Студенты, желающіе получить стипендіи, быть освобожденными отъ платы за слушаніе лекцій, удостоиваться медалей и премій, соблюдаютъ условія, изложенныя въ §§ 57—67 настоящихъ правилъ.

VII.

Взысканія за нарушение студентами ихъ обязанностей.

§ 112. Взысканія за нарушение студентами лицейскихъ правилъ налагаются совѣтомъ, правленіемъ и директоромъ.

§ 113. Виды взысканій суть: 1) выговоръ; 2) арестъ на срокъ до двухъ недѣль; 3) увольненіе изъ лица на годъ, съ правомъ вступить въ другое высшее учебное заведеніе; 4) удаленіе на одинъ или два года безъ права поступленія въ лице и въ другое высшее учебное заведеніе въ теченіе этого срока; 5) исключеніе изъ лица съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ исключенный не принимался въ какое-либо учебное заведеніе, а по истеченіи этого срока могъ поступить въ оное лишь подъ отвѣтственностію начальства заведенія и съ разрѣшенія главнаго управленія онаго. Къ этимъ общимъ видамъ взысканія можетъ присоединяться лишеніе стипендій и льготъ по освобожденію отъ платы, равно какъ лишеніе права на пользованіе ими, при чемъ этотъ видъ взысканія назначается амостоятельно или вмѣстѣ съ другими.

Примѣчаніе. Если директоръ находитъ, что пребываніе студента въ лицѣ имѣетъ вредное вліяніе на остальныхъ студентовъ, и если внушеніе, сдѣланное такому студенту, оказывается недѣйствительнымъ, то директоръ можетъ, испросивъ на то предварительное разрѣшеніе начальства Московскаго учебнаго округа, предложить упорствующему уволиться изъ лица. Ослушавшійся или неподчиняющійся такому предложенію, подлежитъ взысканію на основаніи § 123.

§ 114. Выговоръ и арестъ до трехъ дней назначается директоромъ; арестъ на болѣе долгій срокъ и лишеніе льготъ по взносу платы опредѣляется правленіемъ; къ увольненію изъ лица и къ лишенію стипендій виновные приговариваются совѣтомъ; приговоръ совѣта объ удаленіи и исключеніи студента приводится въ исполненіе послѣ утвержденія его попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

§ 115. Повтореніе проступковъ менѣе важныхъ ведетъ къ назначенію высшей мѣры наказаній. Поэтому директоръ, послѣ троекратнаго взысканія въ предѣлахъ своей власти, передаетъ новый проступокъ студента на обсужденіе правленія, а правленіе при безуспѣшности назначенныхъ имъ мѣръ взысканія, представляетъ о высшемъ наказаніи на утвержденіе совѣта.

§ 116. Всѣ взысканія вносятся въ особую книгу. Они прини-

маются во вниманіе при назначеніи стипендій и льготъ по освобожденію отъ платы, равно какъ при выдачѣ аттестатовъ объ окончаніи курса и свидѣтельствъ о поведеніи студентовъ.

§ 117. Учебному начальству подлежатъ разбирательство всѣхъ проступковъ студентовъ, совершенныхъ въ лицѣхъ, или по неисполненію лицейскихъ правилъ.

§ 118. Независимо отъ этого правленію подлежатъ обсужденіе всѣхъ дѣлъ о недоразумѣніяхъ между студентами съ одной стороны и преподавателями лицей, равно какъ должностными лицами съ другой, хотя бы недоразумѣнія эти произошли и внѣ лицей.

§ 119. Равнымъ образомъ директору вмѣняется въ обязанность передавать на обсужденіе правленія и рѣшеніе совѣта такіе проступки студента, совершенные имъ внѣ лицей, за которые виновный приговоренъ къ взысканію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, или которые имѣютъ предосудительный характеръ, хотя бы за нихъ и не послѣдовало взысканія.

§ 120. Выговоръ назначается:

- за несообщеніе о переимѣнѣ адреса въ теченіе болѣе трехъ дней;
- за куреніе табаку въ недозволенныхъ мѣстахъ;
- за неявку въ срокъ изъ отпуску, если просрочка не превышала двухъ недѣль;
- за появленіе въ лицей въ одеждѣ, отступающей отъ установленной формы;
- за несвоевременный входъ въ аудиторію, прерывающій занятія;
- за принятіе безъ вѣдома директора званія члена въ какомъ-либо дозволенномъ обществѣ;
- за неприличное поведеніе внѣ лицей;
- за участіе въ ссодкѣ, если студентъ удалился при первомъ напоминаніи директора или его помощника;
- за необъявленіе своего мѣста жительства.

§ 121. Аресту не свыше трехъ дней виновные подвергаются:

- за появленіе въ лицѣхъ въ петрзвонъ видѣ;
- за оскорбленіе товарищей или лицейскихъ служителей грубыми словами;
- за неявку въ лицей въ первый разъ по вызову начальства безъ уважительныхъ причинъ;
- за отказъ немедленно исполнить требованіе помощника директора;
- за участіе въ подпискѣ между студентами;

за невозобновленіе билета на жительство, безъ законныхъ причинъ.

§ 122. Арестъ на срокъ отъ четырехъ дней до двухъ недѣль или лишеніе льготъ по освобожденію отъ платы, равно какъ стипендіи назначаются:

за неявку въ лицей по второму вызову учебнаго начальства;

за вывѣшеніе какого-нибудь объявленія безъ разрѣшенія директора, равно какъ за открытіе подписки въ лицей, хотя бы и безъ противузаконной цѣли;

за отказъ представить объясненіе учебному начальству по требованію сего послѣдняго;

за самовольную отлучку изъ города;

за присутствіе при сборницѣ и на сходкѣ, если студентъ не удаленъ по первому требованію директора, но не принималъ участія въ безпорядкѣ;

за всякое неисполненіе требованія, которое предъявляется лично студенту директоромъ.

§ 123. Увольненію, удаленію или исключенію изъ лицея, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ поступокъ, студенты подвергаются:

за подпись на коллективномъ прошеніи или адресѣ;

за недовольное литографированіе лекцій;

за отказъ слѣдовать подѣ арестъ или за самовольный уходъ изъ подѣ ареста;

за самовольное выставленіе объявленій въ лицей отъ имени начальства, равно какъ за сорваніе или искаженіе объявленій, сдѣланныхъ начальствомъ;

за вывѣшиваніе объявленій предосудительнаго содержанія, равно какъ за открытіе подписки таковаго содержанія;

за упорное неисполненіе требованія, предъявленнаго студенту лично директоромъ;

за ложныя показанія, данныя учебному начальству;

за подлоги на экзаменахъ, при подачѣ письменныхъ работъ, предъявленій билетовъ и проч.

за оскорбленіе кого-либо состоящихъ на службѣ въ лицей;

за подстрекательство къ сходкамъ и сборицамъ, равно какъ за упорное продолженіе сходки, произнесеніе рѣчей на оной и произведеніе безпорядка;

за выраженіе неодобренія преподавателю; за протестъ противъ постановленія учебнаго начальства;

за нарушеніе порядка шумомъ, крикомъ или иными дѣйствіями на лекціяхъ, при производствѣ испытаній, на торжественныхъ актахъ, при засѣданіяхъ совѣта и правленія;

за дерзость противъ учебнаго начальства и преподавателей, хотя бы это послѣднее совершено было внѣ стѣнъ лицей;

за участіе въ тайномъ обществѣ и въ политической противуправительственной агитаціи.

§ 124. Если студентъ будетъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу или въ участіи въ политической противуправительственной агитаціи, и въ теченіе двухъ недѣль не явится въ лицей, то директоръ отсылаетъ документы его въ то мѣсто или тому лицу, по распоряженію коего произведенъ былъ арестъ, съ просьбою увѣдомить его, какъ о причинѣ ареста, такъ и объ арестованномъ студентѣ, когда таковое состоится, и доставить копию съ этого рѣшенія.

§ 125. Если затѣмъ арестованный будетъ освобожденъ безъ всякихъ послѣдствій и получить объ этомъ удостовѣреніе подлежащей власти, то онъ допускается къ продолженію курса въ лицей. Если же онъ признаетъ будетъ виновнымъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, то директоръ, получивъ копию рѣшенія или постановленія по этому дѣлу, передаетъ на обсужденіе совѣта вопросъ: можетъ ли оказавшійся виновнымъ молодой человекъ, по отбытіи взысканія, оставаться въ лицей, или же онъ подлежитъ удаленію изъ лицей. Состоявшееся въ послѣднемъ смыслѣ опредѣленіе przeprowadжается въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

§ 126. Если по рѣшенію подлежащей власти окажется, что студентъ лицей изобличенъ въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противузаконномъ сообществѣ или въ политической противуправительственной агитаціи, то какое бы ни было назначено ему за это взысканіе, совѣтъ лицей, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 15-го октября 1881 года, дѣлаетъ постановленіе объ исключеніи такого учащагося навсегда изъ лицей и о лишеніи его права поступить въ какія-либо учебныя заведенія.

§ 127. Мѣра, указанная въ § 126, примѣняется къ лицамъ, принадлежащимъ къ одной изъ слѣдующихъ трехъ категорій: а) къ тѣмъ, которыя по привлеченіи ихъ къ дознанію по закону 19-го мая 1871 года были переданы въ обычномъ порядкѣ суду и признаны

виновными въ участіи съ обдуманнѣмъ намѣреніемъ въ какомъ-либо государственномъ преступленіи; б) къ тѣмъ, которыя за преступленія того же свойства были подвергнуты взысканію въ административномъ порядкѣ, то-есть, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному Высочайшаго утвержденія, и в) къ тѣмъ, которыя повесутъ взысканія за подобное же преступное дѣяніе въ порядкѣ закона о государственной охранѣ за доказанную политическую ихъ неблагонадежность.

§ 128. Если нарушеніе студентомъ лицейскихъ правилъ сопровождалось какимъ-либо уголовнымъ преступленіемъ, то по исключеніи виновнаго изъ числа студентовъ, онъ отсылается къ обыкновенному уголовному суду. Затѣмъ, послѣ состоявшагося рѣшенія уголовного суда директоръ обязанъ поступить на основаніи § 119.

§ 129. Предварительное дознаніе по каждому проступку студента производится директоромъ, который лично или чрезъ своего помощника удостовѣряется въ дѣйствительности факта. Онъ вызываетъ свидѣтелей, заслушиваетъ стороны, и затѣмъ или превращаетъ дѣло, или назначаетъ взысканіе въ предѣлахъ своей власти, или же переноситъ сужденіе о поступкѣ студента въ правленіе лица.

§ 130. Взысканіе, налагаемое директоромъ въ предѣлахъ его власти, немедленно приводится въ исполненіе; жалобы на приговоръ директора не допускаются.

§ 131. Правленіе, получивъ отъ директора произведенное имъ дознаніе или заявленіе, вызываетъ въ свою очередь обвиняемаго и свидѣтелей изъ студентовъ и служащихъ въ лицей, если по дѣлу показаніе таковыхъ свидѣтелей окажется нужнымъ, и назначаетъ день для явки ихъ. Равнымъ образомъ оно можетъ просить словесныхъ и письменныхъ объясненій отъ постороннихъ лицъ.

§ 132. Въ случаѣ неявки обвиняемаго, безъ уважительныхъ причинъ, дѣло о немъ разсматривается и рѣшается въ его отсутствіи. Въ случаѣ неявки свидѣтелей, отъ усмотрѣнія правленія зависить отложить засѣданіе до вторичнаго вызова ихъ, или немедленно приступить къ рѣшенію.

§ 133. Разбирательство производится при закрытыхъ дверяхъ, только въ присутствіи обвиняемаго и вызванныхъ свидѣтелей.

§ 134. Правленіе производитъ дѣло устно, записывая только свой приговоръ въ книгу рѣшеній. Но если дѣло подлежитъ передачѣ въ совѣтъ, то налагаются съ возможною полнотою всѣ показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей.

§ 135. Приговоръ. по которому назначается взысканіе въ предѣлахъ власти правленія, считается окончательнымъ и жалобы на него не допускаются. Приговоръ этотъ приводится немедленно въ исполненіе.

§ 136. Если же проступокъ студента влечетъ за собою увольненіе, удаленіе или исключеніе изъ лицей, то по окончаніи производства дѣла, правленіе передаетъ оное на утвержденіе совѣта.

§ 137. При передачѣ дѣла въ совѣтъ, правленіе прилагаетъ всѣ документы, относящіеся къ дѣлу, и все производство онаго. При этомъ правленіе даетъ свое заключеніе и можетъ представить ходатайство о смягченіи взысканія или о полной отпѣтѣ онаго, если такое ходатайство вызывается раскаяніемъ обвиняемаго или другими обстоятельствами дѣла.

§ 138. Совѣтъ постановляетъ свое рѣшеніе непосредственно по дѣламъ о предосудительныхъ поступкахъ студентовъ виѣ лицей, передаваемыхъ на его обсужденіе на основаніи § 119, а равно о преступленіяхъ, указанныхъ въ §§ 125 и 126. Въ прочихъ случаяхъ совѣтъ пересматриваетъ производство дѣла въ правленіи и на основаніи такого производства постановляетъ свое рѣшеніе. При этомъ совѣтъ можетъ, въ случаѣ неполноты производства, возвратитъ дѣло въ правленіе.

§ 139. Рѣшеніе совѣта объ увольненіи студента считается окончательнымъ и немедленно приводится въ исполненіе. Представляя свой приговоръ объ удаленіи или исключеніи студента изъ лицей на утвержденіе попечителя учебнаго округа, совѣтъ можетъ ходатайствовать о смягченіи наказаній.

§ 140. Окончательный приговоръ совѣта и правленія объявляется обвиняемому въ правленіи; онъ можетъ быть выставленъ въ видѣ объявленія въ зданіи лицей.

§ 141. По объявленіи окончательнаго приговора объ увольненіи, удаленіи или исключеніи студента, отъ него отбирается билетъ на жительство и ему возвращаются всѣ документы. Если уволенный или удаленный явится лично для возвращенія билета и полученія документовъ, таковыя пересылаются ему черезъ полицію, а билетъ на жительство отбирается у него или объявляется потерявшимъ силу. Въ случаѣ если пребываніе въ Ярославлѣ удаленныхъ или исключенныхъ будетъ признано вреднымъ для спокойствія лицей, совѣтъ обращается къ Ярославскому губернатору съ просьбою о прекращеніи таковыхъ къ ихъ родителямъ.

§ 142. По окончаніи курса въ лицѣ, студентъ можетъ получить особое свидѣтельство для занятія должностей по судебному вѣдомству. Такое свидѣтельство выдается директоромъ только тѣмъ студентамъ, которые въ теченіе всего лицейскаго курса не были замѣчены въ упорномъ нарушеніи правилъ и за благонадежность которыхъ директоръ принимаетъ на себя ручательство.

III. ПРИКАЗЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го августа 1883 г. (№ 6). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Легонинъ—вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 1 января 1883 года.

Заслуженный преподаватель Рижской-Александровской гимназій, докторъ классической филологіи, статскій совѣтникъ Нагуевскій—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ римской словесности, съ 1-го августа 1883 г.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, магистръ славянской филологіи Гротъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ исторіи славянскихъ нарѣчій и литературъ, съ 14 іюля 1883 г., съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Директоръ С.-Петербургской третьей прогимназій, преобразованной въ десятую гимназію, статскій совѣтникъ Костевъ—директоромъ сей гимназій, съ 1-го іюля 1883 г.

Инспекторъ Брянской мужской прогимназій, статскій совѣтникъ Щегловъ—директоромъ Новочеркасской мужской гимназій, съ 3-го августа 1883 г.

Инспекторъ Калужской гимназій, статскій совѣтникъ Даниловъ—директоромъ Тульскаго реальнаго училища, съ 16-го іюля 1883 года.

Учитель Либавскаго городскаго реальнаго училища Баумгертель—директоромъ сего училища.

Исправляющій должность инспектора Иркутскаго техническаго училища, коллежскій секретарь Тышко—въ сей должности, съ 20-го іюня 1883 г.

Потомственный почетный гражданинъ Тонгуръ—почетнымъ почетителемъ Евпаторійской мужской прогимназій, на три года.

Управляющій горною и соляною частями въ области Войска Дон-

скаго, статскій совѣтникъ Васильевъ и потомственный почетный гражданинъ Пастуховъ—вновь членами попечительства Новочеркаскаго реальнаго училища по май 1885 г.

Коллежскій ассессоръ баронъ Медемъ и потомственный почетный гражданинъ Каменскій—членами попечительства Пермскаго Алексіевскаго, реальнаго училища, на три года съ 25-го мая 1883 г.

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ русской словесности, коллежскій совѣтникъ Смирновъ—исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ русскаго языка и словесности, съ 14-го іюля 1883 г.

Инспекторъ Уфимской гимназій, статскій совѣтникъ Новиковъ—исправляющимъ должность директора Троицкой мужской гимназій, съ 28-го іюля 1883 г.

Окончившіе въ 1883 г. курсъ наукъ студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Георгій Вознесенскій и Александръ Желобовскій—учителями гимназій: первый—Тобольской, по древнимъ языкамъ, съ 14-го іюля, и второй—Либавской Николаевской, по русскому языку, съ 1-го августа 1883 г.; оба съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Перемѣщается: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Бодуэнъ-де-Куртенъ въ Императорскій Дерптскій университетъ, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ сравнительной грамматики, славянскихъ языковъ, съ 1-го августа 1883 г.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, сверхъ штата, статскій совѣтникъ Смоленскій—съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія, съ 6-го августа 1883 года.

Консультантъ 1-го Тифлискаго военнаго госпитали, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Борнгаунтъ, и приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ Рейнъ—съ утвержденіемъ экстраординарными профессорами Императорскаго университета св. Владимира по кафедрамъ: первый—хирургіи съ госпитальною клиникомъ, и второй—акушерства и женскихъ болѣзней съ клиникомъ; оба съ 27 мая 1883 года.

Канцелярскій чиновникъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, коллежскій регистраторъ Огаренковъ—съ опредѣленіемъ помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го августа 1883 г.

Опредѣляется на службу: коллежскій регистраторъ Николай Розенбергъ—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 22 іюля 1883 г.

Причисляются, согласно прошеніямъ, къ министерству народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Филологъ Рудаковъ, съ 4 августа 1883 г.

Кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета Готфридъ Михельсонъ, съ 22 іюля 1883 г.

Оставляются на службѣ: на одинъ годъ: Директоръ Таганрогской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ, съ 25-го августа 1883 г.

На пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масловскій, съ 18 іюня 1883 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Андреевскій, съ 20-го іюля 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ, съ 10-го августа 1883 г.

Продолжается срокъ отпуска: директору Варшавской III мужской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Солицеву—на двадцать восемь дней, въ разныя губерніи.

Учителю Воронежской гимназіи Пляпису—на десять дней, за границу.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Вольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Можайскій—по 1-е сентября 1883 г., въ г. Одессу.

Директоръ Виленской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Балвановичъ—на двадцать дней, въ С.-Петербургъ и Москву.

Директоръ Сѣдлецкой мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пономаревъ—на двадцать-три дня, въ г. Варшаву и Кіевскую губернію.

Директоръ Варшавской I мужской гимназіи, завѣдывающій I женскою гимназіею, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крыжанов-

скій — на двадцать-восемь дней, сверхъ вакацій, въ Сьдлецкую губернію.

Дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Дымша—на мѣсяць, въ Ковенскую и Курляндскую губерніи.

Директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бажановъ, директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Дукшта-Дукшинскій—на два мѣсяца, въ разныя губерніи.

и б) за границу: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Минковъ—на четырнадцать дней.

Заслуженный преподаватель Вѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Чеховичъ—на пятнадцать дней.

Членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гиршгорнъ, и почетный попечитель Тульской мужской гимназіи, титулярный совѣтникъ Селезневъ—на двадцать восемь дней.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета Роландъ—на мѣсяць и десять дней.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Тацки, почетный смотритель Юганипкельскихъ фундаментальныхъ заведеній Карпъ, врачи гимназій: С.-Петербургской пятой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Станевичъ и Бердянской—Гольдштейнъ и учительница Кіево-Печерскаго городскаго приходскаго женскаго училища Курцъ—на два мѣсяца; изъ нихъ послѣдніе четверо по болѣзни.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вунге, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Романовскій—на два съ половиною мѣсяца; первый по болѣзни.

Увольняются: директоръ Тульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Зерновъ—отъ сей должности, съ 16 іюля 1883 г.

Отъ службы, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Лепинъ, съ 1-го августа 1883 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мишингъ, съ 12 августа 1883 г.

Директоръ Алферовской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кулинъ, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Тамбовской гимназіи, оберъ-гофмаршалу двора Его Императорскаго Величества Нарышкину—за пожертвованіе въ пользу сей гимназіи.

Почетному блюстителю Троицкаго въ г. Курганѣ городскаго приходскаго училища, Тобольской губерніи, Курганскому 1-й гильдіи купеческому сыну Смолину—за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Настоятелю Русской посольской церкви въ Аѳинахъ, архимандриту Анатолю—за заботливость о стипендіатахъ министерства народнаго просвѣщенія, находящихся въ Аѳинахъ.

Дворянину Кавшину—за усердное и полезное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія.

Инспектору Чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, коллежскому секретарю Яковлеву—за ревность въ дѣлѣ устройства домовою церкви при Симбирской центральной Чувашской школѣ.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ реальнаго училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ Мертенсъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу „Государственное ученіе Филарета, митрополита Московскаго. Вл. Назаревскаго. Москва 1883 г.“, одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу „Географія Европейской Россіи. Часть I съ двумя первыми приложеніями. Составилъ В. Марковъ. Кіевъ 1882 года.

Цѣна 2 руб.,—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія бібліотеки мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книгу „Греческій синтаксисъ Э. Коха“, перевелъ съ 8-го нѣмецкаго изданія и приспособилъ къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ Я. Левенштейнъ, преподаватель Московской 2-й гимназіи. Москва 1883 г. Цѣна 1 руб.,—одобрить какъ учебное руководство для VIII и VII классовъ гимназій, а для другихъ классовъ какъ учебное пособіе по греческому языку.

— Книги 1) „Русская христоматія: часть I; для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій (преподаватель С.-Петербургской 6-й прогимназіи). Изданіе 2-е С.-Петербурга, 1883 г. Цѣна 85 коп.“ и 2) „О курсѣ чтенія въ четырехъ низшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ моей „Русской христоматіи“. Составилъ П. Смирновскій: С.-Петербургъ, 1883 г. Цѣна 30 к.“ одобрить—первую въ прежнемъ видѣ, то-есть какъ учебное пособіе для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а вторую—для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и прогимназій (мужскихъ и женскихъ) и реальныхъ училищъ.

— Книгу „Греческая этимологія гимназическаго курса по учебнику Э. Коха, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ отдѣловъ объ образованіи словъ и о греческихъ діалектахъ. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное. Москва—1882 года. Цѣна 1 р.,—одобрить въ качествѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II (1783—1883 г.). Очеркъ В. Н. Витевскаго, наставника Казанской учительской русско-иностранческой семинаріи. Казань, 1883 г.“,—одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднеучебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, равно какъ и городскихъ училищъ.

— Книгу „Характеристики дѣвочекъ. К. Ельницкаго, С.-Петербурга, 1883 г. Цѣна 40 коп.“,—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки и особенно въ бібліотеки женскихъ гимназій съ педагогическимъ классомъ.

— Книгу „Первая учебная книжка по закону еврейской вѣры. Составили Немзеръ и Вольперъ. Изданіе 2-е. Вильна, 1882 г. Цѣна 60 коп.“,—допустить въ качествѣ руководства въ среднія учебныя заведенія и въ качествѣ учебника въ еврейскія училища.

— Книгу: „Курсъ ариметики Серре и Комберуса. Переводъ Евг. Гутора. Изд. Бр. Салаевыхъ. Москва, 1883 г. Цѣна 25 коп.“,—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособия при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу 1) „Ариметика“. Часть первая. Цѣлыя числа и дроби $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$. Съ 1800 примѣрами для вычисленій и 435 задачами. Составилъ Ѳ. П. Еленевъ. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ, 1883 года. Цѣна 35 коп.“ и 2) „Руководство для учителей къ преподаванію ариметики. Часть 1-я. Цѣлыя числа и дроби $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$. Составилъ Ѳ. П. Еленевъ. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 55 коп.,—первую: допустить для употребленія въ видѣ учебнаго пособия въ младшихъ классахъ начальныхъ и городскихъ училищъ, и вторую—включить въ каталогъ книгъ для основныхъ библіотекъ начальныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Плани объяснительнаго чтенія. Опытъ объясненія образцовъ русской литературы для начальнаго обученія.“—Руководство для учителей начальныхъ училищъ. Составилъ В. Виноградовъ. Горбатовъ. 1883 г. Цѣна 1 р.“,—внести въ каталогъ книгъ для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ.

— Книги: „Міръ Божій“. Книжка 1-я. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. Составилъ А. Я. Гердь. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 40 коп.“ и „Предметные уроки въ начальной школѣ. Подробныя указанія, какъ учить дѣтей по книжкѣ „Міръ Божій“. Часть 1-я. Земля, воздухъ и вода. Составилъ А. Я. Гердь. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 80 коп.“, первую—одобрить какъ учебное пособие по естествовѣдѣнію для двухклассныхъ и го-

юдскихъ училищъ, съ означеніемъ въ каталогѣ, что какъ учебное пособие, книжка эта предназначается именно для упомянутыхъ училищъ, а не для народныхъ школъ; вторую же—одобрить для учительскихъ библиотекъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) вновь открыть коммерческое отдѣленіе при VI классѣ Кіевскаго реального училища;

2) открыть съ начала 1883—1884 учебнаго года, при Херсонскомъ реальномъ училищѣ, дополнительный классъ съ механическо-техническимъ отдѣленіемъ, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода на счетъ мѣстнаго земства и городского общества и на спеціальныя средства названнаго училища, а также установить плату за ученіе въ помянутомъ классѣ по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика;

3) закрыть съ начала будущаго 1883—1884 учебнаго года параллельное отдѣленіе при IV классѣ Кіевской 4-й гимназій;

4) закрыть параллельное отдѣленіе при старшемъ приготовительномъ классѣ Николаевской Александровской гимназій и взаи́мъ онаго открыть таковое же отдѣленіе при классѣ названной гимназій;

5) закрыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Кіевскаго реального училища и открыть, взаи́мъ онаго, съ начала 1883—1884 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при основномъ отдѣленіи IV класса этого училища, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода на спеціальныя средства училища;

6) закрыть параллельное отдѣленіе при VIII классѣ Полтавской гимназій и открыть, взаи́мъ онаго, съ начала 1883—1884 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при V классѣ названной гимназій;

7) закрыть параллельное отдѣленіе при I классѣ Воронежской гимназій и взаи́мъ онаго открыть, съ начала 1883—1884 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при I классѣ названной гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода въ количествѣ 1510 р. на спеціальныя средства гимназій;

8) закрыть параллельное отдѣленіе при V классѣ Динабургскаго реального училища и открыть, взаи́мъ онаго, съ начала 1883—1884 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при II классѣ названнаго училища, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на сумму сбора за ученіе и съ устанавленіемъ платы за ученіе въ сей параллели по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика;

часть ссххх, отд. 1.

4

9) открыть, съ начала 1883—1884 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Пермской гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода въ 1760 руб. на спеціальныя средства названной гимназій, увеличивъ для сей цѣли плату за ученіе въ этой гимназій: въ приготовительномъ классѣ съ 23 руб. до двадцати шести руб. и въ остальныхъ классахъ съ 33 руб. до тридцати семи руб. въ годъ съ каждаго ученика;

10) открыть, съ начала 1883—1884 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при I классѣ Бѣлгородской гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода въ количествѣ одной тысячи пятисотъ десяти руб. на спеціальныя средства названной гимназій;

11) открыть при VII классѣ Кіевской 2-й гимназій съ начала 1883—1884 учебнаго года, параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода въ количествѣ 1380 руб. на спеціальныя средства названной гимназій, согласно опредѣленію педагогическаго совѣта: въ 4-хъ прогимназическихъ классахъ съ 40 р. до сорока пяти руб. и въ остальныхъ классахъ съ 45 р. до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика;

12) открыть съ начала 1883—1884 учебнаго года параллельное отдѣленіе при VI классѣ Кіевской 3-й гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода въ количествѣ 2540 руб. на спеціальныя средства названной гимназій;

13) открыть, съ начала 1883—1884 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Кіевской I гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода въ количествѣ 1680 руб. на спеціальныя средства названной гимназій;

14) закрыть параллельное отдѣленіе при III классѣ Полтавскаго реальнаго училища и открыть взамѣнъ онаго, съ начала 1883—1884 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при II классѣ названнаго училища;

и 15) закрыть параллельное отдѣленіе при III классѣ Воронежскаго реальнаго училища и открыть, взамѣнъ онаго, съ 1883—1884 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при IV классѣ названнаго училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) съ текущаго 1883—1884 учебнаго года увеличить плату за ученіе въ Ставропольской мужской гимназій, въ приготовительномъ классѣ съ 15 р. до восемнадцати руб., въ первыхъ четырехъ классахъ съ 16 до двад-

цати двухъ руб. и въ высшихъ классахъ съ 20 р. до двадцати восьми руб. въ годъ съ каждаго ученика;

2) увеличить размѣръ платы за ученіе въ С.-Петербургской восьмой гимназій, съ начала 1883—1884 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 34 руб. до сорока руб. и въ остальныхъ классахъ съ 50 р. до шестидесяти р. въ годъ съ каждаго ученика;

3) увеличить, съ начала 1883—1884 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Костромской гимназій: въ приготовительномъ классѣ съ 16 р. до двадцати руб., а въ остальныхъ классахъ съ 24 р. до тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика;

п 4) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Рязанской прогимназій, съ начала будущаго 1883—1884 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ до 30 руб., а въ остальныхъ до 40 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа утвержденъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Уманской прогимназій размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназій: въ приготовительномъ классѣ по тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— 11-го сентября 1883 года открыта въ г. Умани мужская четырехклассная прогимназій въ составѣ четырехъ классовъ, при 142 воспитанникахъ.

— 10-го августа сего года послѣдовало открытіе V класса Борисоглѣбской прогимназій и изъ числа 9 учениковъ, бывшихъ въ IV классѣ прогимназій, въ настоящее время поступило въ V классъ 7 учениковъ.

— 16-го августа открытъ дополнительный классъ при Херсонскомъ реальномъ училищѣ.

— 16-го августа сего года состоялось преобразование Царицынской Александровской прогимназій въ гимназій, и во вновь открытый VII классъ поступило 15 воспитанниковъ: 9 перешло изъ VI класса и 6 поступило по свидѣтельствамъ другихъ гимназій и прогимназій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ

Государя Императора Александра III-го

Для присутственныхъ мѣстъ, войскъ, учебныхъ заведеній, школъ и волостныхъ правленій, рекомендованный министерствомъ народнаго просвѣщенія, вѣдомствомъ учреждений Императрицы Маріи и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, вышелъ вторымъ изданіемъ и поступилъ въ продажу.

Грудной, натуральной величины (овальный) вышиною 18 и шириною 15 вершковъ; цѣна, на бумагѣ, съ пересылкою: накатанному на скалку 10 рублей, наклеенному на холстѣ 11 рублей, наклеенному на холстѣ и натянутому на подрамникъ 13 рублей. Укладка въ ящикъ и обшивка 3 рубля, всего 16 рублей. Вѣсъ отъ 35 до 40 фунтовъ. На пересылку по почтѣ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, во сколько обойдется, будетъ высланъ подробный счетъ.

Такой же олеографическій портретъ, писанный отъ руки масляными красками, отъ 25 до 50 рублей.

Можно также получать золоченныя рамы для тѣхъ же портретовъ отъ 25 до 50 руб.; за ящикъ, укладку и обшивку портрета въ золоченой рамѣ особо прилагается 6 рублей. Пересылка по стоимости.

Принимаются заказы на изготовленіе портретовъ Государя Императора во весь ростъ, смотря по величинѣ и работѣ, отъ 200 до 300 рублей, а также на золоченныя рамы, отъ 150 до 200 рублей; на грудные портреты, писанные масляными красками на холстѣ, отъ 50 до 70 и 100 рублей. Казеннымъ мѣстамъ, приобретающимъ отъ меня портреты, допускается разсрочка: по полученіи портрета высылаютъ по счету половину слѣдующей суммы, а другую половину черезъ 6 мѣсяцевъ. Желающіе приобрести или заказать означенные портреты, обращаются къ самому издателю, художнику А. Н. Авнатому въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора, въ домѣ Армянской церкви № 40—42, квартира 7-я.

ПОЛОЖЕНІЕ ПРОТЕСТАНТОВЪ ВЪ РОССІИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

II.

Водворившись въ Москвѣ, протестанты не удовольствовались тѣмъ дѣломъ, къ выполнению котораго были призваны. Ихъ стремленія шли далѣе—оказать свое вліяніе на религіозныя вѣрованія московскихъ людей и захватить въ свои руки возможно болѣе выгодныхъ мѣстъ.

Представлять ихъ исключительно космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ ²⁾, и вообще иностранные писатели о Россіи, было бы несогласно съ дѣйствительностью. Тогда религіозные интересы чрезвычайно многосторонне охватывали жизнь вообще всѣхъ—и иноподданцевъ, и Русскихъ, и не даромъ многіе изъ протестантовъ даже потому только и приходили въ Россію, чтобы спасти свои вѣрованія отъ преслѣдовавшей ихъ на родинѣ католической партіи: такъ дорожили они ими. Съ другой стороны, не чужда преувеличенія и та мысль, что будто бы „протестанты разставили свои тайныя пропагандическія сѣти на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными“ ³⁾. Подобный образъ дѣйствій предполагалъ бы единство нарочно составленнаго плана и единство направляющаго центра, чего, между тѣмъ, не было. Происходя изъ различныхъ мѣстностей

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Соловьевъ*, *Ист. Росс.* XIII, 218—225.

³⁾ *Соколовъ*, *Отношенія протестантизма*, 242.

Европы и изъ различныхъ національностей, протестанты жили и дѣйствовали въ разброску, стремясь къ осуществленію своихъ личныхъ матеріальныхъ разчетовъ, а потомъ уже, когда представлялись благоприятныя обстоятельства, и интересовъ религіозныхъ. При столкновении съ дѣйствительностью имъ, людямъ практическаго смысла, не трудно было догадаться въ бесполезности и опасности намѣренной и систематической пропаганды, которая ничего не могла принести имъ, а развѣ только затворить двери Россіи, подобно тому, какъ затворились онѣ предъ католиками. „Измучите сто Русскихъ, умертвите тысячу“, сказалъ пасторъ Гербицій, — „и изъ нихъ едва ли одинъ отпадетъ отъ вѣры своихъ отцовъ“. Пропаганда шла по преимуществу въ силу своеобразности протестантовъ, которая то увлекала, то соблазняла православныхъ, въ силу заносчиваго ихъ отношенія ко всему православно-русскому; прямыя же попытки производились отдѣльными, нигѣмъ не руководимыми личностями, или же, чаще всего, лицами посторонними, до тѣхъ поръ не жившими въ Россіи, и потому еще не успѣвшими достаточно ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, или же, наконецъ, правительствами протестантскихъ государствъ. Эти дѣйствія носятъ на себѣ отпечатокъ случайности, отрывочности и личной инициативы. Такова, прежде другихъ, дозволено павшая миссіонерская попытка Датскаго короля Христіана III.

Въ XVI в. неизвѣстныя протестантскіе дѣятели оказали долю своего вліянія на ересь Башкина и Косаго. Но выраженію Курбскаго, это было „отродье ересей люторскихъ“¹⁾, на самомъ же дѣлѣ—дальѣйшее развитіе прежнихъ раціоналистическихъ домашнихъ лжеученій, лишь отчасти поддержанное протестантствомъ. Около времени ея обнаруженія король Христіанъ прислалъ (1552 г.) къ Іоанну IV „типографщика“ Ганса Миссенгейма, въ надеждѣ приобрѣсти его содѣйствіе для распространенія протестантскаго ученія. Заявивъ о своей ревности къ распространенію славы Сына Божія въ своемъ и чужихъ государствахъ, Христіанъ извѣщалъ Іоанна: „Мы осмѣлились склонять къ тому же самому и тебя, возлюбленный братъ. Съ этою цѣлію посылаемъ къ тебѣ искренно нами любимаго слугу и подданнаго нашего Ганса Миссенгейма съ Библией и другими книгами (вѣроятно, съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ и катихизисомъ Лютера), въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской вѣры. Если припаты и одобрены будутъ тобою, митрополитомъ, па-

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго, I, 177.

тріархами, епископами и прочимъ духовенствомъ это наше предложеніе и двѣ книги вмѣстѣ съ Библіей, то оный слуга нашъ напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ означенныя сочиненія, переведа на отечественный вашъ языкъ, такъ что такимъ способомъ можно будетъ въ немногіе годы споспѣшествовать пользѣ вашихъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ славу Христовой и своему спасенію". Надобно ли и упоминать, что Иванъ Васильевичъ не воспользовался совѣтомъ Христіана? ¹⁾

Среди приближенныхъ къ Грозному протестантовъ находились лица, хорошо знакомыя съ своимъ вѣроученіемъ. Съ ними государь часто бесѣдовалъ о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, и о двоихъ изъ нихъ, Эберфельдѣ и Бомеліѣ, современники утверждали, что они намѣренно и настойчиво склоняли Іоанна къ протестантству ²⁾. Довольно вѣроятно предположеніе о нѣкоторомъ участіи ихъ вліянія въ томъ, что Грозный не позволялъ католикамъ построеніе костела. Религіозныя бесѣды съ протестантами, быть можетъ, помогли тому, что Іоаннъ могъ успѣшно полемизировать съ Поссевиномъ; но съ другой стороны, изъ нихъ же Грозный узналъ сущность протестанскаго ученія, и это вовсе не послужило на пользу протестантской пропаганды. Посредствомъ чтенія обличительныхъ словъ Максима Грека, выслушиванія насмѣшекъ надъ лютеранствомъ обратившагося въ православіе Каспара и другими способами, Іоаннъ дошелъ до пониманія слабыхъ сторонъ протестантства и потому съ такою увѣренностію въ своей необходимости вступилъ въ торжественное состязаніе, когда изъ-за границы произведена была вторая попытка къ его обращенію. Нежданно-негаданно доставленное протестантами оружіе направлялось противъ нихъ же самихъ.

На Виханскомъ реформатскомъ соборѣ (1550 г.) было положено изъ Польско-Литовскаго королевства отправить въ Москву двухъ миссіонеровъ. Миссія явилась въ 1570 году въ посольствѣ Польскаго короля Сигизмунда-Августа. Кромѣ officialнаго порученія о дру-

¹⁾ *Смирновъ*, О сношеніяхъ Датскаго короля Христіана III съ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ: *Русск. Истор. Сборн.* 1840, т. IV, кн. I, стр. 117—131. Распространенное мнѣніе, что результатомъ этого посольства было начало книгопечатанія у насъ, сильно опровергается *Румянцевымъ*, Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, I, 9—16.

²⁾ Псковск. лѣтоп. г. 7078, стр. 318; *Карамзинъ*, IX, гл. VII; Mon. Liv. ant. 52; Oderborn, Ioannis Basilidis Vita, 257.

жественныхъ отношеніяхъ между Россіей и Польшей, нѣкоторые члены посольства получили отъ своихъ собратьевъ по вѣрѣ тайные наказы позаботиться о сближеніи съ Русскою церковью и попытаться склонить въ лютеранство самого царя. Съ состоявшимъ въ посольствѣ пасторомъ Богемскихъ братьевъ, Іоанномъ Рокитой, который хорошо владѣлъ славянскимъ языкомъ, у Грознаго, по окончаніи политическихъ переговоровъ, дѣйствительно завязались пространныя религіозныя пренія. Бесѣда происходила въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи посольства, бояръ и духовенства; царь сидѣлъ на тронѣ, Рокита—на убранномъ коврами возвышеніи. „Вы“, началъ свою рѣчь Грозный,—„привыкли хвалиться своею евангелическою вѣрою: но на дѣлѣ между вами постоянно происходятъ шумныя раздѣленія, и вы своими новыми догматами испровергли почти всю Европу, такъ что нельзя было бы тому и вѣрить, если бы до насъ не доходили, къ великому изумленію, почти ежедневныя о томъ вѣсти“. И перечисливъ заблужденія протестантскихъ общинъ, царь сказалъ своему противнику, чтобъ отвѣчалъ смѣло и безъ опасеній. Рокита отозвался на всѣ высказанныя царемъ положенія. Какъ ни пространна я по мѣстамъ ни дерзка была его рѣчь, царь выслушалъ ее внимательно, не прерывая, и потомъ обѣщался представить письменное ея опроверженіе. Изъ устной полемика обратилась въ литературную. Иванъ Васильевичъ написалъ опроверженіе, въ 14 главахъ, гдѣ подробнѣе развилъ высказанныя имъ прежде мысли. Это дало поводъ литовскому евангелику Ласицеому представить пространную апологію своего ученія.

Рядомъ съ широковѣщательностію, частыми отступленіями, повтореніями, рѣзкостію тона, Грозный обнаружилъ удивительный запасъ свѣдѣній и необыкновенную ревность къ православію. Имъ затронута бѣольшая часть существенныхъ особенностей протестантства—ученіе объ оправданіи, молитвахъ святымъ, иконопочтаніи, іерархіи, постахъ, монашеской жизни, достоинствѣ Лютера и т. п.; остались нетронутыми вопросы объ исхожденіи Св. Духа, о предопредѣленіи, канонѣ св. книгъ; не ясно поставленъ вопросъ о таинствахъ: ихъ числѣ, значеніи и проч. О родоначальникѣ протестантства и о всѣхъ его послѣдователяхъ Грозный, съ точки зрѣнія религіозной, отозвался чрезвычайно строго. Лютеръ по своей жизни и по имени человекъ лютый, свирѣпый. Ополчившись на Христа, онъ испровергъ Его установленія, извратилъ ученіе Писанія, апостоловъ и св. отцовъ, толкуя все по своему испорченному разуму; не имѣя законнаго права учить,

онъ, какъ сатана, оболъщалъ всѣхъ своимъ лжеученіемъ и гораздо хуже папы; его послѣдователи недостойны называться христіанами: потому, что слѣдуютъ ученію не Христа, а Лютера. „О, вы“, обращается къ нимъ Грозный, — „погибіе, которые, по своей прихоти, нивзращаете Писаніе!.. Оставивъ законныхъ пастырей, учителей и самихъ апостоловъ, вы ниспровергаете заповѣдь Христа и вновь распинаете Его въ васъ самихъ... Вы антихристы: потому что антихристъ тотъ, кто возстаетъ противъ Христа“. Вообще, во всей полемикѣ Грознаго проглядываетъ мысль, что въ протестанствѣ слѣдуетъ видѣть незаконное уклоненіе отъ церкви, въ его пастыряхъ—самовольныхъ похитителей учительскаго права, въ послѣдователяхъ—людей, не понимающихъ религіозной истины; распространеніе такого лжеученія среди православныхъ было бы нарушеніемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Оттого царь закончилъ свою полемику такимъ обращеніемъ къ Рокитѣ: „Ты въ моихъ глазахъ еретикъ, все твое ученіе превратно и совершенно противно христіанскому и церковному ученію; и не только еретикъ, но и рабъ антихриста, воздвигнутый діаволомъ. Но есть еще хуже тебя. Потому мы запрещаемъ тебѣ распространять свое ученіе въ нашихъ владѣніяхъ“¹⁾.

Приговоръ, произнесенный Московскимъ государемъ, былъ роковымъ и выражалъ мнѣніе общее. Не всѣ одинаково могли доказывать, но не было тогда большой разности во взглядахъ толпы, правительства и ученыхъ. Православіе побѣждало не научнымъ превосходствомъ, а живымъ, непоколебимымъ чувствомъ истины, которымъ такъ сильны были наши предки.

Испытавъ на горькомъ опытѣ, что значить вести съ Русскими полемику, протестанты на долго оставляютъ ее. У лѣтописца царствованія Бориса Годунова разказывается²⁾, что доктора часто бесѣдовали съ этимъ государемъ о дѣлахъ вѣры, но не упоминается, чтобы при этомъ допускаясь и полемика. Изъ временъ Феодора Ива-

¹⁾ Вся эта полемика издана на латинскомъ языкѣ въ сборникѣ Ласингаго и у Одерборна, на русскомъ *А. Поповымъ: Учен. въ Общ. ист. и др. Росс.* 1879, II, 1—53, и подробно обследована *Линкольскимъ*, Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики сѣверовосточной Русской церкви 16 и 17 столѣтій: *Тр. Киевск. д. акад.*, 1864, I, *Руцинскимъ*, 281—289, преосв. *Макаріемъ*, *Истор. Русск. Церкви*, VIII, *Соколовымъ* и др.; о мисіонерскомъ порученіи Рокиты *Gindely, Geschichte der Böhmis. Brüder*, II, 89.

²⁾ Беръ (Бусовъ), 16.

новича встрѣчается уже извѣстный намъ документъ ¹⁾, который показываетъ, какой путь избрали теперь болѣе смысленные изъ протестантовъ. Казанскій епископъ Гермогенъ писалъ царю, что въ его епархіи Нѣмцы понабрали себѣ въ услуженіе Русскихъ людей и многихъ изъ нихъ пообращали въ свою лютеранскую вѣру. Какъ уже знаемъ, это средство въ ихъ рукахъ всегда было самымъ неуволнимымъ, такъ что какъ ни боролось съ нимъ правительство, цѣли не достигало.

Наступившія смуты междуцарствія открыли новый просторъ наплыву иновѣрцевъ въ Московское государство, въ томъ числѣ и протестантовъ. Они являлись изъ Швеціи въ качествѣ защитниковъ, изъ Польши—въ качествѣ искателей приключеній. Обстоятельства представляли имъ большую свободу въ проявленіи и обнаруженіи тѣхъ чувствъ, которыя дѣйствительно одушевляли ихъ по отношенію къ православной Руси. Въ оскорбленіи человѣческаго, національнаго и религіознаго чувства православныхъ христіанъ, протестанты находили такое же удовольствіе, какъ и католики. Связавъ свои интересы уже съ первымъ самозванцемъ, они достигли того, что онъ „принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ священниковъ уступить Нѣмцамъ свои дома, находившіеся вблизи дворца“; не смотря на преобладаніе и махинаціи католической партіи, самозванецъ, ради своихъ тѣлохранителей, дозволялъ лютеранскому проповѣднику изъ Нѣмецкой слободы Мартину Беру держать проповѣдь въ самомъ Кремлѣ; на время своего бракосочетанія (7-го мая 1606 года), въ видахъ безопасности, онъ „нарочно велѣлъ быть въ церковь лютеранъ, кальвинцамъ и евангеликамъ“, гдѣ они, къ соблазну Русскихъ, „образамъ ругались и смѣялись, за обѣдней сидѣли, другіе спали, на образа приклонясь, и за то никакое челоуѣкъ не смѣлъ имъ слова молвить“ ²⁾; о кощунствѣ иновѣрцевъ надъ образами, храмами и другими святынями въ послѣдующее время печего и говорить. Вотъ какъ изображаетъ бѣдствія Руси современнѣйшій намъ историкъ въ специальномъ изслѣдованіи, посвященномъ эпохѣ. Не ограничиваясь грабежемъ селеній, монастырей, насиліями и проч., „для посмѣянія, паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станеть упрямиться, того ни по чемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали овлады съ иконъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, клали на диски мясо, загоняли

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 358.

²⁾ Беръ (Вусовъ), 67, 77; Собр. г. гр. и дог. II, № 140.

скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья... играли на образахъ въ карты или шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей... ¹⁾). И старинный благочестивый бытописатель-очевидецъ ²⁾ восклицаетъ: „Нѣсть возможно толкиныхъ бѣдъ изрещи, еже сотвориша окаяніи они Лютори въ царствующемъ градѣ Москвѣ!“ Въ довершеніе несчастія, изъ нанявшихся въ качествѣ защитниковъ Шведовъ одни передались Польскому королю, противъ котораго были призваны, а другіе захватили Великій Новгородъ и разорили въ немъ, по свидѣтельству лѣтописи, всѣ святныя мѣста, монастыри и церкви, захватили всѣ золотыя и серебряныя сосуды, раки святыхъ мощей, пожгли и до конца опустошили Софійскую сторону; люди были пограблены, многіе измучены, иные уведены въ плѣнъ; казалось, отъ самаго начала Великому Новгороду не было такого разоренія ³⁾. „И кое зло не бысть надъ нами! Кая бѣда, кая напасть не покры насъ!“ ⁴⁾.

Религіозное чувство православныхъ было до чрезвычайности возмущено и возбуждено подобными бѣдствіями. Русскіе возстали и боролись за свою національность, за права своей вѣры, за права попираемаго православія, которое и спасаетъ національность, но вмѣстѣ еще больше прежняго отстраняетъ отъ иновѣрцевъ. Подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія злодѣянія иновѣрцевъ представлялись крайне безбожными, и всѣ другія вѣроисповѣданія еще худшими, чѣмъ прежде. Прежнее нерасположеніе къ иноземцамъ перешло въ ненависть, иновѣрецъ изъ нечистаго сталъ поганымъ. Правда, въ эту немилость попали по преимуществу католики, какъ главные виновники бѣдствій, тѣмъ не менѣе въ общественномъ мнѣніи сильно упали и протестанты. „Поганый“ къ слову „Люторъ“ (лютеранинъ) прилагается какъ эпитетъ, чуть не синонимъ, и содружеству съ лютерами и кальвинами въ глазахъ лучшихъ людей того времени ⁵⁾ казалось достойнымъ посмѣянія всѣхъ языковъ. На то было неустойчивъ князь Василій Шуйскій, но и онъ пришелъ къ

¹⁾ Костомаровъ, Смутное время, 11 (Истор. Моногр., С.-Пб. 1868, V, 198—199.

²⁾ Авр. Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Троицк. монаст. М. 1822, стр. 286.

³⁾ Третья Новг. лѣтоп., II. С. Р. Л. V, 59.

⁴⁾ Авр. Палицынъ, 44.

⁵⁾ Авр. Палицынъ, 44.

мысли, что на инородцевъ надежда плоха, что нужно лучше полагаться на свои домашнія силы ¹⁾; а Лжедмитрій II будто бы поглялся истребить всѣхъ „Нѣмцевъ“, онъ приказалъ-было умертвить тѣхъ изъ нихъ, кто находился въ его власти, и отмѣнилъ приказъ только по заступничеству Марины, и повѣривъ ихъ клятвамъ въ преданности къ нему ²⁾. Бѣжавшимъ изъ Москвы въ безопасныя мѣста и скитавшимся по Россіи протестантамъ, какъ показываетъ извѣстная элегія пастора Бера ³⁾, было тогда тяжело. „Русскіе“, говорится въ ней, — „повсюду стараются истребить Нѣмцевъ: куда ни обратишь взоръ, видишь, что кругомъ на насъ дышетъ всеобщая вражда. Царь, бояре и весь народъ не могутъ насъ терпѣть, и горе тому, кто осмѣлится сказать что-нибудь вопреки имъ: такого человѣка можно счесть погибшимъ...“. Сочинитель проситъ Бога, чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій и вывелъ на счастливые берега Ла. Этотъ „Плачь“, состоящій изъ 12 куплетовъ, пѣлся въ киркахъ послѣ проповѣди и еще болѣе увеличивалъ взаимную вражду. Удивительно ли послѣ того, что когда Московское государство, поочистивъ свою территорію отъ внѣшнихъ враговъ, принялось за устройство своихъ внутреннихъ дѣлъ, то протестанты, потерявшіе такъ много въ общемъ мѣшѣ, стали терять и въ сферѣ юридической. Все, бывшее для нихъ неблагопріятнымъ въ практикѣ получаетъ теперь форму закона. Если при Годуновѣ и Лжедмитріѣ I ихъ религіозное положеніе много улучшилось-было противъ прежняго, то теперь оно опять обратилось къ старому, въ смыслѣ юридическомъ даже стало хуже. Царствованіе Михаила Феодоровича—время узаконенія такихъ мѣръ, какъ перекрещиваніе, низведшее протестантовъ чуть не на степень не имѣющихъ таинствъ язычниковъ, недопущеніе ихъ въ православные храмы, удаленіе кирокъ въ дальнія мѣста и т. п. Понимая, что главною причиною золь, нанесенныхъ иностранцами, служило ихъ иновѣріе, правительствомъ такими мѣрами старалось возвысить въ глазахъ Русскихъ значеніе православія, которое одно, при всѣхъ политическихъ и общественныхъ невзгодахъ, способно было внушить Русскому человѣку сознаніе его духовнаго преимущества предъ окружающимъ міромъ и

¹⁾ Братская записка Петра де-Домбала; *Русск. Вѣсти*, 1841, 1, 750.

²⁾ Беръ (Вуссовъ), Лѣтопись Московская, переносъ *Устрялова*, I, 170—180.

³⁾ Въ спискѣ лѣтописи, которымъ пользовался *Устряловъ*, ея нѣтъ; она находится въ *Regum Rossic. script. exteri*, 1851, I, 135, и начало ея переведено у *Русинскаю*, 234.

укрѣпить его вѣру и надежду въ будущее и чрезъ то удерживать его въ религіозно-національной независимости. Тѣмъ настойчивѣе чувствовалась потребность въ репрессаліяхъ, что съ минованіемъ междуцарствія злоупотребленія и пропаганда не прекратились, мало того, въ захваченныхъ Шведами сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ они продолжались съ прежнею настойчивостію.

Стѣсненное положеніе покоренныхъ Новгородцевъ вынудило ихъ на присягу вѣрности шведскому королевичу Филиппу и на обѣщаніе подчинить ему все Русское царство, между тѣмъ какъ остальные русскіе города избрали царя изъ дома Романовыхъ. Чтò было дѣлать Новгородцамъ? Отдѣлаться отъ Москвы? Но это значило бы пренебречь своими жизненными интересами и симпатіями. Оторваться отъ Швеціи и пристать къ Москвѣ? Но гдѣ къ тому физическая возможность, когда они, находясь въ рукахъ искуснаго Делагарди, до того были стѣснены, что принуждены были только смотрѣть, какъ нѣкоторые изъ окрестныхъ монастырей превращались въ кирки, и шведскіе „фанатики вповь родившагося вѣроисповѣданія распространяли между жителями лютеранство“? Но неволь приходилось ждать благопріятныхъ обстоятельствъ. Съ полученіемъ тайной ободрительной грамоты Михаила, когда Густавъ созналъ трудность удержать за собою, по его выраженію, гордый и ненавидѣвшій всѣхъ иноземцевъ Новгородъ, православные ободрились. Михаилу Феодоровичу однако нечего было и думать о возвращеніи всѣхъ отнятыхъ Шведами русскихъ областей. Послѣ долгихъ стараній ему удалось возвратитъ Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу, съ ихъ уѣздами и Сумерскую волость; но Иванъ-Городъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ съ ихъ округами такъ и остались въ рукахъ Шведовъ. Крѣмъ того, царь отказался отъ своего права на Лифляндскую землю и Корслу и предоставилъ шведскимъ купцамъ имѣть свои дворы въ Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, свободу домашняго богослуженія, впрочемъ, безъ права строить кирки. Все, чтò удалось русскому правительству сдѣлать для облегченія православныхъ, отданныхъ по Столбовскому договору (1617 г.), это — оставить за Новгородскимъ митрополитомъ завѣдываніе ихъ духовными дѣлами. Замѣчательно, что о такомъ правѣ Новгородскаго владыки хлопотали болѣе Шведы, предвидѣвшіе, что въ противномъ случаѣ почти все вповь приобрѣтённое православное населеніе перебѣжитъ на русскую почву ¹⁾.

¹⁾ Никои. Лѣтопись, VIII, 223—224; Валаамскій монастырь. С.-Пб. 1864, 53;

Вопреки договору, шведское правительство ни мало не думало отказаться отъ обращенія въ лютеранство всѣхъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ и употребляло къ тому всѣ зависящія отъ него средства. Опасаясь чрезвычайныхъ перебѣговъ въ русскія владѣнія, оно старалось достигать своей цѣли при помощи мѣръ болѣе или менѣе благовидныхъ: строило лютеранскія кирки и завело (1625 г.) въ Стокгольмѣ славянскую типографію, въ которой дважды былъ отпечатанъ русскій переводъ Лютерова катихизиса и на финскомъ языкѣ славянскими буквами; переведенный катихизисъ занесенъ даже въ Москву, гдѣ вошелъ въ употребленіе не только между протестантами, но скоро сталъ извѣстенъ и нѣкоторымъ православнымъ Москвичамъ¹⁾. Когда эти мѣры оказывались недостаточными, употреблялись насилія. Кирки строились иногда на мѣстѣ православныхъ храмовъ, и православные Финны²⁾ все болѣе и болѣе лишались своей самостоятельности. Не одна тысяча ихъ была такимъ образомъ совращена въ лютеранство, но многіе изъ нихъ предпочли лучше оставить свое мѣстожителство. Огромными гурьбами бѣжали они въ единовѣрное Московское государство³⁾, тѣмъ болѣе, что Москва не прекращала заботъ о парализованіи шведско-лютеранской пропаганды, пользуясь, главнымъ образомъ, правомъ новгородскаго владыки завѣдывать духовными чадми уступленныхъ Шведамъ русскихъ областей. Отъ Филарета Никитича посланъ былъ (1619 г.) Новгородскому митрополиту Макарію „образцовый списокъ“ для тѣхъ грамотъ-посланій, съ которыми митрополитъ долженъ былъ, обратившись къ своей заграпичной части, и между прочимъ, объявить Финнамъ, чтобъ они мужались, крѣпко держались своей православной вѣры и по своимъ духовнымъ дѣламъ пріѣзжали къ нему въ Новгородъ; за неисполненіе настав-

Бергъ, Царствованіе Михаила Феодоровича, II, 98—102; *Соловьевъ*, IX, 91—112; *Чтен. въ общ. истор. и др. росс.*, 1874, II.

¹⁾ *Bergius*, De statu ecclesiae et religionis moscoviticæ. Holmiæ. 1704; *Kilburger*, 338; Валаамск. монаст. 54; *Сазаровъ*, Обзоріе славяно-русс. библиографіи № 239. Ключарь Иванъ Насѣдко, въ своемъ возраженіи пастору Матвею Фильгоберу писалъ (1645 г.): «азъ, пощъ Иванъ, вѣдаю, что Мартинъ в катихизисѣ ихъ о десятословніи к Моисѣю все розвел на укоризну и грехомъ, и намъ... и тотъ разводъ Мартинова учения есть у меня грѣшнаго и патриарху государю про то вѣдомо, да в люди ту книгу казати мнѣ нѣ для чего... а будетъ положить Матвей то учение предъ людьми явно, и той вражей книгѣ всей отвѣтъ готовъ у меня есть». Рукоп. Моск. синод. библиот. № 279, л. 255.

²⁾ Акт. Истор., III, № 284; Акт. Эпекед. III, №№ 155, 165; *Амеросій*, Истор. Рос. Іерарх. III, 484; *Филаретъ*, III, 190.

леви) владыка грозилъ судомъ Божиимъ. Въ виду опасенія Шведовъ относительно этихъ сношеній, пришлось сдѣлать уступку: о дѣйствіяхъ митрополита давалось знать правителямъ Кореліи отъ шведской короны; по перебѣжчики и послѣ того тайпо принимались, съ предоставленіемъ имъ различныхъ льготъ.

Лютеранская пропаганда приняла такіе размѣры, что вывудила московское правительство издать (1624 г. 23-го августа) новгородскимъ воеводамъ наказъ, чтобъ они тѣхъ, которые пріѣдутъ изъ-за рубежа и начнутъ бить челомъ о допущеніи помолиться въ соборной церкви Софіи и новгородскимъ чудотворцамъ, гораздо развѣдывали, не пошатнулись ли эти въ православной вѣрѣ, твердыхъ пускать на посадскія церкви, но не въ Софійскую, пошатнувшихся и приставшихъ къ лютеранской вѣрѣ не пускать и въ посадскія церкви. Что же касается до самыхъ природныхъ лютеранъ, бывающихъ въ Новгородѣ, то ихъ, „некрещенныхъ Нѣмцевъ“, въ православную церковь отнюдь не пускать, „о томъ бы есте дьячкомъ (воеводи) приказывали накрѣпко“. вмѣстѣ съ этимъ Нѣмцы лишились доступа въ центръ города. Подобно тому, какъ въ допущеніи шведскихъ православныхъ различались посадскія церкви отъ Софійской, также точно здѣсь различались другія части города отъ Кремля. „Каменный городъ“ для заморскихъ не крещеныхъ Нѣмцевъ, по приказу Михаила, долженъ быть недоступнымъ. Только натянутыя отношенія Россіи къ Польшѣ заставили потомъ русское правительство поспешительнѣе относиться къ Шведамъ и ихъ требованіямъ. Челобитная архіепископа Иосафа о позволеніи Нѣмцамъ ставить во Цсковѣ торговый дворъ принята не была, и накрѣпко было велѣно розыскивать перебѣжчиковъ съ шведской стороны, отсылать ихъ обратно и новыхъ не принимать ¹⁾.

Прояски католической Польши поддерживали антагонизмъ Москвитянъ вообще къ католикамъ и ихъ вѣроисповѣданію; къ тому же результату, хоть и не въ такой степени, вели подобныя дѣйствія Швеціи относительно протестантовъ.

Въ частяхъ Московскаго государства, освобожденныхъ отъ иноземнаго владычества, вмѣсто такой систематической, сопровождаемой насиліями пропаганды, видимъ, что въ одномъ мѣстѣ проявить себя

¹⁾ Акт. Экспеди. III, №№ 108, 127, 128, 155, 165, 184, 187, 203; Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, Цсковск. Лѣт., 334; Макарій, XI, 20 — 22; Соловьевъ, IX, 407 и д.

какой-нибудь пасторъ, тѣмъ болѣе, что по сознанию протестантскихъ писателей, проповѣдь была бы лучшимъ средствомъ „направить Русскихъ на истинный путь“, еслибъ она была только развита и дозволена; въ другомъ обнаружить излишнюю ревность иной помѣщикъ или домохозяинъ, стараясь провести свои религіозныя тенденціи между своими крѣпостными или русскою прислугой; тамъ кто-нибудь, разговорившись съ Москвитяниномъ о житейскихъ предметахъ, переведеть рѣчь на предметы религіозныя, неодобрительно отзовется о православіи и православныхъ и похвалитъ своихъ; и находились лица, поддѣлывавшіяся подъ тонъ своихъ собесѣдниковъ. Въ Нарвѣ жилъ русскій купецъ Филиппъ, человѣкъ общительный; онъ часто хаживалъ къ членамъ посольства Олеарія, чтобы съ ними раздѣлять трапезу, и передавалъ требовавшіяся имъ свѣдѣнія. Однажды (30-го января 1634 г.), по его приглашенію, посѣтилъ его Олеарій вмѣстѣ съ своимъ докторомъ Гартманомъ Граманомъ. „Мы“, пишетъ этотъ путешественникъ, — „разговорились съ нимъ о его религіи, особенно объ образахъ, и онъ далъ намъ такое исповѣданіе своей вѣры, въ которомъ мы увидали слѣды истиннаго христіанина. Сказавъ, между прочимъ, что образа онъ ни во чтѣ не ставитъ, взялъ носовой платокъ, провелъ имъ по образу, и прибавилъ: „Краску могу я стереть, а дерево сжечь; долженъ ли я въ этомъ искать свое спасеніе?“ Показалъ намъ Библію на славянскомъ языкѣ, на которомъ онъ читалъ хорошо, раскрылъ нѣсколько мѣстъ, перевелъ ихъ и сказалъ: „Здѣсь и долженъ искать волю Божию и сообразно съ тѣмъ поступать“. Посты, какъ отправляютъ ихъ многіе Русскіе, онъ не считалъ полезными: „Чтѣ въ томъ“, сказалъ онъ, — „если я не ѣмъ мяса, но пользуюсь хорошей рыбой, и напиваюсь виномъ и медомъ? Истинный постъ тотъ, какъ заповѣдалъ намъ Богъ чрезъ пророка Іоила въ первой и другихъ главахъ, и бываетъ, если я ничѣмъ не питаюсь, кромѣ воды и хлѣба, и часто молюсь“. Жаловался при этомъ на своихъ соотечественниковъ, что имъ слишкомъ много недостаетъ до такого знанія о религіозныхъ предметахъ и отправленія христіанскихъ обязанностей. Когда мы спросили, почему онъ, имѣя такое свѣтлое знаніе о Богѣ, не научаетъ ему своихъ братьевъ, онъ отвѣтилъ, что не имѣетъ къ тому призванія, да и они не повѣрили бы ему, сочли бы его еретикомъ; а что онъ держитъ образа, это въ воспоминаніе о Богѣ и святыхъ. Затѣмъ принесъ онъ изъ кладовой портретъ Густава Шведскаго, отпечатанный на золотой кожѣ, и сказалъ: „Мы можемъ вѣдь терпѣть его въ нашихъ комнатахъ, изъ ува-

женія къ герою, который такъ много совершилъ славныхъ дѣлъ — почему же нельзя имѣть образа святыхъ въ воспоминаніе объ нихъ, которые въ духовныхъ дѣлахъ были такими великими и удивительными мужаи ¹⁾.”

Въ подобныхъ податливыхъ личностяхъ едва ли не выступаютъ на свѣтъ скрытые послѣдователи ересей XVI вѣка. Трудно думать, чтобъ еретическое движеніе, послѣ того, какъ оно было осуждено на соборѣ, исчезло: религиозныя заблужденія, какъ бы ни были странны, не пропадаютъ такъ скоро; чаще всего они, сообразно съ обстоятельствами, лишь видоизмѣняются. Если догадка справедлива, то здѣсь намъ представляется весьма любопытное явленіе. Отпоръ протестантской пропагандѣ, нанесенный Грознымъ, близко совпалъ съ соборнымъ осужденіемъ ересей Башкина и Косаго. Лѣвая пропаганда стала невозможна, оставался путь скрытый. Мы уже знаемъ, какого рода подпольный путь избрало тогда протестантство. Здѣсь оно, по видимому, встрѣтилось съ русскимъ еретическимъ движеніемъ, такъ какъ и прежде оно нѣсколько соприкасалось къ нему. Тотъ фактъ, что, по свидѣтельству уже приведенныхъ нами правительственныхъ распоряженій, Русскіе люди, перестающіе соблюдать посты, исповѣдываться и т. д., жили у „Нѣмцевъ“, и жили въ иныхъ случаяхъ добровольно, — многозначителенъ. При общемъ нерасположеніи, а пожалуй и презрѣніи къ иновѣрцамъ людей консервативнаго направленія, идти къ нимъ на добровольную службу имъ было крайне затруднительно. Рѣшиться на подобный шагъ легче было людямъ прежнихъ религиозно-раціоналистическихъ понятій, или по крайней мѣрѣ, нѣсколько тронутымъ ими. При встрѣчѣ протестантство, какъ облеченное въ оружіе науки и пропагандируемое лицами, имѣющими обезпеченное общественное положеніе, получаетъ перевѣсъ надъ русскимъ раціонализмомъ, обнаруживаетъ на него свое вліяніе и сообщаетъ ему новый характеръ, уничтоживъ признаки, напоминавшіе о жидовствѣ, какъ первоначальной точкѣ отправленія русскаго вольномыслія. Новые вольнодумцы не составили какого-нибудь общества, потребовавшаго созванія особаго собора, въ общей массѣ православныхъ были почти не замѣтны, и о существованіи ихъ мы знаемъ не изъ соборныхъ

¹⁾ П. С: Зак. I, Уложеніе, XX, 70; *Büsching*, II, cap. VIII; *Olearius*, 146, 149, 155 — 156. Олеарій передаетъ даже, будто бы также разсуждалъ обличенныхъ протопопъ Иванъ Нероновъ и за то былъ сосланъ въ монастырь. Не правда. Нероновъ былъ сосланъ за свои старообрядческія мнѣнія и противодѣйствіе реформамъ Никона.

опредѣленій, а изъ разныхъ частію официальныхъ, частію неофициальныхъ мимоходныхъ извѣстій. По этимъ даннымъ, они относились съ безусловнымъ уваженіемъ къ одному Священному Писанію, іерархію порицали, пренебрегали храмами, иконопочитаемъ, исповѣдью, причащеніемъ, постами. Между вольнодумствующими упоминаются не одни крестьяне и прислуга, но купецъ, и князь: знакъ, что протестанты не опускали изъ виду и лицъ другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго, тѣмъ болѣе, что и въ числѣ еретиковъ XVI вѣка были лица различныхъ сословій. Между всѣми ими одинъ Ив. Андр. Хворостянинъ ¹⁾ еще напоминаетъ Косаго, одинъ онъ обвинялся въ отрицаніи воскресенія мертвыхъ, но и въ немъ уже не замѣчалось жидовства; напротивъ современники называли его вольномысліе латинствомъ, и доля вліянія послѣдняго была также совершенно возможна.

Когда женихъ Принца Михайловича, Вольдемаръ, жилъ (января 1644—августа 1645 г.) въ Москвѣ, само правительство вызвало протестантовъ на жаркое и продолжительное состязаніе о вѣрѣ. Начавшись съ вопроса о прекрещиваніи, полемика разрослась въ споръ о почитаніи иконъ, призваніи святыхъ и пр. Противоположную сторону отстаивали Вольдемаръ, его пасторъ Фильгоберъ, польскій посолъ Стемкозскій и др.; со стороны православныхъ вели бесѣду нарочно для того назначенные протоіерей и священники Московскихъ соборовъ.—Иванъ Насѣдка, Никита, Михаилъ, греческіе архимандриты Аноимъ и Пароевій, князь Дмитрій Далматскій и другіе; руководилъ ею патриархъ Іосифъ, и наконецъ, въ дѣлѣ приняли участіе восточные патриархи и тысячи народа; спорили и разсуждали лица духовныя и свѣтскія, знатныя и простыя, въ царскихъ палатахъ, посольскомъ приказѣ, частныхъ домахъ и на площадяхъ. Это было что-то особенное, долготѣ никогда не виданное въ Москвѣ, дѣло не только религіозное, но и политическое, тѣсно связанное съ брачнымъ вопросомъ въ царской семьѣ, или какъ тогда понимали, съ честью царскаго рода. Въ томъ, что правительство отступило здѣсь отъ обычая не допускать религіозныхъ споровъ съ иновѣрцами, противорѣчіи вѣковымъ традиціямъ пѣтъ: оно дѣйствовало въ надеждѣ обратить Вольдемара въ православіе и поручило то лицамъ избраннымъ, на которыхъ оно вполнѣ полагалось, что они не уронятъ достоинства защиты.

Если допустить, что всѣ сочиненія нашихъ полемистовъ данной эпохи, подобно трудамъ, возникшимъ по поводу споровъ во время сва-

¹⁾ Акты Арх. Эксп. III, № 147, 149; Собр. гос. гр., III, № 90.

товства Вольдемара, направлялись на вопросы и возраженія не отвлеченныя или имѣвшіе значеніе главнымъ образомъ для Литвы и Польши, а жизненные, ходячіе вопросы времени¹⁾, и если судить по замѣткамъ западныхъ путешественниковъ, возраженія слышались противъ истинности и святости восточной церкви, авторитета вселенскихъ соборовъ и св. отцовъ въ дѣлахъ вѣры и церкви, богодуховенности и истинности церковнаго преданія, почитанія святыхъ, вѣры въ чудеса, совершающіяся у святыхъ мощей, иконопочитанія, таинствъ—покаянія, священства, брака, крещенія и еucharистіи, собственно пресуществленія въ еucharистіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, и употребленія кваснаго хлѣба, противъ крестныхъ ходовъ, постовъ, монашества и т. п., и, взамѣнъ того, восхвалялось протестантство, его духовенство, кирки и т. п. При всей многочисленности нападеній, чаще и сильнѣе направлялись она противъ иконопочитанія, постовъ и крещенія, такъ какъ здѣсь видимѣе всего обнаруживалась разность между православными и протестантами. Въ своей оборонѣ православные полемисты держались съ замѣчательнымъ достоинствомъ. Если они затруднялись въ приисканіи осязательныхъ доказательствъ относительно перекрещиванія этой временной мѣры, которую отмѣнила потомъ сама церковь, то относительно остальныхъ положеній даны ими опредѣленные отвѣты, изобличены многія мрачныя стороны самаго протестантства. Священникъ Иванъ Насѣдка доускалъ и прямую сатиру. „Вы“ изобличалъ онъ, не христіане, а Жидове есте. Жиды въ великой чести свой храмъ соблюдали и всѣ церковныя службы, жертвы, кромѣ обрѣзанія, совершали въ храмѣ, а вы въ простыхъ домахъ приносите жертву. У васъ не только мужъ и жена, но отрокъ

¹⁾ Дѣло въ томъ, что всѣ эти сочиненія—или переводы съ юниорусскихъ и литовскихъ православныхъ полемическихъ трактатовъ (таковы, напримѣръ, двѣ статьи «О церкви, иже убо о храмѣ молитвенномъ» и «О образѣхъ, рещю иконахъ», Острожскаго священника Василя), или сборники изъ нихъ и святоотеческихъ твореній, лишь отчасти дополнены самостоятельными доказательствами московскихъ богослововъ («12 избранныхъ словъ о чести святыхъ иконъ и о положеніи» 1642 г.: *Строевъ*, «Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ Царскаго, № 125; «Изложеніе извѣстно отъ божественныхъ писаній стараго закона и новыя благодати на окаянныя и злоименитыя лютеры, на многія ихъ ереси отвѣты возразительныя» протопопа Ивана Насѣдки, въ 47 главъ, 1642 г., съ дополненіями въ послѣдующіе годы, рукоп. Моск. синод. библ. № 274; *Описан. рукоп. Царск. № 694*); поэтому въ нихъ, нужно думать, многое должно быть отнесено къ личной любознательности авторовъ и зависимости послѣднихъ отъ тѣхъ книгъ, какими имъ пришлось пользоваться.

или мужъ безбрачный ночь блудоѣствуетъ, утромъ же идутъ въ кирки, исповѣдаются и приобщаются. Иконъ святыхъ угодниковъ нѣтъ въ вашихъ киркахъ, а своихъ королей и крулевъ болваны (ми), лютыхъ мужей и женъ, блудниковъ и блудницъ нагихъ сущихъ и съ бѣсованіемъ блуднымъ, къ разженію блуду и къ убіенію душъ чело-вѣческихъ, симъ всѣмъ у себя живущихъ и наше православное христіанство на то поощряете и кирки своя украшаете. И ваши церкви не суть дома Божіи¹⁾. Значительно мягче и сдержаннѣе въ выраженіяхъ, чѣмъ Грозный, и одинаково съ нимъ направляя свои опроверженія не на принципъ, изъ котораго исходитъ протестантство, а на частные пункты, полемисти не только не отступились однако отъ высказанныхъ Грознымъ взглядовъ, но еще полиѣе и настойчивѣе развивали ихъ. „Лютеранская вѣра“, по ихъ слову,—„повозаконіе христіанохульника Лютора Мартына еретика, которое онъ въ своей самохотной прелести узаконилъ, чего ему отъ Бога и ученика Его апостолъ, и отъ св. отецъ и учителей, и отъ вселенскихъ соборовъ не предано, и отъ православныхъ вѣры та люторская вѣра отчуждена и ни въ чемъ непротивна; она хуже и алѣе еретической вѣры римской: еще бо и еретическое у Римлянъ ученіе, и св. отцы проклято, но у нихъ есть поставленіе кардиналовъ, архиепископомъ и епископомъ отъ папы, а у люторей и того худаго ничего нѣтъ, не именуется; лютори и ихъ пасторы—некрещены и не освящены и нѣсть имъ спасенія“.

Въ спорахъ надолго выяснился характеръ взаимнаго отношенія. Съ ними совпадаютъ энергическія старанія духовенства и нравительства вынести кирки за черту столицы. Извѣстія о появленіи русскихъ вольнодумцевъ и о новыхъ средствахъ пропаганды воскресаютъ только во второй половинѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Въ 1661 году у одного діакона отняты были „богоотступныя письма“, и онъ былъ сосланъ въ монастырь; въ 1665 году велѣно было приводить къ страху Божию стольника Милославскаго, пришедшаго въ „иступленіе ума“¹⁾. Затѣмъ начинается обращать на себя вниманіе московская лютеранская школа²⁾. Въмѣстѣ съ иноземцами въ нее набираются дѣти Русскихъ, Поляковъ, Татаръ и др.; протестантскіе помѣщики отдавали сюда своихъ крѣпостныхъ, военные—татарскихъ плѣнныхъ и плѣн-

¹⁾ Дополн. въ Акт. Истор. IV, № 99; VI, № 2.

²⁾ *Вест.*, I, 593—600; *Eccl. milit.* 7—13; *Fechner*, I, 345—362, 356—357; *Тысочраровъ*, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. М. 1873.

ницъ. Обучали здѣсь религіи, нѣмецкому и латинскому языку, музыкѣ, счету и письму; подъ руководствомъ пастора Григори и доктора Лаврентія Рингубера, готовились комедіанты для царскаго театра въ Преображенскомъ. Слѣдившій за судьбой школы и доставлявшій на нее значительныя средства, герцогъ Эрнстъ Благочестивый усмотрѣлъ въ ней важное орудіе для достиженія своихъ пропагандическихъ цѣлей и писалъ (1670 г.) ея начальнику: „Вотъ истинный путь—не только уже обращенныхъ дѣтей удерживать въ спасительномъ познаніи Тріединаго Бога и Его откровеннаго святого слова, но возвѣщать эту высокую тайну и другимъ, еще не обращеннымъ, и вселить во тѣмъ и другимъ такъ, чтобы потомъ, по милости Святаго Духа, оставаясь неизмѣнными сами, служили къ обращенію прочихъ, погрязшихъ въ темнотѣ“. Хотя вскорѣ послѣ отъѣзда Баумана школа значительно пала, и результаты обученія въ ней не могли быть особенно велики, но едва ли безъ причины въ періодъ ея процвѣтанія появился (1671 г.) извѣстный намъ политическій трактатъ Андрея Савиновича.

Кромѣ школы, служило къ соблазну другое средство. Патріархъ Іоакимъ писалъ (1674 г.) про лютеранъ и кальвинистовъ, что они, еретики, не почитая святыхъ иконъ, въ посмѣхъ христіанамъ печатаютъ ихъ на бумагѣ неистово и неправо, на подобіе лицъ своей страпы, въ одеждахъ своеострастныхъ нѣмецкихъ, и тѣмъ оскорбляютъ православныхъ, привыкшихъ видѣть иконы, написанныя на доскахъ и со старыхъ образцовъ, и иконное почитаніе вводятъ въ презрѣніе. Духовнымъ пастыремъ запрещалось печатать и покупать такія еретическія иконы; и все же нашлись защитники ихъ и въ жизни, и въ литературѣ, тѣмъ естественнѣе, что у насъ начали тогда читать на входившемъ въ моду польскомъ языкѣ книги, въ которыхъ доказывалась близость православія съ протестантствомъ, „книги кальвинскія и люторскія“¹⁾; на нѣмецкомъ языкѣ онѣ были непонятны, на рускій переводить было трудно, и польскій сталъ большою подмогой.

Накопецъ, выступаетъ (1681 г.) на сцену загадочная личность, литовскій выходецъ Янъ Бѣлободскій²⁾. О немъ помнили, что онъ въ

¹⁾ Акт. Экспедиц. IV, № 200; *Востоковъ*, № CCCCLVIII; *Приб. къ Твор. св. отц.* XXI.

²⁾ Рукоп. Моск. сн. библ. №№ 310, 338, 393. Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребицкій: *Прибавл. къ Твор. св. отц.*, 1862. XXI, 569—614; Проповѣдники нѣмецкой вѣры въ Москвѣ и отношеніе къ нимъ патр. Іоакима. *А. Гаерилова: Странникъ*, 1873, III, 127—139.

Слуцкѣ жилъ „за хлопца“ у кальвинскаго ректора, и поставленный въ проповѣдника Торунскимъ суфраганомъ, проповѣдывалъ „въ кальвинскомъ сборѣ“. Такъ какъ его проповѣди возбудили противъ него іезуитовъ, то онъ опредѣляется школьнымъ учителемъ въ Могилевъ, но „замѣшаніе“ отъ его чтеній побуждаетъ его переселиться въ Смоленскъ, гдѣ іезуиты снова повторяютъ противъ него свои нападки. Спасаясь отъ ихъ преслѣдованія и слыша, что на Москвѣ заводятся школы, онъ отправился сюда, чтобы поступить въ нихъ учителемъ. Здѣсь только что основалось типографское училище и проектировалась духовная академія; учителей искали. Чтобы сдѣлаться извѣстнымъ, онъ знакомится съ вліятельными лицами, большею частію земляками, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, Симоновскимъ архимандритомъ Гавриломъ Домецкимъ, іеромонахами Законоспаскаго монастыря Козловскимъ и Кудрицкимъ, Литовской земли іеродіакономъ Мануиломъ, жившимъ нѣкоторое время при польскомъ дворѣ по русскимъ дѣламъ Павломъ Негребицкимъ, и другими. Предъ ними онъ старался показать свою ученость, но не вполне удачно: люди простые, въ родѣ Козловскаго, увлекались имъ, разсуждали о его непомѣрныхъ познаніяхъ, люди поученіе и благомыслящіе вскорѣ разгадали его. Въ бесѣдахъ съ Негребицкимъ онъ высказался, что между исповѣданіями римскимъ, лютерскимъ и кальвинскимъ греческая вѣра посредствующая, въ таинства евхаристіи пресуществленія нѣтъ, подвергъ сомнѣнію другія таинства, не находя будто бы подтвержденія имъ въ Священномъ Писаніи, и вовсе отвергая преданіе, отрицалъ въ человѣкѣ свободную волю, намекалъ на несостоятельность почитанія мощей. Негребицкій узналъ въ немъ лютерокальвиниста и забилъ тревогу, объявляя, что за опасный еретикъ кроется въ этомъ пришельцѣ. Едва ли одна ревность о вѣрѣ руководила имъ. Какъ сторонникъ Сильвестра Медвѣдева, который хлопоталъ о томъ, чтобы самому занять мѣсто начальника академіи и опредѣлять туда лицъ своей латинствующей партіи, и какъ неоднократно рекомендовавшій царю различныхъ южнорусскихъ ученыхъ, Негребицкій долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы устранить этого опаснаго претендента на профессорскую кафедру. Распускаемая имъ молва была опасна для Вѣлободскаго, и онъ зашелъ къ нему, чтобы примириться. Но Негребицкій объявилъ ему, что еслибъ онъ не обличилъ его, то взялъ бы на свою душу большой грѣхъ, допустивъ его распространять свою ересь. „А еслибъ я постригся въ монахи“, спросилъ Вѣлободскій, — „ужели и тогда не дадутъ мнѣ вѣры?“

„Хотя бы десять мантий ты надѣлъ на себя, и тогда не возможно тебѣ, еретику, вѣрить. Могъ бы ты и въ Литовской землѣ быть монахомъ, еслибы истинно желалъ монашества, а сюда прѣхалъ для прельщенія людей неученыхъ. Греческой вѣры ты совсѣмъ не знаешь, а знаешь только лютеранскую и кальвинскую. И какъ ты, не зная нашей вѣры, могъ полюбить ее? И откуда въ тебѣ желаніе монашества, котораго вы не почитаете? Вѣдь и вашъ ересепачальникъ Лютеръ сначала былъ монахомъ, а потомъ женился на старицѣ Катеринѣ. И другой вашъ ересепачальникъ Кальвинъ прельщалъ многихъ своихъ іерействомъ. Сія вся творишь по образу ереси своихъ начальниковъ“. Когда это средство оказалось недостаточнымъ, Бѣлободскій задумалъ заставить молчать своего противника силою: подалъ царю челобитную, жалуясь, что Негребицкій безславить его единственно будто бы по нелюбви къ ученымъ людямъ. Царь принялъ жалобу, между тѣмъ патріархъ собралъ (18-го мая 1681 г.) въ Крестовой палатѣ изъ случившихся въ Москвѣ епископовъ соборъ для обсужденія дѣла о новомъ еретикѣ. Обвиняли Негребицкій и Домецкій, разказавъ о своихъ съ нимъ бесѣдахъ. Позвали самого Бѣлободскаго. Показанія его крайне сбивчивы. Онъ объяснилъ, что прѣхалъ въ Москву, чтобы поступить учителемъ въ заводимую царемъ школу, пожелалъ принять греческую вѣру потому, что въ греческой, какъ и въ римской вѣрѣ, можно спастись. „Зачѣмъ же ты, признавая возможность спасенія въ Римской церкви, ищешь греческой вѣры? Не явная ли эта ложь?“ возразили ему. „Между вѣрами римскою, лютеранскою и кальвинскою греческая вѣра есть истинная“ отвѣчалъ онъ,—„и безъ нея невозможно спастись“, и затѣмъ прибавлялъ: „Кто, будучи въ греческой вѣрѣ, держитъ римскую упорно, спастись не можетъ, также и римляне, которые упорно держатъ греческую вѣру, не могутъ спастись; поэтому онъ самъ, когда будетъ въ греческой вѣрѣ, будетъ отдавать послушаніе Московскому патріарху, а если будетъ въ Римѣ, то послушаніе будетъ отдавать папѣ“. „Но прежде ты самъ же сказалъ“ замѣтили ему,—„что изъ всѣхъ вѣръ греческая единая истинная и внѣ ея нѣтъ спасенія, а теперь отрицаешь возможность спасенія въ греческой вѣрѣ при упорномъ, то-есть, крѣпкомъ ея держаніи видно, не совершенно ты желалъ греческой вѣры и дѣлаешь подобно цыганамъ, которые въ какое государство придутъ, того государства и вѣру держатъ“. Отзвы обвиняемаго о значеніи папы навели соборъ на мысль, не римлянинъ ли онъ, его спросили объ исхожденіи Святаго Духа, на что онъ далъ отвѣтъ уклончивый, и не безъ намѣренія символъ вѣры прочелъ опуская осьмой членъ.

Не добившись отъ него ничего опредѣленнаго, и чтобы рѣшительнѣе знать, какой держится онъ вѣры, соборъ, воспользовавшись его заявленіемъ о желаніи принять православіе, предложилъ ему написать греческое исповѣданіе и проклясть ереси римскую, лютеранскую и кальвинскую. Въ своемъ исповѣданіи (30-го мая) онъ всталъ какъ бы на нейтральную почву и допустилъ нѣсколько неправильныхъ мыслей, между прочимъ, къ высказанному имъ на соборѣ попятію о безразличіи церквей, какъ бы желая выпутаться изъ указанного ему противорѣчія, прибавилъ новый признакъ: сверхъестественное озареніе, открывающее человѣку большую годность для его личности той или иной церкви; непослушаніе откровенію можетъ привести къ гибели даже, еслибы получившій его принадлежалъ къ истинной церкви. Сильвестръ Медвѣдевъ, которому было поручено разобрать это исповѣданіе, такъ въ заключеніи характеризуетъ его: „Вредныя православію мысли Бѣлободскій вложилъ въ своемъ исповѣданіи тонкости и между правды.. И таковыми своимъ исповѣданіемъ весьма тѣится онъ римскую ересь, а подъ оною ересію и лютерскую и кальвинскую ереси, въ нашъ россійскій народъ вкоренити“.

Очевидно, Бѣлободскій не былъ приверженцемъ одного какого-нибудь вѣроисповѣданія; это—представитель своеобразнаго литовско-польскаго энциклопедиста той эпохи, съ значительнымъ перевѣсомъ въ немъ лютеро-кальвинскихъ воззрѣній, діалектикъ, любитель религиозныхъ споровъ, съ маніей къ пропагандированію своихъ ученій. Это образецъ тѣхъ личностей, какія являлись тогда къ намъ въ качествѣ просвѣтителей, и на которыхъ ихъ западные собратья возлагали большія надежды. Они тѣмъ опаснѣе были у насъ, что выдавали себя людьми, сочувствующими православію, даже православными и подъ такою маской производили у насъ замѣшательства въ религиозныхъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ отношеніи много объясняетъ чело-битная Негребицкаго, поданная имъ Θεодору Алексѣевичу на другой день послѣ собора. Она прямо обзываетъ Бѣлободскаго тайнымъ агентомъ тѣхъ западныхъ лютеранъ и кальвинистовъ, которые, пользуясь недостаточностію образованія въ Русскомъ народѣ, раскольническими волненіями, враждой къ латинству, и предугадывая чрезвычайную будущность Русскаго царства, посылаютъ сюда своихъ вѣрныхъ пасторовъ, въ вѣрѣ искусныхъ и не опасющихся нашу ложно прикипать, „чающе, яко они здѣ таковою ихъ прелестію проклятую свою вѣру ввести возмогутъ“. Негребицкій просилъ царя не довѣрять искренности желанія Бѣлободскаго принять православіе и сохранить

„свое православное царство отъ сего лестнаго еретика, да не бесѣдою и сожитіемъ своимъ въ сердца православныхъ посѣветъ ереси“.

Сбивчивость ли показаній Бѣлободскаго, то ли, что у насъ вообще снисходительно смотрѣли на желавшихъ принять православіе, или то, что обвинители его принадлежали къ латинствующей партіи, не долюбливаемой патріархомъ, и потому, какъ бы не заслуживали полной вѣры, или по другой какой причинѣ, только обвиняемаго не тронули; онъ остался на свободѣ, пріобрѣталъ популярность среди простыхъ и духовныхъ, пока не осрамился (15-го марта 1685 г.) въ публичномъ диспутѣ съ прибывшими (5-го марта) въ Москву братьями Лихудами, послѣ чего, вѣроятно, видя несбыточность своихъ желаній, едва-ли не возвратился назадъ.

Отъ учителя остались его ученики. Опасенія Негребидскаго оправдались. Дѣятельность Бѣлободскаго и подобныхъ ему лицъ привела къ тому, что если въ 1681 году слышались жалобы, что „отъ той ереси лютерской и кальвинской въ царствующемъ градѣ происходитъ въ вѣрѣ колебаніе и ея прозябеніе отъ неискусныхъ пашей вѣры“, то чрезъ нѣсколько лѣтъ съ церковной кафедрѣ въ ужасѣ занялъ проповѣдникъ: „Непаученія и въ церкви святой пашей богопреданныхъ чинодѣйствъ не знающіи и о томъ не вопрошающіи, мнятся мудри быти; но отъ глагольствъ лютерскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣша, отъ стезь же отецъ своихъ совратившеся глаголють: како сей чинъ въ церкви и для чего творится тако?—нѣсть въ семъ пользы, человекъ сіе содѣла, безъ того жить мощно... И не точію въ лѣтъ узаконенные посты, но и великую сію четырехдесятицу мнози презирають мужи и жены, и юніе отроки и священнаго чина люди“. До такихъ размѣровъ дошло новорусское на протестантскій ладъ еретическое движеніе! Можно ли не видѣть здѣсь предшественниковъ извѣстнаго при Петрѣ Тверитцова съ его сообщниками?

Многочисленность и разнообразіе этихъ попытокъ религіозной пропаганды блекнетъ предъ пастойчивостью въ достиженіи матеріальныхъ цѣлей. Юрій Крижапичъ, жалуясь, что „Нѣмцы проповѣдуютъ намъ нечестивыя и гибельныя для душъ ереси“, еще болѣе говоритъ объ ихъ хнщическихкихъ поступкахъ—ихъ захватахъ торговли, выгодныхъ мѣстъ и т. п. ¹⁾ „Всю Русь“, пишетъ онъ,—„навод-

¹⁾ Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича открылъ и издалъ *Безсоновъ*. М. 1860. I—II.

являютъ шайки Нѣмцевъ, и всѣ благіе люди земли нашей они пожираютъ, и страну нашу дѣлаютъ пустыней и ностененно да нечувствительно обращаютъ насъ въ ихъ данниковъ и подчиненныхъ. Лукаво стараются убѣдить насъ, что все ихнее—самое лучшее, что все это намъ необходимо, все дѣлаетъ намъ почестъ, и такимъ образомъ ставятъ насъ, въ отношеніи къ нимъ, въ зависимость и подданство... Я часто самъ слыхалъ отъ нихъ притчу, кою они хвалятся и велятъ своимъ: „кто хочетъ хлѣбъ даромъ ѣсть, да придетъ на Москву“. И они постоянно постунаютъ по своей притчѣ, гостять и нльствуютъ, а нашихъ людей, кон на встрѣчу случайно при нихъ будутъ, псами, свиньями и всякаго скота именами обзываютъ, многократно и бьютъ“. Было бы несправедливо все это объяснять одною ревностью Славянина: доля правды тутъ несомнѣнна, и доля значительная, преувеличеніе же состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что стремленія и желанія Нѣмцевъ принимаются за самые факты. Извѣстно, какою горечью отзывались жалобы нашихъ купцовъ на Англичанъ ¹⁾. Тому же Алексѣю Михайловичу, про котораго Мейербергъ разказываетъ, что онъ служилыхъ иноземцевъ удерживалъ у себя ласками, просьбами, повышеніемъ и даже ссылкой въ дальнія мѣста, приписывается изданіе, въ 1661 г., во успокоеніе своихъ подданныхъ, особаго секретнаго указа воеводамъ о томъ, чтобы „еретиковъ и всякихъ Нѣмцевъ на воеводства не посылать и воеводами не опредѣлять, а быть имъ..... только на Москвѣ и записываться имъ на черной сотнѣ, а въ службу нашу царскую вступать ворами въ ратную, и то по нуждѣ“ ²⁾.

Сознаніе нужды въ иностранцахъ, какъ въ болѣе образованныхъ людяхъ, и служило существенною основой всѣхъ тѣхъ благъ, какими, не смотря на ограниченія и частыя колебанія, пользовались протестанты въ государственномъ и религіозномъ отношеніи: безъ того имъ ничего бы не добиться. Все зависѣло отъ политико-экономическихъ потребностей государства, отъ стремленія правительства воспользоваться знаніемъ и содѣйствіемъ иностранцевъ,

¹⁾ Акт. Эксп. IV, № 7; *Медовиковъ*, Историч. значен. царствован. Алексѣя Михайловича. 173—175.

²⁾ Указъ этотъ изданъ въ *Русск. Стар.* 1871, III, по памяти чиновниковъ, которые будто бы выучили его наизусть, когда послѣдовало распоряженіе объ истребленіи указа. Нельзя не признать, что эти необыкновенныя обстоятельства дѣлаютъ весьма сомнительною подлинность этого указа.

стремленія, правда, пока еще довольно нерѣшительнаго, невыясненнаго и неустойчиваго, а потому не сообщившаго прочной устойчивости и положенію протестантства. Юридическія основанія для религіозной свободы и гражданскихъ правъ протестантовъ были чужды сознанію. Протестантство только терпѣлось, какъ необходимость, вынуждаемая и оплачиваемая выгодами, какія приносили исповѣдающіе его матеріальному благосостоянію и культурнымъ успѣхамъ Русскаго государства. Мысль о свободѣ личности въ дѣлахъ вѣры тогда мерцала еще очень слабо, прямое признаніе за протестантами религіозной свободы тогда показалось бы уравниеніемъ господствующаго православія съ „влочестіемъ“. И если въ нашемъ законодательствѣ много говорится о матеріальной и личной безопасности принимаемыхъ и призываемыхъ протестантовъ, то оно обыкновенно преупорно отклоняло вопросъ о ихъ религіозной свободѣ, или въ крайнемъ случаѣ, ограничивалось общими, въ родѣ тѣхъ, что „во всемъ имъ будетъ по прежнему“, „во всемъ будетъ вольность безъ всякаго задержанія“, и не мѣшая имъ лично держаться своихъ религіозныхъ убѣжденій, ограничивало свободу общественнаго богослуженія, приказывая сносить кирки въ укромныя мѣста, подалше отъ глазъ русскихъ, угрожая, яа совращеніе ихъ православія, казнить смертію.

Съ точки зрѣнія благочестиво-домовитаго Москвича протестантъ, какъ иновѣрецъ и иноземецъ, былъ человекъ чужой, нечистый, нехристь, поганый, существо низшее, богопротивное, недостойное дружескаго отношенія; лица раскольничающія инстинктивно питали къ нимъ вражду, которую они не только не скрывали, но и осуждали всякое общеніе съ ними. „Охъ, бѣдная Русь!“ зывали первые расколуучители Аввакумъ и Феодоръ, — „чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ?... О прелесте! понеже сси нестра: скверные Поляки, Нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію ведію почитаются... сплелись западные съ восточными!“¹⁾ Для іерархін, какъ прямой представительницы и защитницы господствующей вѣры, протестанты казались врагами цѣлости православія или же нивой, на которую должно пасть слово Божіе, будущими чадами православной церкви. Правительству не была чужда мысль, что государство, какъ общество людей, стремящихся путемъ гражданскаго общаженія и объединенія достигнуть лучшаго благосостоянія, не можетъ замѣниться въ средѣ одной на

¹⁾ Щиповъ, Русскій расколъ старообрядства, 92—93.

ціональности и вѣры и должно, по нѣрѣ надобности, принимать въ свою среду лицъ различныхъ національностей и вѣръ; оно понимало также, подъ какими условіемъ протестанты соглашались оказывать ему свое содѣйствіе; но и правительство, которое въ вопросѣ объ иноземцахъ и иновѣрцахъ стало впереди своихъ подданныхъ, въ сущности не особенно далеко стояло отъ взглядовъ послѣднихъ: планъ о систематическихъ преобразованіяхъ при помощи западныхъ иноземцевъ еще только назрѣвалъ.

Не трудно было догадаться протестантамъ, кто ихъ враги, кто доброжелатели, и въ чемъ и гдѣ нужно искать себѣ опоры. Не на религиозной пропагандѣ они должны были основывать прочность своего положенія; она скорѣе могла повредить имъ, потому что увлеченные ею сравнительно съ массой населенія составляли ничтожное меньшинство, и бессильные что-нибудь сдѣлать въ пользу своихъ учителей, служили поводомъ, что остальные православные предубѣжденіе прежняго начинали относиться къ соблазнителямъ: старанія протестантовъ должны были направиться на пріобрѣтеніе связей въ правительственныхъ сферахъ, на то, чтобы, показывая, такъ сказать, товаръ лицомъ, все крѣпче и крѣпче вселять тамъ мысль о своей полезности и незаменимости при намѣчавшихся преобразованіяхъ, о важности ихъ содѣйствія благосостоянію и культурнымъ успѣхамъ страны. Двоюродный братъ Михаила Теодоровича Никита Ивановичъ Романовъ, Ѡ. М. Ртищевъ, дипломатъ Ордынъ-Нащокинъ считались „друзьями Нѣмцевъ“, а самое вліятельное лицо подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, сверхъ того, ихъ „отцомъ“. Известно, что эта дружба была не особенно горячая. Ордынъ-Нащокинъ говорилъ объ иноземцахъ: „ихъ платятъ не по насъ, наше не для нихъ“. При покровительствѣ Матвѣева, однако, когда въ русскомъ войскѣ было болѣе ста полковниковъ и нѣсколько генераловъ изъ нѣмцевъ, и когда, подъ управленіемъ лстившаго правительству настора Грегори, утѣшала царя и его семью нѣмецкая театральная труппа, у протестантовъ около начала 70-хъ годовъ XVII столѣтія при дворѣ какъ бы свивается гнѣздо, — впрочемъ не надолго. Едва занялъ престолъ ученикъ С. Полоцкаго, Ѡедоръ Алексѣевичъ, Матвѣевъ шалъ въ немилость и былъ сосланъ, театръ убранъ, получили силу латинствующіе, распространяется польщизна и положеніе протестантовъ пошатнулось. Затѣмъ выступаетъ правительница Софья, съ которою, какъ воспитанницей Полоцкаго, тоже не могло завязаться у нихъ искреннихъ отношеній. Это убѣдило

протестантовъ, что недостаточно ограничиваться приобрѣтеніемъ на свою сторону того или другаго боярина — значеніе послѣдняго постоянно обусловливалось личнымъ отношеніемъ къ нему государя; несравненно прибыльнѣе казалось поэтому заручиться расположеніемъ самого цари, еще лучше, воспитать его въ своихъ видахъ: тогда не будутъ опасны никакія измѣненія въ придворномъ персоналѣ. Судьба благопріятствовала имъ: въ лицѣ новаго государя, на котораго ими сдѣланъ былъ дружній натискъ и котораго, какъ своего ученика, они старались охватить крѣпкимъ кольцомъ, имъ представилась опора, какой они и не ожидали. Съ этого времени въ исторіи протестантизма начинается новый періодъ.

Дмитрій Цвѣтасвъ.

О ПЕРВОЙ ПСКОВСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Въ древнія времена лѣтописаніе на Руси было очень распространено; не было города, болѣе или менѣе значительнаго, гдѣ не велись бы лѣтописи; важныя событія записывались въ монастыряхъ; сами князья поощряли составленіе лѣтописей. На ряду съ другими городами городъ Псковъ также оставилъ послѣ себя лѣтописи, которыхъ дошло до насъ два свода, извѣстныхъ подъ именемъ „первой Псковской лѣтописи“ и „второй“. Писательство въ Псковѣ, говоритъ г. Костомаровъ,— „было значительно развито, ибо неоднократно Псковитяне ссылаются на грамоты князей и разные письменные акты. Видно, лѣтописи были также видомъ этихъ официальныхъ бумагъ и служили для справокъ; оттого-то въ нихъ такъ усердно записывались всякія постройки, не только церковныя, но и гражданскія“¹⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что дошедшій до насъ сводъ Псковскихъ лѣтописей, извѣстный подъ названіемъ первой Псковской лѣтописи, не есть цѣльное произведеніе, принадлежащее перу одного лица; онъ составленъ изъ разныхъ источниковъ; нужно предположить, что во Псковѣ событія записывались въ разныхъ мѣстахъ: доказательствомъ этому служитъ то, что въ сводѣ есть извѣстія, хотя и немногочисленныя, объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, записанныя по два раза и въ двухъ видахъ, чего не могло бы быть, еслибъ у составителя лѣтописнаго сборника источникъ былъ одинъ. Такъ напримѣръ: подъ 6934 г. читаемъ: „Колоколы повѣшаху Псковичи на першехъ ко святѣй Троицы, на новой колоколници, на новой стѣнѣ, мѣсяца сентября въ 23, на зачатіе Іоанна Предтеча“, и далѣе подъ тѣмъ

---

¹⁾ Лекціи по русской исторіи, 75.

же годомъ: „того же лѣта поставлена бысть колоколница древная на старомъ мѣстѣ, ко святѣй Троици, на першехъ, и колоколы повѣшены быша“ (П. С. Р. Л. IV, 203). Подъ 6941 г. записано два раза объ изгнаніи Юріемъ Дмитріевичемъ Василя Васильевича изъ Москвы; сперва читаемъ: „того же мѣсяца (іюня) князь великій Георгій Дмитріевичъ сѣде на великомъ княженіи на Русской земли, а Василей Васильевичъ, братанъ его, выбѣжа изъ Москвы на Тверь“; а далѣе черезъ нѣсколько строкъ: „того же лѣта князь Гюрги Дмитреевичъ пріѣха на Москву изъ Галича въ силѣ велицѣ, и князь Василей Васильевичъ, братанъ его, услыша его ратью идуща и побѣже изъ Москвы на Тверь; и князь Гюрги сѣде въ Москвѣ въ своей отчинѣ, и потомъ миръ взяша межн собою“ (ib., 207). Подъ 7004 г. два раза записано о походѣ на шведскій городъ Выборгъ: въ первый разъ записано кратко: „ходиша на Свею“; во второй пространно: „въ лѣто 7004, сентября, князь великой Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ своихъ, князя Данила Васильевича да Якова Захарыча, Свѣйскіе земли воевати подъ Выборгъ; подъ городомъ стояли до Рожества Христова, города не взяли, землю повоеваша“ (П. С. Р. Л. IV, 269). О морѣ во Псковѣ говорится три раза: подъ 6973, 6974, и 6975 гг. Подъ 6973 годомъ замѣтка, очевидно, сдѣлана послѣ: „того же лѣта бысть во Псковѣ моръ силенъ... а былъ той моръ во Псковѣ, и въ пригородѣхъ и во всей волости Псковской и по 2 годы“ (П. С. Р. Л. IV, 229); Подъ 6974 г. записано: „той же осени посла Богъ казнь на градъ и на люди, за умноженіе грѣхъ нашихъ, бысть моръ великъ во Псковѣ и по пригородомъ и по всей волости Псковской: начать мерети по Семенѣ дну Лѣтопродавца“... (П. С. Р. Л. IV, 230). Подъ 6975 г.: „того же лѣта посла Богъ ину казнь на люди: бысть моръ во Псковѣ по два годы съ одного, и по пригородомъ и во всей волости Псковской, начаша мерети отъ Семеня дна Лѣтопродавца и мроша до Рожества Христова“ (П. С. Р. Л. IV, 231). Подъ 7001 г. записано: „того лѣта бысть знаменіе въ солнцы, 4 луча и круги за кругъ“, а далѣе: „того же лѣта бысть знаменіе въ солнцы: 4 луча, лучъ единъ недалече отъ солнца, а другій изъ другой стороны, а 3-й на зимней западъ, а 4-й на лѣтней западъ, а вси тѣи лучи по край круговъ, а 2 круга одинъ малъ, а другій великъ, а кругъ занялся со стороны круговъ; а у юга стояло іюня во 2 день“ (П. С. Р. Л. IV, 268); Подъ 7008 г.: „того же лѣта Торопецъ взялъ ливонской князь Иванъ“, а далѣе изъ другаго источника повторяется о томъ же (П. С. Р. Л. IV, 272); о битвѣ на р. Серицѣ сооб-

щается три раза: одинъ разъ подъ 7008 г. и два раза подъ 7009 г., при чемъ второе извѣстіе подробное (ib., 273); о владеніи Нѣмцевъ на Островъ сообщается два раза (П. С. Р. Л. IV, 274 и 275). Существованіе нѣсколькихъ списковъ Псковскихъ лѣтописей, которые, при многихъ сходныхъ чертахъ, имѣютъ много и несходнаго, существованіе второй Псковской лѣтописи, которая есть варіантъ первой, только съ значительными отиѣнами, тоже указываетъ на существованіе многихъ лѣтописей во Псковѣ.

Предметомъ нашего обозрѣнія будетъ самый важный изъ этихъ сводовъ, именно Псковская первая лѣтопись.

Псковская I-я лѣтопись пачинается вишнскими изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и продолжается по одному списку (Арх. IV) до 1650 года, при чемъ съ 1645 года идутъ вишнски изъ разрядныхъ книгъ. Относительно первоначальныхъ временъ составитель ея имѣлъ въ виду найти въ лѣтописяхъ древнѣйшія указанія о Псковѣ: „а о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописаніи не обрѣтается воспомануто, отъ кого создани бысть и которыми людьми, токмо увидѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князя Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словяне княжити, понеже повѣдаеть, яко Игорь Рюриковичъ поитъ себѣ жену Олгу отъ Плескова“ (П. С. Р. Л. V, 172). Выписки изъ первоначальной лѣтописи, при чемъ много извѣстій, касающихся княгини Ольги, идутъ до 6562 г., только разказъ о принятіи крещенія въ Новгородѣ заимствованъ изъ Новгородскихъ лѣтописей (ср. П. С. Р. Л. III, 207, IV, 175). Затѣмъ идутъ извѣстія, заимствованныя изъ Новгородскихъ лѣтописей; но нѣтъ сомнѣнія, что въ Псковѣ уже и въ то время нѣкоторыя событія записывались; къ числу такихъ извѣстій относится извѣстіе объ изгнаніи Всеволода Мстиславовича изъ Новгорода, посаженія его на столъ во Псковѣ и смерти его ¹⁾, при чемъ говорится, что Всеволоду Мстиславовичу, при проѣздѣ его мимо Полоцка, выходилъ на встрѣчу Василько Полоцкій. Извѣстія о походѣ Изяслава Ярославича на

¹⁾ Извѣстія о смерти Всеволода во Псковѣ очень сходны съ помѣщенными въ южно-русскомъ сводѣ (Лѣт. по Ип. сп., 216); день смерти въ обоихъ сводахъ показано 11-е февраля, въ четвергъ на масляной недѣлѣ 6646 мартовскаго году; изъ повѣрки дня и числа выходитъ, что годъ смерти долженъ быть не 6646, а 6650. Въ Судильскомъ сводѣ указаны лица, приходившія въ Киевъ за Всеволодомъ Мстиславовичемъ звать его на столъ во Псковѣ, о времени же его княженія сказано: «пробысть тамо мало»; числовыхъ данныхъ нѣтъ (Давр. сп. лѣт., 289).

Ссолы—то же, безъ сомнѣнія, повгородскаго происхожденія: Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 176), Соф. I (V, 140), Воскр. (VII, 333), Ник. (IX, 22), Тверск. (XV, 153). Извѣстіе о морѣ въ 6738 г. записано современникомъ: „и вное быхъ зло писалъ, но горе и тако“ (П. С. Р. Л. IV, 178); подъ тѣмъ же годомъ находятся и другія извѣстія о вятія Татарамъ Переславля Русскаго въ четвергъ средокрестной недѣли 3-го марта, что было въ 6747 мартовскомъ году или въ 1239 январскомъ; вятіе Чернигова 18-го октября во вторникъ было въ томъ же году. Подъ 6744 годомъ находится слѣдующая запись: „Въ лѣто 6744, мѣсяца августа 3, бысть знаменіе въ солнци. И по семъ, на третье лѣто, избиша Литва на Камнѣ Псковичъ засадою, мѣсяца сентября 25: А на другое лѣто, того же мѣсяца 16 день, избиша у Изборска Нѣмцы, 747-е, 600 мужей Плесковичъ; и по семъ пришедше Нѣмцы и взыша Плесковъ въ лѣто 6748“ (П. С. Р. Л. IV, 178 и 179). Эта запись, очевидно, принадлежитъ къ древнѣйшимъ псковскимъ записямъ. Отмѣтки годовъ 6747 и 6748, изъ которыхъ первый совершенно не кстати попалъ въ средину предложенія, принадлежатъ къ прибавленіямъ, сдѣланнымъ кѣмъ-либо изъ позднѣйшихъ компиляторовъ; позднѣйшему редактору лѣтописи принадлежатъ и такія выраженія, какъ: „на третье лѣто“¹⁾. Того же 6748 г. былъ взятъ Кіевъ 19-го ноября въ понедѣльникъ; это извѣстіе достовѣрное, какъ видно изъ повѣрки показанія дня; притомъ Татары подступили къ Кіеву 5-го сентября и стояли 10 недѣль и 4 дня—что совершенно вѣрно. Въ Суздальскомъ сводѣ лѣтописей по спискамъ Лаврентьевскому и Академическому днемъ вятія показано 6-е декабря на память св. Николая (Лѣт. по Лаур. сп. 447, по Акад. списк. 495); очевидно, здѣсь обозначено ошибочно это событіе; можетъ быть, 6-го декабря оно сдѣлалось извѣстно во Владимірѣ; въ другомъ мѣстѣ Псковской I-й лѣтописи вятіе Кіева показано изъ другаго источника тоже 19-го ноября „въ недѣлю“—послѣднее ошибочно вмѣсто правильнаго „понедѣльникъ“ (ibid. 179). О прибытіи Александра Невскаго во Псковъ и Ледовомъ побоищѣ тоже взято изъ Новгородской лѣтописи²⁾. „Та-

¹⁾ См. Хронолог. изслѣдованія Эмелямана (С.-Пб. 1858), 118—121. Въ Пск. II-й лѣтописи битвы Каменская и Изборская, приуроченныя къ 25-му и 16-му октября, прямо занесены подъ невѣрными годами 6746 и 6747 (П. С. Р. Л. V, 10); о чтеніи октября вѣсто правильнаго сентября; см. у Эмелямана, 121.

²⁾ Ср. П. С. Р. Л. III, 53, 54; IV, 179, 180. Въ такъ-называемомъ Архивск. XIX (ab) спискѣ извѣстіе о Ледовомъ побоищѣ самостоятельное. (П. С. Р. Л. IV, 180).

нимъ образомъ", говоритъ г. Костомаровъ,—отрывочные разказы, безъ признаковъ самобытнаго сочиненія, идуть до смерти Александра Ярославича въ 1264 году. Вся эта часть лѣтописи приставлена уже послѣ, и событія изъ другихъ лѣтописей обозначены здѣсь не для сообщенія ихъ, а для означенія только годовъ, чтобы годовому теченію дать отличительные признаки; нѣкоторыя же изъ этихъ извѣстій могли быть распространены даже и позже, при чтеніи другихъ (Новгородскихъ) лѣтописей. Собственно лѣтопись начинается съ Довмонта, а можетъ быть, даже и позже. Нельзя заключить, чтобы до того времени у Псковитянъ не существовало лѣтописи, напротивъ, болѣе вѣроятно, что она была изстари; но видно, что составитель не имѣлъ въ рукахъ ничего прежде Довмонта, многое изъ этого имѣлъ безъ годовъ и потому, для повѣрки сдѣлалъ связь событій по годамъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ списковъ XVI в. говорится послѣ 1241 года: отъ числа Русской земли и до смерти князя Александра, и до убійтیا князя Литовскаго Миндовга ¹⁾. Эта приписка заставляетъ предполагать, что позднѣйшій составитель, именно до этой эпохи приписалъ собственно къ Псковской лѣтописи начало по числамъ. Сказаніе о Довмонтѣ подъ 1265 годомъ есть первое подробное и самобытное сказаніе псковское; съ тѣхъ поръ идетъ уже непрерывно перечень псковскихъ событій по годамъ и составляетъ дѣйствительно Псковскую лѣтопись ²⁾. Сказаніе о Довмонтѣ, вошедшее въ позднѣйшіе лѣтописные сборники, составлено по большей части на основаніи разказовъ сподвижниковъ Довмонтовыхъ. „Описаніе Литовскаго похода“, говоритъ Энгельманъ,—„совершенно согласно съ болѣе краткимъ изложеніемъ современнаго Новгородскаго лѣтописца, дополняя его нѣкоторыми подробностями—такими, какія могъ знать современникъ, напримѣръ, о расположеніи Довмонтова стана, о личностяхъ начальниковъ псковскихъ „сторожей“ и князей Литовскихъ, о днѣ битвы 18-го іюня на память св. Леонтія и проч. Подобными подроб-

¹⁾ Замѣтимъ, что хронологическая сѣть разставлена въ Псковской I-й лѣтописи слѣдующимъ образомъ: отъ крещенія Руси при Владимірѣ до убійтیا Бориса и Глебъ, 28 л., отъ убійтیا ихъ до пераго перенесенія мощей 57 л., отъ пераго до втораго перенесенія 43 (П. С. Р. Л. IV, 176); отъ втораго перенесенія до взятія Кіева (Половцами) 87 л., отъ взятія Кіева до Калкской битвы 20 л., отъ битвы при Калкѣ до землетрасенія 8 л., отъ землетрасенія до взятія Татарми Рязани и Владиміра 8 л., (ibid. 178); отъ взятія Кіева до числа Русской земли 18 л. (ibid. 179).
И. Т.

²⁾ Лекція по р. ист., 73, 74.

ностями отличается и остальная часть сказанія, а сомнѣваться въ достовѣрности ихъ нѣтъ никакой причины". Энгельманъ полагаетъ, что сказаніе это въ первоначальномъ своемъ видѣ было записано въ началѣ XIV столѣтія, когда еще были живы нѣкоторые изъ современниковъ героя, и когда славные подвиги его были еще въ свѣжей памяти ¹⁾). Позднѣйшіе переписчики сказанія оставили свой слѣдъ въ первоначальной редакціи въ видѣ украшеній въ слогѣ, поясненій, повтореній и искаженій. Хронологической сѣти въ этой повѣсти уже нѣтъ; она замѣнена выраженіями: „потомъ“, „по малѣ времени“, „по временихъ княженія его“; годы прибавлены позднѣйшимъ переписчикомъ Псковской лѣтописи сначала на поляхъ, а потомъ—внесены въ текстъ ²⁾). Составители позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ извѣстія о Довмонтѣ заимствовали изъ редакціи I-й Псковской лѣтописи ³⁾).

Самостоятельная лѣтопись начинается съ 6792 г.; подъ этимъ годомъ значатся слѣдующія извѣстія: „бысть знаменіе въ лунѣ, декабря 24, въ день недѣльный; по двои недѣлю, генваря, погибахомъ, въ 12 избѣша Нѣмцы Псковичъ на дани, у Алысту, 40 мужы якоже древніе хронографы глаголють, яко знаменіе нѣсть на добро, но на зло присно является“ (П. С. Р. Л. IV, 148 стр.); выраженіе „погибахомъ“ указываетъ на современника. Дальнѣйшія извѣстія съ 6801 по 6831 г. состоятъ изъ краткихъ погодныхъ замѣтокъ; есть много го-

¹⁾ Хронол. изслѣд., 52, 53.

²⁾ Хронол. изслѣд., 54—56. Энгельманъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ время событій, о которыхъ говорится въ сказаніи: 1) прибытіе Довмонта во Псковъ было въ 1266 г. весною (Хронолог. изслѣдов., 64 и 65); 2) побѣда надъ Литвой при р. Двинѣ 18-го іюня 1266 г. (ibid. 65); 3) битва подъ Раковоромъ 18-го февраля 1268 г. (ibid. 65); 4) опустошеніе Довмонтомъ Вироніи и Вики въ концѣ февраля 1268 г. (ibid. 66); 5) опустошеніе Псковской области Нѣмцами въ апрѣлѣ того же года (ibid. 66); 6) битва при рѣкѣ Мироповнѣ 23-го апрѣля того же года (ibid. 66); 7) походъ Нѣмцевъ на Псковъ въ 1269 г. (ibid. 43); 8) затмѣніе луны, случившееся по лѣтописи 8-го сентября и приуроченное во иторомъ архивскомъ спискѣ (Ab) къ 6807 году, на самомъ дѣлѣ случилось 30-го сентября 1270 г.: цифровая буква **А** подъ перомъ писца легко могла перейти въ **И** (ibid. 72); 9) нападеніе Нѣмцевъ на Псковскія владѣнія и опустошеніе Довмонтомъ Ливонской земли было явною 1288—1289 г. (ibid. 73); 10) нападеніе Нѣмцевъ на Псковъ въ началѣ марта 1299 г. (ibid. 58, 59, 63); 11) побѣда Довмонта надъ Нѣмцами на берегу рѣки Великой 5-го марта 1299 г.; 12) смерть Довмонта 20-го мая 1299 г. (ibid. 62, 63).

³⁾ Энгельманъ, 75—91.

довъ не описанныхъ ¹⁾); по всей вѣроятности эти замѣтки писаны современниками, на что указываютъ такіа выраженія: „и бысть всѣмъ людемъ добрѣ“ „и баше притупено людемъ велми“ (П. С. Р. Л. IV, 184); несовременникъ не могъ бы сказать такъ.

Извѣстіе о нападеніи Нѣмцевъ на Псковъ въ 6831 году, безъ сомнѣнія, записано было современникомъ; упоминаются имена убитыхъ Псковичей, обозначены точно дни приступовъ, продолжительность осады, дѣйствія осажденныхъ: все это такіа подробности, которыя могли быть извѣстны только современнику. Современникъ видѣлъ въ выраженіяхъ: „а въ то время притужно баше велми Пскову“ тонъ, непріязненный къ Нѣмцамъ: они приступаютъ къ Пскову „загордѣвшеса въ силѣ тяжцѣ безъ Бога, хотяще плѣнити домъ Святыя Троицы“ (П. С. Р. Л. IV, 184, 185). По всей вѣроятности, объ этомъ нападеніи существовала прежде отдѣльная записка: какъ-то бросается въ глаза обстоятельство разказа объ этомъ фактѣ въ сравненіи съ предыдущими и послѣдующими за нимъ краткими лѣтописными замѣтками.

Подъ 6835 г. помѣщенъ отрывокъ изъ житія Александра Михайловича Тверскаго, именно—объ избіеніи Татаръ въ Твери при князѣ Александрѣ Михайловичѣ и о пребываніи его во Псковѣ. Повѣсть эта по большей части буквально сходна съ помѣщенной въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. VII, 200, 201) подъ 6835 и 6837 г.), Новгородской IV-й (П. С. Р. Л. IV, 50, 51) и Софійской (V, 217, 218), а также въ Никоновской лѣтописи (III, 137—139, 151—153). Повѣсть одной редакціи съ помѣщенной въ Псковской и Воскресенской лѣтописяхъ, но изукрашена цвѣтистыми прибавленіями; такъ рѣчь по слову къ Александру въ Воскресенской и Псковской лѣтописяхъ приводится такъ: „Поѣди, господине, въ орду, не погуби крестіанъ отъ поганныхъ“ (Псков. 185, Воскр. 201); въ Никоновской же она распространена слѣдующимъ образомъ: „Царь Азбьякъ всѣмъ намъ повелѣ искати тебя и прислати к себѣ во орду; поиди убо к нему дажь не привлечи ярости его на всѣхъ насъ, удобна бо есть тебѣ за всѣхъ пострадати, неже намъ всѣмъ тебѣ ради, и пусту всю землю сотворити“ (Ник. 152). Простыя слова, обращенныя Александромъ Михайлови-

¹⁾ Не описанные годы: 6802—6810, 6812—6815, 6821—6830. Извѣстіе о нападеніи Нѣмцевъ на Псковичей, но логико вставленное въ извѣстіе о знаменіи въ лунѣ, могло быть взято позднѣйшимъ составителемъ лѣтописнаго сборника изъ другаго источника; позднѣйшему составителю принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и ссылка на хронографъ о значеніи знаменій.

чемъ къ Псковичамъ при его отъѣздѣ въ Литву: „Братя моя и друзи мои! не буди на васъ проклятїя ни отлученїя мене ради; ѣду изъ града вашего вонъ, не буди вашего цѣлованїя на мнѣ, ни моего на васъ, толико цѣлуйте крестъ на княгини моеѣ, како вамъ не выдати“ (П. С. Р. Л. IV, 185), въ Никоновской лѣтописи передапы такъ: „Братя и друзи вѣрнии, и любовнии храбрии Псковичи, не буди на васъ отлученїя и проклятїя святительскаго мене ради худаго и грѣшнаго, и не буди крестное ваше цѣлованїе на мнѣ грѣшнемъ и худемъ, і моего на васъ, и се убо азъ худии отхожу от васъ в Нѣмцы и в Литву, да вамъ и вашей землѣ никоея же тягости от царя Азбѣяка и Рускихъ князей не будетъ, и да погинуть вси врази мои гонящїи мя и ищущїи душу мою изати от мене“ (Ник. 153). Разница сказанїя, помѣщеннаго въ Псковской лѣтописи, отъ сказанїя, помѣщенныхъ въ Воскресенскомъ и Софїйскомъ сборникахъ, заключается только въ томъ, что въ Псковской лѣтописи не говорится о нападенїи Іоанна Даниловича на Тверское княжество, и вообще въ ней записано только то, что могло быть интересно для Псковича; такъ напримѣръ, перечисляются лица, посланцы изъ Пскова къ Іоанну Даниловичу для заключенїя съ нимъ мира послѣ бѣгства Александра Михайловича въ Литву. Перечисленїе это взято, безъ сомнѣнїя, изъ псковскихъ источниковъ; перечень этотъ вошелъ и въ Псковскую II-ю лѣтопись (П. С. Р. Л. V, 12) ¹⁾.

За выпиской изъ житїя Александра Михайловича опять идутъ погодныя краткія записи псковскаго происхожденїя; есть годы не описанныя (6837, 6840—6844, 6848).

Извѣстїя подъ 6849, 6851 и 6856 гг. касаются почти исключительно однихъ только военныхъ дѣйствїй Псковичей противъ Нѣмцевъ, и вѣроятно, принадлежатъ перу одного лица; современникъ видѣнъ въ числовыхъ данныхъ, которыя разсыпаны при этихъ извѣстїяхъ, и въ подробномъ перечисленїи дѣйствующихъ лицъ. Нельзя не замѣтить также, что составитель этихъ извѣстїй пользовался и сказанїемъ о князѣ Довмонтѣ, и записью о нападенїи Нѣмцевъ на Псковъ въ 6831 г.; такъ рѣчь Псковичей передъ сраженїемъ съ Нѣмцами въ 6851 г. на Маломъ Борку есть копія съ рѣчи, сказанной Довмонтомъ Псковичамъ при нападенїи его на Литву; о нападенїи Нѣмцевъ на Изборскъ въ 6849 г. разказывается точно такими же словами,

¹⁾ Вообще въ Пск. I и II, Воскр., Сое. и Ник. лѣтописяхъ помѣщено подъ разными годами житїе Александра Михайловича.

какими разказано о нападеніи на Псковъ въ 6831 г. Въ одномъ изъ списковъ Псковской I-й лѣтописи, именно въ такъ-называемомъ Архивскомъ XIX (Ав), подъ 6849 г. есть указаніе на автора; послѣ описанія мороваго повѣтрія, бывшаго въ Псковѣ въ этомъ году, авторъ замѣчаетъ: „а иное быхъ писалъ, занеже то розратъ велии много приточно бѣшетъ; за умноженіе словесъ и не писано бѣшетъ оставихъ“ (П. С. Р. Л. IV, 189). Сказавъ о причинахъ вражды Ольгерда ко Пскову и о его враждебныхъ дѣйствіяхъ, позднѣйшій составитель лѣтописнаго сборника замѣчаетъ: „Се оставльше, о немже послѣди напишемъ¹⁾, нынѣ возвратимся на ино сказаніе“ (П. С. Р. Л. IV, стр. 190), и затѣмъ идетъ отдѣльная записъ о морѣ, въ началѣ буквально сходная съ помѣщенной въ такъ-называемой Новгородской IV-й лѣтописи (П. С. Р. Л. IV, 60, 61, 62) и принадлежащая перу очевидца, записавшаго однако о морѣ по воспоминанію, и слѣдовательно, послѣ мора, какъ это видно изъ заключительныхъ словъ сказанія: „Нѣкотори же рѣша: той моръ изъ Индѣйской земли, отъ Солнца града. Се же ми о семъ написавшу отъ многа мало, еже худий мой умъ, въ худости же и намать припесе; аще кому се не потребно будетъ, да сущимъ по пасъ оставимъ, да не до конца забвено будеть“ (П. С. Р. Л. IV, 191). Такое выраженіе, какъ „мнѣху бо тогда мнози, яко уже всѣмъ помереть“ (тамъ же, 61), тоже указываетъ на современника. Отдѣльность этого сказанія доказывается вообще: 1) всѣмъ складомъ рѣчи; 2) началомъ: оно начинается съ изложенія причинъ бѣдствій, посылаемыхъ на насъ Богомъ, — обычное начало повѣстей такого рода²⁾; 3) заключительными словами сказанія, приведенными нами выше; 4) въ Новгородской IV-й лѣтописи послѣ этого сказанія прямо сказано: „и нынѣ возвратимся на ино сказаніе“ (стр. 62), и идетъ выписка изъ Новгородской лѣтописи о посѣщеніи Новгородскимъ архіепископомъ Василиемъ Пскова и смерти его на возвратномъ пути³⁾. Что касается до сказанія о морѣ, помѣщеннаго въ Новгородской IV-й лѣтописи, то различіе его отъ вошедшаго въ составъ первой Псковской лѣтописи состоитъ въ томъ, что въ первомъ сводѣ пропущено извѣстіе о прибытіи архіепископа Василія

¹⁾ Это обѣщаніе нигдѣ не исполнено авторомъ.

²⁾ Въ такъ-называемой Новгородской IV-й лѣтописи предъ началомъ сказанія во всѣхъ спискахъ, кромѣ Строевскаго, киноварью въ видѣ заглавія написано: «о мору (великомъ) Псковскомъ» (П. С. Р. Л. IV, 60, прим.).

³⁾ Выписка эта сходна съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, находящимся въ Новгородской I-й лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 82).

во Псковъ и его смерти, такъ какъ составитель его имѣлъ въ виду ваять извѣстіе объ этомъ изъ Новгородской лѣтописи; но рѣшившись на это, опъ взялъ изъ сказанія замѣчаніе, вызвавшее смертью архіепископа у автора сказанія: „сапа свѣтлостью не умолена (въ Новгородской не правильно: „не умалена“) бываетъ смерть, на всѣхъ бо вынизааетъ многоядныя своя зубы“—замѣчаніе, вслѣдствіе пропуска извѣстія о смерти архіепископа лишенное смысла ¹⁾.

Дальнѣйшія извѣстія съ 6862 по 6876 г. состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, при чемъ извѣстіе о нападеніи Остафья князя на Полоцкъ повторено подъ двумя годами и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; повторено, вѣроятно, позднѣйшимъ составителемъ сборника по ошибкѣ; много извѣстій церковнаго характера, при чемъ инныя вѣроятно, взяты изъ какихъ-либо отдѣльныхъ замѣтокъ; таковы, напри- мѣръ, подобныя извѣстія: „Въ лѣто 6870 пригнаша Нѣмцы и избыша на Лудви нѣколко головъ на миру; тогда бѣше гость силенъ нѣмецкій, и пріяша Псковичи нѣмецкій гость и выпустиша на другое лѣто, на Воздвиженіе, серебро на нихъ поймане за головы избѣенныхъ“ (П. С. Р. Л. IV, 191). Очевидно, лѣтописецъ не могъ въ своей лѣтописи подъ однимъ годомъ записать эти два событія, случившіяся въ разное время; вѣроятно, эта замѣтка была занесена въ сборникъ изъ посторонняго источника. Подобнымъ же образомъ подъ 6873 г. записано: „заложиха церковь святую Троицу, и даше мастеромъ дѣлу мзды 400 рублевъ дара и добрѣ потчиваху ихъ; дѣлаше же по 3 лѣта, и свершенъ бысть храмъ святныя Троицы“ (ib. 192). Какимъ образомъ здѣсь соединены два событія, отдѣленные другъ отъ друга пространствомъ въ три года? Безъ сомнѣнія, гдѣ-либо на пасхальной ли таблицѣ, или можетъ быть, просто на богослужебной книгѣ сдѣлана была первая часть замѣтки о закладкѣ церкви, и потомъ, по окончаніи работы, отмѣчено было время окончанія работы; а составитель лѣтописнаго сборника, не разбирая, внесъ эту запись подъ однимъ годомъ.

Морь, постигшій Псковъ въ 6868 г., названъ въ лѣтописи вторымъ; слово „второй“, вѣроятно, прибавлено позднѣйшимъ состави-

¹⁾ Г. Костомаровъ, на основаніи заключительныхъ словъ сказанія: «се же мя о семъ написавшу отъ многаго мало...» и словъ лѣтописи относительно мора, бывшаго во Псковѣ въ 1390 г., что морь былъ такъ силенъ, какого прежде не бывало, заключаетъ, что лѣтопись въ 1390 г. перешла въ другія руки (Лекція по русск. ист., 74). Но если первое сказаніе о морѣ не принадлежитъ Псковской лѣтописи, а вошло въ составъ ея послѣ, то и это заключеніе теряетъ свою силу

телемъ лѣтописнаго сборника, имѣвшимъ въ виду моръ, бывшій въ 6860 г.; на самомъ же дѣлѣ это былъ уже четвертый моръ (6738, 6849, 6860 и 6868 гг.). Подобное несогласіе показанія лѣтописи съ дѣйствительностью доказываетъ, что извѣстіе о морѣ, помѣщенное подъ 6868 годомъ, не могло принадлежать тому лицу, который записалъ извѣстіе о морѣ подъ 6849 годомъ.

За краткими лѣтописными замѣтками слѣдуютъ подъ 6876 и 6877 гг. извѣстія о войнахъ Псковичей съ Нѣмцами. Нужно замѣтить, что подъ этими двумя годами описаны событія по крайней мѣрѣ пяти лѣтъ, какъ это можно заключить по слѣдующимъ словамъ: „тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война; а то розратъ бысть съ Нѣмцы про Жолчъ обида много время, а ли до 5 лѣтъ...“ (ib. 193). Лѣтописныя извѣстія Псковской I-й лѣтописи, къ счастью, мы можемъ провѣрить по Ливонской хроникѣ Германа Вартберга, которая по своей точности имѣетъ для шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ XIV столѣтія такое же значеніе, какое хроника Генриха Латышскаго для первой четверти XIII вѣка и Вальтазара Руссова для второй половины XVI вѣка. И такъ, по хроникѣ Вартберга въ періодъ отъ конца сентабра 1367 г. до 1371 г. Русскіе и Пѣмцы имѣли 11 непріязненныхъ столкновеній (изъ нихъ четыре нападенія были не что иное, какъ пограничныя стычки между Русскими и Нѣмцами), изъ которыхъ въ Псковской лѣтописи упоминается только о шести; хронологическая точность въ псковскихъ извѣстіяхъ не вездѣ соблюдена; извѣстія, очевидно, приурочены къ тремъ годамъ, а въ первоначальномъ своемъ видѣ они, можетъ быть, были даже и безъ чиселъ; и вообще это извѣстіе, начинающееся словами: „пріѣхаше посолъ съ Низу отъ великаго князя Дмитрея Никита, такъ нарѣчаемый, и бывъ въ Юрьевѣ много днй, не учини ничтоже на добро нимало, и пріѣха во Псковъ“ (ibid. 192), заставляетъ предположить, что предъ этимъ что-либо пропущено; оно является, такъ сказать, *ex abrupto*.

Хронологическія данныя Псковской лѣтописи можно провѣрить Вартбергу; первое нападеніе было 24-го сентабра 6876 сентабрскаго года,—такъ и у Вартберга (Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, II, 114). Нападеніе Русскихъ на новый городъ Фрауэнбургъ¹⁾ по Вартбергу было въ концѣ того же года (ibid. 115). Осада Нѣмцами Изборска, продолжавшаяся по Псковской лѣтописи

¹⁾ Фрауэнбургъ иначе называется Нейгаузенъ.

18 дней, а по Вартбергу двѣ недѣли, была, по Вартбергу, послѣ 11-го іюня 1368 г., по Новгород. I-й лѣтописи въ 6876 мартовскомъ году (П. С. Р. Л., III, 89; объ участіи Новгородцевъ говоритъ и Вартбергъ), по Псковской I-й лѣтописи въ 6877 сентябрьскомъ году; слѣдовательно, здѣсь Псковская лѣтопись уходитъ годомъ впередъ, или вѣрнѣе, годъ выставленъ не на мѣстѣ; правда, подъ тѣмъ же годомъ у Вартберга есть еще извѣстіе (Сборникъ матер. по исторіи Прибалкря, I, 116) о вторичномъ нападеніи на Изборскъ 8-го сентября (то-есть 6877 сентябрьскаго года), но оно, очевидно, найдеть сюда, и о немъ въ нашей лѣтописи не упоминается ни слова; очевидно, это былъ простой набѣгъ Нѣмцевъ. Такимъ образомъ цифровую дату 6877 г. нужно помѣстить не предъ извѣстіемъ объ осадѣ Изборска, но предъ извѣстіемъ о нападеніи на Псковъ Нѣмцевъ „на другое лѣто“, когда враги оставались подъ нимъ три дня и двѣ ночи, съ чѣмъ согласно будетъ и показаніе Вартберга о нападеніи Нѣмцевъ въ концѣ февраля 1369 года на Псковскую область, при чемъ кровопролитіе и опустошеніе происходило четыре ночи, и Русскихъ было взято въ плѣнъ болѣе 350 человекъ (Прибалт. сборн. II, 117). Въ отместку за этотъ походъ Псковичи, вмѣстѣ съ Новгородцами, зимой предприняли походъ на Новый городокъ нѣмецкій, но безъ успѣха; Псковскій лѣтописецъ объясняетъ неуспѣхъ тѣмъ, что Новгородцы, участвовавшіе въ походѣ вмѣстѣ съ Псковичами, „не пондоша отъ городка въ Нѣмецкую землю... и Псковичамъ не учиниша пособья нимаго“; Новгородскій же лѣтописецъ видитъ причину неуспѣха въ томъ „за-неже баша твердъ городъ“ (П. С. Р. Л. III, 89 стр.); у Вартберга объ осадѣ этого города не упоминается. На возвратномъ пути Псковичи взяли Киремисе, что по Вартбергу было въ день св. Пасхи (31-го марта) 1369 года. Миръ съ Нѣмцами заключенъ былъ, по Вартбергу, въ концѣ іюня 1371 года (Прибалт. сборн. II, 120). Такимъ образомъ извѣстія о борьбѣ съ Нѣмцами прежде вѣроятно составляли отдѣльную запись, не приуроченную къ какому-либо году; позднѣйшій составитель лѣтописи разбилъ ее на года и неправильно. (Въ такъ-называемомъ Архивскомъ спискѣ XIX (Ав) поэтому справедливо не упомянуто о мирѣ между Нѣмцами и Псковичами).

Съ 6878 г. по 6914 Псковская лѣтопись состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ; есть много извѣстій относительно постройки церквей. Извѣстія подъ 6903, 6904 и 6906 гг. всѣ духовнаго содержанія; очень можетъ быть, что они записаны духовными лицами; при всѣхъ этихъ годахъ, а также и при 6907 г., показанъ ипидиетъ, чего при

другихъ годахъ нѣтъ; можетъ быть, описаніе этихъ годовъ принадлежитъ одному перу ¹⁾).

Извѣстіе о нападеніи Витовта на Псковскую землю въ 6914 г. въ Псковской I-й лѣтописи записано современникомъ; Витовтъ напалъ 5-го февраля, въ пятницу „на Фарисеевъ недѣли“; 28-го февраля посадникъ Псковскій Юрій съ охочими людьми пошелъ восвать Ржеву и Великіе Луки; Псковъ погорѣлъ 31-го мая, въ самый Духовъ день; „какъ обѣдню поють“, князь Данилъ Александровичъ съ Псковскимъ посадникомъ Ларіономъ пошелъ на Полоцкъ 30-го іюля, въ пятницу;

¹⁾ Нѣкоторые извѣстія за эти годы перепутаны; вѣроятно, они взяты составителемъ изъ разныхъ источниковъ и имъ разищены подъ невѣрными годами; такъ извѣстіе объ отъздѣ князя Ивана изъ Пскова, помѣщенное подъ 6907 г., нужно помѣстить подъ 6908 г., потому что онъ былъ во Псковѣ всего только четыре мѣсяца (Псковская II-я лѣтопись, П. С. Р. Д. V, 18), а пріѣхалъ во Псковъ 10-го августа (Псковская I-я лѣтопись, П. С. Р. Д. IV, 195). Подъ 6910 г., послѣ извѣстія о постановкѣ креста на церкви св. Троицы, извѣстія, очевидно записаннаго при самомъ Троицкомъ храмѣ, читаемъ: „того же лѣта сдѣлаше стѣну волазъ Великую рѣку, и покрыша тоя зими въ великое говѣнье о средокрестной недѣли. И потѣха владыка Иванъ изъ Новгорода на Москву къ митрополиту“... (ibid. IV, 196); возвратился архіепископъ отъ митрополита въ 6912 г. 15-го іюля, «а былъ у него полъ-четверта года», замѣчено въ Псковской I лѣтописи. По Новгородской I лѣтописи архіепископъ отправился въ Москву «въ средькрестныя недѣли» 6-го марта 6909 мартовскаго года, а возвратился, также какъ и въ Псковской I лѣтописи, 6912 г. 15-го іюля: «былъ на Москѣ 3 годы и 4 мѣсяца» (П. С. Р. Д. III, 102). Если принять время отправленія 6910-й г., какъ показано въ Псковской лѣтописи, то нельзя будетъ принять чтенія ея о пребываніи архіепископа въ Москвѣ въ теченіе 3½ лѣтъ; такимъ образомъ нужно признать годомъ отправленія не 6910, а 6909, какъ показано въ Новгородской I-й лѣтописи. Что же касается до извѣстія о томъ, что стѣна была покрыта «въ великое говѣнье о средокрестной недѣли», то кажется, послѣднія слова лучше будетъ относить, согласно съ Новгородскою I-ю лѣтописью, къ извѣстію объ отправленіи архіепископа въ Москву.

Взятіе Смоленска Юріемъ Святославичемъ всѣми лѣтописями согласно относится къ 6909 г.: Новгородская I и III (П. С. Р. Д. III, 102. IV, 104 и 105), Сое. I (V, 252), Сое. II (VI, 131), Воскр. (VIII, 75), Тверск. (XV, 462) Лит. лѣт. нѣд. *Помоемы* (Уч. З. Ак. Н. кн. I 42, и 42); по Новг. IV взятіе Смоленска было въ августѣ мѣсяцѣ; августъ мѣсяцъ и по сентябрьскому и по мартовскому лѣтосчисленію будетъ приходиться въ одномъ году, слѣдовательно, и въ Псковской I-й лѣтописи это событіе должно относиться тоже къ 6909 г. (въ Псковской I-й лѣтописи лѣтосчисленіе сентябрьское). Зимой Юрій Смоленскій захватилъ купцовъ псковскихъ, которые были выкуплены лѣтомъ, то-есть, слѣдующаго 6910 г., какъ правильно обозначено въ Новгородской I-й лѣтописи, а не въ 6911 г., какъ неправильно обозначено въ Псковской I-й лѣтописи.

при описаніи военныхъ дѣлъ перечисляются убитые или взятые въ плѣнъ. Все это такія подробности, которыя могли быть извѣстны только современнику. Псковская I-я лѣтопись сохранила намъ въ этихъ извѣстіяхъ и древнѣйшую редакцію; несчастія, какъ-то: нападеніе враговъ, пожаръ, постигаютъ Псковичей „за умноженіе грѣхъ ради нашихъ“; въ позднѣйшей редакціи, такъ-называемой Псковской II-й лѣтописи, этихъ выраженій нѣтъ, а равно нѣтъ и перечисленія убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ; о нападеніи Вельянь на Нѣмцевъ—тоже нѣтъ, а между тѣмъ, въ этомъ извѣстіи есть характерное указаніе на современника: говоря объ успѣхахъ Вельянь, лѣтописецъ замѣчаетъ: „а Вельяне вси ядоровы быша, ни единъ не врежень, развѣе были изымаемыи однимъ Вельянина Кюса, ивъ у нихъ убѣжалъ“. Кому это событіе могло быть извѣстно, какъ не современнику? Извѣстія подъ 6915 годомъ записаны также современникомъ, какъ это видно по числовымъ даннымъ: Псковичи выступили противъ Нѣмцевъ 7-го октября, въ сторожѣ были Прокофій Масковичъ да Пухъ Изборянинъ; Нѣмцевъ убили 20 человекъ, „а 7 живыхъ яша руками“; въ битвѣ недалеко отъ Киремне,—замѣчено лѣтописцемъ—убили старосту св. Троицы Ариста; Константинъ Дмитріевичъ прибылъ во Псковъ 15-го марта, „во вторникъ на вербной недѣли“¹⁾ (II. 2); Псковичи напали на Нѣмцевъ „въ недѣлю по вечерни“. Вообще извѣстія о князѣ Константиѣ въ Псковской I-й лѣтописи отличаются нѣкоторою витіеватостію, книжностію; о немъ говорится, что „Богъ ему добрыя мысли влагаше въ сердце“; по отзыву лѣтописца, онъ былъ „еще унѣ верстою, но совершенъ умомъ“. Въ извѣстіяхъ о войнѣ Псковичей съ Нѣмцами есть вставка о цѣнахъ на жизненные продукты, и о постройкѣ стѣны; эти извѣстія могли быть взяты изъ другаго источника; поэтому, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Псковской I-й лѣтописи (Ав) ихъ и не находится²⁾.

¹⁾ Извѣстіе о постройкѣ церкви во имя св. Аванасія въ обожѣ сводахъ помѣщено подъ различными числами; церковь создана была и священа, по Псковской I-й лѣтописи, 24-го марта на память св. Артемія; въ Псковской II-й лѣтописи сказано, что она была создана и священа «въ единъ день, въ недѣлю» 29-го марта; но 29-е марта въ 6914 году было во вторникъ; такимъ образомъ воскресенье будетъ приходиться 27-го марта (II. С. Р. Д. IV, 198, V, 19 и 20).

²⁾ Въ такъ-называемой Псковской II-й лѣтописи извѣстія за этотъ годъ сходятъ съ Псковскою I-ю лѣтописью; есть, впрочемъ, нѣкоторыя добавленія противъ послѣдней лѣтописи: «Даніилъ Александровичъ поѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ въ самый Николіянь день, во осень»; князь Константинъ уѣхалъ изъ

дентовъ, на преміи и награды за лучшія сочиненія, на познагражденіе стороннихъ преподавателей, на посылку за границу съ ученою цѣлью и на усиленіе библиотеки для студентовъ.

§ 64. Въ стипендіаты избираются студенты недостаточнаго состоянія, если окажутся того достойными по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 65. Директоръ лицея, на основаніи рекомендацій директоровъ или педагогическихъ совѣтовъ гимназій, принимаетъ на казенное содержаніе ежегодно по 4 воспитанника, окончившихъ курсы въ тѣхъ гимназіяхъ; остающіяся за тѣмъ стипендіи назначаются совѣтомъ лицея при ручательствѣ директора за поведеніе просителя. Назначеніе дворянскихъ и благотворительныхъ стипендій производится по правиламъ, установленнымъ при ихъ учрежденіи. Принятіе студентовъ въ общежитіе на казенное содержаніе опредѣляется правилами объ общежитіи.

§ 66. Стипендіи и пособія назначаются лишь бѣднымъ, отличнымъ по поведенію студентамъ на основаніи успѣховъ, которые они оказали на экзаменахъ и въ лицей. Для вновь вступающихъ принимается въ основаніе аттестатъ зрѣлости.

§ 67. Студенты, желающіе получить стипендію или пособіе, обязаны сдавать экзамены ежегодно по наукамъ соотвѣтствующей группы. Для оцѣнки успѣховъ студентовъ, ищущихъ стипендій, принимаются въ разчетъ отиѣтки, полученныя на экзаменахъ, и достоинство работы, выполненныя въ теченіе года. Правомъ на стипендію и пособіе могутъ пользоваться лишь тѣ студенты, которые получили на испытаніяхъ баллъ въ среднемъ выводѣ не менѣе $4\frac{1}{2}$, или имѣющіе въ аттестатѣ зрѣлости въ общемъ выводѣ не менѣе 4.

§ 68. Каждый студентъ, пользующійся стипендіею отъ лицея, сохраняетъ ее и на слѣдующіе годы, если ежегодно подвергается испытанію и получаетъ на ономъ въ среднемъ выводѣ баллъ не менѣе 4. Студентъ, которому какія-либо важныя препятствія помѣшали выполнить эти условія, можетъ сохранить стипендію только по опредѣленію совѣта. Но такая льгота оказывается стипендіату не болѣе одного раза въ теченіе всего лицейскаго курса.

Примѣчаніе. Демидовскіе стипендіаты, помѣщенные въ общежитіе студентовъ непосредственно по избранію директора или изъ числа тѣхъ, которымъ стипендіи назначены совѣтомъ, продолжаютъ пользоваться помѣщеніемъ, если они при отличномъ поведеніи ежегодно оказываютъ удовлетворительные успѣхи

на экзаменѣ, или если директоръ засвидѣтельствуетъ, что студентъ не явился на экзаменъ или не явился вовсе по болезни или другой уважительной причинѣ.

§ 69. Лишеніе стипендіи за проступки производится по усмотрѣнію лица. Студенты, исключенные во время ихъ пребыванія изъ обществѣнн, лишаются стипендіи на время сего.

VI.

Обязанности студентовъ.

§ 70. Принятый въ число студентовъ обязанъ явиться къ директору. Отъ него или отъ его помощника онъ долженъ получить билетъ на жительство. На билетѣ указывается имя и фамилія студента и тѣмъ самымъ лицомъ, которому билетъ выдается.

§ 71. Вместе съ билетомъ выдается студенту необходимую обязательную для него личную карточку, выданіемъ которой онъ отговариваться не можетъ; принятый въ студенки не имѣетъ никакого въ соблюденіи этихъ правилъ.

§ 72. Всѣ студенты обязаны отдавать за билетомъ ежегодно не позже 15-го сентября. Если билетъ выдается не иначе какъ въ обихѣ на прежіе.

§ 73. Билетъ выдается студенту всѣ его документы, оставшіеся въ лицѣ; во все время пребыванія въ немъ студента, и служитъ доказательствомъ его личности. Поэтому билетъ не можетъ быть передаваемъ отъ одного лица другому.

§ 74. Студентъ обязанъ предъявить свой билетъ директору или его помощнику, а равно во всякъ случаѣ, когда окажется нужнымъ удостовѣриться въ личности студента. При увольненіи студента въ отпускъ, онъ представляетъ билетъ на жительство въ лицѣ и получаетъ его обратно при возвращеніи изъ отпуска. При потерѣ билета наблюдаются тѣ же правила, какъ при потерѣ документовъ, и новый билетъ не можетъ быть выданъ иначе, какъ послѣ установленной закономъ публикаціи о пропажѣ пераго.

§ 75. При увольненіи студента изъ лицѣ и выдачѣ документовъ, отъ него отбирается выданный ему билетъ на жительство.

§ 76. Получивши билетъ, студентъ обязанъ лично явиться къ общую книгу, находящуюся у помощника директора, къ его своему жительство, и при всякой переимѣнѣ квартиры немедленно записывать свой новый адресъ въ ту же книгу.

О враждебныхъ столкновѣніяхъ Псковичей съ Нѣмцами въ 6916 году записано современникомъ; драматическая форма изложенія заставляетъ предполагать, что въ такъ-называемой Псковской I-й лѣтописи сохранена древнѣйшая редакція; одинъ Вельянинъ обратился къ Вороначанамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Господа Вороначане, мстите кровь христіанскую“. За Нѣмцами погнались, нагнали ихъ „уже на вечери“ и разбили ¹⁾.

Подъ 6917 г. извѣстія записаны тоже современникомъ, какъ видно изъ числовыхъ данныхъ; при извѣстіи о смерти князя Данила Александровича находится краткая похвала ему; при этомъ нужно замѣтить, что въ такъ называемомъ Архивскомъ спискѣ XIX (Ав.) пропущены извѣстія о цѣнахъ на рожь и соль въ Русь, но помѣщено извѣстіе о мирѣ съ магистромъ Ливонскимъ, бывшемъ 27-го іюля, въ день субботный; извѣстіе о послѣднемъ событіи въ другихъ спискахъ неправильно отнесено къ 6918 г. ²⁾

Съ 6919 г. по 6929 извѣстія по большей части состоятъ изъ мелкихъ замѣтокъ, преимущественно духовнаго содержанія; эти извѣстія записаны другимъ лицомъ, чѣмъ въ предыдущіе годы ³⁾. Дальнѣйшія извѣстія съ 6933 г. по 6939 состоятъ по большей части изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, взятыхъ, вѣроятно, изъ разныхъ источниковъ, на что указываетъ то обстоятельство, что иногда повторяется два раза объ

Пскова въ Москву. Сглажены нѣкоторыя подробности, не интересныя для позднѣйшаго переписчика (П. С. Р. Л. V, 19 и 20).

¹⁾ Въ Псковской II-й лѣтописи есть нѣсколько особенностей: такъ, тамъ подробно перечисляются мѣстности, опустошенныя Нѣмцами; говорится, что Псковичи послали пословъ въ Новгородъ съ просьбой о помощи, но что Новгородцы не только не дали помощи Псковичамъ, но и послали на зло имъ пословъ въ войска магистра Ливонскаго; есть разницы и въ числѣ убитыхъ; все это заставляетъ предполагать, что составитель Псковской II-й лѣтописи пользовался особымъ спискомъ Псковскихъ лѣтописей, а не тѣмъ, который находился въ рукахъ составителя такъ-называемой I-й Псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 20 и 21).

²⁾ Въ Псковской II-й лѣтописи подъ 6917 г. не находится извѣстія о смерти Данила Александровича; извѣстіе о неудачной стычкѣ Псковичей съ Нѣмцами и мирѣ съ Витовтомъ неправильно помѣщено подъ 6918 г., послѣ извѣстія о прибытіи въ Псковъ новаго князя Александра Феодоровича Ростовскаго; лица, отправленные послами къ Витовту, во II-й Псковской лѣтописи названы другія, чѣмъ въ I-й: опять доказательство существованія въ рукахъ составителя II-й Псковской лѣтописи особыхъ источниковъ (П. С. Р. Л. V, 21).

³⁾ Во II-й Псковск. лѣт. (П. С. Р. Л. V, 21—23) извѣстія за эти годы описаны полнѣе; значитъ, составитель имѣлъ подъ руками другой источникъ.

одною и тою же событію. Главная и существенная часть извѣстій за эти годы—это описаніе борьбы Псковичей съ Витовтомъ; описаніе составлено современникомъ, какъ это видно по точности хронологическихъ данныхъ: 1-го августа въ четвергъ Витовтъ подошелъ къ Опочкѣ, 5-го августа въ понедѣльникъ сталъ подъ Вороначемъ; перемиріе заключено 25-го августа въ день недѣльный; рѣчь Вороначанъ къ Псковичамъ о помощи напоминаетъ современника: „Господа Псковичи!“ говорили Воропачане, — „помогите намъ и гадайте о насъ; намъ нынѣ притужно вели!“ Такъ могъ записать только современникъ; современникъ слышится и въ выраженіи относительно убитыхъ Татаръ и Литвы: „а числа ихъ не вѣмъ“¹⁾.

Извѣстія за 6935 и 6936 гг. тоже по большей части сопровождаются числовыми данными²⁾. Извѣстія съ 6937 по 6944 г. заключаютъ въ себѣ много такихъ свѣдѣній, которыя несомнѣнно записаны современникомъ; подъ 6939 г. въ разказѣ о постройкѣ города Гдова соединены два извѣстія въ одно—о началѣ постройки и объ окончаніи ея; извѣстіе это записано такъ: „того же лѣта, на весну, наяша Псковичи 300 мужей, а заложиха городъ новъ (на рѣкѣ: Пск. II-я л.) на Гдовѣ (на 5 недѣли по Велицѣ дни: Пск. II-я л.) на берегѣ, камену стѣну, князь Дмитрій Александровичъ (Пск. II-я: Александръ Ростов-

¹⁾ Въ такъ-называемой Псковск. II-й лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 25 и 26) извѣстія о нападеніи Витовта на Псковскую область носятъ на себѣ печать современности. Описывая бурю, авторъ замѣчаетъ: «яко мнѣти уже вѣсмъ отъ дождя потопленнымъ быти» (V, 25.); но въ то же время это извѣстіе составлено изъ двухъ записей: одна запись, вѣроятно, содержала въ себѣ разказъ о нападеніи Витовта на Опочку и Вороначъ и о посольствѣ Псковичей къ Витовту, а другая—о пораженіи Псковичей подъ Котельномъ; сшивка видна въ слѣдующемъ: началъ говорить о посольствѣ Псковичей къ Витовту, составитель замѣчаетъ: «еще же и о семъ повѣмъ» и передаетъ извѣстіе о нападеніи Литвы на Псковичей подъ Котельномъ, и затѣмъ замѣтивъ: «мы же сіа оставльше на предняа возвратимся», возвращается опять къ прерванному разказу о посольствѣ. Въ Псковской I-й лѣтописи этой сшивки не находится, хотя составитель имѣлъ подъ руками обѣ записи. Въ Воскр. лѣтописи (П. С. Р. Л. VII, 93, 94) извѣстіе о нападеніи Витовта на Опочку и Вороначъ отличается баснословнымъ характеромъ и очевидно позднѣйшаго происхожденія.

²⁾ Извѣстіе о нападеніи Витовта на Новгородъ разказано подробно во II-й Пск. лѣтописи; въ ней говорится, что Новгородцы обратились за помощію къ Псковичамъ, но отъ нихъ получили слѣдующій отвѣтъ: «какъ вы намъ не поможете, тако и мы вамъ не поможемъ» (П. С. Р. Л. V, 26). Новгородцы по миру должны были Витовту заплатить 15 т. руб.; по Воскр. лѣтописи окупу заплачено 8½ т., да архіепископъ далъ 2 т. Въ Воскр. (XIII, 94) разказъ о пущеномъ мастерѣ.

скій¹⁾, Якимъ Посадникъ и вси посадники Псковскіе (во II-й Псковской лѣтописи упоминаются еще посадники Феодосій Теофиловичъ и Стефанъ); а земцы Бережскии даху Пскову триста рублевъ въ камену стѣну; а одного лѣта доспѣша съ пристуа, а по нымъ сторонамъ и деревяну стѣну, а кончаша мѣсяца ноября въ 1 день" (П. С. Р. Л. IV, 206). Словъ: „а одного лѣта"... и до конца въ Псковской II-й лѣтописи нѣтъ. По всей вѣроятности, о горѣ дѣ Гдовѣ существовало двѣ записи: одна, вошедшая въ оба свода Псковскихъ лѣтописей,—о заложениі города, другая—объ окончаніи постройки. Составитель позднѣйшаго свода, найдя обѣ записи, слилъ ихъ вмѣстѣ; такимъ образомъ случилось, что въ Псковской I-й лѣтописи, начинающей свое лѣтосчисленіе съ сентября, начало и окончаніе постройки отнесены къ одному году, чего не могло бы быть, если бы позднѣйшій составитель размѣстилъ ихъ правильно; такое же соединеніе извѣстій находится и въ извѣстіи о поѣздкѣ Русскихъ князей Василья Васильевича и Юрія Дмитріевича въ орду; первый отправился 15-го августа, а второй 14-го сентября на Воздвиженіе (по Воскр. лѣтописи 8-го сентября). Это извѣстіе записано, конечно, по слуху; и лѣтописецъ записалъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ услышалъ. Въ извѣстіи о числѣ лѣтъ архіепископства Евфимія тоже допущена ошибка: „а бывъ сказано: въ владичествѣ 9 лѣтъ"; въ Новгородской I-й лѣтописи сказано: „былъ владыкою 5 лѣтъ и 5 недѣль, а чернцемъ на сѣвѣхъ былъ годъ и двѣ недѣли" (стр. 110). По всей вѣроятности, извѣстіе о смерти Евфимія записано другимъ лицомъ, а не тѣмъ, который записалъ о его поставленіи,—иначе какъ онъ могъ бы допустить подобную ошибку? Кажется, лѣтопись перешла въ другія руки съ 6937 года.

За описываемые годы много извѣстій, касающихся Литвы и записанныхъ, конечно, по слуху.

Разсматривая содержаніе Псковскихъ лѣтописей за 6945—6964 гг., мы видимъ, что въ нихъ есть много извѣстій духовнаго содержанія: таковы извѣстія подъ 6946, 6958 и 6961 гг. о пріѣздѣ во Псковъ митрополита Исидора и архіепископа Новгородскаго Евфимія; эти извѣстія могли быть записаны духовнымъ лицомъ; нѣкоторые извѣстія дополнены позднѣйшимъ составителемъ сборника; такъ о плѣненныхъ Шведскимъ королемъ сказано: „и быша тамо въ полону

¹⁾ Дмитрій Александровичъ былъ сынъ Александра Ростоваго, Псковскаго князя.

болѣ года" (П. С. Р. Л. IV, 212), эти слова, очевидно, прибавлены послѣ. Большинство извѣстій записано современникомъ; такъ о пожарѣ 6959 г. читаемъ: „посла Богъ казнь за умноженіе грѣхъ нашихъ: погорѣ весь градъ Псковъ, мѣсяца октября 22... загорѣся отъ кутня костра отъ Борковѣ лавицы отъ Хитрѣ отъ Кожевника“. Кѣмъ, какъ не современникомъ, могло быть это замѣчено? Или какая подробность въ описаніи пожара 6962 г. 14-го декабря: „загорѣся отъ Воловиѣ лавицы отъ Прокофьева двора, владычня памѣстника, и погорѣ 4 части града, и милостію снятыя Троица переметаша отъ Плоскихъ воротъ къ Святому Спасу по старой стѣнѣ къ костру, а отъ Старого костра переметаша ко Враговѣ улицы да ко Глухому костру“ (ib. 215). Обиліе цифровыхъ данныхъ, перечисленіе лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи мирнаго договора Псковичей съ Нѣмцами, также говоритъ въ пользу современности записей за эти годы. Можетъ быть, эти извѣстія записаны однимъ лицомъ; всѣ они отличаются простотой и краткостью; даже отношенія къ Нѣмцамъ описаны кратко; драматической формы изложенія почти не встрѣчается ¹⁾.

Дальнѣйшее содержаніе Псковскихъ лѣтописей съ 6964 по 6972 годъ отличается такою же обстоятельностью и точностію, которая прилична только современнику и очевидцу. Не упоминаемая о безчисленномъ множествѣ числовыхъ данныхъ, замѣтимъ, что въ Псковской I-й лѣтописи часто встрѣчается драматическая форма изложенія; вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ новгородскій посолъ, подвойскій Іосифъ, къ Псковичамъ при нападеніи на Новгородъ Ивана Васильевича: „Братья наша молодшая, мужи Псковичи, братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется; чтобы есте намъ помогли противу великаго князя, а крестное бы есте цѣлованіе правили“ (стр. 216). Развѣ эти слова не отзываются современностію? (Въ позднѣйшей редакціи Псковской лѣтописи этихъ словъ нѣтъ и все извѣстіе сокращено: (П. С. Р. Л. V, 32). Подъ 6967 г. находится извѣстіе о томъ, что Псковичи поухали на Озолицу, гдѣ и поставили церковь во имя св. архистратига Михаила; на это мѣсто Нѣмцы сдѣлали нападеніе, о которомъ лѣтописецъ повѣствуетъ такъ: „того же лѣта, въ великій

¹⁾ Такъ-называемая Псковск. II-я лѣтопись передаетъ тѣ же событія, но только въ сокращенномъ видѣ; некоторыя событія пропущены; но подъ 6955 годомъ есть извѣстіе, не находящееся въ Пск. I-й лѣтописи—о заключеніи мира между Псковичами и Новгородцами (П. С. Р. Л. V, 30 и 31). Очевидно, впрочемъ, что составитель Псковск. II-й лѣтописи пользовался тѣмъ же источникомъ, который вошелъ въ составъ Пск. I-й лѣтописи.

пость, они поганья латиня изгонивше изгоною и не вѣруя въ крестное дѣлованіе на то обидное мѣсто, на Озолицу, на землю Святыя Троица, и церковь святаго Михаила созгоша и 9 человекъ" (стр. 218). Очевидно, это извѣстіе принадлежитъ тому же, кто записалъ и первое извѣстіе объ Озолицѣ¹⁾; выраженіе негодованія вслѣдствіе притязаній Нѣмцевъ на это мѣсто, проскальзываетъ ярко. Враждебный тонъ видѣнъ и далѣе. Кому, какъ не современнику, могло быть интересно, что громомъ въ томъ же году убило попомаря въ церкви? Современность записи видна въ извѣстіи о сраженіи Псковичей съ Нѣмцами на Колпинской рѣкѣ. Нѣмцы пришли на новый городокъ 21-го марта въ понедѣльникъ, 27-го марта въ недѣлю въ 1-й часъ дня за недѣлю до вербицы сожгли Островцы да Полъшье; а Псковичи,—замѣчено лѣтописцемъ:— „болялися большей силѣ нѣмецкой и не ударишася на нихъ". Это замѣчаніе тоже обличаетъ современника и даже участника въ походѣ. Псковичи, по приходѣ къ Колпинской рѣкѣ, „не стоя ни часу", ударили на Нѣмцевъ 31-го марта въ четвергъ на вербой недѣлѣ въ 1-й часъ дня. Нѣмцы устремились въ бѣгство; Псковичи съ побѣдой и безъ потери возвратились домой. По этому поводу лѣтописецъ замѣчаетъ: „Давно бо се, братіе, чюдо и дива исполнено и достойно памяти: коль велицѣ и страшнѣ сущи браии, ни одинъ человекъ псковской рати не паде, и не далече двѣма путми, но и мость лежитъ трупіа нѣмецкаго; куда бѣгли Нѣмцы" (ib. 223). На помощь Псковичамъ пришла Москвитиня, и направилась къ нѣмецкому городку; „и выѣхаша изъ городка 3 Нѣмчина и хотѣша ѣхати съ вѣстью къ Юрьеву, и наши погнаша за ними, и надгнавъ Москвитинѣ удари по главѣ Нѣмчина саблею, и ту его поймаше рукама жива, а два убѣжаша" (стр. 224). Кому этотъ эпизодъ могъ быть извѣстенъ, какъ не очевидцу?²⁾

Съ 6974 по 6980 г. часто попадаются извѣстія церковнаго характера. Сказавъ о томъ, что архіепископъ Іона давалъ позволеніе вдовымъ священникамъ и діаконамъ совершать богослуженіе, лѣтописецъ затѣчаетъ: „То паки вѣдаетъ Богъ. Да и се написахомъ, елика слышавше и видѣвше; аще се кому и не на потребу будетъ,

¹⁾ Нужно замѣтить, что извѣстія о нападеніи Нѣмцевъ на Озолицу великаимъ постомъ и о пожарѣ во Псковѣ 22-го января должны быть отнесены къ слѣдующему году, какъ это сдѣлано въ Пск. II-й лѣтописи (II. С. Р. Л. V, 32).

²⁾ Въ Псковск. II-й лѣтописи всѣ эти извѣстія взяты изъ одного источника съ Псковск. I-ю лѣтописью но только въ сокращенномъ видѣ; драматическая форма рѣчи во многихъ мѣстахъ уничтожена (II. С. Р. Л. V, 31—35).

но елико ихъ любезно почитаютъ древняя лѣтописца¹⁾ (стр. 234). Заговоривъ корыстолюбіи архіепископа, составитель не преминулъ вставить извѣстіе о смерти его, хотя смерть Іоны показана подъ слѣдующимъ годомъ правильно. Часто авторъ указываетъ на себя въ первомъ лицѣ. Такъ, сказавъ о недостойномъ поведеніи лицъ, отрицающихъ достояніе у св. церкви, авторъ замѣчаетъ: „сія убо написахъ не отъ своего произволенія, ни яже мой худый умъ достиже, на память послѣднему роду, но по святыхъ отецъ правилѣхъ, отъ заповѣдей исправленія, яже мы въ дни и въ пощи своимъ очима увидѣхомъ“ (ib. 239). Извѣстіе о походѣ Іоанна Васильевича на Новгородъ составлено очевидцемъ; такъ, описавъ одну битву Псковичей съ Новгородцами, лѣтописецъ замѣчаетъ: „только на томъ трупѣ еще ухватиша Новгородца въ досиѣхъ и на кони“ (стр. 241). Кого это могло интересовать какъ не человѣка, бывшаго на полѣ битвы? Сказавъ, что Псковичи стали по полонищу ставить новую стѣну, лѣтописецъ прибавляетъ, „которая была въ пожаръ выгорѣла“. Эта прибавка указываетъ, что пожаръ былъ фактъ, общеизвѣстный всѣмъ и современный (П. С. Р. Л. IV, 238, 240)²⁾. Окапчивается извѣстіе о походѣ на Новгородъ словами: „сія убо написана бысть отъ многаго мало, дабы незабвено было и во иныя роды“.

Событія за 6974—6980 годы, вѣроятно, описаны однимъ лицомъ: одинъ преобладающій тонъ поучительный; вездѣ авторъ видитъ несоотвѣтствіе дѣйствительности слову Божію и писанію св. отецъ. По видимому, авторъ человѣкъ ученый: онъ часто вставляетъ не только изреченія изъ Св. Писанія и твореній св. отецъ, но также цитуетъ мудреца Филона. По многочисленнымъ выпискамъ изъ Св. Писанія можно предположить, что авторъ былъ лицо духовное³⁾.

¹⁾ Г. Костомаровъ, на основаніи словъ: «елико ихъ любезно почитаютъ древняя лѣтописца» предположить, что тутъ «намекъ на существованіе издревле лѣтописи». (Лекціи по русск. исторіи, 75). Но подъ древнимъ лѣтописцемъ здѣсь, очевидно, разумѣетъ себя тотъ, кто написалъ о дозволеніи архіепископа за деньги вдовымъ священникамъ и діаконамъ совершать службу.

²⁾ Запись о наказаніи измѣнниковъ Івана Подкурскаго и Івана Торготы, подвѣдшихъ въ 6977 г. Нѣмцевъ на Псковскія владѣнія, сдѣлана, вѣроятно, въ два приема; въ первый записано о нападеніи Нѣмцевъ, а во второй, о казни измѣнниковъ, послѣдовавшей почти полтора года спустя («къ полтора году полно ушло»: П. С. Р. Л. IV, 233); запись сдѣлана современникомъ.

³⁾ Въ Псковской второй лѣтописи извѣстіе о походѣ Івана Васильевича на Новгородъ кратко; не есть нѣкоторыя важныя подробности; такъ, напримѣръ, Новгородцы прислали своего подвойскаго во Псковъ «не съ поклономъ, ни съ

Извѣстія отъ 6980—6985 г. записаны современникомъ: большинство ихъ свѣтскаго содержанія; духовныхъ извѣстій почти совсѣмъ нѣтъ; по большей части извѣстія касаются отношеній Пскова къ великому князю; иногда описаны по слуху; говоря о пополохѣ, бывшемъ въ Новгородѣ во время пребыванія тамъ великаго князя, лѣтописецъ замѣчаетъ: „и въ ту же ночь видѣша и слышаша мнози вѣрви“ (ib. 251); нѣкоторыя извѣстія записаны очевидцемъ: таково извѣстіе о затмѣніи, записанное подъ 6984 г.: „въ 2 часть дни, всходящу солнцу и людямъ снимающимся на торжищехъ и по всему граду, и внезапно нача наступати мракъ и бысть тма мало не часъ, яко и другъ друга невидѣти по торжищемъ и по всему граду“. Говоря о числѣ войскъ, пришедшихъ изъ Москвы на помощь противъ Нѣмцевъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „бѣ бо множество ихъ видѣти“ (ib. 248). Современникъ сообщилъ и о проѣздѣ Софіи Палеологъ чрезъ Псковъ въ Москву, при чемъ Псковичь-лѣтописецъ впадаетъ Софійѣ такую же непамять къ Нѣмцамъ, каковую чувствовали къ нимъ сами Псковичи; такъ царевна спѣшитъ выѣхать изъ Нѣмецкой земли, по объясненію лѣтописца, потому что „бѣ бо тамъ мало, нѣтъ тоя чести, яко же здѣ“; „бѣ бо ей еще се, хочеть отъ Нѣмцевъ отъѣхати“ (П. С. Р. Л. IV, 245); современникъ видѣнъ и въ выраженіи: „то вѣдаетъ Богъ, какъ се еще будетъ“ (ib. 255) по поводу жалобы на Псковичей Ярослава предъ Московскимъ княземъ (ib. 252). Князь Ярославъ уѣхалъ изъ Пскова, прокняживъ тамъ 4 года и 4 дня, что совершенно вѣрно; слѣдовательно, извѣстіе о пріѣздѣ князя во Псковъ 1^о-го февраля 6981 года и объ отъѣздѣ его 23-го февраля 6985 г. принадлежитъ перу одного лица ¹⁾). Подъ 6986 г., кромѣ другихъ извѣстій, находится обстоятельное извѣстіе о взятіи Иваномъ Васильевичемъ Новгорода, записанное, очевидно, современникомъ, какъ это видно

челобитьемъ, ни съ моленіемъ, но съ гордынею глаголю: врезаются ли пособити намъ противу вѣчнаго князя?»; плѣнныи Москвичи «не милостиво казнимше, сѣкирою отсѣюша имъ главы, къ колодѣ прикладая» (V, 35, 36). Очевидно, что это извѣстіе взято изъ другаго источника; изъ него составитель I-й Псковской лѣтописи взялъ извѣстіе о сраженіи при Шелонѣ (стр. 241).

¹⁾ Въ Псковской II-й лѣтописи извѣстія переданы не всѣ, да и то весьма кратко. Есть, впрочемъ, одно любопытное извѣстіе о причинѣ возстанія Псковичей противъ князя Ярослава: повезъ Псковитинъ капусту мимо княжескаго двора; княжескій шестникъ взялъ насильно одинъ кочанъ и далъ княжескому барану, и вотъ изъ-за этого несчастнаго кочана и произошло кровопролитіе у Псковичей съ княжескими людьми; между убитыми былъ и княжескій поваръ Курва (П. С. Р. Л. V, 37).

по обилію цифровыхъ данныхъ. Лѣтопись, такъ-сказать, шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми фазами этого факта; строго обозначаетъ, когда, кто и съ какимъ порученіемъ пріѣзжалъ или отъѣзжалъ изъ Пскова; когда и подъ чьимъ предводительствомъ Псковичи вышли на помощь великому князю; когда пришли подъ Новгородъ; гдѣ остановились лагеремъ, и проч. По всей вѣроятности, извѣстіе о взятіи Новгорода вошло въ редакцію I-й Псковской лѣтописи изъ разныхъ источниковъ; изъ одного источника взято извѣстіе о помощи Псковичей великому князю при взятіи Новгорода; оно оканчивается извѣстіемъ о посылкѣ Псковичей къ великому князю съ жалобой на княжескихъ намѣстниковъ; эта часть разказа отдѣляется отъ другой словами: „до здѣ же убо вся кончашася Пскову о Новгородской войнѣ“ (стр. 261), принадлежащими, очевидно, позднѣйшему составителю. Въ такъ-называемыхъ Академическомъ, Карамзинскомъ и Свѣгиревскомъ спискахъ Псковской лѣтописи описаніе осады Новгорода взято изъ другого источника; можетъ быть, это важное въ исторіи Московскаго княжества событіе было предметомъ особаго сказанія; по крайней мѣрѣ, предъ этимъ извѣстіемъ въ такъ-называемомъ Академическомъ списокѣ стоитъ въ видѣ заглавія: „Взятіе Новгородское отъ великаго князя Іоанна Васильевича“ (стр. 257); такое же заглавіе находится и въ такъ-называемой II-й Псковской лѣтописи. Разница между сказаніемъ, помѣщеннымъ въ Архивскомъ списокѣ, и послѣдними заключается въ слѣдующемъ: Василій Дятлевъ, гонецъ великаго князя, по извѣстію, сохранившемуся въ Академическомъ списокѣ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ, по другимъ спискамъ—послѣ; по Академическому списку, Псковичи послали 7 посадниковъ, по другимъ—5; вмѣсто названнаго въ Академическомъ списокѣ посадника Стефана Максимовича, въ другихъ спискахъ названъ Василій Логиновичъ; Филиппъ Андреевичъ и Андрей Ивановичъ пропущены; числовыя показанія тоже не согласуются между собою; ничего не сказано въ Архивскомъ списокѣ о многократныхъ посольствахъ епископа Теофила. Сказаніе, вошедшее въ Карамзинскій, Академическій и Свѣгиревскій списки, вѣроятно, составлено Новгородцемъ; такъ, о мѣстѣ стоянки Псковской силы сказано, что она стояла „на Веражи рѣки въ монастырѣ во святой Троицы на Клопскѣ и по нашимъ мѣстамъ среди своей силѣ“ (ib., 258). Заканчивается сказаніе такъ: „иное бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы“ (ib., 259). Составитель такъ-называемаго Архивскаго списка пользовался нѣкоторыми извѣстіями, вошедшими въ Академи-

ческой, Карамзинскій и Снѣгиревскій списки; таково, напримѣръ, извѣстіе о нападеніи Московской силы на Рюгодивъ, Ямы и другія нѣмецкія земли, буквально сходное во всѣхъ спискахъ (ib., 257, 261). Изъ одного общаго для всѣхъ составителей источника взяты извѣстія о смерти Псковскаго посадника Алексѣя Васильевича, о громѣ и молніи во Псковѣ 26-го декабря, о морѣ въ Новгородѣ, о смерти князя Ивана Стриги, и объ отношеніяхъ Псковичей къ Нѣмцамъ (стр. 259, 261, 262). Такимъ образомъ, извѣстія подъ 6986 г. состоятъ изъ сказанія о взятіи Новгорода—полной редакціи въ Архивскомъ спискѣ, и краткой—въ Академическомъ, Карамзинскомъ и Снѣгиревскомъ спискахъ и такъ-называемой Псковской II-й лѣтописи,—и мелкихъ замѣтокъ, взятыхъ всѣми повдѣйшими составителями изъ одного общаго источника ¹⁾).

Дальнѣйшія извѣстія, помѣщенные въ Псковскихъ I-й и II-й лѣтописяхъ отъ 6987 по 6990 г., записаны современникомъ и очевидцемъ, при чемъ извѣстія о пріѣздѣ великаго князя въ Новгородъ, посольствѣ туда Псковичей и нападеніи Нѣмцевъ на Вышгородъ тою и другою лѣтописью взяты изъ одного источника ²⁾. Но затѣмъ

---

¹⁾ Такъ-называемая Псковская II-я лѣтопись передаетъ объ осадѣ Новгорода нѣкоторыя подробности, не найденныя въ Архивскомъ спискѣ I-й Псковской лѣтописи. Новгородцы въ эту войну страдали больше, чѣмъ въ первую: тогда многіе скрывались въ лѣсахъ, а въ эту войну скрывались въ лѣсахъ было не возможно, и многіе умирали отъ голода и холода; говорится о посольствахъ архіепископа Феодила; объ этомъ, впрочемъ, упоминается и въ Карамзинскомъ, Академическомъ и Снѣгиревскомъ спискахъ (IV, 258, 2-й столб.). Извѣстіе, помѣщенное во II-й Пск. лѣтописи, писано по слухамъ «Се же написахъ отъ многа мало бывшія пагубы Великому Новгороду, елико слышахъ и елико ми умъ постиже» (П. С. Р. Л. V, 37, 38). Можетъ быть, авторъ сказанія, помѣщеннаго во II-й Псковск. лѣтописи, пользовался сказаніемъ, вошедшимъ въ Академическій, Карамзинскій и Снѣгиревскій списки; на это указываетъ буквальное сходство конца сказанія, помѣщеннаго въ послѣднихъ спискахъ, со сказаніемъ, вошедшимъ во II-ю Псковск. лѣтопись (ср. П. С. Р. Л. IV, 258 стр., 2-й столб., П. С. Р. Л. V, 38).

²⁾ Только въ Псковской II-й лѣтописи сокращено извѣстіе о нападеніи Нѣмцевъ на Вышгородъ; ничего не сказано о походѣ Псковичей для освобожденія города отъ Нѣмцевъ; дальнѣйшія извѣстія о безуспѣшномъ нападеніи Нѣмцевъ на Гдовъ и о походѣ Псковичей съ Москвичами въ нѣмецкую землю взяты въ общихъ редакціяхъ ихъ изъ одного источника, при чемъ составитель II-й Пск. лѣтописи сокращалъ извѣстія; на общій источникъ указываютъ многія выраженія, почти буквально сходныя, напримѣръ: «и быше тогда во градѣ Псковѣ князь невоѣскъ и грубыи, токмо прилежаше многому писанію и грабленію, (а оградѣ не внимаше нимало

дальнѣйшія извѣстія за этотъ годъ о враждебныхъ столкновѣніяхъ съ Нѣмцами вошли изъ различныхъ источниковъ. Въ I-й Псковской лѣтописи разказъ о нападеніи Нѣмцевъ на Изборскъ, о битвѣ сторожевыхъ полковъ нѣмецкаго и псковскаго на льду озера и неожиданномъ нападеніи на Кобылій городъ въ мартѣ мѣсяцѣ помѣщенъ со словъ очевидца: „а во Псковѣ видѣтъ дымъ и огонь“ (ib., 263); о числѣ плѣнныхъ, вятыхъ Нѣмцами при Кобыльемъ городѣ, замѣчено: „а друзи сказуютъ 4000 безъ 15 душъ“¹⁾ (стр. 264). Остальныя извѣстія за этотъ и послѣдующій годъ въ Псковской I-й лѣтописи записаны современникомъ; во II-й Псковской лѣтописи извѣстія за эти годы и до конца лѣтописи принадлежатъ современнику и очевидцу, какъ это видно изъ многихъ выраженій: „яко мнѣти ми“, „бѣ видѣти“, „отъ нихже единого помяну Филипа посадника Пувьчнова“, „мню яко десяти тысящъ“ и проч.

6989 годомъ заканчиваются подробныя извѣстія въ Псковской I-й лѣтописи; дальнѣйшія извѣстія до паденія Пскова состоятъ изъ краткихъ погодныхъ замѣтокъ, при чемъ списки Карамзинскій, Академическій и Снѣгиревскій отступаютъ отъ прочихъ списковъ и передаютъ болѣе извѣстій и подробнѣе²⁾. Источники у составителя такъ-называемаго Архивскаго IV списка и у составителей списковъ Карамзинскаго, Академическаго и Снѣгиревскаго были по большей части не одни и тѣ же, что доказывается ихъ различіемъ. Иногда, впрочемъ, и составитель Арх. IV (Аа) списка пользуется тѣми же источниками, изъ которыхъ извѣстія вошли въ списки Карамзинскій, Академическій и Снѣгиревскій; такъ напримѣръ, извѣстіе подъ 7001 г. о знамѣніи въ солнцѣ записано въ Арх. IV (Аа) списокъ два раза, при чемъ во второй разъ такъ же, какъ оно записано въ Академическомъ, Карамзинскомъ и Снѣгиревскомъ (ib., 268); точно также изъ одного

Пск. II лѣт.) и много всей земли (Пскову: Пск. II лѣтопись) грубости учини.“ (П. С. Р. Л. IV, 263, 264, V 39); числовыя показанія тоже сходны.

¹⁾ Извѣстіе, помѣщенное во II Псковской лѣтописи, записано тоже современникомъ, но съ гораздо большими подробностями: Нѣмцы не доходили до Пскова только 10 верстъ; Псковичей побито 300; на Кобылій городокъ нападеніе сдѣлано 4-го марта «въ вечерѣ въ четверкъ къ пятку, а святающу пятку»; съ большими подробностями разказано объ осадѣ Кобыльаго городка; названъ его посадникъ.

²⁾ Съ этого же года Псковскія извѣстія вошли изъ списковъ Карамзинскаго, Академическаго и Снѣгиревскаго въ Сое. I лѣтопись (П. С. Р. Л. VI, 22—25); впрочемъ, нѣкоторыя извѣстія пропущены, а другія сокращены.

источника взяты извѣстія о дороговизнѣ хлѣба въ 7007 году (ib., 271); о битвѣ Псковичей съ Шѣмцами на рѣкѣ Серицѣ въ 7009 г. (273 1-й столб., 274 2-й столб.). Извѣстія за эти годы писаны современникомъ; сообщаются числовыя данныя, упоминаются имена и такія подробности, которыя могли быть извѣстны однимъ современникамъ, какъ напримѣръ, подъ 7008 г. сообщается о пожарѣ 6-го октября: „а загорѣлося какъ заутреню поютъ въ день нѣдельный... а загорѣлося отъ вдовицы отъ попомарихи“ (стр. 272).

О взятіи Пскова въ Псковской лѣтописи на ряду съ лѣтописнымъ извѣстіемъ помѣщена отдѣльная повѣсть (П. Р. С. Л. IV, 283—283), предъ которою находится въ видѣ предисловія изложеніе отношеній великаго князя къ Псковской общинѣ. Это предисловіе въ Псковской лѣтописи отлично отъ помѣщеннаго предъ повѣстію, вошедшею въ составъ Софійской I-й лѣтописи (П. Р. С. Л. VI, 25). Въ предисловіи, вошедшемъ въ Псковскую лѣтопись, сказано, что князь Московскій, уничтоживъ Суздальскій и Тверской удѣлы, подчинивъ себѣ Новгородъ, все-таки боялся идти войной на Псковъ, такъ какъ городъ былъ укрѣпленъ сильными стѣнами; боялся онъ и того, какъ бы Псковичи не поддались Литвѣ; поэтому князь хитрилъ съ ними. По ихъ просьбѣ посылалъ имъ князей, а иногда давалъ намѣстниковъ противъ ихъ желанія; эти намѣстники жестоко и несправедливо обращались съ Псковичами, на что послѣдніе жаловались великому князю. Въ Софійской I-й лѣтописи больше всего говорится о свирѣпости княжескаго намѣстника Репни Оболенскаго и о посольствѣ Псковичей съ жалобами на него въ Москву; приводится отвѣтъ князя Псковскимъ посламъ. Самая повѣсть въ Софійской лѣтописи сокращена противъ той, которая вошла въ Псковскую лѣтопись, именно сокращенно разказано о посольствѣ Псковичей въ Великій Новгородъ къ великому князю; все остальное почти буквально сходно ¹⁾).

И такъ, подробно разсмотрѣвъ извѣстія первой Псковской лѣтописи до паденія независимости Пскова, мы видимъ, что лѣтопись эта—строго мѣстная: въ ней нѣтъ постороннихъ извѣстій; а если и есть извѣстія, касающіяся Литвы, Москвы и Новгорода, то все же они псковскаго происхожденія и записаны псковскимъ лѣтописцемъ по слуху; да и такихъ извѣстій весьма мало. Потому мы можемъ утвер-

¹⁾ П. Р. С. Л. VI, 25—27. Въ Сое. II (VI, 250, 251) и Воскр. (VIII, 251) извѣстіе о взятіи Пскова буквально сходно въ обоихъ сводахъ; извѣстіе краткое.

дительно сказать, что всѣ эти извѣстія принадлежатъ перу современника, слѣдовательно, по достовѣрности самыя точныя. Но взглянувъ ближе въ содержаніе псковскаго лѣтописнаго свода, мы не можемъ не замѣтить, что не всѣ извѣстія отличаются одинаковою подробностію: есть, на примѣръ, извѣстія весьма краткія по своему содержанію; таковы по преимуществу извѣстія, касающіяся постройки церквей, нѣкоторыхъ физическихъ явленій и проч. Но есть и извѣстія весьма подробныя, отличающіяся большимъ обиліемъ фактовъ и замѣтательною точностію; къ числу таковыхъ принадлежатъ всѣ извѣстія, касающіяся отношеній Пскова къ Лявонскимъ Нѣмцамъ. Извѣстія о войнахъ Пскова съ Нѣмцами, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ такъ обширны, обстоятельны, что можно предположить, что каждое изъ этихъ событій описывалось какъ будто особымъ лицомъ, специально поставленнымъ для этой цѣли; всѣ эти извѣстія имѣютъ характеръ реляцій или отчетовъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Извѣстія о столкновеніяхъ Нѣмцевъ со Псковомъ—не преувеличивая можно сказать—даютъ характеръ и главное содержаніе цѣлому лѣтописному своду; гдѣ нѣтъ такихъ извѣстій, тамъ лѣтописный сводъ бѣденъ содержаніемъ, скученъ, безжизненъ и однообразенъ; таковы извѣстія, помѣщенные подъ 6792—6831, 6836—6849, 6862—6876, 6878—6914, 6919—6929 гг., гдѣ только и можно встрѣтить самыя стереотипныя, избитыя фразы въ родѣ слѣдующихъ: „заложина Псковичи перши у кромѣ, стѣну каменную“ (стр. 194); „поставина за стѣпою церковь каменную святыи Феодоръ“ (стр. 193); „сего же лѣта (6885) Василей на Горкѣ подписася“ (стр. 193); изложеніе самое безцвѣтное, да и содержаніе по преимуществу вертится около постройки церквей и городскихъ стѣнъ, около физическихъ бѣдствій, описаній погоды и проч. Но какъ только попадается извѣстіе о столкновеніяхъ Псковичей съ Нѣмцами, тонъ лѣтописца совершенно измѣняется: онъ дѣлается краснорѣчивѣе, враждебное чувство лѣтописца тотчасъ вырывается наружу, всѣ притязанія Нѣмцевъ выставляются несправедливыми, а самыя Нѣмцы—надменными, гордыми: „безбожная латыня“ падаетъ на псковскія владѣнія; „загордѣвшеся, въ силѣ тяжцѣ, безъ Бога, хотяще плѣнити домъ Святныя Троица“ (стр. 184, 188); Псковичи спасаются отъ нихъ только „помощью святныя Троица и молитвою князя Всеволода и Тимофея“ (стр. 184). Отнять эти извѣстія изъ состава Псковской лѣтописи,—и она превратится въ сухой перечень построекъ, пожаровъ, неурожаевъ, морозовъ и другихъ бѣдствій, постигавшихъ страну. Особый тошъ этихъ извѣстій, особенная подробность застав-

льзя предположить, что Псковичи, сознавая свое историческое призваніе—быть оплотомъ для Россіи противъ Нѣмцевъ, уже давно описывали столкновенія съ ними; эти записи, по всей вѣроятности, велись отдѣльно и только впоследствии внесены въ общій сводъ Псковскихъ лѣтописей. На слѣды подобныхъ записей мы уже указывали выше при разборѣ извѣстій 6831, 6876 и 6877 гг.; однако эти записи бросаются въ глаза только потому, что онѣ слишкомъ отличаются отъ тѣхъ извѣстій, среди которыхъ вставлены; но и всѣ другія извѣстія объ отношеніяхъ Пскова къ Нѣмцамъ взяты изъ тѣхъ же отдѣльныхъ записокъ; гдѣ такихъ записокъ не сохранилось, тамъ Псковская лѣтопись страдаетъ безжизненностью и безцвѣтностью; значитъ, для древняго Пскова отношеніе къ Нѣмцамъ было жизненнымъ нервомъ, и всѣ князья и посадники Псковскіе цѣнятся на столько, на сколько они боронили Псковскую отчину отъ этой „безбожной латыни“. Кромѣ того, въ эти записки включались не только извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, но также и о договорныхъ условіяхъ, о лицахъ, заключавшихъ договоры, и проч. (стр. 214, 225). И такъ, одна составная и самая главная часть Псковской первой лѣтописи—это записи объ отношеніяхъ Пскова къ Нѣмцамъ.

Остальныя извѣстія I-й Псковской лѣтописи, относящіяся къ проявленіямъ общественной жизни въ сферѣ церковныхъ и свѣтскихъ интересовъ, занесены въ сводъ, очевидно, изъ другаго источника; по характеру эти извѣстія отличаются краткостью, сухостью; они записывались отдѣльно и впоследствии позднѣйшимъ составителемъ были внесены въ общій сводъ ¹⁾).

Въ Псковской лѣтописи нигдѣ нѣтъ указанія на мѣсто, гдѣ велись лѣтописи. Г. Костомаровъ говоритъ: „Характеръ разказа Псковской лѣтописи указываетъ, что это были официальные записки

¹⁾ При этомъ размѣщеніи составители иногда помѣщали событія не на своемъ мѣстѣ; такъ мы уже указывали на событія подъ 6910 и 6911 гг. Подъ 6973 г. помѣщено извѣстіе о пожарѣ въ монастырѣ св. Ильи; пожаръ этотъ случился 16-го мая, въ понедѣльникъ, а въ 1465 году 16-е мая приходилось въ четвергъ. По всей вѣроятности, извѣстія о началѣ постройки Доминтовой стѣны, подъ 6971 г. (IV, 224), а также о пожарѣ и окончаніи постройки стѣны въ 6973 г., были записаны первоначально вѣстѣ; позднѣйшій составитель, размѣщая ихъ, вѣстѣ того, чтобы извѣстіе о пожарѣ помѣстить подъ однимъ годомъ съ извѣстіемъ о началѣ постройки стѣны, неправильно помѣстилъ его рядомъ съ извѣстіемъ объ окончаніи постройки.

которыя велись при главномъ центрѣ управления, вѣроятно, при Св. Троицѣ“¹⁾.

Псковскія лѣтописи, говоритъ г. Костомаровъ,—могутъ считаться въ числѣ лучшихъ указаній для исторіи народа, потому что, сосредоточиваясь на одной мѣстности, вводятъ насъ въ подробности внутренняго быта и движеній народной жизни. Вѣрно еще и то, что лѣтописцы ставятъ себя на такую точку зрѣнія, которая дѣлаетъ ихъ взглядъ не ихъ личнымъ, но цѣлой массы: это видно повсемѣстно; даже самыя событія выбираются и излагаются такъ, какъ излагались бы, еслибы побужденіемъ къ тому было впечатлѣніе, произведенное на массу, и требованіе общее записать ихъ, преимущественно то, что относится къ массѣ цѣлаго народа²⁾.

Изъ всѣхъ многообразныхъ отношеній, въ которыхъ Псковъ находился къ своимъ сосѣдямъ, послѣ Ливоніи самое первое мѣсто занимаютъ отношенія Пскова къ Новгороду. Псковъ былъ младшимъ братомъ Великаго Новгорода и въ началѣ находился въ зависимости отъ него; но уже въ первой четверти XIV вѣка выражается скорбь на Новгородъ за то, что онъ оставляетъ своего меньшаго брата безъ помощи противъ сильныхъ и опасныхъ враговъ Пскова, противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ; уже подъ 6831 г. встрѣчается выраженіе, сдѣлавшееся впоследствии стереотипною фразою; сказавъ о нападеніи Нѣмцевъ на Псковъ, лѣтописецъ прибавляетъ: а князь великій Юрьи и Новгородцы не помогоша (стр. 180). Псковичи обращаются съ просьбою къ Новгородцамъ, „чтобы дали Псковичамъ намѣстника и помощь; и Новгородцы не даша Псковичамъ намѣстника, ни помочи“ (стр. 186). Подобныя выраженія въ послѣдствіи служатъ постояннымъ припѣвомъ Псковскаго лѣтописца (стр. 197, 199, 200, 204 и 226). Разладъ съ Новгородомъ сильно печалитъ псковскихъ лѣтописцевъ; но за то сильна бываетъ и радость ихъ по поводу восстановленія мирныхъ отношеній между двумя братьями. Подъ 6942 годомъ записано: „Послаша Псковичи послы въ Великій Новгородъ миру имать, Селивестра посадника Леонтьевича и дружину его, и ѣхавше въ Новгородъ биша челомъ

¹⁾ Лекціи по русск. исторіи, 75. Можетъ быть, этимъ оофициальнымъ характеромъ Псковскихъ лѣтописей объясняется то, что въ нихъ вошло «посланіе Симона митрополита о попѣхъ» (стр. 277, 278), о которомъ замѣчено: «а сія грамота легла предъ посадники Псковскими и священники у лавицы августа въ 11 день». Это посланіе, конечно, имѣло чисто-оофициальный характеръ. «Посланіе игумена Панейла» вошло въ лѣтопись какъ адресованное Псковскому намѣстнику (стр. 278—287).

²⁾ Лекціи по русской исторіи, 76.

отцу владыкъ Великаго Новграда Еуоимью, и посадникомъ и тысяцкимъ, и всему Великому Новуграду: и помиловалъ Богъ, и Святая Софья, и владычне благословеніе, псковское челобитье приняли и взиша миръ по старинѣ“ (стр. 208). Псковичи свято блюдутъ свое крестное цѣлованіе къ Новгороду; когда въ 1456 г. на Новгородъ напалъ Московскій князь Василій Васильевичъ, то Новгородцы обратились съ слѣдующею просьбою къ Псковичамъ: „Братья наша молодшая, мужи Псковичи! Братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется, чтобы есте намъ помогли противу великаго князя, а крестное бы есте цѣлованіе правили“. „Псковичи“, говоритъ лѣтописецъ, — „взирая на Бога и на домъ Святыя Троицы и древнихъ временъ не поминая, что Псковичамъ Новгородцы не помогали ни словомъ, ни дѣломъ ни на кую же землю, и послаша Псковичи воеводъ своихъ, посадника Леонтія Макарьинича и посадника Максима Ларіоповича съ силою псковскою въ помощь Великому Новгороду, а крестное цѣлованіе правя“ (стр. 216). Черезъ полторы недѣли Псковичи возвратились „оттугу давши Великому Новуграду“ (стр. 217). Но уже со вступленіемъ на Московскій столъ Іоанна III Псковичи становятся на сторону послѣдняго въ его борьбѣ съ Новгородомъ. Когда въ 1571 году во Псковъ прибылъ московскій посоль поднимать Псковичей противъ Великаго Новгорода, то Псковичи извѣстили объ этомъ Новгородцевъ и изъявили желаніе ходатайствовать за нихъ ¹⁾ предъ великимъ княземъ. Но Новгородцы не согласились на это; и только тогда „По князѣ великомъ няшася Псковичи на Великій Новгородъ послужити послу князя великаго“ (стр. 136). На эту войну Псковскій лѣтописецъ смотритъ, какъ на наказаніе Новгородцевъ со стороны великаго князя за ихъ не національную политику, за ихъ передачу на сторону Литовцевъ: „а все то они забавливая у себе великихъ князей своихъ государей старины, а помощи своя требуя отъ Литовскихъ князей и отъ самаго короля, такову на себя наводятъ истору, а отъ великаго князя всеа Русіи немилосордіе и великую нелюбовь сами наводятъ на себе, и на свои волости кровопролитіе.“ (стр. 237). Самое паденіе Великаго Новгорода является дѣломъ Вожія промышленности. Разказавъ о немъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „Се же все бысть по строенію Вожію; что ми о семъ промышлати много или писанію предавати? Якоже бо Богу годѣ, тако и здѣ все съвершишася“ (стр. 261).

Ив. Тихомировъ.

¹⁾ Свое ходатайство предъ великимъ княземъ Псковичи предлагали и въ 1477 г. (стр. 258).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись.

Alois Schemberg. Die Königinhofer Handschrift als eine Fälschung nachgewiesen. Wien. 1882.

Е. Голубинскій. Объ Іоакимовской лѣтописи (*Прибавленія къ Трудамъ святыхъ отцовъ*, издаваемая при Московской Духовной Академіи. 1881, кн. IV).

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тянется въ литературѣ (чешской, нѣмецкой, русской) споръ о подлинности двухъ знаменитыхъ чешскихъ рукописей—Краледворской и Зеленогорской¹⁾. Споръ этотъ имѣлъ не одно только научное значеніе, онъ задѣвалъ и національное чувство Чеховъ, пробудивъ въ нихъ воспоминаніе о самобытности древней чешской культуры, о славныхъ временахъ ихъ независимости. Краледворская и Зеленогорская рукописи стали какъ бы знаменемъ стремленій чешскихъ патриотовъ въ ихъ упорной борьбѣ противъ нѣмецкаго, въ ихъ страстныхъ усиліяхъ возродить самобытную чешскую культуру. Естественно, что споръ за подлинность этихъ рукописей не могъ оставаться на одной только научной почвѣ, и заходилъ нѣсколько дальше. Естественно, что многіе чешскіе патриоты считали чуть не святотатствомъ сомнѣніе въ подлинности этихъ древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ своего славнаго прошлаго, въ сомнѣніяхъ своихъ соотечественниковъ видѣли почти измѣну народному дѣлу, въ нападкахъ нѣмецкихъ ученыхъ усматривали не-

---

¹⁾ Напомнить читателямъ въ особенности замѣчательныя статьи В. И. Ламанскаго въ *Ж. М. П. Пр.* 1879 и 1880 гг.

научную подкладку. Авторъ книги, содержаніе которой будетъ передано ниже, недавно скончавшійся профессоръ Вѣнскаго университета Шембера, Чехъ по происхожденію, разказываетъ въ предисловіи къ своему посмертному труду о Краледворской рукописи, что онъ разошелся какъ съ личнымъ врагомъ со своимъ ученикомъ Фейфаликомъ (Fejfalik), однимъ изъ первыхъ, заподозрившихъ подлинность Краледворской рукописи. (Сомнѣніе въ подложности Зеленогорской рукописи было заявлено гораздо раньше, всего нѣсколько лѣтъ послѣ ея открытія (1817 г.), Добровскимъ (1824 г. ¹).

„Въ 1858 году,“ разказываетъ Шембера, — „посѣщала меня часто мой ученикъ, Юлій Фейфаликъ, и мы разсуждали о томъ, представляютъ ли произведенія Краледворской рукописи трудъ нѣсколькихъ поэтовъ, или сочинены однимъ. Фейфаликъ поддерживалъ послѣднее мнѣніе, что касается эпическихъ произведеній, сохранившихся въ этой рукописи; убѣжденія его показались мнѣ на столько основательными, что я принялъ ихъ, измѣнилъ мое прежнее мнѣніе во 2-мъ изданіи моей Исторіи чешской литературы (*Dějiny teči a literatury České* 1859), и предположилъ авторомъ ихъ Завишу фонъ-Фалькенштейна (+1290 г.).. Сначала Фейфаликъ противъ этого не возражалъ, но при вторичномъ свиданіи онъ заявилъ мнѣ рѣшительно: „Вы ошибаетесь, не Завиша Фалькенштейнъ авторъ эпическихъ стихотвореній, а поэтъ 1817 года“. Я былъ пораженъ этимъ заявленіемъ и заклиналъ Фейфалика отказаться отъ этой мысли, такъ какъ онъ не найдетъ ей вѣры и возстановитъ противъ себя всѣхъ въ Чехіи и Моравіи. Но Фейфаликъ остался при своемъ убѣжденіи, и такъ какъ онъ не сдавался на мои убѣжденія, то мы разстались съ нимъ личными врагами. Вскорѣ затѣмъ (1860 г.) онъ издалъ свое сочиненіе о Краледворской рукописи, какъ извѣстно, потерпѣвшее полнѣйшую неудачу въ Чехіи“.

Такимъ образомъ, еще въ началѣ 60-хъ годовъ сомнѣніе въ подлинности Краледворской рукописи считалось преступною ересью ¹). Въ

¹) *А. Стороженко*, Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописи, стр. 49—64.

²) Любопытенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ: когда извѣстный секретарь Чешскаго музея Вацлавъ Небеескій перешелъ на сторону противниковъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, то онъ не рѣшился высказать открыто своего мнѣнія, а скрылся за личностью доктора Куге, редактора *Ежедневнаго Богемскаго Вѣстника*, въ которомъ помѣстилъ свою статью «*Handschriftliche Lügen und paläographische Wahrheiten*». *А. Стороженка*, Очеркъ литер. ист. Зел. и Кр. рукописей, стр. 155—56.

послѣднія десятилѣтія однако количество противниковъ этой подлинности стало замѣтно увеличиваться ¹⁾).

Конечно, главная причина болѣе скептическаго отношенія къ подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей заключается въ успѣхахъ наукъ—лингвистики и палеографіи, какъ въ Чехіи, такъ и въ остальномъ славянскомъ и неславянскомъ мірѣ за послѣднія десятилѣтія. Особенное значеніе, какъ увидимъ ниже, имѣло изданіе въ 1861 г. фотографическаго снимка Краледворской рукописи. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно отрицать, что и лучшія политическія условія, въ которыя съ 1848 г., и особенно съ 60-хъ годовъ стала Чехія и остальное славянство въ Австріи, имѣли значеніе при обсужденіи вопроса о подлинности обѣихъ рукописей. Краледворская и Зеленогорская рукописи сыграли свою роль, несомнѣнно важную въ исторіи Чешскаго народа; онѣ содѣйствовали развитію науки и искусства для Чеховъ и поддерживали въ нихъ бодрость въ ихъ упорной, и можемъ теперь сказать, плодотворной борьбѣ противъ нѣмеченія. Слова Зеленогорской рукописи: „Не хвалю намъ в Нѣмцѣхъ искати правду; у насъ правда по закону свату“, стали лозунгомъ въ стремленіяхъ Чеховъ къ политической автопоміи, къ замѣнѣ чешскимъ языкомъ нѣмецкаго, нѣмецкихъ обычаевъ чешскими.

Указанныя причины (развитіе наукъ и болѣшая обезпеченность политической жизни) побудили даже многихъ чешскихъ патріотовъ къ видоизмѣненію своихъ взглядовъ на рукописи, о которыхъ идетъ рѣчь. Авторъ разбираемой книги Шембера, прежде горячо отстаивавшій подлинность Краледворской рукописи, отказался рѣшительно отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и призналъ Краледворскую рукопись вполне подложною, сочиненною самимъ Ганкою въ 1817 году.

Доказательства подложности Краледворской рукописи существуютъ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія.

Подавно (въ 1870 г.) изданы письма Ганки къ Добровскому и

---

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, и теперь еще находятся въ Чехіи извѣстные патріоты, съ яростью набрасывающіеся на всякаго, кто осмѣлится сомнѣваться въ этой подлинности. Сынъ покойнаго Шемберы, издавшій послѣ его смерти разбираемое сочиненіе, сознается, что Чехія, за немногими исключеніями, самымъ обиднымъ образомъ отнеслась къ его отцу за его критику подлинности этихъ рукописей. Напрасно только г. К. Шембера обѣщаетъ противникамъ своего отца вѣчную ненависть. Всѣякія доказательства покойнаго Шемберы противъ подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей служатъ самою лучшею отплатой его противникамъ.

Кинскому по поводу открытія первымъ Краледворской рукописи. При внимательномъ чтеніи писемъ, говоритъ Шембера,—наталкиваешься въ нихъ на цѣлый рядъ внутреннихъ противорѣчій; притомъ обстоятельства открытія Краледворской рукописи, какъ они описаны въ этихъ письмахъ, противорѣчатъ подробностямъ о томъ же, сообщеннымъ со словъ Ганки Шафарникомъ и Небесскимъ. Замѣчательно при этомъ одно обстоятельство: въ первыхъ изданіяхъ Краледворской рукописи нѣтъ почти никакихъ подробностей находенія ея, а появляются эти подробности лишь значительное число лѣтъ спустя, когда свидѣтели открытія Краледворской рукописи уже отошли въ вѣчность.

Въ письмѣ къ Добровскому (напечатанномъ въ *Čas. Česk. Mus.* 1870, III) Ганка разсказываетъ, что, прибывъ въ Кралевъ дворъ, онъ вмѣстѣ съ тамошнимъ капелланомъ отправился въ церковь и принялся осматривать башню, гдѣ помѣщалась ризница. Въ одномъ изъ угловъ этой ризницы была сложена цѣлая масса стрѣлъ еще временъ Жишки; копаясь между этими стрѣлами, Ганка нашелъ за сундукомъ что-то въ родѣ бумаги, но счелъ это сперва за какія-нибудь латинскія молитвы, съ чѣмъ согласился и капелланъ. „Но выйдя на лѣстницу, я увидѣлъ“—пишетъ Ганка—„что это пергаментъ, къ моей величайшей радости, что онъ писанъ по чешски, да, по чешски, и какъ я полагаю, представляетъ древнѣйшій памятникъ нашей литературы“. По мнѣнію Ганки, ему удалось спасти только малѣйшую часть рукописи, ибо на удѣлѣвшейся части видно, что она разрѣзана, и какъ полагаетъ Ганка, солдаты Жишки нацѣпили ее на свои стрѣлы. Затѣмъ Ганка описываетъ внѣшній видъ и содержаніе рукописи, замѣчаетъ, что по языку онъ отнесъ бы ее къ XII в., если бы въ ней не упоминались Татары, и приводитъ выписку изъ рукописи. Далѣе онъ восклицаетъ, что графамъ Штернбергамъ доставить особенное удовольствіе находка этой рукописи, ибо въ ней упоминается Ярославъ безъ всякаго прозванія. Письмо заканчивается опредѣленіемъ духа произведенія—гомерическимъ—и повтореніемъ сожалѣнія, что до насъ дошла только частица всего произведенія.

Нѣсколько новыхъ подробностей находенія Краледворской рукописи сообщаетъ Ганка въ письмѣ къ Доминику Кинскому (*Dominik Kynský*), напечатанномъ въ *Čas. Česk. Mus.* 1881, II. Такъ онъ сообщаетъ въ этомъ письмѣ, что когда вѣсть о его находкѣ распространилась по городу, его пригласили вмѣстѣ съ рукописью придти въ ратушу; здѣсь онъ прочелъ горожанамъ часть стиховъ, и всѣ были очень тронуты, хотя

и не все понимали. Особенно былъ радъ находить бургомистръ и велѣлъ показать Ганкѣ мѣстный архивъ, гдѣ впрочемъ Ганка ничего не нашелъ интереснаго, кромѣ нѣсколькихъ юридическихъ сочиненій XV вѣка. Интересно, что подробности открытія рукописи, изложенныя въ этомъ письмѣ, значительно разнятся отъ подробностей, сообщаемыхъ въ письмѣ къ Добровскому, хотя между написаніемъ перваго и втораго письма не прошло и двухъ мѣсяцевъ (письмо къ Добровскому писано 17-го сентября 1817, письмо къ Кинскому 11-го ноября того же года). Такъ здѣсь Ганка говоритъ, что нашелъ рукопись подъ стрѣлами, а въ письмѣ къ Добровскому пишетъ, что нашелъ ее за сундукомъ. „Выйдя изъ башни“, пишетъ Кинскому Ганка, — „я увидѣлъ, что рукопись писана по чешски но вслѣдствіе сжатаго и мелкаго почерка трудно читается; тѣмъ же мѣнѣе я сталъ напрягать свои глаза и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не разобралъ всей рукописи“. Количество всѣхъ стиховъ въ найденной рукописи Ганка опредѣляетъ въ 1340 между тѣмъ какъ въ первомъ изданіи Крале-дворской рукописи (1819 г.) ихъ всего 1321.

Какимъ образомъ могъ Ганка—спрашиваетъ Шембера—такъ хорошо познакомиться съ найденною имъ рукописью въ одну ночь, прочесть такъ быстро древнюю рукопись, понять въ ней всѣ слова, признать въ найденной рукописи древнѣйшее произведеніе чешской литературы, предугадать радость, которую почувствуютъ графы Штерпберги, когда найдутъ въ рукописи упоминаніе о Лрославлѣ безъ прозвища, объяснить исторически пропажу значительной части рукописи тѣмъ, что солдаты Жишки нацѣпили ея листья на свои стрѣлы, и наконецъ переписать заглавіе всѣхъ стихотвореній и часть стихотворенія *Ludiše a Lubog* безъ малѣйшей ошибки? Не слѣдуетъ еще забывать, что Ганка, по собственному сознанію, весело провелъ день находки, такъ что не могъ имѣть достаточно времени для обстоятельнаго занятія рукописью.

Таковы улики, выставляемыя Шемберою противъ подлинности будто бы найденной Ганкою рукописи,—улики, вытекающія изъ противорѣчій въ обстоятельствахъ ея пахожденія; конечно, будь эти противорѣчія особенно рѣзки, всякое сомнѣніе рго исчезло бы, никакихъ другихъ доказательствъ больше бы не потребовалось, и споръ о Крале-дворской рукописи *eo ipso* прекратился бы. Но читатель легко замѣтитъ, что внутреннія противорѣчія писемъ недостаточно ярки: защитники подлинности рукописи могутъ ихъ примирить. Является, слѣдовательно, необходимость въ новыхъ доказательствахъ, основанныхъ на внутрен-

ней несостоятельности самаго содержанія рукописи и ея внѣшняго вида, въ доказательствахъ лингвистическихъ, историческихъ и палеографическихъ. Къ нимъ-то и обращается Шембера и начинается съ послѣднихъ.

Палеографическое изслѣдованіе рукописи, говоритъ Шембера, — приводитъ къ заключенію, что ее писалъ не искусный писецъ XIII или XIV в. (какъ другія произведенія этого времени — фрагменты Александриды или Клементинская псалтирь), а писецъ, неопытный въ древнемъ письмѣ, привыкшій къ новому письму и орфографіи, короче — начинающій или дилетантъ. Письмо рукописи весьма мало и узко и въ этомъ отношеніи не похоже на письмо XIII или XIV в. Инициалы рисованы на матовомъ золотомъ полѣ, появляющемся лишь въ XV в. въ Нидерландахъ; въ чешскихъ же рукописяхъ XIV в. они писаны на блестящей металлической подкладкѣ.

Фотографическій снимокъ съ рукописи (изд. 1861 г.) показалъ въ ней болѣе сотни ошибокъ и подчистокъ. Нѣкоторыя слишкомъ очевидныя ошибки были исправлены писцемъ во время самаго писанія, при чемъ выпускаемыя слова онъ вписывалъ между строкъ, тѣ слова, которыя слѣдовало выпустить, обозначалъ точками подъ ними, наконецъ тѣ, которыя слѣдовало замѣнить, заключалъ въ скобки. Особенно часты были поправки путемъ подчистки, и именно тамъ, гдѣ писецъ нашелъ, что употребилъ болѣе новыя формы, не соотвѣтствующія древности рукописи. Точно также и сокращенія доказываютъ незнакомство писца съ обычными сокращеніями XIII и первой половины XIV в. Образцомъ для писавшаго Краледворскую рукопись послужила принадлежавшая тогда Добровскому Кралевоградская рукопись. Способъ письма первой сильно смахиваетъ на письмо второй, только письмо первой гораздо мельче и уже и представляетъ произвольныя отступленія, какія не попадаются въ рукописяхъ XIV в. Стремленіе подражать упомянутой рукописи оказалось еще въ томъ, что Краледворская рукопись сильно прокопчена особенно на первой и послѣдней страницахъ, подобно Кралевоградской, въ которой письмо нѣкоторыхъ страницъ, особенно первой и послѣдней, частью стерлось.

Тотъ же выводъ получается, если отъ палеографическаго изслѣдованія рукописи обратиться къ разбору ея орфографіи и языка.

Составитель рукописи видимо старался поддѣлаться въ языкѣ ко времени конца XIII в., но это удалось ему далеко не вездѣ. Не вдаваясь въ подробности, ограничимся нѣсколькими указаніями. Въ рукописяхъ конца XIII и начала XIV в. пынѣшнее чешское *t* обыкно-

венно передается через *rs* или въ нѣкоторыхъ случаяхъ черезъ *rs* или *rss*. Въ Краледворской же рукописи *ř* обыкновенно передается черезъ *rs*, какъ писали въ серединѣ и во второй половинѣ XIV в. Последнимъ способомъ передать этотъ звукъ въ Кралевоградцкой рукописи, послужившей образцомъ для составителя Краледворской рукописи. Когда же составитель увидѣлъ, что такое написаніе ошибочно для того времени, къ которому онъ желалъ отнести Краледворскую рукопись, то переимѣнилъ его на болѣе правильное. Ганка въ письмѣ къ Добровскому въ выдержкахъ изъ рукописи пишетъ уже *rs*, равно какъ и въ первомъ изданіи Краледворской рукописи (1819 г.).

Что касается собственно языка Краледворской рукописи, то составитель ея допустилъ много грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, латинизмовъ, германизмовъ и совершенно по чешскихъ фразъ, да кромѣ того цѣлый рядъ словъ, имъ специально для Краледворской рукописи сочиненныхъ и взятыхъ изъ русскаго, польскаго, сербскаго и древнеболгарскаго языковъ.

Доказано, что Ганка поддѣлалъ 850 словъ въ чешскомъ глоссаріи XIII в., извѣстномъ подъ именемъ *Mater Verborum*. Изъ этихъ фальшивыхъ чешскихъ словъ 14 пошло изъ *Mater Verborum* и въ Краледворскую рукопись.

Число *verba unisa*, исключительно въ Краледворской рукописи встречающихся словъ, а также словъ, заимствованныхъ составителемъ изъ другихъ славянскихъ языковъ, гораздо значительнѣе. Особенно яркими примѣрами подлога считаетъ Шембера нѣсколько словъ, взятыхъ изъ русскаго языка и ни въ какихъ древнихъ чешскихъ памятникахъ не встречающихся. Таковы, напримѣръ, *chrabry*, *luna*, *děva*, взятая, по мнѣнію Шемберы, изъ Слова о Полку Игоревѣ. Въ числѣ подложныхъ глоссъ въ *Mater Verborum* есть *měsíc=mensis* и *plnolunie=quarta plena figura lunae*, вставленныя какъ бы для оправданія неизвѣстнаго древнимъ чешскимъ памятникамъ слова.

Последнія два доказательства новѣйшаго происхожденія Краледворской рукописи—это метръ ея стиховъ и историческія ошибки въ ея содержаніи.

Уже Копитаръ, а за нимъ акад. Миклошичъ и Ягичъ, обратили вниманіе на метръ Краледворской рукописи и Любушина Суда (Зеленогорской рукописи) и нашли, что онъ представляетъ подражаніе сербскимъ народнымъ пѣснямъ; это-то и служило для упомянутыхъ ученыхъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ признанія подложности этихъ рукописей. Шембера объясняетъ обстоятельно, почему сербскій метръ въ этихъ

рукописяхъ свидѣтельствуетъ противъ ихъ подлинности. Дѣло въ томъ, что сербскія героическія пѣсни (junačke pjesme) состоятъ обыкновенно изъ пятистопныхъ (изъ десяти слоговъ) стиховъ, въ которыхъ цезура стоитъ исключительно послѣ четвертаго слога, то-есть, второй стопы, при чемъ 3-я стопа стиха начинается всегда новымъ словомъ, такъ что 4-й слогъ оканчивается всегда полнымъ словомъ, напримѣръ:

Šta se bjeli || u gori zelenoj?
Al' je snijeg || al su la budovi? и т. д.

Составитель Краледворской рукописи и Любушина Суда, познакоившись съ метромъ сербскихъ народныхъ пѣсень (изданныхъ въ 1814 г. Вукомъ Караджичемъ), перенималъ ихъ метръ, но перенималъ только его внѣшнюю форму, то есть, десятисложный стихъ, не уразумѣвъ однако внутренняго его закона—строгой цезуры послѣ четвертаго слога. Оттого во многихъ стихахъ этихъ произведеній цезура не на мѣстѣ, напримѣръ:

Na skálu vy || stúpi silny Záboj
Obzřná kra || jiny na vše strany (Záboj a Slavoj).

или въ Любушинѣ Судѣ:

Však ot svoj še || lodi vojevodi
Kehdy še va || dita rodná bratry.

Притомъ, въ чешскихъ стихотвореніяхъ съ XIV в. господствуетъ осмысловый рифмованный стихъ съ измѣнчивою цезурой. Встрѣчается изрѣдка и десятисложный стихъ, но его метръ иной, нежели метръ сербскихъ пѣсень и Краледворской и Зеленогорской рукописей.

Наконецъ, есть въ Краледворской рукописи и историческіе промахи, которые становятся вполне понятными, когда установлено, что эта рукопись новѣйшаго происхожденія. Таково особенно упоминаніе Ярослава (Штернберга: въ Краледворской рукописи его фамильнаго прозванія авторъ не помѣстилъ), одержавшаго будто бы знаменитую побѣду надъ Татарами при Оломуцѣ въ 1241 г. Фактъ этой побѣды болѣе, нежели сомнителенъ: о немъ не говоритъ ни одинъ изъ современныхъ или близкихъ событію хронистовъ, притомъ Ярославъ Штернбергъ извѣстенъ документально только въ періодъ 1269—1287 гг., а съ 1241 г. изъ Штернберговъ извѣстенъ лишь Здѣславъ. Извѣстіе о блестящей побѣдѣ Чеховъ подъ предводительствомъ Ярослава Штернберга надъ Татарами при Оломуцѣ впервые появляется лишь въ XVII в. въ сочиненіи „Marek Mořavicus“ (1667 г.). Отсюда-то и заимствовалъ это ставшее популярнымъ въ Чехіи преданіе составитель Краледворской рукописи.

Таковъ обвинительный актъ, представляемый нынѣ наукою противъ подлинности Краледворской рукописи. Остается еще вопросъ: противъ кого должно быть направлено главное обвиненіе, другими словами—кто же былъ авторомъ этихъ знаменитыхъ рукописей? Считал Краледворскую рукопись подложною, нѣкоторые не допускали, въ виду во всякомъ случаѣ значительныхъ поэтическихъ достоинствъ рукописи и въ силу значительной ловкости поддѣлки какъ вѣшняго вида ея, такъ и содержанія подъ древній лады, чтобъ авторомъ ея могъ быть Ганка. Одного только Свободу признавали способнымъ къ такой поддѣлкѣ. Самъ Шембера, пришедшій къ убѣжденію въ подложности Краледворской рукописи, допускалъ за Ганкой авторство только шести пѣсень Краледворской рукописи; что же касается ея эпическихъ произведеній, то и онъ склонялся къ тому мнѣнію, что авторомъ ихъ могъ быть Свобода. Въ послѣднемъ же своемъ сочиненіи Шембера рѣшительнымъ образомъ считаетъ авторомъ всей Краледворской рукописи, слѣдовательно, единственнымъ виновникомъ подлога, Вячеслава Ганку.

Могъ ли Ганка сотворить поддѣлку столь искусную, что потребовалось болѣе полустолѣтія самыхъ тщательныхъ изысканій для обнаруженія подлога, то-есть, обладалъ ли онъ необходимыми для этого свѣдѣніями въ палеографіи, знакомствомъ съ древнимъ чешскимъ языкомъ и тѣмъ поэтическимъ даромъ, котораго отрицать за произведеніями Краледворской рукописи не возможно? Да, отвѣчаетъ Шембера,—всѣми для поддѣлки Краледворской рукописи необходимыми качествами обладалъ Ганка. Еще на студенческой скамьѣ (въ 1811 г.) Ганка, по свидѣтельству Юнгмана, былъ „выдающимся чешскимъ поэтомъ“, хотя нѣкоторые его поэтическія произведенія и не пропустила цензура: слѣдовательно, поэтическія достоинства Краледворской рукописи не могутъ въ данномъ случаѣ говорить противъ его авторства. Далѣе, въ бытность свою бібліотекаремъ и раньше, будучи еще студентомъ, Ганка старался подражать древнему письму и даже усвоилъ себѣ особенный, отличный отъ современнаго ему, почеркъ ¹⁾. Но едва ли не самымъ важнымъ доказательствомъ тому, что Крале-

¹⁾ Намъ лично случилось видѣть нѣсколько собственноручныхъ писемъ Ганки, писанныхъ имъ къ одному изъ нашихъ соотечественниковъ по русски, а мы съ своей стороны можемъ засвидѣтельствовать, что почеркъ Ганки былъ очень своеобразенъ, и что онъ дѣйствительно напоминаетъ нѣсколько почеркъ Краледворской рукописи.

дворскую рукопись поддѣлалъ именно Вячеславъ Ганка, служить то обстоятельство, что существуетъ нѣсколько другихъ подлоговъ древнихъ произведеній, авторомъ которыхъ былъ несомнѣнно Ганка. Такъ онъ составилъ 850 подложныхъ чешскихъ глоссъ въ известномъ глоссаріи XIII в. *Mater verborum* ¹⁾). Въ способѣ письма этихъ фальшивыхъ глоссъ замѣчаютъ сходство съ письмомъ Краледворской рукописи. Далѣе Ганка сочинилъ и выдалъ за открытое имъ древнее произведеніе „пѣснь подѣ Вышеградомъ“ (*Pisen pod Vyšehradem*); подложность этого поэтическаго произведенія доказана была въ 1858 г. Шемберой, и самъ Ганка, впервые напечатавшій его въ своихъ *Starobylá skládanie* 1817 г., въ 12-мъ изданіи Краледворской рукописи исключилъ эту, постоянно прежде прибавляемую имъ къ Краледворской рукописи, пѣснь. Кромѣ того, Ганкою же поддѣланы *Milostná píseň krále Václava, Mastičkář, СІХ Псаломъ*, отрывокъ изъ Евангелія отъ Іоанна и пророчество Любушино (*Libušino proroctví*); послѣднее призналъ подложнымъ еще Шафарикъ при первомъ его появленіи.

Вся совокупность подобныхъ уликъ, кажется намъ, почти рѣшительно устанавливаетъ подложность Краледворской рукописи; несомнѣннымъ также кажется и то, что авторомъ подлога дѣйствительно былъ Ганка. Самые обстоятельства подлога Шембера представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: Ганка явился въ Кралевъ дворъ съ готовою поддѣлкой въ карманѣ; осматривая мѣстную церковь вмѣстѣ съ ея капелланомъ и роясь въ ризницѣ, онъ самъ же подбросилъ рукопись и притворился, что нашелъ ее тамъ.

Конечно, не возможно и сравнивать такъ-называемой Іоакимовской лѣтописи съ знаменитыми чешскими рукописями по тому впечатлѣнію, которое эта первая произвела на умы ученыхъ. Свѣдѣнія о нашей древнѣйшей исторіи, впервые появившіяся въ „Исторіи Россійской“ Татищева, и составлявшія, по его мнѣнію, часть лѣтописи Іоакима, перваго Новгородскаго епископа, были заподозрѣны очень скоро послѣ обнаруженія, и число противниковъ подлинности этого отрывка всегда превышало число ея защитниковъ, которые къ тому же никогда не защищали его подлинности цѣликомъ, а только съ весьма значительными ограниченіями. Но нельзя сказать, чтобы не было известной аналогіи, какъ относительно научнаго значенія (въ случаѣ возможности настаивать на подлинности), такъ и относительно судьбы

¹⁾ Подложность ихъ доказана Патерою въ 1877 г.

(въ смыслѣ отношенія къ обоямъ—представителей науки), между такъ-называемою Іоакимовскою лѣтописью и рукописями, яко бы открытыми Ганкою.

Дѣло въ томъ, что будь Іоакимовская лѣтопись дѣйствительно тѣмъ, за чтò ее выдаетъ первый ея издатель, Василій Никитичъ Татищевъ, то-есть, лѣтописью перваго Новгородскаго епископа Іоакима, то значеніе ея, какъ перваго по времени письменнаго памятника нашего прошлаго, было бы безцѣнно для науки; какъ писанная современникомъ, она сообщала бы намъ наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія, какъ о времени конца X вѣка (эпохѣ крещенія Руси), такъ и о періодѣ болѣе раннемъ, событія котораго, конечно, въ эпоху Іоакима хранились еще свѣжо въ памяти; съ другой стороны, лѣтопись Іоакима, будь это подлинный памятникъ X вѣка, познакомила бы насъ съ формами нашего языка въ X вѣкѣ и могла бы разрѣшить и многіе другіе спорные вопросы.

И такъ, есть нѣкоторая аналогія между Краледворскою и Зеленогорскою рукописями и Іоакимовскою лѣтописью по тому значенію, которое имѣла бы для науки ихъ подлинность,—ибо вѣдь знаменитыя чешскія рукописи считались древнѣйшими памятниками чешской, да и вообще славянской словесности.

Подлинность Іоакимовской лѣтописи, точно также, какъ и подлинность Ганковскихъ рукописей, вызвала литературный споръ, хотя, конечно, этотъ споръ не отличался такою страстностью и не привлекалъ къ себѣ такого всеобщаго вниманія, какъ международный турниръ, вызванный Ганковскою поддѣлкой.

Причина тому лежала какъ въ бьющей глаза новости языка, которымъ писанъ Татищевскій отрывокъ (по сознанію Татищева, письмо рукописи Іоакимовской лѣтописи, полученной имъ отъ настоятеля Бизюкова монастыря Мелхиседека Борцова, новое, но худое, складъ старый смѣшенный съ новымъ: Ист. Росс. кн. I, ч. 1-я, стр. 31), такъ и въ авторитетности тѣхъ лицъ, которыя впервые заподозрили его подлинность.

Столь долго бывшій законодателемъ въ наукѣ нашей отечественной исторіи Шлецеръ опровергалъ подлинность Іоакимовской лѣтописи и не щадилъ для нея рѣзкихъ выраженій. Татищевскій отрывокъ онъ презрительно называетъ Іоакимовскими бреднями (Несторъ I, 41), глушостью (ib. 19), пустою выдумкой какого-нибудь монаха (ib. 21) и т. д. Но самъ Шлецеръ, кажется, не считалъ Татищева виновникомъ подлога; по его мнѣнію, Татищевъ и самъ не скрывалъ подозрительности ссхххх, отд. 2.

тельности изданнаго имъ отрывка („Сей отрывокъ явился подозрительнѣйшимъ образомъ, но Татищевъ, издатель онаго, не скрываетъ онаго“: *ib.* 19). Карамзинъ (Ист. Госуд. Росс. т. I, р. XXXIV — XXXV по изд. 1851 г.) уже прямо считалъ авторомъ отрывка самаго Татищева. Онъ называетъ Иоакимовскую лѣтопись шуткой Татищева: „Не знавъ Дитмара, ни Эль-макина“, говоритъ онъ, — „Татищевъ сомнѣвался въ истинѣ Несторова повѣствованія (дѣло идетъ о разнорѣчии между древнѣйшею лѣтописью и Татищевскимъ отрывкомъ относительно царевны Анны) и хотѣлъ исправить минимумъ его ошибку... Повторяю: это затѣйливая, хотя и неудачная догадка“ (*ib.* р. XXXV).

Сводъ мнѣній о Иоакимовской лѣтописи до 1856 г. у г. Лавровскаго, (Исслѣдованіе о лѣтописи Якимовской: Уч. Зап. II-го отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. II, в. I) показываетъ, что одни защищали мнѣніе Шлецера и Карамзина, другіе предостерегали противъ безусловнаго осужденія отрывка. Минюта сужденія не столь громкихъ дѣятелей, приведемъ только мнѣніе Соловьева. Осторожно относясь къ извѣстіямъ этой лѣтописи, Соловьевъ приводитъ ихъ только тогда, когда эти факты доказаны изъ другихъ источниковъ, но вообще въ концѣ концовъ приходитъ къ тому выводу, что Иоакимовская лѣтопись не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія начальной Кіевской лѣтописи. Въ такомъ положеніи находился этотъ вопросъ до появленія вышеупомянутаго труда П. А. Лавровскаго. Тщательно разбирая ея содержаніе, г. Лавровскій приходитъ къ тому убѣжденію, что лѣтопись эта существеннымъ образомъ распадается на двѣ части. Первая часть отрывка, разказъ о судьбѣ Русскихъ Славянъ до Рюрика, составлена по польскимъ и чешскимъ баснямъ и по русскимъ хропографамъ XV вѣка; слѣдовательно, не могла принадлежать Иоакиму и составлена въ XVIII вѣка. Совсѣмъ иначе, по мнѣнію г. Лавровскаго, слѣдуетъ относиться ко второй части отрывка — извѣстіямъ о событіяхъ отъ Рюрика до Владимира (оканчивается отрывокъ извѣстіемъ о крещеніи Новгорода и перечисленіемъ дѣтей Владимира): эта часть нисколько не противорѣчитъ лѣтописи Нестора, мало того, нѣкоторыя изъ ея извѣстій точнѣе опредѣляютъ смыслъ замѣтокъ самаго Нестора, безъ нихъ неясный, непонятный. Эту вторую часть отрывка г. Лавровскій рѣшается „смѣло и открыто признать содержащею достовѣрныя, дѣйствительныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ“ (стр. 157). По мнѣнію автора, этотъ отрывокъ особенно важенъ со стороны его религиозно-

христіанскаго направленія: „Съ этой стороны лѣтопись Лкимовская—драгоцѣнный памятникъ для исторіи отечественной: возводя положительно христіанство ко времени Аскольда, она одними событіями, приведенными и разказанными безыскусственно, просто, раскрываетъ предъ нами отношенія къ нему князей и народа, какъ и отношенія послѣднихъ, подъ влияніемъ того же христіанства, другъ ко другу“ (ib.). Что касается вопроса объ авторѣ Іоакимовской лѣтописи, то первую ея часть г. Лавровскій считаетъ составленною изъ хроникъ польскихъ и другихъ старыхъ книгъ самимъ архимандритомъ Мелхиседекомъ, передавшимъ рукопись Татищеву; относительно же второй части, не рѣшаясь положительно признать авторомъ ея перваго Новгородскаго епископа Іоакима, г. Лавровскій тѣмъ не менѣе не считаетъ этого невозможнымъ и полагаетъ, что во всякомъ случаѣ авторъ этой второй части былъ близокъ къ эпохѣ, имъ описанной, и если самъ не былъ современникомъ крещенія Новгородцевъ, то зналъ о немъ отъ лицъ, бывшихъ тамъ или слышавшихъ отъ очевидцевъ; принадлежалъ этотъ авторъ къ числу лицъ духовныхъ, и его можно причислить къ небольшому числу просвѣщенныхъ писателей древности. Конечно, лѣтопись эта не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ; въ какомъ видѣ былъ ея оригиналъ, остается тайной; впрочемъ, по мнѣнію г. Лавровскаго, баснословное начало, очевиднѣйшимъ образомъ составленное въ XVIII в., свидѣтельствуетъ объ отсутствіи очерка Славянъ Русскихъ до прибытія Рюрика и образованія имъ Русскаго государства. Это-то отсутствіе и заставило Мелхиседека приставить свое начало, сложное по польскимъ хроникамъ и другимъ старымъ книгамъ. Притомъ Мелхиседекъ допустилъ измѣненія въ языкѣ при перепискѣ, а быть можетъ, и въ сокращеніи содержанія (стр. 159). Къ разбору мнѣнія г. Лавровскаго мы вернемся ниже.

Къ мнѣнію г. Лавровскаго присоединяется и Н. А. Поповъ (В. Н. Татищевъ и его время, 1861 г.); и онъ считаетъ авторомъ первой части отрывка Мелхиседека, составившаго ее по польскимъ и чешскимъ хроникамъ; важность второй части признаетъ и онъ: „Не представляя для русскаго историка существеннаго интереса своимъ содержаніемъ, она (первая часть) не можетъ бросать ни малѣйшей тѣни подозрѣнія на извѣстія, находящіяся во второй половинѣ отрывка. Послѣднія достаточно подтверждаются ихъ согласіемъ съ извѣстіями, находящимися въ другихъ источникахъ (стр. 460).

Въ послѣдующіе двадцать лѣтъ, на сколько намъ извѣстно, ничего существенно новаго относительно Іоакимовской лѣтописи не было выска-

зано, да и вообще интересъ къ ней совершенно пропалъ ¹⁾). Но вотъ въ концѣ 1881 года авторъ замѣчательной „Исторіи Русской церкви“, Е. Е. Голубинскій, выступилъ въ рѣчи, произнесенной на актѣ Московской духовной академіи, съ своимъ взглядомъ на этотъ Татищевскій отрывокъ, доказывая, что въ вопросѣ о Іоакимовской лѣтописи слѣдуетъ снова вернуться къ мнѣнію Карамзина и Шлецера. Между тѣмъ какъ г. Лавровскій обращаетъ главное вниманіе на содержаніе отрывка и старается путемъ сравненія съ другими источниками доказать достовѣрность приводимыхъ имъ фактовъ, нисколько не заподозривая ни Татищева, ни даже Мелхиседека въ сочиненіи второй части отрывка, г. Голубинскій, напротивъ, отмѣчаетъ и во второй части противорѣчія съ древнею лѣтописью и на основаніи этихъ противорѣчій и нѣкоторыхъ другихъ соображеній приходитъ къ убѣжденію въ подложности и второй части отрывка. Что же касается вопроса объ авторѣ Іоакимовской лѣтописи, то г. Голубинскій—признаемся—весьма неожиданно возвращается всецѣло къ мнѣнію Карамзина и рѣшительно признаетъ ея авторомъ самого Татищева. Считаемо необходимымъ подробнѣе обозрѣть доказательства г. Голубинскаго, лишь нѣсколько измѣнивъ ихъ порядокъ въ нашемъ изложеніи.

Сначала г. Голубинскій группируетъ доказательства подложности Іоакимовской лѣтописи; наиболѣе важныя изъ его доказательства слѣдующія; 1) Если бы лѣтопись Іоакима существовала, то она должна была бы составлять начало Новгородской лѣтописи (на это указывали и раньше: извѣстно, что начало Новгородской лѣтописи до насъ не дошло); но въ Татищевскомъ отрывкѣ первый митрополитъ названъ Михайломъ, а составитель Кормчей книги, пользовавшійся Новгородскою лѣтописью, называетъ его Леономъ. 2) Приписываемая Іоакиму лѣтопись слишкомъ кратко говоритъ о крещеніи Руси, что было бы невѣроятно, еслибы она

---

¹⁾ Въ біографіи Татищева, появившейся въ 1875 году, К. Н. Вестужевъ-Рюминъ (Очерки и характеристики, 1882 г.) относительно Іоакимовской лѣтописи принимаетъ выводы П. А. Лавровскаго. «Лѣтопись эта», говоритъ онъ,—«раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна состоитъ изъ беснеловныхъ сказаній о древнихъ Славянахъ и не имѣетъ никакого значенія, другая представляетъ нѣкоторые извѣстія, касающіяся первыхъ Вирожскихъ князей, иногда принимается историками къ свѣдѣнію (напримѣръ, причина успѣха Владимира противъ Ярополка, или извѣстіе о томъ, что Анна — царица Болгарская, сказаніе о крещеніи Новгорода), и дѣйствительно, эти извѣстія имѣютъ нѣкоторую долю вѣроятности, хотя форма ихъ слишкомъ книжная; но быть можетъ, въ основаніе легли какія-нибудь древнія сказанія» (стр. 167).

дѣйствительно была писана первымъ Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ, очевидцемъ крещенія. На нашъ взглядъ эти два доказательства г. Голубинскаго наиболѣе важны, такъ какъ противъ остальныхъ доказательствъ не трудно выставить возраженія. 3) Названіе Рюрика базилевсомъ (какъ назывались одни Византійскіе императоры) и архикраторомъ (какого слова въ греческомъ нѣтъ). Но эти названія могли быть прибавлены позже, какъ и вообще весь языкъ лѣтописи подновлепъ. 4) Извѣстіе о доместикѣ въ Константинополѣ. Г. Голубинскій замѣчаетъ, что доместикъ значить регентъ, а не пѣвчій, но это возраженіе онъ и самъ считаетъ слабымъ. 5) Извѣстіе о присылкѣ Симеономъ Болгарскимъ іереевъ въ Русь повѣрно, ибо Симеонъ умеръ въ 927 г., и современникъ крещенія не могъ не знать имени тогдашняго Болгарскаго царя). Г. Лавровскій указывалъ, что внукъ Симеона, Романъ, назывался въ честь дѣда и Симеономъ; но г. Голубинскій возражаетъ, что если и такъ, то въ то время ни Греки, ни Болгаре не признавали за этимъ Романомъ-Симеономъ титула царя Болгарскаго. Волѣе важнымъ мы считаемъ, однако, слѣдующее возраженіе г. Голубинскаго, впрочемъ высказанное еще Шлецеромъ. 6) Если бы существовала Іоакимовская лѣтопись, то какъ бы не зналъ ея древній Кіевскій лѣтописецъ?.. 7) Никакихъ признаковъ древняго языка: онъ—новый славяно-русскій, постоянно сбивающійся на чистый русскій и никакихъ особенностей новгородскихъ (на что указывалъ Татищевъ) не имѣющій. Ясно, что фальсификатору не доставало филологическихъ знаній, чтобы произвести свою поддѣлку въ отношеніи къ языку сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ (стр. 631).

Такимъ образомъ, если этотъ отрывокъ не Іоакима, то онъ есть фальсификація. Фальсификаторъ имѣлъ въ виду дополнить и поправить древняго лѣтописца. Поэтому-то у него рядъ извѣстій, несогласныхъ съ лѣтописцемъ и даже прямо противорѣчащихъ ему.

Остановимся нѣсколько на этихъ возраженіяхъ г. Голубинскаго.

Что данный отрывокъ не составляетъ части Іоакимовской лѣтописи, это кажется намъ едва ли подлежащимъ сомнѣнію. Откуда знаемъ мы объ Іоакимѣ, какъ о писателѣ лѣтописи? Самъ Татищевъ (I, 29) замѣчаетъ, что о немъ „нигдѣ, чтобы онъ исторію писалъ, не упоминается“; но Татищевъ не считаетъ этого достаточнымъ для заподозриванія отрывка, „ибо видимъ другихъ многихъ, яко Нифонта Новгородскаго и пр., въ гл. 6 показанныхъ“. Но дѣйствительно странно было бы полное отсутствіе, хотя бы въ одномъ Новгородѣ, извѣстій

объ авторствѣ такого замѣтнаго лица, какимъ былъ первый Новгородскій епископъ.

Но самымъ важнымъ доказательствомъ противъ подлинности, и даже древности — вообще, даннаго отрывка представляется на ея содержаніе, и именно съ той стороны, съ которой она представлѣна: етъ для нѣкоторыхъ признаки достовѣрности—именно со стороны согласія или отсутствія противорѣчій въ большинствѣ ея извѣстій съ извѣстными лѣтописи.

Что первая часть отрывка составлена по польскимъ, чешскимъ и другимъ хроникамъ, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но чтó такое вторая часть?

Въ западной Европѣ съ эпохой возрожденія вмѣстѣ съ остальною литературой оживилась и историческая. Сухіе и наивные анналы и хроники среднихъ вѣковъ смѣняются попытками болѣе прагматическаго историческаго изложенія. Толчекъ къ усовершенствованію исторіографіи дало частью открытіе, частью лучшее ознакомленіе съ историческими трудами древнихъ; этоть толчекъ проявился въ стремленіи подражать имъ, писать по ихъ образцу. Къ сожалѣнію, излишнее увлеченіе древностью принесло на первый разъ дурные плоды: подражая древнимъ, подражали имъ только въ формѣ, въ гладкомъ языкѣ, въ красивомъ и картинномъ изложеніи. Но когда пришлось излагать собственную исторію писателямъ, претендовавшимъ на славу Ливіевъ и Фукидидовъ, то явились значительныя затрудненія, недоставало матеріала для тѣхъ роскошныхъ картинъ прошлаго, которыми они хотѣли не только сравняться съ великими мастерами древности, но и превзойти ихъ: часто недоставало героическаго эпоса, или онъ былъ плохо знакомъ; документальныя данныя, бывшія подъ рукою, не восходили къ глубокой древности, да и весь матеріалъ, бывшій въ распоряженіи у современныхъ писателей, отличался сухостью и скудостью. Нужно было помочь дѣлу—дать героическій эпосъ своему народу, связать его исторію съ исторіей древности и оживить сухую номенклатуру событій въ древнихъ анналахъ. На помощь явились разныя мѣстныя народныя преданія и два искусства—словопроизведенія и особеннаго прагматико-риторическаго изложенія. Путемъ перваго разныя мѣстныя преданія переносились и вводились въ связь съ древностью, путемъ втораго пытались сообщить живость сухимъ даннымъ анналовъ. Создалось пѣчто въ родѣ особенной ткани, сходной въ общемъ у всѣхъ почти писателей, по разнообразившейся по интенсивности красокъ, смотря по таланту и образованію автора, ткани, въ которую одѣвали

болѣе документальный историческій матеріалъ. Этимъ путемъ получились тѣ амплификаціи, которыя представляютъ неизмѣнное свойство современныхъ авторовъ: рѣчи дѣйствующихъ лицъ, которыя они могли, по мнѣнію автора, сказать при данныхъ обстоятельствахъ, изъ собственной головы взятія описанія осадъ, битвъ и пр. Подобные приемы правда, весьма наивны, и современному историческому критику, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ общею тому времени манерой писать и особенностями каждаго отдѣльнаго автора, не трудно выдѣлать, въ изложеніи подобнаго автора, его собственныя прибавки отъ исторической истины. Но на бѣду, этимъ не ограничились: явились зачатки исторической критики, лучше сказать—выборки болѣе вѣроятнаго, по мнѣнію автора, но не обставленнаго тѣмъ, что мы теперь называемъ научными доказательствами; иногда притомъ подобная выборка и очищеніе—по мнѣнію автора—фактовъ дѣлалась про себя, а читателю подносился лишь одинъ результатъ такой работы въ видѣ гладкаго и картиннаго разказа, произвольность котораго дѣлается вполне понятною только тогда, когда сохранился переработанный авторомъ оригиналъ (не говоримъ здѣсь о другихъ причинахъ искаженія истины, какъ-то: тенденціозности, національной гордости и т. д.) Хорошимъ примѣромъ подобнаго изложенія можетъ служить польско-латинскій писатель XV в. Длугошъ; сравнивая его изложеніе русскихъ событій съ фактами нашей лѣтописи, мы просто поражаемся тою безцеремонною обработкой, которой онъ подвергъ простой лѣтописный текстъ. Путемъ амплификацій, риторическихъ украшеній, искаженія имени онъ до того передѣлываетъ лѣтописный разказъ, что послѣдній дѣлается совершенно не узнаваемымъ.

Способъ лѣтописанія на западѣ черезъ Польшу проникъ и къ намъ, особенно въ Малороссію и Литовскую Русь: вспомнимъ хотя бы такъ-называемую Густинскую лѣтопись и лѣтопись Выховца. Такіе лѣтописные своды XVI и XVII вв., какъ Воскресенскій и Никоновскій, еще очень мало отличаются подобными свойствами: авторы ихъ просто сводили въ одно разные лѣтописные списки, значительно впрочемъ подновляя языкъ, объясняя по своему непонятные термины и т. е. гдѣ прибавляя для округленія разказа отдѣльныя фразы. Но первыя попытки прагматической исторіи подпали уже у насъ сильному вліянію западной манеры въ историографіи. И у насъ—на что указываетъ и г. Лавровскій—появилось стремленіе связать нашу исторію съ исторіей древняго міра съ цѣлью, такъ-сказать, облагородить ее, подобно тому, какъ знатные литовскіе роды въ польскій періодъ

старались выводить свой родъ отъ Римлянъ, дабы доказать, что они стоятъ не ниже польскихъ пановъ.

Къ подобнаго рода сочиненіямъ, кажется намъ, принада нтъ не только первая часть Татищевского отрывка, но и весь онъ. Матеріалъ для первой части отрывка указанъ уже г. Лавровскимъ: это польскія, чешскія хроникн и наши хронографы XVI и XVII вв. Но такимъ же компилятивнымъ характеромъ отличается и вторая часть; намъ кажется, что она представляетъ собою не что иное, какъ компиляцію изъ разныхъ лѣтописныхъ списковъ и позднѣйшихъ сводовъ, компиляцію, составленную по обычному тогда прагматико-риторическому методу, то есть, съ амплификаціями, поясненіями (такъ-сказать, съ раскрытіемъ скобокъ) и прочими свойствами тогдашняго историческаго изложенія.

Замѣтимъ прежде всего, что Татищевъ привелъ въ своей исторіи бывшій въ его распоряженіи отрывокъ не цѣликомъ; онъ говоритъ, что получилъ три разрозненныя тетради этой лѣтописи, но помѣстилъ въ своемъ введеніи только выдержки изъ нихъ, именно только то, чего нѣтъ у Нестора, или что иначе изложено; но и сходное съ Несторомъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ примѣчаній Татищева, было изложено въ отрывкѣ частью короче, частью многословіѣе, нежели въ древней лѣтописи. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что весь отрывокъ представлялъ переработку частью лѣтописнаго, частью инаго матеріала.

Содержаніе переданнаго Татищевымъ отрывка представляетъ собою: 1) данныя, взятая изъ разныхъ лѣтописныхъ списковъ, и 2) прагматико-риторическія амплификаціи самого автора. Въ первой группѣ слѣдуетъ опять различать: а) данныя, взятая изъ дошедшихъ до насъ списковъ, но большею частью, впрочемъ, видоизмѣненныя авторомъ, и б) данныя, извлеченныя изъ списковъ лѣтописи, до насъ не дошедшихъ. Замѣтимъ еще, что данный отрывокъ представляетъ весьма много сходнаго со Степенною книгой.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности войти въ подробный анализъ всѣхъ данныхъ Татищевского отрывка, но приведемъ только нѣсколько примѣровъ.

Осколькъ названъ блаженнымъ: этому названію г. Лавровскій, придавалъ большую цѣну; но, по нашему мнѣнію, это—просто риторическая прибавка составителя, а не заимствованіе изъ древней лѣтописи. Риторическою прирасой слѣдуетъ считать и названіе Рюрика архикраторомъ и базилевсомъ (что между прочимъ служитъ г. Голубинскому

одною изъ главныхъ уликъ противъ древности отрывка). Къ риторическимъ прибавкамъ автора мы относимъ также извѣстіе, что Рюрикъ, по смерти братіи, облада всею землею, не имѣя ни съ кѣмъ войны (чему, однако, вѣрить г. Лавровскій); таково же и посольство Кіевлянъ къ Рюрику съ просьбою дать имъ князя, результатомъ чего было отправленіе къ нимъ Оскольда; прагматизмомъ автора, кажется намъ, слѣдуетъ объяснять и такія извѣстія, какъ казнь вельможъ, приверженныхъ къ христіанству при Святославѣ, приверженность Ярополка къ христіанству и нелюбовь къ нему Кіевлянъ за это, и пр. Все это легко было вывести изъ лѣтописныхъ намековъ. Вообще, если сравнить всѣ данныя отрывка съ дошедшими до насъ лѣтописными списками и съ первыми попытками прагматической исторіи, какова Степенная книга, съ хронографами и прологами, если выдѣлить все то, что нужно отнести къ прагматико-риторическому способу изложенія составителя, то останется не болѣе двухъ-трехъ данныхъ, которыя можно счесть взятыми изъ не дошедшихъ до насъ списковъ древней лѣтописи. Сюда, кажется намъ, слѣдуетъ отнести разказъ о крещеніи Новгородцевъ (но едва ли весь), быть можетъ, извѣстіе, что король Угорскій приходился тестемъ Святославу, и также извѣстіе о присылкѣ къ намъ, первыхъ іереевъ изъ Болгаріи.

Въ виду всего этого данному отрывку едва ли возможно придавать такое значеніе, какое приписываетъ ему г. Лавровскій, а просто слѣдуетъ включить его въ разрядъ довольно многочисленныхъ компилцій XVII и начала XVIII вв. въ родѣ Степенной книги, разныхъ хронографовъ и т. д., да и между ними, по цѣнности данныхъ, этотъ отрывокъ займетъ далеко не видное мѣсто.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ относительно автора такъ-называемой Іоакимовской лѣтописи.

Г. Голубинскій считаетъ необходимымъ вернуться къ мнѣнію Карамзина ¹⁾, который признавалъ Іоакимовскую лѣтопись шуткой Татищева, и рѣшительнымъ образомъ признаетъ авторомъ подложной Іоакимовской лѣтописи самаго автора „Исторіи Россійской“. Этою фальсификаціей Татищевъ хотѣлъ будто бы пополнить и исправить древняго лѣтописца; поэтому у него и нѣтъ извѣстій, несогласныхъ съ древнею лѣтописью и прямо противорѣчащихъ ей. Первую половину Та-

---

¹⁾ И Шлецера, говоритъ г. Голубинскій; но мы выше видѣли, что Шлецеръ вовсе не обвинялъ Татищева въ подлогѣ, считая его только надателемъ выдумки «какого-нибудь глупаго монаха».

тищевъ не сполна сочинилъ, а только болѣе или менѣе пересочинилъ, хотя вѣроятно—первое. Относительно второй половины отрывка рѣшительно нужно принимать, что она сполна имѣетъ его своимъ авторомъ (стр. 632).

Какія же доказательства приводитъ г. Голубинскій тому, что не кто иной, какъ самъ Татищевъ, передѣлалъ и дополнилъ какое-нибудь произведеніе грамотѣи XVI в.? Кажется, лишь то, что одинъ только Татищевъ обладалъ достаточными знаніями для совершенія подлога, именно зналъ шведскій и нѣмецкій языки, и потому могъ знать о Гардарикѣ и пр., чего не могъ знать грамотѣи XVI в. Остальныя доказательства г. Голубинскаго—скорѣе указанія на приемы, путемъ которыхъ Татищевъ хотѣлъ заставить вѣрить своему подлогу.

Конечно, это доказательство крайне слабое. Почему должны мы думать, что компиляція, или часть ея, принадлежала грамотѣю XVI в., трудомъ котораго воспользовался Татищевъ? Самъ Татищевъ называетъ письмо новымъ, слѣдовательно, компиляція эта легко могла быть составлена въ XVIII в., а тогда и кромѣ Татищева были люди, знавшіе иностранныя языки.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ противъ авторства Татищева въ этомъ случаѣ та необыкновенная добросовѣстность, съ которою составленъ весь его обширный трудъ. Приѣмъ Татищева при сводѣ разныхъ лѣтописныхъ данныхъ состоялъ въ томъ, что въ текстѣ онъ сводилъ лишь данныя разныхъ лѣтописныхъ списковъ, а разныя поясненія, соображенія, дополненія изъ иностранныхъ писателей сообщалъ въ примѣчаніяхъ. Сводя лѣтописныя данныя, Татищевъ лишь нѣсколько измѣнялъ древній языкъ, иногда прибавлялъ нѣсколько словъ для большей гладкости языка, изрѣдка раскрывалъ, такъ-сказать, скобки въ лѣтописныхъ данныхъ, но въ большинствѣ случаевъ самымъ невиннымъ образомъ; такъ, онъ обозначалъ годъ рожденія какого-нибудь князя, если было извѣстно, когда и какихъ лѣтъ онъ умеръ, но и это онъ оговариваетъ въ примѣчаніи, сознавая, что онъ вставилъ это по соображенію, хотя въ лѣтописяхъ года рожденія и не нашелъ; иногда предпочиталъ онъ одно чтеніе другому. По вообще отступленій отъ текста лѣтописей у него весьма мало. Мы сравнили изложеніе Татищева съ изложеніемъ нашихъ лѣтописей и на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій встрѣтили едва нѣсколько такихъ принадлежащихъ самому Татищеву фразъ, которыя существенно измѣняютъ смыслъ лѣтописнаго сказанія; таково, на примѣръ, выше указанное мѣ-

сто о лтвяжскихъ городахъ и мѣсто подъ 1030 г. о смерти перваго Новгородскаго епископа Іоакима, гдѣ прибавлено: иже ны учаше греческому языку,—между тѣмъ какъ въ Новгородской лѣтописи (3-й), откуда это мѣсто взято, сказано только: иже ны учаше; о греческомъ языкѣ, кажется, прибавилъ самъ Татищевъ по соображенію.

Точно также, какъ съ иностранными источниками, поступаетъ Татищевъ и съ Іоакимовскою лѣтописью: въ текстъ онъ ея не внесъ, а сначала помѣстилъ въ введеніи всю, и затѣмъ при случаѣ дополнялъ ея свѣдѣніями лѣтописныя данныя, но и то въ примѣчаніяхъ. Почему онъ не внесъ данныхъ этого отрывка въ текстъ, онъ объясняетъ самъ въ введеніи: онъ не могъ сослаться ни на какой извѣстный манускриптъ (введеніе, стр. 41), такъ какъ тетради онъ отослалъ архимандриту Мелхиседеку, отъ котораго ихъ и получилъ.

Въ виду всего этого нѣтъ никакой возможности заподозрить самаго Татищева въ подлогъ; да и какая цѣль могла заставить его совершить подлогъ? Еслибъ онъ желалъ, то могъ бы въ какомъ угодно видѣ представить нашу исторію, такъ какъ тогда рукописи лѣтописей мало кому были извѣстны, и историческая наука находилась въ самомъ первобытномъ видѣ; но онъ съ великою добросовѣстностью предпочелъ даже литературной обработкѣ одну черновую работу свода матеріаловъ. Перестанемъ же бросать тѣнь на человѣка, который такъ много, съ такою любовью, „неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ“ поработалъ для нашей родной исторіи. Дай намъ Богъ побольше такихъ тружениковъ, какъ Татищевъ, тружениковъ, такихъ безкорыстныхъ въ литературномъ отношеніи и такъ вѣрно понимающихъ потребности той науки, которой они посвятили жизнь¹⁾.

Что же касается самаго имени составителя такъ-называемой Іоакимовской лѣтописи, то былъ ли это Мелхиседекъ, какъ полагаетъ г. Лауровскій, или кто другой (Татищевъ считалъ Мелхиседека слишкомъ мало грамотнымъ, чтобы сложить этотъ отрывокъ), полагаю, довольно безразлично. Компиляція эта занимаетъ ранговое мѣсто среди

¹⁾ Вполнѣ присоединяемся къ предложенію К. Н. Бестужева-Рюмина (Очерки и характеристики, стр. 183), приглашающаго молодыхъ ученыхъ заняться отдѣленіемъ всѣхъ особыхъ извѣстій Татищева и опредѣленіемъ, какія изъ нихъ принадлежатъ которому изъ его неизвѣстныхъ источниковъ, а затѣмъ оцѣнкой ихъ достоверности на основаніи частью сохранившихся памятниковъ, частью внутреннихъ соображеній.

множества подобныхъ сочиненій прошлыхъ вѣковъ, и доискиваться имени ея автора едва ли стоитъ труда ¹⁾).

И. Линиченко.

Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг. Изъ дневниковъ члена посольства, д-ра *И. Л. Яворскаго*. Два тома. СПб. 1882—1883.

Подъ такимъ заглавіемъ докторъ Яворскій обнародовалъ свой дневникъ, веденный имъ въ 1878 и 1879 годахъ въ Афганистанѣ и Бухарѣ, во время пребыванія тамъ извѣстнаго посольства генерала Н. Г. Столѣтова, посольства, надѣлавшаго въ свое время много шума и у насъ, и особенно за границей. Вести дневникъ во время путешествія—обычай прекрасный, изданіе дневниковъ—дѣло полезное. Но и хорошее, полезное дѣло можно испортить неумѣлыми руками, что и случилось съ названною нами книгой. Въ памятную книжку вписится много такого, что вовсе не имѣетъ права на оубликованіе; а потому авторъ, издавая свой дневникъ, долженъ предварительно хорошенько очистить его отъ всего того, что не можетъ имѣть интереса для публики. Объ этомъ, кажется, всего менѣе позаботился г. Яворскій,—и совершенно напрасно.

Принявъ на себя обязанность исторіографа миссіи, г. Яворскій задался тремя цѣлями: дать описаніе пути, пройденнаго посольствомъ, изложить исторію странъ и городовъ, гдѣ находилась миссія, и про-

¹⁾ Впрочемъ, что касается автора такъ-называемой Іоакимовской лѣтописи, то нѣкоторыя соображенія объ этомъ представилъ покойный В. И. Григоровичъ (Труды 3-го археолог. съезда, т. I, р. LXV). Около 1730 г. въ Бизюковъ монастырь, настоятель котораго, Мельхиседекъ Ворцовъ, сообщилъ Татищеву такъ-называемую Іоакимовскую лѣтопись, жилъ архимандритъ; Іоакимъ это видно изъ двухъ памятниковъ половины XVIII в. По мнѣнію Григоровича, этотъ Іоакимъ имѣлъ возможность изъ готовыхъ лѣтописей составить сводъ, тетради котораго доставлены были Татищеву въ 1748 г. Григоровичъ полагалъ, что судьба Іоакимовской лѣтописи выяснилась бы, если бы ближе ознакомились съ самимъ Бизюковымъ монастыремъ, гдѣ она найдена. Онъ же сообщаетъ и слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ: Основанъ онъ былъ въ 1660 году Салтыковымъ, былъ ставропигіальнымъ и пользовался покровительствомъ знатныхъ родовъ. Около 1786 г. онъ обдѣлалъ и въ 1803 г. переведенъ въ Херсонскую губернію, гдѣ была образована Соероніева пустынь. Туда перенесена вся движимость монастыря. Есть преданіе, что въ этомъ монастырѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, сожгли кучу бумагъ.

извести свой судъ надъ посольствомъ. Такимъ образомъ, содержаніе дневника можно раздѣлять на три части. Выскажемъ свой взглядъ о каждой изъ нихъ.

Описаніе пути, всего тамъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго должно, конечно, составлять главную часть книги. Какъ очевидецъ, каждый путешественникъ, если обладаетъ необходимыми качествами—наблюдательностью и добросовѣстностью—можетъ сдѣлать своимъ описаніемъ цѣнный вкладъ въ географическую литературу. Есть у него предшественники—онъ подвинетъ дѣло, начатое ими; нѣтъ ихъ—онъ проложитъ новыя пути знаній. Но не такъ, по видимому, смотритъ на это авторъ „Путешествія по Афганістану“. Иначе не сталъ бы онъ выполнять свое описаніе праздною болтовней, къ дѣлу не идущее и часто производящее неприятное чувство своею формой и содержаніемъ.

Кому, напримѣръ, можетъ быть интересно, какъ г. Яворскій спалъ на Самаркандской станціи (I, 16), кому дѣлалъ визиты въ Самаркандъ (20), или что въ этомъ городѣ ташкентская драматическая труппа играла „ни больше, ни меньше, какъ Свадьбу Кречинскаго“ (23). Къ чему, напримѣръ, эта вставка о Евреѣ, у котораго начальникъ миссіи спрашивалъ: примутъ ли Афганцы русское посольство; или разказъ о Шибкинскомъ сидѣньи, о Болгарахъ, о компаніи Коганъ, Грегерь и К° (113)? Какое значеніе имѣетъ описаніе, какъ г. Малевичскій отыскивалъ во въюкахъ вина и никакъ не могъ доискаться шампанскаго (143)? Совсѣмъ не кстати приведенъ разговоръ о Кавказѣ (204), и еще болѣе не у мѣста упомянуть бенедиктинскій ликеръ для прославленія нѣкоторыхъ наклонностей духовенства (211). Стоило ли занимать читателя пустяками въ родѣ тѣхъ, что на одномъ привалѣ съ топографомъ случилось „пренеприятнѣйшее въ пути приключеніе“: долго не приходилъ въюкъ, въ которомъ находилась его постель (294). Мы долго могли бы продолжать этотъ списокъ, но и приведенное достаточно показываетъ, что самъ г. Яворскій своему описанію не придаетъ серьезнаго значенія. И чего только нѣтъ въ трудѣ г. Яворскаго! Къ удивленію, вы встрѣчаете тутъ и разсужденія о положеніи военныхъ врачей, и цитаты изъ Ксенофонта, вопреки мнѣнію автора, никакую „здоровую простоту правды“ не доказывающія (238). Тутъ узнаете вы, какъ мѣняется слогъ письма сообразно съ адресатомъ: „Для передачи этой разпицы“—пишетъ г. Яворскій,—„я воспользовался бы сравненіями чисто музыкальнаго свойства. Такъ, напр., письмо къ г. Кауфманну по солидности и официальнойности тона

я сравнилъ бы съ полными, но осторожными ударами смычка по контра-басу. Въ письмѣ къ медицинскому инспектору уже замѣчались болѣе мягкіе звуки виолончели, хотя все еще преобладали тоны средней высоты и силы. Письмо къ Н. звучало также игриво и мягко, какъ флейта; письмо же къ В. отдавало речитативомъ, сигналами тревоги и даже барабанною дробью. Письмо къ Е. походило на равнодушно исполненную увертюру изъ оперы дидактическаго характера...“ (II, 72). Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли бы эту музыкальную чепуху въ какомъ-нибудь газетномъ фельетонѣ, чѣмъ въ описаніи путешествія по Афганистану. Нельзя не обратить вниманія еще на одно злоупотребленіе г. Яворскаго: онъ слишкомъ уже много занимаетъ читателя своею osobой. Опъ не только передаетъ всѣ свои впечатлѣнія съ самыми неумѣренными подробностями, но откровенно высказываетъ всѣ свои качества, способности (II, 128), всѣ свои думы и душевное настроеніе (II, 362—363). Очевидно, до чужаго времени г. Яворскому нѣтъ никакого дѣла.

Начинаетъ свой трудъ г. Яворскій изображеніемъ того оживленія, которое охватило туркестанское общество при извѣстіи о походѣ въ Индію. Офицеры обрадовались и оживились, впервыхъ, потому, что давно засидѣлись безъ дѣла и не знали что дѣлать отъ скуки; вовторыхъ, возникло у нихъ предвкушеніе наградъ и большихъ прогоновъ, такъ какъ путь предстоялъ далекій. Прогонамъ—замѣтимъ мимоходомъ—г. Яворскій придаетъ большое значеніе и обсуждаетъ ихъ очень старательно. Солдаты прогоновъ не предвкушали, но тоже оживились, потому что ихъ кормить стали лучше, „какъ на убой“. Незавидную аттестацию выдалъ г. Яворскій туркестанскому воинству; но еще менѣе пощадилъ онъ мирное населеніе. Ташкентская публика, невоенная, если вѣрить доктору, вела себя просто поворно. Къ походу, какому бы ни было, тѣмъ болѣе дальнему, всѣ относились неодобрительно, изъ опасенія, какъ бы по уходѣ войскъ, Сарты не вырѣзали оставшихся безъ защиты русскихъ обывателей. И ни малѣйшаго намека на какой-либо проблескъ патріотическаго чувства, того чувства, которое охватило всю Россію передъ Берлинскимъ конгрессомъ. За то „дамы Краснаго Креста и дамы, не принадлежащія къ нему, въ короткое время приготовили цѣлую груду разныхъ госпитальныхъ и перевязочныхъ принадлежностей, назначавшихся для будущихъ раненыхъ героевъ. Почти во всякой порядочной гостиной непремѣнно можно было увидать одну или нѣсколько паръ нѣжныхъ рукъ, поворно управлявшихъ съ иглой въ одной и ножницами въ другой

(?) рукъ". Но и тутъ появляется на сцену непритворный зѣвокъ и гримаса досадливой скуки, вызванныя работой „съ благотворительною цѣлью" (стр. 4). Отрицательное исключеніе въ этомъ мутномъ болотѣ представляетъ только самъ авторъ. Онъ стремился въ Индію съ другою, по видимому, цѣлью, чѣмъ иные-прочіе. Онъ и на службу-то въ Ташкентъ поѣхалъ въ предвидѣніи похода въ Индію (I, 5). И вотъ, когда начались приготовленія къ этому походу, г. Яворскій тоже заволновался. Его сильно соблазняло мѣсто баталіоннаго врача, „какъ по большей самостоятельности здѣсь врача, какъ практика, такъ и по большей подвижности части; можно было угодить въ авангардъ и тогда..." (5). Что „тогда" — предоставлено догадываться читателямъ; а самъ авторъ такъ и не пояснилъ, съ какою цѣлью стремился онъ въ Индію. „Но", продолжаетъ г. Яворскій, — „если бы мнѣ тогда, какинъ-либо чудомъ, было открыто, что мнѣ предстояло потомъ испытать во время моихъ будущихъ путешествій по Средней Азій, то вѣроятно, мой юношескій жаръ мгновенно остылъ бы и я предпочелъ бы остаться въ этомъ, такъ вдругъ ужъ очень опротивѣвшемъ мнѣ Ташкентѣ". Вотъ какъ разочаровался г. Яворскій послѣ двухъ съ мирною цѣлью предпринятыхъ поѣздокъ въ Афганистанъ. Что же было бы, еслибъ онъ позналъ дѣйствительно въ походъ, гдѣ пришлось бы терпѣть всевозможныя лишенія и даже рисковать жизнью? Какъ же послѣ того авторъ выдаетъ себя за любителя сильныхъ ощущений, и какъ читатель долженъ примирить слѣдующія противорѣчія? Когда генераль Разгоновъ разказалъ доктору, какое неудобное было положеніе миссіи въ Кабулѣ, и прибавилъ, что г. Яворскій сто-кратъ счастливъ, что не испыталъ той безысходной тоски и той смертельной муки неизвѣстности, какія испытала миссія, то докторъ заявляетъ по этому случаю: „Но я былъ несогласенъ съ генераломъ Разгоновымъ. Мнѣ было жалко и отчасти досадно, что не пришлось испытать тѣхъ сильныхъ ощущений, какія пережила миссія въ Кабулѣ, особенно въ послѣдніе дни своего пребыванія въ немъ" (II, 106). Далѣе. При отозваніи миссіи обратно, генераль-губернаторъ Кауфманъ приказалъ доктору остаться при эмирѣ. Кажется, могъ бы г. Яворскій утѣшиться предстоявшими ему сильными ощущеніями, но это распоряженіе повергло г. Яворскаго въ мрачное настроеніе изъ опасенія, какъ бы не изобразить собою „жертву вечернюю" за чужіе грѣхи (II, 116). Но затѣмъ, когда дѣла стали принимать такой оборотъ, что и докторъ могъ ѣхать въ Россію, онъ опять недоволенъ и жалѣетъ, что не придется ему играть роль политическаго дѣятеля (II,

155). Наконецъ его оставили при больномъ эмирѣ, и онъ просто ужъ жалуется на свою судьбу (П, 178, 180, 185). Окончательно оставляя Афганистанъ, г. Яворскій восклицаетъ: „Прощай, Афганистанъ. Впрочемъ, нѣтъ: до свиданія!“ (П, 293). Ничего не разберешь, когда онъ говоритъ искренно, и когда только наполняетъ страницы своей книги.

Не въ Индію и не баталіоннымъ врачомъ попалъ г. Яворскій, а былъ прикомандированъ къ посольству генерала Столѣтова къ эмиру Ширю-Али. Въ составъ миссіи, кромѣ начальника и доктора, вошли: полковникъ Разгоновъ, топографъ Бендерскій, переводчикъ персидскаго языка подпоручикъ Назировъ, переводчикъ турецкихъ нарѣчій Замаавъ-бекъ Шихалибековъ, чиновникъ Малевинскій, какъ знатокъ западно-европейскихъ языковъ и особенно англійскаго, и 22 казака для конвоя.

Ни у членовъ миссіи, и ни у кого въ Ташкентѣ свѣдѣній объ Афганистанѣ, по словамъ автора, не имѣлось, кромѣ тѣхъ, которые помѣщены въ географіи Ободовскаго, такъ что страна эта для нашихъ дипломатовъ являлась terra incognita въ полномъ смыслѣ. При чтеніи книги г. Яворскаго не мѣшаетъ помнить это откровенное признаніе: оно объясняетъ многія странности, встрѣчающіяся въ книгѣ, и въ то же время показываетъ, на сколько основательны нѣкоторые, подъ часъ непомѣрныя, претензіи автора. Какими же невѣждами должны счесть насъ Англичане, ознакомившись съ книгой г. Яворскаго и повѣривъ ему на слово! Но на Западѣ, если и не всегда могутъ пользоваться нашею литературою касательно Азии, все-таки хорошо знаютъ и объ ея существованіи и ея объемѣ, знаютъ, что у насъ болѣе, чѣмъ у кого-либо, имѣются средства къ изученію Востока, его прошлаго и настоящаго, и только подвигаются невѣднію автора „Путешествія по Афганистану“. Да и нельзя не подивиться: вѣдь онъ раньше всѣхъ убѣдился въ необходимости похода въ Индію,—почему же не поинтересовался онъ, хотя сколько-нибудь, ознакомиться съ невѣдомыми для него странами, чрезъ которыя разчитывалъ проходить, и въ которыхъ намѣревался дѣйствовать. Не въ правѣ ли мы послѣ того заключить, что доктора, при отсутствіи у него любознательности, влекло въ Индію одно праздное любопытство, до котораго въ сущности никому нѣтъ никакого дѣла?

Разсѣять свой мракъ невѣднія относительно того или другаго предмета—дѣло во всякомъ случаѣ похвальное, всякаго поощренія заслуживающее; но если лицо, едва-едва поразсѣявшее свой собствен-

ный туманъ, выступаетъ въ печать съ цѣлю поучать другихъ, ему слѣдуетъ указать его настоящее мѣсто.

Прежде всего мы противъ всякихъ разсужденій и заключеній г. Яворскаго: они не имѣютъ для насъ ровно никакого значенія. Да и что могутъ значить разсужденія объ Азійчеловѣка безъ всякой къ тому подготовки? А разсужденій у г. Яворскаго очень много.

На пути изъ Ташкента въ Самаркандъ авторъ описываетъ Голодную степь (стр. 9 — 11). Тутъ, между прочимъ, вы встрѣчаете указаніе на историковъ Александра Македонскаго и на китайскаго путешественника Сюань-Цзана. Такимъ образомъ съ первыхъ же страницъ вамъ приходится приготовиться не къ простому, безхитроственному разказу видѣннаго и слышаннаго, а къ ученому описанію пути и посѣщенныхъ странъ. Выиграла ли отъ этого книга г. Яворскаго — мы скажемъ ниже; теперь же остановимся на личныхъ разсужденіяхъ автора. Онъ очень сочувственно относится къ проекту орошенія Голодной степи, желаетъ скорѣйшаго проведенія начатаго уже оросительнаго канала, въ которомъ видитъ „огромное значеніе для будущности не только Туркестанскаго края, но и вообще Россіи въ Средней Азій“. Дѣйствительность, какъ извѣстно, не оправдала ожиданій доктора: новый начальникъ края прекратилъ эту бесполезную работу, и фантастическій проектъ сданъ въ архивъ.

По сторонамъ дороги между Джамомъ и Чиракчи виднѣются изрѣдка, какъ сообщаетъ г. Яворскій, — юрты, „эти первобытныя жилища не менѣе первобытныхъ обитателей, здѣшнихъ кочевниковъ-Киргизовъ“ (I, 33). Еслибъ автору было извѣстно, что Киргизы ни въ какомъ случаѣ не первобытные здѣсь жители, онъ, можетъ быть, и поразспросилъ бы на мѣстѣ, какіе это Киргизы и какъ сюда попали. Но для этого надо знать кое-что побольше географіи Ободовскаго. Въ настоящемъ же случаѣ г. Яворскій выказалъ полнѣйшее незнакомство съ древнею исторіей Средней Азій. Да не подумаетъ читатель, что мы придираемся къ мелочамъ; если это мелочь, то такими мелочами переполнена книга г. Яворскаго, и мы приводимъ ихъ далеко не всѣ.

Ознакомившись съ Чиракчинскимъ бекомъ, г. Яворскій счелъ нужнымъ объяснить намъ власть и положеніе бековъ, то-есть, губернаторовъ въ Бухарскомъ ханствѣ (35—38). Этыхъ бековъ сравнилъ онъ съ нашими до-петровскими боярами и въ то же время приписалъ имъ значеніе удѣльныхъ князей. „Они вели войны съ своими сосѣдями, заключали миръ, чеканили свою монету и только тѣмъ и въ часть ссххх отд. 2.

ражали свое подданство Бухарѣ, что отъ времени до времени посылали эмиру непочтительные подарки". Ну, какіе же это до-петровскіе бояре? Но г. Яворскій увѣряетъ насъ, что современная Средняя Азія—это ни что иное, какъ до-петровская Русь. Тѣ же наказанія, тѣ же дѣянія (П, 334), шуты (П, 171), наконецъ—тѣ же постройки и архитектура, представляющая „смѣсь азіатскаго съ византійскимъ“ (П, 336). Византійская архитектура въ Бухарѣ! И какъ это до сихъ поръ никто этого не замѣтилъ? Вообще вліяніе Востока на Западъ сильно занимаетъ автора, и онъ, гдѣ можно, указываетъ намъ это вліяніе. Образецъ его догадливости на этотъ счетъ можно видѣть въ примѣчаніи на страницѣ 45 I-го тома. Но вернемся къ бекамъ. Право чеканить монету имѣеть на мусульманскомъ Востокѣ особенное значеніе, какъ одна изъ прерогативъ верховной власти. И государь, вступая на престолъ, прежде всего спѣшитъ воспользоваться этимъ правомъ. Но и правители областей, губернаторы и намѣстники, всегда имѣли, такъ-сказать, часть этого права: они могли чеканить и дѣйствительно чеканили мѣдную монету, по отнюдь не серебряную, а тѣмъ паче не золотую. Бухарскіе беки, за исключеніемъ Шехрисябзскаго, дальше этого своего права и не шли; Шехрисябзское же бекство дѣйствительно одно время добилось независимости, и беки, какъ кажется, чеканили серебряную монету; но таковыя не описаны и намъ не попадались. Мѣдной же имѣется довольно много.

Описаніе бековъ у г. Яворскаго, по видимому, самое подробное, а между тѣмъ онъ ничего не сказалъ о положеніи бековъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на такой постъ назначаются сыновья эмира; а они обыкновенно посылаются въ главные города.

Въ Ширабадской степи, верстахъ въ 20 отъ Ширабада, миссія остановилась у одного ошалыгаго кишлака, жители котораго получаютъ воду изъ Ширабадской рѣки всего одинъ разъ въ три года. „Подобное распоряженіе со стороны бухарской администраціи“, пишетъ г. Яворскій, — „вызвано будто бы какимъ-то проступкомъ жителей этого и еще двухъ другихъ сосѣднихъ кишлаковъ. Странное и вѣсть съ тѣмъ странное наказаніе! Но я, лично, сомнѣваюсь въ мотивахъ подобнаго снабженія водой. Если такое водоснабженіе есть результатъ наказанія, то развѣ только—небеснаго, и обусловлено вообще бѣдностью воды въ Средней Азіи“ (89). Почему наказаніе странно, и почему объясненіе жителей неправдоподобно, докторъ не поясняетъ. Подобный способъ наказанія на столько же странный по отношенію къ осѣдлымъ, на сколько странный угонъ скота у кочев-

пиковъ: иной разъ никакихъ другихъ средствъ къ обузданію виновныхъ не имѣется. Что же касается до толкованія жителей, то оно болѣе чѣмъ правдоподобно. Такое наказаніе практиковалось въ Бухарѣ даже на нашихъ глазахъ. Такъ, въ 1868 г. эмиръ уменьшилъ количество воды, отпускавшейся въ тюмень Ромитанъ за то, что населеніе дало пріютъ бунтовщику сыну его, Катта-тюрѣ. Бѣдствие началось въ тюменѣ страшное; 16,000 семействъ покинули свои поля и выселились въ другія мѣста (см. Извѣстія Имп. Р. Географическаго Общества, т. IX, отд. II, 260—261).

Способомъ переправы на рѣкѣ Аму-Дарѣ г. Яворскій очень доволенъ, ибо переправа эта, по его мнѣнію, отзывается доисторическою живизнью. Пусть такъ, хотя и не всѣ европейскіе путешественники сходятся въ этомъ случаѣ съ г. Яворскимъ, хотя средне-Азіатцы умѣютъ устроить такіа переправы при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, какія и не снились нашимъ инженерамъ—говоримъ безъ преувеличенія; но вотъ чего мы не понимаемъ: какъ это лошадь, которая, плывя черезъ рѣку, тянетъ за собою паромъ, играетъ „только роль руля, и то до извѣстной степени“ (стр. 96). Странно.

Мы не будемъ слѣдовать за миссіей шагъ за шагомъ. Съ одной стороны, это слишкомъ утомительно, вслѣдствіе замѣчательной способности автора распространяться о самыхъ простыхъ и иногда вовсе лишннихъ въ описаніи вещахъ; съ другой—мы такъ мало встрѣчаемъ новаго, что и останавливаться почти не на чѣмъ; а потому обратимъ вниманіе на болѣе крупныя предметы.

Баміанскіе идола поразили г. Яворскаго, какъ поражали они всѣхъ, кто имѣлъ случай видѣть ихъ. Осмотрѣть ихъ удалось г. Яворскому безъ всякой помѣхи, а потому и въ описаніи своемъ онъ очень пространенъ (256 — 260). Но, увы! и тутъ ни слова новаго. Даже досадно становится, такъ и хочется сказать, что все описаніе составлено по Борнсу, съ добавленіями изъ труда Муркрофта и еще кое-кого другихъ англійскихъ путешественниковъ. И даже полемика г. Яворскаго съ Борнсомъ (объ этомъ см. ниже) нисколько не разубѣждаетъ насъ въ этомъ мнѣніи. Мы готовы утверждать, что г. Яворскій былъ связанъ описаніями своихъ предшественниковъ; иначе неужели не нашель бы онъ сказать ничего новаго, своего? А описаніе фресокъ въ нишахъ положительно списано у Борнса и также неудовлетворительно, какъ и въ оригиналѣ. А между тѣмъ и тутъ вопросы такъ сами собою и напраиваются. Напримѣръ: какую народность по своему типу должны изображать человѣческія фигуры?

Неужели фрески-то онъ проглядѣлъ? Напрасно же послѣ этого жалуются г. Яворскій, что генералъ (такъ онъ любитъ называть начальника миссіи) не позволилъ ему осмотрѣть развалины Гуль-гулѣ (I, 260). Все равно, лучше Мессонова описанія этихъ развалинъ онъ не далъ бы; значить, и сокрушаться не о чемъ. Кстати о Гуль-гулѣ. Въ толкованіи этого слова — „шумъ, гуль“ — г. Яворскій слѣдуетъ Мессону, но расходится съ нимъ въ изложеніи причинъ, по которымъ дано такое названіе городу. По первому оно явилось вслѣдствіе сильной нѣкогда населенности города: „базарный шумъ стономъ стоялъ надъ городомъ“ (I, 261). По второму оно дано городу вслѣдствіе того шума, который происходилъ тамъ во время вѣтровъ. Последнее объясненіе кажется намъ болѣе правдоподобнымъ.

Взглядъ доктора на нѣкоторыя вещи и его требованія довольно странны. Начальникъ афганскаго конвоя Мосинъ-ханъ на одномъ ночлегѣ произвелъ экстренную повѣрку афганскихъ караульныхъ постовъ, при чемъ одинъ заснувшій на часахъ солдатъ былъ имъ сильно избитъ. „Что за варварство!“ восклицаетъ г. Яворскій, — „къ чему такая строгость? Къ чему насъ тщательно стерегутъ?“ (I, 167). Очевидно, до военной дисциплины доктору нѣтъ никакого дѣла, даже солдатъ на часахъ можетъ спать. Но тутъ, видите ли, г. Яворскому не нравится — за чѣмъ стерегутъ? Онъ не выноситъ стѣсненій въ своихъ дѣйствіяхъ. Описываетъ г. Яворскій не всегда удовлетворительно, но быть хочетъ вездѣ и никакъ не можетъ простить тому, кто мѣшаетъ ему предпринимать экскурсіи въ ту или другую сторону, — нужды нѣтъ, что толку отъ этихъ экскурсій выходитъ очень немного. Если достается за эти препятствія начальнику миссіи, это еще не удивительно, но докторъ не даетъ спуску и другимъ. Когда начальникъ афганскаго конвоя отказался въ Мазари-Шерифѣ везти г. Яворскаго черезъ базаръ и говорилъ, что въ случаѣ какого-либо оскорбленія г. Яворскому со стороны населенія — въ то время дѣла въ Афганистанѣ измѣнились къ худшему — онъ, начальникъ конвоя, рискуетъ своею головою, то докторъ ядовито замѣчаетъ: „Очевидно было, что мой спутникъ очень бережетъ свою голову и не могъ быть причисленъ къ разряду очень храбрыхъ людей“ (II, 59). Какъ немного требовалъ докторъ отъ своего конвоира: чтобы тотъ не щадилъ своей жизни для него! И добро бы требовалось это ради науки, а то просто для удовлетворенія празднаго любопытства какого-то заѣзжаго человѣка.

Въ своихъ нападкахъ и обличеніяхъ докторъ иногда заходитъ очень далеко. Такъ, нашихъ чиновниковъ, посылаемыхъ изъ

Ташкента въ Бухару, онъ обвиняетъ въ невѣжливо́мъ обращеніи съ Бухарцами. Невѣжливость заключается въ томъ, что чиновники наши проѣзжаютъ воротами передъ дворцомъ эмира, а не идутъ пѣшкомъ, какъ слѣдуетъ это по мѣстному этикету. Распняаясь за бухарскій этикетъ, докторъ дошелъ до того, что сравнилъ дворцовыя ворота въ Бухарѣ съ Спасскими воротами въ Москвѣ (II, 332—333). Обвинять другихъ, обвинять почти всѣхъ поголовно еще не ахти-какая мудрость; гораздо мудренѣе самому избѣгнуть обвиненія въ другихъ или даже въ тѣхъ же поступкахъ. А что же дѣлаетъ самъ докторъ? Онъ, тяготясь пребываніемъ въ Бухарѣ, рѣшается на цѣлый рядъ невѣжливостей, чтобы скорѣе добиться отпуска: отказывается отъ томаши (II, 363), сухо принимаетъ караулъ-бега (364), грозитъ выѣхать изъ Бухары безъ разрѣшенія эмира, и все это въ то время, какъ бухарскія власти употребляли всѣ усилія, чтобы угодить и доставить доктору удовольствіе и развлеченіе. Вообще, надо замѣтить, что г. Яворскій къ другимъ очень строгъ, а это даетъ право относиться строго и къ нему самому. И тѣмъ болѣе, что строгость г. Яворскаго въ большинствѣ случаевъ неосновательная. Такъ, на стр. 126 (т. I) онъ совершенно напрасно упрекнулъ Борпса за то, что путешественникъ этотъ называетъ „кабабъ“ (жаренку на вертелѣ баранину) плодами. Говоримъ: напрасно, потому что у Борпса рѣчь идетъ не о баранинѣ, а объ извѣстныхъ плодахъ кебабе или кубеба (kabobs, Cabool, стр. 164—165, 235), которые поджариваются на огнѣ. Странно, скажемъ въ свою очередь и мы, что докторъ Яворскій, такъ хорошо изучившій Афганистанъ, не знаетъ этихъ плодовъ.

Не совладалъ г. Яворскій и съ формой дневника. Недомолвки, общія поговорить послѣ, частыя повторенія—все это приписываемъ мы избранной авторомъ формѣ. Особенно надоѣдаютъ повторенія, и конечно, не достигаютъ полнаго впечатлѣнія. Въ разныхъ мѣстахъ г. Яворскій характеризуетъ членовъ миссіи, нѣсколько разъ принимается описывать гяръ-сиръ (I, 124, 159). Не влюбилъ г. Яворскій Ширабадскаго бека, не влюбилъ за то, что бекъ совершилъ по отношенію къ нашему доктору великое преступленіе: распустилъ въ Бухарѣ слухъ, будто докторъ убитъ во время волненій въ Мазари-Шерифѣ. И вотъ, въ трехъ мѣстахъ своей книги г. Яворскій рассуждаетъ о немъ на разные лады (II, 304, 311, 327). Преступленіе ужасное! Какъ не снять за это виновному голову? Стоитъ только пожаловаться эмиру, и клеветникъ понесетъ заслуженное наказаніе.

По докторъ великодушнѣ. Онъ такъ и говоритъ: „Будемъ великодушны, простимъ ему его вину, не обмолвимся о немъ передъ эмиромъ ни единымъ словомъ...“, а то, пожалуй, излишнее усердіе обойдется ему очень дорого: „пожалуй эмиръ произнесетъ обычное: весимъ-башка!—и бекъ простится съ заманчивою, даже въ трущобахъ Средней Азіи, губернаторскою жизнью“ (II, 327).

Многаго ожидали мы отъ объемистаго труда доктора Яворскаго: вѣдь онъ былъ въ странѣ, гдѣ давно уже не было Европейцевъ. Сколько новаго и интереснаго могъ бы онъ разказать намъ! Но докторъ занятъ своими впечатлѣніями, своимъ великодушіемъ, своими думами, которыя и изливаются въ своей кпигѣ безъ всякой мѣры. Тутъ такъ много лиризма, доходящаго даже до пѣтня, и такъ мало настоящаго дѣла. Подъ громкимъ, напимѣръ, заглавіемъ „Этнографія Афганистана“, мы встрѣчаемъ самое скудное перечисленіе жителей, занимающее всего полстраницы (II, 231). Прибавьте къ этому отсутствіе всякой системы въ изложеніи, и вы невольно должны пожалѣть время, потраченное вами на преодоленіе этихъ двухъ томовъ. На каждой страницѣ приходится испытывать полное разочарованіе.

А между тѣмъ видно, что докторъ иногда и думалъ о своихъ читателяхъ, боялся утомить ихъ и старался придать живость и картинность своему описанію; но живость эта кака-то неестественная, а картинность вымученная. Вотъ какъ, напимѣръ, докторъ описываетъ свою поѣзду къ Ширабадскому беку: „Нашъ путь лежалъ черезъ городской базаръ. Всѣ обитатели его выползли изъ своихъ глиняныхъ лавокъ, чтобы посмотрѣть на невѣдомыхъ почти (?) до сихъ поръ въ этомъ городѣ „Урусовъ“. Извѣстіе, что бекъ послалъ за русскимъ „хакимомъ“ (врачемъ) облетѣло уже весь базаръ, и теперь они съ любопытствомъ пялили на меня глаза. Вотъ мѣдникъ оставилъ свой кумганъ (туземный чайникъ) и, съ долотомъ въ одной рукѣ и съ полудой въ другой, перебрасывается съ сосѣднимъ кузнецомъ замѣчаніями на мой счетъ. Этотъ послѣдній сонсѣмъ забылъ въ данное время (!) о лошадиной ногѣ, къ которой онъ пригонялъ подкову. Лошадь воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы ткнуть мордой дремавшаго рядомъ съ ней ишака (осла), который съ просоновою заоралъ во все ослиное горло, самымъ отчаяннымъ образомъ. Рядомъ сапожникъ-старикъ, усердно (?) примѣривавшій какому-то муллѣ новыя сафьянныя сапоги, забылъ о немъ и, скрестивъ на желудкѣ руки, шепталъ своимъ беззубымъ ртомъ, аманъ! и шурилъ свои красныя, подслѣповатыя глаза на „урусъ-хакима“, можетъ быть, съ надеждой,

что и ему, бѣдному старику, „Урусь“ поможетъ вернуть хорошее зрѣніе, утраченное имъ уже много лѣтъ тому назадъ“, и такъ далѣе (I, 82—83). Для оживленія разказа г. Яворскій вставляетъ и разговоры, и надо сказать, не всегда удачно. Иной разъ просто недоумѣваешь, зачѣмъ они приведены: неужели изъ жизни миссіи нашей въ Афганистанѣ не нашлось ничего болѣе замѣчательнаго, болѣе достойнаго упоминанія?

Но образецъ краспорѣчія г. Яворскаго можно видѣть въ описаніи Железныхъ воротъ, въ четвертый проѣздъ ими автора раннею весной: „Ущелье это и теперь имѣло, конечно, такой же мрачный видъ, какъ и всегда. Но теперь уже ничто не скрашивало того суроваго впечатлѣнія, какое производятъ на путника эти дикія, обнаженные, растрескавшіяся громады скалъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Кусты миндаляныхъ и фиашковыхъ деревьевъ, такъ живописно отгнѣившіе своею свѣжею зеленью мрачныхъ каменныхъ гигантовъ лѣтомъ (кого же отгнѣившіе?), — теперь, окутанные сѣдымъ инеемъ, безпомощно висѣли въ воздухѣ, зацѣпившись своими цѣпкими корнями въ трещины скалъ. Нѣкоторые изъ нихъ, прельщенные довольно теплой погодой въ предыдущіе 5—10 дней, преждевременно одѣлись было въ цвѣтовую уборъ весны. Тѣмъ печальнѣе высматривали теперь они изъ подъ траурнаго одѣянія зимы, наброшеннаго на нихъ, поверхъ брачныхъ покрововъ весны, насильственной рукою непогоды. А этимъ гигантамъ-скаламъ... имъ все нипочемъ! Стоять онѣ цѣлыя тысячелѣтія въ одинаковомъ ледяномъ спокойствіи, и лѣтомъ, и зимой. Онѣ съ одинаковымъ безстрастіемъ посылаютъ случайному ихъ гостю, путнику, свой равнодушно-холодный, мертвенный взглядъ. И жутко чувствуетъ себя слабое человѣческое существо въ сосѣдствѣ съ этими твердынями, подавляющими его мысль своею космическою мощью. И кажется человѣкъ рядомъ съ этими каменными гигантами едва замѣтной былинкой... Но въ этой былинкѣ скрыта искра могучаго огня, великой силы — разума, который въ состояніи помѣряться съ неразумной стихійной силой. И валятся эти могучіе каменные колоссы, какъ карточные дома, отъ дѣйствія разумной силы человѣка; колоссальное безуміе не можетъ вынести удара искры разума; колоссъ бездушный уступаетъ олушевленному пигмею...“ (II, 305—306).

Въ такихъ восторженныхъ тирадахъ бѣды особенной мы еще не видимъ. Читатель, отыскивая дѣло въ книгѣ г. Яворскаго, пропуститъ ихъ, и дѣлу конецъ. Гораздо больше бѣды въ томъ, что авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ такіа венца, которыя не слѣдовало бы вы-

сказывать просто изъ чувства приличія. Вотъ хотя бы опасеніе, что Афганцы полоняютъ членовъ миссіи по совѣту Англичанъ (I, 100). Къ чему щеголять собственнымъ невѣжествомъ? Неужели же г. Яворскій думаетъ, будто всѣ въ Россіи такіе же невѣжды, и никто не зналъ, что по договору Англичанъ съ Афганцами послѣ войны 1842 г., ни одинъ Англичанинъ не имѣлъ права входить въ Афганистанъ, а смѣльчакъ, рискнувшій проникнуть туда, могъ поплатиться жизнью, какъ и случилось съ маіоромъ Макдональдомъ. Или къ чему этотъ озлобленный вызовъ публикѣ съ цѣлію защитить докторовъ вообще (II, 302)? И все-таки г. Яворскій старается оправдаться передъ нею, этою публикой, которую ставить ни во что, и доказать, что не онъ виновенъ въ смерти эмира Шира-Али. На болѣзни эмира г. Яворскій останавливается довольно долго (II, 189—216) и описываетъ ее очень подробно. Такъ подробно еще описывается у него только ѣда, питье и вообще угощеніе нашей миссіи въ Афганистанѣ и Бухарскомъ ханствѣ. Это и понятно. Въ первомъ случаѣ онъ исполнилъ на своемъ мѣстѣ, а во второмъ—никакой предварительной подготовки не требуется.

Мы сказали, что г. Яворскій какъ-то озлобленно относится ко всѣмъ и ко всему; ниже мы еще приведемъ тому доказательства; только въ одномъ случаѣ, гдѣ это всего менѣе можно было ожидать, г. Яворскій дѣлаетъ исключеніе: онъ въ восторгѣ отъ русскаго вліянія въ Средней Азіи. Ну, и слава Богу!

Однако, есть ли что-нибудь цѣнное въ книгѣ г. Яворскаго? Да, хотя и немного, но все-таки есть. Это, вопервыхъ, поправки, сдѣланныя имъ почти ко всѣмъ трудамъ своихъ предшественниковъ, какъ тѣхъ, которыхъ онъ читалъ, такъ и тѣхъ, которыхъ не читалъ. Это важно. Но мѣра важности зависитъ отъ того, гдѣ сдѣланы поправки: во время ли пути, то-есть, на мѣстѣ, или въ кабинетѣ, такъ сказать, по памяти. Не потребуются ли поправки и къ его описанію? Въ одномъ мѣстѣ г. Яворскій расходится и со своимъ спутникомъ, топографомъ Бендерскимъ (I, 290). Конечно, могъ и топографъ ошибиться; но съ одной стороны, г. Яворскій какъ-то пріучилъ ужь относиться къ нему недоувѣрчиво, а съ другой — и самъ онъ далеко не всегда точенъ въ своихъ описаніяхъ. Чтобы не упрекать голословно, приведемъ примѣръ. Дважды проѣзжалъ докторъ развалинами Сіягырдъ, дважды и описалъ ихъ (I, 366; II, 285—286), но въ оба раза онъ ни слова не проронилъ о существованіи тамъ въ настоящее время селенія Сіягырдъ, о которомъ упоминаетъ однако

Н. И. Гродековъ. Повторныхъ, значеніе имѣеть описаніе маршрута, которымъ слѣдовала миссія. Это самая существенная часть книги. Затѣмъ, какъ на болѣе интересныя мѣста, укажемъ на описаніе путешествія эмира (II, 137—138), описаніе войска (II, 138), смуть въ Афганистанѣ послѣ смерти Шира-Али, то-есть, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ г. Яворскій оставляетъ роль обличителя и судьи.

Быть простымъ передатчикомъ того, что пришлось видѣть и пережить нашей миссіи во время пути, для г. Яворскаго мало: онъ захотѣлъ написать ученую книгу, удѣливъ въ ней мѣсто исторіи и исторической географіи. Но и этотъ ученый отдѣлъ не главный въ трудѣ доктора, такъ какъ, прерывая свой дневникъ для „исторической панорамы“ той или другой мѣстности, онъ неоднократно извиняется передъ читателемъ за такое отступленіе (I, 175, 267). Извиненіе не напрасное, ибо „ученый“ отдѣлъ не имѣеть никакого значенія и—употребляемъ любимое выраженіе автора—ниже всякой критики. Этотъ совершенно ненужный хламъ, хламъ въ полномъ смыслѣ слова, который только испортилъ все дѣло. Разъ ознакомился г. Яворскій съ трудами нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, не захотѣлось ему отстать отъ нихъ, и онъ сталъ излагать свое путешествіе такъ, какъ они излагали. Въ результатъ—ни одного оригинальнаго взгляда, ни одного новаго факта или свѣжей мысли. Не погонись г. Яворскій за ученостью, онъ, какъ всякій новый въ чужой странѣ человѣкъ, сказалъ бы о ней свое слово и тѣмъ навѣрно сдѣлалъ бы полезный вкладъ въ нашу литературу объ Азій. Но ученость сгубила все дѣло, а ученая слава г. Яворскому на этомъ поприщѣ не далась, ибо взялся онъ за трудъ для себя непосильный.

Послѣ краткаго описанія Желѣзныхъ воротъ, авторъ счелъ нужнымъ дополнить свое описаніе выдержками изъ записокъ другихъ путешественниковъ—Сюань-Цзана, Чапъ-Чуна и де-Клавико. У перваго изъ нихъ нашелъ онъ нѣкоторыя несообразности и сдѣлалъ противъ нихъ свои возраженія. Не малая это заслуга исправить знаменитаго путешественника, подумаетъ читатель. Но что же оказывается? Г. Яворскій сталъ изучать Сюань-Цзана по Юлю, да и то въ русскомъ переводѣ г-жи Федченко ¹⁾, то-есть, изъ четвертыхъ рукъ, и обвинилъ Китайца въ томъ, въ чемъ виноваты только дальнѣйшіе его переводчики. Курьезнѣе же всего то, что г. Яворскій самъ же

¹⁾ Очеркъ географіи и исторіи верховьевъ Аму-Дарья. Переводъ съ англ. О. А. Федченко (въ *Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Геогр. Общества* 1873 г. т. IX).

свои разсужденія и опровергаетъ, приводя въ выноскахъ (I, стр. 74 и 75) цитаты Жюльенова перевода Сюань-Цзана. Значить, было же время у г. Яворскаго выкинуть свои ненужныя возраженія противъ китайскаго путешественника; почему же оставилъ онъ свой текстъ безъ измѣненія? Очевидно, онъ думалъ: сойдетъ и такъ. Юль говоритъ, что де-Клавихо единственный изъ Европейцевъ (Юль писалъ въ 1872 г.) прошелъ Желѣзными воротами (стр. 8); г. Яворскій воспользовался этимъ указаніемъ, помѣстилъ его въ своей книгѣ, но съ прибавленіемъ одного слова: „вѣроятно“ (первый Европеецъ). Занисмованіе, конечно не важное, но выходитъ какъ будто, что авторъ самъ вполне овладѣлъ своимъ предметомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Яворскій съ хронологіей обращается довольно свободно. Отъ путешествія Сюань-Цзана (630—645 г.) до путешествія Чанъ-Чуня (1222 г.) прошло, говоритъ онъ, — 600 лѣтъ, а до Клавихо (1404 г.)—800.

Послѣ описанія переправы черезъ Аму авторъ счелъ „не лишнимъ дать коротенькій географическій очеркъ той части долины Аму-Дарьи, которую посѣтило посольство, а также и ближайшихъ къ ней, сосѣднихъ мѣстностей“. Мы въ правѣ ожидать въ этомъ очеркѣ, что авторъ, какъ лицо, бывшее на мѣстѣ, сообщитъ тутъ что-либо новое, освѣтитъ то или другое темное извѣстіе прежнихъ путешественниковъ. Ни чуть не бывало. Г. Яворскій извлекъ изъ случайно попавшихся ему книгъ все то, что относилось къ древней Бактрии, о которой, впрочемъ, понятія у него довольно темныя и сбивчивыя, привелъ эти извѣстія въ хронологическій порядокъ и помѣстилъ въ своей книгѣ безъ всякой переработки, такъ—въ сыромъ видѣ. Это даже и не компиляція, которая все же что-нибудь да значить. При такомъ условіи „очеркъ“, занимающій 26 страницъ, совершенно напрасно прерываетъ нить разказа. Мы не будемъ ужъ останавливаться на системѣ изложенія автора, по которой можно, напримѣръ, говорить о Даріѣ Гистаспѣ, перейти къ Зендъ-Авестѣ и снова вернуться къ Дарію; но отмѣтимъ слѣдующее замѣчаніе автора. На стр. 177 читаемъ: „Въ это, и въ слѣдующее затѣмъ время (время Дарія Гистаспа), Балхъ, хотя уже и не представлявшій собою столицу царей Персидскихъ,—достигъ цвѣтущаго состоянія“. Это когда же, спросимъ мы автора, Балхъ былъ столицею Персидскихъ царей? Ни въ историческихъ памятникахъ, ни въ преданіяхъ, приводимыхъ г. Яворскимъ, ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ. За то встрѣчаемъ у него широко распространенный, но не совсѣмъ похвальный

пріемъ умолчанія по отношенію къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ г. Яворскій черпаетъ различныя свѣдѣнія. Такъ, выраженіе: Теодотъ, прозванный правителемъ „тысячи городовъ“ (стр. 178), позаимствовано у Юля (стр. 2) безъ указанія источника. Оттуда же взялъ г. Яворскій прозваніе Бальха „матерью городовъ“ (I, 183). На основаніи того же труда г. Яворскій описываетъ предѣлы Греко-Бактрійскаго царства (стр. 179), только излагаетъ Юля своими словами, чтобы выдать за собственный выводъ. Но дѣло въ томъ, что выводъ этотъ сдѣланъ только Юлемъ, и притомъ едва ли основательно. Мы не знаемъ точно южныхъ предѣловъ этого царства, и кромѣ того, нельзя сказать, чтобы Греко-Бактрійскіе цари владѣли одновременно всѣми перечисленными у Юля землями. Скорѣе надо предположить, что цари двигались въ Индію съ цѣлію вознаграждать свои потери на сѣверѣ и сѣверо-западѣ. Тутъ же сообщается, будто Скионы отняли у Греко-Бактрійскихъ царей Аспіонію и Турину (то-есть, Туривію), тогда какъ провинціи эти отняты были Пареліскимъ царемъ Митридатомъ I. „Въ это время“ (около нашей эры) — читаемъ далѣе въ книгѣ г. Яворскаго— „Кюешапангъ покорила Юэчей, главныхъ виновниковъ разрушенія Бактрійскаго царства“. Приведенное извѣстіе выхвачено опять у Юля (стр. 3), какъ явствуетъ это изъ самой фразы и изъ неправильной передачи имени побѣдителя Юэчей.

Изложивъ по Юлю судьбу Греко-Бактрійскаго царства (ни Юстина, ни Полинія г. Яворскій не знаетъ) и сообщивъ намъ новость, имъ же самимъ и сочиненную, будто Турки въ VI в. образовали было на развалинахъ Бактрійскаго государства новое царство Турковъ (стр. 180), г. Яворскій переходитъ къ наиболѣе излюбленному имъ путешественнику, Сюань-Цзану, и дѣлаетъ изъ него, неизвѣстно къ чему, длинныя выписки, на этотъ разъ по французскому переводу. Покончивъ на время съ Сюань-Цзаномъ, авторъ вернулся назадъ ко времени сношенія Турокъ съ Византіей въ концѣ VI в. (стр. 182). Источникомъ для изученія тѣхъ сношеній послужилъ г. Яворскому, какъ ни странно это, все тотъ же Юль. Не удивляетъ насъ послѣ этого слѣдующее замѣчаніе автора „Путешествія“: „Вскорѣ послѣ утвержденія власти Турковъ въ Бактріанѣ и Согдіанѣ, Среднюю Азію опять посѣтили Греки, едва ли не первые со времени походовъ Александра Македонскаго“ (стр. 182). Очевидно, г. Яворскому ничего не извѣстно о торговыхъ сношеніяхъ Грековъ съ средне-Азіатцами задолго до появленія Турокъ въ западномъ Туркестанѣ и о посольствѣ

въ Китай изъ страны Фолинь въ II в. по Р. Х., такъ какъ у Юля ничего объ этомъ не говорится.

Завоеванія Арабовъ въ Средней Азій излагаются по Вамбери (Исторія Бухары) и Барбье де-Мейнару (*Dictionnaire de la Perse*)— по двумъ трудамъ далеко не одинаковой цѣнности; но для г. доктора никакой разницы въ этомъ случаѣ не существуетъ. Объ Исторіи халифовъ Вейли онъ, конечно, и не слыхивалъ. Арабская культура пользуется особеннымъ расположеніемъ г. Яворскаго: „Арабы пришли сюда не только какъ разрушители и завоеватели; они явились сюда также и созидателями и насадителями новой культуры“ (стр. 183). Далѣе идутъ и самыя восклицанія, о которыхъ рѣчь впереди. Впрочемъ, это расположеніе дальше перваго тома не пошло. Во второмъ томѣ читаемъ нѣчто другое. Тамъ арабская культура уже не нравится г. Яворскому, онъ предпочитаетъ ей древне-иранскую: „Мусульманская схоластика и мусульманскій піэтизмъ въ это время (XIII стол.) еще впервые (?) запустили наиболѣе прочно свои корни въ умственный и моральный міръ потомковъ древнихъ Согдовъ. Эти чужездныя растенія потомъ (!) такъ овладѣли привлекательнымъ деревомъ древне-иранской культуры, и такъ жадно высасывали его соки, что отъ него остался одинъ только остовъ“ (II, 22). Нельзя сказать, что авторъ послѣдователенъ. А любопытно бы знать—когда это „потомъ“? Вѣдь г. Яворскій превознесъ уже насажденіе арабской культуры на мѣстѣ древне-иранской? Допускать подобныя неточности въ исторіи совѣмъ неудобно. Впрочемъ, мы уже замѣтили, что г. Яворскій не признаетъ хронологической точности. Затѣмъ о Саманидахъ, перечисленіе городовъ Мерва, Талкана, Балха и др. взято у Юля же (стр. 4) безъ всякой ссылки на него. Саманиды, о которыхъ г. Яворскій распространяется довольно подробно, являются у него правителями только Хорасана (183—184), между тѣмъ какъ они главнымъ образомъ владѣли Манераннагромъ или древнею Трапсоксіаной, которая и составляла родовое ихъ владѣніе. Въ концѣ этой династіи, повѣствуетъ авторъ,— Турки-Сельджуки вторгаются въ страну съ сѣвера и двигаются на западъ черезъ Балхъ. И это измышленія самого г. Яворскаго, не извѣстно намъ, на чемъ основанныя. До сихъ поръ авторъ велъ рѣчь о древней Бактріанѣ; но ему понадобилось показать, какъ высока мусульманская культура, и онъ сталъ перечислять, какія свѣтила науки появились въ долинѣ Аму-Дарьи. Онъ упоминаетъ тутъ Авицену, Эль-Бируни. Первый, однако, уроженецъ Афшена (близъ Бухары), а второй—Хорезма. О какой же—спрашивается — долинѣ

разсуждаетъ г. Яворскій? Теперь мы могли бы быть еще требова-
тельными къ автору, если ужъ онъ захватываетъ вопросъ такъ ши-
роко; но будемъ великодушны и мы, и пойдемъ дальше.

„Сѣверные хищники“ Сельджуки, какъ оказывается, не загубили
страны и ея новой культуры; процвѣтаніе долины продолжало по-
двигаться впередъ и впередъ „гигантскими шагами“ (184), а подъ
властію Сельджукидовъ страпа эта достигла апогея своего процвѣ-
танія (186)! Много наговорилъ тутъ г. Яворскій страннаго, непо-
нятнаго и навѣрно запутался бы окончательно, еслибы не выручило
ого спасительное событіе—нашествіе Монголовъ. Тутъ можно по-
рвать всякую связь съ прошлымъ и начать повня мудрствованія. Пе-
ріодъ монгольскихъ завоеваній въ Средней Азійи и господство тамъ
Чингизидовъ не дали обильной нищи автору, да иначе и быть не
могло. Монгольскій періодъ изучалъ онъ по извѣстному труду хивип-
скаго хана Абуль-Гази, писателя XVII столѣтія, плохаго компилятора
для затронутаго авторомъ предмета. Естественно, что г. Яворскій и
поспѣшилъ перейти къ Тимуридамъ. Тутъ оказывается, что конецъ XV
вѣка (то-есть, вѣроятно, XIV) является для долины Аму не лучшимъ
временемъ, чѣмъ время Чингиза. Теперь во всей Азійи хозяйничалъ
„хромой“ Тимуръ. Ну, это еще туда-сюда; но дальнѣйшаго изложе-
нія мы рѣшительно не понимаемъ,—такъ ужъ все перепутано. Въ
1369 году Тимуръ провозглашается эмиромъ Мавераннахра. Выдаю-
щеся историческое событіе, замѣчаетъ по этому случаю авторъ. Но
почему? По видимому, событіе, какъ событіе, ничего особеннаго; а
между тѣмъ тутъ дѣйствительно была одна замѣчательная особен-
ность, о которой г. Яворскій, конечно, не знаетъ. Та именно, что
при содѣйствіи духовенства провозглашенъ былъ Тимуръ эмиромъ,
да и титулъ-то данъ ему духовный. Когда г. Яворскій переходитъ
къ Тимуриду эмиру Хуссейну Байкаръ (стр. 189), вы въ правѣ ду-
мать, что съ Тимуромъ уже покончено; но не надо забывать, что ав-
торъ „Путешествія“ любитъ возвращаться назадъ, что онъ и дѣлаетъ
на слѣдующей страницѣ, упоминая о посольствѣ Генриха III Кастиль-
скаго къ Тимуру.

Если вѣрять г. Яворскому, то „въ началѣ XVI ст. Шейбани,
основатель новой династіи, возсѣвшей на „кокъ-ташъ“ (это династія-то
возсѣла на „голубомъ камнѣ“?), снова наполнилъ шумомъ битвы всю
Среднюю Азійю“ (стр. 190), тогда какъ главный-то „шумъ“ былъ въ
концѣ XV столѣтія: Бухара взята была еще въ 1498 году.

Но странно вотъ какое явленіе: Арабы опустошаютъ Среднюю Азійю

огнемъ и мечемъ, а она процвѣтаетъ, говорятъ г. Яворскій; сѣверные хищники страшно разоряютъ Хорасанъ, а онъ гигантскими шагами дворяется на пути процвѣтанія; Шейбанидъ Абдулла-ханъ налѣчиваетъ раны, нанесенныя Средней Азіи ханомъ Шейбани, возводитъ сооружеія, караванъ-сарай, сердобы и т. д., а долина Аму-Дарьи все болѣе и болѣе хирѣетъ, города вымираютъ, села пустѣютъ. Этому запустѣнію, по словамъ автора, не помогли и великіе моголы Индіи, часть имперіи которыхъ одно время составляла древняя Бактріана. Что жъ это такое? спросить въ недоумѣніи читатель. Выходитъ, что разрушенія благодѣтельны, а заботы о благосостояніи приносятъ только вредъ. Не всѣмъ, видно можно братья писать исторію! Маленькое замѣчаніе по поводу хана Абдуллы. Что онъ воздвигалъ и робаты (то-есть, страннопріимные дома), и сердобы и т. п.—это несомѣнно, но совсѣмъ не въ такой степени, какъ приписываетъ ему народная молва. Народъ вездѣ одинаковъ и вездѣ приписываетъ своимъ любимымъ героямъ такіе подвиги, которые большею частію совершены другими лицами. Затѣмъ у г. Яворскаго выходитъ, какъ будто робаты—постройки новаго, сравнительно, времени; между тѣмъ о робатахъ очень подробно сообщаютъ арабскіе путешественники X вѣка; такъ неужели же не сохранилось въ Средней Азіи тѣхъ древнихъ зданій, которыми населеніе всегда дорожило и оберегало? Думаемъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и по многихъ другихъ, авторъ обнаружилъ недостатокъ наблюдательности. Что касается до замѣчанія г. Яворскаго, будто древняя Бактріана одно время составляла часть имперіи великихъ моголовъ, то это даровое позаймствованіе изъ чужаго труда едва ли удачно. Власть моголовъ (Бабуридовъ) простиралась на сѣверѣ только до Гиндукуша и на Бактріану не распространялась. Правда, Эвренгъ-Зибъ предпринималъ походъ на Бальхъ; но сколько намъ извѣстно, изъ этого похода ничего не вышло.

Покончивъ съ грѣхомъ пополамъ съ иностранными извѣстіями о долині Аму-Дарьи, г. Яворскій переходитъ къ русскимъ. „Въ половинѣ 17 ст. Средняя Азія, кажется, впервые увидала въ стѣнахъ своихъ городовъ представителей Русскаго царства. Въ 1675 г. въ Бухару было снаряжено русское посольство“, при чемъ члены посольства Шапкинъ и Касимовъ должны были отправиться къ Индійскому шаху. Въ выноскѣ же г. Яворскій замѣчаетъ: „Первыя сношенія Россіи съ Бухарой начались, впрочемъ, еще за много лѣтъ до этого времени“. Что жъ это такое: и первыя сношенія, и въ то же время не первыя? Но пойдѣмъ дальше. Вѣрный своей системѣ пово-

рачивать назадъ, г. Яворскій прибавляетъ: „Но еще раньше Касимова и Шанкина, въ 1644—50 г., въ Балхъ побывалъ Никита Медвѣдевъ, состоявшій толмачемъ при Борисѣ Пазухинѣ, во время путешествія послѣдняго въ Бухарѣ, въ качествѣ Русскаго посла“ (стр. 191—192). Это ужъ не опечатка, а прямое искаженіе фактовъ. Братья Пазухины были назначены посланцами въ Бухару въ 1669 году; откуда же взялъ г. Яворскій эти цифры 1644—1650 годовъ? Самъ онъ не указываетъ откуда, но онѣ не выдуманы, а взяты изъ книги И. П. Минаева ¹⁾. Но вотъ чтò значить читать невнимательно. У г. Минаева говорится вообще о сношеніяхъ за это время и особо (безъ указанія года) о посольствѣ Пазухинныхъ; а г. Яворскій, не разобравъ дѣла, заставилъ этихъ пословъ править посольство на 15 лѣтъ раньше, чѣмъ это было въ дѣйствительности. А избѣгнуть такихъ промаховъ было очень легко: стоило только взглянуть въ „Сборникъ“ кн. Хилкова (С.-Пб. 1879), гдѣ изложены наши сношенія съ Бухарой въ XVII и началѣ XVIII столѣтій, и гдѣ г. Яворскій увидалъ бы, что первое наше посольство въ Бухару отправлено было въ 1620 году.

„Послѣднимъ ураганомъ налетѣвшимъ на Бактріану и усилившимъ ея запустѣніе является, по словамъ автора, „персидскій разбойникъ“ Надиръ-шахъ (192). Для нѣкоторыхъ странъ Азіи, пожалуй, Надиръ и былъ ураганомъ, хотя онъ ограничивался чаще всего огромными контрибуціями, милліардами, но никакихъ опустошеній въ Бактріанѣ онъ не производилъ. Да и у Вамбери, который очевидно соблазнилъ г. Яворскаго, приписавъ Надиру значеніе урагана, говорится только, что въ Бактріану посланъ былъ Риза-Кули, сынъ Надира, которому и сдалась страна эта добровольно, только Балхъ оказалъ сопротивленіе и былъ взятъ приступомъ. Объ этомъ „ураганѣ“, если сравнить его съ нашествіемъ въ Балхскую область Индѣйцевъ, о чемъ г. Яворскій умолчалъ, и упоминать-то не стоило. Отчасти этотъ случай, а затѣмъ другіе въ дальнѣйшемъ изложеніи, показываютъ, что о Бактріанѣ въ XVIII в. авторъ имѣетъ самыя темныя представленія.

До сихъ поръ мы ничего не говорили о несовѣтнѣ похвальномъ приѣмѣ г. Яворскаго дѣлать заимствованія у позднѣйшихъ изслѣдователей, по ссылаться на первоначальный источникъ. Больше всего обобралъ онъ покойнаго профессора Григорьева, въ прекрасномъ

¹⁾ Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи. С.-Пб. 1879, стр. 226—227.

трудѣ ¹⁾ котораго г. Яворскій нашелъ для себя неистощимыя сокровища. Почти все, что есть у г. Яворскаго объ Афганистанѣ, то же самое можно читать и у Григорьева, только у послѣдняго въ настоящей ученой обработкѣ. Къ чему же, стало быть, повторять извѣстныя уже вещи? И замѣчательно, что со многими капитальнѣйшими трудами объ Афганистанѣ г. Яворскій знакомъ на столько, на сколько воспользовался ими Григорьевъ; таковы Мессонъ, Бѣрслемъ, Гриффитъ и другіе. Ссылается же г. Яворскій прямо на нихъ, даже цитаты подводитъ, но только тѣ, на которыя указалъ Григорьевъ. Во время пребыванія въ долину Мадеръ—сообщаетъ въ своемъ дневникѣ г. Яворскій—онъ разказывалъ Афганцамъ, какъ Бѣрслемъ преувеличилъ количество абрикосовъ, доставляемыхъ долиной (I, 233). Книги Бѣрслема при нашемъ посольствѣ не имѣлось, а „Кабулистанъ“ Григорьева былъ, и тамъ дѣйствительно приведено это мѣсто изъ Бѣрслема (стр. 966 — 967); къ чему же послѣ этого ссылаться на „A reer into Toorkistan“? Примѣчаніе на страницѣ 250 о Мессонѣ тоже сдѣлано по Григорьеву (страница 965); таково же и примѣчаніе (на стр. 264) о Зоухаковомъ городищѣ. При описаніи Баміанской долины г. Яворскій не удержался, чтобы не сдѣлать экскурсіи въ область исторіи и отчасти археологіи. Тутъ является у него и „Свѣтлая Вами“—выраженіе не совсѣмъ удачное (показывающее, что и Григорьева г. Яворскій читалъ невнимательно), заимствованное у Вильфорда изъ его „On Mount Caucasus“; тутъ есть и указаніе на древность Баміана, позаимствованное у Григорьева: „Баміанъ, весьма вѣроятно, не уступаетъ древностію ни Балху, ни Кабулу“, читаемъ въ „Кабулистанѣ“ (985). „Да и самый Баміанъ своею древностію едва ли уступитъ Балху“, перефразируетъ г. Яворскій (I, стр. 268). Тутъ же еще разъ можно видѣть, какъ г. Яворскій самъ себя опровергаетъ. У Вильфорда онъ вычиталъ, что „по Діодору Сицилійскому, Баміанъ существовалъ еще ранѣе Пина, царя Ассирійскаго“,—и помѣстилъ это въ текстѣ. Въ примѣчаніи же говорится: „Впрочемъ, Вильфордъ напрасно думаетъ видѣть въ этомъ ошибку великаго греческаго историка, который будто бы смѣшалъ Баміанъ съ Балхомъ. Желая провѣрить Вильфорда, я прочелъ Діодора Сицилійскаго и нашелъ, что онъ много и охотно говоритъ о Бактрахъ (Балхѣ) и—ни слова о Баміанѣ“ (стр. 268). Спрашивается: кому и какая польза отъ такой исторіи?

¹⁾ Землеустройство *К. Риттера*. Кабулистанъ и Капирстанъ. Перевелъ и дополнилъ *В. В. Григорьевъ*. С.-Пб. 1867.

„Историки Александра Македонскаго, такъ прекрасно освѣтившіе условія жизни странъ по Оксу и Яксарту ничего не говорятъ объ этой предполагаемой колыбели человѣчества, Бамьянѣ. На основаніи тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какія достались намъ отъ историковъ Александра о его походахъ въ горахъ Кавказа, нѣтъ возможности даже составить болѣе или менѣе точный маршрутъ его пути черезъ Гинду-Кушъ“—авторитетно заявляетъ г. Яворскій (стр. 268—269). Нельзя не подивиться трудолюбію и начитанности автора „Путешествія по Афганистану“. Ыхалъ онъ туда, буквально не имѣя о странѣ этой никакихъ свѣдѣній; а черезъ полтора-два года успѣлъ изучить чуть не всю литературу о Средней Азій, начиная съ греческихъ историковъ. Но погодите удивляться, разверните „Кабулистанъ“ Григорьева, на стр. 733 этой книги вы прочтете: „Не смотря однако на извѣстную точность Арріанову (напримѣръ, въ отношеніи походовъ Александра въ Трансоксианѣ), движенія Македонскаго завоевателя въ продолженіе втораго похода его по Кабулистану изложены въ „Анаваксисѣ“ этого писателя такъ неясно, что подали поводъ къ комментаріямъ самымъ противорѣчивымъ, и едвали когда разъяснены будутъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ“. Не правда ли: сходство поразительное? Извѣдилось оно, надо думать, оттого, что оба изслѣдователя одинаково хорошо изучили занимавшій ихъ вопросъ.

Провѣрять г. Яворскаго—трудъ утомительный, а заглядывать въ источники необходимо, такъ какъ онъ перѣдко позволяетъ себѣ искажать ихъ. Искаженія, правда, незначительныя, но смыслъ выходитъ ужь не тотъ. Вотъ хоть бы это мѣсто: „Зависимость Бамьяна отъ Китайской имперіи была по видимому полная: онъ платилъ китайскому правительству ежегодную дань“ (273). У Григорьева: „съ этихъ поръ (съ 658 года) присылка дани къ китайскому двору не прекращалась“ (989). Ни о какой „по видимому полной зависимости“ рѣчи нѣтъ, да и быть не могло, ибо въ Средней Азій представленіе дани никакой зависимости еще не означаетъ, и на этотъ разъ особенно представленіе дани было не болѣе какъ выгодною сдѣлкой Баміанцевъ съ Китаемъ.

При изложеніи исторіи города Баміана дѣло не обошлось безъ заимствованій. Такъ, свѣдѣнія о подчиненіи Баміану Кабула и Пенджгира (стр. 276) почерпнуто у Григорьева (стр. 277 — 279). О разрушеніи Баміана Чингизъ-ханомъ г. Яворскій узналъ, конечно, отъ Абуль-Гази. Тутъ же, мимоходомъ, исковеркалъ онъ названіе извѣстнаго труда Абуль-Фазла „Айнъ-и-Акбари“, которое

будто бы значить „владѣніи Акбара“; но не-ориенталисту это можно извинить.

Самое замѣчательное въ Баміанской долинѣ, разумѣется—идолы. На одного изъ нихъ г. Яворскій даже взбирался. Въ силу этого, въ дѣлѣ описанія идоловъ, не признаетъ онъ ужъ нивого изъ своихъ предшественниковъ. Всѣхъ, начиная съ Муркрофта, призываетъ онъ къ допросу и всѣхъ уничтожаетъ ¹⁾. Уничтоженіе это только кажущееся; самъ онъ, какъ мы уже замѣтили, ничего новаго къ нимъ не прибавилъ. Большинству путешественникамъ достается за то, что они втораго, меньшаго идола, принимали за изображеніе женщины; Борнсу, въ частности, достается за то, что онъ главному идолу приписалъ отвислыя уши, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Поправка годилась бы, еслибъ Мессонъ не предупредилъ уже нашего путешественника, объяснивъ, что уши кажутся отвислыми отъ серегъ. Что Моганъ-Лаль назвалъ идоловъ „прекрасными“, есть и у Григорьева (стр. 287); но чтобъ это заимствованіе не бросилось въ глаза, г. Яворскій привелъ англійскій текстъ (стр. 281), что не только не требовалось, но просто даже не кстати, ибо и въ болѣе важныхъ случаяхъ онъ этого не дѣлаетъ.

Упомянувъ довольно глухо, что въ продолженіе 1840 и 1841 годовъ Баміанская долина была посѣщена не только отдѣльными англійскими туристами, но и цѣлыми отрядами войскъ, г. Яворскій почему-то не счелъ нужнымъ выдѣлить такихъ изслѣдователей, какъ Гриффитъ, Бёрлемъ, которые оказали важныя услуги географіи Баміанской долины, а первый еще производилъ тамъ астрономическія наблюденія и гипсометрическія измѣренія. Мы не будемъ говорить о трудахъ Артура Конолли, Кая; гдѣ ужъ знать автору такія мелочи, когда онъ Мессона даже не читалъ. „Съ этого же времени“ (1841 года) — продолжаетъ г. Яворскій — „и до 1878 г. въ Баміанской долинѣ не было ни одного Европейца“ (стр. 282). Очевидно, г. Яворскій забылъ, что Англичане оставались въ Кабулѣ почти весь 1842 годъ. Наконецъ, ужъ если авторъ взялся представить полный обзоръ путешествій, не слѣдовало ему пропускать одного важнаго путешественника, хотя и не Европейца, мирзу изъ Мешхеда (Монго-

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія о путешественникахъ и ихъ трудахъ почерпнулъ г. Яворскій у Григорьева иногда готовыми фразами, въ родѣ тѣхъ, что записки Муркрофта и Требека изданы знаменитымъ санскритистомъ Вильсономъ 16 лѣтъ послѣ ихъ смерти («Кабулстанъ», стр. 317).

мери, представившіи отчетъ о поѣздкѣ мирзы, имя его скрылъ), который въ 1868 году, то-есть, въ такое время, когда ни одинъ Европеецъ не могъ проникнуть въ Афганистанъ, проѣзжалъ Баміанскою долиною. Подробныя свѣдѣнія о путешествіи мирзы помѣщены въ книгѣ И. П. Минаева (стр. 132 — 141), и странно, что г. Яворскій пропустилъ этотъ отчетъ.

Есть у Риттера въ его *Erdkunde* глава, посвященная изслѣдованію о мѣстоположеніи Александріи Подкавказской, которую знаменитый географъ помѣстилъ въ Баміанской долинѣ. Григорьевъ показалъ уже (стр. 986) всю несостоятельность подобнаго предположенія очень простымъ способомъ, доказавъ, что Александръ Великій не шелъ баміанскимъ путемъ. Но г. Яворскій и съ своей стороны счелъ необходимымъ упрекнуть Риттера и привести противъ него свои доводы. Доводы, впрочемъ, неважные: на основаніи-де тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Риттеръ, нельзя утверждать, что Александрія была построена въ Баміанской долинѣ, и тутъ же приводятъ цитаты изъ Арріана, Квинта-Курція, Страбона о построеніи Александріи, но безъ всякихъ толкованій. Совсѣмъ не убѣдительно.

Немного раньше, съ пѣкоторою таинственностію, г. Яворскій пообѣщалъ просвѣтить насъ на счетъ мѣстоположенія древняго города Баміана. Вы, такимъ образомъ, подготовлены къ открытію и ждете съ нетерпѣніемъ его обнародованія. Къ обнародованію своего открытія г. Яворскій приступаетъ не сразу. Предварительно онъ привлекаетъ къ отвѣтственности профессора Григорьева и творитъ надъ нимъ судъ. Вѣдь только онъ, г. Яворскій, можетъ теперь рѣшать всѣ дѣла, касающіяся этой долины. На стр. 285 своей книги г. Яворскій приводитъ слѣдующую выписку изъ „Кабулистана“: „Въ буддійскій періодъ и прежде, когда Гуль-гулы не существовало, именованъ Бамьяна назывался другой городъ, долженствовавшій находиться на мѣстѣ того городка, къ западу отъ Гуль-гулѣ, который нынѣ зовется Бамьяномъ, или нѣсколько южнѣе его; о такомъ мѣстоположеніи древнѣйшаго Бамьяна должно заключать изъ указаній Сюань-Цаня, что колоссальнѣйшая изъ статуй Шакьямуни Будды стояла, въ его время, къ сѣверо-востоку отъ столицы. Когда въ неизвѣстное время и по причинамъ, намъ тоже неизвѣстнымъ, древній, первоначальный Бамьянъ подвергся раззоренію, имя его перешло естественно на другой новый городъ, который сталъ возникать по сосѣдству съ нимъ; и когда этотъ новый городъ (Гуль-гулѣ), тоже, въ свою очередь, былъ

разрушенъ грознымъ Чингизомъ, имя Бамьяна перешло съ него опять на старое мѣсто, гдѣ возникло новѣйшее селеніе, иныи именемъ этимъ зовущееся ¹⁾". Г. Яворскій отвергаетъ всѣ эти соображенія и заключаетъ словами: „И такъ, ссылка Григорьева на мѣстоположеніе новѣйшаго Бамьяна и отождествленіе его съ древнѣйшимъ Бамьяномъ, неудачна. Перенесеніе города Бамьяна съ одного мѣста на другое оказывается, такимъ образомъ, тоже недоказаннымъ“. Затѣмъ рѣшается онъ вопросъ вотъ какъ: „По моему мнѣнію Гуль-гулѣ представляеть кремль того города, который описываетъ Сюань-Цань; Гуль-гулѣ же служилъ цитаделью и „мусульманскаго“ города, разрушеннаго Чингизъ-Ханомъ“ (стр. 285—286). Иными словами, попросте, Гуль-гулѣ былъ кремль города Баміана, а это значитъ, что Баміанъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь оказываются развалины Гуль-гулѣ. Посмотримъ же, чтò говорится объ этомъ въ „Кабулистанъ“ Григорьева. Обращаясь къ указанной г. Яворскимъ страницѣ 991-й этого труда, откуда онъ привелъ длинную выписку, мы видимъ, что онъ опустил самое существенное, а именно выводъ Григорьева, что г. Баміанъ долженъ былъ находиться на мѣстѣ развалинъ Гуль-гулѣ („до времени Чингиза...“ и т. д.). Не изъ-за чего же было г. Яворскому поднимать такой шумъ и повторять то же самое, но на другой ладъ. А такъ какъ коническую гору принималъ за кремль и Мессопъ, то выходитъ, что г. Яворскій приписалъ себѣ открытіе, совершенное другимъ.

Мы не можемъ себѣ представить, чтò могъ бы написать г. Яворскій объ исторіи и географіи Афганистана, если бы не было книги Григорьева. Муркрофтово объясненіе, что Шахъ-мама должно значить Шакьямуни (стр. 260), взято у Григорьева. Отъ него же узналъ г. Яворскій о Куръ. Правда, Григорьевъ не называетъ его авантюристомъ, какъ сдѣлалъ это авторъ „Путешествія“, ибо Куръ былъ человѣкъ почтенный и заслуженный; но французскимъ авантюристомъ Григорьевъ назвалъ Феррье (стр. 328). Г. Яворскому такъ понравилось это выраженіе, что онъ позаимствовался имъ, а чтобы позаимствованіе не слишкомъ бы ужъ бросалось въ глаза, примѣнилъ его къ другому лицу. На этотъ разъ ученость, взятая на прокатъ, ока-

¹⁾ Эта цитата, хотя и заключена въ кавычкахъ, но не совсѣмъ сходится съ текстомъ Григорьева. Г. Яворскій любитъ улучшать на свой манеръ чужое изложеніе. Такъ поступилъ онъ даже съ переводомъ переднихъ надписей П. И. Лерха (I, 12—13).

залась не совѣмъ у мѣста. Оттуда же (стр. 737) узналъ онъ, что Арріанъ упоминаеть про ассафетиду; по ссылка сдѣлана прямо на Арріана (243). Указаніе, что Бѣрслемъ восходилъ на Куги-Баба (295). г. Яворскій нашель у Григорьева (стр. 952); по откуда взялъ онъ, что и леди Сэль восходила туда же, мы не знаемъ. Наконецъ, цѣлый рядъ опредѣленій высотъ въ Кабулистанѣ (стр. 288, 296, 297, 360, 379) взяты у Григорьева (стр. 962, 590, 589, 263, 967, 964 и др.), а между тѣмъ ссылки указаны на Гриффита, Гауга, Бѣрслема, нѣтъ только указанія страницъ сочиненій ихъ; но объясняется это очень просто тѣмъ, что и Григорьевъ страницъ не указалъ, — какъ же могъ это сдѣлать авторъ путешествія, не читая ни Гриффита, ни Гауга, ни Бѣрслема? Но что же это такое, спросить читатель, — г. Яворскій обѣщалъ „руководиться въ своемъ изложеніи не однимъ какимъ-либо компилятивнымъ историческимъ трудомъ, а преимущественно оригинальными источниками“ (стр. 175), на самомъ же дѣлѣ пользуется этими источниками изъ вторыхъ рукъ? И вотъ, чтобы предупредить этотъ вопросъ, г. Яворскій представилъ не точныя цифры, какъ сдѣлалъ это Григорьевъ, а приблизительныя, круглыя, чтобы замаскировать свое заимствованіе оттуда. Даже и для справокъ-то трудъ г. Яворскаго негодится.

О Зохаковомъ городищѣ г. Яворскій не сказалъ ничего новаго. Ничего новаго отъ него мы и не ожидали, но интересно тутъ вотъ что: у Мессона есть прекрасное описаніе этого городища, такъ какъ онъ его посѣтилъ. И если бы г. Яворскій былъ дѣйствительно знакомъ съ трудомъ Мессона, онъ не преминулъ бы при такомъ удобномъ случаѣ щегольнуть своею начятанностію, какъ дѣлаетъ это всюду, гдѣ можетъ. Ну, не странно ли послѣ этого: ничего человекъ не знаетъ, капитальныхъ изслѣдованій по своему предмету не читаетъ а міръ удивить своею ученостію замышляетъ!

Въ видѣ какого-то новаго факта сообщаетъ г. Яворскій, что можно миновать Большой Иракскій переваль, взявъ направленіе на Шибръ (293); по это же самое сказано и у Григорьева (961—962).

Не одного только Григорьева обобралъ г. Яворскій; также поступилъ онъ, хотя и въ меньшей степени, и съ профессоромъ Минаевымъ. Такъ, у него (стр. 14) г. Яворскій взялъ указаніе, что Денни проходилъ черезъ Иракскій переваль (стр. 293). Отчего же, въ такомъ случаѣ, не воспользовался онъ ужъ и ѣдрымъ подобнымъ замѣчаніемъ г. Минаева, что Бѣрслемъ также проходилъ черезъ Иракскій переваль (стр. 109)? Очевидно, не доглядѣлъ; а это прямо показн-

ваетъ, что Бёрслема г. Яворскій не читалъ; иначе, читая подлинникъ, не могъ бы сдѣлать этого пропуса. Изъ того же труда (стр. 90) узналъ г. Яворскій, что нѣсколько выстрѣловъ въ колосъ сдѣлано по приказанію Эвренгъ-Зиба (I, 278). О другихъ болѣе мелкихъ заимствованіяхъ изъ книги г. Минаева мы упоминать ужь не будемъ: и то отчетъ нашъ вышелъ болѣе длиненъ, чѣмъ того заслуживаетъ разбираемая нами книга; высказать о ней свой взглядъ мы сочли нужнымъ только потому, что наша періодическая печать придала ей слишкомъ ужь большую важность.

Мы не понимаемъ, какое значеніе имѣютъ слова д-ра Джерарда, что даже Русская церковь уважалась Афганями (стр. 336), когда въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ, до нашей миссіи, тамъ былъ изъ Россіи только одинъ Виткевичъ; а между тѣмъ г. Яворскому это обстоятельство кажется очень важнымъ.

Въ „исторической панорамѣ“ Кабула (стр. 348—359) мы не встрѣчаемъ ничего новаго, чего не было бы у Григорьева. За то видимъ большіе пропуски (съ 700 года по 871) и частныя ошибки. Такъ на стр. 351 сообщается, что Джай-палъ обладалъ трономъ до 977 года, тогда какъ онъ воевалъ съ Махмудомъ Газневидскимъ въ 1002 году; затѣмъ оказывается, что имперія Великихъ Моголовъ существовала до 1857 года (стр. 354). „Если мы обратимся къ исторіи путешествій Европейцевъ, въ разныя времена посѣтившихъ Кабулъ, то увидимъ, что до настоящаго столѣтія въ этомъ городѣ Европейцевъ почти совсѣмъ не было (какъ это понимать— „почти“?). Едва ли не первыми, по времени, Европейцами здѣсь были члены русскаго посольства, посланнаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Бухару, въ 1675 году“ (355). Ну, а патеръ Гоесъ, проѣзжавшій черезъ Кабулъ въ 1603 г., въ счетъ не идетъ? А отчетъ о его путешествіи также помѣщенъ въ книгѣ г. Минаева. Описавъ пребываніе Касимова въ Кабулѣ, г. Яворскій прибавляетъ: „Но это не было первое посольство русское, снаряженное въ далекую „Индію“. При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, за 28 лѣтъ еще до поѣздки Касимова въ Кабулъ, въ Индію было снаряжено русское посольство“ (357). Кто былъ отправленъ въ Индію, и почему посольство не состоялось, г. Яворскій ничего не говоритъ, потому что у Мальгина объ этомъ ничего нѣтъ. Пояснимъ, что посольство это было возложено на Казанскаго кунца Пикиту Сыроежина и астраханскаго жителя Василя Тумянова. Но если ужь упоминать про наши попытки завязать сношенія съ Индіей, то слѣдовало бы упомянуть и о посольствѣ въ Персію и Индію гости Васи-

лія Шорипа въ 1651 году, кончившемся по отпощенію къ Индіи также неудачно, какъ и предыдущее, и о порученіи возложенномъ на Кожина по поводу экспедиціи въ Хиву Бековича-Черкаскаго. А коль-скоро зашла рѣчь о попыткахъ, надо было бы упомянуть и объ удавшемся предпріятіи завязать сношенія съ Индіей. Но о посольствѣ въ Индію купчины гостинной сотни Семена Маленькаго очевидно г. Яворскій не знаетъ.

Заканчивается первый томъ описаніемъ Гинду-Куша. Тутъ ужь никакъ не разберешь, что принадлежитъ г. Яворскому, какъ очевидно, и что заимствовано имъ изъ книгъ.

Не обошлось дѣло безъ исторіи и во второмъ томѣ. Не извѣстно, ради чего понадобилось г. Яворскому коснуться исторіи Самарканда и Зерафшанской долины; но и тутъ исторія хромаетъ по прежнему. „Столица Согдіанцевъ, Мараканда, едва ли не впервые упоминается и описывается у историковъ Александра Македонскаго“ — читаемъ на страницѣ 16. Это „едва ли“ — прелестно! Не душно и другое выраженіе г. Яворскаго: „Здѣсь, въ Согдіанѣ, великому греческому завоевателю пришлось прожить болѣе или менѣе долгое время“ (16). Но дѣло не въ этомъ, у всякаго свой способъ выражаться; гораздо замѣчательнѣе то, что походы Александра Великаго, положеніе страны, характеръ Согдійцевъ изложены г. Яворскимъ по Квинту Курцію, то-есть, по такому писателю, которому давно уже историки не придаютъ никакого значенія, какъ пустому ритору, гнавшемуся не столько за историческою правдой, сколько за различными эффектами. Что г. Яворскій увлекся Квинтомъ Курціемъ, виновать въ этомъ, кажется, Борнсъ, который замѣтилъ, что никто лучше Кв. Курція не передалъ намъ общаго характера Трансоксіаны (см. у д-ра Яворскаго, I, 178). Извѣстія, приводимыя г. Яворскимъ о походахъ Александра Великаго въ Западномъ Туркестанѣ, мы уже проходимъ молчаніемъ: послѣ изслѣдованія В. В. Григорьева объ этихъ походахъ ¹⁾ выписки въ книгѣ г. Яворскаго напоминаютъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы дѣтскій лепетъ. Какъ пользуется г. Яворскій источниками и какъ обращается съ ними, мы уже видѣли. Въ довершеніе всего оказывается, что приписать свои измышленія другимъ для него ничего не значить. „Послѣ распадѣнія монархіи Александра Македонскаго“ — говоритъ онъ — „Согдіана играла не послѣднюю роль въ ряду восточныхъ государствъ, образованныхъ греческими военачаль-

¹⁾ Походъ Александра Великаго въ Западный Туркестанъ. С.-Пб. 1881.

никами. Иногда она составляла часть обширнаго Греко-Бактрійскаго государства, а иногда была и самостоятельна" (II, 17). Ссылка сдѣлана на статью профессора Григорьева о Греко-Бактрійскомъ царствѣ, а между тѣмъ ничего подобнаго Григорьевъ не говоритъ, такъ какъ никакихъ даже намековъ на „самостоятельность“ въ источникахъ не имѣется.

Почему г. Яворскій думаетъ, что Сюань-Цзанъ описываетъ Согдиану, какъ независимое владѣніе (II, 18), мы не знаемъ. Ничего утвердительнаго на этотъ счетъ у китайскаго путешественника нѣтъ, а изъ другихъ источниковъ несомнѣнно извѣстно, что страна эта находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Туркамъ. Да и у Сюань-Цзана, если бы г. Яворскій отнесся къ нему повнимательнѣе, нашелъ бы онъ указанія, что владычество Турокъ простиралось гораздо дальше Самарканда на югъ. Заявивъ, что Тухоло (то-есть, Тохарестанъ, древняя Бактріана) раздѣлена князьями на 27 владѣній, Сюань-Цзанъ про этихъ князей замѣчаетъ: „Mais, quoique leurs domaines soient nettement divisés, ils sont soumis, dans leur ensemble aux Tou - Kioue (страницы 23 — 24). Но какъ мы замѣтили, г. Яворскій въ изслѣдованія и не пускается. Много толкуетъ г. Яворскій и о христіанствѣ въ Средней Азій, а ни разу не обмолвился, что это было несторіанство, которому Сассаниды, изъ вражды къ Византійской имперіи, дали у себя пріютъ и оказывали покровительство. Совершенно напрасно полагаетъ г. Яворскій, что монгольскіе князья покровительствовали христіанству; это покровительство было только кажущееся вслѣдствіе широкой вѣротерпимости Монголовъ; пока они были еще шаманистами. И вопросъ этотъ теперь разъясненъ вполне удовлетворительно. Чтобы высказывать новый взглядъ, надо имѣть вѣскія доказательства, а ихъ-то у г. Яворскаго и нѣтъ. Границы походовъ Тимура г. Яворскій умалилъ довольно неосторожно (стр. 23). Положимъ, походы Тимура къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи мало кому извѣстны; но кто же не знаетъ о походахъ его въ Россію? „Тщетно послѣдняя отрасль [благородныхъ, просвѣщенныхъ Тимуридовъ, Баберь-Мирза, старался отразить бурный потокъ новыхъ вандаловъ (Узбековъ)“ — пишетъ въ 1-мъ томѣ г. Яворскій (стр. 190). „Тщетно старался защитить родной городъ (Самаркандъ) благородный Баберь-Мирза, послѣдняя отрасль великаго Тимура; тщетно напрягалъ онъ всѣ свои силы для отпора грубыхъ грозныхъ всадниковъ“ — повторяетъ онъ, какъ затверженный урокъ, и во 2-мъ томѣ (стр. 24). Отчего же и не повторить хорошую вещь, не надо только сочинять: Ба-

буръ былъ уроженецъ Андиджана—вотъ его родной городъ; а вовсе не Самаркандъ. И притомъ не надо забывать, что Бабуръ, эта „последняя“ и „благородная“ отрасль, самъ наложилъ руку на нѣкоторыя владѣнія своихъ родственниковъ—Тимуридовъ.

Въ этомъ же томѣ помѣстилъ г. Яворскій и исторію Шехрисябской долины, благо всякихъ описаній ея и историческихъ, и этнографическихъ, и географическихъ довольно много. Какой системы держался при этомъ г. Яворскій, онъ, вѣроятно, и самъ затруднится отвѣтить. Въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ онъ описывать населеніе, переходитъ затѣмъ къ урожаю мѣстныхъ произведеній, ворочается къ населенію, описываетъ торговлю, перечисляетъ добываемые металлы, потомъ говоритъ о животномъ царствѣ, переходитъ къ описанію мѣстности и снова ведетъ рѣчь объ урожаѣ (39—42).

Въ изложеніи исторіи города онъ замѣчаетъ: „естъ данныя, что Александръ Македонскій проходилъ Шехрисябземъ“ (42); интересно бы знать—какія? Еще болѣе интересно, откуда почерпнулъ авторъ, что Шехрисябъ, вскорѣ по завоеваніи его Арабами, сдѣлался надежнымъ оплотомъ мусульманства (43)? Пожадуй, много можно сдѣлать такихъ вопросовъ г. Яворскому, и даже тутъ же напрашивается слѣдующій: зачѣмъ онъ выдумалъ „эмировъ Трансоксаніи“ (46)? Но мы умолкаемъ въ виду интереснаго сообщенія г. Яворскаго, что Шехрисябская долина населена „войнолюбивыми“ горацами (47).

Когда въ Шехрисябѣ укрылся возмущившійся сынъ Бухарскаго эмира Катты-гюра, то эмиръ, не имѣя возможности смирить возставшихъ Шехрисябцовъ, обратился къ Россіи съ просьбой о помощи. „Русскіе“, провозглашаетъ г. Яворскій,—„никогда не чувствовали въ себѣ недостатка великодушія. Такъ и на этотъ разъ они пошли проливать свою кровь за совершенно чуждые намъ, бухарскіе, интересы“. Но черезъ нѣсколько строкъ оказывается, что „онъ (Шехрисябъ) былъ въ долгу передъ Россіей за 1868 г., за осаду Самарканда. Надо было возратить ему долгъ и обезпечить южную границу Туркестанскаго округа отъ постоянныхъ волненій, питательный центръ которыхъ постоянно находятся въ Шехрисябѣ“ (47). Вотъ оно что: обнаружили, кромѣ бухарскихъ и русскіе интересы. Оказывается, что г. Яворскій не понялъ, почему тутъ всѣ говорятъ о великодушіи. Не въ походѣ заключалось оно, а въ томъ что, взявъ Шехрисябъ, не оставили мы его за собою, на что имѣли полнѣйшее право, а отдали его Бухарскому эмиру.

Событіямъ въ Афганистанѣ за послѣднее время и слухамъ о воен-

ныхъ дѣйствіяхъ въ немъ Англичанъ авторъ отводитъ довольно много мѣста во 2-мъ томѣ. Какимъ путемъ собраны эти свѣдѣнія, онъ не стелъ нужнымъ намъ повѣдать. Мы должны вѣрить ему на слово и не обращать вниманія на достоинство источника. А сообщенія г. Яворскаго часто противорѣчатъ тѣмъ, которыя имѣемъ мы изъ другихъ источниковъ. Возьмемъ для примѣра время смерти Достъ Мухаммеда. По г. Яворскому, эмиръ умеръ 9-го іюня 1863 года 80 лѣтъ отъ роду (стр. 217); а у Григорьева находимъ, что умеръ онъ 2-го іюня 72 лѣтъ отъ роду. Григорьевъ дѣлаетъ ссылки на источники, г. Яворскій никакихъ ссылокъ не дѣлаетъ. Кому же надо отдать преимущество? Еще примѣръ: Афшарцы поселены въ Афганистанѣ шахомъ Надиромъ, авторитетно заявляетъ г. Яворскій (II, 244), не указывая своего источника; а существуютъ свѣдѣнія, что переселеніе случилось при шахѣ Аббасѣ Великомъ; и т. д. Г. Яворскій помѣстилъ въ своей книгѣ генеалогическую таблицу Серэфразова рода (230—1) и забылъ упомянуть, что составилъ ее по Моганъ-Лалю и Мессону.

Въ самыхъ простыхъ вещахъ г. Яворскій умудряется наговорить всякаго вздору. Всѣмъ извѣстны средне-азиатскіе чины, а посмотрите, что находится объ этомъ предметѣ у г. Яворскаго: „Это (Копъ-бегъ)—первый сановникъ Бухарскаго ханства; но это не есть высшій чинъ въ лѣстницѣ бухарской администраціи. Выше Кошъ-Бегъ-Аталыкъ, а еще выше—Мирза. Лицъ въ этихъ званіяхъ въ Бухарскомъ ханствѣ въ данное время нѣтъ. Въ прежнее время, когда Бухарское государство не представляло лишь „однѣмъ звукъ пустой“, какъ теперь, а могущественную державу, владѣнія которой простирались отъ Оша до Арала, и отъ Урала до Гинду-куша (чего, замѣтимъ, никогда не было), заамударьинскими провинціями управлялъ бухарскій намѣстникъ въ санѣ Аталыка“ (II, 334). Сознаемся въ собственномъ невѣдѣніи: мы до сихъ поръ рѣшительно не знали, что мирза былъ когда-то такой важный чинъ, какъ сообщаетъ г. Яворскій. Но за то мы знаемъ, что онъ ошибается, заявляя, будто „Якубъ-бекъ, основатель Кашгарскаго ханства, въ періодъ завоеванія Кашгара, состоялъ на службѣ Кокандскаго хана и имѣлъ санъ Аталыка“ (тамъ же). Титулъ аталыка получилъ онъ гораздо позже, и то отъ Бухарскаго эмира, самый высшій титулъ, какой можетъ быть пожалованъ имъ полупезависимому владѣльцу. Для исторіи Бухары г. Яворскій много позаимствовалъ у Вамбери,—пріобрѣтеніе незавидное; но и къ этимъ позаимствованіямъ докторъ прибавилъ такіе промахи, которыхъ у Вамбери, какъ ни плохъ его трудъ, все-таки нѣтъ. Откуда выдумалъ г. Яворскій, что въ 1490

г. въ Бухарѣ былъ четвертый Шейбанидъ Абдуль-Азисъ (II, 358), когда и Шейбанидовъ-то въ Бухарѣ въ то время еще не было,—мы не знаемъ. Это также вѣрно, какъ и то, что Миръ-Хайдеръ за преданности религіи прозванъ Сеидомъ (II, 346).

Г. Яворскій очень любитъ употреблять эпитеты, вѣроятно—для оживленія своей исторіи. Чингизъ-ханъ это—„князь міра“ или „міровой бичъ“ (I, 188), Надръ-шахъ—„персидскій разбойникъ“ (I, 192), Мурадъ-Бегъ—„купдусскій воръ“ (I, 193), Ренджитъ-Сингъ—„Левъ Лагорскій“, Биконсфильдъ—„великій Жидъ нашихъ дней“ (II, 383), царство Гоуридовъ—„дикое“ (I, 276), хотя дикость и не вяжется какъ-то съ царствомъ и т. д.

Хотя г. Яворскій и наметался немного говорить по персидски, но ориенталистомъ его назвать еще нельзя, тѣмъ болѣе, что и тутъ не обошлось у него безъ ошибокъ. Риги-ноу—пишетъ г. Яворскій—значить девять песковъ (I, 245), тогда какъ девять будетъ нугъ, а не ноу. А ноу будетъ значить „новый“, у нашего же автора новый=нью (Нью-бехаръ, I, 186). Въмѣсто „дигканъ“ у него является дигганъ, вмѣсто инша-алла—иншъ-алла (I, 138; II, 229). Мервъ „Царица міра“ будетъ Шахъ-джеханъ, а не Шахъ-и-джанъ (I, 193). Аталыкъ значить не владѣтель (II, 45), а дядька; „валлами“ не значить государь, Джамъ не значить адъ (I, 32), и напрасно г. Яворскій полагается на мѣстныхъ толкователей и вѣрить имъ, что Гюзаръ можетъ значить „сама печаль“. А о правописаніи собственныхъ именъ и говорить нечего.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о третьемъ отдѣлѣ книги, о судѣ г. Яворскаго надъ миссіей. Уже съ перваго листа книги вы убѣждаетесь, что для автора это главный отдѣлъ, главная цѣль. Изъ эпиграфа Amicus Plato и т. д. вы подготавливаетесь услышать какую-то правду, очевидно для кого-то и почему-то неприятную. Читатель не долго остается въ невѣдѣніи: эпиграфъ несомнѣнно мѣтитъ въ главу посольства. Все въ книгѣ г. Яворскаго направлено противъ него и надо сознаться, съ перваго раза невольно какъ-то берешь сторону г. Яворскаго; но потомъ, относясь къ дѣлу серьезно, вдумываясь во всѣ подробности и обстоятельства дѣла, рѣшительно становитесь въ оппозицію къ автору „Путешествія по Авганистану“ и стараетесь отыскать причину его необыкновеннаго озлобленія и лицемерія. Не въ защиту генерала Столѣтова, который ни въ чьей защитѣ—падѣмся—не нуждается, а ради уясненія дѣла рассмотримъ мы и съ этой стороны книгу док-

тора. Прежде всего намъ кажется, что произнести судъ надъ нашимъ посольствомъ въ Афганистанъ еще рано: такъ оно намъ мало извѣстно, не смотря даже на обширный трудъ г. Яворскаго; тѣмъ не менѣе можетъ быть судьей членъ этого посольства. Правда, съ самаго начала своего сочиненія г. Яворскій даетъ понять, что между нимъ, докторомъ, и начальникомъ посольства никакихъ личныхъ неудовольствій не существуетъ; напротивъ, отношенія у нихъ самыя дружественныя. Генераль совѣтуетъ доктору учиться по персидски (I, 78, 155), диктуетъ ему персидскія слова для заучиванія, сидитъ съ нимъ на дежурствѣ (I, 112—113), съ участіемъ осмѣливается о его болѣзни (I, 155—156, 161) и т. п. По подкунить этимъ г. Яворскаго нельзя: правда для него всего дороже, и онъ ее выскажетъ, не смотря ни на что.

„Правда“ выражается пока въ критикѣ распоряженій генерала Столѣтова. Какое бы приказаніе ни отдалъ начальникъ миссіи, что бы онъ ни сдѣлалъ—все это не такъ, все ошибка. И ложную-то деликатность, и недостатокъ-то самостоятельности (I, 149, 150) обнаруживаетъ г. Яворскій у генерала. Но посмотрите, до чего доходитъ пристрастіе автора. На стр. 159 онъ пишетъ про Афганца Мосинъ-хана: „Не смотря на пунктуальную точность, съ которою онъ выполнялъ возложенныя на него порученія и заботы о миссіи, не смотря на неуспѣшное бдѣніе о нашей безопасности, онъ все болѣе и болѣе терялъ во мнѣніи членовъ миссіи, за однимъ, впрочемъ, весьма важнымъ исключеніемъ. Начальнику посольства онъ, повидимому, очень нравился“. И что же оказалось? Никто въ Афганистанѣ не оказалъ столько услугъ миссіи, какъ этотъ Мосинъ-ханъ, а г. Яворскій обязанъ ему „спасеніемъ отъ великой опасности, можетъ быть, даже отъ смерти“ во время полненія въ Мазари-Шерифѣ. Да и самъ г. Яворскій потомъ не находитъ словъ, какъ перевознести Мосинъ-хана (II, 273, 284). А между тѣмъ тонъ приведенной фразы съ самаго же начала восстанавливаетъ читателя противъ Мосинъ-хана. Въ этомъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, вы видите, что начальникъ миссіи стоялъ неизмѣримо выше своихъ подчиненныхъ. Не смотря на темныя колера г. Яворскаго, нельзя не замѣтить изъ его даже книги, что генераль Столѣтовъ выказалъ и энергію, и неустрашимость, рѣшившись ѣхать по Афганистану одинъ, безъ конвоя, выказалъ и знаніе Азіатцевъ, и самопожертвованіе: больной лихорадкой, онъ безостановочно сдѣлалъ къ своему дѣлу, ибо только онъ одинъ изъ всѣхъ членовъ посольства понималъ, что это дѣло спѣшное, что отправили ихъ не на прогулку.

Наконецъ, генераль пожертвовалъ своими вещами, полученными въ подарокъ отъ Бухарскаго эмира, и подвесъ ихъ Ширу-Али, когда наши подарки, заготовленные въ Ташкентѣ, оказались никуда не годными (I, 328). Больше всего достается генералу Столѣтову за то, что онъ позволялъ своимъ подчиненнымъ совершать экскурсіи по окрестностямъ. Но вотъ на одномъ привалѣ около Хуррема, г. Яворскій добился разрѣшенія заняться осмотромъ мѣстности. И что же? Объ этой экскурсіи г. Яворскій отиѣтилъ только, что „на этотъ разъ мы путешествовали въ сопровожденіи авганскаго конвоя“ (I, 210). Къ чему же послѣ этого жалобы на стѣсненія и препятствія со стороны начальника миссіи къ осмотрамъ достопримѣчательностей? И нельзя ли, на этомъ основаніи, жалобы доктора признать злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ? Странно со стороны г. Яворскаго обвинять генерала Столѣтова, лицо отвѣтственное за все, что онъ боялся какихъ-либо случайныхъ непріятностей въ Афганцевъ. Вѣдь ничего еще не было извѣстно—какъ отнесетъ населеніе къ иностранцамъ, а событія въ Мазари-Шерифѣ послѣ смерти эмира показали, что опасенія не совсѣмъ ужъ были неосновательны, и не даромъ официальные лица въ Афганистанѣ такъ охраняли наше посольство.

Кромѣ нападокъ на генерала Столѣтова, книга г. Яворскаго не даетъ намъ ничего новаго относительно задачъ и цѣлей нашего посольства въ Афганистанъ. Въ свое время миссію генерала Столѣтова называли „развѣдочною“: она должна была развѣдать—въ какомъ отношеніи станеть къ намъ Афганскій эмиръ, если бы намъ, въ случаѣ столкновения съ Англіей, пришлось вести активную войну въ Азій. Если дѣло приняло печальное по своимъ послѣдствіямъ положеніе, то виновать тутъ ужъ никакъ не генераль Столѣтовъ. Притомъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какая дапа была инструкція начальнику посольства; не знаетъ ея также и г. Яворскій. Какъ же тутъ обвинять?

Послѣ нападокъ г. Яворскій переходитъ ужъ къ обвиненіямъ. Главныхъ обвиненій собственно два: 1) генераль Столѣтовъ совѣтовалъ эмиру написать отказъ въ приѣмъ англійскаго посольства; 2) своими переговорами и обѣщаніями (обѣщаль со стороны Россіи къ помощи эмиру 30,000 войска) онъ втянулъ эмира въ войну съ Англичанами. „Не будь нашей миссіи въ Кабулѣ, не будь этихъ обѣщаній и совѣтовъ—очень можетъ быть, что эмиръ не поставилъ бы вопросъ о своихъ сношеніяхъ съ англо-индійскою имперіей такъ круто“ (II, 61). „Вообще нельзя достаточно удивляться, что начальники миссіи па

свой страхъ, противно инструкціи, давали эмиру разные совѣты и дѣлали обѣщанія, которыхъ потомъ невозможно было выполнить" (II, 227). „Миссія „зарвалась“ въ своихъ сношеніяхъ съ авганскимъ правительствомъ" (II, 385). „Конечно, жалко, что мы ничего не сдѣлали для смягченія промаховъ нашего посольства" (II, 387). Возраженія противъ этихъ пунктовъ беретъ мы изъ книги же г. Яворскаго. Самъ онъ говоритъ, что съ весны 1877 г. Англичане стали готовиться къ войнѣ съ Афганистаномъ (II, 82), значить, предлогъ ужъ послѣ этого найдти было не трудно. Рѣзкій отказъ написалъ Ширъ-Али или магкій — вѣдь это же все равно; а принять „вооруженное" посольство онъ, разумѣется, не могъ. Н. И. Гродековъ, бывшій въ Мазари-Шерифѣ въ октябрѣ 1878 г., на вопросъ, предложенный имъ Лойнабу, приметъ ли эмиръ англійское посольство, получилъ категорическій отвѣтъ: „Нѣтъ, ни за что, никогда!" И такъ говорили всѣ Афганцы; при чемъ же тутъ генералъ Столѣтовъ? Что касается до 30,000 отряда, то и это дѣло темное; можетъ быть генералъ Столѣтовъ и говорилъ о немъ, но при какихъ условіяхъ и въ какой формѣ — вотъ вопросъ. Вѣдь странно же, что Ширъ-Али ни въ одномъ изъ своихъ официальныхъ писемъ въ Россію не говоритъ объ этомъ обѣщаніи посла (II, 82—85, 99—100) Только генералу Разгонову высказывалъ о немъ эмиръ; но еслибъ о такой помощи заявлялось положительно, не было никакого основанія эмиру умалчивать о томъ въ своихъ письмахъ. Какія же имѣлъ г. Яворскій данныя говорить, что „миссія могла разыграть роль „жертвы вечерней" за грѣхи генерала Столѣтова" (II, 61)?

„Я долгое время не зналъ и не могъ понять, чего хочетъ Россія: оставить ли Афганистанъ на произволъ судьбы, или поддержать его?" — приводитъ г. Яворскій слова генерала Разгонова (II, 153). Признаніе важное, но надо думать, и никто хорошенько этого не зналъ. Все дѣлалось слишкомъ ужъ поспѣшно, экстренно, обдумать и сообразить всѣ послѣдствія было некогда, оттого многое вышло не такъ какъ желалось, но развѣ въ этомъ виноватъ начальникъ посольства?

Вмѣстѣ съ генераломъ Столѣтовымъ захватилъ г. Яворскій и генерала Разгонова. Послѣдняго онъ обвиняетъ также въ добровольномъ арестѣ (II, 290), уличаетъ въ безтактности (II, 298), въ секретничаньи, и т. д. По вѣдь послѣднимъ грѣхомъ зараженъ и докторъ. Оставляя г. Яворскаго въ Афганистанѣ, генералъ Разгоновъ сообщалъ ему содержаніе той инструкціи, которую самъ онъ получалъ отъ генерала Кауфмана (II, 153); но этой инструкціи г. Яворскій въ

своей книгѣ не привелъ. Или, можетъ быть, обнародовать ее было нельзя? Въ такомъ случаѣ затѣмъ же упреки начальникамъ посольства, что они хранили инструкціи въ секретѣ?

Авторъ „Путешествія по Афганистану“ затронулъ много интересныхъ вопросовъ, но нельзя сказать, чтобы далъ удовлетворительное ихъ рѣшеніе. Многое осталось у него темнымъ. Почему, напримеръ, Ширъ-Али вдругъ такъ ужъ не влюбилъ Англичанъ и склонился на сторону Россіи? Что съ Россіей хотѣлъ онъ жить въ дружбѣ, это можно еще объяснить тѣмъ, что у насъ въ Самаркандѣ, проживалъ въ то время на нашемъ иждивеніи племянникъ эмира, Абдуррахманъ-хакъ (нынѣшній эмиръ), опасный для Шира-Али претендентъ на афганскій престолъ. Но почему рѣшился онъ на разрывъ съ Англіей, выдававшей ему по временамъ значительныя субсидіи? Неужели же можно было разсердиться на Англичанъ за то, что они за свое пособіе пожелали имѣть нѣкоторое вознагражденіе? Въ Азіи сентиментальничанья пока еще не понимаютъ, а потому и оцѣнить его не могутъ: не въ томъ совѣмъ направленіи воспитывались тамъ народы. И не такъ ужъ былъ простъ Ширъ-Али, чтобы не понимать выгоды своего положенія между Англіей и Россіей въ Азіи. Бравирюя Англичавъ, не думалъ ли Ширъ-Али тѣмъ самымъ поднять цѣну своей дружбы, и не раздражался ли онъ тѣмъ, что Англичане, вопреки его разчетамъ, не заискивали его расположенія? Восточная политика—дѣло хитрое, не всякому дается понять ее. Самъ г. Яворскій сознается, что онъ профанъ въ этой политикѣ (II, 304), и тѣмъ не менѣе все-таки разсуждаетъ о ней. Все принимаетъ онъ за чистую монету, на все въ Азіи смотритъ глазами Европейца. Онъ черезъ чуръ возмущается тѣмъ положеніемъ, въ которое якобы поставило Шира-Али русское посольство. „Въ его положеніи, я полагаю, ангелъ—и тотъ разгорячился бы“, заявляетъ г. Яворскій, удивляясь сдержанному тону эмира въ переговорахъ съ генераломъ Разгоновымъ (II, 150). О, sancta simplicitas! Бывалъ Ширъ-Али и не въ такихъ обстоятельствахъ, а гораздо похуже, какъ можно это видѣть и изъ книги г. Яворскаго. Роковымъ событіемъ для Афганистана была смерть эмира, тутъ все ползло врозь. Не случись этого—не такъ дешево дались бы Англичанамъ военные лавры въ Афганистанѣ.

Мы кончили. Да не посѣтуетъ на насъ г. Яворскій за наши подчасъ рѣзкія замѣчанія. Наше мнѣніе о его трудѣ нѣсколько расходится съ тѣми, которыя были уже высказаны въ печати; но думаемъ,

что оно будетъ полезнѣе для автора „Путешествія по Афганистану“, чѣмъ всевозможныя восхваленія, ни на чемъ не основанныя. Г. Яворскій, такъ-сказать, втянулся въ Востокъ, проникъ въ такія страны Азіи, куда проникали очень немногіе счастливыя, ему, слѣдовательно, трудно будетъ порвать связь съ этимъ Востокомъ, и если онъ будетъ продолжать изучать Азію, наши замѣчанія не пропадутъ для него даромъ. Но первымъ трудомъ г. Яворскій не сдѣлалъ цѣннаго приношенія наукъ. Онъ погнался за объемомъ, забывъ одну русскую пословицу; выпустилъ два большихъ тома, не имѣя для того достаточно матеріала. Такъ и хочется сравнить объемистую книгу г. Яворскаго съ небольшою книжечкой г. Гродекова „Черезъ Афганистанъ“. И время то же, и мѣстность описана отчасти та же; но какая неизмѣримая между ними разница! Одна книга читается съ большимъ интересомъ, другая — въ состояніи истомить читателя и почти ничѣмъ не увеличиваетъ его свѣдѣній. Одинъ путешественникъ просто описалъ свои приключенія въ Афганистанѣ, но сдѣлалъ это съ большимъ тактомъ и сумѣлъ заинтересовать читателя; другой передавалъ прежде всего то, что интересовало его самого или было нужно для его цѣлей. Книгу г. Яворскаго назвали у насъ „поучительною“. Поучительною для кого? поучительною почему? Положительнаго значенія книга г. Яворскаго имѣетъ очень немного, за то отрицательнаго въ избыткѣ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы готовы назвать ее даже образцовою: она можетъ служить образцомъ, какъ не надо описывать свои путешествія.

И.

Δελτίον της ιστορικής και εθνολογικής εταιρίας της Ελλάδος.
(Записки Греческаго историческаго и этнологическаго общества). Томъ I,
τομος I. Ιουλιος 1883. Αθην. 1883.

Въ прошедшемъ годѣ возникло въ Аѳинахъ Греческое историческое и этнологическое общество (‘Ιστορική και εθνολογική εταιρία της Ελλάδος). „Цѣль его“, сказано во 2-й статьѣ его устава (Καταστατικόν), — „состоитъ въ собираніи историческихъ и этнологическихъ матеріаловъ и разнородныхъ предметовъ, содѣйствующихъ разъясненію средней и новой греческой исторіи и филологіи, жизни и языка греческаго народа, и въ учрежденіи музея для помѣщенія памятниковъ народной жизни“. Въ нынѣшнемъ году въ іюлѣ вышелъ 1-й вы-

пускъ I тома Записокъ Общества подъ приведеннымъ въ началѣ нашей статьи заглавіемъ ¹⁾). Предисловіе этой книги начинается слѣдующими мыслями предсѣдателя Общества Тимолеона Филімона, сына извѣстнаго патріота, историка и публициста Іоанна Филімона:

„Изученіе прошлой жизни своей“—пишетъ онъ—„для каждого народа обязательно; для греческаго же народа оно составляетъ высшую изъ его обязанностей. Изъ древнихъ народовъ одинъ только греческій сохранился до нашихъ дней, какъ народъ, живущій политической жизнью: да и ни одинъ изъ народовъ не подвергался такимъ значительнымъ переворотамъ, и внутреннимъ и вѣшнымъ, какъ племя Греческое. Есть еще одинъ древній народъ, но онъ лишь на половицу дожилъ до нашего времени—это Іудеи: ихъ религіозная вѣра, оставшись тою же, что и прежде, повлекла за собою и неизмѣнность ихъ духовнаго народнаго характера. Религія же Грековъ преобразовалась, измѣнилась въ основахъ своихъ, и они сами сдѣлались преобразователями своей собственной религіи. Такой перемѣнѣ надлежало повліять на народный характеръ. Это вліаніе было подкрѣпляемо разнообразными завоеваніями, наводнявшими греческія области и постигавшими греческій народъ—отъ Римлянъ до Турокъ. Поэтому изученіе жизни греческаго народа, отъ исчезновенія его политической самостоятельности и его порабощенія до нашего времени, составляетъ одно изъ высшихъ занятій, лежащихъ на нынѣшнихъ Грекахъ. Надлежитъ не только доказать единство греческой жизни, твердость сущности и главной идеи этой жизни, но и опредѣлить въ чемъ состоитъ греческая жизнь и преобладающая ея идея во все продолженіе долгаго ея вѣка. Для того, чтобы нѣкоторымъ стихіямъ пережить такой разгромъ, чтобы нѣкоторымъ идеямъ и вѣрованіямъ взять верхъ надъ всяческими внутренними сопротивленіями и надъ разнородными вѣшными преслѣдованіями и завоеваніями, нужно было этимъ идеямъ и вѣрованіямъ быть присущими греческой жизни, быть

¹⁾ На оборотѣ книжки сказано: каждый томъ *Записокъ Греческаго историческаго и этнологическаго Общества* будетъ состоять изъ 4-хъ выпусковъ, изъ коихъ каждый въ 12-ть печатныхъ листовъ. Каждому тому цѣна 20 драхмъ въ Греціи, 25 драхмъ за границей. Записки высылаются въ обихъ на внутреннія и иностранныя періодическія изданія, а съ предварительнаго одобренія совѣта Общества, и въ обихъ на газеты. Желающіе подиняться на полученіе *Записокъ* или покупать выпускъ ихъ обращаются къ г. Карлу Веку, военскому книгопродавцу.

ея вѣковыми основами. Какія это идеи и вѣрованія, проходящія чрезъ цѣлую ночь чужаго господства и политической летаргїи,—вотъ главная задача греческаго историка-философа, и отъ точнаго и совершеннаго рѣшенія этой задачи зависитъ будущее разумное и успѣшное развитіе греческой жизни; потому что сбиваются съ толку народы, совращающіеся со своей самостоятельности или ищущіе крѣпости и силу въ формахъ, противоположныхъ всей ихъ жизни. Но для достиженія полноты въ занятіяхъ этого рода, для всецѣлаго разысканія греческой жизни среди постигшаго ее потопа, первымъ долгомъ представляется собираніе всѣхъ стижій разнороднаго проявленія этой жизни за весь указанный періодъ. Собираніемъ этихъ стижій задано основанное въ Афинахъ съ минушаго года Греческое историческое и этнологическое Общество, и этой идеѣ предстоитъ служить въ добрый часъ издаваемому отнынѣ журналу¹⁾.

Привѣтствуемъ отъ всей души такое глубоко задуманное научное предпріятіе Грековъ. Теперь цѣлое ученое общество будетъ посвящать труды свои тому великому дѣлу національнаго самопознанія, которому такъ усердно и успѣшно послужили покойные Адамантїй Корай, Андрей Мустоксидъ, Спиридонъ Замбелїй, и которому продолжаютъ преданно служить нѣсколько нынѣ живущихъ греческихъ ученыхъ старшаго и младшаго поколѣнія.

Мы намѣрены дать здѣсь короткій отчетъ о содержаніи 1-го выпуска Записокъ новоучрежденнаго Общества. Первая статья принадлежитъ секретарю Общества, извѣстному мѣологу Г. Н. Политу²⁾. Оно занимается описаніемъ повогреческихъ повѣрій о болѣзняхъ и сопоставленіемъ ихъ съ повѣрїями этого же отдѣла у другихъ народовъ, гдѣ можно—и древнихъ Грековъ. Зубная боль простолюдинами приписывается червю: (τὸ σκουλήκι); противъ этого есть заговоры. Повѣрье это выражается въ оборотахъ: τὸν τρώει τὸ σκουλήκι (его точитъ червь), μοῦ 'μπῆχαν τὰ σκουλήκια (вошли въ меня черви), употребляющихся впрочемъ и при страданіяхъ нравственныхъ³⁾.

¹⁾ Мы привели въ переводѣ, безъ пропусковъ, первыя двѣ страницы предисловія, подписаннаго председателемъ Общества 11-го іюля 1883 г. въ Афинахъ.

²⁾ Δι' αἰσθητικῆς χάρα τῶν μύθων τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ, то-есть, Волѣнія по повѣрїямъ греческаго народа (1—30).

³⁾ Ср. заговоры подъ №№ 62 и 65 отъ зубной боли, гдѣ есть оборотъ «не была бы червь» и т. п. въ сборникѣ Л. Н. Майкова: Великорусскія заклинанія: *Записки Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію этнографїи*, т. 2.

Въ Акарнаніи говорятъ: „кто считаетъ звѣзды, у того на пальцахъ вырастаютъ бородавки *βαρβερίσαις*“; отъ нихъ, между прочимъ, излѣчиваются тѣмъ, что во время возглашенія въ церкви словъ: *ἔξαρῆτω; Παναγίας ἀχράντου* и т. д. (изрядно о пресвятѣй, пречистѣй...) начинаютъ ихъ растирать, приговаривая: *ξερῆτω ξερῆτω!* (пусть сохнетъ), производя ошибочно это слово отъ *ξηραίνω*, сохну, и тогда бородавки засыхаютъ. Въ это время стекла въ церкви трещатъ, потому что рѣбѣгаютъ находящіеся въ нихъ черти, которымъ въ дапномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, приписываются болѣзни (стр. 4) ¹⁾. Въ заговорѣ отъ колики (*ἔβρται σὲ κοληρόκονο*), въ которомъ заговаривающій обращается къ болѣзни, по 2-мъ лицѣ, олицетворенную болѣзнь преслѣдуетъ Христосъ (6—7). Заклинаніями вообще выгоняютъ болѣзни изъ тѣла человѣческаго и переносятъ ихъ въ животныхъ, деревья, горы, а иногда и въ людей. Морейцы относятъ больныхъ дѣтей въ трещины скалъ, происшедшія отъ молніи (въ такъ-называемыя *ἀραπόβολα*), чтобы болѣзнь перешла въ нихъ. Въ Критѣ двѣ пернородныя дѣвушки, которыя обѣ должны именоваться Маріями, навязываютъ нитку на шею горячешнаго, потомъ развязываютъ ее и выходятъ изъ деревни. Пока одна привязываетъ нитку къ дереву, другая спрашиваетъ: „что ты завязываешь?“, а та отвѣчаетъ: „горячку (τὴ θερμασία) такого-то“; затѣмъ онѣ, по троекратномъ вопросѣ и отвѣтѣ, уходятъ (8). Надъ болѣзнями произносятся и такого рода приказанія: „выйди изъ такого-то, иди туда-то, ... и сосчитавъ пески морскіе, вернись“ или: „69-го августа вернись“ (9). Въ Корипоіи вѣрятъ, что для удаленія болѣзней эпидемическихъ и особенно чумы, нужно, чтобы два теленка-близнеца провели сохою черту вокругъ города или деревни. Иѣчто подобное приводитъ авторъ и изъ быта Грековъ древнихъ, и вопреки мнѣнію другихъ ученыхъ, высказываетъ предположеніе, что извѣстный Ермій, изображаемый съ телицей на плечахъ, есть не *Ἐρμῆς νόμιος* (скотій), но *Ἐρμῆς ἀλεξίκακος* (злоотводъ). Многія немощи олицетворяются, напримѣръ, *γαστέρα* (болѣзнь живота), отъ которой есть заговоръ на островѣ Милѣ (Милосѣ) (стр. 18, гдѣ онъ приведенъ). Авторъ соглашается со сдѣланнымъ мною сближеніемъ этого заклинанія и другаго заклинанія отъ болѣзни матки

¹⁾ Замѣтимъ, что слово *μπαρβερίσαις* = бородавка, происходящее, какъ уменьшительное, отъ *μπαρβή* = борода, составлено по той же аналогіи, какъ русск. бородавка отъ борода.

(ὄστρα) ¹⁾. По олицетворенію чумы (πανούκλα), холеры (χολέρα) и оспы (αὐλογία) подъ видомъ безобразныхъ старухъ онъ приводитъ много любопытнаго. Онъ не увѣренъ, существовало ли въ древности олицетвореніе τῆς λοιμοῦ (мора): во всякомъ случаѣ найденная на островѣ Дилѣ (Делосѣ) статуя въ образѣ женщины означаетъ не τὸν λοιμόν; такого мнѣнія могъ быть Велькеръ только потому, что имѣлъ невѣрное свѣдѣніе объ этой статуѣ (стр. 23, гдѣ ссылка на Welcker въ Rhein. Mus. für Philol. 1833, т. II). Но если намъ неизвѣстны вѣрованія древнихъ Грековъ о моровой язвѣ, говоритъ авторъ разысканія, — то изъ византійскихъ историковъ узнаемъ съ VI в. по Р. X. и далѣе, что эти вѣрованія были почти тѣ же, какъ и въ наше время. Приведена выписка изъ Проконія (стр. 24—25) ²⁾. При своихъ сравненіяхъ г. Политъ упоминаетъ иногда и о повѣрьяхъ русскихъ, напримѣръ о обычаѣ гнать коровью смерть (по Манхарту, Wald- u. Feldkulte, I, 561—567); о чумѣ, одѣтой въ черное платье (27), о челоуѣкѣ, носящемъ на себѣ чуму, который одишъ отъ нея избавляется (по Woicicky I, 51, 127, 130—133, 159—163, у Гримма D. M. 1137—1138 (992); Woic. I, 51, у Гримма 1137 (992); Hanusch, Slav. Mythol. 322—323). Мы думаемъ, что статья г. Полита могла бы звать много сближеній между повѣрьями русскими и греческими.

Изъ области народныхъ мнѣовъ Записки переносятъ насъ въ область исторіи Греческой церкви и греческаго народа. Г. Іоаннъ Саккеліонъ помѣстилъ въ нихъ 26 греческихъ письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ 25 принадлежатъ перу знаменитаго святителя Мелетія Пига ³⁾. Восемь изъ его писемъ къ патриарху Константинопольскому Іереміи II, относящихся къ 1593 году, извѣстны занимающимся въ Россіи исторіей церкви изъ сочиненія профессора Малышевскаго, приводящаго ихъ въ русскомъ переводѣ для охарактеризованія дѣятельности Мелетія, послѣдовавшей за устроеніемъ имъ въ

¹⁾ Въ моемъ разборѣ спорной греческой вапши, изображенной на осьми памятникахъ, помѣщенномъ въ *Изв. Имп. Археол. Общества*, т. X, стр. 1—32 (есть въ отдѣльные оттиски), С.-Пб., 1881 г., упомянутый заговоръ о γαστέρα приведенъ по гречески и въ переводѣ.

²⁾ Приведенной г. Политомъ выпискѣ изъ Проконія (Procorii Bell. Perg. Lib. 2, с. 22, р. 251, Bonn.) соответствуетъ стр. 160 русского перевода С.-Пб. 1880, т. 2-й.

³⁾ Μελетίου πατριάρχου Αλεξανδρίας του Πηγα επιστολαί προς τον οικουμενικον πατριάρχην Ιερώνυμον τον Β.' (31—77).

Константинопольскаго собора 12-го февраля 1593 г. ¹⁾ Изъ остальныхъ писемъ Мелетія, теперъ напечатанныхъ, мы обратимъ вниманіе читателей на слѣдующія. Въ письмѣ 4-мъ (В', стр. 43—45) онъ проситъ патріарха Іеремію оказать свое содѣйствіе къ усмиренію одного діакона-ростовщика, который за одно съ однимъ священникомъ смущаетъ покой церкви въ Александріи клеветническимъ обвиненіемъ Мелетія въ тѣхъ самыхъ еретическихъ ученіяхъ, противъ которыхъ онъ, Мелетій, постоянно и говорилъ, и писалъ. Въ другомъ посланіи (N. в', стр. 45) Мелетій проситъ Іеремію возвратитъ ему въ Египетъ одного архіерея, принадлежавшаго къ Александрійской патріархіи: „Если причиной его отсутствія нужды католической церкви“, пишетъ Мелетій, — „да пребудетъ въ силѣ повелѣваемое закономъ; если же его отсутствіе происходитъ отъ пренебреженія симъ малымъ стадомъ, или онъ отказывается вслѣдствіе стѣснительныхъ обстоятельствъ престола и пороковъ козлицъ, то должно вспоминуть Спасителя нашего, подъявшаго крестъ и вызывавшаго на то же своихъ ближнихъ“... Есть письма утѣшительныя, благодарственныя. Въ этомъ ж сборникѣ г. Саккеліонъ помѣстилъ Плачь (Θρήνος) на смерть упомянутаго Іереміи II, собственно надгробную рѣчь (N. КЕ', стр. 65—69). Въ глубокомъ соболѣзнованіи обо всемъ греческомъ народѣ Мелетій Пигга, среди столицы султановъ, смѣло произнесъ такіа слова: „Этотъ плачь—общій, потому что и несчастье общее: да! и несчастье общее. Горе, горе! Велики и многочисленны разразившіяся надъ нашимъ бѣднымъ народомъ напасти: я говорю объ уничтоженіи нашего царства и о прискорбномъ взятіи этой царицы городовъ; о ежедневныхъ многообразныхъ гоненіяхъ и истребленіяхъ народа, объ уничтоженіи церкви, о томъ рабскомъ презрѣніи, которому подвергли ее и свои, и чужіе, о продажѣ ея, словно купленной рабыни, о томъ, что укрылись отличнѣйшіе мужи. Отъ этого полное ослабленіе и исчезновеніе слова и другія безчисленныя бѣды, которыя никто не въ силахъ изобразить. Но нынѣшнее несчастье всѣ тѣ прежнія пересидило, какъ сильнѣйшая боль пересильваетъ слабѣйшую“²⁾ 26-й документъ принадлежитъ не Мелетію, а Іеремію: это его разрѣшительная грамота (γράμμα συζηρητικόν) іеромонаху Іоасафу (стр. 69). Въ этихъ 26 документовъ находится письмо Мелетія Пигга къ Марга-

¹⁾ Александрійскій патріархъ Мелетій Пиггасъ и его участіе въ дѣлахъ Русской церкви. Сочиненіе профессора Киевской духовной академіи *Ио. Малышевскаго*. Т. I, Киевъ. 1872 г. См. стр. 358—364.

ритѣ Валуа, королевѣ Наваррской, супругѣ Генриха IV, отправленное при посылкѣ ей въ даръ своего богословскаго труда. Саккеліонъ полагаетъ, что рѣчь идетъ о православномъ ученіи ('Ορθόδοξος Διδασκαλία), сочиненіи Мелетія, изданномъ въ Лссахъ въ 1769 г. Неофитомъ Кавсокаливитомъ (стр. 42, прим. 2). Наконецъ, къ сборнику своему г. Саккеліонъ приложилъ отрывокъ присланнаго Іеремія II трактата одного лютеранина 'Ράσζανος или 'Ράσζαρος (1589 г.) о чистилищѣ и объ иконахъ въ церквахъ (стр. 70—73).

Третье мѣсто въ Запискахъ занимаетъ составленный г. Политомъ критическій разборъ брошюры К. Саэи: *La tradition hellénique et la légende de Phidias, de Praxitele et de la fille d' Hippocrate au moyen âge*, par M. C. Sathas. Paris, 1883 (Extrait), 8, p. 28. Критикъ не соглашается ни съ методомъ, ни съ выводами автора брошюры (77—101).

Далѣе слѣдуетъ въ Запискахъ „Не изданное слово Пахомія Русана о суевѣріяхъ и предразсудкахъ въ XVI вѣкѣ“ (101—112). Издатель этого слова Сп. Ламбръ признаетъ за вполне справедливое мнѣніе К. Саэи, что греческому ученому Русану принадлежитъ первая мысль о сравнительныхъ разскаваніяхъ по мѣстнымъ говорамъ ново-греческаго языка, разскаваніяхъ, получившихъ подробное и дальнѣйшее развитіе у Корай¹⁾. Г. Ламбръ отъ своего лица указываетъ еще и на другую сторону заслугъ Русана. Этотъ закиновскій иннокъ XVI в., обличая закоснѣніе большинства своихъ одноплеменниковъ въ нравахъ языческихъ временъ, подбираетъ для этой цѣли любопытныя суевѣрія. Такъ отмѣтилъ онъ, между прочимъ, что въ праздничные базарные дни скотину убивали около церкви и устраивали пирушки иногда въ самой церкви. При этомъ произносились своевольныя и неблагоприличныя молитвы и приносились отъ жертвъ дары. Кругомъ храма раздавались звуки бубенъ и свирѣлей, и въ хорахъ величали демоновъ и людей (106). Сверхъ того, иные прибѣгаютъ къ источнику, находящемуся у какого-нибудь монастыря, будто къ агіасмѣ, и черпаютъ изъ него воду для исцѣленія себя, не обращаясь вовсе къ духовнымъ лицамъ (107). Нѣкоторыя женщины приносятъ къ источникамъ локоны свои и всякія наузы (αἰμάτα). На подобіе древнихъ Эллионъ, которые свѣждали покойника монеткой для облегченія ему переѣзда черезъ адское озеро, нѣкоторые современники Русана клали тоже монетку въ руку своему покойнику.

¹⁾ Σάθα, Νεοελληνική Φιλολογία, 150.

Когда Русану пришлось ѣхать на суднѣ мимо мыса Лекта въ Троадѣ, онъ замѣтилъ, что моряки приготовили какое-то кушанье живущему тамъ демону, котораго они по турецки или по арабски называли *капѣ* ¹⁾. Изъ собственной же своей нищи они наломали кусочковъ хлѣба, приправили ихъ сыромъ и чеснокомъ и выбросили въ море, произнося призыванія по язычески. Это было слѣдано для попутнаго вѣтра; но вышло на оборотъ (108). Между самими священниками бывали тогда (въ XVI в.) и безграмотные. Одинъ священникъ, приведя эпилептика къ священному престолу, произносилъ надъ нимъ какіе-то заговоры. Потомъ они оба навязали на веревочкѣ нѣсколько узелковъ, подложили ее подъ престолъ, и наконецъ, намазавъ ее известью и наложивъ сверху черепокъ, вышли. Русанъ обо всемъ этомъ рассказываетъ тревожно; онъ сообщаетъ намъ, что постоянно объяснялъ дѣйствующимъ ладамъ неправильность ихъ поступковъ.

Извѣстно, что въ недавнее время перевезены были рукописи изъ Метеорской обители въ Аѳинскую національную библіотеку. Между ними есть подлинный хрисовулъ императора Андроника Палеолога, имъ собственноручно подписанный красными чернилами, выданный имъ въ мартѣ 6797 г. отъ с. м., то-есть, въ 1289 г. по Р. Х., и теперь напечатанный впервые Спир. Ламбромъ въ занимающихъ насъ Запискахъ ²⁾. Содержаніе упомянутого хрисовула — подтвержденіе владѣнія имѣніями, подаренными обители Богородицы Милующей (*Παναγίας τῆς Ἐλεούσης*), что подлѣ города Фанарія, у урочища Ликусады, супругою севастократора Іоанна Комнина Дуки, нареченною въ монашествѣ Ипомоною (*Ἰπομονή*). Къ имуществу относятся, между прочимъ: „двѣ сандаліи съ двумя рыбаками въ озерѣ Езеръ“. *Σανδάλια*, по объясненію издателя (114), суть рыбацья лодки. Имя *Ἐζερός*, продолжаетъ издатель, нынѣ носитъ лежащая у озера деревня *Νεζερός*; озеро же это нынѣ очень рыбное, такъ что жители деревни живутъ рыболовствомъ. (Тутъ ссылка на *Γεωργιάδου Θεσσαλία*, стр. 69). Г. Ламбръ сообщаетъ любопытное палеографическое свѣдѣніе о разбирасмомъ имъ хрисовулѣ: онъ написанъ не на одномъ кускѣ пергамина, но состоитъ изъ трехъ кусковъ, другъ къ другу приклеенныхъ. На склейкахъ этихъ кусковъ свѣди читаемъ: *Διὰ τοῦ μεγάλου*

¹⁾ Едва ли мы ошибемся, высказывая догадку, что греческіе моряки, призывая это сверхъестественное существо, именovali его по *капѣ*, и бибѣ (Г. Д.).

²⁾ *Ἀνεκδοτὸν χρυσόβουλλον τοῦ αυτοκράτορος Ἀνδρονικοῦ τοῦ Παλαιολόγου* (1289) (113—119).

λογωδίτου—Θεοδώρου—τοῦ Μουζάλανος. Эти слова написаны такимъ образомъ, что письмена проходятъ по каждой склейкѣ отъ одного куска пергаминна къ другому. Для большей авторитетности здѣсь вмѣстѣ съ государемъ подписанъ и первый министръ въ государствѣ, какъ и въ наше время министры контрастигируютъ царскія повелѣнія. Такое собственноручное написаніе, на склейкѣ, имени перваго министра, прерванное на срединѣ, весьма вѣроятно, дѣлалось для того, чтобы не произошло поддѣлки въ листахъ тѣхъ пергаминныхъ хрисовуловъ, которые состоятъ больше чѣмъ изъ одного листа.

Какъ ни любопытно описаніе свадебныхъ обрядовъ въ мѣстечкѣ Високѣ (Βισώκη) близъ Калавриту, тщательно составленное бывшимъ директоромъ гимназіи Димитріемъ Папаниколау (121—183)¹⁾, тѣмъ не менѣе мы здѣсь не можемъ предложить его читателямъ даже и въ сокращеніи, такъ какъ въ подробностяхъ и въ ихъ порядкѣ кроется иногда сущность дѣла. Замѣтимъ однако кое-что: наприимѣръ, что свадебные обряды, начинаясь на послѣдней недѣлѣ сговоровъ въ четвергъ, продолжаются въ пятницу, субботу и воскресенье, а въ этотъ день совершается вѣнчаніе (126—128); что лица, принимающія ближайшее участіе въ празднествѣ, какъ-то—дѣвушка-пригласительница, двоюродный братъ жениха, несущій знамя, вноша, брѣющій жениха, отрокъ, приносящій изъ деревенскаго ключа воду, надъ которою нельзя произнести ни одного слова (νερὸ ἀμίλητο), всѣ такіа близкія лица должны принадлежать къ числу живущихъ въ живыхъ отца и мать (127—130). Характернымъ кажется намъ обычай приглашать всѣ семьи, изъ которыхъ состоитъ деревня, исключая тѣхъ, которыя носятъ трауръ; даже если случится, что какаа-нибудь семья враждуетъ съ семьей жениха, и та приглашается на свадьбу: такое приглашеніе есть знакъ примиренія, потому что женихъ желаетъ, чтобы въ его необычайной радости приняли участіе и враги его (128).

Сборничекъ народныхъ пѣсенъ, всего 12, изъ деревни Гувъ (Γούβαις), чтò въ сѣверной Еввіи (Ἐββεΐ), пріятно оживляетъ книжку Записокъ (133—138)²⁾. Изъ нихъ мы приведемъ въ переводѣ только одну № 3: „Спускаюсь-ка я ко возморью, туда внизъ по поморью, гдѣ ведутся пріятные разговоры. Какъ бы отыскать лодокъ, чтобы переѣхать на ту сторону. Побрели вскрай возморья, вскрай моря, да и

¹⁾ Τα κατὰ τὸν γάμον εἴματα ἐν τῇ χωρικοποιίᾳ Βισώκη τῶν Κалаβρυτῶν.

²⁾ Δημιῶδη ἀσματα τῆς βορείου Εὐβοίας (Χωρίον Γούβαις).

нашли дрянную барчѣнку, рохлую посудину, и всѣ залѣзали въ нее, чтобы переѣхать на ту сторону. Какъ въ срединѣ-то моря, посреди открытаго моря хватилъ ихъ вѣтеръ спереди, вихорь сзади, вихри съ обѣихъ боковъ, и хлынула волна внутрь. Наполнилось море парусами, а берегъ—снастями, а всѣ-то пещеры паликарами⁴. Пѣсня называется: „Рухлая барка“ (‘Н πατρόβαρκα).

За пѣснями слѣдуютъ четыре аѳинскія сказки, собранныя г-жею Маріанной Камбуроглу: ἡ Ντολτσάετα, ὁ πολυφοομοιμένος Δράκος, ἡ 'Ανεραΐδα, ἡ Τρισεύγενη ἢ τὰ τρία χίτρα (то-есть: Дольцета, Прославленный Драконъ, Апераида, Трисевгена или три айвы) (138—167).

Въ Дольцетѣ, сказкѣ сложившейся изъ частицъ восточныхъ, венеціанскихъ и греческихъ, большое значеніе имѣетъ поцѣлуй матери сыну, отбывающій у него память о его невѣстѣ, и другой поцѣлуй матери же, возвращающій ему память о невѣстѣ. Прославленный драконъ, не кто иной—какъ Киклопъ Полифимъ (сравни. Πολύφημος и Πολυφοομοιμένος); съ этимъ дракономъ одинъ царевичъ поступилъ также, какъ Одиссей съ Киклопомъ; потомъ отрѣзалъ отъ его бороды ключикъ, открывшій ему возможность исполнить желаніе любимой имъ царевны. Въ Апераидѣ царевичъ, обвороченный этимъ сверхъестественнымъ существомъ, до тѣхъ поръ былъ лишенъ способности видѣть женщинъ, пока одна бойкая дѣвушка вниманіемъ къ Апераидѣ и къ ея ребенку не разрушила этой ворожбы. Въ 4-й сказкѣ царевичъ, съ величайшимъ трудомъ отыскавшій красавицу Трисевгену, по злобѣ одной Арабки, утрачиваетъ свою красавицу, которую превращали и въ угря, и въ кокору; но все же она наконецъ досталась царевичу. Волѣе прочихъ оригинальною оказалась намъ 3-я сказка Апераида.

Кромѣ того, въ рассмотрѣнномъ выпускѣ Записокъ есть замѣтка о изображеніи Константинопольскаго патріарха Іереміа I, находящемся на Аѳонѣ (при чемъ приложена и копія съ изображенія) (121—122); замѣтка о собраніи албанскихъ сказокъ—Albanesische Märchen, übersetzt von Gustav Meyer, mit Anmerkungen von Reinhold Köhler (изъ 12-го т. Archiv für Litt.-Geschichte) (167—168); каталогъ сочиненій, относящихся къ средней и новой греческой исторіи и филологіи и изданныхъ въ текущемъ году (169—180)¹). Книжка оканчивается перечнями

¹ Но только отдельныхъ сочиненій, но и статей, притомъ и греческихъ, и иностранныхъ.

пожертвованныхъ Обществу вещей, документовъ и денегъ (181—184). По уставу Общества всѣ пріобрѣтенія его архива и музея считаются достояніемъ націи (статья 10-я).

Пожелаемъ новоучрежденному греческому Обществу полного успѣха въ собираніи и разъясненіи доступныхъ ему матеріаловъ для панбогѣ вѣрнаго истолкованія своєї народной жизни.

Гавріиль Дестунисъ.

Основанія фонетики, сочиненіе профессора Сиверса.

Grundzüge der Phonetik zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen, von Edward Sievers. Leipzig. 1881.

Подъ этимъ новымъ заглавіемъ и въ существенно измѣненномъ видѣ явилось въ 1881 году, вторымъ изданіемъ, сочиненіе профессора Іенскаго университета Сиверса, вышедшее въ первый разъ въ 1876 г. подъ названіемъ: *Grundzüge der Lautphysiologie*.

Пользуясь преимущественно наблюденіями англійскихъ изслѣдователей, въ особенности Белля, Эллиса и Свита (Sweet), г. Сиверсъ разсмотрѣлъ предметъ со всѣхъ сторонъ, сталъ во многомъ на новую точку зрѣнія, откровенно сознавая невѣрность нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ взглядовъ, и такимъ образомъ далъ книгу, которая надолго составитъ эпоху въ области фонологіи. Такъ какъ этотъ трудъ имѣетъ цѣлью служить введеніемъ къ изученію фонетики индоевропейскихъ языковъ вообще, то содержаніе его очень обширно, и потому естественно, что автору не могло одинаково удалиться рѣшеніе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ; во многихъ случаяхъ онъ самъ предупреждаетъ, что говоритъ только гадательно, или прямо заявляетъ о недостаточности своихъ свѣдѣній. Вообще не надо забывать, что разсуждать о звукахъ на бумагѣ и изучать ихъ не всегда съ живого говора людей той или другой національности, есть дѣло чрезвычайно трудное и представляющее свои опасности. Выйти побѣдителемъ изъ этихъ опасностей не всегда удается и такому тонкому наблюдателю, каковъ г. Сиверсъ. Одно уже отсутствіе въ немъ практическаго знакомства съ славянскими языками (онъ уроженецъ Гессена) не могло не составлять важнаго неудобства при исполненіи его задачи. Впрочемъ онъ самъ, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что приводитъ примѣры большею частью изъ нѣмецкаго языка и его нарѣчій, онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ лишь немногіе

были бы въ состояніи основательно провѣрять иноземный матеріалъ. Главною его цѣлю, какъ онъ объясняетъ, было доставить руководство для самостоятельныхъ наблюденій каждому читателю. Онъ совѣтуетъ вслѣдствію начинать изученіе фонетики съ собственнаго своего нарѣчія, отъ котораго слѣдуетъ постепенно переходить къ другимъ нарѣчіямъ того же языка; иноязычный же матеріалъ усваивать себѣ только какъ пособіе для изученія родной рѣчи. Само собою разумѣется, что профессоръ Сиверсъ очень хорошо понимаетъ необходимость въ основаніе фонетическихъ выводовъ полагать свой собственный опытъ, и въ наибольшей части своей книги онъ, конечно, говоритъ по личнымъ своимъ наблюденіямъ надъ самыми звуками. Желая ознакомить русскихъ читателей съ его сочиненіемъ, я намѣренъ сообщить въ сокращенномъ видѣ, большую частію въ дословномъ переводѣ, главные его положенія и выводы, присоединяя къ нимъ иногда собственные свои замѣчанія.

Руководящая точка зрѣнія нашего автора видна изъ слѣдующаго отрывка:

„Общепринятая грамматика начинается обыкновенно съ буквъ или звуковъ, а отъ нихъ восходитъ къ разсмотрѣнію слоговъ, словъ и предложеній. Но само по себѣ ясно, что строго систематическая фонетика должна бы прежде всего разсматривать предложеніе, ибо только оно есть нѣчто въ живомъ языкѣ дѣйствительно существующее, прямо подлежащее наблюденію: слово же, слогъ, отдѣльный звукъ часто принимаютъ въ предложеніи различный видъ, а слогъ, а отдѣльный звукъ въ той абсолютной формѣ, въ какой привыкла представлять его намъ грамматика, по большей части даже и не появляется въ языкѣ: одиноко. Поэтому надлежало бы напередъ изслѣдовать предложеніе со всѣми измѣненіями, которымъ оно при устномъ выраженіи можетъ подвергаться (напримѣръ, тѣми, какія одно и то же предложеніе испытываетъ, когда оно употребляется какъ простое заявленіе, какъ восклицаніе или какъ вопросъ и т. д.). Не прежде какъ научившись обращать вниманіе на эти измѣняющіяся качества предложенія, должно бы приступать къ анализу самаго предложенія, то-есть, къ изслѣдованію отдѣльныхъ тактовъ рѣчи и слоговъ, какъ членовъ этихъ тактовъ; послѣ этого было бы своевременно разсматривать слоги, какъ таковые, и ихъ отдѣльные звуки. То, что въ заключеніе является какъ опредѣленіе отдѣльнаго звука, въ концѣ концовъ не болѣе, какъ зависящій отъ произвольныхъ точекъ зрѣнія отвлеченный выводъ изъ тѣхъ измѣняющихся формъ,

въ которыхъ такъ-называемый отдѣльный звукъ можетъ появляться въ предложениі. Но по практическимъ причинамъ, и при изученіи фонетики переходить обыкновенно отъ самыхъ простыхъ элементовъ къ болѣе сложнымъ комплексамъ: эта общепринятая метода соблюдается и въ рассматриваемомъ сочиненіи. Но, слѣдуя ей, необходимо имѣть въ виду тотъ важный фактъ, что то небольшое, что можно сказать объ искусственно обособленномъ отдѣльномъ звукѣ, нисколько не исчерпываетъ сущности его въ живомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, установленіе системы звуковъ, какъ оно само по себѣ ни важно, составляетъ лишь одну изъ самыхъ элементарныхъ задачъ фонолога, въ кругъ дѣятельности котораго входятъ всѣ формы проявленія произносимой рѣчи. Итакъ, не успокаиваясь надъ изученіемъ однихъ звуковъ, надо столь же внимательно изслѣдовать, опять-таки руководясь всего болѣе роднымъ языкомъ, образованіе слоговъ, тактовъ и предложений. Затѣмъ всѣ пріобрѣтенныя такимъ образомъ свѣдѣнія должны быть повѣрены надъ разработкой живыхъ языковъ и нарѣчій, и только сознавая себя вполне подготовленнымъ, можно приступить за приложеніе фонетическихъ выводовъ къ объясненію болѣе давнихъ состояній языка и постепенныхъ его измѣненій до настоящаго времени“.

Въ параграфѣ, озаглавленномъ: „Общія акустическія положенія“, г. Сиверсъ выясняетъ главныя основанія теоріи звуковъ. Къ сожалѣнію, русскій языкъ не имѣетъ того богатства терминовъ, какимъ обладаетъ нѣмецкій, для выраженія всѣхъ отгнѣсковъ понятій о звукахъ. Такъ, у насъ нѣтъ слова для отличія Schall отъ Laut. Первое авторъ употребляетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, второе только въ примѣненіи къ языку.

Понятіе Schall онъ подраздѣляетъ на Geräusche (шорохи) и musikalische Klänge (музыкальные тоны), и разницу между ними опредѣляетъ тѣмъ, что ощущеніе тона вызывается быстрыми періодическими движеніями звучащихъ тѣлъ, ощущеніе же шороха—непериодическими движеніями.

Всякое тѣло, способное производить музыкальные звуки, имѣетъ свой особенный тонъ, который различенъ, напримѣръ, у смычковаго инструмента, у фортепіано, наконецъ, въ каждомъ замкнутомъ воздушномъ пространствѣ. Такія пространства называются резонансовыми (отзвучными) и въ разныхъ видахъ имѣются при духовыхъ инструментахъ. Въ этомъ примѣненіи ихъ называютъ надставными трубами, потому что они по большей части бывають непосредственно

соединены съ источникомъ звуковъ. Такую же связь источника музыкальныхъ звуковъ съ надставною трубой, способною къ самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ проходящаго звука, и внутри которой могутъ быть въ то же время производимы весьма различныя шорохи, представляетъ органъ человѣческой рѣчи.

Далѣе подробно описывается три существенно несходныя между собой части этого органа: дыхательный снарядъ, гортань и расположенная впереди послѣдней надставная труба ¹⁾.

Дыхательный снарядъ производитъ необходимый для произнесенія звуковъ воздушный токъ; гортань же и надставная труба служатъ къ тому, чтобы своими артикуляціями, одновременно или независимо одна отъ другой, обрабатывать этотъ воздушный токъ.

Надставною трубой называется совокупность всѣхъ полостей, принадлежащихъ къ органу рѣчи и находящихся надъ голосовою щелью. Сперва идетъ полость зѣва, потомъ устная и носовая полости.

Полость рта, самая сложная часть надставной трубы, лежитъ между неподвижною верхнею челюстью и подвижною нижнею. Отъ подъема и опущенія послѣдней измѣняются въ различной степени пространство и форма устной полости. Ихъ разнообразіе еще увеличивается отъ движеній мягкихъ частей, соединенныхъ съ обѣими челюстями, именно: мягкаго нѣба, языка и губъ.

Мягкое нѣбо или нѣбная занавѣска (*velum palati*) начинается за твердымъ нѣбомъ, которое идетъ до окончанія верхняго ряда зубовъ. За чертою ихъ можно пальцемъ оцупать эту мягкую мускульную плоскость. Когда ротъ закрытъ, она бываетъ опущена, и дыханіе проходитъ черезъ носъ; когда же какой-нибудь звукъ произойдется болѣе или менѣе открытымъ ртомъ, то мягкое нѣбо подымается, чтобы преградить воздуху путь черезъ носъ.

За зубами лежитъ языкъ, участвующій въ произнесеніи почти всѣхъ звуковъ и заостренный впереди свободно движущимся, менѣе массивнымъ кончикомъ. Къ его задней, спускающейся части примыкаетъ надгортанникъ, который имѣетъ форму груши, обращенной

¹⁾ Многія изъ излагаемыхъ за сѣмъ по книгѣ г. Северса данныхъ далеко не новы, но онѣ являются у него въ новой группировкѣ и въ новомъ освѣщеніи, а потому и сообщаются здѣсь въ извлеченіи для связи съ послѣдующими свѣдѣніями.

впередъ широкимъ концомъ своимъ, и закрываетъ какъ клапанъ верхнее отверстіе гортани.

Губы, участвуя въ образованіи разныхъ звуковъ, то раскрываются широко, какъ для произнесенія *a*, то образуютъ щель съ отдергиваніемъ угловъ рта, какъ для *i*, то представляютъ круглое или овальное отверстіе, какъ для *o* и *u*, при чемъ губы сверхъ того выдвигаются впередъ.

Надъ полостью рта, вдоль всего ея протяженія, лежитъ посовой каналъ, окруженный твердыми стѣнками и потому неизмѣнный въ своей формѣ. Онъ отдѣляется отъ устной полости твердымъ и мягкимъ вѣбомъ, о чемъ уже было говорено, и оканчивается двумя устьями — ноздрами, которыя не могутъ быть закрываемы подобно рту.

Пока органы рѣчи остаются неподвижны, невозможно произнести ни одного звука; для этого необходимо по крайней мѣрѣ какую-нибудь часть ихъ вывести изъ спокойнаго состоянія и противопоставить какъ преграду дыхательному току, другими словами: должна произойти артикуляція.

Однимъ дыханіемъ, даже при усиленіи его, невозможно произнести ни одного звука рѣчи. Во время обыкновеннаго молчанія мы дышимъ медленно и равномерно; когда же говоримъ, то быстрымъ подъемомъ грудной полости вводимъ въ легкія большее количество воздуха, выдыханіе происходитъ толчками, при различномъ давленіи, съ различною энергіей. Итакъ, хотя дыханіе служитъ также факторомъ образованія звуковъ, но выраженіе „артикуляція“ можетъ быть употребляемо только въ смыслѣ прегражденія выдыхательнаго тока тѣми или другими частями органовъ рѣчи.

Первый изъ этихъ органовъ, который посредствомъ артикуляціи можетъ противопоставить преграду выдыхательному току, есть гортань. Здѣсь артикуляція заключается только въ постепенномъ суженіи голосовой щели до совершеннаго затвора. Съ различными степенями суженія голосовой щели сопряжены разныя степени силы выдыханія воздуха, и смотря по этому, въ гортани происходятъ самыя разнородныя шорохи и тоны. Первые называются гортанными шорохами, послѣдніе общимъ имеемъ голоса или голосоваго тона. Итакъ, подъ голосомъ мы разумѣемъ музыкальный тонъ, произведенный мѣрными дрожаніями голосовыхъ связокъ, какой бы то ни было силы, высоты и т. д., и притомъ независимо отъ образованія посредствомъ его разныхъ звуковъ рѣчи.

Изъ гортанныхъ шороховъ при обыкновенной громкой рѣчи являются только два—греческіе *spiritus asper* (нѣмецкое *h*) и *spiritus lenis*¹⁾. Голосъ же служитъ къ образованію гласныхъ, носовыхъ, плавныхъ и другихъ „звонкихъ“ согласныхъ, то-есть, именно тѣхъ звуковъ, на которыхъ главнымъ образомъ основывается слышимость и музыкальность языка.

При шопотѣ голосовая щель бываетъ не совсѣмъ закрыта; въ то же время выдыхательное давленіе такъ уменьшено, что воздушный токъ уже не имѣетъ силы произвести звучаніе голосовыхъ связокъ, и можетъ только своимъ треніемъ о нихъ образовать тѣ самые гортанные шорохи, о которыхъ было упомянуто. На сколько позволяетъ ихъ акустическій характеръ, они бываютъ сходны съ голосовымъ тономъ.

Есть цѣлые ряды звуковъ, при которыхъ гортань остается совершенно пассивною. Напротивъ, надставная труба всегда имѣетъ замѣтное вліяніе на характеръ отдѣльныхъ звуковъ, и ея артикуляціи постоянно производятъ только особые звуки. Каждой формѣ артикуляціи надставной трубы отвѣчаетъ только одинъ образуемый ею звукъ рѣчи, въ которомъ, конечно, могутъ быть различныя степени, смотря по силѣ выдыхательнаго давленія, или различныя качества, смотря по тому, участвуетъ, или не участвуетъ гортань въ артикуляціи. Если, напримѣръ, мы дадимъ надставной трубѣ форму артикуляціи, нужную для *a*, то будемъ неизмѣнно производить *a*, пока будетъ продолжаться данное рту положеніе, ставемъ ли говорить громче, или тише, или шопотомъ, выше или ниже. То же можно замѣтить при образованіи *ф*, *с*, *х*, или *б—п*, *д—т*, *з—ж* и т. д. Однакожъ различія степени сопровождаются и небольшими измѣненіями въ формѣ артикуляціи, напримѣръ, болѣе сильнымъ сжатіемъ губъ при *п*, нежели при *б* и проч.

Наблюдая образованіе *п*, *т*, *ж* или *ф*, *с*, *х*, легко замѣтить, что при этомъ гортань не принимаетъ участія въ произведеніи звука, что, напротивъ, пезвопкій воздушный токъ гдѣ-то въ надставной трубѣ (напримѣръ, у губъ при *п* и *ф*) встрѣчаетъ преграду, подающую поводъ

¹⁾ Звукъ легкаго придыханія (*spiritus lenis*), по наблюденіямъ англійскихъ фonetиковъ и г. Сиверса, предшествуетъ произношенію всѣхъ гласныхъ и слышится особенно при шопотной рѣчи: въ гортлѣ какъ будто хруснетъ (*ein eigentümliches Knacken*: Сиверсъ, стр. 110). Признаюсь, при всемъ стараніи, я не могу уловить этого звука, по крайней мѣрѣ при громкой рѣчи.

къ образованію въ этомъ мѣстѣ шорохъ. Съ уничтоженіемъ преграды тотчасъ же прекращается и шорохъ, хотя бы выдыханіе продолжалось. Если ее прозвеза въ другомъ мѣстѣ надставной трубы, то появится совершенно отличный отъ перваго шорохъ. Въ каждомъ случаѣ можно внутри надставной трубы опредѣлительно указать мѣсто, гдѣ шорохъ беретъ свое начало.

Совсѣмъ другое видимъ при образованіи гласнаго, напримѣръ *a*. Мы знаемъ, что здѣсь гортань доставляетъ голосъ, какъ субстратъ звука; но голосъ же служитъ необходимымъ матеріаломъ для *i*, *y* и т. д. Отъ *a* доходить до *i* или до всякаго другого гласнаго одними измѣненіями формы надставной трубы, между тѣмъ какъ гортань вполнѣ удерживаетъ прежнее артикуляціонное положеніе. Поэтому разница между *a*, *i*, *y*, точно такъ же, какъ разница *ф*, *с*, *х*, зависитъ отъ артикуляціи надставной трубы, но нигдѣ внутри ея нельзя указать пункта, при которомъ былъ бы образованъ свойственный гласному *a* въ противоположность *i* и *y* звукъ (какъ нѣчто отъ голоса независимое). Напротивъ, здѣсь надставная труба дѣйствуетъ какъ цѣлое (по закону отраженія), видоизмѣняя произведенный гортанью голосъ.

Итакъ, въ первомъ случаѣ артикуляція надставной трубы производитъ образованіе самостоятельнаго звука (*ф*, *с*, *х*), во второмъ же случаѣ только видоизмѣненіе образованнаго въ другомъ мѣстѣ звука (голоса). Поэтому артикуляцію перваго рода г. Сиверсъ называетъ *образующею звукъ* (звукообразовательною, *schallbildend*), артикуляцію же втораго рода — *видоизмѣняющею звукъ* (*schallmodificierend*).

Изъ сказаннаго видно, что для образованія звука рѣчи нужны три фактора:

- 1) Выдыхательный токъ различной силы и продолжительности.
- 2) Производящее звукъ прегражденіе этого тока, которое можетъ быть различно, смотря по мѣсту (въ гортани, въ надставной трубѣ, или въ обѣихъ одновременно), по степени (затвору или стѣсненію), по продолжительности или энергіи; энергія прегражденія соразмѣряется съ энергіей выдыханія.
- 3) Отражающее пространство, которое даетъ звуку его особую окраску.

Переходя къ принципиальному вопросу о дѣленіи и системѣ звуковъ рѣчи, г. Сиверсъ находитъ, что старинное различеніе гласныхъ (вокаловъ) и согласныхъ (консонантовъ), хотя и очень удобное на практикѣ, не вполнѣ удовлетворительно въ научномъ смыслѣ, потому что основано не на сущности звуковъ, а на функціи ихъ, то-есть, на

роли, какую они играютъ при образованіи слоговъ. Это, по его мнѣнію, издавна мѣшало успѣшному изслѣдованію дѣйствія однихъ звуковъ на другіе и ихъ самостоятельныхъ измѣненій. Г. Сиверсу кажется, что даже и въ отношенія къ функціи гласныхъ и согласныхъ, между ними нельзя провести точной границы, потому что нѣкоторые такъ-называемые согласные, именно плавные и носовые, также могутъ служить къ образованію слоговъ, въ примѣръ чего онъ приводитъ нѣмецкія слова *ritten* и *handel*, при произношеніи которыхъ гласная *e* вовсе не артикулируется, а отъ *t* дѣлается переходъ прямо къ *n* и *l*, получающимъ въ этомъ случаѣ значеніе гласныхъ. Разница же звуковъ въ отношеніи къ функціи ихъ, по наблюденію нашего автора, заключается въ томъ, что въ каждомъ слогѣ бываетъ одинъ звукъ, который выдѣлется надъ другими и который поэтому можно называть вершиной слога (*Silbengipfel*) или посетелемъ слогового акцента, а остальные служатъ только его спутниками; въ примѣръ первыхъ приводится *a* въ слогахъ *an*, *al*, *ab*, *ap*, *at* и *na*, *la*, *ba*, *pa*, и т. д. Такъ точно, говоритъ г. Сиверсъ, въ словахъ: *rit-tu*, *han-dl* звуки *n*, *l* несуть на себѣ акцентъ второго слога. Такіе звуки уже Таузингъ предлагалъ называть сонантами, а второстепенные—консонантами (*Mitlauter*, созвучными). Въ томъ, что послѣднее названіе будетъ, вслѣдствіе того, имѣть двойное значеніе (то-есть, и значеніе согласныхъ по-старинному), нашъ авторъ не видитъ большого неудобства, такъ какъ роль сонантовъ будутъ по большей части играть гласные, а консонантовъ согласные, по прежнему дѣленію. Ниже мы яснѣе увидимъ, въ чемъ собственно заключается сущность вповь устанавливаемого различія, а пока что замѣтимъ, что несмотря на указаніе г. Сиверсомъ недостатки стариннаго раздѣленія звуковъ на вокалы и консонанты, оно никогда не выведется изъ употребленія, что впрочемъ признаетъ и самъ онъ.

Это раздѣленіе, по его словамъ, такъ тѣсно связано со всею относящеюся сюда терминологіей, вообще со всѣми фонетическими изслѣдованіями, что было бы невозможно вполне замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ. По моему мнѣнію, кромѣ того, въ самомъ способѣ образованія гласныхъ и согласныхъ есть различіе, которое заставляетъ относить ихъ къ двумъ разнымъ категоріямъ звуковъ: гласные образуются болѣе или менѣе открытымъ ртомъ при нѣкоторомъ только участіи языка и губъ; согласные же требуютъ большаго или меньшаго сближенія двухъ частей органовъ рѣчи,—преграды, которая составляетъ необходимое условіе для произнесенія подобнаго звука.

Затѣмъ разсматривается вопросъ: что разумѣть подъ отдѣльнымъ звукомъ? До сихъ поръ обыкновенно довольствовались означеніемъ формы артикуляціи звука въ надставной трубѣ и опредѣленіемъ: участвуетъ, или не участвуетъ гортань (то-есть, голосъ) въ артикуляціи его; но при этомъ не обращали вниманія на многообразные оттѣнки звука, зависящіе отъ выдыханія и качественного вида прегражденія въ гортани. Такъ на примѣръ, подъ категорію звука *a* подподли всѣ тѣ звуки, которые могутъ быть производимы при извѣстномъ положеніи рта и при звучащемъ голосѣ, не принимая въ расчетъ продолжительности, силы, высоты отдѣльныхъ звуковъ, изъ которыхъ выведена категорія *a*. Но недостаточно противопоставлять одинъ звукъ другому, на примѣръ *a* звуку *o* по одной формѣ артикуляціи ихъ: необходимо давать себѣ отчетъ и въ разповидностяхъ, отличаемыхъ слухомъ подъ каждымъ изъ этихъ общихъ типовъ.

Конечно, нѣтъ никакой возможности составить удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ общую систему, въ которой нашли бы мѣсто всѣ возможные звуки органовъ человѣческой рѣчи: никто не въ состояніи обзрѣть всѣхъ возможныхъ видоизмѣненій отдѣльныхъ формъ артикуляціи. Всякій вновь изслѣдованный языкъ можетъ доставить новыя видоизмѣненія, которые не подойдутъ подъ систему, извлеченную изъ прежде-извѣстныхъ намъ языковъ. Но и въ болѣе ограниченномъ кругѣ наблюденій составленіе общей системы неисполнимо, потому что условія образованія звуковъ такъ разнообразны, что для созданія системы нужно бы произвольно отдать предпочтеніе однимъ факторамъ передъ другими, а за полученною такимъ способомъ системой нельзя признать безусловнаго значенія. Поэтому г. Сиверсъ, въ противоположность новѣйшимъ стремленіямъ установить общую систематику звуковъ, держится той мысли, что дальнѣйшее развитіе звуковой систематики можетъ имѣть успѣхъ только на основаніи изслѣдованія и описанія частныхъ системъ отдѣльныхъ говоровъ, изъ чего, далѣе, могутъ происходить болѣе общія системы для цѣлыхъ группъ нарѣчій и языковъ, но всегда въ примѣненіи къ опредѣленнымъ потребностямъ. Въ разсматриваемомъ трудѣ, какъ имѣющему свое спеціальное назначеніе, авторъ прямо устраниваетъ разсмотрѣніе всѣхъ звуковъ, которыхъ до сихъ поръ не оказывалось въ индоевропейской звуковой системѣ, каково, на примѣръ, щелканье (*Schnaltzlaute*) Готтентотовъ или гортанные звуки семитскихъ языковъ. Цѣль книги, говоритъ онъ, должна служить рѣшающимъ указаніемъ и при составленіи общихъ опредѣленій извѣстныхъ звуковыхъ группъ,

то-есть, мы должны считать нормальными тѣ формы звука (его разновидности, принимавшіяся до сихъ поръ за звуковую единицу), которыя съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ могутъ быть угадываемы какъ нормальныя формы общаго прародителя новыхъ индоевропейскихъ языковъ или, во всякомъ случаѣ, какъ историческіе предшественники новѣйшихъ звуковъ.

Разсуждая объ основныхъ началахъ, на которыхъ можетъ быть построена такая система звуковъ, г. Сиверсъ выставляетъ трудности выбрать предпочтительно который-нибудь изъ факторовъ артикуляціи, необходимыхъ въ совокупности для образованія звука; они были выше исчислены; таковы именно: выдыханіе, прегражденіе и резонансъ; первое можетъ быть различно по силѣ и продолжительности; второе—по степени и мѣсту. Каждый изъ этихъ факторовъ можетъ быть взятъ теоретически за исходную точку дѣленія, но къ тому можетъ служить также и акустическое значеніе звуковъ, вытекающее изъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ факторовъ. Въ практическомъ отношеніи автору кажется всего удобнѣе начать съ послѣднихъ основанія, за которыми будутъ слѣдовать и другія.

Этимъ оканчивается введеніе, составляющее первую главу книги. Во второй главѣ разсматриваются, по обозначенной системѣ, группы звуковъ рта и отдѣльные звуки.

По своему акустическому значенію звуки раздѣляются на двѣ группы: 1) соноры или чисто-голосовые звуки (*reine Stimmlaute*), исходящіе исключительно изъ гортани и имѣющіе основой голосъ, и 2) шорохи, образующіеся въ надставной трубѣ; ихъ можно назвать безголосными (*tonlos*). Къ разряду соноровъ отнесены гласные, плавные (то-есть, звуки *а* и *р*) и носовые (*м* и *н*). Къ разряду безголосныхъ, на примѣръ, *к*, *т*, *ф*, *с*.

Но есть еще и такіе звуки, при произнесеніи которыхъ голосъ и шорохи сливаются, на примѣръ, *в*, *з*. Такіе смѣшанные звуки составляютъ въ акустическомъ отношеніи переходъ отъ соноровъ къ шорохамъ, и потому ихъ можно причислять къ одному изъ двухъ названныхъ разрядовъ, смотря по тому, который изъ обоихъ элементовъ въ нихъ преобладаетъ и субъективно признается наиболѣе существеннымъ. Въмѣстѣ съ сонорами они образуютъ группу голосовыхъ звуковъ (*stimmhafte Laute*); съ чистыми же шорохами они сближаются по общему способу образованія шороховъ, но для отличія отъ первыхъ получаютъ названіе голосовыхъ или полусонорныхъ шороховъ. Отсюда видно, что собственно говоря, нельзя провести без-

условной границы между сонорами и голосовыми шорохами. Поэтому мнѣ кажется, что едва ли не справедливѣе и не проще было бы оставаться при прежнемъ раздѣленіи звуковъ на голосовые (*tonnende*) и безголосные (*tonlose*) ¹⁾.

Затѣмъ излагаются виды артикуляціи: сперва гортани, а потомъ надставной трубы. Въ послѣдней устный каналъ представляетъ три принципиально различныя положенія:

1) Устный каналъ на всемъ своемъ протяженіи такъ широко раскрытъ, что выдыхаемый воздухъ проходитъ черезъ него, не производя устнаго шороха; тогда полость рта служитъ только резонансовою средою. Это бываетъ при всѣхъ сонорахъ.

2) Устный каналъ настолько стѣсненъ, что выдыхаемый токъ производитъ между краями тѣснины шорохъ тренія; это бываетъ, на примѣръ, при такихъ звукахъ, какъ *ф*, *с*, *х* или *в*, *з*.

3) Устный каналъ въ одномъ мѣстѣ совершенно закрытъ, на примѣръ у губъ при *б*, *м*; за зубами при *д*, *н*; у нѣба при *т*, *к*, а также и при такъ-называемыхъ носовыхъ *м*, *н*.

Если назвать всѣ тѣ звуки, которые происходятъ отъ тренія воздушнаго тока о край тѣснины, спирантами или протѣрными звуками ²⁾ (*Reibelaute, fricativae*), звуки же, образующіеся посредствомъ полного затвора органа рѣчи,—смычными (*Verschlusslaute*), то изъ вышеуказанныхъ факторовъ получатся слѣдующія группы звуковъ: 1) гласные и плавные,—чистые соноры (безъ участія носового канала); 2) назализованные гласные и назализованные плавные; 3) спиранты; 4) смычные звуки (собственно говоря,—устно-смычные), и

¹⁾ Прежде называлъ я первые *громкими*, вторые же, по примѣру Брюкке, *шопотными*, но сознаюсь, что эти названія не довольно точны; громкость можетъ быть различной степени, да и не заключаетъ въ себя никакого определятельнаго признака; съ шопотною же рѣчью соединяются условія, которыми не всегда сопровождается произнесеніе безголосныхъ звуковъ. Притомъ г. Северсъ, согласно съ нѣкоторыми другими изслѣдователями, утверждаетъ, что и при шопотѣ можно сохранять отличіе голосовыхъ шороховъ отъ безголосныхъ. Еще неиде удачнымъ нахожу терминъ: *звучные* и *отзвучные*, придуманный, кажется, Срезневскимъ, а потомъ употреблявшійся и нѣкоторыми другими. Согласился, что называть звуки *звучными* или *отзвучными* по меньшей мѣрѣ странно.

²⁾ Иногда употреблявшійся у насъ терминъ *проточные* оказывается неудобнымъ, такъ какъ и другіе звуки образуются при условіи протока воздуха черезъ ротъ или носъ. Прил. *проточный* образовано отъ занесеннаго въ акад. словарь слова *протѣръ*, означающаго «возможность съ трудомъ проходить или проходить или протираться», что совершенно отвѣчаетъ понятію звуковъ, называемыхъ у Нѣмцевъ подъ именемъ *Reibelaute*.

б) носовые, которые могут быть названы назализованными устно-смычными звуками, так какъ при образованіи ихъ устный каналъ, посредствомъ опущенія небной занавѣски, бываетъ совершенно закрытъ, воздушный же токъ проходитъ чрезъ носовую полость.

Относительно смычныхъ звуковъ г. Сиверсъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что одно положеніе смычка (затвора) само по себѣ еще не можетъ образовать звука; при безголосномъ выдыханіи затворъ обоихъ отверстій устной области для пропуска воздуха просто равносильнъ полному прекращенію всякаго звукообразованія, равно какъ и затворъ голосовой щели. При звучаніи голоса положеніе устнаго затвора можетъ, пожалуй, видоизмѣнять звукъ, но особенно характеристическую черту смычныхъ звуковъ составляетъ актъ затвора и разрѣшенія его, то-есть, тѣ два момента, которые предшествуютъ положенію смычки и слѣдуютъ за нею. Но такъ какъ эти три момента (смыканіе, положеніе смычки и растворъ) необходимо связаны одинъ съ другимъ, то мы на практикѣ и считаемъ ихъ фонетическій результатъ за единичный звукъ языка.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ параграфу о видахъ артикуляціи нашъ авторъ предостерегаетъ противъ смѣшенія выраженій: *spirant* и *aspirata*, на что было обращено вниманіе уже и мною въ Филологическихъ Разысканіяхъ (II², 77—79). „Вольшая путаница“, говорить онъ,—„которою долго страдало, напримѣръ, ученіе о развитіи медиальныхъ придыханій въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, была въ сущности слѣдствіемъ неясныхъ представленій въ этой области... Когда спиранту предшествуетъ смычка, то получается двойной звукъ, *affricata*, то-есть смычной звукъ + спирантъ¹⁾); когда же за растворомъ смычки слѣдуетъ простое дыханіе, то происходитъ то, что мы называемъ *aspirata* (придыхательный звукъ). Къ числу смычныхъ звуковъ принадлежатъ только такъ-называемые *tenues* и *mediae* съ ихъ *aspiratae* по общеупотребительной терминологіи; къ спирантамъ, напротивъ, всѣ другіе звуки-шорохи, въ особенности же латинно-нѣмецкіе *f* и *x* (*ch*), англійскій *th* или *φ*, *χ*, *θ* по новогреческому произношенію, которые только по недоразумѣнію смѣшиваются съ греческими придыхательными.

Далѣе звуки разсматриваются по мѣстамъ артикуляціи ихъ, то-есть, по тѣмъ пунктамъ органовъ рѣчи, гдѣ образуются тѣснины или смычки; такимъ образомъ мы говоримъ, что, напримѣръ, мѣстомъ арти-

¹⁾ Напримѣръ: *pf*, *gs*.

куляціи я, б, ж (безъ отношенія къ вопросу о совмѣстномъ дѣйствіи голоса) служатъ обѣ губы, мѣсто артикуляціи ϕ находится между нижнею губой и верхними зубами, и т. д. Опредѣлить мѣсто артикуляціи звука бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ явственнѣе производится стѣсненіе устнаго канала (до совершеннаго затвора); оттого звуки, образуемые сближеніемъ среднихъ частей языка съ нѣбомъ, представляютъ горадо болѣе трудностей къ точному опредѣленію мѣста артикуляціи, чѣмъ другіе звуки, тѣмъ болѣе, что почти единственнымъ средствомъ къ тому можетъ служить осязаніе. Всего труднѣе опредѣлять артикуляціи гласныхъ, оттого что эти послѣдніе сопровождаются наименѣе энергическими стѣсненіями устнаго канала. Поэтому описаніе гласныхъ и отлагается въ книгѣ г. Сиверса до другой главы, гдѣ рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ звукахъ. Для опредѣленія мѣста артикуляціи нѣбныхъ звуковъ придумана недавно очень остроумная метода окрашиваніемъ: Грюцнеръ густо намазываетъ карминомъ или китайскою тушью сухо обтертый языкъ, и потомъ какъ можно яснѣе и непринужденнѣе артикуруетъ звуки. Открытый при этомъ ротъ осматривается при надлежащемъ свѣтѣ съ помощью большаго ларингоскопа, косвенно обращеннаго вверхъ къ нѣбу, и обыкновеннаго туалетнаго зеркала. Грюцнеръ замѣчаетъ, что изображенія того же звука у различныхъ людей бываютъ не совсѣмъ одинаковы, но у одного и того же лица не мѣняются.

Сколько же мѣста артикуляціи слѣдуетъ принимать и какъ они взаимно расположены? Согласно съ звуковою системою Грековъ и Римлянъ, прежде принимали только три мѣста артикуляціи, продукты которыхъ означали названіями: *gutturales* (гортанные), *dentales* (зубные) и *labiales* (губные). Ознакомясь съ санскритомъ, прибавили еще: *palatales* (нѣбные) и *cerebrales* (мозговые), которые по индійской звуковой системѣ помѣстили между гортанными и зубными. Но составившаяся такимъ образомъ система въ физиологическомъ смыслѣ не совсѣмъ правильна. Обращая вниманіе на органы, участвующіе въ образованіи отдѣльныхъ звуковъ, слѣдуетъ прежде всего принять два отдѣла: губные (*labiales*), образуемые только губами съ помощію, въ случаѣ надобности, зубовъ, и язычно-нѣбные (*linguopalatales*), производимые сближеніемъ какой-нибудь части языка съ какою-нибудь частью мягкаго или твердаго нѣба, а по мѣрѣ надобности, и зубовъ (вообще, слѣдовательно, съ частью внутренней устной полости). Можно прибавить еще третью группу—*velares* (отъ *velum palati*, нѣбная занавѣска), образуемые сближеніемъ мягкаго

нёба съ заднею стѣнкою зѣва, но не составляющіе впрочемъ отдѣльной группы, а появляющіеся только при встрѣчѣ между собою другихъ звуковъ.

Губные звуки раздѣляются на чисто-губные (иначе называемые также *bilabiales*, *labiolabiales*) и губо-зубные, въ артикуляціи которыхъ участвуютъ и зубы. При образованіи язычно-небныхъ собственно только языкъ составляетъ подвижное орудіе артикуляціи. Измѣненіями его формы (посредствомъ подъема и опущенія нижней челюсти) производится надлежащія стѣсненія и язворы. Небо же, разумѣется твердое небо, играетъ при этомъ пассивную роль. Если начать съ такъ называемыхъ гортанныхъ звуковъ, то крайнимъ смичнымъ этого ряда со стороны гортани будетъ *к*, образуемое прикосновеніемъ задней спинки языка къ самому нижнему краю небной завѣски. Ясно, что подвигаясь отсюда впередъ, можно по порядку каждую часть языка сближать съ соответственнымъ мѣстомъ неба, точку прикосновенія можно постепенно и незамѣтно вести отъ корня языка къ кончику его. Каждому мѣсту прикосновенія долженъ естественно отвѣчать особый звукъ. Такимъ образомъ получается непрерывная лѣстница звуковъ, которыхъ число въ теоріи должно быть безконечно. Но на практикѣ считаютъ за единицу цѣлый рядъ такихъ звуковъ, которые отлчаются сходнымъ въ сущности тономъ, такъ что для артикуляціи каждаго звука служитъ извѣстное пространство въ опредѣленныхъ границахъ. Поэтому наши выраженія: небные, зубные, гортанные и т. д., какъ и вообще названія звуковъ рѣчи и ихъ группъ, не указываютъ на точно опредѣленную артикуляцію или неизмѣнно установленный звукъ языка, а означаютъ лишь цѣлыя категоріи звуковъ, которые располагаются по сходству способовъ ихъ артикуляціи и число которыхъ мы опредѣляемъ противопоставляя одни изъ нихъ другимъ. Въ общемъ достаточно принять области переднюю, среднюю и заднюю, смотря по тому, артикулируются ли звуки кончикомъ языка, среднею, или заднею частью его спинки: первая обнимаетъ, слѣдовательно, зубные древнегреческой системы (включая и санскритскіе церебральные), вторая — такъ-называемые небные, третья — гортанные.

Кромѣ опредѣленія мѣста артикуляціи этихъ звуковъ, должно также обращать вниманіе на форму частей рта, которыми они образуются. Въ этомъ отношеніи г. Сиверсомъ отмѣчены:

А. Середишняя артикуляція (*mediane Articulationen*); мѣсто артикуляціи находится на срединной линіи рта, и именно:

1) Концовая артикуляція (согнала): она производится оконечностью языка, который приподнимается къ нёбу (зубные звуки).

2) Спиночная артикуляція (dorsale): для требующихся стѣсненій или смычекъ поднимается къ нёбу часть спинки языка (напримѣръ при *к*, *х*, задняя часть).

В. Боковая артикуляція (laterale); при ней характеристическія стѣсненія или смычки находятся между боковыми краями языка и коренными зубами (при *л*).

На этомъ основаніи нашъ авторъ распредѣляетъ всѣ язычно-нёбные звуки по двумъ главнымъ группамъ и въ каждой изъ нихъ принимаетъ нѣсколько подраздѣленій, исчислять которыя въ настоящемъ обзорѣ было бы излишне.

Къ разсмотрѣнію звуковъ по группамъ отнесенъ также вопросъ объ интенсивности или силѣ и продолжительности звуковъ рѣчи.

Различеніе ихъ въ отношеніи къ силѣ служитъ только цѣлямъ образованія слоговъ и словъ, такъ какъ, напримѣръ, всѣ звуки слога ударяемаго, при выдыханіи, сильнѣе звуковъ неударяемаго. Слѣдовательно, для характеристики звуковъ рѣчи это различеніе не важно. Однакожь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаются различныя степени силы, вовсе не зависящія отъ акцента и потому принадлежащія прямо къ характеристикѣ звуковъ. Такимъ образомъ, если посредствомъ известнаго аппарата ¹⁾ измѣрить давленіе воздуха при произношеніи безголосныхъ и голосовыхъ параллельныхъ звуковъ, какъ *н* и *б*, или *ф* и *в* (произнося съ равною по возможности интенсивностью всѣ слоги въ сочетаніяхъ: паба, бапа, фава, вафа), то окажется, что при всѣхъ безголосныхъ звукахъ давленіе воздуха сильнѣе чѣмъ при соответственныхъ голосовыхъ. Поэтому, въ разсужденіи относительной мѣры давленія воздуха при образованіи ихъ шороха, слѣдуетъ называть *н* и *ф* fortes, противоположные же имъ *б* и *в* leves.

Конечно, въ языкахъ, которые отличаютъ такіе параллельные звуки, какъ *н* и *б* и т. п. отсутствіемъ или присутствіемъ голоса, нѣтъ надобности считать особенно важнымъ признакомъ меньшую силу *б* и проч., но надо помнить, что есть языки, противопоставляющіе

¹⁾ Согнутая на подобіе латинскаго U, на одну треть налитая водою стеклянная трубка, къ одному концу которой прикрѣплена научуковая кишка; другой конецъ этой кишки владется въ ротъ и представляется позади того мѣста, гдѣ происходитъ смычка или тѣсняина, производящая звукъ.

между собою безголосные звуки различной силы. У Швейцарцевъ, напримѣръ, *n* и *b*, *φ* и *σ* равно произносятся безъ помощи голоса, и различаются только болѣе сильнымъ давленіемъ голоса при *n* и *φ*, нежели при *b* и *σ*. Итакъ, здѣсь различіе силы составляетъ единственный отличительный признакъ звуковъ, и выраженія: *fortis* и *lenis* становятся необходимы. Тотъ, кто привыкъ замѣчать только качественное различіе безголосныхъ и голосовыхъ звуковъ, можетъ всего легче повѣять разсматриваемую разницу силы съ одной стороны на взрывныхъ, съ другой на плавныхъ и носовыхъ. Въ словахъ: *вилла*, сумма очень ясно слышится болѣе интенсивность *л* и *м* въ сравненіи съ *вилла*, дума, если отрѣшиться отъ внушаемаго письмомъ обманчиваго представленія объ удвоенномъ *лл* или *мм*: дѣло въ томъ, что тутъ въ первомъ случаѣ мы слышимъ *fortis*, во второмъ *lenis*. При *n*, *m*, *n*—*l*, *d*, *b* стѣбитъ только отдать себѣ отчетъ въ ощущеніи взаимно соприкасающихся частей рта; при этомъ всякій легко убѣдится, напримѣръ, въ болѣе сильномъ сжатіи губъ при *n* въ противоположность *b* и т. д.

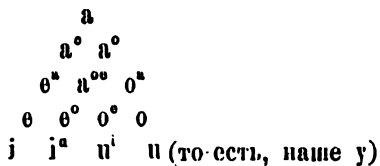
Количество (*Quantität*, то-есть, долгота и краткость) звука само по себѣ не имѣетъ вліянія на его качество, а потому и не можетъ служить основаніемъ дѣленія. Между тѣмъ, принимая во вниманіе протяжимость или непротяжимость звуковъ рѣчи, отличаютъ длительные звуки отъ мгновенныхъ. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ только смычные, допускающіе одно удлинненіе паузы между смычкою и растворомъ (или раздающагося въ продолженіе этого времени голоса). Здѣсь, какъ мнѣ кажется, г. Сиверсъ впалъ въ нѣкоторое недоразумѣніе: названія длительныхъ и мгновенныхъ даны звукамъ только по отношенію къ возможности протягивать въ произношеніи одинъ изъ нихъ и къ неизбѣжной краткости другихъ; но это не значитъ, чтобы при обыкновенномъ произношеніи длительные звуки, напримѣръ, *σ*, *с*, *ш*, были длиннѣе или протяжнѣе мгновенныхъ: *z*, *m*, *b* и т. п. Равнымъ образомъ и поставленное мною въ скобкахъ выраженіе, заимствованное у г. Сиверса, едва ли вѣрно: голосъ, сопровождающій какой-нибудь мгновенный звукъ, вырывается одновременно съ растворомъ, а не въ продолженіе паузы, и можетъ звучать болѣе или менѣе времени только въ примѣненіи къ спиранту, который дѣлается его носителемъ.

Отъ разсмотрѣнія звуковъ по группамъ авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ звукамъ, и прежде всего говоритъ о сонорахъ вообще, къ которымъ относитъ: 1) устные соноры, то-есть, гласные и плав-

ные *p, л*; разница между этими двумя группами очень незначительна и зависит (кроме различной степени стѣсненія надставной трубы) только отъ несходной формы артикуляціи языка; 2) носовые соноры или просто носовые звуки (резонанты, по неудачной терминологіи Брюкке), и 3) назализованные соноры, въ числѣ которыхъ всего чаще встрѣчаются носовые гласные: вслѣдствіе ослабленія затвора небной занавѣски звучащій воздушный токъ можетъ отчасти выходить черезъ носовую полость и получаетъ такимъ образомъ вторую резонансовую среду.

Гласные, какъ занимающіе главное мѣсто между сонорами, были издавна предметомъ чисто-акустическихъ анализовъ со стороны естествоиспытателей; но такъ какъ подобныя изслѣдованія, требующія специальной подготовки и разныхъ искусственныхъ аппаратовъ, имѣютъ лишь второстепенное значеніе для филолога, то я и не буду на нихъ останавливаться. Не пойду также вслѣдъ за г. Сиверсомъ въ подробномъ изложеніи двухъ системъ гласныхъ звуковъ, нѣмецкой и англійской, потому что онѣ основываются главнымъ образомъ на произношеніи Нѣмцевъ и Англичанъ: мы же не имѣемъ полной возможности повѣрять ихъ выводы, построенные на наблюденіяхъ, требующихъ величайшей точности. Удовольствуюсь приведеніемъ вступительныхъ замѣчаній нашего автора.

Индоевропейскій праязыкъ различалъ, какъ полагали (что однакожь по новѣйшимъ изслѣдованіямъ индоевропейскаго вокализма отвергается), только три опредѣленные вида гласныхъ: *a, i, y*, да и въ болѣе сложныхъ вокальныхъ системахъ новыхъ языковъ эти три гласные особенно выдавались, какъ представители самыхъ рѣзкихъ противоположностей музыкальной окраски. Обыкновенно группировали эти „три столпа“ вокализма въ видѣ равносторонняго треугольника, имѣвшаго *a* въ вершинѣ, чѣмъ давалось знать, что между каждыми двумя изъ нихъ (*i—a, a—y, y—i*) существуетъ одинаковое разстояніе. Остальные гласные заносились между тѣми звуками, между которыми они повидимому составляли середины, именно: *э* между *a* и *i*, *о* между *a* и *y*. Эта, первоначально придуманная Гельвагомъ (1780), пирамида получила наконецъ, у Брюкке, слѣдующее развитіе:

(*a*, означаетъ здѣсь приближающійся къ *a* звукъ *ä*, *e* обыкновенное *ä* или открытое *e* и т. д.).

Эта схема, продолжаетъ г. Сиверсъ, можетъ, пожалуй, считаться вѣрною, если имѣть въ виду только субъективное акустическое впечатлѣніе. Но ошибка такого дѣленія заключается въ томъ, что оно не обращаетъ почти никакого вниманія на форму артикуляціи, и тѣмъ отнимаетъ возможность ясно обозрѣть чрезвычайно важныя и для исторіи языка отношенія отдѣльныхъ звуковъ между собою и къ отдѣльнымъ шорохамъ (напримѣръ, *i* къ небнымъ, *y* къ губнымъ и гортаннымъ). Поэтому Винтелеръ ¹⁾ оказалъ дѣлу несомнѣнную услугу, предложивъ размѣстить эти три звука: *y—a—i* (или, что все равно, *i—a—y*) въ послѣдовательномъ порядкѣ по прямой линіи ²⁾: здѣсь *y* и *i* образуютъ крайніе предѣлы всей системы гласныхъ, въ которой *a* занимаетъ нейтральную середину.

При *a* весь устный каналъ раскрытъ; языкъ не много удаляется отъ своего спокойнаго положенія. При *i*, *y*, напротивъ, болѣе сильная артикуляція производитъ значительныя стѣсненія въ надставной трубѣ (слѣдовательно приближается къ артикуляціи согласныхъ ³⁾). А такъ какъ при усилеиномъ образованіи тѣснитъ малыя различія въ артикуляціи имѣютъ болѣе замѣтное вліяніе на характеръ соответственныхъ звуковъ, чѣмъ при слабомъ образованіи, то *i*, *y* гораздо чувствительнѣе къ переиѣнамъ артикуляціи, нежели *a*, которое, несмотря на весьма различную степень раскрытія рта, все-таки произносится съ тою же музыкальною окраской. Вотъ почему Винтелеръ нашелъ справедливѣе не начинать, по господствовавшему до него обычаю, съ *a* какъ „съ самаго простаго и чистаго вокала“, а (согласно съ тѣмъ, что указывалъ уже Буа-Реймондъ) исходить отъ обонхъ крайнихъ пунктовъ вокальной линіи, подлежащихъ болѣе точному опредѣленію, и затѣмъ уже подвигаться къ серединѣ.

Этотъ методъ имѣлъ еще то преимущество, что онъ съ самаго начала рѣзче выставлялъ артикуляцію тѣхъ двухъ частей рта, кото-

¹⁾ Въ книгѣ: Die Koenzger Mundart in ihren Grundzügen dargestellt. Leipz. 1876.

²⁾ Это сдѣлано еще прежде мною въ «Филолог. Разысканіяхъ», т. II², 11, 25, 39.

³⁾ Вѣрный способъ идея, г. Сиверсъ ослабляетъ здѣсь действительную черту различія въ образованіи гласныхъ и согласныхъ. Какъ незначительно стѣсненіе при *i*, *y*, лучше всего доказывается ихъ сравненіемъ съ *jot* и *e* (*w*), которые по образованію подходятъ къ этимъ двумъ гласнымъ.

рыя служатъ къ образованію отзвучной среды для вокаловъ, именно языка и губъ; ибо при *у*, *і* обѣ артикулюють гораздо энергичнѣе, чѣмъ при *а* и ближайшихъ къ нему гласныхъ, и формы ихъ артикуляціи наиболѣе между собою противоположны. Привода этотъ взглядъ г. Сиверса, а съ своей стороны однако замѣчу, что не придаю особенной важности измѣненію порядка, въ которомъ располагаются гласные, и нахожу что несмотря на всѣ только что высказанныя соображенія, методъ, начинающій разсмотрѣніе гласныхъ съ *а*, какъ дѣйствительно простѣйшаго звука, нагляднѣе представляетъ двѣ скалы звуковъ въ обонхъ противоположныхъ направленіяхъ. Къ тому же и при расположеніи звуковъ не по прямой линіи, а по сторонамъ угла или треугольника съ *А* въ вершинѣ, ничто не мѣшаетъ идти отъ *і* къ *у* или наоборотъ.

Языкъ при *у* цѣлою своею массой отдергивается назадъ и въ задней своей части поднимается къ нѣбу. При *і*, напротивъ, онъ выдвигается впередъ и переднюю часть приближается къ твердому нѣбу.

Губы при *у* (произносимомъ съ возможною полнотою) стягиваются, оставляя лишь небольшое круглое отверстіе и въ то же время нѣсколько выдвигаются впередъ, удлиняя надставную трубу; при *і*, возможно ясно, углы рта оттягиваются, и образуется широкая щель вмѣсто круглой скважины при *у*.

Итакъ, при *у* образуется въ передней части рта довольно большое шаровидное отзвучное пространство съ маленькимъ круглымъ выходомъ; при *і* объемъ этой полости до крайности уменьшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ чрезвычайно увеличивается. Соразмѣрно съ этимъ при *у* низкіе тоны голоса усиливаются, а высокіе заглушаются; при *і* бываетъ обратное дѣйствіе.

Отъ этого происходитъ, что *у* и въ обыкновенной рѣчи звучитъ ниже чѣмъ *і*, и что *у* въ весьма высокіхъ тонахъ, а *і* наоборотъ въ очень низкіхъ уже звучитъ непріятно.

Кромѣ названныхъ двухъ факторовъ, принимали въ соображеніе также подъемъ гортани при *і* и опущеніе ея при *у*. Но эти движенія не бываютъ болѣею частью произвольны, а обуславливаются существенно протягиваніемъ или отдергиваніемъ языка, почему и можно безъ неудобства оставлять ихъ въ сторонѣ.

Показавъ способъ, какъ опредѣлять изъ множества видоизмѣненій всѣхъ трехъ гласныхъ „нейтральную средину“ ихъ, то-есть, такъ сказать, средней или нормальной звукъ (способъ, который, по практической трудности воспроизводить его, не рѣшаюсь передать въ переводѣ), г. Сиверсъ продолжаетъ:

Если, начиная съ *y*, проходитъ всё промежуточные ступени до *i*, то языкъ будетъ все болѣе выдвигаться впередъ и передняя часть его постепенно подниматься вверхъ къ твердому нёбу; нижняя челюсть, нѣсколько опущенная при переходѣ отъ *y* къ *a*, также снова поднимается постепенно къ верху, и опять можетъ начаться артикуляція губъ, когда углы рта будутъ раздвигаться въ обѣ стороны.

Такимъ образомъ, начиная съ *y*, можно проходить всё отгѣвныя гласныхъ ряда *y—i*, постепенно уменьшая характеристическія движенія артикуляціи *y*, пока они почти совершенно сравниваются съ *o*, а затѣмъ переходя къ положенію *i* также постепенно усиленнымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ (языка и губъ). Итакъ, между *y* и *i* оказывается цѣлый непрерывный рядъ равномѣрно измѣняющихся и переходящихъ другъ въ друга отгѣвковъ гласныхъ. Слѣдовательно, всё оказывающіяся здѣсь различія должны быть отмѣчаемы на упомянутой выше линіи гласныхъ отъ *y* до *i*.

Но такъ какъ нельзя для каждой отдѣльной точки этой линіи, для каждаго возможнаго отгѣвка имѣть особенный знакъ, то остается только раздѣлить эту линію на извѣстное число частей, то-есть, вмѣсто отдѣльныхъ отгѣвковъ гласныхъ означать категоріи звуковъ, которыя по формѣ артикуляціи и по акустическому впечатлѣнію соединяли бы въ себѣ ближайшія другъ къ другу и не являющіяся противоположными между собой видоизмѣненія. Представителемъ категоріи, нормальнымъ гласнымъ, долженъ служить тотъ отгѣвковъ, который всего опредѣлительнѣе выражаетъ музыкальный характеръ категоріи.

На основаніи этой системы Винтелеръ насчитываетъ 12 категорій гласныхъ *y, o, a, э, i*, съ ихъ отгѣвками, а присоединяя еще смѣшанные нѣмецкіе звуки *й, ö*—всего 14. Но, кончая изложеніе этой системы, г. Сиверсъ признаетъ ея несовершенство и неполноту, такъ какъ въ ней недостаетъ цѣлаго ряда звуковъ, образуемыхъ артикуляціей средней спинки языка съ нёбомъ. По его мнѣнію, всѣхъ этихъ недостатковъ избѣгаетъ англійская система Мельвила Бедля¹⁾, еще усовершенствованная Свитомъ²⁾ и Стормомъ³⁾. Она, говоритъ онъ, совершенно исключаетъ субъективный моментъ оцѣнки по акустическому сход-

¹⁾ *Bell, A. Melville, The Principles of Speech and Vocal Physiology. London 1865.—Visible Speech. London. 1867.*

²⁾ *Sweet, H. Handbook of Phonetics. Oxford 1877, и статья въ Transact. of the Philos. Soc. 1873—1881.*

³⁾ *Storm, J. Englische Philologie. Heilbronn 1881.* Первое изданіе на датскомъ языкѣ было напечатано въ Христианіа, гдѣ авторъ занимаетъ катедру при университетѣ.

ству гласныхъ, который такъ преобладаетъ въ нѣмецкихъ системахъ и сдѣлался источникомъ многихъ ошибокъ: англійская система вокаловъ, такъ же какъ и система согласныхъ, построена исключительно на анализѣ положеній артикуляціи. Прежде всего надо строго различать артикуляціи языка и губъ. Есть три горизонтальныя и три вертикальныя положенія языка. Въ первомъ отношеніи гласныя бываютъ: заднія (гортанныя), переднія (нёбныя) и смѣшанныя (гортанно-нёбныя). Промежуточныя ступени могутъ быть внутреннія и внѣшнія. Затѣмъ по большому или меньшему отдаленію языка отъ неба, бываютъ высокія, среднія и низкія гласныя, да еще промежуточныя, называемыя пониженными и повышенными. Каждый изъ полученныхъ такимъ образомъ гласныхъ можетъ еще быть закрытымъ (узкимъ) или открытымъ (широкимъ). Кромѣ того, каждый изъ этихъ гласныхъ можетъ сдѣлаться округленнымъ посредствомъ суженія устнаго отверстія; округленіе же это бываетъ тройное по степени и различное по формѣ (вертикальное, горизонтальное и смѣшанное).

Для нагляднаго изображенія этой системы служитъ таблица, состоящая изъ 6-ти вертикальныхъ и 6-ти горизонтальныхъ, а всего изъ 36-ти вѣтвей или столькожъ же гласныхъ звуковъ. Но, не смотря на высокое мнѣніе, высказываемое г. Сиверсомъ объ этой системѣ, я не могъ убѣдиться въ ея превосходствѣ: она кажется мнѣ чересчуръ сложною и сбивчивою; да и не всѣ примѣры звуковъ, приводимые въ доказательство ея положеній авторомъ „Grundzüge“, можно признать вѣрными. Страненъ, между прочимъ, взглядъ его на звукъ русскаго *ы*. „Всего менѣе“, говоритъ онъ, — „понятны для Нѣмца артикуляціи смѣшанныхъ гласныхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ русское *еры* (1¹), изъ котораго посредствомъ опущенія языка происходитъ нѣмцкій подобный *ö* неудараемый звукъ *e* въ *Gabe* ¹⁾ и т. д., а изъ этого вторичнымъ опущеніемъ звукъ *de* въ англ. *bird*. Открытый звукъ, отвѣчающій русскому *еры*, часто слышится, по мнѣнію г. Сивера, въ *pretty* и *just* и въ нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ словахъ“. Для насъ тутъ ясно полное недоразумѣніе на счетъ русскаго звука, и напрасно г. Сиверсъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 71) такъ рѣшительно отрокается отъ прежняго своего взгляда, согласнаго съ

---

¹⁾ То же самое еще прежде (Grundzüge, стр. 73) замѣчено объ этомъ словѣ: такъ, по показанію г. Сивера, *Gabe* произносится на нѣмецкой сценѣ.

толкованіемъ Ленсиуса, что и образуется соединеніемъ язычной артикуляціи у съ губною артикуляціей і¹⁾.

Коснувшись затѣмъ носовыхъ и безголосныхъ вокаловъ (tonlose Vocale), изображаемыхъ на письмѣ съ помощью нѣмецкаго h, г. Сиверсъ кончаетъ этотъ отдѣлъ нѣсколькими замѣчаніями о томъ, что для изслѣдователя народныя говоры должны быть равноправны съ такъ-называемымъ образованнымъ языкомъ, и что нельзя довольствоваться только немногочисленными звуками, изображаемыми въ письменной азбукѣ, а необходимо вникать также въ особенности артикуляціи всѣхъ ихъ отгѣнковъ, къ изображенію которыхъ должна служить придуманная для каждаго языка или нарѣчія система нормальныхъ знаковъ. При сравненіи языковъ между собою важно обращать вниманіе не столько на отношеніе одного отдѣльнаго звука къ другому, сколько на взаимное отношеніе цѣлыхъ системъ: пужно удостовѣряться, не зависятъ ли различія между отдѣльными гласными одной или нѣсколькихъ системъ отъ какого-нибудь общаго начала, отличающаго характеръ этихъ системъ. Такія начала заключаются въ большемъ или меньшемъ участіи губъ, въ различныхъ степеняхъ ринезма, въ особенномъ положеніи языка и т. п. Надо, такъ сказать, пайти операционный базисъ артикуляціи, который потомъ и имѣть въ виду при изслѣдованіи разныхъ явуковъ; такъ, напримѣръ, отличительныя черты англійскаго произношенія состоятъ въ томъ, что языкъ, отдернутый назадъ, какъ бы расплющивается и располагается къ церебральному способу артикуляціи, то-есть, конецъ поднимается къ нѣбу и загибается назадъ, а губы остаются пассивными и принимаютъ мало участія въ образованіи звуковъ²⁾.

Другая группа соноровъ, плавные и носовые, разсматриваются также весьма подробно. Въ каждомъ изъ обоихъ разрядовъ пріиимается по пяти подраздѣленій. Запимаясь плавными, авторъ остапавливается между прочимъ на русскомъ твердомъ л (лз) и говоритъ, что со времени Пуркинѣе фонетики считаютъ этотъ звукъ гортаннымъ. Но,

¹⁾ Я имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ случай сослаться на остроумный взглядъ г. Ленсиуса и привелъ въ переводѣ все относящееся сюда мѣсто его статьи: „Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift“. См. мои „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка“ въ *Сборникъ Отд. р. яз. и сл.*, т. XVIII, стр. 16.

²⁾ Въ Англійи считается правиломъ приличія при разговорѣ какъ можно меньше приводить въ движеніе губы (Grundzüge, 14).

прибавляетъ онъ, въ пониманіи его, кажется, еще не пришли къ соглашенію. По Беллю и Свиту (которые называютъ его *back-divided*, задне-раздвоеннымъ) нужна „центральная смычка“, произведенная всѣмъ корнемъ языка, при чемъ языкъ надо сильно отдергивать назадъ: воздухъ проходитъ между сторонами язычного корня и задними стѣнками щѣкъ. Стормъ, напротивъ, утверждаетъ, что задняя часть языка поднимается и весь задній устный каналъ стѣсняется (слѣдовательно, не раздвояется), и что отъ этого происходитъ гортанный характеръ звука, чѣмъ объясняются и частые переходы его въ *у* и *ѳ*. По моему мнѣнію, замѣчаніе о формѣ устного канала справедливо, но относительно движенія языка слѣдуетъ сдѣлать поправку, что онъ для нашего твердаго *л* сильно прижимается къ верхнимъ зубамъ, тогда какъ для западно-европейскаго *l* онъ поднимается далѣе къ твердому нѣбу и загибается.

Едва ли можно согласиться съ г. Сиверсомъ, когда онъ, вопреки своему прежнему убѣжденію, признаеть возможность безголосныхъ *л* и *н* (*tonlose Nasale*), будто бы существующихъ во многихъ языкахъ; первый звукъ находитъ онъ, между прочимъ, въ *междометіи* *эм*. Трудно понять, чѣмъ же инымъ, какъ не голосомъ, можетъ быть выражено присутствіе носового звука.

Точно такъ же трудно вмѣстѣ съ г. Сиверсомъ признать за одною категоріею смычныхъ звуковъ принятое имъ названіе *tonlose Mediae* (безголосныхъ *b, d, g*). Сказавъ, что установленные древними грамматиками термины двухъ родовъ согласныхъ: *tenues (p, t, k)* и *mediae (b, d, g)* перешли и въ новѣйшую фонетическую терминологию Нѣмцевъ, г. Сиверсъ замѣчаетъ, что первые выговариваются въ разныхъ краяхъ весьма различно, изъ послѣднихъ же звуки *b* и *g* произносятся не только какъ смычные, но и какъ голосовые и безголосные спиранты. Далѣе онъ говоритъ: „Рядомъ съ безголосными сильными (*tonlose starke*) смычными, выражаемыми чрезъ *p, t, k*, есть въ разныхъ языкахъ и безголосные слабые смычные; такъ швейцарскіе Нѣмцы произносятъ *b, d, g*, да и вообще въ нѣмецкомъ языкѣ эти звуки нерѣдки“ (стр. 95). Это вполне справедливо: кому не случалось, даже не бывавъ въ Германіи, слышать Нѣмцевъ, которые произносятъ *b, d, g* почти или совершенно такъ, какъ *p, t, k*? Справедливо и слѣдующее за симъ замѣчаніе: „Основываясь на томъ, что изложено было выше о степеняхъ интенсивности согласныхъ, *tenues* греко-римскихъ грамматиковъ должна бы называться безголосною *fortis (tonlose fortis)*, только что упомянутый безголосный звукъ—

безголосною *lenis* (*tonende lenis*), а голосова *Media*—голосою *lenis* (*tönende lenis*)⁴. Но вотъ заключеніе, которое возбуждѣтъ много противорѣчій: „Если означеннымъ безголоснымъ *lenes* (то-есть *b, d, z*, произносимымъ какъ *n, m, k*) долженъ быть усвоенъ одинъ изъ терминовъ *tenuis* и *media*, то конечно, такимъ можетъ быть только послѣдній, ибо нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ языкахъ гдѣ безголосные и голосовые *b, d, z* существуютъ рядомъ, первые слышатся какъ звуки родственные голосовымъ *mediae*, а не какъ искаженія непридыхательныхъ *tenues*. Итакъ, мы старому понятію слова „*media*“ въ такомъ же смыслѣ придаемъ болѣе широкое значеніе для всѣхъ слабыхъ смычныхъ, будутъ ли они голосовые или безголосные. Другими словами: мы признаемъ существованіе безголосной *media* въ такомъ же смыслѣ, какъ мы приняли существованіе безголосныхъ плавныхъ или носовыхъ вопреки первоначальнымъ опредѣленіямъ плавныхъ и носовыхъ, какъ чистыхъ сопорныхъ звуковъ“, то-есть, въ одномъ и томъ же звукѣ признается соединеніе глухого и звонкаго!

Глава оканчивается частными замѣчаніями о смычныхъ и спирантахъ, въ разборъ которыхъ мы входить не будемъ.

Разсмотрѣвъ звуки индоевропейскихъ языковъ въ отдѣльности, авторъ переходитъ къ изслѣдованію ихъ по взаимной между собою связи, и посвящаетъ этому обширный отдѣлъ сочиненія подъ заглавіемъ: *Combinationslehre* (теорія сочетаній). „Остается разсмотрѣть“, говорить онъ,—„какъ эти отдѣльные звуки соединяются въ болѣе сложныя группы эмпирическаго языка, то-есть въ слоги, такты, предлженія. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ: какъ изолированный отъ предыдущаго или послѣдующаго звукъ возникаетъ и прекращается, то-есть, въ какой послѣдовательности и какимъ образомъ нужны для его произнесенія артикуляціонныя движенія начинаются и кончаются. Рѣшеніемъ этого вопроса занимается ученіе о звуковыхъ приступахъ и отбояхъ (*Lauteinsätze und-absätze*). Затѣмъ разсмотрѣнію подлежатъ переходные звуки (*glides*, какъ называютъ ихъ Англичане), то-есть, тѣ звуки, которые появляются когда выдыхательный токъ продолжается покуда какая-нибудь часть органа рѣчи переводится изъ опредѣленнаго положенія для одного звука въ такое же положеніе для другаго. При произнесеніи, напримѣръ, слога *al* голосъ продолжаетъ звучать, пока языкъ изъ положенія для *a* переводится въ положеніе для *l*. Во время этого перехода, естественно, не можетъ существовать ни чистый звукъ *a*, ни чистый звукъ *l*: между изглашеннымъ сначала чистымъ *a* и заключительнымъ *l* дви-

гается непрерывный рядъ переходныхъ звуковъ. Но такъ какъ продолжительность этого перехода въ сравненіи съ продолжительностью положеній для *a* и для *i* ничтожна, то переходные звуки, вообще говоря, отдѣльно не бывають замѣтны. Если же они замѣчаются, то переходный звукъ считаютъ либо окончаніемъ предыдущаго, либо началомъ послѣдующаго.

Какъ видно изъ словъ самого автора, мы находимся здѣсь въ области явленій, едва доступныхъ наблюденію. Слѣдить за этими явленіями, которыя г. Сиверсъ исчисляетъ особо подъ каждымъ рядомъ звуковъ,—задача нелегкая. Читатель, желающій ознакомиться съ ними, долженъ обратиться къ самой книгѣ, о которой рѣчь идетъ. Но въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о соприкосновеніи сосѣднихъ соноровъ считаю полезнымъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ замѣчаній нашего автора. Вотъ что онъ говоритъ о дифтонгахъ (двугласныхъ):

Подъ дифтонгомъ разумѣютъ соединеніе двухъ простыхъ гласныхъ, производимыхъ однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ, то-есть, образующихъ одинъ слогъ и изъ которыхъ первый носитъ болѣе сильное удареніе. По практическимъ соображеніямъ принимаютъ два рода дифтонговъ: собственные и несобственные (*echte und unechte*). Къ первой категоріи принадлежатъ формы, какъ *ai, ei, au, ou*, то-есть, такія, у которыхъ второй компонентъ требуетъ болѣе сильнаго устнаго стѣсненія, чѣмъ первый; ко второй категоріи, напримѣръ, сохранившіеся еще и до сихъ поръ въ южногерманскихъ нарѣчіяхъ средненѣм. *ie, io, ie*, представляющіе обратное отношеніе. Мнѣ кажется, что послѣдніе, по вышеприведенному опредѣленію, не могутъ называться дифтонгами, а состоятъ каждый изъ двухъ слоговъ, хотя г. Сиверсъ и утверждаетъ, что такъ можетъ думать только тотъ, кто не имѣетъ достаточной практики въ произнесеніи этихъ звуковыхъ группъ. Между тѣмъ, онъ же тотчасъ послѣ этого говоритъ, что главное условіе для образованія дифтонга заключается въ томъ, чтобы второй компонентъ въ отношеніи къ первому исполнялъ функцію или игралъ роль согласнаго звука (*müsse consonantisch fungiren*); но возможно ли это въ группахъ: *ie, io, ie*?

Посмотримъ теперь, какъ онъ понимаетъ названіе полугласный. Подъ полугласными, говоритъ онъ, мы разумѣемъ такіе гласные, которые подъ вліяніемъ неударяемости низшли на функцію согласныхъ. Изъ этого видно, что выраженіе полугласный принадлежитъ къ ученію о функціяхъ и значить не болѣе, какъ

„не слогообразовательно (unsilbisch) употребленный гласный“. „Послѣ того, что сейчасъ было изложено о дифтонгахъ, ясно, что вторые компоненты дифтонговъ должны быть признаваемы за полугласные. Но практика не усвоила себѣ этого взгляда, видя въ дифтонгахъ нѣчто само по себѣ существующее, не поддающееся параллелизаціи съ другими звуковыми комплексами. Поэтому выраженіе „полугласный“ употребляютъ только для означенія вокала въ функціи согласнаго передъ слогообразовательнымъ звукомъ. Означая необразующіе слога гласные подстрочнымъ —, мы будемъ имѣть полугласные *i*, *u* только въ такихъ случаяхъ, какъ *ia*, *ua*, а не при *ai*, *au*“.

Къ этому г. Сиверсъ прибавляетъ однакожь примѣчаніе: „Здѣсь мы употребляемъ слово дифтонгъ исключительно въ томъ смыслѣ, какой съ нимъ соединяется въ терминологіи старинной грамматики Индовъ, Грековъ и Латинянъ. Но новѣйшая практика и нѣкоторые фонетики, напримѣръ, Свигъ, даютъ этому термину болѣе обширное значеніе, называя дифтонгами всѣ вообще односложныя сочетанія двухъ гласныхъ, напримѣръ *ia*. Въ такомъ случаѣ различаютъ нисходящіе дифтонги у которыхъ ударяемый гласный впереди, какъ въ *ai*, *au* (это по теоріи г. Сиверса собственные дифтонги), и восходящіе, у которыхъ сочетание начинается полугласнымъ, какъ въ *ia*, *ua*; послѣдніе часто встрѣчаются въ романскихъ языкахъ, напримѣръ во французскомъ: *ie*, *oi*, въ итал. *uo*, въ исп. *ue* и проч.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы разсмотрѣть это замѣчаніе въ примѣненіи къ русскому языку. Оно совершенно согласно съ тѣмъ, что было высказано мною относительно нашихъ дифтонговъ какъ въ „Филолог. Разысканіяхъ“ (II², 27 и д.), такъ и въ статьѣ: „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ р. яз.“ (Сборн. 2-го отд. Ак. Н. XVIII, № 8-й, стр. 5 и д.): по моему мнѣнію, наши слоги *ai*, *oi*, *ii*, *ui* и т. п. суть нисходящіе дифтонги, точно также какъ *ia*, *ia*, *io*, *iu*,— (на письмѣ *я*, *е*, *ѣ*, *ю*)—дифтонги восходящіе. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, *й* есть полугласный звукъ, то-есть, по натурѣ гласный, имѣющій функцію согласнаго.

Этотъ *й* я прежде считалъ тождественнымъ съ германскимъ *io-* *томъ* (*iot*, *j*), но теперь вмѣстѣ съ г. Сиверсомъ признаю, что *j*, развившійся изъ полугласнаго *i* посредствомъ бѣльшаго стѣсненія въ задней части рта, есть дѣйствительно длительный согласный, и именно голосовой спирантъ, который отвѣчаетъ безголосному *x* въ *isch*, точно такъ же, какъ *v* есть спирантъ, развившійся изъ гласнаго *u*. Наблюденіе, которое приводитъ къ заключенію о натурѣ *iot*, было сдѣлано

ищю еще при составленіи названныхъ „Замѣтокъ“, гдѣ, между прочимъ, сказано (стр. 5): „Если станемъ произносить и (i) не переводя диханіи, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напримѣръ къ а или о, то непосредственно передъ нею и (i) непремѣнно обратится въ ѣ, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ ѣ (j) надо опять произнести и (i), какъ напримѣръ въ англійскомъ словѣ уеаg или въ русскомъ ижъ, ижъ, ручьи, то нельзя отрицать, что при переходѣ и въ ѣ (которое у насъ тутъ не пишется), языкъ нѣсколько (болѣе) приближается къ нѣбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ“. Совершенно сходно съ этимъ и г. Сиверсъ (стр. 124) замѣчаетъ: „Если передъ гласными і, и (русск. и, у) и т. д. долженъ быть образованъ соответствующій полугласный (то-есть, группы jі, юи), то полугласный всегда произносится болѣе сперто (geschlossener), чѣмъ гласный, такъ что здѣсь достигаются такіа стѣсненія, какихъ не бываетъ обыкновенно при слогаобразовательныхъ гласныхъ тѣхъ же языковъ“.

Еще Добровскій въ звукахъ іа, іе, ію (я, е, ю) не хотѣлъ признать дифтонговъ на томъ основаніи, что въ началѣ этихъ сочетаній онъ видѣлъ согласный joi; но всякій, кто безъ предубѣжденія вникнетъ въ ихъ составъ, убѣдится, что первымъ компонентомъ ихъ служитъ тотъ же полугласный ѣ, которымъ кончаются группы ай, ой и т. д., что слѣдовательно тѣ и другіе суть дифтонги, но съ обратнымъ расположеніемъ составныхъ частей. Эта теорія нашихъ должныхъ монографовъ я, е, ю—самая простая и вмѣстѣ самая практическая.

Пропускаю крайне утонченныя наблюденія надъ движеніями устныхъ органовъ и надъ происходящими во время ихъ посторонними шорохами при соприкосновеніяхъ однихъ звуковъ съ другими, и перехожу къ статьѣ, заслуживающей особеннаго вниманія, о такъ называемыхъ Mouillirung или Palatalisirung и Labialisirung или Rundung. Дѣло идетъ о двухъ явленіяхъ, имѣющихъ преобладающее значеніе въ русскомъ языкѣ и характеризующихъ тѣмъ двойнымъ произношеніемъ согласныхъ, которое на письмѣ отмѣчается буквами ѣ и ъ. Въ акустическомъ смыслѣ первое можно назвать *отомченіемъ* (палатализацией), второе—*отомщеніемъ* (лабиализацией) согласныхъ. Г. Сиверсъ начинаетъ слѣдующими вступительными замѣчаніями:

„Соединеніе какого бы ни было согласнаго съ слѣдующимъ глас-

нимъ можетъ совершиться двоякимъ образомъ,—можно либо: 1) исходя отъ спокойнаго положенія, артикуловать согласный, не заботясь о гласномъ, то-есть, такъ, что изъ спокойнаго положенія выводятся только тѣ части органа рѣчи, которыхъ участіе необходимо при образованіи специфической артикуляціи согласнаго, либо 2) заранѣе принимать во вниманіе послѣдующій гласный, давая не пужнымъ при артикуляціи согласнаго частямъ органа рѣчи такое положеніе, какое требуетъ гласный. Объяснимъ это примѣромъ.

„Слогъ *мѣ* по первому способу производится такъ, что губы сжимаются, нѣбная завѣска опускается и издается голосъ; продувъ этой артикуляціи есть *м*; при этомъ языкъ остается въ своемъ спокойномъ положеніи, губы едва замѣтно выдвинуты. Переходъ къ *ѣ* дѣлается такимъ образомъ, что по возможности одновременно нѣбный клапанъ запирается, губы раскрываются и языкъ приводится въ положеніе, потребное для *ѣ*: если надо образовать *ѣ* съ энергическимъ движеніемъ губъ, то и онѣ должны въ тотъ же моментъ расшириться въ формѣ щели.

„При этомъ въ одинъ моментъ перехода совпадаютъ три или четыре артикуляціонныя движенія. Чтобы избѣжать этого, можно уже во время произношенія *м*, одновременно съ его устройствомъ, поднять языкъ въ положеніе для *ѣ*, а также и губы могутъ виѣстѣ со смычковой расшириться въ формѣ щели, причемъ *м* вовсе не утратитъ качества губнаго носоваго; тогда въ моментъ перехода останется сдѣлать только два артикуляціонныя движенія.

„Такимъ же образомъ, при *ку* можно по произволу протянуть и округлить губы для *у* либо въ моментъ перехода, либо уже передъ устройствомъ артикуляціи *к*.

„Итакъ, здѣсь специфическое положеніе органа для *ѣ* или *у* произведено уже одновременно съ специфическимъ положеніемъ *м* или *к*, или, другими словами, заранѣе взята специфическая артикуляція. Еслибы порядокъ звуковъ былъ обратный, то пришлось бы говорить объ удержаніи специфической артикуляціи.

„Ясно, что заблаговременнымъ взятіемъ артикуляціи *ѣ*, *у* достигается болѣе тѣсное сліяніе обоихъ звуковъ (*м—ѣ*, *к—у*), потому что при этомъ рядъ переходныхъ звуковъ по возможности сокращается. Естественно, что разница обоихъ способовъ образованія должна быть всего замѣтнѣе при гласныхъ съ энергическою дѣятельностью губъ и языка, ибо у нихъ движенія, которыя собственно должны бы происходить въ моментъ перехода, такъ сильны и продолжительны, и

такъ такъ трудно ихъ произвести одновременно, что непременно явились бы излишніе промежуточные звуки. Въ ряду этихъ возможно совершенныхъ гласныхъ первое мѣсто естественно занимаютъ *i*, *y*^а.

Предвзятіемъ устной артикуляціи *i* или *j* согласный подвергается измѣненію, извѣстному у Нѣмцевъ подъ именемъ *Mouillirung* (отъ французскаго *l mouillé*). Это явленіе подмѣчено прежде всего надъ извѣстными звуками романскихъ языковъ, означаемыми у Французовъ посредствомъ *l* или *ll* съ предшествующими гласными или посредствомъ *gn* передъ гласною; звуки эти оказываются сложными и, какъ ихъ правильно описалъ Брюкке, оканчиваются *йотомъ*; но германскіе филологи, а вслѣдъ за ними и г. Сиверсъ, сюда же относятъ русскіе и польскіе согласные передъ (первоначальнымъ) *i*, *j*, въ примѣръ чего нашъ авторъ приводитъ русскія *литъ*, *никто*, польское *ń*, *ś*. Что между разсматриваемыми здѣсь звуками романскихъ и славянскихъ языковъ есть нѣкоторое сходство, это неоспоримо; однакожь не слѣдовало бы ихъ безразлично означать однимъ и тѣмъ же терминомъ: въ русскомъ и польскомъ слышится звукъ простой, одинокій. Отъ смѣшенія двухъ сходныхъ, но не тождественныхъ явленій происходитъ, что не всѣ замѣчаніи г. Сиверса справедливы въ отношеніи къ обонимъ. Слѣдующее, напримѣръ, относится только къ славянскимъ звукамъ:

„Если отонченные (*mouillirte*) звуки являются не передъ *i*, а передъ другою гласною, то естественно, переходъ отъ согласнаго въ положеніи *i* къ положенію слѣдующаго гласнаго бываетъ болѣе или менѣе замѣтенъ для слуха, и такъ какъ мы Нѣмцы большею частью знаемъ только безразличныя сочетанія согласныхъ или только сочетанія ихъ съ гласными одинаковой артикуляціи, то намъ кажется, что при этомъ переходѣ вставляется *j*, и мы въ своемъ школьномъ произношеніи дѣйствительно присоединяемъ *i* къ отонченному согласному. Но это рѣшительно цевѣрно; отсутствіе такого похожаго на *i* переходнаго звука въ окончаніи ясно доказываетъ, что онъ не составляетъ существенной принадлежности отонченнаго звука. Этими^а, заключаетъ г. Сиверсъ, — конечно, не отрицается, что соединеніе отонченнаго звука съ *i* гдѣ-нибудь дѣйствительно можетъ встрѣчаться^а. Но дѣло въ томъ, что какъ скоро послѣ французскаго *l mouillé* или *gn* слѣдуетъ какая бы ни было гласная, то между ею и предшествующею согласною непременно слышится и должно слышаться *i*; напримѣръ, въ словахъ: *gagner, gagna, gagnons, dépouiller, dépouilla, dépouillons*. Что же касается русскихъ отонченныхъ звуковъ, то со-

вершено справедливо, что иностранцы вмѣсто, наиримѣръ, *меня*, *тыю* произносятъ *меня*, *тырю*: слѣдовательно, терминъ *Moullirung* здѣсь прилагается неправильно.

Невѣрнымъ нахожу и слѣдующее за симъ замѣчаніе, будто *передъ* отонченной согласною слышится легкое *i* послѣ другой гласной, съ которою оно можетъ образовать дифтонгъ. Но далѣе удачно объяснено, почему собственно-гортанные звуки не способны къ отонченію: причина та, что при нихъ задняя часть языка такъ отдергивается назадъ и вверхъ, что передняя часть уже не можетъ надлежащимъ образомъ приблизиться къ положенію *i*. Поэтому, если отонченіе гортанныхъ звуковъ необходимо, то мѣсто ихъ артикуляціи должно быть подвинуто къ твердому нѣбу, то-есть, собственно гортанный звукъ долженъ быть замѣненъ нѣбнымъ: этимъ объясняется переходъ *i* въ *ж*, *к* въ *ч*, *х* въ *ш*.

Любопытно, наконецъ, еще явленіе, подмѣченное западными фонетиками надъ нашими отонченными согласными. „При нихъ“, говорить г. Сиверсъ, — „характерно образованіе тѣснины между переднимъ языкомъ и твердымъ нѣбомъ. Исторически оно получаетъ еще особенное значеніе тѣмъ, что при смычныхъ звукахъ можетъ производиться новый шорохъ, и это тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе выдыханіе и чѣмъ болѣе выталкивается воздуха. Когда переходъ отъ смычки къ слѣдующему согласному производится не быстро и выдыханіе не размѣряется тщателью, то за взрывнымъ шорохомъ слѣдуетъ еще соответственный проторный шорохъ, который послѣ голосоваго звука естественно бываетъ голосовымъ, а послѣ безголоснаго безголоснымъ. Ср. русское *братъ*, *пятъ* или литовское *reik'* вмѣсто *reikia* и т. д. Эти шорохи проторные похожи на нѣбный *x* (безголосный противень спиранта *ŷ*), но они съ нимъ никакъ не тождественны“.

О противоположномъ явленіи, которое мы назвали отолщеніемъ, г. Сиверсъ, назвавшій его лабиализаціей или округленіемъ, выражается такъ: „При *у* дѣятельность губъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ при *i*, и вліаніе *у* на предшествующіе согласные заключается существенно въ заблаговременномъ округленіи (или выставленіи) губъ“. Къ сожалѣнію, г. Сиверсъ не обратилъ вниманія на связь этого явленія съ тѣмъ характернымъ произношеніемъ русскихъ согласныхъ, которое на письмѣ означается *еромъ*, и тѣмъ оправдалъ прежнее мое замѣчаніе, что до сихъ поръ фонетики вообще мало занимаются изслѣдованіемъ образованія русскихъ согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ. Чѣмъ, какъ

не особенно сильною лабиализаціей, можно объяснить разницу произношенія, въ русскомъ и западно-европейскихъ языкахъ, слоговъ, состоящихъ, повидимому, изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ? Ср. напримѣръ, русскіе *котъ, ротъ, радъ* съ нѣмецкими *koth, goth, gad*, и французскими *côte, rôtte, gate*. Въ замѣчаемой разницѣ выговора много участвуетъ, конечно, и сила выдыханія и энергія движенія устныхъ органовъ, но особенно много значитъ тутъ, какъ мнѣ кажется, предвзятое положеніе русскаго *у*.

Въ заключеніи этой статьи наблюдательность г. Сиверса выразилась въ слѣдующихъ двухъ замѣчаніяхъ:

1) Возможность палатализаціи или лабиализаціи никакъ не ограничивается однимъ только согласнымъ: напротивъ, вообще говоря, въ нихъ участвуютъ всѣ предшествующіе въ томъ же слогѣ звукамъ *і, у* согласные, а иногда даже и тѣ согласные, на которые кончается предыдущій слогъ, могутъ подчиняться этому произношенію ¹⁾.

2) Выраженія: *Mouilligung* и *Labialisierung* нельзя относить только къ измѣненіямъ, зависящимъ отъ *і, у*; ибо и другіе близкіе къ этимъ звукамъ согласные часто производятъ совершенно сходныя дѣйствія (ср. частую палатализацію гортанныхъ передъ *е*). Но чѣмъ ближе гласный къ крайнему *і* или *у*, тѣмъ характернѣе является его вліяніе на звукъ согласнаго, и тѣмъ скорѣе онъ можетъ вредить произношенію послѣдняго.

Исслѣдованіе о звуковыхъ сочетаніяхъ кончается параграфомъ, озаглавленнымъ: Редукція (ослабленіе). Такъ называетъ г. Сиверсъ рядъ измѣненій, которымъ подвергаются извѣстные звуки рѣчи, при чемъ они въ большей или меньшей степени теряютъ существенныя особенности, имѣвшія значеніе для ихъ опредѣленія, и оттого испытываютъ модификація, не предусмотрѣнныя въ самой системѣ звуковъ. Какъ на одинъ изъ видовъ редукціи, авторъ указываетъ на обращеніе нѣкоторыхъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные, явленіе, бывающее у насъ постоянно съ согласными, оканчивающими слово.

Послѣ этого авторъ приступаетъ къ исслѣдованію о построеніи слоговъ, словъ и предложений. Надо умѣть различать простой рядъ

¹⁾ Здѣсь авторъ ссылается на академика Бѣтлинга, который въ *Mélanges linguistes* II, 26 и д. (1852 г.) указалъ на законъ, еще ранѣе подмѣченный и описанный мною въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1817 г.),—законъ обратнаго дѣйствія мягкихъ (оточенныхъ) звуковъ на произношеніе предшествующихъ согласныхъ и гласнаго *е, е, ѣ* (см. «Филолог. Разыск.» I², 265, и II², 31, 32.)

звукѡвъ, слоговъ и словъ отъ дѣйствительнаго слога, слова и предложенія. „Комплексы послѣдняго рода возможны только при подчиненіи одного или нѣсколькихъ членѡвъ ряда другимъ членамъ и при исполненіи опредѣленномъ отношеніи различныхъ степеней взаимнаго подчиненія. Такъ, сходно со сказаннымъ уже прежде (см. выше стр. 311) въ слогѣ консонанты подчиняются сонанту; въ каждомъ по меньшей мѣрѣ двусложномъ словѣ бываетъ одинъ сильнѣе ударяемый слогъ; наконецъ, предложеніе отличается особеннымъ ритмомъ, который оно получаетъ вслѣдствіе подчиненія менѣе важныхъ для выраженія словъ болѣе важнымъ.

„Въ теоріи слогаобразованія пужно знать, при какихъ условіяхъ звуки соединяются въ слогъ: тутъ рѣшительное значеніе принадлежитъ разнымъ степенямъ естественной звонкости (Schallfülle). Затѣмъ слѣдуетъ рассмотретьъ зависящую отъ хода выдыханія относительную интенсивность отдѣльныхъ членѡвъ слоговъ и ихъ протяженіе (Quantität). Далѣе надо заняться различными формами выдыхательнаго движенія въ слогахъ или выдыхательнымъ акцентомъ, къ чему присоединяется изслѣдованіе надъ тоническимъ слоговымъ акцентомъ. Правила раздѣленія слоговъ составляютъ переходъ къ образованію словъ и предложеній, которыя съ фонетической точки зрѣнія нераздѣлимы, да и вообще едва ли раздѣлимы. Задачу послѣдующаго отдѣла составитъ изслѣдованіе слова и предложенія и разностепенность ихъ отдѣльныхъ частей (слоговъ, тактовъ) по интенсивности протяженія и тоническимъ условіямъ“. Всѣ эти отдѣльныя точки зрѣнія составляютъ результатъ новѣйшихъ изслѣдованій англійскихъ фонетиковъ, впервые указавшихъ на необходимость различать въ предложеніяхъ элементы, которые прежде подводились подъ общее понятіе акцентуаціи.

Итакъ, сначала о составѣ слога. Изъ разныхъ опредѣленій слога самымъ удобнымъ на практикѣ представляется г. Сиверсу слѣдующее: „Подъ слогомъ надо разумѣть звуковой комплексъ, который производится однимъ самостоятельнымъ, непрерывнымъ выдыхательнымъ толчкомъ. Но для того, чтобъ эти звуки дѣйствительно слышались какъ нѣчто единое (когда слогъ содержитъ болѣе одного звука), необходимо подчиненіе одному всѣхъ остальныхъ звукѡвъ на основаніи различія ихъ естественной звонкости и естественнаго свойства выдыхательнаго движенія. Какъ уже выше было объяснено, главный звукъ называется сонантомъ слога, прочіе же консонантами. Отсюда выводятся два самые существенные за-

кона построения слога: 1) способность дѣлаться сонантомъ зависить въ каждомъ слогѣ отъ его естественной звонкости, такъ что при стеченіи нѣсколькихъ звуковъ тотъ долженъ служить сонантомъ, который самъ по себѣ обладаетъ наибольшею звонкостью. Только слоги, стоящіе на одинаковой степени звонкости, могутъ попеременно быть и сонантами, и консонантами; 2) въ такомъ же отношеніи находятся консонанты между собою: чѣмъ ближе къ сонанту, тѣмъ болѣе должна быть естественная звонкость. Оттого разряды консонантовъ, которые могутъ предшествовать сонанту, должны стоять въ обратномъ порядкѣ, когда слѣдуютъ за нимъ; но для окончанія слога, законъ строже, чѣмъ для начала его.

„Звонкость бываетъ различна по степени, въ какой проявляется музыкальный элементъ языка — голосъ. Поэтому всѣ голосовые звуки берутъ верхъ надъ безголосными. Первое мѣсто вездѣ занимаютъ гласные, и между ними *a*, такъ какъ при воронкообразной формѣ надставной трубы голосъ звучитъ всего свободнѣе; звонкость становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе ротъ закрывается, то-есть, чѣмъ тѣснѣе образуется гласный или чѣмъ сильнѣе онъ округляется.

„Вслѣдъ за гласными идутъ плавные и носовые, равные между собой по звонкости, когда одному приходится быть сонантомъ, другому консонантомъ. Когда обонимъ выпадаетъ роль консонантовъ, то повидимому плавные имѣютъ болѣе звонкости, то-есть возможны слоги *ма*, *мра* и *ама*, *арма*, но не *маа*, *рма* и не *ама*, *арм*.

„Въ числѣ шороховъ спиранты звончѣе взрывныхъ (смычныхъ) звуковъ: *тса*, *пса*, такъ же какъ и *аст*, *анс* образуютъ простые слоги, если мы не будемъ принимать въ расчетъ взрыва конечнаго консонанта: ибо такъ какъ со смычкою взрывнаго звука выдыхательный токъ по необходимости прерывается, то взрывъ сопровождается новымъ выдыхательнымъ толчкомъ, то-есть принадлежитъ уже къ другому слогу. Итакъ, когда въ образованіи слога участвуютъ смычные звуки, то онъ можетъ продолжаться не болѣе, какъ отъ взрыва предшествующаго сонанту звука до смычки непосредственно слѣдующаго смычнаго.

„Еще менѣе возможны сочетанія двухъ смычныхъ звуковъ въ началѣ или въ концѣ слога, равно какъ и сочетанія спиранта + смычной звукъ въ началѣ или обратно въ концѣ слога. Если мы, не смотря на то, принимаемъ за простые слоги *ptá*, *ktá*, *ápt*, *ákt*, *spá*, *stá*, *áps*, *áts* и даже *átst*, *átst*, *átsá* (то-есть *ща*), *áštš* (*аш*), то это просто оттого, что мы не замѣчаемъ (*wir ignoriren*) маленькихъ по-

бочныхъ слоговъ (Nebensilben), образуемыхъ здѣсь начальными или конечными сочетаніями консонантовъ; мы оставляемъ ихъ безъ вниманія по ничтожной звонкости появляющихся тутъ безголосныхъ шороховъ, надъ которыми главный слогъ съ его звонкимъ сонантомъ рѣшительно преобладаетъ.

„Много ли мы допускаемъ такихъ побочныхъ слоговъ рядомъ съ главнымъ, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ привычки, отъ большей или меньшей легкости послѣдовательно производить переходныя движенія. Мы легко терпимъ, на примѣръ, сочетанія, въ которыхъ вторымъ членомъ служитъ зубной или губной звукъ: *ptá, ktá, ápt, ákt*, тогда какъ *trá, tká, átr, átk* неприятны для слуха. Изъ конечныхъ сочетаній взрывнаго звука + спирантъ всѣхъ легче кажутся affricatae. Голосовые порохи, по большей звонкости ихъ, еще менѣе удобны; ср. напр. *jbá, ábv* съ *spá, áps* и т. п.“

Этими замѣчаніями г. Сиверса не исчерпывается однако все то, что можно бы сказать о слогаобразованіи въ славянскихъ языкахъ, особенно въ русскомъ. Такой слогъ, какъ, на примѣръ, второй въ род. множ. ч. *искусствъ* (или по произнош. — *кустѣвъ*), конечно, не входилъ въ соображеніе нашего автора. Этотъ предметъ въ примѣненіи къ названной группѣ языковъ требовалъ бы особеннаго изслѣдованія. То же можно сказать и о послѣдующихъ параграфахъ, гдѣ разсматриваются изложенныя выше условія слогаобразованія. Чтобы съ интересомъ и пользою слѣдить за изложеніемъ этихъ заключительныхъ отдѣловъ сочиненія г. Сиверса, нужно такое знакомство съ германскими языками, такая музыкальная подготовка, что я не рѣшаюсь продолжать свои выписки и замѣчанія. Скажу только, что эти свѣдѣнія, по новостямъ и важности своей, заслуживаютъ внимательнаго изученія, и очень желательно, чтобы нашелся достаточно подготовленный изслѣдователь для примѣненія указанныхъ основаній къ славянскимъ языкамъ, которыхъ г. Сиверсъ могъ здѣсь лишь изрѣдка и бѣгло касаться.

Окончу заимствованіемъ общихъ или вступительныхъ мыслей самой послѣдней, также весьма замѣчательной главы его книги: объ измѣненіяхъ звуковъ (Lautwandel). „И теперь еще“, говорить онъ, — „въ филологическихъ трудахъ часто можно встрѣтить предположеніе, что всякое измѣненіе звуковъ происходитъ изъ стремленія облегчить себѣ выговоръ, упростить артикуляцію; другими словами, что при всякомъ измѣненіи звуки ослабляются, а не усиливаются. Нѣтъ спора, что многія явленія въ исторіи языковъ подходятъ подъ этотъ выводъ,

но слишкомъ обобщать его несправедливо". Приводя нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ его наблюдение, авторъ очень вѣрно замѣчаетъ: „Вообще надо твердо помнить, что собственно всѣ звуки языка произносятся почти съ одинаковою легкостью и что дѣйствительныя трудности встрѣчаются только въ воспроизведеніи иноязычныхъ звуковъ. Каждый членъ человѣческаго тѣла, развитый однообразнымъ ежедневнымъ упражненіемъ, въ совершенствѣ исполняетъ свое назначеніе; но для другихъ цѣлей онъ бываетъ мало пригоденъ и даже просто неспособенъ: такъ и органъ рѣчи, вслѣдствіе непрерывнаго навыка смолоту производить звуки роднаго языка, пріобрѣтаетъ полную власть надъ всѣми артикуляціонными движеніями, которыхъ онъ требуетъ. Но только надъ ними. Когда орудія языка посредствомъ и для своего опредѣленнаго дѣйствія получили уже одностороннее развитіе, то все, выходящее изъ рамки привычныхъ артикуляцій, представляетъ затрудненіе.... Въ предѣлахъ извѣстнаго народа языкъ одного поколѣнія наследуется другимъ безъ большихъ перемѣнъ въ звуковыхъ привычкахъ. Разумѣется, что и въ предѣлахъ того же поколѣнія говорящихъ перемѣны могутъ быть производимы лишь постепенно, шагъ за шагомъ, и тѣмъ не менѣе въ этихъ еще ускользающихъ отъ нашего наблюденія перемѣнахъ кроются главные зародыши развитія звуковъ. Но достаточно только одного продолжительнаго накопленія этихъ малѣйшихъ отгѣнковъ, чтобы и для нашего слуха являлись замѣтныя различія, а наконецъ и совершенныя перемѣщенія цѣлыхъ звуковыхъ системъ, такъ что первоначальное становится уже неузнаваемымъ.

„Итакъ, всякое измѣненіе звуковъ заключается въ постепенно развивающемся и безсознательно совершаемомъ перемѣщеніи ихъ; оно простирается либо на цѣлую звуковую систему, либо на опредѣленные части ея. Въ этой обширной области надо различать два рода звуковыхъ измѣненій: одни бываютъ самородныя, другія зависимаы или совокупныя. Къ первому отдѣлу относятся всѣ тѣ измѣненія, которымъ подвергаются тѣ или другія части системы независимо отъ сосѣднихъ звуковъ; во второму—тѣ случаи, въ которыхъ измѣненіе связано съ положеніемъ звука посреди другихъ, слѣдовательно, между прочимъ, всѣ явленія ассимиляціи, перемѣны окончаній и т. п.

„Едва ли не важнѣе этого еще другое начало дѣленія, именно основывающееся на перемѣнахъ въ факторахъ артикуляціи, которыя обуславливаютъ и перемѣны звуковъ: только такимъ образомъ можно правильно группировать отдѣльныя измѣненія по ихъ физиоло-

гическому родству. Соображаясь съ главными факторами образованія звуковъ, надо различать измѣненіе послѣднихъ: 1, по причинѣ перемѣнъ артикуляціи надставной трубы (напримѣръ, постепенное перемѣщеніе рядовъ гласныхъ, переходъ отъ голосовыхъ смычныхъ къ голосовымъ спирантамъ и наоборотъ); 2, вслѣдствіе перемѣнъ гортанной артикуляціи (напримѣръ, переходъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные и наоборотъ), и 3, вслѣдствіе перемѣнъ выдыханія (напримѣръ, переходъ изъ *lenis* въ *fortis*, также всѣ звукоизмѣненія зависящія отъ выдыхательнаго акцента)⁴.

Эти три разряда встрѣчаются, какъ въ области самородныхъ, такъ и въ области зависимыхъ измѣненій. Затѣмъ разсматриваются отдѣльные случаи въ каждомъ изъ означенныхъ видовъ. Подробности повели бы насъ слишкомъ далеко. Не могу лучше окончить своего обзора содержанія книги г. Сиверса, какъ признавъ за авторомъ великую заслугу въ томъ обилии новыхъ свѣдѣній, точекъ зрѣнія и соображеній, которымъ онъ обогатилъ науку индоевропейской фонетики.

И. Гроть.

Антропологическія изслѣдованія въ Россіи.

Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. *В. Майнота* (*Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи*, томъ X. С.-Пб. 1883).

I.

Россія представляетъ для антропологическихъ изслѣдованій значительныя преимущества передъ другими странами Европы въ томъ смыслѣ, что русскій изслѣдователь, такъ-сказать, подъ рукой, то-есть, въ своемъ же отечествѣ, находитъ богатый матеріалъ. Не говоря уже о Сибири, мы встрѣчаемся въ Европейской Россіи съ значительнымъ разнообразіемъ расъ и племенъ, кромѣ даже господствующаго племени Славяно-Русскаго; такъ, на сѣверѣ находимъ Лопарей, Самоѣдовъ, Зырянъ, Кореловъ, Финновъ; на западѣ, Латышей, Эстовъ, Поляковъ, Евреевъ, на востокѣ—многочисленныя племена частью финскаго (Мордва, Чуваши, Вотйки и т. д.), частью татарскаго происхожденія (Татары, Башкиры, Киргизы и т. д.); на югѣ—Крымскихъ Татаръ, Караймовъ, Ногайцевъ, Калмыковъ, наконецъ, неструю смѣсъ Кавказскаго населенія. Само населеніе Великоруссовъ и Ма-

лороссовъ представляетъ еще массу антропологическихъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ обѣщаетъ бросить яркій свѣтъ на составъ и происхождение населенія Русской земли. „Извѣстно“, говоритъ Георгъ, — „всякому свѣдующему о государствахъ и владѣніяхъ, на земномъ шарѣ существующихъ, что нѣтъ на ономъ ни одного такого, которое вмѣщало бы въ себѣ толь великое множество различныхъ народовъ, какъ Россійская держава“¹⁾, и затѣмъ перечисляетъ болѣе 50 народовъ, въ ней живущихъ.

Недостатокъ не въ предметѣ изслѣдованія, не въ матеріалѣ, а въ умѣлыхъ рукахъ, которыя взялись бы за его обработку. И что прежде всего требуется для отечественной антропологіи, это—рядъ серьезныхъ и подробныхъ монографій по отдѣльнымъ племенамъ, въ которыхъ всесторонне разбирались бы ихъ отличительныя и характеристичныя особенности въ физическомъ строеніи. Безъ подобныхъ монографій немислимо строго-положительное, научное разрѣшеніе вопросовъ о сродствѣ племенъ; во всей цѣлости и полнотѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены, только основываясь на антропологическихъ признакахъ.

Обыкновенно при сужденіи о сродствѣ племенъ довольствуются лингвистическими данными, къ которымъ, въ видѣ совсѣмъ уже не существеннаго элемента, прибавляютъ нѣкоторыя наиболѣе въ глаза бросающіяся физическія особенности: если два племени или народа говорятъ однимъ языкомъ, то склонны думать, что эти народы принадлежатъ къ одной группѣ и имѣютъ общее происхожденіе. Вся классификація человѣческихъ расъ и народовъ, данная извѣстнымъ нѣмецкимъ этнографомъ Фридрихомъ Мюллеромъ, основана главнымъ образомъ на подобныхъ лингвистическихъ данныхъ. „Мы должны признать“, говоритъ онъ, — „что народность опредѣляется не формой черепа, волосами или бородой, а скорѣе языкомъ и находящеюся въ зависимости отъ языка степенью культурнаго развитія“²⁾. Однако въ наше время такой методъ можно признать ненаучнымъ и выводы, на немъ основанные, весьма шаткими. И это понятно: племя гораздо упорнѣе и постояннѣе сохраняетъ свои физическія особенности, чѣмъ обычай и языкъ. Мы имѣемъ изъ историческихъ временъ многочисленныя примѣры того, какъ какой-нибудь народъ, приходя въ

¹⁾ *Георгъ*, Описание всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. С.-Петербургъ, 1799, т. I, стр. VI.

²⁾ *F. Müller*, Allgemeine Ethnographie. Wien. 1879, p. 15.

тѣсное сближеніе съ другимъ, ничего съ нимъ общаго не имѣющимъ народомъ, перенималъ языкъ и обычая послѣдняго, то-есть, сливался съ нимъ этнографически и лингвистически, но въ то же время оставался отличнымъ отъ него по своему физическому строенію. Поэтому если судить только по языку или этнографическимъ особенностямъ, то легко впасть въ заблужденіе и соединить два народа, совершенно различные по происхожденію, въ одну группу.

Языкъ, несомнѣнно, играетъ большую роль въ опредѣленіи естественныхъ отношеній между народами и племенами; но этимъ орудіемъ нужно пользоваться съ большою осторожностью, и лишь по столбцу, по скольку результатовъ, къ которымъ приводятъ лингвистическія сопоставленія, согласуются и не противорѣчатъ результатамъ, основаннымъ на изученіи физическаго строенія тѣла. „Лингвистика“ говоритъ знаменитый французскій антропологъ Брока, — „не даетъ антропологии признаковъ чернаго порядка. Тамъ, гдѣ между ея показаніями и показаніями анатоміи есть противорѣчіе, мы не должны сомнѣваться: если двѣ расы, говоряція однимъ и тѣмъ же языкомъ или двумя близкими языками, рѣзко отличны въ физическомъ строеніи, мы ихъ не смѣшаемъ въ одну и ту же расу; и на оборотъ, если два народа, схожіе во всѣхъ своихъ физическихъ признакахъ, будутъ существенно различаться по языку, мы отъ этого не перестанемъ признавать ихъ расовое единство“¹⁾.

Мы этимъ не отрицаемъ однако громаднаго значенія лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій племенъ, заселяющихъ Россію, изслѣдованій тѣмъ болѣе желательныхъ и необходимыхъ, что съ каждымъ годомъ лингвистическія и этнографическія особенности все болѣе и болѣе стираются, сливаясь съ господствующимъ русскимъ элементомъ; мы хотимъ только выставить на видъ всю важность, рядомъ съ этою стороной, изученія и физической организаціи племенъ, обыкновенно совершенно пренебрегаемаго. Понятно поэтому, какое значеніе мы склонны придавать монографіямъ, описывающимъ физическое строеніе племенъ, населяющихъ Россію, въ родѣ этюда г. Майнова о Мордвѣ. Онѣ одна могутъ дать способы установить классификацію человѣческихъ расъ съ ихъ подраздѣленіями и выяснить естественное средство между ними, и только беря такія работы за основаніе, можно

¹⁾ Broca, La linguistique et l'anthropologie. *Mémoires d'anthropologie*, t. I. p. 259.

будетъ добратся до рѣшенія болѣе широкихъ вопросовъ о происхожденіи и прошлой судьбѣ этихъ племенъ.

Особенно ясно выступаетъ значеніе подробнаго изученія физической организаціи расъ и племенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ смѣшаннымъ населеніемъ, составленнымъ изъ двухъ или болѣе элементовъ, конхъ слитіе относится къ давно прошедшимъ, донсторическимъ временамъ; элементы эти потеряли въ подобныхъ случаяхъ свою самостоятельность; они слились, смѣшались въ одно цѣлое, на первый взглядъ совершенно однородное; всѣ люди, принадлежащіе къ такой смѣшанной народности, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, имѣютъ одни и тѣ же обычаи, нравы, вѣрованія; всѣ находятся на одинаковомъ уровнѣ матеріальной и умственной культуры. Только одно физическое изученіе такой смѣшанной и на видъ однородной народности можетъ повести къ отысканію и опредѣленію тѣхъ первобытныхъ элементовъ, изъ которыхъ она составлена, и могучимъ, почти безошибочнымъ средствомъ для этого является такъ-называемый методъ серіаціи. Методъ серіаціи заключается въ томъ, что какую-нибудь антропологическую величину располагаютъ въ восходящемъ или нисходящемъ порядкѣ, съ обозначеніемъ числа индивидуумовъ, подходящихъ подъ каждую категорію; при этомъ наблюдаютъ, правильно ли или нѣтъ увеличивается и затѣмъ уменьшается число индивидуумовъ: если правильно, если, значить, имѣется одинъ максимумъ, то нислѣдуемая раса однородна, если же встрѣчаются два или болѣе максимум'а, то значить, раса не однородна, а состоитъ изъ двухъ или болѣе элементовъ. Возьмемъ для примѣра ростъ и расположимъ число случаевъ роста въ восходящемъ порядкѣ начиная съ 155 сантиметровъ и до 170:

Ростъ	Число случаевъ.	
	1-й рядъ	2-й рядъ.
155 смтм.	1	1
156 "	5	20
157 "	10	50
158 "	30	80
159 "	50	100
160 "	70	80
161 "	80	50
162 "	100	10
163 "	80	5
164 "	70	30
165 "	50	80
166 "	30	100

Ростъ.	Число случаевъ.	
	1-й рядъ.	2-й рядъ.
167 сѣтм.	20	80
168 >	10	20
169 >	5	10
170 >	1	1

Въ первомъ ряду имѣется одинъ maximum противъ роста въ 162 см.: это доказываетъ, что рассматриваемая раса однородна. Но если рассматриваемыя наблюденія расположатся такъ, какъ это видно во 2-мъ ряду, то-есть, съ двумя maximum'ами, однимъ противъ низкаго роста 159 см., а другимъ — противъ высокаго роста въ 166, раздѣленными въ срединѣ однимъ minimum'омъ, то это ясно указываетъ на то, что данная народность неоднородна, а состоитъ изъ двухъ элементовъ—одного низко-рослаго, другаго высокаго роста. Если такую же серіацію продѣлать и съ другими признаками, и если притомъ окажется параллелизмъ въ нихъ, то-есть, если, напримѣръ, вся группа низкорослыхъ будетъ характеризоваться круглою формою головы, а группа высокорослыхъ удлинненною формою, то уже съ полною достовѣрностью можно будетъ утверждать, что рассматриваемая народность составлена изъ двухъ различныхъ элементовъ, изъ двухъ расъ. Къ такому выводу, къ которому насъ приводитъ изученіе физической организаціи народа, не могутъ привести ни лингвистическія, ни собственно-этнографическія изысканія.

Нельзя не радоваться, что Русское Географическое Общество приняло участіе въ изслѣдованіяхъ по физической антропологии Россіи. Авторъ разбираемаго труда, г. Майновъ, далеко еще не закончилъ его. Онъ изслѣдовалъ всю Мордву, какъ Мордву-Эрзя, такъ и Мордву-Мокшу; онъ собралъ, кромѣ того, значительную коллекцію мордовскихъ череповъ. Изъ всего этого матеріала имъ пока описана Мордва-Эрзя; надо пожелать, чтобы опубликованіе результатовъ, относящихся до Мордвы-Мокши, и особенно до череповъ, не заставило себя долго ждать.

Постараемся выяснитъ особенности въ строеніи Мордвы-Эрзя по даннымъ, собраннымъ въ трудѣ г. Майнова.

II.

При физическомъ описаніи какого-нибудь народа можно пользоваться двумя способами, двумя методами изученія: во-первыхъ, опи-
часть ссххix, отд. 2.

сательнымъ методомъ, который примѣняется къ такъ-называемымъ описательнымъ признакамъ, не поддающимся или плохо поддающимся измѣреніямъ, и въ торыхъ, прямымъ измѣреніемъ разныхъ частей человѣческаго тѣла и выраженіемъ ихъ въ прямолинейныхъ или угловыхъ величинахъ; отдѣлъ антропологии, занимающійся послѣдними, носитъ названіе антропометріи. Начнемъ съ первой группы явленій.

Вопросъ, который прежде всего можно себѣ поставить, заключается въ томъ, составляетъ ли данная раса, народность или племя сильный, здоровый элементъ, или же хилый и вымирающій. Многія человѣческія расы, приходи въ столкновеніе съ другими выше ихъ одаренными расами, вслѣдствіе разныхъ, отчасти еще не выясненныхъ причинъ, мало по малу уменьшались въ числѣ, и наконецъ, совсѣмъ вымирали. Самый поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ намъ обитатели многочисленныхъ острововъ южнаго Тихаго океана, и особенно Полинезійцы. Въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитый англійскій путешественникъ Кукъ, посѣтившій эти острова, нашелъ ихъ занятыми густымъ населеніемъ, но тотчасъ послѣ знакомства обитателей острововъ Тихаго океана съ Европейцами началось ихъ вымирание; на Сандвичевыхъ островахъ уже Ванкуверъ, посѣтившій ихъ въ 1792 г., то-есть, вскорѣ послѣ Кука, замѣтилъ значительное уменьшеніе народонаселенія, и затѣмъ это уменьшеніе продолжалось съ ужасающею быстротой, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ нижеприведенныхъ цифръ: въ 1832 году было 130,313 чел. въ 1836 г. — 108,579, въ 1850 г. — 84,165, въ 1853 г. — 71,019 чел.

Долго существовало у насъ въ Россіи мнѣніе, что и наши инородческія племена слѣдуютъ тому же ходу постепеннаго и постояннаго вымирания. Такъ, относительно Самоѣдовъ, Башкиръ и т. д. думали, что они составляютъ слабыя, хилыя, болѣзненные народности и отчасти, вслѣдствіе недостаточнаго изученія физическаго строенія, а также вслѣдствіе неудовлетворительности демографическихъ (статистическихъ) свѣдѣній, пришли къ убѣжденію о вымирании многихъ изъ этихъ народовъ. Новые изслѣдователи однако приходятъ къ выводамъ или совершенно противоположнымъ, или значительно смягченнымъ. Такъ, относительно Самоѣдовъ мы имѣемъ измѣренія г. Зографа¹⁾, который приходитъ къ тому заключенію, „что въ против-

¹⁾ Зографъ, Антропологическій очеркъ Самоѣдовъ: *Извѣстія Моск. Общ. люб. естествозн., антроп. и этногр.*, т. XXXI, 1879, стр. 71 (bis).

ность сложившемуся мнѣнію, Самоѣды далеко не слабогрудый, чахлый народъ". Г. Маліевъ ¹⁾ и Сомье ²⁾ для Башкиръ также доказали, что численность ихъ не только не уменьшается, но напротивъ, не перестаетъ постоянно увеличиваться; число рождающихся дѣтей у Башкиръ даже поразительно велико — 8,8 въ среднемъ на семью ³⁾. Для Мордвы г. Майновъ показалъ, что хотя 3,7% изъ нихъ худого тѣлосложенія, то-есть, съ малымъ выдѣленіемъ жира, и слѣдовательно, „далеко не отличаются русскою дебелостью и восточною одутловатостью“, тѣмъ не менѣе эта худощавость не мѣшаетъ имъ быть крѣпкаго сложения. Какъ значительный ростъ, такъ особенно объемъ груди, указываетъ на то, что это сильная, здоровая раса. Изъ собранныхъ имъ цифръ и наблюдений г. Майновъ выводитъ слѣдующее заключеніе: „Во всякомъ случаѣ Мордва вовсе не можетъ пожаловаться на то, что она съ году на годъ вымираетъ, тѣмъ болѣе, что повальныя болѣзни вообще въ Мордовской землѣ считаются за рѣдкость, а болѣе здоровая пища и нѣсколько болѣшая, сравнительно съ русскимъ крестьяниномъ, зажиточность дѣлаютъ Мордву болѣе долголѣтнею. Въ 16 различныхъ пунктахъ мы отмѣтили 22 старика и старуху по 80 слишкомъ лѣтъ, 11 лицъ обоего пола, достигшихъ свыше 90 лѣтъ и 4 лица завѣдомо имѣвшихъ болѣе 100 лѣтъ отъ роду, при чемъ одному старику было по его словамъ, повѣреннымъ въ церковныхъ книгахъ,—122 года“.

Надо однако замѣтить, что эти цифры еще не свидѣтельствуютъ сами по себѣ о долголѣтіи, такъ какъ не извѣстно то число населенія, среди котораго встрѣчается вышеприведенное число стариковъ. Слѣдовало бы опредѣлить процентное отношеніе стариковъ разныхъ возрастовъ къ общему числу населенія и сравнить съ такимъ же процентнымъ отношеніемъ въ русскомъ населеніи,—только тогда можно бы утверждать съ несомнѣнностью о большемъ или меньшемъ долголѣтіи Мордвы сравнительно съ Русскими.

Ростъ въ среднемъ у мужчинъ 1646,9 миллиметровъ, что по схемѣ Броккѣ указываетъ на ростъ нѣсколько меньше средняго; но если сравнить ихъ ростъ съ тѣмъ, который замѣчается у другихъ сход-

¹⁾ Маліевъ, Антропологическій очеркъ Башкиръ: *Труды Общ. естествоисп. въ Казани*, т. V. 1876.

²⁾ Sommier, *St. Fra i Baskiri: Archivio per l'Antropologia*, t. XI. 1881, p. 267.

³⁾ Маліевъ, стр. 25. Впрочемъ, изъ нихъ 5,2 умираютъ, и остаются въ живыхъ только 3 или 4 человека.

ственныхъ народностей или по близости съ ними живущихъ, то окажется, что Мордва превосходить ихъ почти всѣхъ. Это видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы:

Выше средняго роста Веси (по изм. Майнова)	1690 мм.
Башкиры (по изм. Малиева и Sommer)	1660 "
Эрзя (по измѣр. Майнова)	1647 "
Ниже средняго Водь Петергофскаго уѣзда (по изм. Майнова)	1645 "
Эсты (по изм. Грубе)	1642 "
Финны (по изм. Beddoe).	1617 "
Вотяки (по изм. Малиева)	1613 "
Монголы (по изм. Зографа)	1597 "
Вогуды (по изм. Малиева)	1597 "
Самоды (по изм. Зографа)	1594 "
Черемисы (по изм. Малиева)	1581 "

То же самое относится и до Мордвовъ, средній ростъ которыхъ равняется 1553,5 миллиметрамъ. Изъ сравненія вышеприведенныхъ цифръ видно, что мужчины-Эрзяне значительно превышаютъ по росту всѣхъ остальныхъ Финновъ, уступая лишь Веси, тогда какъ женщины-Эрзянки уступаютъ въ ростѣ и Веснянкамъ, и Эстонкамъ.

По окраскѣ кожи Эрзя вовсе не отличается отъ европейскихъ народовъ и даже по бѣлизнѣ ея превосходить весьма многія болѣ южныя племена, на окраску которыхъ вліяла въ теченіе долгихъ вѣковъ окружающая ихъ среда. Для того, чтобы не впасть въ столь легко возможную ошибку, г. Майновъ наблюдалъ окраску кожи какъ на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя открыты вліянію солнечныхъ лучей, такъ и на тѣхъ, которыя всегда защищены бываютъ отъ этого вліянія одеждой. Интересно, что результаты, полученные при обоихъ наблюденіяхъ, оказались почти тождественными, что доказываетъ, что если Эрзя и была когда-нибудь съ бронзовоцвѣтною или окрано-желтоватою кожей, то подобно Финнамъ Финландіи, Эстамъ и Ливамъ, она давнымъ давно успѣла потерять этотъ характерный признакъ урало-алтайской расы.

Другой интересный вопросъ—о цвѣтѣ волосъ и глазъ. Въ послѣднее время европейскіе антропологи, не исключая и русскихъ, усердно принялись собирать матеріалы для статистики цвѣта глазъ и волосъ съ цѣлью выяснять распространеніе двухъ преобладающихъ типовъ, блондиновъ и брюнетовъ. Когда во всей Европѣ будетъ собрано достаточное число матеріала и можно будетъ, на основаніи этого матеріала, составить карту съ обозначеніемъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ тотъ

или другой типъ, тогда—можно надѣяться, — что выяснится много вопросовъ относительно происхожденія обоихъ типовъ; быть можетъ, на такой картѣ даже прямо обозначатся пути, по которымъ шли оба типа. Пока же въполнѣ обстоятельныя и полныя матеріалы существуютъ только для Германіи, Швейцаріи и Бельгіи, и благодаря энергіи руководителей Московскаго Общества любителей естествознанія и антропологии, есть надежда на полученіе таковыхъ же свѣдѣній и для Россіи.

Общераспространенное мнѣніе о крайней бѣлокурости финскихъ народовъ не подтверждается на Мордвѣ, такъ какъ преобладающимъ цвѣтомъ у нихъ является коричневатый. Далѣе слѣдуетъ замѣтить еще чрезвычайно интересный фактъ полнаго отсутствія среди Эрзіи волосъ красноватаго оттѣнка, то-есть, того, что принято называть „рыжимъ“; тотъ же фактъ наблюдается и среди остальныхъ приволжскихъ Финновъ, и это отсутствіе красноватаго оттѣнка не можетъ не быть признано однимъ изъ самыхъ характеристичныхъ признаковъ именно Волжской группы Урало-Алтайскаго племени, такъ какъ рыжеволосые встрѣчаются и въ Карелѣ, и въ Води, и въ Финляндіи, хотя все же довольно рѣдко, и въ особенности не такъ часто, какъ среди Русскихъ, которыхъ древніе Арабы по преимуществу называли „красноволосыми“. Наиболеѣ часто встрѣчался орѣхово-коричневатый цвѣтъ окраски волосъ, который и слѣдуетъ по этому признать за типично-пародийный; онъ найденъ былъ у 145 субъектовъ, которые составляли 86% всего числа наблюдавшихся мужчинъ, и у 71 женщины (81%). Вообще же коричневатый цвѣтъ окраски оказался у 216 субъектовъ, то-есть, 85%, а темноволосыхъ изъ нихъ было 206, то-есть, 81%.

Послѣ такого явнаго преобладанія брюнетовъ по волосамъ, можно было бы ожидать, что таковою же окажется Мордва и по отношенію къ глазамъ. Однако, къ нашему удивленію оказывается, что преобладающая окраска глазъ совершенно иная: какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, преобладаетъ голубой цвѣтъ глазъ, а не ожидаемый варіантъ. У того и другого пола вмѣстѣ число голубоглазыхъ составляетъ 52%, а у однихъ мужчинъ даже 60,1%. Остальные состоятъ изъ карихъ и зеленыхъ (последнихъ 35,4%) и такъ какъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ Мордва наименѣе обрусѣла и сохранила наибольшую свою чистоту, процентъ голубоглазыхъ болѣе, тѣмъ въ руссифицированныхъ уѣздахъ, то голубоглазость можно окончателно признать типичнымъ признакомъ для этого народа. Жаль только, что г. Май-

новъ не различаетъ настоящіе зеленые глаза, то-есть, такіе, которые кажутся зелеными при близкомъ и самомъ тщательномъ осмотрѣ, отъ такихъ, которые только кажутся зелеными издали, а на самомъ дѣлѣ состоятъ изъ голубого фона съ карими пятнами или полосками. Важность подобнаго различенія недавно показана г. Иковимъ ¹⁾.

Вообще, изъ разсмотрѣнія цвѣта волосъ и глазъ мы приходимъ къ тому заключенію, что Мордва не представляетъ чистаго типа ни блондиновъ, ни брюнетовъ; въ самомъ дѣлѣ по глазамъ они скорѣе блондины, а по волосамъ брюнеты. Это указываетъ на сильное, и вѣроятно, съ давнихъ временъ происходившее смѣшеніе двухъ первичныхъ типовъ.

Весьма важно при изученіи народовъ, заселяющихъ Россію, ясно установить большую или меньшую степень приближенія ихъ къ Монгольской расѣ, и однимъ изъ хорошихъ средствъ къ тому можетъ служить опредѣленіе положенія глазъ, то-есть, горизонтальное или болѣе или менѣе косвенное направленіе глазной щели. Извѣстно, что косо расположенные глаза составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей Монгольской расы, и потому интересно опредѣлять возможно точно степень ихъ косвенности; для этого въ послѣднее время придуманъ особый уголъ, который опредѣляется очень легко и просто на живомъ субъектѣ. По направленію глазной щели, то-есть, отъ одного угла глаза къ другому его углу, приставляется нижній прямой край транспортира съ его округлою стороною внизъ; уголъ, на который транспортиръ отклоненъ отъ горизонтали, легко узнается при помощи отвѣса, то-есть, небольшой ниточки съ гирькой на концѣ, которую прикрѣпляютъ къ центру транспортира. Г. Майновъ воспользовался этимъ методомъ измѣренія ²⁾ для опредѣленія угла уклоненія глазной щели отъ горизонтали у Мордвы и констатировалъ такимъ образомъ у нихъ чрезвычайно значительную степень уклоненія. Его цифры даже до того велики, что по неводѣ вызываютъ нѣкоторое недоумѣніе къ тому способу, которымъ онъ пользовался при этихъ измѣреніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его наблюденіямъ среднее уклоненіе глазъ отъ горизонтальнаго положенія равняется 12° 6, а въ отдѣль-

¹⁾ Ikow въ *Bulletins de la soc. d'Anthropologie de Paris*, 1883, livr. 3.

²⁾ Впрочемъ, способъ, которымъ онъ дѣлалъ это измѣреніе, не совсемъ тотъ, который мы только что описали; этимъ, вѣроятно, объясняются чрезвычайные углы которые имъ получены.

ныхъ случаяхъ оно даже доходитъ до 36° и 37°; между тѣмъ, по Мондьеру ¹⁾, мы имѣемъ слѣдующія уклоненія:

Число наблюденій.		
93	Аннамиты	4°,36
173	Аннамитки	4°,99
16	Китайки	4°,61
13	Minh-huôngs	4°,90
27	Камбоджійки	5°,39

При этомъ максимум уклоненія ни въ одномъ изъ 312 случаевъ, которые Мондьеръ наблюдалъ, не превосходилъ 10°. Для Китайцевъ Рихтгофенъ приводитъ максимум уклоненія въ 18°, что все еще далеко отъ цифръ г. Майнова. Неужели можно допустить, что у Мордвы глаза поставлены значительно болѣе косо, чѣмъ у какого бы то ни было другого народа? Если начертить на бумагѣ глаза, имѣющіе подобное уклоненіе, то получится такое карикатурное изображеніе, которое ясно указываетъ на то, что приемы г. Майнова сильно должны отличаться отъ тѣхъ приемовъ, употребленныхъ другими изслѣдователями, и что они уступаютъ послѣднимъ въ точности.

Мы не будемъ касаться ядѣсь всѣхъ менѣе важныхъ описательныхъ признаковъ, подробно разсматриваемыхъ г. Майновымъ въ его монографіи и интересныхъ болѣе для специалистовъ. Дадимъ только краткій выводъ словами самого автора, и затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію антропометрическихъ результатовъ.

„Резюмируя общія характеристическія черты Эрзіи и морфологическія наблюденія надъ этимъ народомъ, мы можемъ вывести слѣдующія заключенія: 1) Мордва-Эрзіи, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она утратила и языкъ свой, и народную одежду, и называетъ себя даже „Русинами“, соблюла еще свой особенный типъ. 2) Эрзіи отнюдь не принадлежитъ народамъ, вымирающимъ отъ конфликта съ Русскими, хотя и не отличается особенною плодovitостью. 3) Тѣлосложенія Эрзіи скорѣе худощаваго. 4) Ростъ у мужчинъ ниже средняго, а у женщинъ едва выше средняго (женскаго). 5) Кожа на тѣлѣ блѣлая и при томъ свѣтлѣйшихъ тоновъ. 6) Цвѣтъ волосъ на головѣ всегда бѣтъ въ темные тоны и при томъ имѣетъ коричневатый от-

¹⁾ *Mondière*, Monographie de la femme annamite, suivie de recherches sur les femmes chinoises, minh-huôngs et combodgiennes: *Mémoires de la soc. d'Anthrop.*, t. II, ser. 2-e, 1882, p. 452.

тѣнокъ; не было наблюдаемо ни одного рыжаго. 7) По способу роста волосъ, Эрзі принадлежитъ къ лиссотрихамъ, то-есть, гладковолосымъ народамъ, при чемъ густота растительности средняя. 8) На бородѣ цвѣтъ остается преимущественно тотъ же, что и на головѣ, тонъ же на одинъ или на два тона блѣднѣетъ. 9) Растительность на бородѣ незначительна. 10) Растительность на кожѣ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. 11) Глаза голубые, и при томъ свѣтлыхъ тоновъ. 12) Края глазныхъ прорѣзей нѣсколько приподняты. 13) Губы средней толщины, скорѣе стремящіяся къ узкости. 14) Эрзі принадлежитъ къ числу народовъ ортогнатныхъ, такъ какъ положеніе рѣзцовъ вертикальное. 15) Носъ широкій и слѣдовательно Эрзі — „латиринъ“; у мужчинъ носъ безразличенъ, а у женщинъ рѣзко курносый. 16) Глубина переносицной выемки малая, а величина надбровной выпуклости тоже малая, клонящаяся скорѣе къ полному отсутствію. 17) Лобъ плоскій. 18) Форма подбородка у мужчинъ острая, а у женщинъ закругленная. 19) Форма лица правильно овальная и яйцевидная. 20) Уши малыя и отвороченныя. 21) Ноги малыя, руки тоже малыя. 22) Средній вѣсъ Эрзі не великъ, что зависитъ отъ худого сложенія.

III.

Переходя къ чисто-измѣрительнымъ признакамъ, прежде всего остановимся на общей формѣ головы и посмотримъ — относится ли Мордва къ группѣ народовъ, имѣющихъ удлиненную форму головы, или же къ той, которая имѣетъ ее округлою, иными словами — принадлежитъ ли Мордва къ долихоцефаламъ (длинноголовымъ) или же къ брахикефаламъ (круглоголовымъ).

Дѣленіе человѣческихъ расъ на долихоцефальныхъ и брахикефальныхъ составляетъ весьма существенный шагъ впередъ, который антропология сдѣлала, и которымъ мы обязаны шведскому антропологу Ретциусу (Retzius). Съ тѣхъ поръ изученіе формы головы съ этой точки зрѣнія производилось по всему земному шару и привело къ выясненію трехъ истинъ. Вопервыхъ, оказалось, что есть народы, у которыхъ круголовость не только преобладаетъ, но и является совершенно исключительнымъ явленіемъ, и съ другой стороны, есть народы, у которыхъ всѣ обладаютъ долихоцефаліей, то-есть, гдѣ всѣ имѣютъ удлиненыя головы. Вовторыхъ, выяснилось, что оба эти типа

обладают своимъ географическимъ райономъ, въ которомъ каждый изъ нихъ преобладаетъ; тѣмъ, первые народы, брахикефалы, имѣютъ несомнѣннымъ своимъ центромъ Азію и Малезію, вторые, долихокефалы,—Африку и Австралію. Втретьихъ, выяснилось, что въ Европѣ, въ Америкѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи и Африки встрѣчается смѣшанное населеніе, въ которомъ рядомъ съ безразличными головами (мезокефалами) всегда можно найти присутствіе двухъ крайнихъ элементовъ, брахикефаловъ и долихокефаловъ, съ преобладаніемъ то того, то другого типа. Такое строгое раздѣленіе человѣчества на два типа и обособленное географическое, распредѣленіе того и другого наводитъ нѣкоторыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ Вирхова, на мысль: не представляетъ ли человѣчество двухъ основныхъ разновидностей—длинноголовой и короткоголовой. Не настаивая на истекующихъ изъ этого наблюденія гипотезахъ, нельзя не признать, какъ важно значеніе формы головы при изученіи антропологическихъ особенностей какого-нибудь народа или племенн. Прежде всѣхъ другихъ измѣреній требуется знать: каковъ головной индексъ, какъ выразитель формы головы.

Головной индексъ есть отношеніе ширины головы (максимальной) къ ея длинѣ (тоже максимальной), принятой за 100. У Мордвы средній головной или кефалической индексъ равенъ 83,30, то-есть, если принять длину головы за 100, то ширина ея вычислится въ 83,30. По этому индексу можно причислить Мордву, слѣдуя классификаціи Брокя, къ группѣ брахикефалическихъ народовъ. Брокъ установилъ вполне опредѣленную схему градаціи головнаго индекса, и для каждой степени далъ особое наименованіе. Слѣдующая таблица сразу даетъ понятіе объ этой схемѣ по отношенію, впрочемъ, къ черепу, а не къ головѣ съ ея мягкими частями.

Долихокефалы	доллихокефалы настоящіе . . .	ниже и до 75
	субъ-долихокефалы	отъ 75,01 > 77,77
Мезатикефалы	или мезокефалы	> 77,78 > 80,00
	субъ-брахикефалы	> 80,1 > 83,33
Брахикефалы	настоящіе брахикефалы	> 83,33 и выше

Г. Майпомъ сравниваетъ свой индексъ съ тѣми, которые разные ученые получили то на черепахъ, то на живыхъ; но это невѣрно, такъ какъ индексъ на живомъ, вслѣдствіе присутствія мягкихъ частей не одинаковой толщины въ разныхъ мѣстахъ, будетъ всегда больше, чѣмъ взятый на черепѣ, и потому при сравненіи слѣдуетъ всегда уменьшать головной индексъ, чтобы получить черепной, и

какъ показалъ Брокъ, на 2 единицы, а по послѣднимъ, очень точнымъ наблюденіямъ Houzé ¹⁾, даже на 2,21. По этой же причинѣ мы не можемъ, къ сожалѣнію, привести серіаціи индексовъ, такъ какъ индексы г. Майнова, будучи головными, то-есть, не редуцированными на 2 единицы, не могутъ быть подведены подъ схему Брокъ. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что Мордва субъ-брахикефалична, такъ какъ ихъ головной индексъ 83,30 съ вычетомъ 2-хъ единицъ дастъ черепной индексъ 81,30, который подходитъ подъ категорію субъ-брахикефаловъ въ системѣ Брокъ.

Объ остальныхъ измѣреніяхъ скажемъ только два слова. Наименьшій лобный діаметръ, выражающій ширину лба и отношеніе этого измѣренія къ длинѣ черепа, указываетъ на то обстоятельство, что ширина лба, или вѣрнѣе, относительная ширина его уменьшается у Мордвы по мѣрѣ проникновенія нашего въ мордовскіе уѣзды, не подвергшіеся еще руссификаціи, такъ что мы можемъ не безъ основанія предполагать, что обрусѣніе и метисаціи прямо вліяетъ на расширеніе лба.

Относительно различныхъ кривыхъ, какъ-то: горизонтальной окружности головы, нѣю-носовой, обоюдоушной окружности и др., можно замѣтить, что результаты, которые достигаются этими измѣреніями, далеко не соответствуютъ тому громадному количеству труда, какой на нихъ положенъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ эти кривыя берутся при помощи метрической ленты, которая проходитъ по частямъ головы, болѣе или менѣе густо покрытымъ волосами, и это обстоятельство такъ сильно вліяетъ на получаемые результаты, что варіаціи въ измѣреніяхъ можно гораздо скорѣе приписать большому или меньшему обилію волосъ на головѣ, чѣмъ расовымъ особенностямъ въ строеніи черепа. Поэтому въ послѣднихъ инструкціяхъ Топинара кривыя совершенно выпущены, какъ слишкомъ ненадежныя данныя, на которыхъ нельзя основывать никакихъ выводовъ. То же относится до лицеваго угла, который въ свое время надѣлалъ столько шума. Лицевой уголъ даетъ слишкомъ ничтожныя отклоненія даже въ томъ случаѣ, если расы отстоятъ очень далеко другъ отъ друга, и если уголъ берется на сухомъ черепѣ, — тѣмъ болѣе, если онъ берется на живомъ человѣкѣ, и если имъ желаютъ воспользоваться для сравненія и сопоставленія расъ, близкихъ другъ къ другу. Разница между Не-

¹⁾ Houzé, Ethnogenie de la Belgique. Les indices céphaliques des Flamands et des Wallons. Bruxelles. 1882, p. 24.

грамм (68,09) и бѣлыми Американцами (72,01) не превосходить 3-хъ единицъ, что очень незначительно, а уголь у сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ (72,9) даже вовсе не отличается отъ такового у бѣлыхъ ¹⁾.

Волеѣ интереснѣе представляется лицевой индексъ, то-есть, отношеніе ширины лица къ его длинѣ, принимая послѣднюю за 100. Это отношеніе въ среднемъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, равняется 68,8; ширина же скулъ (бизигматическій діаметръ) у мужчинъ равняется 130,9 мм., а у женщинъ 124,6 мм., и такъ какъ наибольшія цифры встрѣчаются какъ разъ именно въ наименѣе обрубленныхъ уздахъ, то широкоскулость и вообще ширину лица можно считать характернымъ для Мордвы-Эрзи. То же и относительно скуластости. Изучая этотъ типическій признакъ всякаго урало-алтайскаго лица, мы должны сказать прежде всего, что скуластость у Мордвы развита въ значительной степени; ясное дѣло, что и русское населеніе Приволжскаго края не отличается незначительностью скуластаго развитія въ виду того, что съ давнихъ поръ скрещивалось съ нѣкоторыми приволжско-финскими народами и даже поглотило нѣкоторые изъ нихъ; но все же лицо Мордвина, Черемисина и Чувашина тотчасъ же бросается въ глаза широкими своими скулами и выдаетъ свое урало-алтайское происхожденіе.

Наконецъ, замѣтимъ, что носовой индексъ (отношеніе ширины носа къ длинѣ) у Мордвы значительный; у мужчинъ онъ равняется 66,90, то-есть, носъ у нихъ широкъ. У Латышей по Веберу онъ 61,81, а у Крымскихъ степныхъ Татаръ я нашелъ его равнымъ 68,15 ²⁾.

Послѣдній отдѣлъ работы г. Майнова посвященъ измѣренію туловища и конечностей. Не станемъ приводить здѣсь многочисленныя и часто очень интересныя результаты, которые даетъ намъ авторъ; скажемъ только объ одномъ измѣреніи, которое хотя и не совсѣмъ равняется высотѣ *Symphysis pubis*, но довольно близко подходитъ къ ней: это высота отъ земли до корня *penis*'а. Измѣренія высоты *Symphysis pubis* въ послѣднее время стали пріобрѣтать большой интересъ, такъ какъ нѣкоторые придаютъ имъ не одно только значеніе простой высоты надъ горизонталемъ нижняго края ошупывае-

¹⁾ *Gould*, Investigations in the military and anthropological statistics of american Soldiers. New York 1869, p. 397. Комиссіей, занимавшеюся изслѣдованіями американскихъ солдатъ, измѣрено около 10,000 лицевыхъ угловъ.

²⁾ К. Мерзжковскій, Отчетъ объ антропологической поѣздкѣ въ Крымъ въ 1880 году: *Извѣстія Русскаго Геогр. Общ.* Т. XVII. 1881.

маго на животѣ субъекта предѣла костей туловища, но даже въ сравненіи ихъ съ величиною роста предлагаютъ намъ признать одинъ изъ болѣе или менѣе рѣзкихъ расовыхъ признаковъ. Г. Мечниковъ ¹⁾ въ своей антропологической замѣткѣ о Калмыкахъ, сравнивая цифры высоты *Symphysis pubis* съ цифрами, обозначающими половину роста, приходитъ къ убѣжденію, что у Калмыковъ, представляющихъ, по его мнѣнію, однихъ изъ самыхъ типическихъ представителей Монгольской расы, высота *Symphysis* выше половины роста, между тѣмъ какъ у взрослыхъ представителей Кавказскихъ расъ бываетъ на оборотъ. Г. Зографъ ²⁾ провѣрилъ это для Самоѣдовъ и нашелъ, что у нихъ высота *Symphysis pubis* больше половины роста, и что, слѣдовательно, по этому признаку они принадлежатъ къ монгольской расѣ. Примѣняя это къ Мордвѣ, мы находимъ, что у нихъ высота отъ земли до корня *pubis*'а (которая даже немного менѣе высоты *Symphysis pubis*), то-есть, 848 мм., значительно превышаетъ половину роста, которая будетъ у Мордвы 824; такимъ образомъ, по этому признаку Мордва должна принадлежать если не прямо къ Монголамъ, то къ большой семьѣ монголондскихъ расъ.

Въ заключеніе коснемся одного мнѣнія, очень распространеннаго среди антропологовъ и которое проходитъ черезъ всю работу г. Майнова, — мнѣнія, которое намъ кажется совершенно ошибочнымъ. Вездѣ сравнивая мужчинъ съ женщинами, г. Майновъ приходитъ къ тому выводу, что у женщинъ всѣ характерныя особенности Мордовскаго племени выражаются въ болѣе рѣзкой степени, чѣмъ у мужчинъ, и потому называетъ женщинъ хранилищами или бюстильницами типа. Въ дѣйствительности женщины относительно большинства такъ-называемыхъ серіальныхъ признаковъ то-есть, такихъ которые располагаютъ расы по восходящему порядку, начиная отъ наиболѣе первобытныхъ, — стоятъ ниже мужчинъ, то-есть, ближе къ первоначальному, первобытному типу; такъ носовой индексъ у нихъ больше, переносе плоче, прогнатизмъ значительнѣе, симфизіальный уголъ нижней челюсти больше и т. д. Если поэтому мы будемъ изучать расу, которая стоитъ ниже нашей по организаціи, то понятно, что въ большинствѣ случаевъ найдемъ низкіе признаки характеризующіе

¹⁾ *Н. Мечниковъ*, Антропологическій очеркъ Калмыковъ, какъ представителей Монгольской расы. *Изв. Моск. Общ. Люб. Естество. и Антроп.* т. XX, 1876.

²⁾ *Зографъ*, Антропологическій очеркъ Самоѣдовъ. *Изв. Моск. Общ. Люб. Естество. и Антроп.* т. XXXI, 1879 стр. 69 (bis).

эту расу (ширина носа, прогнатизмъ и т. д.), болѣе рѣзко выраженнымъ у женщинъ, и въ этомъ смыслѣ послѣднія явятся какъ бы бюстительницами типа. Но если бы низшія расы изучали насъ, то онѣ нашли бы совершенно обратное отношеніе, то-есть, для нихъ бюстителями типа явились бы мужчины, обладающіе характеризующими насъ высокими признаками въ высшей степени, нежели женщины. На сколько эта точка зрѣнія вѣрна, и какъ мало можно признать женщинъ бюстительницами типа въ вышеприведенномъ смыслѣ, видно изъ примѣра, который представляютъ Эскимосы. Какъ извѣстно, узкость носа является для нихъ очень характерною особенностью, носъ у нихъ даже уже, чѣмъ у насъ, поэтому женщины-бюстительницы должны бы имѣть его еще болѣе узкимъ. На самомъ дѣлѣ однако это не оправдывается, и носъ у нихъ, какъ и у всѣхъ расъ, шире у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. У первыхъ на черепѣ онъ опредѣляется въ 44,1, у мужчинъ же только въ 41,8¹⁾).

Заклучимъ нашъ отзывъ тѣмъ же, чѣмъ начали, то-есть, похвалою труду г. Майнова. Только тотъ, кто самъ производилъ подобныя изслѣдованія, пойметъ и оцѣнитъ вполне то трудолюбіе и энергію, которую авторъ долженъ былъ употребить для собранія такого колоссальнаго числа фактовъ.

И. Меремновскій.

Редъ Шереметевыхъ. А. И. Барсукова. Книги первая, вторая и третья. С.-Пб. 1881—1883.

Весною 1881 года явилась въ свѣтъ первая книга этого капитальнаго труда и возбудила общее вниманіе, какъ прекрасной внѣшностью изданія, такъ и своимъ содержаніемъ. Русская публика далеко не избалована изслѣдованіями о судьбахъ отдѣльныхъ историческихъ родовъ: не рискуя можно сказать, что мы незнакомы съ большинствомъ тѣхъ выдающихся лицъ, которыя въ прошлыхъ вѣкахъ стояли въ центрѣ нашей государственной жизни въ качествѣ ея руководителей. Еще дѣятеля XVIII вѣка, времени къ намъ болѣе близкаго, рисуются намъ болѣе или менѣе опредѣленно въ своихъ характерныхъ личныхъ чертахъ; что же касается до временъ Мо-

¹⁾ *Quatrefages et Hamy, Crania ethnica. Paris, p. 440.* Цифры 44.1 и 41.8 представляютъ носовые индексы, то-есть, выражаютъ вычисленную ширину носа, если длина его принята за 100.

сковскаго государства, то его лучшіе дѣтели остаются зачастую совершенно въ тѣни, вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, общій складъ московской жизни самъ немного давалъ простора для яркаго проявленія личности, а съ другой и потому, что вкусы нашихъ изслѣдователей рѣдко и мало обращались отъ фактовъ прошлой политической и общественной жизни къ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ этой сферѣ фактовъ. Поэтому всякій трудъ, подобный труду А. П. Барсукова, долженъ быть встрѣченъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, а въ данномъ случаѣ наше сочувствіе тѣмъ больше и искреннѣе, что трудъ этотъ, посвященный исторіи одного изъ лучшихъ московскихъ родовъ, и составленъ очень добросовѣстно и изданъ прекрасно.

Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Помимо типографскихъ достоинствъ и роскоши, во всѣхъ трехъ до сихъ поръ вышедшихъ томахъ мы находимъ много отлично исполненныхъ снимковъ съ древнихъ рукописей и рисунковъ. Между ними несомнѣнную цѣнность для исторіи нашего внутренняго быта и искусства имѣютъ прекрасно воспроизведенныя (въ I томѣ) картины такъ-называемой Царственной Книги ¹⁾ и раскрашенные рисунки не издавнаго лѣтописца XVI в. Московской синодальной бібліотеки. Нѣкоторые снимки съ грамотъ (I, 512 и II, 474) поражаютъ своимъ изяществомъ. Такою блестящею внѣшностью изданіе обязано просвѣщенному почину графа С. Дм. Шереметева.

Цѣли и планъ своего труда г. Барсуковъ высказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Цѣль настоящаго повѣствованія заключается въ изображеніи жизни и дѣяній собственно Шереметевыхъ, насколько это открывается изъ дошедшихъ до насъ историческихъ свидѣтельствъ; а потому мы останавливаемся только на такихъ событіяхъ русской исторіи, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ нашему предмету. Событія, совершившіяся при прямомъ или косвенномъ участіи Шереметевыхъ, описываются съ большею или меньшею подробностію, сообразно со степенью этого участія“ (I, 227). Вѣрный своему плану, авторъ предварительно разбираетъ генеалогическія преданія, возводящія родъ Шереметевыхъ къ выходу „изъ Пруссъ“ XIV вѣка Андрею Кобылѣ, слѣдитъ далѣе за судьбою потомковъ этого послѣдняго до его праправнука Андрея Константиновича Шеремета, уже

¹⁾ Царственная Книга издана кн. М. М. Щербатовымъ (Сиб. 1769 г.) безъ картинъ. Часть картинъ воспроизведена въ «Истор. очеркахъ русск. нар. слов. и искусства» *Ф. Н. Булаева* (II, 308—312), но не столь удачно, какъ въ «Родѣ Шереметевыхъ».

достовернаго родоначальника Шереметевыхъ, и затѣмъ съ рѣдкою добросовѣстностью собираетъ всѣ уцѣлѣвшія біографическія данныя о Шереметевыхъ XVI—XVII вв., доводя свое изслѣдованіе пока до 1662 года. Добытыя данныя онъ располагаетъ не въ порядкѣ отдѣльныхъ жизнеописаній, а въ общей хронологической послѣдовательности, излагая разомъ судьбу всѣхъ представителей рода Шереметевыхъ въ извѣстное время. Такимъ образомъ передъ читателемъ проходитъ длинный рядъ событій частной, дворцовой и политической жизни, связанныхъ между собою только тѣмъ, что въ нихъ участвуетъ тотъ или другой Шереметевъ; поэтому изложеніе принимаетъ иногда характеръ случайности и разбросанности, и въ этомъ заключается нѣкоторое неудобство избраннаго авторомъ плана, особенно замѣтное тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выдающихся, талантливыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ Шереметевыхъ, каковы, на примѣръ, Иванъ Васильевичъ Большой и другіе. Разказъ о нихъ постоянно прерывается свѣдѣніями объ ихъ менѣе замѣтной роднѣ, и читатель долженъ самъ изъ многихъ страницъ собирать черты, характеризующія эти высокія личности, чтобы составить себѣ о нихъ цѣлостное понятіе. Иногда рядъ собственно біографическихъ подробностей прерывается интересными свѣдѣніями о поземельныхъ владѣніяхъ Шереметевыхъ (которыя были очень обширны) и о различнаго рода гражданскихъ актахъ и тяжбахъ, имѣющихъ къ нимъ отношеніе. Въ общемъ же мы получаемъ чрезвычайно полный сводъ извѣстій о Шереметевыхъ, составленный не только по исчерпаннымъ источникамъ, но и по рукописямъ богатаго архива гр. С. Дм. Шереметева и другихъ древнехранилищъ²⁾. Такъ какъ, съ одной стороны, боярскій родъ Шереметевыхъ въ XVI и XVII вв. находился въ самомъ

²⁾ Вводя въ свое изслѣдованіе новые матеріалы, еще не бывшіе въ обращеніи (между ними чуть ли не самое видное мѣсто занимаютъ списки Тобольской архивы изъ бумагъ Г.-Фр. Миллера, характеризующіе отношенія сибирскихъ инородцевъ къ русскимъ поселеніямъ и властямъ въ XVII в. (см. кн. III, 434), г. Барсуковъ не сообщаетъ этихъ матеріаловъ въ полномъ объемѣ, исключая нѣсколькихъ грамотъ въ фотолитографическихъ снимкахъ и любопытнаго завѣщанія Ѳ. И. Шереметева, которое помѣщено приложеніемъ къ III-й книгѣ. Самый фактъ отдѣльнаго приложенія къ отдѣльному тому заставляетъ думать, что не предполагается общаго изданія документовъ о родѣ Шереметевыхъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо почтенный изслѣдователь, имѣя въ виду біографическія данныя, обошелъ—впрочемъ, съ полнымъ правомъ—почти все то, что могъ бы дать этотъ богатый матеріалъ для исторіи общественнаго быта XVI и XVII вв. вообще.

центрѣ государственной жизни и постоянно дѣйствовалъ въ высшихъ рядахъ московской администраціи, а съ другой стороны, послѣ Шереметевыхъ того времени осталось мало данныхъ для возстановленія ихъ частнаго быта, то г. Барсуковъ поневолѣ долженъ держать свой разказъ преимущественно на тѣхъ событіяхъ общей русской исторіи, гдѣ Шереметевы являлись дѣйствующими лицами, и такъ или иначе высказываться по поводу этихъ общихъ событій, переходя съ почвы біографа на почву историка, говоря иногда о такихъ явленіяхъ древней русской жизни, которыя имѣютъ лишь весьма далекое косвенное отношеніе къ исторіи боярскаго рода. И нужно отдать полную справедливость почтенному автору въ томъ, что его блестящіе очерки событій общей нашей исторіи (напримѣръ, разказъ о взятіи Казани и о болѣзни Іоанна въ 1553 г.: см. I, 148—160 и 165—174) не кажутся чѣмъ-то извнѣ приходящимъ въ его трудъ, а въ высшей степени оживляютъ изложеніе и придаютъ ему иногда захватывающій интересъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта сторона труда г. Барсукова, сообщаящая ему характеръ обще-историческаго изслѣдованія, допускаетъ нѣсколько возраженій и поправокъ и оказывается значительно слабѣе въ сравненіи съ онеціальными изысканіями о Шереметевыхъ, которыя, повторяемъ, произведены замѣчательно добросовѣстно.

Эти изысканія достаточно ясно вскрываютъ передъ нами дѣятельность и характеръ двухъ крупнѣйшихъ государственныхъ людей изъ рода Шереметевыхъ, дяди и племянника, дѣйствовавшихъ въ разное время: дядя, Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ, доживалъ свой вѣкъ монахомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, когда родился его племянникъ Ѳеодоръ Ивановичъ, впоследствии первый бояринъ царей Михаила и Алексѣя. Передавать содержаніе труда г. Барсукова не входитъ въ задачу нашего о немъ отчета, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи остановиться хотя въ короткихъ очеркахъ на двухъ названныхъ личностяхъ.

Какъ въ личности Ѳеодора Ивановича опредѣляющею ее чертой были административно-дипломатическія его способности, такъ личность Ивана Васильевича Большаго прежде всего характеризуется его военнымъ талантомъ. Большая часть біографическихъ о немъ свѣдѣній говоритъ о его походахъ и военныхъ удачахъ; въ первый разъ онъ является предъ нами въ 1540 г. въ должности ратнаго воеводы и сидитъ въ Муромѣ въ осадѣ отъ Казанскаго царя; такимъ же воеводою видимъ его въ слѣдующемъ году въ войскѣ, собранномъ во

Владимірѣ подѣ начальствомъ Ив. Вас. Шуйскаго для Казанскаго похода. Но И. В. Шуйскій воспользовался, какъ извѣстно, этимъ войскомъ для иной цѣли, для дворцоваго поворота 1542 г., и молодой воевода И. В. Шереметевъ явился здѣсь дѣятельнымъ помощникомъ Шуйскихъ, захвативъ Москву отрядомъ преданнаго имъ войска, послѣ чего снова возвратился во Владимиръ и сумѣлъ остаться въ сторонѣ при паденіи Шуйскихъ въ 1543 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ воеводою передоваго полка въ удачномъ набѣгѣ на Казань; въ 1547—1548 гг. онъ снова ходилъ на Казань съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ и за этотъ походъ сказанъ въ окольничіе; въ походѣ на Казань же 1550 года онъ былъ раненъ и по возвращеніи въ Москву пожалованъ въ бояре. Въ слѣдующемъ уже году И. В. Шереметевъ снова дѣйствуетъ подѣ Казанью и беретъ въ плѣнъ крымскаго царевича Уланъ Кошакъ на переволокѣ между Волгой и Дономъ послѣ погони за нимъ отъ самой почти Казани. Весною 1552 г. онъ опять съ Адашевымъ ходилъ въ Казани, а въ царскій походъ того же года и при взятіи Казани онъ былъ „дворовымъ воеводой“, то-есть, однимъ изъ начальниковъ царскаго конвоя, и участвовалъ въ истребленіи остатковъ казанскаго гарнизона. Дальнѣйшія военныя дѣйствія въ Казанскомъ царствѣ въ 1553 г. также не обошлись безъ участія Ивана Васильевича Большаго: онъ былъ воеводою передоваго полка въ войскѣ кн. Миаулинскаго, умиротворявшаго Казанскій край. Черезъ два года послѣ того, въ 1555 году, Иванъ Васильевичъ дѣйствовалъ самостоятельно противъ Татаръ и показалъ блестящимъ образомъ свои воинскія способности: подѣ его начальствомъ Русскіе выдержали Судбищенскій бой, одинъ изъ тѣхъ боевъ, которыми гордятся и современники, и потомство. При Судбищахъ И. В. Шереметевъ былъ тяжело раненъ, но въ слѣдующемъ году онъ участвуетъ уже въ походѣ Грознаго противъ Крымцевъ, а въ 1557 году мы видимъ его въ Ливоніи.

Подѣ Полоцкомъ въ 1563 г. Иванъ Васильевичъ былъ раненъ въ третій разъ, и этотъ походъ 1562—1563 гг. былъ послѣднею его ратною службой. Въ 1563 г. его постигаетъ опала, причинъ которой мы не знаемъ: его пытаются и около года держать въ тюрьмѣ, но послѣ того онъ сидитъ въ думѣ, ведетъ переговоры съ польскимъ гонцемъ Узловскимъ (1565 г.), вѣдаетъ въ отсутствіи царя Москву (1567 г.) и въ 1570 г. постригается въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ и умираетъ въ 1577 году инокомъ Іоною. Таковы данныя для біографіи Ивана Васильевича Большаго.

Двадцать лѣтъ почти непрерывныхъ походовъ и битвъ доставили ему громкую боевую извѣстность: Курбскій изображаетъ его, какъ человѣка „зѣло мудраго“ и „со младости своея въ богатырскихъ вѣщахъ искуснаго“¹⁾; его знаютъ и восточныя лѣтописи²⁾; Татары, во время своихъ набѣговъ на Русь, выпытывали, гдѣ Иванъ Шереметевъ, боясь повторенія Судбищенской встрѣчи³⁾. Но будучи такимъ дѣятельнымъ и опытнымъ воиномъ, Иванъ Васильевичъ былъ не менѣе дѣятеленъ и опытенъ въ гражданскомъ быту. Въ тѣ немногіе мѣсяцы, которые ему приходилось проводить въ Москвѣ, онъ заботился объ увеличеніи своего и безъ того крупнаго состоянія многими куплями, давалъ деньги подъ залогъ вотчинъ, вель тяжбы, состоялъ душеприкащикомъ у какого-то Я. С. Вундова, словомъ—былъ вполне дѣловымъ человѣкомъ. Будучи чрезвычайно благочестивымъ, какъ и всѣ московскіе люди, Иванъ Васильевичъ не скупился вкладами въ монастыри по своимъ родныхъ. Подъ конецъ жизни постригшись въ монахи, онъ однако постарался обставить себя въ монастырѣ удобствами прежней свѣтской жизни, такъ что его монашескій обѣтъ получилъ значеніе чисто внѣшняго акта. Какъ можно судить по знаменитому посланію царя Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, которое въ значительной степени посвящено иноку Іонѣ, то-есть, Ивану Большому Шереметеву⁴⁾, этотъ инокъ Іона и въ монастырѣ продолжалъ жить бояриномъ: у него, кромѣ келья въ монастырѣ, былъ у монастыря свой дворъ съ поварней и кладовыми; въ кельѣ жили холопы, а на дворѣ подолгу жилали посланные отъ братьевъ инока Іоны, съ которыми онъ пересылался; онъ ѣлъ не въ трапезѣ и не по монашески: у него водились лакомства, „постилы, коврижки и иные пряные составные овощи“; ими онъ угощалъ братію, приходившую къ нему зачастую на бесѣду. „А нини глаголютъ, будто де и вино горячее, потихоньку, въ келью къ Шереметеву при-

¹⁾ Сказаніи ки. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 42.

²⁾ Родъ Шереметевыхъ, I, 188.

³⁾ Тамъ же, 216.

⁴⁾ Акты Ист. I № 204. Издатели «Актовъ Историческихъ» отнесли это посланіе приблизительно къ 1578 г. (а. Карамзинъ и прямо къ этому году: IX, прил. 37). Между тѣмъ, что оно написано раньше, видно уже потому только, что Иванъ Большой, о которомъ, какъ о живомъ, говоритъ посланіе, умеръ 27-го мая 1577 (7085) г. (Родъ Шереметевыхъ, III, 157). Г. Барсуковъ рѣдкомъ очень вѣсныхъ сопоставленій приходитъ къ выводу, что посланіе необходимо отнести къ промежутку времени «между весной 1574 года и весной 1575 года» (ibidem, I, 323—324).

носили^а, замѣчаетъ Грозный, прекрасно умѣвнѣй находить сучки въ глазу ближнихъ...

Такъ доживалъ на покоѣ свой вѣкъ „въ богатырскихъ вещахъ искусный“ И. В. Шереметевъ, когда росъ его племянникъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, оставшійся сиротою на попеченіи своей старшей сестры, „царицы старицы Леопиды“ (вдовы царевича Ивана Ивановича). Родился онъ около 1570 года, а на службѣ впервые видимъ его въ 1591 году: онъ участвовалъ въ защитѣ Москвы отъ Казы-Гирея и за эту службу получилъ въ награду золотой. Въ 1598 году онъ участвовалъ въ избраніи Годунова на царство, а черезъ полтора года подвергся отъ Годунова опалѣ вмѣстѣ съ Романовыми и былъ отправленъ воеводою въ Тобольскъ, гдѣ сидѣлъ до 1603 г. Затѣмъ мы видимъ его съ Борисовымъ войскомъ подъ Кромами и въ Орлѣ, но здѣсь онъ не стяжалъ себѣ никакихъ лавровъ. Вмѣстѣ съ другими онъ призналъ самозванца и принялъ отъ него боярскій санъ. При Шуйскомъ онъ совершилъ удачно походъ въ Астрахань противъ казаковъ и лже-Петра, откуда въ 1608 г. Шуйскій вызвалъ его на защиту Москвы отъ Тушинскаго „царика“. Шереметевъ медленно шелъ вверхъ по Волгѣ, умирля край и увеличивая свое войско инородческими дружинами. Подъ Суздалемъ потерялъ онъ пораженіе отъ Лисовскаго и только осенью 1609 года сошелся съ М. В. Скопинимъ-Шуйскимъ въ Александровой слободѣ и сдалъ ему начальство надъ войсками. По сверженіи Шуйскаго Ѳ. И. Шереметевъ участвовалъ въ „боярскомъ державствѣ Московскаго государства“, принималъ присягу Владиславу, дружилъ съ Жолкѣвскимъ, билъ челомъ Сигизмунду „о деревнишкахъ“ (о возвращеніи конфискованной Борисомъ вотчины) и сидѣлъ потомъ въ Кремлѣ въ осадѣ вмѣстѣ съ Поляками, словомъ—велъ себя, какъ прочее боярство, видя спасеніе Руси въ польскомъ королевичѣ. Въ осадѣ онъ завѣдывалъ казеннымъ дворомъ и велъ въ немъ строгую отчетность, радѣя, сколько было возможности, о сохраненіи царскихъ сокровищъ отъ польскаго гарнизона. Черезъ мѣсяць по освобожденіи отъ осады Ѳеодоръ Ивановичъ уже получаетъ отъ воеводъ ополченія 1612 г. грамоту на дворовое мѣсто въ Кремлѣ, что свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени о сохраненіи добрыхъ отношеній между ополченіемъ и московскимъ боярствомъ. На соборѣ 1613 г. Шереметевъ, по нѣкоторымъ даннымъ, очень стоялъ за избраніе М. Ѳ. Романова¹⁾. Когда

¹⁾ Г. Барсуковъ отрицаетъ возможность того письма Ѳ. И. Шереметева къ

Михаилъ Ѳедоровичъ былъ наконецъ избранъ, Ѳ. И. Шереметевъ во главѣ соборнаго посольства былъ посланъ въ Кострому просить его принять престолъ и затѣмъ оставался при молодомъ царѣ въ качествѣ его секретаря, если можно такъ выразиться, завѣдуя всею дѣловою перепиской царя до его пріѣзда въ Москву. Съ этихъ поръ Ѳедоръ Ивановичъ, какъ дальній родственникъ царя, занимаетъ при дворѣ высокое положеніе и является почти исключительно администраторомъ и дипломатомъ; только въ 1615 г. ходилъ онъ на помощь ко Пскову, осажденному Шведами, но Шведы сняли осаду, когда Шереметевъ былъ еще во Ржевѣ. Оставаясь во Ржевѣ до новыхъ приказаній, Ѳедоръ Ивановичъ неожиданно былъ осажденъ лайкою Лисовскаго и едва отъ него отсидѣлся, послѣ чего былъ вызванъ въ Москву. Въ 1617 г. мы видимъ его начальникомъ разбойнаго приказа, который въ то время только что былъ возобновленъ и получилъ новую уставную книгу. Въ томъ же 1617 году Ѳедоръ Ивановичъ переговаривался съ Мерикомъ о торговыхъ льготахъ Англичанъ въ Московскомъ государствѣ, а въ 1618 г. велъ переговоры съ Поляками сперва въ Москвѣ за Тверскими воротами, а потомъ въ селѣ Деулинѣ. Переговоры были очень бурны: трудно было и придти тогда къ какому-либо соглашенію, но Ѳедоръ Ивановичъ сумѣлъ достигъ мира, и московское правительство поставило ему это въ большую заслугу. Щекотливое дѣло размѣна плѣнныхъ на Поляновкѣ поручено было ему же; Ѳедоръ Ивановичъ съ успѣхомъ его выполнилъ и первый привѣтствовалъ освобожденнаго Филарета Никитича на родной землѣ.

Не менѣ трудные переговоры на той же Поляновкѣ пришлось вести Ѳедору Ивановичу въ 1634 г. послѣ новой неудачной войны съ Польшей. Постоянные перекоры и задорная мелочность, какъ и всегда, затрудняли эти переговоры съ Поляками, но русское посольство успѣло здѣсь заключить вполне честный миръ, хотя и съ уступкою Смоленска и многихъ другихъ городовъ. Дѣй такія крупныя и удачныя по результатамъ посольскія службы Ѳ. И. Шереметева, какъ деулинская и поляновская, ставятъ его очень высоко въ ряду рус-

---

ки. В. В. Голицыну, которое помѣстилъ въ своемъ «Смутномъ Времени» (III, 294) Н. И. Костомаровъ со словъ П. И. Мельникова. Это отрицаніе строится авторомъ на весьма общихъ разсужденіяхъ. Намъ же кажется, что объ этомъ нельзя ничего ни отрицать, ни утверждать, ибо у насъ по поводу его нѣтъ еще никакихъ вѣсныхъ данныхъ ни за, ни противъ.

скихъ дипломатовъ XVII вѣка. Но этими службами не ограничилась его государственная дѣятельность: участвуя въ думѣ боярской, онъ въ отсутствіи государя нѣсколько разъ вѣдалъ Москву, бывалъ въ отвѣтахъ съ послами и начальствовалъ въ приказахъ. Особенно широка стала его дѣятельность послѣ смерти князя И. Б. Черкаскаго, когда Ѳедоръ Ивановичъ сталъ первымъ сановникомъ въ Москвѣ. Вѣдая приказы большой казны, стрѣлецкой, иноземской, рейтарской, аптекарской и повую четверть, онъ былъ весьма дѣятельнымъ начальникомъ и входилъ во всѣ мелочи своего дѣла, о чемъ свидѣлствуютъ документы аптекарскаго приказа. Сталкиваясь съ иноземцами по иноземскому приказу, онъ хорошо къ нимъ относился, хлопоталъ о дарованіи имъ свободы богослуженія, въ письмахъ называлъ ихъ „любительными друзьями“, словомъ, дружилъ съ ними, принадлежалъ къ тому направленію въ русской жизни XVII вѣка, преемникомъ котораго былъ Петръ. Какъ одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ царя, Ѳедоръ Ивановичъ принималъ живое участіе и въ дипломатическихъ дѣлахъ государства: тайный агентъ московскаго правительства, докторъ Сибелиста, путешествуя по Европѣ, писалъ свои донесенія Ѳедору Ивановичу, который докладывалъ ихъ царю. Въ качествѣ государственной родни и старѣйшаго боярина, онъ пользовался такимъ вліяніемъ въ Москвѣ, что извѣстный королевичъ Вольдемаръ на его заступничество возлагалъ свои надежды относительно возвращенія домой. Но такое почетное положеніе Шереметева не удержало его отъ пострига въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, куда онъ удалился въ 1649 году и гдѣ въ слѣдующемъ году умеръ инокомъ Ѳеодосіемъ.

Частная жизнь Ѳедора Ивановича была омрачена кончиной его единственнаго сына. Желая похоронить его въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, онъ вступаетъ съ монастыремъ въ переписку, въ которой ясно рисуется его мягкій характеръ, глубокая грусть по сынѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такая же практичность, какая отличала его дядю. Давая по сынѣ вкладъ лошадьми, Ѳедоръ Ивановичъ недоволенъ дешевою ихъ оцѣнкой въ монастырѣ и мягко проситъ иноковъ „взять лошади по средней цѣнѣ, а не по дешевой“, оцѣнить ихъ не въ 300, а въ 400 рублей¹⁾. За то очень рѣзко выговариваетъ онъ инокамъ за ошибку въ отчествіи его отца Ивана Васильевича Меньшаго, совершенно законно видя въ этомъ небрежное отношеніе монастыря къ

¹⁾ Родъ Шереметевыхъ, Ш, 145.

вкладчикамъ: „у васъ есть записныя книги вкладомъ, мочно вамъ вѣдать, чей кто сынъ“, замѣчаетъ онъ ¹⁾). Но это обстоятельство не препятствуетъ ему дѣлать новыя вклады въ Кирилловъ монастырь и самому въ немъ постричься. Передъ постриженіемъ онъ подноситъ на утвержденіе царя и патріарха свое духовное завѣщаніе, въ которомъ замѣчательно точно и подробно указываетъ свою послѣднюю волю, завѣщая племянникамъ, дочерямъ и внукамъ свое обширное состояніе, постоянно росшее отъ частыхъ покупокъ и царскихъ жалованій. Въ заботахъ о своемъ состояніи ему приходилось много хлопотать, подавалъ разнаго рода челобитья, вѣдъ межевыя споры и ссоряся съ своими племянниками. Такимъ образомъ, и этотъ замѣчательный дѣятель изъ рода Шереметевыхъ имѣлъ характеръ практическаго дѣльца.

За двумя крупными представителями рода Шереметевыхъ на второмъ планѣ въ сочиненіи г. Барсукова группируются второстепенныя личности, ихъ восходящая и нисходящая родня. Не распространяемся о нихъ въ надеждѣ, что и приведенныя свѣдѣнія дадутъ читателю довольно ясное понятіе о характерѣ и составѣ того матеріала, который онъ найдетъ въ интересномъ трудѣ почтеннаго біографа. Зато, считаемъ не лишнимъ остановиться на тѣхъ обще-историческихъ погрѣшностяхъ, какія, какъ намъ кажется, допустилъ г. Барсуковъ въ своемъ трудѣ. Будемъ держаться хронологическаго порядка.

По смерти великаго князя Василя III Ивановича сынъ его, будущій Грозный, остался четырехъ лѣтъ, и государствомъ правила его мать Елена съ помощію и посредствомъ наличныхъ бояръ того времени. Князь М. М. Щербатовъ пытался „по нѣкоторымъ догадкамъ... дойти“, кто именно были эти совѣтники и помощники царицы ²⁾. Позднѣе въ Древней Россійской Вивліоѣнкѣ были напечатаны боярскіе списки XVI в., въ которыхъ подъ 1535 годомъ указано 20 бояръ (XX, 27). Карамзинъ, на основаніи этихъ списковъ, какъ бы въ отвѣтъ на догадки князя Щербатова, написалъ, что „братья государевы и двадцать бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную думу“, на которую „Елена опиралась“ ³⁾. Г. Барсуковъ, слѣдуя Карамзину, выражается еще опредѣленнѣе. „Въ помощь ей (Еленѣ)—, говоритъ онъ — учреждена боярская дума изъ 20-ти бояръ“ (Родъ

¹⁾ Родъ Шереметевыхъ, III, 146.

²⁾ Исторія Россійская, т. V, ч. I, стр. 6—7.

³⁾ Ист. Г. Р., т. VII, изд. 2-е, стр. 6.

Шереметевыхъ, I, 73). Но вѣдь и раньше эта дума существовала. Мы, напротивъ, думаемъ, что по смерти Василя Ивановича, при поднявшейся борьбѣ лицъ и интересовъ, меньше всего возможенъ былъ правильный дворцовый совѣтъ: дѣла рѣшались только тѣми, кто чувствовалъ себя во власти, а въ административныхъ службахъ участвовали всѣ бояре покойнаго великаго князя, кромѣ тѣхъ, которые сидѣли по тюрьмамъ или бѣжали въ Литву. Совершенно правильно поэтому поступаетъ Соловьевъ, вполне игнорируя вопросъ о боярскомъ совѣтѣ при Еленѣ, и мы не обратили бы вниманія на эту частность у г. Барсукова, еслибъ она не напоминала довольно распространеннаго взгляда на древне-русскую жизнь, который усматриваетъ въ этой жизни повсемѣстное господство точныхъ юридическихъ нормъ и сознательныхъ правовыхъ стремленій.

Объ этомъ же взглядѣ напоминаетъ и толкованіе г. Барсуковымъ боярскихъ междоусобицъ въ малолѣтство Грознаго. „Въ лицѣ Шуйскихъ“, говоритъ онъ, — „потомки бывшихъ удѣльныхъ князей и старыхъ Московскихъ боярскихъ родовъ выступили въ открытую борьбу съ развившимся самовластіемъ Московскаго государя. Противная Шуйскимъ партія литовскихъ выходцевъ — Бѣльскихъ и Глинскихъ собралась около самого великаго князя, представителя новаго порядка вещей и безусловно заинтересованнаго въ томъ, чтобы порядокъ этотъ утвердился навсегда“ (Родъ Шереметевыхъ, I, 76—77). Итакъ, значить, въ промежутокъ времени отъ смерти Елены до 1547, приблизительно, года мы имѣемъ дѣло, по представленію г. Барсукова, съ „открытою борьбою“ московскаго боярства противъ „самовластія“ царя. Но въ такомъ случаѣ боярамъ приходилось бороться не съ личностью ребенка-царя, который не могъ быть еще сознательнымъ носителемъ идеи „самовластія“, а съ тѣмъ порядкомъ дѣлъ, который сложился подъ давленіемъ „самовластія“ ко времени Грознаго и былъ непріятенъ боярамъ. Но такой-то реформирующей борьбы мы и не видимъ въ дѣятельности боярства. Въ государственномъ устройствѣ и управленіи бояре не провели никакихъ измѣненій въ пользу боярства, подобно съ его видами и традиціями. Не во имя какихъ-либо опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ борются между собой боярскіе роды въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI в., а исключительно за личное положеніе и вліяніе въ Москвѣ, за прибыльное и почетное опекунство надъ государемъ и государствомъ. И Шуйскіе, и Глинскіе одни другихъ стоятъ въ ихъ погонѣ за властью минуты, и совершенно правъ лѣтописецъ, говоря, что, „многіе промежь ихъ блше вражды о ко-

рыстехъ, и о племянехъ ихъ, всякъ своимъ печется, а не государскимъ, ни земскимъ" ¹⁾). Псковская лѣтопись очень ярко рисуеъ отсутствіе заботы о государѣ и землѣ въ боярскомъ управленіи за время главенства Шуйскихъ ²⁾); а изъ другой лѣтописи узнаемъ, что и Глинскіе не уступали Шуйскимъ въ проявленіяхъ произвола: „отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ; они же ихъ отъ того не унимаху" ³⁾). Наконецъ, бѣжавшій въ 1539 г. изъ Москвы иностранецъ характеризуетъ положеніе дѣлъ въ Москвѣ такимъ образомъ: „Государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, а отъ нихъ великое насиліе, а управы въ землѣ никому нѣтъ, а промежъ бояръ великая рознь; того дѣла есми мыслилъ отъѣхати прочь, что въ землѣ въ Руской великая маетежъ и безгосударство" ⁴⁾). Въ этомъ „безгосударствѣ", въ погонѣ за личнымъ интересомъ, боярство и не думало при своей розни обезпечить свои интересы въ будущемъ, какъ сословія, и когда совершеннолѣтіе Грознаго положило конецъ его власти, оно очутилось въ томъ же неопредѣленномъ правовомъ положеніи, въ какомъ было въ моментъ смерти Василия Ивановича, подъ постояннымъ страхомъ ошала и казни, не имѣя ни словнаго единства, ни опредѣленныхъ политическихъ стремленій, кромѣ традиціонной мечты о правѣ совѣта и правѣ отъѣзда. Горекъ, по справедливъ упрекъ, брошенный Соловьевымъ боярству XVI вѣка въ томъ, что оно разрознило свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не сумѣло даже возвыситься до созванія сословнаго интереса ⁵⁾). И апахронизмомъ кажутся намъ разсужденія объ „открытой борьбѣ" источника и органовъ власти въ Московскомъ государствѣ, особенно въ малолѣтство Ивана IV, тогда какъ и поздиѣе, и раньше этого времени, въ періоды дѣйствительнаго проявленія распри между верховною властью и правящимъ боярскимъ классомъ, эта распри не принимала характера открытой политической борьбы, если не считать безумныхъ казней Грознаго, которыя въ глазахъ его, быть можетъ, одного были подавленіемъ боярской „измѣны".

Разказывая о земскомъ соборѣ 1566 года, г. Барсуковъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Неподалеку отъ царя, сидѣвшаго на тронѣ, разиѣстидись за особымъ столомъ власти (духовенство). По-

¹⁾ Царств. Книга, 75.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 304 и далѣе.

³⁾ Царств. Книга, 142.

⁴⁾ Акты Ист., I, № 140, стр. 203.

⁵⁾ Ист. Росс., VII, гл. 2-я.

одалъ на лавкахъ сидѣли бояре, одинъ за другимъ въ порядкѣ, „кто кого породю ниже, а не тѣмъ, кто выше и прешъ въ чину; окольничіе—подъ боярами противъ того жъ“ и т. д.“ (Родъ Шереметевыхъ, I, 286). Если читатель пожелалъ бы узнать, откуда взяты эти частности, то онъ, по отсутствію ссылки у г. Барсукова, долженъ обратиться къ самымъ документамъ о соборѣ 1566 г. Но въ нихъ ничего подобнаго не заключается: изъ нихъ читатель только увидитъ, что г. Барсуковъ совсѣмъ игнорировалъ разказъ о соборѣ Александроневской лѣтописи ¹⁾ и внесъ что-то „свое“. Это „свое“ заключается въ извѣстіяхъ Котошихина и (кажется, мы не ошибаемся) Флетчера. Котошихинъ, говоря о боярской думѣ своего времени, то-есть XVII в., замѣчаетъ, что члены думы „сидятца по чиномъ, отъ царя побдалъ, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породю ниже“ и далѣе, какъ у г. Барсукова ²⁾. А въ VIII-й главѣ записокъ Флетчера въ описаніи „земскаго собора“, за который счелъ онъ ошибкою соединенныя засѣданія думы и духовнаго собора, читаемъ слѣдующее: „Неподалеку отъ него (государя) за небольшимъ четверугольнымъ столомъ (за которымъ могутъ помѣститься человекъ 12 или около того) садятся патріархъ съ митрополитами, епископами и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ лицъ царской думы, съ двумя дьяками или секретарями (называемыми думными дьяками), которые записываютъ все, что происходитъ. Прочіе садятся на скамьяхъ около стѣны комнаты, такъ что каждый занимаетъ мѣсто, соответствующее его званію“. Итакъ, изъ двухъ одновременныхъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ одно не имѣетъ вовсе отношенія къ земскимъ соборамъ, а другое къ нимъ относится только по ошибочному заглавію его автора, у г. Барсукова вырастаетъ картина соборнаго засѣданія.

Мы уже видѣли, что, говоря о „совѣтѣ двадцати“ при Еленѣ, г. Барсуковъ послѣдовалъ Карамзину безъ провѣрки его. Точно также слѣдуетъ онъ знаменитому историографу и въ разсужденіи о томъ совѣтѣ пяти бояръ, который яко бы Грозный „предъ самою кончиною учредилъ при своемъ наслѣдникѣ“ (Родъ Шереметевыхъ, II, 2). Дѣйствительно, есть у насъ крѣпкое лѣтописное преданіе, что Иванъ IV предъ смертію поручилъ сына старѣйшимъ боярамъ. Часть хронографовъ и сказаній называетъ здѣсь трехъ лицъ: И. П. Шуй-

¹⁾ Р. Ист. библ., III, 277—278.

²⁾ Котошихинъ, изд. 2-е, стр. 20.

скаго, Н. Ѳ. Мстиславскаго и П. Р. Юрьева ¹⁾); часть говоритъ только о двухъ боярахъ—о Мстиславскомъ и Юрьевъ ²⁾, или о Юрьевъ и Шуйскомъ ³⁾); часть называетъ только Шуйскаго и митрополита Діонисія ⁴⁾), прибавляя къ нимъ какого-то „гостя большаго Московскаго Голуба“. Такимъ же отсутствіемъ опредѣленности отличаются и замѣтки иностранцевъ, а большинство изъ нихъ просто молчитъ объ этомъ, какъ и нѣкоторые наши лѣтописи. Карамзинъ же, на основаніи этого матеріала, вывелъ заключеніе о существованіи при Ѳеодорѣ Ивановичѣ боярской центархіи. „Новая центархія или верховная дума“, повѣствуетъ онъ, — „составленная умирающимъ Іоанномъ изъ пяти вельможъ, была предметомъ общаго вниманія, надежды и страха“ ⁵⁾)... Въ самой манерѣ рѣчи здѣсь слышится уже риторическая натяжка, и къ сожалѣнію, этой натяжкѣ послѣдовалъ почтенный авторъ „Рода Шереметевыхъ“ ⁶⁾).

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ частностяхъ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ онѣ изображены у г. Барсукова. Кому приходилось вчитываться въ современные извѣстія, дошедшія до насъ касательно этого событія, тотъ, конечно, знаетъ, какъ эти данныя недостаточны, неясны и полны противорѣчій, какъ по нимъ трудно составить себѣ связанное представленіе о ходѣ избранія, и какого труда стоитъ осмыслить многія частности, стоящія безъ всякой

¹⁾ «Иное сказаніе» во *Временникѣ*, XVI, 1; «Повѣсть, како восхити... царскій престолъ Борисъ Годуновъ» въ нашей рукописи, л. 3.

²⁾ Лѣтопись о митечахъ, изд. 1-е, стр. 1.

³⁾ Хронографъ 2-й редакціи, Изборникъ *Попова*, 185.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 320.

⁵⁾ Ист. Гос. Рос., X, 7.

⁶⁾ Здѣсь мѣсто отмѣтить еще нѣсколько мелкихъ погрѣшностей въ трудѣ г. Барсукова. Онъ, напримѣръ, думаетъ, что слухъ о самозванцѣ явился въ Москвѣ только въ концѣ 1603 г. (Родъ Шереметевыхъ, II, 74), тогда какъ это случилось несомнѣнно раньше (*Костомаровъ*, Кто былъ первый Лжедмитрій, стр. 20 и др.). Онъ считаетъ такъ называемую «Рукопись Филарета» действительно принадлежащею самому патриарху Филарету (Родъ Шереметевыхъ, II, 193), тогда какъ прекрасное изслѣдованіе г. *Кондратьева* (*Жур. Мин. Народн. Просв.* за 1878 г.) разъяснило что это—официальная компиляція, ему не принадлежащая. Г. Барсуковъ ошибается въ опредѣленіи времени, когда изъ Москвы въ 1612 году были отправлены приглашенія въ города прислать выборныхъ на соборъ «для царскаго обираиія»: по мнѣнію г. Барсукова, это произошло въ концѣ декабря 1612 года (Родъ Шереметевыхъ, II, 306). Но самъ же онъ цитуетъ грамоту (Доп. къ А. И. I, № 166), изъ которой ясно видно, что приглашенія эти были разосланы въ началѣ ноября.

связи, въ видѣ обломковъ какого-то зданія, общія очертанія котораго уловить съ полной ясностью еще не можетъ изслѣдователь. Г. Барсуковъ, весьма живо рисуя нѣкоторыя подробности избранія, но интересуясь только степеню участія въ немъ Шереметевыхъ, естественно обходитъ молчаніемъ много частныхъ этого факта. Тѣ же, которыя онъ затрогиваетъ, не всегда у него вѣрно или ясно поставлены. Приводя свидѣтельство Авр. Палицына о томъ, что къ нему приходили вслѣдъ за нимъ люди съ „писаніями“ о выборѣ Михаила Ѳедоровича, почтенный авторъ думаетъ, что это происходило до соборныхъ засѣданій (Родъ Шереметевыхъ, I, 312). Такое толкованіе Палицына трудно допустить, такъ какъ въ риторической путаницѣ послѣдняго этотъ фактъ очень близко поставленъ имъ по времени къ избранію Михаила (то-есть, къ 7-му февраля ¹⁾) и какъ бы вызываетъ собою это избраніе. Поэтому, не лучше ли будетъ предположить, что это была одна изъ тѣхъ петицій объ избраніи Михаила, о которыхъ дошло до насъ нѣсколько намековъ и которыя подавались на соборъ извѣтъ въ то время, когда выборные „не возмогша вси на единого согласитися“, какъ выражается лѣтописецъ ²⁾. Такъ истолковать Палицына заставляетъ нашего автора стремленіе дать связный разказъ о ходѣ избранія, но при этой видимой связности разказа существуетъ въ немъ одно непримиренное противорѣчіе: излишнее, по нашему мнѣнію, довѣряя Страленбергу, г. Барсуковъ съ его словъ говоритъ, что мать Михаила, инока Марѳа, узнавъ объ избраніи своего сына, написала въ Москву Ѳ. И. Шереметеву письмо, въ которомъ высказывалась противъ этого избранія (Родъ Шереметевыхъ II, 316). Еслибы это было такъ, то Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ непременно зналъ бы, гдѣ находятся Романовы, а онъ этого не зналъ, какъ не зналъ и никто въ Москвѣ. Отправляя того же Ѳедора Ивановича во главѣ посольства къ царю, земскій соборъ на-

¹⁾ Кстати замѣтить, г. Барсуковъ забываетъ объ этомъ 7-мъ февраля, когда говоритъ, что «въ официальныхъ источникахъ упоминается только о послѣднемъ засѣданіи, состоявшемся 21-го февраля» (Родъ Шереметевыхъ, II, 315). Соборъ остановился на кандидатурѣ Михаила Ѳедоровича не 21-го, а 7-го февраля (См. Собр. Гос. Гр. и Д., I, стр. 613).

²⁾ Намеки на такія петиціи мы находимъ, кромѣ Палицына, въ одномъ хронографѣ, приведенномъ у *Соловьева* (Ист. Рос., VПІ, изд. 3-е, стр. 442—443). Весьма возможно предположить, что, слѣдя въ соборными засѣданіями и вида на нихъ «нестроенія», московскіе люди дѣйствовали на соборъ письменными заявлениями своихъ симпатій къ молодому Романову.

казывалъ ему ѣхать „въ Ярославль, или гдѣ оиъ государь будетъ“ ¹⁾.

Г. Барсуковъ знакомъ съ этимъ наказомъ, и цитируя его, убиваетъ имъ разказъ Страленберга. Но указывая на это противорѣчіе, которое ускользнуло отъ вниманія почтеннаго автора, считаемъ однако долгомъ сказать, что изложеніе фактовъ избранія Михаила въ книгѣ г. Барсукова совершенно самостоятельно и вноситъ въ научный оборотъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ Страленберга, которыми еще никто, сколько мы знаемъ, въ этомъ случаѣ не пользовался.

Въ заключеніе, укажемъ еще на одинъ мелкій недосмотръ автора „Рода Шереметевыхъ“. Въ 1644 году пріѣхалъ въ Москву королевичъ Вольдемаръ въ качествѣ жениха одной изъ дочерей Михаила Ѳеодоровича. На русской границѣ встрѣтилъ его бояринъ князь Юрій Андреевичъ Сицкій и провожалъ до Москвы ²⁾. Въ Москвѣ королевича, какъ извѣстно, постигли очень крупныя непріятности, и оиъ радъ былъ, когда съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича его отпустили домой. Московское правительство, чувствуя нѣкоторую вину передъ Вольдемаромъ, пожелало проводить его съ бѣльшимъ почетомъ, чѣмъ встрѣтило, и поэтому провожать Вольдемара назначило В. П. Шереметева, человѣка болѣе высокаго рода сравнительно со встрѣчавшимъ королевича Сицкимъ. Посланный отъ царя къ Вольдемару князь Одоевскій сообщилъ ему о такомъ почетномъ назначеніи, говоря, что „этотъ бояринъ (Шереметевъ) знатнѣе и больше князя Юрія Андреевича“, то-есть, Сицкаго ³⁾. Не услѣдивъ роли Сицкаго въ дѣлѣ Вольдемара, г. Барсуковъ ищетъ, кто такой этотъ „князь Юрій Андреевичъ“, и—не находитъ, такъ какъ Сицкій ко времени отъѣзда Вольдемара уже скончался: такимъ образомъ сравненіе В. П. Шереметева съ „княземъ Юрьемъ Андреевичемъ“ остается у почтеннаго біографа безъ объясненій (Родъ Шереметевыхъ, III, 304). Подобный промахъ можно объяснить только тѣмъ обиліемъ матеріала, съ которымъ имѣлъ дѣло г. Барсуковъ и изъ котораго оиъ вышелъ все-таки побѣдителемъ. Ему принадлежитъ право на нашу благодарность, какъ составителю очень полнаго свода объ одномъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ историческихъ родовъ. Съ этой стороны его трудъ заслуживаетъ всякаго уваженія и сочувствія, и вообще, не смотря

¹⁾ Собр. Гос. Гр., III, № 6; Дворц. Разр., I, 31.

²⁾ Дворц. Разр., II, 716, 718, 722.

³⁾ *Чтенія оз Общ. Ист. и Др.* 1867 г., IV, илт. илюстр., 66.

на нѣкоторые недостатки, особенно со стороны метода, онъ долженъ быть признанъ полезнымъ и цѣннымъ приобретениемъ нашей исторической литературы.

С. Платоновъ.

Очерки западно-европейской историографіи.

III.

Посвящая настоящую статью отчету о сочиненіяхъ Англичанъ по общей исторіи, я долженъ буду коснуться весьма разнородныхъ литературныхъ произведеній. Древнѣйшій бытъ арійскихъ народовъ и развитіе современнаго быта западной Европы дали одинаково матеріалъ для историческихъ работъ послѣдняго времени. Но изъ этихъ работъ сравнительно весьма немногія заслуживаютъ серьезнаго вниманія: въ большинствѣ случаевъ онѣ являются простою популяризацией научныхъ результатовъ и не имѣютъ значенія самостоятельныхъ изысканій; ни одна не можетъ сравниться по интересу съ вышедшею весной нынѣшняго года книгою сира Генри Мэна о „Древнемъ правѣ и обычаяхъ“. ¹⁾ Не то, чтобы эта книга имѣла характеръ изслѣдованія: половина главъ новаго сочиненія появилась въ формѣ журнальныхъ статей, всѣ образовались изъ лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ. Вообще, какъ явѣстно, Мэнъ старается больше разъяснить свои положенія, чѣмъ доказать ихъ. Это не помѣшало однако его трудамъ оказать весьма сильное вліяніе не только на англійскую, но вообще на европейскую историографію. Этотъ успѣхъ въ ученномъ мірѣ мыслителя, который сбросилъ съ себя тяжелое вооруженіе ученаго, объясняется многими весьма важными обстоятельствами. Во-первыхъ, Мэнъ оригинально и настойчиво пользовался для своихъ выводовъ сравнительнымъ приемомъ, приложеніе котораго въ этомъ объемѣ и этой формѣ являлось новизною; во-вторыхъ, даже при изложеніи невѣрныхъ, неосновательныхъ теорій Мэнъ сообщаетъ множество остроумныхъ замѣчаній, интересныхъ и плодотворныхъ взглядовъ; наконецъ, едва ли найдется теперь другой писатель, который умѣлъ бы такъ возбуждать мысль въ своихъ читателяхъ: онъ полезенъ, даже когда не правъ. Обычныя достоинства эти отличаютъ и новое сочиненіе Мэна,

¹⁾ Sir Henry Maine, Early law and custom.

хотя, конечно, нельзя ожидать, чтобы оно произвело то-же впечатлѣніе, какъ „Древнее Право“ и „Сельскія общины“. Затронутые вопросы группируются около трехъ главныхъ предметовъ. Третья, четвертая и восьмая главы трактуютъ о строеніи патриархальнаго общества, седьмая выясняетъ отношеніе Мэна къ новымъ теоріямъ Макленнана и Моргана, отвергающимъ патриархальность древнѣйшаго быта; девятая и десятая занимаются западно-европейскимъ феодализмомъ, его образованіемъ и разложеніемъ. Остальныя главы не имѣютъ особеннаго значенія и примыкаютъ къ тому или другому изъ обозначенныхъ выше отдѣловъ.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ работъ Мэна было представленіе о родѣ, какъ о разросшейся, но не раздѣлившейся семейной общинѣ, сдерживаемой властью отца или родоначальника. Эта форма является если не древнѣйшимъ общественнымъ фактомъ, тоу древнѣйшею, извѣстною намъ общественною организаціей, и весьма медленно уступаетъ новымъ потребностямъ и силамъ, оставляя послѣ себя замѣтные слѣды до очень позднихъ эпохъ. Могущественимъ цементомъ для поддержанія родоваго единства является культъ предковъ, который у различныхъ народовъ различно уживается съ вѣроваціями космическаго характера, но вездѣ составляетъ важную религіозную струю. Разбирая въ своей новой книгѣ вліяніе культа предковъ на древнее право, Мэпъ пользуется главнымъ образомъ матеріаломъ, который представляетъ богословско-юридическая литература браминовъ. Подобно ирландскимъ брегонамъ, подобно средневѣковому католическому духовенству, они занимались не только религіозными или философскими вопросами, но призваны были непосредственно вліять на поведеніе людей, а потому и на право. Каста браминовъ завяла въ большей части Индіи на столько центральное, преобладающее положеніе, что стали возможны изреченія въ родѣ слѣдующаго: „Боги невидимы — брамины видимые боги. Милостью браминовъ боги обитаютъ на небѣ“. Культъ предковъ играетъ чрезвычайно важную роль въ браминскомъ правѣ. Одинъ изъ современныхъ истолкователей его, профессоръ Раджкумаръ Сарвадгикари, такъ формулируетъ общій взглядъ Индусовъ на этотъ предметъ: „Прощеніе возможно для чловѣка, нарушившаго всѣ свои общественныя обязанности, но онъ будетъ проклятъ на вѣки, если не исполнитъ погребальныхъ обрядовъ надъ своими родителями и не будетъ совершать приношеній, на которыя они имѣютъ право“ (стр. 56). Относительно образованія идеи о загробной жизни родоначальника Мэпъ принимаетъ мнѣніа Лэббока

и Спенсера: дикарь и варваръ предполагають, что умершій живетъ тою же жизнью, какою спящіе. Въ общемъ характеристика культа предковъ согласна съ первыми главами извѣстной книги Фюстель-де-Куланжа „La cité antique“, но въ одномъ важномъ пунктѣ Мэнъ отстываетъ, и весьма резонно, отъ взглядовъ французскаго ученаго. Опредѣляя отношеніе между властью отца и культомъ родоначальника, онъ признаетъ первую фактомъ древнѣйшимъ и исходнымъ. Фактическая и неизбѣжная власть отца является естественнымъ основаніемъ, изъ котораго развивается сложное представленіе о почитаніи умершихъ: Фюстель-де-Куланжъ, разъ ухватившись за идею культа предковъ, пользуется ею какъ геометрическою аксіомой для того, чтобы все изъ нея вывести и все ей подчинить. Другое интересное замѣчаніе Мэна касается уже не происхожденія вѣрованія, а его конечнаго вліянія, если можно такъ выразиться. Браминское право, постоянно расширяя кругъ лицъ, призываемыхъ къ почитанію родоначальника, обратило въ концѣ концовъ этотъ обычай въ силу, разрушительную для тѣснаго семейнаго и родоваго союза. И количество участниковъ культа, и качество ихъ въ позднѣйшую эпоху сдѣлали изъ родственнаго круга случайно и слабо сгруппированный союзъ, отдѣльные члены котораго оставались въ сущности чужими другъ другу (стр. 77). Какъ бы то ни было, первоначально культъ вліялъ въ совершенно иномъ направленіи. Помимо своего непосредственнаго значенія онъ являлся средствомъ для пополненія семьи и рода въ тѣхъ случаяхъ, когда естественнаго народженія не хватало. Мэнъ довольно подробно говоритъ о различныхъ индѣйскихъ формахъ принятія въ семью элементовъ со стороны. Нѣкоторыя изъ нихъ находятъ себѣ полную аналогію въ древнемъ греческомъ и римскомъ правѣ; такъ, за неимѣніемъ сыновей, отецъ принимаетъ сына дочери, какъ въ Афинахъ. Общею чертой всѣхъ этихъ обычаевъ является распространеніе семейной связи черезъ культъ и ради культа. Наблюденія надъ тѣсною связью между наследственнымъ правомъ и культомъ предковъ, приводятъ Мэна къ нѣсколькимъ интереснымъ, широкимъ, но весьма мало обоснованнымъ гипотезамъ. Какъ образуется на почвѣ древней родовой организаціи, признающей только родство по мужчинамъ, право женщины на наследство или часть наследства?—Въ результатѣ видоизмѣненія вѣрованій, доставившаго мѣсто женщинѣ въ родовомъ культѣ, отвѣчаетъ Мэнъ. Этотъ переворотъ во взглядахъ былъ также, по его мнѣнію, главною причиною разработки древнѣйшаго римскаго *ius aequum*, которое начало развиваться именно на почвѣ наслед-

ственного права и мало по малу выдвинуло впередъ и оформило юридически отношенія между когнатами. Съ другой стороны, право дочери передать собственнаго сына своему отцу для продолженія культа и принятія наслѣдства, должно было мало по малу видоизмѣниться въ право ея принимать наслѣдство самостоятельно. Почему должно было? спросить читатель. Понятно, что всѣ подобныя комбинаціи имѣютъ весьма условное значеніе. Если онѣ даже и являются естественнѣйшимъ объясненіемъ процесса развитія той или другой націи, то онѣ совсѣмъ ужъ не годятся для установленія типическаго закона этого развитія. У германскихъ народовъ, напримѣръ, идея когнатическаго родства является внѣ всякой видимой зависимости отъ культа и въ общей связи, которая наводитъ на совершенно иныя предположенія. Раннее и могущественное участіе рода матери въ уплатѣ и выисканіи виры, въ защитѣ личности и мщеніи за нее внушаетъ мысль о коалиціяхъ между родами, связанными черезъ браки, для взаимной поддержки и охраны. Относительно самихъ Индусовъ, судя по тѣмъ фактамъ, которые даетъ Мэнъ, никакъ нельзя сказать, чтобы распространеніе почитанія на женщинъ являлось причиной, а не слѣдствіемъ переворота въ обычаяхъ, отношеніяхъ и правѣ.

За то, несомнѣнное значеніе для выясненія древней родовой системы и условій, на нее дѣйствующихъ, имѣетъ сообщеніе результатовъ, добытыхъ серомъ Альфредомъ Лайалемъ при изученіи быта Раджпутовъ ¹⁾. Ученые, занимавшіеся исторіей рода, искали въ бытѣ современныхъ варваровъ и дикарей полной картины тѣхъ отношеній, которые въ источникахъ классической и западно-европейской исторіи являются въ отрывочныхъ очертаніяхъ. Наблюденія сэра А. Лайала надъ средне-индѣйскими племенами обнаруживаютъ обществу, составленное изъ родовъ и клановъ, среди котораго интересный процессъ образованія искусственныхъ соединеній по образцу кровнаго союза еще въ полномъ ходу. Обычное представленіе о простотѣ, естественности организаціи древнихъ обществъ чрезвычайно затрудняетъ пониманіе нѣкоторыхъ фактовъ, съ которыми мы встрѣчаемся какъ разъ на первыхъ же страницахъ ихъ исторіи. Какъ объяснить себѣ, напримѣръ, родовыя схемы въ Афинахъ и Римѣ, предполагающія искусственный и сложный порядокъ родовыхъ соединеній? Лайаль и Мэнъ показываютъ, что до сихъ поръ въ значительной части Индіи господство родоваго начала отлично уживается съ всевозмож-

¹⁾ Sir A. Lyall, Asiatic Studies.

ными фиктивными соединеніями, устраивающимися по образцу чистых родовъ, то-есть, союзовъ, сохранившихъ единство и силу, не смотря на войны, моры и голодные годы.

Всѣ эти данныя дополняютъ и развиваютъ теорію патриархальнаго происхожденія общества, то-есть, ученія, что оно образовалось изъ раздѣльныхъ семейныхъ группъ, сдерживаемыхъ властью и охраною старшаго мужчины. Но въ послѣднее время все чаще появляются въ литературѣ работы, исходящія изъ совершенно иного взгляда. По мнѣнію Макъ Леплана ¹⁾ и Моргана ²⁾, противъ которыхъ особенно вооружается Мэнъ, первоначальное общество вышло изъ стаднаго состоянія съ полною свободой отношеній между полами не къ патриархальной организаціи, къ матриархальной, если можно такъ выразиться, съ многомужествомъ и разчетомъ родства по женщинамъ. У австралийскихъ и американскихъ дикарей можно находить именно такого рода организаціи, а въ исторіи цивилизованныхъ народовъ осталось множество слѣдовъ и преданій, идущихъ отъ этого первоначальнаго періода. Въ своей характеристикѣ индійскихъ родовыхъ отношеній Мэнъ встрѣчается съ однимъ изъ весьма распространенныхъ обычаевъ, подающихъ поводъ къ такому толкованію. Одно изъ средствъ, допускавшихся браминскимъ обычаемъ для пополненія семьи, была такъ называемая Пайгога: бездѣтная вдова имѣла право искать себѣ сына отъ родственниковъ мужа; мало того, ребенокъ, рожденный отъ соединенія жены живаго мужа съ его родственникомъ и по его просьбѣ, принадлежитъ мужу. Эти странныя аномаліи древняго права являются, по мнѣнію Макъ Леплана, простымъ ограниченіемъ отношеній, еще гораздо болѣе свободныхъ.

Возражая противъ этихъ теорій, Мэнъ ссылается прежде всего на тотъ фактъ, что даже у высшихъ животныхъ мы встрѣчаемъ болѣе прочныя парныя соединенія, нежели тѣ, какія предполагаютъ Морганъ и Макъ Лепланъ у нашихъ древнихъ прародителей. Уже у высшихъ животныхъ сильно развито чувство ревности самца, которое среди людей является однимъ изъ могущественнѣйшихъ стимуловъ. Но вся теорія, кромѣ того, совершенно не принимаетъ въ разчетъ элемента силы и прорастающей изъ нея власти, который съ самаго начала долженъ былъ сдѣлать взрослого, здороваго мужчину центромъ общества. Наконецъ, становясь на точку зрѣнія этой теоріи, одинаково трудно объяснить.

¹⁾ Studies in Ancient history

²⁾ Ancient Society.

размноженіе человѣческихъ обществъ по переходѣ ихъ къ патриархальной организаціи. Многомужество и тѣмъ болѣе повальщія отношенія между полами могутъ привести только къ вырожденію расы и безплодію; для мотивированія перехода къ патриархальной семьѣ Макъ Леннанъ и Морганъ принуждены прибѣгать къ цѣлому ряду невѣроятныхъ предположеній. Между тѣмъ, масса фактовъ изъ жизни современныхъ дикарей на лицо; нѣтъ недостатка и въ данныхъ изъ исторіи цивилизованныхъ народовъ. Въ виду этого Мэнъ не рѣшается вполне отвергать ученіе о матриархальномъ строеніи общества, но сводитъ его на объясненіе исключительнаго случая, или лучше сказать, меньшинства случаевъ. Древнія племена въ своихъ постоянныхъ передвиженіяхъ и войнахъ должны были весьма часто страдать отъ недостатка женщинъ. Если несоотвѣтствіе между числомъ представителей того и другого пола было весьма значительно и держалось долго, единственнымъ выходомъ представлялось многомужество со всѣми его послѣдствіями въ обычаяхъ и правѣ. Особенно часто должны были повторяться такого рода случаи при передвиженіи за море, и дѣйствительно, у островитянъ и племенъ, занявшихъ извѣстную мѣстность съ моря, болѣе всего распространено многомужество. Объясненіе Мэна является, мнѣ кажется, единственно возможнымъ для примиренія двухъ рядовъ данныхъ, которыя одинаково завѣрены и между тѣмъ приводятъ къ совершенно противоположнымъ построеніямъ. Надо сказать впрочемъ, что въ своей полемикѣ Мэнъ только памѣтилъ общій ходъ аргументаціи, и по обыкновенію, почти не касается подробностей, которыя, однако, въ подобнаго рода вопросѣ весьма важны. Притомъ, онъ имѣетъ въ виду Морганъ и Макъ Леннана, какъ представителей новой теоріи, и потому трактуетъ исключительно о фактахъ изъ жизни дикихъ народовъ. Вахофена онъ не касается совершенно, хотя его сочиненіе включаетъ массу данныхъ относительно гинэократіи въ древнемъ мірѣ. ¹⁾

Главы, посвященныя Мэномъ образованію и разложенію феодализма (IX и X), гораздо менѣе интересны, нежели предыдущія. Случайность замѣчаній Мэна, неспособность или нежеланіе продумать вполне взгляды и объясненія, которые онъ какъ бы шута предлагаетъ, и согласовать ихъ съ имѣющимся въ дѣйствительности матеріаломъ, однимъ словомъ — диллетантизмъ этого писателя высказываются здѣсь особенно

¹⁾ *Bachofen, Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861; ср. Giraud-Théolon, la Mère chez différents peuples de l'antiquité; ero-же Les Origines de la Famille.*

сильно. Интересно, что Мэнъ продолжаетъ настаивать на мысли, высказанной мимоходомъ въ одномъ изъ его предшествовавшихъ сочиненій ¹⁾, именно, что феодальное право сложилось вслѣдствіе перенесенія обычаявъ и положеній, управлявшихъ движимою собственностію, на недвижимость. Прототипомъ лена является дача въ пользованіе скота, и не мудрено поэтому, что самый терминъ „феодъ“ происходитъ отъ слова, означающаго „скотъ“. Это оригинально и на первый взглядъ можетъ показаться правдоподобнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что этотъ взглядъ примиряется только съ весьма неточными представленіями объ исторіи бенефициальнаго владѣнія ²⁾.

Сравненіе между разложеніемъ феодальной системы Англіи и во Франціи должно отвѣтить на великій вопросъ: отчего этотъ процессъ разложенія привелъ одну страну къ революціи, а въ другой только оставилъ послѣ себя кое-какіе слѣды въ земельномъ правѣ? Указывая совершенно основательно на скупку земель, развитіе класса фермеровъ и земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи, на размноженіе несвободныхъ держаній во Франціи ³⁾, какъ на весьма важныя причины копечнаго различія въ результатахъ, Мэнъ, примѣшивая къ нимъ другія, весьма второстепенныя или мало относящіяся сюда явленія. Имѣя рядомъ съ собою фермера, говоритъ онъ, напримѣръ,—англійскій копигольдеръ не считаетъ свое положеніе особенно тягостнымъ, тогда какъ французскій крестьянинъ сравнивалъ себя не съ половникомъ, а съ самимъ сеньоромъ. Во-первыхъ, что мѣшало французскому крестьянину сравнивать себя съ половникомъ? А затѣмъ, мелкій англійскій копигольдеръ едва ли чувствовалъ особенное удовольствіе при сравненіи своего положенія съ бытомъ фермера. Главное дѣло въ томъ, что коммерческій принципъ, весьма рано вошедшій въ жизнь Англіи, далъ возможность массѣ откупиться отъ самыхъ тяжелыхъ и ненавистныхъ феодальныхъ повинностей, побудилъ многихъ отказаться отъ земельного владѣнія или держанія и перейти къ отношеніямъ вольнаго найма и аренды; вслѣдствіе этого крестьянская масса распалась на нѣсколько группъ и градацій, среди которыхъ копигольдеры остались въ меньшинствѣ. Громадное значеніе имѣло развитіе мануфактурной промышленности и торговли, вызвавшее искусственный отливъ силъ отъ земледѣлія.

¹⁾ Early institutions относительно ирландскаго права.

²⁾ Early law, 346 и сл.

³⁾ Terres roturières, copyhold tenures.

Наконецъ, социальный раздоръ осложнялся политическимъ неустройствомъ и броженіемъ.

Сочиненіе Кири „о первобытныхъ вѣрованіяхъ“ ¹⁾ едва затрогиваетъ вопросъ о культѣ предковъ, который занимаетъ такъ много мѣста въ книгѣ Мэна. Книга эта посвящена почти исключительно толковому изложенію арійскихъ вѣрованій космическаго характера. Устраняя совершенно обширныя сравненія и ограничиваясь изученіемъ части арійскаго матеріала, авторъ имѣлъ въ видѣ, прежде всего распространить среди образованной публики знакомство съ главными мифами Индусовъ, Грековъ и Скандинавовъ и указать на ихъ внутреннюю связь. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ своей цѣли. Но притязательное заглавіе мало отвѣчаетъ содержанію книги, построенной на весьма узкомъ основаніи. Даже въ предѣлахъ отмежеванной области Кири долженъ былъ бы осмотрѣться внимательнѣе. Онъ, напримѣръ, безъ дальнихъ разсужденій пользуется данными Эдды для характеристики германской мифологіи. Исслѣдованія Бугге и мнѣнія о сильномъ вліяніи христіанства на мифологію Эдды, по видимому, не обратили на себя его вниманія. Но для ознакомленія съ простѣйшими мифологическими приѣмами и вопросами книга годится.

Замѣчательно, что въ отечествѣ Грота и Сбрлюоли за послѣднее время почти совершенно прекратились работы по древней исторіи. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ по прежнему ревностно занимаются изученіемъ классическихъ языковъ, но плодомъ этого изученія являются или труды по исторіи литературы, изданія и переводы древнихъ авторовъ, или оригинальныя и нереводныя стихотворенія на латинскомъ и греческомъ языкахъ. По части исторіи ограничиваются усвоеніемъ нѣмецкихъ работъ. Всѣ главные нѣмецкіе историки древности — Курціусъ, Дункеръ, Моммзенъ, Ине изданы теперь по англійски. Но мы не находимъ въ Англійи ничего подобнаго не только ихъ капитальнымъ трудамъ, но хотя бы монографической литературѣ, которая развилась въ Германіи до такихъ колоссальныхъ размѣровъ. Я положительно затрудняюсь назвать хотя бы одно сколько-нибудь выдающееся произведеніе, вышедшее въ этой области въ 1882 или въ началѣ 1883 года. Ф. Мейерсъ издалъ два тома Опытовъ ²⁾, изъ которыхъ одинъ посвященъ классическимъ сюжетамъ, но главное достоинство этихъ этюдовъ состоитъ въ прекрасномъ англійскомъ изло-

¹⁾ *Keary, Outlines of primitive belief.*

²⁾ *Myers, Essays.*

женіи. Статя о Маркѣ Авреліи представляеть нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ замѣчаній по поводу, его „Размышленій“. Статя о греческихъ оракулахъ обстоятельно разбираеть предметъ, но все-таки не имѣеть ученаго характера и ничего не прибавляетъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ, на примѣръ, въ книгѣ Буше-Леклерка ¹⁾).

Перехожу къ средневѣковой исторіи. Въ этой области нѣтъ необходимости особенно останавливаться на двухъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Артевелдамъ. Оба автора, и Гёттовъ ²⁾ и Эшли ³⁾, взяли за перо изъ симпатіи къ демократическому движенію XIV вѣка во Фландріи и изъ желанія выставить въ истинномъ свѣтѣ дѣло Артевелдовъ, устранить искаженія, которымъ подверглась ихъ исторія у Фруассара и другихъ источниковъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ изложеніе вполне построено на изслѣдованіяхъ Вандеркиндере, Кервина де-Леттенгове и другихъ бельгійскихъ историковъ. Характерно для англійской жизни, что наибольшее число сколько-нибудь замѣчательныхъ историческихъ трудовъ посвящено исторіи религіозныхъ вѣрованій и церкви. Въ первомъ отчетѣ намъ пришлось указать на работы Рули и Фрауда, а во второмъ говорить о книгѣ по Оксфордскому движенію; теперь приходится отмѣтить нѣсколько крупныхъ изданій по исторіи католицизма. Англиканскій пасторъ Кеттльуель, извѣстный объемистымъ сочиненіемъ по вопросу объ авторѣ „Подражанія Христу“, посвящаетъ два большіе тома біографіи Томы Кемпійскаго ⁴⁾. Естественно является сомнѣніе, не слишкомъ ли это много для жизни знаменитаго мистика, протекавшей почти безъ всякихъ внѣшнихъ колебаній и событій и запечатлѣвшей свое внутреннее содержаніе въ книгѣ, которая до сихъ поръ служитъ въ назиданіе людямъ всѣхъ исповѣданій. Кеттльуель не только собираеть всевозможныя мелкія данныя относительно Томы Кемпійскаго и сообщаетъ біографіи крупнѣйшихъ дѣятелей, имѣющихъ къ нему какое-либо отношеніе, но онъ передаетъ кромѣ того все, что извѣстно о второстепенныхъ лицахъ, окружавшихъ его. Эта часть книги имѣеть, впрочемъ, свою цѣну: читатель получаетъ возможность перенестись въ скромную обстановку общезнатія въ Девентерѣ и Августинскаго монастыря въ Цволле. Описаніе этой сѣрой

¹⁾ *Bouché-Leclercq*, Histoire de la divination dans l'Antiquité.

²⁾ *Hutton*, The Artevelde.

³⁾ *Ashley*, Lives of the Artevelde.

⁴⁾ *Kettlewell*, Thomas à Kempis and the brothers of Commun life.

однообразной жизни служить какъ бы рамкой для самоуглубленнаго, экстатического мистицизма *Томы Кемпийскаго*. Бѣдностью мѣстной природы авторъ объясняетъ характерную черту Подражанія Христу—отсутствіе намековъ и сравненій, взятыхъ изъ жизни природы. Но обстановка, среди которой развивался мистицизмъ XV вѣка, направляла его иногда какъ бы по закону контраста. Исканіе Бога, личнаго сліянія съ Нимъ, которое составляетъ самую существенную сторону этого движенія, принимаетъ у *Томы Кемпийскаго* форму жгучаго, страстнаго, какъ бы южнаго чувства. Воображеніе мистика подсказываетъ ему риторичку страстной любви. Въ характеристикѣ *Гергарда де-Грота*, *Таулера*, *Гергарда Цербольда*, *Весселя Кеттлюуель* слѣдуетъ главнымъ образомъ *Ульману* ¹⁾.

Совершенно иной характеръ имѣетъ сочиненіе *Крейтона*, озаглавленное „Папство во время реформаціи“ ²⁾. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что его трудъ долженъ представить общую характеристику реформаціонной эпохи, и что онъ избралъ папство только какъ центральный пунктъ картины. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается однако, что мы имѣемъ дѣло совсѣмъ не съ общею исторіей реформаціонной эпохи и даже не съ религіознымъ движеніемъ въ это время, а только съ исторіей церкви и ея политическихъ отношеній. Внутренняя религіозная жизнь, ученія и ихъ литературныя проявленія остаются почти совершенно въ тѣни. Авторъ, правда, говоритъ кое-что о взглядахъ *Унклефа* и *Гуса*, но главное вниманіе онъ посвящаетъ политикѣ папъ и исторіи соборовъ. Въ этихъ предѣлахъ книгу *Крейтона* надо признать очень дѣльной и полезною. Знакомство съ литературой очень полное; особенное вниманіе обращено на нѣмецкую историографію. Въ основаніе положено тщательное изученіе главныхъ источниковъ; изложеніе довольно сухое, но внушительное и иногда энергическое. Особенной новизны взглядовъ и какихъ-либо открытій ждать, конечно, не слѣдуетъ, но книга представляетъ очень хорошую сводъ научныхъ результатовъ по исторіи церкви XV вѣка. Вышедшіе первые два тома обнимаютъ эпоху отъ 1378 до 1464 года. Авторъ имѣетъ въ виду окончить исторіей Тридентскаго собора.

Чтобы дать понятіе о подобномъ сочиненіи, лучше всего будетъ, имѣ кажется, остановиться на какомъ-либо одномъ его отдѣлѣ. Возь-

¹⁾ См. напримѣръ, отрывки у *Кеттлюуель*, 95, 125.

²⁾ *Die Reformatoren vor der Reformation.*

³⁾ *Creighton, The Papacy during the Reformation.*

мемъ, напримѣръ, исторію Пія II. Крейтонъ особенно обстоятельно трактуетъ объ этомъ странномъ человѣкѣ, составившемъ себѣ извѣстность своими зротическими произведеніями и окончившемъ проповѣдью крестоваго похода, объ этомъ гуманистѣ, который, достигнувъ папскаго престола, не покровительствовалъ гуманистамъ, потому что слишкомъ критически относился къ ихъ произведеніямъ. Изложеніе Крейтона основано въ главныхъ чертахъ на извѣстной по своей основательности книгѣ Фойгта ¹⁾. Подобно своему нѣмецкому предшественнику англійскій авторъ рисуетъ въ весьма непривлекательныхъ краскахъ раннюю карьеру Энея Сильвіо. Крейтонъ характеризуетъ его поведение относительно Базельскаго собора еще рѣзче, нежели Фойгтъ: послѣдній настаиваетъ на смягчающихъ обстоятельствахъ, на общей шаткости мнѣній, которая привела людей гораздо болѣе искреннихъ и глубокихъ къ неожиданнымъ переиѣнамъ фронта (Voigt, II, 45). У Крейтона оцѣнка поведения Энея Сильвіо резюмируется въ характерной цитатѣ изъ одного его письма. „Когда всѣ начали оставлять Феликса (папу, поставленнаго соборомъ), я нашелъ убѣжище у императора Фридриха (представителя „германскаго нейтралитета“), потому что не хотѣлъ сразу перейти отъ одной партіи къ противоположной“ (на сторону папы Евгенія IV). Будущій Римскій первосвященникъ является для начала нуждающимся, весьма неразборчивнымъ на средства, свободнымъ отъ всякихъ стѣснительныхъ убѣжденій интриганомъ, и только веселость, ловкость и наивное отношеніе къ своимъ похождениямъ придаютъ нѣкоторую симпатичность этому многоизворотливому Жиль Бласу. Англійскій историкъ особенно строго относится къ любовнымъ подвигамъ Пикколомини, и читатель проникается убѣжденіемъ, что переходъ отъ весьма житейскаго образа жизни секретари къ чистотѣ нравовъ кардинала и папы совершился никакъ не вслѣдствіе внутренняго перерожденія или очищенія, а просто потому, что старику не подъ силу то, къ чему стремится молодежь. Самъ Пикколомини съ свойственнымъ ему безпристрастнымъ юморомъ отмѣчаетъ моментъ своего нравственнаго преобразования, какъ переходъ отъ почитанія Венеры къ служенію Бахусу, и если впоследствии, какъ папа, онъ строго журитъ кардинала Борджіа, будущаго Александра VI, за его оргіи, то его негодованіе вызвано прежде всего оглаской и скандаломъ, а не безнравственностью. Но все-таки, если мы сравнимъ описаніе позд-

¹⁾ Voigt, Enea Silvio de Piccolomini und sein Zeitalter.

нѣйшей дѣятельности Энея Сильвіо съ характеристикой его молодости, то намъ можетъ показаться, что Пикколомини и папа Пій II двѣ разныя личности, имѣющія мало общаго между собою. Не всѣ предпріятія Пія II удались, не всѣ были задуманы какъ слѣдуетъ, не замѣтно въ его дѣятельности аскетическаго порыва или глубокаго убѣжденія, или подавляющей гениальности, но все-таки передъ нами въ изложеніи Крейтона благородная, симпатичная натура, съ возвышенными, хотя и пелсяными безпокойными стремленіями. Въ пониманіи послѣднихъ дней папы авторъ совершенно отступаетъ отъ Фойгта, отказывается признать въ дѣйствіяхъ умирающаго старика, снаряжающаго изъ послѣднихъ силъ экспедицію противъ Турокъ, простую театральную демонстрацію, послѣ которой можно было бросить начатое дѣло. Но какъ гармонируетъ эта послѣдняя оцѣнка съ первоначальной, представившею Энея Сильвіо Пикколомини „простымъ сластолюбцемъ и эгоистомъ, для котораго благородная сторона жизни не существовала“ (Creighton, II, 247)? Видимое и несомнѣнное противорѣчіе въ поведеніи необходимо свести или на внутреннее единство, или на развитіе, или на переломъ. Авторъ чувствуетъ это, и указываетъ на разныя свойства этой богато одаренной личности, которыя облегчаютъ намъ ея пониманіе. Впечатлительность Пикколомини, его способность воспринимать самыя разнообразныя вліянія обстановки, объясняютъ, какъ онъ могъ до извѣстной степени очищаться внутренне по мѣрѣ того, какъ возвышалось его положеніе. Изъ странствованій по Европѣ, изъ наблюденія надъ самыми разнообразными дѣятелями и обществами, изъ личнаго участія во всѣхъ почти главныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ своего времени онъ вынесъ историческій складъ ума, безпристрастіе и равнодушіе къ убѣжденіямъ и движеніямъ. Наконецъ, человѣкъ талантливый, тонкій и чуткій, онъ сталъ чувствовать подъ конецъ своей жизни, что искрошилъ и разбросалъ свои силы, и вотъ онъ хватается за великую, фантастическую мысль общаго похода противъ Турокъ, хотя непобѣдимая сила сложившагося характера не даетъ ему сосредоточиться вполне, подергиваетъ его то къ тому, то къ другому постороннему дѣлу. Все это такъ, но все это мысли, пришедшія автору уже въ концѣ его изложенія, не руководившія началомъ и не вполне достаточныя чтобы исправить это начало. Отказавшись отъ осужденія Пикколомини, надо было признать въ немъ настоящаго эпикурейца, человѣка, служившаго стремленіямъ своей природы, но не лишеннаго инстинктивнаго благородства, потому что самая природа его была утонченная,

аристократическая. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ надобности заподозривать каждый шагъ Пикколомини, подобно Фойгту, или осуждать его молодость и возвеличивать старость, подобно Крейтону. Самъ Пикколомини порицалъ Эпикура и его шиправленіе, но это порицаніе было, такъ-сказать, официальное.

Характерно для труда Крейтона, что въ книгѣ, посвященной церкви XV вѣка, онъ не даетъ никакого представленія о корифеѣ тогдашней церковной философіи—Николаѣ Кузанскомъ. Онъ касается его только мимоходомъ, по поводу извѣстной борьбы съ Сигизмундомъ Тирольскимъ и Григоріемъ Геймбургомъ. При этомъ онъ произноситъ надъ нимъ весьма рѣзкое и несправедливое сужденіе, какъ надъ представителемъ узкаго формализма схоластикомъ (II, 394). Нѣтъ надобности считать Николая Кузанскаго, подобно Янсену ¹⁾, блестящимъ воплощеніемъ нормальнаго средневѣковаго развитія, чтобы протестовать противъ такой оцѣнки. Уже одна связь съ германскою мистическою школой, одно вліяніе на Джордано Бруно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло никакъ не съ простымъ выразителемъ умирающей схоластики ²⁾. Даже у Фойгта, который также разсматриваетъ преимущественно практическую дѣятельность Кузанскаго кардинала, можно найти хотя и не благосклонную, но болѣе справедливую характеристику его ³⁾.

Нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи и другому англійскому сочиненію, посвященному исторіи католической церкви. Книга Джервиса ⁴⁾ имѣетъ то общее съ книгой Крейтона, что она также основана на добросовѣстномъ изученіи главныхъ источниковъ, старательно сохраняетъ безпристрастіе и представляетъ полезный сводъ фактовъ относительно важной эпохи церковнаго развитія. Но авторъ „Галликанской церкви и революціи“ не отличается талантомъ, и его изложеніе весьма интересныхъ событій довольно безжизненно. Обратимся для примѣра къ той части книги, которая трактуетъ объ отношеніяхъ между Наполеономъ I и католицизмомъ. Джервисъ совсѣмъ не разбираетъ мотивовъ, которые заставили перваго консула вступить въ

¹⁾ *Jensen*, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters.

²⁾ Сложное, довольно запутанное, но богатое плодотворными идеями ученіе Николая Кузанскаго изложено подробно въ книгѣ *Шарфа*, Nicolaus von Cusa, als Reformator von Kirche, Staat und Philosophie.

³⁾ *Voigt*, Eneo Silvio, I, 203; II, 311.

⁴⁾ *Jervis*, The Gallican Church and the Revolution.

соглашеніе съ папою. Между тѣмъ, поведеніе Наполеона истолковывалось въ данномъ случаѣ различно: не одинаково судить о немъ и два главные историка этихъ отношеній, д'Оссонвиль и Тейнеръ ¹⁾: одинъ настаиваетъ на чисто житейскихъ и эгонистическихъ побужденіяхъ Наполеона, другой предполагаетъ въ немъ безкорыстное стремленіе къ благу націи и извѣстную искренность. Ранке, въ интересномъ этюдѣ о Консальви, этюдѣ, который остался неизвѣстнымъ Джервису, прямо сопоставляетъ дѣятельность перваго консула въ данномъ случаѣ съ его попытками привлечь магометанъ на свою сторону подражаніемъ ихъ способу выраженій ²⁾. Вообще говоря, Джервисъ старается по возможности поддержать равновѣсіе между противоположными взглядами Тейнера и д'Оссонвиля, но этотъ нейтралитетъ приводитъ только къ тому, что въ одномъ случаѣ онъ безъ особеннаго повода слѣдуетъ критическимъ указаніямъ перваго, въ другомъ присоединяется ко второму. При изложеніи переговоровъ о конкордатѣ, напимѣръ, очень важно опредѣлять отношеніе къ двумъ источникамъ, къ мемуарамъ Консальви и его депешамъ ³⁾. Тейнеръ, на основаніи послѣднихъ, заподозриваетъ историческое значеніе мемуаровъ, написанныхъ гораздо позднѣе (въ 1810 году) и *ab irato*, какъ онъ выражается. Изложеніе д'Оссонвиля вполне основано на мемуарахъ. Джервисъ въ описаніи перваго свиданія Наполеона съ Консальви склоняется на сторону Тейнера, при описаніи разговора во время торжественнаго обѣда 14-го іюля слѣдуетъ повѣствованію мемуаровъ, хотя они опять расходятся съ депешами. Главное желаніе автора — замолвить слово за галликанизмъ въ противоположность какъ ультрамонтанской доктринѣ, такъ и деспотическому вмѣшательству государственной власти. Нельзя сказать однако, чтобъ онъ воспользовался всѣми данными, которые обнаруживаютъ галликанское теченіе въ исторіи того времени. Онъ, напимѣръ, не упоминаетъ о знаменательномъ разговорѣ между Пиемъ VII и кардиналомъ Решемъ, когда послѣдній рѣшился намекнуть на одинъ изъ принциповъ 1682 года, на превосходство собора относительно папы ⁴⁾. Наиболѣе интересныя страницы книги Джервиса тѣ, гдѣ онъ пользуется мало извѣстными біографіями д'Астроса и Эмери.

¹⁾ *D'Haussonville*, l'Eglise romaine et le premier empire. 1868; *Theiner*, Les deux Concordats. 1869.

²⁾ *Sämmtliche Werke*, XI, 7.

³⁾ Ср. *Ranke*, Ib. 20.

⁴⁾ *D'Haussonville*, II, 263 сл.

О книгѣ Берда по реформаціи XVI вѣка ¹⁾ достаточно просто упомянуть: это на скоро составленныя лекціи, которыхъ не стоило издавать.

Иванъ Виноградовъ.

Учено-литературныя новости по классической филологіи.

Friedrich Blass. Ueber die Aussprache des Griechischen. Zweite vollständig umgearbeitete Auflage. Berlin. Weidmann. 1882.

Первое изданіе извѣстнаго сочиненія Фр. Бласса о произношеніи въ греческомъ языкѣ появилось еще въ 1870 году. Съ теченіемъ времени самъ авторъ призналъ его недостаточно полнымъ и основательнымъ и рѣшился приступить къ переработкѣ своего труда. Это второе изданіе значительно больше перваго по объему и значительно лучше—тѣмъ уже, что въ немъ доведена до возможнаго минимума полевина, которою изобилуетъ первое изданіе. Не мало содѣйствовали улучшенію втораго изданія и фیزیологическія наблюденія надъ звуками языка которыя стали дѣлать лингвисты за послѣднее время, и сопоставленія вновь открытыхъ рукописей, и новыя спеціальныя изслѣдованія о греческихъ діалектахъ. На первомъ планѣ, конечно, вездѣ является вопросъ о томъ — можетъ ли быть принимаемо въ соображеніе относительно древно-греческаго произношенія ново-греческое, и если нѣтъ, то когда и гдѣ впервые появилось это послѣднее. При этомъ авторъ прямо высказываетъ, что это позднѣйшее произношеніе не могло появиться сразу, но непремѣнно требовало времени, чтобъ отъ низшихъ слоевъ народа перейти къ высшимъ и сдѣлаться всеобщимъ; начало этого, быть можетъ, слѣдуетъ искать уже въ древне-греческихъ діалектахъ.

Послѣ краткаго историческаго введенія авторъ указываетъ на отношеніе между произношеніемъ и письмомъ вообще, на примѣръ, на очевидномъ измѣненіи въ произношеніи въ англійскомъ и французскомъ языкахъ; далѣе рассматриваетъ измѣненіе въ системѣ орфографіи въ Атикѣ, начиная съ 406 г., и затѣмъ особенно на методъ, посредствомъ котораго можно привести въ извѣстность древнее произношеніе. Для этого должно изслѣдовать: 1) вопросъ о томъ, до какихъ поръ орфографія была одинакова, 2) прямыя извѣстія и описанія

¹⁾ Beard, The reformation of the XVI century.

звукѣ древнихъ грамматиковъ, 3) звуковне переходы въ простыхъ словахъ и сложныхъ, 4) транскрипціи съ другихъ языковъ, особенно латинскаго, и 5) различные случаи игры словами, гдѣ можно уловить черты произношенія. Далѣе Влассъ трактуетъ о гласныхъ въ связи съ двугласными въ систематическомъ порядкѣ, потомъ—о согласныхъ, и наконецъ, объ ассимиляціи, зіяніи, сліянніи, удареніи. Укажемъ на нѣкоторые изъ результатовъ, къ которымъ приходитъ авторъ. Такъ напримѣръ, вмѣстѣ съ Диттенбергеромъ онъ принимаетъ, что η и ω первоначально отличались отъ ε и ο не количествомъ, а качествомъ, именно что они обозначали открытые звуки (ε и ο ouvert); такимъ образомъ η въ произношеніи приближалось мало по-малу къ ι, а въ Фессалии и Беотіи вполне приблизилась уже во II в. до Р. X. Далѣе Влассъ констатируетъ, что ο сѣшивалось съ ο въ папирсахъ II в. до Р. X. (ἀνύω); въ настоящее же время, по его мнѣнію, произносится совершенно какъ ι, съ чѣмъ, впрочемъ, не согласенъ Фр. Тиршъ (Erlanger Phil. Vers. 1851). Относительно ο Влассъ доказываетъ, что она произносилась вездѣ какъ твердое с, и лишь передъ μ, β, γ, δ какъ з. Интересно, между прочимъ, что Влассъ принимаетъ четыре рода произношенія для Z, именно od—въ аттическомъ діалектѣ, и вообще въ средней Греціи, ds—у азіатскихъ Дорянъ и Халкидянъ, dh—у Элейцевъ и какъ русское з передъ μ и β, каковое произношеніе со временемъ сдѣлалось общимъ.

. Alois Vlach. Neue Beiträge zur Technik des nachhomerischen Hexameters. Wien. 1882.

Въ послѣднее время ученые, по почину и при дѣятельномъ участіи В. Гартеля, обратились съ большимъ усердіемъ къ изслѣдованіямъ о греческомъ гексаметрѣ, которыя и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Изслѣдованіе Жака касается удлинненія краткихъ конечныхъ слоговъ; объ этомъ вопросѣ писалъ уже Гартель, но при томъ принималъ въ соображеніе только Гомера, тогда какъ Жакъ разработалъ этотъ вопросъ и относительно всѣхъ другихъ поэтовъ, писавшихъ гексаметрами. Книга эта служитъ продолженіемъ сочиненія того же автора: „Studien zur Technik des nachhomerischen heroischen Verses“ (Wien 1880) и отличается одинаковою съ нею точностью въ изслѣдованіи; матеріалъ хорошо подобранъ и расположенъ съ большою наглядностью, а результаты изложены коротко и ясно.

Книга имѣеть большое значеніе, между прочимъ, и для установленія текста поэтовъ, такъ какъ, благодаря добытымъ Жакомъ результатамъ, многія чтенія, въ вѣрности которыхъ сомнѣвались, оказались вѣрными, и на оборотъ, многія, которыя были всѣми приняты, оказались невѣрными; нѣкоторыя конъектуры подтвердились, другія же оказались несостоятельными. При обширности матеріала, съ которымъ автору пришлось имѣть дѣло, работа его, конечно, не могла обойдись совершенно безъ промаховъ, но промахи эти въ большинствѣ случаевъ незначительны. Такъ напримѣръ, авторъ цитуетъ (стр. 5) изданіе Теокрита, сдѣланное Мерсомъ, а между тѣмъ такого изданія не существуетъ; говоритъ (стр. 19) о 118-мъ стихѣ Ватрахомиахій, подлинность котораго справедливо заподозрѣна Ваксмутомъ (Rhein. Mus. 1865, стр. 185), и т. п.

F. Ruess. Ueber griechische Tachygraphie. Festgabe der Königlichen Studienanstalt Neuburg a. D. Zur dreihundert-jährigen Jubelfeier der K. Julius-Maximilians-Universität Würzburg. a. D. 1882.

Издавъ въ 1878 г. въ Вѣнѣ первую часть своего сочиненія: „Ueberreste griechischer Tachygraphie im Codex Vaticanus 1809, профессоръ Гитльбауеръ высказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣреніе приступить, послѣ опубликованія полнаго матеріала, къ его систематической обработкѣ, но не выполнилъ этого намѣренія. Но такъ какъ появленіе книги Гитльбауера сдѣлало всѣ прежнія попытки объяснить сущность греческой скорописи негодными, или по меньшей мѣрѣ, крайне неполными, то въ литературу греческой палеографіи оказался весьма существенный пробѣлъ, пополнить который и рѣшился Ф. Рюссъ. Въ его трудѣ, послѣ общей части, въ которой вкратцѣ обзрѣваются прежнія работы въ области греческой скорописи, слѣдуетъ обзоръ теорій греческой тахиграфій, а затѣмъ трактуется спеціально о гласныхъ и двугласныхъ, о соединеніи гласныхъ съ согласными и о сокращеніяхъ. Въ концѣ проводится параллель между греческою и римскою скорописью, при чемъ авторъ останавливается съ особою подробностью на тѣхъ частяхъ, гдѣ можно найти между ними сходство. Въ основаніе этого сочиненія положены опубликованныя до сихъ поръ Гитльбауеромъ 14 страницъ Ватиканскаго кодекса, далѣе изданная Лейпцигскимъ профессоромъ Гардгаузенемъ

слѣдующая страница и сообщенное Ваттенбахомъ ¹⁾ замѣчаніе изъ *Cod. Mus. Brit. Add. № 18231*. На основаніи этихъ данныхъ приведены съ большою наглядностью и полнотой отдѣльныя буквы, различныя слоги, и наконецъ, сокращенія, при чемъ обращено возможное вниманіе на различныя руки, которыя работали надъ составленіемъ тахиграфическихъ текстовъ. На таблицахъ изображены, какъ самыя буквы, такъ и различныя сокращенія. Можно сказать, что авторъ вполне достигъ своей цѣли—дать руководство къ изученію системы греческой тахиграфіи, необыкновенно простой въ сравненіи съ современными стенографическими системами.

Normann Kächly. Gesammelte kleine philologische Schriften. Unter Leitung von Geo. Mart. Thomas herausg. von Gottfr. Winkel jun. u. Ernst Böckel. 2 Bd. Deutsche Aufsätze. Mit einer lithogr. Tafel. Leipzig. 1882.

Это собственно второй томъ мелкихъ филологическихъ сочиненій Кächли. Онъ содержитъ въ себѣ статьи написанныя по нѣмецки, и начинается съ юношеской работы о Гомерѣ и греческомъ эпосѣ, которую самъ авторъ называетъ болѣе популярною, чѣмъ научною. Здѣсь *Иліада* и *Одиссея* разсматриваются какъ два произведенія, первоначально не особенно большого объема, написанныя какимъ-то поэтомъ изъ Смирны (все равно—назывался ли онъ Гомеромъ, или какъ-нибудь иначе), и прослѣживается дальнѣйшее развитіе эпоса вплоть до цикликовъ. Работа эта особенно интересна потому, что показываетъ, какимъ основнымъ принципомъ руководствовался Кächли при своихъ занятіяхъ Гомеромъ.

Вторая статья касается 2-й пѣсни *Иліады* и представляетъ собою текстъ реферата, читаннаго Кächли въ 1845 г. въ собраніи филологовъ въ Дармштадтѣ, и главная мысль котораго онъ долженъ былъ въ послѣдствіи защищать противъ Негельсбаха (въ *disp. de Iliad. V. 1—483*). Въ третьей статьѣ, озаглавленной „*Nektors Lösung*“, говорится о поэтическихъ особенностяхъ послѣдней пѣсни *Иліады*, и дѣлается попытка доказать строфическое дѣленіе, при чемъ, конечно, дѣло не обходится безъ нѣкотораго произвола и насилія, хотя, впрочемъ, общее число не принятыхъ стиховъ не такъ велико, какъ при другихъ попыткахъ такого рода. Объ общей связи въ *Одиссеѣ* и ея

¹⁾ Въ его «*Schrifttafeln zur Geschichte der griechischen Schrift*» (II Abt. Tafel 31) и въ «*Exempla codicum graecorum litteris minusculis Scriptorum*» (Taf. 7)

составных частяхъ трактуется въ 4-й статьѣ. Кёхли различаетъ двѣ главныя составныя части: отъѣздъ Телемака и возвращеніе Одиссея. 5-я статья—о критикѣ и толкованіи Трифіодора, одна изъ самыхъ первыхъ работъ Кёхли. Большою живостью отличается 6-я статья—о Персахъ Эсхила, написанная авторомъ когда ему было шестьдесятъ лѣтъ, и слѣдующая—объ Антигонѣ Софокла, написанная за тридцать лѣтъ ранѣе того; въ ней авторъ разбираетъ вопросъ о времени, когда сочинена эта драма, разказываетъ ходъ ея дѣйствія и излагаетъ художественныя достоинства трагедіи и положенію въ ея основаніе идею. Въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ (8-й и 9-й) говорится объ Еврипидѣ, при чемъ Кёхли старается доказать единство драматическаго дѣйствія въ его „Гекубѣ“, и что въ „Алkestидѣ“ Еврипидъ сознательно создалъ новый родъ драмы. 10-я статья—о Птицахъ Аристофана; здѣсь авторъ усматриваетъ прямую противоположность между „Птицами“ и „Всадниками“: какъ тамъ рекомендуется возвращеніе къ прежнимъ Аѳинамъ, такъ здѣсь высказывается стремленіе къ новымъ идеальнымъ Аѳинамъ. Въ статьѣ 11-й, популярнаго характера, Кёхли говоритъ о борьбѣ Еллиновъ за свободу противъ Филиппа и о битвѣ при Херонѣ, то-есть, о томъ полномъ событіи времени, которое онъ выбралъ себѣ темой, полтора года спустя, для своихъ лекцій въ Цюрихѣ. Тактическія и топографическія занятія свои Кёхли изложилъ въ слѣдующихъ пяти статьяхъ (12-й—16-й)—о Пиррѣ, Наполеоновской картѣ Галліи и римскихъ метательныхъ орудіяхъ. 17-я статья есть рѣчь Кёхли въ собраніи филологовъ въ Гейдельбергѣ, въ которой онъ предсказываетъ классическому образованію побѣду надъ всѣми до сихъ поръ еще не прекратившимися попытками пошатнуть его. Наконецъ, послѣдняя статья тома, по счету восемнадцатая, трактуетъ объ 11-й пѣснѣ Одиссеи; научнаго интереса она представляетъ весьма мало.

E. Curtius und J. A. Kaupert. Wandplan von Alt-Athen in 4 Blättern. Berlin.

Эта стѣнная карта Аѳинъ даетъ ясное представленіе о древней столицѣ Атики и ея окрестностяхъ. Карта въ масштабѣ 1:6000, представляетъ древніе Аѳины такимъ образомъ, что на планѣ современнаго города, исполненномъ блѣдно-сѣрою краскою, нарисованы яркими цвѣтами улицы, здания, площади, городскія стѣны и т. д. древняго города. Прибавленный къ картѣ объяснительный текстъ содержитъ въ

себѣ списокъ источниковъ, возвышенностей, долинъ, святилищъ, публичныхъ зданій, памятниковъ, площадей, городскихъ стѣнъ съ ихъ воротами, дорогъ, кладбищъ и т. д. Штрихами, пунктирными линиями и другими способами обозначены мѣстности, точное положеніе которыхъ не извѣстно, или остатки которыхъ еще не совсѣмъ раскрыты.

Milchhofer, Dr. A. Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Mit zahlreichen Abbildungen. Leipzig. 1883.

Исходя изъ изученія древнѣйшихъ камней, найденныхъ въ Греціи, равно какъ изъ основательнаго ознакомленія съ открытыми Шлиманомъ, главнѣйшимъ образомъ въ микенскихъ гробницахъ, древнѣйшими памятниками художественныхъ ремеселъ въ Греціи, авторъ дѣлаетъ попытку объяснить самыя раннія начатки греческаго искусства, на болѣе широкомъ основаніи, какъ часть всей культуры, такъ чтобы отдѣльными отраслями этого искусства сами объясняли и дополняли другъ друга. Главные результаты, къ которымъ хочетъ прийти авторъ путемъ своихъ занятій, онъ высказалъ въ своемъ введеніи слѣдующимъ образомъ: „Мы находимъ въ Греціи издревле, на сколько у насъ имѣется подъ руками матеріаловъ для сужденія, образцы мѣстной производительности, покоящейся на твердомъ основаніи, которая составляетъ принадлежность арійскаго (индо-европейскаго) кореннаго населенія. Внутреннія точки соприкосновенія съ иностранными соседними культурными народами сообразуются прежде всего со степенью племеннаго сродства. Лишь на второмъ планѣ является вліяніе неарійскаго востока на внѣшнее обогащеніе формъ. Всего сильнѣе произошло смѣшеніе названныхъ элементовъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя географически представляютъ наиболѣе удобныя для этого смѣшенія среднія пункты и вмѣстѣ съ тѣмъ исторически служатъ ареной для древнѣйшаго, самостоятельнаго развитія Грековъ, которое можетъ быть доказано. Наконецъ, эллинское искусство въ болѣе узкомъ смыслѣ никоимъ образомъ не основано на однихъ лишь самостоятельныхъ начаткахъ, но есть по преимуществу продолженіе того, что уже было прежде. Всѣ эти отношенія находятъ себѣ аналогію въ исторіи народнои религіи и мифологіи“.

Ходъ изслѣдованія, посредствомъ котораго авторъ приходитъ къ этимъ результатамъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ, совершенно вѣренъ. Въ 1-й главѣ, озаглавленной „Микены“, говорится о находкахъ

въ открытыхъ Шлиманомъ или Аѳинскимъ археологическимъ обществомъ могилахъ внутри городской стѣны Микенъ; изъ массы найденнаго тутъ авторъ исключаетъ прежде всего небольшую группу восточныхъ въ узкомъ значеніи слова или семитическихъ памятниковъ, какъ напримѣръ, существующіе во многихъ экземплярахъ храмики Астарты и т. п. Этой группѣ онъ противопоставляетъ другую, гораздо болѣе многочисленную, принадлежащую къ тому направленію въ искусствѣ, которое по существу дѣла есть чисто орнаментное; какъ родину этого стиля онъ называетъ Малую Азію и специально Фригію. Разсужденіе о найденныхъ въ Микенахъ золотыхъ кольцахъ и камняхъ составляетъ переходъ ко 2-й главѣ, озаглавленной „Inselsteine“, къ изслѣдованію о такъ-называемыхъ доисторическихъ камняхъ изъ Греціи. Но въ виду указаній автора на то, гдѣ они были найдены, названіе „камней острововъ“ должно быть признано одностороннимъ и потому неправильнымъ; дѣйствительно, кромѣ различныхъ острововъ (особенно Кипра, Родоса, Крита и Мелоса), камни эти находятъ также въ значительномъ количествѣ въ Пелопоннесѣ, а также и въ Атикѣ и въ Беотіи и въ сѣверной Греціи. Изъ сохранившихся на этихъ памятникахъ искусства изображеній Мильхгёферъ съ особенною подробностью говоритъ о часто повторяющемся фантастическомъ типѣ лошади и указываетъ на связь, существующую между нимъ и греческими сказаніями о Деметрѣ—Эриніи и Деметрѣ—Меленѣ Гарпіяхъ и др. Въ 3-й главѣ—„Древнѣйшая культура въ Греціи“—авторъ, взявъ къ этимъ древнѣйшимъ изображеніямъ въ Греціи въ видѣ аналогіи изображенія Индійцевъ, признаетъ Пелазговъ кореннымъ населеніемъ Греціи, которымъ и принадлежать, по его мнѣнію, эти древнѣйшія проявленія художественной дѣятельности. Въ 4-й главѣ—„Критъ“—авторъ весьма убѣдительно доказываетъ, что на островъ Критъ, на которомъ, какъ выше было сказано, находятъ много вышесуомянутыхъ „камней острововъ“, слѣдуетъ смотрѣть и какъ на главный пунктъ болѣе развитой промышленной и художественной дѣятельности первыхъ временъ. Въ 5-й главѣ—„Вѣкъ Гомера“—Мильхгёферъ говоритъ о мпѳической личности Дедала, въ которомъ авторъ, несомнѣнно вѣрно, видитъ представителя древняго искусства рѣзать, гравировать и инкрустировать. Далѣе авторъ излагаетъ болѣе просвѣщенный взглядъ гомеровскихъ эпопей на религію и мнѳ сравнительно съ тою древнѣйшею эпохой культуры, которою онъ занимался до сихъ поръ. Въ 6-й главѣ авторъ указываетъ на связь, существующую между вазами съ рельефами изъ красной глины

часть ссххix, отд. 2.

италійскаго происхожденія и этрусскими вазами изъ черной глины. Въ 7-й главѣ говорится о вліяніи Крита на религію и культу Грековъ вообще. Наконецъ, въ 8-й главѣ — „Италія“ — авторъ опровергаетъ тотъ взглядъ, что италійское искусство рѣзбы на металлѣ и отливки изъ него происходятъ отъ Халкидянъ, и производитъ его самъ изъ Пелопоннеса и Крита; въ заключеніе авторъ подвергаетъ подробному разбору трудный вопросъ о происхожденіи и племенномъ родствѣ Этрусковъ, культуру коихъ онъ считаетъ прямымъ, хотя и изолированнымъ, продолженіемъ первоначальной до-эллинской культуры; по мнѣнію автора, хотя въ Этрускахъ и замѣчается смѣшеніе индо-европейскихъ (пеласгическихъ) и азіатскихъ элементовъ, однако представителями Этрусковъ, на сколько мы ихъ знаемъ, является тирренское (пеласгическое) населеніе. Впѣшній видъ сочиненія, которое подаетъ поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ о начаткахъ греческаго искусства, не оставляетъ желать ничего лучшаго; особенно это относится къ помѣщеннымъ въ книгѣ изображеніямъ различныхъ памятниковъ искусства.

Ad. Boetticher, Olympia, das Fest und seine Stätte. Nach den Berichten der Alten und den Ergebnissen der deutschen Ausgrabungen. Mit vielen Holzschn. und 15 Kupferradicamgen etc. Berlin. 1883.

Болѣе чѣмъ кто-либо другой, Адольфъ Бёттихеръ имѣлъ возможность представить въ одной общей, живой картинѣ ту богатую содержаніемъ часть жизни древняго міра, которую мы понимаемъ подъ словомъ „Олимпія“. Имѣя отъ природы чутье къ искусству древнихъ, развивъ его наблюденіями на самомъ мѣстѣ, Бёттихеръ вмѣстѣ съ тѣмъ архитекторъ, и въ этомъ качествѣ лично завѣдывалъ нѣкоторое время тѣми раскопками, которыя, будучи весьма важны для всѣхъ отраслей науки о древностяхъ, составили, можно сказать, эпоху въ области архитектуры и тектоники. И дѣйствительно, ожиданія, которыя всѣ возлагали на появленіе книги, ни мало не были обмануты. Расположеніе матеріала въ высшей степени удачно, а изложеніе ни черезъ чуръ подробно, ни слишкомъ коротко. Послѣ опредѣленія мѣстности и указанія на различныя ея судьбы вплоть до нынѣшняго времени, слѣдуетъ столѣтняя исторія открытія Олимпіи, оканчивающаяся началомъ раскопокъ, предпринятыхъ Нѣмцами. Къ сожалѣнію, авторъ ничего не говоритъ о различныхъ перемѣнахъ въ ходѣ этихъ

работъ, о лицахъ ихъ производившихъ, объ огорченіяхъ и радостяхъ колоніи ученыхъ на высотѣ Друзы и въ долинѣ Алфея. Длинный и прекрасный отзывъ, свидѣтельствующій объ основательныхъ занятіяхъ, составляетъ описаніе празднествъ въ Олимпіи, и особенно олимпійскихъ игръ: тутъ автору можно сдѣлать лишь тотъ упрекъ, что онъ могъ бы болѣе отгѣпнуть первоначальный религіозный характеръ состязаній. Затѣмъ слѣдуетъ въ четырехъ главахъ описаніе остатковъ построекъ, другихъ памятниковъ и находокъ въ Олимпіи, въ историческомъ порядкѣ. Не смотря на огромныя трудности въ опредѣленіи времени многихъ памятниковъ, авторъ совершенно правильно поставилъ на первомъ планѣ хронологически-генетическую точку зрѣнія и провелъ ее съ большимъ искусствомъ.

Заключительная глава дополняетъ эту картину съ топографической точки зрѣнія. Вообще книга эта производитъ на читателя то впечатлѣніе, что Бѣттихеръ обрабатываетъ богатѣйшій матеріалъ съ большою свободой, самостоятельностью и проникательностью. Укажемъ, между прочимъ, особенно на его наблюденія о стилѣ различныхъ скульптурныхъ изображеній на храмѣ Зевса; на то значеніе, которое онъ придаетъ Аполлону на западномъ фронтонѣ; на отступающее отъ общепринятаго опредѣленіе Леонидея (при чемъ, впрочемъ, слѣдовало бы болѣе коснуться противоположныхъ взглядовъ); на предположенія его относительно строительной дѣятельности въ Олимпіи Птолемея Филадельфа. Тамъ, гдѣ авторъ, въ спорныхъ вопросахъ, примыкаетъ къ мнѣніямъ, раньше его высказаннымъ, онъ старается вездѣ защищать раздѣляемый имъ взглядъ собственными доказательствами. Напрасно только усвоилъ онъ мнѣніе Трея о передѣлкѣ восточной фронтонной группы на храмѣ Зевса; неудачна также попытка приписать скульптурныя изображенія на фронтонѣ зданія сокровищницы Мегарянъ той же художественной школѣ, которой принадлежатъ находящіеся тамъ произведенія искусства, и доказать, что они того же времени, въ которое было построено и зданіе. Кое-гдѣ въ книгѣ замѣчается нѣкоторый недостатокъ въ историческомъ изслѣдованіи относительно археологическихъ и міеологическихъ вопросовъ. Но въ общемъ даже и специалисты могутъ быть лишь благодарны автору за его дѣльный и добросовѣстный трудъ, отличающійся также и вѣрнымъ изяществомъ. Выборъ изображеній сдѣланъ обдуманно и со вкусомъ и исполненіе въ большинствѣ случаевъ удовлетворительно.

Dr. E. Heydenreich, *Livius und die römische Plebs. Ein Bild römischer Geschichtsschreibung.* Berlin, 1892.

Эта статья, входящая въ состав издаваемого Вирховомъ и Голцендорфомъ сборника *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftl. Vorträge*, заслуживаетъ большаго вниманія. Едва ли можно найти лучшую картину того жалкаго состоянія, въ которомъ находится передача древнѣйшей римской исторіи, картину, которая давала бы обширному кругу читающей публики столь ясное и опредѣленное представленіе о всѣхъ трудностяхъ изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ о способахъ его, какъ тѣхъ, которыми наука пользовалась до сихъ поръ, такъ и тѣхъ, которыми слѣдуетъ пользоваться. Общія положенія разъясняются сообразно съ пинѣшнимъ положеніемъ науки объ исторіи борьбы римскихъ партій. Сужденія автора строго обдуманы и соображены вмѣстѣ съ тѣмъ въ достаточной степени со всѣми разнорѣчивыми взглядами современныхъ ученыхъ. Характеристика исторіи Ливія, на сколько она развивается изъ частныхъ, очень хороша, а разсѣянные тамъ и самъ переводы вполне передаютъ способъ изложенія Ливія.

Imperatoris Marci Antonini commentariorum quos sibi ipse scripsit libri XII. Recensuit Ioann. Stich. Leipzig. 1882.

Въ теченіе шестидесяти послѣднихъ лѣтъ въ Германіи не появилось ни одного сколько-нибудь порядочнаго изданія этихъ размышленій, и вообще не было текста, на который можно было бы положиться. Для настоящаго изданія, посвященнаго профессору въ Эрлангенѣ Иоганну Мюллеру, Стихъ воспользовался богатымъ и надежнымъ аппаратомъ: онъ долго отыскивалъ и старательно сравнивалъ различныя рукописи въ Италіи и Германіи, и если ему не удалось вновь разыскать потерянную Палатинскую рукопись, по которой напечатано было editio princeps, то во всякомъ случаѣ онъ присоединилъ много экскерпированныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ рукописей къ извѣстнымъ уже, просмотрѣлъ и разслѣдовалъ, какъ экскерпты были переданы, и подвергъ внимательному сравненію единственный новый кодексъ размышленій — Ватиканскій XIV вѣка. То, что издатель сообщалъ прежде (въ программахъ Цвейбрюккенской гимназіи 1881 г.) о своихъ предварительныхъ работахъ, повторено имъ теперь

отчасти дословно, отчасти въ болѣе короткой формѣ въ предисловіи. Эксерпты и ихъ замѣчательное отношеніе къ извлеченіямъ изъ Эліановой исторіи животныхъ издатель приводитъ въ связь съ сборникомъ Максима Плануда. Находящееся въ нихъ заглавіе (ἐκ) τῶν κατ' ἐαυτὸν онъ предпочитаетъ тому заглавію, которое находится въ editio princeps: τῶν εἰς ἐαυτὸν, но не выставляетъ его въ заголовкѣ своего изданія, такъ какъ оно, будучи основано на словахъ автора X, 36: ὁ κατ' αὐτὸν λέγων и XII, 4: κατ' ἐαυτὸν ἐνθρομαῖσθαι), все-таки не безспорное. Стихъ старается представить текстъ въ возможно лучшемъ видѣ, но къ исправленіямъ чтенія рукописей прибѣгаетъ лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Много содѣйствовали исправленію текста чтенія, извлеченныя изъ Ватиканской рукописи, но все-таки при критикѣ приходится постоянно прибѣгать къ выбору чтеній до тѣхъ поръ, пока отношеніе Ватиканской рукописи къ утраченной Палатинской, которую теперь замѣняетъ editio princeps, не будетъ ближе определено. Кое-гдѣ нельзя было слѣдовать рукописямъ относительно орфографіи и акцентуаціи, такъ что издателю приходилось самому стремиться къ послѣдовательности, для достиженія которой нельзя было обойтись безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ небольшихъ насилуваній текста. Печатана книга вообще довольно правильно, и лишь въ удареніяхъ встрѣчаются опечатки.

Подъ текстомъ помѣщенъ критическій аппаратъ въ сжатомъ видѣ, но достаточный для того, чтобы дать возможность читателю сдѣлать новыя попытки къ исправленіямъ. Тутъ же находится выборъ заслуживающихъ вниманія конъектуръ, которыя не были приняты въ текстъ. Собственныя свои исправленія, опубликованныя прежде въ Rhein. Museum. XXXVI) издатель почти всѣ повторяетъ и здѣсь, но въ текстѣ самомъ помѣстилъ лишь немногія. Прибавленіе къ изданію греческаго указателя дѣлаетъ его особенно цѣннымъ для филологовъ, которые, съ появленіемъ этого изданія, получаютъ новый стимулъ заняться „размышленіями“.

0. Seyffert. Lexikon der classischen Alterthumskunde. Culturgeschichte der Griechen und Römer. Mythologie u. Religion, Litaratur, Kunst etc. Mit 343 Abb. u I Plane der Ausgrabungen von Olympia. Leipzig. 1882.

Настоящее сочиненіе служитъ какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ къ словарю исторіи и географіи древняго міра д-ра Генриха

Петера, изданному тою же фирмой Лейпцигскаго библиографическаго института, которая напечатала и словарь Зейферта. Сочиненіе должно составлять два тома. Какъ по выбору принятыхъ въ словарь статей, такъ и по обработкѣ каждой изъ нихъ, словарь вполнѣ соотвѣтствуетъ той цѣли, для которой онъ предназначенъ, именно дать большой публикѣ удобное и надежное руководство для пониманія важнѣйшихъ сторонъ культурной жизни древнихъ народовъ. Особенно полезными для означенной цѣли являются статьи общаго содержанія, которыя даютъ читателямъ краткое общее обозрѣніе по какой-либо одной области древней жизни. Къ такого рода статьямъ принадлежатъ: архитектура, эпосъ, лирика, трагедія, комедія, сатирическая драма, философія, религія и др.; было бы очень хорошо, еслибъ этотъ отдѣлъ былъ увеличенъ еще нѣсколькими статьями, напримѣръ, о надписяхъ, о цифрахъ и т. п.

Otto Ribbeck. Friedrich Wilhelm Ritschl. Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie. Leipzig. 1879—1881.

Фридрихъ Ричль скончался 9-го ноября 1876 года, и уже въ 1877 году появилась первая біографія его, написанная Л. А. Мюллеромъ и въ слѣдующемъ же году вышедшая вторымъ изданіемъ. Но болѣе всѣхъ призванъ былъ выполнить задачу—изобразить жизнь и труды Ричля—проф. О. Риббекъ, ученикъ и другъ его, работавшій на одномъ съ нимъ поприщѣ, избранный имъ въ 1876 году въ со-редакторы Рейнскаго Музея, а по смерти его занявшій его катедру въ Лейпцигскомъ университетѣ. Къ этимъ, такъ-сказать, внѣшнимъ преимуществамъ присоединяются личныя качества біографа—его умѣніе создать изъ богатаго матеріала цѣлое, единое произведеніе, его безпристрастіе, и наконецъ, его даръ изложенія.

Что касается до источниковъ для біографіи Ричля, то кромѣ близкаго личнаго знакомства съ нимъ и съ его семьей, у Риббека подъ рукой были многочисленныя замѣтки и записки самого Ричля, дѣла прусскаго и саксонскаго министерствъ просвѣщенія, а также различныхъ ученыхъ обществъ, къ которымъ Ричль принадлежалъ въ различные періоды своей жизни, затѣмъ обширная его переписка и письменныя сообщенія многочисленныхъ его друзей и учениковъ. При такихъ средствахъ Риббеку вполнѣ удалось изобразить внѣшнюю и внутреннюю жизнь Ричля съ такою полнотою, что всякое выдающееся событіе въ ней, всякая сторона его развитія и дѣятельности, его способ-

ностей и характера обрисовывается для насъ съ необыкновенною живостью. Сочиненіе это, посвященное вдовѣ Ричля, состоитъ изъ двухъ томовъ не одинаковаго объема. Въ началѣ каждаго изъ нихъ помѣщены поясныя портреты Ричля изъ разныхъ періодовъ его жизни; подъ первымъ изъ нихъ находится facsimile Ричля, служащее девизомъ: Nil tam difficilest, quin quaerendo investigari possiet. (Terent. Heaut. IV, 2, 8). Первый томъ, меньшаго объема, оканчивается переходомъ Ричля изъ Бреславля въ Боннъ въ 1839 г., такъ какъ это событіе само собою дѣлитъ жизнь его на два періода: первый—періодъ подготовкы къ будущей, весьма обширной дѣятельности, и второй—время развитія этой дѣятельности. Весь первый томъ распадается на шесть отдѣловъ: дѣтство и пребываніе въ школѣ (1806—1825), студенческіе годы въ Лейпцигѣ и Галле до полученія въ послѣднемъ докторской степени (1829), профессорская дѣятельность въ Галле до назначенія въ Бреславль (1833), дѣятельность въ Бреславлѣ до путешествія въ Италію, пребываніе въ Италіи (1836 и 1837) и второй періодъ дѣятельности въ Бреславлѣ. Второй томъ, начинающійся съ переселенія Ричля въ Боннъ, даетъ намъ ясное представленіе о всей весьма плодотворной дальнѣйшей его дѣятельности: мы видимъ его крайне плодотворнымъ и разностороннимъ писателемъ въ области классической филологіи, издателемъ Рейнскаго Музея (съ 1840 г.), завѣдующимъ и реорганизующимъ университетскую библіотеку (съ 1854 г.), предсѣдателемъ Рейнскаго общества древностей (съ 1863 г.), директоромъ королевской филологической семинаріи, директоромъ и организаторомъ русской филологической семинаріи и профессоромъ, около котораго группируются массаи его ученики, изъ коихъ многіе уже составили себѣ имя въ наукѣ. Одну изъ наиболѣе интересныхъ частей этого тома составляетъ описаніе печальнаго недоразумѣнія между Ричлемъ и другими боннскими филологами, окончившагося, какъ извѣстно, переходомъ его въ Лейпцигъ (въ 1865 г.). Въ концѣ въ видѣ приложенія помѣщены нигдѣ еще не напечатанные до сихъ поръ: „Grundzüge der Plautinischen Prosodik“ и наконецъ регистръ. Въ послѣдней главѣ сочиненія Риббекъ дѣлаетъ общую характеристику Ричля, который—по его словамъ—вслѣдствіе рѣдкаго соединенія необыкновеннаго остроумія и блестящаго таланта комбинировать съ огромнымъ прилежаніемъ и полною увѣренностью въ методѣ, при большомъ искусствѣ писать какъ по нѣмецки, такъ и по латыни, есть и будетъ основнымъ и краеугольнымъ столпомъ въ классической филологіи.

О ОБУЧЕНИИ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЧТЕНИЮ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

Изъ свѣдѣній, полученныхъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, видно, что ученики нѣкоторыхъ изъ двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ министерства обнаруживаютъ слабые успѣхи въ церковно-славянскомъ чтеніи, а именно: дѣти, прошедшія курсъ 1-го класса, плохо разбираютъ славянскую книгу, дѣлая ошибки и въ буквахъ и въ удареніяхъ. Въ прежней начальной школѣ, гдѣ обученіе грамотѣ пачиналось церковно-славянскою азбукой, а книгою для чтенія служили Псалтирь и Часословъ, достигались удовлетворительные успѣхи въ церковно-славянскомъ чтеніи, и народъ уважалъ въ этой школѣ ея церковный характеръ. Нынѣшняя начальная школа, обставленная большими матеріальными и педагогическими средствами, должна стараться доводить дѣтей до еще лучшаго и болѣе разумнаго чтенія по церковно-славянски, чѣмъ было прежде.

Ученый комитетъ министерства, разсматривавшій по порученію г. министра народнаго просвѣщенія вопросъ объ устраненіи вышеуказанныхъ недостатковъ, нашелъ, что при преподаваніи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ слѣдуетъ имѣть въ виду двѣ цѣли: а) бѣглое и правильное чтеніе церковно-славянской грамоты, и б) нѣкоторое знаніе церковно-славянской грамматики, и что эти цѣли могутъ быть достигнуты независимо одна отъ другой. Для приобрѣтенія навыка въ правильномъ и бѣгломъ чтеніи церковно-славянской грамоты единственнымъ средствомъ служить частое упражненіе. практика (п. 1). Для грамматическаго знакомства съ церковно-славянскимъ языкомъ всего лучше слѣдовать также практическому пути (п. 2). Для достиженія желае-

часть ссххix, отд. 3.

мыхъ успѣховъ необходимы два условія: во-первыхъ, достаточное число уроковъ, для занятій церковно-славянскимъ языкомъ, и во-вторыхъ, опредѣленные указанія программы касательно этихъ занятій (п. 3). Въ этомъ же пунктѣ далѣе ученый комитетъ довольно подвусмысленно критикуетъ нынѣ дѣйствующую программу преподаванія русскаго языка въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ этой программѣ славянскому языку дано весьма сомнительное положеніе. О немъ лишь говорится немного въ программѣ преподаванія Закона Божія, а именно: „Каждая молитва въ 1-мъ классѣ должна быть прежде сказана по русски, а уже потомъ переведена на церковно-славянскій языкъ; учить ее дѣти должны въ классѣ со словъ законоучителя; въ томъ же классѣ, послѣ того какъ пройдена вкратцѣ священная исторія ветхаго завета, дѣти занимаются чтеніемъ изъ Евангелія (по русскому и славянскому тексту) тѣхъ событій, о которыхъ уже знаютъ“. Далѣе во 2-мъ классѣ, положено „чтеніе нѣкоторыхъ главъ Апостольскихъ Дѣяній, чтеніе и объясненіе нѣкоторыхъ главъ изъ апостольскихъ посланій и псалмовъ“; но при этомъ не сказано, на какомъ языкѣ должно быть производимо чтеніе—на церковно-славянскомъ или по русскому переводу. Слѣдовательно, объ обученіи церковно-славянскому чтенію въ этой программѣ даже и не упоминается; а между тѣмъ на преподаваніе русскаго языка назначено 38 часовъ въ недѣлю въ пяти отдѣленіяхъ двухкласснаго училища.

Дѣло объясняется очень просто: программа буквально списана съ нѣмецкаго, а у Нѣмцевъ-протестантовъ, на нашу бѣду, нѣтъ ничего параллельнаго церковно-славянскому языку. Лютеровъ переводъ Библіи и тѣ религиозно-назидательныя нѣсни, которыя воспріимались въ нѣмецкой церкви, по языку недалеко отошли отъ нынѣшняго литературнаго языка нѣмецкаго, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій литературный языкъ сформировался подъ вліяніемъ Лютеровой Библіи. Въ нѣмецкой школѣ и нѣтъ надобности обучать, какъ чему-то особому, богослужебной грамотѣ: та же печать и тотъ же почти языкъ, какъ и въ обыкновенныхъ книгахъ. Между тѣмъ изученіе литературнаго языка, не только какъ языка образованнаго, но главнымъ образомъ какъ языка общегерманскаго, составляетъ важнѣйшую задачу нѣмецкой школы, государственную, а не просто педагогическую. Живой народный нѣмецкій языкъ разбился на множество нарѣчій, столь одно отъ другаго далекихъ, какъ, напримѣръ, русскій языкъ отъ малороссійскаго или польскаго. Разности нѣмецкихъ нарѣчій состоятъ ча-

стию въ произношеніи, частію въ грамматическихъ формахъ, частію въ словахъ, а всѣ вообще народныя нарѣчія отличаются отъ литературнаго нѣмецкаго языка синтаксически тѣмъ, что народъ не знаетъ періодическаго построенія рѣчи, которое напротивъ сильно развито въ литературномъ нѣмецкомъ языкѣ подъ вліяніемъ латинскаго. Отсюда произошла вся нѣмецкая дидактика: и наглядное обученіе, и объяснительныя бесѣды, и непремѣнно-обязательныя полныя отвѣты.

Намъ не слѣдовало такъ буквально переносить въ нашу школу чужіе порядки, не подходящіе къ нашимъ условіямъ. Нашъ священный и богослужебный языкъ, церковно-славянскій, далеко отошелъ отъ нынѣшняго русскаго языка, даже грамота церковная значительно отличается отъ гражданской, такъ что и языку, и грамотѣ церковной намъ нужно учиться тщательно и парочито. Церковно-славянское чтеніе есть принадлежность церковно-богослужебная и молитвенная. Такимъ образомъ это чтеніе рѣзко и существенно отличается отъ русскаго чтенія. Последнее имѣетъ характеръ дѣловой и разсудочный, а первое—религіозный, молитвенный, сердечный. Русское чтеніе должно быть разумное, иногда художественное; славянское чтеніе должно быть благоговѣйное и умиленное. Русское чтеніе должно развивать человѣческія стороны души; славянское чтеніе должно воспитывать религіозное чувство. Церковно-славянское чтеніе имѣетъ свое настоящее мѣсто въ церкви, и ему долженъ принадлежать церковно-богослужебный характеръ даже въ отношеніи веденія голоса. Если религіозно-воспитательное дѣло по справедливости считается важнымъ и великимъ, а церковно-славянское чтеніе относится къ числу религіозно-воспитательныхъ средствъ, то послѣднему слѣдуетъ дать въ школѣ положеніе прочное и самостоятельное, какъ особому учебному предмету.

Въ какомъ порядкѣ и какъ преподается церковно-славянское чтеніе въ начальныхъ народныхъ училищахъ, это можно видѣть изъ „Первой учебной книги церковно-славянскаго языка (церковно-славянская методически расположенная азбука и первая послѣ азбуки книга для церковно-славянскаго чтенія. Для учениковъ начальныхъ училищъ, приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ, школъ грамотности и под. составилъ С. Ѡ. Грушевскій“, Кіевъ. 1874). Вотъ порядокъ и составъ этой книги: церковно-славянская азбука. (Начинать послѣ ознакомленія съ русскою азбукою). Сначала представлены славянскія или церковныя буквы, сходныя съ русскими. Такихъ буквъ 31. Слѣдуютъ примѣры на нихъ. Затѣмъ представлено

до полудюжныи буквѣ несходныхъ съ русскими по начертанію, но сходныхъ по звуку, именно: оу, Ѹ, га, ѡ, ш, Ѣ. И примѣры на нихъ. Потомъ буквы, которыхъ нѣтъ въ русской азбукѣ: ъ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ. И примѣры на нихъ. Потомъ слѣдуетъ первая книга для церковно-славянскаго чтенія. Здѣсь 15 страницъ, отдѣльныхъ словъ и выраженій собственно русскихъ, но славянскими буквами. Затѣмъ помѣщены статьи на церковно-славянскомъ языкѣ изъ богослуженныхъ и священныхъ книгъ и т. д., до 77 страницъ. Этотъ подборъ очень хорошъ. Наконецъ, въ прибавленіи находятся: церковно-славянская азбука въ ея порядкѣ съ подлинными названіями буквъ, слова, употребляемыя подъ титлами, и церковно-славянское счисленіе. И такъ, въ начальныхъ школахъ новаго устройства церковно-славянскому чтенію начинаютъ обучать по усвоеніи русской грамоты, и обыкновенно въ среднемъ отдѣленіи одноклассныхъ училищъ, гораздо рѣже—въ младшемъ отдѣленіи. Такъ какъ большая часть славянскихъ буквъ похожа по начертанію на русскія, а не похожихъ не болѣе дюжины, то обученіе это представляется очень легкимъ и скорымъ и на него употребляется въ каждомъ отдѣленіи по одному или никакъ не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю. Обученіе церковно-славянской грамотѣ, поставленное такимъ образомъ въ зависимость отъ русскаго чтенія, носитъ на себѣ признаки послѣдняго. Такъ, напримѣръ, по славянски обыкновенно читаютъ съ русскимъ измѣненіемъ буквъ: о въ а, когда нѣтъ на немъ ударенія, е въ ѣ, когда на немъ удареніе, окончанія родительнаго падежа аго въ ова; удареніе дѣлается приносивительно къ русскому вмѣсто поклонѣмся—поклѣнимся. Такъ какъ съ самаго начала обученія русской грамотѣ отъ ученика требуется пониманіе, сознательное чтеніе, то отъ этого страдаетъ механическая сторона: ученики привыкаютъ читать болѣе по смыслу, чѣмъ по буквамъ, и просмотрѣвъ глазами до половины слова, конецъ произносятъ на обумъ. Эта привычка остается и въ чтеніи церковно-славянскомъ, только она здѣсь влечетъ чаще ошибки по трудности и малоизвѣстности славянскаго языка. Но самое главное неудобство такого обученія состоитъ въ томъ, что глазъ не успѣваетъ вполне отчетливо и твердо усвоить славянское начертаніе буквъ.

Я на себѣ испыталъ неудобство читать нѣкоторыя изданія Вольфа, напечатанныя буквами прошлаго столѣтія: требуется нѣкоторое усиліе, утомительное для глазъ, чтобы разбирать и различать эти буквы, хотя онѣ весьма мало отличаются отъ нынѣшнихъ. Припомнимъ еще, какъ трудно безъ привычки разбирать столбцы прошлыхъ столѣтій.

Въ церковно-славянскои грамотѣ трудности составляютъ не столько особыя буквы (кси, пси и т. п.), даже и не титлы, сколько общій видъ славянскихъ буквъ, рѣзко отличающій славянское письмо отъ гражданскаго. Между печатью славянскою и гражданскою такая же примѣрно разница, какая между нѣмецкимъ готическимъ шрифтомъ и латинскимъ. Кстати, хотя въ настоящее время свѣтскія сочиненія у Нѣмцевъ нерѣдко печатаются латинскимъ шрифтомъ, но латинская азбука отнюдь не допускается въ область религіозную, церковную. Поэтому одного или двухъ часовъ въ недѣлю совершенно недостаточно для того, чтобы приучить мальчиковъ начальныхъ народныхъ училищъ къ церковно-славянскои грамотѣ, и ученый комитетъ справедливо признаетъ единственнымъ къ этому средствомъ частое упражненіе въ церковно-славянскомъ чтеніи, и для этого прибавляетъ учебныхъ часовъ на счетъ русскаго языка.

Чтобы замѣтнѣе для учащихся отличить церковно-славянскую грамоту, какъ особый учебный предметъ, хотя бы она преподавалась и послѣ ознакомленія съ русскимъ чтеніемъ, нужно, по моему мнѣнію, пройти и заучить церковно-славянскую азбуку подъ рядъ вмѣстѣ съ подлинными церковно-славянскими названіями буквъ: азъ, буки и пр. При этомъ слѣдуетъ дать буквамъ ихъ подлинное произношеніе: азъ, а не ась, глаголь, а не глаголь, добро, а не дабро, живѣте, а не живѣти или не живѣте и т. д.

Позволю здѣсь нѣсколько остановиться, впервыхъ, на заученіи азбуки подъярды, и вовторыхъ, на заученіи азбуки съ церковно-славянскими названіями буквъ, потому что въ нашихъ школахъ то и другое пренебрежено. Въ обученіи грамотѣ по звуковому способу выбираются звуки по соображенію ихъ удобности и замѣтности. Преподавъ звукъ и показывая букву, соответствующую этому звуку, называютъ ее чистымъ звукомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда эта буква согласная. Когда дѣти изучать всѣ звуки и буквы, большая часть учителей не считаетъ нужнымъ повторить азбуку въ порядкѣ буквъ, и также большинство учителей и сами навсегда остаются и учениковъ оставляютъ съ названіемъ буквъ, даже и согласныхъ, ихъ чистыми звуками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это бываетъ очень неудобно, именно, когда попадаетъ сомнительная буква. Напримѣръ, въ словѣ глазь что нужно писать? Учитель новой школы отвѣтитъ: зъ, а не съ. Что нужно писать въ словѣ кровь? Отвѣтитъ: ѡ, а не ѡь. Что нужно писать въ словѣ бобъ? Отвѣтитъ бь, а не нь и т. д. Это невнятно, и слѣдовательно, неудобно. Другаго рода

неудобство представляютъ буквы, имѣющія у насъ одинаковое произношеніе, но отличающіяся въ орфографіи. Таковы буквы: *е—ъ, и—і, ѳ—ѳ*. Чтобы отличить въ письмѣ, орфографически, въ словѣ напримѣръ, поле внимательный надежь отъ предложнаго, крайній ревнитель звуковаго способа затруднится сдѣлать вопросъ и долженъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь обходнымъ способамъ. Нѣкоторые наши педагоги признаютъ необходимыми, по изученіи звуковъ и буквъ въ разбивку сообразно порядку, требуемому звуковымъ способомъ, передать русскія буквы въ порядкѣ алфавита, но съ латинскими названіями буквъ: *а, бе, се... ка, эль* и пр.

Нельзя опять не пожалѣть, что въ вопросѣ о русской азбукѣ Нѣмцы оставили насъ безъ прямого руководства. Но не найдется ли въ ихъ практикѣ по крайней мѣрѣ косвеннаго указанія? Не зная непосредственно нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, я буду судить по нашимъ учебникамъ иностранныхъ языковъ, которые суть или переводъ съ нѣмецкаго или подражаніе нѣмецкимъ образцамъ. Нѣмецкое юношество, изучивъ сначала свою отечественную грамоту, которая есть ничто иное какъ латинская абецеда по произношенію и по формѣ буквъ, когда приступаютъ къ изученію латинскаго языка, начинаютъ изученіе это съ латинскаго алфавита въ его порядкѣ и съ его названіями. Точно также Нѣмцы поступаютъ при изученіи всякаго европейскаго языка: французскаго, англійскаго и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что они въ порядкѣ передаютъ и свой родной алфавитъ, въ сущности тотъ же латинскій, ученикамъ начальныхъ народныхъ школъ. Еще болѣе для насъ знаменательно, что при изученіи греческаго языка Нѣмцы сначала изучаютъ греческій алфавитъ не съ своими нѣмецко-латинскими, а съ греческими названіями: *а л ф а, в и т а* и т. д. Точно также изучаютъ они и всѣ другіе языки: еврейскій, персидскій и пр. Словомъ, Нѣмцы изучаютъ алфавитъ cadaго языка въ его собственномъ порядкѣ и съ его названіями. Такъ собственно дѣйствуемъ и мы Русскіе — въ предѣлахъ прямого указанія нѣмецкихъ образцовъ. По смыслѣ этихъ образцовъ на столько всеобщъ и ясенъ, что не можетъ быть никакого недоумѣнія или колебанія при рѣшеніи вопроса: въ какомъ порядкѣ и съ какими названіями слѣдуетъ изучать русскую азбуку? Конечно, не съ самозмышленными, а съ подлинными, и не съ иностранными, латинскими, а съ своими славяно-русскими. Не жалко, что русскіе гимназисты теряютъ не мало труда на затверживаніе греческихъ названій: *а л ф а, в и т а* и пр., потому что эти самыя названія служатъ памятникомъ культурныхъ

соотношеній народовъ въ древнѣйшія времена исторіи. Но по истинѣ плачевно, что мы такъ легкомысленно бросаемъ свою азбуку, съ ея названіями, которыя сами по себѣ интересны, какъ образчикъ древнѣйшаго славянскаго языка, и представляютъ памятникъ самаго основнаго или перваго факта въ исторіи образованія всего Славянства и Россіи.

Не вдаваясь въ подробности, укажу только на одну черту славянской азбуки. Преподобный составитель ея, какъ будто предугадалъ наше пынѣшнее затрудненіе: сомнительныя буквы: *б—п, в—ф, ж—ш, д—т, з—с* въ славянской азбукѣ особенно рѣзко, какъ будто нарочито, отличены другъ отъ друга названіями: *буки—покой, вѣди—фертъ, добро—твердо, живете—ша, земля—слово* и пр.

Сомнительно, чтобы наши прогрессивные педагоги убѣдились въ удержаніи старыхъ названій за русскими буквами. Но едва ли станутъ возражать противъ умѣстности и необходимости ихъ при изученіи церковно-славянской грамоты. И такъ, повторимъ, изученіе церковно-славянской грамоты надо начинать съ изученія церковно-славянской азбуки въ ея подлинномъ порядкѣ и съ названіями. Такъ какъ механика звуколоженія и составленія словъ изъ отдѣльныхъ буквъ учащимся стала ужъ извѣстна прежде, чѣмъ они приступили къ изученію славянской грамоты,—то надъ славянскими буквами нѣтъ надобности снова продѣлывать процессъ звуковаго обученія, но полезно и интересно показать имъ, что читаемый звукъ или значеніе каждой буквы находится всегда въ началѣ ея названія. Преподавъ азбуку съ точными названіями и значеніемъ всѣхъ буквъ, надо преподавать имена просодіямъ: *оксія, исо, варіа, камора, краткая, звательцо, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, виѣстительная*. Эти значки заимствованы съ греческаго языка. Это суть: *звательцо*—легкое дыханіе, которымъ въ славянскомъ всегда обозначается начальная въ словѣ гласная; *оксія* и *варіа*—греческія ударенія острое и тяжелое; только въ славянскомъ *варіа* почти всегда ставится только въ концѣ слова надъ гласною; но и въ этомъ случаѣ ставится *оксія*, если затѣмъ слѣдуетъ краткое и грамматически неразрывно связанное (энклитическое) слово, на примѣръ: *молютъ*. *Исо*—есть соединеніе легкаго дыханія съ острымъ удареніемъ; *апострофъ*—есть соединеніе легкаго дыханія съ тяжелымъ ударе-

пѣмъ. Есть еще частица звательная, которая пишется по гречески омега съ дыханіемъ и облегченнымъ удареніемъ ѿ.

Есть еще двойное начертаніе гласныхъ: о — ѡ, оу — ѳ, па — ѡ, которыя въ новой церковно-славянской орфографіи, благодаря грамматикѣ Смотрицкаго, получили хотя искусственное, но очень замысловатое и грамматически-опредѣленное употребленіе и въ связи съ камерой и другими надстрочными знаками указываютъ грамматическую постановку словъ и смыслъ рѣчи. Древніе московскіе книжники составили замѣчательное наставленіе какъ обучать грамотѣ, подъ заглавіемъ: „Наказаніе ко учителемъ, како имъ учить дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ учиться Вожеественному Писанію и разумѣнію“. Въ этомъ „наказаніи“, которое теперь печатается при единовѣрческихъ издаціяхъ Псалтыри, сильно настаивается какъ на точномъ произношеніи отдѣльныхъ буквъ, такъ и на соблюденіи надстрочныхъ знаковъ (верхняя сила) и знаковъ препинанія. Напримѣръ, ѿ съ однимъ дыханіемъ (звательцомъ) есть соединительный союзъ, а та же буква съ апострофомъ (ѿ') есть винительный падежъ вмѣсто его. Такъ напримѣръ, въ псалмѣ 54-мъ (онъ есть 2-й псаломъ на 6-мъ часѣ) читается: „днемъ и ноцію обыдетъ ѿ' по стѣнамъ его“. Въ вышеупомянутомъ „наказаніи“ сказано: „а въ пословицѣ молвити о себѣ та ѿ' апострофная, а не сливати съ другою рѣчію, зане сама она своимъ слогомъ владѣеть, падежемъ виновнымъ вторяя части вмѣсто именныя единственнаго числа“, то-есть, при сплошномъ чтеніи эту апострофную ѿ' слѣдуетъ произносить отдѣльно, а не сливать съ другимъ словомъ, потому что она имѣетъ самостоятельное значеніе—винительный падежъ мѣстоименія единственнаго числа. Титлы имѣютъ также опредѣленное значеніе, такъ-сказать, догматическое: они ставятся надъ названіями предметовъ чтимыхъ и священныхъ. Поэтому слово Господи пишется съ титлою, когда относится къ Богу, Спасителю, но оно же пишется безъ титлы, когда обращено къ Пилату: господи, поманухомъ, ако льстець онъ рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану (Мѡ. 27, 63). Ангелъ (по греческой орфографіи, а читается ангелъ), когда говорится о святомъ ангелѣ пишется съ титлою, а когда о діаволѣ—безъ титлы.

Такимъ образомъ постановка буквъ одного произношенія, но разнаго начертанія, надстрочныхъ знаковъ и удареній и титлъ имѣетъ въ церковно-славянскомъ языкѣ грамматическое значеніе и опредѣляетъ смыслъ рѣчи. Все это необходимо знать для правилъ-

наго и совпательнаго чтенія церковно-славянскаго. Это же знаніе составитъ нѣкотораго рода науку и придасть авторитетъ ученикамъ начальныхъ сельскихъ школъ въ глазахъ населенія, даже надъ старовѣрами, вообще сильными въ славянской грамотѣ.

По изученіи церковно-славянской азбуки и всѣхъ упомянутыхъ значковъ, а также словъ подъ титлами, которыхъ и всѣхъ-то не много, можно и нужно приступить прямо къ церковно-славянскимъ текстамъ. Слѣдуетъ настоятельно требовать отъ учащихся точнаго, нормальнаго произношенія всѣхъ буквъ, гласныхъ и согласныхъ, то-есть, чтобъ *о* не произносить за *а*, когда цѣтъ надъ нимъ удареніе, *е* не произносить за *ѣ*, когда надъ нимъ удареніе, окончаніе родительнаго на *аю* не произносить какъ *ова*; глаголь всегда произносить какъ въ Господь; *б*, *в*, *д*, *ж*, *з* ни въ какомъ случаѣ не произносить, какъ въ русскомъ: *и*, *ф*, *т*, *ш*, *с*.

Чтобъ ученики начальныхъ школъ вполне основательно и отчетливо усвоили себѣ церковно-славянскую грамоту, для этого, по справедливому замѣчанію ученаго комитета, необходимо частое упражненіе. Какимъ же образомъ заинтересовать сельскихъ дѣтей церковно-славянскою грамотой? Я на опытѣ замѣтилъ, что нынѣшняя школа не воспитываетъ въ учащихся расположенія къ церковно-славянскому чтенію. Я замѣтилъ также, что тѣ изъ учениковъ начальныхъ сельскихъ школъ приучаются читать хорошо по славянски, которые читаютъ въ церкви за богослуженіемъ. И дѣйствительно, самое лучшее, то-есть, обязательное и поощрительное, а вмѣстѣ съ тѣмъ для родителей къ безное упражненіе въ чтеніи—это чтеніе въ церкви. Нужно устроить такъ и сдѣлать обязательнымъ, чтобы всѣ ученики начальныхъ школъ непремѣнно читали въ церкви, и читали бы все, что въ церкви читается: часы, шестопсалміе, каѳизмы и т. д. Отсюда слѣдуетъ и то, какія книги и статьи церковно-славянскія должны быть изучаемы въ начальныхъ школахъ. Это, во первыхъ, Часословъ, вовторыхъ Псалтирь, не та Псалтирь, которую продаютъ въ складахъ британскаго библейскаго общества, а Псалтирь церковная съ раздѣленіемъ на каѳизмы и славы, съ молитвами, которыми сопровождается каждая каѳизма при чтеніи надъ покойниками, съ величаніями и избранными псалмами на главные праздники и другими приложеніями, съ какими обыкновенно печатается церковная Псалтирь.

Въ нынѣшней школѣ по церковно-славянскому языку обыкновенно читаютъ Евангеліе. Въ основаніи этого обычая кроется, по моему мнѣнію, примѣръ протестантскій, а видимымъ побужденіемъ

и оправданіемъ его служить то, что Евангеліе легче будто бы для пониманія, чѣмъ Псалтирь и Часословъ. Это не вполне справедливо: и въ Евангеліи есть мѣста, о которыя претыкались великіе умы, и въ Псалтири найдется не мало отдѣльныхъ молитвенныхъ выраженій, довольно понятныхъ и для простаго разумѣнія. Но при этомъ слѣдуетъ основаться на вѣрномъ разграниченіи ученыхъ комитетомъ самаго чтенія отъ разумѣнія читаемаго. Тѣ статьи или псалмы, которые читаются въ церкви, и которые предстоитъ учащимся прочесть въ церкви, должны они заблаговременно разучивать подъ руководствомъ учителя, если онъ понимаетъ дѣло, или законоучителя, если онъ имѣетъ досугъ,—какъ разучиваются священныя пѣснопѣнія подъ руководствомъ регента. И если учитель сначала самъ прочтаетъ внятно, осмысленно и выразительно, а потомъ научить и учениковъ такъ читать псалмы и другіе священныя и богослужебныя тексты или молитвы,—повѣрьте, что такое чтеніе само по себѣ уже почти замѣнитъ толкованіе: во всякомъ случаѣ оно внушитъ и въ сердца слушающихъ пробудитъ благоговѣніе и умиленіе, подобающее молитвенному и богослужебному упражненію. Такое обученіе церковно-славянской грамотѣ будетъ имѣть и практическое значеніе, и релігиозно-воспитательную силу, которая, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе въ начальномъ образованіи и существенно полезнѣе, чѣмъ всѣ грамматическія сопоставленія славянскихъ формъ съ русскими.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что обязательный объемъ для изученія въ начальныхъ школахъ даже одноклассныхъ по предмету церковно-славянской грамоты, долженъ заключать Часословъ и Псалтирь, по крайней мѣрѣ вечерню, утреню, первый, третій и шестой часы, изъ Псалтири каонизмы: первую, вторую и третію, то-есть, тѣ части, которыя читаются въ богослуженіи воскресномъ; къ этому надобно бы прибавить и воскресныя службы изъ Октоиха. Упомяну при этомъ, что у Грековъ воскресныя службы всѣхъ осьми-гласовъ Октоиха издаются особо, какъ учебная книга для начальныхъ школъ. Если возразить, что вышеприведенный объемъ церковно-славянскаго обученія слишкомъ обширенъ и не можетъ быть пройденъ въ продолженіе школьнаго курса обыкновенно трехлѣтняго,—то я отвѣчу, что при основательномъ обученіи и при трехъ или четырехъ классныхъ часахъ въ недѣлю въ каждомъ отдѣленіи для церковно-славянскаго чтенія, можно поставить это дѣло очень удовлетворительно. Но кромѣ того, на первыхъ порахъ придется употребить много внѣ-класснаго времени, напримѣръ, по вечерамъ, чтобы къ каждой службѣ

воскресной или праздничной готовить учениковъ къ чтенію въ церкви. Для этого все предстоящее въ церкви чтеніе нужно раздѣлить на малыя части, напримѣръ, по псалму на человѣка. Такимъ образомъ во всенощну или заутреню должны читать: одинъ— „Сподоби Господи въ вечеръ сей“, другой— „Нынѣ отпускаеши“, третій— „Благословлю Господа на всякое время“, затѣмъ шесть человѣкъ должны читать шестопсалміе и т. д. Во время всенощной и литургіи будутъ заняты чтеніемъ до 20 или 30 мальчиковъ, которые и должны заблаговременно приготовить каждый свою долю подѣ тщательнымъ руководствомъ учителя. Когда каждый твердо овладѣетъ своею долей, учащіеся должны мѣняться долями, для того чтобы двигаться все далѣе и шире. Классное обученіе поведетъ дѣло въ порядкѣ Часослова и Псалтпри, а по внѣклассное время будутъ подготавливаться къ чтенію при слѣдующемъ богослуженіи. Это послѣднее упражненіе особенно заинтересуетъ и поощритъ учащихся къ церковно-славянскому чтенію и языку; нужно только, чтобы самъ учитель былъ человѣкъ религиозный и благоговѣйный и любилъ бы службу церковную. Въ церковно-славянской грамотѣ и въ воспитаніи религиознаго духа и направленіи много можетъ содѣйствовать церковное пѣніе, которое должно быть обязательнымъ предметомъ въ начальныхъ народныхъ школахъ. Къ этому присовокуплю, что если во время обученія въ начальной школѣ и не успѣютъ пройти всего указаннаго объема, то учащіеся во всякомъ случаѣ получаютъ такую подготовку въ церковно-славянской грамотѣ, и главное, охоту и сочувствіе къ ней, что и по выходѣ изъ школы они будутъ продолжать упражненіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, чѣмъ вообще грамотность въ сельскомъ населеніи поддержится и разовьется гораздо успѣшнѣе и вѣрнѣе, нежели воскресными повторительными классами.

Нынѣ, по случаю невниманія и почти пренебреженія къ церковно-славянскому чтенію и языку, въ школахъ весьма мало церковно-славянскихъ книгъ, а гдѣ и много есть, то это суть Сокращенный Молитвословъ или Евангеліе. Молитвословъ есть сборникъ отдѣльныхъ частицъ изъ всѣхъ возможныхъ службъ церковныхъ, не имѣющій почти никакого практическаго примѣненія, тѣмъ болѣе, что въ немъ не упомянуто, на какой гласъ пѣть напечатанные въ немъ стихиры, тропари и ирмосы. Евангеліе, самое важное и основное въ исторіи и ученіи христіанства, не имѣетъ, въ практическомъ отношеніи, церковнаго употребленія для учащихся дѣтей и вообще для мирянъ. Кромѣ того, человѣкъ, научившійся хорошо и свободно читать по Ча-

сослову и Псалтири, свободно прочтаетъ и церковно-славянскій текстъ Евангелія. Слѣдовательно, нужно снабдить народныя школы необходимѣйшими церковными книгами въ сокращенныхъ изданіяхъ дешевыхъ и приспособленныхъ къ школьному употребленію. Въ этихъ видахъ я приготовилъ учебное изданіе Часослова, а теперь готовлю сокращенный Октоихъ для сельскихъ народныхъ школъ, заключающій въ себѣ только воскресныя службы осьми гласовъ.

Спаситель говоритъ: Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Слѣдовательно справедливо начало стараго Сокращеннаго катихизиса: „Вопросъ: Какое ученіе есть самое нужнѣйшее для человѣка? Отвѣтъ: Ученіе христіанское“. Православно-христіанское воспитаніе и образованіе, изученіе основныхъ заповѣдей христіанскихъ о любви къ Богу и ближнему, безъ сомнѣнія, составляютъ самую первую задачу народнаго обученія. Поэтому и церковно-славянскому обученію, какъ одному изъ религіозно-воспитательныхъ средствъ, должно дать наибольшее участіе къ воздѣйствію на учащихся. Такъ какъ наиболѣе сильныя и дѣйственныя впечатлѣнія бываютъ самыми первыя, которыя ложатся какъ семена на почву, еще ни чѣмъ не занятую, и потому свободно укореняются,— то я полагаю, что въ интересахъ церковно-религіознаго воспитанія слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ по времени обученіе не русской грамотѣ, а именно церковно-славянской. Сначала слѣдуетъ пройти всю азбуку съ ея названіями, такъ чтобы учащіеся твердо усвоили и въ разбивку свободно знали форму буквъ и названія ихъ. При переходѣ отъ азбуки къ складамъ нужно воспользоваться идеей звуковаго способа, именно вновь пройти всю азбуку съ разъясненіемъ звуковаго значенія каждой буквы, которое всегда находится въ началѣ ея названія. Затѣмъ пройти склады безъ произношенія отдѣльныхъ буквъ, а прямо читкомъ, и нѣкоторый подборъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, въ которыхъ не было бы сокращеній и титлъ. Потомъ надстрочные значки, титлы, знаки препинанія и слова сокращенныя подъ титлами, продолжая между тѣмъ упражненія въ чтеніи безъ титлъ. Послѣ этого пройти необходимѣйшія молитвы и потомъ прямо приниматься за Часословъ, и наконецъ, за Псалтирь. Послѣ довольнаго усвоенія церковно-славянской грамоты, примѣрно въ началѣ втораго полугодія, можно приступить къ чтенію русскихъ книгъ, которыя послѣ церковно-славянскаго чтенія уже не представляютъ никакого труда, а между тѣмъ наглядно разъяснятся секретъ русской орфографіи, какъ остатка священной старины, ко-

торая (ореографія) далеко расходитя отъ живаго произношенія и теперь составляетъ для учащихся трудность, какъ бы произвольно навязанную. Впрочемъ въ вышеизложенныхъ строкахъ я не имѣлъ въ виду представить программу церковно-славянскаго языка, а только желалъ пояснить свою мысль. Мнѣ кажется, что мысль моя могла бы имѣть мѣсто и осуществиться въ церковно-приходскихъ школахъ. Въ нихъ возможна и та церковная и набожная постановка обученія грамотѣ, которая должна много содѣйствовать религиозно-воспитательному впечатлѣнію. Я разумѣю благоговѣйное (а не просто бережливое) обращеніе съ церковными и священными книгами, также обычай начинать урокъ крестнымъ знаменіемъ и молитвою, а оканчивать, крестнымъ знаменіемъ и цѣлованіемъ книги. Мнѣ нравится, въ педагогическомъ отношеніи, что татарскія дѣти носятъ въ школу Алкоранъ, завернутый въ платокъ или сумку, на головѣ; и напротивъ, не представляется мнѣ особенно назидательнымъ и воспитательнымъ, что ученики выпѣшней русской школы обращаются съ Евангеліемъ съ тою же неблагоговѣйностью и даже небрежностью, съ какою привыкли они обращаться, напримѣръ, съ „Роднымъ Словомъ“, годъ первый, Ушинскаго.

Въ соображеніяхъ ученаго комитета уже заключаются вѣскии возраженія противу программы двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Вышеизложенныя мои соображенія также не въ пользу сказанной программы; но къ этому еще слѣдуетъ при-совокупить, что важный недостатокъ этой программы составляетъ ея притязаніе заключить въ себѣ и методику. Методика, какъ наука, естественно развивается и совершенствуется постепенно, по мѣрѣ и указанію практики, и преподавателямъ должна быть предоставлена нѣкоторая свобода въ способахъ исполненія программы. Программа двухклассныхъ училищъ своими методическими воззрѣніями отражаетъ состояніе педагогики, еще не успѣвшей освободиться отъ обаянія нѣмецкой науки и буквально переносившей готовыя правила и понятія съ чужой почвы на родную и съ предметовъ слѣтскихъ на православное вѣроученіе. Особенно не состоятельны воззрѣнія этой педагогики на принципы и приемы преподаванія Закона Божія. Кажется, я могъ бы объяснить и доказать слабыя стороны программы и методики законоучителя, но въ настоящее время ограничусь тою отдѣльною чертой, которая упомята въ соображеніяхъ ученаго комитета въ примѣненіи къ обученію церковно-славянскою грамотѣ. Именно, я нахожу положительно невѣрнымъ, чтобы молитвы прено-

давать сначала по русски и потомъ съ русскаго переводить на славянскій и послѣднее заучивать со словъ законоучителя. Дѣло поставлено такъ: законоучитель ведетъ предварительную бесѣду, въ коей старается объяснить и доказать дѣтямъ тѣ потребности и чувства, которыя отвѣчаютъ предположенной къ изученію молитвъ; изъ этихъ потребностей и чувствъ выводятся молитвенныя прошенія, формулируемныя сперва по русски, разумѣется—примѣнительно къ славянскому тексту молитвы. Это какъ разъ на оборотъ. Господь и Спаситель нашъ научилъ насъ молиться и далъ текстъ молитвы, который съ современнаго Христу сиро-халдейскаго языка, черезъ текстъ греческаго Евангелія, въ буквальномъ переложеніи дошелъ до насъ на славянскомъ. Нужно думать и вѣрить, что этотъ текстъ молитвы Господней составляетъ неистощимую сокровищницу мыслей и чувствъ, такъ что самый просвѣщенный христіанскій мудрецъ найдетъ въ ней глубины, надъ которыми и ему придется поработать; но и младенецъ не останется безъ пользы отъ этой молитвы. И сколько можетъ быть ступеней отъ ума младенца до ума мудреца, столько же должно быть пониманій молитвы Господней по количеству, объему, степени и даже по характеру. Стало быть, текстъ молитвы Господней, какъ онъ въ церкви поется и читается, и какъ изъ дѣтства мы привыкли читать и слышать еще до поступленія въ школу,—долженъ оставаться не прикосновеннымъ и основнымъ фактомъ, авторитетнымъ и священнымъ, который мы можемъ только, по мѣрѣ силъ и разумнія своего, объяснять и извлекать изъ него для себя одушевленіе и назиданіе, свѣтъ и теплоту. Между тѣмъ, по измышленію нынѣшней дидактики, этотъ священный текстъ и все внутреннее его содержаніе представляется какою-то придумкой отца—законоучителя—самодѣльною и самовольною. Возьмемъ и другія молитвы свято-отеческаго и церковнаго сложенія; онѣ тоже не должны подлежать указанной программой обработкѣ. Исключеніе могутъ составить только двѣ молитвы—предъ ученіемъ и послѣ ученія, полу-славянскія, полу-русскія и отличающіяся отсутствіемъ церковнаго склада.

Кратко сказать, программа двухклассныхъ училищъ должна быть вся пересмотрѣна и передѣлана, съ исключеніемъ изъ нея дидактическихъ и педагогическихъ указаній.

Выше дано большое значеніе чтенію учениковъ начальной школы въ церкви, во время богослуженія; но мнѣ приводилось слышать и частію самому видѣть, что не всѣ настоятели сельскихъ церквей сочувствуютъ этому; особенно же низшія причты не расположены къ

чтенію школьниковъ: оно представляется имъ и медленнымъ, задерживающимъ ходъ богослуженія, и ипогда своею интонаціей не соответственнымъ обычному церковному, или вѣрнѣе, пономарскому чтенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мальчикамъ и школьнымъ хорамъ даже не позволяютъ пѣть на крылосѣ. Это есть серіозное препятствіе религиозно-воспитательному дѣлу: оно можетъ и должно быть устранено не иначе, какъ по взаимному соглашенію вѣдомствъ — духовнаго и учебнаго.

И. Мильшинскій.

ПСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Историческія и археологическія изслѣдованія и изысканія въ Псковской губерніи начинаются съ конца прошедшаго вѣка. Протоіерей г. Торопца Родіоновъ въ 1780-хъ годахъ первый составилъ описаніе г. Торопца по документамъ, сохранявшимся въ его время. Труды Ильинскаго, относящіеся къ тому же времени, по исторіи Пскова, и митрополита Евгенія, начала настоящаго вѣка, болѣе извѣстны и распространены. Продолжателями ихъ можно считать мѣстныхъ дѣятелей: штатнаго смотрителя Опочецкаго училища Бутирскаго, разсмотрѣвшаго въ г. Опочкѣ всѣ мѣстные архивы и составившаго историческую записку о немъ; протоіерея Милевскаго, издавшаго не мало древнихъ письменныхъ памятниковъ Псковской старины; д-ра г-на А. Н. Иванickaго, полемизировавшаго съ іеромонахомъ (нынѣ архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря) Іосифомъ о времени основанія г. Пскова; инспектора духовной семинаріи (нынѣ директора народныхъ училищъ Херсонской губерніи) А. С. Князева, составившаго историческій очеркъ Псковской духовной семинаріи, кафедральнаго Троицкаго собора и друг.; графа М. С. Толстаго, издавшаго „Святѣни и древности Пскова“.

Много пролили новыя свѣтъ на исторію Пскова труды Н. И. Костомарова (Сѣверно-Русскія народоправства), профессора И. Д. Бѣляева (Исторія Пскова и Псковской земли), А. И. Никитскаго (Исторія Псковской церкви) и друг. Это было дорогимъ вкладомъ въ русскую историческую наукъ: труды почтенные, положившіе твердое основаніе исторической наукѣ въ Псковѣ. Но все это было дѣломъ отдѣльныхъ лицъ. Ученые профессора занимались исторіей Пскова лишь только времяемъ его самостоятельности. Дѣятельность же

часть ссххik, отд. 4.

мѣстныхъ изслѣдователей касалась только отдѣльныхъ предметовъ, случайно приобрѣвшихъ у нихъ интересъ. Но къ концу шестидесятихъ годовъ созрѣваетъ мысль о необходимости объединенія частной дѣятельности по исторіи и археологіи Псковской области, занимавшей видное мѣсто въ исторіи Русскаго государства.

Мысль объ этомъ сама собою возникла въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ въ силу тѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ они находились, а отчасти находятся и теперь. По положенію о комитетахъ они составляютъ учено-административныя учрежденія; такимъ образомъ въ комитетахъ администрація получила не только одинъ изъ исполнительныхъ органовъ въ силу выработанныхъ, установленныхъ и опредѣленныхъ правилъ, но кромя сего, администрація приобрѣла еще содѣйствіе науки въ объемѣ возможномъ для губернскаго города. Всѣ свѣдѣнія, всѣ извѣстія о положеніи въ томъ или другомъ отношеніи губерніи стекались въ комитетъ. Туда же стекались разнаго рода находки: монеты, оружія, древнія церковныя вещи и проч. Такимъ образомъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, комитетъ долженъ былъ заниматься разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, изслѣдованіемъ такихъ предметовъ, которые непосредственно и не касались прямыхъ его обязанностей. Съ другой стороны, не всѣ члены комитета одинаково интересовались исключительно одними статистическими трудами: нѣкоторые изъ нихъ, спеціально занятые разработкою предметовъ, не относящихся къ статистикѣ, принимали участіе въ дѣятельности комитета потому только, что въ немъ единственно могли встрѣчать людей сочувственныхъ къ ихъ занятіямъ; труженикъ науки провинціального города только въ комитетѣ и могъ встрѣтиться съ другими себѣ подобными труженниками на чисто-научномъ поприщѣ.

Главнымъ двигателемъ научныхъ занятій, по положенію о комитетахъ, долженъ быть, и въ дѣйствительности сдѣлался, секретарь комитета. Ему принадлежала инициатива всѣхъ научныхъ работъ, на него же по необходимости должна была пасть и обязанность по окончательной ихъ редакціи. Это само собою значительно усложнило работы по прямой обязанности секретаря—веденіе дѣлъ административной статистики. Независимо отъ сего, подробные доклады въ общихъ собраніяхъ комитета по спеціальнымъ предметамъ не могли интересоваться одинаково всѣхъ членовъ собранія. Для окончательнаго рѣшенія возникавшихъ спеціальныхъ вопросовъ, дѣла обыкновенно передавались на разрѣшеніе отдѣльныхъ спеціальныхъ комиссій. Одна изъ нихъ, занимавшаяся разборкой и приведеніемъ въ порядокъ ар-

живныхъ дѣлъ, особенно заявила свою дѣятельность въ комитетѣ изданіемъ открытыхъ и приведенныхъ въ порядокъ историческихъ документовъ. Такимъ образомъ были изданы историческія монографіи: „Историческія записки о льняной промышленности въ Псковской губерніи“ Б. М. Бочкова, „Главное народное училище и Псковская гимназія“ И. И. Василева, „Спасомирожскій монастырь“ его же, „Сергіевъ Великолукцкій монастырь“ протоіерея Пульхерова и друг. Живою интересъ самыхъ событій изъ Псковской жизни невольно привлекалъ членовъ комитета къ историческимъ трудамъ, и дѣятельность ихъ отъ исполненія отдѣльныхъ порученій перешла въ постоянныя занятія по разработкѣ историческихъ вопросовъ. Тогда стало очевиднымъ, что для полнаго согласія дѣятельности членовъ комитета на научно-исторической почвѣ, необходимо объединяющее начало, а потому исправлявшій въ то время должность секретаря комитета И. И. Василевъ вошелъ къ бывшему предсѣдателемъ комитета, Псковскому губернатору (нынѣ статсъ-секретарю) М. С. Каханову, съ представленіемъ, объ устройствѣ при комитетѣ особой постоянной комиссіи, которая могла бы заниматься исключительно изученіемъ историческихъ памятниковъ Псковской страны. Предложеніе это было одобрено предсѣдателемъ, а составленный проектъ правилъ занятій этой комиссіи принятъ вполне сочувственно и комитетомъ.

Такъ возникла археологическая комиссія при Псковскомъ статистическомъ комитетѣ.

Комиссія открыла свои дѣйствія въ 1872 году, и прежде всего, обратила вниманіе на приведеніе въ порядокъ собраннаго въ разное время комитетомъ историческаго матеріала—рукописей и вещественныхъ памятниковъ, а вскорѣ затѣмъ составленъ былъ планъ археологическаго музея, одобренный собраніемъ комитета. Члены комиссіи встрѣтили среди мѣстныхъ жителей не мало сочувствующихъ лицъ, отъ которыхъ вскорѣ стали поступать разнаго рода и нерѣдко цѣнныя пожертванія, какъ книгами, такъ и вещами. Для большаго ознакомленія съ устройствомъ музея одинъ изъ членовъ комиссіи былъ командированъ для обзора существовавшихъ музеевъ въ Петербургѣ и возникавшаго въ то время въ Новгородѣ. При музеѣ для занятій членовъ комиссіи была образована и историческая бібліотека.

Эти занятія проявились въ изданіи ряда историческихъ документовъ и описаній памятниковъ Псковской страны. Комиссіей были изданы: подъ редакціей члена оной И. И. Василева— а) „Виды города Пскова и его окрестности“ (30 фотографическихъ снимковъ съ

древнихъ зданій и предметовъ, съ пояснительнымъ текстомъ для каждаго рисунка); б) „Повѣсть преславна сказана о пришествіи Пресвѣтѣи Владычецы нашеи Богородицы и Приснодѣви Маріи Печерскія въ Богоспасаемомъ градѣ Псковѣ въ прохожденіи Литовскаго короля Стефана, съ великимъ и гордымъ войскомъ....“. Повѣсть эта составляетъ вариантъ повѣсти „О прихожденіи Литовскаго короля Стефана на великій и славный градъ Псковъ“, изданной О. М. Бодянскимъ въ 1847 году. Повѣсть надана съ указаніемъ всѣхъ вариантовъ между обоими изданіями; в) „Историко-статистическій очеркъ г. Пскова“; г) „Хронологическій указатель историческихъ памятниковъ г. Пскова, съ указаніемъ мѣста ихъ нахождения. Подъ редакціей К. Г. Евлентьева изданъ: а) „Археологическая записка о Поганкиныхъ“. Имя Поганкиныхъ пользуется въ Псковѣ съ давнихъ временъ громкою извѣстностію по преданіямъ, сложившимся въ городѣ о Поганкиныхъ, особенно же по огромному плитяному дому, существующему до настоящаго времени подъ названіемъ „Поганкиныхъ палатъ“. Всѣ ученые, посѣщавшіе Палаты—Н. И. Костомаровъ, М. П. Погодинъ, К. Н. Вестушевъ - Рюминъ и др. одинаково отзывались о нихъ, какъ о драгоценномъ памятникѣ, рисующемъ домашній бытъ богатаго человѣка старинной Руси; б) „Книги Псковитина, посадскаго торговаго человѣка Сергѣя Иванова, сына Поганкина“; памятникъ старинной письменности XVII вѣка, книга эта содержитъ подробное описаніе всего недвижимаго имущества С. Поганкина; в) „Домашняя книга Псковитина, посадскаго торговаго человѣка И. И. Ямскаго“. Этотъ памятникъ весьма обстоятельно знакомитъ съ домашнею обстановкой стариннаго первостатейнаго Псковича изъ торговаго сословія, подобно тому, какъ книга Поганкина—съ внѣшнею обстановкой древняго Псковича изъ торговаго сословія. Въ книгѣ этой изложено подробное описаніе всего движимаго имущества: книгъ для чтенія, книгъ нотныхъ, образовъ, картинъ, оружія, одежды, мебели, кухонной и всякаго рода посуды и другихъ вещей, съ опредѣленіемъ цѣнности каждой отдѣльно вещи. Протоіерей І. М. Пульхеровъ составилъ историко-статистическое описаніе Великолуцкой Успенской церкви и ея прихода. В. А. Вуцевичъ составилъ описаніе погостовъ Островскаго уѣзда—Гнильскаго-Синскаго и весьма цѣнный „Хронологическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Псковскихъ губернскихъ вѣдомостей“, начиная съ 1838 года. Множество историческихъ статей и замѣтокъ помѣщено въ губернскихъ вѣдомостяхъ: о погостѣ Выбу-

такъ Н. И. Соколова, и Мелетовской церкви Псковскаго уѣзда—Н. К. Вогушевскаго, о храмѣ св. Николая въ селѣ Сырковичахъ Порховскаго уѣзда—Силина, отрывки изъ дневника похода Польскаго короля Стефана—Гуляева.

Кромѣ того, протоколы засѣданій комиссіи печатались въ губернскихъ вѣдомостяхъ и отдѣльными оттисками раздавались всѣмъ членамъ статистическаго комитета, которые такимъ образомъ могли имѣть постоянныя свѣдѣнія о дѣятельности комиссіи; по истеченіи года комиссія представляла отчетъ о своей дѣятельности общему собранію статистическаго комитета, отъ котораго получала денежныя средства. Кромѣ того, отъ предсѣдателя комиссіи М. В. Пругченка неоднократно поступали значительныя единовременныя денежныя приношенія, на которыя были устроены витрины для помѣщенія предметовъ музея; сверхъ того, имъ же ежегодно отпускалось 100 рублей на изданіе трудовъ комиссіи.

Труды комиссіи обратили на себя вниманіе многихъ ученыхъ обществъ; нѣкоторыя изъ нихъ изъявили согласіе на обмѣнъ своихъ изданій, чрезъ что бібліотека значительно пополнилась историческими трудами нашихъ ученыхъ.

Императорскому Московскому археологическому Обществу комиссія особенно обязана полученіемъ инструкціи для научныхъ раскопокъ кургановъ, имѣвшей весьма важныя послѣдствія въ дѣлѣ археологическихъ изысканій. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи занялись изученіемъ этихъ необходимыхъ при раскопкахъ правилъ и съ особымъ успѣхомъ примѣнили ихъ къ дѣлу по полученіи извѣстія въ 1878 году о намѣреніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Сергія и Павла Александровичей и Константина и Дмитрія Константиновичей произвести археологическія раскопки въ Псковской губерніи, подъ руководствомъ извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова и при содѣйствіи профессора Петербургскаго университета К. П. Вестужева-Рюмина. Археологической комиссіи предстояла необходимость указать мѣсто тѣхъ кургановъ и историческихъ мѣстъ, которыя можно было бы сдѣлать предметомъ археологическихъ изысканій. Для этого комиссія воспользовалась уже существовавшими свѣдѣніями, собранными изъ всей губерніи о находящихся въ ней курганахъ, мѣстахъ битвъ и сраженій. Изъ нихъ были избраны болѣе близкія ко Пскову—Изборскъ, столица перваго князя Трувора, и Выбуты, привимаемая за мѣсто родины княгини Ольги Россійской. Около перваго находится историческое, по самому названію, Славя-

лицкое поле съ вѣнцеобразными могилами изъ булыжнаго камня, а не далеко отъ послѣднихъ—коническія земляныя насыпи. Туда были предварительно командированы болѣе знакомые съ дѣломъ раскопокъ члены комиссіи, которые и приготовили курганы для предстоящихъ работъ. 10-го іюля въ Изборскѣ и 11-го іюля въ Выбутахъ раскопки производились при непосредственномъ участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Всѣхъ кургановъ раскопано было при этомъ семь; всѣ они одинаковаго характера и относятся ко времени язычества, сдѣланы изъ желтаго песку, болѣе изъ нихъ высотой 5 1/2 аршинъ. По снятіи не болѣе полуаршина земли, находится кострище въ длину 3 аршина, въ высоту 10 вершковъ и ширину 1 1/2 аршина, расположенное отъ запада на востокъ. Оно представляло какъ бы печь съ поддувалою, въ которой сожигался трупъ. При раскопкахъ найдены не вполне сгорѣвшія и частію обугленные кострища и обугленные и частію цѣлыя человѣческія кости, а среди нихъ нѣсколько металлическихъ предметовъ: кинжалъ, много спирально-витыхъ желѣзныхъ трубочекъ и др. Вообще раскопки этихъ кургановъ дали ясное представленіе о способѣ сожиганія труповъ у народовъ, населявшихъ мѣстность около Пскова. Великій князь Сергій Александровичъ изволилъ выразить желаніе, чтобы всѣ предметы, найденные въ его присутствіи, были препровождены въ его кабинетъ. Журналъ раскопокъ, произведенныхъ близъ Выбутъ, составленный и иллюстрированный рисунками мѣстности и найденныхъ предметовъ Н. И. Соколовымъ, изданъ особою брошюрою. Въ раскопкахъ принимали участіе и нѣкоторые изъ членовъ археологической комиссіи, которые извлекли не мало практическихъ свѣдѣній, находясь подъ руководствомъ такого опытнаго знатока въ этомъ дѣлѣ, какъ графъ А. С. Уваровъ. Ему же принадлежитъ и мысль о возможности существованія въ Псковѣ отдѣльнаго самостоятельнаго Археологическаго общества. Эта мысль была одобрена Его Императорскимъ Высочествомъ Сергіемъ Александровичемъ, впоследствии, съ соизволенія Государя Императора, принявшимъ Общество подъ свое Высочайшее покровительство.

Вскорѣ по отбытіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, своимъ примѣромъ освѣтившихъ научныя археологическія занятія въ Псковской губерніи, комиссіа приступила къ разработкѣ устава Общества. Члены комиссіи хорошо сознавали, что для Археологическаго общества Псковъ не можетъ представлять столько интеллигентныхъ и нравственныхъ силъ, чтобы оно могло дѣйствительно существовать безъ опасенія подвергаться разнаго рода случайностямъ. Комиссіа стре-

милась какъ можно болѣе сузить программу занятій Общества, чтобы не придать ему того назначенія, котораго оно не въ состоянн было выполнить. Она остановилась на томъ, что „Псковское археологическое общество имѣеть цѣлю изслѣдованіе памятниковъ древности и старины, но преимуществу въ предѣлахъ Псковской губерніи“, но при этомъ присовокупило, что Общество „не исключаетъ изъ своей задачи занятія историческими изслѣдованіями— на сколько они могутъ служить къ увеличенію памятниковъ древности, и этнографическими— на сколько они соприкасаются съ археологическими и историческими изысканіями“. Съ такими основными мотивами, уставъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 18-го іюля 1880 года положенія комитета министровъ, утвержденъ управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія Сабуровымъ 1-го іюля того же года.

25-го октября 1880 года состоялось открытіе Псковскаго Археологическаго общества, а затѣмъ, въ первыхъ его засѣданіяхъ опредѣлено было и желаемое направленіе его дѣятельности. Одинъ изъ членовъ общества г. Кохомскій формулировалъ его задачи по части мѣстныхъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій въ слѣдующихъ словахъ: „Прежде всего слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, заняться древнею географіей Псковской губерніи. Площадь ея прежде распадалась на четыре части: 1) на землю Псковскую; она начиналась отъ рѣки Наровы, граница ея шла потомъ на юго-востокъ къ Дубровкѣ, отсюда къ Порхову и Вышгороду, затѣмъ на юго-западъ къ Ржеву, гдѣ теперь Новоржевъ, отсюда на западъ и къ Опочкѣ, бывшей крайнимъ владѣніемъ Псковичей на югѣ; отъ Опочки шла ливонская граница мимо городовъ вѣмепскихъ Маріенбурга и Нейгаузена, направляясь къ Печерамъ и къ озеру; 2) на земли Новгородскія, носившія названіе Шелонской пятинны, которая, впрочемъ, восточною своею частію выходила изъ предѣловъ пастоящей Псковской губерніи, примыкая къ Ильменю и Волхову; крайніе пункты Новгородскихъ владѣній была Дубровка, Порховъ, Вышгородъ, Ржева Цустая, Великія-Луки; два послѣдніе города около половины XV вѣка отошли къ Литвѣ. Восточною границей владѣній Новгородцевъ въ Псковской губерніи была рѣка Ловать въ верхнемъ теченіи; за этою рѣкой къ юго-востоку въ древнѣйшее время, въ XII и XIII вѣкахъ, начинались земли Смоленскаго княжества съ городами—Холмомъ, крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ Смоленскихъ владѣній, и древнѣйшимъ городомъ Смоленскихъ Кривичей—Торопцемъ. Наконецъ, часть Великолуцкаго уѣзда принадлежала По-

лоцкому князю, но какая и по какое время—можно рѣшить только по тщательномъ прочтеніи лѣтописей и изслѣдованіи мѣстныхъ названій. Всѣми этими замѣчаніями можно было бы ограничиться, если бы дѣло шло объ элементарномъ ознакомленіи съ древнѣйшей географіей Псковской губерніи; но желая разяснить дѣло со всею подробностію мы должны остановиться на слѣдующихъ задачахъ: 1) Очертить сѣверную границу Псковской земли на картѣ, опредѣлить возможно точно, какъ далеко простирались владѣнія Псковичей на сѣверѣ, и не простирались ли они на лѣвый берегъ Наровы. 2) Все, что мы знаемъ о Псковскомъ уѣздѣ, сравнить со всѣмъ, что мы знаемъ о Шелонской пятицѣ. 3) Простирались ли части Доревской пятины, которая находилась отъ Шелонской на югъ за рѣками Ловатью и Полистой, на восточный уголъ настоящаго Холмскаго уѣзда? 4) Гдѣ пролегла граница сѣверная и западная Смоленскихъ владѣній, и какія Псковскія, мѣстности поименованы въ грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленскому епископу 1150 года? 5) Что принадлежало въ предѣлахъ нынѣшней Псковской губерніи Литовцамъ? При этомъ совершенно необходимо составленіе карты исторической; она можетъ быть въ началѣ не точна и не полна, но потомъ можетъ быть исправлена и издана Обществомъ въ печать. Совершенно необходимо обратиться къ Спискамъ населенныхъ мѣстъ, для того, чтобы внести прежнія названія мѣстностей съ нынѣшними*.

Это мнѣніе было принято Обществомъ и опредѣлило собою первоначальное направленіе его дѣятельности. Сообразно съ тѣмъ самымъ г. Кохомскимъ былъ предложенъ рефератъ: „Холмскій уѣздъ Псковской губерніи по Новгородской писцовой книгѣ 1495 года“. Это первый опытъ примѣненія топографическихъ свѣдѣній, находящихся въ писцовыхъ книгахъ, къ опредѣленію современныхъ урочищъ и границъ и названій селеній. Въ 1881 году другой цѣнный вкладъ въ науку мѣстной археологіи принесъ преосвященный Павелъ, бывший епископъ Псковскій, нынѣ Олоонецкій, предложивъ рефератъ о такъ-называемыхъ „владичнихъ палатахъ“ въ Псковѣ. При взѣздѣ въ кафедральный соборъ и нынѣ существуетъ каменное двухъэтажное зданіе, которое митрополитомъ Евгениемъ было названо домомъ, построеннымъ Новгородскимъ владыкою Макаріемъ въ 1535 году. Извѣстіе о постройкѣ этой занесено въ 1-ю Псковскую лѣтопись. Преосвященный же Павелъ сопоставленіями разныхъ лѣтописныхъ сказаній старался доказать, что существующій нынѣ домъ, извѣстный подъ именемъ Владичнихъ палатъ, никакимъ образомъ не

можетъ быть тѣмъ домоу, о которомъ упоминаетъ 1-я Псковская лѣтопись. Въ этомъ рефератѣ весьма важны и интересны топографическія свѣдѣнія о древнемъ Псковѣ. Рефератъ этотъ изданъ особою брошюрою подъ заглавіемъ „Лѣтописное разъясненіе о Владычныхъ палатахъ въ Псковѣ, построенныхъ архіепископомъ Новгородскимъ и Псковскимъ Макаріемъ“.

Въ томъ же году, по инициативѣ Общества, состоялось празднованіе трехсотлѣтняго юбилея осады Пскова Польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Въ чрезвычайномъ и торжественномъ засѣданіи, въ самый день юбилея, въ Обществѣ было предложено два реферата: С. В. Кохомскимъ—О причинахъ силы и мужества Псковичей во время осады, и И. И. Василевымъ—Описание дня 8-го сентября—главнаго првстуша королевскихъ войскъ. На этомъ же засѣданіи постановлено было: „Въ воспоминаніе настоящаго торжества, Дневникъ послѣдняго похода въ Россію Стефана Баторія, изданный подъ редакціей профессора Коляловича на польскомъ языкѣ, издать въ переводѣ на русскомъ“. Трудъ этотъ выполненъ дѣйствительнымъ членомъ Общества О. М. Милевскимъ, съ приложеніемъ двухъ чертежей мѣстности Пскова и снимка съ современной воспоминаемому событію иконы съ изображеніемъ древняго Пскова, составленныхъ И. И. Василевымъ. Изданіе это вышло въ 1882 году. Кромѣ рѣчей въ засѣданіи Общества, 8-го сентября 1881 года преосвященнымъ Павломъ была сказана въ кафедральномъ соборѣ историческая рѣчь о славной оборонѣ Пскова. Рѣчь эта заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе войны Пскова съ Тевтонцами и Литовцами и подробное изложеніе войны Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. Она издана особою брошюрою, и по ясности изложенія, по силѣ языка, весьма удачно соединявшаго лѣтописную рѣчь съ современною, по теплотѣ чувства любви и уваженія къ родинѣ, можетъ считаться образцомъ церковно-историческаго слова.

Къ тому же дню секретаремъ Общества С. А. Хорошавиннымъ была составлена брошюра, разъясняющая исторію и значеніе означеннаго событія въ исторіи Русскаго народа. Она въ числѣ 3,000 экземпляровъ роздана была безмездно народу.

Въ слѣдующемъ 1882 году однимъ изъ членовъ Общества составлено было подробное описаніе находящихся около Пскова памятниковъ, соединенныхъ съ именемъ благочестивой княгини Ольги Россійской, родиной которой считается село Выбуты близъ Пскова, а самые памятники въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ нынѣ, нанесены

на картину, художественно исполненную членомъ общества И. А. Шиватто. Картина эта и объяснительная брошюра къ ней удостоены благосклоннымъ принятіемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.

Кромѣ кабинетной дѣятельности, члены Общества занимались изслѣдованіемъ окружающей Псковъ мѣстности. Такъ, въ 1881—1882 годахъ изслѣдованы курганы и древнія языческія кладбища, находящіеся на сѣверъ отъ города. Изслѣдовано около 20 кургановъ и могилъ, и по каждой раскопкѣ составленъ журналъ. Изъ этихъ раскопокъ обнаружилось, что большая часть коническихъ насыпей, находящихся на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Пскова, суть остатки военныхъ лагерей и сторожевыхъ постовъ; вѣнцобразныя же могилы можно считать могилами народностей, заселявшихъ эту мѣстность ранѣе прібытія Славянъ. Рукописные журналы раскопокъ иллюстрированы чертежами и рисунками мѣстностей, а равно и найденныхъ предметовъ.

Въ заключеніе нельзя умолчать о средствахъ общества. По уставу Псковскаго археологическаго Общества средства его составляютъ единовременные взносы 100 р. членовъ почетныхъ и 5 руб. дѣйствительныхъ. Но въ первое же засѣданіе преосвященнымъ Павломъ былъ пожертвованъ въ основной фондъ Общества пятипроцентный билетъ въ 500 р., и сверхъ того, такой же билетъ въ 100 р. въ зачетъ членскаго взноса; Псковскій губернаторъ М. В. Прутченко, кромѣ 100 р. членскаго взноса, выразилъ желаніе вносить ежегодно по 100 р., доколѣ онъ будетъ находиться въ Псковѣ. Онъ же принялъ на себя издержки по приготовленію исторической картины и брошюры, удостоенной принятіемъ Ея Императорскаго Величества, на что имъ израсходовано около 2,000 рублей.

Цѣнный вкладъ получило Общество отъ своего Августѣйшаго покровителя великаго князя Сергія Александровича. Онъ принесъ въ даръ Обществу приобрѣтенную имъ рукопись инженеръ-полковника Годовикова. Служа во Псковѣ, Годовиковъ составилъ подробный атласъ всѣхъ находившихся въ его время (въ 1840-хъ годахъ) во Псковѣ историческихъ памятниковъ. Трудъ Годовикова составляетъ два объемистые тома, изъ коихъ въ одномъ помѣщено описаніе памятниковъ древности, а во второмъ—планы, фасады и рисунки самыхъ древностей. Первый томъ уже изданъ Обществомъ въ печати, а изданіе втораго по недостатку средствъ Общество отложило до болѣе благоприятнаго времени.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ У БОЛГАРЬ ¹⁾.

III.

Состояніе народнаго образованія въ Болгарскомъ княжествѣ за 1880—1881 гг. обстоятельно изложено бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія К. Иречкомъ въ отчетѣ, представленномъ имъ князю Александру I. Отчетъ этотъ былъ тогда же напечатанъ въ Софіи, и извлеченіе изъ него было сообщено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1882 г. апрѣльская книжка). Свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ учебнаго дѣла въ княжествѣ Болгарскомъ могутъ быть почерпнуты изъ записки по этому предмету, составленной въ началѣ текущаго года болгарскимъ министромъ народнаго просвѣщенія Д. Д. Агурой.

Согласно новому территоріальному раздѣленію княжества на 14 округій или округовъ, введенному закономъ 22-го декабря 1882 г., сдѣлано слѣдующее измѣненіе въ распредѣленіи надзора за первоначальными училищами: вмѣсто 16 учебныхъ округовъ учреждены 14, съ особымъ инспекторомъ въ каждомъ; только въ Софійскомъ округѣ, который больше всѣхъ другихъ, назначенъ еще помощникъ инспектора для околій бывшаго Трънскаго учебнаго округа.

Въ первоначальныхъ училищахъ видѣнъ нѣкоторый успѣхъ въ сравненіи съ прошлыми годами. Хотя число школъ уже не увеличивается такъ сильно, какъ прежде, потому что во всѣхъ почти об-

---

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

щинахъ уже заведены училища, но за то число учениковъ все болѣе и болѣе растетъ. Съ 1877 г. оно почти удвоилось. Но въ нѣкоторыхъ западныхъ округахъ все еще замѣчается въ населеніи какое-то отрицательное отношеніе къ ученію, какъ къ чему-то бесполезному для поселянъ или земледѣльцевъ; это въ особенности видно въ отношеніи населенія къ обученію грамотъ женскаго пола, такъ что замѣчается даже уменьшеніе числа учащихся дѣвочекъ въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. Но вообще говоря, населеніе уже поняло, что каждому въ нынѣшнее время нужно умѣть читать и писать. Этому много способствовали возвратившіеся со службы бывшіе солдаты, и особенно тамъ, гдѣ они выбраны были въ сельскіе старосты (жеты). Напримѣръ, въ Трънскомъ округѣ, одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ училищами, число учениковъ возросло съ 1605 мальчиковъ и 208 дѣвочекъ, какъ было въ 188¹/₂ учебномъ году, до 3239 мальчиковъ и 330 дѣвочекъ. Въ другихъ округахъ измѣненіе въ числѣ учениковъ не такъ велико, и какъ уже замѣчено выше, наиболѣе отстающими въ школьномъ дѣлѣ являются западные округа. Притомъ многое зависитъ отъ личной энергіи инспектора.

Въ теченіе 188¹/₂ учебнаго года построено было довольно много училищныхъ зданій, напримѣръ, въ Виденскомъ—11, въ Трънскомъ—7 и въ проч. Въ бывшемъ Шумненскомъ округѣ въ теченіе пяти лѣтъ послѣ освобожденія Болгаріи (1878—1882 гг.) построены училищныя зданія въ 23 селахъ, въ томъ числѣ 17 зданій построено вновь нарочно для учебной цѣли, а остальные передѣланы изъ прежнихъ построекъ. Пособія правительственныя на постройку училищныхъ зданій въ разныхъ общинахъ служили большимъ подспорьемъ развитію учебнаго дѣла, и можно сказать, благодаря имъ въ настоящее время во многихъ мѣстахъ имѣются весьма приличныя и удобныя для предназначенной цѣли училищныя дома. Въ бюджеты 1879—1882 гг. внесено до милліона левовъ на этотъ предметъ. Въ 1882 г., съ разрѣшенія державнаго совѣта, дано было такихъ же пособій, а также въ городахъ на поддержаніе казенныхъ училищъ, всего на сумму 123.150 левовъ.

Учительскій персоналъ въ первоначальныхъ училищахъ впервые въ 1882 году составилъ изъ людей, нарочно для этой цѣли подготовленныхъ въ новооткрытыхъ педагогическихъ училищахъ въ Врацѣ и Шумлѣ, съ одногоднымъ курсомъ. Изъ Врачанскаго училища уже вышло 27 учителей, изъ Шумлянскаго, въ которомъ есть и женскій параллельный курсъ,—38 учителей и 22 учительницы, а всего 87

учащихъ. Кромѣ того, въ теченіе вакацій 1882 года 872 сельскихъ учителя упражнялись на временныхъ шестинедѣльныхъ педагогическихъ курсахъ въ восьми пунктахъ княжества, и притомъ изъ числа этихъ слушателей только 42 не получили надлежащихъ свѣдѣтельствъ на право преподаванія. Для полнаго развитія первоначальнаго обученія министерство народнаго просвѣщенія находитъ нужнымъ открыть при педагогическихъ училищахъ въ Врацѣ и Шумлѣ, а также и при женскихъ гимназіяхъ въ Софіи и Търновѣ, для практическихъ занятій будущихъ сельскихъ учителей и учительницъ, образцовыя училища. Потребная на это сумма уже внесена въ бюджетъ 1883 г.

Почти во всѣхъ городахъ и въ нѣкоторыхъ даже селахъ существуютъ классныя училища, для дополненія первоначальнаго образованія. По большей части въ нихъ по два класса, но въ нѣкоторыхъ и болѣе; всѣхъ же классныхъ училищъ къ началу 1883 г. было 68 мужскихъ и 31 женскихъ, съ 3.660 учащимися м. п. и 937 ж. п.

Среднихъ учебныхъ заведеній, которыя въ настоящее время содержатся на казенный счетъ, въ Болгаріи 12. Они суть слѣдующія:

1) Духовная семинарія въ Лясковецкомъ Петропавловскомъ монастырѣ, близъ Търнова. Курсъ ученія въ ней предполагается 6-лѣтній, но въ настоящее время открыты только 4 класса. Ректоромъ въ ней со времени русской окупаціи состоитъ епископъ Брагичевскій Климентъ, викарій Доростольско-Червенской митрополіи, управляющій вмѣстѣ съ тѣмъ и Търновскою епархіей. Учителей въ семинаріи 7, а учащихся 177, въ томъ числѣ 50 казеннокоштныхъ стипендіатовъ.

2) Софійская классическая гимназія. Въ ней предполагаются 7 классовъ, въ настоящее же время открыто только 6. Преподавателей, большею частью съ высшимъ образованіемъ, 14, а учащихся, въ началѣ учебнаго года, было 389.

3) Четыре реальныя гимназіи: Габровская, Ломская, Варненская и Кюстендилская, въ которыхъ курсъ ученія предполагается семи-лѣтній. До настоящаго времени изъ нихъ полная только одна—Габровская. Въ Ломской есть уже 6 классовъ, а въ Кюстендилской и Варненской только по пяти. Всѣ эти гимназіи составляютъ какъ бы продолженіе тѣхъ высшихъ болгарскихъ училищъ, какія были въ Габровѣ и Шлодивѣ въ турецкое время. Въ этихъ гимназіяхъ, по нынѣшней программѣ, введенной въ 1881 г., кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, дано довольно много мѣста хпміи, естественнымъ нау-

камъ, геометріи, счетоводству, черченію и рисованію, и введено преподаваніе началъ политической экономіи; такимъ образомъ воспитанники этихъ училищъ—сказано въ министерской запискѣ—получать не только общее образованіе, но и обширныя познанія, которыя дадутъ имъ возможность трудиться по части архитектуры, промышленности, торговли и въ другихъ практическихъ сферахъ. Однимъ словомъ, программа этихъ училищъ въ княжествѣ та же, что и въ румелійскихъ реальныхъ гимназіяхъ. Кромѣ директоровъ, въ этихъ гимназіяхъ имѣется слѣдующій составъ учителей: въ Габровской 12, въ Ломской 8, въ Варненской 7 и въ Кюстендильской 7. Учащихся къ началу 1883 года было: въ Габровской 569, въ Ломской 220, въ Варненской 235 и въ Кюстендильской 186. Въ Габровской гимназіи уже введены испытанія зрѣлости, по особо установленной программѣ.

4) Два среднихъ (у Болгаръ: высшихъ) женскихъ училища—Софійская и Търновская гимназіи, съ четырьмя классами и однолѣтнимъ педагогическимъ курсомъ. Обѣ гимназіи въ настоящее время полныя. Кромѣ начальствующихъ лицъ, въ Софійской гимназіи 7 учащихся, а въ Търновской 6; учащихся въ Софійской 161, въ Търновской 200.

5) Два педагогическія училища въ Врацѣ и Шумлѣ, съ однолѣтнимъ на первое время курсомъ; какъ сказано выше, при Шумлянскомъ училищѣ есть и женское отдѣленіе. Въ Шумлянскомъ училищѣ имѣется, кромѣ директора, 3 преподавателя и 1 учительница, и во Врачанскомъ 3, изъ которыхъ одинъ исправляетъ и должность директора. Въ началѣ учебнаго года въ Шумлянскомъ училищѣ записано было 42 ученика и 33 ученицы, а во Врачанскомъ записалось 28 учащихся. Учебный курсъ въ этихъ училищахъ состоитъ изъ закона Божія, всеобщей исторіи, болгарской исторіи, естественной исторіи (анатомія и минералогія), ариметики, физики, педагогики, хозяйства, болгарскаго языка, черченія, рисованія, чистописанія и пѣнія.

6) Два трехклассныя училища на двухъ окраинахъ княжества: одно изъ нихъ находится въ Силистріи, населенной представителями шести народностей, и гдѣ вообще болгарскій элементъ требуетъ поддержки, а другое—въ Царибродѣ, въ бывшемъ Трънскомъ округѣ. Въ первомъ училищѣ имѣется директоръ и 3 учителя, во второмъ, кромѣ директора, 4 преподавателя. Учащихся въ первомъ было въ началѣ 1883 г. 79, а во второмъ 81.

Открытіе другихъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заве-

деней зависить отъ состоянія бюджета нынѣшняго года. Правительство внесло въ бюджетъ только кредитъ на открытіе женскаго училища въ Варнѣ. Кромѣ того, предполагается открыть спеціальное торговое училище въ Свиштовѣ и принять на казенное содержаніе общипное реальное училище въ г. Русчукѣ.

Особенное вниманіе министерство народнаго просвѣщенія обратило въ послѣднее время на обученіе церковному пѣнію въ училищахъ, и съ этою цѣлью пригласило изъ Россіи трехъ учителей—для Петропавловской духовной семинаріи, для педагогическаго училища въ Шумлѣ и для реальной гимназій въ Варнѣ. Цѣль министерства въ этомъ дѣлѣ была та, чтобы тѣ изъ окончившихъ курсъ, кои желаютъ быть сельскими учителями, умѣли вмѣстѣ съ тѣмъ пѣть въ церквахъ.

Во многихъ училищахъ содержатся стипендіаты правительства; въ настоящее время пользуются стипендіями 482 учащихся, въ томъ числѣ 92 женскаго пола. Наибольшее число стипендіатовъ, именно 75, содержится въ педагогическихъ училищахъ.

Пансіоны существуютъ только при двухъ женскихъ гимназіяхъ, Софійской и Търновской, при Петропавловской духовной семинаріи, при Софійской классической гимназій и при трехклассномъ училищѣ въ Царибродѣ. До настоящаго времени только при духовной семинаріи и въ Царибродѣ есть хорошо построенныя зданія для пансіоновъ.

За границей (въ Россіи, Германіи, Австріи, Франціи и пр.) въ разныхъ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ содержалось на средства министерства народнаго просвѣщенія въ 1881—1882 учебномъ году 32 учащихся.

Кромѣ исчисленныхъ училищъ, назначенныхъ главнымъ образомъ для Болгарь, министерство обращало вниманіе и на неболгарскія училища въ княжествѣ, хотя эти послѣднія, какъ общинныя, и не находятся въ полномъ его вѣдѣніи. Самые большія изъ нихъ это греческія въ Варнѣ, а именно: одноклассное училище съ 3 учителями и 16 учениками, два первоначальныхъ съ 5 учителями и 450 учениками, и 3 женскихъ училища съ 8 учительницами и 585 ученицами.

Кромѣ училищъ, содержимыхъ на счетъ правительства или общинъ, въ княжествѣ существуютъ еще частныя школы; между ними самая выдающаяся училище американскихъ миссіонеровъ въ Самоковѣ; здѣсь, въ шестиклассномъ мужскомъ отдѣленіи 5 учителей и 34 ученика, въ пятиклассномъ женскомъ 6 учительницъ и 80 ученицъ. Затѣмъ слѣдуетъ французское католическое училище въ Софій:

въ немъ трехклассное отдѣленіе для дѣвочекъ съ 6 учительницами и 112 ученицами, и двухклассное для мальчиковъ съ 2 учителями и 74 учениками. Министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду, что стали открываться и другія подобнаго же рода училища, и притомъ большею частію съ цѣлю религіозной пропаганды, намѣрено выработать особый законъ для урегулированія надзора за ними.

Болгарскому министерству народнаго просвѣщенія, кромѣ учебныхъ заведеній, подвѣдомственны еще слѣдующія учрежденія:

1) Народная бібліотека въ Софіи, имѣющая книгъ 6968 сочиненій въ 1297 томахъ, въ томъ числѣ 865 сочиненій, въ 884 томахъ, на болгарскомъ языкѣ; въ 1882 г. въ ней было 3737 читателей; при бібліотекѣ имѣется и небольшое собраніе древностей, впрочемъ, еще не приведенное въ порядокъ.

2) Статистическое бюро; въ 1882 г. оно разработало данныя о произведенной въ княжествѣ народпой переписи, а также собрало свѣдѣнія по статистикѣ торговли.

3) Правительственная типографія, на обязанности которой лежитъ исполненіе всѣхъ типографскихъ работъ для нуждъ правительства, а также изданіе официальной газеты.

Въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія имѣется сумма на полезныя изданія. Изъ этой суммы выдается 12.000 левовъ въ пособіе Болгарскому литературному обществу, издающему учено-литературный журналъ Периодическо Списание ¹⁾; кромѣ того, дается пособіе на печатаніе разныхъ книгъ, и съ начала нынѣшняго года предпринято изданіе болгарскаго медицинскаго журнала, подъ заглавіемъ Медицина с ка Сбирка. Въ вышедшей I-й книжкѣ этого журнала, кромѣ статей по разнымъ медицинскимъ наукамъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ санитарный отчетъ о Добрицкой околинѣ, въ которомъ авторъ, врачъ Игнатъевъ, сообщаетъ много весьма цѣнныхъ географическихъ и этнографическихъ данныхъ объ этой мѣстности. На счетъ той же казенной суммы съ нынѣшняго года министерство предполагаетъ начать изданіе болгарскаго словаря, составленнаго покойнымъ іеромонахомъ Рильскаго монастыря Неофитомъ ²⁾.

¹⁾ См. статью о немъ въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 г., августовск. книжка.

²⁾ Оставшійся въ рукописи словарь болгарскаго языка о. Неофита, самого виднаго болгарскаго дѣятеля на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, бережно хранится послѣ его смерти (4-го ян-

Наконецъ, съ начала текущаго года болгарское министерство народнаго просвѣщенія начало издаваніе своего ежемѣсячнаго спеціальнаго органа подъ заглавіемъ Учебенъ Вѣстникъ. Въ немъ должны быть помѣщаемы всѣ новые законы, инструкции и распоряже-

варя 1881 г.) братіей Рильскаго монастыря въ монастырской библіотекѣ. Словарь этотъ находится въ такомъ видѣ:

1) Первые 64 страницы (въ 8-ку), напечатанныя въ два столбца въ концѣ 1875 г., въ Константинополѣ до слова *благодѣятелю*, полныя поправокъ и дополненій.

2) Большая пачка (въ 4-ку), красиво исписанная рукою самого Неофита, полууставнымъ почеркомъ, отъ слова *благодѣятельный* до *всѣобразный*.

3) Пачка пронумерованныхъ тетрадокъ (въ 4-ю д. л. каждая) отъ 28 по 50, содержащая въ себѣ начисто написанный оригиналъ отъ слова *всѣобщій* до *дѣка*.

4) Еще пачка такихъ же тетрадей отъ 51 по 80, до слова: *истребованіе*.

5) Большая пачка (въ 4-ку), не переписанная начисто, но весьма удобочитаемая, въ которой заключается оригиналъ отъ *И* до *М*.

6) Такая же пачка съ оригиналомъ отъ *М* до слова *ома*, которымъ собственно и заканчивается словарь. Начиная отсюда, матеріалъ для словаря заключается въ замяткахъ, сдѣланныхъ въ одномъ экземплярѣ: а) въ 251 страницѣ словаря: *An english and bulgarian vocabulary in two parts, english and bulgarian, and bulgarian and english. By Rev. C. T. Morse, aided by Mr. Const. Vasiliev. Constantinople. 1860.* Словарикъ совершенно черенъ отъ множества исправленій и дополненій, вписанныхъ между строками и на поляхъ рукою о. Неофита; б) словаря (въ 357 страницъ, при изданной имъ въ Константинополѣ въ 1852 г. *Χριστομαθία СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА. — Χρηστομαθία τῆς σλαβωνικῆς γλώσσης, ἐρμηνεία ὑπὸ Νεοφύτου ἱερομονάχου Ριλιώτου, καθηγήτου τῆς γλώσσης ταύτης ἐν τῇ κατὰ Χάλκην θεολογικῇ σχολῇ τῆς τοῦ μεγάλου ἐκκλησίας*), который также полонъ замятками и дополненіями; в) связанной тетради въ 4 столбца, содержащей въ себѣ не разработанный и не приведенный въ порядокъ матеріалъ отъ буквы *Π* до конца; въ этой же тетради заключается и предисловіе вчернѣ, въ которомъ покойный авторъ высказываетъ, между прочимъ, что не должно выбрасывать въ настоящее время иностранныя и особенно турецкія слова изъ болгарскаго языка и изъ его словаря, такъ какъ трудно замѣнить ихъ соответствующими чисто болгарскими, тѣмъ болѣе, что турецкія слова очень распространены и всѣмъ извѣстны. Далѣе говорится о тѣхъ, которые хотятъ писать на старо-болгарскомъ языкѣ, не зная притомъ ни одного настоящаго старо-болгарскаго памятника со всѣми формами и фонетическими отличіями языка. Словарь о. Неофита составленъ съ большимъ вниманіемъ и даже съ педантическою точностію. Образцомъ о. Неофиту служили греческіе словари Д. Скарлате, Кумы и др.; внутренній порядокъ содержанія сдѣланъ также въ подражаніе имъ; но алфавитный порядокъ, какъ объяснилъ мнѣ о. Неофитъ, и какъ я самъ убѣдился изъ разсмотрѣнія части словаря въ рукописи при посѣщеніи Рильскаго монастыря въ 1879 г., сдѣланъ по русскимъ академическимъ словарямъ, изъ которыхъ онъ внесъ не мало словъ въ свой словарь. Словарь о. Неофита обнимаетъ не только современ-

нія, а также приказы по министерству. Кромѣ того, въ журналѣ этомъ найдеть себѣ мѣсто обсужденіе разныхъ вопросовъ научныхъ, учебныхъ и касающихся училищнаго дѣла, съ цѣлю возбудить къ нимъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ. Затѣмъ въ Вѣстникѣ предполагается обнаружить запасъ матеріала по народному образованію,

мечный живой болгарскій языкъ, но и языкъ церковныхъ книгъ; при многихъ словахъ приведены и народныя пословицы, а также выраженія, встречающіяся только въ нѣкоторыхъ болгарскихъ нарѣчіяхъ; объясненія сдѣланы на греческомъ языкѣ иногда кратко, но мѣстами довольно обширно. Впрочемъ, съ самаго начала о. Неонтъ составлялъ греко-болгарскій словарь, такъ какъ у него подъ руками были хорошіе греческіе словари, и работа была легче. Затѣмъ, по совѣтанъ покойнаго С. В. Филаретова, † 1863 г.) и г. Найдена Герова, о. Неонтъ сталъ собирать болгарскія слова для болгарскаго словаря съ греческими объясненіями. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ вѣдѣствѣ К. Иречекъ, ѣздившій въ Римскій монастырь описхъ 1881 г., съ спеціальною цѣлю рассмотреть словарь, въ своемъ рапортѣ (изъ котораго я извлекъ нѣкоторые данныя для этого примѣчанія) предлагаетъ слѣдующее: 1) Напечатать какъ можно скорѣе готовую часть словаря (до *осма*) на счетъ правительства, безъ всякаго измѣненія, какъ она вышла изъ-подъ пера о. Неонта: «Желательно было бы прибавить къ греческому объясненію и французское или русское, но это требуетъ новаго труда, и заданіе можетъ затянуться опять на долгія времена. Великій трудъ о. Неонта долженъ сдѣлаться всенароднымъ достояніемъ!» 2) Приготовить остальную часть отъ *осма* до конца по матеріаламъ, собраннымъ о. Неонтомъ, съ дополненіемъ изъ другихъ источниковъ. 3) Напечатанъ долженъ быть словарь въ большомъ форматѣ въ два столбца. Корректурa должна читаться нѣсколькими лицами съ самымъ большимъ вниманіемъ, чтобы не осталось ни одной погрѣшности, и такимъ образомъ книга сдѣлала бы честь новоболгарской типографіи и даже вполне могла бы сравниться по исполненію съ работами самыхъ извѣстныхъ европейск. типопочитонъ. 4) Изданіемъ должны руководить люди, хорошо знающіе болгарскій языкъ. Въ началѣ словаря нужно поставить, кромѣ предисловія покойнаго, еще другое, въ которомъ будутъ объяснены приемы изданія, а также помѣстить подробную біографію съ портретомъ и facsimile о. Неонта. 5) Для типографіи нужно сдѣлать копію съ оригинальной рукописи, которую нужно держать въ чистотѣ и цѣлости; было бы жаль, еслибы повредился или пропалъ автографъ покойнаго лексикографа, который онъ такъ старательно берегъ, какъ самое большое свое сокровище. По сообщенію г. К. Иречка, въ Римскомъ монастырѣ хранится еще одинъ памятникъ о. Неонта, вся его переписка съ греческими митрополитами въ Болгаріи, съ тогдашними болгарскими писателями и дѣятелями, ихъ учениками, народными учителями и проч.; въ ней заключается весьма много данныхъ для исторіи новоболгарскаго литературнаго и школьнаго движенія минувшаго столѣтія. «Безъ этой переписки» говоритъ г. Иречекъ, «нельзя знать, изучать или написать исторію Болгаріи XIX столѣтія, и потому ее непременно нужно напечатать» (*Периодическо Описаніе*, кн. II, стр. 132—137).

который накопился въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія со времени русской окціи. По настоящее время вышло семь книжекъ Вѣстника, изданныхъ въ трехъ выпускахъ. Эти книжки заключаютъ въ себѣ статьи по педагогикѣ и дидактикѣ, школьной гигиенѣ, естествознанію, по школьному дѣлу въ Болгаріи и въ другихъ государствахъ, научную хронику и библиографію и официальные распоряженія по народному образованію у Болгарь вообще. Приводимъ здѣсь содержаніе всѣхъ вышедшихъ книжекъ.

По дидактикѣ имѣется только одна статья. А. Георгова: „Водолазный колоколъ“, представляющая образецъ пагляднаго преподаванія въ болгарскихъ училищахъ.

По школьной гигиенѣ: 1) „Нѣсколько мыслей о важности физическаго воспитанія и особенно объ училищной гимнастикѣ“ (по Дитесу); 2) „О дѣтяхъ, трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи“ д-ра Ю. Вроде ля (по Сикорскому).

По естествознанію: 1) „О мозгѣ и душевныхъ способностяхъ“ С. Юринича; 2) „Успѣхи атмосферной микографіи“, статья изъ *Revue des deux mondes* 1883 г.; 3) „Солнце и подчиненные ему небесныя тѣла“, М. Георгіева.

По училищному дѣлу: 1) „Обычай во время сельскихъ годичныхъ училищныхъ экзаменовъ въ Шуменскомъ округѣ“, Иліи Р. Бляскова¹⁾; 2) „Кто долженъ назначать учителей въ общинныхъ основныхъ училищахъ“, В.; 3) „Устройство и учебная основа атенеесвъ и правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Бельгіи“; 4) „Учебное дѣло въ Цюрихскомъ кантонѣ“, Ив. А. Георгова. Къ этому же отдѣлу относятся и замѣтки по школьной статистикѣ, въ томъ числѣ списокъ Болгарь и Болгарокъ, учившихся за границей въ 1881—1882 учебномъ году.

Въ научной хроникѣ помѣщено много мелкихъ замѣтокъ по народному образованію въ Болгаріи, а также по археологіи, исторіи и естествознанію.

Въ библиографіи отмѣчены книги, какъ учебныя, такъ и не учебныя, съ небольшими о нихъ замѣтками.

Наконецъ, официальный отдѣлъ содержитъ въ себѣ текуція распоряженія правительства и отчеты. Кромѣ того, въ приложеніи ко всѣмъ вышедшимъ выпускамъ помѣщается „Училищный Сборникъ“,

¹⁾ Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что родители и родственники учениковъ присутствуютъ на экзаменахъ.

который впоследствии составилъ отдѣльную книгу; это сборникъ распоряженій по учебному дѣлу въ Болгарскомъ княжествѣ со времени оккупации до конца 1882 года. Издавая этотъ сборникъ, министерство имѣло въ виду „собрать въ одну книгу все сдѣланное по администраціи и устройству училищъ“ въ Болгаріи, чтобы такимъ образомъ дать возможность исправить недостатки, несообразности или неточности во всѣхъ отдѣлахъ училищной администраціи и организаціи. Въ вышедшую до настоящаго времени часть сборника вошли распоряженія по народному просвѣщенію по іюль мѣсяцъ 1881 г.

И. Сырну.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О составѣ и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1882 г.: личный составъ; преподавательскія вакансіи; учено-литературные труды профессоровъ и другихъ служащихъ; публичныя лекціи; свѣдѣнія объ учащихся и мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; командировка студентовъ и оставленіе при университетѣ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета; учебно-вспомогательныя учрежденія; учебныя клиники; ученые общества.

Наличный составъ преподавателей въ Казанскомъ университетѣ въ 1882 году былъ слѣдующій: ординарныхъ профессоровъ 35, экстраординарныхъ 10, доцентовъ 17, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 4, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 8, лекторовъ 2, ординаторовъ 14, ассистентовъ 9, собственно преподавателей 2, всего 105 лицъ. При всѣхъ четырехъ факультетахъ состояло 13 приватъ-доцентовъ, которые преподавали слѣдующіе предметы: 1—латинскій языкъ, 2—греческій языкъ, 1—славянскую филологію (славянскія нарѣчія), 1—сравнительное языковѣдѣніе (русская фонетика и греческая фонетика, сравнительная грамматика греческаго и латинскаго языковъ), 2—физику общую и математическую, физическую химию, количественный химическій анализъ и физико-химическую практику, 1—уголовное право (уголовное судопроизводство), 1—гражданское судопроизводство, 1—дифференціальныя уравненія и функціи мнимаго переменнаго, 1—минералогію и геологію и 1—гигиену. Сверхъ того, приглашенъ былъ къ временному преподаванію логики и психологіи въ историко-филологическомъ факультетѣ профессоръ мѣстной духовной семинаріи.

Преподавательскія вакансіи были слѣдующія: по историко-филологическому факультету—римской словесности, со второй половины 1869 года, по исторіи всеобщей литературы, теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, со времени введенія въ дѣйствіе нынѣшняго университетскаго устава, то-есть, съ 1863 г., арабскаго языка съ октября 1868 г. и турецко-татарскаго съ іюля 1872 года; по юридическому—церковнаго законовѣдѣніи съ сентября 1869 года, исторіи славянскихъ законодательствъ съ 1863 года, уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства съ іюля 1870 года, политической экономіи и статистики съ марта 1878 года, исторіи иностранныхъ законодательствъ, древнихъ и новыхъ съ января 1876 года и энциклопедіи права съ октября 1879 года; по медицинскому факультету образовалась вакансія ординатора хирургической факультетской клиники въ декабрѣ 1882 года; по физико-математическому — сравнительной анатоміи и прикладной механики. Изъ числа помѣнованныхъ предметовъ преподаваніе римской словесности, энциклопедіи права, исторіи иностранныхъ законодательствъ и церковнаго законовѣдѣніа возложено на разныхъ лицъ, а остальные предметы вовсе не преподавались.

Нѣкоторые изъ профессоровъ, преподавателей и другихъ служащихъ въ Казанскомъ университетѣ издали въ 1882 году въ свѣтъ и приготовили къ печати учено-литературные труды, а именно: профессоры: Д. О. Вѣляевъ напечаталъ „О воспитаніи и обученіи у Грековъ и Римлянъ“ (по поводу книги Грасбергера) и помѣстилъ: въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—статью „По вопросу о возрѣніяхъ Еврипида на сословія и состоянія, внутреннюю и внѣшнюю политику Аонія“ и въ Заграничномъ Вѣстникѣ—критико-библиографическія замѣтки и рецензіи о книгахъ: а) „Ellissen, Senat im Oströmischen Reiche“, б) „Отчетъ о занятіяхъ коммисіи Кавказскаго учебнаго округа по вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ“ и в) „Hoffmann, Die Frage der Theilung Philosophischen Facultät“ и нѣкоторыхъ другихъ; И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ помѣстилъ: въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ“ и рецензію брошюры „Esquisse sommaire de la Mythologie slave, par Louis Leger“, въ Филологическихъ Запискахъ—„Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка“, въ Archiv für Slavische Philologie—„Der Kirchheimer Dialect der Slovenischen Sprache“, и въ польскомъ сборникѣ Ognisko—„O Slowianach“; Н. А. Осокинъ напечаталъ ре-

цензію на сочиненіе Курганова „Борьба папы Бонифація VIII съ Французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ“ и продолжалъ литографированное изданіе чтеній по новой исторіи; М. П. Петровскій помѣстилъ: въ Заграничномъ Вѣстникѣ—переводъ сочиненія Скиба „Капакі“ и въ газетѣ Русь — библиографическую замѣтку о I томѣ „Описанія рукописей Соловецкой бібліотеки“; Д. А. Корсаковъ напечаталъ двѣ рецензіи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — о сочиненіи А. С. Архангельскаго „Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ“ и въ Историческомъ Вѣстникѣ — о II томѣ сочиненія А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ“; сверхъ того, состоя членомъ редакціоннаго комитета Трудовъ бывшаго въ Казани въ 1877 году IV археологическаго съѣзда, редактировалъ это изданіе вмѣстѣ съ другими лицами; Н. П. Загоскинъ издалъ свой трудъ: „Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго Казанскаго дворца. Т. I. Архивъ князя В. Н. Баюшева“; И. М. Догель издалъ „Руководство къ фармакологіи“ и напечаталъ статьи: въ Трудяхъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ и въ Zeitschrift für wiss. Zoologie—„Beitrag zur Kenntniss der Structur und der Function des Herzens des Knochenfische“ и въ Archiv für Microscopische Anatomie—„Die Nervenzellen und Nerven des Herzentzirkels beim Frosche“; Е. В. Адамюкъ помѣстилъ во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ статью „Объ отслоеніи сѣтчатки“; А. Я. Щербаковъ помѣстилъ въ Дневникѣ Казанскаго Общества врачей двѣ статьи: „Къ вопросу объ образованіи щавелевокислыхъ осадковъ и сростковъ въ мочѣ человѣка“ и „Труды областнаго съѣзда въ Харьковѣ, въ февралѣ 1881 года, о мѣрахъ противъ дифтеритной эпидеміи“ и составилъ брошюру „Способы санитарныхъ изслѣдованій. Ч. II. Физическій и химическій анализъ почвы“, изданную главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, какъ руководство для военныхъ врачей; Л. Л. Левшинъ помѣстилъ въ Centralblatt für Chirurgie двѣ статьи: „Jodoformbehandlung bei Ovariectomie“ и „Krankenbett“; Н. О. Высоцкій напечаталъ въ Протоколахъ V съѣзда земскихъ врачей Казанской губерніи „Нѣсколько словъ по вопросу объ оспопрививаніи“; А. А. Штукенбергъ напечаталъ статьи: „Вуровая скважина въ Балахнѣ“, „Геологическое изслѣдованіе яруса пестрихъ мергелей и его отношеніе къ другимъ образованіямъ Пермской системы Европейской Россіи“ и „Геологическій очеркъ Европейской Россіи“ Р. А. Колли помѣстилъ статьи: въ Annalen der Physik Wiedemann'a—„Ueber die Existenz einer dielectrischen Polarisation in den Electro-

lyten", „Ueber die einem geschlossenen Stromkreise geleistete Arbeit äusserer Kräfte" и „Nachweis der Existenz Maxwell'schen electromotorischen Kraft", въ Журналѣ физико-химическаго Общества—„О существованіи пондеро-кинетической части энергіи электромагнитнаго поля" и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета „О гальванической поляризации электронидовъ"; П. В. Сорокинъ напечаталъ 1-й выпускъ брошюры „Растительные паразиты, какъ причина заразныхъ болѣзней человѣка и животныхъ" и помѣстилъ статьи: въ Трудахъ Казанскаго техническаго Общества—„Гниль нашихъ древесныхъ породъ", въ Дневникѣ Общества врачей—„О новомъ паразитѣ, открытомъ г. Ланге", въ Волжско-Камскомъ Словѣ—„О новомъ бѣдствіи, угрожающемъ нашему сельскому хозяйству", въ Новомъ Времени—„По поводу появленія кобрыды у пчелъ" и въ Arch. botanique—„Organismes du groupe des Clytridiaceae". Доценты: А. С. Архангельскій помѣстилъ въ Памятникахъ Общества любителей древней письменности изслѣдованіе „Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ"; А. В. Васильевъ напечаталъ статью „Преподаваніе чистой математики въ Берлинскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ"; В. В. Ивановскій напечаталъ сочиненіе „Опытъ изслѣдованія дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія въ Россіи"; А. Г. Ге помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ двѣ статьи: „Сифилисъ и сельское населеніе" и „Пораженіе носовой полости рабочихъ, приготовляющихъ двухромовое кали". Ассистентъ В. С. Орловъ напечаталъ: въ Трудахъ V съѣзда врачей Казанской губерніи—„О лучшей организаціи земскаго санитарнаго дѣла въ связи съ нѣбующимися узаконеніями" и „Къ вопросу о состояніи начальныхъ народныхъ школъ Казанской губерніи", и въ Дневникѣ Общества врачей—нѣсколько библиографическихъ замѣтокъ. Ординаторы: А. М. Румянцевъ помѣстилъ въ Дневникѣ Общества врачей статью „Къ казуистикѣ операций полнаго удаленія матки по способу Freund'a"; А. М. Дохманъ напечаталъ статьи: въ Дневникѣ Общества врачей—„Изъ наблюденій надъ истеричными", „Старая и новая медицина" и „О лѣченіи дифтерита", въ Медицинскомъ Обзорѣніи—„Идиопатическія судороги языка и въ журналѣ Международная клиника—рефератъ; И. В. Годневъ помѣстилъ въ Дневникѣ Общества врачей статью „О влияніи солнечнаго свѣта на животныхъ"; В. М. Виноградовъ помѣстилъ въ томъ же изданіи статью „Дѣйствиіе ergotin'a на селезенку"; В. И. Разумовскій и А. М. Нагибинъ въ томъ же изданіи напечатали статьи: первый—„Пять случаевъ оваріотоміи" и „Рѣдкій случай

ипороднаго тѣла въ мочевомъ пузырьѣ", второй— „Случай ампутаціи языка" и „Случай резекціи тазобедреннаго сустава; Н. Н. Сапожниковъ напечаталъ въ журналѣ Здоровье статью „Качественное и количественное изслѣдованіе Казанскаго продажнаго молока въ санитарномъ отношеніи". Приватъ-доценты: И. А. Сивгиревъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета часть своего изслѣдованія „Іосифъ Добровскій"; С. К. Кузнецовъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Казанскаго Общества археологій, исторіи и этнографіи: а) отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ, б) замѣтки по поводу реферата Г. Н. Потапина и в) статью „Атамановы кости—могильникъ бронзовой эпохи"; В. А. Богородицкій помѣстилъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ: „Введеніе въ изученіе русскаго вокализма", этюдъ по психологій рѣчи и мелкія замѣтки; П. И. Кротовъ напечаталъ: въ Трудяхъ Казанскаго Общества естествоиспытателей—„Геологическія изслѣдованія по Волгѣ между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью" и „О раскопкахъ на городищѣ у д. Галкиной, на устьѣ Чусовой". Проректоръ Н. М. Маліевъ помѣстилъ въ журналѣ Врачъ статью „О стресіи русскаго черепа". Лекторъ А. З. Колмачевскій помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета изслѣдованіе „Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ".—Публичную лекцію прочелъ профессоръ Левшинъ „О первой помощи при кровотеченияхъ". Профессоры и преподаватели историко-филологическаго факультета читали лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, именно: Осокинъ—по исторіи древне-римской имперіи, Смирновъ—по эстетикѣ: объ эстетическихъ принципахъ живописи, Архангельскій—исторію русской литературы XVII вѣка, и Богородицкій—по русской грамматикѣ.

Къ 1-му января 1881 года въ Казанскомъ университетѣ состояло 776 студентовъ; въ теченіе 1882 года вновь поступило 264 (изъ гимназій 214, изъ духовныхъ семинарій 2, изъ другихъ учебныхъ заведеній 48); въ теченіе года вышло 240 (117 до окончанія курса и 123 по окончаніи курса); затѣмъ къ 1-му января 1883 года находилось на лицо 800. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1882 года 49, къ 1-му января 1883 года—47. Состоявшіе къ 1-му января 1883 года на лицо 800 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 74, на физико-математическомъ 97. (по разряду математическихъ наукъ 65, по разряду естественныхъ наукъ 32), на юридическомъ 118, на медицинскомъ 511; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 712, старообрядцевъ 13, римско-католиковъ 19, лютеранъ 21, евреевъ 32, ар-

мяно-григоріанъ 1; магометанъ 2; в) по сословіямъ: сиповой дворянъ и чиновниковъ 316, духовнаго званія 195, потомственныхъ гражданъ и купцовъ 88, мѣщанъ и разночинцевъ 153, крестьянъ 47, иностранныхъ подданныхъ 1; г) по мѣсту предварительнаго образованія: гимназистовъ 625, семинаристовъ 65, изъ другихъ учебныхъ заведеній 110; д) по учебнымъ округамъ, къ вѣдомству которыхъ принадлежатъ заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго 24, Московскаго 48, Казанскаго 471, Оренбургскаго 133, Западной и Восточной Сибири 48, Харьковскаго 48, Одесскаго 6, Кіевскаго 8, Виленскаго 9, Дерптскаго 4, Кавказскаго 1. Стипендіями пользовались 203 студента, всего на 46,609 руб. 75 коп., въ томъ числѣ: изъ суммъ государственнаго казначейства—24.494 руб. 86 коп., отъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений—16,683 руб. 21 коп., изъ пожертвованныхъ капиталовъ—5,181 руб. 72 коп. и изъ суммы сбора за слушаніе лекцій—250 руб.; размѣръ стипендій отъ 90 руб. до 440 руб. включительно. Единновременныя пособія выданы были 245 студентамъ, всего на сумму 8,884 руб., въ томъ числѣ: 3,340 руб. изъ средствъ государственнаго казначейства и 5,044 руб. изъ разныхъ источниковъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: полной—197, половиною—201, всего на 11,900 руб. Всего воспользовались вспомошествованіями въ разныхъ видахъ 846 студентовъ на сумму 66,834 руб.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ приняты были слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ: По примѣру прежнихъ лѣтъ, обращается факультетомъ особенное вниманіе на письменныя, болѣе или менѣе самостоятельныя работы, и каждый студентъ обязанъ былъ представить по крайней мѣрѣ одну работу въ годъ по какому-либо изъ факультетскихъ предметовъ. Для письменныхъ экзаменаціонныхъ отвѣтовъ, требуемыхъ дѣйствующими правилами, факультетъ постановилъ назначить особые дни, когда эти отвѣты во время экзаменовъ должны происходить подъ надлежащимъ надзоромъ. Сверхъ письменныхъ работъ, для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ III и IV курсахъ ведены были, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, особыя практическія по нѣкоторымъ предметамъ занятія, въ которыхъ принимали участіе: по русской словесности—10 студентовъ, по русской исторіи и русской географіи—15, по всеобщей исторіи и географіи—7, по греческой и римской словесности—5. Эти занятія происходившія, подъ руководствомъ профессоровъ названныхъ пред-

метовъ, въ особнѣ отъ лекцій часы, по предметамъ исторіи и географіи, всеобщей и русской словесности состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ ученою и педагогическою литературою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомленіи съ историческими источниками и въ чтеніи пробныхъ лекцій студентами по предмету ихъ будущей профессіи и въ разборѣ письменныхъ годовичныхъ работъ. Нѣкоторыми студентами были прочитаны рефераты, заключавшіе въ себѣ изложеніе содержанія и разборъ нѣкоторыхъ источниковъ и критику ихъ на основаніи другихъ источниковъ. Отъ студентовъ, при чтеніи ими пробныхъ уроковъ, требовались не только научныя достоинства, заключающіяся въ строгомъ выборѣ существенныхъ фактовъ и въ разумномъ ихъ освѣщеніи, но и примѣнимость уроковъ къ возрасту будущихъ учениковъ. По классической филологіи практическія занятія состояли въ чтеніи рефератовъ о новыхъ изслѣдованіяхъ въ этой научной области и въ объясненіи литературныхъ и эпиграфическихъ памятниковъ. Окончившіе курсъ студенты, съ успѣхомъ занимавшіеся въ практическихъ семинаріяхъ, были освобождены отъ особыхъ спеціальныхъ испытаній на званіе учителей въ гимназіи и прогимназіи. Кромѣ упомянутыхъ практическихъ занятій, имѣющихъ ближайшею цѣлію приготовленіе къ преподавательской дѣятельности, производились практическія занятія также и по исторіи русскаго языка и сравнительному языковѣдѣнію. Подъ руководствомъ доцента Архангельскаго студенты старшихъ курсовъ занимались русскою палеографіей. Профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ велъ во второмъ полугодіи практическія занятія санскритомъ и литовскимъ языкомъ для желающихъ изъ студентовъ и для магистрантовъ по языковѣдѣнію. Занятія эти состояли въ чтеніи, переводѣ и объясненіи санскритскихъ и литовскихъ текстовъ, равно какъ и въ упражненіяхъ, имѣвшихъ цѣлію основательное усвоеніе формъ данныхъ языковъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ ведены были практическія занятія по языковѣдѣнію, которыми, при участіи инспектора татарскихъ школъ Радлова, руководили профессоръ Бодуэнъ и доцентъ Богородицкіи. Въ прочихъ факультетахъ мѣры и способы контроля къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ, были тѣ же, которыя практиковались и въ 1881 г.; въ медицинскомъ же факультетѣ, кромѣ клиническихъ лекцій, читанныхъ надъ больными госпитальной и хирургической клиники, преслѣдовалась и та педагогическая цѣль, чтобы студенты сами, конечно, подъ руководствомъ директора клиники, производили какъ можно болѣе не только такъ-называемыхъ малыхъ, но и большихъ операцій.

Поведеніе студентовъ внутри университета, за исключеніемъ безпорядковъ, которые произведены были въ концѣ октября, можно признать удовлетворительнымъ. Въ теченіе всего года сдѣлано было лишь два словесныхъ замѣчанія двумъ студентамъ, явившимся къ начальству университета въ одеждѣ, не дозволенной университетскими правилами. По случаю упомянутыхъ выше произведенныхъ студентами безпорядковъ, по постановленію совѣта университета, происходившаго подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа, прекращено было чтеніе лекцій, и университетъ, со всѣми его учебно-вспомогательными учрежденіями, объявленъ закрытымъ для студентовъ. По рассмотрѣніи дѣла въ особой комиссіи, совѣтомъ университета постановлено: одного студента (2-го курса медицинскаго факультета) исключить изъ университета навсегда, съ лишеніемъ его права поступить въ какое-либо учебное заведеніе въ теченіе 3-хъ лѣтъ; 4-хъ студентовъ удалить изъ университета на два года, съ лишеніемъ ихъ права въ теченіе этого времени поступить въ какое-либо учебное заведеніе; 28 студентовъ удалить или уволить изъ университета съ тѣмъ же ограниченіемъ правъ на одинъ годъ. Сверхъ того, 49 студентамъ выражено, за участіе въ безпорядкахъ „особое порицаніе“, 46 студентамъ „порицаніе“, а 72 студентамъ предложено дать подписку въ соблюденіи университетскихъ правилъ. Относительно поведенія студентовъ внѣ стѣнъ университета, университетомъ получены слѣдующія свѣдѣнія: а) двое студентовъ медицинскаго факультета, изъ коихъ одинъ уже уволенъ изъ университета, отданы подъ секретный надзоръ полиціи; б) одинъ студентъ того же факультета привлеченъ къ дознанію по обвиненію его въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 246 и 248 ст. Улож. о наказаніяхъ, и в) трое студентовъ, по сообщенію полиціи, замѣчены были въ буйствѣ и нарушеніи тишины въ ночное время.

Для приготовленія къ профессорскому званію командированы: за границу: магистрантъ Щегловъ—по кафедрѣ государственнаго права и магистръ Дормидонтовъ—по кафедрѣ гражданскаго права; внутри Россіи—магистрантъ русской словесности Архангельскій. Для усовершенствованія въ избранныхъ спеціальностяхъ оставлены при университетѣ стипендіатами: Звѣревъ—по греческой словесности, Буличъ—по сравнительному языковѣдѣнію индо-европейскихъ языковъ, Ковальскій и Шулинскій—по математическимъ наукамъ, Зайцевъ и Остроумовъ—по предметамъ естественнаго разряда, Ивановскій—по полицейскому праву, Зедерштедтъ—по гражданскому

праву, Лаврскій—по политической экономіи и статистикѣ, Фогель—по предметамъ медицинскаго факультета.

Въ теченіе года совѣтомъ Казанскаго университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени магистра—три кандидата: Архангельскій—русской словесности, Дормидонтовъ—гражданскаго права, Ивановскій—полицейскаго права, и докторъ Парижскаго университета Максимовичъ—чистой математики; сверхъ того, защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра исторіи всеобщей литературы и утвержденъ въ оной лекторъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ университетѣ, кандидатъ Колмачевскій; б) въ степени кандидата—17 студентовъ (по историко-филологическому факультету 4, по физико-математическому 8, по юридическому 7); в) въ званіи дѣйствительнаго студента—50 (по историко-филологическому факультету 17, по физико-математическому 13, по юридическому 20). На медицинскомъ факультетѣ удостоено ученыхъ степеней и званій: степени лѣкаря—64, званія уѣзднаго врача—59 (изъ числа 64), степени провизора—8, аптекарскаго помощника—32, званія повивальной бабки—62 (29 изъ ученицъ повивальнаго класса, состоящаго при Казанскомъ университетѣ, 34—изъ другихъ родовспомогательныхъ учрежденій).

Денежныя средства Казанскаго университета паходились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: ассигновано изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 336,581 руб. 13 коп., изъ нихъ израсходовано 310,182 руб. 57 коп., затѣмъ къ 1883 году осталось на лицо 26,398 руб. 56 коп.; б) сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: отъ 1881 года оставалось 4,847 руб., въ теченіе года поступило 19,704 руб. 28 коп., въ тотъ же срокъ израсходовано 18,143 руб. 59 коп., къ 1883 году имѣлось въ остаткѣ 6,407 руб. 76 коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ: къ 1882 году было 186,024 руб. 56 коп., въ 1882 году поступило 120,853 руб. 52 коп., въ теченіе года израсходовано 76,348 руб. 68 коп., къ 1883 году состояло на лицо 230,529 руб. 40 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за ученіе были слѣдующіе: на пособія и стипендіи студентамъ 3,910 руб., на вознагражденіе профессоровъ и другихъ преподавателей 3,750 руб., на жалованье и плату служащимъ 3,255 руб., на хозяйственные расходы, ремонтъ домовъ и другія надобности 952 руб., на добавочное къ штатному содержанію жалованье профессорамъ и другимъ лицамъ 800 руб., на преміи и награды студентамъ 500 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго университета къ 1-му января 1883 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ: книгъ, русскихъ и иностранныхъ, 42,922 названія 98,291 томъ, періодическихъ изданій 15,304 томъ, рукописей 811 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 793 листа, всего на сумму 304,093 руб.; въ студентской библіотекѣ: книгъ 4,506 названій 14,005 томовъ, періодическихъ изданій 146 названій 560 томовъ, рукописей, картъ, гравюръ и плановъ 20 номеровъ, всего на 31,135 руб.; въ кабинетахъ физическомъ, физической географіи, метеорологической обсерваторіи и практической механики: картъ, атласовъ, брошюръ, моделей, инструментовъ, снарядовъ, мебели и проч. 1,460 номеровъ на 40,377 руб. Въ музей этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ: древностей 1,642 номера на 3,899 руб., брошюръ, картъ, атласовъ, рукописей 5,039 названій на 12,810 руб.; въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ, картъ, рисунковъ 14 названій 24 экземпляра на 250 руб., горныхъ породъ, окаменѣлостей, приборовъ, инструментовъ, посуды, химическаго матеріала, мебели 11,104 номера 31,926, экземпляровъ на 8,861 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ 1 книга въ одномъ экземплярѣ стоимостью 26 руб., минераловъ, моделей, камней, приборовъ, инструментовъ и проч. 7,950 номеровъ 17,212 экземпляровъ на 22,354 руб.; въ ботаническомъ кабинетѣ: растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій моделей и препаратовъ 441 номеръ 27,798 экземпляровъ на 13,786 руб.; въ агрономическомъ кабинетѣ: книгъ 5 названій и столько же томовъ на 50 руб., моделей, приборовъ, реактивовъ, матеріаловъ и проч. 288 номеровъ 1,068 экземпляровъ на 2,796 руб.; въ фармацевтической лабораторіи: книгъ 30 названій на 517 руб. фармацевтическихъ препаратовъ, секретныхъ, и восточныхъ средствъ, моделей кристалловъ и проч. 1,496 номеровъ на 2,197 руб.; въ фармакологическомъ кабинетѣ: книгъ 25 названій на 853 руб., инструментовъ, снарядовъ, приборовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 593 номера на 6,197 руб.; въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ, животно-химическихъ и химическихъ препаратовъ и реактивовъ, посуды и проч. 1,746 номеровъ на 1,909 руб.; въ гигиеническомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ 44 названія 60 томовъ на 288 руб., аппаратовъ, инструментовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 558 номеровъ 1,276 экземпляровъ на 3,256 руб.; въ медико-химической лабораторіи: приборовъ, инструментовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 475 номеровъ 1,602 экземпляра на 6,047 руб.;

въ офталмологическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ 535 номеровъ на 3,629 руб.; въ госпитальной терапевтической клиникѣ—247 номеровъ 336 экземпляровъ на 2,499 руб.; въ химической лабораторіи для практическихъ занятій по аналитической химіи студентовъ медицинскаго факультета: химическихъ матеріаловъ и посуды 22 номера на 222 руб.; въ патологическомъ кабинетѣ образцовъ фабрично-заводскихъ продуктовъ, моделей машинъ и аппаратовъ, приборовъ, инструментовъ и проч. 1,280 номеровъ 2,616 экземпляровъ на 2,563 руб.; въ технической лабораторіи: приборовъ, инструментовъ, реактивовъ и проч. 485 номеровъ 2,346 экземпляровъ на 5,393 руб.; въ химической лабораторіи: препаратовъ, реагентовъ, матеріаловъ, посуды, инструментовъ и проч. 776 номеровъ на 5,717 руб.; въ гистологическомъ кабинетѣ: микроскоповъ, лупъ, мелкихъ инструментовъ и проч. 423 экземпляра на 2,858 руб.; въ отдѣленіи химической лабораторіи по органической химіи: книгъ 58 названій 153 тома на 625 руб., препаратовъ, реагентовъ, другихъ матеріаловъ посуды, мебели и проч. 635 номеровъ на 9,577 руб.; въ кабинетѣ хирургической факультетской клиники разныхъ предметовъ 1,151 номеръ 2,368 экземпляровъ на 8,510 руб.; въ педиатрическомъ кабинетѣ при амбулаторіи дѣтскихъ болѣзней—60 номеровъ 93 экземпляра на 937 руб.; въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: препаратовъ, рисунковъ, моделей, снарядовъ и проч. 3,324 номера 10,476 экземпляровъ на 16,740 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ 21 названіе 29 томовъ на 296 руб. препаратовъ, моделей, таблицъ, инструментовъ и проч. 719 номеровъ 2,192 экземпляра на 8,811 руб.; въ физиологическомъ кабинетѣ физико-математическаго факультета: мебели, инструментовъ, приборовъ и проч. 500 номеровъ 1,338 экземпляровъ на 6,050 руб.; въ физиологическомъ кабинетѣ медицинскаго факультета: книгъ 4 названія 56 томовъ на 139 руб., аппаратовъ, посуды, снарядовъ, моделей и проч. 1,028 номеровъ 4,008 экземпляровъ на 9,720 руб.; въ кабинетѣ акушерско-гинекологической клиники разныхъ предметовъ 440 номеровъ на 3,612 руб.; въ ботаническомъ саду: оранжевыхъ растений, фруктовыхъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ 6,776 номеровъ на сумму 14,195 руб.; въ музей физиологической анатоміи: мебели, посуды, препаратовъ, скелетовъ, и проч. 1149 номеровъ на 1,922 руб.

Состояніе клиникъ Казанскаго университета и движеніе въ нихъ больныхъ за 1882 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: Въ глазную факультетскую клинику (14 кроватей) больныхъ въ теченіе

года поступило 121, приходило за совѣтами 1,404. Дѣятельность клиники сосредоточивалась въ занятіяхъ со студентами V курса и выразилась слѣдующими данными: всѣхъ больныхъ глазами осмотрѣно въ теченіе клиническихъ занятій 1,525 человекъ. Надъ 121 стационарнымъ и надъ многими изъ приходящихъ больныхъ произведено 326 болѣе или менѣе важныхъ операцій, изъ числа которыхъ въ трехъ случаяхъ была потеря глаза, а въ 12-ти случаяхъ имѣло мѣсто осложненіе воспаленіемъ. Въ госпитальной терапевтической клиникѣ, состоящей изъ двухъ отдѣленій, мужскаго и женскаго (отъ 27 до 40 кроватей), больныхъ отъ 1881 года оставалось 32, въ теченіе 1882 г. вновь принято 423, въ тотъ же срокъ выздоровѣло и вышло 313, умерло 122, къ 1-му января 1883 года оставалось на излеченіи 20, приходившихъ за совѣтами больныхъ было 3,586.—Хирургическое отдѣленіе факультетской клиники (18 кроватей): къ 1-му января 1882 года больныхъ состояло 14, въ теченіе года принято 51, выздоровѣло и вышло 52, умеръ 1, къ началу 1883 года оставалось 12, приходило за совѣтами 597 больныхъ. Операцій произведено было: у стационарныхъ больныхъ 40, у приходящихъ—198. Вслѣдствіе недостатка средствъ, клиника была закрыта ранѣе обыкновеннаго, именно 20-го марта; сверхъ того, во время закрытія университета, клиническихъ занятій въ ней не было, и больные не принимались. Въ амбулаторію дѣтскихъ болѣзней, учрежденную при факультетской клиникѣ, было приносимо и привозимо въ теченіе 1882 года 215 дѣтей. Значительное уменьшеніе числа больныхъ происходило отъ двухъ причинъ: а) отъ уменьшенія клиническихъ суммъ, предназначенныхъ для бесплатнаго отпуска лѣкарствъ больнымъ амбулантнымъ и б) отъ временнаго закрытія университета въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Акушерская клиника, состоящая изъ двухъ отдѣленій, акушерскаго и гинекологическаго (25 кроватей): отъ 1881 года оставалось 28 больныхъ, въ теченіе 1882 года вновь поступило 101, выздоровѣло и вышло 110, умерло 6, оставалось къ 1883 году на излеченіи 13, приходившихъ за совѣтами больныхъ было 312.

При Казанскомъ университетѣ состоятъ три ученыя общества: Общество естествоиспытателей, Общество врачей и Общество археологовъ, исторіи и этнографіи. Дѣятельность этихъ обществъ и состояніе ихъ въ 1882 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общество естествоиспытателей состояло изъ 21 почетнаго члена, 62 дѣйствительныхъ и 19 членовъ-сотрудниковъ. Оно имѣло, не считая годичнаго, 4 засѣданія совѣта и 5 общихъ собраній. Въ

засѣданіяхъ Общества были сдѣланы слѣдующія научныя сообщенія: Н. Бекаревича и С. Дмитріева—два отчета о раскопкахъ древнихъ кладбищъ и кургановъ, произведенныхъ въ Костромской губерніи въ 1881 и 1882 годахъ; Н. Варпаховскаго—„Ихтиологическая форма рѣки Малой Кокшаги“; Н. Высоцкаго—„О слѣдахъ поселеній и могилахъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ около города Казани“; А. Догеля—„Отношеніе лимфатической системы къ кровеносной“; А. Зайцева—отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Самарской губерніи, произведенныхъ имъ въ 1882 году; П. Кротова—отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ приуральскихъ частяхъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ Пермской губерніи, произведенныхъ имъ вмѣстѣ съ А. Ивановымъ въ 1881 году; П. Крылова—отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ въ Казанской губерніи, произведенныхъ имъ въ 1881 году, и „О народныхъ лѣкарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ въ г. Казани и нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи“; Н. Маліева—отчетъ о поѣздкѣ съ антропологическою цѣлью въ окрестности села Мордовы Казанской губерніи въ 1881 году, и „Объ особенностяхъ русскаго черепа въ разныхъ классахъ населенія“; И. Навалихина—„Лимфатическая система сердечной мышцы“; А. Остроумова—отчетъ о зоологическихъ изслѣдованіяхъ въ Дагестанѣ, произведенныхъ имъ въ 1882 году; Э. Пельцама—„О вредныхъ насѣкомыхъ въ Самарской губерніи“; С. Смирнова—„О нѣкоторыхъ результатахъ его путешествія въ верховьяхъ Аму-Дарьи“; А. Штукенберга—„О геологическомъ изслѣдованіи древнихъ рудниковъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ“ и „Объ отношеніи верхняго яруса пестрыхъ мергелей къ другимъ образованіямъ Пермской системы Европейской Россіи“. Изъ числа названныхъ лицъ Бекаревичъ, Дмитріевъ, Зайцевъ, Крыловъ, и Остроумовъ совершили поѣздки на средства Общества.

Обществомъ изданы 6 вынусковъ Трудовъ, заключающихъ статьи Коржинскаго—„Очеркъ флоры окрестностей города Астрахани“; Мартянова—„Матеріалы для флоры Минусинскаго края“; Крылова—„Матеріалы къ флорѣ Пермской губерніи“, и вышеназванныя сообщенія Крылова, Штукенберга и Крылова. Сверхъ того, изданъ одинъ томъ Протоколовъ, содержащій въ себѣ въ приложеніи слѣдующія статьи: Штукенберга—„Буровая скважина въ Балахнѣ“ и „Изслѣдованіе въ геологическомъ отношеніи яруса пестрыхъ мергелей на правомъ берегу Волги между Тетюшами и Симбирскомъ“; Лева-

жовскаго—, Къ вопросу объ измѣненіи клѣтчатой обдѣлки"; Чугунова—, Результаты антропологической экскурсіи къ Мордвѣ Симбирской губерніи въ 1881 году" и вышеуказанныя сообщенія Малиева, Крылова и Навалихина. Наконецъ, въ 1882 году выпущенъ въ свѣтъ указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества, составленный на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ К. Арштейномъ и А. Штукебергомъ. Поддерживая и развивая свои сношенія съ подобными ему учреждениями, Общество высылало свои изданія 60 разнымъ ученымъ Обществамъ. Вслѣдствіе полученія въ обмѣнъ ихъ изданій, бібліотека Общества значительно пополнилась и заключаетъ уже 783 названія книгъ и періодическихъ изданій.— Приобрѣтенія Общества, кромѣ книгъ, заключались въ коллекціяхъ, собранныхъ экскурсантами; сверхъ того, были доставлены отъ разныхъ лицъ: а) ботаническія коллекціи изъ Нижегородской и Вологодской губерній и изъ Минусинска, б) нѣсколько череповъ и костей Сартъ-Узбековъ и в) осадки кавказскихъ ключей и нѣкоторыя мѣловыя окаменѣлости. При Обществѣ учреждена метеорологическая коммиссія, которая занималась изготовленіемъ инструментовъ для проектированныхъ метеорологическихъ станцій. Денежныя средства Общества находились въ слѣдующемъ положеніи: отъ 1881 года имѣлось остатка 214 р. 52¹/₂ к., къ тому поступило: пособие изъ государственнаго казначейства 2.500 руб., банковыхъ процентовъ 54 р. 70 коп., членскихъ взносов 189 руб. 5 коп., отъ продажи изданій 73 руб. 74 коп., всего въ приходъ было 3.031 руб. 96¹/₂ к. Израсходовано въ теченіе года: на экскурсіи 1.000 руб. на печатаніе изданій 760 руб. 62 коп., на текущіе и мелочныя расходы 220 р., на научныя пособія 400 руб. 39 коп., всего 2.381 руб. 1 коп., затѣмъ къ 1883 году имѣлось въ остаткѣ 650 руб. 95¹/₂ коп. При Обществѣ продолжала существовать секція физико-математическихъ наукъ. Число членовъ ея къ концу 1882 года дошло до 58. Въ теченіе года секція имѣла 7 засѣданій, на которыхъ сдѣлано было 8 сообщеній, изъ коихъ 6 научнаго характера, а 2 смѣшаннаго. Къ первой категоріи принадлежатъ сообщенія: А. Жбиковскаго— „О геометрическихъ построеніяхъ, относящихся къ пирамидѣ Хеопса“, П. Порѣцкаго— „О способахъ рѣшенія системъ логическихъ равенствъ“, „О способѣ для перехода отъ умозаключеній къ посылкамъ“, А. Васильева— „О кватерніонахъ“, А. Орлова— „О способѣ Арнольда для трисекціи угловъ“ и В. Максимовича— „Объ интегрированіи помощи производимыхъ отрицательнаго по-

рядка". Къ сообщеніямъ смѣшаннаго характера относятся отчеты А. Васильева и Р. Колли. Сверхъ того, г. Колли, въ одномъ изъ засѣданій, демонстрировалъ фотометръ Сименса и Гальске съ цѣлью показать измѣненіе гальваническаго сопротивленія селена при освѣщеніи послѣдняго, а г. Васильевъ, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, читалъ небольшія библиографическія сообщенія по поводу новыхъ сочиненій Маевского, Ермакова, Андреева, Пташицкаго и Шапошникова. Денежныя средства секціи, къ сожалѣнію, весьма скудны. Библиотека секціи къ началу 1883 года заключала въ себѣ 38 нумеровъ отдѣльныхъ сочиненій и 4 нумера періодическихъ изданій.

Общество врачей, вступившее въ 16-й годъ существованія, состояло изъ 196 членовъ, именно: 6 почетныхъ, 187 дѣйствительныхъ и 3 членовъ-сотрудниковъ; изъ нихъ 104 живущихъ въ Казани и 92 иногородныхъ. Общество имѣло 10 засѣданій, изъ нихъ одно—годичное. Въ общей сложности, въ засѣданіяхъ присутствовало 230 членовъ и 669 посѣтителей, преимущественно студентовъ-медиковъ. Появившійся въ Казанскомъ уѣздѣ дифтеритъ обратилъ вниманіе Общества на правильное собраніе медико-статистическихъ данныхъ; къ счастью, дифтеритъ не принялъ широкаго распространенія благодаря своевременно предпринятымъ земствомъ строгимъ и энергичнымъ санитарнымъ мѣрамъ. Въ послѣднемъ отношеніи не малую долю участія принимало и Общество врачей указаніями въ лицѣ своихъ членовъ-спеціалистовъ. Особая избранная коммиссія тщательно разработала вопросъ о сущности дифтерита и мѣрахъ противъ него, при чемъ не малую долю вниманія удѣлила трудамъ крайне-важнаго въ исторіи русской санитарной науки областного Харьковскаго съѣзда (февраль 1881 г.). Въ засѣданіяхъ Общества было сдѣлано разными лицами 14 сообщеній, которыя и напечатаны въ Дневникѣ Общества; тамъ же, сверхъ того, помѣщены семь сообщеній, оставшихся не напечатанными отъ 1881 года. Накопившійся въ теченіе послѣдняго времени медико-статистическій матеріалъ Общество рѣшило нѣсколько систематизировать, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ болѣзней. Такимъ образомъ были обработаны за годъ, съ марта 1880 по мартъ 1881 года: тифъ, болѣзни органовъ пищеваренія, ревматизма и перемежныя лихорадки. Статьи по этимъ болѣзнямъ напечатаны въ Дневникѣ Общества. Остальной накопившійся въ Обществѣ довольно обширный матеріалъ о болѣзненности въ гор. Казани еще ждетъ работниковъ. Кромѣ того, въ Дневникѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, помѣщались матеріалы по изслѣдованію городскихъ колодезь и

рѣкъ гор. Казани, а также напечатанъ „Матеріалъ къ изученію и оцѣнкѣ водоснабженія Казанскаго лагеря“, Е. Идельсона. Особая коммиссія подробно разработала вопросъ о смертности въ Казани и изыскала нѣсколько новыхъ мѣръ къ болѣе полному собранію относящихся сюда свѣдѣній касательно православнаго и магометанскаго населенія. Собираніе и разработка матеріала о господствующихъ и эпидемическихъ болѣзняхъ гор. Казани печатались въ Дневникѣ Общества въ двухнедѣльный періодъ. Свѣдѣнія же, доставляемыя земскими врачами, печатались ежемѣсячно въ томъ же изданіи Общества. Общество обмѣнивалось своими изданіями съ 118 учрежденіями, дѣятельность которыхъ имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ цѣлямъ онаго. Въ библиотекѣ Общества имѣлось книгъ 1,712 названій на разныхъ языкахъ; каталогъ ея въ 1882 году увеличился 173 названіями.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи, имѣло 121 члена. При Обществѣ имѣются: библиотека, заключающаяся въ 1,804 названій и 3.606 томахъ книгъ, собраніе рукописей и актовъ, музей и муницъ-кабинетъ. Всѣ эти учрежденія получили въ 1882 году весьма значительное приращеніе. Денежныя средства Общества находились въ слѣдующемъ положеніи: въ приходѣ 634 руб. 50 коп., въ расходѣ 563 руб. 78 коп. Кромѣ того, Общество имѣетъ неприкосновенный капиталъ въ 800 р. и имѣющіе особое назначеніе два фонда въ 157 руб. 56 коп. и въ 819 руб. 20 коп. Научная дѣятельность Общества заключалась въ его засѣданіяхъ, въ организаціи лѣтнихъ экскурсій, въ изданіи его трудовъ и въ устройствѣ весной 1882 года археолого-этнографической выставки. Въ очередныхъ засѣданіяхъ прочитаны были слѣдующія сообщенія членовъ Общества: Н. Агафонова — „Воспоминаніе о жизни и дѣятельности покойнаго члена Общества В. К. Савельева“, Н. Загоскина — „О Чистопольскомъ кладѣ Золотоордынскихъ монетъ, найденныхъ лѣтомъ 1881 года близъ села Малаго Толкиша“, И. Износкова — „Нѣсколько словъ о гор. Ставрополѣ и его окрестностяхъ въ историческомъ отношеніи“, В. Казаринова — „Описаніе Вилярскаго и Баранскаго городищъ“, С. Кузнецова — „Археологическія замѣтки по пути въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи“, „Предварительный отчетъ объ археолого-этнографической экскурсіи въ Вятской губерніи, совершенной лѣтомъ 1882 года“ и „О погребальныхъ обрядахъ и загробной жизни Чувашъ“, А. Лихачева — „Скинскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ Казанской губерніи“ и „Скинскій слѣдъ на Вилярской почвѣ“, П. Пономарева—

„О городищахъ Елабужскаго и Сарапульскаго уѣздовъ Вятской губерніи“ и „Апапъинскій могильникъ и раскопки, произведенныя въ немъ лѣтомъ 1881 года“. Въ лѣтніе мѣсяцы Общество снарядило три научныя экскурсіи. Первая экскурсія, порученная члену-сотруднику С. Кузнецову, была направлена въ южныя уѣзды Вятской губерніи, съ цѣлью производства здѣсь нѣкоторыхъ археологическихъ и этнографическихъ изысканій. Вторая экскурсія, принятая на себя дѣйствительнымъ членомъ П. Пономаревымъ, имѣла своею задачей окончаніе раскопокъ костеносныхъ городищъ, находящихся въ окрестностяхъ с. Шуранъ и дер. Сорочьихъ Горъ, Лайшевскаго уѣзда. Третья экскурсія, возложенная на члена-сотрудника Н. Лихачева, имѣла своимъ предметомъ изслѣдованіе и раскопку древнихъ могилъ, обнаруженныхъ г. Лихачевымъ около с. Белимеръ, въ юго-западной части Спасскаго уѣзда. Издательская дѣятельность Общества, весьма стѣсненная незначительностью его денежныхъ средствъ, заключалась въ печатаніи III тома его Извѣстій (отпечатано до 25-ти печатныхъ листовъ). Кромѣ того, Общество издало свой отчетъ за 1881—1882 г. и каталогъ своего музея. Секретаремъ Общества Н. Загоскинымъ окончено печатаніе „Архива князя Баюшева“. Въ апрѣлѣ Обществомъ устроена была въ залахъ университета археолого-этнографическая выставка, къ участию въ которой были приглашены и частныя экспоненты. Выставка оказалась вполне удачною, что ясно выразилось въ томъ интересѣ и сочувствіи, съ которыми отнеслась къ ней мѣстная публика.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ.

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

Предлагаемый переводъ трагедіи Софокла «Эдипъ въ Колонѣ» не первый уже въ нашей литературѣ опытъ стихотворнаго переложенія этой трагедіи: болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1859 г. № 1) она напечатана была въ переводѣ г. Водозова. Повтореніе попытки къ воспроизведенію на русскомъ языкѣ одного изъ лучшихъ твореній великаго трагика казалось мнѣ не излишнимъ, особенно въ виду нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ предшествующаго перевода, каковы недостаточная вообще близость его къ подлиннику, часто встрѣчающаяся неточность въ передачѣ отдѣльных словъ и выраженій, шероховатость языка и неровность стиха. Не считая умѣстнымъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе этихъ недостатковъ, я дѣлаю указаніе на нихъ потому, что ими, по моему мнѣнію, въ значительной мѣрѣ обусловливалась потребность въ новомъ опытѣ перевода. Поставивъ себѣ задачею перевести настоящую трагедію на столько близко къ подлиннику, на сколько это возможно при стихотворной формѣ перевода и на сколько не было бы въ ущербъ русскому языку, я старался переводить подлинный текстъ стихъ въ стихъ, такъ чтобы соответствующіе стихи или группы стиховъ оригинала и перевода по возможности вполне совпадали по содержанію. Такимъ образомъ явилась возможность удержать счетъ стиховъ подлинника. Переводъ сдѣланъ по лучшему тексту трагедіи, какой представляютъ послѣднія изданія Шнейдевина-Наука; лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ я отступалъ отъ этой редакціи, предпочитая или держаться рукописныхъ чтеній, не принятыхъ названными издателями, или слѣдовать вмѣсто введенныхъ ими въ текстъ чтеній и конъектуръ поправкамъ, по моему мнѣнію, болѣе вѣроятнымъ. Въ одномъ мѣстѣ (ст. 1467) принята мною собственная поправка (*oúlia* вмѣсто рукописнаго *oúrvia*). Стихи, искаженные въ передачѣ рукописей и до сихъ поръ не возстановленные критикою, переведены мною лишь приблизительно: я передавалъ въ переводѣ тотъ смыслъ, какой они, по видимому, должны были бы имѣть. Напротивъ, стихи, признаваемые

современной критикой по тѣмъ или другимъ основаніямъ за подложныя, но большей части переведены буквально, но отмѣчены скобками. Діалогъ драмы переведенъ шестистопными ямбическими стихами отчасти катаlecticескими, отчасти акатаlecticескими, а хоры, въ концѣ соотвѣтствующимъ стихамъ строфъ и антистрофъ дасть одицъ и тотъ же размѣръ, стихами разныхъ размѣровъ, свойственныхъ нашему стихосложенію.

Переводчикъ.

Дѣйствующія лица.

Эдипъ, бывшій царь Фивскій, слѣпой изгнанникъ.

Антигона } его дочери.
Исмена }

Полиникъ, сынъ его.

Креонъ, шуринъ его, правитель Фивъ.

Фезей, царь Ливскій.

Прохожій, житель аттическаго дѣла Колона.

Вѣстникъ.

Хоръ Колонскихъ стариковъ.

Сцена представляетъ священную рощу, примыкающую къ аттическому дѣлу Колону, въ окрестностяхъ Лемизъ. Эдипъ, въ ищескомъ одѣянн, поддерживаемый Антигоною, подходитъ къ рощѣ и отъ утомленія останавливается.

Эдипъ.

О, дочь слѣпаго старца, Антигона,
Въ какія мы мѣста, къ какому мы пришли
Народу? Кто со скудными дарами
Пріютъ мнѣ, страннику Эдипу, вымѣ дастъ?
Я малаго прошу, дають же меньше мѣтъ
И малаго того... Но мнѣ довольно!
Съ лишеньями мириться учать бѣды
И время долгое мени, и твердый духъ...
Но, чадо, если видишь, гдѣ бы сѣсть мнѣ,
Въ мѣстахъ ли всѣмъ доступныхъ, въ рощахъ ли боговъ, 10
Веди туда: я отдохну, чтобъ между тѣмъ
Узнать вамъ, гдѣ мы. Въ чуждую страну пришедъ,
Должны мы дѣлать, чтѣ туземцы скажутъ.

Антигона.

Родитель бѣдный мой, Эдипъ! Не близко ¹⁾
Еще, на взглядъ, защита града, башины;

¹⁾ «Не близко», хотя Колонъ отстоялъ отъ Лемизъ только на 10 стадій или на $\frac{1}{4}$ географической мили. Антигона выражается относительно, принимая во вниманіе, что старецъ усталъ, пройдя значительный путь.

1*

Антигона заключает о снотости места по присутственности, поспешенной
 размышлять о снотости (ангръ поспешенъ. Антолупу, маслина — Аеннъ, вино-
 ракъ — Дюнкю или Барк), и по пѣннѣ многозначенныхъ соловьевъ, которые
 рѣшительность не поспешенны, уединенныи мѣста.

Да онъ ужъ захъ, и есая что полегнымъ
 Сказать ему считаешь, говори. Вотъ онъ.

Антигона.

И направляетъ онъ сюда стонъ сонъ?

Эянтъ.

Живуть навърно... Но, пожаляй, вѣтъ вужамъ
 Катъ, глязъ насъ в вѣжю челоува.

Антигона.

Ступай, Катъ; да впродемъ, захъ жинеть ли кто?

Эянтъ.

Ужъ не поити ли кула о мѣстѣ разузнать?

Антигона.

Объ этомъ говоришь намъ всякѣ встрѣчннѣ.

Эянтъ.

Я знаю только, что вотъ тамъ Аеннъ.

Антигона.

Не можешь ли сказать, кула пришли мнѣ?

Эянтъ.

Сама ужъ знаю это я; поря мнѣ знать.

Антигона (*указывая Эянта*).

Тамъ усадъ и стрепети слышно.

Эянтъ.

20

А это мѣсто свято, ниуно по всему (?);
 Объявлено лавромъ, маслиной и виноградомъ,
 И рошу нѣжны оглашаютъ соловьевъ
 Несчетныхъ пѣснѣя. Захъ на грубнй камень
 Склонясь, отецъ, большой Катъ старца путь снршнвн!

Эянтъ въ колонѣ.

91

Эди́пъ.

О, чужестранецъ, слыша отъ нея вотъ,
Смотрящей за двоихъ, что истати ты пришелъ,
Чтобъ намъ повѣдать то, чего не знаемъ...

Прохо́жій.

Но прежде всѣхъ разпросовъ съ этого уйди
Сидѣнья: ты на мѣстѣ заповѣдномъ!

Эди́пъ.

А чтò за мѣсто здѣсь? Кому посвящено?

Прохо́жій.

Ни жить нельзя на немъ, ни поипрять его:
Богинь удалъ оно, Земли и Мрака дѣти! ¹⁾

40

Эди́пъ.

Какъ ихъ честиде имя призывать мнѣ?

Прохо́жій.

Всезрящими назвагь бѣ ²⁾ ихъ Эвменидами ³⁾
Народъ у насъ; но имя не одно имъ.

Эди́пъ.

Во мнѣ молящему да будетъ милость ихъ!
Я мѣста этого ужь не оставлю.

Прохо́жій.

Чтò значить это?

Эди́пъ.

То судьбы моея законъ!

¹⁾ Союзомъ производить еурій отъ Земли и Мрака; подобнымъ образомъ и Эсхилъ въ Эвменидахъ (ст. 416) называетъ ихъ дѣтьми Ночи. По Гезіоду, она проишода отъ крови Урана, убитаго сыномъ его Крономъ.

²⁾ «Назвагь бы», если бы пришлось, если бы нужно было; вообще же страшатся даже и называть ихъ (ср. ст. 128).

³⁾ Эвмениды (Εὐμενίδες—благодарныя, милостивыя) есть взаимностическое названіе еурій; преданіе приводитъ это имя въ связь съ принятіемъ этихъ богинь Аеннами послѣ оправданія Ореста предъ аенскимимъ ареопагомъ. Другія названія еурій: Σερμαί, Ἐρινός, Κήρες, Ποιναί, Ἀραι.

Прохожій.

Коль такъ, и я изгнать тебя отсюда,
У гражданъ не спросивши, не дерзаю.

Эдипъ.

Молю тебя богами, чужеземецъ,
Миѣ, страннику, о чемъ спрошу я, расскажи!

50

Прохожій.

Спроси! Отвѣтить я тебѣ не откажусь.

Эдипъ.

Какое мѣсто здѣсь, куда пришли мы?

Прохожій.

Чтѣ только знаю самъ, и ты услышишь.
Все это мѣсто свято: имъ владѣеть
Честной Посейдонъ съ тѣмъ, кто людямъ далъ огонь,
Съ титаномъ Промееемъ ¹⁾, а земля, гдѣ ты
Ступилъ, страны порогомъ мѣднымъ ²⁾ названа,
Левнъ твердынею; сосѣднія жъ поля
Колономъ этимъ ³⁾ всадникомъ гордятся,
Владыкой древнимъ; по нему и имя
Всѣмъ жителямъ селеня общее дано.
Но чтѣ повѣдалъ я, то не преданьемъ ⁴⁾,—
Обычаемъ, припелецъ, больше почтено.

60

Эдипъ.

Живутъ же, значить, здѣсь, о, чужеземецъ?

Прохожій.

А какъ же! Тѣ, кто названы по божеству.

¹⁾ Промееей, какъ символъ огня, сопоставляется съ богомъ водной стихіи Посейдономъ.

²⁾ Здѣсь предполагался спускъ въ Андъ съ мѣдными ступенями.

³⁾ Говорящій указываетъ при этомъ на находившуюся на сценѣ конную статую Колона, именческаго родоначальника соименнаго ему дема. Ниже этотъ герой называется уже прямо божествомъ.

⁴⁾ Указаніе на молчаніе древнѣйшей повѣи о святости мѣста.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

ЭДИПЪ.

И править ими кто, нль у толпы вся власть? ¹⁾.

ПРОХОЖІЙ.

Царю, что въ городѣ, они подвластны.

ЭДИПЪ.

Кто жь сей, державный мощью и совѣтомъ?

ПРОХОЖІЙ.

Фезей, покойнаго царя Эгея сынъ.

ЭДИПЪ.

Не сходить ли за нимъ изъ вашихъ кто-нибудь?

70

ПРОХОЖІЙ.

А что сказать ему? Зачѣмъ его призвать?

ЭДИПЪ.

Чтобъ малой онъ услугой много приобрѣлъ.

ПРОХОЖІЙ.

Но что отъ темнаго за польза можетъ быть?

ЭДИПЪ.

Что мы ни скажемъ, все прозрачно будетъ.

ПРОХОЖІЙ.

Но знаешь что, пришлецъ,—при долгѣ жалкой
Ты все же кажешься мнѣ мужемъ не простымъ,—
Побудь, гдѣ встрѣтилъ я тебя, пока пойду
Сказать—не града жителямъ, селенья;
Они ужъ сами дѣло разберутъ твое,
Остаться ль здѣсь тебѣ, нль удалиться.

80

Уходитъ.

ЭДИПЪ.

О, дочь, ушелъ отъ насъ ужъ чужеземецъ?

---

¹⁾ Строго говоря, вопросъ этотъ невозможенъ для Эдипа, такъ какъ въ героическое время нигдѣ не было демократическаго правленія. Союзомъ переносить позднѣйшее понятіе на мимическую эпоху.

АНТИГОНА.

Ушелъ, и ты, отецъ, все можешь говорить
Спокойно: я одна съ тобой осталась.

ЭДИПЪ.

О, страшныя богини, коль мнѣ первымъ
Пристапищемъ въ землѣ сей нашъ участокъ былъ,
Внемлите мнѣ, не презрите вы Феба,
Который, много бѣдъ предреши мнѣ, вѣщаль,
Что дастъ по долгомъ времени покой мнѣ
Страна, предѣлъ моихъ скитаній, гдѣ святыхъ
Богинь найду престолъ гостепріимный; 90
Что тамъ я жизнь окончу жалкую свою,
Создавши счастье меня привявшимъ,
Несчастье жъ отвергшимъ и изгнавшимъ.
И будетъ знаменьемъ мнѣ вѣрнымъ—онъ сказалъ—
Землетрясеніе, громъ или молнія Зевса.
И вотъ мнѣ нынѣ ясно, что на этотъ путь
Направленъ былъ я вами, о, богини,
И въ эту рощу приведенъ. Иначе бъ я
Къ вамъ первымъ не пришелъ, постыщійся ¹⁾,—
Къ вамъ, чуждымъ жертвъ вина ²⁾, и вѣрно бъ не сидѣлъ 100
Теперь на этомъ камнѣ не сѣченномъ.
Но дайте же по Аполлоновымъ словамъ
Конецъ, предѣлъ мнѣ жизни, о, богини,
Коль не кажусь того я недостойнымъ,
Извѣдавъ столько крайнихъ бѣдъ для смертныхъ.
О, дщери Мрака древняго, и ты, о, градъ,
Великой достояніе Паллады,
Изъ всѣхъ градѣвъ славнѣйшія Аенны,
Надъ тѣнью сжальтесь бѣднаго Эдипа,
Который нынѣ ужъ не то, что прежде былъ!... 110

АНТИГОНА.

Умоляю. Вотъ къ намъ старческихъ лѣтъ мужи
Идутъ сюда, чтобы увидѣть, гдѣ сидишь.

ЭДИПЪ.

Умоляю, ты жъ меня поодаль отъ пути
Скрой въ этой рощѣ: ихъ рѣчамъ я долженъ

¹⁾ То-есть, питающійся скуднымъ подаяніемъ; ср. ст. 3—6.

²⁾ Возлінія въ честь Эвменидъ состояли изъ воды и меда безъ примѣси вина; ср. ст. 160 и 481.

Сперва снимать; вѣдь если знаешь что впередъ,
Такъ можешь въ дѣйствіяхъ и остороженъ быть.

Аккомпаниа уводитъ Эдипа въ чащу лѣса. Между тѣмъ является на сцену состоящій изъ 15-ти исполнителей или хористовъ хоръ, чтобы занять мѣсто въ оркестръ.

Хоръ.

Строфа 1. (1-й х.) Смотри! Кто тамъ былъ? Гдѣ теперь?

Куда жь удалиться онъ могъ, изъ всѣхъ,
Изъ всѣхъ дерзновеннѣйшій смертныхъ?

120

(2-й х.)   Всмотрись туда, ницъ,
Выслѣживай вездѣ.

(3-й х.)   Скиталецъ,
Скиталецъ тотъ старикъ,—не адѣшній:
А то бы не посмѣлъ
Вступить онъ въ рошу неприступную
Неумолимыхъ страшныхъ дѣвъ,

Конкъ мы страшима называть
И минуемъ не взирая,

Безъ словъ, безъ звука возноса
Благоговѣнную молитву

130

Устами сердцецъ.

(4-й х.)   А теперь, какъ я слышу, пришелъ
Нечестивецъ какой-то.
Озираю весь я участокъ святой
И узнать не могу,
Гдѣ пришелецъ тотъ пребываетъ.

Эдипъ (*выступая впередъ*).

Не ищите, я здѣсь. Васъ по голосу зрю¹⁾,
Поговоркой сказать.

Хоръ.

(*Всѣ.*) О, о! Сколь ужасно и видѣть, и слышать!

140

Эдипъ.

Не считайте, молю, за злодѣя меня!

Хоръ.

(5-й х.) О, мститель Зевесъ! Кто таковъ ты, старикъ?

¹⁾ То-есть, по голосу вашему узнаю, гдѣ вы находитесь,—вошедшее въ по-
словицу выраженіе о слѣпыхъ.

Э д и п ъ.

Судьба не завидна моя, какъ сами
 Вы видите, мужи почтенные.
 Чужіе глаза не водили бѣ меня,
 Не будь я таковъ,
 Не нуждался бы въ слабой опорѣ!

Х о р ъ.

Антистрофа 1. (6-6 х.) Увы! Ты несчастный слѣпецъ!
 Таковъ отъ рожденія ты? И бѣдой 150
 Удрученъ, и лѣтами, какъ видно.

(7-й х.) Но снѣмъ грѣхомъ тебѣ
 Не дамъ умножить золъ.

(8-й х.) Зашелъ ты,
 Зашелъ ты далеко, старикъ несчастный!
 Однако же не смѣй
 Въ глубь этой рощи влачной ты вступать,
 Гдѣ орошается земля 160

Возлѣняемъ меда и воды.
 Берегись, скиталецъ бѣдный,
 Увиди отсюда, удались!
 Однако велико пространство
 Межъ нами.

(9-й х.) Ты слышишь, о, многострадальный пришлецъ?
 Колю сказать что желаешь
 Мнѣ въ отвѣтъ, съ земли заповѣдной сошедъ
 На доступную всѣмъ,
 Говори, пока же безмолвствуй.

Э д и п ъ.

О, дочь, что теперь намъ дѣлать съ тобою? 170

А н т и г о н а.

Исполнить, отецъ, мы гражданъ совѣтъ
 Должны, послушаться нельзя, уступи! ¹⁾

Э д и п ъ (*намревался сойти съ мѣста*).

Поддержи же меня.

А н т и г о н а.

Ужь поддерживаю.

¹⁾ Согласно высказанному самимъ Эдипомъ въ ст. 12—13 правилу.

Эди п ъ (идя).

Да не буду поруганъ отъ васъ,
Видя въ вашимъ словамъ и отсюда ушедь!

Хоръ.

Строфа 2. (Всѣ). Гнать тебя, старецъ, отсюда никто противъ воли не будетъ!

Эди п ъ.

Еще идти мнѣ?

Хоръ.

(10-й х.)

Дальше выходи!

Эди п ъ (сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ).

Еще?

Хоръ.

(11-й х.)

Веди дальше, о, дѣва,
Ты разумѣешь.

180

Антигона.

.....¹⁾

Эди п ъ.

.....

Антигона.

.....

Слѣдуй слабой стогою, отецъ,
Слѣдуй со мною!

Эди п ъ.

.....

Хоръ.

(12-й х.) Пришлецъ несчастный, на чужбинѣ
Рѣшися и самъ ты ненавидѣть,
Чтѣ ненавистно туземцамъ,
Чтѣ же имъ любо, то чтить.

¹⁾ Въ рукописяхъ подлинника пропущены здѣсь, какъ показываетъ соответствующее мѣсто антистрофы, стихи 181 — 183 и 186. Во второмъ и четвертомъ изъ этихъ стиховъ, вѣроятно, содержались восклицанія Эдипа, подобныя тѣмъ, которыя мы читаемъ въ соответственныхъ стихахъ (198 и 202).

Эдипъ.

Такъ веди жь меня, чадо, туда,
Гдѣ бѣ, на путь благочестья вступивъ,
И свое то могли мы сказать, да и внять словамъ пхъ, 190
И съ нуждою не ставемъ бороться!

Хоръ.

Антистрофа 2. (Всѣ). Стой же ты тутъ! Выходить за порогъ сей скалистый
не долженъ!

Эдипъ.

Вотъ здѣсь?

Хоръ.

(13-й х.) Остановись, сказалъ тебѣ!

Эдипъ.

Присясть?

Хоръ.

(14-й х.) На краю сего камня
Съ боку присядь ты.

Антигона.

Я ужь тебя усажу. Осторожнѣй...

Эдипъ.

Увы миѣ, увы!

Антигона.

Шагъ за шагомъ иди,
Опершись на родное плечо
Старческимъ тѣломъ.

Эдипъ.

Увы, тяжкое горе мое!

Хоръ.

(15-й х.) Рѣчамъ моимъ, несчастный, внявши,
Скажи теперь, чтѣ ты за смертный.
Кто ты таковъ, злополучный?
Какъ твою родину звать?

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ.

ЭДИПЪ.

Изгнанный я,
О, чужеземцы, во отнюдь...

ХОРЪ.

(1-й х.) Что запрещаешь ты, старецъ?

ЭДИПЪ.

Отнюдь, отнюдь не спрашивайте, кто я,
И не развѣдывайте больше ничего!

ХОРЪ.

(2-й х.) Что жь такое?

ЭДИПЪ.

Ужасенъ мой родъ!

ХОРЪ.

(3-й х.) Говори...

ЭДИПЪ.

Увы, что скажешь мнѣ, дитя мое?

ХОРЪ.

(4-й х.) Чье ты рожденье, пришелецъ, скажи,
Кто твой отецъ?

ЭДИПЪ.

Увы, что станеть, дочь моя, со мной!

АНТИГОНА.

Говори, отъ признанья нельзя уклониться.

ЭДИПЪ.

Скажу ужь я. Скрываться не возможно...

ХОРЪ.

(5-й и 6-й х.) Долго вы медлите. По отгвѣчай же скорѣй!

ЭДИПЪ.

Лава знаетъ сына? Увы!

220

ХОРЪ.

(7-й и 8-й х.) О, о!

Эдипъ.

Внука Лабдака?

Хоръ.

(9-й ж.)

О, Зевсъ!

Эдипъ.

Песчастнаго Эдипа?

Хоръ.

(10-й ж.)

Такъ Эдипъ ты?

Эдипъ.

Не страшитесь того, что сказали!

Хоръ.

(11-й и 12-й ж.) Увы, увы, злополучный, увы!

Эдипъ.

О, дочь моя, что теперь станется съ нами!

Хоръ,

(12-й, 13-й, 14-й и 15-й ж.) Прочь пзъ страны уходите вы, дальше!

Эдипъ.

Но гдѣ же твое обѣщанье?

Хоръ.

Рокъ никого не караетъ, обиды
Кто вымещаетъ: всегда за обманъ ¹⁾
Ежели тѣмъ же на нихъ отвѣчаютъ,
Горе, не радость возмездьемъ бываетъ.
Прочь уходи съ сего мѣста, скорѣе,
Вспять изъ страны обратиться ты долженъ,
Чтобы бблшняго еще позора
Граду нашему не причинить.

230

Антигона.

О, милосердые старцы,

Если отца моего престарѣлаго просьбу отвергли вы 240
Слышавъ молву о невольныхъ дѣяньяхъ его,
То падо мною хотъ сжальтесь вы блдной,

¹⁾ Хоръ считаетъ за обиду и вѣсть съ тѣмъ за обманъ со стороны Эдипа то, что послѣдній, не открывъ своего имени, ввляъ съ него известное обѣщаніе, и потому считаетъ себя въ правѣ отвѣчать обманомъ же, то-есть, обѣщаніа.

О, чужеземцы, молящей родителю
 Дать снисхождение! Не темныя очи я къ вамъ обращаю
 И не иначезираю на васъ, какъ взирала бь родная
 Дочь ваша. Будьте же къ бѣдному милосерды! Надежду
 Всю нашу мы, какъ на бога, на васъ возлагаемъ.
 Милость явите нежданную намъ!
 Всѣмъ заклинаю, что дорого вашему сердцу,
 Чадомъ, супругой, сокровищемъ, дѣла святыней.
 Нѣтъ вѣдь между людьми никого такого, кто могъ бы
 Богомъ сужденной бѣды избѣжать!

240

Хоръ (*Корифей хора*).

О, дщерь Эдина, знай, что также мы къ тебѣ,
 Какъ и къ нему, имѣемъ состраданье
 Несчастья ради; гнѣва же боговъ страшась,
 Того, что сказано, не перемѣнимъ.

Эдипъ.

Что пользы въ славѣ и въ молвѣ людской,
 Когда она является напрасной?!
 Аэниъ благочестивѣй, слышно, града нѣтъ;
 Однѣ способны будто чужеземца
 Въ несчастіи спасти и помощь оказать
 Ему. И гдѣ жь все это для меня, когда
 Сойти валѣвъ съ ступеней этихъ, вы еще
 Изгнать меня хотите, имени страшась—
 И только: вѣдь не вида жь моего,
 Ни дѣлъ, скорѣе выстрадавшихъ мною,
 Чѣмъ совершенныхъ добровольно. Ты ¹⁾ бы могъ
 Въ томъ убѣдиться изъ разказа про отца,
 Про мать, по коимъ, нѣтъ сомнѣнья,
 И страшень я тебѣ. По чѣмъ же самъ-то
 Порочень я, коль за страданье отплатилъ?
 Вѣдь еслибъ то и съ умысломъ я сдѣлалъ,
 Злодѣемъ и тогда бы не былъ ²⁾. Между тѣмъ

260

270

¹⁾ Обращеніе къ хору дѣлается то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ.

²⁾ Эдипъ хочеть сказать, что убійствомъ отца и женитьбою на матери онъ безсознательно отомстилъ своимъ родителямъ за то, что они, когда онъ только что родился на свѣтъ, велѣли бросить его въ пустынь, чтобъ онъ погибъ. Будь даже его мщение, говоритъ онъ,—сознательнымъ, и тогда бы онъ не былъ злодѣемъ: мечь не противорѣчила понатіямъ древняго міра о нравственности.

Я, самъ не зналъ, шель туда, куда пришелъ ¹⁾,
 А ты ²⁾ меня завѣдомо губили.
 Итакъ, внимайте мнѣ, богами заклинаю,
 Какъ внялъ я вамъ, убѣжище оставивъ.
 Спасите. Чтя боговъ, не прогнѣвайте ихъ
 И помните, что какъ благочестивыхъ, 280
 Такъ зрять они и нечестивыхъ: ни одинъ
 Безбожный смертный гнѣна ихъ избѣгнуть
 Не могъ. Странись ихъ, да не омрачишь Аѳинъ
 Великихъ славы дѣломъ педостойнымъ.
 Но давши слово мнѣ, спаси и дай приютъ.
 Взиралъ же на страшное чело мое,
 Цозоромъ не клейми: пришелъ я подѣ-святымъ
 Боговъ покровомъ ³⁾, вамъ же счастье принесъ!
 Когда прійдетъ, кто вѣдать это долженъ,
 Правитель вапъ, тогда и ты узнаешь все, 290
 А до того держи ты обѣщанье!

Хоръ.

Глубоко долженъ былъ я тронуться твоей,
 О, старецъ, рѣчью. Слово не простое
 Тобою сказано: судить тебя не намъ,
 Ужь видно; царь прійдетъ, такъ онъ рассудитъ.

Эдипъ.

А гдѣ страны властитель, чужеземцы?

Хоръ.

Во градѣ предковъ онъ. Тотъ самый человекъ,
 Который насъ послалъ сюда, пошелъ за нимъ.

Эдипъ.

И думаете вы, что онъ окажется
 Слѣпцу вниманіе такое, что прійдетъ? 300

Хоръ.

[Навѣрно, какъ узнаетъ только ния.

Эдипъ.

Откуда же мое узнаетъ ния онъ?

¹⁾ То-есть, къ преступленіямъ.

²⁾ Родители.

³⁾ По указанію Аполлона и подѣ покровительствомъ Эвменидъ; ср. ст. 84—101.

Хоръ.

Не дальнй путь, а разговоръ идущихъ
Несется быстро. Лишь достигнетъ онъ кара,] ¹⁾
Прйдетъ, не сомнйвайся, старецъ; вѣдь молва
Объ имени твоёмъ прошла далеко.
Услышавъ о тебѣ, немедленно прйдетъ.

Эдипъ.

На счастье да прйдетъ онъ граду своему
И мнѣ! Добра вѣдь кто себѣ не хочетъ?

Антигона.

О, Зевсъ! Что значить это? Что подумать?

310

Эдипъ.

Да что такое, Антигона?

Антигона.

Женщина,
Я вижу, ѣдетъ на конѣ этнейскомъ ²⁾);
Широкія поля ессальской шляны
Лице ея отъ зноя защищаютъ.
Что въ самомъ дѣлѣ?
Она, нѣтъ ли она, и ошибаюсь я?
И да, и нѣтъ, и, что сказать, не знаю...
Ахъ, что я!
Она и есть! Съ веселою улыбкой
Бываетъ мнѣ и этимъ знать дастъ, что въ ней
Исмену вижу я, родимую сестру.

320

Эдипъ.

Что слышу?

Антигона.

Вижу дочь твою, мою жь сестру:
Да вотъ сейчасъ по голосу узнаешь.

¹⁾ Стихи 301—304, по причинамъ легко понятнымъ, не могутъ быть признаны за подлинныя.

²⁾ Изъ окрестности горы Этны, следовательно, на конѣ сицилійской породы, славившейся быстротою.

И с м е н а (подходя къ отцу и сестрѣ).

О, какъ мнѣ сладко вась, родитель и сестра,
Привѣтствовать! Едва-то я нашла вась,
Найдя жь, едва смотрѣть могу отъ скорби.

Э д и п ъ.

О, дочь, ты здѣсь?

И с м е н а.

О, бѣдный мой родитель!

Э д и п ъ.

О, чадо, обойми!

И с м е н а.

Обоихъ обниму.

Э д и п ъ.

Такъ ты пришла?

И с м е н а.

Не безъ труда большаго.

Э д и п ъ.

О, кровное рождение!

И с м е н а.

Жалкая судьба! ¹⁾

330

Э д и п ъ.

Моя и этой?

И с м е н а.

И моя въ добанокъ!

Э д и п ъ.

Что привело тебя?

И с м е н а.

Забота о тебѣ.

Э д и п ъ.

Тоска, что ль?

¹⁾ Ст. 327—330 переданы рукописями въ превратномъ порядкѣ. Имъ слѣдуютъ въ порядкѣ, возстановленному Веклейномъ и принятому Наукомъ въ его послѣднихъ изданіяхъ.

Исмена.

Да, и я, чтобъ вѣсть тебѣ подать,
Поѣхала съ однимъ слугою вѣрнымъ.

Эдипъ.

Гдѣ жь братья молодые? Потрудитесь бѣ мнѣ...

Исмена.

Да гдѣ бы ни были! *) Ужасна ихъ судьба!

Эдипъ.

О, какъ они согласовали нравы
И жизнь свою съ обычаемъ Египта!
Въ странѣ сей, говорятъ, мужичин за станкомъ
Сидятъ всегда въ домахъ и ткуть, а жены 340
Внѣ дома средства къ жизни добываютъ.
Такъ точно вотъ и изъ дѣтей моихъ—сыны,
Чей долгъ былъ трудъ подъять, какъ дѣвы, дома
Сидятъ, а вы за нихъ, о, дщери, жребій мой
Несчастный дѣлите; она, лишь только
Изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ и стала взрослой,
Со мною ходитъ, бѣдная, отца вода,
Слѣпаго старца, часто въ дебряхъ лѣса
Голодная блуждаетъ и босая,
Отъ зноя солнечнаго тернить, отъ дождей
И жить въ покоѣ дома не желаетъ, 350
Заботясь лишь о томъ, чтобъ живъ отецъ былъ.
А ты, дочь, нѣкогда столицу Кадма
Оставивъ тайно, вѣсть мнѣ принесла о всѣхъ
Пророчествахъ, чѣдъ были объ отцѣ давны,
И вѣрнымъ при изгнаньи стражемъ мнѣ была.
Какую же теперь ты вѣсть, Исмена,
Несешь отцу? Чтѣ привело тебя сюда?
Пришла же, знаю вѣрно, ты не даромъ.
Не привезла ли ужь печали мнѣ какой? 360

Исмена.

Пройду молчаніемъ, отецъ, тѣ муки,
Которыхъ натерпѣлась я, ища тебя.
Довольно ужь того, что пострадала;

*) Въ этихъ словахъ выражается желаніе Исмены увлечься отъ разговора о братьяхъ.

Зачѣмъ же, вспоминая, снова мнѣ страдать?
 Пришла же съ вѣстью я о тѣхъ напастяхъ,
 Которыя постигли сыновей твоихъ.
 Сначала было между ними рѣшено—
 Проклятѣ помнили, надъ родомъ что твоимъ
 Издревле тяготѣть—властію облечь
 Креона, чтобы тѣмъ погибель отвратить
 Отъ града. Нынѣ жъ ввелъ ихъ въ ослѣпленье
 Какой-то богъ и ввергъ несчастныхъ въ злой раздоръ
 О томъ, кому престолъ и власть тиранна
 Наслѣдовать. И младшій по рожденью братъ
 Полиника старшаго ¹⁾ лишаетъ трона
 И изъ отеческаго града гонять прочь.
 А тотъ, изгнанникъ, какъ гласить у насъ молва,
 Бѣжавши въ Аргосъ, бракъ тамъ заключаетъ
 И новую родню съ друзьями вокругъ себя
 Сбираетъ, чтобы вскорѣ Кадмовъ градъ ²⁾ во власть
 Побѣдой славной взять или разрушить
 До тла. Ты слышишь не пустые толки, нѣтъ,
 Но правду страшную. Когда жъ твоимъ бѣдамъ
 Богами будетъ данъ копець — не знаю.

Эдипъ.

Такъ ты уже надежду возымѣла,
 Что боги мнѣ спасеніе даруютъ?

Исмина.

Такъ новыя, отецъ, пророчества гласятъ.

Эдипъ.

Какія это? Что же иновъ возвѣщено?

Исмина.

Что ради счастья своего должны тебя
 Выискать она при жизни и по смерти.

Эдипъ.

Но что за счастье мужъ такой имъ принесть?

¹⁾ Софокль отступаетъ отъ преданія, называя Полиника старшимъ братомъ.
 По Эсхилу, старшимъ изъ братьевъ былъ Этеоклъ, младшимъ Полиникъ.

²⁾ Фивы.

И О М Е Н А.

Въ тебѣ вся мощь ихъ, какъ гласить оракулъ.

Э Д И П Ъ.

Отживши, значить, мощнымъ становлюсь я?

И О М Е Н А.

Воздвигнуть тѣ же боги, что губили.

Э Д И П Ъ.

Не стать подъ старость поднимать, кто палъ молодымъ.

И О М Е Н А.

Однако знай, что въ скоромъ времени сюда
Къ тебѣ прибудетъ самъ Креонъ за этимъ.

Э Д И П Ъ.

Что дѣлать опъ со мной придетъ, о дочь?

И О М Е Н А.

Чтобъ взять, и поселить близъ града Кадма,
За рубежемъ его владѣть тобой, отецъ.

400

Э Д И П Ъ.

Какая жь польза отъ лежащаго *) въ вратъ?

И О М Е Н А.

Несчастье имъ, коль прахъ не будетъ твой почтень.

Э Д И П Ъ.

Да это безъ пророчествъ всѣмъ понятно.

И О М Е Н А.

Затѣмъ-то и хотятъ они, чтобъ жилъ ты
При нихъ, не тамъ, гдѣ самъ въ своей бы власти былъ.

Э Д И П Ъ.

И погребутъ мой прахъ въ землѣ Фиванской?

И О М Е Н А.

О, итъ, родная кровь *) не дозволяетъ.

Э Д И П Ъ.

Такъ я въ ихъ власти никогда не буду!

*) Такъ говорить Эдипъ, потому что чувствуетъ близость кончины.

*) Кровь отца, убитаго Эдипомъ.

Исмена.

Такъ причинишь несчастье Кадмеянамъ.

Эдипъ.

Какимъ же образомъ? Чтò вызоветъ его?

410

Исмена.

Твой гнѣвъ, когда на холмъ могильный стануть твой.

Эдипъ.

Кто могъ тебѣ, дитя, сказать объ этомъ?

Исмена.

Послы, чтò въ Дельфахъ бога вопрошали.

Эдипъ.

И точно Фебъ сказалъ мнѣ это обо мнѣ?

Исмена.

Да, такъ передають, вернувшись въ Оивы.

Эдипъ.

А сиповьямъ мнѣ извѣстно это?

Исмена.

Обоимъ. Какъ же? Знають хорошо они.

Эдипъ.

И все-таки, хотъ слышали объ этомъ,
Тиранию отцу злодѣи предпочли?!

Исмена.

Должна я, какъ ни больно, это подтвердить.

420

Эдипъ.

Да не погаситъ боги той ихъ роковой
Вражды, и да во мнѣ копецъ положить
Борьбы, которую начать они хотять,
Копье готовые воззять другъ въ друга!
Тогда и тотъ, чьи вышѣ трюкъ и скипетръ,
Надетъ, и тотъ не возвратится никогда
Назадъ, кто изгнаецъ изъ страны; постигнетъ ихъ
За то судьба такая, что отцу они,
Гонимому съ позоромъ изъ отчизны,
Защиты не дали: изгнанникомъ я сталъ,
Съ согласья ихъ изъ града удаленный.
Ты скажешь, можетъ быть, что городъ даровалъ
Мнѣ то, чего и самъ желалъ я отъ него.

430

Но нѣтъ, въ тотъ день, когда прїятнѣе всего
 Мнѣ смерть была, камнями побиешь,
 Никто исполнить мнѣ желанье не помочь.
 По времени жь, когда утихло горе,
 И сталъ я сомнѣвать, что гнѣвъ мой на себя
 Преступныя дѣянья превмѣщаетъ,
 Тогда-то изъ страны народъ меня изгналъ, 440
 Опустя ужъ много времени, и кто могли
 Отцу помочь, сыны, не восхотѣли
 Вступиться даже словомъ за меня, и сталъ
 У нихъ отецъ изгнанникомъ и нищимъ.
 Онъ вотъ, дѣвы слабыя, на сколько
 Возможно имъ, и пропитанье мнѣ, и кровь
 Скитальцу доставляють, и утѣху.
 Сыны жь пренебрегли заботой объ отцѣ
 И предпочли престолъ, и скипетръ, и страной
 Владѣнье. Но во мнѣ не обрѣтутъ они 450
 Союзника, и въ пользу имъ не будетъ
 Надъ градомъ Кадма власть, а знаю вѣрно
 По предсказаньямъ, возвѣщеннымъ дочерью,
 И по оракулу, чтѣ Фебъ давно мнѣ далъ.
 Итакъ, пусть шлютъ за мной Креона, или кого
 Другаго сильнаго во градѣ, все равно.
 Коли вы, о, мужи, виѣстѣ съ треблаженными
 Богнями *) окажете защиту мнѣ,
 Спасителя страны вы обрѣтете
 Во мнѣ, врагамъ же будетъ посрамленье. 460

Хоръ.

И самъ ты жалости, Эдипъ, достоинъ,
 И дочери твоей. А такъ какъ ты себя
 Спасителемъ земли сей называешь,
 То я хочу совѣтъ тебѣ полезный дать.

Эдипъ.

Поддай пришельцу помощь, все исполню.

Хоръ.

Своей грѣхъ предъ божествами, къ конемъ первымъ
 Пришель, а конемъ ты поиралъ участокъ.

Эдипъ.

Какъ смыть мнѣ грѣхъ, скажите, чужеземцы?

*) Эвменидами.

Хоръ.

Сперва изъ вѣчнаго потока влаги
Святой достань, руками чистыми черпнувь.

470

Эдипъ.

Что жь дѣлать, взявши влаги безпримѣсной?

Хоръ.

Сосуды есть, искусное ваянье, тамъ:
Украсть края ихъ и двойныя ручки.

Эдипъ.

Вѣтвями, нитями, или же чѣмъ другимъ?

Хоръ.

Волною, святой только что съ молодой овцы.

Эдипъ.

А какъ же остальное мнѣ исполнить?

Хоръ.

Твори, лицомъ къ востоку, возмѣняя.

Эдипъ.

Изъ тѣхъ-то самыхъ урвъ, о конхъ ты сказалъ?

Хоръ.

Да, трижды лей и изъ послѣдней вылей все.

Эдипъ.

Скажи же, чѣмъ ее наполнить должно?

480

Хоръ.

Водой и медомъ, но вина не подбавляй.

Эдипъ.

И что жь, когда сей смѣсью землю орошу?

Хоръ.

Объими руками трижды девять
Вѣтвей ты масличныхъ клади и такъ молись...

Эдипъ.

Скажи и это, что всего важнѣе.

Хоръ.

Пусть тѣ богини, коихъ Эвменидами
Зовемъ, просящему тебѣ защиты
Окажутъ милость! ¹⁾ Такъ чуть слышнымъ гласомъ самъ
Молиться долженъ ты. нль кто заступитъ
Тебя; потомъ, не обращаясь, уходи.
Когда ты это совершишь, я смѣло,
Пришелецъ, буду за тебя, а то боюсь...

490

Эдипъ.

О, дочери, слышите, что говорятъ они?

Антигона.

Да, слышимъ. Прикажи, что нужно дѣлать.

Эдипъ.

Идти нельзя мнѣ самому: и силъ ужъ нѣтъ,
И слѣпъ я,—два недуга мнѣ мѣшаютъ.
Такъ пусть одна изъ васъ обрядъ исполнитъ.
Одной вѣдь любящей души довольно,
Чтобъ жертву эту и за многихъ принести.
Однако же скорѣе! Только одного
Меня не оставьте; ибо самъ собой ходить,
Безъ помощи другаго, я не въ силахъ.

500

Иоменна.

Иду сама я все исполнить; мѣсто жъ гдѣ
Найти мнѣ то, услышать я желаю.

Хоръ.

По ту вотъ роци сторону; коль будетъ въ чемъ
Нужда, тамъ человѣкъ есть, онъ поможетъ.

Иоменна.

Пойду туда я; ты же, Антигона,
Отца здѣсь стереги; тяжель не долженъ быть
Тотъ трудъ, что для родителей подъяемъ.

Иоменна уходитъ въ рошу.

¹⁾ Ср. прим. къ ст. 42.

Хоръ.

Строфа 1.

Странно боль давно заснувшую
Возбуждать, о, чужеземецъ;
Но желалъ бы я спросить тебя —

510

Эдипъ.

О чемъ же это?

Хоръ.

О тяжкомъ горѣ, безысходномъ, что тебя
Постигло нѣкогда, несчастный старецъ.

Эдипъ.

Молю, во имя твоего гостепринимства,
Не заставляй разоблачать дѣяній страшныхъ!

Хоръ.

(1-й хорестъ).

О томъ лишь я желаю слышать,
О чемъ молва гласитъ немолчно.

Эдипъ.

Увы!

Хоръ.

(2-й х.)

Согласись же, прошу.

Эдипъ.

О, горе мнѣ!

Хоръ.

(3-й х.)

Послушайся меня, тогда и я тебя..

520

Эдипъ.

Антистрофа 1.

Зло содѣялъ противъ воли я,
Богъ свидѣтель, чужеземцы!
Ничего по волѣ не свершилъ.

Хоръ.

(4-й х.)

Но какъ же это?

Эдипъ.

Не вѣдалъ я, какъ городъ возводилъ меня
На брачное, столь гибельное ложе...

Хоръ.

(5-й х.) И съ матерью, о, злополучный, какъ я слышу,
Ты ложе раздѣлишь,—сказать то даже страшно?

Эдипъ.

Смертельный ужасъ это слышать!
Увы! И эти двѣ мон...

530

Хоръ.

(6-й х.) Что ты!

Эдипъ.

Несчастныя дщери!

Хоръ.

(Всѣ). О, Зевсъ, о, Зевсъ!

Эдипъ.

Отъ той же матери родились, что и я.

Хоръ.

Строфа 2 (7-й х.) И такъ, оиѣ тебѣ и дѣти, н...

Эдипъ.

И сестры вмѣстѣ съ тѣмъ отцу.

Хоръ.

(Всѣ). Увы!

Эдипъ.

Одна другой смѣнявшіася бѣды!

Хоръ.

(8-й х.) Потеряль?

Эдипъ.

Потеряль я ужасное зло!

Хоръ.

(9-й х.) Содѣяль ты?..

Эдипъ.

Нѣтъ, не содѣяль.

Хоръ.

(10-й х.)

Такъ что же?

Эдипъ.

Вѣдь даръ

Получилъ я, несчастный, такой
Отъ города, коему я же спасенье принесъ.

540

Хоръ.

Антистрофа 2 (11-й х.)

Несчастный подлинно! И смерть нанесть...

Эдипъ.

Что ты сказалъ? О чемъ спросилъ?

Хоръ.

(12-й х.)

Отцу?

Эдипъ.

Увы! Ударъ къ удару прибавляешь!

Хоръ.

(13-й х.)

Убилъ ты?

Эдипъ.

Убилъ я, но нѣкое есть...

Хоръ.

(14-й х.)

Что же есть?

Эдипъ.

Для меня оправданье.

Хоръ.

(15-й х.)

Какое?

Эдипъ.

Скажу.

Убилъ я, не зная, кого убивалъ,
И правъ по закону, въ невѣдѣнны ставши убійцей.

*Является Оезей.*Хоръ (*корифей хора*).

По вогъ пришелъ и царь нашъ, сынъ Эгеевъ,
Оезей, по зову твоему, о, старецъ.

550

Өззей.

Отъ многихъ слышавши ужь прежде о тебѣ,
 [Объ ослѣпленіи очей кровавомъ] ¹⁾,
 Я узнаю тебя, сынъ Лая; весь твой видъ
 Меня еще въ томъ больше убѣждаетъ,
 Что не ошибся я; вѣдь и нарядъ твой,
 И страшная глава примѣтой служатъ намъ,
 Что это ты, Эдипъ несчастный. Жалось
 Къ тебѣ питая, звать желать бы я, съ какой
 Ко мнѣ и къ городу пришли вы просьбой
 Съ несчастной дочерью. Скажи. Вѣдь отказать
 Я могъ бы лишь въ какомъ-либо чрезмѣрномъ
 Желаньи. Самъ я на чужбинѣ ²⁾, какъ и ты,
 Воспитанъ былъ, со многими боролся
 Трудами тамъ, съ опасностію жизни.
 Поэтому не уклонюсь я никогда
 Помочь подобному тебѣ пришельцу.
 Я смертенъ, какъ и ты, и завтрашній намъ день
 Обоймъ въ равной мѣрѣ неизвѣстенъ.

560

Эдипъ.

Өззей, въ короткомъ словѣ благородство
 Свое явилъ ты, такъ что мнѣ немного
 Придется объяснить: ты самъ сказалъ уже,
 И кто я, и чей сынъ, какой страны.
 Поэтому мнѣ остается только
 Открыть тебѣ свое желанье, вотъ и все.

570

Өззей.

Скажи, чего желаешь, чтобы зналъ я.

Эдипъ.

Пришелъ я, чтобы въ даръ тебѣ принести себя,
 Несчастное созданье, — даръ неважный
 На видъ; но польза жь оная надежды превзойдетъ.

Өззей.

Какую жь пользу мнѣ ты обѣщаешь?

¹⁾ Ст. 552 нельзя признать подлиннымъ.

²⁾ Өззей, сынъ Өеры, воспитанъ былъ у дѣда своего Питоса въ Трезенѣ. Отправившись черезъ Исемъ въ Аены съ цѣлью найти своего отца, онъ испыталъ на пути много приключеній въ борьбѣ съ разбойниками и дикими чудовищами.

ЭДИПЪ.

Со временемъ узнаешь это, не тебѣ... 580

ФЕЗЕИ.

Когда же обѣщанье сбудется твое?

ЭДИПЪ.

Когда умру, и похоронишь ты меня.

ФЕЗЕИ.

Ты просишь о послѣднемъ долгѣ; какъ же до того
Прожить, объ этомъ ты забылъ, плѣ небрежешь.

ЭДИПЪ.

Вѣдь въ томъ содержится и *это* для меня ¹⁾.

ФЕЗЕИ.

Но сколь же малой просишь ты услуги!

ЭДИПЪ.

Смотри. Не легкой все же будетъ та борьба.

ФЕЗЕИ.

Для сыновей, ты думаешь, или для меня?

ЭДИПЪ.

Хотятъ насильно увести меня туда.

ФЕЗЕИ.

Зачѣмъ въ изгнанья жить, коль возвратитъ хотять? 590

ЭДИПЪ.

Моихъ желаній не исполнили жь они!

ФЕЗЕИ.

Безумецъ, гнѣвъ въ несчастьяхъ вредъ приписать.

ЭДИПЪ.

Пока не выслушалъ, оставь совѣты.

¹⁾ Эдипъ хочетъ сказать: если ты пообѣщаешь похоронить меня, то за краткій остатокъ жизни моей я спокоенъ; ты ужь вѣрно не откажешься защитить меня, если бы пришлось.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ.

Өзвѣй.

Скажи. Не зная дѣла, не могу судить.

Эдипъ.

Өзвѣй, я страшнымъ бѣдствіемъ постигнутъ.

Өзвѣй.

О древнемъ родѣ бѣдствій ты говоришь?

Эдипъ.

О, вѣтъ! О томъ ужь знаетъ вся Элада.

Өзвѣй.

Такъ что сверхъ силъ людскихъ тебя постигло?

Эдипъ.

А то, что изъ отечества я изгнанъ
Дѣтьми родными, и нельзя ужь мнѣ туда
Вернуться, какъ отцеубійцѣ, никогда.

600

Өзвѣй.

Зачѣмъ имъ звать тебя, чтобъ поселить вдали?

Эдипъ.

Къ тому вѣдь принуждаетъ ихъ гласъ бога.

Өзвѣй.

А что имъ страшное оракулъ предсказалъ?

Эдипъ.

Отъ сей земли имъ поражение суждено.

Өзвѣй.

Вражда же между нами какъ произошла бѣ?

Эдипъ.

Любезный сынъ Эгея, боги лишь одни
Ни старости не вѣдаютъ, ни смерти;
А то вѣдь все время мѣлкая волна
Съ собой уноситъ. Гибнетъ сила почвы,
Здоровье гибнетъ, вѣрность умираетъ,
Растетъ невѣрность, и одинъ и тотъ же духъ
Не остается ни въ друзьяхъ, ни въ городахъ.
Однимъ теперь, другимъ со временемъ стаетъ
Пріятное не милымъ и потомъ опять

610

Отраднѣмъ. Потому пусть отношеня
 Твои съ Фивацями теперь и хороши,
 Но время длинное въ своемъ теченнѣ,
 Рождаетъ длинный рядъ почей и дней, и знай,
 Изъ-за пустой причины нѣвогда они
 620 Копьемъ согласіе съ тобою нарушать.
 Тогда мой хладный трутъ, въ землѣ сокрытый,
 Напьется теплою крови ихъ, коль Зевсъ есть Зевсъ,
 И коль пелживъ сынъ Зевса Фебъ... Но говорить
 О тайпахъ тяжело мнѣ. Дай окопчить
 На томъ, чѣмъ началъ я, и общанью
 Лишь вѣрнѣ будь,—не скажешь, что напрасно
 Эдипа принялъ, если вѣрнѣ божествамъ.

Хоръ.

Давно ужъ эти блага и подобныя,
 О, царь, странѣ онъ общааетъ принести. 630

Фезей.

Кто жь могъ бы отказать въ расположеннѣ
 Такому мужу, коему доступенъ
 Всегда гостепрнмный нашъ очагъ ¹⁾, тому,
 Кто, сверхъ того съ мольбой пришедъ къ богннамъ,
 Землѣ и мнѣ не малую заплатитъ дань?
 Его услуги никогда не отключю я
 И дамъ ему пристанище въ моеи стравѣ.
 Коль здѣсь угодно оставаться гостю, вамъ
 Я поручу его; а можетъ быть, со мной
 Идти онъ пожелаетъ... Выбирай, Эдипъ,
 640 Чтѣ хочешь. Такъ тебѣ помочь я могъ бы...

Эдипъ.

О, Зевсъ, пошли столь добрымъ людямъ всякихъ благъ!

Фезей.

Чего же хочешь ты? Идти въ мой домъ со мной?

Эдипъ.

Пошелъ бы, еслибъ можно было! Но я здѣсь...

Фезей.

Чтѣ будешь дѣлать? Я не воспротивлюсь.

¹⁾ Этими словами Фезей указываетъ на существованіе связей гостепрнмства между Лабдакидами и Эгидами.

ЭДИПЪ.

Надъ гнавшими меня побѣду одержу ¹⁾.

ОКЗЕЙ.

Великій даръ за пребыванье намъ сулишь.

ЭДИПЪ.

И дамъ его, коль сдержишь обѣщанье.

ОКЗЕЙ.

Ужь будь увѣренъ за меня: не выдамъ.

ЭДИПЪ.

Такъ я и клятвы братъ съ тебя не ставу.

650

ОКЗЕЙ.

Повѣривъ слову, то же вѣдь получишь

ЭДИПЪ.

Такъ что же сдѣлаешь?

ОКЗЕЙ.

Чего боишься ты?

ЭДИПЪ.

Прійдутъ сюда —

ОКЗЕЙ.

О томъ забота наша.

ЭДИПЪ.

Смотри, покинувь...

ОКЗЕЙ.

Не учи, что дѣлать.

ЭДИПЪ.

Страшусь...

ОКЗЕЙ.

Мое же сердце не страшится.

ЭДИПЪ.

Угрозъ не знаешь развѣ?

¹⁾ Пророческое указаніе на пораженіе Оявлицевъ на могилѣ Эдипа.

Θ ν ν ν ν.

Знаю, что тебя

Никто отсюда противъ нашей воли
 Не уведеть. Во гнѣвѣ много и угрозъ,
 И словъ пустыхъ наскажеть человѣкъ, потомъ,
 Когда къ разсудку возвратится онъ, угрозъ 660
 Какъ не бывало. Такъ и имъ навѣрно,
 Хотя и страшно можетъ быть грозили,
 И слишкомъ длиннымъ будетъ путь морской сюда
 И непроходимъ. Если Фебъ послалъ тебя,
 Мужаться долженъ ты и безъ впушеній
 Моихъ... Но и въ отсутствіи моемъ тебя
 Одно мое ужъ нмя отъ обидъ спасеть.

Уходимъ.

Хоръ.

Строфа 1.

Въ лучшія мѣста страны, конями славной,
 Ты пришелъ, о, чужеземецъ,
 Въ нашъ Колонъ съ бѣлѣющею почвой ¹⁾. 670
 Здѣсь въ долинахъ, зеленью обильныхъ,
 Раздаются жалобы пѣсни
 Голосистыхъ соловьевъ несчетныхъ,
 Кон гнѣзда вьютъ на темномъ плющѣ
 И на посвященныхъ божеству ²⁾
 Густолиственныхъ деревьяхъ плодоносныхъ,
 Недоступныхъ ни лучамъ
 Солнечнымъ, ни вѣтрамъ. Здѣсь всегда
 Изступленный Діонисъ гуляетъ
 Въ сонмѣ нимфъ, божественныхъ кориплицъ ³⁾. 680

* *
*

Антистрофа 1. Здѣсь же подъ росой небесною на скалахъ
 День отъ дня нарциссъ кудрявый,
 Нѣкогда краса богинь великихъ ⁴⁾,
 Возлѣ золотистаго шафрана
 Зеленѣеть, долу же струится

¹⁾ Отъ известковыхъ и ильвовыхъ скалъ.²⁾ Вакху или Діонису, которому, кромѣ винограда, посвящены были смоковница и другія плодовые деревья.³⁾ Рожденный на нивахъ Нисы, Діонисъ былъ вскормленъ и воспитанъ мѣстными нимфами, к торымъ впоследствии сопровождали его въ его процесіяхъ.⁴⁾ Деметры и Персефоны, которыя, по преданію, носили прежде вѣнки изъ цвѣтвовъ нарцисса, замѣненные потомъ вѣнками изъ колосьевъ.

Вѣчно источники Кефиса ¹⁾,
 Благодатно орошая чистой
 Благою равнины каждый день,
 Умножая почвы плодоносной
 Силу. Любятъ посѣщать
 Этотъ край и хороводы музъ
 И любви богиня Афродита,
 Что повсюду золотыя держитъ ²⁾.

690

• •
 •

Строфа 2.

Водится дерево здѣсь, растущее пышно,
 Дерево, коимъ не слышно чтобъ славилась Азія
 Или полуостровъ Дорійскій Пелопса обширный ³⁾,
 Вѣчно зеленое, само собою прозябшее ⁴⁾,
 Передъ которыми въ страхѣ враги отступаютъ ⁵⁾,—
 Маслина здѣсь въ изобиліи растетъ свѣтложелтая;
 Вырвать ее не удастся вождю никакому,
 Ювъ или старъ онъ ⁶⁾. Вѣчно ее охраняетъ
 Взоръ покровителя Зевса ⁷⁾
 И свѣтлою Аенны.

700

• •
 •

Анжистрофа 2.

Есть и еще, чѣмъ родинѣ нашей хвалиться
 Можно: то бога великаго даръ, наша гордость,—
 Лучшіе ратные кони и сила морская.

710

¹⁾ Рѣчка, образующаяся изъ многихъ ручьевъ.

²⁾ Аэродиту древніе Греки представляли эдущую по воздуху на колесницѣ, запряженной конями, голубами или воробьями.

³⁾ Азія и Пелопоннесъ—обозначеніе востока и запада. Наименованіе Пелопоннеса Дорійскимъ въ устахъ хора—анахронизмъ: завоеваніе этой страны Доріями произошло уже восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ паденія Трои.

⁴⁾ Священныя маслины, росшія на равнинѣ Кефиса и въ Академіи, назывались *моріа* и находились подъ наблюденіемъ ареопага. Первая маслина, по преданію, была насажена на Акрополѣ самою Аенной во время спора этой богини съ Посейдономъ объ обладаніи страной. У Геродота (8, 55) сообщается сказаніе о томъ, что это древнее дерево во время Персидскихъ войнъ было сожжено по приказу Ксеркса, но на другой день пустило новую вѣтвь длиною въ локоть.

⁵⁾ Спартанскій царь Архидамъ, при вторженіи въ Атику въ началѣ Пелопоннесской войны, не рѣшился тронуть священныя маслины, опасаясь гнѣва Аенны.

⁶⁾ Подъ юннымъ вождемъ разумѣютъ Ксеркса, подъ старымъ—Архидаму.

⁷⁾ Зевсъ, какъ покровитель священныя маслины, назывался *моріос* и имѣлъ алтарь въ Академіи.

Ты вѣдь, о Кропоса чѣдо, владыка Посейдонъ,
 Милостиво даровалъ эту славу отечеству
 Нашему, въ этихъ мѣстахъ обуздавши впервые
 Дикихъ коней удавить, усмиряющимъ рьяность.
 А корабли, снабженные крѣпкими веслами,
 По морю носятся быстро
 За Нерендами слѣдомъ.

Приближается Креонъ.

АНТИГОНА.

Страна, превозносимая хвалами,
 Теперь должна ты славу оправдать свою!

720

ЭДИПЪ.

Что жь новое, дитя, случилось?

АНТИГОНА.

Вотъ Креонъ,
 И не безъ спутниковъ, подходитъ къ намъ, отецъ!

ЭДИПЪ.

О, старцы дорогіе, все спасенье
 Отъ васъ теперь явиться мнѣ могло бы!

ХОРЪ.

Не сомнѣвайся въ этомъ: хоть и старъ я,
 Однако мощь страны не состарѣлась.

КРЕОНЪ.

О, благороднѣйшіе жители страны,
 На лицахъ вашихъ вижу я внезапный страхъ,
 Прибытіемъ моимъ сюда внушенный.
 Не бойтесь же меня и не злословьте.
 Не съ тѣмъ я прибылъ, чтобъ какое сдѣлать
 Насиліе: я старъ и знаю, что припелъ
 Въ могущественнѣйшій Элады городъ.
 Послали жь старика меня сюда, чтобъ воть
 Его уговорить идти въ градъ Кадма.
 И не однимъ я посланъ кѣмъ-нибудь, друзья,
 А всѣмъ гражданами, такъ какъ по родству
 Меня несчастья его всѣхъ больше
 Печалить... Но послушайся меня, Эдипъ,
 Иди домой: вѣдь весь народъ Кадмейскій
 Зоветь тебя усердно; я жь тѣмъ болѣе,
 Чѣмъ болѣе скорблю — коль я не хуже всѣхъ
 На свѣтѣ — о твоихъ несчестьяхъ, старецъ,

720

740

3*

Увидѣвъ на чужбинѣ бѣднаго тебя
 Скитальца нищаго, съ одной возжатой
 Бродящимъ, коей выпала на долю,
 Чего никакъ не чаялъ я, столь жалкая,
 Столь недостойная судьба: она одва
 Печется о тебѣ и прочитаемъ 750
 Поддерживаетъ скуднымъ жизнь твою, въ такихъ
 Лѣтахъ, безъ мужа, безъ защиты, бѣдная!
 Увы, мнѣ! Не позоръ ли то, что я сказалъ,
 Тебѣ и мнѣ, и роду нашему всему?
 Нельзя мнѣ скрыть того, что всѣмъ извѣстно,
 Скрой самъ, Эдипъ, отечества богами
 Молю тебя: послѣдуй мнѣ и согласишься
 Идти въ отчизну, въ домъ отцовъ, благословивъ
 Градъ этотъ, какъ достоинъ онъ; вѣдь свой родной,
 Тебя вскормившій ¹⁾, чтить ты долженъ больше. 760

Эдипъ.

О ты, на все дерзающій и честный
 Умѣющій представить все! Зачѣмъ теперь
 Ты затѣвася это и опять меня
 Поймать въ тѣ сѣти хочешь, въ кон горе
 Мнѣ было бы понасть. И раньше вѣдь, когда
 Страдалъ я отъ домашнихъ золь и изъ страны
 Изгнанія желалъ, ты помощь оказать
 Мнѣ не хотѣлъ, когда жь мой гнѣвъ утихъ ужь,
 И было мнѣ пріятно дома проживать, 770
 Тогда ты гналъ, выталкивалъ меня, тогда
 Не чувствовалъ ты родственной любви ко мнѣ;
 А мнѣ, видя, что ко мнѣ и этотъ градъ,
 И весь народъ расположенъ, ты хочешь
 Увлечь меня назадъ, жестокия слова
 Мнѣ вѣжно говори. Но что за радость
 Любовь, которой не хотятъ? Вѣдь еслибъ ты
 Просилъ кого о чемъ, и тотъ бы не далъ
 И не хотѣлъ тебѣ помочь, когда же ты
 Ничѣмъ бы то, чего желалъ, давать бы сталъ
 Тебѣ, когда въ услугѣ не было бы нужды, 780
 Была ли бы напрасная услуга
 Пріятна? Такъ и ты вотъ предлагаешь мнѣ
 Хорошее лишь на словахъ, на дѣлѣ жь зло.
 Скажу я прямо, чтобы показать, что ты
 Злодѣй: Пришелъ ты увести меня, не съ тѣмъ,

¹⁾ Крестъ какъ бы забываетъ, что Эдипъ воспитанъ былъ не въ Фивахъ.

Чтобъ возвратитъ домой, но чтобы поселить
 Вблизи и тѣмъ избавить городъ свой отъ бѣдъ,
 Ему грозящихъ отъ Аоня. Но этому
 Не бытъ! А ждешь тебя въ странѣ духъ-мститель мой,
 И сыновьямъ мопмъ достанется въ удѣлъ
 Земли моей лишь столько, сколько нужно
 Умершимъ... Что, не лучше ль знаю я, чѣмъ ты,
 Оппапскія дѣла? Гораздо. Слышалъ я
 Отъ Феба и отъ Зевса самого о томъ.
 И ты пришелъ съ коварной, живой рѣчью
 Сюда. Но будетъ вредъ тебѣ, не польза
 Отъ словъ твоихъ. Меня тебѣ не убѣдить;
 Ступай и дай жить здѣсь намъ. Вѣдь не будетъ
 Намъ плохо жить, коль самъ мы довольны.

790

КРЕОНЪ.

Ужели думаешь, что большимъ мнѣ вредомъ
 Грозитъ твое рѣшенье, нежели тебѣ?

800

ЭДИПЪ.

Всего я больше радъ тому, что ни меня
 Не можешь ты угорнить, ни этихъ.

КРЕОНЪ.

Уму тебя не научило время,
 Несчастный; ты и въ старости безуменъ!

ЭДИПЪ.

Искусенъ ты въ рѣчахъ. Но тотъ, кто честенъ,
 Я думаю, не станетъ зацѣплять всего.

КРЕОНЪ.

Но много говорить и дѣлать—разница.

ЭДИПЪ.

Вотъ ты какъ мало и какъ дѣлать говоришь!

КРЕОНЪ.

Но не для тѣхъ, кто одного съ тобой ума!

810

ЭДИПЪ.

Уйди—отъ имени и этихъ ¹⁾ я скажу—
 И не совѣтуй мнѣ, гдѣ жить я долженъ.

¹⁾ То-есть, отъ имени хора; хоръ же призываетъ въ свидѣтели и Креона въ своемъ отвѣтѣ.

КРЕОНЪ.

Когда возьму тебя—пусть знаютъ и они,—
Пойкнешь ты, какъ друзьямъ ты долженъ отвѣчать.

ЭДИПЪ.

Да кто же противъ воли ихъ возьметъ меня?

КРЕОНЪ.

И не возьму, такъ ты не будешь весель.

ЭДИПЪ.

Чѣмъ это ты опять грозить мнѣ вздумалъ?

КРЕОНЪ.

Одну изъ дочерей твоихъ я взялъ уже
И отослалъ, другую жь уведу сейчасъ.

ЭДИПЪ.

Увы!

КРЕОНЪ.

Не такъ еще ты будешь горевать!

820

ЭДИПЪ.

Такъ взялъ ты дочь?

КРЕОНЪ.

Сейчасъ возьму другую.

ЭДИПЪ (къ хорѣ).

Что сдѣлаете вы, друзья? Ужели
Измѣните? Злодѣй не будетъ удаленъ?

ХОРЪ (къ Креону).

(Креонѣй хора). Уйди скорѣе, чужеземецъ! Поступилъ
И поступаешь ты несправедливо.

КРЕОНЪ (къ своимъ спутникамъ).

Ведите вы ее и противъ воли,
Коль добровольно не послѣдуетъ она.

Олуи Креона приближаются къ Антигоны.

АНТИГОНА.

Увы! Куда бѣжать мнѣ бѣдной?! У кого
Искать защиты?!

ХОРЪ.

(2-й х.) Что ты дѣлаешь, пришлецъ?

КРМОНЪ (*схватывая Антигону*).
Не мужа этого беру я, а свою...

880

ЭДИПЪ.

О, граждане!

ХОРЪ (*ко Крмону*).

(3-й х.) Пришлецъ, не чество это!

КРМОНЪ.

Нѣтъ, честно.

ХОРЪ.

(4-й х.) Какъ же честно?

КРМОНЪ.

Я своихъ веду!

ЭДИПЪ.

Строфа. О, городъ!

ХОРЪ.

Что ты дѣлаешь пришлецъ?
Отпусти! Не то я руки наложу.

КРМОНЪ (*къ наступающимъ*).

Удержись!

ХОРЪ.

(5-й х.) Не удержишь, коль это замышляешь ты.

КРМОНЪ.

Меня обидишь, будетъ съ тобой война.

ЭДИПЪ.

Не говорилъ ли я того же?

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ.

(6-й я.) ХОРЪ.
Отпусти скорѣй
Дѣвцу!

КРЕОНЪ.
Не приказывай, чего нельзя.

(7-й я.) ХОРЪ.
Пустить . . . тебѣ.

КРЕОНЪ.
А я тебѣ—уйди.

840

ХОРЪ.
Идите, идите, странн обитатели,
Насиліе терпѣть нашъ городъ,
Идите сюда!

АНТИГОНА.
Влекутъ меня, несчастную, о, старцы!

ЭДИПЪ.
Гдѣ ты, дѣтя мое?

АНТИГОНА.
Ведутъ насильно!

ЭДИПЪ (*простирая къ ней руки*).
Прости ко мнѣ, о, чадо, руки!

АНТИГОНА.
Не могу!

КРЕОНЪ (*къ слугамъ своимъ*).
Ведите же ея!

Слуги Крeона уводятъ Антигону.

ЭДИПЪ.
Ахъ, бѣдный, бѣдный я!

КРЕОНЪ (*обращаясь къ Эдипу*).
Отнынѣ никогда опорой онѣ
Не будутъ въ странствіяхъ тебѣ, а такъ какъ ты

Отчизну и друзей желаешь одолѣть,
 Чью волю я, хотя и царь, свершаю,
 Одолѣвай: со временемъ навѣрно
 Поймешь, что не добро ты дѣлаешь себѣ,
 И нынѣ, какъ и прежде, не внимал
 Друзьямъ, предавшимся пагубному гнѣву.

850

Хочетъ уйти.

Хоръ (*удерживая Креона*).

(8-й ст.) Стой здѣсь, пришлецъ!

Креонъ.

Не смѣй меня касаться!

Хоръ.

(9-й ст.) Не отпущу тебя, когда дѣвицы ты отпалъ.

Креонъ.

И большей данью городъ заплатиться
 Заставишь. Вѣдь тогда не ихъ однихъ схвачу.

Хоръ.

(10-й ст.) На что жь ты обратишься?

Креонъ (*указывая на Эдипа*).

Вотъ его возьму.

860

Хоръ.

(11-й ст.) Ужасное сказалъ ты!

Креонъ.

И исполню,
 Коль царь страны мнѣ въ томъ не помѣшаетъ.

Эдипъ.

Безстыдныя слова! Меня ли тронешь ты!

Креонъ.

Молчать велю тебѣ.

Эдипъ.

Богини здѣшнихъ мѣстъ
 Дадутъ мнѣ произнести проклятье на тебя,
 Злодѣй, послѣднюю опору у меня,

Лишеннаго очей, отнявшій силой!
И такъ, пусть Геліосъ *) всевръщій дастъ тебѣ
И роду твоему такой же жизнью
Жить въ старости, какой живу несчастный я!

870

Крвонъ.

Ну, видите ли вы, о, жители страны?

Эдипъ.

Да, видать насъ съ тобою и понимаютъ
Что, потерявъ на дѣлѣ, нишу словами я.

Крвонъ.

Нѣтъ, не сдержать мнѣ гнѣва. Силой уведу,
Хотя одинъ я и гнѣтами удрученъ.

Хочешь вести Эдипа.

Эдипъ.

Аммисиррѣва. О, горе!

Хоръ.

Скозь ты смѣль, пришелецъ,
Если этотъ замыселъ надѣнешся свершить!

Крвонъ.

И надѣюсь.

Хоръ.

(12-й з.)

Ужь не будетъ этотъ градъ мнѣ тогда.

Крвонъ.

Побѣдить и слабый въ дѣлѣ честномъ сильного.

880

Эдипъ.

Вы слышите что онъ сказалъ?

*) Всевидящее божество свѣта, Геліосъ, видитъ и обиды, наносимыя Креономъ Эдипу, почему послѣдній и взываетъ къ нему съ мольбою о наказаніи Креона и всего рода его. Даруя людямъ свѣтъ и жизнь, Геліосъ можетъ и лишить ихъ этихъ благъ.

(13 и 14-й х.) . . . .').
 Хоръ.
 Тому не быть!

Креонъ.
 Зевсу вѣдомо, не вамъ.

(15-й х.)
 Хоръ.
 Не насмѣе ли это?!

Креонъ.
 Да, но претерпи!

Хоръ.
 Иди же, народъ всь, иди же скорѣе,
 Идите, о князи огчизны!
 • Уходятъ они!

Фезей съ толпою окружающихъ является на сцену.

Фезей.
 Чтò за шумъ тутъ? Чтò случилось! Чтò за страхъ васъ побудилъ
 Отозвать меня отъ жертвы, чтò морскому божеству¹⁾,
 Покровителю Колона, приносилъ на алтарѣ?
 Разкажите, чтобы зналъ я, для чего сюда спѣшили. 890

Эдипъ.
 Любезный другъ,—узналъ вѣдь я твой голосъ,—
 Ужасную сей мужъ обиду мнѣ нанесть.

Фезей.
 Какую же обиду? Кто обидчикъ?

Эдипъ.
 Креонъ вотъ этотъ, коего ты видишь: •
 Обвѣхъ дочерей онъ отнял у меня!

Фезей.
 Чтò ты сказалъ?

¹⁾ Не переданное рукописями подлинника начало этого стиха содержало, вѣроятно, одну изъ формулъ утвержденія именемъ Зевса, какъ на это указываетъ отвѣтъ Креона. Мы могли бы восполнить пропускъ словами: «Зевесъ свидѣтель!»

²⁾ Посейдону.

Э д и п ъ.

Что потерпѣлъ я, слышишь ты!

Θ ε з е й.

Пусть кто-нибудь изъ васъ ¹⁾ поидетъ скорѣе
 Къ тѣмъ алтарямъ и весь народъ побудитъ,
 Какъ прѣшій, такъ и конный, отъ священныхъ жертвъ
 Скорѣй спѣшить туда, гдѣ двѣ дороги 900
 Въ одну дорогу сходятся, чтобъ не прошли
 Чрезъ это мѣсто дѣвы, и чтобъ я не сталъ
 Посмѣшникомъ пришельцу, силѣ уступивъ.
 Идите же скорѣе, какъ велѣлъ я!
 Его ²⁾ же, еслибъ гнѣву я предался,
 Какого онъ достоинъ, невредимымъ
 Не отпустилъ бы; а теперь я буду съ нимъ
 По тѣмъ же поступать законамъ, кои самъ
 Онъ внесъ сюда. Не выйдешь ты изъ этой
 Страны, пока тѣхъ дѣвъ не возвратишь намъ. 910
 Вѣдь поступилъ ты недостойно, какъ меня,
 Такъ и отечества и рода твоего,
 Когда, пришедши въ городъ, чтущій правду
 И безъ закона не творящій ничего,
 Права страны такъ нагло ты поправилъ, что все
 Хватаешь, чтѣ захочешь, и своимъ зовешь,
 И градъ считаешь мой безлюднымъ или рабовъ
 Жилищемъ, и меня не ставишь ни во чтѣ.
 Однако же не Фивы воспитали
 Тебя столь злымъ: людей несправедливыхъ 920
 Они не терпятъ. Не похвалятъ я тебя,
 Когда узнають, что мое ³⁾ ты похвалялъ
 И силой уводилъ молящихъ, чтѣ къ богамъ
 Прибѣгли. Я, въ твою страну вступивши,
 Хотя бъ и всѣ имѣлъ причины, никого
 Безъ воли властелина, кто бъ онъ ни былъ,
 Ни увлекать, ни уводить не сталъ бы,
 А зналъ бы я, какъ долженъ средь туземцевъ
 Вести себя пришелецъ. Ты же самъ свою
 Отчизну незаслуженно позоришь, 930
 И возрастъ твой тебя не только старымъ,
 Но и безумнымъ сдѣлалъ. Прежде ужъ сказалъ я.
 И повторю еще, чтобы дѣвицы сюда

¹⁾ Θεсей обращается къ окружающимъ его слугамъ.

²⁾ Креона, котораго Θεсей сначала не удостоиваетъ и обращенія; лишь съ ст. 909 онъ обращается прямо къ нему.

³⁾ То-есть, тѣхъ, которые отдались подъ мое покровительство.

Скорѣ привели, коль ты не хочешь
Невольнымъ стать страпы сей поселенцемъ.
Я прямо, что на сердцаѣ, говорю тебѣ.

Хоръ.

Ну, видишь? Честнымъ бы по роду твоему
Казался ты, но дурно то, что сдѣлалъ.

Креонъ.

Ня безразсуднымъ градъ сей, ни безлюднымъ,
Какъ ты сказалъ, Эгсевъ сынъ, я не считалъ, 940
А сдѣлать это дѣло, такъ какъ думалъ,
Что вы не столь привязаны къ своимъ роднымъ,
Чтобъ противъ моего желанья ихъ держать,
И зналъ, что вы не примете злодѣя,
Что осквернилъ себя отцеубійствомъ
И съ матерью своей преступнымъ бракомъ.
Я зналъ и то, что на холмѣ Аресъ ¹⁾
Премудрый есть совѣтъ у васъ, который
Не дозволитъ въ градѣ пребывать такимъ
Продлгамъ. Вотъ на что я и замыслилъ своимъ 950
Разсчитывалъ. Но я бы все жъ не поступилъ
Съ нимъ такъ, когда бъ онъ мнѣ и роду моему
Проклятій страшныхъ не изрекъ. За то отступить
Ему я въ правѣ счелъ себя; вѣдь гнѣву
Инаго, кромѣ смерти, нѣтъ конца: обидѣ
Не знаютъ лишь умершіе. Ты дѣйствуй такъ,
Какъ хочешь. Я жъ, и справедливо говоря,
Безсиленъ гнѣмъ, что я одинъ; но за дѣла,
Хотя и старъ, воздать тебѣ сумѣю...

Эдипъ.

Кого же ты поносишь, о безстыднѣй,
Меня ли старика, или самого себя? 960
Убійство, бракъ, несчастья ставишь мнѣ въ укоръ,
Тогда какъ это я, несчастнѣй, пережилъ
Невольно. Такъ богамъ угодно было,
Плотившимъ гнѣвъ на весь нашъ родъ издревле.
Во мнѣ самомъ вѣдь не пайдешь ты никакой
Вины постыдной, чрезъ какую бъ сталъ я
Противъ себя преступенъ и противъ своихъ.
Скажи мнѣ, если смерть отъ чады была отцу
Предсказана оракуломъ, то въ правѣ ль 970
Порочить ты меня, который не имѣлъ

¹⁾ Аресопатъ.

Тогда еще зачатковъ жизни отъ отца
 И матеря, еще на свѣтѣ не былъ?
 И если я, когда на свѣтѣ явился
 Несчастливымъ, въ бой вступишь съ отцомъ, убилъ его,
 Совсѣмъ не зная, съ кѣмъ вилъ я дѣло,
 То можно ль за невольное дѣланіе
 Хулить? Тебѣ не стыдно вынуждать меня
 Сказать о бракѣ съ матерью, твоей сестрой?
 Скажу. Не умолчу, коль нечестивый
 Языкъ твой могъ о томъ промолвить слово. 980
 Была, была мнѣ матерью ова — ужъ —
 Не званному ея, меда не знавшей,
 И отъ меня на стыдъ себѣ произвела
 Дѣтей! Одно лишь знаю я, что ты меня
 Повосишь и ее сознательно, а я
 И въ бракъ-то съ ней вступаю, и говорю о немъ
 Невольно. Штъ, меня не обесславить
 Ни этотъ бракъ, ни то отцеубійство,
 Вторымъ также ты кормишь меня всегда. 990
 Отвѣть мнѣ на вопросъ вотъ: если на тебя,
 Столь честныхъ нравствъ мужа, вдругъ нападъ бы кто,
 Грозя убійствомъ, сталъ ли бы ты разузнавать.
 Не есть ли твой отецъ убійца, или сейчасъ
 Отмстишь бы? Если жизнь мила, навѣрно
 Ему отмстишь бы ты, не размышляя
 О томъ, чтѣ чество. Вотъ въ такую то-бѣду
 И впасть я волею боговъ — противъ чего
 И самъ отецъ, воскресши, залагаю,
 Не сталъ бы спорить. Ты жъ, несправедливый 1000
 И все считающій приличнымъ говорить,
 Грѣшно то, или негрѣшно, злословишь
 Меня вредъ ими. Находи приличнымъ лстать
 Озезю, лстя Аоннамъ также, что онѣ
 Устроены прекрасно, ты при похвалахъ
 Всѣхъ этихъ объ одномъ забыть, что вѣтъ земли
 Превосходящей благочестіемъ эту
 Страну, у коей сплю ты хотѣлъ меня
 Молищаго похитить старца, дочерей же
 Моихъ увелъ. И такъ, богинь сей рощи 1010
 На помощь признаю и защиту
 Молю мнѣ даровать, дабы узналъ ты,
 Сколь доблестные мужа этотъ градъ блюдутъ.

Хоръ.

Хорошій мужъ, о, даръ, пришедець нашъ и въ судьбѣ
 Своей несчастной помощи достоинъ.

Өззей.

Довольно словъ. Мы потерпѣвшіе стоимъ
Спокойно, тѣ же, кто похитили, спѣшать.

Креонъ.

Что жь мужу слабому прикажешь дѣлать?

Өззей.

Идти впередъ въ моемъ сопровожденн.
Туда, чтобъ если тамъ ты скрылъ дѣвицу, могъ самъ 1020
И показать мнѣ, гдѣ опѣ; а если
Бѣжали хищники, то нѣтъ нужды самимъ
Намъ гнаться: ихъ догонять ужь другіе,
И не придется имъ благодарить боговъ,
Что удалось бѣжать. Веди жь и знай, что ты,
Лоя, изловленъ самъ и сталъ добычей
Судьбы. Вѣдь что неправдою пріобрѣтешь,
Не сохранишь; никто въ томъ не поможетъ.
По дерзости твоей я заключаю,
Что не одинъ, не безъ оружія ты къ намъ 1030
Принелъ: разчитывалъ на помощь чью-нибудь.
Мнѣ должно паблюсти, и я не допущу,
Чтобъ градъ нашъ былъ слабѣ мужа одного.
Ну, попялъ? Иль пустыми рѣчи эти
Считаешь, какъ и тѣ, что слышалъ ты отъ нихъ?

Креонъ.

Что ты ни скажешь, порицать нельзя мнѣ здѣсь;
Но дома будемъ знать и мы, что дѣлать.

Өззей.

Ступай съ угрозами своимн. Ты жь, Эдипъ,
Спокойно оставайся и увѣренъ будь,
Что я, коль буду живъ, не успокоюсь, 1040
Пока не возвращу тебѣ твоихъ дѣтей.

Эдипъ.

О, будь благословенъ за благородство
Твое, Өззей, и за заботливость о насъ!

Өззей съ толпой окружающихъ его и съ Креономъ уходитъ.

Хоръ.

Хотѣлось бы перепестись мнѣ туда,
Гдѣ скоро завяжется бой
И мѣдъ забряцаетъ, —

Въ Пнѣйскому берегу ¹⁾,
 Или къ освѣщеннымъ факелами берегамъ ²⁾,
 На коихъ таинственные установлены
 Обряды для смертныхъ
 Богинями, что замыкаютъ уста Евмолидовъ ³⁾
 Молчанья ключемъ золотымъ.
 Начнется тамъ скоро борьба
 Жестокая изъ-за дѣвицы у Фесея
 Воинственнаго съ пришлецами.

1060

* * *

Или къ западу, въ область Этской скалы ⁴⁾,
 Снѣгами покрытой, они
 Стремятся, быть можетъ,
 И кони ретивые
 Ихъ мчатъ въ колесницахъ, несущихся быстро впередъ?
 Но будутъ въ плѣну. Вѣдь сосѣдніе жители
 И жители града
 Фесея страшны въ бою. Заблестала ужь упряжь
 Коней и весь конный народъ,
 Аиону богиню что чтить
 И бога морей, сына Рея, всю землю
 Держащаго, скачутъ въ погоню.

1060

1070

* * *

Начали бой или медлятъ еще?
 Сердце мое ужь предчувствуетъ
 Скорое мукъ прекращенье для дѣвъ,
 Горе обрѣтшихъ, горе терпѣвшихъ отъ кровныхъ родныхъ.
 Зевесъ намъ поможетъ, поможетъ въ сей день.
 Славной побѣды я чаю.
 Если бы подъ облака мнѣ подняться подобно—
 Быстро летящему голубю, чтобы взглянуть
 На возгорѣвшійся бой!

1080

¹⁾ Гдѣ находился Пѣйсовъ—храмъ Пнѣйскаго Аполлона.

²⁾ Элевзинскіе берега, на которыхъ при свѣтѣ факеловъ совершались иистеріи, > зновленныя Деметрой и Персеоной.

³⁾ Элевзинскими таинствами завѣдывали члены древняго рода Евмолидовъ, потомки Евмола, коюну преданіе приписывало основаніе названнаго обряда.

⁴⁾ Подъ Этскою скалою древніе толкователи разумѣли одну изъ скалъ горы Аіуаіссосъ, лежащей на западъ отъ Аоніи.

Зевсъ, повелитель безсмертныхъ боговъ,
 О всемогущій, всевидящій,
 Выѣсть съ Аѳинной Палладою, дочерью твоей,
 Даруй страны этой жителямъ счастливо кончить борьбу,
 Славной побѣдой вѣнчай ихъ, молю. 1090
 О, Аполлонъ сребролушный,
 О, Артемида, богиня, разящая пестрыхъ
 Быстро бѣгущихъ оленей, явитесь помочь
 Гражданамъ нашей земли!

Приближается Фезей; за нимъ идутъ Антигона и Исмена.

Хоръ (хорифей хора).

О, странникъ, ты не скажешь, что я ложно
 Предчувствовалъ: я вижу дочерей твоихъ,
 Пазадъ сюда идущихъ. Вотъ онѣ уже.

Эдипъ.

Гдѣ, гдѣ? Что говоришь ты?

Антигона.

О, отецъ, отецъ,
 О еслибъ дало божество какое 1100
 Узрѣть тебѣ того, кто возвратилъ насъ!

Эдипъ.

О, чадо, развѣ здѣсь вы?

Антигона.

Да, вѣдь насъ, отецъ,
 Фезей вотъ спасъ и слуги вѣрные его.

Эдипъ.

Приблизьтесь, дочери, къ отцу и дайте же
 Обнять мнѣ васъ, вежданно возвращенныхъ!

Антигона.

Изволь. Твоихъ объятій сами жаждемъ мы.

Эдипъ.

Но гдѣ же, гдѣ вы?

АНТИГОНА.

Вотъ подходящъ вмѣстѣ.

ЭДИПЪ.

О, милая!

АНТИГОНА.

Отцу ль не милы дѣти!

ЭДИПЪ.

Опора мнѣ вы!

АНТИГОНА.

Жалкому и жалкая!

ЭДИПЪ.

Со мною то, что мнѣ всего дороже!
 При васъ и смерть не будетъ мнѣ несчастьемъ!
 Приникните вы, дщери, обѣ ко груди
 Родителя и впредь не разлучайтесь
 Со мной, скитальцемъ бѣднымъ, одинокимъ.
 Что было съ вами? Вкратцѣ расскажите мнѣ:
 Для вашихъ лѣтъ немногихъ словъ довольно.

1110

АНТИГОНА.

Вотъ тотъ, кому обязаны спасеньемъ мы.
 Его, отецъ, тебѣ и слушать должно.

ЭДИПЪ.

Не удивись, о, другъ, что встрѣтивши дѣтей
 Нежданно, и такъ долго съ ними рѣчь веду.
 Я знаю хорошо, что радость эту
 Не кто другой, какъ ты, Фезей, мнѣ даровалъ;
 Вѣдь ты, не кто-нибудь другой, мнѣ сналъ ихъ.
 Пусть боги наградятъ тебя съ землею твоею
 По моему желанью, такъ какъ лишь у васъ
 Одинъ изъ смертныхъ я обрѣлъ и благочестье,
 И справедливость, и неложныя слова.
 Что я сказать, по опыту извѣстно мнѣ;
 Вѣдь чтѣ имѣю я, имѣю чрезъ тебя.
 Такъ дай же, царь, мнѣ руку правую пожать
 И голову облобызать, коль можно.
 Однако, что я? Мнѣ ль несчастному желать,

1120

1130

Чтобъ ты коснулся всяческимъ злодѣйствомъ
 Запятнаннаго мужа? Нѣтъ, не допущу.
 Вѣдь тѣ лишь изъ людей способны къ сердцу
 Привнать бѣду, кто сами испитали —
 Прими жь, не подходя, привѣтъ мой передъ
 Не оставляй меня, какъ и доселѣ.

Э в з в ѣ.

Ни то не дивно мнѣ, что долго говорилъ
 Съ дѣтми своими ты, обрадовавшись имъ;
 Ни то, что съ ними равнше, чѣмъ со мною,
 Повелъ ты рѣчь. Не огорчаетъ это
 Ни мало насъ. Не столь словами, старецъ,
 Сколь дѣломъ ищемъ мы прославить жизнь свою.
 Ты знаешь самъ; вѣдь изъ того, что съ клятвой
 Обѣщано, ни въ чемъ не оказался я лжецомъ:
 Привелъ живыми ихъ, опасность отворотилъ.
 Зачѣмъ хвалиться мнѣ напрасно, какъ въ борьбѣ
 Одержавъ верхъ? О томъ узнаешь и отъ нихъ.
 Но вотъ о дѣлѣ рассуди, о коемъ
 Узналъ я на пути сюда. Не долго
 Сказать о немъ, по дивнымъ кажется оно;
 А смертному пренебрегать ничѣмъ не должно.

1140

1150

Э д и п ѣ.

Что жь это, сынъ Эгея? Объясни мнѣ.
 Не знаю ничего о томъ, что слышалъ ты.

Э в з в ѣ.

Я слышалъ, мужъ какой-то, не изъ одного
 Хоть города съ тобой, но родственникъ тебѣ,
 Припалъ съ мольбою къ матери Посейдона,
 Гдѣ жертву приносилъ я, какъ былъ позванъ.

Э д и п ѣ.

Откуда онъ? Что онъ хочетъ той мольбой?

1160

Э в з в ѣ.

Я знаю лишь одно: съ тобой жаляетъ онъ
 Переговоры краткихъ и неважныхъ.

Э д и п ѣ.

О чемъ? Не мало значить съестъ у алтаря!

Э в з в ѣ.

Позволить просить онъ поговорить съ тобой,
 Чтобъ въ безопасности потомъ уйти отъ насъ.

4*

ЭДИПЪ.

Кто бы могъ быть этотъ человекъ молящій?

ФЕЗЕЙ.

Подумай, нѣтъ ли въ Аргосѣ у насъ кого
Роднаго, кто бы отъ тебя желалъ того.

ЭДИПЪ.

Любезный мой, ни слова больше! ¹⁾

ФЕЗЕЙ.

Что съ тобой?

ЭДИПЪ.

Не долженъ ты просить меня!

ФЕЗЕЙ.

О чемъ? Скажи.

1170

ЭДИПЪ.

Отъ этихъ ²⁾ ужъ я знаю, кто молящій.

ФЕЗЕЙ.

Кто жъ сей, упрека отъ меня достойный?

ЭДИПЪ.

Мой сынъ, мнѣ ненавистный, коего рѣчей,
О, царь, безъ боли сердца слышать не могу!

ФЕЗЕЙ.

Нельзя послушать развѣ и не сдѣлать,
Чего не хочешь? Что за тягость въ этомъ?

ЭДИПЪ.

Противно слышать, царь, отцу тѣ рѣчи;
Не принуждай меня ты въ этомъ уступить.

ФЕЗЕЙ.

Но если къ алтарю онъ обратился,
Не должно ль остеречься гнѣва божества?

1180

¹⁾ Изъ упоминанія объ Аргосѣ Эдипъ догадывается, что молящій долженъ быть Полиникъ, о бѣгствѣ котораго въ Аргосъ говорила Исмена въ ст. 377 и слѣдующихъ.

²⁾ Отъ дѣтей, собственно же отъ одной Исмены.

АНТИГОНА.

Хоть я и молода, послушайся меня,
 Отецъ! Дай мужу этому исполнить
 Желаніе души и долгъ предъ божествомъ,
 И нашей просьбы не отринь: пусть братъ прійдетъ!
 Вѣдь чтѣ къ невыгодѣ твоей онъ скажетъ,
 Не отвратитъ тебя отъ мѣнѣя твоего
 Насильно. Выслушать же слово, чтѣ за вредъ?
 Вѣдь рѣчь же замысли дурные выдаетъ.
 Онъ слыпъ твой, такъ что ежели тебѣ, отецъ,
 И причинилъ великое онъ горе,
 Тебѣ-то мстить ему не подобасть. 1190
 Дозволь прійдти. И у другихъ бываютъ
 Вѣдь злыя дѣти, нравъ же пылкій, но друзей
 Впушенія смягчаютъ ихъ какъ чары.
 Подумай о страдающихъ, чтѣ не теперь,
 А прежде, за отца, за мать ты претерпѣлъ,
 И я увѣрена, узнаешь, вспомнивъ ихъ,
 Сколь гибельнымъ исходъ бываетъ гнѣва.
 Имѣешь ты ужъ страшное свидѣтельство тому
 Въ очахъ твоихъ, лишенныхъ свѣта. 1200
 Но уступи: нехорошо и долго
 Молить, когда о справедливомъ просишь,
 И за добро добромъ отвѣтитъ не умѣтъ ¹⁾).

ЭДИПЪ.

Хоть тяжело мнѣ исполнить, чадо, то, къ чему
 Вы принуждаете, но пусть по вашему
 Желанью будетъ! Только, царь, коль онъ прійдетъ
 Сюда, смотри, чтобъ мною никто не овладѣлъ.

ФЕЗЕИ.

Одважды, стирецъ, слышать я, не дважды,
 Желалъ бѣ о томъ. Хвалиться не хочу; по знай,
 Что ты спасенъ, коль боги сохраняютъ меня. 1210
Фезей съ окружающими его уходитъ.

ХОРЪ.

Строфа. Неразуменъ по моему тогъ,
 Кто слишкомъ долго жить желаетъ,
 Не довольствуясь жизни умѣреннымъ срокомъ.
 Какъ часто вѣдь долгіе годы

¹⁾ То-есть, не отплатить Фезею исполненіемъ его желанія за оказанное имъ гостепріимство и за спасеніе дочерей.

Лишь скорби приносятъ съ собою,
 Какъ часто мы видимъ, что люди
 Глубокой достигшіе старости
 Ни въ чемъ не находятъ ужъ радости!
 Спасеніемъ единственнымъ смерть наконецъ 1220
 Имъ является, жребій всѣмъ общій,
 Чтò ведетъ въ небесную, мрачную
 Обитель Анда людей.

* * *

Амистрофа. Совсѣмъ не родиться на свѣтъ —
 Нѣтъ лучше; если же родился,
 Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше туда удалиться,
 Откуда явился. Вѣдь юность 1230
 Кто прожилъ съ ея увлеченьями,
 Не избѣгаетъ невзгодъ и напастей.
 Чтò ждетъ впереди его? Зависть,
 Возмущенія, ссоры, сраженья,
 Убийства до тѣхъ поръ, пока наконецъ
 Не наступитъ бессильная старость
 Угрюмая, возрастъ не радостный,
 Исполненный всяческихъ золъ.

* * *

Эдипъ. И этотъ вотъ бѣдный, не я одинъ, видно,
 Слово сѣверный берегъ морской, поражаемый 1240
 Отовсюду волнами могучими,
 Безирестанно преслѣдуемъ страшною бурей
 Несчастій, котораго ужасныя волны
 На него устремляются яростно
 То отъ запада, то отъ востока,
 То отъ полуденной страны,
 То отъ страны полуночной.

Приближается Полиникъ.

• АНТИГОНА.

Но вотъ, отецъ, должно быть, тотъ пришелецъ
 Идетъ сюда, совсѣмъ одинъ, и слезы 1250
 Ручьями льются по его лантамъ.

Эдипъ.

Кто это?

Антигона.

Тотъ, о комъ мы думали съ тобой
 И сами ужъ, теперь предъ нами — Полиникъ.

ПОЛИПЕКЪ.

Увы! Чтò дѣлать мнѣ?! Свои ль несчастья
 Оплакивать сперва, иль старика-отца
 Судьбу. о, сестры, коего я встрѣтилъ здѣсь
 Скитающимся съ вами на чужбинѣ?
 Въ одеждѣ ветхой онъ, и грязь ея, прильнувъ
 Къ его ужь ветхимъ членамъ, заражаетъ ихъ;
 Власы жь не чесанные на главѣ его, 1260
 Очей лишенной, вѣтеръ развѣваетъ.
 По вѣщности такой ужь можно заключить
 И о питаніи несчастнаго слѣпца.
 Но слишкомъ поздно я, злодѣй, узналъ о томъ.
 Я сознаю, — другихъ не спрашивай, — отецъ,
 Сколь я преступно долгомъ пренебрегъ питать
 Тебя. Но если возлѣ трона Зевса
 Царить при всякомъ дѣлѣ Милость, пусть она
 Тобою также править! Вѣдь вину мою
 Загладить можно мнѣ, умножить же нельзя. 1270
 Молчишь ты?
 Скажи, отецъ, хоть слово, не отвергни
 Меня! Ужели, не отвѣтивъ, нѣмъ пребывъ,
 Съ позоромъ пустишь и причины гнѣва
 Не объяснишь? Но вы хоть, дочери его,
 Мои же сестры, попытайтесь разрѣшить
 Сомневающимся для меня уста отца,
 Чтобъ къ алтарю прибѣгнаго не отпустилъ
 Съ позоромъ онъ, ни слова не сказавъ въ отвѣтъ!

АНТИГОНА.

Скажи, несчастный, самъ, зачѣмъ пришелъ ты? 1280
 Вѣдь часто рѣчь, отраду иль досаду
 Производя, иль жалость возбуждал,
 И у безгласныхъ исторгаетъ голосъ.

ПОЛИПЕКЪ.

Скажу — благой совѣтъ ты подаешь мнѣ —
 И бога самого въ защитники зону,
 Отъ алтаря котораго воззвалъ меня
 Страны властитель, обѣщавъ позволить мнѣ
 Сказать и выслушать, и въ безопасности
 Уйдти. Да будетъ то же, чужеземцы, мнѣ 1290
 Отъ васъ, и отъ сестеръ моихъ, и отъ отца!
 Итакъ, отецъ, скажу, зачѣмъ я прибылъ.
 Изгнанникомъ я долженъ былъ покнвуть
 Отчизну, потому что пожелалъ возсѣсть

По праву старшинства ¹⁾ на тронъ твой.
 За это Этеокль, братъ младшій, изъ страны
 Изгналъ меня, не доводами убѣдивъ,
 Не въ состязаньи дѣло силою рѣшивъ,
 Но гражданъ сговоривъ. Виною главной
 Тому Эрiniu ²⁾ твою считаю я,
 О чемъ и отъ гадателей я слышалъ. 1300
 Пришедъ въ Дорійскій Аргосъ, сталъ я зятемъ
 Адраста и вступилъ въ скрѣпленный клятвой
 Союзъ со всѣми, кои первыми слывуть
 По ратнымъ подвигамъ въ землѣ Апейской ³⁾
 И славою почтены, чтобъ, съ ними предпринявъ
 Походъ семи отрядовъ противъ Оивъ, иль часть
 Со славою, иль изгнать виновныхъ изъ страны.
 Но хорошо. Зачѣмъ же я теперь пришелъ?
 Передъ тобой, отецъ, смиренныя молю
 Повергнуть отъ себя и отъ союзниковъ 1310
 Моехъ, которые вокругъ всей равнины Оивъ
 Съ семью отрядами и копьями семью ⁴⁾
 Стоять: одинъ Амфиарай, чтѣ лучше всѣхъ
 Конь метаетъ и толкуетъ итицѣ полетъ,
 Другой же Этолиецъ, сынъ Ойнея,
 Тидей, а третій Аргивянинъ Этеокль;
 Четвертаго—Гипномедона въ бой послалъ
 Талай отецъ, а пятый Капаней герой,
 Чтѣ хвалится огнемъ разрушить Оивы;
 Шестой идетъ Аркадянинъ Парасионей, 1320
 Отъ матери, пребывшей долго въ дѣвствѣ,
 Принявшій имя, вѣрный Аталанты сынъ.
 И я твое иль не твое, а злой судьбы
 Дитя, во все же именуемый твоимъ,
 Веду на Оивы храбрый Аргивянинъ отрядъ.
 Всѣ молимъ мы тебя и заклинаемъ
 Твоими дочерьми и жизнью твсей,
 Отецъ, гнѣвъ тяжкій на меня оставишь,
 Стремящагося на отомщенье брату,
 Которымъ изгнанъ и отечества лишень. 1330
 Коль вѣрить порицаньямъ, та вѣдь сторона,
 На коей будешь ты, отецъ мой, побѣдитъ.
 Молю тебя источниками водъ родныхъ,

¹⁾ См. прим. къ ст. 375.

²⁾ Эрiniu Эдипа есть духъ мститель, преслѣдующій его родъ.

³⁾ Апейскою землей называется Пелопоннесъ по имени Аписа, древняго царя Аргосскаго.

⁴⁾ То-есть, съ семью вождями: копьё было отличительною особенностью въ вооруженіи полководца.

Богами рода нашего, внемли и гнѣвъ
 Оставь; вѣдь бѣднѣй я пришлецъ, пришлецъ и ты,
 И оба мы живемъ, стараюсь угождать
 Другимъ, гонимые одной и той же
 Судьбой. А тотъ, о, я несчастнѣй, ставъ царемъ
 И пѣгѣ предавался, надъ тобой и мной
 Смѣется. Но помогъ бы только ты мнѣ,
 Легко и скоро въ прахъ его низвергну я.
 Когда же будетъ изгнанъ онъ, я возвращу
 Тебя въ твой домъ и самъ съ тобою возвращусь.
 Могу хвалиться я впередъ, лишь ты-то будь
 Согласенъ; безъ тебя же и спастись нельзя.

1340

Хоръ.

Скажи, Эдипъ, что къ пользѣ, ради мужа,
 Которымъ призванъ онъ, и отпусти его.

Эдипъ.

О, мужи! Если бъ господишь страны, Фезей,
 Не разрѣшилъ ему прійти и въ разговоръ
 Вступить со мной, то никогда бы онъ моего
 Не слышалъ гласа; вынѣ жъ удостоятся
 Онъ, правда, этого, но то услышнть,
 Чтò днѣмъ его отрадою не будетъ.
 Владѣя скипетромъ и трономъ, конни
 Теперь твой братъ владѣеть въ Фивахъ, ты меня,
 Родителя, изгналъ, злодѣй, отечества
 Лишилъ, заставилъ это одѣянье
 Носить, при видѣ коего ты плачешь, въ тѣ жъ
 Несчастья внавѣ, какими я постигнуть.
 А мнѣ не плакать должно, но терпѣть свою
 Судьбу, пока я живъ и помню о тебѣ,
 Моемъ убійцѣ. Ты вѣдь въ это нвергъ меня
 Несчастье, ты изгналъ, тобой я вынужденъ
 Скитаться, у другихъ просить насущный хлѣбъ.
 И не имѣй я этихъ дочерей, чтобъ нитать
 Меня, то я ужъ не былъ бы на свѣтѣ
 Черезъ тебя. Онѣ теперь моя хранять,
 Нитають, и какъ ювоши, не дѣвы,
 Труды подъемлютъ за отца; вы жъ не мои,
 Чужія дѣти. Потому богъ мщенья
 Изпраетъ на тебя, хотъ и не такъ еще,
 Какъ вскорѣ воззрнть, если тѣ огряды
 Пойдутъ на Фивы... Фивъ ты не разрушишь,
 Но самъ падешь, облитый кровью, какъ и братъ!
 Прокляты эти я и прежде изрекаль,

1350

1360

1370

И вниъ повторяю, чтобы почитать
 Родителей, считали долгомъ въ своимъ
 И не безславили отца слѣпаго
 Своими правами... Нѣтъ, дочери
 Мои не таковы! Итакъ, проклятыя 1380
 Обнимуть тропь твою, если Правда древняя
 Царить, какъ искони, въ совѣтахъ Зевса.
 Иди же прочь, злодѣй, отверженный отцемъ
 Не смѣй ты мнѣ, — и да преслѣдуютъ тебя
 Вездѣ мои проклятыя! Никогда тебѣ
 Не овладѣть отчиной и въ гористый
 Не возвратится Аргось: отъ родной руки
 И ты надешь, и тотъ, къмъ изгнанъ ты, падеть.
 Такъ я кляну тебя и Тартара молю
 Ужасный мракъ, чтобы онъ скрылъ тебя, молю 1390
 И этихъ и богинь, молю Арея,
 Чтѣ между вами страшную возжегъ вражду.
 И это выслушавъ, ступай и возвѣсти
 Какъ всѣмъ Кадмейцамъ, такъ равно и вѣрнымъ
 Союзникамъ твоимъ, что я, Эдипъ, такой
 Награды удостоилъ сыновей своихъ.

Хоръ.

Нельзя порадоваться, Полникъ, за твою
 Приходъ сюда: иди скорѣй обратно.

Полникъ.

Увы, мнѣ! Сколь напрасенъ былъ мой путь сюда!
 Увы, товарищи! Чего же я достигъ, 1400
 Изъ Аргоса отправившись, несчастный?
 Того, о чемъ нельзя повѣдать никому
 Изъ ратниковъ: нельзя же воротить нхъ;
 Но должно молча покориться злой судьбѣ.
 О, сестры милыя! Услышавъ отъ отца
 Ужасныя проклятыя, заклинаю
 Богами васъ, когда проклятыя эти
 Исполнятся, и возвратится вамъ домой
 Удастся, вы меня не оставляйте
 Безъ погребенья, но землѣ предайте, 1410
 Какъ должно, и къ хвалѣ, чтѣ вы стяжали
 Трудями для отца, услугой брату
 Прибавите вы новую, меньшую.

Антигона.

Послушайся, о, Полникъ, прошу тебя!

Полникъ.

Но въ чемъ же, дорогая Антигона?

Антигона.

Веди скорѣй войска обратно въ Аргось,
И не губи себя и родины своей!

Полникъ.

Нѣтъ, это не возможно! Испугавшись разъ,
Какъ могъ бы я потомъ собрать ихъ снова?

Антигона.

Зачѣмъ же снова предаваться гнѣву?
Что пользы въ томъ, что градъ родной разрушишь?

1420

Полникъ.

Постыдно вѣдь бѣжать и поруганье
Отъ брата младшаго мнѣ старшему терпѣть.

Антигона.

Смотри, поминишь самъ пророчество отца,
Что смерть вамъ другъ отъ друга предвѣщаетъ!

Полникъ.

Того опъ хочеть; мнѣ же уступить нельзя.

Антигона.

О, я несчастная! Но кто жь, услышавъ
Проклятья, за тобой послѣдовать дерзнетъ?

Полникъ.

Недобраго не скажемъ мы: хорошій вождь
О пользѣ долженъ говорить, не о вредѣ.

1480

Антигона.

И такъ, ужь это, братъ мой, твердо рѣшено?

Полникъ.

И не препятствуй мнѣ. Моя забота
Походъ несчастный, роковой, какимъ его
Отецъ содѣлалъ и его Эрвинъ.
А вамъ всѣхъ благъ пошлетъ Зевесъ, коль брата
Умершаго почтите вы какъ должно.
Пустите же. Прощайте. Больше ужь меня
Вы не увидите живымъ!

АНТИГОНА.

О горе мнѣ!

ПОЛИНИКЪ.

Не плачь!

АНТИГОНА.

Да какъ же, братъ, не плакать о тебѣ,
Когда на гибель ливую стремишься ты?

1440

ПОЛИНИКЪ.

Коль суждено, умру.

АНТИГОНА.

О, итъ, послѣдуй мнѣ!

ПОЛИНИКЪ.

Оставь ненужные совѣты!

АНТИГОНА.

Потерявъ

Тебя, несчастна я!

ПОЛИНИКЪ.

Но вѣдь отъ божества
Зависитъ, быть тому, нль итъ. А вамъ, молю
Боговъ, да не прїдется золь вкусить во вѣкъ:
Страдать вы не достойны, всякій скажетъ.

Полиникъ послышно уходитъ. Начинается гроза.

ХОРЪ.

Строфа 1. Нежданныя отъ чужеземца слѣпаго
Тяжелы бѣды ¹⁾ грозятъ мнѣ,
Коль въ этомъ не видѣтъ свершенія рока ²⁾:
Напрасными обѣтованья боговъ не бывають.
Вѣдь бодрствуетъ, бордствуетъ вѣчно всезрающее время,
Одно сокрушивъ, другое въ теченіе днѣ возвышая.
О Зевсъ, загремѣлъ твой эонръ!

1450

Раздается сильный громъ.

¹⁾ Замѣчая приближеніе грозы, хоръ выражаетъ опасеніе, не предадутся ли ею несчастія, могущія постигнуть страну за принятіе Эдипа.

²⁾ То-есть, предзнаменованіе смерти Эдипа (см. ст. 94). Поэтъ не обращаетъ вниманія на то, что хоръ не могъ знать объ открытыхъ оракуломъ признакахъ кончины Эдипа, такъ какъ послѣдній говорилъ о нихъ еще до выхода хора.

ЭДИПЪ.

О, дѣти, дѣти, если есть здѣсь кто-нибудь,
Пусть позоветъ сюда царя Фезея!

АНТИГОНА.

Зачѣмъ, отецъ, желалъ бы ты призвать его?

ЭДИПЪ.

Громъ Зевса слышу я. Сейчасъ онъ уведетъ
Въ Андъ меня. Но поспыайте же скорѣй.

1460

Раздастся новый ударъ грома.

ХОРЪ.

Антистрофа 1.

Вотъ Зевсова грома ударъ несказанный,
Ужасный раздался; отъ страха
Власы на главѣ моей старческой встали.
Душа содрогается; снова зловѣщая молнія
Сверкаетъ. Какую жь, какую судьбу знаменуетъ?
Страхнусь я: напрасно она не сверкаетъ, всегда ужъ
къ несчастью!

1470

О, Зевсъ, о великій ээиръ!

ЭДИПЪ.

О, дѣти, настаетъ конецъ мнѣ жизни,
Обѣтованной богомъ; отвратитъ пальца.

АНТИГОНА.

Какъ знаешь? Изъ чего ты заключилъ, отецъ?

ЭДИПЪ.

Я знаю вѣрно ужъ. Но пусть же кто-нибудь
Скорѣй пойдетъ и приведетъ царя страны!

Гроза продолжается.

ХОРЪ.

Строфа 2.

Увы, мнѣ! Увы, мнѣ! Опять раздаются
Ужасные грома раскаты!
Будь милостивъ, богъ мой, будь милостивъ,
Коль иррачное чтѣ ты готовишь землѣ, нашей матери.
Внемли благосклонно молебъ, не воздай мнѣ злой мзды,
За то, что узрѣлъ я проклятыями обремененнаго мужа.
О, Зевсъ, о, владыка, тебя я молю!

1480

ЭДИПЪ.

Да близко онъ уже? Застанетъ ли еще
Живымъ меня, о, дѣти, и въ разсудкѣ?

Антигона.

А что желалъ бы ты ему довѣрить?

Эдипъ.

На дѣлѣ за добро, что оказалъ онъ мнѣ,
Какъ общалъ я, отблагодарить хочу.

Хоръ.

1490

Антистрофа 2.

Иди же, иди же, о, сынъ мой, скорѣе!
Хотя бы у берега моря
Посейдону, богу морскому,
Ты въ жертву быковъ закололъ, о, ирйди же скорѣе!
Пришлецъ сей воздать общаетъ достойную мзду
Тебѣ, и народу, и вѣрнымъ друзьямъ за пріютъ, ему данный.
Спѣши же, о, царь мой, тебя я ирошу!
Осезей съ толпою сопровождающихъ его носимыио приходить.

Осезей.

Что значить этотъ общій шумъ у васъ опять? 1500
(И вы крикъ подняли, и чужеземецъ) ¹⁾!
Не молнія ли Зевсова сверкнула,
Не градъ ли выпалъ? Вѣдь когда свирѣпствуетъ
Такъ божество, всего бояться можно.

Эдипъ.

О, царь желанный, ты пришелъ! Ужь вѣрно богъ
Привелъ тебя сюда для счастья твоего.

Осезей.

Что новаго случилось, о, сынъ Лая?

Эдипъ.

Насталъ конецъ мой, и хочу я умереть,
Исполнивъ то, что граду общалъ сему.

Омзый.

Какой же признакъ близости кончины? 1510 .

Эдипъ.

О томъ мнѣ сами боги возвѣщаютъ,
А знаменья ихъ ложны не бываютъ.

Осезей.

Но чѣмъ тебѣ, о, старецъ, знать о томъ дано?

¹⁾ Стихъ неуиѣстный: о помощи взывалъ только хоръ, а не Эдипъ.

Э д и п ъ .

И частымъ громомъ, и дождемъ перуновъ,
Пускаемыхъ рукой непобѣдимой!

Ө з е з ѣ .

Я вѣрю, такъ какъ знаю, что неложно
Ты многое пророчивъ. Чтѣ же дѣлать мнѣ?

Э д и п ъ .

Открою я тебѣ, о, сынъ Эгея,
Чтѣ граду твоему во благо будетъ
Всегда. Сейчасъ безъ помощи пожатыхъ, самъ 1520
Я поведу тебя туда, гдѣ умереть
Мнѣ должно; ты же никому не говори
Во вѣкъ, гдѣ я лежу, въ которой сторонѣ,
Чтобы всегда тебѣ моя могила
Могла замѣной быть и множества щитовъ,
И войскъ наемныхъ. Ты одинъ, прійдя туда,
Узнаешь тайну, то, чего теперь нельзя
Касаться словомъ. Никому изъ гражданъ сихъ,
Ни дѣтямъ даже, какъ ихъ ни люблю, о томъ
Я не скажу. Ты это въ тайнѣ самъ всегда 1530
Храни, а какъ конца достигнешъ жизни,
Повѣдай въ родѣ старшему, чтобъ своему
Преемнику сказать; и этиъ ты свой градъ
Обезопасишь отъ сыновъ посѣва ¹⁾.
Какъ много городовъ благоустройныхъ
Легко впадали въ произволъ! Вѣдь боги
Хоть поздно, но караютъ, если кто, забывъ
Ихъ волю, станеть поступать безумно.
Остерегись сего, о, сынъ Эгея! Впрочемъ,
И самъ ты знаешь. Такъ не будемъ медлить, 1540
Пойдемъ въ то мѣсто: богъ велитъ мнѣ поспѣшить.
О, дѣти, слѣдуйте за мной. Теперь ужъ я
Васъ поведу, какъ прежде вы водили.
Идите, не поддерживайте больше
Меня и дайте отыскать мнѣ самому
Священную могилу, въ коей суждено
Мнѣ быть погребену. Сюда идите,
Вотъ такъ: сюда ведетъ меня
И Гермесъ проводникъ ²⁾, и Персефона.
О, свѣтъ, давно погасшій для меня! Теперь 1550

¹⁾ Подъ сыновьями посѣва разумѣются Фивяны, коихъ предки произошли по преданію, отъ посѣянныхъ зубовъ дракона.

²⁾ Гермесъ сопровождаетъ души умершихъ въ преисподнюю.

Въ послѣдній разъ меня ты освѣщаешь!
Иду я, жизнь окончивъ, въ царство мрака.
Будь ты благословенъ, о, лучшій изъ людей,
Съ твоей страной, съ твоимъ народомъ; въ счастье же
Меня умершаго не забывайте!

*Эдипъ съ сопровожденіи дочерей своихъ, Гезелъ и
ея сестры уходитъ.*

Хоръ.

Строфа.

Если можно мнѣ къ богинѣ пренсподней ¹⁾
Воссылатъ благоговѣйныя молитвы,
И къ тебѣ, о, царь тѣней,
Айдоней, о, Айдоней ²⁾, молю тебя
Даруйте пришельцу
Безболѣзненной кончпной, тихой
Низойдти въ ядоль умершихъ
Многолюдную, въ Сгигійскую обитель.
Справедливо божество вѣдь: послѣ многихъ
Тяжелыхъ бѣдъ ово его возвыситъ.

1560

Антистрофа.

О, подземныя богини ³⁾, къ вамъ зываю,
О, ужасное чудовище ⁴⁾, стражъ Ада
Несразимый, какъ гласитъ
Вѣчная молва, у вратъ его
Общихъ всѣмъ лежащій,
Издающій страшное рыканье!
Входъ ему свободный даруй
Въ пренсподнюю ядоль умершихъ,
О, Земли и Тартара рожденье ⁵⁾,
Вѣчный Сопъ, внимли, къ тебѣ зываю.

Одинъ изъ Гезеловыхъ слугъ возвращается.

Вѣстникъ.

О, граждане, чтобъ вкратцѣ вѣсть вамъ сообщить
Мою, скажу я, что Эдипа вѣтъ въ живыхъ.
Но чтѣ и какъ произошло при этомъ,
Немногими словами передать нельзя.

1580

Хоръ (корифей хора).

Такъ умеръ тотъ несчастный старецъ?

¹⁾ Богиня пренсподней — Персефона.

²⁾ Айдоней — одно изъ именъ бога пренсподней.

³⁾ Эрнии.

⁴⁾ Церберъ.

⁵⁾ Смерть, какъ божество.

ВѢСТНИКЪ.

Знай, что онъ
Оковчилъ жизнь свою, исполненную золъ.

Хоръ.

И тихую кончину дали боги?

ВѢСТНИКЪ.

Достойно это удивленья даже.
Вы сами видѣли и знаете, какъ онъ
Попель отсюда; вѣдь никто не велъ его,
А онъ показывалъ намъ всѣмъ дорогу.
Когда жъ пришелъ онъ къ пронасти порогу, 1590
На мѣдннхъ основаньяхъ утвержденному,
То на одной изъ расходящихся дорогъ
Ставъ близъ пещеры, въ коей нѣкогда Фезей
Съ Пиреобомъ ¹⁾ вѣрный заключилъ союзъ на вѣкъ,
Межъ дикой грушью и скалой Форицкой ²⁾,
Вблизи могилы, высѣченной въ камень,
Онъ сълъ и грязную одежду свилъ съ себя.
Затѣмъ, позвавъ дѣтей, велѣлъ имъ принести
Для омовенья и для излннья
Воды, а тѣ, пошедь на близъ лежащій холмъ 1600
Деметры, скоро повелѣнне отца
Исполнили: омыли по обряду
И въ чистую одежду облекли его.
Когда жъ свершилось все, какъ онъ желалъ, и ужъ
Не осталось ничего не сдѣланнмъ,
Тогда подземный грянулъ Зевсъ ³⁾, и ужасъ дѣвъ
Объялъ, какъ громъ услышали онѣ: къ отцу
Прижавши со слезами, били въ грудь себя
И горькія рыданья поднимали.
А тотъ, услышавъ громкіе ихъ вопли, 1610
Объялъ обѣихъ нѣжно и сказалъ имъ такъ:
О дѣти, съ нынѣшняго дня ужъ нѣтъ у васъ
Отца, я кончилъ жизнь свою, отнынѣ ужъ
Не будетъ васъ обременять уходъ за мной.
Тяжелъ онъ былъ, я знаю, дѣти, но за всѣ

¹⁾ Пиреобъ—сынъ Зевса, царь Лапидовъ, съ которымъ Фезей предпринималъ похищеніе Персефоны изъ преисподней.

²⁾ Названіе это для скалы близъ Колона представляется сомнительнымъ, такъ какъ подъ именемъ Форицъ (Фѳрихосъ) мы знаемъ только демъ на юго-восточномъ берегу Аттики.

³⁾ Подземный громъ производитъ владыка преисподней Гадесъ, могущество коего сравняется съ могуществомъ Зевса.

Лишенья слово васъ одно вознаградитъ:
 Никто на свѣтѣ не любилъ васъ больше,
 Чѣмъ тотъ, кого теперь лишиться вы должны,
 Чтобъ вѣкъ свой круглыми жить сиротами.
 И плакали они навзрыдъ всѣ трое, 1620
 Обнявъ другъ друга, а потомъ рыданья ихъ
 Все тише, тише становились и совсѣмъ
 Затихли. Вдругъ раздался чей-то голосъ
 Среди безмолвья, по имени его
 Назвавшій. Всѣ вздрогнули, волосы у всѣхъ
 Отъ страха встали; богъ же возглашаетъ:
 «Эдипъ, Эдипъ, иди же! Что ты медлишь?
 «Давно уже тебя мы ожидаемъ».
 А онъ, призывъ услышавъ бога, попросилъ
 Приблизиться къ себѣ царя Фезея 1630
 И подошедшему сказалъ: «Любезный другъ,
 «Дай руку дочерямъ, какъ вѣрности залогъ,
 «А вы ему, о, дѣти, и пообѣщай,
 «Что не предашь ихъ никогда по волѣ,
 «И чтѣ полезно имъ, всегда исполнишь все».
 И тотъ, какъ благородный мужъ, не медля
 Подъ клятвой обѣщавъ все это старцу.
 И тотчасъ послѣ этого Эдипъ, дѣтей
 Коснувшись слабыми руками, такъ сказалъ:
 «Перенесите все съ терпѣньемъ, дѣти, 1640
 «Отсюда удалитесь, а чего нельзя,
 «Ни видѣть вы, ни слышать не желайте!
 «Скорѣй идите! Пусть лишь тотъ, кто въ правѣ знать,—
 «Фезей, одинъ здѣсь будетъ, чтобы видѣть все».
 Такъ онъ сказалъ, и всѣ мы слышали его
 Слова и съ дѣвами пошли, рыдая,
 Назадъ. Когда же, отошедъ немного,
 Мы оглянулись, взоры наши не нашли
 Ужъ человѣка этого нигдѣ. Лишь царь
 Стоялъ съ рукою поднятою къ головѣ, 1650
 И очи закрывавшій, словно видѣлъ
 Предъ тѣмъ чтѣ страшное, невыносимое
 Для взора. И спустя немного видимъ,
 Что онъ благоговѣйныя мольбы къ Землѣ
 И къ высшему Олимпу возсылаеть.
 Какою жь смертію Эдипъ скончался,
 О томъ повѣдать ни одинъ изъ смертныхъ
 Не могъ бы, кромѣ самаго Фезея.
 Вѣдь ни перуи небесный не сразилъ его,
 Ни вихрь, пронесшійся отъ моря, не увлекъ,
 Но или изъ боговъ кто приходилъ за нимъ, 1660
 Или благосклонно передъ нимъ сама земля

Размерла вѣдра мрачна: безъ стопонъ
И безъ болѣзней, дивной смертью умеръ онъ!
Кто неразумными сочтетъ мои слова,
Просить не стану вѣрять неразумному.

Хоръ.

А гдѣ дѣвцы тѣ и спутники царя?

Вѣстникъ.

Не далеко: ихъ громкія рыданья
Даютъ ужъ знать, что приближаются онѣ.

*Антигона и Исмена возвращаются въ сопровожденіи Фезеиныхъ
служъ; самъ Фезей является послѣ, такъ какъ онъ долже оста-
вался при умирающемъ.*

Антигона.

Строфа 1. Увы, мнѣ! О, горе! Должны мы, несчастныя,
Оплакивать, вѣчно оплакивать
Преступное наше рожденіе!
При жизни отца мы терпѣли труды непрестанныя,
Пришлося пережить и увидѣть
Намъ также конецъ несказанный его.

Хоръ.

Что такое?

Антигона.

Сами можете понять, друзья!

Хоръ.

Умеръ?

Антигона.

Да, и такъ, какъ каждый пожелалъ бы.
Въ самомъ дѣлѣ, не въ сраженіи
Умеръ онъ и не въ волнахъ морскихъ погибъ,
А земля, разверзшись, приняла его
Въ вѣдра мрачна, скончавшагося
Смертію таинственной. О, я несчастная!
Темная настала ночь для насъ ужасная.
Гдѣ, по сушѣ или по морю блуждалъ,
Спискивать мы будемъ
Трудно добываемое пропитанье?

1680

Исмена.

Не знаю я. О, еслибы Андъ кровавый!

Меня съ отцемъ моимъ похитилъ вмѣстѣ,
Несчастную! Теперь мнѣ жизнь не жизнь!

1690

Хоръ.

О, добрыя дѣти, судьбу, что отъ бога
Ниспослана, кротко сносить вы должны,
Не слѣдуетъ такъ сокрушаться;
И не беззащитны же вы!

Антигона.

Антистрофа 1.

Возможна тоска и по самымъ страданіямъ:
Могло ль быть пріятно, а все же
Пріятно мнѣ было водить его!
Отецъ дорогой мой, па вѣки во мракѣ подземномъ
Сокрытый, ты будешь по смерти
И мной, и сестрой, какъ при жизни, любимъ!

1700

Хоръ.

Такъ свершились?

Антигона.

Да, свершилось то, чего желалъ.

Хоръ.

Какъ же?

Антигона.

На чужбинѣ умеръ, по желанью,
Вѣчнаго достигъ покой,
Плачь оставилъ неутѣшний по себѣ.
Да, отецъ любезный мой, я слезы лью
Горькія, тебя оплакивая,
И не знаю какъ, о, я несчастная,
Облегчить мнѣ скорбь души моей ужасную.
Умереть желалъ ты на чужбинѣ
И достигъ желанья,
Но какъ сирый, умеръ ты, какъ одинокій!

1710

Исмена.

Увы, несчастной мнѣ! Какаю ожидаетъ
Судьба меня съ тобой, о, дорогая?
Что будетъ намъ за жизнь, лишившимся отца!

Хоръ.

Но такъ какъ онъ жизнь свою счастливо кончилъ,
Любезныя дѣти, то вы не должны

1720

Такой предаваться печали.
Отъ бѣды не свободенъ никто.

АНТИГОНА.

Строфа 2. Пойдемъ назадъ, сестра!

ИСМЕНА.

Что дѣлать?

АНТИГОНА.

Желаю сильно я —

ИСМЕНА.

Чего?

АНТИГОНА.

Узрѣть подземное жилище.

ИСМЕНА.

Чье это?

АНТИГОНА.

Моего отца, увы, мнѣ бѣдной!

ИСМЕНА.

Но какъ же можно это?
Забыва развѣ...? ¹⁾.

АНТИГОНА.

Что препятствіемъ считаешь?

1730

ИСМЕНА.

А кромѣ этого —

АНТИГОНА.

И что жь, еще?

ИСМЕНА.

Безъ погребенья и никакъ невидимый соплеть онъ въ землю.

АНТИГОНА.

Веди меня и тамъ же дай мнѣ умереть.

¹⁾ Исмена разумѣетъ послѣдній завѣтъ отца; см. ст. 1640 и сл. и 1760 и сл.

И С М Е Н А.

Горе бѣдной мѣ! Какъ буду я
Жизнь несчастную вести
Круглой сиротою безпомощной!?

Хоръ.

Антистрофа 2. Не бойтесь ничего!

А Н Т И Г О Н А.

Гдѣ же помощь?

Хоръ.

Давно явилась ужь.

А Н Т И Г О Н А.

Но въ чемъ?

Хоръ.

А въ томъ, что злой судьбы избѣгли ¹⁾.

1740

А Н Т И Г О Н А.

На мысль пришло мѣ —

Хоръ.

Что еще ты замышляешь?

А Н Т И Г О Н А.

Какъ намъ домой вернуться,
Не знаю я.

Хоръ.

Оставь объ этомъ попеченье.

А Н Т И Г О Н А.

Тяжело...

Хоръ.

И прежде было тяжело!

А Н Т И Г О Н А.

Да, было тяжело и тогда; теперь же ужь совсѣмъ невыносимо.

Хоръ.

Несчастій море цѣлое досталось вамъ!

¹⁾ При попыткѣ Креона къ похищенію Антигоны и Исмены.

Антигона.

Именно.

Хоръ.

Согласенъ я.

Антигона.

Горе мнѣ! О, Зевсъ Куда бѣжать?
 Что теперь намъ предстоитъ
 Отъ судьбы жестокой нашей испытать?!

175С

Эгея повертывается.

Эвзвй.

Перестаньте рыдать вы, любезныя дѣти!
 О томъ, кому смерть вождѣльной явилась,
 Не должно и плакать, грѣшно.

Антигона.

Тебя, сынъ Эгея, усердно мы просимъ.

Эвзвй.

Чего отъ меня вы желаете, дѣти?

Антигона.

Желаемъ своими очами взглянуть
 На могилу родителя нашего.

Эвзвй.

Нельзя; никому не позволено это.

Антигона.

Чтò сказалъ ты, о, царь, повелитель Лейвъ?

Эвзвй.

О, дѣти, онъ самъ завѣщалъ мнѣ,
 Чтобы ни приближаться изъ смертныхъ никто
 Не дерзалъ къ тѣмъ мѣстамъ, ни звать
 Ко священной могилѣ, гдѣ онъ погребенъ.
 Исполняя завѣтъ сей, какъ онъ говорилъ,
 Странною я буду всегда безмятежно владѣть.
 И были рѣчей его этихъ свидѣтелями
 Божество и Зевесова клятва всеслышащая.

1760

Антигона.

Коль такъ уже было угодно ему,
 Ни слова не скажемъ мы противъ, по въ Оивы

Отправить насъ просимъ тебя:
 Не удастся ли какъ-нибудь намъ
 Отвратить нашимъ братьямъ грозящую гибель.

1770

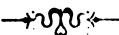
Өзезей.

Исполню и это, и все, что впередъ
 Мнѣ сдѣлать пришлось бы полезное намъ
 И отшедшему въ вѣчность угодное.
 Мнѣ это должно доставлять лишь отраду.

Хоръ.

Успокойтесь и не предавайтесь
 Ужь болѣе плачу!
 Что сказано имъ, то вѣдь свято!

В. Зубковъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

.....
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

ОГЛАС.

1. (28-го мая 1883 г.) О положеніи и штатѣ Ташкентской женской гимназій	3
2. (20-го іюня 1883 г.) О сохраненіи за женскою гимназією св. Пины въ гор. Тифлисѣ названія Тифлискаго женскаго учебнаго заведенія св. Пины.	8
3. (10-го августа 1883 г.) О принятіи академію наукъ капитала, пожертвованнаго президентомъ академіи графомъ Толстымъ и супругою его	43

Высочайшіе приказы.

14-го іюля 1883 года (№ 13)	8
10-го августа 1883 года (№ 14)	9

Министерскія распоряженія.

1. (25-го мая 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени дворянина Балтазара Николаевича Балицкаго при Одесскомъ реальномъ училищѣ	10
--	----

2. (8-го іюня 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Ивановича Яроша при Курской мужской гимназіи	11
3. (9-го іюня 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ имени Императора Александра II при Александровскомъ Вятскомъ реальномъ училищѣ	12
4. (20-го іюля 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ при Молодечненской учительской семинаріи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II	13
5. (21-го іюля 1883 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о продолжительности пребыванія учениковъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.	14
6. (28-го іюля 1883 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно казенныхъ пансіонеровъ въ гимназіяхъ.	16
7. (5-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени генераль-маіора Евгенія Василевича Богдановича при Екатеринбургской мужской гимназіи.	17
8. (19-го іюля 1883 г.) Положеніе о стипендіи, учреждаемой въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ при мужскомъ отдѣленіи Летичевского городского двухкласснаго училища	44
9. (11-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова при Самарской мужской гимназіи	45
10. (12-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника А. А. Назарова, учрежденной при Маріинской Воронежской женской гимназіи	46
11. (13-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ имени Императора Александра II при Ярославской мужской гимназіи.	48
12. (18-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Сварятина при Казанскомъ реальномъ училищѣ	—
13. (26-го августа 1883 г.) Положеніе о стипендіи Лидіи Дмитриевны Шевичъ при женскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ	50

	СТРАН.
14. (26-го августа 1883 года). Уставъ ссудосберегательной кассы при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	50
15. (10-го сентября 1883 г.) Правила для студентовъ Демидовскаго Юридическаго лица	59

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

20-го іюля 1883 года (№ 5)	17
21-го августа 1883 г. (№ 6)	82

Определенія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Объ изданіи: „Изографъ“. Журналъ иконографіи и другихъ художествъ, издаваемый И. Красницкимъ 32

О книгѣ: „Учебникъ хороваго пѣнія и теоріи музыки, приспособленный къ потребностямъ народныхъ училищъ, городскихъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній“. С.-Петербургъ, 1883 г. Составилъ К. Галлеръ . . . . . —

О книгѣ: „Памяти Ивана Сусанина, за Царя, спасителя вѣры и царства, животь свой положившаго“. Историческое изслѣдованіе преимущественно по неизданнымъ источникамъ, составленное и изданное В. А. Самаряновымъ . . . . . —

О книгѣ: „Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг.“. Изъ дневниковъ члена посольства доктора И. Л. Яворскаго 33

О книгѣ: „Грамматика французскаго языка для русскаго юношества. Составилъ Альфонсъ Гоппе . . . . . —

О книгѣ: „Руководство практической ариметики въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено Александромъ Вороновымъ . . . . . —

О книгѣ: „Элементарный курсъ закона Божія для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ (первый, второй и третій годы)“ . . . . . —

О книгѣ „Начальныя основанія начертательной геометріи. А. Маннгейма, профессора Парижской политехнической школы. Перевелъ съ французскаго В. Лигинъ“ . . . . . —

О книгѣ: „Связныя статьи Гаака для перевода на латинскій языкъ съ указаніями на грамматику Эллендта-Зейфферта,

съ стилистическими примѣчаніями и словаремъ, составленнымъ В. Зубковымъ	33
Объ изданіи: „Стѣнная классная таблица, популярно излагающая, какъ слѣдуетъ правильно сидѣть, стоять, ходить, не обременяя излишне своего организма“. К. А. Шмидта.	—
О книгѣ: „Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Съ приложеніемъ хронологической таблицы“. Составилъ С. Рождественскій	34
О книгѣ: „Государственное ученіе Филарета, митрополита Московскаго. Вл. Назаревскаго“.	86
„Книга Географія Европейской Россіи“. Часть I, съ двумя первыми приложеніями. Составилъ В. Маркозовъ.	—
О книгѣ: „Греческій синтаксисъ Э. Коха“, перевелъ съ 8-го нѣмецкаго изданія и приспособилъ къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ Я. Левенштейнъ	87
О книгахъ: „Русская Христоматія“: часть I: для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій“, и 2) „О курсѣ чтенія въ четырехъ низшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ объѣмъ частямъ моей „Русской христоматіи“. Составилъ П. Смирновскій“	—
О книгѣ: „Греческая этимологія гимназическаго курса“ по учебнику Э. Коха, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ отдѣловъ объ образованіи словъ и о греческихъ діалектахъ. Составилъ Э. Черный“	—
О книгѣ: „В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ чело-вѣкъ и наставникъ въ Возѣ почившаго Императора Александра II (1873—1883 г.) Очеркъ В. Н. Витевскаго“	—
О книгѣ: „Характеристика дѣвочекъ. К. Ельницкаго“	—
О книгѣ: „Первая учебная книжка по закону еврейской вѣры. Составили Немзеръ и Вольперъ.	88
О книгѣ: „Курсъ ариметики Серре и Комберуса. Переводъ Евг. Гутора.	88
Выписка изъ журнала ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 23-го іюня 1883 г. (№ 805), утвержденнаго г. министромъ 15-го іюля 1883 года	88

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье. Соч. Дмитрія Кайгородова“. Изд. 2-е исправленное и дополненное.	36
О составленномъ И. Маляренко рисункѣ на тему: „Царствуй на славу намъ, царствуй на страхъ врагамъ, Царь православный, Боже Царя храни“, допустить къ постановкѣ въ классныхъ комнатахъ народныхъ школъ	—
О книгахъ: 1) „Ариметика“. Часть первая. Цѣлыя числа и дроби $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$. Съ 1880 примѣрами для вычисленій и 435 задачами. Составилъ Ѳ. П. Еленевъ, и 2) „Руководство для учителей къ преподаванію ариметики. Часть I-я. Цѣлыя числа и дроби $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$. Составилъ Ѳ. П. Еленевъ	88
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Планы объяснительнаго чтенія. Опытъ объясненія образцовъ русской литературы для начального обученія. Руководство для учителей начальныхъ училищъ. Составилъ В. Виноградовъ	88
О книгахъ: „Міръ Божій“. Книжка 1-я. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. Составилъ А. Я. Гердъ, и „Предметные уроки въ начальной школѣ. Подробныя указанія, какъ учить дѣтей по книжкѣ „Міръ Божій“. Часть I-я. Земля, воздухъ и вода. Составилъ А. Я. Гердъ.	—
Официальныя извѣщенія	37 и 89
О седьмомъ присужденіи премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.	38
Объявленіе	92

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Современное направленіе языковеденія. Ново-грамматическая школа въ Германіи. Ѳ. Батюшкова	1
О современномъ состояніи письменныхъ памятниковъ въ Черногоріи. П. Ровинскаго	56

Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго. Д.	
Цвѣтаева	66 и 183
О первой Псковской лѣтописи И. Тихомирова	208

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій русскаго языка, читанныхъ въ 1880—1881 академическомъ году въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. И. Бодуэна де-Картена. Выпускъ 1-й. Воронежъ. 1882. А. Соболевскаго	100
Alfred Biese, Die Entwicklung des Naturgeföhls bei den Griechen. Kiel. 1882. Александра Веселовскаго	105
Добіашъ (Антовъ). Ситаксисъ Аполлопіи Дискола. Кіевъ. 1882. К. Люгебиля	113
По поводу рецензіи на изданіе писцовой книги гродненской экономіи. (Замѣчанія Виленской комиссіи для разбора и издавія древнихъ актовъ)	159
Очерки западно-европейской исторіографіи. Павла Виноградова	160 и 371
Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись И. Линиченка	237
Путешествіе по Аѳганистану, д-ра Яворскаго. Н.	258
Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества Г. Дестуниса	294
Основаніе фонетики, проф. Сиверса. Я. Грота	304
Антропологическія изслѣдованія въ Россіи. К. Мерезковскаго	339
Родъ Шереметевыхъ. А. Барсукова. С. Платонова.	355
Учено-литературныя новости по классической филологіи.	385

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Преподаваніе классической филологіи въ германскихъ университетахъ. И. Помиловскаго	1
О обученіи церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ школахъ. Н. Ильминскаго	41

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Православное Палестинское общество въ 1882 и 1883 годахъ	1
Современное состояніе народнаго образованія у Болгаръ.	
II. Сырку.	10 и 73
Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	24 и 83
О дѣятельности постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ 1-го января 1880 года по 1-е іюли 1883 года	37
Алексѣй Егоровичъ Викторовъ (некрологъ). Н. Собко	52
Псковское археологическое общество	63

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Нѣсколько неизданныхъ мегарскихъ надписей. Д. Королькова	57
Объ элизіи и ѵ ѣφλκοστικόν у Гиперида. Льва Георгіевскаго	76
Критически-экзегетическія замѣтки. А. Фогеля.	83
Эдинъ въ Колопѣ. Трагедія Софокла. Переводъ В. Зубкова.	89

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Ваязота“, „Картина взятія Плевны“, „Скобеловъ“ и др.

СЪ 42-МЯ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церковно-славянскаго языка, статьями для разбора, диктанта и заучиванья наизусть, письменными упражненіями, славянскимъ текстомъ, рисунками. Сост. *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Цѣна 50 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

Съ требованіями просятъ обращаться: Въ Москвѣ—въ книжный магазинъ *наслѣдниковъ Салаевыхъ*. Въ С.-Петербургѣ—въ книжный магазинъ *Фену и К°*.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подписчикам I-я,
ОКТАБРЬСКАЯ, книга исторического журнала:

РУССКАЯ СТАРИНА

Содержаніе: I. Ординъ-Нащокинъ, изслѣдов. профес. В. С. Иконникова.— II. Дамла Земской—однѣ изъ пленцовъ Петра Великаго —III. Вас. Андр. Жуковский (окончаніе).—IV. Воспоминанія адмирала А. М. Земаго: Морской корпусъ въ 1822—1826 гг.—V. Возстаніе въ Варшавѣ, въ 1830 г., разсказъ А. П. Петрова.— VI. Записки Александра Федоровича Багговута († 2-го мая 1883 г.)— VII. Записки Я. М. де-Самлена: Екатерина II и ея близкіе люди.—VIII. Императоръ Павелъ I въ его повелѣніяхъ 1796—1798 гг.—IX. Саттлѣйный князь Александръ Михайловичъ Герчиновъ въ 1881—1882 гг. въ его разсказахъ и воспоминаніяхъ о прошломъ.— X. Вилонскіе очерки, 1863 г.—XI. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ: а) въ 1880 г., въ его устныхъ разсказахъ изъ собственной жизни, б) его письма съ сужденіями объ «Отцахъ и дѣтяхъ» и проч., 1874—1880 гг.—в) «Крокеть», стихотвореніе 1876 г.—XII. Иванъ Серг. Тургеневъ въ заботахъ о судьбѣ своихъ сочиненій: тридцать семь предсмертныхъ его писемъ къ А. В. Топорову въ 1882—1883 гг.—XIII. Мих. Андѣевъ и Ф. М. Достоевскій.—XIV. Архимандритъ Игнатій— создатель Высочайше утвержденнаго проекта храма, на мѣстѣ злодѣйства 1-го марта 1883 г.—Очеркъ жизни и воспоминанія от. Игнатія, настоятеля Троицко-Сергіевой пустыни.—XV. О возобновленіи памятника на могилѣ Артемія Волынскаго.—XVI. Матеріалы, замѣтки, стихи.—XVII. Библиографическій листокъ.

Приложеніе. Портретъ Вас. Андр. Жуковскаго, гравюра г. Паннемакера въ Парижѣ, съ неизданнаго до сихъ поръ портрета.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1883 г. Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб. (Осталось 175 экзempl.)

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1882 г. (Осталось 72 экз.). Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Продаются книги: I. „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, цѣна два руб. съ пересылкою.

II. „Записки Сельскаго Священника“, изданіе исправленное. Цѣна одинъ руб.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.) и 1881 г. Цѣна за годъ по восьми руб. съ пересылкой.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» съ портретами, изд. 1884 г., пятнадцатый годъ изданія. Цѣна девять руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Сомовскій.

ОТЪ СОВѢТА

С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Съ 1 Октября 1883 г. будутъ выходить ежемѣсячно „Извѣстiя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“ по слѣдующей программѣ: I. Дѣйствiя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россiи и заграничею. II. Славянское обозрѣнiе. III. Славянскiя библиографическiя извѣстiя. IV. Объясненiя. Объемъ ежемѣсячныхъ книжекъ—отъ 1½ до 2 печатныхъ листовъ in 8°.

Подписная цѣна за годъ: для членовъ Славянскихъ обществъ — 1 р. безъ пересылки, а 1 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою; для постороннихъ лицъ— 1 р. 50 к. безъ пересылки, а съ доставкою и пересылкою 2 р. Лица, которые подпишутся на получение «ИЗВѢСТIЙ» въ 1884 году, получаютъ БЕЗПЛАТНО и три книжки, которыя будутъ изданы въ 1883 году.

Подписка на получение «ИЗВѢСТIЙ» принимается ежедневно отъ 11 час. утра до 4 ч. по полудни въ помѣщенiи Славянскаго Общества, въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, № 7.

Въ томъ же помѣщенiи продаются какъ прежнiя изданiя Славянскаго Общества, такъ и только что отпечатанный сборникъ: Первые 15 лѣтъ существованiя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собранiй его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г. 1883 г. 878 стр. Цѣна, безъ пересылки, 3 руб.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ

ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНIЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

(Москва, Провѣздъ Петровскихъ торговыхъ линiй)

пмѣять въ продажѣ всѣ учебныя книги въ переплетахъ и безъ оныхъ; дешевыя народныя и дѣтскiя книги въ красивыхъ папкахъ и коленкоровыхъ съ золотыми оттисками переплетахъ, класныя и учебныя пособiя, дѣтскiя педагогическiя игры и принадлежности для письма и рисованiя.

При требованiи или покупкѣ книгъ изданiя Общества на 10 руб. дѣлается уступка 20%, на 100 р. и болѣе 25%, съ учебныхъ, народныхъ и дѣтскихъ книгъ другихъ изданiй 10 и 15%, уступки.

Заказы исполняются за наличныя деньги или переводомъ платежа на одну изъ транспортныхъ конторъ. Казенныя и общественныя учрежденiя могутъ высылать при заказахъ половинную часть денегъ по приблизительному расчету, остальныя же по полученiи заказа и счета. По заказамъ, книги высылаются въ переплетахъ цѣною въ коленкоровомъ корешкѣ по 10 к. въ кожаномъ корешкѣ съ золотымъ оттискомъ по 15 к. за экземпляръ.

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Подробный каталогъ книжнаго магазина Общества при семъ № предлагается.

Требованiя адресовать: въ Книжный Магазинъ Общества Распространенiя Полезныхъ Книгъ,

Москва, Провѣздъ Петровскихъ торговыхъ линiй.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. В. Зубкова.

Редакторъ Д. Майновъ.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ мартовской книжки), плата за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

2069
9

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts

1995**

3 2044 022 678 510

